

ВЕЛИКАЯ СТРАЖА

Жизнь и труды
блаженной памяти афонских старцев
иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария

В трех книгах

Книга первая

ИЕРОСХИМОНАХ ИЕРОНИМ,

старец-духовник
Русского на Афоне
Свято-Пантелеимонова
монастыря

*Автор-составитель
иеромонах Иоаким (Сабельников)*

Русская Православная Церковь
Издательство Московской Патриархии
Москва 2001

По благословению
Святейшего Патриарха
Московского и всея Руси
Алексия II

© Составление — иеромонах Иоаким (Сабельников), 2001 г.

© Оформление, макет — альманах «Къ Свѣту», 2001 г.

© Издательство Московской Патриархии, 2001 г.

На одной из высот Афона, именуемой по-гречески Мегали Вигла, по-русски **ВЕЛИКАЯ СТРАЖА**, афонский преподобный Марк, ученик святого Григория Синаита, видел Царицу Небесную на превознесенном Божественном престоле, в чудной красоте и царственной славе. Ее окружало множество небесных сил, воспевая Ее величие и достоинство. Богоматерь оттуда осеняла всю Гору и, проливая на нее свет благодати, ограждающий Ее земной жребий от мира и соблазнов его, стала как бы неусыпающим Стражем для спасающихся. Между тем, начиная от святых Афанасия и Петра Афонских, множество афонских иноков, окружая престол Царицы Небесной вместе с Ангелами, стояли как бы стражами Святой Горы, осияваясь светом небесным и блистая, как огненные столпы, в ознаменование того, что при державном покрове Божией Матери они остаются для Афона твердым ограждением.

Афонское предание

Сии приснопамятнии мужие и благодетелие наши не точию возлюбиха Бога, но и ближняго по заповеди Господней и сего ради воздвигоша многия лавры, монастыри и скиты с разными обезпечении для упокоения живущих в них, соорудиша храмы Божия и благолепно украсиша их.

Сии воистину треблаженнии отцы наши, яко чадолюбви, своя учения, и наставления, и уставы, и наказания предаша нам в наследие и достояние вечное и спасительное и, еще живи суще, много монашествующих наставиша на спасительныя стези, наставляють же и по смерти своей всех нас на жизнь вечную и, яко истиннии пастырие, пекутся о нас, своей пастве, и сохраняют от всякаго обстояния своими непрестанными к Богу молитвами.

Сии исполниша проречение Богоматернее, яко Гора сия свята будет, сии бо освятиша ю и чудесну показаша своим богоугодным житием и именуиту во всем мире сотвориша.

*Преподобный Никодим Святгорец.
Похвальное слово в честь афонских отцов*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 1885 году, 14 ноября, на Святой Афонской Горе скончался в 80-летнем возрасте великий старец, блаженной памяти отец наш иеросхимонах Иероним, духовник Свято-Пантелеимонова монастыря, его ктитор-обновитель, главный деятель русского Афона, имевший большое влияние на святогорскую жизнь в целом. Своими духовным руководством и трудами он привел Русский Пантелеимонов монастырь от совершенного упадка к полному и всестороннему расцвету и воздвиг на такую высокую степень духовного преуспевания и совершенного монашеского общежития, что он стал образцом для ревнителей благочестия во всем православном мире.

«Это был кедр благосеннолиственный, под тенью которого возросли и расцвели духовно многие подвижники; это был вождь духовный, воспитавший и обучивший науке из наук — богоугодному иночеству многих воинов Христовых, руководствовавший их в бранях с врагами невидимыми, с отеческою любовью оберегавший их от падений и победений. Чтила его и благоговела пред ним вся Святая Гора Афонская в лице своих иноков и пустынножителей: русские и греки, сербы и болгары, молдаване и грузины видели в нем одинаково святого и богомудрого наставника к душеспасению, опытного, любвеобильного, милостивого, исполненного даров Святого Духа, умевшего целить искусно всякие язвы душевные. Но не на одной Горе Афонской чтили отца Иеронима — по всей России славилось имя его, ибо многие из русских, бывая на Святой Горе Афонской, входили с ним в сношения духовные, почерпали от него советы и наставления душеполезные, всегда сохраняли к нему чувства сыновнего уважения и, возвратясь в отечество свое, поведовали о нем много дивного как о великом старце-духовнике, как носителе Божией благодати, в нем обитавшей, чрез него действовавшей к душеназиданию и спасению человеков.

*Титульный лист брошюры
протоиерея Андрея Ковалевского*

ІЕРОСХИМОНАХЪ ІЕРОНИМЪ,

ДУХОВНИКЪ

**Русскаго на св. Аѳонской горѣ
Пантелеимонова монастыря.**

Издание второе

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія В. Еремеева Большая Якимовка, собств. доктъ.
1900.

Рано еще говорить о нем подробно, трудно собрать так скоро все бисеры преподобной его жизни, но к общему назиданию нелишне будет поведать о нем из многого хотя малое, что давно уже известно о нем было, поведать также о последних днях его жизни, кончине и погребении».

Так писал, сознавая незначительность и недостаточность опубликованных сведений в сравнении со славной, долгой и многоплодной жизнью старца, протоиерей Андрей Ковалевский в статье «Иеросхимонах Иероним, духовник Русского на Святой Афонской Горе Пантелеимонова монастыря», изданной в Москве в 1886 году в журнале «Душеполезное чтение»

*Святогорец иеромонах Серафим.
Литография середины XIX в.*

СКАЗАНИЕ

СТРАНСТВИИ И ПУТЕШЕСТВИИ

РОССИИ, МОЛДАВИИ, ТУРЦИИ

СВЯТОЙ ЗЕМЛИ.

ПОСТРИЖЕННИКА

СВЯТЫХ ГОР АФОНСКИХ,

Инок Парфения.

В ЧЕТЫРЕХ ЧАСТЯХ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АЛЕКСАНДРА СЕМЕВА,
на Софийской улицѣ.
1855.

*Титульный лист книги инок
Парфения «Сказание о странствии
и путешествии...»*

(переиздавалась Русским Пантелеимоновым монастырем отдельной брошюрой в 1887, 1900 и 1908 годах). При составлении текста автор воспользовался сведениями из книги ученика старца Иеронима схимонаха Парфения (Аггеев; впоследствии игумен Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря Московской епархии) «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле», вышедшей в Москве в 1855 году.

Сведения об отце Иерониме начали появляться в печати еще при жизни старца. В 1850 году, до появления книги отца Парфения, в Санкт-Петербурге вышли в свет «Письма Святогорца к друзьям

своим о Святой Горе Афонской» — книга духовного чада старца Иеронима, иеросхимонаха Пантелеимонова монастыря Сергия (Веснина; † 1853), известного в России под именем Серафима Святогорца, а в 1860 году — книга другого воспитанника отца Иеронима «Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствовании по святым местам». В этих книгах повествования о святогорской жизни тесно связаны с воспоминаниями авторов об их старце-духовнике.

В последующие годы, как при жизни старца, так и после его блаженной кончины, каждый, кто описывал афонскую жизнь или, посетив Русский Пантелеимонов монастырь либо Новый Афон на Кавказе, оставлял свои воспоминания об этих обителях, не мог не упомянуть о великом старце-духовнике и его ближайшем ученике и последователе игумене Русского монастыря схиархимандрите Макарии — о «людях, на которых Русик может указать, как на свою святыню»¹. Эти сведения, большей частью краткие (а иногда даже неверные), встречаются на страницах множества церковных и светских русских и зарубежных изданий с 1870-х годов до наших дней.

Наиболее значительные, последовательные и ценные, на наш взгляд, из опубликованных свидетельств о жизни старца Иеронима можно найти у двух авторов. Во-первых, это Константин Николаевич Леонтьев, известный русский писатель и публицист², почитавший старца, как своего духовного наставника, который включил сведения об отце Иерониме в «Воспоминания об архимандрите Макарии, игумене Русского монастыря святого Пантелеимона на Горе Афонской»³. «Я сознаюсь, что сказал здесь очень мало об отце Иерониме, — пишет автор, — и даже то, что я сказал, совершенно недостойно ни его великого значения, ни его великого характера. Но что вместилось здесь, то и вместилось. Здесь невозможно изобразить со всей полнотою

К. Н. Леонтьев

¹ Михаил, архимандрит. «Стиль» и «дух» русских обителей на Афоне // Сообщения Православного Палестинского общества. СПб., 1905. Т. 16. С. 364.

² Скончался в Сергиевом Посаде в 1891 году рясофорным монахом, похоронен в Гефсиманском скиту.

³ См.: Гражданин. 1889. № 191—192, 196, 207, 211, 243, 246.

А. А. Дмитриевский (сидит в центре)
при посещении Русской обители.
Фотография 1880-х годов

и ясностью его нравственный образ. Заниматься мимоходом таким священным для меня делом я не стану; описывать же его житие так, как того бы требовала важность предмета, я теперь по многим причинам не могу»¹.

Во-вторых, это Алексей Афанасьевич Дмитриевский, доцент (впоследствии профессор) Киевской духовной академии, в 1895 году в Санкт-Петербурге издавший книгу «Русские на Афоне. Очерк жизни и деятельности игумена Русского Пантелеимонова монастыря священноархимандрита Макария (Сушкина)», в которой автор характеризует духовника Иеронима как «первого организатора русского монашества на Афоне, его

главного руководителя и инициатора всякого важного дела, касающегося этой общины». «Вся деятельность отца Макария, — пишет А. А. Дмитриевский, — прошла под сильным влиянием отца Иеронима, который был советником и руководителем покойного игумена. Деятельность эта так сливается с деятельностью отца Иеронима, что трудно указать, что принадлежит одному и где начинается деятельность другого. Эти две великие личности афонского иночества, совершенно несходные по характеру, в жизни и деятельности были так единоклубны и согласны, как бы у них была одна душа и одно сердце... Личность покойного игумена Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, наделенная от природы богатыми сокровищами ума и сердца, слегка лишь раскрытыми религиозным воспитанием своей матери, создавалась и всецело образовалась на афонской почве под сильным влиянием гениальной личности духовника... который воспитал беззаветно преданного делу и себе самому вождя-игумена и подготовил ему нужных деятелей, сотрудников, с которыми можно было отстоять для себя право существования на Святой Афонской Горе и принести своему отечеству ту посильную пользу, какую оно вправе ожидать от афонских иноков, живущих трудовыми грошами его сынов»².

В конце очерка в качестве приложения помещена автобиография отца Иеронима, кратко анализируя которую автор говорит: «...авто-

¹ Гражданин. 1889. № 246.

² Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. СПб., 1895. С. 2—3.

биография, попавшая в наши руки уже после составления очерка и потому не вошедшая в него своим содержанием, принадлежит перу самого отца Иеронима и сообщает весьма много любопытных данных для правильного суждения о том, как, под каким влиянием и в какой среде сложился такой цельный и оригинальный характер. Здесь же, в автобиографии, читатели познакомятся со своеобразными взглядами сего старца на многие явления жизни и литературы, сложившиеся в голове этого русского самородка самостоятельно, без всякого стороннего влияния»¹ — и дает такое заключение: «Личность отца Иеронима, как организатора и главного деятеля Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, заслуживает полного и всестороннего изучения. Мы верим, что найдется в будущем правдивый биограф и для этой личности (существующий биографический посмертный очерк личности отца Иеронима, принадлежащий перу известного протоиерея Ковалевского, мы считаем неудовлетворительным во многих отношениях) и нарисует нам величавый образ этого дивного старца, так много поработавшего на своем веку для чести русского имени, для русского дела на Востоке и в пределах своей обширной родины»².

«Бог весть, когда и кем будет это исполнено», — написано в издававшемся Свято-Пантелеимоновым монастырем в Москве ежемесячнике «Душеполезный собеседник», который познакомил читателей с автобиографией старца³.

Нужно сказать, что Русский Пантелеимонов монастырь на страницах своих изданий, особенно журналов «Душеполезные размышления» и «Душеполезный собеседник», издававшихся в России, в 1880—1910-х годах помещал некоторые воспоминания и рассказы братии о своем духовнике и другие биографические сведения о старце, но они были кратки и отрывочны. Такими отдельными публикациями явились, например, следующие: «Памятное вразумление за ропот на духовного отца» (Душеполезные размышления. 1886. Вып. 6), «Из записок афонского инока. (За что попускается иногда вражия сила и чем она прогоняется. И воспоминание о приснопамятном духовнике отце Иерониме.)» (Душеполезные размышления. 1887. Вып. 11), «Из дневника отца архимандрита Макария» (Душеполезный собеседник. 1898. Вып. 10). 1915 году, к 30-летию со дня кончины отца Иеронима, в «Душеполезном собеседнике» (Вып. 11) было напечатано краткое его жизнеописание, составленное протоиереем Андреем Ковалевским, с добавлением некоторых случаев из его жизни, а также впервые опубликовано его духовное завещание 1882 года. Сведения о старце-духовнике встречались и в других публикациях афонских журналов,

¹ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. С. 398.

² Там же.

³ Душеполезный собеседник. 1897. Вып. 11. С. 331—343.

например в «Записках и письмах обратившегося из раскола афонского инок Мелетия, в схиме Михаила», печатавшихся с продолжением в «Душеполезном собеседнике» в 1911 — 1914 годах. Много сведений о старце Иерониме как главном духовном руководителе обители и духовном отце братии вошло в книгу «Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской», в 7-е издание которой (М., 1886) было включено его предсмертное духовное завещание, рассказ о его кончине, погребении и последующем поминании. В «Троицком листке» № 135, изданном в Сергиевом Посаде в 1897 году, был помещен рассказ под названием «Лучше здесь накажи, Господи» об одном из чудесных случаев, бывших со старцем в 1840-х годах (ранее описанном Святгорцем).

Отдельно нужно упомянуть о труде монаха Русского монастыря Феодосия «История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря», составленном им в 1923 году и в 1924 году одобренном для печати митрополитом Антонием (Храповицким)¹. Автор последовательно изложил историю обители с древности до 1905 года, причем большая часть его труда посвящена повествованию о возрождении обители старцами Иеронимом и Макарием. Отец Феодосий воспользовался теми же воспоминаниями: инок Парфения, К. Н. Леонтьева и А. А. Дмитриевского, но мог судить о многих предметах более глубоко, поскольку был насельником обители, хорошо знавшим ее внутреннюю духовную жизнь еще в то время, когда она была в силе и славе. Работа отца Феодосия ценна тем, что в ней рассматривается история Русской обители как «лучшее продолжение биографии отца Иеронима — главного в ней деятеля»², а наиболее знаменательные для обители события ее строительства и духовного укрепления — как важные вехи жизненного пути старца, посвятившего всего себя делу спасения ближних. Рассказ отца Феодосия о старце Иерониме при его относительной краткости является духовно правильным, точным и сильным.

Старец Иероним и сам был духовным писателем и в редкие свободные от многосложных обязанностей минуты составлял келейные записки, отмечая для себя, а также запечатлевая для душевной пользы братии и всех боголюбивых читателей наиболее назидательные случаи из своей многолетней духовнической деятельности. Ревностный проповедник спасительных истин, отец Иероним обращался к русскому правительству и всем русским людям с пастырскими наставлениями и статьями, направленными на поддержание православного духа в России. Некоторые начатые старцем статьи были не завершены и остались в виде набросков.

¹ «История Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря» была опубликована только в 2000 году в альманахе «К Свету» (Вып. 18).

² «К Свету». Вып. 18. С. 69.

До сего дня вышла в свет только небольшая часть духовного наследия старца Иеронима. Так, в журнале «Воскресное чтение» (1871, № 48) был опубликован его рассказ «Схимонах Никодим». Этот и еще один рассказ — «Инок Парфений (Гавриил)» — вошли в брошюру «Афонские современные подвижники», подготовленную Пантелеимоновым монастырем, изданную в Санкт-Петербурге в 1872 году и выдержавшую в дальнейшем более десяти изданий, а также и в другие афонские издания. Рассказ о помещике Г. И. Б. под названием «Из келейных записок русского афонского старца» публиковался неоднократно как отдельной брошюрой (М., 1882, 1888, 1907), так и в «Душеполезных размышлениях» в 1884 году (переиздание — М., 1901), рассказ «Чудесное обращение грешника к покаянию» — там же в 1885 году (переиздание — М., 1901). В приложении к «Душеполезным размышлениям» 1880 года была опубликована статья отца Иеронима «Напоминание православным христианам о повиновении властям, написанное из Священного Писания», изданная затем отдельно (М., 1883). Еще одно наизидание афонского старца своим соотечественникам — «Письмо с Афона к уклонившемуся в раскол» напечатано в «Душеполезном собеседнике» в 1899 году (Вып. 9). В ежегоднике «Православный путь» (Джорданвилл, 1991) опубликованы три рассказа отца Иеронима.

Одновременно с публикациями в афонских изданиях сведений о старце Иерониме и некоторых его творений в Пантелеимоновом монастыре собирался более значительный материал для составления жизнеописания отца Иеронима (преимущественно иеромонахом Владимиром, о чем речь пойдет ниже). Сразу после кончины отца Иеронима отец Макарий попросил архимандрита Леонида (Кавелина), в то время наместника Троице-Сергиевой лавры, написать воспоминания о старце, которого тот хорошо знал, но отец Леонид отказался по «многосложным занятиям». «Что делать, подождем более удобного времени... а между тем и материалов, конечно, побольше соберется», — смиренно ответил отец Макарий¹.

В 1899 году собранные материалы были посланы члену-корреспонденту Императорской Академии наук С. И. Пономареву († 1913), известному своими историко-филологическими и богословскими трудами, принимавшему участие в редактировании издаваемых монастырем книг. Но предполагаемого издания почему-то не последовало.

Эта неполнота образа и незавершенность к настоящему времени исследований жизни и деяний великого афонского старца побудила нас взяться за составление насколько возможно полного его жизнеописания и публикацию всех найденных его душеназидательных творений. Исполнилось 115 лет со дня блаженной кончины иеросхимонаха

¹ Письмо архимандриту Леониду (Кавелину) от 13 января 1886 года.

Иеронима, и настало время собрать «бисеры преподобной его жизни», чтобы явить людям высокий пример подвижничества во славу Божию ради спасения многих — на Афоне, в родной России и во всем православном мире, а также напомнить те заповеди, которые оставил он после смерти всем своим духовным чадам и последователям, как «вполне достаточные для благоугождения Богу и спасения в иноческом чине»¹.

Так возник замысел трех книг под общим названием «Великая стража. Жизнь и труды блаженной памяти афонских старцев иеросхимонаха Иеронима и схиархимандрита Макария», первая из которых ныне предлагается читателю. Книги задуманы с целью показать Русскую Афонскую обитель в период того великого расцвета, которого она достигла при Божиим благоволением под богомудрым руководством отцов Иеронима и Макария, а также нестроения, упадок духовной жизни, гнев Божий, постигший обитель, когда после смерти старцев стали забываться и не исполняться их заветы.

Книга первая состоит из наиболее важных и значительных материалов о старце-духовнике. Ее первая часть — жизнеописание иеросхимонаха Иеронима, в котором много внимания уделено истории Русской обители с начала XIX века до 1885 года и записанным братьей рассказам о своем духовнике, его посмертных явлениях и покровительстве своей обители.

Вторая часть — духовное наследие иеросхимонаха Иеронима, из которого «Устав Русского на Афоне святого великомученика и целителя Пантелеимона общежительного монастыря» и духовное завещание 1882 года — главные творения старца-духовника, оставленные им братии как душеспасительное руководство на вечные времена. Здесь же помещены составленный им акафист святому Иоанну Предтече, рассказы и повести из келейных записок старца, наброски статей и обращений к соотечественникам, слова и наставления инокам, уставы и правила, составленные и записанные им, другие собственноручные записи. Любое самое небольшое его творение приносит душевную пользу для «внимающих своему спасению» (слова, часто повторяемые старцем).

Третья часть — письма старца Иеронима духовного и личного характера (письма, подписанные духовником и относящиеся к официальной монастырской корреспонденции, помещены в Книгу вторую).

В этой же книге содержатся и сведения о трудах второго великого старца — схиархимандрита Макария, жизнь и деятельность которого настолько неразрывно были связаны с жизнью его учителя — старца-духовника Иеронима, что рассматривать или описывать их отдельно практически невозможно.

¹ «Устав Русского на Афоне святого великомученика и целителя Пантелеимона общежительного монастыря». Русский Пантелеимонов монастырь. 1881. С. 59. Рукопись.

В Книге второй дается биография отца Макария до приезда его на Афон, его поступление в обитель и описывается его деятельность в течение неполных четырех лет по смерти старца; приводятся некоторые рассказы о нем, его личные письма, а также наиболее важные документы из официальной и деловой переписки обители.

Далее в Книге второй помещены сведения о предшественниках старцев Иеронима и Макария, которые подготовили их многопользную деятельность, — игуменах Савве и Герасиме, иеромонахе Аниките, иеросхимонахе Павле, русском духовнике иеросхимонахе Арсении, иеросхидиаконе Иларионе, а также о ближайших преемниках и продолжателях трудов старцев — игуменах Андрее и Нифонте. Здесь же читатель познакомится с некоторыми поучительными материалами о сложной личности одного из примечательных деятелей Русского монастыря — эконома иеросхимонаха Павла.

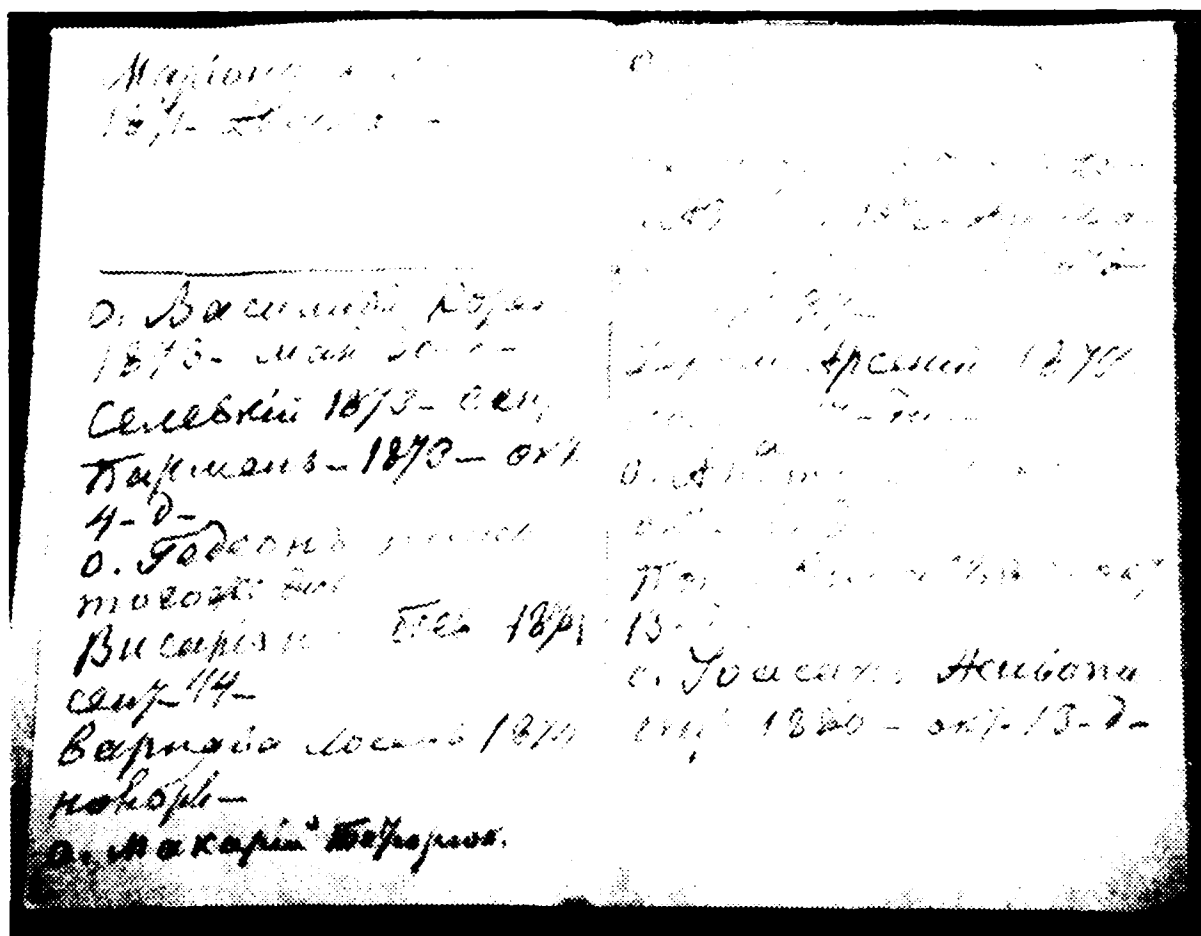
В Книге третьей собран разнообразный материал об афонской жизни и традициях, чиноположениях Русской обители, существовавших при жизни отцов Иеронима и Макария. Помещены рассказы о знаменательных случаях в монастырской жизни, бывших при старцах, и некоторых горестных событиях истории монастыря на рубеже XIX—XX веков и последовавшего затем времени упадка, когда в обители начали исчезать «дух и направление»¹ старца Иеронима.

При составлении книг мы собрали и использовали печатные материалы из вышеперечисленных публикаций и некоторые другие, оказавшиеся доступными. Но самая большая и ценная часть собранного материала никогда не публиковалась. Источником его послужили рукописи, хранящиеся в библиотеке Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.

В подлинниках мы имели лишь отдельные собственноручные записи и письма старца. В наиболее полном виде сохранились подлинники писем старца с собственноручными его подписями к брату Ивану Фомичу Соломенцову, возвращенные последним в Пантелеимонов монастырь и аккуратно подклеенные там в книгу, и письма отца Иеронима к Павлу Ивановичу Помельцову, возвращенные им в обитель со своими комментариями. В основном же мы воспользовались материалами к жизнеописанию старца Иеронима, собранными в 1890-х годах насельником Русского Пантелеимонова монастыря иеромонахом Владимиром († 1918), который переписал множество разнообразных сведений о старце и большую часть его духовного наследия.

По словам А. А. Дмитриевского, отец Владимир, «Новгородской губернии уроженец, человек молодой, весьма начитанный в святоотеческой литературе, симпатичный по характеру, с любовью и усердием

¹ Выражение А. А. Дмитриевского (см.: Русские на Афоне. С. 87).

Тетрадь, принадлежавшая старцу Иерониму, с собственноручной его записью. 1885 г.

Иеромонах Владимир. Фотография 1895 г.

исполняет свое послушание, которое заключается в заведовании и распоряжении из монастыря относительно монастырских изданий.

Отец Владимир — постоянный и, можно сказать, единственный корреспондент с Афона в «Душеполезный собеседник». Отдел в этом ежемесячнике под названием «Афонская летопись» принадлежит исключительно перу отца Владимира»¹.

В начале своей жизни в монастыре он был близок как в духовном плане, так и в издательской деятельности к иеромонаху Свято-Пантелеимонова монастыря Арсению (Минину; † 1879) — устройтелю Афонской Пантелеимоновской часовни в Москве, Ново-Афонского монастыря на Кавказе, основателю «Душеполезного собеседника». В одном из писем игумен Макарий пишет, что вместо усопшего отца Арсения, возможно, будет назначен отец Владимир, которого он называет «честно и неуклонно, по совести трудящимся для обители нашей»². В 1896 году, при избрании наместника — преемника игумену Андрею, иеромонах Владимир был одним из десяти кандидатов, но отказался «по неспособности», как сам о том пишет в дневнике. Послушание имел писаря игуменской канцелярии, вел переписку со светскими лицами. Старец Иероним часто упоминает об отце Владимире в своих письмах, и нужно думать, что он был одним из близких духовных чад старца.

Трудами отца Владимира был подготовлен довольно значительный по объему рукописный «Сборник замечательных происшествий и достопамятных событий, составленный на Святой Афонской Горе

¹ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. С. 327.

² Письмо архимандриту Леониду от декабря 1879 года.

в Русском Пантелеимоновом монастыре в 1900—1907 годах», или «Большой сборник», куда вошли 167 рассказов. В этот сборник отцом Владимиром включены наряду с рассказами братии о духовном руководстве старца Иеронима и копии собственноручных его келейных записок. Некоторые примечательные рассказы братии о своем духовном отце, как, например, повествование иеросхимонаха Нона, были переписаны отцом Владимиром и сохранились отдельно.

При подготовке материалов к жизнеописанию отца Иеронима он собрал воедино и переписал письма старца к родным, к духовным чадам, к отцу Макарию; наставления, поучения, правила, составленные старцем, и отдельные его изречения; письма отца Макария к игумении Лидии, к отцу Арсению, писанные из Константинополя (1874—1875); очерки последних дней жизни старца Иеронима, составленные отцом Макарием и монахом Иннокентием; слова и наставления игуменов Макария и Андрея, писанные и сказанные ими в разное время; письма их к духовным и светским лицам, царским и высокопоставленным особам и прочие документы монастырской корреспонденции. Собранные и переписанные материалы вместе с вырезками из печатных изданий заботливо сложены отцом Владимиром в папку с надписью «К биографии отца Иеронима», таким же образом сложены материалы, касающиеся отцов Макария и Андрея. «Переписываю письма отца Иеронима в Константинополь. Это самый дельный материал для его биографии»; «Переписываю письма отца Арсения, написанные на обрывках бумаги», — отмечает отец Владимир в своих дневниках. Отцом Владимиром были сделаны копии «Каталога умерших отцов», дневников и других записей иеромонаха Мины. Отец Владимир собрал и переписал неопубликованные письма Святогорца, сделав помету: «Для дополнительного тома». Этими рукописями мы также пользовались в процессе работы.

Некоторые сведения, использовавшиеся как для жизнеописания отца Иеронима, так и при составлении остальных книг, взяты из ведшихся в Свято-Пантелеимоновом монастыре рукописных сводов: «Кодикса заседаний духовного собора, состоящего при игумене Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне, 1889 года»¹, «Книг текущих дел», «Дневника церковных служб за 1889 год», «Летописи Русского Пантелеимонова монастыря».

На всех этих рукописях видим следы проверки и исправления отца Владимира. Поэтому весь представленный рукописный материал можно назвать «Собранием рукописей под редакцией иеромонаха Владимира». Вечная ему память.

¹ На этой рукописи отцом Владимиром сделана помета: «Сей кодикс заведен и[еромонахом] Агафодором себе на память сначала, а потом он сделался общим».

Лист из «Большого сборника» отца Владимира

№ 40²
Сказаніе при кончинѣ монаха Клавдія.

Монахъ Клавдій бѣе родомъ Черноморскій извѣстенъ Викентьевскою убога, соимъ православнаго Крест-селища, въ мѣстѣ называемомъ Кобринскъ Москвитинъ: въ 20 лѣтъ своего прошлаго у родителей на мѣстѣ на что, получивъ отъ нихъ де отправивши въ Турецкіи въ 1866 году при Ружикѣ мѣстѣ, при мѣстѣ церкви, и рожъ неправды доидеиотъ не по отяготившии тѣмъ оны оставили Турецкіи и онъ на св. Афонѣ, гдѣ и опредѣли Ружикъ святаго Пантелеимона въ Которомъ по получивши и разныя получивши бѣе сѣмъ, тѣмъ на Кемровѣ, потѣ сѣмъ ехидники, потомъ пошелъ въ Константинополь, гдѣ на

Лист из «Малого сборника»

О. Антонинъ при свиданіи съ о. Геронимомъ, на мѣстѣ во всю дорогу напѣвалъ какое-то умиленіе. О. Геронимъ отвѣтилъ ему: что это и есть то самое дѣйствіе Благодати Божіей, которое онъ и не вызвалъ но и не въ силахъ быть прекратить.

Въ 1866 году

Триханъ на Афонѣ изъ Рима Католическій епископъ и спросилъ о. Геронима, какого онъ мнѣнія относительно новаго католическаго догмата о непорочномъ зачатіи Пресвятыи Богородицы? О. Геронимъ спросилъ его: веруетъ ли онъ въ Евангеліе? Да, конечно, отвѣтилъ тотъ.

Сборникъ рассказовъ монаха Пантелеимона (Сапожникова) «Сказанія о некоторыхъ достопамятныхъ событіяхъ и чудесахъ Божіей Матери, совершившихся въ недавнее время на Святой Горѣ Афонской», изданный въ Санкт-Петербургѣ в 1865 году, и «Историю Русскаго на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря» монаха Феодосія мы имѣли въ рукописномъ видѣ.

Ценнейшіе свѣдѣнія для жизнеописанія старца мы нашли въ рукописномъ «Сборникѣ замечательныхъ случаевъ изъ жизни отца Иеронима, свидѣтельствующихъ о его высокомъ духовномъ устроении», по-другому — «Уникальномъ, или Маломъ, сборникѣ». Это небольшая общая тетрадь въ твердой обложкѣ съ надписью: «Воспоминанія о духовникѣ Иеронимѣ, записанные архимандритомъ Макариемъ, иеродиакономъ Тихономъ и иеросхимонахомъ Агафодором¹, слышанные лично отъ самого приснопамятнаго старца отца Иеронима». Сначала она принадлежала самому старцу Иерониму и начинается написанной имъ собственноручно авто-

¹ Иеросхидиаконъ Тихонъ скончался в 1898 году, иеросхимонахъ Агафодоръ — в 1920 году. — Примеч. сост.

биографией. Далее следуют записи случаев, слышанных не только от самого старца, но и от других лиц, о которых, как духовник, знал отец Агафодор. «Неоднократно являлся во сне отец Иероним этому монаху, — вероятно, о себе пишет отец Агафодор, — в разных чрезвычайных случаях и болезнях, а много было разных случаев, которые здесь не записаны... После смерти отца Иеронима многие из братий видели его во сне, что он бодрствовал и предстательствовал пред Богом за собранную им в обители братию».

О чудесах и видениях нужно сказать, что, соблюдая заповедь святых отцов не доверять своему разуму, не принимать и даже не желать никаких видений, записывались они только с благословения духовника, иногда даже с настойчивого его повеления: «Ты запиши это». После смерти отца Иеронима отец Макарий часто требовал от братии записывать чудесные случаи.

Собранный и расположенный в определенном порядке материал представлен в таком виде, в каком он был записан авторами: от складной речи А. А. Дмитриевского и К. Н. Леонтьева до простого рассказа малограмотного монаха Нона. Ссылки даются только на печатные источники. К рукописным материалам, названным нами «Собранием рукописей под редакцией иеромонаха Владимира», примечания, за редким исключением, делаться не будут.

Господь дал отцу Иерониму долгую, плодотворную жизнь на благо Русской обители, всего афонского иночества и множества православных за пределами Святой Горы. То, что удалось по нашим слабым силам отыскать и изложить и что мы предлагаем читателю, — малая часть из того, что подобало бы рассказать об афонском старце-духовнике. Мы присоединяемся к пожеланию Дмитриевского о «правдивом биографе для личности отца Иеронима» и будем рады, если Господь пошлет подобающего биографа, искусного в своем деле, который из этих разнородных сведений сумеет воссоздать величественный образ старца.

Великий сонм святых отцов, в подвиге просиявших, *множество преподобных, афонская похвала* — эта великая стража вместе со своей Игуменьей, Царицей Небесной, покрывают своим покровом насельников Святой Горы. И надо полагать, что в этом небесном воинстве пребывают и наши досточтимые отцы иеросхимонах Иероним и схиархимандрит Макарий и являются нашими покровителями и молитвенниками у Престола Господня.

Впрочем, предоставляем об этом судить читателю.

Иеромонах Иоаким (Сабельников)

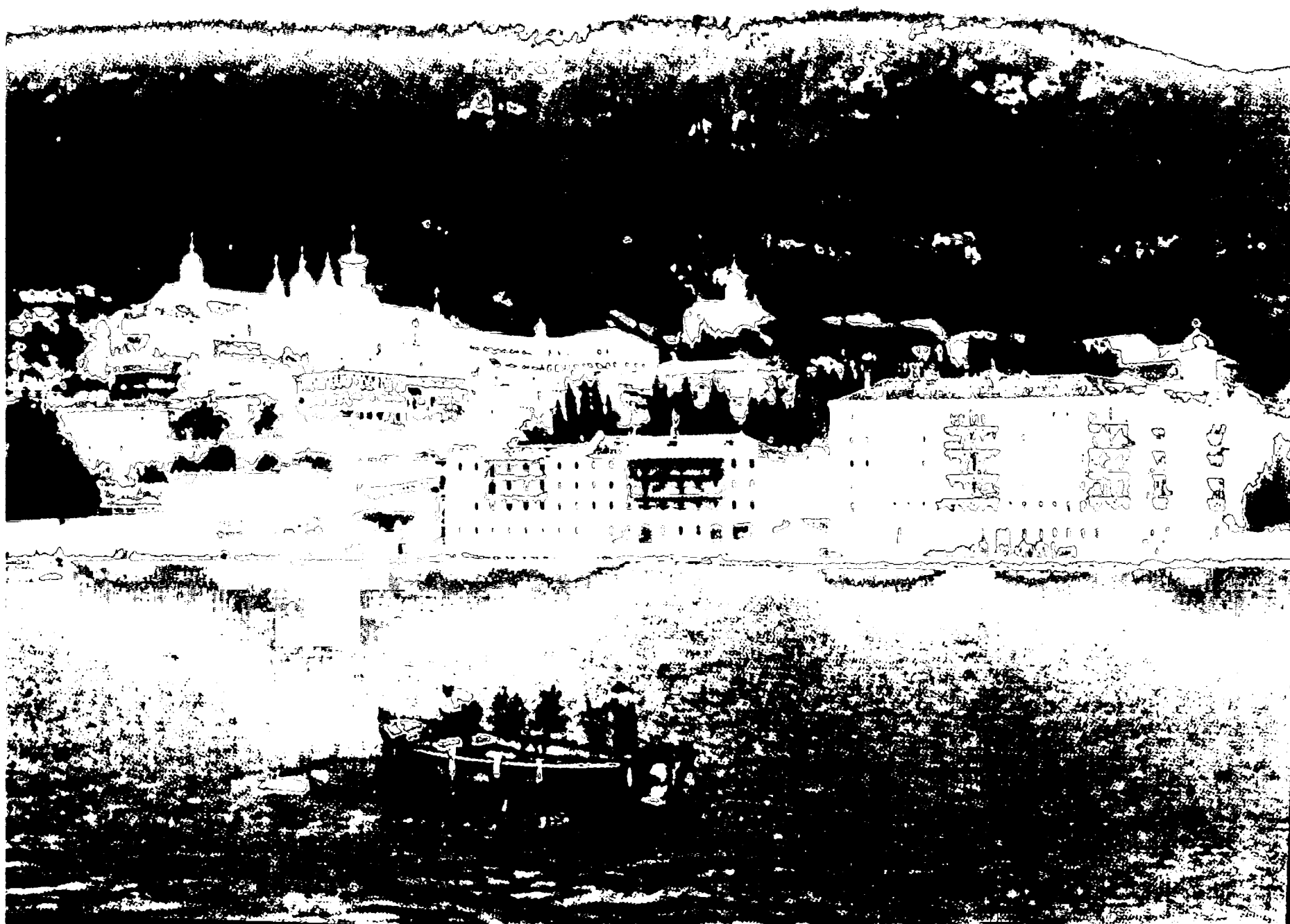
Святая Гора Афон

Русский Пантелеимонов монастырь

14/27 ноября 2000 года

*Собор афонских святых. Икона конца XIX в.
Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь*

Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь.
Фотография начала XX в.

Часть первая

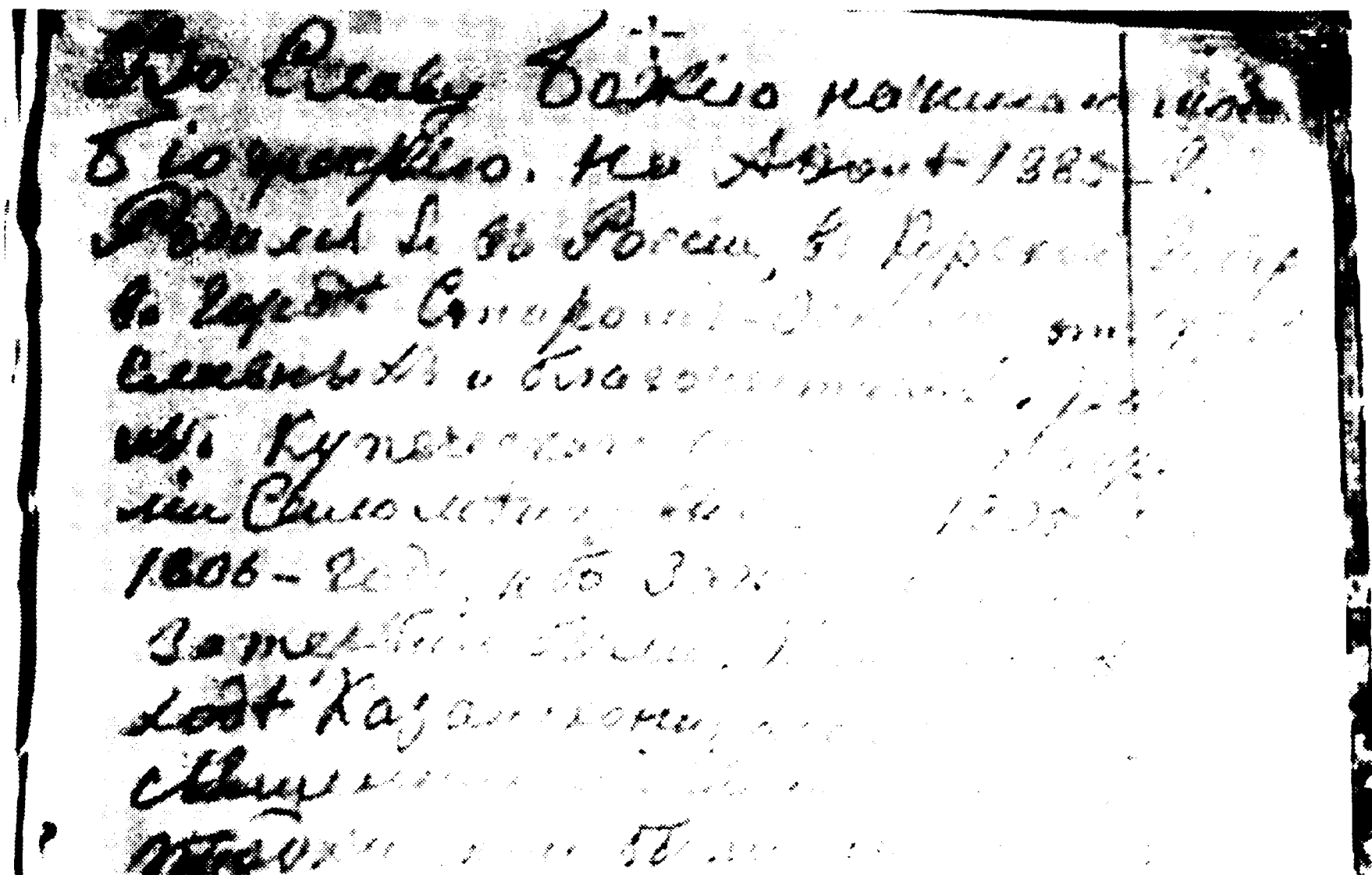
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ИЕРОСХИМОНАХА
ИЕРОНИМА

*Мне остается одно сказать
Господу: «Хочу видети
во благости избранныя Твоя».*

Иеросхимонах Иероним

Жизнь в миру и российских монастырях (около 1806 года — 1836 год)

О ранних годах своей жизни и воспитании в родительском доме старец-духовник Иероним повествует в своей биографии, записанной им собственноручно в конце жизни.

Автобиография старца Иеронима. 1885 г.

«Во славу Божию начинаю мою биографию на Афоне в 1885 году.

Родился я в России, в Курской губернии, в городе Старом Осколе, от православных и благочестивых родителей из купеческого сословия по фамилии Соломенцовы в 1805 или 1806 году (запись и метрика затеряны были). Крещен в приходе Казанско-Николаевской церкви священником Иоанном.

Предки мои были родом из Тульской губернии города Дедолова, из духовного звания. Пращур был иерей именем Петр. Пришел и поселился на жительство в этом новом пограничном городке в начале XVII века. Фамилия его была Соломенцов. У его сына Феофилакта было пятеро сыновей: первый назывался Константин, второй — Никифор, третий — Илья, четвертый — Иван, пятый, меньший, — Григорий, который был мой дед. От деда Григория родился мой отец Павел Григорьевич Соломенцов¹, у которого было

¹ Скончался 24 июня 1847 года. — Примеч. сост.

четыре сына и одна дочь. Большой сын назывался Алексеем (в монашестве Аркадий), второй — Ильей, третий был я, в Крещении назван Иоанном. Родился июня 28-го дня и в тот же день крещен во имя Иоанна Бессребреника. Сестра называлась Евдокия (в монашестве Маргарита, теперь игумения Борисовского монастыря Курской губернии¹). Четвертый сын был Димитрий.

Город Старый Оскол. Улица Курская (где находился дом П. Г. Соломенцова). На переднем плане — Успенский храм. Фотография конца XIX в.

Дом наш сперва был на большой улице против Успенской церкви (которая прежде была женским монастырем). В этой церкви в это время был священником отец Иаков Белявский, вдовец. Очень был благоговейный, тихий, служил часто со слезами (я это потому знаю, что я несколько лет при нем пономарил).

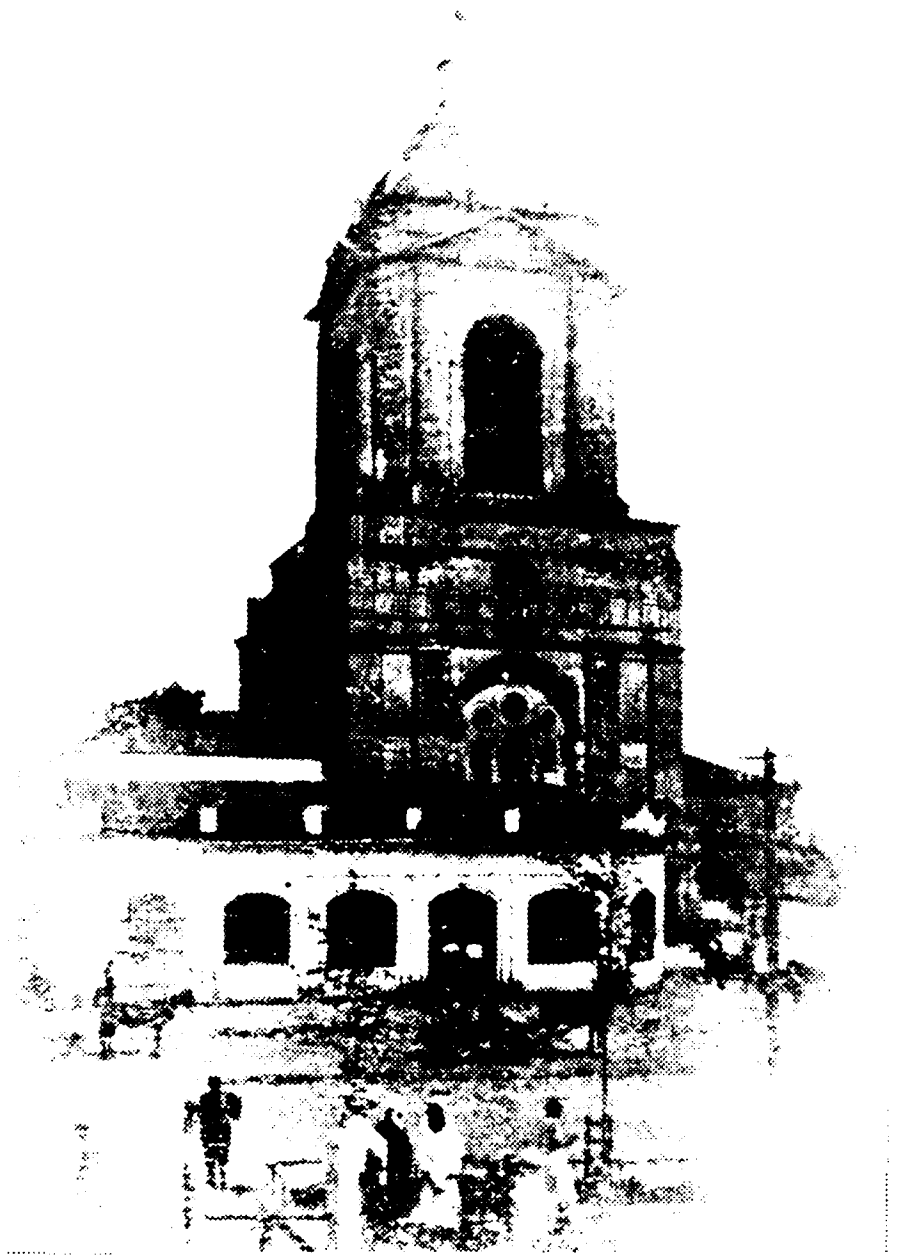
Семейство наше любило часто ходить в церковь, особенно бабушка наша, которая почти каждый день ходила на всякую службу. Но надобно сказать, к чести моих сограждан, что в мое время они любили посещать святые храмы, особенно в воскресные дни и праздники — полны народа все церкви (которых в то время было семь). Как я помню, от 1810 до 1830 года нравственное настроение моих сограждан было очень религиозное, благочестивое. Раскольников

Родилась в 1813 году, скончалась 14 сентября 1886 года. — *Примеч. сост.*

и сектантов вовсе никого не было в городе. Посты хранили и среды и пятницы тоже, а особенно Великий пост почитали; не слышно было, чтобы какой дом разрешал есть мясо в посты. Даже и дворяне соблюдали посты. А теперь говорят, что сограждане наши пофранцузились: не хранят постов — верно, думают, что это не грех. А отцы этак не делали. Помню, однажды в Великий пост, в субботу, купец Осип Максимович Фастов купил на базаре раков и нес домой. Увидавши его, Симонов удивился и сказал ему: “Вот ты и сам знаешь устав церковный, что это грех есть в пост, а ты соблазняешь других этим”. Тот отвечал ему: “Я по благословению устава ем раки; там сказано, что в Великий пост разрешается по субботам и неделям есть черепокожные”.

Однажды в Лазареву субботу семейство наше пригласило священника в дом на обед. Священник пришел, пообедал и после спросил, из чего приготовлен был суп. Ему отвечали: из потрохов свежей рыбы. “Да разве сегодня позволяется это есть?” — спросил священник. Ему отвечают, что сегодня едят икру. “Да, — сказал священник, — икру, а не рыбу”. Ему отвечали: “Простите, батюшка, в супе нашем не было рыбы, а один потрох, а потрох не рыба”. “Нет, — сказал священник, — потрох все равно, что и рыба, потому не должно так делать”. Тогда они смутились и попросили извинения, что вместо угощения по неведению сами согрешили да и священника ввели в грех. Вот какие тогда были священники и христиане!

На восьмом году меня отдали в школу учиться грамоте. В то время еще в городе не было уездного училища, а была “государева школа”, в которой я был три года: выучился читать, писать, рисовать, грамматику, арифметику и тем окончил жалкое купеческое образование. Увы! Если бы не помогло семейное благочестие и

*Николаевско-Казанский храм
в Старом Осколе (не сохранился).
Фотография начала XX в.*

церковное пение да случайное чтение единственного в то время духовного журнала «Христианское чтение», я, подобно моим сверстникам, погрузился бы в грубое душевное житие.

От отроческих лет церковь была моим единственным утешением. Звонить, кадило подавать, находиться в алтаре, читать и петь — эти занятия были для меня *паче меда и сота* (Пс. 18, 11). Бабушка моя была неграмотная, но очень любила слушать чтение житий святых. Часто она заставляла меня читать Четии Минеи, а потому я рано знал их. Часто случалось, что от долгого чтения начну дремать, тогда бабушка вынет из большого своего корсета сосульку медовую, или груздик, — я съем ее, и ободрюсь, и еще прочитаю житие. Таким образом я сделался чтецом хорошим, бойким.

В то время благочестивые мои сограждане были большие охотники до церковного пения, так что и богатые купцы из первых домов за честь считали ходить на клирос. Особенно приснопамятны купцы Симоновы, которые постарались и хор певческий составить, куда и я был приглашен еще молодым, лет семнадцати. Это меня очень утешало. Общество было прекрасное, певали много и концертов. В семействе моем все умели петь. Бывало, под праздник или в воскресенье сойдемся все в залу, покадим и лампаду зажжем и начнем петь догматики, стихиры, ирмосы, тропари, Херувимские и прочее. Голоса были громкие, все знающие: тенора, четыре баса, а женщины — альты и дисканты. Таким образом три-четыре часа в сладость пропоем. А иногда так громко, что на улице проходящие останавливаются, снимают шапки, крестятся, говоря, что у Соломенцовых всеюношнюю служат. Это занятие очень утешало нас, и оно заменяло обыкновенную мирскую рассеянность. А когда, бывало, приедут из монастыря наши монахини погостить к нам — две тетки, жившие в Орловском монастыре, — тогда наш дом превращался как бы в церковь: частое пение, чтение и моления совершались ежедневно.

Как помню, еще с пяти лет я начал желать пойти в монастырь. Большая любовь к церкви, особенно к пономарству, заменяла для меня все детские игры. С шести лет я выучился пономарить и звонить в церкви Успения Божией Матери, которая была против нашего дома.

В праздники и в воскресные дни проспять утренью нельзя было, потому что бабушка наша была строгая, не позволяла никому проспять утренью, сама пробуждала всех. А которые были тяжелы на подъем, тех она подымала палкою. За прилежание ли к церкви или ради расположения к монашеству благодать Божия часто утешала

меня разными просвещениями; некоторые из них были так резки, что на всю жизнь мою остались незабытыми в моей памяти. Однажды, когда было мне около семи лет от рождения и я уже научился пономарить, как теперь помню, я шел со свечою и по обычаю стал пред иконою Спасителя, прилежно смотря на лицо Его; в это время пели догматик: *Царь Небесный за человеколюбие на земле явился и с человеки поживе*. Эти слова поразили сердце мое страшным удивлением и сладчайшим умилением. Слезы потекли из глаз. Слова эти начали повторяться беспрестанно, волнуя сердце сладким удивлением. Я плакал, ужасался и радовался. Слова повторялись часто и с новыми чувствами удивления и радости. Так продолжалось более двух лет. Потом мало-помалу стало это уменьшаться, но память о сем дивном просвещении осталась на всю жизнь мою.

Подобное умиление, плач и рыдания продолжительные были у меня уже от скорби, что не отпустили меня в монастырь. Один иеромонах Площанской пустыни, сборщик, квартировал в нашем доме. Я просил его, чтобы он взял меня в монастырь, и он согласился. Мать моя согласилась отпустить меня и приготовила было меня в дорогу. В это время отца моего не было дома, он служил в магистрате бургомистром. Когда он пришел домой, мать моя говорит ему, что она отпускает меня в монастырь, в надежде той, что и он согласится на это дело, но отец за это рассердился и не пустил, сказавши, что раньше 23 лет он не отпустит меня. Это ужасно меня опечалило, и я от этого начал плакать и рыдать, и это продолжалось более двух недель. Бывало, пойду в уединенное место, упаду вниз лицом и плачу, рыдаю и припеваю *Милость мира... Свят, свят...* и прочее жалобным голосом, потому что не знал, как в скорби надобно молиться. С того времени я уже и не помышлял, чтобы меня прежде совершеннолетия отпустили в монастырь. Но вместо

Успенский храм в Старом Осколе (не сохранился).

Фотография начала XX в.

того Промысл Божий поэкономил мою юность добрым содружеством. В воспитании человека много влияет содружество: доброе — для добра, а злое — для зла. Содружество доброе избавило меня от рассеянной жизни и поддержало на пути благочестия. Дружба наша состояла из шести человек. Мы дали обещание Богу, чтобы не жениться, а пойти в монастырь и быть монахами, и подтвердили это клятвою. Вследствие сего мы часто сходились для совещаний и бесед, чтения и пения. Сограждане наши прозвали нас монахами, но все уважали нас.

Приблизилось время моего совершеннолетия — 23 года. Я в этот день за чаем сделал родителю моему земной поклон, поблагодарил его за воспитание меня в страхе Божиим и при том сказал ему, что от сего времени он уже не отвечает пред Богом за мое поведение. Это мое объяснение тронуло его и родительницу мою. Отец ответил мне так: “Сын, я догадываюсь, для чего ты так сделал: чтобы иметь свободу без нашего соизволения пойти в монастырь. Но мы просим тебя, чтобы ты этого не делал, ибо три года уже прошло, как мы предлагали тебе жениться, и ты тогда еще заявил нам, что ты не хочешь жениться, а желаешь пойти в монастырь. Мы со своей стороны дали тебе на это наше родительское согласие и обещались более не принуждать тебя к женитьбе, а только при этом просили тебя, чтобы ты пожил еще с нами и помог бы семейству по торговле. И ты тогда обещался нам пожить еще с нами до совершеннолетия и так исполнил свое обещание. А теперь мы вновь просим тебя и еще пожить с нами, по крайней мере покамест брат твой меньший возмужает и сможет управлять лавкою”. Хотя и тяжело показалось для меня прошение их, но ради послушания родителям я нехотя принужден был дать им свое обещание еще пожить с ними, покуда это будет для меня удобоисполнимым.

Родители мои были истинные христиане, любили Бога и исполняли Его заповеди. Часто посещали церковь, любили молиться и дома. Родитель знал наизусть четыре акафиста; во всю жизнь свою не пил хмельных напитков, никогда не ругался по-соромски, божиться считал за великий грех, был строг, но очень молчалив, и все боялись его и любили; пиров, обедов и гуляний не любил, за то обзывали его скупым, а другие величали его “морозом”. Впрочем, он любил бедных родных и всегда приглашал их к обеду, любил читать Библию, потому Библия — большая, екатерининская — постоянно лежала у шкафа, где он садился чай пить. И, не прочитавши листа два из Библии, он не начинал пить чая (который был его любимым напитком, и особенно со сливками). Среды и пятницы почитали, также и посты,

и хотя ели рыбу, но молочного не ели никогда. А в Великий пост первую неделю все семейство ничего вареного не ело и даже чаю не пило до субботы, прочие недели разрешали только на масло постное.

Мать моя¹ была грамотная, богобоязненная, очень трудолюбивая, любила читать жития святых отец, была веселого нрава и любила шутить, любила монашество. Тетка, схимонахиня Ксения, была ее другом, от которой она научилась благочестию.

Нас, сыновей, у отца нашего было четверо, а дочь была одна, которую родители очень любили. Она была резвая. На одиннадцатом году ее отвезли в Орел, в монастырь к монахиням-теткам, для обучения в рукоделии, особенно золотошвейному искусству. Она там прожила два года. Потом привезли ее назад домой и начали по обычаю глупому купеческому лет за пять вперед до замужества заготавливать наряды, и притом еще в большом количестве. А она, приехав из монастыря, начала с подругами своими читать романы, которые воспалили ее воображение и усилили в ней страсти. Собою она была красива. Начитавшись романов, она стала о себе думать, что она умная дама. Иногда, прочитавши какой-нибудь роман и увлекшись им до восторга, она передавала мне свои чувства и тонкие понятия, желая показать, что она уже умеет ценить и рассуждать о всяких предметах. И это я слышал от нее многократно. Таким образом моя легковверная сестрица в малое время зашла далеко. Я молился о ней, да просветит ее Бог, да наставит на всякую истину, а на себя я не надеялся, чтобы мог вразумить и обратить ее к любви Божией. Вот уже ей минуло 16 лет, и в это время появилось за нее свататься до 20 женихов, но нравился ей из них только один. Это был полковой казначей.

Однажды она мне много рассказывала о геройстве разных героинь, описанных в романах. При этом я спросил ее: "Скажи мне, сестра, какое ты имеешь понятие о романах? Что такое роман?" Она отвечала мне: "Да всем известно, что роман есть история о каком-либо событии или повесть о приключениях". При этом я, рассмеявшись, сказал ей: "Если б это было так!" Она торопливо спросила: "Так как же иначе? И скажи мне твое мнение о романе. Неужели все это ложь?" Я ей сказал: "Сестра, вот мое мнение, и мнение всех здравомыслящих, и всех великих святых: роман есть миф, то есть сказка, басня, выдумка или мечта ложного воображения". За этим она так и ахнула, проговоривши: "Ах, Боже мой, а я думала, что все, писан-

¹ Марфа Афанасьевна Соломенцова (в схиме Еввула; † 4 мая 1860 года). — *Примеч. сост.*

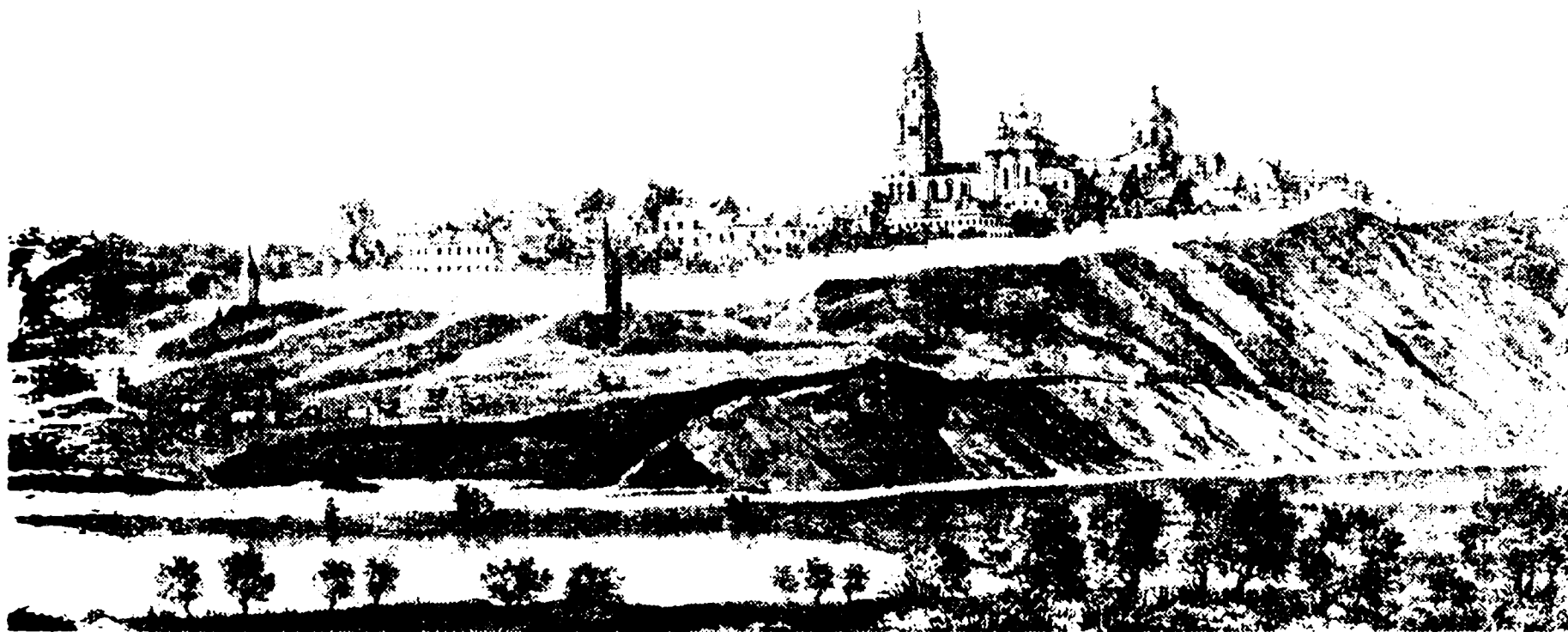
ное в романах, есть истина и верные события!” Я ей ответил: “Я укажу тебе таковые события истинные, которые засвидетельствованы всею нашею святою Церковью”. — “Да ты мне говоришь о святых книгах и Четиях Минеях?” “Да, — сказал я ей, — да разве в этих книгах написано не чудно, не дивно, не ужасно и не страшно? А это не выдумка, не ложь, а сущая есть истина. Вот ты имеешь имя святой Евдокии, а читала ли ты ее житие и страдание? Вот где увидишь истинное геройство и пречудную повесть, каковых ты в романах не читала”. Затем она побежала читать житие преподобномученицы Евдокии. Прочитавши ее житие и прочих подобных жен, как-то: Евгении преподобномученицы, Аполлинарии, Феодоры, — наша любительница чтения романов видимо переменялась, на романы уже и смотреть не хотела и так полюбила чтение святых книг, что часов по пять их читала. Иногда мать принуждена была силою оттаскивать ее от книги, говоря, что она от долгого чтения похудела и сделалась бледная, что ее теперь никто не возьмет замуж. А она, несмотря ни на что, стала ходить часто в церковь и, к горю матери, не стала убираться. И скоро Промысл Божий помог ей пойти в монастырь.

Это было таким образом. На масленой неделе она с невесткою в санках каталась по городу и простудилась. От этого она заболела, и долго доктора лечили ее. По прошествии шести месяцев она выздоровела, но не совсем, боль в груди осталась и угрожала ей чахоткою. В это время у нас гостила схимонахиня, наша тетка, мать Ксанфира. Сестра упросила ее, чтобы она взяла ее в монастырь. Тетка дала ей слово, что если отпустят, то она теперь же возьмет ее с собою в монастырь. На другой день утром мы все собрались, по обычаю, в спальню родительскую пить чай. В это время входит сестра и, ставши на колени пред отцом, начала просить со слезами отца, чтобы он отпустил ее в монастырь. На это отец сказал ей: “Так как брат твой хочет скоро оставить нас и пойти в монастырь, потому мы теперь отпустить тебя не можем, ибо в один раз двоих любимых детей отпустить для нас очень тяжело и скорбно, а если хочешь, то проси брата, чтобы он за тебя пожил с нами три года”. После этих слов сестра встает и с рыданием бросается мне на шею, говоря: “Любезный братец, выкупи меня!” Все мы, вставши со стульев, расплакались. Я от слез едва мог выговорить: “Согласен, согласен, но только год”. Отец, протянувши ко мне свою руку, сказал: “Три, три!” Я, давши ему свою руку, сказал: “Два, два!” Поцелуем руки отца мы покончили этот торг.

Скоро, дня через три, сестра уехала с теткою в монастырь. При сем я вспомнил одно происшествие, предрекшее событие сему делу

по вере и молитве просящих от Бога разрешения сомнительному делу. Это было так. Из числа 20 женихов, искавших руки сестры моей, один жених понравился нашим родителям, и они пожелали выдать ее за него. Но, так как он был иногородец, из города Орла, потому надобно было узнать о нравственном и вещественном состоянии его семейства. Для этого дела послан был я с матерью в Орел. Там мы узнали, что семейство этого жениха несостоятельное, а потому и решили не выдавать за него нашей сестры. Мать моя квартировала в монастыре, у монахини нашей Ксанфиры, а я жил в гостинице. В воскресенье после обедни я был в монастыре у тетки. Туда пришел протоиерей отец Лука — старик вдовец. Мы вместе пили чай и разговаривали о нашем деле. Мать скорбела и горевала, что оказалось препятствие для выдачи ее дочери за любимого человека, колебалась и сомневалась и не знала, что делать. Протоиерей знал все это дело и, видя ее скорбящей и сомневающейся о сем, посоветовал ей решить это дело жребием, сказавши, что и в самых великих делах святые апостолы метали жребий. Мать на этот совет согласилась. Написали два жребия: один — выдавать в Орел, другой — не выдавать; положили жребии пред иконами, зажгли свечи, встали и помолились, а потом вынули жребий, на котором было написано: “Выдавать в Орел”. Поблагодарили Бога за решение нашего сомнения, успокоились, сели и начали пить чай, а мать начала плакать и укорять себя, говоря: “Что это я, глупая, сделала? Для чего я положила на жребий, будучи убеждена в невозможности быть этому делу?” Протоиерей от души смеялся ее малодушию, а мать сердилась на него, говоря: “Вы, батюшка, вовлекли меня в этот грех. Зачем вы посоветовали мне кинуть жребий? Нет, нет, я не хочу ее выдавать в Орел и жребия не признаю истинным”. Но протоиерей продолжал смеяться, говоря: “Так будет, как жребий сказал. Без сомнения, так будет”. Мать за эти его слова еще более сердилась на него, а он, выходя из келлии и прощаясь, повторил свои слова, сказав: “Я верую, что Бог сотворит так и Евдокия выдана будет в Орел!” И затем отец протоиерей вышел из келлии, а мать еще долго продолжала плакать. Когда сестру проводили в Орел в монастырь, тогда мы вспомнили о предвещании жребия. Бог оправдал чудным образом веру отца протоиерея.

Я еще прожил за сестру в доме родителей два года. Об этом событии сестра часто вспоминала в письмах своих ко мне. И в самом деле, самоотвержение ее было примерное и редкое, и за то Бог удивил над нею милость Свою в монашестве, даровав ей многие благодатные дары ко славе Своей и для спасения многих душ, вверенных ее

Борисовская Тихвинская женская пустынь. Литография середины XIX в.

путеводительству. Теперь в монастыре ее 800 сестер. Вначале она жила в Орле у тетки — монахини Ксанфиры, которая была старица опытная, а когда сгорел в Орле монастырь их, тогда они переселились в Борисовский монастырь. С ними еще были две племянницы. Тут сестру сделали благочинною, и она в этой должности была 20 лет; потом ее избрали игумениею. В это время прибыли к ней еще две племянницы. Мать наша в ее монастыре скончалась, будучи наименована в схиме Еввулою.

Во время моего двухлетнего жития при родителях за сестру я перенес тяжкие испытания и едва не погиб. При всей моей начитанности в Божественных книгах и любви к монашеству я много претерпел от нападения страстей. Потому мне страшно тяжело было разлучаться с миром и оставлять дом родительский. Враг сильно нападал на меня с разных сторон — хотел всячески отвратить меня от намерения моего, а потому я с великою болезнию сердца оставлял дом мой — плакал и рыдал. Но в это время совесть говорила мне, что это попущено Богом и так сему должно быть: “Мужайся и крепись, все это скоро пройдет, ибо через это пролитие крови твоей сердечной оценится любовь твоя к Богу. А как ты думаешь, что Тому Самому Любителю твоему ради тебя легко было на Голгофе висеть на Кресте?” Когда я спросил опытного старца о моем трудном и горьком разлучении с миром, что это значит, он отвечал мне, что ежели этого не случится в начале оставления мира, то оно будет

в монастыре, ибо сего требует евангельское самоотвержение, которое вначале бывает страшно тяжело, а после делается благим игом и легким бременем Христовым».

Разлучившись с сестрой, Иван Павлович начал чувствовать духовное одиночество, уныние стало его смущать, и враг спасения человеческого восстал на целомудренного юношу с сильной бранью плотских страстей. Открывал ему и мир свою пропасть, показывая свои прелести и утехы. Родители начали предлагать ему женитьбу, сватали богатых невест, чем еще более усугубляли брань. Строгим постом, ночными молитвенными бдениями боролся юноша с приражениями мира, плоти и диавола, всеми своими силами боролся он, оберегая свою девственную чистоту, и эта борьба отразилась на его здоровье. Он исхудал, совсем высох, мало вкушал пищи, почти не спал и близок был к умопомешательству. Но Господь, попускающий сильным борцам сильные искушения, испытав крепость его произволения, явил ему в брани Свою помощь, явил дивно, чем и запечатлел навсегда его духовное избрание. В одну ночь, когда приступ плотской брани в нем был особенно силен и видел он себя совсем погибающим, — ибо помощи ниоткуда не было, молитва как бы перестала действовать, ум помрачился, облака помыслов страстных затемняли сознание и весь он горел как в огне, — бросился он из комнаты своей в сад и здесь, под деревом, пал на колени и стал слезно молить Господа Бога помочь его бессилию, защитить его от силы вражией, сохранить его в чистоте. «Если Ты, Господи, не поможешь мне, — говорил он воодушевленно, — то уже не могу терпеть сей брани. Возьми же, Господи, лучше душу мою от меня, чем осквернить мне ее плотскою нечистотой».

Много и долго молился юноша под открытым небом в ночной тишине, и вот около полуночи внезапно разверзлись над головой его небеса и свет, подобный огненному пламени, снисшел на него с высоты, но не опалил его, а чудно прохладил, исполнив сердце его неизъяснимой радости. От изнеможения пал он на землю, лежал как мертвый и только чувствовал, как таинственный огонь проходит во все жилы его и составы, прохлаждает и истребляет в них огонь плотских похотений. Так пролежал он долго, пока не заблаговестили к заутрене. Тогда, очнувшись, он встал и почувствовал себя совсем новым человеком: на душе было светло и радостно, помыслов страстных как не бывало, и само тело его стало как-то необычайно легко и подвижно. С радостью пошел он в церковь к заутрене, усердно молился и благодарил Бога за избавление от

страстной непосильной брани. Пришедши из церкви домой, он увидел, что то дерево — груша, под которой он ночью молился и сподобился благодатного видения, засохла и стояла обнаженной от своих листьев и плодов. Скоро заметили это и домашние его и много удивлялись, как это случилось, что груша в одну ночь так внезапно усохла. Один Иван Павлович понял истинную причину этого явления, но утаил ее от всех в глубине своего сердца. Он благодарил Господа деннонощно за это чудное проявление на нем Промысла Божия и помощи ему свыше, ибо с тех пор совершенно и навсегда избавился он от брани плотской, страстных помыслов и сонных греховных мечтаний, мирно пребывал в мире среди всех его соблазнов и преуспевал в подвигах духовных.

Конечно, не могло утаиться такое важное событие в жизни старца-юноши, и без того за правильную жизнь всеми уважаемого. Но до сего времени он привлекал к себе внимание лишь примерным благочестием, теперь же он стал чистым сосудом, исполненным благодати. К нему стали обращаться за разрешением разных вопросов и недоумений. Таким образом, еще до монашества он был подготовляем благодатию Божией к своему старческому служению.

Вспоминает об Иване Павловиче его брат и друг детства Иван Фомич Соломенцов, с которым вместе учились они в «государевой школе»: «Около двенадцати лет было ему от роду, как оставил он мясную пищу и от гостей удалялся. Был у нас мастеровой из Москвы. старообрядец, еврей сапожник. Вот они часто собирались вместе с Иваном Павловичем, вели разговоры о вере, спорили. А у Ивана Павловича был двоюродный брат Иван Егорович Тулинов, с которым они были родственны по духу, как единоутробные братья. Вдвоем они тогда отвели от раскола до десяти девушек.

У родителей Ивана Павловича был кожевенный завод. Он торговал этим товаром, ездил по ярмаркам и всегда успевал с продажей прежде всех, так что ему завидовали его товарищи. А как отправился на Афон, написал мне письмо: «Где ни жить, а Богу надо служить на всяком месте владычества Его. Благослови, душе моя, Господа». Давал наставления, как надо жить и от чего удаляться. Советовал иметь друга по душе, чтобы от соблазнов удерживать себя. Много у меня от него писем»¹.

Были с ним еще случаи особого действия благодати Божией.

«Однажды, — рассказывал сам старец, — в годину испытания России болезнию холерою, я ехал из Старого Оскола в Острогжск.

¹ Письмо в Русский монастырь от 30 ноября 1885 года.

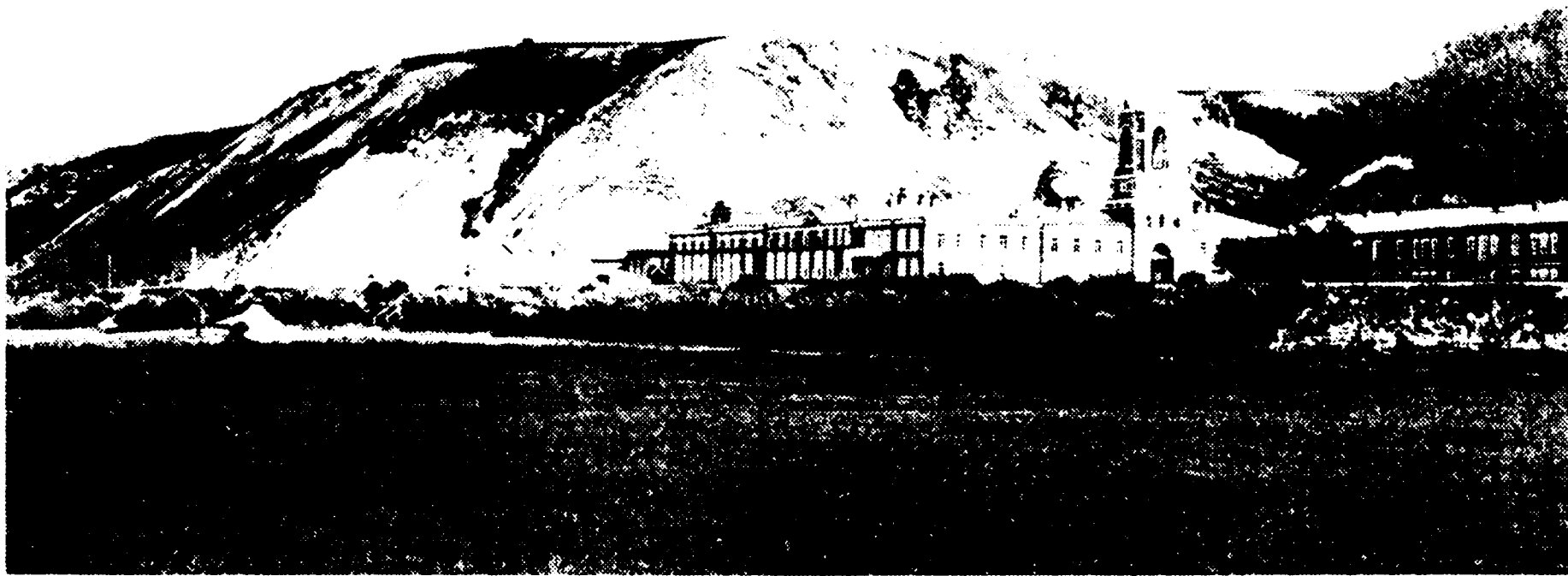
Чувствуя в себе припадки холеры, я остановился в селе Репьевка, но на месте я еще более почувствовал болезнь, меня беспрестанно рвало и несло. Не желая беспокоить хозяев дома, ибо и кучер мой (тогда ездили на своих лошадях) всевозможным образом сторонился от меня, уклоняясь в чем-либо мне послужить, я, ходя под навесом дома и чувствуя в себе крайнее ослабление, решил сесть в свою повозку и там ожидать смерти, держа в уме молитву Иисусову, основываясь на изречении слова Божия: “В чем застану, в том и сужду” (ср.: Ин. 5, 30). Убедившись в этом своем помысле, я уселся, крепко молясь не о том, чтобы избавиться от болезни, но что мною не исполнен данный обет идти в монашество, хотя причины сего и были довольно благословны. Размышляя таким образом, я пришел в какое-то забвение и, глядя открытыми глазами, вижу пред собою боголепную Жену, всю в белом одеянии и покрытую как бы флером; возле Нее, гораздо ниже, как бы до колен, стоит мужчина в голубом светлом одеянии, имевший на себе накинутый сверху плащ. Помысл мне сказал, что это Божия Матерь и святой Иоанн Богослов, и я тотчас пришел в сознание, почувствовав себя совершенно здоровым. Перекрестившись и поблагодарив Господа, я проворно соскочил с повозки и пошел по направлению к жилищу. Возница мой с величайшим удивлением смотрит на меня и следует за мною. Придя в хату, я тотчас спросил кушать и нашел единственно только жидкую молочную кашу, называемую по-малороссийски кулеш (чего в то время наиболее опасались). Сверх моего обыкновения я покушал достаточно и совершенно выздоровел. Событие сие всегда живо представляется в моей памяти с благодарностью к Царице Небесной и святому Иоанну Богослову. Припоминаю и то, что будто бы Царица Небесная, обращаясь к святому Иоанну Богослову, указала перстом Своей правой руки на меня, было ли при сем что произнесено, я не помню».

С юных лет Иван Павлович возлюбил Господа всей душой и всеми помыслами своими стремился служить Ему в подвигах поста и молитвы. Он был иноком по природе своей души; сын богатых родителей, не пленился он этим богатством, тяготился роскошью, уклонялся удовольствий мирских и искал единого на потребу — спасения души и при помощи Божией, живя в мире, соблюл себя непорочным от его скверн. Девственную чистоту души и тела тщательно сберег он среди мира, его соблазнов и сует. По торговым делам своего отца ему приходилось вращаться меж разными людьми, но среди них мудро соблюдал он верность Господу и тщательно

исполнял Его святые заповеди. Тяготило его занятие торговлей, но нужно было оказывать послушание родителям, и волей-неволей ему приходилось нести это тяжкое для него иго, помогать отцу в его делах до конца обещанного срока. По окончании этого срока родители больше не удерживали его и дали ему благословение на поступление в монашество, ибо наконец они вполне убедились, что к миру и его красотам не лежит сердце их сына, но что всецело объят он желанием служить Богу в подвигах иноческих.

В это время Господь послал Ивану Павловичу собрата по духу, родственника его Николая Гончарова, который так же горел желанием иночества и с которым мог он откровенно беседовать и совещаться, как и где обрести им удобное пристанище ко спасению.

В начале 1831 года оба ревнителя подвигов духовных со странническими котомками за плечами вышли из родного города в путь-дорогу, чтобы постранствовать по российским монастырям и присмотреться в них к чину и порядку иноческого жития.

Дивногорский Успенский монастырь. Фотография начала XX в.

«Сначала, — повествует далее старец Иероним, — я поступил в новообновляющийся Дивногорский монастырь близ города Коротояка Воронежской губернии, в восьми верстах от города по ту сторону Дона. При мне были два друга моих: Николай Афанасьевич Гончаров и Алексей Никитич Черепенников, острогожский мещанин. Это место нам понравилось, как удобная пустыня для спасения. Красивое, даже чудное местоположение. Здесь находилась чудотворная икона Божией Матери, называемая Сицилийскою. Братии было мало, около десяти человек. Игуменом был павловский протоиерей, в монашестве называвшийся Афиногеном, — человек

ученый. Он принял нас, с тем чтобы сделать общежитие, а иначе мы не хотели оставаться у него. Он как будто с охотою обещался нам сделать это, но впоследствии раздумал. Так как не было для нас помещения, то игумен предложил нам, чтобы мы для себя построили келлии. Мы так и сделали, построили дом для помещения четырех человек и перешли в него. Начали поживать как будто и хорошо. Службы Божии совершали исправно и усердно. Пение устроилось хорошее. В это время, в 1832 году, много поклонников¹, проходя в Воронеж к новоявленному святителю Митрофану, заходили в нашу обитель, служили молебны и приносили хороший доход обители. Игумен рад был ему и забыл думать об общежитии. Но, видя, что мы ожидаем одного от него, он постарался нас удалить от себя. Мы, поняв свою ошибку, оставили его с миром и перешли в Курскую губернию, в бедный монастырь, называемый Знаменско-Хотмыжский. Там в это время был строителем отец Геннадий, который пред тем был казначеем в Глинской пустыни. Мы были с ним знакомы, и он с радостью принял нас. Здесь есть чудотворная икона Божией Матери «Казанская». В этом монастыре мы прожили около года. Повидавши разных соблазнов, а еще больше наслушавшись о них, нам пришло желание найти такой монастырь, куда не приближались бы жены».

Жизнь в обоих монастырях не соответствовала их стремлению иночествовать не ради получения сана священства, должностей и наград, а единственно ради спасения души. Они хорошо видели, что в этих монастырях не избежать им скорого повышения и рукоположения в иеромонахи, которого особенно трепетал смиренно-мудрый Иван Павлович, искавший в иночестве более всего безмолвия душевного, не надеясь сохранить его в священном сане. Он расспрашивал бывалых людей — странников, где есть на Руси такая пустынная обитель, где бы можно было ему обрести желаемое безмолвие и уклониться от принятия сана. Ему сказали, что в России вряд ли найдет он подобное место, и посоветовали ему направить стопы на Святую Гору Афонскую, где в уединенных скитах и пустынных келлиях² он может найти желаемое.

«В это время нашего города купец, — продолжает рассказ отец Иероним, — мой приятель, Василий Максимович Фастов, только что возвратился из путешествия ко святым местам. Был он и на Афоне два месяца и осмотрел все с любопытством. Сей человек,

¹ Здесь паломники названы по-афонски поклонниками. — *Примеч. сост.*

² На Афоне келлия — жилые и хозяйственные постройки с церковью.

как нарочно, Промыслом Божиим послан был к нам. Он, выслушав наши разговоры и желания, посоветовал нам так: “В России вы не найдете такого места, куда бы женский пол не проникал; подобное место, и единственное в Православной Церкви, находится только на Святой Горе Афонской. Вот, если хотите, идите туда, ничтоже сумняся, ибо я видел там и русских, хорошо живущих”. Этот его совет мы приняли с радостью и немедленно оставили Хотмыжскую Знаменскую обитель и отправились в Старый Оскол для получения заграничных паспортов. Это было в 1834 году, в марте. Мы прибыли в Старый Оскол. Но, так как приближалась святая Пасха, нам пришла мысль провести Пасху в Толшевской пустыни и пригласить жившего там друга нашего, Ивана Егоровича Тулинова, не пожелает ли он вместе с нами путешествовать на Афон. На шестой неделе мы прибыли в Толши. На Фоминой неделе я заболел сильно воспалительною лихорадкою, которая продолжалась месяца два. Товарищ мой, видя, что я медленно выздоравливаю и, следовательно, этот год не могу начать далекое путешествие, пожелал посетить лавру святого Сергия и Оптину пустынь. Таким образом, нехотя я остался на будущий год в Толшах со скорбью о неудаче нашего предприятия, не понимая того, что все Промыслом Божиим строилось к лучшему, ибо этим средством я приобрел многие и важные опыты, а к тому же я уклонен был от ответственности несоблюдения клятвенного дружеского обета, случившегося от забвения».

И вот наконец два друга — Иоанн и Николай — отправляются на Афон. Но не суждено было Богом сразу достигнуть им этого многожелаемого ими небурного пристанища ко спасению. Приехав в Константинополь, по случаю открывшейся там чумы они не были допущены на берег и должны были возвратиться в Россию. Они решили отправиться из Одессы в Воронеж, чтобы поклониться святым мощам святителя и чудотворца Митрофана и тем хотя несколько утишить свою скорбь. Так они и сделали. Здесь был в то время один юродивый, отличавшийся даром прозорливости, и вот оба странника пожелали услышать от него, есть ли воля Божия быть им на Святой Афонской Горе и подвизаться там. Когда пришли они к юродивому и спросили его об этом, тот, пристально на них поглядев, сказал им: «Идите, мои братия-старооскольцы, идите в Святую Гору Афонскую, идите. Ты, брат мой Николай, придешь туда, немного поживешь, получишь святую схиму и отправишься в невозвратный путь, а ты, брат мой Иоанн, придешь на Афон да свой улей заведешь и будешь рои отпускать. Идите, Бог вас

благословит!» Пришлось, однако, братьям-старооскольцам некоторое время потерпеть еще в России, пока путь на Афон сделался для них свободен. Они поступили в Толшевский Спасо-Преображенский монастырь. Старец Иероним повествует далее.

«Пред путешествием моим за границу, на Афон, в 1836 году я жил в Толшевской пустыни Воронежской губернии. В этой общительной обители мне дано было два послушания: так как я знал пение — и простое и нотное, то мне приказано было ходить на клирос петь, а к этому еще поручена была братская трапеза, где я служил отцам с одним помощником.

Однажды (это было в январе) по окончании первой и второй вечерней трапезы и по уборке всего (что протянулось до 10 часов), давши друг другу прощение, мы пошли по своим келлиям спать. Ночь хотя была безлунная, но небо было чистое, и звезды ярко блистали. Идя в свою келлию, я заметил, что огни у отцов в келлиях были уже потушены. Пришедши в келлию, я прочитал повечерие и чувствовал себя очень спокойным и вовсе не расположенным ко сну. Но так как до утрени времени оставалось мало, то я расположился лечь на кровать, дабы хотя немного поспать, но еще не лег, как в это время мысль сказала мне: “Бес идет”. Я спокойно спросил у нее: “Где же он?” “Вот, смотри на северо-восток”, — ответила мысль. Я сказал: “Ну, пусть идет!” И обратил туда глаза свои. И в самом деле, стена келлии исчезла, и я увидел в расстоянии около 50 саженей человека черного, похожого на цыгана, среднего роста, голого, кругленького, волосы на голове имеющего короткие. Он приближался ко мне медленно, и, чем ближе он подходил ко мне, тем более лицо его багровело или краснело. Я смотрел на него пристально, но спокойно, без малейшего страха. Когда он приблизился ко мне так, как на три или четыре сажени, тогда лицо у него сделалось очень красно-огненным, что заставило меня более не допускать его до себя, и я с полным спокойствием оградил себя крестным знамением, произнеся слова: “Силою честного и животворящего креста Господня”. За этим бес исчез мгновенно и все в келлии приняло свой вид. Я хотя и очень удивился этому видению, впрочем, лег на кровать и спокойно заснул до утрени. Поутру я рассказал моим друзьям о случившемся мне видении, и они подивились этому. Один из них сказал, что видению сему должна быть какая-либо причина, ибо без причины не бывает действия. Я начал искать в себе причины, и хотя не скоро, но благодать Божия помогла мне найти ее. Вот в чем нашлась причина. Когда я был лет двенадцати, то читал Четии Минеи, то есть жития святых, и когда прочитывал жития

преподобных, в которых писано о разнообразных явлениях бесов и о бессилии их пред знаменiem честного креста, я всегда дивился этому и нередко задавал себе вопрос: отчего такие гордые и сильные существа, то есть князи греховного мира, так много боятся святого креста, что от одного его знамения мгновенно исчезают? Такое невежественное мое сомнение в силе честного креста и было во мне до этого случая, коим благодать Божия благоволила уверить меня на опыте во всеилии честного и животворящего креста Господня».

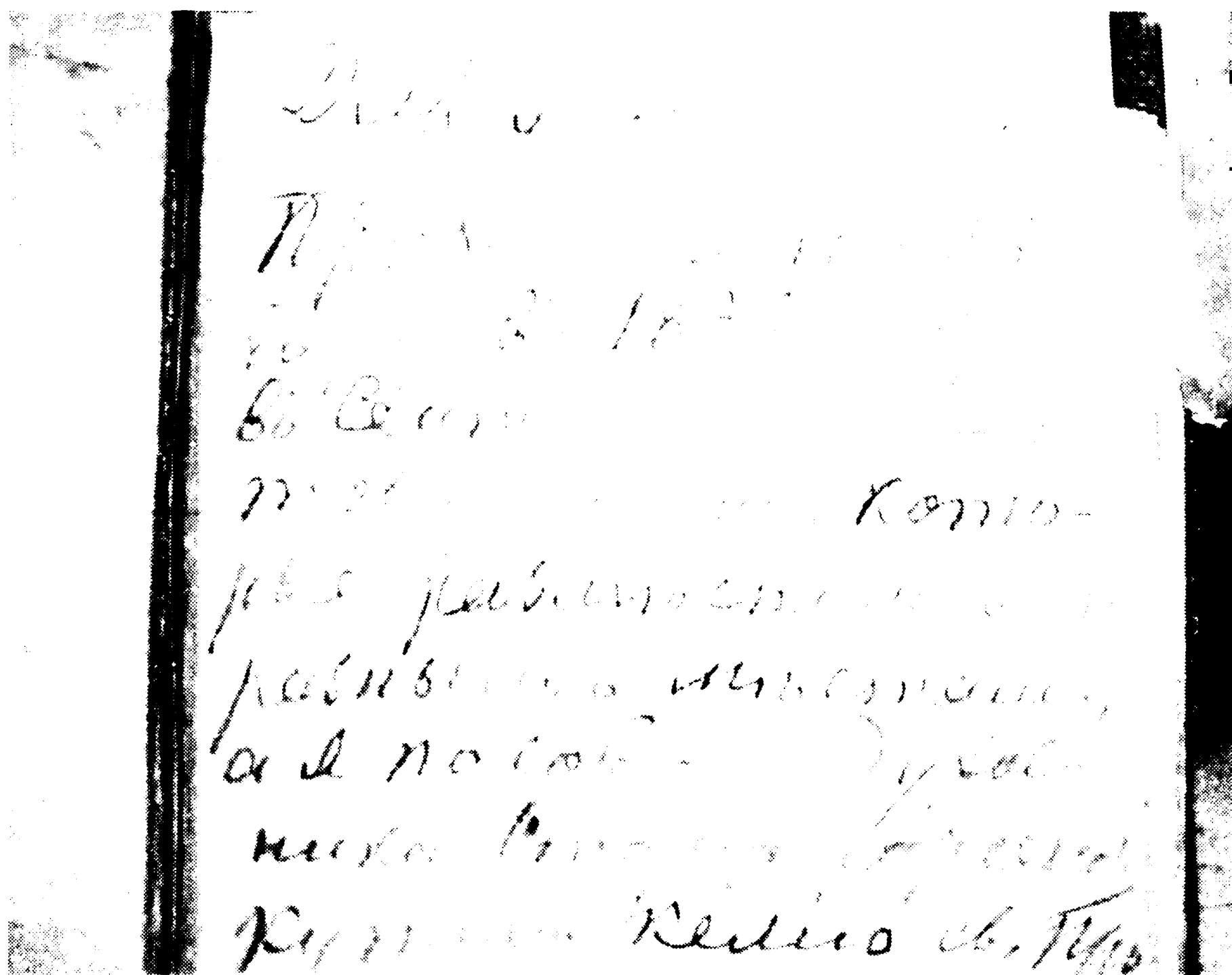
В Толшевской обители Иоанн своим благонравием привлек к себе любовь всей братии. Его уговаривали остаться там навсегда, но некое непреодолимое влечение тянуло его на Афон, и, как только он узнал, что путь на Святую Гору стал свободен, ничто не могло удержать его долее в Толшах. Вместе с Николаем пошли они в Старый Оскол, прожили в нем некоторое время и собрали вокруг себя 17 старооскольцев, пожелавших вместе с ними отправиться на Афон.

Приезд на Афон и жизнь на келлии (1836—1840)

«Прибыл я на Святую Гору в 1836 году, в сентябре, с 17 товарищами, которые разместились по разным местам, а я по совету духовника, старца Арсения, купил келлию святого пророка Илии в пределах Ставроникитского монастыря и принял к себе в сожи-

Святая Гора Афон. Литография середины XIX в.

Тетрадь, принадлежавшая старцу Иерониму,
с его собственноручной записью

тельство двух послушников. (Со мною прибыл и упомянутый выше друг мой, Николай Афанасьевич Гончаров, который вскоре на Архангельской келлии помер; в схиме наречен Никодимом. Другой известный острогожский подвижник — А. Н. Черепенников возвратился в Россию). В 1838 году я ездил в Иерусалим. Прожил в келлии четыре года, а затем по приглашению Русского монастыря и по благословению старца моего Арсения оставил келлию и перешел на всегдашнее жительство в Русский монастырь с двумя моими учениками — Парфением и Митрофаном. Это было в 1840 году, в сентябре. Того же года, в ноябре, я был посвящен в иеромонаха, а в 1841 году, во святую Четыредесятницу, я принял святую схиму и переименован из Иоанникия в Иеронима (мантию я принял на келлии святителя Иоанна Златоуста¹ у духовника и наречен был Иоанникием).

¹ Келлия святителя Иоанна Златоуста, принадлежавшая Иверскому монастырю, находилась недалеко от афонского центра — городка Кареи. Иеросхимонах Арсений был ее настоятелем в 1830-х годах. — *Примеч. сост.*

От юности моей я имел большое влечение к безмолвию. Начитавшись книг умозрительных аскетических наших святых отцов-мистиков, я еще более начал желать жизни безмятежной, уединенной. Но дарования от Бога я имел противоположные безмолвию. Находясь в таком настроении духа, я не желал оставить келлию и перейти в монастырь, даже искал более уединенной каливы¹. Но ученики мои понуждали меня к тому², хотя и знали мою любовь к безмолвию. Да и монастырь со своей стороны, узнав мое желание, обещал мне в том не препятствовать, что впоследствии и исполнил. А потому из желания обеспечить будущее свое безмолвие я решился узнать волю Божию чрез моего старца и духовника, отца Арсения, идти в общежитие в Русик или нет? Он на это сказал нам так: “Поелику этот вопрос есть великой важности”, то он советует не спешить решением его, “а потерпеть и помолиться о сем Богу”. По сему совету мы ожидали духовникова ответа две недели, в продолжение которых он сделал два бдения о дознании воли Божией. Потом он, призвав нас, объявил нам такими словами: “Есть воля Божия перейти вам в Русик, ибо там хочет Бог нечто сотворити”. Мы, принявши это решение, как от Бога, и поклонившись ему и взявши благословение, сотворили по его совету: немедленно оставили келлию и перешли в Русик на всегдашнее жительство. Не теряя надежды на будущее мое уединение, я повторил старцам о моем желании со временем дать мне благословение на безмолвие. Они подтвердили свое обещание, сказавши так: “Ты собери братию русскую, благоустрой их, а по временам можешь удаляться на безмолвие”. Это впоследствии и было исполняемо: в первый раз я прожил год в доме близ кимитира (надгробницы), во второй раз все лето прожил на келлии Трех святителей, два лета прожил на келлии святого Георгия со старцем Тимофеем, три лета прожил на Бессребреницкой, три лета — на архимандричьей. Таким образом, хотя изредка, понемногу, я утолял алчбу и жажду мою к безмолвию, покамест переменились обстоятельства, которые указали мне искать безмолвия не внешнего и не своей пользы, а яже суть ближняго».

Этими словами старец Иероним заканчивает свою автобиографию. Мы же, Богу содействующу, дополним и продолжим повествование о жизни его, насколько это позволят имеющиеся сведения.

¹ Калива — хижина. — *Примеч. сост.*

² Ученик старца Парфений, увидев «Русского монастыря общежительный чин», «не хотел изыти из обители, но возжелал пребывать в ней до смерти» (см.: *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле. М., 1855. Ч. 2. С. 165—166). — *Примеч. сост.*

О состоянии духовной жизни Святой Горы ко времени приезда Иоанна Соломенцова на Афоне повествует инок Парфений.

В Святой Горе Афонской слышал я от многих великих старцев и самовидцев следующее. Около 1815 года, когда в Афоне умножилось братий до 40 тысяч, многие разорили общежительные монашеские чины и уставы, нарушили некоторые монашеские обычаи, прилепили сердца свои к богатству и начали беспрестанно посылать монахов в мир ради сбора денег и принимать вовнутрь монастырей молодых и безбрадых и чрез сие прогневали Бога и свою Игумению и Назирательницу — Матерь Божию. И являлась Она многим пустынным отцам и внушала им возвещать прочим афонским отцам и начальникам монастырей, чтобы они исправились и старались восстановить и хранить древние афонские уставы и чиноположения, а ежели не исправятся, то не преминет их наказывать, исторгнет плевелы из Своей чистой пшеницы, изгонит непотребных и не исполняющих заповедей Сына Ее из Ее жребия, из Ее красного вертограда и рассеет их по странам, хотя, впрочем, жребия Своего не погубит, а оставит в нем истинных Своих почитателей, исполняющих заповеди Сына Ее. Отцы пустынные часто приходили на Карею и объявляли в присутствии многих гнев Царицы Небесной, но мало кто их слушал. Некоторые же начали исправляться, устраивать и исправлять общежитие, а наипаче Русский Пантелеимонов монастырь.

В то время в славном монастыре Ватопеде в самый храмовый праздник, в Благовещение Пресвятой Богородицы, когда бывает многочисленное стечение народа, случилось следующее. Во время всеобщего бдения стоявший впереди в церкви отрок, пастырь скота, простой и неграмотный поселянин, вдруг поднялся от земли на локоть, потом упал на землю и лежал более часа, яко мертв. Потом вдруг встал и в лице весь изменился. Братия, видевши сие, ужаснулись и приостановили пение. А он, немного постоявши, отверз уста и начал говорить, как великий богослов, дерзновенно: «Отцы святые, послушайте, что Божия Матерь вам объявляет чрез мои уста. Она весьма на вас гневается. Исправьтесь, покайтесь! Она хочет, чтобы все монастыри сделались общежительными, чтобы в мир за сбором не посылали, чтобы младых и безбрадых в монастырях не держали. А ежели не исправитесь, то хочет Божия Матерь вас наказывать и изгнать из Своего жребия, а оставить здесь немногих, ибо лучше малое число творящих волю Божию, нежели тьмы, от которых соблазн происходит. Покайтесь, отцы, и исправьтесь! Скоро, скоро грядет гнев Божий». И иное многое говорил отрок. Многие горько плакали, а иные только молчали, но исправиться не хотели.

Через год сделались в Константинополе бунт и тревога между турок и греков. На Афонской Горе получено было известие,

*Икона Божией Матери «Достойно есть» с изображением
главных храмовых праздников 20 афонских монастырей.
XIX в. Карей. Фотография 1872 г.*

что идет турецкое воинство в две тысячи человек разорить и опустошить Афонскую Гору.

Но еще прежде прихода турок Бог наказал Афонскую Гору: шел шесть дней необыкновенный дождь, и снесло водой многие келлии и огороды, и все дни продолжалось землетрясение. Полагали, что до конца прогневался Бог на Афонскую Гору, и думали, что Божия Матерь ее оставила.

В то время жил в Афоне один юродивый иеродиакон, родом грек, не имевший ни келлии, ни пристанища. Некоторые достойные отцы в те страшные дни видели его стоящим в воздухе на коленях, простершим руки свои на небо и молящимся Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, чтобы помиловали Гору Афонскую или не дали ему пережить совершенного ее разорения.

Потом видят, что сошла с небеси Сама Пречистая Богородица, Преблагословенная Дева Мария, с множеством Ангелов и сказала ему: «Возлюбленный Мой и верный слугитель Сына Моего! Не погублю тебя и всех духовных воинов, верно Мне служащих и усердно Сыну Моему работающих. Не оставлю Моего жребия, якоже и прежде обещалась, а только накажу, и то с милостию: изгоню тех, которые не сохраняют заповедей Сына Моего, не исполняют своих обетов и разрушают уставы и предание древних отец. Потом приведу и пошлю сюда таких, которые с верою и любовью поработают Сыну Моему и верно послужат Мне; наполню Мой жребий множеством монашествующих, и будут последние паче первых». После сего стала невидима. Это видение не многие сподобились видеть, а которые видели, те все оставались в Святой Горе, и я еще многих из них застал в живых.

Между тем прочие братия встревожились и почувствовали, что грядет на них гнев Божий, а наипаче убоялись турецкого грозного меча, который в то время обогрен был кровию христианскою и опустошил великий полуостров Кассандру близ самой Афонской Горы и великий остров Хиос. Тогда афонские братия побежали кто куда мог и даже не могли брать с собой никаких вещей, но каждый спасал только сам себя. Русских половина бежали на запад, в Триест, о чем пишет Шереметева крестьянин Кир Бронников, который сам с ними странствовал. А остальных российский посланник, прислав корабль, отправил в Россию, в Одессу. Греки же и болгары бежали кто куда мог. И тако оставили почти пусту Святую Гору Афонскую. От 40 тысяч монахов не более осталось одной тысячи.

В таком скорбном положении находилась Святая Гора почти десять лет. Так очистила ее Матерь Божия. Потом, с 1828 года, паки наступили времена мирные, паки стали сходиться братия, только прежних мало сошлось, а больше появились новые. Впрочем, когда я пришел в Святую Гору в 1839 году, то еще множество

было пустых келлий. Но когда выходил в 1846 году, то мало где были пустые, но все заняты. Паки умножилось братии до 10 тысяч и в жизни очень исправились. В бытность мою вновь в трех монастырях учредили общежитие. В таком виде да сохранит Святую Гору Афонскую Царица Небесная до скончания века! Аминь¹.

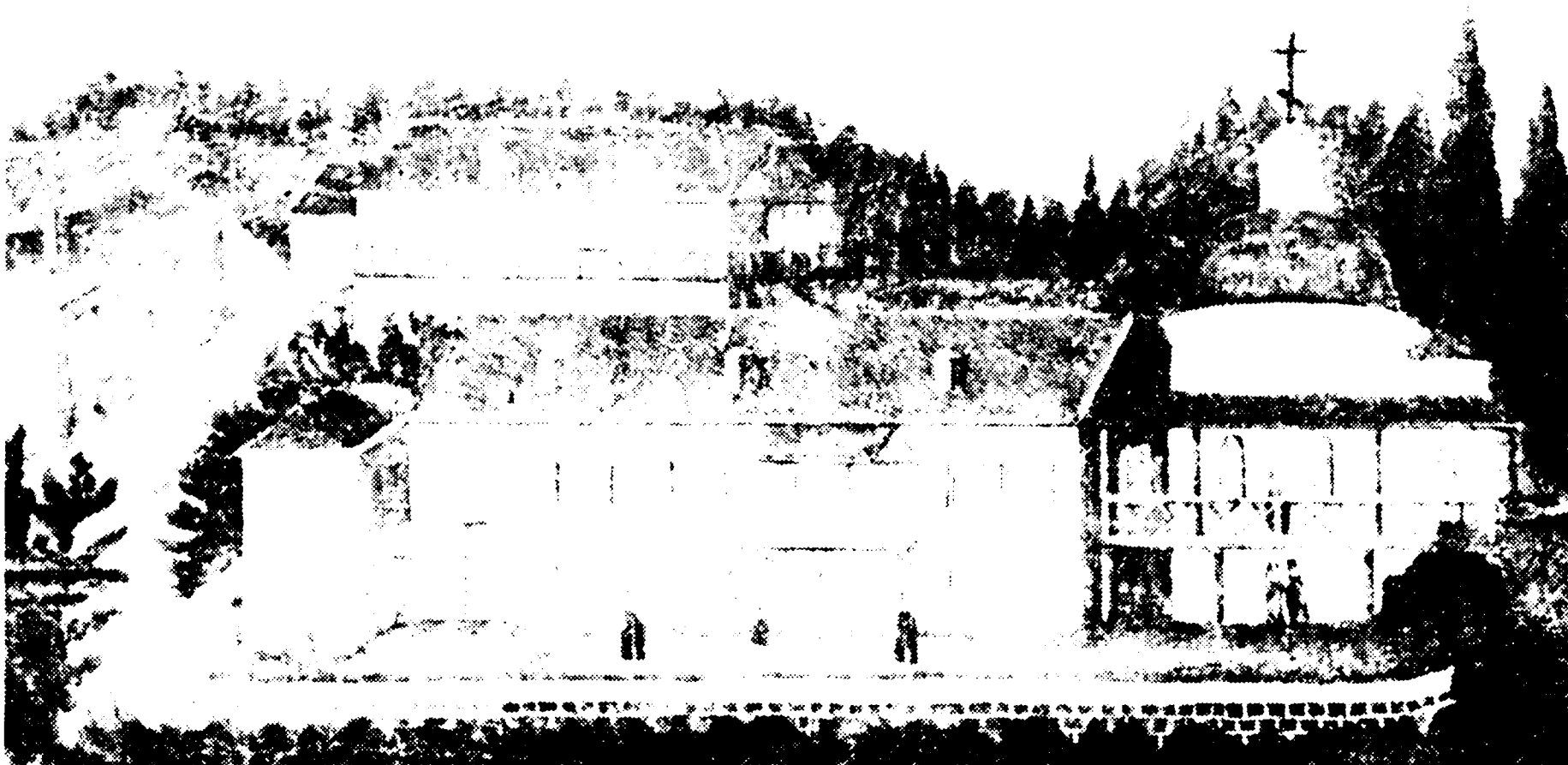
Прибыв на Афонскую Гору, Иоанн прежде всего озаботился найти себе опытного и духовного старца-духовника, которому бы мог всецело довериться с пользой душевной. Надо заметить, что до прибытия на Афон у отца Иеронима, этого русского самородка, не было старца-руководителя в духовной жизни. Руководствовался же он чтением Священного Писания, книг духовных, внушением своей совести, которую он всегда имел чистой пред Богом, и беседами и советами с едиодушным ему другом или, что то же, откровением помыслов друг другу. Это старец Иероним потом советовал и другим.

В то время на Афоне славился святостью жизни, духовным рассуждением и глубокой опытностью в подвижническом пути русский иеросхимонах Арсений. Старец Арсений распоряжался властно на Святой Горе, и противоречить ему никто не мог, ибо были случаи, что противоречившие ему были наказаны Богом, почему во всех монастырях и скитах Святой Горы слово его было уважаемо, как слово человека Божия. Сам, бывши делателем умной молитвы Иисусовой, он достиг в ней преуспевания высокого и учеников своих верно руководил на пути этого нелегкого, но спасительного иноческого делания. Отличался также даром прозорливости, не лишен был и дара чудотворения — как птица в короткое время протекал он дальние пространства, неудобопроходимые дороги. Все свои дарования он покрывал покровом дивного смирения.

Русский духовник иеросхимонах Арсений. Литография середины XIX в.

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 4. С. 289—293.

*Вид келлии святителя Иоанна Златоуста в конце XIX в.,
при ее настоятеле иеросхимонахе Константине. Литография.*

Вот к этому-то святому старцу привел Бог старооскольских братьев Иоанна и Николая, и в нем нашли они себе истинного отца и наставника во спасение. Провидя Духом Божиим в них будущих подвижников духовных, он принял их с любовью, постриг в монашество на келлии святителя Иоанна Златоуста, при этом Иоанна нарек Иоанникием, а Николая — Никитой, благословив отцу Иоанникию купить себе пустынную келлию святого пророка Илии близ монастыря Ставроникита, а отцу Никите — келлию святых Архангелов, где он, прожив только два года и сподобившись святой схимы с именем Никодим, мирно скончался, как и предрек воронежский юродивый прозорливец.

Отец Иоанникий пользовался особым доверием и любовью старца Арсения. Видя в нем сосуд избранный и чистый, вполне способный вместить высокое духовное учение, отец Арсений сделал его своим сотаинником, руководил его в делании молитвы Иисусовой, которую ему неленостно преподавал из своего духовного опыта. Отец Иоанникий прилепился к нему искренней сыновней любовью, хранил к нему полное послушание, все помыслы своей души ему всецело открывал, и всякое слово духовника было для него законом.

Тихо и безмолвно текла жизнь отца Иоанникия на пустынной келлии святого пророка Илии. «Сия келлия принадлежит к монастырю Ставрониките, — пишет инок Парфений, — стоит на горе,

Келлия святого пророка Илии. Фотография конца XIX в.

на самой красоте: видна половина Горы Афонской и сам Афон весь открыт, а от монастыря Ставроникиты полчаса ходу. Кругом келлии растут пять кипарисов, есть великий сад с масличными деревьями. Келлия каменная, двухэтажная, со многими комнатами; есть кухня и гостиница, а внизу — погреба и сараи; церковь прекрасная, с куполом, во имя святого пророка Илии, и много икон; есть и двор, огражден каменной стеной; есть и сарай; двор вместо крыши стелется виноградом»¹. По благословению духовника Арсения отец Иоанникий принял к себе к келлию нескольких учеников, которыми руководил по наставлениям своего старца в духе кротости и смирения. Вместе трудились они в саду и огороде, вместе молились в келейной церкви и отправляли церковную службу по монастырскому уставу. Каждый месяц по седмице постились и ходили все к духовнику Арсению, у него исповедовались и причащались Святых Таин. Изредка в их келейную церковь приходил и сам старец Арсений, где совершал Божественную Литургию, и такие дни были великим праздником для смиренных келлиотов.

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 2. С. 169. Сведение, что отец Иероним около двух лет проживал в скиту Лак, «в самой старинной келлии с церковью святителя Николая» (см.: Путеводитель по Святой Афонской Горе. М., 1903. С. 213), не подтверждается ни самим старцем в его автобиографии, ни иноком Парфением.

На переднем плане — разрушенная Троицкая келлия, на которой в 1846 г. скончался старец Арсений. На горе, на месте цистерны, находилась келлия святого пророка Илии. Фотография 2000 г.

Сам отец Иоанникий не дерзал и думать о сани священства, еще в России признавал он себя недостойным сего сана и на Афоне не изменил этого о себе мнения, которое поддерживал в нем и старец Арсений для усовершенствования его в смирении. Не больше четырех учеников имел при себе отец Иоанникий, тяготясь вообще многолюдством. Как истинный любитель безмолвия, удалялся он людей, памятуя слова преподобного Арсения Великого: «Бегай людей и спасешься, ибо это корень безгрешия». Ученики его взирали на него как на достойный для них пример: никогда не видели они его праздным или гневавшимся, никого из них не оскорбил он никогда не только словом, но даже и взглядом, с кротостью и долготерпением обличал, поучал, руководил их по пути подвижническому более своим примером, чем словами, почему искренне они его любили и всякий день, проведенный без него, считали для себя несчастным. И отец Иоанникий любил их искренне, носил немощи их терпеливо и так свыкся с уединенно-пустынной своей жизнью, что об одном молил Бога, чтобы сподобил его так и провести, и скончать свою жизнь земную. Но Промыслу Божию угодно было избрать его на такое поприще на Афоне, о котором он никогда не дерзал и помышлять, — служить спасению многих.

Вселение в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь (1840)

На Святой Горе с XII века существовал Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, иначе Русик, — древнее достояние русских. К 1830-м годам, ко времени прибытия отца Иеронима на Святую Гору, он принадлежал грекам и оставался русским только по названию. За свою многовековую историю Русик перенес многие скорби и бедствия, помнил и времена относительного расцвета, которые сменялись материальным упадком и духовными нестроениями. Видел и искренне желающих обновить его и отстроить.

Обратимся к краткой истории Русской обители, чтобы увидеть, как Промысл Божий избирал из среды деятелей Пантелеимонова монастыря наиболее соответствующего сильного духовного деятеля и руководителя братии для наилучшего окончательного утверждения и возрождения обители.

Положение русских на Афоне. Русик

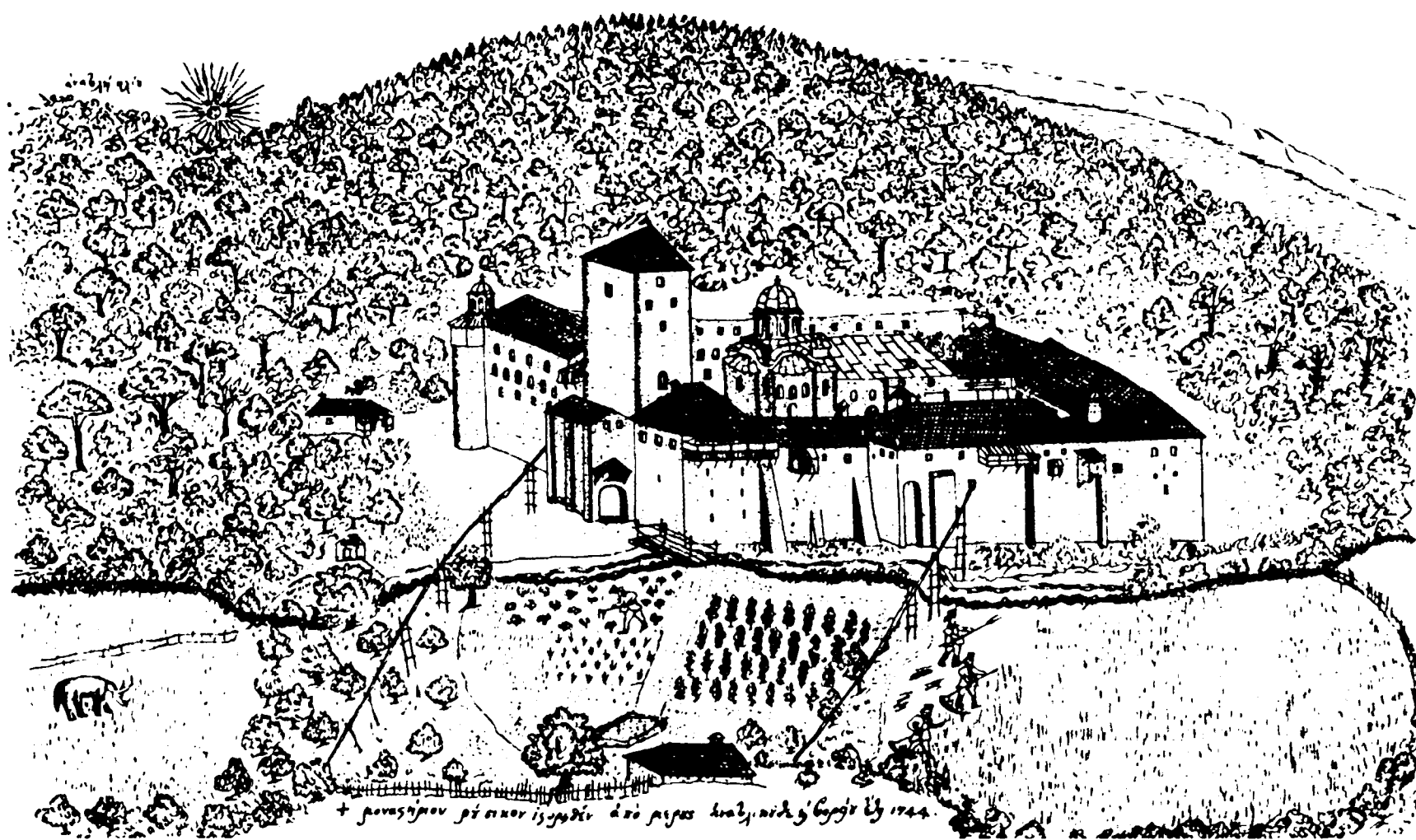
В то время, в 1830-х годах, находившиеся на Святой Афонской Горе русские были рассеяны по скитам, пустынным келлиям и каватам, не имели себе надежного пристанища и терпели немало скорбей и невзгод. Монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона, именуемый Русик (само его название свидетельствовало о том, что он издревле принадлежал русским), в прошлом столетии перешел всецело во владение греков, когда в 1735 году началась война России с Турцией и русские уже не могли свободно выезжать на Афон и оставаться там. Овладев Русиком, греческие иноки совершенно разорили в нем древнее общежитие, которого до конца держались русские, обратили его в монастырь штатный, что немало содействовало ускорению упадка обители.

Около 1770 года греческие монахи Русика, не имея средств для поддержания вконец обветшавшей своей обители, в которой все требовало капитальных исправлений, замены ветхого новым, а также затрудняясь отдаленностью от моря, близость к которому всегда была существенна для каждого афонского монастыря, решились оставить нагорный Русский монастырь, называемый с тех пор Старым Русиком, и переселиться в маленький прибрежный монастырек, так кстати возникший во владениях Русика в конце XVII столетия. Оставленной и обреченной на запустение обителью завладел один святогорский чабан, имевший стадо в три тысячи козлов.

Несколько раз греческие иноки переносили с собой и чудотворную икону святого великомученика и целителя Пантелеимона,

*Древняя чудотворная икона святого великомученика
и целителя Пантелеимона, находившаяся в Старом Русике.
Покровский собор Русского Пантелеимонова монастыря*

«Русский монастырь с северо-восточной стороны. Год 1744-й».

Рисунок В. Григоровича-Барского

находившуюся в монастыре с незапамятных времен, и несколько раз она чудесным образом возвращалась обратно в Старый Русик. И только по устройении нынешнего Русского монастыря она по изволению всеуправляющего Промысла постоянно уже пребывает в нем в благодатную помощь обители и на утешение братии. Этой святой иконой игумен Герасим благословил русскую братию во главе с отцом Иеронимом, вселившуюся в Пантелеимонову обитель, и она доныне находится в устроенном русскими Покровском храме.

Греки весьма любили прибрежный Русик ради изобилия здоровых вод и здорового воздуха и никогда не думали допустить в него русских, но Господь устроил по-Своему.

С оставлением Старого Русика и с поселением на новом месте греки унаследовали преемственно вместе с монастырскими документами все его права и имущество, а вместе с тем и жалкое материальное состояние: долг монастырский все увеличивался, а внутренняя причина упадка — оставление под конец и на новом месте общежительного порядка — не устранялась, а посему не было никакой надежды на последующее улучшение положения монастыря. Напротив, от плохого управления, больших долгов и неблагоприятных обстоятельств ему грозила опасность совершенного запустения и на новом месте. Афонский протат¹ предложил Вселенскому патриарху исключить имя Русской обители из числа святогорских

¹ Протат, священный кинот или синаксис — монашеское соборное управление Святой Горы, находится в Карее, состоит из антипросопов (представителей) каждого монастыря.

Прибрежный Русик в начале XIX в. Литография

монастырей, принадлежащие же Русику земли передать другим греческим монастырям и за уплатой монастырских долгов оставшуюся сумму обратить на общественные нужды афонского правления. Но святейший и воистину блаженной памяти Вселенский патриарх Каллиник, по своему высокому благочестию и пастырской мудрости имея в виду великое благодетельное влияние России после последних турецких войн на внутренние дела Востока, не только решительно отверг своекорыстное предложение протата, но даже предписал ему особой грамотой 1803 года непременно позаботиться о восстановлении Русской общежительной обители и этой же грамотой назначил игуменом «преподобнейшего в иеромонахах господина Савву из священного скита Ксенофонтова, как мужа благочестивого, бодрого старателя, целомудренного, достойного взять на себя хорошее распоряжение, благоустройство и общежительное управление священного монастыря». Старцу Савве сам святой великомученик Пантелеимон оказал свою помощь, даровав Русскому монастырю щедрого благотворителя в лице великого драгомана (переводчика) Порты князя Скарлата Каллимаха. Святой великомученик явился во сне князю и сказал: «Имение твое великое, а смерть твоя близка, а монастырь мой во Святой Горе Афонской до конца разоряется: помоги ему, пока есть время».

Прежние ветхие постройки прибрежного монастырька были разобраны, и в новом Русском монастыре в 1810-х годах возведены соборный храм святого великомученика и целителя Пантелеимона, храм Успения Пресвятой Богородицы, келлии и прочие здания.

Но в 1821 году князь Скарлат, который занимал в то время владетельный престол Валахии, подпал подозрениям Порты, был вызван в Константинополь и убит турками. И так благочестивый и христоролюбивый князь Скарлат Каллимах, мучениколюбец, увенчался неповинно венцом мученичества и сделался соучастником венца святого великомученика Пантелеимона, да с ним вместе прославляется у своего Небесного Царя и Владыки, да с ним вместе называет и сохраняет свою Русскую обитель во Святой Горе Афонской. Оплавав мученическую кончину своего блаженного ктитора, отцы Русского монастыря перебрались в нововыстроенную великую нагую обитель, не имевшую никакого украшения, ни иконостаса, ни икон, неоштукатуренную. Вся обитель была, как пустой сарай, ниоткуда не получая помощи.

В скором времени и другая скорбь ее постигла: скончался игумен Савва, второй ктитор обители, уже в глубокой старости, и перепоручил попечение об обители и о братии своему ученику и духовному брату иеросхидиакону Венедикту и его ученику иеромонаху Герасиму, избранному отцом Саввой себе в преемники. Потом постигло и всеобщее для всей Горы вышеупомянутое бедствие вследствие греческого восстания 1820-х годов, особенно тяжело отразившееся на судьбах Русика, и без того прискорбных. В то время вся Гора была занята турецкими войсками, в каждом монастыре было по 40—50 турок, которых монахи кормили и которым платили дань, подвергаясь при этом разнообразным пыткам и жестокости. Турки грабили монастыри, скиты и пустынные келлии, забирали все, что попадалось под руку: свинцовые крыши с храмов, церковную утварь, кухонную посуду. Афонские отцы служили им и делали все, что они требовали. Помимо турок, всюду были разбойники и хищники, причинявшие святогорцам больше бедствий, чем турецкие солдаты. «Во время пребывания турок на Афоне бедствия оставшихся тогда монахов были так велики, что невольно многие говорили: “Восставайте, мертвые, из гробов, уступите нам ваше место!» — вспоминает очевидец турецкого нашествия иеросхимонах Константин¹.

Русский монастырь при этих скорбных обстоятельствах оказался в безвыходном положении: незаконченные его постройки требовали значительных сумм, а между тем он был расхищен и истощился; страдающие братия вынуждены были перемалывать бобы и печь из них хлебы. Монастырь занимал, пока еще можно было, деньги под большие проценты для поддержания своего существования и вошел в огромные долги (до 100 тысяч рублей). Это до такой степени унизило его в виду Святой Горы, что было оглашено в слух всего святогорского общества, что если кто поверит заимо-

¹ Душеполезный собеседник. 1914. Вып 8. С. 301.

Двор Русского монастыря (справа — Пантелеимоновский собор, за ним — Успенский храм, слева — вход в трапезную). Литография 1835 г.

образно Русскому монастырю 25 левов (около 2,5 рубля) и после не будет иметь возможности получить с него, то протат не обязывается принимать жалоб подобного рода по крайней бедности и совершенной несостоятельности Русского монастыря. И так Русский монастырь оказался без всякой надежды на человеческую помощь. Надежды на Россию, воевавшую в это время с Турцией, не было, и монастырь только назывался Русским, но ни одного русского не было в его немногочисленной братии, хотя на Афоне издавна носился слух, что святой Пантелеимон явился в видении одному из греческих старцев и сказал: «Если в моем монастыре не будет русских, монастырь придет в упадок».

По окончании войны греков с турками в 1828 году и заключении мира России с Турцией в 1830 году настало тихое и спокойное время. Снова стали прибывать на Афон русские паломники, желавшие там поселиться и принять монашество. Разбежавшиеся афонские монахи опять стали собираться в монастыри. Братия Русского монастыря, собравшиеся опять в своем священном приюте, не могли, однако, поправить его расстроенные экономические дела и решили обратиться за помощью к древним обитателям своего монастыря — русским, пригласив их к себе в обитель на жительство. Старец Венедикт и игумен Герасим, повествует инок Парфений, «стали говорить всей братии: “Отцы и братия, послушайте нас.

Мы теперь много должны, а обитель наша голая и пустая. И мы ниоткуда не имеем помощи и не в состоянии уплатить долг и украсить обитель. Необходимо нам надобно принимать древних жителей обители сего — русских. Они только могут сию обитель поправить, и украсить, и привести в настоящий порядок”. Братия все на то согласились. И начали к себе русских приглашать и ласкать. Не так, как прежде: боялись русских в монастырь пускать, дабы русские не вступили в свое древнее достояние и не изгнали их из Русского монастыря, и всячески старались, чтобы русское имя из памяти изгнать, и даже не любили тех, которые называли Русским монастырь. Но Господь устроил по-Своему и смирил их даже до конца: пришло время, что стали русских и звать, и всячески ласкать и стали сами обитель называть Русик и всюду прославлять ее и говорить: “Почему русские оставили свою обитель, а странствуют по Святой Горе, не имея ни где главы подклонить, и почему они не прибегают к своей матери в объятия?” Подействовала и в русских сердцах невидимая Божия сила: все стали Русскую обитель любить, все стали о ней сожалеть и много о ней говорить. Но не было такого человека, который бы мог, там живя, обители пособить»¹.

Вскоре Бог послал было и такое лицо. Во время пребывания на Афоне в 1835 году русского иеромонаха Аникиты (в миру князь С. А. Ширинский-Шихматов) он вместе с 25 иноками, больше из малороссов, был приглашен греками в Русик и начал устраивать там для них храм во имя святителя Митрофана Воронежского. Но греки не сумели примириться с некоторыми немощами новой братии, и по настоянию старца Венедикта отец Аникита вынужден был оставить Русик. «Жалко мне этой святой обители, что много она претерпевает бедствия», — произнес он с горькими слезами и со всей своей братией удалился в малороссийский скит святого пророка Илии, не взяв с собой ничего, кроме иконы святителя Митрофана. На предложение греков забрать пожертвованную им русскую ризницу, иконы и книги, отец Аникита пророчески сказал: «Пусть все в святой Русской обители останется для памяти. Когда паки русские взойдут, тогда пригодится им». Но и в Ильинском скиту не обрели русские прочного приюта. Малороссы возмутились против них и вынудили их удалиться из своего скита, и они, как сироты бесприютные, проживали в разных местах Афона, имея центром и главой своей старца-духовника иеросхимонаха Арсения.

Между тем положение Пантелеимонова монастыря по удалении из него отца Аникиты и русских стало самым плачевным: обитель была обременена долгами, угрожавшими ей продажей с торгов, терпела скудость во всем, разрушалась и видимо клонилась к запустению. Часто русиковские отцы садились за трапезу без хлеба,

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 2. С. 217.

с одними бобами или гнилыми сухарями, два года они не могли справить праздник святому Пантелеймону. У многих афонцев они вызывали жалость и слезы, но многие над ними открыто смеялись. На обители как бы лежала печать наказания Божия, чего не могли не сознавать лучшие из ее греческой братии. Всего более раскаивался в изгнании русских столетний старец Венедикт. Он день и ночь оплакивал свой поступок, но был утешен извещением от Бога, что не помрет без русских, а будут его отпевать и погребут русские. Не оставлял свою обитель без утешения в трудном положении и святой великомученик Пантелеимон. Он явился наяву одному из иноков (письмоносцу) с такими словами: «Пойди скажи игумену и братии, чтоб не унывали и не отчаивались — об этом монастыре я буду заботиться»¹.

Старец Венедикт и его ученик игумен Герасим ясно увидели и осознали, что единственное средство восстановления упавшей древней обители — возвращение в нее русских. И вот по их начинанию в 1839 году последовало от имени всей братии Русика приглашение изгнанным малороссиянами из Ильинского скита настоятелю его иеросхимонаху Павлу и русским инокам прийти в древнее достояние русских — монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона и поселиться в нем для совместного жительства под общим настоятельством игумена Герасима. Духовник отец Арсений убедил отца Павла не противиться воле Божией и, собрав свою русскую братию, мирно идти с ней в Русик, обладеживая его, что на сей раз житье их там будет прочное и многополезное для русских на Афоне. «Не бойся, отец Павел, — сказал он, — ты там и померешь, и будут твои кости фундаментом для русских вечно в Русском монастыре». Отец Павел не соглашался идти на житье в Пантелеимонову обитель, опасаясь, чтобы греки потом не изгнали его так же, как это случилось с иеромонахом Аникитой. Но старец-духовник Арсений властно ему велел идти туда, ничего не опасаясь, говорил ему вдохновенно: «Иди, Бог благословит, и я благословлю, ибо давно уже дожидается русских святой великомученик Пантелеимон!» Отец Павел хотел было помедлить немного с переходом своей братии в Русскую обитель, но старец Арсений ему воспретил. «Иди немедленно, — говорил он ему, — завтра переходи в Русик. Так угодно Матери Божией, что в который день Она входила во святая святых, в тот же день и русских вводит в святую Русскую обитель Пантелеимонову».

Таким образом, по настоянию старца-духовника Арсения иеросхимонах Павел 20 ноября 1839 года, в навечерие праздника Введения во храм Пресвятой Богородицы, переселился со всей своей братией в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, чем и положил

¹ Подробно об этом случае см.: «Великая стража». Кн. 3.

Игумен Русского монастыря схиархимандрит Герасим. Литография 1864 г.

начало его внутреннему и внешнему обновлению.

В это время столетний старец-наставник Венедикт, виновник изгнания русских в 1836 году из сей обители, сказал: «Радуйтесь со мною, чада мои, радуйтесь со мною, братия моя, и паки реку: радуйтесь! Днесь обновися, яко орля, юность моя, днесь шестилетние мои косточки помолодели, днесь слепые мои очи посветлели, ибо днесь они видят русских паки в нашей обители; днесь плачет один враг — дьявол, посмеявшийся над моею старостию, смутивший меня на изгнание русских. Три года лежал на моем сердце этот тяжкий камень, и никогда не мог я успокоить свою совесть и душу, и о том много пролил слез, и просил Господа мсего Иисуса Христа и Пречистую Деву Богородицу Марию, да возвратят

русских паки в нашу обитель. И услышал Господь молитву мою и известил меня, что будут отпевать и погребать меня русские. И дожидался того дня с вожделением, когда узрю русских в нашей обители. Днесь сие получил. Сей день, его же предвозвестил мне Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь. Вот теперь послушайте, братия моя: аз изгнал русских, но аз паки и ввел и принял их. Паки говорю вам, что аз принял их и посадил в обители сей, ваш старец и наставник, грешный Венедикт. Аз принял русских и отхожду от вас на вечность, оставляю русских по себе наследниками в вечные роды». Затем он препоручил русских блаженному, по его словам, старцу — игумену Герасиму. Через 40 дней по принятии русских иеросхидиакон Венедикт скончался, и его погребали, по его предсказанию, вместе с греками русские.

Русская братия поселилась в Русике на особых правах: состоя под общим настоятельством игумена-грека, отца Герасима, она отдельно состояла под духовным руководством своего духовника, иеросхимонаха Павла, пользовалась некоторой самостоятельностью в этой обители и получила особую церковь для богослужений на славянском языке. Церковь была освящена 23 ноября во имя святителя Митрофана Воронежского и находилась на третьем этаже

корпуса, отведенного русским (теперь параклис¹ преподобного Сергия Радонежского). По окончании Божественной Литургии ученым греком архимандритом Прокопием сказано было следующее слово: «Светло днесь красуется, и радуется, и весело торжествует святая наша обитель Русская о приятии своих чад, и торжествует вкупе со святым великомучеником Пантелеимоном, и со святым Митрофаном, и со всеми своими чадами, с греками и русскими, и восклицает тако: “Ныне вся скорбная мимоидоша, ныне веселие и торжество! Днесь возлюбленные и первородные мои чада русские возвратишася в мои матернии объятия. Уже ныне аз несмы сирота, ни убога; отныне они, мои любезные чада, меня, свою мать, облекут и украсят красотою паче всех, и буду аз славна по всей Горе Афонской. И еще радость к радости присовокупилась, ибо не одни они пришли, чада мои, но пришел с ними и святой русский Митрофан; и аз с великою радостию его приняла к себе и на первый случай дала ему сей храм, да в нем пребывает, а по времени, аще подаст им руку помощи святая и славная Россия, выстроят ему чада мои великий храм соборный, в котором святитель будет пребывать во век века”».

После Литургии все пошли в трапезную с иконой святителя Митрофана, и здесь игумен Герасим говорил речь братии, в которой кратким напоминанием о прошедших бедствиях, пережитых греками за изгнание русских, убеждал первых нести немощи последних и утешал надеждой на скорое поправление и прославление обители при помощи русских. «Отцы и братия! — сказал он. — Послушайте меня, грешного вашего старца и игумена. Днесь мы пражднуем, и веселимся, и торжествуем потому, что мы днесь совершили великих два дела: первое — приняли русских в обитель и в общежитие, тем мы преграждение вражды разрушили; второе — освятили храм святителю Митрофану, Российскому чудотворцу, и этим мы утвердили, и укрепили, и заключили русских вечно в нашей обители пребывать. Прошу вас, отцы и братия, и со слезами прошу: несите немощи русских, несите и не отягчайтесь. И ежели кто, отцы и братия, будет не согласен с русскими жить и немощи их носить, то прошу из обители выходить и держать тех не буду. А я и обитель с русскими не разлучимся вечно».

Поначалу трудно было русским и грекам в одной обители, но при помощи Божией игумену Герасиму и иеросхимонаху Павлу удавалось не допускать столкновений и неудовольствий, и жизнь русских и греков мирно потекла под благодатным кровом святого

¹ Параклис — небольшая церковь, которых в Русском монастыре при жизни старца Иеронима находилось до 16. Почти в каждом параклисе совершалась каждый день Божественная Литургия с панихидой или молебном, на которых поминались имена благодетелей и других православных христиан.

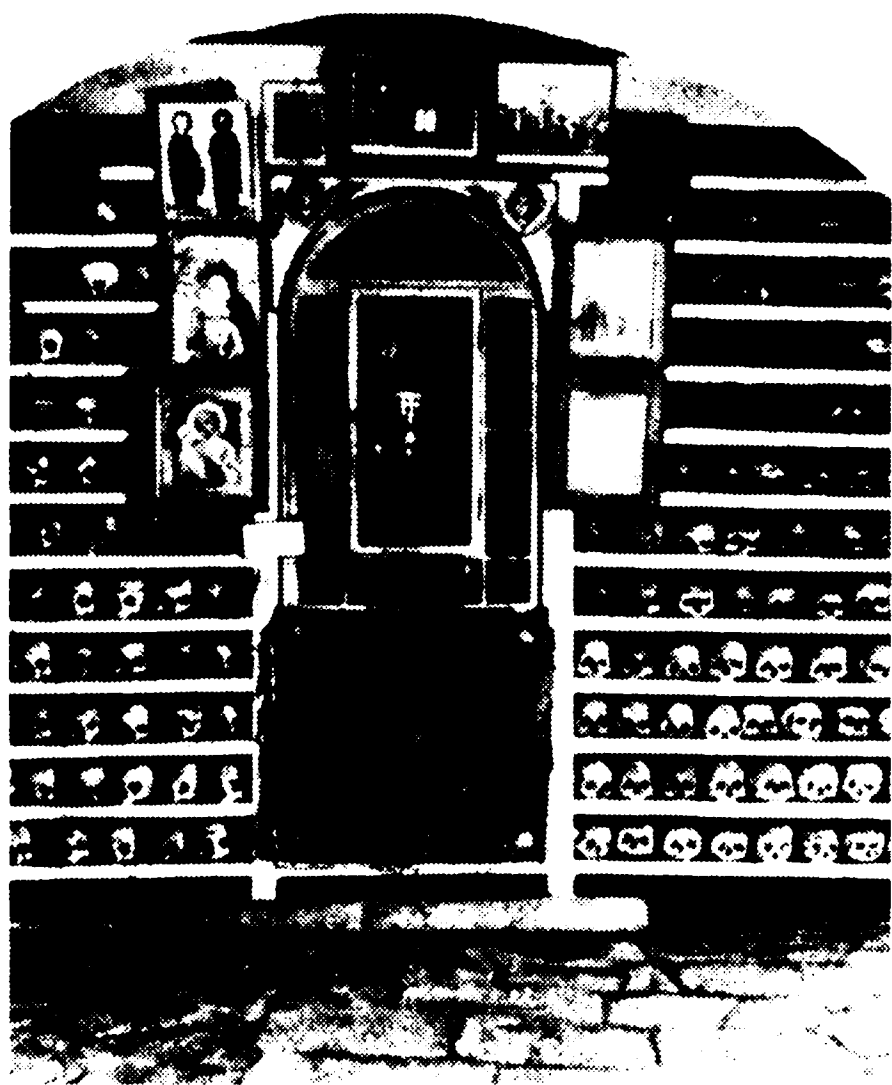
*Икона святителя Митрофана Воронежского. XIX в.
Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь*

великомученика и целителя Пантелеимона. Отцу Павлу недолго, впрочем, судил Господь пожить и потрудиться в Русике. 2 августа 1840 года он почил о Господе, и года не прожив в монастыре. Русские и греки горько его оплакивали, ибо многое с ним теряли.

В 1843 году, по афонскому обычаю, откопаны были кости блаженных старцев иеросхидиакона Венедикта и иеросхимонаха Павла. Кости их оказались благодатными, желтыми, как воск, и испускали некое благоухание. И все — русские и греки — исполнились неизреченной радости. Отпели по ним соборную панихиду,

Храм святых апостолов Петра и Павла на монастырской усыпальнице

Братская усыпальница Русского монастыря. Фотография конца XIX в.

братия стояли все со свечами. Потом написали на главах их: «Иеродиакона Венедикта, учителя» и «Иеросхимонаха Павла русского», — и положили кости их в общую гробницу под церковью святых апостолов Петра и Павла, и главы поставили рядом там же, на устроенном месте, чтобы русские и греки помнили своих старцев, которые положили начало жить в союзе, любви и мире в вечные роды и нести немощи друг друга.

В том же году в скиту святого пророка Илии откопали монаха Савву, который выгнал из скита отца Павла с прочими великороссиянами. Вытащили его из могилы всего целого и не предавшегося тлению, но весьма черного и смрадного. Игумен Паисий стал читать разрешительную молитву, но изменений не произошло. Потом призвали архиерея Панкратия, жившего на Карее, и тот читал, но тело оставалось в своем виде. Архиерей начал спрашивать: «Какая тому причина?» Ему сказали, что он был первым гонителем на великороссиян и выгнал из скита отца Павла с прочими великороссиянами. Архиерей спросил: «А жив ли отец Павел?» Они сказали, что давно помер. Тогда архиерей сказал: «Я этого разрешить не могу, а поезжайте к самому патриарху. А которые живы великороссияне, вы их позовите и попросите, чтобы они его простили». И сам уехал. Игумен Паисий ездил в Константинополь к патриарху и взял от него разрешительную грамоту. Приехав, позвал всех великороссиян и архиерея, и отстояли всенощное бдение. По Литургии опять откопали тело монаха Саввы, и все велико-

россияне говорили ему прощение, а архиерей прочитал патриаршую грамоту, и тело стало рассыпаться, и закопали его в землю. По малом времени посмотрели — и уже остались одни кости. Увидев сие, малороссияне испугались, и затрепетали, и ходили к великороссиянам просить прощения. Позже этот печальный случай отец Иероним назвал *попущением Божиим для вразумления потомства*.

Иеросхимонах Павел прибыл в Русик как бы для того, чтобы очистить путь иному сильному деятелю духовному и лечь костями своими в прочное основание пребывания русских в Русике. Об этом и старец Арсений говорил, утешая скорбевших русских: «Бог не оставит сию обитель без человека, но даст такого мужа, который устроит и украсит сию обитель».

Старцы Пантелеимонова монастыря не знали, где найти на место отца Павла человека, способного соединить в себе все нужные качества для нелегкого послушания — править русской братией и вместе с тем заботиться о пользе всей обители. Осиротелая русская братия Пантелеимоновой обители решила, что у них никто не может быть духовником и руководителем, кроме самого старца Арсения или его ученика отца Иоанникия. Поведали они об этом игумену Герасиму и по его благословиению пошли просить старца Арсения идти жить к ним в Русик, но по дороге к нему зашли в келлию отца Иоанникия и стали его к себе приглашать в духовники, предвидя, что старец Арсений на старости лет не решится оставить свое уединение и идти к ним в монастырь. Отец Иоанникий решительно отказался от духовничества в Русике, говоря, что хотя и любит эту святую обитель за строгую в ней жизнь иноков, но жить там не согласен, особенно быть духовником, ибо тогда ему нужно будет принять рукоположение иерейское, чего он от юности избегал, ибо для того и из России на Афон удалился. «Да и по слабости здоровья моего не могу идти к вам, отцы, не могу вместить вашего строгого общежития», — смиренно говорил им отец Иоанникий. Тогда русские иноки пошли к старцу-духовнику Арсению и слезно стали просить его, чтобы шел к ним жить в монастырь. «Меня и не просите, — отвечал им великий старец, — и ниже поминайте; я не изыду из своей пустыни и не оставлю моих чад, живущих по келлиям и по пустыням. А изберите себе другого, кого знаете».

Тогда русские иноки стали просить старца, чтобы благословил к ним духовником своего ученика отца Иоанникия. Старец Арсений задумался, потом сказал: «Это великого стоит — потревожить отца Иоанникия с учениками, потому что они живут спокойно: имеют свою келлию и всякого заведения у них много; разве будет воля

Божия. Ваш монастырь общежительный и Богу близок. Пусть эту неделю все братия постятся и молят Бога и Божию Матерь, а потом придите ко мне. Если будет воля Божия, тогда я объявлю вам и пошлю его, хотя бы он и не хотел».

Братия русская с радостью возвратилась в свою обитель и возвестила слова старца Арсения своему настоятелю отцу Герасиму. Тот заповедал всей братии неделю поститься, причаститься Святых Таин и деннонощно молить Господа Бога и Пресвятую Богородицу явить старцу Арсению волю Свою в этом деле и даровать их обители нужного ей человека. Через неделю, когда вся братия, попостившись, приобщилась Святых Таин, снова русские иноки были посланы игуменом Герасимом к старцу-духовнику Арсению. Тот радостно их встретил и объявил им: «Есть воля Божия отцу Иоанникию быть в Русском монастыре». Затем велел через них игумену Герасиму войти с отцом Иоанникием в переговоры по этому поводу. Игумен Герасим с братией обрадовались и отслужили благодарственный молебен.

Проводив русских иноков, старец Арсений послал записку к отцу Иоанникию, приглашая его с учениками к себе. Когда все они пришли, духовник повел их в свою келейную церковь, надел на себя епитрахиль, взял крест в руки и торжественно объявил отцу Иоанникию, что Господь избрал его на духовничество в Русском Пантелеимоновом монастыре. «Иди в общежитие в Русик со всеми твоими учениками, продавай келлию свою, — сказал отец Арсений. — Там имать нечто быти дивное, ибо так угодно Богу». Отец Иоанникий пал ему в ноги и стал говорить ему со слезами: «Отче святой, для чего наводишь ты на меня эту скорбь, возлагаешь на меня бремя выше сил моих? Ты знаешь, что я затем и из России удалился, чтобы избежать хиротонии, да еще и мое слабое здоровье тебе известно. Я, и на келлии живя, всегда бываю болен, как же вмещу строгое общежитие? Как перенесу греческую пищу, для меня вредную? Как управлять буду всем этим народом, когда едва управляюсь с двумя-тремя учениками? Пришел я на Святую Гору Афонскую не начальствовать, а в пустыне и безмолвии проводить свою жизнь, достигнуть того, для чего оставил мир, победить страсти и соединиться с Богом. Мы теперь обжились, успокоились, а ты хочешь теперь всю нашу жизнь разрушить». Говоря это, отец Иоанникий стоял на коленях пред старцем и горько плакал. Плакали с ним и ученики его, за ним стоявшие, но старец Арсений как бы не замечал их общих слез и вдохновенно говорил в ответ отцу Иоанникию: «Всякая вещь добра в свое время, добро бегать хиротонии,

добро и принять ее во славу Божию, ежели Господь избирает. Сколько зло есть искать хиротонии, столько зло противиться воле Божией. А что ты слаб здоровьем, то Господь лучше тебя знает — в Его руках состоит жизнь наша: когда Он тебя избрал, Он тебе подаст и силы, и здоровье. А что ты говоришь, что хочешь в пустыне победить страсти и соединиться с Богом, то сего в общем житии скорее можно достигнуть, потому что пустыня только усыпляет, а общежитие до конца умерщвляет страсти и погребает в смирении, послушании и отсечении своей воли. Тогда и обрящем душевное спокойствие и соединимся с Богом. Ты только хочешь спасти двух-трех — иди спасать многих. Ты должен о всех иметь попечение. Тебе подобает устроить Русскую обитель, и тобою она прославится. Больше воле Божией не противься, иди на Карею, там ждет тебя игумен Герасим, уговорись с ним, продавай свою келлию и перебирайся в Русик. Господь благословит».

Беспрекословно исполнил веление старца Арсения отец Иоанникий, пошел на Карею, уговорился с игуменом Герасимом, который с радостью согласился на все его условия, потом вместе с учениками на монастырских мулах поехал в Русик. Здесь все братия, греки и русские, устроили ему торжественную встречу со звоном, в соборном храме вынесли все святыни обители, сделали угощение на архондарике (в монастырской гостиной) и всячески изъявляли свою радость, что в их обитель прибыл такой духовно опытный старец. Потом отец Иоанникий и ученики его вернулись на свою келлию, чтобы ею распорядиться.

Все свои пустынные запасы, имевшиеся в келлии, роздал отец Иоанникий бедным пустынноикам и келлиотам. «Дали повестку всем бедным, да приходят и берут, кому что нужно, — вспоминает отец Парфений. — И было у нас на келлии две недели как праздник; два человека готовили пищу и всех кормили и вином угощали, потому что у нас было всего довольно, на год всего было запасено — муки, рыбы, масла и вина. И Божией милостию мы все раздали и расточили, оставили только, что нужно для монастыря, нужные книги и дорогие ризы и себе нужную одежду, потом продали и келлию»¹. Так отец Иоанникий положил начало той обильной милостыне, которая потом неистощимым потоком изливалась из его рук всем нуждающимся на Афоне.

Из монастыря приведены были 12 мулов, отец Иоанникий и его ученики уложили на них свои вещи и переехали в Русскую обитель.

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 2. С. 188.

Отец Иоанникий водворился в Свято-Пантелеимоновом монастыре 20 октября¹ 1840 года. По благословению старца-духовника Арсения в том же году, 18 ноября, отец Иоанникий был рукоположен во иеродиакона митрополитом Адрианопольским Григорием, прибывшим на поклонение на Афон, а 21 ноября, в праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, — во иеромонаха, стал служить Божественную Литургию на славянском языке и тогда же был назначен общим духовником Русского монастыря. Знание греческого языка облегчало ему это послушание. Игумен Герасим обрел в отце Иоанникии усердного и опытного помощника в управлении разноплеменной братией, для чего требовалось много умения, богомудрого рассуждения, чтобы немощи немощных носить, несогласия умирять, стропотность укрощать и всю братию руководить в духе мира и христианской любви к единой цели — душеспасению.

При назначении отца Иоанникия на многотрудное послушание Господь его утешил одним событием, которое ясно свидетельствовало ему, что не вотще трудятся избранники Божии на Святой Афонской Горе, но что удостаиваются здесь особой милости Божией.

Вышеупомянутый схимонах Никодим, с которым отец Иоанникий прибыл из России на Афонскую Гору, сродник его и друг о Господе, почил там преподобно и был погребен, и вот настало время открытия его костей. Отец Иоанникий был приглашен на этот обряд.

Нужно заметить, что на Афонской Горе существует древний обычай умерших погребать без гробов, предавая тела их непосредственно земле, а через три года открывать могилы и вынимать из них кости. По неисповедимым судьбам Божиим благодатного неистления не бывает на Афоне², и по прошествии трех лет по вскрытии могил

¹ Эта дата, впервые сообщенная иноком Парфением, была принята и остальными исследователями жизни старца. Ср. с воспоминаниями старца на стр. 36.

² По замечанию иеросхимонаха Сергия (Серафима Святогорца), Святая Гора «не видит опытов нетления в бесчисленных своих праведниках, вероятно, оттого, что Бог, дивный во святых Своих, там только чудодействует через них, где то необходимо к поддержанию благочестия и где оскудевающий дух веры среди увлекательных раздолов мира требует со стороны Божией действий поразительных и вышеестественных, в чем на Святой Горе нет необходимости... Сама жизнь ее отшельников, посвященная строгим и постоянным подвигам спасения при точном исполнении ими всех законоположений Церкви, также не имеет надобности в необыкновенных побуждениях к ее поддержанию или исправлению, а потому и Промысл Божий оставляет законы самой природы в отношении к их брэнной плоти и не проявляет нетленных мощей ее святых подвижников» (Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской. М., 1895. Переиздание — М., 1998. С. 76).

обычно находят тела усопших истлевшими и кости обнаженными, причем по свойству и цвету костей судят о загробном состоянии усопших. Кости праведных и святых мужей бывают желтого цвета и издают благоухание, иногда источают капли мира; кости белого цвета свидетельствуют о помиловании и спасении души усопшего, о том, что принято его покаяние и удостоен он прощения грехов; кости темные и смрадные свидетельствуют о печальной участи души отшедшего. Бывают иногда обретаемы целые тела, черные и смрадные, что свидетельствует о великих грехах покойника, тогда обычно усугубляют за него молитвы, читают над ним разрешительную молитву, и тело скоро распадается.

Вынутые кости сохраняются в отдельных усыпальницах под нарочито устроенными храмами, где они складываются в закрома, а черепа помещаются отдельно на полках. В церкви над усыпальницей совершаются заупокойные Божественные Литургии и панихиды по усопшим отцам и братьям обители.

7 ноября 1840 года на Архангельской келлии после малой вечерни была открыта могила схимонаха Никодима. Когда вынули и обмыли его кости, они оказались желты и благоуханны. Сложили их в корзину и, по обычаю, внесли в церковь на всенощное бдение. Был при этом и старец-духовник Арсений и вместе с отцом Иоанникием радовался радостью духовной, видя, что его почившее о Господе чадо сподобилось милости Божией.

Во время всенощного бдения благоухание от костей так усилилось, что заглушило собой церковный фимиам, и в самом алтаре ощущалось оно священнослужителями. Тогда отец Иоанникий с зажженной свечой подошел к костям покойника, в корзине среди церкви лежащим, и увидел, что из ушных отверстий черепа текли две струи благоуханного мира, от которого на всю церковь разносилось благоухание. Тогда воскликнул он громко: «Приидите, отцы и братие, посмотрите сию дивную вещь и прославьте Господа, творящего чудеса!» Все бывшие в церкви сошлись посмотреть и, увидев, возрадовались и благодарили Бога, а отец Иоанникий при этом говорил братии: «Вот, отцы святые, из сухой кости истекло миро, и притом не из какого другого места, а из ушей, и это потому, что уши сии не имели сытости в слушании слова Божия и всякого душеспасительного писания. В Бозе почивший отец Никодим был чтец и певец и так любил слушать Священное Писание, что день и ночь готов был его слушать без утомления. Это мне хорошо известно, ибо мы одного города уроженцы и от юности были братьями и друзьями о Господе. Мы оба вместе оставили суетный мир с его

прелестями, несколько лет странствовали, вместе пришли на Святую Афонскую Гору и хотели здесь вместе, в одной келлии, и жить, но ученики нас разлучили. Часто случалось, что по целым ночам читал я ему, а он прилежно слушал слово Божие и говорил: “Столько люблю я слушать Божественное Писание, что если бы кто читал непрестанно, никогда бы не соскучился слушать”. Теперь Господь явно показал нам, сколь полезно нам слушать Божественное Писание. Эти сухие кости, три года лежавшие в земле, источают благоуханное миро, и это потому, что отец Никодим был не только слушатель, но и творец слышанного в Писании, за что вот теперь и сподобился столь явного знамения над ним милости Божией. И мы, ежели будем подражать сему блаженной памяти схимонаху Никодиму, слушать Священное Писание и исполнять его делом, сподобимся с ним вечного блаженства».

Это событие воодушевило отца Иоанникия в прохождении не легкого послушания духовнического в Русике.

В 1841 году, на первой неделе Великого поста, отец Иоанникий по давнему желанию своему восприял святую схиму и был наречен Иеронимом. Сподобившись великого ангельского образа, проводил он и житие равноангельное, постоянно стоя на страже молитвенной пред Богом и трудясь деннонощно во благо разноплеменной братии Свято-Пантелеимоновой обители.

Личность старца

В истории каждого народа особое значение имеют выдающиеся деятели — вожди, руководители народные. В истории монастырей, в основании их и утверждении тоже были сильные духовные личности — старцы, которые своей подвижнической жизнью, молитвой освящали место своего подвига, приобретая известность и славу, собирали братство, укрепляли и утверждали его в добродетелях и, отходя ко Господу, становились небесными покровителями своей обители.

Без малого полстолетия, последнюю, большую половину своей жизни прожил отец Иероним в Свято-Пантелеимоновом монастыре. Со времени переселения в Пантелеимонову обитель продолжением его биографии становится сама ее история, а историей обители — его подвижническая жизнь и труды в ней во славу Божию. Он собрал русских иноков в Русской обители — «родной древности», отстоял право на их самостоятельное существование на Афоне и своими заповедями указал им на вечные времена верный путь к духов-

ному преуспеянию и материальному благополучию. Он поручил Русский монастырь своим преемникам — духовным воспитанникам и сотрудникам, которые по смерти старца продолжили его труды.

Ближайшим и преданнейшим из них был схиархимандрит Макарий, знаменитый русский игумен обители. По смерти своей отец Иероним остался покровителем обители, о чем свидетельствует тот факт, что даже после опустошений и бедствий последнего времени — при отчуждении от России, крайней малочисленности братии, совершенной беззащитности — Свято-Пантелеимонов монастырь сохранился и остается достоянием русских.

Какова же личность великого старца-духовника?

Вот какой отзыв об отце Иерониме дает инок Парфений, живший с ним на келлии святого пророка Илии и служивший при нем некоторое время за повара и за пекаря, за чтеца и за канонарха.

«Отца же Иоанникия (Иеронима тож) рассмотрел и нашел в нем великого и ученого мужа, во внешней и в духовной премудрости искусного и в Божественном и отеческом писании много начитанного и сведущего. Хотя и аз много читал книг, но против него — как капля в море, и по вся часы от него пользовался, что бы аз от него ни спросил, скорый давал мне ответ. И весьма был кроток и снисходителен, мог все немощи наши нести так, что аз во всю жизнь мою такого кроткого и терпеливого не видел, и во всех добродетелях совершен был; не словом учил, а во всем делом показывал, и во всем образ был нам, и словом был сладкоглаголив, тверд и рассудителен, и такую имел силу в слове, что хотя бы был каменный сердцем, и то мог всякого уговорить и в слезы привести, и всякого мог увещать и наставить на истинный путь... Росту был высокосреднего, волосы длинные светло-русые, борода длинная и широкая русая, лицом чист и бел и всегда весел, взгляд самый приятный, но весьма бледен и худощав

Старец-духовник иеросхимонах Иероним

от великих подвигов и от слабого здоровья, часто с нами занимался в духовных разговорах и часто проводили до самой утрени без сна. За счастье почитали, когда он с нами займется такою беседою, мы забывали свое естество и сон. И столько прилепилось сердце мое к нему и возлюбила душа моя его, что за великую потерю считал, аще который час его не мог видеть и слышать от него полезное слово; когда увидим его лицо, забываем сами себя. И положил я намерение никогда от него не разлучаться даже до смерти. А когда он случался болен, то мы те дни плакали и просили Бога, да подаст ему здравие. Он и донныне наставляет и пасет во Святой Горе Афонской русскую братию и первый во Афоне духовник»¹.

И другие описатели личности старца восторгаются им, обилием благодати, преизбытком любви, изливающейся на всех окружающих. Вот как пишет о нем схимонах Селевкий в конце 1850-х годов.

«Сбылось пророчество, которое ему кто-то сказал в России: “Ты, брат Иван, заведешь улей и будешь пускать ройки”. Воистину трудно найти подобного старца и духовника! Как дети увиваются вокруг своей маменьки, просят у нее пищи и не дают ей покоя, так и у него духовные чада во всех своих нуждах прибегают к нему. Келлия его всегда отперта, и всякий смело идет к нему без доклада, и он принимает всех с истинно материнскою любовью, несмотря на то что при слабости своего здоровья иногда с трудом может переводить дыхание. Всех он наставляет и утешает словом и делом: кому дает денег, кому — сухариков, сыру, масличек, макарон, а кого утешает духовною беседою. Слова его растворены солью благодати, а взгляд его прозорливый. Часто в коридоре против церкви преподобного Сергия делает он поучения и наставления, чтобы старались не предаваться лени и унынию, вставали на утреню и на канон — в полночь клали поклоны, а паче не наедались досыта и не солоно ели, чтобы меньше пить воды. Я часто замечал, что когда он говорит что-нибудь, касающееся до меня, то прямо на меня и смотрит, как будто он видит, что во мне кроется. А я так весь и загорюсь, как огонь. И смотрит он сперва серьезно, а после засмеется. И с каждым он так делает, кто в чем виноват. Вот после, как мы сойдемся, то и станем говорить между собою: “Что, отче, ведь духовник наш прозорливый! Как станет говорить, так на того и смотрит, кто в чем виноват!” Да, ежели отец Иероним умрет, то, кажется, уж не будет у нас другого Иеронима!

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 2. С. 170—171; Ч. 3. С. 270.

Старец Иероним

Он высокого роста и сухощавый, лицо его столь миловидно, что нет сил описать — совершенно, как лицо Ангела. Волосы у него русые с проседью, вид веселый, в глазах выражается необыкновенная доброта, лицо чистое. Если б я был ученый, я описал бы его подробно. Вот я теперь нахожусь в Ярославле, а как будто смотрю на отца Иеронима. И, наклонившись над своей лежаночкой, за четыре тысячи верст от него описываю его черты лица, как будто сейчас вижу его своими глазами. Жалко, что он слаб здоровьем и часто бывает болен»¹.

Повествует иеросхимонах Нон:

«В последние годы его жизни он был роста высокосреднего, на голове власов было немного и короткие, все седые, борода длинная и широкая, вся белая и к концу разделена надвое, лицо чистое, белое и сияющее какою-то небесною радостью. Так же и глаза, и взгляд самый приятный, и притом же проницательный, так что, на кого он ни посмотрит, каждый почувствует, что он провидит в нем душевное его состояние.

Был он очень бледен и худощав от постоянной болезни, бессонницы, внешних и духовных подвигов. Замечательно то, что до самой его смерти во рту у него были почти все зубы целые, хотя иногда и побаливали, и он свободно кушал вообще твердую пищу. Также и для глаз не имел нужды в очках и ни в каких внешних для них пособиях, но всегда, и днем и ночью, при огне писал и самые мельчайшие слова читал, даже вдали разные предметы яснее

¹ Рассказ святогорца схимонаха Селевкия о своей жизни и о странствовании по святым местам. СПб., 1860. С. 35—36.

молодого видел. В беседе он был слишком сладкоречивым, и, яко источник неистощимой живой воды, полны благодати премудрости Божией слова из уст его исходили и сердце каждого, слушающего его, обращали духовным умилением и благодатным утешением. Сам он был на вид очень благолепен, и лицезрение его было ангелоподобное, что и являло изображение красоты внутренней души его, и каждого в любовь и благоговение к нему приклоняло.

Он не имел в миру особенного внешнего систематического образования, но всего только три года обучался грамоте. Но благодать Божия так упремурила его, что никто из смертных ученых мира сего не мог с ним сравниться или препираться, уж не говоря о внешней науке богословия, о духовных Божественных тайнах, которые духовная его опытность и внутреннее его созерцание и Премудрость Божия открыли ему, которых внешний ум человеческий сам по себе не может постигнуть. Но также по премудрости Божией он был и философ, и астроном, и архитектор, и художник, писатель, чтец, и певец, и сочинитель нотного пения, также духовный и телесный был врач. И ни одной на земле премудрости не было, познанием которой бы Премудрость Божия его не одарила. Поистине и он мог ученым века сего мудрецам вопрос задать, подобно преподобному Антонию Великому: “Что прежде стало — ум или письмена?” И при всем этом имел такое великое смиренномудрие, что даже от самого младшего с любовью советы принимал и ничуть этого не презирал. И был до такой степени милостив, что невозможно и словами и пером исцель и поведать великие его благодеяния и милости! И такую имел любовь к ближнему своему, что часто сам себя лишал своей пользы ради пользы других, что и сам высказал в предсмертном своем завещании. И великое имел терпение и слишком был снисходительным к немощам других, но к себе был чрезвычайно строг.

Но не терпел тех, которые на других клеветают и осуждают. И не допускал никогда, чтобы на кого гнев или раздражительность им возобладали, но всегда и во всякое время по данной свыше ему благодати он свободно возобладал над всеми страстями своими. Неоднократно при беседе с ним случалось, что говорил он по своему смиренномудрию: “С таким-то братом нужно бы поступить строго за такую-то его вину или поступки”, но, боясь, чтобы, строго с ним поступивши, самому не раздражиться и чрез то бы и не заболеть (сие он говорил, собственно, для успокоения других)¹, поручал его

¹ В действительности это так и было, поэтому старец всегда стремился сохранять спокойствие. — *Примеч. сост.*

ДОВАНІС

ВЕЧЕРНИ

ЮЩИНЦЫ

*Личная печать духовника
иеросхимонаха Иеронима*

воле Божией: “Господь Сам имиже вестъ судьбами его исправит”.

Впрочем, по своей великой отеческой любви он никого без внимания не оставлял, но, яко истинный пастырь — Христу подражатель, в духе кротости каждого при всяком удобном случае поучал, обличал и умолял. Но ежели когда и заставляла его необходимость показать себя строгим или якобы разгневанным, собственно для духовной пользы и смирения братнего, то только в важных и крайне необходимых и очень редких случаях. Если и случалось, что он принуждал себя к этому своим наружным видом, то внутренне он совершенно далек был от гнева, ибо в душе своей, кроме любви к ближнему и сострадания, ничего не имел.

Вот этого-то богомудрого и благолепного духовного старца послал мне Господь для духовного руководства.

Когда по приезде своем в Афон еще в первый раз я увидел его, то почувствовал в душе своей такое к нему духовное влечение, как бы от самого Господа получил извещение, что это тот самый и есть духовный пастырь, которого я ищу и духовному руководству которого я должен предаться по Бозе в полное доверие. Но, исполняя совет достойного блаженной памяти старца-духовника Киево-Печерской лавры иеросхимонаха Антония, не решился сразу вступить в обитель в число братства, но прежде отправился по Святой Горе, посетил все монастыри и скиты как греческие, болгарские, молдавские, так и русские. Но, несомненно, что я нигде не мог найти во всей Горе старца, подобного сему богомудрому старцу-духовнику иеросхимонаху Иерониму. Впрочем, что касается до себя, то я, увидевши этого старца, другого уже больше и не искал, был вполне духовно пленен им, но собственно по своей обязанности отправился для поклонения святыням афонским и посещения прочих обителей, исполнил прежде данный совет мне. И, тако посетивши всю Святую

Гору Афонскую и поклонившись ее святыням и по возвращении своем обратно в Русик отдохнув несколько времени после трудного своего путешествия по Святой Горе, во время бдения памяти святого священномученика Харалампия я и решил свою судьбу. Вначале я обратился к здешнему второму духовнику — иеросхимонаху Макарию, помощнику старца-духовника Иеронима, с изъявлением своего желания вступить в их обитель в число братства. Это было в церкви, на хорах, в отдельной келлии, где он исповедует братию. А тут же, сбоку, — другая келлия, в ней находился постоянно каждую церковную службу старец-духовник Иероним и там же всех принимал для исповеди, для совета и прочего. К нему-то отец Макарий и повел меня. Пришедши к нему, я принял от него благословение, а отец духовник Макарий объяснил ему, что я желаю поступить к ним в обитель в число братства, и просил на то его старческого благословения. Тогда я обратился к старцу-духовнику отцу Иерониму, прося его принять меня под духовное отеческое руководство, которому я предаю свою душу и тело. Он же расспросил меня про мое звание и занятие. Я ему рассказал, что я звания купеческого, сам торговец-краснорядец и с малолетства был в партесном хоре певчим. А так как родители мои еще в малолетстве моем померли и я в настоящее время совершенно свободен от всего, то по давнему моему желанию и обещанию я и прибыл на Афон на монашество. Тогда он и говорит: “Мне нужно вам сказать для предупреждения вашего, что у нас в обители есть главных два общества: греческое и русское, еще и прочие есть нации, с которыми мы должны находиться в единении, как со своими родными братьями. Будете ли вы в этом мирны?” Я ответил, что для меня это все одно и то же, я в этом о Христе никакой разницы не имею. Услышав это, он обратился к отцу духовнику Макарию и спросил: “Вы что скажете об этом?” А отец Макарий отвечает ему: “Как вам Господь о сем возвестит, так и да будет”. Тогда старец-духовник Иероним обратился ко мне и говорит: “Есть воля Божия вам оставаться у нас в обители. Господь вас благословит, и мы вас благословляем”. Я сделал ему земной поклон и взял от него благословение, также и у духовника отца Макария, который сейчас же удалился и меня оставил наедине со старцем отцом Иеронимом для духовной беседы и исповеди.

Вот тут и раскрылась для меня его высокодуховная премудрость, истинно отеческая любовь к своим духовным чадам. Я и не помнил, пред кем я предстоял: или пред своим старцем, духовным отцом, или же родными отцом и матерью. Но мне кажется, что и те

не в состоянии так обласкать свое дитя и привлечь к себе такую любовь, какую сей премудродуховный пастырь сразу привлекает к себе своего духовного сына и располагает его так, что всю свою душу и сердце сразу раскрывает пред сим духовным врачом. Тут-то он мне и высказал, что с самого приезда моего на Афон и в монастырь Русик, как только он увидел меня в первый раз, то тут же Святой Дух и возвестил ему, говоря, что “сей белый юноша к тебе пришел, прими его под свое руководство в духовное свое стадо. Поэтому я только и ожидал твоего пришествия ко мне с объяснением”.

И действительно, я хотя и не мог этого понять до сего времени, но только замечал, что при всякой встрече с ним он с особенно внимательным расположением всматривался в меня, как бы постигая внутренность души моей и тем самым давая мне разуть, что приглашает меня к себе для духовной с ним беседы и откровенности. Но я действительно даже до последнего часа своего решения не ходил на духовную беседу ни к сему, ни к другому духовнику, то есть вполне выполнил совет, данный мне блаженной памяти Киево-Печерской лавры духовником иеросхимонахом Антонием.

Итак, по окончании своей исповеди и беседы с сим духовным своим отцом и старцем после данного им мне духовного совета, наставления и поучения я вышел от него с большою любовью к нему и расположением, с особенным духовным своим утешением и радостью благодарил Бога за такого Им данного мне богомудрого отца и любвеобильного пастыря, наставника, руководителя и утешителя о Христе. И мне он назначил в неделю два или три раза к нему приходиться для духовной беседы, а ежели буду иметь особенную нужду, то хотя и каждый день и без различия времени. “У меня, — он говорит, — день и ночь двери отперты для всяких нужд приходящим”».

Далее мы имеем перед собой четвертый портрет этого великого старца, изображенный талантливой рукой известного писателя в 1871 году, в период физической и моральной зрелости отца Иеронима, — портрет, который не только не противоречит предыдущим, а, напротив, показывает нам ту нравственную высоту, до которой поднялся отец Иероним, идя прямой дорогой от молодых лет до старости. Этот отзыв сделан К. Н. Леонтьевым, бывшим в самом начале 1870-х годов российским консулом в Македонии, более года прожившим на Афоне как для целей дипломатического характера, так и для удовлетворения своей всегда ему присущей склонности к созерцательной жизни. К. Н. Леонтьев стоял в очень близких

духовных отношениях к обоим старцам Русского Пантелеимонова монастыря — отцу Иерониму и отцу Макарию, и на его правдивый отзыв мы вполне можем положиться¹.

«Отец Иероним, — пишет К. Н. Леонтьев, — стал духовником и старцем еще немногочисленной тогда русской братии в монастыре святого Пантелеимона. Это был не только инок высокой жизни — это был человек более чем замечательный. Не мне признавать его святым — это право Церкви, а не частного лица, но я назову его прямо *великим*: человек с великою душою и *необычайным* умом. Не получивши почти никакого образования, он чтением развил свой сильный природный ум и до способности понимать прекрасно самые отвлеченные богословские сочинения, и до умения проникаться в удалении своем всеми самыми живыми современными интересами. Твердый, непоколебимый, бесстрашный и предприимчивый, смелый и осторожный в одно и то же время, глубокий идеалист и деловой донельзя, собою и в преклонных годах еще поразительно красивый, отец Иероним без труда подчинял себе людей, и даже я замечал, что на тех, которые сами были выше умственно и нравственно, он влиял еще сильнее, чем на людей обыкновенных. Оно и понятно. Эти последние, быть может, только боялись его; люди умные, самолюбивые, умеющие разбирать характеры, отдавались ему с изумлением и любовью. Я на самом себе в 40 лет испытал эту непонятную, даже притягательную, силу. Видел это действие и на других.

“Какое у него тяжелое лицо!” — сказал один набожный юноша-грек, взглядевшись в него. Выражение “вари просопон” в подобных случаях переводится словом “важный”, но я нахожу, что к лицу отца

¹ Косвенное свидетельство о сильном влиянии на Леонтьева личности отца Иеронима находим у писателя Б. К. Зайцева, посетившего Свято-Пантелеимонов монастырь в мае 1927 года: «Я пытался найти след Леонтьева, жившего тут в 70-х годах. Интересно было бы видеть его фотографию рядом с отцом Иеронимом — духовником. Леонтьеву нравилась суровость и крепость Православия на Афоне. Образ такого рода — отец Иероним. В руке его, как у Афанасия Афонского, — могучий посох. Леонтьевские впечатления об Афоне схематичны и односторонни. Кажется, слишком отзываются они предвзятостью, “идеями”, да, может быть, и обликом отца Иеронима. Но рядом с посохом святого Афанасия цветут на Афоне розы и лилии... Леонтьев не любил этого или старался умышленно отринуть» (Зайцев Б. Афон. М., 1992. С. 83).

«Недавно говел в Оптиной пустыни; ее старцы славятся наравне с афонскими»; «к афонским [старцам] я скоро привык, по возвращении в Россию мне даже и к повиновению отцу Амвросию трудно было привыкнуть» — вот высказывания самого К. Н. Леонтьева (письма к К. А. Губастову от 19 сентября 1875 года и к И. И. Фуделю от 14 декабря 1888 года).

Иеронима идет больше такой перевод: “тяжелое лицо”. В минуту суровости в его лице было действительно нечто спокойно-подавляющее, бесстрастно-гнетущее.

Отец Иероним был человек железной воли по преимуществу. Его внутреннее “самование”, вероятно, имело целью прежде всего смягчить свое сердце, сломать, смирить свою по природе гордую волю. Возможно также, что именно с намерением отстранить от себя все искушения власти над кем бы то ни было он так упорно и долго отказывался от иеромонашества и в России и на Афонской Горе, и только самое строгое повеление его святогорского наставника, старца Арсения, вынудило его принять хиротонию... Отец Иероним был до того всегда покоен и невозмутим, что я, имевший с ним частые сношения в течение года с лишком, ни разу не видел ни чтобы он гневался, ни чтобы он смеялся, как смеются другие. Едва-едва улыбнется изредка, никогда не возвысит голоса, никогда не покажет ни радости особой, ни печали. Иногда только он немного посветлее, иногда немного мрачнее и суровее. А между тем он все чувства в других понимал, самые буйные, самые непозволительные и самые малодушные. Понимал их тонко, глубоко и снисходительно. Все боялись его и все стремились к нему сердцем»¹.

И наконец, свидетельство человека, самого близкого старцу в последние 30 лет его жизни, — отца Макария, будущего игумена Русика: «...он так слаб здоровьем, скопившиеся болезни в нем так отягощают его! Представьте внутренние судороги, которые не дают ему спать ни одной ночи, а если он засыпает, то на рассвете на один или, много, два часа. Пока он в моционе, то не слышит их, а, как хочет успокоиться, вот и они. Две грыжи и ежедневный прилив крови утром и вечером — в таком положении не много проживешь. Ныне же Господь и Царица Небесная, быть может, и поддержат его для пользы других и для особых наград ему на небе. Господи, молитвами отца моего спаси меня и помоги мне...

Мое единственное утешение — видеть его между нас. О, как Господь одарил его всеми дарами! Глубоко понимающий Священное Писание и знание греческого языка, опытность в жизни духовной, а также и внешние дела обители ему не чужды, удивительное рассуждение во всем — эта святая черта привлекает к нему и заставляет дорожить его жизнью. Представьте же его терпение, какие он имеет болезни... постоянно беспокоящие его. И при этом не имеет времени

¹ «Гражданин». 1889. № 196, 246.

упокоить многотрудное тело свое, так что совестно смотреть иногда: ты сидишь, а он по жару невыносимому бредет кому-нибудь сказать слово утешения и одобрения, ветер дует, едва на ногах стоишь, а он идет что-либо присмотреть. И вот, сравнивая свою худость, удивляешься, куда же я гожусь, видя столь неутомимо деятельного человека пред собою...»¹

Преемник отца Арсения по благодати

После кончины 24 марта 1846 года общего духовника русских на Афоне старца иеросхимонаха Арсения отец Иероним стал преемником его по духовному влиянию на Святой Горе между русскими, и не только между ними, но даже и среди греков, болгар, сербов и святогорцев других народностей. Отец Иероним не искал этого влияния, это было естественным плодом его подвижнической жизни, опытности духовнической и сердечного участия ко всякому нуждающемуся.

Иеросхимонах Арсений преподобно почил на его руках. Когда ученики спрашивали отходившего старца, на кого он их покидает, старец указал им на отца Иеронима как на способного заменить им его в духовничестве и поручил отцу Иерониму всех своих духовных чад. «Не боишься ли смертного часа, не ужасаешься ли и не трепещешь ли ответа Праведному Судии, будучи 30 лет общим духовником?» — спрашивали отца Арсения ученики. «Страх и ужаса не имею, но некая радость наполняет мое сердце, ибо великую имею надежду на Господа Бога моего Иисуса Христа, что Он не оставит меня Своєю милостию; хотя я добрых дел и не сотворил, но и по своей воле ничего не сотворил, а что творил, то помощью Господа моего, по Его воле святой», — отвечал умирающий и затем в усердной молитве предал свою душу в руце Божии.

Эта предсмертная исповедь старца отца Арсения, что ничего по своей воле не творил, а все творил по воле Божией, почему и умирал спокойно, навсегда запечатлелась в памяти преемника его и присного ученика отца Иеронима: он всю свою духовническую деятельность всегда направлял именно на то, чтобы во всем всегда творить не свою волю, а волю Божию, открывавшуюся ему внушениями таинственными. Эти внушения были ему светочем благо-

¹ Из писем отца Макария к игумении Новгородского Зверина монастыря Лидии от 22 октября 1858 года и 29 мая 1860 года.

датным, при свете их он пережил многие мрачные и тяжелые дни своей обители и преуспел в духовном подвижничестве. За долгую жизнь в обители множество душ, вверенных ему Господом, он взрастил для Царствия Божия и, как зрелый плод, передал Ему при их исходе от жизни.

В отце Иерониме все видели явное присутствие особой благодати Божией, почему и спешили к нему со всей Святой Горы Афонской ревнители благочестия и подвижничества, зная, что через него верно узнают волю Божию, верно обретут правый путь ко спасению. Опытность отца Иеронима в духовном руководстве была велика, и к старцу была привязана вся братия, жаждущая сего. Вот рассказ инока Свято-Пантелеимонова монастыря.

«Приходит к нему один брат и, высказав свое состояние, просит благословение на уединенную жизнь, так как это желание не дает ему покоя. Но отец Иероним, испытав его, понимает ли он, что просит, увидел, что он не готов к сей жизни, но имеет сильную борьбу и уже не в силах бороться с этим помыслом, который не ныне-завтра мог его преодолеть, почему и захотел сразу отбить у того охоту к уединению и посоветовал ему испытать это на деле. Для сего отец Иероним отпустил его на неделю походить по пустынным.

И вот брат тот в первую же ночь (летом) остался ночевать в лесу под кустом. Еще не успел заснуть — откуда ни возьмись — масса разной величины змей около него недалеко сошлись вместе и разевают на него свои пасти и так почти всю ночь не давали ему спать. Он встал и ушел. Пошел далее и, когда захотел отдохнуть, тоже лег под кустом в стороне от дороги. Еще не заснул, а только закрыл глаза, и вот предстал пред ним молодой человек и говорит ему повторительно три раза: “Эксомологисон пандоте”. И затем прибавляет: “Это по-гречески”. И, три раза сказав это ему, сделался невидим. Брату же тому сделалось от этого видения так радостно, что он не мог уже продолжать свой путь далее, но немедленно пошел обратно в монастырь. Рассказал это отцу Иерониму, и тот в ответ на это сделал ему объяснение так: “*Эксомологисте пандоте* означает: исповедуйся всегда, то есть произноси всегда молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного*. Это и есть постоянное исповедание пред Господом, когда человек, называя себя грешным, просит помилования. Сим показал тебе Господь чрез святого Пантелеимона, чтобы ты не выходил на безмолвие в пустыню, но пребывал в монастыре и постоянно занимался сей молитвою”.

С тех пор брат сей успокоился от борьбы и сделался в монастыре настоящим безмолвником, не заводил никакого особого знакомства, но постоянно держал сию молитву в уме и сердце, никем не замечаемый в сем сокровенном своем делании. Послушание также проходил молча, с молитвою, а особенно когда читал Псалтирь, был в молитвенном настроении. Сей брат, будучи наставляем отцом Иеронимом в прохождении своего духовного делания, получил от Господа дар сокрушенной молитвы и молился всегда с сильным плачем. Главное его прошение было ко Господу, чтобы воля Божественная была всегда с ним, а не его исполнялась бы».

Братия видели в своем духовном отце орудие Божие, неисполнение воли которого грозило плохими последствиями, и потому боялись ослушаться его даже в мыслях. Вот что рассказывает один из иноков.

«Поступив в Русик с обилием язв греховных, я нашел в незабвенном духовнике отце Иерониме искусного сердобольного врача, с великим терпением заботившегося об уврачевании ран моих. Врагам спасения нашего весьма противна преданность отцу духовному, и главное их старание — оную ослабить и нарушить. Такому опаснейшему в деле спасения состоянию подвергался и пишуший это, хотя молитвами отца духовного вражие наваждение разрушилось скорым вразумлением.

В первых годах иночества я послан был отцом Иеронимом на келлию вне монастыря, хозяин которой был вспыльчивого характера. Отец духовник дал мне два послушания, а третье назначил хозяин келлии. Недоумевая, за что взяться, я впал в уныние, а затем допустил и ропотливость на старца, которая час от часа возрастала. В таком положении я отправился в монастырь для личного объяснении о своем нетерпении и всю дорогу соображал, как бы сильнее выразить это пред отцом Иеронимом. Путь от келлии до обители был под гору, и я спускался бегом. Замечтавшись, я не смотрел на дорогу, усеянную большими камнями, и вдруг вблизи монастыря запнулся и так сильно ударился всем корпусом, что и кости, полагал, сокрушатся. При этом тайный голос произнес: “Вот тебе за ропот!” Очнувшись, вижу себя совершенно невредимым. Ропотливость, как дым, исчезла, и я с великою радостью благодарил Бога за вразумление.

По входе моем в обитель отец Иероним был в параклисе преподобного Сергия с изменившимся лицом, выражавшим веселие и торжество, и походка была необычная. Не понимая причины изменения, я стал спрашивать об этом его келейника отца Никодима,

расположенного ко мне, и он открыл, что такое изменение у старца бывает во время сильного действия умной молитвы, когда посещает его обильная благодать Божия.

Поначалу отец Иероним, не будучи обременяем по малочисленности братства большими заботами, много и усердно упражнялся в умном делании; и келейник его отец Никодим, и другие занимались под руководством отца духовника. Моему окаянству, не очистившемуся от страстей, требовалось сокрушение сердца со слезами, и незабвенный старец дал мне такое умное занятие: во время здешних длинных служб размышлять о судьбах ветхозаветной и новозаветной Церкви и при всяком событии сокрушать себя, как в великом каноне святого Андрея Критского.

Лет чрез 15 после первого вразумления вторично овладела мною ропотливость, за которую едва не поплатился жизнью. Не могу теперь упомянуть, ради чего я роптал, только, помнится, в самый разгар ропота меня просили половить рыбы для больных. Я поехал на лодке один и для стоянки бросил на дно камень на бечевке. Ропотливые мысли во мне не утихали и на море. Половивши не более часа, вдруг среди ночной тишины слышу громкий голос с берега, обличавший меня в неблагодарности к старцу своему: “И ты, столько облагодетельствованный отцом твоим духовным, дерзаешь роптать на него!” Чтоб избавиться от громкого обличения, я стал поднимать камень, но бечевка попала между камней и не вытаскивалась. После сильной натяжки она неожиданно отцепилась, меня повалило в море, но как-то удалось быстро натянуть бечевку и стать в лодке. Тогда неизвестный обличитель добавил: “Вот тебе легкая острастка за ропот; если не вразумишься, посмотришь, что будет завтра!” Боясь, чтоб чего худшего не случилось в море, я пристал к берегу, где никого не было. Кто был мой вразумитель, неизвестно.

Назавтра опять просили меня половить рыбы для больных. На лодке я не поехал, а пошел по берегу. Ропотливость, после вчерашней острастки, исчезла, но на беду мне встретился келлиот, крайне нерасположенный к отцу Иерониму. Я, сколько мог, старался разубедить подобного мне ропотника, но, видя бесполезность слов, молча слушал. Когда мы разошлись — он направо, я налево, — отец лжи подстрекнул меня мысленным вопросом: “Может быть, келлиот говорил правду?” Едва успел я принять это на веру, как вдруг запнулся о камень, головой ударился о другой острый камень и весь залился кровью от полученной большой раны. Между прочим, собеседник мой осуждал отца Иеронима за пищу (по очень болезненному состоянию ему готовили пищу на архондарике).

За принятие таких осудительных слов рот мой весь наполнился песком (там был бугор песочный).

Вблизи падения моего находился небольшой водоем, где келлиот обмыл у меня кровь и платком перевязал голову. Болезни я не чувствовал и не жалел о поранении головы, но, как при первом вразумлении, радовался и благодарил Бога за то, что, подобно чешуе или проказе, с меня стряхнулось, что навеяно было отцом лжи. С тех пор до блаженной кончины отца моего духовного и старца я как огня боялся ропота на него. Вечная ему память!»

Некоторые рассказы о благодатном устроении отца Иеронима

«Отец Иероним часто молился с припаданиями ко Господу. И вот однажды, молясь пред распятием, просил Господа, чтобы Он не отлучил его навеки, чтобы наказал его здесь за грехи и помиловал бы там, за гробом. Непрестанный молитвенный вопль старца наконец проник небеса и дошел до Господа Бога. Однажды по обычной молитве старец прилег отдохнуть и погрузился в тихий сон. В первые мгновения сна он был поражен ослепительным сиянием, разлившимся по келлии. Старец боязненно осмотрелся, и его взоры остановились на кресте, к которому пригвожден был Божественный Страдалец, Господь наш Иисус Христос: терновый венец лежал на израненной главе Его, из рук, из ног и из ребра Его кровь струилась потоком. От лица Искупителя, от Его кротких взоров исходило удивительное сияние. Старец затрепетал от радости, пал пред Господом на колена и залился слезами. “Что ты так горько и беспрестанно плачешь? Чего ты хочешь от Меня?” — спросил кротко с креста Спаситель плачущего старца. “Господи! — воскликнул старец, умиленно скрестив на груди руки. — Ты знаешь, как я огорчил Тебя, Ты видишь, как много у меня грехов! Покарай меня за них в настоящей жизни, как Тебе угодно, и помилуй меня по смерти. Более ничего я не хочу, более ничего я не прошу от Тебя”. “Хорошо, — отвечал Господь, — будет по твоему желанию”.

Видение кончилось. Старец, сильно потрясенный чувством неизъяснимой радости от лицезрения и сладкой беседы Господа, не пробуждаясь еще, ощутил, что его внутренность вся как будто подорвалась; он пробудился и действительно увидел, что у него появилась огромная грыжа. Она и осталась таковою навсегда и

была так велика, что он всегда носил ее в мешке, подвязанную на поясе. Случилось это в 40-х годах»¹.

«В Троице-Сергиевой лавре жил престарелый игумен отец Иоиль, скончавшийся в 1880-х годах. Он был постриженником Русика, в который поступил вместе с отцом Иеронимом в 1840 году, и прожил в нем до 1854 года, когда во время войны выехал с Афона и жил в российских монастырях, где и получил сан игумена. Один из иноков Русика, бывши в лавре у отца Иоилья, при разговоре с ним об отце Иерониме сказал: “Вот нашему старцу 80 лет, а он еще читает без очков, чему все удивляются”. Отец Иоиль улыбнулся и говорит: “И будет читать без очков до могилы”. “Почему же так?” — спросил заинтересованный инок. “Ну, уж это тайна, — ответил отец Иоиль, — нельзя сказать”. Наконец, после усиленных просьб отец Иоиль рассказал ему следующее с условием никому не говорить до смерти отца Иеронима: “Когда до поступления в Русик мы с отцом Иеронимом жили в пустынной келлии и еще несколько учеников его, то исправно каждый день исполняли все церковное правило, кроме Литургии, и отец Иероним, как хороший чтец и певец, много сам читал и пел. Но в одну ночь, вставши к утрени, он внезапно лишился зрения без всякой особенной причины, так что не мог уже ничего читать. Мы все очень опечалились, и сам он тоже скорбел. Не помню, сколько дней это продолжалось, но как-то после повечерия он вышел в окружающий келлию лес, провел там всю ночь, а возвратясь, опять начал по-прежнему читать в церкви правило с большой быстротой. Мы очень удивились и стали вопрошать о причине скорой перемены в состоянии зрения, но отец Иероним умалчивал и не хотел нам ничего сказать, и уже после убедительных просьб, когда мы упали ему в ноги, он решился открыть нам, как тайну, с обязательным для нас условием никому не говорить до того времени, пока он будет в могиле. “Когда я, — сказал отец Иероним, — ночью в лесу усердно молился ко Господу и Царице Небесной о даровании зрения, вдруг вижу явившуюся мне

¹ Наш иеросхимонах отец Михаил свидетельствует, что лично слышал от батюшки Иеронима об этом видении ему. — *Примеч. о. Владимира*. Святогорец, перенесший тяжелую болезнь, рассказывал: «Впоследствии меня духовник спрашивал, *зачем* я хворал? Я откровенно признался ему, что просил у Бога казни за грехи мои и Бог удивительно скоро послушал меня. Вероятно, приятны Богу наши молитвы, которыми мы испрашиваем у Него средств к очищению себя от скверн плотских» (Письма Святогорца... С. 252). Отец Иероним считал болезни «даром Божиим, очищающим грехи наши» (см.: письмо к отцу Макарию от 10 мая 1875 года). — *Примеч. сост.*

Владычицу в небесном сиянии. В благоговейном страхе и трепете я упал ниц к ногам Ее и услышал от Нее следующие слова: “Молитвы твои и обещания Господу и Мне приняты, но смотри же, старайся исполнить их во всей точности, а Я исцеляю твое зрение и до самой кончины твоей будешь читать без очков”. И затем Она стала невидима”. “Так вот почему, — заключил отец Иоиль, — читает отец Иероним без очков”. И действительно, отец Иероним до самой смерти без затруднения читал мелкую печать и письмо, никогда не употребляя очков».

«Однажды два монаха поссорились и до того озлобились и сильно ругались, что не было возможности их остановить. На их шум пришел сам отец Иероним и стал их уговаривать, но они и при нем тоже продолжали ругаться и не смотрели на него. Тогда отец Иероним сказал одному из них, отцу Феодору: “Отец Феодор, взгляни на меня!” Но тот, не смотря на него, продолжал ругаться. Отец Иероним продолжал ему повторять, чтобы он взглянул на него, и тогда тот как бы нехотя взглянул, и тотчас гнев его прошел, лишь только встретился взор его со взором отца Иеронима».

Знал старец Божий сердце человеческое и умел воздействовать на него в духе кротости Христовой. Схиархимандрит Иерон, один из ближайших учеников старца, рассказывал: «Приходит к нему монах, подверженный пьянству, озлобленный, приходит с намерением оскорбить его, чтобы потом иметь причину уйти в мир. Видно, что совесть еще не совсем заглохла в нем, что он еще борется с помыслами самочиния. Старец ласково встречает его и, не давая ему заговорить, приказывает келейнику: “Отец Порфирий! Угости отца...” Тот подает стаканчик виноградного вина. “Еще угости!” Монах говорит: “Отче, я уже пьян”. — “Ничего, пусть говорят что хотят, а еще выпей!” Монах пьет, но тут же творит метание старцу (кланяется в ноги) и кается: “Батюшка! Я ведь хотел изругать тебя и уйти из обители, прости меня — ты победил!” И действительно, исправляется в поведении. “Уйти, может быть, и не ушел бы, а нагнул бы — это верно”, — говорит о нем старец келейнику».

«Как он умеет успокоить и утешить одним словом, одним взглядом своим!» — говорили монахи. А некоторые свидетельствуют, что получали мир душевный, глядя ему в глаза на фотографии.

«Добродушие, мягкосердечие и приветливость афонских старцев — отца Макария и всеми почитаемого афонского чудотворца отца Иеронима, всепрощающего и милостивого к грешникам, — трудно забыть, — отмечал в 1880 году корреспондент газеты «Новое

время» Н. Нотович в журнале посетителей Свято-Пантелеимонова монастыря. — И достаточно в самые трудные и горькие минуты жизни представить себе лики этих святых отцов, которые дышат утешением, прощением, снисхождением, симпатией и любовью к ближним, как печаль заменяется спокойствием».

«Отец Иероним с другими русскими келлиотами в числе 35 человек в 1838 году отправился на наемном судне в Иерусалим на поклонение. В числе келлиотов был один из военных фельдфебелей необыкновенно вздорного характера, со всеми почти разругался и ни с кем не мог жить. Когда же и на судне также не мог вести себя мирно, то один пустынник ему заметил, что-де вот если бы он поговорил с отцом Иеронимом, указывая ему на духовника, то тот усмирил бы его. Это келлиота заинтересовало, и он стал искать случая заговорить с ним. Случай представился, и они заговорили, сидя на палубе судна. Пустынник из фельдфебелей рассказал отцу Иерониму свою жизнь и что он по своему характеру не может больше жить на Афоне и из Иерусалима намерен проехать в Россию. Но отец Иероним, напротив, посоветовал ему возвратиться на Афон и устроиться на какой-либо каливе, жить без товарищей, одному, на совет же к нему приходить чрез две недели. Пустынник этот, Иоанн, послушался и по совету отца Иеронима поселился один на каливе, пищей имел только сухари и чрез две недели приходил на совет к отцу Иерониму.

По некотором времени, упражняясь молитвою Иисусовой в воздержании с самоукорением и во всякой добродетели, он пришел в великое сокрушение и смирение духа и получил от Господа дар непрестанной молитвы и плача. От воздержания же великого он до того ослаб, что по приходе к отцу Иерониму в монастырь дрожал и не мог говорить. Тогда отец Иероним приказал своему келейнику отцу Никодиму по приходе того прежде напоить его чаем с хлебом, а потом принял его к себе. Отец Иероним так выразился о нем своему ученику отцу Никодиму: «Ты как можно лучше принимай этого пустынника, ибо он помогает нам своими молитвами духовную жизнь проводить». Услыхав такой отзыв о том, отец Никодим попросил отца Иеронима рассказать ему о его дарованиях и потом попросил и сам заниматься упражнением в молитве и самоукорении, что и получил. А так как он любил празднословить, то по благословению отца Иеронима носил во рту камень, чтобы молчать. И вот сей отец Никодим чрез постоянное упражнение в молитве и самоукорении получил дар слез и непрестанную молитву, так что глаза

у него были всегда от плача красные. Он после говорил отцу Иерониму, что плачет, когда хочет. Камень же однажды проглотил, но ничего не потерпел от него».

Вот плоды духовные отца Иеронима, свидетельствующие о его высоком благодатном устроении.

Начало деятельности в Русском монастыре (1840 — 1850-е годы)

Вот такого духовника-старца воздвиг Господь во славу Свою для спасения многих и возрождения древней обители святого великомученика Пантелеимона, доведенной до крайнего убожества и едва не вычеркнутой из списка афонских монастырей. Вера в славное будущее Русского монастыря, благочестивая жизнь его братии по общежительному уставу, обаяние личностей духовника Иеронима и старца-игумена Герасима, выделявшихся среди насельников Святой Горы высокими качествами ума и сердца, а главное, безотрадное положение русских на Афоне — все это, вместе взятое, было достаточным побуждением для русских святогорцев, оставив свои бедные каливки и пещеры, искать себе приюта в бедной, но гостеприимно открывшей свои двери Пантелеимоновой обители.

Отец Иероним по своим природным душевным качествам — светлому уму и сильной воле — и по духовному преуспеянию в добродетелях иноческих, по своим благодатным дарованиям был для них главной притягательной силой. В начале жизни отца Иеронима в Русике с ним было 11 русских, но в непродолжительное время вокруг него собралось довольно значительное число иноков, отдавших себя в безусловное подчинение беззаветно любимому ими опытному духовнику и старцу-игумену, искренне желавших все силы свои посвятить на благо обители. Нелегкая задача предстояла отцу Иерониму: если не слить греческую и русскую братию, столь разные по характеру, в одно целое, то благоразумными внушениями примирить их, так как предыдущий опыт при отце Аниките показал, что без взаимных уступок совместная жизнь греков и русских под одной кровлей невысказана. Отец Иероним постоянно внушал русской братии, чтобы они не входили в споры и разногласия с греками, а стремились бы к той цели, ради которой пришли в монастырь, то есть к спасению своей души, для чего необходимы мир и братская любовь.

Иеросхимонах Иероним. Начало 1850-х годов

Отец Парфений так описывает жизнь иноков Русского монастыря.

«Каждый день исповедуют свои помыслы отцам своим духовным. Каждую неделю причащаются Святых Таин Тела и Крови Христовой. Пищи же употребляют весьма мало. Хлеба и пищи подается всем поровну и каждому своя чаша; всегда бывает в простые дни одна пища вареная, а другая что-либо из овощей: или соленые маслины, или ино что. Свою часть мало кто съедает. Иногда поставляют и вино, но мало его кто пьет, и то пополам с водою. В праздники же два варения бывает. В понедельник, среду и пяток всегда бывает одна трапеза, и то сухоядение; во вторник и четверток с деревянным маслом, в субботу же и неделю иногда подают и сыр соленный. Млека же и коровьего масла никогда не бывает. С сим маслом готовят только два дня на сырной неделе и два дня на Пасхе, рыбы же вкушают в великие праздники, когда бывает всенощное бдение. Квасу же и не знают, какой он есть. Когда не бывает вина, пьют воду. В келлиях же своих ничего не имеют — ниже воды, ниже чем украшают, ниже когда светильника вжигают, ниже лампы, ниже кто может запереть келлию, когда пойдет на послушание, ниже когда нагревают, да и печей нету, только некоторые русские себе поделали. В келлиях каждый имеет только нужную одежду и постелю, одну икону, одну книгу для чтения, и то не каждый; да и время не имеется, когда и читать; чтение бывает более в церкви, и на трапезе, и на общем послушании, в келлии же более занимаются молитвою и поклонами. Церковное же правило такое. К вечерне со всех послушаний сходятся в монастырь. Которые далеко, те там и читают. И строго от игумена наказано, чтобы церковного правила отнюдь не оставляли, потому что монаху настоящее послушание есть молитва, а прочее послушание есть поделение только ради скуки и уныния. И потому к вечерне все поспевают в монастырь»¹.

«...У нас в простое время утрениа не бывает почти менее четырех, а у греков пяти часов, — повествует Святгорец, — но бдения продолжаются иногда 10, 12 и 14 и ничуть не менее восьми часов... Все здесь руководствуются своею собственною совестью и чувством смирения без принуждения, чему служит свидетельством то, что некоторые, погрузившись в дремоту за службою, едва только очнутся и заметят себя в этой слабости, тотчас добровольно выходят на средину церкви, кладут три земных поклона братии, подходят поцеловать руку духовника, а греки — игумена, и виновный уже более ничем не наказывается ради трогательного своего смирения

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 2. С. 195—197.

*Братия чистит лампады около Пантелеимоновского собора.
Фотография конца XIX в.*

и самоосуждения. <...> Что касается послушаний... их нельзя определить с точностью и по множеству, и по разнообразию их. Можно только заметить, что никто не остается без занятия по силам, так что самые хилые старцы то чистят боб и травы, то караулят виноградники и скот. А при общих послушаниях, вроде разгрузки пшеницы из корабля, когда приглашаются решительно все на работу, самые хилые, желая иметь участие в венце братского послушания, водят за повод мулов до монастырского амбара вперед и обратно. Но если и этого не в силах сделать, бредут к монастырской пристани, опираясь на свои старческие жезлы, садятся в сторону и, смотря на труды братии, тихо нашептывают по четкам свои молитвы... Сенокос, собирание маслин, винограда, орехов и прочих произведений роскошной здешней природы, пашню, молотье, кузнечество, столярство и вообще все работы исправляют братия без изъятия иеромонахов и под личным наблюдением самого настоятеля. От этих-то трудов и зависит продовольствие монастыря, который здесь всех почти беднее... Одежда и трапеза в киновиях¹ для всех одинаковы,

¹ Киновия — общежительный монастырь. — *Примеч. сост.*

Иноки Свято-Пантелеимонова монастыря на послушании в кузнечной мастерской. Фотография конца XIX в.

нет никому отличия... Надобно при этом заметить, что отеческие законоположения киновии чрезвычайно строги в отношении плоти... В киновиях самый верный, царский путь к небу и в них-то самый действительный отсвет жизни апостольских времен и проявление духа чисто Христова. Слово игумена принимается здесь за изъявление Господней воли, что бы он ни сказал, что бы ни повелел сделать — хорошо ли, не хорошо ли. Никогда истинные послушники не размышляют о плодах и следствиях начальнического слова, раз и навсегда дав обет Богу и игумену творить их волю без условий и рассуждения. Поэтому-то спасение души в киновии вернее и легче, чем в другом месте, зато и для плотского мудрования здесь чрезвычайно тяжело»¹.

Строгий киновияльный образ жизни монахов Пантелеимонова монастыря, суровая обстановка и крайне скудная, непривычная для русского человека пища, с чем греки легко уживались, — все это русским инокам казалось тяжелым и трудновыносимым подвигом.

Даже такой восторженный певец афонских красот и афонской иноческой жизни, как Святгорец, рисует невеселую в этом отношении картину жизни русских иноков Пантелеимонова монастыря. «Надобно, впрочем, сознаться, — пишет он, — что не столько бдение

¹ Письма Святгорца... С. 51, 59, 184—185, 200—201, 252.

утомляет мою болезненную плоть, сколько здешняя трапеза: боб, фасоль и чечевица — все эти и подобные им произведения святогорских нив сами по себе очень вкусны и питательны, но так тяжелы для слабого желудка, что я нередко чрезвычайно страдаю от них, и мои жизненные силы истощаются... Исправить трапезу, судя по стеснительному положению Русика в настоящее время, почти нет возможности... Я вижу многих из братий в одинаковом со мною изнеможении от влияния трапезы... В то время как Русик имел рыбные ловли на Дунае, некоторые из нашего братства чрезвычайно скорбели и жаловались на боб и фасоль, исключительно составлявшие нашу трапезу, и просили духовника озаботиться улучшением стола, тем более что тогда Дунай мог лакомить нас прекрасною рыбою. Частые жалобы изнемогающей братии слишком озабочивали духовника, так что он решился наконец передать их геронде¹. Мы это знали, надеялись на добросердечие геронды, и одна мысль о близкой измене трапезы из неудобоваримой в легкую питательную, в русском вкусе, утешала нас, была часто предметом братских бесед...»²

Заботливый отец Иероним жалел свою братию, только начинавшую привыкать к суровости общежительных уставов, наставлял их и молился о них. И вскоре взволнованные умы были успокоены его рассказом о чудном видении, бывшем одному из братии, более других недовольному трапезой.

Этот брат, приняв от диавола помысл о недовольстве пищей, а вместе с ним и другие помыслы, смутившие его душу, и вовремя не открыв их духовнику, упал духом и предался духовной беспечности. Несколько дней провел он в опасном положении смутившейся души, и вот Сама Царица Небесная пришла ему на помощь. Раз после бурных волнений духа и тревожных дум в тонком сне видит он себя в монастырской трапезной в какой-то торжественный день вместе со всем братством и игуменом. На столах стояла скромная мясная пища, к которой братия не дотрагивалась, как бы ожидая кого-то. Вдруг дверь распахнулась, и брат увидел вошедшую Царственную Жену вместе с двумя прекрасными девами. С первого взгляда он узнал дивную Посетительницу, сияваемую райским светом, затрепетал от страха и радости. Он не смел тронуться со своего места, как преступник, желая утаиться от светлых взоров Богоблагодатной Девы, посетившей нашу обитель. Духовник в мантии и схиме встал, робко приблизился к Ней, раболепно пал Ей в ноги

¹ Старцу-игумену. — *Примеч. сост.*

² Письма Святогорца... С. 411—412.

и благоговейно облобызал Ее десницу. Долго и милостиво, по временам с материнской улыбкой что-то вполголоса Она ему говорила, потом обошла всю трапезную, обозревая всех и каждого порознь. В это время духовник суетливо хлопотал о приборах для посетительниц, но одна из девиц, подошедши, громко сказала: «Перестань, пожалуйста, беспокоиться о трапезе: Царица Небесная этого терпеть не может». В ту минуту Царственная Посетительница снова подошла к игуменскому столу, и, пока обозревала оттуда с материнской любовью все братство, другая девица, наклонившись к Ее уху, вполголоса сказала: «Что же Ты, Владычица, утешив всех благодатным Своим посещением, ничего не скажешь в утешение этому Твоему рабу?» При этих словах она перстом своим показала на брата, которому было это видение. Несчастный заметил, что Владычица взглянула на него, но гневно и строго, а потом, быстро отвратив от него Свое светлое лицо, молча удалилась из трапезы. Это его так поразило, что он затрепетал от страха и проснулся. Видение это он передал духовнику, а сам с тех пор исправился от своей беспечности.

Рассказ этот произвел впечатление на всех иноков, которые по словам Святогорца, «оставили плотоугодные жалобы на трапезу, довольствуясь тем, что поставят»¹.

Забота о духовном воспитании вверенной его попечению братии была для отца Иеронима делом первостепенной важности, но не забывал он ни на минуту и о той гнетущей нищете, какую он застал в монастыре, и о тех первоочередных его потребностях, о которых так настойчиво и красноречиво заявляла суровая действительность. Братия монастыря просила, как мы видели, кусок насущного хлеба, искала теплого угла, а русские при этом ощущали настоящую

*Трапезная Русского монастыря.
Фотография конца XIX в.*

¹ Письма Святогорца... С. 414.

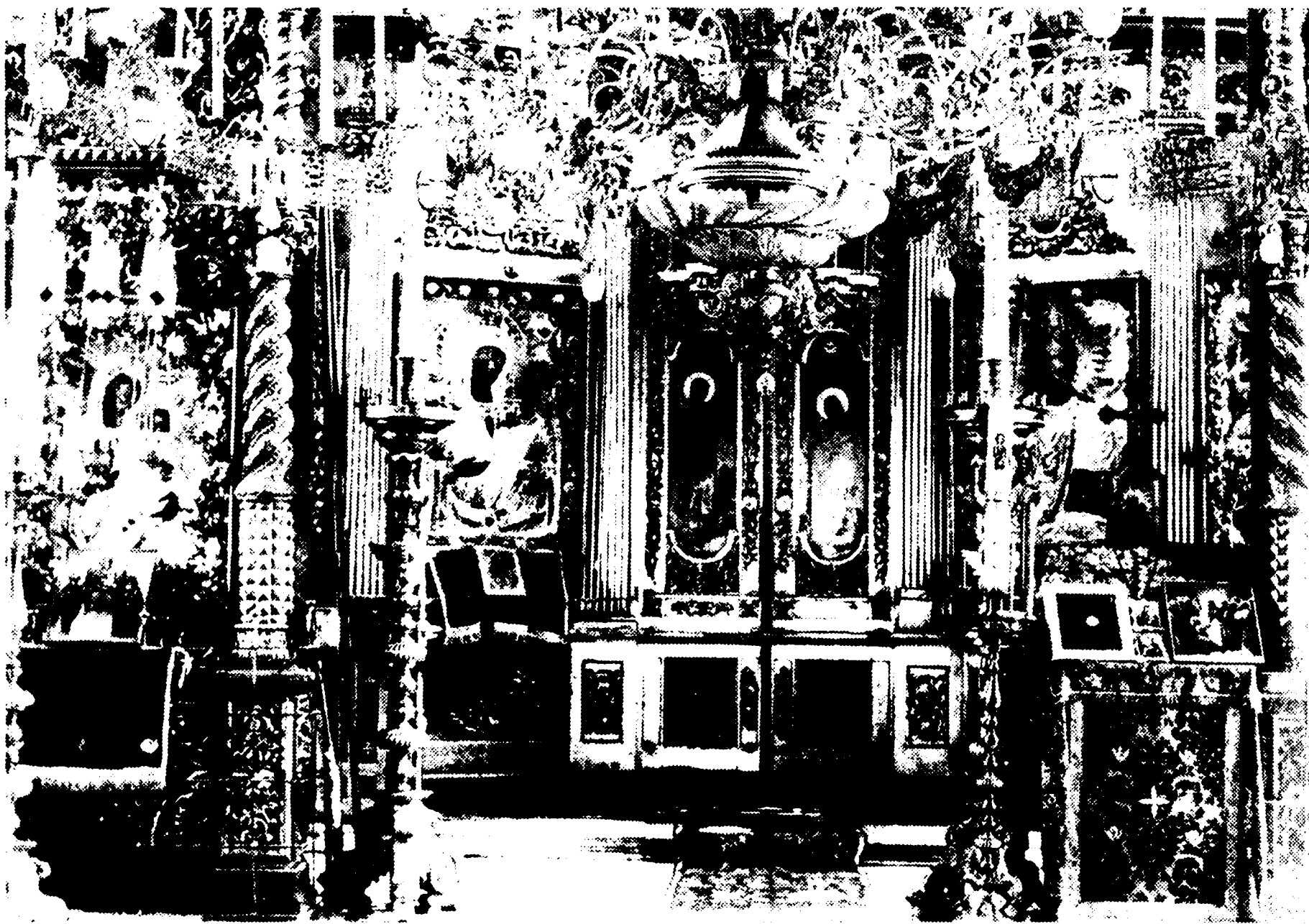
*Образ Божией Матери в трапезной
Русского монастыря. 1870-е годы*

потребность в устройстве отдельного вместительного храма, где бы имели возможность удовлетворять свою первую потребность — молиться на славянском языке. Маленький параклис святителя Митрофана уже не вмещал всю русскую братию, число которой постоянно увеличивалось. Посему вскоре по переселении в Свято-Пантелеимонову обитель русские первым делом (с января 1841 года) приступили к строительству для себя отдельного Митрофановского собора, заложенного, как было сказано, еще ранее иеромонахом Аникитой. Достаточных для сего средств можно было ожидать только из единоплеменной и единой верной Пантелеимонову монастырю России, с воззванием к которой о

помощи и обратился отец Иероним. Те надежды на помощь православных чад Русской Церкви, которые питала бедствующая братия, принимая русских в обитель, начали сбываться: в 1841 году была объявлена высочайшая милость в дозволении сбора милостыни¹ в России. Первым был отправлен туда отец Парфений, постриженный в схиму вскоре по переходе со старцем в монастырь.

Призвав его, отец Иероним начал говорить ему: «Мы основали русскую церковь святителя Митрофана, а монастырь наш небогатый,

¹ Отец Иероним, привлекая к обители множество жертвователей и благодетелей, нисколько не погрешал против заповеди Матери Божией, запрещавшей посылать монахов в мир за сбором, относившейся к монастырям, разорившим монашеские уставы, и к монахам, живущим по своеволию, прилепившимся к богатству. Мудро распоряжаясь сбором пожертвований, старец соединял две цели. С одной стороны, обитель получала средства, необходимые ей для нормального существования и внешнего церковного служения: дел милосердия, заботы о паломниках, издательской и просветительной деятельности и т. п. С другой стороны, множество русских людей как со средствами, так и небогатых своим участием в нуждах обители становились причастниками благодати и получали явную молитвенную помощь в деле спасения своих душ.

Иконостас Пантелеимоновского собора. Фотография конца XIX в.

строить нечем; братии больше 100 человек, а денег нет ничего, еще и должны больше 100 тысяч. Требуется послать в Россию для сбора, а кроме тебя некого; надобно потрудиться тебе съездить». Отец Парфений горько плакал и настойчиво отказывался, решаясь лучше уйти на пустыню, чем идти в мир. Духовник со слезами его уговаривал: «Послушание выше всех добродетелей, а без благословения и в пустыне погибнешь» — и представлял ему и другую, уважительную лично для него причину ехать в Россию: посодействовать обращению в Православие родителей его, пребывавших тогда в расколе. После многих слез и отговоров отец Парфений по совету и благословению первого духовника своего старца Арсения отправился на Фоминой неделе того же 1841 года для сбора пожертвований в Россию.

Три года пробыл отец Парфений в России; правда, родителей успел обратить в Православие, а сбора милостыни по новости дела не мог сделать, потому со смущением он представлялся по возвращении своему отцу духовнику Иерониму. Но тот, отечески успокаивая его, говорил: «О том не скорби, что ничего не привез, это не в твоей воле, но так Богу угодно; мы рады, что ты сам возвратился. Исполнил ли то, зачем посылали тебя, насчет родителей?» По утвер-

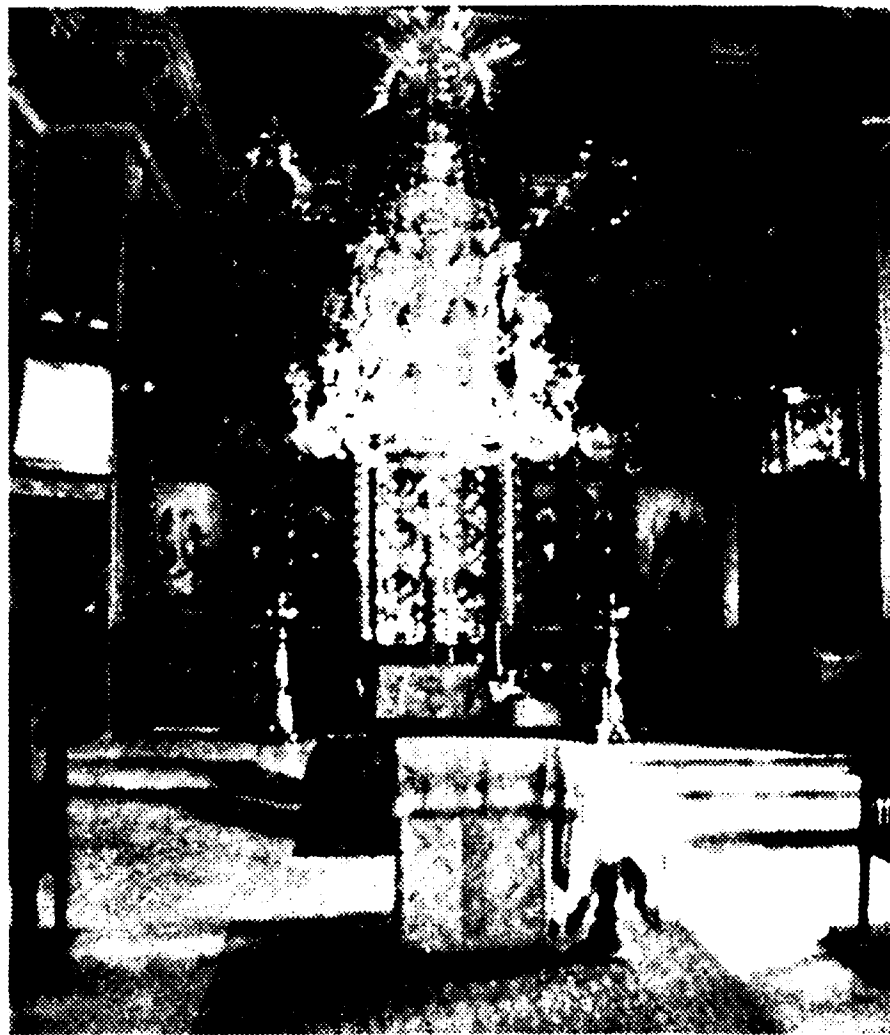
*Икона святого великомученика
Пантелеимона в соборе. XIX в.*

дительном ответе о сем отца Парфения отец Иероним, обнявши его, сказал: «Мы только затем и посылали; ты теперь будь покоен, это нам дороже всего — чтобы души спасти свои и родителей, а нужды и недостатки наши Сам Господь исполнит. Посмотри нашу обитель: такую ли ты оставил? Уже теперь мы ее украсили, как невесту добрую». И потом расспрашивал о многоскорбном его странствовании.

Продолжая свой рассказ, отец Парфений замечает далее: «В обители я уже увидел все другое: везде устроено, убрано, расписано, выкрашено, вызолочено, все перекрыто, и братии уже стало более вдвое. Когда отправился в Россию, было только двое русских иеромонахов, а теперь уже шестеро; также и клиросы полны певчих»¹.

Что касается благоустройства обители, то, конечно, при недостатке тогда монастырских средств и за короткое время его отсутствия многое не могло быть сделано, однако приведение и малого в порядок для него, возвратившегося в обитель, стало уже заметно. Так, главный собор — Пантелеимоновский, остававшийся с самой постройки нештукатуренным, — штукатурился; клиросные окна в главном его святилище в 1845 году были расширены; также было расширено окно в западной капитальной стене, отделяющей святилище от притвора, для лучшего освещения последнего и более удобного слушания богослужения стоящими там. На икону святого великомученика и целителя Пантелеимона, что при колонне, поддерживающей восточную часть главного купола, в 1844 году была получена из Петербурга серебропозлащенная риза — дар купца Вологодской губернии Егора Шучева с товарищами; из Иерусалима привезен семисвещник с надписью: «Сей подсвещник высечен из

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 3. С. 61.

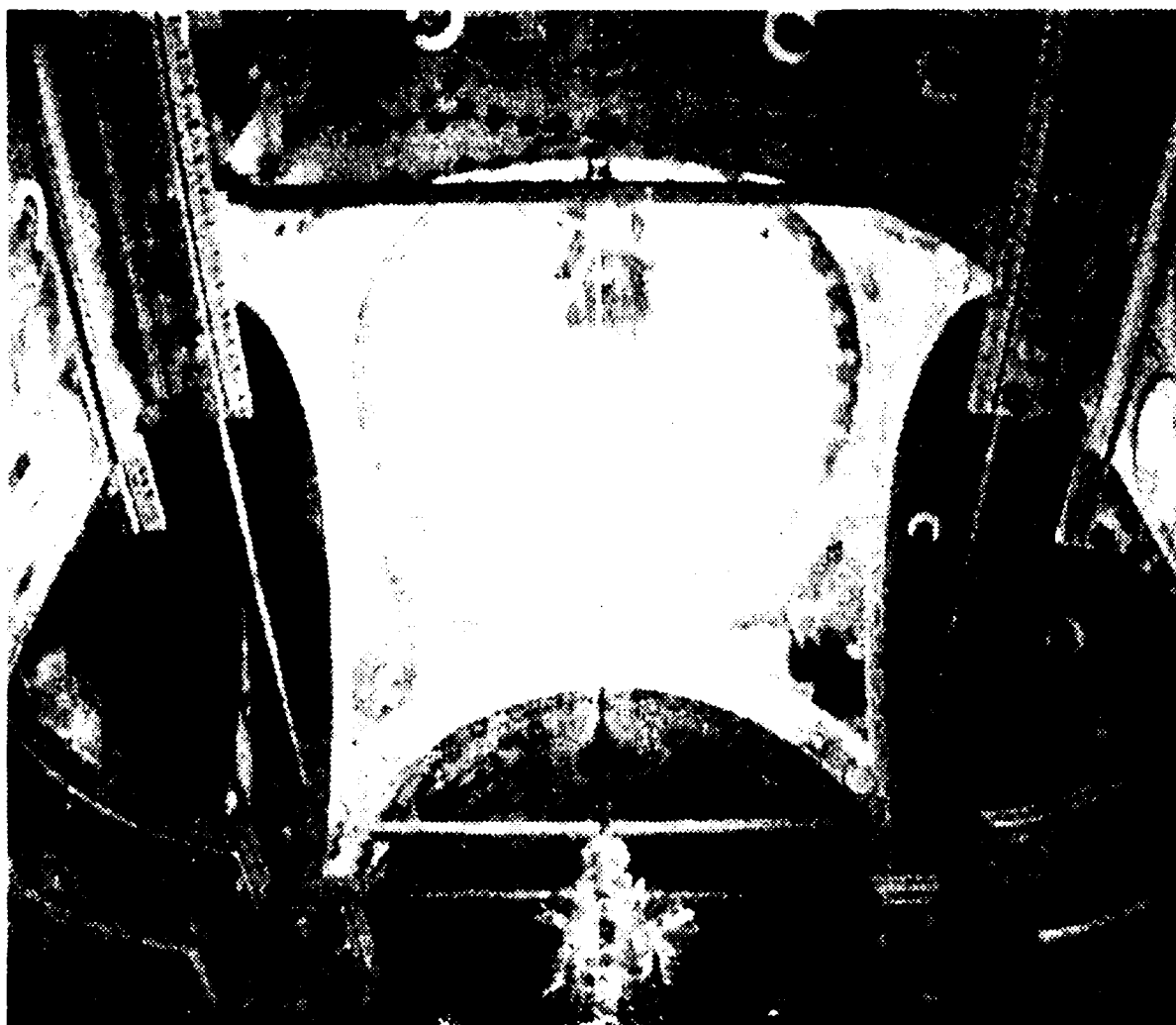

*Внешний и внутренний вид
собора во имя святителя
Митрофана Воронежского*

осколка от пещеры Гроба Господня рукою первых пустынноживших в Иерусалиме христиан и

находился несколько столетий там, на престоле в церкви святого Иоанна Предтечи, а в 1847 году привезен из Иерусалима Павлом Александровичем Кашкаровым (гдовским Петербургской губернии дворянином)». Иконостас, деревянный, сплошь и весьма хорошо вызолоченный, был прислан в 1850 году усердием одного благотворителя из Старого Оскола. Трапезная, остававшаяся в прежнем виде, была расписана в 1843—1844 годах; на маленькой башне на восточной стороне ее в 1847 году повешены колокола, из них самый большой в 50 пудов, пожертвованные московским почетным гражданином Федором Набилковым и воронежскими купцами братьями Самохваловыми.

Главная же и первая из построек в 1840-х годах, как уже замечено, был русский собор святителя Митрофана Воронежского, оконченный и освященный в 1846 году, 23 ноября. Отцу Парфению не привелось участвовать в освящении: по решительной заповеди старца-духовника Арсения, скончавшегося в 1846 году, со скорбью выезжал он в это самое время с Афона на всегдашнее жительство в Россию, где после долгого странствия был сделан иеромонахом

Купол Митрофановского собора

Святитель Митрофан Воронежский.
Стенопись Митрофановского собора. XIX в.

и настоятелем Гуслицкого Спасо-Преображенского монастыря Московской епархии¹.

Митрофановский собор по объему не слишком обширен, но для тогдашнего русского братства был достаточен, светел и по своему внешнему виду и архитектуре — с наружной галереей и красивым фронтоном на четырех огромных колоннах — похож на российские храмы. На сооружение иконо-

¹ Отец Парфений вновь посетил Свято-Пантелеимонову обитель и увидел старца Иеронима, когда в 1870—1871 годах совершал паломничество из России в Иерусалим и заехал на Афон: «Вдруг все встали — слышно, кто-то идет по корридору; отворяется дверь; входит старец, украшенный седи-нами, с бородою ниже пояса. Я вижу в нем возлюбленного моего отца и благодетеля духовного Иеронима; но он, посматривая на всех, хочет узнать меня, и, когда стал подходить к столу, я бросился ему в ноги, рыдая радостными слезами. Он, мой батюшка, наклонившись, поднял меня, обнял, и много мы плакали, не могли ничего говорить. Наконец, он промолвил братии: “Вот вы, отцы, молились за меня, чтобы Господь продолжил дни моей жизни; но я более просил Господа, чтобы не попустил мне умереть, прежде чем не увижу первородного моего сына, отца Парфения, а теперь могу сказать: *Ныне отпускаеши раба Твоего*. Впрочем, болезнь моя приняла оборот к лучшему”. Потом он посадил меня между собою и архимандритом Макарием и, много смотревши на меня, сказал: “Как ты постарел и поседел! Ни за что бы я тебя не узнал”» (Парфений, иеромонах. Вторичное мое странствие во святой град Иерусалим и во Святую Гору Афонскую в 1870—1871 годах // Душеполезное чтение. М., 1872. Т. 2. С. 76—77).

стаса и богатое внутреннее убранство храма были пожертвованы средства петербургским купцом С. М. Комаровым, оставшимся в обители, приняв постриг с именем Серафима.

Освящение совершал митрополит Адрианопольский Григорий, пребывавший на покое в Ватопедском монастыре. Со времени освящения собора память святителя Митрофана празднуется обителью торжественно, также и греческим братством, которое для этого перевело себе его службу.

С построением Митрофановского собора параклис во имя этого святого, уступленный русским еще во времена отца Аникиты, переименован был отцом Иеронимом во имя русского святого преподобного Сергия Радонежского. Близ этого параклиса старец тогда имел келлию и до смерти ее занимал.

Вот что сделано и приобретено русскими в первое десятилетие их совместной с греками жизни в Русском Пантелеимоновом монастыре по расширению, обновлению и украшению его. «Когда взошли русские в сию обитель, — вспоминает отец Парфений, — тогда она была всех убоже и обнаженнее и у всех в поношении, а когда я выходил, в 1846 году, она стала почти всех богаче и славнее. В течение семи

*Вход в параклис преподобного Сергия Радонежского.
Справа — дверь в келлию старца Иеронима*

Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь.

Фотография П. И. Севастьянова. 1853 г.

лет так ее русские облекли, украсили, что вся Гора Афонская удивляется и завидует»¹. Кроме этого, в первые же годы было начато уплачивание прежних, нажитых греками монастырских долгов, ибо неотложно по долговым обязательствам требовалось ежегодно выплачивать большие проценты, хотя в монастырской казне ничего не было, а пожертвований из России на первых порах не могло быть много, ибо сношение с ней тогда было не легко и не быстро, а требовалось много хлопот для получения дозволения проехать туда. Тем не менее иноки в Россию посылались и возвращались с щедрыми пожертвованиями. 1 октября 1849 года выехали отцы Иов, Нифонт и Сильвестр, в схиме Селевкий. Во время путешествия по России отец Селевкий нередко присылал в обитель деньги в пакетах, церковные вещи и разные пожертвования, а когда возвратился, передал отцу Иерониму 4000 рублей и после одного бывшего ему видения еще 50 золотых, о чем он поведал в своем рассказе.

«В одно время, провидя мое падение в грех сребролюбия, заставил отец духовник читать житие святого Андрея юродивого. Когда начали читать и дошли до того, как обвинялся змей около одного монаха-сребролюбца (как видел святой Андрей), и мне показалось, что

¹ *Парфений*, инок. Сказание о странствии и путешествии... Ч. 2. С. 208.

около меня обвивается змей. Я тотчас пошел в свою келлию, отпер сундук, вынул из него через (кожаный пояс) с деньгами и пришел к духовнику. Поклонившись ему в ноги, отдал я ему через и сказал: “Возьми, батюшка, эти мои деньги, 50 золотых, я их оставил у себя. Пришло на мысль, что теперь я здоров, а заболею, так и не знаю, где Господь приведет пожить. И я не могу теперь трудиться, желал бы на келлиечке пожить”. А духовник сказал: “Прежде надо пожить в общежитии и пройти послушания”. Потом начал он говорить о деньгах: “О, как ты малодушен! Надо надеяться на Бога и на Царицу Небесную, а не на деньги и богатство скоропреходящее. Аще кто Господа и Царицу Небесную возлюбит всею душею и всею крепостию и прославит угодников святых и аще кто надеется на Них на земли, того Господь и Царица Небесная не оставят на земли и прославят на небеси. Мария, Матерь Господа, благую часть избрала: завсегда находилась в посте и молитве и прославляла Господа в храме Его. Она всегда имела рукоделие в руках, а молитву во устах. Любовию дышала Она серафимскою и даже молилась за врагов. Ты помнишь, когда ты раздал все свои деньги до копейки и пошел странствовать без всего? Сам ты сказывал, что тебя Бог не оставлял”. “Так точно, отче”, — ответил я. “Как же ты теперь, будучи монахом, сомневаешься? Ступай, молись Богу и готовься в схиму”.

О, как утешил меня отец Иероним, духовник! Я пошел, встал в свою форму (монашеское место в церкви) и за молитвами его спокойно выстоял бдение.

Прихожу после службы в келлию — двери отперты, и сундук открыт, а мне уже более и в голову не приходит, что меня могут обокрасть; лег я на кровать и не подумал запереть ни двери, ни сундука — отдохнул преспокойно. Ударили к Литургии, и я, отправляясь в церковь, опять не запер дверей своей келлии. Вот что значит ничего не иметь. А то, бывало, стою в церкви, а враг и представляет: вот войдут в келлию, замок сломают или в окошко влезут и выберут все. А как можно в окно влезть? Вышина страшная, сажени четыре, сзади монастыря. Вот как нас часто враг обманывает. Сперва помогает он нам нажить богатство, чтобы чрез него хоть насколько-нибудь отвести нас от Бога, а потом вводит нас в погибель. Не дает покоя ни на бдении, ни за обедней, ни во время вечерни — в голову все так и лезет житейское попечение.

А когда назначили меня ехать в Россию по сбору¹, я пошел к духовнику и стал отговариваться, но он сказал: “Мы созданы не для

¹ Вторично в 1858 году вместе с иеромонахом Макарием (Семыкиным). — *Примеч. сост.*

Видъ Русскаго общежительнаго монастыря Св. Великомученика и Целителя Пантелеимона на Св. Афонской Горѣ

Благословеніе Божее, Честнаго Иерея Пресвитыя Богородицы Св. горы Афонской и отъ Смиренной Русской Пантелеимоновой Обители да будетъ съ Вами, Милостивѣйшіе Благотворители!

Сия Русская Общежительная во имя Св. Великомуч. и Целителя Пантелеимона Обитель съ древнихъ временъ существуетъ на Святой Афонской горѣ. Отъ разныхъ путешественниковъ описывавшихъ Афонскую гору Россіи извѣстно, что въ этой Русской Обители съ помощію Божіею соблюдается строго иноческое общежитіе. Въ эту пустынную ограду благодатію Христовою нынѣ собралось всѣхъ около 400 смиренныхъ братій; изъ этого числа однихъ Русскихъ 170 человекъ и равное же почти число Грековъ, а остальная часть братія изъ Болгаръ, Сербовъ, и другихъ націй. Вся эта Богомъ избранная иноческая семья, во немѣннѣе другихъ средствъ содержится лишь одной милостивою за нея Христова присылаемою отъ православныхъ чадъ Россійской Церкви. Для такого многочисленнаго братства крайность заставила Обитель приступить къ постройкѣ больницъ съ Церковью, съ прибавленіемъ на нѣсколько братій келій, но безъ помощи благотворительной руки постройка эта совершиться не можетъ. Посему съ Высочайшаго разрѣшенія и по благословенію Св. Синода пребывающіе въ Россіи изъ Обители сего Геромонахъ Макарий и монахъ Мелетій со смиренною просьбою обращаются къ Вамъ Милостивѣйшіе Благотворители, Господа ради и ради Пречистой Богородицы не лишите Вашего милостиваго вниманія этой пустынной въ пособіи нуждающейся Обители. За малую Вашу жертву Обитель будетъ совершать безкровную жертву о здравіи и о благоденствіи Вашемъ, и равно о уношеніи сродниковъ Вашихъ, которыхъ имена висены будутъ Вами. За что и исполнится на Васъ Божественное изреченіе: «*Блаженнѣ милостивѣи яко тии помидовани будутъ*».

*Одно из обращений Свято-Пантелеимонова монастыря
с просьбой о пожертвовании. 1861 г.*

того, чтобы жить только для себя, но и для других потрудиться. Ты можешь быть многим на пользу". И предался я на волю Господа, Царицы Небесной и преподобных афонских угодников»¹.

Иноки, направляемые в Россию, и письменные воззвания отца Иеронима рассказывали русскому народу о нуждах и бедствиях

¹ Рассказ святогорца схимонаха Селевкия... С. 221—223.

родного для них Афонского монастыря, обещая молиться о всех своих благодетелях. Обращение к доброму русскому сердцу, издавна не щадившему своих средств на благоуукрашение свято чтимых обителей, нашло полное сочувствие, и из России потекли в Русский Афонский монастырь пожертвования деньгами и вещами. Отец Иероним строго следил за записью имен жертвователей для поминовения. Был случай, когда приехавший благотворитель захотел убедиться в правильности записи и был поражен точностью и принципиальностью ведения этого дела, увидев свое имя в бесконечных списках толстых синодиков.

Все пожертвования, приходявшие из России, отец Иероним старался делить между русской и греческой братией поровну, причем, чтобы расположить греков к русским, даже отдавал им лучшие вещи, а русским оставлял худшие, кроме тех случаев, когда пожертвования предназначались только для русского храма или русской братии.

Старец-игумен Герасим и его образованнейший и гуманнейший наместник иеросхидиакон Иларион старались всячески оказывать содействие отцу Иерониму в его трудах, так как ясно видели, что они действительно направлены ко благу их обедневшей обители. Греческие старцы всеми силами старались поддержать согласие и единодушие между греками и русскими и устранять всякого рода недоразумения, возникавшие с той или другой стороны, так как этим только и обуславливалось дальнейшее процветание монастыря. Хотя со стороны некоторых старых братий-греков случались ропот и дерзости против русских, отец Иероним, как посланный в обитель за послушание, все смиренно переносил.

Отец Иероним, смиренно соблюдая монастырский чин, действовал всегда от имени игумена Герасима, в своих письмах подписывался после него и относился к грекам в обители, как некоторого рода хозяевам. Русская братия, пользуясь наставлениями любимого духовника и видя свою малочисленность по сравнению с греками (к началу 1850-х годов — 80 человек), смиренно переживала свое приниженное положение в обители, ибо начальственных послушаний русским тогда не поручалось, даже чтение в трапезе всегда происходило на греческом языке (до 1856—1857 годов).

В 1845 году Афон и Пантелеимонову обитель посетил русский великий князь Константин Николаевич. Святогорец сообщает, что по прибытии парохода великого князя русский духовник Иероним с одним старейшим иеромонахом Пантелеимонова монастыря отправились туда для предварительных объяснений и удостоились представления его высочеству. Во время пребывания великого князя

обращение великого князя с русскими иноками, как представителями великой русской нации, возвысило Русик в глазах других афонских монастырей, укрепило авторитет отца Иеронима и заставило греков Пантелеимонова монастыря обходиться с ним уважительнее.

В эти годы увеличилось число русских поклонников на Святой Горе. Немало русских купцов, людей состоятельных, посещая Афон для паломничества, пленялись внутренним благоустройством Пантелеимонова монастыря, а более всего душеспасительной беседой и богومудрыми словами его духовника отца Иеронима, много жертвовали ему на пользу святой обители, часто сами в ней оставались и оканчивали в подвигах иноческих земную жизнь. Одним из таких паломников был Михаил Иванович Сушкин из рода богатых тульских купцов, прибывший на Афон в 1851 году, — будущий игумен Русика схиархимандрит Макарий.

Письма, воззвания отца Иеронима, рассказы возвратившихся на родину паломников об Афонской обители и ее духовнике, привлекали к ней благотворителей в разных концах России, преимущественно из богатых людей купеческого сословия. Сам принадлежа к этому сословию и зная хорошо его обычаи и наклонности, отец Иероним пользовался этим во благо Пантелеимонова монастыря.

Он вел переписку со многими лицами в России и этой перепиской приобретал для своей обители помощь не только материальную, но и духовную — взаимную, общую молитву русского народа со своими избранными представителями в уделе Божией Матери. Он всегда был душой этой переписки, умел ее сделать душеполезной для многих в России, чем снискал уважение и любовь к своему монастырю.

Привлекая боголюбивые души к благотворительности, он соделывал их причастниками милости, подаваемой от Бога, обещавшего великие награды в день воздаяния комуждо по делам его: *Понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе. Внидите в радость Господа своего* (Мф. 25, 21, 40).

Взаимные молитвы в духе любви

Старец Иероним в своих письмах так отечески наставляет одного из русских благотворителей, Павла Ивановича Помельцова: «Господь, Сам сущи источник милосердия, любит милостивых, премногою милостию их обогащает, милостивых по преимуществу помилование и вечное блаженное в загробной их жизни упокоение ожидает... И Небесная Покровительница наша Пречистая Дева Мария благо-

творящих в Ее Богоизбранный удел вовек не оставит Своим матерним заступлением пред Престолом Сына Своего и Бога нашего.

Живое участие Ваше к Русику делает Вас родным Русику и как бы участником насельников его. Зрящий на сердца Господь, Который ценит и чашу холодной воды, поданной жаждущему, вознаградит Вас за такую вашу любовь и усердие, и Всепетая Богоматерь покрывает Вас Своим честным омофором, споспешествуя Вам в делах благочестия во спасение Ваше. Наш же долг есть всегда возносить о вас с семейством, о брате Феодоре Ивановиче свои смиренные молитвы, а равно и о родителях Ваших, о поминаении коих и о включении в синодик вечного поминаения имен их Вы так заботливо просили прежде во изъявление любви и почтительности к ним как к родителям. Выражая свое теплейшее усердие и любвеобильное участие к обители и к нам, убогим обитателям жребия Препоблагословенной Владычицы Богородицы, Вы просите наших молитв, то в соответствии такой любви Вашей скажем Вам, что будем умолять благодать Божию, дабы как она соединила нас в духе здесь, в земной юдоли временного нашего странствия, так и в будущем соединила бы нас на веки веков прославлять ее в лице Троидинобога¹.

Господь милует не только дающих милостыню, но и всех их родных, даже тех, которые по своему неразумию противятся этому благому делу. Всем им будет за это помощь на мытарствах. Так поучал старец.

Взаимные молитвы в духе любви благотворителей и братии монастыря дают видимые плоды уже здесь, в настоящей жизни.

«В этой благотворной переписке таилось заочное единение о Господе старцев и моего недостойнства. Старцы, видя мое усердие, хотя и не по разуму, молились и утешали всячески, а я, как дитя любя старцев, углублял в землю моего сердца их добрые советы, что и приносило свой полезный плод...

Еще я могу засвидетельствовать то, что молитвы в духе любви христианской оправдываются на самом деле. Вы увидите, что не один раз встречалось имя моего родного брата Феодора Ивановича, участвовавшего в благотворении Русику, имя коего вместе со мною и родителями записано на вечное поминаение псалтирное в обители вашей. И что же? Мой брат Феодор доселе живет глубоко благочестивым и уже десять лет соборным церковным старостою. Его старанием воздвигнут у нас в городе Новоузенске громадный

¹ Из писем к П. И. Помельцову 1863—1865 годов.

собор в 125 тысяч рублей, хотя на посторонние средства, но главным двигателем сего доброго дела был он. При этом внешнем деле у него сохранилась глубоко духовная жизнь, которой и я подражаю. Смотря на это, я много приписываю это святым молитвам покойных старцев и вашей святой обители. Теперь очевидно, что молитвы праведных много споспешествуют в деле спасения человека.

Благословение Божие на мне в материальном и семейном отношениях очевидно... Нужды не имею, пользуюсь спокойствием», — пишет П. И. Помельцов в Русик в 1902 году.

О благотворности и силе молитв на Святой Горе рассказывает монахиня Симбирского Спасского женского монастыря Досифея.

«Виделось мне, что я будто бы где-то на поле с покойным братом моим князем Чагодаевым, скончавшимся в Самаре в 1861 году внезапною смертью и без напутствия Святых Таин, что было большим прискорбием для всех нас, близких его. И вот мы будто бы идем с ним по чудному местоположению, несколько гористому, по коему встречаются изредка цветущие деревья. Брат был задумчив, и я шла молча возле него, любуясь красотой природы, но не смела нарушить задумчивости брата, который шел с поникшей головою. Пройдя далее, увидела я прекрасное селение, как будто сейчас выстроенное; с одной стороны в конце села стоял высокий деревянный крест, также новый, а с другой стороны был чудной красоты новый дом. Когда мы приблизились к нему, брат с радостным видом сказал мне: “Вот какое богатое село недавно купил я, и этой покупкой очень, очень я обязан жене моей Ташеньке; надобно написать к ней и поблагодарить ее за сделанную милость для меня”. Я же сказала ему: “А мне можно, братец, войти в ваш чудный дом и полюбоваться на него?” И он отвечал мне на это: “Можно, можно, пойдем-ка, посмотри, как в нем хорошо”. И вдруг очутилась тут же будто бы его жена, княгиня Татьяна Никаноровна, которую брат стал благодарить за все, что она сделала для него, кланяясь ей до земли.

В это время я проснулась с радостным чувством, но не понимала, за какую милость благодарит брат свою жену и что означает это богатое село, купленное им недавно с ее помощью.

В скором времени объяснился для меня этот сон с получением письма от жены покойного брата нашего Т. Н. Чагодаевой, которая уведомляла нас с сестрою, что ей Господь помог устроить вечное поминовение по брате нашем во Святом Афоне и что она удостоилась получить в благословение крестик и четочки»¹.

¹ Письмо на Афон от 21 декабря 1863 года.

Из ответов старца на многочисленные письма православных людей, посылавших в обитель свои лепты, мы видим, как высоко отец Иероним ценил даже самое малое пожертвование и как горячо благодарил за каждое доброе дело. Эта искренняя признательность располагала многих продолжать и посильно увеличивать свою помощь Русскому монастырю, так что она никогда не оскудевала и служила, по словам старца, «большую помощь к построению великих зданий монастыря». Благодарность за жертвования и молитвенную память о благодетелях старец Иероним заповедал своим преемникам и братии в духовном завещании, вменяя в величайшую обязанность «прославлять Бога особенно благоприятным Ему поминовением имен благотворителей обители... Ибо для сего вы и призваны Им в сию святую обитель, что и мне, грешному советнику вашему, сотворит вечную пользу», — говорил старец.

В ведении душеназидательной переписки отцу Иерониму помогали некоторые из образованных иноков обители, а вскоре по водворении русских в обители святого Пантелеимона Бог послал в помощь отцу Иерониму известного в будущем писателя-святогорца иеромонаха Серафима (в схиме Сергий). Он, прибыв из России на Святую Афонскую Гору в 1843 году, поселился в Пантелеимоновом монастыре и стал в близкие духовные отношения к отцу Иерониму. Обладая поэтическим пером, Святогорец в своих «Письмах к друзьям» впервые познакомил Россию с Афоном, его монастырями, скитами, с высоким духовным житием афонцев, подробно описав их уставы и обычаи, а также с Пантелеимоновой обителью, ее насельниками и руководителями и тем весьма способствовал увеличению уважения образованных русских к Афонской Горе и Русскому монастырю. Правда, характеристика самого отца Иеронима у Святогорца весьма кратка, чтобы, как он пишет, «не огорчить скромность этого возлюбленного старца», упомянуто только, что «он остается единственным на Святой Горе во всех отношениях своего духовнического звания»¹. Благодаря книге Святогорца, а также «Сказанию о странствии и путешествии» отца Парфения, изданному вскоре в России, старцы-руководители Руси отцы Герасим и Иероним становились известны и почитаемы в отечестве.

Вместе с письмами и воззваниями отец Иероним отправлял для благотворителей в Россию иконы, писанные на Афоне, душеполезные книги, литографические картинки, образки. Непрестанные молитвы старца к небесному покровителю обители святому велико-

¹ Письма Святогорца... С. 148.

Возлюбленный о Господе
Всеголюбивый Павел Иванович

Благословенн Божие и при
частие св. Духа буди съ Вами

С радостью и благодарностию полу
чил я Ваше письмо отъ 14 сентября въ
котором усматривается искренняя любовь
Ваша къ Богу и благочинание Вами
попечением оныя, а также рассмотрение

Изображение святого великомученика Пантелеимона
на одном из писем старца Иеронима благотворителям

мученику Пантелеимону о своих благодетелях и всех православных людях не оставались не услышанными. Сохранилось множество свидетельств, направленных в обитель, о чудесных исцелениях безнадежно больных и другой помощи святого угодника Божия, поданной через присланные с Афона его изображения и образки и даже при чтении книг афонского издания. Исцеления происходили и от самих писем старца, проникнутых христианской любовью и искренним участием к страждущим. Свидетельства тщательно собирались монастырем, хранились, а также неоднократно издавались.

Вот некоторые из этих чудесных случаев.

В 1858 году в Оренбург, в женскую обитель, которую намеревались там устроить, послана с Петром Филипповым Лосевым (старцем, живущем там при кладбищенской церкви) икона «Достойно есть». <...> Икона «Достойно есть», отправленная в Оренбург, ознаменовала себя тысячами чудес, и преимущественно во время пути. Особенно замечательные чудеса пролила Усердная Заступница рода христианского от Симбирска до Оренбурга, когда жители городов и сел, движимые живым усердием и верою, несли на головах святую икону более 200 верст, переносая от города до города и от села до села и передавая одни другим¹.

¹ Рукописный рассказ монаха Пантелеимона (Сапожникова).

Выражая свою радость и благодарность за полученные из Афонской обители малую икону святого целителя Пантелеимона и книжку «Собрание чудес» его, С. Г. Жарков с супругою (из города Лукоянова Нижегородской губернии) просили письмом от 10 февраля 1866 года принести за них благодарственные молитвы к святому страстотерпцу Пантелеимону, который, как безмездный врач, исцелил дочь их Александру, страдавшую скарлатиною в 1860 году и уже не имевшую никакой надежды к выздоровлению.

Святой целитель Пантелеимон удостоивает слышать мои молитвы и на днях подал скорую помощь семилетнему отроку, сыну нашей деревенской поселянки, у которого застудили кровь. Сыпь скрылась вовнутрь, и у бедняжки сделалась водяная... Теперь же он здоров молитвами святого целителя Пантелеимона. Икону сего угодника, присланную мне из вашей обители, я носила к ним и за неимением здесь, в деревне, святой воды облила икону над головою мальчика, и с артосом он пил эту воду. На другой день его причастили Святых Христовых Таин, после чего он долго спал. С тех пор он начал поправляться и теперь совсем уже здоров, завтра везу его в церковь (письмо от 26 июля 1864 года помещицы Симферопольского уезда Е. С. Цомакиан).

Несколько лет тому назад я страдала желчью, лечилась, но не помогло. В самые тяжелые минуты моих страданий я получила письмо из вашего монастыря, это был ответ на приношение святому угоднику. Распечатываю письмо, вижу образ на письме целителя Пантелеимона. Я начала просить угодника Божия об исцелении меня и, признаюсь, помолилась со слезами. Молитву мою прервали, позвав меня обедать. Только что я села за стол, как почувствовала необыкновенную тошноту. Едва успела выбежать, как из меня вышло множество желчи, и с тех пор, благодаря Бога и угодника его, я уже не чувствую таких сильных припадков желчи (письмо от 26 августа 1865 года А. Печериной из города Пензы).

...Принесли образ на атласе, присланный из вашей святой обители, святого великомученика Пантелеимона, дали приложиться больному и просили батюшку святого угодника о помощи. А у больного уже и дыхание было только в груди, а тело все было без движения. Потом приготовили его к смерти и ожидали с часу на час кончины. И что же? Смотрим, к удивлению всех нас, чернота на переломе начинает отходить и лицо его оживляется. Час от часу лучше и лучше. Теперь, слава Всевышнему Богу и небесному врачу и исцелителю Пантелеимону, больной начинает с помощью костылей ходить (письмо Е. С. Гудкова из города Мариинска Томской губернии).

«Страдая от продолжительной болезни, я усердно молился угоднику Божию Пантелеимону и, взирая на его святой лик, вырезанный

из вашего письма, просил исцеления, употребляя и святую воду, поставленную мною в пузырьке над этим изображением. И как бы вы думали? На другой же день я почувствовал исцеление и теперь, слава Богу и святому великомученику Пантелеимону, совершенно здоров! (письмо статского советника Е. М. Михайлова из города Казани)¹.

Обильным потоком изливалась целебная благодать от посланных из обители писем, икон и изображений великомученика Пантелеимона и в последующие годы, постоянно побуждая православных в России посылать на Афон свои посильные жертвы.

Отставной майор Александр Николаев Калтынянский, бывший владелец хутора Трех Лощин, около двух лет был болен лихорадкой, неоднократно обращался к врачам, лечился всеми возможными средствами, но болезнь оставалась упорною и сильно изнуряла его. В 1869 году, когда доставлена была ему из Афонского Пантелеимонова монастыря икона великомученика Пантелеимона, он весьма обрадовался, сам вынул ее из короба, с благоговением приложился к ней, мысленно испрашивая себе у святого великомученика Пантелеимона исцеления от болезни, и с этой минуты стал чувствовать себя совершенно здоровым.

Я несколько лет была больна. Получив от вас изображение святого великомученика Пантелеимона, три раза прикладывала к больным местам и помощью страстотерпца Христова теперь чувствую себя совершенно здоровою. Когда я писала к вам письмо, то в то еще время получила облегчение, но, когда получила изображение угодника Божия, совершенно исцелилась (письмо от 3 марта 1873 года астраханской помещицы А. М. Тарасовой).

Как только получила от вас изображение Божией Матери «Достойно есть» и святого великомученика Пантелеимона, то в то же время понесла к соседу своему купцу А. Н. С. У него была больная жена и страдала от перелома ноги. Я приложила ей к больному месту изображение святого великомученика Пантелеимона, и воспаление уничтожилось. Чрез три дня она совершенно поправилась.

У того же купца десятилетний брат упал со второго этажа на каменный пол и сильно повредил себе внутренность. Мать больного помолилась со слезами святому целителю и положила на грудь ему изображение угодника Божия. Больной заснул крепким сном, проспал три часа и проснулся совершенно здоровым (письмо от 13 июня 1873 года О. И. Ермолиной из города Уржума).

¹ Житие, страдания и чудеса святого великомученика и целителя Пантелеимона. М., 1903. С. 77, 82, 111—112, 126, 334—335.

Одно из литографических изображений святого Пантелеимона, рассылавшихся обителью в 1860—1870-х годах

...Я получила столь сильный насморк, что страдала им более года, так что трудно было мне дышать. Доктор советовал сделать операцию, но я не решалась. 9 января 1870 года я получила с почты квитанцию, что посылается со святого Афона икона святого великомученика Пантелеимона на имя мое, и так как меня просил один благочестивый крестьянин переслать ожидаемую им святую икону с Афона, то я и полагала, что икона эта следует ему. Получив эту драгоценную посылку, я решилась раскупорить ящик, чтобы приложиться ко святой иконе и потом уже отправить ее по назначению. Когда открыт был ящик, то от сильного холода вся икона покрылась инеем и пошел от нее

пар от комнатной теплоты. Я взяла чистый платок, обтерла им лик угодника Божия и вдыхала в себя холод от иконы, а платком холодным и мокрым обвязала горло. В это время увидела я освобожденный от инея чудный лик угодника Божия Пантелеимона.

Но какова была моя радость, когда, прочитав надпись на обороте драгоценной этой иконы, я узнала, что эта святыня прислана в дар со святого Афона, из Русика, боголюбивыми афонскими старцами в благословение нашей обители. Радость была у нас в обители полная, все мы радовались посещению небесного гостя.

После сего на другой день я закашляла и у меня без всякой боли запекшаяся кровь кусками стала отделяться и выходить из носа через горло, чем и разрешилось мое продолжительное страдание (письмо от 30 марта 1879 года игумении Новгородского Зверина монастыря Лидии).

Присланная с Афона икона страстотерпца Пантелеимона отличается живописью и при взгляде на нее производит благоговейное в душе впечатление. Многие к нему с особенным усердием прибегают, делая по месту недуга своего на теле к его святой иконе серебряные привески и по силе веры и надежды от чудного небесного сего врача получают здравие в теле и утешение в душе (из письма 1880 года игумена Переяславского Макарьевского монастыря Полтавской губернии Парфения).

...Наступил день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона. Я взял убогого сына и жену и поспешил с ними в Троицкий наш собор, в котором находится икона святого великомученика Пантелеимона, присланная со святого Афона, и во время Литургии просил у Бога отпущения грехов себе. После службы попросил отслужить молебен великомученику и целителю Пантелеимону о исцелении сына своего Ивана, а также о себе слезно просил угодника Христова. После молебна в скором времени я почувствовал такую легкость, что, кажется, раньше никогда не было так. С того времени и сын мой исцелился, даже не отходя от церкви уснул... После этого его рука стала лучше и лучше, а теперь и вовсе здорова (из письма 1880 года И. И. Занина, крестьянина деревни Овсянниковской Вологодской губернии Вельского уезда).

Один из старейших отцов-миссионеров алтайских — отец М. также испытал на себе дивную помощь великомученика. В декабре 1881 года этот достопочтенный миссионер, бывши по делам службы в Бийске у преосвященного, заболел там брюшным тифом. Болезнь по обычному ее ходу усиливалась. В Удалу от преосвященного послан был нарочный с известием о тяжелой болезни отца М. и с просьбою к тамошним миссионерам помолиться пред иконою святого Пантелеимона о их болящем собрате. В этот же день на имя больного отца М. получено было в Бийске из Русского монастыря на Афоне письмо со вложением изображения великомученика и с замечанием, что от таких изображений бывают знамения благодатной помощи. Письмо это было прочитано болящему. С верою и молитвою положил он изображение угодника себе на грудь. В то же время в Удале пред иконою и мощами целителя совершались о здравии отца М. молебны с акафистами... С тех пор отец М. быстро начал выздоравливать и вскоре мог вступить в отправление своих обязанностей.

В прошлом году, начиная с сентября месяца, в моем доме заболели дети весьма тяжкою и невыносимою болезнью — scarlatinou в горле... Мы дали обещание поднять в свой дом из своей приходской церкви икону святого великомученика и целителя Пантелеимона, присланную со Святой Афонской Горы, и отслужить ему молебен с акафистом и водоосвящением, что и было исполнено. По отслужении молебна с водоосвящением дети приложились к иконе святого великомученика Пантелеимона, пили святую воду, и с того времени болезнь совершенно прекратилась (письмо от 1 ноября 1883 года псаломщика Николо-Гончарской церкви М. А. Гуляева из города Болхова Орловской губернии).

14 сентября прошедшего года я посылал вам письмо от Аграфены Солодовой, которая и получила от вас в ответном письме вложенную иконочку святого великомученика Пантелеимона. Сию

святую иконочку Солодова показала тяжело болящей глазами Евдокии, та с верою приложила ее к больному глазу, и долговременная и неизлечимая болезнь на другой же день совершенно прекратилась. Слава Богу о сем! (письмо от 20 февраля 1885 года воронежского купца Д. Н. Попова)¹.

Перед нами также свидетельство благодетеля обители и постоянного корреспондента старца Иеронима П. И. Помельцова: «В этот период моей жизни посетила меня болезнь — брюшной тиф, я был безнадежен к жизни, что и сам припоминаю; в это время чрез меня была выслана с Афона икона святого великомученика и целителя Пантелеимона для передачи в наш Новоузенский женский монастырь. Икона прибыла в мой дом в самый трудный перелом моей болезни, я сам [как бы] бессознательно потребовал, чтобы икону поставили у моего одра пред глазами, в бессознательном же состоянии, как помню, я и молился угоднику помочь мне; и вот его предстательством я доселе здравствую и бодрствую»².

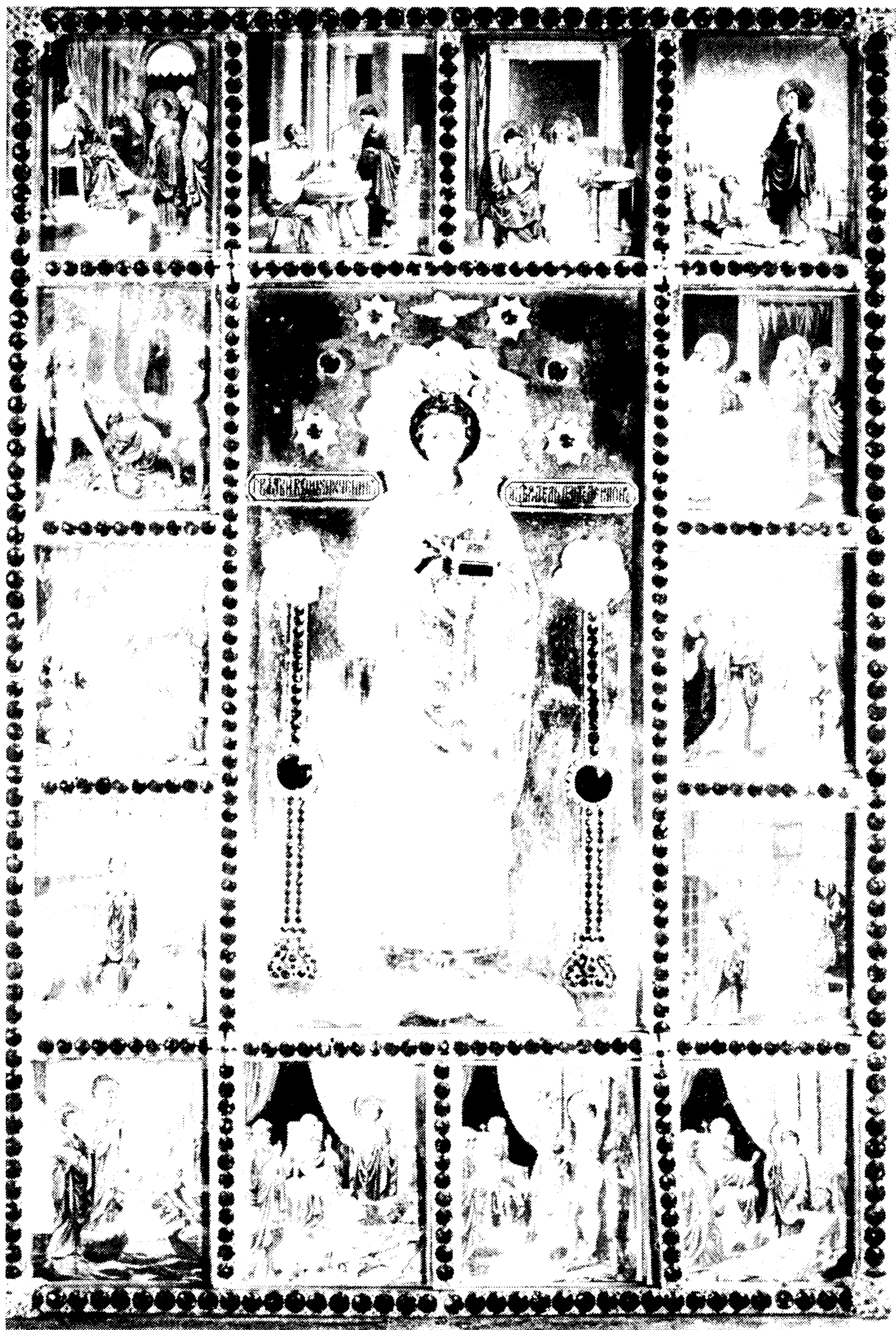
Ответ старца на радостное сообщение об исцелении: «Благодарю Вас за утешительную память Вашу. Радуюсь, что благодатною помощью святого великомученика и целителя Пантелеимона укрепилось здоровье Ваше. Да будет сие и во укрепление души Вашей, чтобы возмогать в немощах. Духовник Иероним. 27 декабря 1883 года».

«Икона святого великомученика Пантелеимона маленькая, мерою два вершка, обложена сребропозлащенной ризою, находится в алтаре [Покровского собора]. Эта святая икона была послана в благословение в Санкт-Петербург и возвращена оттуда обделанною [в оклад], с вычеканенною на обороте иконы следующей надписью: “Сию святую икону приносит раб Божий Владимир за упокой супруги его Елисаветы, скончавшейся 20 февраля 1866 года, в доказательство своей благодарности отцам и братьям Русской обители на Святой Горе Афонской, письмо которых и неожиданное соборование страдальцы, готовившейся к смерти, после Причастия Святых Таин подтвердили слова, слышанные ею во сне от святого Пантелеимона: *Старцы мои молятся о тебе*. Санкт-Петербург. 15 июля 1866 года”»³. Многочисленны подобные записи о вкладах в обитель — свидетельство о том, как велика была молитва в Русском монастыре о душевном спасении многих!

¹ Житие, страдания и чудеса... С. 248—249, 256—257, 284, 298—299, 301, 320—321, 323, 344—345, 350—351.

² Письмо на Афон от 20 января 1902 года.

³ Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона... С. 88.

*Чудотворная икона святого великомученика Пантелеимона.
Покровский собор Русского монастыря*

Так Свято-Пантелеимонова обитель подавала русским людям благодатную помощь и нетленную пищу духовную, а взамен получала от них пищу вещественную и средства для своего содержания и устройства. При особом небесном покровительстве из присланных пожертвований, значительных и небольших, складывалось благолепие и благоустройство Русского монастыря. Из запустелой, клонившейся к совершенному упадку обитель становилась образцовой по своему внешнему виду, зданиям и материальным средствам и начала привлекать внимание и вызывать удивление посетителей Святой Горы Афонской чинным порядком, благоговейным совершением церковных служб, усердием в молитвенном поминовении ее благодетелей и вообще стройным течением в ней иноческой общежительной жизни. Именно отец Иероним содействовал всему этому с самого начала своей жизни и трудов в Русском монастыре.

Покровительство Божией Матери и святого великомученика Пантелеимона Русской обители

Начиная труды по благоустройению Русской обители, отец Иероним рассчитывал не на свои силы, а на Божественную помощь. «Бог чудес, прославляющийся оными во святых Своих, благоволил для славы Своей и утешения Православной Церкви Своей, вместе и обители нашей, явить чрез Пресвятую Божию Матерь и святого Пантелеимона многие чудеса, которые были причиною скорого увеличения нашей обители и ее прославления, что положило прочное основание к обеспечению обители и в вещественном потребном к безбедному ее существованию на будущее время», — вспоминал он впоследствии те годы. И действительно, благословение Божие, Божией Матери и святого великомученика Пантелеимона видимо почивало тогда над мирной обновляющейся Русской обителью и ее смиренным и благоговейным братством.

Монах Пантелеимон (Сапожников) рассказывает следующие бывшие в то время чудесные случаи.

«Что наша Русская обитель на Афоне должна была умножиться братством, благолепно украситься и расшириться в своем объеме, было многократно открываемо некоторым старцам, даже с такою подробностью, что видели и теперешний новый больничный корпус, и церкви, и украшение их, и келлии. Все это Господь открывал в различных видах. Один старец видел, что рои пчел, обремененных

Вид Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря.
Литография 1860-х годов

ношею меда до того, что не могли даже лететь, садились в обители, а старец наш игумен Герасим убирал их и усаживал в ульи. Кто-то помогал ему и сказал, когда уже довольно было собрано пчел: “Ну, теперь иди, старец, успокойся, а я останусь тут и окончу что нужно”.

Отец Вениамин, скончавшийся в 1850 году в нашей обители, был из города Тулы, купеческого сословия, рода Ивановых. Более 40 лет провел он в мире и, находясь, так сказать, среди огня, пребыл неопалим, а потому за душевную чистоту и телесную непорочность он удостоился особенного благоволения Царицы Небесной, призвавшей его в Свой земной удел в чин иноческий. В Туле было ему видение во сне, будто он с родителем своим, давно умершим, у одной помещицы осматривает прекраснейший сад, в котором находилось огромное строение; сад этот помещица предлагала им купить. “Где нам купить такой сад, — подумал он, — сколько в нем зданий, сколько церквей! Во всю жизнь, кажется, не приобретешь столько денег, чтобы купить хотя частицу его!” И, обратившись к отцу, спрашивает его: “Как думаешь, батюшка, покупать нам

сад, или нет? Поди дорогонек будет?” “Покупай ты для себя, — ответил отец, — мне он уже не нужен”. — “Как же я куплю его?” “Покупай, — сказала помещица, — я недорого возьму за него и со всеми строениями”. И он купил сад и тотчас же проснулся, а сколько обязался заплатить, того припомнить не мог.

Вскоре после этого сновидения в купце Иванове возродилось непреодолимое желание посетить Святую Гору Афонскую, — желание, не покидавшее его ни на минуту. Устроив дела свои, отправился он в путешествие. Лишь только оставил он родной свой город, им овладело какое-то неизъяснимое чувство радости и душевного спокойствия. Завидев же Святую Гору, купец пришел в такой восторг и умиление, что не мог удержать слез, лившихся из глаз его. Но когда достиг он пристани и подходил к Русику, то восторг его превратился в изумление и ужас: он увидел тот сад со строениями, который купил в сновидении у помещицы, только недоставало одного огромного здания и нескольких церквей.

Обо всем этом передал Иванов духовнику и, чувствуя, что чрез сновидение Матерь Божия призывала его в обитель нашу, дабы послужить Господу в остальные дни жизни, не воротился уже на родину и, пожив здесь недолго в чине иноческом, скончался в мире души. О здании, виденном им во сне, которого в монастыре еще не было тогда, ему объяснили, что, вероятно, Матерь Божия предопределила распространить обитель, что и совершилось впоследствии. Нынешние новые здания в монастыре построены уже после смерти инока Вениамина».

Милостивое материнское участие Божией Матери в промышленности о Русском монастыре и благоволение к поселению в ней русских явственно выразилось в даровании обители чудотворной Ее иконы, именуемой «Иерусалимская».

Эта святая икона была прислана из России, когда в обители началась постройка корпуса келлий для русской братии и русского Покровского собора. Ее прислал иеромонах Нило-Сорской пустыни Никон (в схиме Нил), прославившийся своей подвижнической жизнью. На оборотной стороне иконы сделана надпись: «Посвящается в Русский Святогорский монастырь святая икона сия по благословению Пресвятой Богородицы. Сия святая икона, писанная в 1825 году от воплощения Бога Слова в великой России, в Криво-езерской общежительной пустыни, грешным иеромонахом Никоном, и ныне еще находящимся в Нило-Сорской пустыни, который и усердствует по особенному Промысла Божия внушению благодати причастную икону сию в святую обитель святого великомученика и целителя

Пантелеимона Русскую, что на Святой Горе Афонской, в вечное наследие благоволением Бога и Пресвятой Богородицы. Аминь.

В лето 1850-е, месяца ноября в 8-й день, сие подписал убогий старец Нило-Сорской пустыни иеромонах Никон».

После этих надписей помещен портрет отца Никона со свитком в руке, на котором написано: «Помяни мя, о Владычице Богородице, во жребии Твоем, раба Твоего Никона!»

В конце еще надпись: «Виждь, Владычице, усердное исполнение воли Твоя; благоволи удостоити мя, недостойного, спасаемых доли, матерски о сем умоляючи Твоего Сына и всех Творца!»

По получении в монастыре сей Иерусалимской иконы Божией Матери с вышеозначенной надписью послано было от старцев письмо иеромонаху отцу Никону, в котором они просили, чтобы он объяснил по мере возможности, какое особенное внушение и благоволение Божие и Царицы Небесной было в препровождении в монастырь святой иконы?

Отец Никон в письме от 12 декабря 1852 года объясняет: «Святая эта Владычицы икона писана моим недостойнством около 30 лет тому назад, когда я был еще иеродиакonom и жил в Кривоезерской пустынной обители (Костромской губернии), где находится чудотворная икона Божией Матери «Иерусалимская», которую сподобился я, недостойный, возобновить. По происходящим доднесь многим чудотворениям от сей иконы я по силе немощи моея со всяким усердием и верою начал писать верную (кроме меры) копию с той чудотворной иконы и помощью Владычицы совершил. При самом освящении тоя было знамение и некто нечто прорек о ней, что уже ясно и сбылось. Вслед за сим многие совершались благодатные действия.

Когда же по воле Божией я, убогий, переселился в обитель, почти вовсе запустевшую, преподобного Нила, чудотворца Сорского, эта святая икона всюду была неразлучна с моим недостойнством; а во время испытания моего в Иверском монастыре (Новгородской губернии) она была единственное пристанище и успокоение утомляемому волнами скорбей — это пластырь сердцу и душе. Но что много говорить? Видел я силу благодатную, явно пребывающую при этой святой иконе, — глас, сказание, целение болезней, от огня спасение и иная чудеса. Никогда и никаким образом не намерен я был разлучиться по жизнь мою с этим спасительным сокровищем, но Промысл Божий и Пресвятой Его Матери устроил иначе. Веруйте, отцы святые, и не сомневайтесь, что эта святая икона вашей обители дарована от Промысла Божия и благоволением Царицы Небес-

*Иерусалимская икона Божией Матери. 1825 г.
Покровский собор Русского монастыря*

ной, а подробного о сем описания от моей худости не приложите требовать. Но да не оскорблю вас, еще мало о сем нечто скажу.

За два с небольшим месяца пред отправлением иконы в тонком, мнится мне, сне видел я, думаю, Святую Гору Афонскую. Я и другой кто-то, казалось, начали восходить на оную. Другой, бывший при мне, был моим руководителем, ибо он, как говорил, бывал

на Святой Горе. И так приближались мы к каменистой, из утесов составленной горе; с каким трудом восходили на нее, описать нет слов! Товарищ мой быстро, с каким-то невероятным удобством возвышался, а я, с болезнью и трудностью ему следуя, взбирался за ним. Наконец, достигли к какому-то краю, и тут мой руководитель стал невидим. (Я полагаю наверно, что это был мой святой старец — преподобный Нил Сорский, который, как известно из жития его, пребывал на Святой Горе довольно долгое время, и с Афона перенес устав скитский в Россию, и был одного первоначальник в Сорской пустыне.) Тут подвиг и страх: казалось, совсем не было возможности взойти по каменистым утесам; однако я решился идти, и как-то скоро очутился на равнине у врат храма.

Радость, смешанная со страхом и благоговением, исполнила мою душу и сердце. Тут я непосредственно узрел, во-первых, близ самого входа сидящую на престоле необыкновенно прекрасную Жену. Она была одета белыми как снег одеждами. Взгляд Ея крайне любезен и умилен. Она, увидя меня, сказала: “Как ты счастливо и скоро сюда взошел!” И тогда же подала мне на лжице что-то белое, как бы млеко, и сказала: “Приими, это тебе нужно — ты утомился”. Вкуса приятной сладости сказать не могу. Здесь-то непояснимое и несказанное сказано от Божественной Жены и повелено то, что и učinено (благоволено и велено святую икону послать в Афонский Русский монастырь святого Пантелеимона и прочее сбывшееся). Тут видел я еще верх Афона: до конца его было уже не очень далеко, но крайне круто и голый камень, и, не зная, что это за верх, спросил находящихся тут монахов, и мне отвечали: “Это верх Афона”.

По отправлении святой иконы на Афон сбилось все, обещанное благодатию Владычицы, а именно: 1) скит Нило-Сорский сделан самостоятельным; 2) церковь на месте жительства преподобного Нила во имя святого Иоанна Предтечи, стоявшая десять лет неосвященной, освящена; 3) мое давнее желание святой схимы и пребывание при храме Иоанна Предтечи, где была келлия преподобного Нила, чудным образом исполнилось и прочее все сбилось вскоре благодатною силою и милосердным промыслением Божией Матери.

Прославим, возвеличим чудную нашу общую Промыслительницу, Попечительницу и Покровительницу. Слава, величие и честь Приснодеве Марии Богородице!»

Икона была вручена бывшему в России на сборе монаху Иринею (в схиме Евфимию) в 1850 году и получена в обители в 1852 году. Она находится над царскими вратами Покровского собора, откуда для поклонения опускается на широкой ленте.

Иерусалимская икона Божией Матери
в Покровском соборе

Благодатная сила Божия, присущая этой святой иконе, не раз проявлялась в обители.

По ходатайству святого великомученика Пантелеимона Сама Богоматерь приняла участие в благоустройении Русского монастыря и сооружении в начале 1850-х годов храма в честь Ее Покрова в русском братском корпусе. «Русский собор во имя Покрова устроен по мысли старца отца Иеронима, желавшего ввести сей праздник на Святой Горе, ибо у греков его не праздновали», — отмечает отец Мина. Божия Матерь, Питательница и Промыслительница обитающих в Ее жребии, в исполнение Своего милостивого обетования расположила боголюбивых благодетелей к сочувствию и помощи инокам.

Вот присланное на Афон из Нижнего Новгорода свидетельство 1852 года одной из благотворительниц, В. А. Бибиковой, после получения письма от старца Иеронима и чудесного исцеления переславшей пожертвование на строительство Покровского храма.

«В марте я переводила жития египетских пустынников и дошла до места, где говорится о их *прозорливости*, и только что подчеркнула это последнее слово, как в эту минуту подают мне письмо, все проколотое и со штемпелем из Одессы. Я никого не знаю в Одессе, с кем бы могла иметь переписку, а потому получение из этого города письма удивило меня. Развертываю. Вижу в начале изображение святого великомученика Пантелеимона, а в конце письма — подпись на греческом языке начальника монастыря Русик на Афонской Горе, а на русском — духовника. Все это удивило меня. К стыду должна признаться, что дотоле я ничего не знала о Святой Горе. Читаю и более изумляюсь. Святые отцы пишут, что им известна моя вера к образу Покрова Пресвятой Богородицы, известны и мои телесные страдания, а так как они предприняли сооружение в своей обители храма в честь Покрова Пресвятой Богородицы, то и просят меня сделать по возможности им пособие, за что Господь

*Покровский корпус Русского монастыря с собором
Покрова Пресвятой Богородицы. Фотография начала XX в.*

воздаст мне и восстановит мое здоровье. По прочтении письма первым моим движением было позвонить, чтобы отнесли меня к иконе Богоматери, но какая-то непостижимая сила заставила меня подняться с кресла, и в то же время я почувствовала, что могу идти без посторонней помощи и что все болезни мои исчезли...

Весь город узнал об этом, ибо я не хотела скрывать дивного события. Многие просили меня принять приношение их для монастыря Русик, и я на днях имела счастье послать туда эти добровольные жертвы. Уповаю, что со временем Господь поможет мне послать туда и еще»¹.

Новый братский корпус с Покровским храмом (в длину почти всего тогдашнего монастыря), требующий больших затрат, возводился на пожертвования простых людей, и в основном на средства двух именитых вятских купцов Ф. Г. Чернова и И. И. Стахеева, которых отцу Иерониму удалось особо расположить к Русскому

¹ Житие, страдания и чудеса... С. 63—64.

монастырю. Собор Покрова Пресвятой Богородицы был окончен и освящен 10 января в 1853 года.

«Наша новость пустынная состоит в том, — пишет Святогорец, — что новый корпус наших братских келлий уже кончен и что 10 января торжественно совершилось освящение Покровского храма в этом корпусе, устроенного для русского богослужения... Внутренние и внешние части его — в удивительной между собою гармонии, и все в нем проявляет сколько, с одной стороны, аскетический характер и назначение, столько же, с другой — русский вкус и верный тип подобных зданий в нашем отечестве, под родственным небом православного Севера. Со своей стороны я не могу налюбоваться нашим русским корпусом, особенно в тихий вечер или глубокую ночь... Южный фронтон нашего корпуса теперь уже снаружи расписан: Богоматерь изображена на нем в молитвенном положении, на Ее Божественных руках, подъятых к небесам, распростерт священный омофор, символ покрова и защиты нашей. По сторонам Богоматери святой великомученик и целебник Пантелеимон и святой Митрофан Воронежский поддерживают и как бы расширяют Ее омофор, тайно образуя тем свое молитвенное участие и предстательство о Русике вместе с Богоматерию и покровительство и заботливость о его временном, а тем паче вечном благе. Сам храм Покрова господствует над всеми зданиями обители и как будто передает им из этих выпренных ликов благодатную защиту и кров. И это чувство, и это впечатление так сильны, что, любясь с низменной площади на фронтон, невольно склоняешься под Божественный покров Богоматери, развевающей его и над обителью, и над главою всех и каждого из нас порознь. Между тем при таких утешительных впечатлениях и светлом влиянии на мысль и на сердце при взгляде на Богоматерь, святых Пантелеимона и Митрофана, окруженных ликом Херувимов, взгляд невольно останавливается на низменной арке, идущей вдоль всего нового корпуса по направлению к Митрофановскому храму и составляющей основную часть всего здания. Два средних яруса почти уже заняты братскими келлиями, а восточная часть верхнего — предназначена для помещения русских и других путешественников высшего разряда. Венец же корпуса — это четырехгранный тур, или башня, входящая в состав его с северной стороны и своим легким куполом под сению креста, кажется, готовая нестись за облака...

Вот вам слабый очерк внешнего вида нового русского корпуса братских келлий. Теперь вступим в Покровский храм, только что освященный.

Притвор нашего храма не обширен, зато самый храм может вместить до полутораста человек, не говоря о середине, по которой не расставляются наши формы, или седалища, и по которой могут стоять до ста человек, если включить и сам притвор, отделяемый

слабым простенком с двумя окнами по сторонам обширной двери, входящей внутрь святилища. Легкие своды храма составляют полу-кружие и поддерживаются десятью колоннами, идущими вдоль храма в два ряда, на них упирается и светлый купол сферической формы. Об украшениях и драгоценной утвари церковной нечего говорить — на это Россия щедря чрезвычайно, и по ее милости наш русский храм крайне благолепен, особенно иконостас, единственный на Святой Горе. При закате солнышка, широкими потоками света обливающего весь наш храм, иконостас горит золотом, так что нет на нем и слабой тени стороннего колорита. На это, разумеется, надо любоваться издали, но подойдите ближе, подойдите к самым иконам — и впечатление еще трогательнее, так что, оставаясь под светлым влиянием их, в одно и то же время вам захочется и радоваться и плакать, но плакать не слезами грусти и движений сердца стесненного, а слезами сладкого упования и мирных надежд.

Я не говорю о достоинстве академической кисти, не ввожу вас в строгий суд и разбор истинно церковной иконописи, а только указываю на Божественный лик Вседержителя и на Его утешительные обетования нашему небольшому русскому братству и на девственный образ Богоматери, держащей на Своих руках Предвечного Младенца. На страницах Евангелия, которое держит раскрытым Господь Вседержитель в Своей Божественной шуйце, Он с духом любви и утешения говорит нам: *Не бойся, малое стадо: яко благоизволи Отец ваш дати вам Царство* — и прочее (Лк. 12, 32). И чье сердце не растрогается до слез таким сладким

Внутренний вид Покровского собора

Икона Спасителя. Начало 1850-х годов. Иконостас Покровского собора

говором и таким Божественным обетованием Спасителя?! Иконостас устроен отцом Антонием (Бочковым), а доставлен сюда П. И. Пономаревым, достойным его собственником. Но ктиторство, или основание, храма и самого корпуса русских келлий исключительно принадлежит вятчанам Ф. Г. Чернову, И. И. Стахееву и другим, имена коих ведаёт только Всеведец. И мы хотя тоже хорошо знаем их, но обязаны скрыть от всех и почтительным молчанием запечатлеть тайну их смирения и сердечной привязанности к нам, предоставляя загробному суду оценить их драгоценные жертвы и приношения Богу и Божией Матери...

Наш храм, надо сказать в заключение, имеет особое достоинство пред всеми соборными храмами на Святой Горе, потому что вместо мрамора помост его из дерева, что предохранит нас от убийственных следствий

простуды и невыносимого ревматизма в ногах. Освящение храма, как сказано выше, совершилось 10 января нынешнего, 1853 года преосвященным архиепископом Макарием, пребывающем на покое в здешнем Хилendarском монастыре...»¹

В состав корпуса входит с северной стороны четырехгранный пирг² с русским куполом под сенью святого креста и с двумя параклисами: Вознесения Господня (в память прежней Вознесенской на берегу церкви) и равноапостольного царя Константина (в память посещения монастыря великим князем Константином Николаевичем).

Торжество освящения русского храма сочувственно разделило с русскими и греческое братство. Старец-игумен от лица греческой братии благословил русских чудотворной древней иконой святого великомученика и целителя Пантелеимона, которая теперь является одной из главных святынь нашего Покровского собора.

¹ Письмо от 14 января 1853 года С. И. Бе-ву.

² Башня. — *Примеч. сост.*

Церковную утварь и прочие украшения Покровский храм получил от Ивана Денисовича и Феодосии Петровны Сушкиных, родителей отца Макария. Они были переданы в обитель после неотступных просьб отца Макария: «Здесь строятся храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы и по необходимости для русской братии келлии. Уже много русских, а монастырь имеет долгу 60 тысяч рублей, поэтому я и припадаю к стопам ног ваших... Прошу вас Бога ради, не оставьте ради Божией Матери, Она вас Сама утешит»¹.

Когда достраивали Покровский храм, старцев озаботил иконостас с иконами. В это время прибыл в обитель игумен Антоний (Бочков), опытный в духовной жизни и известный делами благотворения (через богатых родственников). Узнав нужду обители, он изъявил желание пожертвовать иконостас и иконы. Иконы заказал одному из лучших иконописцев и по возвращении с Афона скоро выслал все в благолепнейшем виде.

В каноне составленной схимонахом Аркадием «Службы Пресвятой Богородицы ради Иерусалимския иконы Ея»² об этом событии поется так: *Примие от раба Твоего благодатию сияющий образ Твой, Чистая, пряхом той, аки от Твоих рук, в благословение созидававшемуся тогда храму Покрова Твоего, и с явлением иконы и украситель Дома Твоего явися, емуже подала еси благопоспешение!*

Не лишне также упомянуть о случае, который был с писавшим службу Иерусалимской иконе. В шестой песни канона все четыре тропаря начинаются союзом «якоже». После написания трех тропарей четвертый с «якоже» отчего-то никак не излагался. В это время писавшему было тайное вразумление: «Благое дело — ублажать изображенную на Иерусалимской иконе Богоматерь с Богомладенцем, но на той же иконе в миниатюрном виде изображены предстоящими и святые Иоаким и Анна. Почему же в честь их не написано в полной бденной службе ни одного песенного слова?»

Удивившись своему забвению, составитель канона хотел пойти взять из церкви Минею за сентябрь, чтобы из службы девятого числа богоотцам позаимствовать что-либо в честь их. Но таинственный голос остановил его словами: «Не нужно ходить; смотри в Апокалипсисе главу 11-ю, стих 4-й». Открыв указанное место,

¹ Письмо отца Макария к родителям от 19 декабря 1851 года.

² Автор озаглавил ее так: «Полная бденная служба Пресвятей Владычице нашей Приснодеве Богородице Марии пречестнаго ради и благодати причастнаго образа Ея Иерусалимскаго, иже над святыми враты Покровскаго храма. В благодарственную память матерняго благоутробия Богоматере к нам, недостойным рабам Ея, милосердаго промышления о нас и державнаго заступления обители сей». Празднование совершается 12 октября (по старому стилю).

он прочел: *Сии суть две маслицы и два свещника, пред Богом земли стояща. Из этих слов легко составилась четвертый тропарь: Якоже две маслицы и два свещника стоят пред Сыном Твоим и Тобою, Дево, праведнии родители Твои, ихже подобие на иконе Твоей веселит нас, ублажающих тех с Тобою.* Для умиротворения своей совести писавший упомянул о богоотцах еще в двух тропарях: *Неисповедима сила Твоя и слава, Богородице: всяка душа верных Тобою хвалится и спасение получитьи уповает, яко Ты со святыми Иоакимом и Анною предстательство имамы непостыдное ко Господу; Радуйся, Мати Живота, благодати сподобляющая рабы Твоя; радуйся, освящение поющих державу Твою непобедимую и пресветлаго лица Твоего и славных богоотец честное подобие почитающих.* Эти тропари с другими положены и на «блаженнах» Литургии.

Те же чувства благодарности и упования на Матерь Божию высказывает и игумен Макарий в своем слове на Покров Божией Матери уже после смерти отца Иеронима¹.

«Что нам сказать о себе, возлюбленные о Христе братья, в день Покрова Преподобной Владычицы нашей Богородицы? Во все наше пребывание на Святой Афонской Горе покровительство Ее над нами неисчислимо. С самого вступления нашего в сию обитель Русскую после всех тревожений политических, когда и паки русские вошли в обитель, видимо Царица Небесная простирала над нами Свой Покров и простирала доселе. С самого начала Она послала человека (святогорца иеросхимонаха Сергия. — *Примеч. о. Владимира*), который даром слова, данным ему от Духа Святого, возвысил или оповестил возлюбленному нашему отечеству о благословенном жребии Царицы Небесной и о приюте в нем для монашествующих.

Благоугодно было Заступнице нашей и икону Свою Божественную и чудотворную, нарицаемую «Иерусалимская», даровать нам чрез одного великого мужа-подвижника в знамение Ее пренебесного нам благословения и милостивого покрова.

Наступила война России с Турциею, называемая Крымскою; по благодатному внушению в Бозе почившему старцу (иеросхимонаху Иерониму. — *Примеч. о. Владимира*) и сущим с ним было порешено не выезжать русским с Афона.

Наступило боевое время между враждующими державами. В это смутное время являются эллинские инсургенты, основывают свое пребывание на Карее. Правительство турецкое в этом заподозревало русское правительство и назначило четырехтысячный корпус,

¹ Вероятно, в 1886 году.

который хотел высадиться неподалеку от нашего монастыря и сделал разные распоряжения об этом; конечно, в обители многие смутились этим. Но что же? Откуда ни возьмись — один выстрел из ружья, который внушил этому четырехтысячному корпусу опасение, что в окрестности засели инсургенты, — и турки отправились на противоположную сторону, к перешейку полуострова, откуда долетали слухи до нас, что если правительство позволит им разместиться по монастырям Святой Горы, то от всякого русского места не останется камня на камне, особенно же грозили они нашему монастырю. Но Преподобная Заступница рода христианского исходатайствовала нам милость у Сына Своего и Бога: правительством повелевается, чтобы святогорцы инсургентов от себя изгнали и за принятие их на Святую Гору испросили бы извинения у правительства. Собрались представители монастырей для избрания депутатов к сановнику турецкому, командовавшему корпусом, и жребий пал на депутата из Русского монастыря, хотя и грека. При представлении его сановнику на вопрос, из какого он монастыря, ответил: «Из Русского». Сановник отступил на несколько шагов. По объяснении и извинении правительство избавило нас от врагов врагами: турецких инсургентов взял английский пароход, а эллинских — французский. И все бывшие угрозы только усилили подвиги монашествующих. По отбытии обоих лагерей такая водворилась тишина на Святой Горе, что редко бывает такая и в мирное время. После семимесячного отсутствия всякого сношения с Россиею, возобновилось самое правильное, еженедельное. В обители водворилось совершенное спокойствие».

Монах Пантелеимон в своем рассказе о чудесном избавлении Божией Материю Русского монастыря и всего Афона от насилия турок во время Крымской войны указывает на то, что именно старцы Свято-Пантелеимоновой обители призвали афонцев к усилению молитв о своем спасении.

«В то время в протате начались совещания, и каждый представитель монастыря высказывал свое мнение, что предпринять, чтобы избавиться от неминуемой беды. Но так как эти рассуждения делались по человеческим соображениям, то предложения их были разногласны и сбивчивы, так что, усугубляя совещания более и более, пришли наконец в такую запутанность мнений, что решительно не знали, на чем остановиться и с чего начать. Долго ожидая результата этих совещаний, продолжавшихся иногда до 20 часов в сутки, и слыша о разногласных суждениях, старцы наши написали своему антипросопу, чтобы предложил в синоде забытое

в хаосе суждений главное дело — назначить по всей Святой Горе пост и особое бденное моление к Богоматери и молить Ее, Владычицу, да управит Она сим важным делом и имиже весть судьбами спасет нас. “Если мы, — писали еще старцы, — молебствуем при всяком малозначащем случае и недоумении, то как же забыли это теперь, в таком важном обстоятельстве, когда монашеству афонскому и самим зданиям угрожает истребление?”

Как светлый луч в густом мраке, отрадно было принято это предложение протатом, где все дивились самим себе, как доселе не вспомнили прибегнуть к особенному молебствию своей Назирательнице и Покровительнице, когда Ее попечением усовершенствуется здесь и настоящая и будущая жизнь наша?

Надобно сказать, что среди смутных недоумений и ежедневно возрастающего ужаса от приближающихся бедствий эта мысль пролила неизъяснимую радость в отягченные скорбью сердца всех принимавших участие в совещаниях и как будто вывела из душного темничного заключения на свет, подавая отрадную надежду к избавлению. Тут же сделали распоряжение, назначив по всей Святой Горе трехдневный пост и всенощное бдение ко Владычице Богоматери, прося Ее милости и заступления, о чем и возвестили всем монастырям, скитам и келлиям для одновременного и единогодушного исполнения...

Настало утро. Тихо, с углубленным вниманием о настоящем (последнем) дне, долженствующем большую часть монастырской братии представить ко Христу в венце мученическом, шли все на Литургию, где и были причастниками Святейших Таин Тела и Крови Христовых. Приняв залог нетленной пищи в Таинстве Евхаристии, иноки стали несколько спокойнее, предавая все могущее последовать благодати Божией, которая одна все превратности совершает на пользу нашу, не столько временную, сколько вечную.

Но, о великое заступление печальным, Богородице Чистая, скорая Помощнице, милости пучина, миру Покров (стихира Покрову), как дивную и скорую помощь Твою изглаголем мы, недостойные? Литургия кончилась, братия (скажем про наш монастырь) в стройном лике выходили из храма, и что же? Какое милосердие Царицы Небесной! Получают известие от посланных к бею депутатов, что есть нам милость от султана и монастыри будут пощажены! Но это еще не все: Матерь Божия возблаговолила довершить чудо своего благоутробного заступления, и тут же все увидели бегущий по заливу Святой Горы французский пароход, который, обойдя всю Гору, сделал вопросный пушечный выстрел и, по ответному сигналу турок поворотив к берегу, бросил якорь близ того места, где бей стоял

с войском. Хотя не знали цели прихода сего корабля, но вскоре известились, что пароход экстренный и на нем прибыл французский посланник, нарочно отправленный союзными державами к бею с фирманом (указом) от султана, чтобы тот отступил, не делая никакого вреда ни монастырям, ни жителям их. Так же и партизану Чаму привезен был указ от греческого короля Оттона, чтобы он со своим полком оставил Святую Гору и возвратился в отечество.

Быстро из конца в конец распространилось об этом чудодейственном избавлении Царицей Небесной всех нас “от лютых обстоятельств”; узнали все, что не только мучительства, тиранства, смерти, грабежа избавляются они, но и всяких других притеснений. И это было тем знаменательнее и поразительнее, что совершилось в самый день ожидания этих ужасов, в день совершения повсеместно по Афону прилежной молитвы к Владычице Богоматери. Так благопопечительно Мать Божия устроила о Своем жребии и ясно показала бдительную Свою заботливость об обитающих в нем.

Ни партизан со своим отрядом, ни турецкий бей не могли прекословить воле своих повелителей, тем более что в этом деле (конечно, не по слепому случаю) неожиданно и сверх чаяния приняли участие союзные державы, а потому за сопротивление мог каждый подвергнуться ответственности военного суда. Но Чам недоумевал, как ему выбраться. Посланник предложил ему свой пароход, и тот с 400 воинами вскоре скрылся из виду Афона, увезенный в Грецию, прочие же 200 человек, набранные Чамом из досужих людей, разбрелись кто куда. Бей тоже не замедлил отступить со своим войском, и Святая Гора очистилась от незваных гостей, от которых да спасет ее десница Всевышнего по предстательству Пречистой Своей Матери отныне и веки!»

«После сего, — завершает рассказ отец Пантелеимон, — вторично были посылаемы к бею депутаты по его требованию, и он еще радужнее обошелся с ними. Показывая им первый и последний указы султана, бей сказал: “Не знаю, какому счастью обязаны афонцы, что неожиданно остаются в живых” (ибо в первом фирмане предписывалось истребить иноков, как возмутителей, а во втором — велено не делать никакого вреда). Жалкий человек! Он не знал, что это счастье афонцев, их надежда, радость, спасение есть Владычица мира, и по преимуществу Владычица Своего земного жребия, Которой угодно было осязательно показать чадолубивое промышление и заботливость о Своих ополченцах»¹.

¹ Полностью этот рассказ см.: «Великая стража». Кн. 3.

Богоматерь с Младенцем. Икона XIX в. Свято-Пантелеимонов монастырь. Надпись на иконе: «Изображение сие означает то, что Священное Писание уподобляет Матерь Божию Давидову столпу, построенному подле Иерусалима для защищения и украшения града, на котором повешены были воинские оружия для защищения града, и в песнях церковных наименована «Взбранная Воевода», то есть вооруженная, в броню облеченная, всегда готовая на брань. Воевода — ибо неусыпно защищает воинствующую на земле Церковь от врагов видимых и невидимых»

Так молитвами святого великомученика Пантелеимона и заступлением Богоматери прекратились дние оны и многоскорбное безвыходное положение обращал Господь в благополучный радостный исход, как обещал Он: *В мире скорбни будете; но печаль ваша в радость будет* (Ин. 16, 21, 33). Слава Ему о всем, благодарение Богоматери и святому Пантелеимону за все!

Канон же гласит: *Отъяла еси пришествием в обитель святого образа Твоего, Всеблагая Дево, от рабов Твоих уныние и окружавшия нас преграды, и вместо сих радость и благоденствие стаду Твоему даровала еси. Слава Твоему о нас смотрению!*

Вот еще чудесный случай, рассказанный схимонахом Аркадием.

«Во время Крымской войны приехал важный паша, осмотрел все в монастыре, пришел и в Покровский храм и, указывая на алтарь, потребовал, чтоб отворили, но ему отказали, сказав, что это невозможно. Тогда он строго приказал, чтоб отдернули завесу, и, когда это сделали, взглянул в алтарь и сразу как бы испугался, затрясся. Его вывели под руки из церкви. Что он увидел, неизвестно. Но в то время чудотворная икона Иерусалимской Божией Матери стояла на престоле, а ризы и все дорогие вещи были сокрыты».

Русским инокам Пантелеимоновой обители часто приходилось испытывать недоброжелательство людей и всевозможные козни от невидимых врагов и в последующие годы — во время другой русско-турецкой войны и особенно во время смут, неоднократно поднимавшихся греками в обители.

О событиях тех лет отец Макарий напоминает братии: «Многие из нас помнят 1863 год, 1874—1875 годы, о коих тяжело и вспомнить. Каким чудным образом покровительством Царицы Небесной мы были избавлены от всех притеснений и какою защитой — совершенно неземною!

Наконец, 1877—1878 годы — новая война. Каких клевет, порицаний, доносов не было на обитель нашу!.. Приезжали сами исследователи с намерением не только осмотреть, но и поднять самые полы наших жилищ.

Но все эти клеветы рассыпались, рассеялись, как дым при большом ветре, от самых простых, обычных объяснений. И когда совершенно уже было порешено изгнать нас в Малую Азию, в какой-то разоренный монастырь, то чудным образом защитила нас Царица Небесная чрез Великую Церковь. И по прибытии сюда сановника турецкого он сам заявил, что тут более ничего, как лишь одни клеветы. Так дивно покрывала и покрывает нас Сама Царица Небесная. Да не забываем сего, братия».

О дивной помощи Божией и покровительстве Царицы Небесной в эти ужасные дни искушения свидетельствует видение одного инока.

«Представилось мне, что я нахожусь в монастыре своем святого великомученика Пантелеимона и вижу в монастыре собрание народа, не только братии своей, но и отвне пришедших — из келлиотов и прочих, и я будто нахожусь на архондарике греческого корпуса, где находится келлия покойного геронды. С этого архондарика было видно вершину Афонской Горы и пространство моря с его отдаленными островами, и кто-то был со мною. Но вдруг я был поражен страшным и светозарным величественным видением, исходящим с неизмеримой высоты с востока, — великим светозарным продолговатым облаком. И я устремил свой взор на сие ужасное видение, которое сходило на средину Святой Афонской Горы, то есть на ее монастыри, и облак, немного колеблемый, спускался прямо вниз. День был сумрачный, солнце — покрытое облаками, и сей великий светозарный облак спускался ниже по воздуху. И вижу, что на нем стоит Преподобная Владычица наша Богородица и Приснодева Мария, Царица Небеси и земли, с распростертыми руками, держащими омофор светлый, и по обеим сторонам от Нее — множество Ангелов. В таком виде Она, как пишется на иконе Покрова Ее честного, или видения во Влахернской церкви, то есть одеяние Ее верхнее — красное, исподнее — голубое, очи вверх смотрящие в молитвенном положении, окруженная небесным светом. И я, видя сие молитвенное Ее снисхождение в сие искушительное время, был как бы твердо уверен, что Она, Преподобная, сходит ради нашего покровительства, и для удостоверения скоро вышел в великом трепете, и радости, и слезах на внутреннюю площадь монастыря близ собора святого Пантелеимона для сообщения и прочим, находившимся там, о том ужасном видении, но, видя и их тоже видящими, и со слезами падающими на лице земли, и с трепетом ужасающимися, я немедленно возвратился опять на архондарик, который возвышеннее, потому что уже сей славный облак спустился низко на землю и из-за стен его уже не видно становилось, и я поспешил хотя под конец еще что-нибудь узреть, но уже увидел отшедший и озаряющий свет от средины Афонской Горы.

Но вдруг осиял величайший свет от юго-востока, одесную Афона, над пространством моря страшнейшее и ужаснейшее видение: сошел величайший светозарный облак, под которым и прочие облака как бы совокупно испустились чуть не до самого моря, и сей светозарный облак, светоогненные лучи испускающий, озарил поднебесную, облака стали как бы огневидные, и видение страшное и ужасное,

от которого я будто бы не мог ни кричать, ни бежать без труда, потому что чувствовал, что колена мои подламываются от великого страха, ибо свет от сего великого облака был как бы паче солнца, на котором был виден Ветхий денми Господь, в пояс, с распростертыми руками, или дланями, как Он изображается, власы головы белые, брада белая, большая, на конце немного раздвоена, одежда — как бы фелонь светло-зеленая, нижняя — сиреневая или розово-голубая цветом. Величественное видом видение сие показалось над пространством моря, против Ксиропотама, высоко от него. По правую сторону от него, а от нашего монастыря по левую стоял великой величины Архангел, подобный изображаемому Гавриилу Архангелу, так как он самый высший служитель Божиих таин, в светлой, белой длинной одежде, крестовидно препоясанный златоблестящим поясом, неизреченной красоты лица и великой доброты преисполненный, крылья у него — из разноцветных перьев. Он стоял неподвижно одесную Господа своего, а по левую сторону от него виднелось множество сил небесных Ангелов, и под видением Господа Саваофа, а также и светоносным облаком были видны головки с крылышками, как изображаются Херувимы, и как бы поддерживали сей облак и все это ужасное видение.

Внезапно как бы от моря явился страшный диавол, древний змий, и взошел на нижние облака, пред Господа, с великим рабским страхом и трепетом, ростом велик, страшный видом, как он пишется, сгорбленный, сам весь черный, с рогами в волосах, крылья нагие, без перьев, повлаченные как бы только черной кожей, как у летучей мыши. Он как бы чего-то просил от Господа.

Потом взволновалось и вскипело все море, от сего страшного и световидного видения волны возблестели огневидными своими поверхностями. Вдали было видно несколько кораблей, два или три вспыхнули огнем, а к монастырю подъехали морские разбойники, прибитые волнами морскими. Монастырские же святые врата казались изнутри запертыми. Все это вообще наводило неизъяснимый страх, как бы наступала кончина мира. И в таком неизглаголанном страхе с трудом выскочил я от того места вовнутрь монастыря, видя некоторых из наших братий, едва мог проглаголовать к ним: “Не конец ли всему наступает? Поспешим скорее хотя в церковь Покрова Пресвятой Богородицы, да там урем”.

В это время я пробудился в великом страхе, как бы все это совершенно было наяву. Вижу, что нахожусь в келлии своей, сердце бьется, и сам в великом ужасе благодарю Господа Бога, что еще по велицей Своей милости долготерпит наши грехи. И я едва успоко-

ился, потом пошел заниматься своим рукоделием, но страх и памятование о сем все еще не оставляли даже и на бдении наступающей ночи и остаются в памяти до сих пор».

Также и в своих повседневных нуждах и часто стесненных обстоятельствах иноки Русской обители явственно ощущали заботу Божией Матери.

В 1850-х годах, в тяжелое предвоенное и военное время, Пантелеимонов монастырь, тогда еще небогатый, впал в материальную нужду при недостатке жизненных припасов, их страшной дороговизне и прекращении почти всякого общения с Россией. «Всякий, имеющий даже и холодное воображение, представив себе наши обстоятельства, может понять ясно наше положение... Мы пока еще существуем, покрываемые заступлением Богоматери», — писали в 1856 году русиковские старцы¹.

Монах Пантелеимон рассказывает о чудесном неоскудении муки в Русике в это время.

«Пред открытием войны 1852 года, когда повсюду начались приготовления и христиане были в затруднении и опасались за жизнь в случаях далекой отлучки от местожительства, в нашем монастыре истощился запас муки, так что оставалось на один только день. Взять было негде, о привозе откуда-нибудь и думать было невозможно, отправиться на лодке в близкие к Афону места — тоже, да и купить было не на что. Хлебопек (из русских) приходит к старцу и объявляет, что муки остается только на одни хлебы, и спрашивает, что будем делать. Старец сказал ему: “Положимся на Господа. Он пошлет нам и муки”. Хлебник думал, что у старца есть в виду получить откуда-либо новый запас, пошел к своему послушанию успокоенный. И наутро, по обычаю, берет, как говорил, муку последнюю, но видит, что еще остается на одни хлебы. Сочтя это ошибкою и неправильным взглядом, он печет в другой раз хлебы и, израсходовав муки сколько было нужно, смотрит — ее еще остается достаточно для одних хлебов. Не уразумев и тут совершающееся чудо и еще думая, что как-нибудь ошибся, печет опять хлебы, а муки осталось еще на один день. Далее дни сменяются днями, составились недели, кои, присоединяясь одна к другой, постепенно составили уже три месяца, а муки после каждого печения остается все еще на одни хлебы. Ужас и радость овладели хлебником, и он начал передавать тайну близким братьям, что мука (по молитвам старца к Промыслительнице нашей Матери Божией) не убавляется

¹ Письмо в Тулу Сушкиным от 18 января.

уже несколько недель, а потом и месяцев. Так не убавлялась мука, пока не созрела посеянная и снятая трудами братий пшеница; хлебы пекли всякий день, и каждый раз ее оставалось опять на одни хлебы, питались же, кроме посторонних, монастырских братий 200 человек целые три месяца. И только когда привезли из Каламарии, где сеялась пшеница, новый хлеб и отдали смолоть, мука вдруг иссякла.

Такое чудо Матери Божией совершилось на памяти многих братий, и теперь свидетельствующих о сем великом событии, и все, кто тогда узнал о нем, прославляли Владычицу Богоматерь, истинно матерински не оставившую их в это время и таковым чудом вновь доказавшую Свое благоутробное попечение о приверженцах Ее, воскресив их дух не только к благодарности, но и к совершенной преданности Ее неусыпному промыслению, святой воле, помощи и предстательству. Слава Творцу неба и земли, даровавшему нам столь мощную Ходатаицу!»

Повествует отец Пантелеимон также о том, как 1861 году один архимандрит прибыл в Русик на праздник Покрова Пресвятой Богородицы и был очевидцем чуда с ловлей рыбы. Сидя за праздничной трапезой, он размышлял, как может Матерь Божия до такой малости заботиться о Русике, что даже определила, какой рыбе быть пойманной на Ее праздник, и решил, что это случайность. С такой мыслью он положил в рот кусок рыбы. Вдруг рот у него pokrивился, открылись судороги, и он не мог ни проглотить, ни выплюнуть. Поняв свое согрешение, взмолился Царице Небесной о прощении. «Верую, — говорил он, — что Ты, Владычица, заботаешься о Русике до такой малости». Тогда рот его пришел в нормальное состояние¹.

Вот еще случай Божественного заступления над Русской обителью, записанный в 1890-х годах.

«В 1883 году на Афоне разразилась гроза. Ослепительная молния и ужасные, почти непрерывные раскаты грома содрогали воздух. Удары грома особенно чувствительны были в нашем монастыре. Многие из старших братий предчувствовали какую-нибудь беду. В это время игумен Макарий после Литургии служил молебен, и во время пения молебных тропарей игумен сделал земной поклон пред престолом и моментально забылся (был в восхищении), и увидел он два громадных тифона (смерча), приближающиеся и идущие прямо на наш монастырь. Игумен от страха усилил свою слезную молитву о помиловании, и вот видит он по левую сторону престола святого великомученика Пантелеимона, а по правую — Богоматерь.

¹ Полностью этот рассказ см.: «Великая стража». Кн. 3.

Первый молитвенными взорами и десницею начал указывать Богоматери на идущие на его монастырь тифоны. Тогда Богоматерь повелела сделать ему движение орарем (который он имел в руке) направо и налево, и когда угодник Христов сделал это, то тифоны удалились и разделились. Вместе с этим игумен пришел в себя...

Чрез час по прошествии тифонов, которые, без сомнения, в состоянии были подмыть основные стены монастыря и тем разрушить до основания сам монастырь, все это прекратилось... Тогда же к благодарственному молебну была подана братии необычная повестка (три удара в колокол), и мы все отправились благодарить Божию Матерь за Ее матернее попечение о нашей обители, и, когда в канун благодарственного молебна клир запел: *Не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды, разве Тебе, Владычице*, мы почти все залились слезами, и слезы те были святые слезы!»

Недоумеем благодарити Тя, Благословенная, якоже подобает, како беспомощныя иногда обители сея явилася еси скорая Помощница. Славим убо Твое о нас промышление!

В знамение покровы Богоматере облагодатствованный образ Ея имуще, возложим упование наше на Ню, не предающуюся малодушию в скорбях: Царица бо небеси и земли необоримая есть нам защита.

Святой великомученик Пантелеимон во все времена проявлял попечение о своей обители и обещал сам о ней заботиться. По свидетельству братии, святой угодник Божий являлся в своем монастыре в важных для него обстоятельствах и его явления служили признаком благой перемены дел в утешение скорбевшего братства. Покровительствовавший и ранее обители во времена ее приснопамятных ктиторов игумена Саввы и князя Скарлата, особенно усилил он свою милость и благодатную помощь духовнику Иерониму и братии с началом обновления и укрепления Русского монастыря.

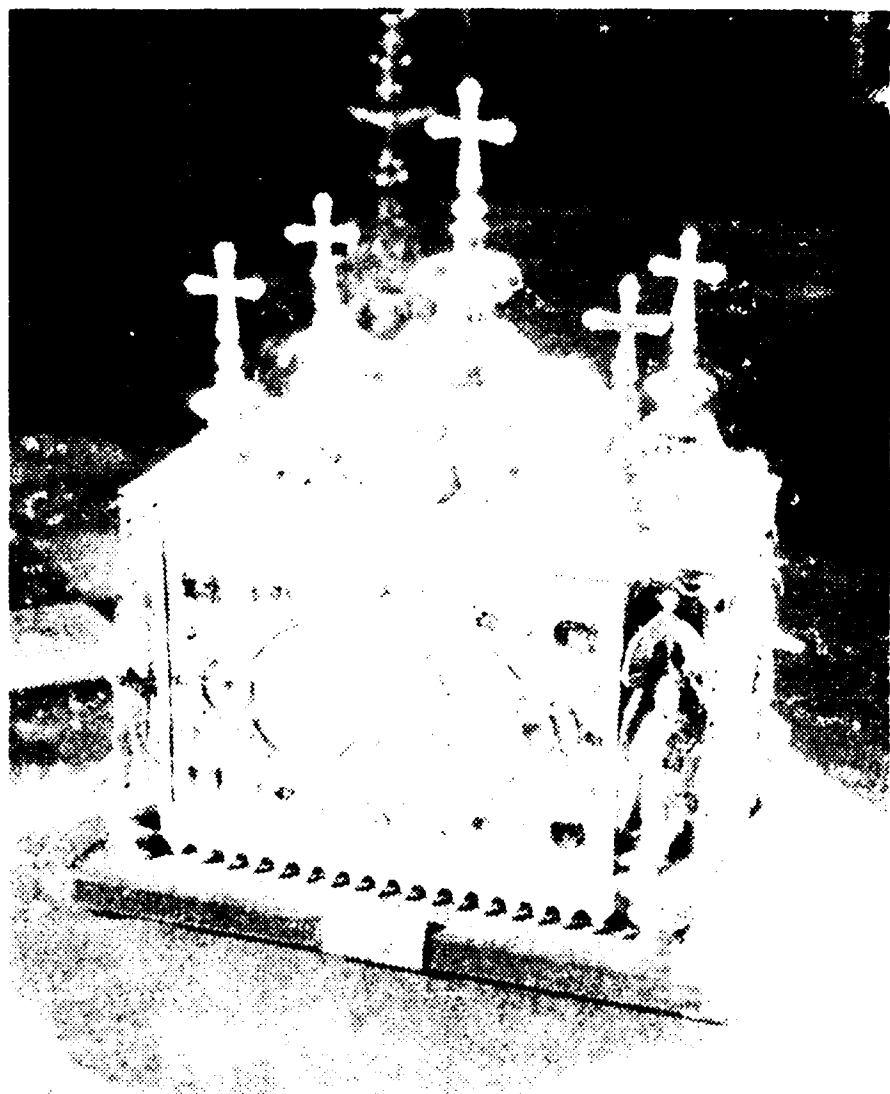
«В 1850 году, — повествует монах Пантелеимон, — недалеко от обители загорелся лес, и пожар угрожал опасностью монастырю. Все человеческие усилия остановить огонь были тщетны, и усилившийся ветер все больше разносил пламя, раскинувши его на большое пространство. Лето этого года было жаркое и сухое, что еще больше способствовало развитию огня, и таким образом пожар, поддерживаемый ветром, вскоре распространился до того, что не было никакой возможности погасить его. Это было ночью. В монастыре ударили в току, и братия, собравшись в церковь, начали совершать молебное пение святому великомученику Пантелеимону, со слезами прося его помощи. Ветер стих, показались тучки, и пошел не бывший

все лето дождь, который, постепенно усиливаясь, не переставал во всю ночь. Пожар прекратился сам собою. Наутро братия снова собрались в церковь и совершили общеблагодарственный молебен святому страстотерпцу, милосердно покровительствующему своей обители».

«Несмотря на грусть и затруднения, — рассказывает еще об одном чуде отец Пантелеимон, — какие испытывали живущие на Кассандре братия по неимению церкви, старцы обители никак, однако, не могли долгое время приступить к постройке ее, сколько по недостатку для этого средств, столько и за множеством других еще не удовлетворенных нужд монастыря.

В 1864 же году при усиленных трудах братии и особом Божиим благословении был такой обильный урожай хлеба, какого никогда в этих местах не бывало, вследствие чего старцы, приняв за явное указание Промысла, а вместе и снисходя усердной просьбе тамошней братии, решились построить небольшую церковь во имя святого великомученика Пантелеимона... Главное затруднение при сооружении этого храма заключалось в ломке и подвозке камня, который находился на горе, на расстоянии получасового пути, и притом по привозке камня на место кладки или в самой каменоломне нужно было еще обделывать, то есть тесать, его, что и оказывалось затруднительным.

Братия же, между тем радуясь о ниспосланной им возможности приступить к сооружению храма, долго советовались между собою, а потом и с прибывшим из обители экономом об избрании места для церкви... Единодушно остановились на одном и, согласившись с его удобством, начали там копать землю для фундамента храма. Выкопав на три аршина глубины, они вдруг попали в глубине земли на какое-то большое здание, сделанное из тесаного камня. Камень в этих засыпанных землею развалинах оказался тесаным и такой точно величины, какая нужна была для церкви. Углубив раскапы-

Ковчег со святыми мощами великомученика и целителя Пантелеимона в Пантелеимоновском соборе Русского монастыря

вание земли до шести аршин, братия нашли всех этих материалов столько, что и по постройке церкви и других принадлежностей их еще много осталось...

Таковую возбудил в них ревность святой великомученик Пантелеимон, что они в два с половиною месяца окончили все здание вчерне, тогда как работы, по расчету времени, требовалось вдвое более».

Святой целитель чудесным образом помог получить иконы для иконостаса в монастырский собор. Вот как это произошло.

«В Москве у купца С. В. Остроухова двухлетний сын по имени Леонид опасно заболел и, не засыпая ни днем ни ночью, не давал и родителям успокоиться на самое короткое время. Страдания малютки были так тяжки, что врачи признавали болезнь неизлечимую, а потому родители в мучительном положении ожидали с часу на час его смерти. В это время пришел к ним инок монастыря святого Пантелеимона, который бывал у них и прежде. Узнав об их скорби, он предложил принести им имевшуюся у него икону святого Пантелеимона, к которому советовал обратиться с усердною молитвою, говоря, что угодник Божий исцелит дитя их, как исцелил уже во многих местах различно недуговавших, кои обращались к нему с полным усердием. Родители малютки приняли это предложение с живейшею радостью и дали обет, что если святой Пантелеимон воздвигнет сына их, то они непременно сделают для соборного его на Афоне храма заказ икон двенадцатых праздников, в которых обитель, как им было известно, нуждалась.

Инок с полным усердием поспешил принести в дом икону святого Пантелеимона, данную ему в благословение из обители, и по принесении ее, спустив воды с лика угодника, дал выпить три ложечки малютке и ею же помочил его головку. После этого больной вскоре заснул. Сердобольная мать, неотступно находившаяся при постели дитяти, была утешена во время сна его особым знамением, служившим к удостоверению в его исцелении, что по вере их и исполнилось. Проснувшись, малютка был уже здоровым и в три дня совершенно укрепился. Чудо это совершилось в апреле 1863 года. Обрадованный отец тогда же распорядился заказом 12 праздничных икон, которые теперь находятся в обители и служат украшением ее соборного храма»¹.

О благоволении святого великомученика Пантелеимона к обители и его чудесной помощи рассказывает монах Русского монастыря Емилиан (Рассоленко).

¹ Житие, страдания и чудеса... С. 95.

Отец Емилиан большей частью находился на послушании на своей родине — Кубани для закупки пшеницы и имел благословение приобрести там мельницу в пользу обители. Нашлась продающаяся мельница. Купили и записали на имя его родного брата Михаила Григорьевича. Мельница требовала ремонта, нужно было отправлять хлеб, а денег было мало. К тому же случались недоразумения с местными жителями, подозревавшими, что он участвует в покупке мельницы.

«Мне так было прискорбно, — рассказывает отец Емилиан, — хотел было отказаться от этого. Я обратился за помощью к Царице Небесной и святому великомученику Пантелеимону и однажды вечером, отходя ко сну, прочитал два акафиста — Божией Матери и святому Пантелеимону, потом лег спать по обычаю.

В эту ночь я видел знаменательный сон. Представилось мне, будто я нахожусь на том месте, где устраивается мельница, и осматриваю оное место. Вдруг прибегает ко мне подрядчик — мастер, который подрядился устроить мельницу, — и говорит мне: “Емельян Григорьевич! Вас просит хозяин к себе и желает повидаться”. Я спрашиваю: “Какой хозяин? Мина Феодорович?” Он отвечает: “Нет! А ваш хозяин, Пантелеимон”. Я удивился, полагая, что приехал кто-нибудь из числа братии монастыря. Но когда пошел к нему, то увидел святого великомученика, как изображается на иконе, в таком виде: в правой руке держал он крест и пальмовую ветвь, а левую имел сжатую, будто что-то в ней держал. И когда обратился к нему, то близко подступить не мог, так как около него был как бы пламень, и я почувствовал в себе страх и радость.

Тут стал он мне говорить: “Видишь эту славу, в какой я нахожусь? Ты прочитывал мое страдание, как я страдал и получил эту славу, и прочитывай его всегда, и тем будет утешаться твоя скорбь об этом, что на тебя много нападков, и не оставляй этого места, устраивай мельницу, ибо она нужна для новой обители и на это есть Божий Промысл”. (О начавшихся тогда хлопотах для устройства Ново-Афонской обители на Кавказе мне еще не было известно.) Тут он разверз свою левую руку и показал 11 золотых и серебра 20 рублей целковыми и объяснил: “Это тебе для уверения; чтобы ты не сомневался, что это не мечтание, а есть истина, ты эти деньги получишь (и сказал место и имя благотельницы). А когда получишь деньги, отдашь их брату для устройства мельницы”. Потом, когда все мне объяснил, сказал: “Положи три поклона и приложись ко кресту”, что я и исполнил. Потом сказал: “Когда бывает тебе скорбь, обращай всегда ко мне, я всегда готов помочь, и не бойся временной скорби”. И стал невидим.

Когда я встал, то был в страхе и радости, так что заплакал. Потом это видение объяснил я брату и, с нетерпением желая удостовериться в истине, поехал в то место, где по указанию святого должен был получить деньги. В эту ночь, когда мне виделся святой, является он и к благодетельнице, которая, имея у себя скопленную сумму, эту самую, определила ее пожертвовать на святую нашу обитель, но медлила привести в исполнение. Святой Пантелеимон ей сказал: “Отнеси и отдай деньги тому, кому обещалась, ибо они ему нужны”. Она после этого видения прибегает на квартиру, где я останавливаюсь, и спрашивает: “Приехал ли тот монах?” Ей отвечают, что не было, и спрашивают: “На что тебе?” Она объяснила подробно, что видела молодого человека, “который побуждает меня отдать деньги. Когда приедет, то возвестите мне”. На другой день я и приехал и получил те самые деньги, которые видел в сонном видении. Она мне объяснила свое видение подробно, что видела святого в том виде, как он изображается на иконе, и он сказал ей: “Когда приедет монах, то отдай ему деньги, которые ты обещала, ибо они ему нужны”. А про себя сказал: “Я хозяин того монастыря, которого этот монах, которому ты обещала”.

После видения я ничего старцам не писал об этом и решил, что, когда приеду в обитель, сам расскажу о всем. Но, когда я приехал в обитель в конце 1876 года, несколько раз я приходил к дверям старцев, дабы рассказать это, но меня удерживал какой-то страх. Один помысл говорит: “Иди расскажи”, а другой — “Не ходи, не нужно”. И, чем далее отлагал, тем сильнее желание увеличивалось идти рассказать, а тем вместе сильнее нападал и страх. Наконец, долго мучаясь, ибо я по целым ночам не спал, боролся с этими двумя помыслами, решил я последовать помыслу, побуждающему идти и объяснить. Это был радостный, а противный помысл наводил на меня скорбь и уныние. Пришел к батюшке отцу Иерониму и рассказал ему все бывшее».

«Однажды, — продолжает отец Емилиан, — еще прежде того, я торговал пшеницу, но в цене мы не сошлись, мне не уступили, так и разошлись. В эту ночь мне является во сне молодой человек, одетый в подрясник, и говорит: “Возвратись к этому хозяину, у которого торговал пшеницу, и возьми пшеницу, дай цену ту, которую он просил, ибо он денег с тебя не возьмет, а родителей [своих] запишет [на поминование в Русик]. А для удостоверения тебя, когда ты приедешь на квартиру, куда заезжаешь, и он придет сейчас же”.

В ту же ночь вышеозначенный торговец видит во сне молодого человека, побуждающего его, чтобы он записал имена родителей

в святую обитель для поминовения, и он утром приходит к хозяину моей квартиры и с нетерпением спрашивает обо мне, что я за человек? А тот отвечал, что он из обители, может быть даже и монах, хотя и носит одежду мирскую. И торговец сказал: “Когда приедет отец Емилиан, то скажи ему, дабы он пришел ко мне, ибо он мне очень нужен”. И пока они разговаривали, я вхожу в дверь, они весьма удивились, что я явился вовсе неожиданно. И отправился с этим торговцем к нему в дом. Он мне рассказал, что он в эту ночь видел во сне своих родителей покойных, и молодого человека, и меня, стоящего в отдалении. Молодой человек, показывая на меня, говорит: “Отдай ему пшеницу, почем тебе он давал, и запиши своих родителей”. Я ему рассказал тоже свое видение и что я, собственно, по этому делу и приехал. Что этот молодой человек нам обоим сказал во сне, то все и сбылось.

Однажды я был в станице Владимирской Кубанской области, на моей родине, для покупки пшеницы. В это время мой зять, живший в той же станице, сидя вечером 7 января, разговаривал со своим семейством. Вдруг его схватило вроде холерных припадков. Домашние перепугались, кинулись сперва к священнику, который причастил больного, потом призвали фельдшера, который при всех своих стараниях не мог оказать больному помощи, даже когда поставили банки и кровь не пошла. Потом прибегают ко мне на квартиру и просят, чтобы я прибыл проститься с ним и спрашивают, нет ли какого у меня лекарства. Я взял маленькую икону святого великомученика Пантелеимона, которую всегда носил при себе, и благодатного масла от святых мощей его. Пришедши к больному в дом, я положил ему на голову святую икону и напоил его маслом. В ту же минуту больной почувствовал облегчение, тошнота и судороги прекратились, больной уснул, а утром встал уже совершенно здоровым.

Один сосед его заболел тою же болезнью и был болен три дня и уже был два дня без языка. Родные поили его святою водою, от которой он чувствовал некоторое облегчение. Я пришел его навестить, родные его спрашивали меня, нет ли у меня какого лекарства? Тогда я так же положил больному на голову святую икону и напоил его маслом. Он в это время только смотрел, но говорить не мог, а к вечеру стал говорить, потребовал кушать и на другой день утром встал, чувствуя себя уже совершенно здоровым.

Однажды мне случилось проездом заехать в станицу Переправную, где мне рассказали следующее. Одна вдова имела десятилетнего сына и получала на него пенсию — 150 рублей. Муж ее был кандидат, получавший 300 рублей. А по закону если остаются после

него малолетние сыновья, то на содержание их выдается половинная часть до совершенного их возраста. Эта вдова только и имела пропитание от получения пенсии.

Незадолго пред моим прибытием мальчик заболел и был при смерти. Мать его много средств перепробовала, но ничего не помогало, и не знала, куда и прибегнуть. Однажды она пришла в дом, где я останавливаюсь, и рассказала хозяйке свое горе. Хозяйка ей говорит: “По соседству останавливаются афонские монахи и раздают благодатное масло от святых мощей, которое многим служит во исцеление, возьми этого маслица, у меня есть оно”. Вдова послушала ее совета, взяла у нее пузырек масла, напоила больного. Это было вечером, а утром он встал, попросил кушать и вскоре совершенно выздоровел.

Однажды я проездом заехал в селение Кузминка Кубанской области, к проживающему там О. Буцкому, к которому было у меня благодарное письмо от обители за посланную им жертву. Когда я приехал, то застал всех в великой скорби: у них был падеж скота, падало в день от пяти до десяти голов. Они объяснили мне свое горе, я им и говорю: “Попросите священника, отслужите молебен и покропите святой водой”. Они мне отвечали, что это все исполнено, но “за грехи наши падеж не прекращается”. Тогда я говорю им: “Имейте веру к святому Пантелеимону, он вас не оставит”. И прочел им из книги несколько чудес и акафист святому Пантелеимону. Потом говорю: “Хорошенько вычистите и вымойте корыто, из которого пьет скот, и налейте чистой воды”. И когда они это исполнили, я по их просьбе прибавил святой воды и благодатного масла, также и в колодец влил. Потом говорю им: “Имейте веру, что святой великомученик Пантелеимон не оставит вас за ваше расположение к обители, и не скорбите”. Они поят скот в 8 часов вечера по-европейски, а в этот день семь штук закопали и много было заражено этой же болезнью. Но когда в полдень напоили этой водою, то ни одна скотина не пала, больные все выздоровели и более не заболели. На обратном пути моего проезда они мне все это объяснили и благодарили».

Видя такие чудеса великомученика Пантелеимона, русский народ щедро жертвовал на нужды его святой обители. Но особое благоволение великомученик проявил к своему монастырю, когда в 1862 году по благословению старцев Русика в Россию был отправлен иеромонах Арсений с частицами его святых мощей, крестом с частицей Животворящего Древа Креста Господня, камнем от Живоносного Гроба Господня, чудотворной Тихвинской иконой Божией Матери и другими святынями обители.

В разных христианских странах святыми молитвами страсто-терпца Христова Пантелеимона много явлено чудес, даровано исцелений, излито утешений. Но богоспасаемая Россия, верная почитательница Православия и святого угодника Божия, бывшая искони опорой молящегося за нее Русика, была всегда как бы особенно избранным местом чудодейственных благотворений святого великомученика. Отец Арсений со святынями объехал почти всю Россию и везде оставил по себе благой духовный след. Губернии Воронежская, Калужская, Саратовская, Орловская и многие другие, куда только не приносились святыне мощи, были свидетелями много-различных исцелений от душевных и телесных болезней всех, кто с верою и любовью приходил к ковчегу святых мощей.

Дивный во святых своих Бог, являя благодатные знамения, тем утверждает в людях спасительную веру. О некоторых из многочисленных совершившихся знамений и исцелений, упоминавшихся и в русской периодической печати тех лет, повествуется во славу пресвятого имени Божия в неоднократно переиздававшихся Русским монастырем книгах.

Вот некоторые из великого множества чудес.

Житель города Симбирска Петр Алексеевич Михайлов поражен был параличом, у него сведен был рот на сторону, так что нельзя было понять, что он говорит; кроме того, поражена была и нога. Когда он приложился к святым мощам, с ним повторился удар паралича, но удар спасительный, потому что вследствие его болезнь прошла и он получил исцеление.

Бывший крепостной человек симбирской помещицы Екатерины Александровны Столыпиной Дмитрий Петров Зимнинский был отчаянно болен. По просьбе госпожи Столыпиной святыне мощи целителя Пантелеимона и других угодников с Животворящим Крестом Господним были принесены в городскую больницу, где лежал больной. Больной был так слаб, что не имел сил приподняться с постели и приложиться, но по совершении молебна, когда святой Животворящий Крест и святыне мощи были возложены на больного, он получил совершенное исцеление от тяжкой своей болезни и вступил в исправление служения своего госпоже Столыпиной.

«Симбирская мещанка Ирина Никитина Васильева около 20 лет страдала тяжкою тоскою и озлоблением. Когда же она бывала в церкви, то с нею делалась страшная зевота, потягота, ее ломало, дергало и корчило. При этих припадках постоянно еще страдала она от терзавшей ее внутренней боли, от которой ничто ей не помогало; хотя она много истратила денег на свое лечение, но все было напрасно. Услышавши о святынях, принесенных в Симбирск

со Святой Афонской Горы, она долго удерживаема была духом злобы и по чувству какого-то неизъяснимого страха не решалась идти на поклонение им... Наконец, она вразумлена была следующим сновидением, устранившим ее и заставившим поспешить идти на поклонение святыне. Виделось ей, что она всходила на высочайшую гору, на вершине коей находились будто бы мощи святых угодников, и что, падая и обрываясь беспрестанно, она с ужасным трудом поднималась, чтобы поклониться им, а когда приближалась к вершине, вдруг ее начала искушать вражеская мысль возвратиться назад, с тем чтобы, обошедши кругом около этой горы, взойти на оную. Но лишь только она подумала исполнить эту мысль, мгновенно оторвалась и упала с горы в какую-то глубокую пропасть и от страха проснулась. После сего сновидения она уже немедленно поспешила идти на поклонение святыне, но и тут прикладывалась к ней с большим сопротивлением, из чего ясно увидела, что вся болезнь ее происходит от обдержавшего ее духа злобы, который доселе мучил ее, скрываясь в ней столько времени под видом телесной болезни. Приложившись к святыне, почувствовала себя много легче; когда же отстояла молебен с водоосвящением и на нее возложили крест с частицею Животворящего Древа и дали испить святой воды, то по милости Божией и молитвам святых угодников Божиих почувствовала совершенное исцеление.

Одна молодая женщина, мешанка симбирская, имела жестокую внутреннюю боль с тоскою, которая в ней открылась внезапно, без всякой видимой причины. От этой болезни она принуждена была более лежать, долго оставалась в таком безотрадном, болезненном положении, и ничто не помогало ей.

В это самое время принесены были в город Симбирск со Святой Горы Афонской святые мощи угодников Божиих и Животворящий Крест. Вместе с прочими на поклонение им пошел и муж оной страдалицы. Выслушав молебен святому Животворящему Кресту и святому великомученику Пантелеимону с другими угодниками Божиими, он получил изображение на бумаге святого целителя и великомученика Пантелеимона и, положив его в карман, отправился домой. Как только он вошел в дом, с женою его вдруг случилось страшное беснование. Она рвала на себе волосы и кричала со злобою и ожесточением: «Выкинь ты из кармана бумагу, которую ты принес из церкви, не подходи ко мне с нею, а то я убью тебя», тогда как он ей ничего не говорил, что принес изображение святого великомученика Пантелеимона. Будучи поражен таким неожиданным припадком беснования жены своей, он поспешил в тот же день, во время вечерни, привести ее к святым мощам, причем она страшно билась, кричала, кусала руки свои, рвала волосы и всячески старалась вырваться из рук державших ее нескольких человек. Когда же во время служения молебна помазали ее елеем

и возложили на нее крест с Животворящим Древом, заставляя ее приложиться к нему и к святым мощам, то она доходила до бешенства, но потом замолкла и стала креститься и плакать. После этого она почувствовала большое облегчение и в следующие дни уже без всякого сопротивления, даже охотно, приходила ко всем службам и прикладывалась с усердием к святыне афонской, а вскоре получила совершенное исцеление. С благодарностию ко Господу и святым угодникам Божиим она потом говела и сподобилась приобщения Святых Христовых Таин в Спасском монастыре.

Полицейский солдат города Симбирска Павел Ефимов, в апреле 1863 года женившийся, вскоре после свадьбы почувствовал страшную тоску с болью в сердце, отчего он сделался как бы помешанным, говорил бессознательно и чувствовал страх, беспрестанно озираясь на все стороны с выражением ужаса и испуга. Когда Павел Ефимов с женою пришли на поклонение афонской святыне, тогда открылось, что в жене его обитал дух злобы, дотоле скрывавшийся. При виде святыни сделалось с нею страшное беснование: она кричала, топала ногами, билась, рвала на себе волосы, особенно во время молебна. Когда служащим иеромонахом возложен был на нее Животворящий Крест, то дух злобы, обитавший в ней, кричал: «Уйду, уйду, сожгли меня, сожгли!» По окончании молебствия и помазания святым елеем, испивши святой воды с Животворящего Креста, она затихла и без сопротивления приложилась к святым мощам. Вместе с нею и муж ее Павел Ефимов, приложившись к святыне, также получил облегчение. В следующие дни они постоянно ходили в храм Божий, с великим усердием прикладывались к святым мощам и кресту и, получив совершенное исцеление, говели и приобщались Святых и Животворящих Христовых Таин.

Кроме вышеозначенных случаев, многие бесноватые, несколько лет страдавшие от нечистого духа, получили исцеление по совершении молебствий святым угодникам Божиим, причем нечистый дух в некоторых из них говорил, что тяжки для них святые мощи угодников Божиих, но всего страшнее для них святое Животворящее Древо Креста Господня.

В Самаре жена булочника Матвея Михайлова Карачарова так была больна опухолью, что опасалась за жизнь свою. Но, когда приложилась к святым мощам, получила скорое исцеление¹.

1865 года, в августе, были у нас в Козлове из вашей обители со святыми мощами угодников Божиих. Накануне их выезда из

¹ Описание знамений и исцелений, благодатию Божиею бывших в разных местах в 1863—1867 годах от святых мощей и части Животворящего Древа Креста Господня, принесенных со Святой Афонской Горы, из Русского Пантелеимонова монастыря. М., 1901. С. 8—11.

нашего города служили всенощную. В это время и я был в церкви и взял святой водицы, освященной при молебне, и усердно просил святого страстотерпца и многоцелебника Пантелеимона, чтобы даровал здоровье дитяти, которой подходил уже смертный час, дав при этом обещание послать посильное жертвование в его обитель. Когда принес я святую воду в дом и помочил головку дитяти, а вместе и росшую горбом грудь, то чрез два дня малютка была уже совершенно здорова. При сем посылаю вам малую жертву, надеясь и впредь каждый год уделять на обитель страстотерпца Христова по силе возможности лепту... (письмо на Афон от 13 февраля 1866 года Ф. П. Сизова из города Козлова Тамбовской губернии).

...Когда начали петь молебен, недугующая Анастасия встала и, не понимая хорошо себя, начала молиться угоднику Пантелеимону. По совершении молебна и водосвятия ее окропили святою водою, и больная пришла в себя, спокойно приложилась к святым мощам угодников Божиих и почувствовала перемену и отраду в сердце... Отец Арсений, освятив на мощах полотенце, оставил больной на помощь в ее болезни, и с тех пор болезнь не возобновлялась (письмо от 4 апреля 1866 года А. Д. Посисеева из города Острова Псковской губернии).

Во время следования афонской святыни чрез город Владимир, что на Клязьме, госпожа А. М. Пономарева взяла масла из лампад от иконы святого великомученика Пантелеимона. После этого чрез долгое время она ушибла ногу, и столь сильно, что не могла ступать на нее, но, помазав ушибленное место тем святым елеем с молитвою к святому многоцелебнику, тут же получила облегчение, и боль прошла совершенно (уведомление госпожи Пономаревой о сем от 22 июля 1865 года).

В декабре 1865 года у надзирателя тульской мужской гимназии В. И. Головина заболела каждый вечер голова и болела сильно дней десять. Ему посоветовали пить травы, и он сам взял их в аптеке. В это время пребывала в Туле афонская святыня. Возвращаясь из аптеки в свою квартиру, он зашел поклониться святыне и молитву пред оною употребил вместо купленного лекарства. Болезнь после этого не возобновилась. В чувствах глубокой благодарности к святому великомученику господин Головин уведомил обитель от 2 марта 1866 года¹.

И первопрестольная Москва, издревле усердная к святыне, не лишена обильных проявлений милости Божией. Во время пребывания афонской святыни в Московском Богоявленском монастыре соборный храм обители с раннего утра до позднего вечера наполнен бесчисленным множеством молящихся. Сюда притекают с горячею

¹ Житие, страдания и чудеса... С. 128, 141, 160—161.

верою и усердною молитвою многие тяжко и продолжительно страждущие, и вера их, по слову Спасителя, спасает их. Записано и засвидетельствовано много благодатных исцелений, из числа которых предлагаются благочестивому вниманию читателей следующие.

11 сентября 1867 года, в 9 часов утра, в Богоявленский монастырь привезена была больная вдова унтер-штеймейстера 1-го класса Дарья Ивановна Колоколова, имеющая от роду 53 года, проживающая с 26 января 1855 года в семейном приюте Мещанского отделения попечительства о бедных в Москве, состоящем в Сретенского сорока приходе церкви святителя Филиппа. В течение 11 лет она лишена была употребления ног и ползала на коленях при помощи рук. Будучи привезена в Богоявленский монастырь начальницею приюта дочерью умершего титулярного советника девицею Любовью Тимофеевой Киселевой, она при помощи рук вползла по церковной лестнице к верхней монастырской церкви и потом от порога церкви доползла до правого клироса, позади которого поставлена была святыня. Бывший при святыне иеромонах и один из богомольцев приподняли больную и приложили к святыне. Как только сие было исполнено, то болящая ощутила крепость в ногах, стала на них и пошла; стояла в продолжение всей Литургии и теперь ходит на своих ногах.

Что означенная Дарья Ивановна действительно в течение 11 лет лишена была употребления ног, а теперь получила исцеление, в этом письменно удостоверяет священник церкви святителя Филиппа Василий Николаев Богородский, в приходе которого находится приют, равно и начальница приюта письменно удостоверяет, что 11 сентября она была вместе с больною Дарьею Ивановною в Богоявленском монастыре и была свидетельницею ее исцеления.

У состоящего при московском генерал-губернаторе чиновника особых поручений коллежского советника Егора Ивановича Боголепова дочь Клавдия Егоровна, 32 лет от роду, в продолжение 14 лет страдала затверделостию ниже щеки, на шее, а с минувшего Великого поста сего года от простуды болезнь ее усилилась. Врачебные средства не помогали; она прибегла к помощи единого Всемогущего Врача душ и телес и, пришедши к афонской святыне, помолилась пред нею с усердием. Возвратившись домой, она помазала больное место маслом от святых мощей и тот час же почувствовала сильнейший треск в затверделости наподобие того, как бы какие камни ломались. В тот же день к вечеру из больного места потекла материя, и с нею стала выходить разломанная затверделость в виде беловатых камешков, кои хранятся у получившей облегчение на память сего дивного благодатного события. В сем удостоверяют своими подписями отец ее и сама она¹.

¹ Душеполезное чтение. М., 1903. С. 21—23.

Обильный поток благодатных исцелений и духовной радости, явленных от угодника Божия во время пребывания афонских святынь в России еще более сроднил благочестивых русских людей с обителью святого Пантелеимона и послужил как бы новым звеном невидимой связи благословенного царства Русского со святым Афоном.

Особое покровительство свыше отцу Иерониму

Совершенно очевидно, что и само избрание отца Иеронима есть не что иное, как исполнение обещания великомученика Пантеле-

Икона Покрова Пресвятой Богородицы. Начало 1850-х годов. Местный ряд иконостаса Покровского собора

имона и попечение Царицы Небесной о нашей святой обители. Вспомним, как Она еще в миру явилась ему с Иоанном Богословом и исцелила его, уже ожидавшего смерти, как даровала ему зрение, явившись со словами: «Молитвы и обещания твои приняты, смотри же, исполняй их в точности». По всей вероятности, он их так и исполнял, ибо на всех делах его почивала благодать Божия.

Вера и любовь старца к Божией Матери, Которую он часто благоговейно называл Всепетой Богородицей, были безграничны, а Она ему покровительствовала и благоволила к нему. Пресвятая Владычица не раз являлась ему в обители, давая особые указания, являлась и другим достойным братьям, о чем старец сам повествует как о самом обычном.

«На праздник Покрова 1863 года, во время бдения, Матерь Божия была в нашем соборе и во все время величания Ее стояла при местной иконе Покрова. Она держала омофор радужного

цвета, усыпанный золотыми крестиками. Владычица внимала прославлению Ее и молитвам и, конечно, Сама молилась о величающих Ее и молящихся к Ней! Ее открыто видел один из братий (я говорю один, но, без сомнения, видели и другие, достойные, о которых трудно узнать, ибо все подобные видения и откровения утаиваются по смиренномудрию), другие же испытывали Ее присутствие внутренним благодатным утешением, а прочие, более слабые духовными силами, осенение Владычицы ощущали над собою в том, что все бдение (12 часов) простояли легко и какая-то неземная радость наполняла сердца их. Это ощущали даже поклонники, кроме некоторых, роптавших на продолжительность службы».

Рассказы о явлениях Божией Матери в Пантелеимоновом монастыре и о многих чудотворных иконах часто связаны с событиями из жизни старца Иеронима. Вот некоторые из них.

«Однажды в Прощеное воскресенье на повечерии в церкви Покровской все подходили прощаться к стоящим в мантиях старцам отцам Иерониму и Макарию. Отец Гликерий увидел тут же впереди стоящую величественную Жену в мантии. А когда спросил после отца Иеронима, тот сказал: “Это наша Игумения”, то есть Божия Мать».

«Над игуменской формой [в Пантелеимоновском соборе] стоит икона Божией Матери «Тихвинская», принадлежавшая одному иеромонаху. Однажды по действию вражю он находился в сильном смущении против старца-духовника, противоречил ему и других склонял к тому же, но совесть постоянно твердила ему, что он находится в ошибке и напрасно уклоняется от убеждений старца. Долго скорбел он и, изнемогая под бременем своего искушения, неоднократно припадал пред сей святой иконой. И вот в одно время после долгой молитвы он услышал глас от Божественного Младенца Господа Иисуса Христа: “Зачем ты противишься старцу? Он тебе желает спасения и муж благ по сердцу Моему”. Иеромонах упал пред образом и зарыдал. Проведя всю ночь в молитве и слезах, он на другой день объявил все это старцу и примирился с ним»¹.

«В 1863 году в обители нашей греческая братия сделала первое восстание, возмущение против русских. Причина была та, что у русских были свои обычаи: чаепитие, общение с Россией. С 1858 года начали ходить регулярно каждые две недели пароходы Русского общества, почему потребовалось положить у пристани бочку для

¹ Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона... С. 78.

*Чудотворная Тихвинская икона
Божией Матери. Пантелеимоновский
собор Русского монастыря. 1850 г.*

приставания пароходов. Также греки были недовольны за русскую пищу и за русское чтение в трапезе. К этому возбужденному недовольству греков приехал из Троице-Сергиевой лавры иеромонах, родом грек, человек ученый, к которому и обратились здешние греки со своей жалобой на русских. Иеромонах этот сразу же стал на сторону недовольных и пошел энергично действовать против отца Иеронима, всячески понося его и возбуждая других против него. И вот, когда он стоял однажды в притворе храма святого Пантелеимона, к нему был глас от иконы Божией Матери, находящейся за первой колонной от входа в притвор с правой стороны: “Оставь свои за-теи против Иеронима, он в люб-

ви Моей почивает”. Глас этот до того поразил его, что иеромонах сей на первом же пароходу уехал домой.

Перед возмущением же от главной иконы святого Пантелеимона, которая в сребропозлащенной ризе в киоте за стеклом находится на колонне, поддерживающей юго-восточную часть главного купола, были видны перуны¹, доходящие до некоторых из братьев, которые потом оказались возмутителями.

Но греки уже весьма взволновались и явно заявили свое недовольствие игумену Герасиму, который всех недовольных удалил из обители, разместив их по разным здешним монастырям. Таково было благоволение Царицы Небесной к духовнику Иерониму».

Матерь Божия облегчила в болезни его страдания явлением иконы Успения, а перед его кончиной явилась ему Сама вместе с иконой Иерусалимской.

Икона Успения Пресвятой Богородицы — точное подобие Киево-Печерской чудотворной иконы с частицами святых мощей некоторых киево-печерских угодников Божиих, а именно: преподобного

¹ Т. е. молнии — *Примеч. сост.*

Симона, епископа Суздальского, преподобного Варлаама Печерского, преподобного Моисея Угрина, преподобного Игнатия Печерского, священномученика Лукиана и преподобной Евфросинии. Она — в сребропозлащенной ризе, на нижнем крае ризы в двух местах — следующая надпись: «Изображение чудотворныя иконы Успения Пресвятыя Богородицы, юже из Влахерны цареградской в монастырь Печерский Богоматерь прислала в лето 1073 и ныне обретается в лавре Киево-Печерской над царскими враты».

Икона Успения Богоматери находится в алтаре Покровского храма, на горнем месте, справа. Пред ней читается акафист Успению Пресвятой Богородицы с 1 по 28 августа (по старому стилю), дня отдания праздника Успения на Святой Горе, каждодневно: до праздника (15 августа) — по окончании вечерни, а после праздника — на повечерии, для чего она выносится на средину храма.

Эта святая икона пожертвована для Русского монастыря одной помещицей бывшему в России по сбору монаху Иринею. Он переслал ее в Одессу священнику единоверческой церкви отцу Александру, прося сохранить до прибытия своего туда из Петербурга. Священник положил икону в церкви на аналой, как храмовую, для поклонения, ибо церковь освящена в честь Успения Богоматери. Вследствие ли хорошего письма иконы, или хранящихся в ней святых мощей, или великого благоговения прихожан отец Александр обратился в обитель с усердной просьбой уступить икону церкви. Получив его письмо, а вслед за ним и второе, убедительнейшее, старцы изъявили согласие и послали об этом ему письмо; вместе с тем написали и монастырскому корреспонденту Я. И. Новикову, прося его по приезде отца Иринея объявить ему, что икона по ходатайству отца Александра уступлена обителью Успенской церкви.

К этому времени монах Ириней прибыл в Одессу. Услышав об уступке иконы, он сильно воспротивился этому, говоря: «Сего сокровища, кроме нашей обители, я никому не уступлю во всей вселенной, ибо икона чудотворная; пожертвовавшая оную помещица говорила мне, что сия святая икона во время пожара осталась невредимой», прибавив при том еще о некоторых благодатных знамениях, которые, оставшись незаписанными, по давности времени забыты. Но, верно, угодно было Царице Небесной, чтобы икона достигла своего назначения: посланное отцу Александру письмо утерялось — следовательно, святая икона без всякого препятствия могла быть взята отцом Иринеем, и, таким образом, она осталась для обители.

Отец Ириней прибыл с иконой на Святую Гору 10 июля 1857 года на пароходе Русского общества пароходства и торговли «Херсонес»,

*Чудотворная икона Успения Пресвятой Богородицы.
XIX в. Покровский собор Русского монастыря*

открывшем первое прямое сообщение России с Афоном. На этом пароходе прибыли в Русик именитые гости: флигель-адъютант его императорского величества Н. А. Аркас, статский советник Б. П. Мансуров, генерал-майор граф И. Ламберт, действительный статский советник Н. Мурзакевич и другие. В это время духовник Иероним находился на келлии преподобных печерских чудотворцев. По прибытии гостей за ним, как представителем русского братства обители, тотчас послали, но он по болезни не мог сойти с горы. Но, так как со стороны гостей были настоятельные требования видеть отца Иеронима для личных объяснений с ним, тогда по настойчивому убеждению братии он согласился прибыть в обитель. Поехал он в монастырь на муле, и во время пути, вероятно от сильного сотрясения при верховой езде под гору, у него случился приступ грыжи в такой степени, что он по приезде в обитель не надеялся прожить более суток, если не уменьшится ужасная боль.

События по приезде отца Иеронима описывает отец Макарий в своем дневнике. «Первое его слово было ко мне: “Зачем так беспокоить меня?” Увидев его, страждущего в болезни, я еще более смутился и упрекал себя, что внял гласу братии. Чрез 10 минут отец

духовник говорит: “Мне дурно, грыжа вышла и не могу вправить”. В это время у нас жил доктор, послали за ним, он дал капли, — не помогало. Отец духовник, изнемогая, лег на пол и сказал: “Умираю! Прощайте!” Кто может выразить мою горесть и страдания души, тем более что я был виновником сего?! Послали за герондою — игуменом Герасимом. Отец духовник попросил причаститься. Я принес ему Святые Тайны. Он сам взял сосуд и приобщился, прочитавши: *Верую, Господи, и исповедую* и прочие окончательные молитвы пред Причащением. Потом, исповедавшись у геронды, поручил ему меня и сказал: “Вот по мне будет в русском обществе предстоятель”. Я плакал неутешно, горечь страшно поднималась кверху, и я думал, что сам сейчас слягу (перед этим я был девять месяцев в лихорадке).

Между тем отец духовник страдал более и более, грыжа запухла, надежды вправить не было. Геронда велел тянуть четки, и мы в коридоре тянули. Потом для духовника сделали ванну. Затем и приехавшие гости, бывшие в отлучке по Святой Горе, возвратились и начался благовест к Литургии, которую совершал в соборе святого Пантелеимона иеросхимонах отец Иезекииль с иеродиаконотом Василием. Сколько мы рады были гостям, столько печальны о духовнике и все плакали неутешно, братия один за другим прощались. И вопль их был услышан.

В это время входит отец Ириней с иконою. Отец Иероним берет ее на руки со словами: “О Мати Милосердия, предстани мне в час сей и заступи меня, и чад моих духовных, и обитель сию. Соедини любовию два общества — русское и греческое”. И, читая ангельское приветствие, облобызал ее. И в это самое время почувствовал облегчение опухоли. Затем мало-помалу при содействии доктора, явившегося с парохода, с помощью Царицы Небесной грыжа была вправлена в свое место, и духовник отец Иероним получил совершенное облегчение, но по слабости лежал целые сутки на спине.

Итак, к окончанию Литургии мы свободно вздохнули. Я пошел в церковь. Отец Азарий сказал слово по случаю устройства общества пароходства и поздравил приехавших. Потом был царский молебен по случаю тезоименитства великой княгини Ольги Николаевны, после чего все приглашены были на чай в архондарик, где был и Петр Иванович Севастьянов, живший в Серае¹ и занимавшийся с ученою целью снимками афонской живописи фотографией

¹ Сераем, то есть дворцом, называли на Афоне русский скит святого апостола Андрея Первозванного. — *Примеч. сост.*

и карандашом. Потом — обед с тостом за императора и многолетием. После обеда все гости посетили отца духовника, который принимал лежа и говорил им приветствие, благодаря за внимание.

Потом мы пошли крестным ходом с крестом, хоругвями и мощами святого Пантелеимона на пароход, служили там молебен и окропили все святой водой. Мы были приглашены к столу. Начальники парохода обращались с нами как родные, и для нас день этот незабвенен. Сколько было радостно о приезде хороших гостей и началу дела на морях нашего пароходства, так несравненно было более горько, что мы чуть было не лишились нашего отца духовника».

В память сохранения жизни старца-духовника отца Иеронима каждый год 11 июля в Русике совершался благодарственный молебен.

Воспитание отца Макария

Одной из важных заслуг старца Иеронима было воспитание для обители сильного игумена, обладающего выдающимися административными и нравственными качествами.

После десяти лет жизни в монастыре отец Иероним стал изнемогать и заповедал братии молиться, чтобы Господь послал ему помощника, и сам усердно молился об этом. Он желал иметь себе в помощь человека абсолютно преданного, на которого можно было бы полностью положиться. И когда в 1851 году в Русик приехал будущий игумен Макарий, старец Иероним сказал братии: «Вот тот человек, которого мы просили у Господа». Старец в это время уже прозревал будущие славные судьбы Русской обители, поэтому необходимо было приготовить и достойных деятелей для грядущих времен, которые бы в состоянии были искусной рукой смело взять кормило правления в разноплеменном монастыре. Отец Иероним, угадывая в отце Макарии особое орудие Промысла Божия в деле возрождения Свято-Пантелеимоновой обители, остановил свой выбор на нем, решив поставить его во главе монастыря, но не прежде, а после того, как достаточно продолжительным искусом воспитает и приготовит его к этой деятельности.

Михаил Иванович Сушкин, как звали в миру отца Макария, прибыл на Афон в паломничество, вдруг заболел, и его, как безнадежного больного, постригли сразу в схиму. Но он выздоровел, полюбил монашескую жизнь и уже никуда не хотел уезжать.

Вскоре отец Макарий стал выдвигаться среди братии и становиться ближайшим помощником старца-духовника. 24 февраля

1853 года он был рукоположен в иеродиакона, а 3 июня 1856 года архиепископом Никодимом отец Макарий был рукоположен в иеромонаха и вскоре же назначен вторым духовником русской братии. Действительное положение вещей в монастыре, однако, не требовало столь поспешного возвышения молодого иеросхимонаха Макария на такой почетный пост среди монашествующей братии. По понятиям святогорцев, духовник считается вторым лицом после игумена, имеет весьма важное значение в жизни обители с киновиальным устройством, пользуется всеобщим почетом и уважением, так как он руководит духовной жизнью братии и перед ним на исповеди раскрываются до мелочей дела, поступки и помыслы каждого инока.

Схиархимандрит Макарий. 1870 г.

Отец Иероним, как и прежде, исполнял свои обязанности духовника и могучего вождя по пути возрождения Русской Пантелеимоновой обители и если по болезни не был в состоянии в тот или иной день, в ту или другую неделю исполнять свое послушание, то от этого само дело не терпело никакого ущерба, к тому же русской братии было еще только 80 человек, и ими успешно управлял такой гигант ума и воли, каким был отец Иероним. С назначением отца Макария к себе в помощники он нисколько не снял с себя тяжкого бремени руководителя. По-прежнему с утра до глубокой ночи двери его келлии не затворялись; по-прежнему все, от великосхимника до послушника, со своими «недоразумениями», «помыслами» и «искушениями» шли на беседу к «старому батюшке», как называли иноки отца Иеронима в отличие от отца Макария, и искали у него разрешения, успокоения, необходимой помощи. Отец Макарий еще не приобрел в их глазах достаточного авторитета и, привыкший сам доселе сообразовывать свою волю с волей своего духовника, ни на что не мог решиться без его благословения.

Отец Макарий, бодрый, молодой, неутомимый, ведал внешними монастырскими делами, для которых нужны были зоркий глаз,

твердость, преданность, и он был послушным и беспрекословным исполнителем воли батюшки, который из своей келлии видел все и все предусматривал. «Он служит каждый день Литургию, — характеризует деятельность отца Макария К. Н. Леонтьев, — он исповедует с утра до вечера, он везде — у всенощной, на муле, на горах, на лодке в бурную погоду, он спит по три часа в сутки, он в трапезе ест самые плохие постные блюда — он, которого отец и братья миллионеры»¹.

Не свалить тяжелое бремя на плечи молодого отца Макария, а приблизить к себе, воспитать и приготовить его к будущей великой роли в многолюдной обители желал проникательный отец Иероним. С первых дней своего пребывания в Свято-Пантелеимоновом монастыре отец Макарий стал в особенно близкие, истинно сыновние отношения к старцу-духовнику. На впечатлительного отца Макария благородная, невозмутимо спокойная личность умного аскета — отца Иеронима, этого «первого человека из русских в монашеском опыте», произвела глубокое впечатление. Отец Макарий искренне полюбил этого «ангелоподобного человека» всеми чувствами своей нежной души, отдался в руки этого гиганта мысли и воли и сделался его покорным и послушным рабом еще до принятия пострига. Отец Макарий писал к родителям, что Афон кажется для него раем, «особо если этот духовник будет жив», — духовник, который «никак не советовал ему ехать» назад, в Россию². В монашестве, как пишет отец Макарий родителям в 1852 году, отец Иероним «утешает» его «среди скорбей и искушений», «разрешает сомнения и бури помыслов», «питает пищею духовною», руководит его советами родителями и многое другое.

Отец Макарий использовал все свободное от послушаний время, чтобы находиться со старцем, поучаясь в беседах с ним, о чем пишет в дневниках: «...пришел я к отцу духовнику и просидел у него целую ночь. Он мне говорил: “Не бойся, Промысл Божий собрал нас сюда, Он и попечется о нас. Стараться нужно поддерживать любовь между греками и русскими и те правила, каковые теперь у нас, — и Бог не оставит. Будь внимателен к гласу совести и пред всяким началом каждого дела прежде всего помолись Господу и острожно внимай гласу совести. Да трижды помолись, когда дело будет важно, и тогда, при помощи благодати Божией, начинай”. И так далее беседовали назидательно». «Раза три в неделю отец

¹ Русский вестник. 1873. Кн. 4. С. 682.

² Письмо от 9 ноября 1851 года.

Макарий беседует со мною ночью часа по три, он своим благочестием много утешает меня», — пишет отец Иероним в 1864 году сестре, монахине Маргарите.

Вот письмо отца Иеронима к отцу Макарию, писанное им в 1850-х годах, когда старец по временам для уединения отлучался на келлию. Отец Макарий, еще неопытный в духовной жизни, оставаясь один, скучал по старцу и, как малое дитя без матери, терялся, принимал необдуманные решения.

«Чувствительный отец Макарий, мир Вам!

Что мне отвечать на Ваше письмо? К чему такие выражения малодушия, и маловерия, и неблагодарности к любящему нас Богу? Разве я удалился за тридевять земель? Если есть какая нужда о чем переговорить со мною, то что мешает прийти Вам ко мне? Или Вы уже начинаете думать, что я не понимаю, что мне следует делать? Какой дух возбудил Вас написать ко мне такое письмо? В самом деле, не думаете ли Вы, что благодать внушила это Вам? Испытайте хорошенько совесть свою и Вы познаете, что не дух послушания в это время внушил Вам такие выразить мне чувства, которые не послужат к назиданию ни к Вашему, ни к общему. В таком случае Вам должно было сказать самому себе и другим, что так Бог внушил ему и что тут нет ничего важного. Пришел и пошел. К чему мирские нежности и комплименты? Разве Вы еще не уверены в воле Божией? Следовательно, впредь мне и невозможно будет являться в обитель на час или на два. Кажется, это для Вас будет полезнее, нежели провожания. Покайтесь в Вашей ошибке, и Бог Вас простит, и я прощаю. Мирствуйте, мужайтесь, и да крепится сердце Ваше. Спасайтесь и мне не возбраняйте. А иначе мы не успеем. Милость Божия великая нас содержит, во всем помогает. И что еще более желать нам от Бога? Только остается нам быть благодарными. Матерь Божия покрывает и покроеет нас.

Духовник Иероним. 27 октября».

Таким образом, старец Иероним стал отцом и попечителем инока Макария, которого суровый аскет, в свою очередь, сердечно любил и к которому он тоже привязался самым искренним образом. Отец Иероним не мог своим пытливым оком не заметить в отце Макарии сильной идеальной натуры, которая видна была и в самой его наружности: в его бледном продолговатом лице, задумчивых глазах и даже в той сильной впечатлительности и подвижности, которую не могли уничтожить в нем вполне ни природная твердость характера, ни ужасающая непривычный ум суровость афон-

ской дисциплины, а поэтому полюбил, приблизил его к себе и для будущей его широкой деятельности заставил пройти тяжелую школу высшего духовного и душевного искусства.

Отцу Макарию, как человеку подвижному, горячему, человеку любви и сердечных увлечений, нужно было для успешного начальствования и для той внешней борьбы с людьми и обстоятельствами, к которым он был предназначен, несколько остыть и окрепнуть в руках человека спокойного и непреклонного, каким был отец Иероним. Этот искус, это смирение послушного, но с вышеописанными чертами самостоятельного характера ученика под руководством сильного духом учителя далось отцу Макарию весьма нелегко, так как задевались нередко самые чувствительные стороны его впечатлительной натуры. «Я, — пишет об отце Макарии очевидец К. Н. Леонтьев, — даже часто дивился, глядя на него и слушая его речи, как могла эта натура, столь нежная, казалось, во всех смыслах столь идеальная, и сердечная, и быстрая, — как могла она подчиниться так беззаветно, глубоко, искренне и безответно всему тому формализму, который в хорошем монашестве неизбежен! Скажу еще: не только неизбежен, но и в высшей степени плодотворен для духа, ибо он-то, этот общий формализм, дающий так мало простора индивидуальным расположениям, даже нередко хорошим, может быть более всего другого упражняет волю инока ежечасными понуждениями и смиряет его своенравие, заставляя иногда даже и движению любви и милосердия предпочесть послушание начальству или уставу. Поживши, я понял скоро и сам всю душевную, психологическую, так сказать, важность всего того, что многие по грубому непониманию зовут “излишними внешностями”. Но и поняв, я продолжал дивиться, как такая, выражаясь по-нынешнему, “нервная” натура смогла подчиниться всему этому так глубоко и так искренне!»¹

И к чести этих обоих столпов иноческой жизни на Афоне нужно сказать, что они оба до конца жизни удержались в том положении, какое заняли по отношению один к другому с самого начала их совместной жизни: отец Иероним в роли опытного учителя и руководителя, а отец Макарий в роли послушного ученика, по единому взгляду любимого учителя всегда и во всякий час дня и ночи готового к его услугам. Эти поистине идеальные отношения одного великого старца к другому, более великому, для посторонних наблюдателей казались положительно удивительными.

¹ «Гражданин». 1889. № 192.

Старцы Иероним и Макарий. Фотография 1880-х годов

«Единственное сокровище мое на земле»¹, — говорил отец Макарий о старце Иерониме. Ученик сумел так много взять от своего великого учителя, что, как замечали афонские иноки, «у Макария голос Иеронима»².

Однажды раз и навсегда отец Макарий предал себя в волю старца и до конца жизни своего ничего не имел. Уже одно это оставление своей воли и подчинение ее святому старцу сделало его великим. И в то же время он был под покровом отца Иеронима, который нес всю ответственность за управление обителью, принимая за то на себя нападения духов злобы в виде разных искушений. На долю отца Макария оставались только такие искушения, которые ему сообразно с его силами устраивал богомудрый духовник.

¹ Письмо к архимандриту Леониду от 29 апреля 1883 года.

² *Михаил*, архимандрит. «Стиль» и «дух» русских обителей на Афоне. С. 367.

О всецелом признании отцом Макарием и единоклюшкой с ним братии высшего духовного авторитета и власти старца Иеронима свидетельствуют такие два примера.

Инок Стефан, как записал один из братии монастыря, «пришел к игумену в алтарь, со скорбью начал говорить, что “вот, отче, как тебе Бог возвестит, меня назначили на послушание, на которое я считаю себя неспособным, а между тем вот я и заболел”. Игумен спросил: “Тебя кто послал?” Он отвечал: “Отец Иероним и отец Арсений”. Игумен отвечал: “Что я могу сделать, когда тебя посылает старшее лицо?..”» А по рассказам отца Иерона, отец Макарий, будучи уже убежденным сединой старцем, кланялся в ноги, как провинившийся ребенок, великому своему духовному руководителю, прося у него прощения.

Ничто не нарушало этих идеальных отношений ученика к учителю: ни разность их сана и положения (отец Макарий был архимандритом и игуменом, а отец Иероним до смерти удерживал за собой скромный титул иеросхимонаха-духовника), ни даже те жестокие искусы, которым последний подвергал своего ученика. «Я, — пишет К. Н. Леонтьев, — видел их вместе в начале 70-х годов, видел сыновние отношения архимандрита (то есть отца Макария) к своему великому старцу (то есть отцу Иерониму), знал, что он уже и тогда, избранный в кандидаты на звание игумена в случае кончины столетнего старца Герасима, безусловно повиновался отцу Иерониму и нередко получал от него выговоры даже и при мне»¹. Эти-то «выговоры» и были тяжелым искусом для отца Макария, так как большей частью проступки его вытекали непосредственно из глубины его доброго впечатлительного сердца, весьма чуткого к горю и радости своего ближнего, и с обычной точки зрения не только не заслуживали порицания, а, напротив, были достойны одобрения и награды. Наблюдательный и правдивый биограф отца Макария — неоднократно нами цитируемый К. Н. Леонтьев приводит весьма характерный случай подобного искуса.

«Однажды, — рассказывает он, — пришлось архимандриту Макарию по особому случаю служить (не помню, в какой праздник) обедню за чертой Афона², на ватопедской башне. Башня эта, служившая когда-то крепостью для защиты монашеских берегов, теперь

¹ Гражданин. 1889. № 246.

² Границей Святой Горы от мира считается небольшой ручей, текущий по кустам неподалеку от того места, где оканчивается плоский, низменный перешийек и начинается первая афонская крутизна. — *Примеч. К. Н. Леонтьева.*

имеет значение простого хутора или подворья какого-то, принадлежащего богатому греческому монастырю Ватопед. В башне есть очень маленькая и бедная домовая церковь. В ней-то и совершил отец Макарий Литургию в сослужении молодого приходского греческого священника из ближайшего селения Ериссо... Он с молодым священником, приглашенным для совместного с ним служения, не только обошелся как нельзя ласковее, но даже на прощание подарил ему для его приходской церкви очень красивые и совсем новые воздушы белого глазета с пестрым шитьем. (Отец Макарий привез их с собою, зная, до чего убога церковь на этой заброшенной башне.) Когда по окончании обедни мы сели — он на мула, а я на лошадь свою — и поехали обратно в Русик, отец Макарий сам сознался мне в этом добром деле своем, небольшом, конечно, по вещественной ценности, но очень значительном по нравственному смыслу (ибо это был дар святогорца представителю враждебного святогорцам селения). Отец Макарий сказал мне с тем веселым и сияющим умом и добротою выражением лица, которое я так любил: “Мне уж и его, бедного (то есть молодого священника), захотелось утешить. Пусть и он повеселее уедет домой”.

В словах отца Макария, обращенных ко мне, когда мы тронулись в путь, мое и без того так сильно расположенное к нему сердце прочло столько живой и тонкой любви, что мне захотелось тотчас же поцеловать его благородную руку! И будь мы одни, без свиты, я, наверное, и сидя верхом сделал бы это.

Да, меня восхитило это трогательное движение его сердца. Но не так взглянул на дело общий нам обоим суровый и великий наставник.

Когда, вернувшись в Русик, я пришел в келлию к отцу Иерониму, он сказал мне при самом архимандрите: “Отец Макарий-то, видели? Воздухи подарил священнику! С какой стати раздавать так уж щедро монастырское добро, и кому же — врагу афонского монастыря!”

Отец Макарий сначала молчал и улыбался только, а потом сказал что-то, не помню, до этого дела вовсе не касающееся, и ушел. Оставшись со мною наедине, отец Иероним вздохнул глубоко и сказал: “Боюсь я, что он без меня все истратит. Он так уж добр, что дай ему волю, так он все тятенькино наследство в орешек сведет!”

Я, разумеется, стал защищать отца Макария, и мне было немножко досадно на старца, что он, вместо того чтобы разделять нашу небольшую духовную радость, охлаждает ее практическими соображениями. На возражения мои отец Иероним отвечал мне

кратко и серьезно, с одной из тех небесно-светлых своих улыбок, которые чрезвычайно редко озаряли его мощное и строгое лицо и действовали на людей с неотразимым обаянием. Он сказал мне так: “Чадочко Божие, не бойся! Его сердца мы не испортим, он уж слишком милосерд и благ. Но ведь игумену сто лет, я тоже приближаюсь к разрешению моему. Ему скоро придется быть начальником, пасти все это стадо. И где же? Здесь, на чужбине! Само по себе оно и хорошо, что он эти воздуха подарил, и вы видите по жизни наших монахов, что им самим-то ничего не нужно. Но монастырю средства нужны. И отца Макария надо беспрестанно воздерживать и приучать к строгости. Он у нас *увлекательный* человек”.

Так сказал старец.

При виде этой неожиданной и неизобразимой улыбки на прекрасном величественном лице, при еще менее ожидаемой для меня речи на “ты” со мною, при этом отеческом воззвании — “чадочко Божие” — ко мне, сорокалетнему и столь грешному, мне захотелось уже не руку поцеловать у него, а упасть ему в ноги и поцеловать валеную старую туфлю на ноге его. Даже и эта ошибка — “увлекательный” вместо “увлекающийся” человек — эта маленькая “немощь образования” в связи со столь великими силами духа, — и она восхитила меня!”»

Что касается до милостыни собственно, то отец Иероним сам славился на Афоне щедростью своей к нуждающимся. «Я сам знаю, — говорит Леонтьев, — сколько он делал и вещественного добра. Но смирять ли он хотел от времени до времени архимандрита, ученика своего, делая ему выговоры даже и при мне и “готовя ему за крепость венцы”, или в самом деле находил, что его доброта и щедрость переходят за черту рассудительности, это я не берусь решить»¹.

Весьма нередко случалось отцу Макарию получать выговоры от старца Иеронима и монастырские наказания в виде канона по четкам даже в таких случаях, когда он был прав. Исполняя свои обязанности по должности второго духовника обители, а позже будучи уже архимандритом, отцу Макарию нередко приходилось наталкиваться на разного рода проступки монашествующей братии, за которые он по уставу монастыря на виновных налагал каноны, смотря по степени проступка каждого. Нередко случалось, особенно с новоначальными братьями, еще недостаточно дисциплинированными и со вспыльчивым характером, что они оставались

¹ «Гражданин». 1889. № 246.

недовольными теми канонами, которые на них налагались отцом Макарием. Раздраженные и озлобленные, они отправлялись с жалобой на отца Макария к отцу Иерониму и в резких выражениях высказывали ему свое неудовольствие. Старец молча и спокойно выслушивал несвязную и горячую речь недовольного, причем в большинстве случаев присутствовал и обвиняемый. Понимая всю неправоту задетого за живое жалобщика и в душе вполне разделяя мнение отца Макария, духовник обыкновенно заключал невозмутимо спокойным тоном: «Бог да простит» — и протягивал в знак разрешения от канона свою широкую мускулистую руку для лобызания виновному. Затем, слегка повернувшись в сторону отца Макария, прибавлял: «Ты не прав, и посему сам потяни канон в столько-то четок». Яркая краска стыда и оскорбленного невинно самолюбия разливалась по бледному, изнуренному лицу отца Макария, но через минуту, подавив в себе чувство неудовольствия, он с нежной улыбкой на устах подходил к руке любимого старца за благословением, чтобы немедленно в своей келлии исполнить канон за другого.

Какой дивный пример подражания древним духоносным отцам! Как тот мудрый пастырь, сказавший, что наставник лишает себя и подвижника награды, если не подает ему случаев перенести бесчестие¹, он не упустил возможность дать своему чаду получить венец от Господа через незаслуженное оскорбление.

Из келлии духовника оба выходили довольными и счастливыми: один — с сознанием того, что он оправдался перед отцом духовником, которого все боялись в монастыре, а другой — что ему Господь послал новое испытание, и, быть может, на пользу ближнего.

И действительно, нередко бывали случаи, что жалобщики (особенно если это были люди, не испорченные нравственно и не загрубевшие в пороках, а только лишь вспыльчивые по натуре), выйдя с торжеством победителя из келлии духовника, еще на пути в собственную келлию начинали раскаиваться в несправедливо нанесенном отцу Макарию оскорблении, принявшему его с кротостью. И весьма часто возвращались к духовнику и падали ему в ноги со словами: «Батюшка, простите меня, окаянного! Я погорячился, благословите мне канон понести». Так же молча и спокойно выслушивал эту покаянную кроткую речь раскаявшегося отец духовник, как и первую, бессвязно-горячую, говоря ласковым голосом: «Бог благословит», то есть нести уже раз наложенный канон.

¹ См.: Лествица. Степень 4, о послушании.

Радовался отец Иероним, видя это чистосердечное покаяние виновника, радовался и веселился, смотря на своего любимца отца Макария, восходящего с каждым днем от силы в силу в деле своего нравственного усовершенствования и одновременно с этим все более и более, несмотря на свою сравнительную молодость приобретающего почтение и уважение братии монастыря.

Опытный в иноческом подвиге отец Иероним хорошо знал характер своего ученика и уроки искушений никогда не возлагал на него выше его сил или старался искусно соразмерять со степенью его восприимчивости, а мягкий и привязанный к нему, любящий его всеми силами своей нежной души отец Макарий привык беспрекословно подчиняться воле батюшки и опытно дознал, что все то, что делается или что исходит от него, все хорошо и направляется ко благу или его лично или же целого монастыря. Отсюда-то мир, любовь и единомыслие сохранились между старцами до их последней разлуки, последовавшей с кончиной отца Иеронима.

Заботы повседневные. Укрепление внутреннего и внешнего положения обители (1860-е годы — начало 1870-х годов)

«Слава Богу, братство постоянно увеличивается, — пишет отец Иероним в 1864 году, — теперь есть до 400 человек братии, русских более 200, а с тем вместе и заботы наши более и более увеличиваются; в управлении братиею отец Макарий (Сушкин) помогает мне.

Здоровье мое непостоянно, и хронические болезни не оставляют меня; желудочные спазмы или судороги постоянно, и днем и ночью, беспокоят меня, также и прилив крови к голове хотя не в равной степени, но ежедневно посещает меня, к тому же и грыжи нередко огорчают сластолюбивое мое сердце.

Ежедневная моя жизнь разнообразна, не всегда одинакова, иногда я имею довольно времени для занятия в келлии молитвою, чтением и прочим, а иногда нет или очень мало: братия постоянно занимают меня вопросами по экономии, а более всего по исповеди. Так как у нас приобщаются часто, потому и исповедуются часто, к тому же и чужих много приходит за советами и для исповеди, а многие — для испрошения вещественной помощи... Из старых материй шьем ризы, подризники и епитрахили, воздухи и раздаем; хоть какую-нибудь дай ему вещь, а иначе не избавишься от просящего, а то он и целую неделю будет жить в монастыре да раза три в день будет

*Братия на послушании в швейной мастерской
Пантелеимонова монастыря. Фотография конца XIX в.*

приходить к русскому духовнику, кланяться до земли и просить, и все таковые посетители требуют непременно лично объясниться с русским духовником... Если у кого нет или ризы, или воздухов, или другого чего, то он, не обинуясь, прямо идет в Русский монастырь, отыскивает Иеронима и требует; если откажу ему, то он не обленится прийти в другой раз, и в третий, а то, пожалуй, и в десятый — хоть чрез год, а уже выпросит; разумеется, если есть та вещь, которую он просит, то я не заставлю его во второй раз трудиться приходить для получения ее, но часто бывает, что нет той вещи, которую он просит, и тогда поневоле отказывают ему. Но они знают, что нам присылают из России эти вещи, а потому и терпят, покуда пришлются нам вещи, и они постоянно наведываются с вопросами. Для удовлетворения нужд этих рабов Божиих у меня много времени употребляется...

Сплю я не тогда, когда хочу, а тогда, когда судороги попустят мне заснуть, а потому я не всегда могу заснуть до утрени, попытаю — раз, и два, и более ложусь, и, если судороги сильны, тогда я более хожу по келлии, для того и келлия моя сделана нарочно длинная — шагов десять. Много хожу, особенно ночью, иногда

до того, что ноги и поясница заболеют от ходьбы, а особенно подошвы, и тогда я рад бываю, если кто из братии придет ко мне побеседовать, тогда я не столько чувствую жестокость моей болезни. Иногда случается, что судороги не сильны, но и тогда все-таки не могу заснуть, по крайней мере тогда хотя могу сидеть, читать или писать.

В полночь у нас звонят на канон, или келейное правило, а через час — к заутрене; тогда я иду в церковь к заутрене; от утрени я ложусь спать до поздней обедни, в это время я сплю, и то если судороги позволяют мне это, ибо нередко случается, часто в сутки ничего не засну, а иногда и двое, но это бывает редко, и тогда чувствую себя во время обедни слабым, выключая, когда благоугодно бывает силе благодати Божией совершаться в немощи моей; и часто на утрени и дремлю, и по причине моей великой лениости еще и не противлюсь дремоте, а иногда и желаю заснуть в церкви — вот как я подвигаюсь!

После обедни или принимаю гостей или поклонников, или иду осматривать экономические службы и заведения, которых есть довольно; посетивши больницу, побываю на гостинице, в поварне,

*В сапожной мастерской Пантелеимонова монастыря.
Фотография конца XIX в.*

в трапезе, в канцелярии, в живописной, в литографии, в типографии, в кожевенном заводе, в кузне, в слесарне, в ткацкой, в столярне, в портной, в сапожной, на пристани и на огороде и прочее, и на это уходит около трех часов, иногда эту проходку делаем вместе с герондою, то есть игуменом, но более один я, потому что старец по старости редко выходит за монастырь. Потом я обедаю и после обеда опять принимаю гостей и поклонников, или братию, или же мастеровых или с экономами занимаюсь и потом если чувствую расположение ко сну, то поспешаю прилечь, иногда засну и посплю, а иногда и нет по милости спазмов, в таком случае или читаю, или письма подписываю, или диктую писарям; в настоящее время писем из России присылают много с разными вопросами, и на все нужнейшие письма мне требуется диктовать, а на исповедь и своеручно отвечаю — что делать, иногда с пренеоганием пополам с крехтом и оханьем. А вы, может быть, думаете, что я все делаю с благодушием? Нет. Нередко с удивлением спрашиваю сам себя: “Да как это я упал в этакую беду, оплелся таким огромным семейством? Сколько хлопот и забот, попечений, трудов, скорбей, болезней и бедствий! Ни средств, ни обеспечения”. Иногда подобные мысли и добре подталкивают в сердце, а наиболее тогда, когда братия некоторые за все попечение о них воздают неблагодарностию, но в это время благодать отчетливо говорит внутреннему слуху: “Не возноситея глаголюще, что ямы или что пием или чем одеждемся, всех бо сих языцы ищут, вестъ бо Отец ваш Небесный и прежде прошения вашего, яко сих требуется; ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а сия вся приложится вам” (Мф. 6, 31—33). И действительно, так обитель наша на опыте это видит. Слава Богу за все. Многие из братии моей много утешают меня своею богоугодною жизнью, и это много ободряет меня»¹.

Особо он упоминает об отце Макарии: «Благодарю Господа, что Он послал ко мне на помощь такого благодатного человека, который, если Бог благословит, по смерти моей останется над русскими братиями настоятелем»².

Кроме отца Макария, под духовным руководством отца Иеронима воспитались и другие необходимые ему в деле обновления Русской обители помощники и сотрудники.

Так, после Крымской войны в числе других русских поклонников из города Острогжска Воронежской губернии прибыл в Русик

¹ Письмо к сестре от 17 ноября 1864 года.

² Письмо к матери от 2 декабря 1857 года.

Иеросхимонах Павел

вместе со своими спутниками будущий иеросхимонах Павел (Дурнев), ставший впоследствии, по выражению отца Макария, строителем монастыря, заведовавшим в продолжение 30 лет всем монастырским хозяйством (скончался в 1895 году).

Экономически-хозяйственными способностями и необыкновенными дарованиями инженера и архитектора отличался иеросхимонах Иерон (Васильев). Кроткий и трудолюбивый по характеру, в течение четырех лет служивший отцу Иерониму келейником, он стал одним из самых близких к старцу духовных воспитанников и подражателем ему «во внешней и в духовной премудрости».

Приобретенные на практике в монастыре технические и экономические познания приложены им были к делу, когда он получил назначение строить Ново-Афонский монастырь на Кавказе и был избран его игуменом, где и скончался в 1912 году в сане архимандрита.

Неисчислимы заслуги перед обителью иеромонаха Арсения (Минина), который самоотверженно служил ей более вне Афона:

Слева направо: схимонах Иосиф, иеросхимонах Иерон, иеромонах Иларион, схимонах Манассия. Фотография 1885 г.

Иеромонах Арсений

в 1860-х годах объехал с афонскими святынями почти всю Россию, затем устраивал в Москве Афонскую Пантелеимоновскую часовню, в 1875—1879 годах являлся уполномоченным по делам Ново-Афонской Кавказской обители. Главными же его делами были заведование московской Афонской часовней и книгоиздательство при ней.

Путешествуя со святынями по России и потом обосновавшись при Богоявленском монастыре в Москве, отец Арсений приобрел очень много знакомых в разных слоях русского общества, которым никогда не отказывал в своем совете, сердечном утешении и добром слове, хотя при сложности воз-

лагавшихся на него монастырем поручений время на переписку с духовными чадами обыкновенно уделял из своей короткой ночи, засиживаясь нередко за ней до самой утрени. Письма его дышали отеческой любовью, готовностью растворить скорбь ближнего сердечным участием, словом утешения и ободрения, а труды послушания выполнялись с необыкновенными энергией и старанием. Всегда покорный воле старцев Иеронима и Макария, он их благоговейно называл своими «первыми на земле благодетелями», научившими его «знать Бога, любить Его и Пречистую Его Матерь и каяться в грехах»¹. «Мы с ним не разделялись ни в чем», — писали старцы после смерти отца Арсения, последовавшей в Москве в 1879 году².

С отцом Арсением в Москве, в Афонской часовне, шесть с половиной лет разделял труды иеросхимонах Андрей (Веревкин). Монах-аскет, он тяготился шумной столичной жизнью, потому по благословению старцев вернулся в обитель, где был назначен братским духовником. Своей кротостью, благоговением, тщательным исполнением монашеских обязанностей стяжав

Схиархимандрит Андрей

¹ Письмо отца Арсения 1878 года, прочитанное в Свято-Пантелеимоновом монастыре после его смерти.

² Письмо к С. И. Пономареву 1880 года.

любовь братии, он был при жизни отца Макария избран наместником, а по смерти его в 1889 году стал игуменом Русского монастыря, будучи возведен в сан архимандрита. Скончался в 1903 году.

Так, подбирая и поставляя достойных на руководящие и ответственные послушания, отец Иероним укреплял братство, внутреннее и внешнее положение монастыря.

Воспитывая будущих деятелей на благо Русской Афонской обители, отец Иероним не забывал, что этим труженикам придется находиться среди людей иной национальности, иного языка, а поэтому для успеха самого дела необходимо практическое знакомство с людьми, с которыми им придется жить и работать, и знание их языка. Всеми зависящими от него мерами поощряя русских иноков к изучению языков новогреческого и турецкого, отец Иероним, сам прекрасно владея языком ромейским, или новогреческим, решился составить для желающих учиться этому языку русско-греческий словарь, в котором поместил более 6000 наиболее употребительных слов новогреческого языка, некоторые фразы, необходимые для повседневного общения, и краткую грамматику. Так как русские

Титульный лист и одна из страниц русско-греческого словаря, составленного отцом Иеронимом

СЛОВАРЬ РУССКО-ГРЕЧЕСКИЙ

НАПЕЧАТАННЫЙ РУССКИМЪ ШРИФОМЪ.

ИЗДАНИКЪ

Русскаго на Афонѣ, Ов. Великомученика
Пантелеймона монастыря.

ОДЕССА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ А. ПЕТЧЕ.

1866.

Къ мѣстоимѣніямъ можно отнести и слѣдующія: канѣнасъ (никто, ни одинъ), камміа (ни одна), канѣна (ни одно); каѳѣнасъ (всякій, каждый), каѳеміа (каждая), каѳѣна (каждое); аллосъ (другой), алли (другая), алло (другое); ѳпіосъ, ѳпіа, ѳпіонъ всегда съ частицами *ке* *анъ*, которыя тождественны Русскому, — кто бы то — такъ наприм. ѳпіосъ *ке* *анъ* *ѳтонъ* (кто бы то ни былъ); разница только та, что въ Греческомъ языкѣ частицы эти употребляются и съ настоящимъ временемъ глагола *ѳме* (есмы) и съ будущимъ *ѳа ѳме* (буду) или *ѳа ѳне* (будетъ).

ГЛАГОЛЫ.

1) *ѳме* (есмы).

Изъявительное или определенное наклоненіе.

Наст. время.	Прот. несоверш.	Будущ.	Прот. неопр.
ѳме,	ѳминъ,	ѳмунъ,	ѳа ѳме, ипѳркса,
ѳсе,	ѳсо, ѳсунъ,	ѳа ѳсе, ипѳрксесъ	
ѳне, ѳто,		ѳа ѳне, ипѳрксе,	
ѳмеѳа, ѳмеѳа,		и проч. ипѳрксаменъ	
ѳсеѳе, ѳсеѳе, ѳсеѳанъ,		нѣст. вр. съ час-тицею ѳа	ипѳрксате.
ѳне, ѳсанъ, ѳтанъ,		или на ипѳрксанъ.	

иноки, в основном не имевшие хорошего образования и не знавшие греческого алфавита, не могли читать греческие слова, написанные греческими буквами, то, чтобы облегчить пользование этой книгой большинству братии, отец Иероним решился напечатать свой русско-греческий словарь русским шрифтом¹. Словарь этот, набранный руками русских иноков Пантелеимонова монастыря в существовавшей там некоторое время русской типографии и вышедший в свет в 1865 году (а на следующий год переизданный в Одессе), для многих долго оставался единственным руководством для изучения новогреческого языка. Благодаря таким стараниям отца Иеронима все почти деятели и многие из братии свободно владели новогреческим языком, а также болгарским. Для изучения турецкого языка некоторые из братии (например, грамматик, то есть секретарь для ответов на греческую и прочую корреспонденцию, отец Матфей) посылались в Константинополь, где они занимались под руководством нарочито нанятых учителей.

С каждым годом расширявшаяся многообразная деятельность обители требовала участия образованных людей, которых особенно ценил отец Иероним. Из образованных поклонников, поступивших в Свято-Пантелеимонов монастырь, были схимонах Азарий и иеросхимонах Рафаил.

Отец Азарий (Попцов) окончил курс Вятской семинарии, преподавал греческий язык в одном уездном духовном училище. Прибыл на Афон в 1851 году, в один год с отцом Макарием. Отец Иероним, заметив в нем, кроме образования, природный ум и даровитость, дал ему послушание монастырского секретаря после кончины земляка его иеросхимонаха Сергия. Освоившись с этим сложным делом, он скоро приобрел уважение старцев как советник и делопроизводитель по важнейшим обительским делам. В 1860 году получив послушание библиотекаря, отец Азарий усердно приводил в порядок монастырскую библиотеку. Особенную услугу обители он оказал переводом и подготовкой к изданию актов Русского Пантелеимонова монастыря и публикацией своих статей под псевдонимом Любитель истины в 1874—1875 годах, во время устроенной греками смуты. Перу его принадлежат также книги, не утратившие значения и ценности и в настоящее время: «Афонский патерик» и «Вышний покров над Афоном». Скончался в 1878 году в возрасте 56 лет.

¹ Достоинно внимания, что первое греческое слово в словаре, с которого старец начинает объяснение особенностей греческого произношения — это слово «тэкнон» (чадо).

При отпевании отца Азария отец Макарий, когда давал ему последнее целование, воскликнул: «Отец Азарий! Отец Азарий! Отец Азарий!» И, зарыдав, обливался слезами, пока зарывали тело в могилу.

Отец Рафаил, земляк отца Азария, — из дворян, с полугимназическим образованием, но начитанный в духовной литературе. Имея общительный характер, был незаменимым человеком для приезжавших образованных поклонников. Но, к сожалению братии, любившей его, он покинул Афон, выехал в Россию, где был игуменом Саровской обители, а впоследствии, в 1894 — 1899 годах, в Иерусалиме начальником Русской миссии. Скончался в 1901 году.

По сложности и многообразию дел Свято-Пантелеимоновой обители всегда были необходимы такие образованные русские иноки, из числа которых можно было бы назначать представителя от монастыря в афонский кинот, где дела ведутся на греческом языке, грамматиков, заведующих монастырским делопроизводством, настоятелей подворий и т. д. Вот поэтому-то как отец Иероним, так потом и отец Макарий старались некоторым из братии, более способным и имеющим желание учиться, давать настоящее школьное греческое образование. После всестороннего искуса на разных послушаниях, начиная с мытья тарелок, чистки картофеля на братской трапезе, ношения камней для построек, исполнения обязанностей погонщика мулов, караульщика винограда и огородов, двадцатилетние послушники из крестьян и мещан отправлялись на Карею, в афонскую монашескую школу¹, и там засаживались за изучение греческого языка. Находясь под непрерывным руководством учителя-грека, они за шесть-семь лет настолько хорошо изучали чужой для них язык, что владели им потом свободнее, чем даже своим родным. Эти русские ученики наравне с учениками-греками прослушивали полный гимназический курс под руководством опытных дидаскалов, то есть учителей, свободно слушали лекции на новогреческом языке, легко переводили Аристотеля, Платона и бегло читали творения святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и других святых отцов и иногда в успехах даже превосходили своих сверстников — природных греков. Такую школу образования прошли выдающиеся деятели Пателеимоновой обители: отцы Нафанаил, Матфей, Агафодор и другие.

Иеросхимонах Нафанаил настолько освоился с греческой жизнью и языком, что, несмотря на свое курское происхождение, считался

¹ Карейская монашеская школа, как гласит имеющаяся на ней надпись, окончена постройкой 15 апреля 1844 года.

Иеросхимонах Рафаил, иеросхимонах Нафанаил, схимонах Матфей

на Афоне за чистокровного грека и решительно ничем не отличался в жизни от своих сотоварищей по киноту, в котором он много лет состоял антипросопом Русского Пантелеимонова монастыря, искусно направляя дела обители к благополучному исходу. Скончался в возрасте 50 лет в 1890 году.

Схимонах Матфей — харьковчанин, купеческий сын, преемник отца Азария на должности грамматика и библиотекаря. Отец Матфей корреспондировался со всем Афоном, с Константинопольской патриархией и турецким правительством. Он был лингвистом и ученым в настоящем смысле этого слова, превосходно владел языками новогреческим и эллинским классическим, писал и читал по-турецки, был знаком с латинским и французским. Отец Матфей окончательно привел в порядок монастырскую библиотеку, пополнив ее новыми приобретениями и составив обстоятельное описание всех имеющихся рукописей, а также дополнил «Афонский патерик» и «Вышний покров над Афоном», подготовив их к переизданию. По скромности своего характера и келейному уединению мало был внешне замечен в обители. Скончался в 1911 году.

Схимонах Аркадий — из вятских семинаристов, прибыл на Афон в 1851 году со Святогорцем, возвращавшимся из России после издания своей книги. Был глубоким знатоком древнегреческого языка и прекрасным каллиграфом. Его усердием сделано немало переводов как с греческого языка на русский (для афонских изданий), так и с церковнославянского на греческий (церковных служб). Был искусным составителем служб и акафистов на церковнославянском языке. Отказывался в течение всей своей многолетней жизни в обители

Карей. Фотография конца XIX в.

Афонская школа. Фотография 1964 г.

от рукоположения в священный сан, неоднократно предлагаемого старцами, оставаясь простым схимонахом. Скончался в 1908 году.

Иеросхимонах Агафодор, родом москвич, купеческого сословия, прибывший на Афон вместе с двумя своими братьями, отличался природной талантливостью и прилежанием к учебе. Получил на Карее греческое образование и некоторое время проходил послушание антипросопа, после был в числе монастырских духовников. По своему обходительному характеру, опытности и рассудительности он пользовался особенным уважением начальствующих и любовью монастырских братьев. Скончался в 1920 году.

Отец Иероним, сам будучи в одно и то же время иконописцем, строителем-техником, музыкантом и вообще, по свидетельству всех его знавших, деловым человеком, старался насадить и развивать полезные для обители искусства: иконопись, живопись, фотографию, печатание литографий.

Обустроив должным образом монастырскую иконописную мастерскую, старец завел при ней иконописную школу, где русские

мастера работали под руководством опытных учителей при его непрестанном надзоре и личных указаниях, и многие вышли из этой школы замечательными иконописцами. Написанные монастырскими иконописцами иконы щедро раздавались поклонникам, отсылались в Россию благодетелям, храмам, монастырям, многочисленным подворьям обители, и мало было в России мест, где бы не имелось иконы афонского письма. Присланные со Святой Горы в благословение храмам, иконы встречались торжественно, с крестными ходами и ставились на особо видных

*Иконописная мастерская
Свято-Пантелеимонова монастыря.
Фотография 1880-х годов*

*Чудотворная икона Божией Матери
«Скоропослушница», присланная
в Ново-Афонский монастырь
на Кавказе из Пантелеимонова мона-
стыря. Фотография 1893 г.*

местах в богато украшенных киотах, а в домах сберегались как драгоценные святыни и передавались из рода в род. Как мы видели, от этих икон и изображений святого великомученика Пантелеимона во множестве происходили чудотворения, что еще сильнее располагало православных людей к помощи его святой обители и распространяло добрую славу о ней и ее духовных руководителях.

Иконописная школа, основанная старцем Иеронимом, просуществовала в монастыре недолго, так как обученные в ней мастера предпочитали уходить на келлии и продолжали работать самостоятельно, снабжая иконами афонские монастыри, в том числе и Пантелеимонов, за известную плату. Школа, таким образом, доставляла монастырю хлопоты и большие расходы, а пользы приносила немного. Но иконописцы, приобретшие опыт и мастерство под руководством старца, уходя из Пантелеимонова монастыря, распространяли по всему Афону и за его пределы особый стиль иконописи, названный почитателями афонским письмом, а святогорцами-греками — «русской манерой».

В то время, когда в церковном изобразительном искусстве преобладала живопись, афонский стиль, соединяя живописность

Иконописцы русской Иоанно-Златоустовской келлии и их иконы афонского письма. Фотография начала XX в.

Архидиакон Лукиан, иеросхимонах Мина, иеросхимонах Агафодор

с иконописностью, предшествовал возрождению древних византийских традиций и подготавливал «нынешних слабых людей» (как говорил отец Иероним) к восприятию лучших иконописных образцов. Иконы афонского письма сильно отличались от преобладавших в то время живописных работ тщательным следованием иконописным образцам, красотой и одухотворенностью ликов, выполненных в достаточно условной манере, легкостью светлых красок, тщательной отделкой и сплавленностью живописи, как бы «нерукотворностью». Даже наиболее ревностные приверженцы византийской иконописи из греков, видя строгую церковность икон афонского стиля, оставались довольны ими. Думается, что именно под духовным влиянием старца и присущего ему художественного вкуса зародился этот иконописный стиль, который стал цениться в Греции, России, многих других странах и почитается до сих пор.

На литографических и печатных станках в Свято-Пантелеимоновом монастыре производили брошюры, листки, картинки религиозного содержания и образки, которыми также снабжалась почти вся Россия. Литографским делом заведовал до 1870-х годов талантливый архидиакон Лукиан. Первые работы этого рода выполнялись им самим и его учениками. Он же был и живописцем, украсившим своими иконами и картинами монастырские гостиные. Окончил свою жизнь на каливе, близкой к монастырю.

Кроме вышеперечисленных отцов, под руководством отца Иеронима воспиталось много и других полезных для обители деятелей.

Таков был иеросхимонах Мина, старший брат отца Агафодора, состоявший секретарем у отца Макария и оставивший после себя

до 30 разных дневников, отражающих основные события истории Русского монастыря. Скончался в 1888 году.

Отец Григорий в родном городе Старый Оскол управлял хорами при многих приходских храмах. Он прибыл на Афон, увлеченный общим стремлением старооскольцев (видимо, по примеру отца Иеронима) в 1850-х годах на Святую Гору. Старец Иероним, большой знаток церковного пения, оценил дарования новонаначального инокa и поручил ему организовать хор из русской братии. Отец Григорий достиг замечательных результатов: он образовал такой богатый голосами и музыкально дисциплинированный хор, который приводил в восторг не только простых паломников, но вызывал одобрение и восхищение у посетивших Святую Гору царственных особ, русских и иностранных высокопоставленных лиц и всех знатоков музыки и пения. Последние годы жизни этот талантливейший, но скромный человек доживал на монастырском хуторе Крумица, окруженный любовью братии. Скончался в глубокой старости в 1890 году.

Замечательными деятелями были также настоятели подворий: в Константинополе — отец Паисий (впоследствии в России получивший сан архимандрита) и отец Иоанникий, в Солуни — отец Илиодор и отец Иосиф, приехавший на Афон вместе с отцом Макарием, он же любитель-пчеловод, заведший

Архимандрит Паисий

Иеросхимонах Аристоклий

на Крумице пчеловодство по новейшему образцу, в Москве — отцы Иасон, Досифей и Аристоклий, в Петербурге — отец Алексей, в Таганроге — отец Михаил, строгий подвижник. Деятельнейшим сотрудником и наместником отца Иерона был иеромонах Иларион, впоследствии архимандрит и игумен Ново-Афонской обители. Скончался в 1927 или 1928 году близ Сухума.

Об иеромонахе Владимире, неустанном собирателе материалов к биографии старца Иеронима, отца Макария и главных деятелей монастыря, мы уже рассказывали.

Многие из воспитанных в Русской обители под руководством отца Иеронима деятелей

Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь.
Литография 1866 г.

происходили не из простонародья, но из дворянского, духовного и купеческого сословий. Они приносили с собой в обитель немалые денежные средства и еще более оказывали ей, подобно отцу Макарию, материальную помощь через переписку со своими родственниками и знакомыми в России.

Благотворительность родственников отца Макария купцов Сушких после их первой жертвы в Покровский храм продолжалась и увеличивалась в 1860—1870-х годах.

Благодаря просьбам отца Макария и его письмам на родину на средства отца его Ивана Денисовича Сушкина в 1863 году устроена в Пантелеимоновой обители, близ греческого корпуса, трехэтажная братская больница с параклисом во имя всех афонских святых. Постройка больничного корпуса явилась великой отрадой для увеличившегося братства, поскольку до того времени в монастыре не было надлежащей больницы. Также Иван Денисович ежегодно в день своего Ангела присылал в Русскую обитель жертву в 500 рублей — на «утешение братии». В 1873 году усердием брата отца Макария — Ивана Ивановича Сушкина устроена на берегу моря странноприимная больница с параклисом во имя святого апостола Иоанна Богослова. В том же году иждивением другого брата отца Макария — Василия Ивановича Сушкина устроена келлия святителя

Иоанно-Златоустовская келлия, отстроенная выходцами из Пантелеимонова монастыря. Фотография конца XIX в.

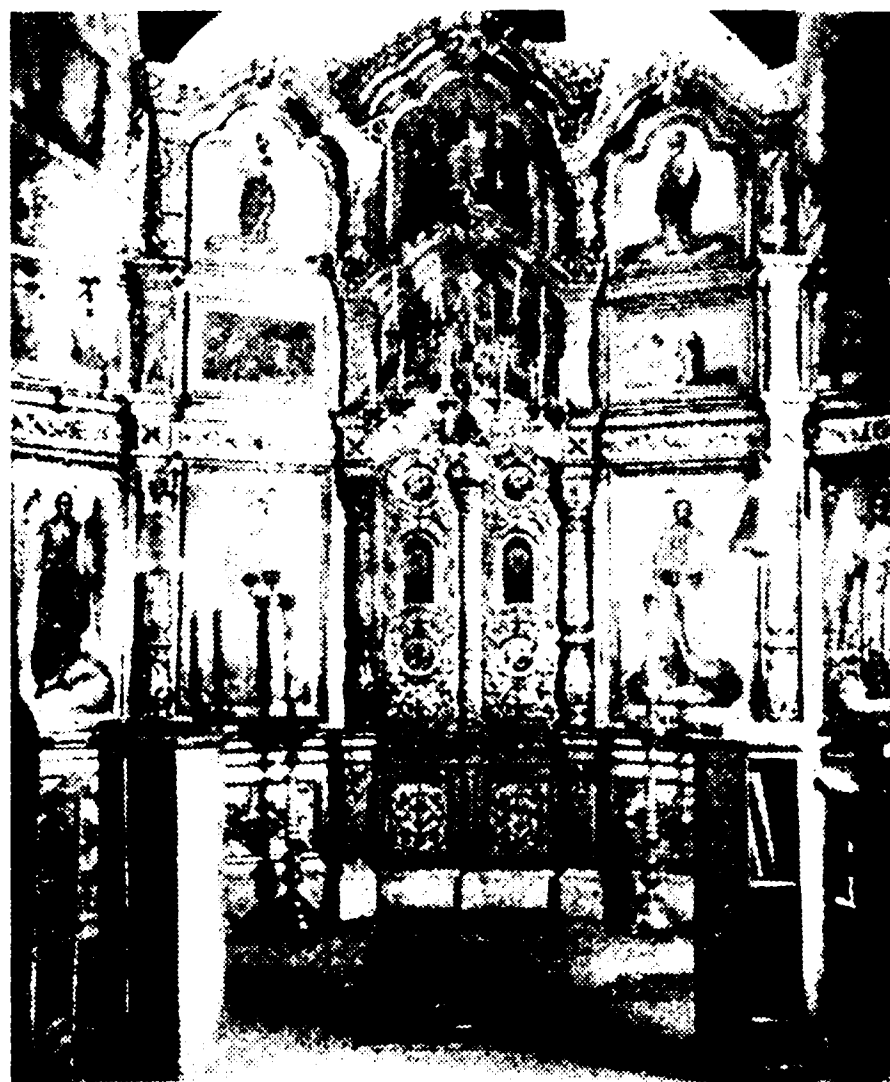
Что касается келлий, непосредственно принадлежавших Русику и пришедших в упадок при греках, они столь же ревностно обновлялись русскими, а также создавались новые. Строителями и обновителями некоторых из них стали те русские поклонники, которые, принося с собой богатые денежные вклады, подобно отцу Макарию, оставались в Свято-Пантелеимоновом монастыре. Многие из келлий получали их имена.

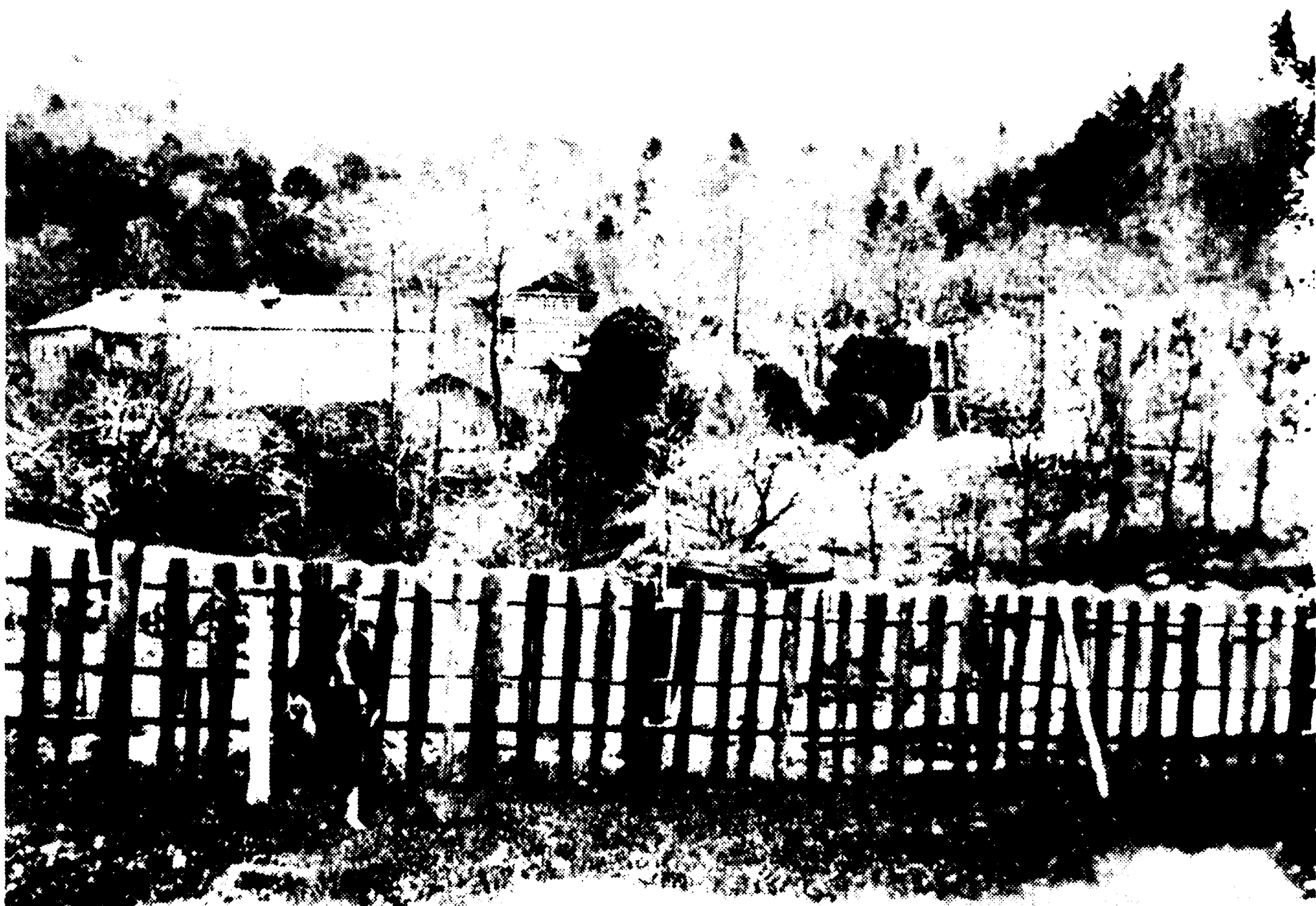
Так, кроме вышеупомянутой постройки В. И. Сушкина и еще ранее того выстроенной Святогорцем Бессребренической келлии, в 1853 году в одной версте к востоку от монастыря выстроена келлия Живоначальной Троицы, называемая Серафимовской — по имени ее устроителя, в ней скончавшегося в 1864 году схимонаха Серафима (Комарова), о котором речь шла выше. Близ нее русским киево-печерским архимандритом Амвросием была выстроена келлия преподобных

Василия Великого недалеко от монастырского хутора Крумица.

Отцу Иерониму принадлежала мысль заселить развалившиеся афонские греческие келлии русскими келлиотами, которые смогли бы восстановить эти келлии и украсить должным образом их храмы — параклисы. Такими келлиотами становились и некоторые из братии Русика, с благословения и при материальной помощи духовника Иеронима уходившие на келлии, приобретенные у греческих монастырей. В те годы в русские руки перешло около 70 афонских келлий.

Внутренний вид параклиса Георгиевской келлии на «Керашах», восстановленной русскими. Фотография конца XIX в.

Старый Русик. Фотография 1880-х годов

печерских, сгоревшая в 1870 году. Около этого места находилась древняя (по преданию, до 800 лет) келлия святого великомученика Георгия, устроенная для обитавших тогда близ нее в пещерах пустынников и возобновленная в 1863 году жителем города Острогжска отставным капитаном Е. Г. Хабаровым для иеросхимонаха Илариона, духовного друга отца Иеронима, грузина по национальности, великого подвижника (скончался в 1864 году). Келлия преподобного Евфимия Великого в двух верстах от монастыря на северо-запад, на месте прежней Иоанно-Предтеченской, возобновлена и переименована монахом Русского монастыря Иринеем, в схиме Евфимием, скончавшимся в 1865 году. Другая келлия великомученика Георгия, в трех с половиной верстах от монастыря на северо-запад, называлась также Селевкиевой, потому что была возобновлена при помощи вышеупомянутого сборщика схимонаха Русского монастыря Селевкия, скончавшегося в 1873 году; здесь проживал по благословению отца Иеронима и скончался в 1848 году подвижник-молчальник схимонах Тимофей. Келлия трех святителей — Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, близ Георгиевской Селевкиевой келлии, возобновлена старанием жившего в ней схимонаха Нила, скончавшегося в 1884 году.

Кроме келлий, устроенных или обновленных при помощи отдельных русских вкладчиков, большей частью на них проживавших,

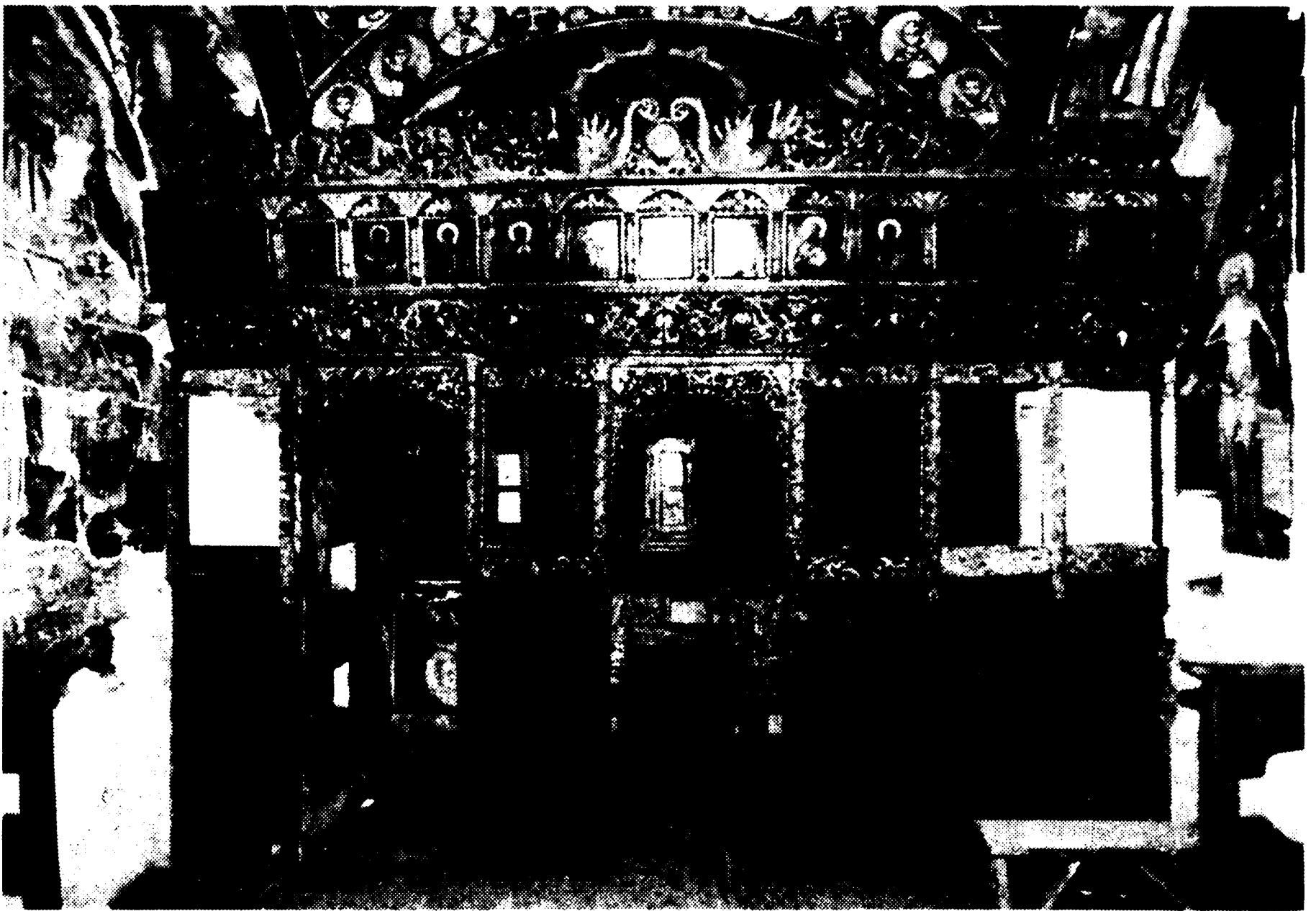
русской братией Пантелеимонова монастыря на средства, поступившие из России, были восстановлены многие другие принадлежавшие монастырю келлии и параклисы, скитские и пустынные, а также выстроены новые. Так, келлия Благовещения Пресвятой Богородицы, на восток от Трехсвятительской, была восстановлена в 1846 году и позднее, в 1884 году, достроена. В Старом Русике к 1871 году окончательно был готов большой корпус братских келлий с церковью во имя святителя Саввы Сербского, алтарь которой занимает всю ту часть пирга, где был древний маленький храм святого Иоанна Предтечи, в котором святитель Савва принял пострижение в великий ангельский образ. Закладку корпуса и храма совершил 25 июля 1868 года преосвященный Александр, епископ Полтавский, а освящение храма — 3 июня 1871 года архимандрит Макарий. Тогда же близ места, где находился древний Пантелеимоновский собор, игуменом Герасимом, духовником Иеронимом, архимандритом Макарием, иеромонахом Арсением, иеросхидиаконом Иларионом и другими из старшей братии Русского монастыря был заложен новый обширный собор, но постройка его из-за монастырских смут 1874—1875 годов, о которых речь пойдет ниже, была приостановлена. Для строительства величественного двухэтажного собора липецким купцом И. И. Окороковым были собраны строительные материалы, но со смертью этого благотворителя, скончавшегося в Пантелеимоновой обители в 1878 году схимником с именем Илия, не имелось достаточно средств к продолжению строительства. Храм был достроен и освящен во имя святого великомученика Пантелеимона лишь в 1920 году.

На монастырском пирге Старого Русика, ниже церкви святого Саввы Сербского, устроены два параклиса: один во имя 42 мучеников Амморейских (освящен архимандритом Макарием 27 мая 1872 года), а другой во имя великомучениц Варвары, Екатерины и Параскевы и всех прочих святых мучениц (освящен митрополитом Нилом, бывшим Пентапольским¹, 23 сентября 1878 года). Близ построек Старого Русика в 1883 году схимонахом Киприаном на средства некоторых благотворителей сооружена церковь в честь Почаевской иконы Божией Матери, при которой назначено быть кладбищу. По соседству со Старым Русиком были возобновлены две келлии: одна ниже, в получасе ходьбы, —

*Митрополит
Пентапольский Нил*

¹ Митрополит Нил с 1874 года до своей смерти (12 ноября 1887 года) жил на Афоне и много содействовал русским.

Параклис Стефановской келлии. Фотография 1999 г.

святого великомученика Димитрия Солунского в 1863 году, а другая выше, на таком же расстоянии, — Живоносного Источника в 1864 году. Иконостас, престол и жертвенник ее церкви сооружены иеросхимонахом Иезекиилем, более 40 лет прожившим в Русском монастыре и скончавшимся в 1884 году. Также возобновлены келлии: на Карее святого великомученика Георгия при монастырском конаке (подворье) в 1858 году и близ Карей, в получасе ходьбы по Ватопедской дороге, святого великомученика архидиакона Стефана в 1856 году.

На земле Крумицы вскоре после Крымской войны выстроена келлия преподобного Платона Студита и великомученицы Татианы, в которой вскоре собралось до 100 человек братии и образовалось нечто вроде скита. Скит Крумица (по-гречески Хромайтисса) расположен на самой границе Святой Горы, на большом участке земли, с давних пор принадлежавшем Русику. В бедственное для обители время он был заложен греческими иноками, но впоследствии, с увеличением средств обители, выкуплен русскими. Разработка его началась в 1853 году по замыслу отца Макария. Этот скит, прежде бывший в совершенном запустении, отец Макарий особенно любил и много о нем заботился: привел в порядок, устроил виноградники, масличные и фруктовые сады. Здесь же, на земле Крумицы, кроме упомянутой келлии святого Василия

Великого, выстроены были келлии преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, Сергия и Германа Валаамских (в 1870 году) и близ главной пристани на берегу моря во имя святителей Петра, митрополита Московского, и Тихона Задонского (в 1871 году).

Здесь же скажем о том большом внимании, которое уделялось Крумице и в последующие годы. В 1880 году отцом Макарием на свои личные средства был сооружен в скиту светлый и обширный храм в честь Казанской иконы Божией Матери. Надпись над входом в храм гласит: «Сей храм сооружен во имя честной иконы Казанской Пресвятыя Богородицы при игумене архимандрите Макарии русском, города Тулы господине Сушкине, при духовнике иеромонахе Иерониме. 1880 года, месяца июня 6-го дня». Святыня Казанского храма — образ Пресвятой Богородицы «Казанский» был пожертвован Русскому монастырю престарелым схимонахом Ильинского скита Захарием, любившим духовника Иеронима и имевшим усердие к Свято-Пантелеимоновой обители. При храме были выстроены обширные корпуса для братии и хозяйственные помещения для выделки вина, масла и прочего. Впоследствии, в 1886 году, вблизи скита выстроен новый кладбищенский храм в честь чудотворных икон Божией Матери Иерусалимской и Смоленской. Здесь же, на Крумице, стараниями отца Иосифа было заведено по новейшему, усовершенствованному образцу пчеловодство, доставлявшее монастырю, кроме меда, душистый афонский воск, из которого приготавливались ароматные свечи. Обширные огороды Крумицы кормили в то время 200 человек братии скита, часть овощей поступала в монастырь.

Крумица. Фотография конца XIX в.

Итак, многие внемонастырские келлии и параклисы выстроены и почти все существовавшие обновлены русскими. (А всего за годы жизни отцов Иеронима и Макария Русским монастырем было выстроено и восстановлено до 60 принадлежавших ему храмов и параклисов, включая скитские, метохские¹ и подворские.) Только одна келлия близ монастыря, святого Григория Неокесарийского, была восстановлена еще прежде, в 1838 году, греком-монахом Парфением, а ее параклис возобновлен в 1842 году духовником иеросхимонахом Мефодием. Параклисы всех келлий были снабжены монастырем церковной утварью. При многих келлиях разработаны кипера (огороды), виноградники и фруктовые сады. Можно представить, сколько было положено монастырем трудов, забот и материальных средств для приведения в порядок своих владений после предыдущего долговременного запустения!

Так повсеместно возрождалось русскими иноками их афонское достояние — «родная древность».

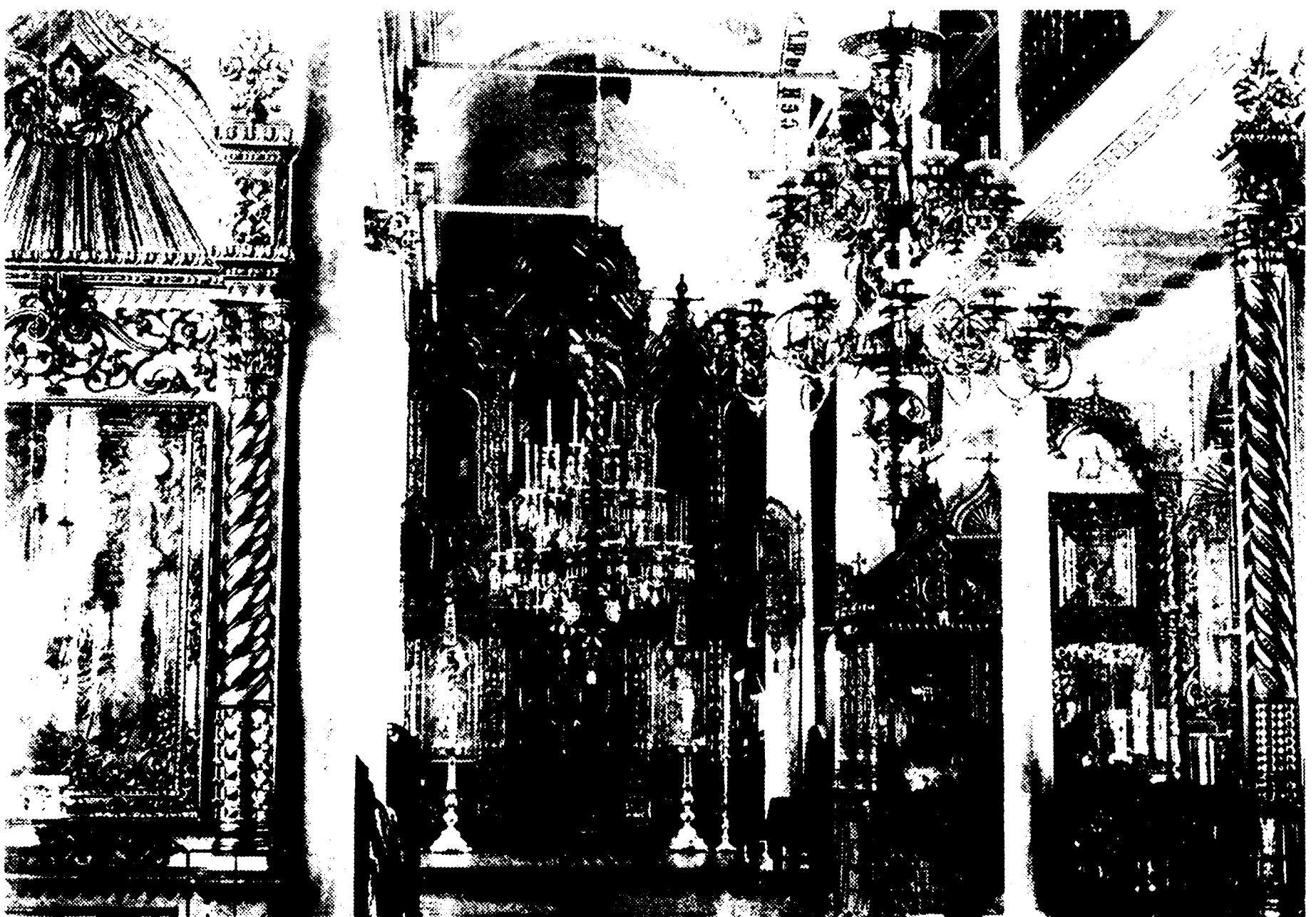
Не были оставлены без внимания метохи Свято-Пантелеимонова монастыря, находившиеся вне Афона: каламарийский близ Солуни, кассандрийский на полуострове Кассандра и сикийский на полуострове Сики. Они были восстановлены из прежнего запустения, в которое впали во время греческого владения, и в достаточной мере снабжали монастырь сеном и продуктами: хлебом, сыром, яйцами. Для закупки других жизненных припасов в России были устроены небольшие подворья в Таганроге и Ростове-на-Дону.

В 1860-х годах — начале 1870 годов немало было сделано к благоустройству и благоуукрашению внутри самой обители, в которой велось большое строительство. Параллельно Покровскому собору, с северной его стороны во всю длину, в 1867 году приделана новая просторная церковь — во имя святого благоверного князя Александра Невского, устроенная в память чудесного избавления государя императора Александра II от смертельной опасности (в 1866 году) и освященная в 1868 году посетившим в то время Святую Гору преосвященным Александром, епископом Полтавским. Церковь святого Александра Невского сначала была отделена от Покровского собора капитальной стеной и потолок имела ровный, без купола. после была соединена с Покровским собором и над ней устроен купол. В прежнем монастырском пирге, вошедшем в Покровский корпус, вновь устроены и освящены митрополитом Варнским Иосифом два параклиса: один в честь Вознесения Господня, в память прежнего приморского монастырька, а другой во имя святых равноапостольных Константина и Елены, в память посещения обители

¹ Метох — хозяйственный хутор монастыря.

в 1845 году великим князем Константином Николаевичем. Затем в 1871 году, когда Покровский корпус продолжен был на восток, параллельно с братской больницей на восточном конце южного греческого корпуса, и в нем выстроены внизу служебные помещения — просфорная и другие, а вверху архондарики, то в восточном углу в верхнем этаже также вновь устроены три параклиса: в честь Рождества Пресвятой Богородицы, в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы и во имя святых богоотец Иоакима и Анны и святого Иосифа, обручника Пресвятой Богородицы, — освященные архиепископом Дионисием в 1873 году. Немного ранее того, в 1871 году, возобновлен русскими параклис во имя святого великомученика Димитрия Солунского, устроенный еще до их вступления. В нем учреждено неусыпное (за исключением немногих праздничных дней) чтение Псалтири за благодетелей и в память сохранения обители во время Крымской войны (1853—1856), как и в другом, выше над ним, параклисе — во имя святых Архангелов — учреждено ежедневное чтение Евангелия (по евангелисту в сутки) иеромонахами и иеродиаконами в память сохранения обители во время другой русско-турецкой войны (1877—1878). Это чтение было установлено

Внутренний вид придела во имя святого Александра Невского в Покровском соборе. Фотография конца XIX в.

Параклис во имя святого великомученика Димитрия. Фотография 1998 г.

15 июня 1878 года, в день тезоименитства старца-духовника Иеронима, как отметил отец Мина в дневнике.

В многочисленных параклисах Свято-Пантелеимонова монастыря на Божественной Литургии и молебнах совершалось поминовение имен благодетелей, число которых с каждым годом возрастало.

На купола Пантелеимоновского собора поставлены восемь больших золоченых крестов; стены его были расписаны еще в 1855 году замечательным живописцем, иеромонахом Русской обители Василием (Селезевым; † 1878), пребывавшим со своими учениками на келлии преподобных печерских после отъезда в Россию перед Крымской войной вышеупомянутого отца Амвросия.

Трапезная была расширена, так как она, устроенная еще князем Каллимахом, при умножившейся братии оказалась тесной и неудобной. Для этого капитальная стена ее западного оконечника в 1861 году была разобрана, и тогда же сделано с внешней стороны монастыря прибавление, простирающееся на запад к морю на 8,5 метра и на север при прежней монастырской стене на 21 метр. Игуменское место было сделано, как и прежде, в углублении западного оконечника. Прибавление это в 1860-х годах оставалось еще не расписанным, только над иеромонашеским столом сверху сияло

изображение Господа Вседержителя с благословляющей рукой, тогда как отделение, составлявшее прежнюю трапезную, расписано мастерской русской кистью, как мы уже заметили, еще в 1843—1844 годах. В 1870-х годах было расписано евангельскими событиями и ликами святых и прибавление. На колокольне появился колокол в 127 пудов, пожертвованный вместе с другими, меньшими колоколами московским почетным гражданином Александровым.

Когда братство обители к 1870-м годам увеличилось до 500 человек, остававшаяся без построек восточная сторона монастыря стала застраиваться корпусом с братскими келлиями вверху и служебными помещениями (прачечная) внизу. За стенами монастыря поблизости, против малой северной порты (входа в обитель), в 1860 году устроено здание для кожевенного завода, а на берегу моря, против большой южной порты, — помещение для склада и хранения привозимых на судах вещей. Наконец, сама главная порта монастыря была украшена: над входом, над нишей, где живописно изображен лик святого великомученика и целителя Пантелеимона, в 1862 году

Притвор Пантелеимоновского собора с росписью иеромонаха Василия

*Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь
в начале 1870-х годов. Литография*

сделан открытый куполообразный навес, который одной своей стороной упирается в стену, а другой — опирается на две мраморные колонны.

Уже одно это перечисление построек внутри и вне Пантелеимонова монастыря, сделанных после Крымской войны за какие-нибудь полтора десятка лет, показывает, сколь великие русские денежные средства и труды употреблены на благоустройство обители. При этом большие долги монастырские с ежегодными процентами на них, начавшие уплачиваться с 1840 года, со времени прихода в монастырь отца Иеронима, к 1866 году были погашены, уплачено до 800 тысяч пиастров (100 тысяч рублей). Монастырский быт также значительно улучшился, и в обители стал чувствоваться достаток во всем. «В настоящее время в нашей обители всего изобильно», — говорил сам старец отцу Арсению в начале 1870-х годов. «Все имеем в изобилии: одежду, пищу... а о нуждах и говорить нечего, мы о сем и понятия не имеем, имея все готовое с избытком», — подтверждал его собеседник.

«С водворением русских в обители благодать Божия видимо осенила обитель нашу... Возвышено значение обители. Постройки, возведенные в обители трудами русских, стоят до 3 миллионов пиастров, а сбор подаяний в России и присылаемое родственниками

братьев приносят до 2 миллионов пиастров ежегодно. Словом, все содержание обители доставляется благотворениями России», — свидетельствует о благотворности для обители трудов русской братии игумен Герасим в своем завещании 29 января 1874 года.

Труды старца по материальному благоустройению монастыря имели глубоко духовную цель. Внешнее благополучие жизни «нынешних слабых людей» он рассматривал как вынужденную необходимость, «дабы враг-диавол не имел повода под видом неудобств переманивать их в другие монастыри, а потом и в мир». «Довольно для нынешних слабых людей тех скорбей, какие попустил Бог в общежитии», — наставлял он ближайших учеников.

Не было ни одного начинания в Свято-Пантелеимоновом монастыре, предпринимавшегося русской братией без благословения отца Иеронима и без его зоркого присмотра. Он задумывал и начинал, а выполняли послушные и преданные ученики во главе с отцом Макарием, так что, по словам современников, трудно было различить, какое дело принадлежит одному и где начинаются дела другого.

«Моя мысль не о земном покое», — писал старец Иероним¹.

Откуда же брались силы у него, больного, часто близкого к смерти человека, для руководства такой обширной деятельностью?

Чтобы ответить, обратимся к одному из писем старца тех лет.

«Вы скорбите и плачете, боясь великой ответственности пред Богом за должность настоятельскую; я вполне разделяю с Вами эти страшные чувства, ибо они и меня нередко терзают. Правда, есть о чем скорбеть и плакать, ибо сказано: *Ему же много дано, много и взыщется от него* (Лк. 12, 48). Для немощных это громовые слова. Но что ж нам в таком случае надобно делать? Уклониться от креста искусно — беда, сделать преслушание — еще того хуже, потому что мы твердо и хорошо знаем, что оно — смерть душевная, начало и конец гибели рода человеческого. В таковых случаях святые отцы в писаниях своих советуют так поступать: подражать Самому Господу Иисусу Христу, Который сказал: «Якоже Аз сотворих, и вы такоже творите» (ср.: Ин. 13, 34). *Более сея любви нет, да кто положит душу свою за други своя* (Ин. 15, 13). Так и мы, когда будем постоянно помнить, что собственное наше спасение и усовершенствование души нашей находятся в искании пользы для других, а не для себя самих, то есть жить для пользы других. Тогда от свидетельства доброй совести часто будем чувствовать разные духовные удовольствия или утешения в самих себе. А что

¹ Письмо к отцу Макарию от 21 июля 1874 года.

другие говорят, что будто бы в должности настоятельской находящийся человек не получает таких высоких даров от Бога, как свободный получает, то этому не должно верить. Священное Писание нам показало, что начальствующим ниспосылаются от Бога особые великие дарования Божии. Разумеется, если они живут по совести. Поэтому и нам, принявшим от Бога настоятельскую должность, не должно предаваться безвыходной печали по причине трудности исправления ее и своих собственных немощей, но во всем предаваться Тому, Который Сказал, что *без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). К этому, по опыту святых отцов, необходимым оказывается настоятелю иметь при себе верного друга — духовного советника, беспристрастного, рассудительного, а, где этого нет, там и правление душами бывает бедственно»¹.

Эти слова утешения отца Иеронима, писанные им на основании своего собственного богатого опыта, и дают ответ: *сила Божия в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

«Благоугодно силе благодати Божией совершаться в немощи моей»

Необыкновенная вера в Промысл Божий, всецелая преданность воле Божией, проявлявшаяся и в больших, и в малых делах, — исключительная черта отца Иеронима.

«Однажды игумен Герасим, — рассказывает инок Свято-Пантелеимоновой обители, — прислал попросить денег 40 лир² у отца Иеронима, чтобы заплатить за купленное вино, но отец Иероним отказал, так как не имел в это время денег. После этого один келлиот принес ему сию сумму — 40 лир — на сохранение, ибо опасался держать их в пустыне. Получив их, духовник Иероним передал их игумену Герасиму со словами: “Бог послал”».

И отца Макария поучал, говоря: «Промысл Божий нас сюда собрал, Он и попечется о нас», и чад своих наставлял в безграничном уповании на волю Божию. Поэтому многие из его собственноручных записей рассказывают о подготовке духовным отцом своего чада к смертному часу, часто на протяжении всей жизни того на Афоне. О примере такого наставления повествует Святогорец в одном из своих писем.

¹ Письмо к игумении Максимилле от 17 июля 1869 года.

² Одна турецкая лира в то время равнялась 8,5 рубля. — *Примеч. сост.*

«14 августа духовник навестил Геннадия и заметил, что он уже в предсмертной слабости. При виде своего духовника больной оживился. “Отче, — сказал он прерывающимся голосом, — пособируйте меня”. “К чему ж это? — спросил с улыбкою духовник. — Тебе, верно, хочется пожить еще?” “Не знаю, — с сомнением в голосе отвечал Геннадий. — А что теперь лучше для меня, отче: жить или умереть?” “Разумеется, лучше умереть, — заметил тот. — Ты только что принял схиму и причастился Святых Таин, значит, тебе остается теперь только идти к Богу”. “Так благослови, отче, я умру!” — решительно и весело произнес Геннадий. “Бог благословит”, — тихо отвечал духовник. А наутро, в день Успения Божией Матери, с окончанием Литургии, действительно, кончил свое земное поприще Геннадий и тихо отлетел душою в райские обители»¹.

Вот перед нами еще один дивный пример безграничной веры старца Иеронима и наставления в вере своего чада.

Был у отца Иеронима келейник отец Никодим. Кроме этого послушания, он имел еще четыре — эконома, рухольного, будильщика и архондаричного. Отец Никодим был по-детски прост, имел евангельскую веру и доверие к духовнику, решительную готовность ко всякому послушанию. Узнав о пользе слез, он спросил духовника, может ли он их приобрести, имея такие многосложные и попечительные должности. На это отец Иероним ответил: «Почему не можно тебе приобрести их? Если ты думаешь, что многопопечительная должность служит препятствием к получению высоких даров Божиих, то ты этим уничижаешь благодать Божию, которая всемогуща. Ты веруешь ли, что Христос силен даровать тебе то, что ты желаешь получить от Него?» Отец Никодим отвечал: «Верую, отче, что Господь силен дать мне желаемое мною». И, поклонившись, прибавил: «Благослови мне этого домогаться». Духовник ответил: «Бог да благословит и по вере твоей дарует тебе».

С того времени отец Никодим стал искать этого дара через очищение от греховных страстей и просить Бога, и Господь не оставил его без успеха. Однажды он услышал от духовника о подвижнике Анастасии, который имел дар слез на его волю, то есть он мог плакать, когда только захочет. Отец Никодим, пленившись таким высоким даром, опять спросил духовника, можно ли ему домогаться этого. «Почему же не можно?» — отвечал ему духовник. «А долго терпеть мне?» — сказал отец Никодим. «А ты опять за маловерие берешься! — возразил ему духовник. — Я и прежде говорил тебе,

¹ Письма Святогорца... С. 256.

что исполнение должностей не препятствует восходить к совершенству христианскому, а маловерием нашим мы унижаем благодать Божию, которая всемогуща и вседействующа, а потому, без сомнения, может и при рассеянных и беспокойных должностях даровать то, чего мы с верою просим у Бога. Ты веруешь ли, что Господь может дать тебе этот дар?» При этих словах отец Никодим, со слезами опять поклонившись до земли, сказал: «Верую, отче, что Господь силен и может даровать мне этот дар твоими святыми молитвами». Духовник на это сказал ему: «Итак, если веруешь, то Бог благословит тебя, по реченному им: *Ищите и обрящите, ищай обретает и толкующему отвержется* (Мф. 7, 7—8)». И, дав ему благословение, отпустил его.

Отец Никодим по вере своей и старца получил и этот дар, и глаза его от постоянного плача были красные¹.

Господь не посрамил упования Своего избранника и по вере его воздавал ему с избытком от Своих богатых даров.

Старец прозревал грядущие события, потому что в событиях происходящих — кажущемся благополучии, смутах, потрясениях, человеческих недоразумениях и столкновениях — ясно различал, куда склоняется благая воля Божия, и во всех обстоятельствах действовал в соответствии с ней и открывал ее вопрошающим и требующим помощи. Остановимся подробнее на характерном с этой точки зрения случае — событиях в Андреевском скиту в конце 1870-х годов.

В это время русский Андреевский скит, больше известный под именем Серай, находился в полном благоустройстве и состоянии расцвета благодаря трудам своего настоятеля отца Феодорита (Крестовникова). За свою многолетнюю полезную деятельность, природный ум и мягкий характер отец Феодорит пользовался всеобщей любовью на Афоне и уважением Вселенского патриарха Анфима, утвердившего его в сане архимандрита. Но некоторые из старшей братии скита нарушали единодушие и мир в нем, не мирясь с установившимися в скиту порядками и выдающимся положением некоторых близких к настоятелю лиц. Благодушный отец Феодорит удалил из Серая недовольных, что вызвало волнения среди братии. Враждебно настроенные воспользовались волнениями и направили все усилия к тому, чтобы вырвать власть из рук отца Феодорита и удалить из скита его ближайших советников. 6 апреля 1878 года «общим братским желанием и согласием», вопреки желанию монастыря

¹ Полностью рассказ об отце Никодиме из собственноручных келейных записок старца Иеронима см. на с. 419.

Русский Андреевский скит в 1870-х годах. Литография

Ватопед, от которого зависел Серай, в настоятели скита был избран иеромонах Антоний. Отец Феодорит, находясь в глубокой скорби о беспорядках в обители, благоустроенной его трудами и заботами, и не желая усложнить дело еще больше, «утвердил свое согласие на это своеручным подписом к составленному братством акту по сему предмету», как писали серайские епитропы (доверенные лица) старцам в Русик. Но отцу Иерониму сам он писал с просьбой о помощи: «Ваши три строки и одно слово Николаю Павловичу Игнатьеву¹ — и я воскрес, останусь на своем месте, святая обитель сохранена, и вся братия успокоится». Отец Иероним и отец Макарий глубоко скорбели о происходящих в скиту беспорядках, поминали отца Феодорита с братиею на всех церковных службах и старались всячески выражать несчастному страдальцу свои симпатии, но в ответном письме отец Иероним дал такой совет: «Единственное средство спасет скит от разрушения — Ваше добровольное оставление управления оным и всепрощение братству смущения. А как попущено испытание от воли Промысла Божия, то это для пользы духовной... Чада Ваши духовные со временем все оценят Ваш примерный поступок, ибо все сделано Вами из пользы ближнему...»

¹ Граф Н. П. Игнатьев (1832—1908) — российский посол в Константинополе в 1864—1877 годах, министр внутренних дел в 1881—1882 годах, великий благодетель и покровитель Пантелеимоновой обители и всех русских на Афоне. — *Примеч. сост.*

Отец Феодорит нашел сильную поддержку и защиту у своего кириархического (господствующего) Ватопедского монастыря, который при участии Вселенского патриарха добился восстановления архимандрита в его должности и видимого примирения с братией. О таком радостном событии отец Феодорит известил старцев Пантелеимонова монастыря и выразил «искреннюю благодарность в особенности» духовнику Иерониму за его «искренние советы и участие в трудных делах смиренной обители». Старец Иероним немедленно высказал отцу Феодориту «неизъяснимую радость» по поводу того, что «корабль получил своего настоящего кормчего», и желал ему, чтобы «богодарованный мир благодать Божия усвоила святой обители и возобновила дух святого общежития и старчества, установленного богоносными отцами».

Тревога старца за судьбу скита оказалась ненапрасной: мир «не усвоился» обители и в скиту произошло новое смущение. Кроме того, Ватопедский монастырь, сам будучи необщежительным, навязал Андреевскому скиту порядок внутреннего правления, названный отцом Иеронимом «республиканским»¹, лишив его строго кинувильного порядка созданием равноправного настоятелю по силе власти собора старцев. В результате всех этих событий дисциплина монашеская в скиту была расшатана в сильной мере и своеволие проявлялось повсюду. Отец Феодорит, жертвуя всем на благо любимой обители, для водворения в ней мира и братолюбия под предлогом лечения своего здоровья, действительно сильно пошатнувшегося от пережитых волнений, выехал в Одессу и прожил последние годы на скитском подворье. Скончался в Одессе 10 августа 1887 года и похоронен вдали от Афона и любимого им скита.

Святогорец рассказал еще один назидательный случай о русском монахе М., который, покинув Афон и странствуя по разным местам, в Турции был принят за шпиона и чудесным образом с помощью Царицы Небесной едва избежал смертной казни. Возвратившись на Афон в 1846 году, «поселился в своей келлии, но ненадолго. Скоро лукавый помутил его мысль и отравил аскетическую жизнь желанием нового странствия, новых подвигов паломничества. В то время как М., прибыв сюда, проводил свое время в отшельнической келлии и нередко бывал в Русике, потому что в опытах иноческой жизни руководил его наш духовник, наступило время отбытия паломников в Иерусалим. В числе прочих следовал туда И., иерусалимский сборщик, человек богатый, и приглашал некоторых

¹ Замечания старца на параграфы «серайского канонизма» см. на с. 539.

афонских бедняков с собою на корабль, обеспечивая путь до самого Иерусалима.

Когда слухи об этом приглашении дошли до сокровенной пустыни М., враг напал на него с самой благовидной стороны: он воспламенил его сердце желанием еще раз видеть Палестину и Синай, чтобы там излить чувства признательной души пред Богом и Царицею Небесною за избавление от страдальческой смерти. Напрасно духовник наш возражал ему на это, грозил судом Божиим, прорекая, что не пощадит его Господь, как пощадил прежде. М. не хотел ничего слышать и, вопреки советам старческим, решился отправиться в путь.

С грустным предчувствием смотрели мы на взволнованного М., думая что он навсегда оставляет Афон, но Бог судил иначе. Накануне события М. почувствовал головную боль, но, полагая, что эта боль, как случайная, пройдет на вольном воздухе, спокойно уложил свои вещи в дорожную суму и только прилег отдохнуть после вечернего правила — вдруг ударил его паралич... Тогда несчастный поневоле уселся дома, в своей скромной пустыни, а впоследствии, в 1849 году, мирно кончил здесь свой жизненный путь»¹.

К таким печальным последствиям приводило неисполнение советов старца, равнявшееся неисполнению Божией воли.

«Чем я могу утешить вас в ваших многих скорбях? — пишет он страждущим душам, жаждущим от него утешения. — Не знаю и слов не могу придумать... Но усердное прошение любимых моих заставило меня как бы в виде послушания им сделать то, что вовсе есть сверх сил моих. У нас Утешитель, в собственном смысле, один только Бог, а потому написанному слову дать утешительную силу принадлежит Ему одному — Ему и молимся. Сам Он да утешит вас во всякое время, к тому благопотребное, и, наконец, вечным утешением»².

Простые слова, нет в них ничего особенного, но они имеют благодатную силу, которая и утешает человека.

«Я, будучи весь непотребен, — продолжает он, — больше ничего, как только куча навозная, прах и пепел... Прошу не счесть это за набор только слов: я действительно таков — словом невежа... А иногда куда занесусь, как будто я нечто есмь, будто умнее дураков; иных учу, а себя не учу и поэтому выхожу первого номера лицемер, а ты еще по невежеству завидуешь мне в мнимых моих добродетелях, но теперь я уверен, что ты зависть свою переменишь на сожаление о мне... Трудно стоять среди страха и надежды, а надобно

¹ Письма Святогорца... С. 417 — 418.

² Из писем к матери от 2 декабря 1857 года и к игумении Максимилле от 17 июля 1869 года.

стоять; и самому себе верить опасно, ибо сказано: “Надеющийся на себя падет падением дивным, а *надеющийся на Господа, яко гора Сион, не подвижится во век*” (Пс. 124, 1)»¹.

Он отчетливо видит свое падшее человеческое естество, видит самого себя, «что я есть на самом деле, а не то, что представляет испорченный грехом разум, к которому имеет доступ диавол». В нем совершенно нет самости, сознания своего достоинства, которое отделяет человека от Бога и есть гордость. А все, что бывает доброе, это все Господь совершает по Своей милости.

«Истинно говорю... не преувеличиваю, что я не вижу у себя никакого добра и не имею ничего такого, за что бы мне иметь надежду получить награду от Бога, одна моя надежда на милость Божию, на заслуги Христовы, более не имею, чем спастись»². Это и есть истинное смирение, за которое, как сказано, Господь дает благодать, питающую и улаждающую паче меда смиренную душу. «Горько и вместе сладко видеть себя обнаженным всякого добра»³. Вот нищета духовная и плоды ее — блаженство, пожинаемое уже в этой жизни.

Не имея в себе препятствия действию Божию, то есть гордости, которой Господь противится, он является проводником благодати, которую и получают обильно все соприкасающиеся с ним.

Не было для отца Иеронима своих и чужих, всех он любил одинаково и, вникая в нужды каждого, всем помогал и всех утешал. Для всех он был любящим отцом.

Миссионер иеромонах Арсений повествует о том, как он прибыл на Афон и решил поселиться в Свято-Пантелеимоновом монастыре с целью заняться трудами на пользу Русской Православной Церкви с целью вразумления сектантов. «Старцы Русика отец Макарий и отец Иероним отнесли к моей просьбе с глубоким сочувствием, — пишет отец Арсений, — и во всем обещались оказывать мне посильную помощь. Я с величайшею радостью благодарил их за их христианское участие в моем миссионерском деле... Сам преподобнейший старец Иероним настолько расположен к моему делу, что принимает участие в составлении моих бесед против иконоборцев своими указаниями и советами. При таком участии я вспоминаю часто прошлые мои бедствия, от которых иногда невольно подрывался дух ревности и усердия ко святому делу и терялась надежда видеть когда-либо осуществление своих желаний. Я встречал более противо-

¹ Из писем к сестре от 17 ноября 1864 года и к игумении Максимилле от 17 июля 1869 года.

² Из письма к сестре от 17 ноября 1864 года.

³ Там же.

действия своей миссионерской деятельности, чем содействия, и мало, очень мало видел я лиц, сочувствующих моей миссии. Ныне же Господь утешил меня в лице сих преподобнейших старцев... Дали мне хорошее помещение, снабдив меня необходимыми для меня разного рода древними печатными и рукописными книгами, хранящимися в богатой монастырской библиотеке. При такой утешительной обстановке с благословения преподобных старцев я принялся за составление бесед с сектантами и продолжал это дело с радостью и усердием более трех месяцев. <...>

В последних числах марта 1883 года прибыли к нам на Афон из России (из города Симбирска) три путешественника. Они помещены были вместе с поклонниками в странноприимном доме. Они сначала не объявляли о себе, кто они и для какой цели прибыли на Афон и в нашу обитель. Каждый день неупустительно ходили они на все церковные богослужения и всматривались во все службы афонского чина и устава с обрядами. С течением времени выяснилось, что они, собственно, желали узнать, есть ли какие-либо любимые раскольниками обряды в афонских чинах богослужения; с этою единственною целью они и во многих местах Греции были, желали узнать, соблюдаются ли где любимые раскольниками обряды. Были даже с этою целью в Константинополе и в Иерусалиме... Наконец, они решились побывать у наших старцев и объявить им о себе, кто они и для какой цели прибыли сюда, на Афон. Пришедши к духовнику Иерониму, они по обыкновению были приняты им с отеческою любовью; вскоре вошел в келлию духовника и сам игумен отец Макарий, который также отечески обласкал их и вступил с ними в разговор». Рассказав о себе, о своих странствиях и наблюдениях, путешественники заключили: «Мы, наконец, решились побеспокоить вас, преподобнейшие старцы: желая более уврачевать себя от душевных недугов чрез ваши старческие беседы, всепокорнейше просим вас не лишить нас своих старческих советов: мы от души жаждем послушать ваших наставлений».

«Сказав все это, все трое путешественников со слезами поклонились духовнику Иерониму и игумену Макарию, — продолжает отец Арсений. — Не могу вполне передать, какой радости исполнились наши преподобнейшие старцы, когда выслушали все сказанное путешественниками. Они никак не могли удержаться от слез, смотря на них, так горячо стремящихся к истине. И старцы с такою любовью приняли и обласкали их, с какою отец принял блудного сына, упоминаемого в Евангелии (см.: Лк. 15, 20). Долго старцы занимались с ними беседами, выслушав от них заявление о всех

сомнениях относительно православия Греко-русской Церкви, из-за которых они страшатся приступить к Церкви».

Старцы рассказывали им о Древней Церкви, о князе Владимире, как он принял в чистоте веру православную от греков, как она хранится до наших дней, предложили им осмотреть древние иконы, живопись, древние рукописи в библиотеке. «Видя все это, бедные искатели истины от полноты радости и вместе сожаления о своих заблуждениях изливали слезы, осеняли себя крестным знамением, с усердием лобызали священные книги и от всей души благодарили Господа, удостоившего их видеть самые ясные содержащиеся в них доказательства истинности Православия... Наши предподобнейшие старцы провожали их, как своих духовных чад, напутствовав их назиданиями и благожеланиями, дав им множество разных книг душеполезных и крестиков»¹.

Всепоощающая любовь к ближнему была началом и концом всей жизни и деятельности отца Иеронима.

Старец в одном письме к отцу Макарию пишет об отце Арсении, что тот, будучи в монастыре, иногда «делал поход» на «чешимих слухом», то есть вступал в спор с теми немощными братьями, которые верили всяким слухам, принимали их и передавали другим. Из-за них отец Арсений, обладавший, по словам отца Иеронима, «духом и ревностью Илииною», часто выходил из себя, схватывая «добрые тычки», и тогда с ревностью предлагал отцу Иерониму высылать из обители слабых и своевольных, упрекал старца в чрезмерной снисходительности: «Как вы это все терпите?» Однажды отец Иероним предложил ему помолиться об этом, а потом прислушаться к гласу своей совести и, что она скажет, так и поступать. Тот так и сделал. И что же оказалось? Вместо того чтобы гневаться и раздражаться на немощных и выгонять их, а духовника упрекать в потачках и излишнем к ним снисхождении, он сказал: «Нет, не так надо поступать с немощными, как я прежде думал. Совесть говорит мне, что надо их исправлять, убеждать, увещевать, а не высылать из обители, и если высылать, то только одних неисправимых». Такой бывает ревность не по разуму у тех, которые поставляют ее выше любви, покрывающей многие грехи.

Сам отец Иероним сетует на свое мягкое сердце: «Что я буду делать со сладкосердием своим? Ибо вот явился чудотворец Иаков,

¹ *Арсений*, иеромонах. Письма с Афона к новообратившимся из разных сект русского раскола к Православной Церкви // Душеполезное чтение. М., 1884. Ч. 2. С. 203–204, 207, 318–327.

ну, думаю, уж теперь ни за что я его не приму, а обличил и добре его несколько раз побранил, отчего он до зела смирился. И вот против его смирения и моя гордость не устояла, и я смирился, опять принял его и послал на Крумицу. Может быть, ты за это меня осудишь, кажется, что и следует осудить, ибо я и сам себя в этом случае не оправдываю. Что ж делать, горе мне с моим слабым сердцем!»¹

Иеросхимонах А., посетивший нашу обитель в конце 1870-х годов, вспоминает: «Принят был в число братства один редкий человек из высших наук. Служил ли он где, неизвестно, но здесь, как лицеист, оправдал свое призвание. Всем было приятно видеть такого образованного человека в кругу разночинных братьев в таком глубоком смирении и подвижничестве; старцы облекли его в рясофор. Через несколько времени представилась ему необходимость побывать в отечестве и в столице. Его старцы отпустили, снабдили его отеческим благословением, порученностями и доверием, как сына обители. Он отправился и везде был принят как святогорец. Какое его было собственное дело, это неизвестно. Оказалось, он забрал в свои руки все порученности в Святую Гору, всю корреспонденцию, да и отправился в Америку за счет этой выручки. Где он там был, что он там делал, это осталось безвестно, только, все прокутивши, является во Святую Гору. В Андреевский скит его не приняли, потому что его дело всюду огласилось. Он — в молдавский скит, там тоже не приняли его. Достигла весть о сем до старцев Русика, и они пригласили его к себе из Ильинского скита, где тоже отказано ему. Наконец, к вечеру он пришел в Русик прямо к отцу Иерониму в келлию и почивал там. Как он был принят им, каково его было раскаяние — это осталось тайной. Но брат этот явился к утрени на своем месте и в прежнем достоинстве рясофорного монаха и теперь всемерно старается заслужить свой поступок. Если бы в учении Христовом не было подобного примера о блудном сыне, то справедливость человеческая не оправдала бы сего виновника»².

Так милостив был отец Иероним к кающимся грешникам.

Но, когда дело касалось интересов обители, когда по неопытности одних или по злему умыслу других вносились измышления человеческого разума, несогласные с Божественным Промыслом, когда вообще он видел вред для спасения, тогда этот мягкосердечный старец становился твердым, неподступным и непоколебимым,

¹ Письмо к отцу Макарию от 19 июля 1875 года.

² Воспоминания душевных впечатлений при поклонении святыне на Востоке иеросхимонаха А...я. М., 1880. С. 29—30.

как гранитная скала, о которую разбиваются все волны человеческого мудрования.

Отец Макарий, находясь в трудном положении, допустил сомнение и получил такой ответ: «Что же мне на это сказать тебе? Разве то, что Господь сказал святому апостолу Петру: *Маловере, почто усумнился еси?* (Мф. 14, 31) Не должно внимать или как бы доверять и даже долго беседовать с вражьиими прилогами, разрушающими веру и терпение. Ты, мой дорогой, допустил себе внимать прилогам маловерия. К чему принимать такие фантазии? Пришло для нас время испытания, в которое нам требуется показать наше долготерпение и веру, а не мечтать о бегстве, ибо добрый пастырь полагает душу свою за овцы своя (см.: Ин. 10, 14—15). Прости, мой дорогой, ты знаешь, что я не люблю равнодушно выслушивать во время искушения слишком резких маловерных и малодушных выражений, ибо они лишают нас воздаяния за терпение... А как будем улаживаться с греками, так ненавистно на нас смотрящими? То на это дело нам дана благодать Божия, ее-то будем просить и на нее надеяться, и она во славу Божию все уладит и из невозможного сделает возможное»¹.

Отец Иероним имел великую ревность по Бозе и всегда старался возбудить ее в немощных. Святогорец рассказывает следующее.

«Несколько дней я чувствую крайнее изнеможение сил — вероятно, вследствие изнурительных подвигов Страстной седмицы, когда служба у нас была почти непрерывная, а трапеза скуднее, чем когда-либо... Некоторые из немощных, только что пришедших из мира русских, желающих вступить на голгофскую стезю иночества, просили у духовника позволения подкрепить себя чашкою чая, но он с улыбкою отвечал, что если уже и в последнюю седмицу поста мы не удержимся от излишних требований плоти, то стыдно нам будет петь Пасхую: *Вчера спогребохся Тебе, Христе*. Хоть в этом чайном удовольствии откажем себе, чтобы дерзновенно запеть: *Сово-стаю днесь воскресшу Тебе, Христе, сраспинахся Тебе вчера* огорчениями плоти, истомившейся в постных подвигах, *Сам мя прослави* за то, *Спасе, во Царствии Твоем*. После убеждений подобного рода кто решится на суетное требование избалованной плоти?.. Духовник убеждал нас быть бодрыми в последний все-нощный подвиг, утешая грядущею славою и радостью всемирного торжества и благотворными следствиями постных трудов»².

¹ Из писем к отцу Макарию от 6 июня и 30 августа 1875 года.

² Письма Святогорца... С. 84, 418—419.

Рассказывает иеросхимонах Нон.

«Помню, за послушание от старцев я назначен был в соборной Покровской церкви на клиросе петь на всех церковных богослужениях. И вот однажды был такой случай. Накануне Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня здесь, в обители, перед этим великим и святым днем всегда полагается пост, так как вся братия готовится к Причастию Святых Тела и Крови Христовых на самый день Воздвижения. Всенощное бдение бывает в этот день не менее 12 часов. И вот в конце утрени, во время уставного чина воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, который совершал здесь соборне с многими сослужащими иеромонахами и иеродиаконами архимандрит Макарий, все мы, певчие, так ослабели и изнемогли от поста и продолжительной тяжелой службы всенощного бдения, что не в состоянии уже были продолжать медленное пение *Господи, помилуй*, когда воздвигался Честной Крест. Некоторые из певчих совершенно замолчали, а другие едва слышно тянули. Воистину нужно сказать, что я, смотря на это, так и думал, что как бы все певчие не замолчали и, сохрани Господи, пение бы не остановилось. Но вдруг в это самое критическое для певчих время внезапно является сам старец между певчими, как Ангел-помощник, и собою, своим примером начал певчих ободрять, говоря им: “Что же вы приуныли и замолчали? Ободритесь и пойте”. И тут же сам начал своим громогласным голосом петь, и все певчие как будто бы воскресли и ободрились и вслед за ним продолжали пение. В это время я невольно воззрел на его лицо, и — чудо! Увидел лицо его, яко солнце, сияющее неслезанным светом, так что я даже не в состоянии был продолжать смотреть на него. Не знаю, прочие из певчих видели ли это, или все внимание их было направлено на воздвижение Честного Креста Господня, но так как старец так внезапно, как Ангел, появился между нами, певчими, и стоял вблизи меня, то поневоле мой взор обратился на лицо его. Впрочем, до сего времени я даже и самому старцу о сем ничего не говорил, и ни с кем о сем не объяснялся, и никому никогда сего не рассказывал даже до самой смерти старца, хотя неоднократно было желание поведать своим близким братьям, но как будто что-то меня связывало и не допускало о сем говорить до смерти старца».

Ревность по Бозе в нем не оскудевала никогда, и никогда он не побеждался леностью и малодушием. Поэтому и сокрушается в одном из писем к отцу Макарию, что отец Иерон после рукоположения несколько ослабел в подвиге духовном. И это говорится им

об отце Иероне, известном подвижнике, знаменитом впоследствии старце и игумене Ново-Афонской обители!

Старец Иероним служил Богу с особой ревностью, и от других требовал этого. Слово его было растворено благодатию, и ему противиться никто не мог. Он умел покорять себе всех.

«Вы можете... заставить всех повиноваться себе (не в качестве превозношения, а в духе единения о Христе), — пишет он П. И. Помельцову. — Для сего нужно отстранить от себя малодушие и вредное человекоугодие, и возвыситься духом над всем мелочным и грязными расчетами мира, и заставить слушать себя всех в доме. Поелику Бог возвысил Вас в семействе в ведении закона Божия, то нужно и стараться сообразную иметь и деятельность, иначе Вы погрешите против правды Божией. Вам нужно, по слову Писания, бесчинных вразумлять (см.: 1 Сол. 5, 14); от Священного Писания, от святых отцов учения Вы должны во всякое время, короче, и во время и без времени вразумлять, обличать и отца и мать, утверждать в истинах Божественных, разъяснять заблуждения, уклонения от учений святой Церкви и прочее и иметь благодерзновение в этом, а братьев обуздывать страхом Божиим, да и матушке почаще говорить о том, тогда все замолчат и истина Божественная возымеет перевес. Она мало-помалу заставит их уважать, слушаться и почитать. А таким образом и водворится в семействе спокойствие и согласие. Уступчивость там, где не следует, Ваша показывает только слабость духа, недостаток мужества и не полную емлемость за закон Божий, а смешанную с желанием частию угодить и миру, что невозможно»¹.

Так ревностно должно проповедовать правду Божию всякому христианину словом, делом, а больше всего личным примером. Так должно поступать всякому православно верующему, начиная от архипастыря и кончая простым мирянином, дабы мир и согласие водворились вокруг нас по слову Спасителя: *Вы есте соль земли* (Мф. 5, 13).

Управление обителью при престарелом игумене

Отец Иероним питал искреннюю сыновнюю привязанность и благоговение к старцу-игумену Герасиму, заботился о поддержании его здоровья и сам ему говорил (о чем упоминается в письмах к отцу Макарию), что по приходе в Свято-Пантелеимонову обитель не имел другого духовного отца и наставника, кроме него.

¹ Письмо от 11 июня 1863 года.

В последние годы настоятельства в Русике архимандрита Герасима, по причине глубокой старости и болезни ног почти не встававшего с одра, на отце Иерониме лежала нелегкая обязанность служить больному старцу орудием управления многолюдной обителью, докладывая ему обо всем требовавшем его благословения и согласия, уясняя ему ее нужды и вообще действуя так, чтобы и старец-игумен был мирен и спокоен, и его разноплеменная обитель не чувствовала себя безначальной из-за его болезненного положения. В этом подвиге много помогал отцу Иерониму присный сын его духовный и любимый ученик отец Макарий, который и в отношении к престарелому архимандриту Герасиму умел действовать с редким благоразумием и любовью.

Отец Макарий вскоре после рукоположения, по словам старца Иеронима, становится «предстоятелем русского общества», а в отсутствие игумена и отца Иеронима (как это было в 1856 году, когда они предприняли поездку на метох Каламарию) оставался вместе с иеросхидиаконом Иларионом, греком, руководить обителью.

«...Я один из ленивейших и нерадивейших о своем спасении, но еще мне вверили попечение о спасении других душ, и это тяжелое бремя лежит на моем недостоинстве... — пишет в то время отец Макарий. — Едва мог опомниться от своих греховных потрясений, но Господу Богу угодно было возложить на меня бремя духовничества... Одно меня убеждает — старец мой, пред которым я так благоговею, предавши себя ему однажды навсегда, столько попекшийся о мне, грешном. Слава Богу, пока он жив, я чувствую эту великую поддержку и, собственно, из послушания к нему я решился взять на себя эту громадную обязанность, но мысль — что он оставит меня, и, быть может, скоро... Конечно, если б Владычица дала мне эту милость — умереть на его руках, о, я счастлив бы был!..

Под руководством батюшки отца Иеронима я много ощущаю спокойствия и, поверяя ему мои действия с духовными детьми, получаю назидание, тем более, что он знает характер каждого, и с любовью души вижу в нем старание обуздать мои пристрастные деяния. Слава Богу о всем. Прошу Господа Бога и Царицу Небесную, да продлят его драгоценную жизнь на многие лета для подкрепления колеблющегося моего разума и для утешения многих жаждающих спасения.

Что делать, мне и вовсе не время быть на такой степени, но, когда совершается дело Божие, и поручает отец со словом: “Смотри, если бы Богу не угодно было, то братия воспротивились бы этому избранию”, многие увещательные изречения убедили и убеждают

пробыть в оном, а порывы оставить это до сих пор не оставляют меня, и в порывах искушений прошу духовника о сем, но советом отца моего опять умиротворяюсь.

...От назначения Промысла Божия не уйдешь... Я думал уйти от встреч, постигших меня и здесь. Думал ли я сделаться чем-то? И вдруг Господь посещает болезнию отца моего духовного, и он вручает мне свое дело не только духовное, но и внешнее. Что сказать человеку вопреки, когда считаются минуты его жизни? Но Господь ведал мою неопытность, увидел слезы братии и услышал молитвенный вопль их — возвратил нам дорогого отца. Но согласие-то мое вспять ко мне не возвратилось, и теперь попечение о 400 душах братий, странников и других легло более или менее на мою выю. Конечно, молитвами игумена и духовника Господь питает нас, но я-то, немощный, подчас и затужусь... Видя необыкновенную веру в Промысл Божий старцев и хладнокровное рассуждение об этом, удивимся и успокоимся, подумав: «Ведь Господь же собрал нас, Он и напичает».

Вот ни моря, ни горы не скрыли моего ничтожества, и избыть от сего только опять можно благоволением Промысла Божия. Сколько ни думаю об этом, разину рот пред старцами... “А, послушание тебе не хочется нести?” Или еще лучше скажут: “Отвечай сам Богу”. Вот и извольте рассуждать: отсюда ми тесно есть. Будем молить Господа, чтобы Он даровал нам терпение, в коем и благоволит стяжать души наша»¹.

Старец-игумен Герасим, управлявший монастырем через отца Иеронима и отца Макария, этим самым стал возбуждать недовольство некоторых из греческой братии, вспомилавших время, когда греки были полными хозяевами в этой обители. Теперь же русские превосходили их и численностью, и материальным состоянием, которое богомудрыми распоряжениями отцов Иеронима и Макария было тщательно берегаемо, и греки должны были уступать и признавать их равноправность.

Престарелый архимандрит Герасим чувствовал скорую свою смерть и желал иметь достойного преемника. Просвещенный Божиею благодатию, столетний старец-игумен, которого, так же как и его помощника отца Илариона русские афонцы называли «адамантовым защитником русских прав», стоял выше узких национальных взглядов и остановил свой выбор с согласия благоразумной части своей

¹ Из писем отца Макария к игумении Лидии от 22 октября 1858 года, 21 июля 1859 года, 8 сентября 1860 года.

Получая Ваш и своя милости, благодарю в Заступни-
нню Богородицы, остающихся мирно и благополучно
Вашиими в св. горы Афонской, Русского
Пантелеимонова монастыря.

Г. Архимандрит Гerasимъ

Русский Духовникъ Иеронимъ
Иеромонахъ Макарий

Подписи архимандрита Герасима, духовника Иеронима
и иеромонаха Макария на письме 1865 г.

братии без всякого домогательства русских на отца Макарии, как выдающемся из всего братства по своему уму и примерной монашеской жизни. Тем самым был полностью подтвержден давний выбор отца Иеронима.

Но поскольку отец Иероним и отец Макарий (скромный и непритязательный, хотя уже и был посвящен в 1868 году русским епископом Александром в сан архимандрита) предвидели зависть враждебно настроенной части греческой братии, то отказывались от такого назначения, чтобы не вызвать недовольство и смуты с их стороны, да и сами многосложные дела попечения об обители заставляли их уклоняться от этого избрания.

После таких уклонений со стороны отца духовника и отца Макария 15 октября 1870 года отец Макарий все же был избран преемником игумена при усиленном настоянии отца Герасима, отца Илариона и некоторых греческих братий, о чем было объявлено сначала русской братии, а затем в трапезной обоим братствам. Хотя это избрание не представляло ничего противозаконного, несогласного с афонскими обычаями, ибо игумен Герасим также был избран игуменом Саввой себе в преемники, но нашлись, конечно, как и ожидали отец Иероним и отец Макарий, недовольные, и неприязнь между русским и греческим братствами Пантелеимонова монастыря вспыхнула с новой силой.

Из прежде сказанного мы знаем, что еще раньше, с переходом отца Иеронима в Пантелеимонову обитель, высказывалось со стороны греков прочих афонских монастырей неудовольствие за принятие русских в обитель. Проследим подробнее взаимоотношения греков и русских с 1840 года¹.

Много пришлось претерпеть отцу Иерониму скорбей на новом месте, ибо тотчас же по входе его в Русик греки других монастырей стали сильно упрекать отца игумена Герасима, что он принял русских, и, если бы не тяжкие испытания, постигшие монастырь по удалении отца Аникиты (Ширинского-Шихматова), быть может, то же случилось бы и с отцом Иеронимом, который со своей стороны, как посланный за святое послушание, смиренно переносил ропот греков и всевозможные дерзости некоторых из старших братий Русика. И это продолжалось до 1845 года, до посещения Афона великим князем Константином Николаевичем, благоволившим подъехать прямо к Русской обители. Это посещение подняло престиж русских в глазах греков. По отбытии великого князя недруги русских замолкли и монастырские греки начали гораздо снисходительнее обходиться с отцом Иеронимом. К этому и благодать Божия после страшной бедности монастыря и вынесенных напастей начала изливать струи свои, внушая боголюбцам православной России посылать Русику милостыню и церковную утварь. С детской простотой и братской любовью милостыня вручалась русскими игумену без всякого контроля, что продолжалось до 1863 года. Ризница и утварь делились пополам, причем все лучшее отдавалось грекам. Малейшее отступление от этого правила, например желание поклонников, чтобы пожертвования их были в русских храмах, производило неудовольствие в греческом братстве, о чем делалось замечание отцу Иерониму.

Отец Иероним замечал и терпел неприятные выходки против себя со стороны некоторых из старшей греческой братии в надежде, что греки, ознакомившись более с русскими, привыкнут к ним, тем более что русские станут делать им всевозможные уступки и всемерно смирятся перед ними. Отец Иероним, чуждый всякого национального пристрастия, видевший в греках и в русских одну братию о Христе, всячески направлял греков на путь единомыслия и любви к русским, отдавал им во всем предпочтение, как первым хозяевам обители, и всегда ставил на вид всей своей братии, что пришли

¹ События этой главы, а также следующей приводятся нами в основном по рукописям отца Азария и отца Мины.

они в монастырь не для национальных распрей, а для спасения души, почему как от греков, так и от русских всегда требовал паче всего мира и братской любви друг к другу. Кроме того, он стремился избегать всего, что может повредить уважению и благоговению, внушаемым всем православным одним только упоминанием Святой Горы — земного удела Божией Матери, прославленного многими духовными подвигами преподобных отцов.

Хотя братство русское к 1852 году возросло до 80 человек, но они были в Русике как пришельцы *на земли чуждей* (Пс. 136, 4). Греки, усиленно приглашавшие их на совместное жительство, и не думали их считать равными себе, но смотрели на них как на рабов, которые обязаны были за плохой приют и скудный стол работать на монастырь. Никаких должностей не было им даваемо до 1856 года, и требование русскими и маловажных вещей не обходилось без претензий от греков.

Русские в течение 16 лет терпеливо переживали свое приниженное положение и старались жить мирно в отдельной части монастыря со своими храмами и богослужением, встречаясь с греками на послушаниях и в трапезной. Когда русских оказалось уже более 100 человек и избран был помощником отцу Иерониму отец Макарий, они попросили у греков чтение в трапезной два раза в неделю — в среду и в пяток, и то на условии, что если в оные два дня не случится праздника. Несмотря на столь малое и весьма осторожное прошение русских, оно не было услышано. Отец игумен и преданные ему греки старались всячески убедить упорных, но те сказали, что если русские будут читать, то они допустят дерзости в трапезной. Видя такое недоброжелательство, русские совсем оставили просьбу эту, и тогда греки, устыдившись, сами начали предлагать чтение, о котором русские решились просить посмелее. В 1857 году, в сентябре, состоялся собор, на котором было предложено избрание иеромонаха Саввы, карейского келлиота, в наместники. Когда заговорили о чтении на трапезе, отец Иероним напомнил игумену о своей просьбе, и некоторые из греков отозвались положительно. Тогда духовник выразил греческой братии свое неудовольствие, говоря, что «мы, русские, живя 17 лет в обители, трудясь в ней неуклонно и всячески заботясь о благосостоянии ее, не заслужили доселе любви братской, братия греческая пренебрегла нашим пришествием и благословением старца, который с любовью дал оное на просимое нами. Вам не угодно было дать нам чтение два раза в неделю, но теперь братство наше возросло за 100 человек, и мы желаем пользоваться русским чтением на трапезе наравне с греческим». Греки

чрезвычайно удивились этой смелой просьбе, начали возражать, что это невозможно, и тогда отец Иероним сказал: «Если не хотите разделять с русскими братских отношений, то благоволите ведать, что мы отягощаемся сожитием с вами». Греки закричали единогласно: «Нет! Нет!» И начали предлагать три дня чтения, но духовник решительно сказал: «Как хотите, угодно вам или нет, но чтобы чтение наше было половинное и чтобы трапезу благословлял в эти дни русский иеромонах». И только после долгих препирательств греческие отцы, сознавая неприличие своего упорства, согласились чтение совершать попеременно, через день, по-гречески и по-русски, а в праздники — утром по-гречески, а вечером по-русски. И когда началось русское чтение, то это для многих греков оказалось весьма неприятно и многие из них в такие дни не являлись в трапезную. Еще настаивали, чтобы трапезу благословлял греческий иеромонах, а не русский, много было по этому поводу разговоров, и опять едва не нарушилось установленное чтение. Обычного же псалмопения русского в трапезной, когда среди недели приходились праздники святых, греками никак не дозволялось, и так продолжалось до 1865 года. В 1866 году состоялось новое соглашение, чтобы чтение было попеременное через день, какие бы ни случились праздники, и псалмопение, следующее за чтением, — тоже попеременно.

Спустя некоторое время греческое братство заговорило, что «нам нужно иметь письменное соглашение на бумаге», хотя условия совместной жизни были выработаны еще в 1840 году. Удивившись такому предложению, русские сочли это за благоволение Промысла Божия, и, когда с обеих сторон было изъявлено согласие на написание устава совместного жития, тогда было поручено одному из греческого братства его составить; при написании его и открылись многих сердец помышления. Сначала было заговорили, что русские должны составлять четвертую часть братства, а затем — третью, но на половину никак не хотели согласиться, из-за чего долго происходила распря, об игумене же русском не хотели и слышать, а также и о равенстве между братствами греческим и русским, потребовали, чтобы всегда преимущество и первенство было на стороне греческой. С тех пор отношения в братстве стали более прежнего натянутые, греки во всем старались чинить препятствия русским, даже не давали им леса на постройку.

Недовольство греков против русских еще более возросло, когда в 1858 году русские пароходы с поклонниками стали приходить на Афон и останавливаться в виду Русского Свято-Пантелеимонова монастыря.

Несмотря на увещания игумена и старших благоразумных братьев, греки постоянно высказывали свое неудовольствие. Составленный же типикон, или устав, подписанный игуменом и русскими, не принимался во внимание. И так продолжалось до 1863 года.

В одну из ночей у пристани вдруг исчезла бочка, к которой привязывали русские пароходы. Сначала полагали, что это сделал кто-либо посторонний, но по расследовании оказалось, что потопление бочки было делом нескольких греческих монахов Пантелеимонова монастыря во главе с духовником иеромонахом Нифонтом. При этом игумен в церкви сказал слово, в котором выразил свое недовольство грекам за ненависть к деятельности русской братии для поддержания монастыря, причем пригрозил, что если не сознаются в потоплении бочки, то не будут прощены. Убоявшись этого, виновные сознались.

В это время по просьбе капитана русского парохода турецкий карантинный чиновник выстроил для себя небольшой домик близ монастыря и над ним поднял турецкий флаг. Это было сделано для того, чтобы из-за прописки паспортов пассажиров русский пароход долго не задерживался под Афоном. Греки увидели во всем этом происки русских. Им показалось, что все это сделано по просьбе русских и по желанию русского консульства в Константинополе с целью поставить монастырь под надзор турецкой власти. Русские старались успокоить греков, показать выгоды для монастыря от приезда к Афону русских пароходов и от поселения вблизи монастыря турецкого карантинного чиновника, но греки не слушали убеждений русских иноков, продолжали волноваться и потребовали снятия флага с угрозой в случае неисполнения их требования взорвать сам дом. Никакие уверения со стороны русской братии на них не действовали. Русские со всем желанием обещали похлопотать перед турецким правительством о снятии карантинного флага и удалении чиновника на прежнее место, афонскую пристань Дафну, и что если сами не добьются успеха, то поручат это дело грекам, только чтобы они успокоились, но и это не помогло. Греки заявили свое требование в 12 пунктах, на которые, за исключением трех или четырех, русские не могли согласиться, вследствие чего греки стали выказывать явную недоброжелательность к русскому братству и всячески угрожать. Это происходило в 1863 году. Тогда постоянно были собор за собором, никакие убеждения со стороны игумена и благоразумной части греческой братии не смогли действовать на недовольных, которые все почти состояли на начальственных монастырских должностях. И поскольку они не соглашались

Великий князь Алексей Александрович со свитой и с отцами Иеронимом и Макарием в Пантелеимоновом монастыре в июне 1867 г. Четвертый слева стоит архимандрит Леонид (Кавелин), настоятель русской посольской церкви в Константинополе

с мнением игумена, он потребовал удаления их от должностей, о чем они и слышать не хотели. Наконец, сами они попросили, чтобы при решении этих сложных вопросов были посторонние посредники. Для этого были приглашены игумены афонских общежительных монастырей Дионисиатского, Ксенофского и Зографского, но и они после трех собраний не смогли склонить недовольных ни на какое соглашение. Они продолжали волноваться и требовали от игумена Герасима и иеросхидиакона Илариона, чтобы они перестали поддерживать русских, в противном случае грозили им смертью. В одну ночь на дверях келлий отца игумена и отца Илариона оказались нарисованными кинжал и пистолет — весьма недвусмысленные намеки на то, к чему присуждали своих старцев недовольные.

Русские со своей стороны обещали им устранить приход пароходов к монастырской пристани, оставить за греческой братией все привилегии, которыми они пользовались, но ничто не помогало, с их стороны сыпалось все больше заявлений и угроз, и братия

обители начала сомневаться в безопасности. Так прошло 40 дней, и конца этому тяжелому испытанию не было видно, и русские стали весьма тревожиться. Наконец противники, не желавшие слушать об изменении своих требований, каким-то особенным Промыслом Божиим в одно утро потребовали отпускные билеты по обычаю афонскому, и непременно в продолжение одного дня. Удивляясь неизреченному смотрению Божию, русские обрадовались, что Господь избавляет их от искушения. Вышло 23 человека во главе с отцом Нифонтом, причем старшие были награждены, остальные, раскаявшись, остались в обители. Тогда братия как русская, так и греческая поуспокоилась, хотя некоторые выражения неприязни продолжались.

Следующие годы, почти вплоть до 1870-го, прошли сравнительно мирно для Русской Афонской обители. Причин этому было немало.

С 1866 по 1868 год обитель удостоилась нескольких знаменательных посещений высоких русских гостей. В 1866 году в Пантелеимонов монастырь в первый раз прибыл русский посол и полномочный министр при Оттоманской Порте граф Николай Павлович

Русский архиерей в Пантелеимоновой обители в июне — июле 1868 г. Сидят (слева направо): настоятель Ильинского скита архимандрит Паусий, игумен Русского монастыря Герасим, епископ Полтавский Александр, духовник Иероним, настоятель Андреевского скита архимандрит Феодорит. Стоят (третий и четвертый слева): иеросхимонах Макарий и иеросхидиакон Иларион

Игнатьев, который самым наглядным образом убедился в дурном отношении греков к русским и сделался с этих пор мощным защитником русских интересов на Святой Горе. В июне 1867 года обитель посетил русский царственный гость — великий князь Алексей Александрович, оказавший благосклонное внимание отцам Иерониму и Макарию и в беседе со старцем Иеронимом проявивший искренние интерес и участие к жизни обители и ее русской братии. В июне — июле 1868 года состоялось первое посещение Пантелеимоновой обители русским архиереем — преосвященным Александром, епископом Полтавским.

Посещения именитых гостей, умножение русской братии в Свято-Пантелеимоновом монастыре, все большее благоустройство ими обители благодаря богатому притоку пожертвований из России, расширение их деятельности за пределы Святой Горы — все это возбуждало по человеческой немощи подозрение и опасение греческого братства Пантелеимонова монастыря и всего греческого Афона, что русские иноки займут в обители выдающееся положение и захватят в свои руки кормило правления. Но эти же обстоятельства позволяли русским осознать свой материальный и моральный перевес.

Избрание отца Макария в преемники игумену вызвало новое неудовольствие, которое могло бы со временем исчезнуть, как надеялся избирательный собор, но к этому обительскому делу примешались другие афонские и внеафонские события, с которыми так или иначе связывалось понятие «русский», и усилили междоусобную распрю в Русской обители. Обстоятельства эти сами по себе или мало, или совершенно не касались ее, но они возбуждали и поддерживали неприязненные в то время на Востоке чувства к русским вообще, а через то и к русскому братству Свято-Пантелеимоновой обители. Кратко остановимся на них.

При вступлении на Константинопольский престол патриарха Анфима весь Афон был обрадован, надеясь, что он, будучи сам святогорцем, возобновит самые мирные отношения Святой Горы с Великой Церковью. Но, увы, афонские отцы ошиблись в этом. В скором времени игумен Свято-Павловского монастыря, забрав все акты монастырские, приехал в Константинополь и там, имея в своих руках печать монастырскую, делал постоянные долги. Братия святопавловская выразила неудовольствие, вследствие чего патриарх прислал свою экзархию для расследования этого дела, которая не согласилась с мнением афонского протата, отчего неудовольствие усилилось. В то время были назначены от всех монастырей поверенные по этому делу, также и от Русского монастыря был назначен отец Евгений, грек, который по этому делу выказывал свою энергию против экзархии, что делал с намерением, чтобы

выставить монастырь перед Великой Церковью в нехорошем виде. Потом протат убедил русскую братию Пантелеимонова монастыря ходатайствовать перед русским послом о святопавловском деле. Пять монастырей, державших сторону святопавловского игумена, всевозможным образом доносили на Русик патриарху и марали наш монастырь, говоря, что это не что иное, как противление русских. Тогда же появились в печати нападки сначала на Русик, а потом и на всех русских афонцев. Затем получена была от патриарха бумага, чтобы игумен не избирал себе преемника и чтобы будущий игумен был непременно уроженцем Турции. Это было не что иное, как противодействие избранию отца Макария. С этого времени в Русском монастыре греческие отцы начали разные притязания к русским, хотя русские делали им всевозможные уступки.

Перечислим другие обстоятельства.

1. Афонские: а) особенное благоволение в то время патриарха Анфима к Андреевскому скиту, который патриарх объявил своим ставропигиальным, а его настоятеля, в то время отца Феодорита — игуменом, впрочем не освободив скит от зависимости от господствующего Ватопедского монастыря; б) вмешательство (по просьбе господствующего Пантократорского монастыря) русского солунского консула, гостившего в то время на Афоне, в прекращение междоусобной смуты в Ильинском скиту по смерти в 1871 году настоятеля архимандрита Паисия.

2. Внеафонские: а) объявление в 1872 году Константинопольской патриархией болгарской схизмы (раскола) и вынужденное тогдашними обстоятельствами благоразумное молчание Святейшего Российского Синода на патриаршую грамоту к нему об этом, оскорбившее греков, с тех пор считавших русских заодно с болгарам и обвинивших их в панславизме; б) изгнание из метохов греческих афонских монастырей в Бессарабии епитропов этих монастырей, вызвавшее их недовольство и сделавшее их во главе с ватопедским Ананией подстрекателями против русских греческого братства Пантелеимонова монастыря и афонских греков; в) страстное узконациональное, во всем подозревавшее панславизм отношение константинопольской печати к происходящим в Пантелеимоновой обители событиям, со своей стороны много усилившее вражду греков против русских.

Все это еще сильнее вооружало против русских и афонцев-греков, и общественное мнение за пределами Святой Горы.

Однажды старец-подвижник иеросхимонах Иларион, грузин, живший на пустынной монастырской келлии, вызвал отца Иеронима из церкви во время всенощного бдения и встретил его словами: «Обитель вашу ждет великое искушение, но Царица Небесная покроет вас, не бойтесь». И тут же рассказал свое видение, только

что ему бывшее. Он видел весь двор монастырский наполненный бесами, сам князь тьмы виден был между ними. Но в высоте небесной показалась Матерь Божия, Которая обошла весь монастырь, остановилась над Введенским храмом и, покрыв обитель Своим покровом, стала невидима. Духи тьмы исчезли, яко исчезает дым.

С глубоким упованием на Промысл Божий и со свойственной ему пронизательностью старец Иероним спокойно ожидал грядущих событий. В лице отца Макария он приготовил преданного себе и обители игумена на тот случай, если когда-нибудь во главе ее сможет встать кто-либо из русских; в лице же некоторых русских иноков он воспитал нужных деятелей и энергичных себе сотрудников.

В июне 1873 года в отсутствие отца Макария заболел геронда. Когда же старцу-игумену сделалось тяжело, русская братия предложила послать телеграмму, чтобы отец Макарий немедленно приезжал, дабы мог застать в живых геронду, который желал его при себе видеть действительным игуменом. Но многие из братии греческой, до сих пор таившие ненависть к избранию отца Макария в преемники, восстали против этого и начали придумывать всевозможные меры к тому, чтобы это событие не состоялось.

По приезде отца Макария при беседе его с игуменом ловили каждое его слово и опять хотели обвинить игумена, тяжело больного, в одном слове, ими же придуманном. По выздоровлении старца-игумена, в день святого Пантелеимона, они старались вызвать столкновение между мирскими рабочими, болгарами и греками, что отчасти и удалось, но помощью Божиею и благоразумными мерами было прекращено.

«Мы, русские, — говорил отец Макарий, — в особенности отец духовник и я, отнюдь не домогались наследия игуменства у старца, а нас принудили принять оное те самые, которые теперь восстают против этого. Если им не нравится этот выбор, то почему они тогда не заявили об этом? Ибо они были лицом к лицу с одним игуменом, а из русских был только один отец духовник Иероним, и они могли свободно говорить за и против. Когда меня позвали и объявили свое решение, я сказал, что имею послушание многосложное и без игуменства, которое принять не желаю. Тогда отец игумен, отец духовник и отец Иларион сказали: “Исполни́й это ради послушания”. А греческая братия сказали, что “мы вас просим об этом”, на что я отвечал им, что принимаю на себя это бремя только ради послушания, а если найдете у себя человека более способного и полезного для обоих обществ, то можете избрать».

Но многие из греческой братии по действию духа злобы уже стали волноваться и утверждать, что русские выгонят из обители монахов-греков, и сами заявили свои исключительные права на Русский монастырь. Вслед за ними почти все афонцы-греки, почти вся греческая нация восстали против русских. Так начался «греко-русский пантелеимоновский процесс» — то предсказанное великое искушение, которое всколыхнуло весь Афон и доставило столько скорбей русским инокам, но которое милостию Божией и Пресвятой Богородицы послужило к славе Божией.

«Греко-русский пантелеимоновский процесс» (1874—1875)

Около двух лет продолжалась распря, и мрачные картины представляла собой жизнь Русского монастыря в эти годы. Отношения между греческими и русскими монахами сделались такими раздражительными, что святая обитель не переставала быть зрелищем ссор и споров, совершенно не приличествующих и мирскому обществу.

Тяжело было положение в то время русских иноков, находившихся под страхом гнетущей мысли, что не нынче-завтра они очутятся за порогом обители, даже вне святого Афона, ради которого они оставили все и порвали связи с дорогой далекой родиной, но несравненно тяжелее было положение тех, которым суждено было стоять на страже русских интересов, — старцу-духовнику Иерониму и его верному ученику архимандриту Макарию. Изложение событий 1874—1875 годов поможет понять, какую громадную силу воли нужно было им иметь в эти годы, какую любовь к ближнему, покорность воле Божией и своему послушанию, преданность обители и сознание правоты своего дела, чтобы незыблемо устоять посреди всех этих дрызг, пошлостей, злостной клеветы и инсинуаций и безошибочно руководить братией.

Лишь только сделалось известным греческим инокам Пантелеимонова монастыря намерение игумена Герасима объявить при своей жизни действительным игуменом обители отца Макария, как они, и без того крайне враждебно настроенные против русских, заволновались и стали совещаться о том, что им необходимо предпринять в эту, по их мнению, критическую минуту. На совещание ими был приглашен из Дионисиатского монастыря духовник Савва. «Пропал наш монастырь! Игумен — схизматик, диакон Иларион — схизматик и русские — схизматики!» — кричали раздраженно недовольные

на собрании. Некоторые из них сознались отцу Савве в том, что они задумали сжечь монастырь и готовы потом за это богоугодное, по их мнению, дело даже пострадать, чтобы получить мученические венцы, если их будут преследовать протат и турецкое правительство.

Эти нелепые речи испугали духовника Савву, который стал уговаривать бунтовщиков, советуя им оставить это намерение, так как этим безумным поступком они сделают лишь «радость диаволу и еретикам». Недовольные вняли его совету, решились оставить без исполнения свое намерение, но окончательно не успокоились и продолжали волноваться и тревожить мирную жизнь русских иноков.

В это время один из греческой братии, Евгений, был послан на Карею по делу об участке земли скита Ксилургу, занятом монастырем Пантократор под предлогом холерного карантина. Он довольно долго пробыл там, запасаясь сведениями и советами у разных антипросопов, и разглагольствовал с братией, живущей на подворье Пантелеимонова монастыря на Карее в духе неприязни к русским. По прибытии его в монастырь в греческом братстве началось некоторое движение.

Так продолжалось до 4 января 1874 года. В этот день греческий эконоом потребовал к себе мастера-грека, работавшего на русской стороне (отец его выпросил у отца Иеронима денег, ради чего и определил сына к русским в столярню) и принятого уже в братию. Когда он ушел из столярной, русский эконоом потребовал другого мирского мастера. Греческий эконоом сказал: «Не дам ни того ни другого. Взятый нами послушник пошлется на другое послушание, а у вас он не будет более работать. Поступившему на монашество какая столярная работа?» «Да разве мы пришли лежать? — возразил русский эконоом. — Почему русские монахи, знающие какое-либо ремесло, работают?» Греческий эконоом отвечал: «Вы как знаете, а, по-нашему, нужно монаху заниматься более келейным делом». После такого объяснения греческий эконоом пошел к отцу Илариону и говорил: «К вам сейчас явятся 30 братьев наших просить, чтобы русские не смели брать мастера». По приходе братии позвали русского эконоома, и отец Анастасий, грек, начал упрекать его в притеснении греков. И после всевозможного поношения повелительно сказал: «Взятого тобою мирского мастера пришли на свое место, а послушник, взятый нами у вас, пошлется куда мы знаем». Русский эконоом сказал: «Как угодно отцу Илариону». И удалился. Когда и греческая братия разошлась, отец Анастасий стал ублажать отца Илариона и говорить: «Ты только поддерживай нас, а мы все у ног твоих, и, кроме тебя, ни отца Иеронима, ни Макария мы знать

не хотим». Но благоразумный отец Иларион, зная их ненависть к нему за расположение к русским, не поверил этим уверениям и сказал: «Как хотите, но я без отца Иеронима не буду ничего делать».

На другой день во время вечерни пришел за отцом Макарием греческий иеромонах Поликарп, чтобы освящать у них воду. Отец Макарий говорит: «Старец решил, чтобы освящал седмичный отец Нафанаил». Узнав о назначении отца Нафанаила, греки отказались петь при освящении воды. Когда же явился отец Макарий, то и на это отец Анастасий сказал: «Старец желает отца Макария, да мы не хотим». Но, несмотря на это, отец Макарий освящал воду, а молитву дал читать грекам, чем они и поуспокоились.

6-е прошло благополучно.

7-го числа отец Иларион решился сменить греческого эконома за возмущение братии из-за мастера, и требовалось только дойти до отца духовника Иеронима, который решает подобные дела. Когда отец игумен и отец Иларион 8-го числа позвали греческого эконома и сказали ему: «Более ты не можешь быть экономом», тогда он пошел к отцу Анастасию, и, решившись окончательно возмутить братство, они подняли шум, всех собрали, пошли к игумену и сказали: «Эконома мы не дадим сменить, и удали от нас первое зло — иеромонаха Нафанаила, который распоряжается нами». И отцу Илариону наговорили много дерзостей, который не согласился им уступить, а сказал: «Можем дать канон отцу Нафанаилу, если вы считаете себя оскорбленными». Но они целой гурьбой до 30 человек кричали: «Долой Нафанаила!» И начали собираться около его келлии. Убоявшись, он перешел к отцу Илариону. Явившись к нему, говорят: «Оставь эконома». Отец Иларион сказал: «Если мы не можем сменить эконома, то к чему наше правление? Не могу этого. Да к чему такая настойчивость и такие сборища у вас и угрозы, разве это прилично монашеству?» Но убеждения его не подействовали, вопли умножились. Отец Нафанаил ушел наверх, в русский корпус, чтобы не подвергнуться большому нападкам. А вслед за ним, наскучив дерзостями возмущившихся, перешел наверх и отец Иларион.

Греки чрезвычайно возмутились за уход к русским отца Илариона и его порицали, между тем к вечеру снова была собрана вся братия. Слышались многие возгласы: «Восстание!» В ночь на 9-е греками было выпущено водохранилище и источник воды забит досками, а вода отведена в сторону. Это еще более прибавило русским страха, но 9-е число прошло немного тише. Отец Иларион ходил к игумену и, казалось, все клонилось к успокоению. Но 10-го числа, по приходе отца Евгения с келлии в монастырь, братия вновь

обеспокоилась и по его внушению продолжала свои требования. На 11-е число, по обычаю, бывает бдение, почему усилен был русский караул внутри и вне монастыря, чтобы не произошло беспорядков. В эту ночь снова выпустили воду из водохранилища, но не могли, как прежде, отвести ее в сторону. Русские, опасаясь за свою жизнь, в коридорах своего корпуса учредили постоянный караул.

11-го числа, после Божественной Литургии, по обычаю, отец Макарий пошел взять благословение у игумена и, застав его спящим, собрался было идти назад, но оказался между двух предводителей замешательства, которые, пригласив его на архондарик, начали порицать действия отца Илариона, что он не обратил внимания на многократные убеждения братства сменить отца Нафанаила с послушания грамматика, не упустили из виду намекнуть, что отец Иларион имеет пристрастие к нему. И хотя отец Нафанаил вел свое дело хорошо и по своему скромному характеру не передавал ничего ни от греков русским, ни от русских грекам, но ввиду греческих угроз 15 января был снят со своего послушания, а его место занял уже упоминаемый нами отец Евгений.

Однако мир в обители не водворился. Греки потребовали, чтобы отец Иларион перешел на греческую половину и, когда он отказался уважить их просьбу, потребовали от него монастырскую печать. 17 января без ведома игумена прекратили поминать на ектениях в храме имени отцов Иеронима, Макария и Илариона. Когда игумен, призвав к себе, запретил служащего иеромонаха, тот ответил раздражительно: «Знайτε об архимандрите Макарии: чтобы ему быть игуменом, мы и слушать не хотим», однако после смирился.

Наконец, греки предъявили новое требование: поставить своих заведующих на арсану, пшеничный склад, архондарик и на карейский конак. Им и в этом не было отказано со стороны русских, только замечено было, что их поступки не братские, что русские

Покровский корпус Русского монастыря. Фотография 1999 г.

*Греческий братский корпус
и южная монастырская порта*

сами просили их прежде назначить своих на эти послушания, но получили от них отказ за неимением людей.

Отец Иероним в собрании греков объявил им решительно, что поступки их превосходят всякое приличие и благопристойность и неприличны монашескому званию и что русская братия, выведенная из терпения, просит игумена принять решительные меры: «Судиться мы не желаем, а желаем примириться с тем условием, что мы прощаем их поступки и предаем забвению и чтобы по-прежнему были старцами-распорядителями: первый — геронда отец Герасим, второй — духовник отец Иероним, третий — отец Макарий, четвертый — отец Ила-

рион». «Охи, охи, охи!» — закричали греки, то есть: «Нет, нет, нет!»

24 января отец Иероним был у игумена, жалуюсь на неуместные поступки греков, которые клонят к разделению братство. Он сказал: «Мы видим, что никогда подобные притязания не остановятся при всех наших усилиях успокоить киновию, видим одно порицание нашей деятельности, да и вместо благодарности намеки, не приличествующие не только монашеству, но и честному мирянину, а потому просим вашего отеческого благословения разделиться». На что старец-игумен, утомленный постоянными раздорами в монастыре, отвечал: «Бог благословит, делитесь, но только по совести» — и дал письменное благословение на раздел. Приводим его текст.

«Из многополезного опыта убедился я, что два собранных мною различных народностей и многочисленных общества, находящиеся во священном Русском святого великомученика и целителя Пантелеимона общежитии под моим духовным водительством, не могут впредь сожительствовать мирно в одном и том же монастыре из-за многих противоречий, [поэтому] нахожусь вынужденным для избежания могущих быть и впредь между ними смущений и соблазнов, еще более опасных, нежели происходящие ныне или бывшие, —

вынуждаюсь, говорю, дать обоим обществам, как равным духовным моим чадам, грекам и русским, отеческое мое благословение разделить друг от друга по братской равноправности. К сему по священному моему долгу свидетельствую, что братство русское вошло в обитель, убежденное многими нашими усерднейшими предварительными просьбами.

Сожительствуя же с нами по желанию и благословию моему, выстроили бóльшую часть сего монастыря, а также и многие другие здания возведены ими на собственные их средства из их отеческого достояния. Они уплатили и большие долги за монастырь этот (в чем дано мною им особенное свидетельство).

Итак, говоря по Богу, хотя и оба общества суть присные чада обители, но так как русская братия обстроили большую часть монастыря сего, воздвигли многие церкви, выстроили дома, многие из наших метохов выкупили, некоторые исправили и некоторые вновь создали, а также доставили и иные многие блага священному нашему монастырю и могут быть названы ктиторами обители, то посему они имеют преимущественное право в имеющем быть разделе.

Настоящее мое письменное отеческое благословение на раздел может быть представлено, если это потребуется, и к надлежащим правительственным властям, и в судебные места.

В показание и удостоверение истины всего вышереченного даю духовным сим моим чадам и братьям русским настоящую бумагу, утверждая оную собственноручною моею подписью и приложением священной монастырской печати.

Кафигумен священного Русского святого Пантелеимона общегития иеромонах Герасим.

В священном Русском на святоименной Горе Афонской монастыре. 1874 год».

30 января старец-игумен дал русским инокам Свято-Пантелеимонова монастыря грамоту, свидетельствующую о заслугах русского братства и его руководителей перед обителью.

«Русский монастырь сей до приглашения в него русского братства находился в совершенной бедности. Бóльшая часть онго по недостатку средств не была обстроена, церкви были неоштукатурены и без иконостасов. Число же братства до 1840 года едва доходило до 60 человек, но и такое малое количество монастырь не был в состоянии пропитать, а потому и вошел в большие долги. Находясь в таком ужасном положении и бедности крайней, мы вынуждены были в 1840 году пригласить русское братство для сожительства

с нами и пользоваться во всех делах монастыря теми же самыми правами, как и мы сами, чтобы таким образом дать руку помощи сему священному монастырю, коему угрожал совершенный упадок, прося усердно русскую братию, чтобы они пеклись и заботились, как хозяева, о создании и возведении остальных монастырских строений, а также и о преуспевании обители во всем прочем.

Во всем этом они оправдали себя, хотя и с большим трудом, ибо братство сие русское на собственные свои средства, принесенные ими в обитель, также и присылаемые им из России от их родственников и друзей, а также и трудами, подъемлемыми ими в сборе милостынного подаяния от православных христиан в России, выстроили большую часть монастыря, а также и вне монастыря выстроили многие дома, равно и метохы некоторые выкупили, а некоторые исправили, иные и вновь выстроили.

К тому же уплатили за монастырь 5000 турецких лир, а на все это братство русское истратило десятки тысяч лир. При всем том братия наши русские своими трудами и попечениями до сего времени содержат в превосходном состоянии все многочисленное наше братство, ибо в настоящее время в нашем общежитии находится греков более 200 человек, а русских более 300.

В удостоверение чего и в подтверждение вышесказанного и дано мною русскому братству мое свидетельство за моим собственноручным подписом и приложением священной монастырской печати.

Кафигумен священного Русского святого великомученика Пантелеимона общежития иеромонах Герасим.

В священном Русском на святоименной Горе Афонской монастыре. 30 января 1874 года».

25 января по случаю праздника святителя Григория Богослова и бдения иноки готовились приобщиться Святых Христовых Таин и греки просили геронду прочитать разрешительную молитву, но он с удивлением сказал: «Какая молитва для не имеющих мира? И с какою совестью хотят они приступить к такому великому Таинству? Да будут они отлучены». Услышав это, греки чрезвычайно смутились, и перед вечерней в тот же день собрались человек 30 или более и стали убеждать геронду, чтобы он прочитал им разрешительную молитву. Старец по великому своему незлобию и любви сделал им замечание касательно их восстания и немирствия с русскими: «У меня был духовник Иероним, и я ему дал благословение на раздел, ибо они весьма оскорблены вашими поступками». Что на это греки отвечали геронде, неизвестно, а затем он прочитал им молитву.

Вечером к отцу Иерониму пришли четыре повстанца и спрашивали, каким образом будет раздел, и требовали объяснить это на бумаге. На это отец Иероним им ответил: «Подумаем, а после дадим ответ».

Когда услышала братия греческая о разделе, то один из повстанцев, отец Елевферий, приходит к отцу Илариону и говорит ему: «Русские хотят раздела? Для них не будет иного раздела, а пусть идут туда, откуда пришли. Их не терпят ни патриархия, ни протат, ни монастыри, ни само место, ни народ. Земля эта не принадлежит ни России, ни Турции, а есть достояние греческой нации, и надеюсь, что нам помогут все избавиться от русских, даже сами стены и камни, и постараемся не иметь не только в нашем монастыре, но и на всем Афоне ни одного русского!» Отец Иларион отвечал ему: «Все это хорошо, да Евангелие куда денете и обеты монашества? А Россия разве выдаст своих? Ведь из-за этого может быть война. Да и Россия, расшедшись с греками, после разве сможет когда смотреть на нас без презрения за такие дела? Тогда Святая Гора защиты уже не будет иметь, ибо вы и эллины ваши очень слабы и бессильны, а иностранцы, пожалуй, дадут слово защищать, да и сами явятся жить на Святую Гору».

Узнав о намерении русских, грек отец Анастасий спросил отца Иеронима, составлен ли проект раздела, «ибо мы его ждем уже четыре дня». Отец духовник ответил, что «это дело так скоро не делается, а может быть, еще пройдет четыре месяца, ибо мы к этому делу пригласили своих собратий — отцов Арсения, Павла и Иосифа». Тогда один из недовольных возразил: «Так и мы призовем Арсения из Царьграда». На это отвечал отец духовник: «Ваш Арсений вышел из монастыря самовольно, а наш Арсений — первый деятель по киновии». Тогда греки недовольны остались за такое рассуждение об их товарище. После многих разговоров и вопросов, почему затевается этот раздел, отец духовник отвечал: «Справедливо, что вы на словах не разделяетесь, а на деле вы упрекаете нас за излишество в братии, но знайте, что они живут не в монастыре, а вне оного и трудятся для общего блага и спокойствия, за которые мы получаем от вас такие благодарности». На это они возразили: «Почему же вы не посылаете наших братий?» Отец духовник ответил: «Да что же вы там будете делать? Во-первых, вы языка вовсе не знаете; во-вторых, это отечество не ваше, а наше. Гораздо лучше было бы вам посетить свое отечество, например отцу Евгению — Митилин, отцу Анастасию — Загору, отцу Серафиму — Анатолию и прочим — свои места». Это им весьма не понравилось, и, веро-

ятно, надолго осталось в их сердцах это высказывание отца Иеронима. При этом было заявлено ими, что они желают иметь сим-практоров (сотрудников) отцу Илариону. «Вы теперь делайте как хотите, а мы думаем о разделе», — ответил отец Иероним.

Из вышеприведенного повествования отца Макария мы знаем, что отец Иероним постоянно так молился: «О Мати Милосердия, соедини любовью два общества — русское и греческое», и в духовном завещании он поучал братию жить «в боголюбезном братолюбии разных племен». И во время «пантелеимоновского процесса» старец не настаивал на разделе с греками, хотя многие заставляли его действовать энергичнее. Он стремился узнать Божию волю и ее исполнить: «Наше желание есть одно: хотя и потерпеть далее, лишь бы исход или конец был добрый, сего да удостоит нас благодать Божия к славе единого Бога и во спасение душ наших»; «...мы в нашей молитве о сем намерении нашем просили Господа, что если Ему благоугодно наше желание раздела с греками, то дарует Он нам достигнуть сего, а если нет, то пусть будет по Его святой воле: проживем еще с греками, доколе это будет удобно для обоюдного нашего спасения»; «...нам, желающим исполнить в этом деле волю Божию, должно быть равно и то и другое, лишь бы то было по воле Божией, благоугодной и совершенной»¹.

В это время в Пантелеимоновом монастыре находился известный афонский подвижник Хаджи Георгий, который прожил там два месяца, всеусердно стараясь о примирении, но успеха не было. Тогда русские старцы попросили его помолиться Господу Богу с просьбой открыть, есть ли воля Божия, чтобы отделиться русским от греков. Старец Хаджи Георгий за послушание исполнил просьбу, помолился Господу Богу, и было откровение во сне: видел он, что посреди соборного храма святого великомученика Пантелеимона стоит эконоом монастыря, перед ним — большой чан соленых и маринованных маслин, которые тот раздает — одну чашку русским, а другую — грекам. Когда Хаджи Георгий рассказал это видение старшим из русской братии, то из этого все заключили, что на разделение русских с греками нет благословения Божия.

Действительно, дальнейшие события показали, что воля Божия состояла не в разделении братии во вражде, а в продолжении совместного жития в мире во славу Божию и на процветание обители.

Нужны были особенная помощь свыше, особенная опытность и власть духовная отца Иеронима, благоразумие и кротость отца

¹ Из писем к отцу Макарию от 10, 17 и 29 мая 1875 года.

Граф Н. П. Игнатьев (второй справа) с отцами Иеронимом и Макарием и германским и американским послами в Константинополе во время посещения Русской обители в 1874 г.

Макария, чтобы избежать совершенного разрыва греков с русскими и сохранить в целости их духовную связь в Пантелеимоновой обители. Ревнителям мира и братолюбия — отцам Иерониму и Макарию удалось этого достигнуть при помощи Божией, Царицы Небесной и святого великомученика Пантелеимона, Которым за них в это время усиленно молились и некоторые афонские пустынники, духовные друзья и чада старца Иеронима. «Некоторые безмолвники очень сочувствуют нам и особенно тебе. Благодать побуждает их плакать за нас, а это есть милость Божия к нам», — пишет старец отцу Макарию в Константинополь 19 апреля 1875 года.

«Отец Иероним рассказывал, что был у него один пустынник во время нашего процесса и рассказал о бывшем ему откровении от Господа, что все смущение в монастыре произошло за недостатки русских, но если они смирятся, то процесс окончится в их пользу.

Отец Иероним имел великие дарования от Господа, которые видны были по его великому смирению. Так, он однажды в церкви поклонился до пола, прося у братии прощения в какой-то ошибке. Он также сделал в церкви земной поклон послу Н. П. Игнатьеву, когда тот приехал в 1874 году на Афон во время бунта греков в монастыре, прося у него защиты. Поклонились ему (то есть Н. П. Игнатьеву) и все иеромонахи в ризах на молебне среди церкви.

По причине беспокойства в монастыре отец Иероним всячески утешал братию, чтобы не разошлись, делал кое-какие льготы и послабления им. До процесса же была большая строгость среди братии», — записал один из иноков, вспоминая то тяжелое время.

Во все время «пантелеимоновского процесса» русская братия молилась в своих церквах о даровании мира и тишины особыми нарочито на сей случай составленными прошениями и молитвой.

Вот эти прошения на великой ектении.

О еже благословити доброе намерение и дело рабов Твоих и благоизволити благополучно начати и спешно, кроме всякаго препятия, во славу Твою скончати, силою, действием благодатию Пресвятаго Духа, Господу помолимся.

О еже ко благому тщанию рабов Своих благоспешство, со всяким довольством, силою, действием и благодатию Пресвятаго Своего Духа подати, Господу помолимся.

О еже приставити делу сему Ангела-хранителя, еже невидимо отразити вся противныя вещи видимых и невидимых врагов, и во всем благоспешство и мудрость к совершению, силою, действием и благодатию Пресвятаго Своего Духа подати, Господу помолимся.

На сугубой ектении:

Во всем поспешествуй и всем во благое, Господи, милостивно и рабом Твоим, нам, ныне Тебе молящимся, поспешествуй, Спасе, и во благополучное совершение делу их спешно произвестися благослови, молим Ти ся, всемогий Владыко, услыши и помилуй.

Ангела Твоего хранителя постави делу сему, благоуветливе Господи, и еже воспятити вся препятия видимых и невидимых врагов, поспешство же во всем ко благополучному совершению, молим Ти ся, преблагий Спасе, услыши и помилуй.

Во славу Твою вся творити повелевый, Господи, рабом Твоим, благословением Твоим поспешство благополучное к совершению подаждь, молим Ти ся, даровитый Творче, услыши и помилуй.

По сугубой ектении возглас: *Паки и паки колена преклоньше, Господу помолимся и молитву сию, а в праздничные дни без коленопреклонения. Молитва:*

Господи, Иисусе Христе, Боже наш, прими недостойное моление наше в оставление грехов и беззаконий наших, имиже раздражихом Твое человеколюбие и прогневахом Твою благодать, и отврати от нас гнев Свой, праведно на ны движимый, и утоли вся нестроения ныне сущия, и подаждь мир, тишину, любовь же и утверждение рабом Твоим, ихже честною Твоею искупил еси кровию, славы ради имене Твоего, утверждения же и укрепления Церкви Твоея, да вси славим пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Дальнейшие события развивались так. 28 января отец духовник рано пошел к игумену, где собрались многие греческие братия, требовавшие избрания симпракторов. После многих совещаний были ими избраны трое: Григорий, Агафон и Агапий. «Что же симпракторы будут делать?» — спросил отец Иероним. Они так смутились, что не знали, что и отвечать, но, подумав, отвечали, что они должны входить во все дела обители. Духовник спросил: «В какие?» Они опять остановились, но потом отвечали: «Покупать, продавать и тому подобное». На это отец духовник сказал: «Пока я жив, не допущу распоряжаться этим предметом другим. Кошелек в моих руках, также и воля. Пожалуй, можете смотреть за порядком своего братства, но русского братства чтобы не касались. Можете заведовать принятием своих в обитель и перемещением на другие послушания, и чтобы постриг не производить ранее трех лет, а не так, как бывало у вас прежде: году не проходит — постригали».

29-го числа рано утром симпракторы пришли к отцу Иерониму и говорят: «Необходимо нам устранить келлиотов, нищих и посетителей в воскресные и праздничные дни». Отец духовник спросил: «Кто вас послал?» Они отвечали: «Мы поговорили между собою об этом и предложили отцу Илариону». Тогда отец духовник сказал: «Такого дела мы на себя не принимаем, потому что боимся за то гнева Божия, и без совещания со старцем я не соглашусь этого сделать». После этого отец духовник пошел к игумену и объяснил ему следующее: «Когда мы стали принимать бедняков и предлагать им на трапезе то же, что и нам Бог посылает, мы усматриваем уже несколько лет особенную от этого пользу и изобилие нам милостыни. Когда у нас погибли два судна, многим возвещено было, что попущено это не от чего иного, как от недостатка вспоможения бедным. Допустим, что между этими посетителями есть люди неблагонамеренные, но это много будет, когда мы положим единицу на десять, да если они и будут таковы, то мы за нравственность их не отвечаем». Тогда некоторые из возмутителей так заговорили: «И что же из этого будет доброго, если вы посторонних хотите учреждать и утешать, а мы смущаемся, скорбим и ропщем на вас, когда не проходит ни одного посещения без соблазнов от этих проходимцев. Они дозволяют себе и красть и стесняют нас в церкви, и в трапезе, и на всяком месте». Духовник на это сказал: «Как вы знаете, так и делайте, но я пред лицом Бога и геронды, по моему крайнему разумению, считаю это великим грехом, а потому не принимаю на себя за это ответственность и русских по-прежнему принимать буду, ибо некоторые из них связаны с нами духовно, а другие —

родством и знакомством, а с греками, болгарами и молдаванами как хотите, так и поступайте; повторяю при сем, что неприлично нам таковое уклонение от нищих и отказывать им мы сами не будем, а вы как хотите, так и делайте».

31-е. Иеросхимонах Гавриил и схимонах Филарет, сочувствуя русским, передавали, что многие неприятности происходят от духовника Саввы, и «если не удалите его, то обитель не успокоится».

1 февраля. Отец Иероним был у греческого архиерея Дионисия¹ и, разъяснив ему дело с греками, убеждал его переменить мнение и посоветовать отцу Савве удалиться из обители, что тот и обещал.

2 февраля по случаю праздника архиерей служил в греческом соборе. Перед обедом зашел отец Макарий в Пантелеимоновский собор, где нашел служащих в смущении, ибо во время Божественной Литургии игумен, приобщаясь, по старости лет не мог удержать святую Чашу, наполненную по неосторожности диакона доверху, и оплеснул. Благонамеренные приняли это за гнев Божий на возмутившихся, недоброжелатели же утверждали, что Бог наказывает игумена за сочувствие к русским.

3-е прошло без особенных приключений.

4-го архиерей, игумен и отец Иларион позвали к себе иеромонаха Савву и сказали, чтобы он удалился, тот, сделав вид, что согласен, попросил архиерея прочитать ему разрешительную молитву, по окончании которой вышел и первому попавшемуся сказал: «Меня высылают». Нужно было видеть неистовство приверженцев его! Они собрались к келлии игумена и начали упрекать его, зачем он не сдержал своего слова оставить духовника Савву до избрания нового духовника. И архиерею говорили: «Здесь входить в дела обители тебе не следует, а распоряжайся на своей квартире». Архиерей отвечал: «Меня просили об этом игумен, духовник и Иларион, и я обязан был исполнить их желание». Тогда, упрекнув геронду за несохранение слова, начали говорить невероятные дерзости. Накричавшись вдоволь, они разошлись. При этом Елевферий высказался уже публично, как выражался и прежде перед отцом Иларионом: «Что нам мешает выгнать русских? Что мы смотрим? Все их не хотят: турки, греки, патриархия, протат, весь Афон. Нам и камни помогут. Это земля греческая, а не русская или турецкая». И подобные тому безумные глаголы. Он говорил это при русских.

¹ «Первейшие из братий [греков] старались убеждать смущающихся чрез одного архиерея, который, хотя жил на Карее, считался нашим сокиноватом и содержание получал из монастыря, но, посещая монастырь, говорил от лица игумена, что их дело правое...» — пишет отец Мина.

В тот же день привратник-грек поссорился с русским привратником из-за нищих. Русский привратник высказался: «Что, вам жаль русских лир для раздачи нищим? Монастырь русский, и деньги русские». Когда же новые симпракторы пришли разобрать дело и помирить их, тогда греческий портарь до того дошел, что взял из келлии свой мягкий хлеб, бросил и сказал: «Не хочу его, я лучше буду есть вот этот сухарь, но свой, а не русский!» Это было человек при десяти, были при этом Анастасий, Анфим и прочие.

Во время вечерни отец духовник получил письменное приглашение на собрание, назначенное из семи греков и семи русских. По окончании вечерни собрались. Начал говорить отец Евгений: «Мы избрали симпракторов, теперь просим, чтобы они были утверждены на бумаге подписью игумена и печатью. Пусть будет как вас Бог просветит». На это отвечали отцы игумен и духовник: «Это невозможно, ибо мы не желаем подчиняться никому из вас». Тогда они сказали: «Мы не требуем сего». Отец духовник возразил: «А назад тому несколько дней вы приходили ко мне требовать устранения нищих. На вопрос мой, кто вас послал, вы отвечали: “Мы, поговоривши с отцом Иларионом, сами требуем”, а у игумена не взяли благословения на это требование, допустить которое мы считаем грехом и боимся за то наказания Божия». Тогда греки начали порицать нищих и заключили, что они «из-за них получают более вреда, нежели спасения». После пересудов покончили тем, чтобы одних русских пускать, а недопущение бедных других национальностей пусть останется на ответственности греков. После сего возобновили прошение о письменном утверждении симпракторов и долго об этом просили, но им отвечали как и прежде, что невозможно допустить сего. Затем просили поставить греков на должности в лес и прочие места. Отец духовник сказал: «Чего вы еще добиваетесь? Все первые должности в руках ваших, но и этого вам мало — желаете во всем и малом первенствовать». Тогда объявили они, что рубка леса приостанавливается, и, когда спросили почему, они, не обинуясь, сказали: «Вы объявили о разделе, который если состоится, то нам не с чем будет остаться, кроме леса. Мы должны будем им жить». Затем предложили сменить русского портаря, на что последовало согласие. (Если русские замечали, что русские отцы, состоя в должностях, впадали в какие-нибудь ошибки, то старались везде устранять таковых, чтобы не подавать повода к большему замешательству, ибо и слова какого-нибудь неопытного всегда находили у греков пищу к разглагольствованию в больших размерах). Наконец, начали снова говорить о выдаче документа новым симпракторам, но отец

духовник сказал: «Ведь вы сами выразились при начале нашего с вами заседания, что как нас Бог просветит, так и получите. Вот Бог просветил отца нашего игумена сказать вам, что это сделать невозможно». Заговорили было о том же и многие, но уже время было заканчивать. Когда братия расходились, греки оставили отца Макария и много говорили с ним, отстаивая свои права.

5-го греческий монах Иосиф явился к отцу духовнику для принятия надзора за лесом и спросил отца Иеронима: «Вы назначаете мне послушание смотреть за лесом?» Отец духовник ответил: «Не мы, а братство, как выражаются ваши возмутители общественного порядка». На это Иосиф сказал: «Если так, то я не пойду». Духовник говорит ему: «Нужно идти, потому что об этом вчера говорено было в общем собрании. При сем говорю тебе для сведения, что Евгений, Анастасий и Елевферий за возмущение братства потерпят непременно от святого великомученика Пантелеимона изгнание». Так как при этом был и эконоом Серафим, то он тотчас постарался передать это трем поименованным лицам.

На другой день, 6-го числа, Евгений, Анастасий и Елевферий заявили перед герондой: «Пусть нам даст на бумаге духовник свидетельство, чем мы возмутили киновию». При этом старались уверить игумена в неправильности действий русских и добавили, что это свидетельство они потребуют через суд.

7-го числа к русским был приглашен иеромонах Савва. Когда отец Иероним говорил ему, что хотя волнения произошли от его неопытности, но все-таки он может, если хочет, возратить общество на прежний путь, то отец Савва заявил, что ему русские обязаны за отвращение заговора в июне 1873 года, и старался уверить всех в своем расположении к русским.

Дальнейшие действия симпракторов клонились вследствие овладевшего ими племенного пристрастия к совершенному устранению русских от монастырского правления. Получив отказ в письменном утверждении присвоенных ими себе прав, «самоуправные представители» по совету архиерея Дионисия потребовали, чтобы монастырская печать, хранившаяся до тех пор у отца игумена или его ближайшего помощника — отца Илариона, хранилась у них в ящике, один ключ от которого чтобы находился у прежних лиц, другой — у них, а третий — у отца Иеронима, хотя злоупотребления печатью до сих пор не было.

Симпракторы, однако, не остановились на отобрании печати — они потребовали еще монастырские документы и хрисовулы (царские грамоты) у заведовавшего архивом русского монаха Азария, который

приводил их в порядок и составлял для них каталог. Когда предложение русских — дескать, безопаснее хранить требуемые документы в новом, недавно выстроенном здании греческой и русской библиотек, чем в ризнице, куда часто ходят монахи со свечой, — не было принято во внимание, то они уступили грекам, но под условием, что документы будут храниться в нестораемом ящике, запертом двумя ключами, из которых один будет находиться у греков, а другой — у русских. Но это условие не было исполнено симпракторами, они не дали даже расписки русским в получении от них документов. Передача документов совершилась 25 февраля.

Наконец, симпракторы стали требовать, чтобы им отданы были все деньги, которые хранятся у русских, воспретив последним всякий вход к старцу-игумену, а также распространяли против русских клеветы и темные, тревожные слухи о высылке их с Афона. Для успокоения по недостатку терпения и упования на Бога малодушествующих братий и на случай возможных перемен поручено было отцу Арсению, находившемуся тогда при московской часовне, начать дело по устройению Ново-Афонского монастыря на Кавказе.

Повстанцы всеми силами старались склонить на свою сторону старших и наиболее благоговейных братий, потому что к ним имели доверие остальные, что им часто и удавалось. С греками, поддерживавшими русских, повстанцы жестоко расправлялись. Так, иеросхидиакон Феодосий, грек, во время вечерни читая девятый час, был оторван возмутителями от чтения, вытащен в коридор и избит.

Отец Иларион также оставался неизменным по отношению к русским. На упрек ему своей братии: «Напрасно ты вверяешься русским, ибо, во-первых, они обманут тебя, во-вторых, они схизматики» — он отвечал: «Я с герондою приглашал русских в обитель и, кроме добра, от них доселе ничего не видел, а когда мы бедствовали без них, ужели не помните, как я объезжал по несколько монастырей, чтобы добыть где-нибудь 1000 левов (100 рублей), но и в этой сумме отказывали? Благоговения же у русских, по многолетнему замечанию моему, несравненно более, чем у наших братий-греков, да ведь мы же и дети одного отца — следовательно, нам должно всегда питать к ним чувство уважения и любви».

Особенно тяжелым было в это время положение отца Макария, как он и предвидел при своем назначении в наместники. Припомнив, что дед его был раскольников, всюду на Афоне распространяли о нем слух, что он липован или молоканин и совсем не крещен.

Убедившись, что мир в обители не может водвориться мерами кротости, снисхождений и всевозможными уступками, русские

решили прибегнуть за помощью к авторитетным властям. Было решено отправить отца Макария в Константинополь, к русскому послу графу Н. П. Игнатьеву, дабы он принял зависящие от него меры защиты русских, на что было испрошено благословение игумена.

Греки собрались к игумену, вынудили его взять обратно данное им отцу Макарию благословение на отъезд в Царьград и решили так: не объявляя этого русским, поставить стражей и, когда отец Макарий отправится на пароход, позвать его к геронде, где они уже собрались. И, когда показался пароход, они поставили стражей за малой портой по обеим сторонам дороги, одного в великой порте, а Серафим, эконо́м, дожидался на пристани. Отец Макарий, ничего не зная об их замысле, во время утрени отправился на пристань в сопровождении нескольких старших братий. Чуть рассветало. В порте брали благословение портари, а грек как бы ослеп. Так же на берегу: все простились, взяли благословение, и, как садился отец Макарий в баркас, Серафим смотрел, но не видел. Когда пароход дал свисток, тут греки спохватились, пришли в Покровский собор и спрашивают: «Где папас Макарий?» Им отвечают, что уже на пароходе. Они верить не хотели, искали в Покровском соборе, в келлии, в архондариках, и едва их могли уверить, что отец Макарий уже в пути.

В то же время русские обратились в афонский протат, чтобы он принял меры по примирению враждующих. Протат немедленно отправил в Свято-Пантелеимонов монастырь увещательную грамоту, но, когда она не возымела желанного действия к успокоению взволнованных умов, решил составить шестичленную комиссию епитропов, которая по всестороннему исследованию причин этих беспорядков должна была «прекратить возникшие несогласия и водворить снова вожде́ленный мир и тишину в священном сем общежитии». Комиссия явилась в Пантелеимонов монастырь 21 марта 1874 года и, увидев, что одним простым убеждением в данном случае дела не поправишь, ввиду наступления праздника Пасхи удалась из монастыря ни с чем. После праздников, 23 апреля, была послана протатом девятичленная комиссия с таким же поручением, что и прежде. Обе эти комиссии держали себя чрезвычайно странно, чтобы не сказать прямо враждебно по отношению к русским монахам и «приходили в монастырь не для того, чтобы посредством нелицеприятного расспроса и расследования составить правильное и справедливое мнение о существующей распре», как замечает Любитель истины, а чтобы «приладить решение, предварительно начертанное и поставленное, основывающееся на племенном раз-

личении и презрении очевидных прав русских монахов и имеющее целью совершенное их порабощение»¹.

Так, на самом первом заседании шестичленной комиссии уже был поднят вопрос о том, чтобы отец Иларион, как сторонник русских, был выведен из заседания собрания епитропов. Только заступничество отца Герасима помешало епитропам привести в осуществление свое несправедливое намерение. После того как были окончены приготовления к заседаниям, избраны депутаты, по восемь человек с каждой стороны, и объявлен краткий перерыв, посланники протата не остались в нейтральной комнате — архондарике, как это следовало сделать, а удалились на греческую половину и там имели с греками продолжительное совещание при закрытых дверях. Это поведение судей не понравилось русским, и они выразили желание переговорить с игуменом Герасимом, но им в этом наотрез отказали. На вечернем заседании того же дня постановлено было, чтобы уполномоченные русских и греков письменно изложили свои требования и представили их к утреннему заседанию следующего дня. Однако когда 22-го числа утром русские уполномоченные представили свои требования, то епитропы протата объявили им, что они не намерены делать полное расследование, что они лишь донесут обо всем, что они видели в монастыре, протату, который уже примет зависящие от него меры к успокоению недовольных.

Девятичленная комиссия, открывшая свои заседания с 23 апреля и занимавшаяся расследованием всех поводов к спорам с начала 1857 года, действовала не так, как того требовали находящиеся в ее руках доказательства, а сообразно с теми указаниями, которые получила заранее из Карей от протата. Высшую степень несправедливости и пристрастия по отношению к русским эта комиссия проявила при составлении нового устава совместной жизни греков с русскими в Пантелеимоновом монастыре. Постановление в 22 главах, обнимающее все управление монастырем, ниспровергло издревле господствовавший в нем порядок и вводило противный афонскому монашескому и всей Православной Церкви духу филетизм (племенное пристрастие). Это видно из следующих его главных пунктов: 1) монастырь был, есть и всегда будет греческим; 2) игумен его, как издревле, всегда будет из греков; 3) русским дозволяется ради языка иметь своего духовника, который определяется и увольняется игуменом, только для чисто духовного руководства; 4) число русских братьев в нем впредь всегда будет на одну треть меньше всего коли-

¹ По поводу вопроса об Афонском монастыре святого Пантелеимона: Статьи Любителя истины. СПб., 1875. С. 59.

чества греческой братии; 5) казна должна быть общей, в которую должно быть сложено все доселе находящееся в руках русских братий и что будет приобретено; 6) в Старом Русике, составляющем неотчужденную собственность нового монастыря, воздвигаемый священный храм должен быть приведен к окончанию, а существующие в нем теперь жилые помещения должны оставаться как есть, строить же какое-либо новое здание, великое или малое, не допускается. Последнее постановление сделано в противодействие намерению русских отделиться от греков в Старый Русик на независимое от них жительство, вследствие чего постройка собора русскими в Старом Русике была прекращена до более благоприятного времени.

Указанное постановление, подписанное протатом, предложено было на рассмотрение и замечание обоих братств в продолжение 24 часов. Греки, конечно, приняли его с восторгом, а русские подали объяснение своему отказу, который, однако, не был принят уполномоченными, оставившими монастырь без обычного монашеского прощания с русскими. Тогда русские делегаты отправились на Карею. Отцы киота молча выслушали и также не приняли возражений.

Русское братство Пантелеимонова монастыря ясно увидело теперь, что на Афоне оно не найдет правды и удовлетворения своим законным требованиям, а потому решилось спор с греками перенести на суд Великой Церкви. С этой целью оно избрало из своей среды более способных делегатов, снабдило их нужными бумагами и необходимыми полномочиями и отправило в Константинополь к отцу Макарию, чтобы изложить суть дела перед патриархом Иоакимом II и собором клириков и мирян.

Греческая братия Пантелеимонова монастыря сделала то же самое — со своей стороны послала делегатов в Константинополь.

Таким образом, борьба русских с греками в течение года, с мая 1874 по май 1875 года, продолжалась в Константинополе — в патриархии, на заседаниях священного синода и смешанного совета при Вселенском патриархе (члены которого, по крайней мере некоторая часть его, относились к русским афонским инокам весьма враждебно), в русском посольстве, на подворье Пантелеимонова монастыря в Галате и на страницах константинопольских газет, через которые отголоски ее проникали в местное общество, живо интересовавшееся этой борьбой и с напряжением ожидавшее ее исхода. О трудности положения русских афонских иноков в то время, с одной стороны, и горячем участии графа Н. П. Игнатьева — с другой, сообщает монах Пантелеимон, присутствовавший в Константинополе во время «греко-русского процесса».

«Март, апрель и май [1874 года] прошли в самом беспокойном состоянии... — пишет отец Пантелеимон. — Решение протата было столь пристрастно к национальности и так несправедливо, что русские должны были войти в протест и подать жалобу святейшему патриарху, вследствие чего в конце мая приехал сюда (то есть в Константинополь) наш архимандрит отец Макарий, а в начале июня — отец Азарий и я с некоторыми братьями. Дело наше, пустое само по себе, приняло весьма обширные размеры, так что в конце концов оказалось, что мы имеем дело не с протатом только, но и с синодом патриархата, даже с целою нацією, возбужденною до крайнего ожесточения газетным громом в течение последних пяти-шести лет. Желание наше разделить с греками — им уступить приморский Русик, а себе отстроить нагорный или наоборот — представило вопрос весьма трудный и почти неудобоисполнимый, а потому дело наше более месяца было совершенно без движения и только во второй едва-едва было рассмотрено. При рассмотрении происходили довольно жаркие прения, доходившие до разделения мнений, и бомбардировка была серьезная. Наконец, после разногласий в собрании и доказательств, представленных с нашей стороны, члены синода и смешанной комиссии (из мирских членов, имеющих право не согласиться и не принять патриаршее решение) пришли к заключению, что русским нельзя отказать иметь монастырь на Афоне. Оставалось только проверить акты, на кои ссылались мы в прошении, есть ли они и какие именно, но в это время подвернулось иерусалимское дело (о возбуждении арабов кем-то из служащих в русском агентстве в Акре), которое было принято здесь горячо, и в соединении с нашим представило страшное по обаянию всей греческой нации слово “филетизм” и отодвинуло наше дело на неопределенное время с опасностью принять противоположный оборот. Если бы не искреннее участие русского посла, столь для нас неоценимо благодетельное, то не только бы просьба наша и все, хотя и фактические, доказательства не имели бы никакого значения и остались бы без удовлетворения, но греки выгнали бы нас с Афона, в чем и состояла главная задача всех притеснений и обид, сделанных ими русским. Замысел этот у них давний, и план притеснений русских на Афоне составлен был еще в прошлый год здесь комиссиею, отчего наши греки (то есть пантелеимоновцы) и члены протата и действовали так смело»¹.

¹ Письмо в Киев к профессору Ф. А. Терновскому от 26 августа 1875 года.

Отец Иероним отправил в Константинополь письмо на имя святейшего патриарха и священного синода, в котором описал сложившуюся в монастыре обстановку.

«Всесвятейший Владыка! Священный и честнейший Синод!

Канонизм, составленный священным протатом Святой Афонской Горы для нашей священной Русской киновии и не принятый нами, вследствие прошения нашего к Великой Христовой Церкви и Вашим всечестнейшим и божественным Всесвятейшеством вместе с Вашим священным Синодом и смешанным советом отвергнут как несправедливый и несообразный; часть же отцов греков, разошедшаяся вследствие вражды с нами, русскими, и признающая нас за чужих, увлекши на свою сторону и престарелого старца нашего и кафигумена нашей киновии, приняла упомянутый канонизм. С тех пор часть эта действует по своей воле без ведения нас, русских, во всех внешних делах, относящихся вообще к священной нашей киновии, и принимает (как монастырская власть) от священного здешнего протата, других властей и особых лиц различные присылаемые бумаги, приказы, извещения и письма, на которые делает ответы, припечатывая оные новою переделанною печатью, ни о чем этом не объявляя нам.

Упомянутые же братия, несмотря на то что самовольно устранили нас от наших прав и признают нас за чужих, не престают вместе с тем требовать от нас средств, необходимых для их содержания и для поддержки занимаемых ими священными зданиями и заведений этой киновии. Не принимают же в расчет, что из России все решительно получаем мы, как всем известно, от родителей наших и родственников и из милостыни, присылаемой нам лично нашими друзьями и милостынелюбцами-россиянами. Но ныне по причине возникшего, к несчастью, между нами и собратиями нашими греками разногласия пособия эти и приношения до такой степени уменьшились и ограничились, что мы вынуждены хранить их в особом месте из опасения, чтобы самим нам, незадолго еще пред сим щедро рукою благотворившим всем требовавшим помощи, не потерпеть бы недостатка в безусловно необходимых съестных припасах и не понести бы неожиданно стеснений.

Но хуже всего, что, несмотря на то что все большею частию доставляется из России, а прочее приобретает нами же и также на русские деньги, мы уничижаемся сказанными братиями-греками, как бы питаемые их помощью, и бываем вынуждены вкушать разделяемое не поровну и предлагаемое греком, от чего происходят жалобы и неудовольствия. К тому же мы терпим множество

несправедливых нападков и притеснений, которые доселе мы переносили с терпением, не допуская себя до жалоб на них, но происшедшие, собственно, в конце прошлого года случаи и послужившие как бы венцом наших страданий и оскорблений, как, например: недавно заболел повар-грек и должен был замениться, по существующему обычаю, товарищем своим, поваром-русским, однако собратия наши греки воспротивились сему и, чтобы не допустить повара-русского, поспешили в тот же день возвратить этого больного на его место; еще 31 декабря прошедшего года один грек, прислуживающий в трапезной, бросился с ножом на русского трапезаря, служащего там мирно уже девять лет, и хотел его заколоть — эти случаи, говорим, вынудили уже нас волею и неволею объявить о сем каймакаму¹ святой этой Афонской Горы, дабы не случилось и не было бы учинено самим делом над кем-либо из братьев русских что-либо и худшее этого покушения на убийство.

Такое недостойное извинения поведение сказанного брата-грека по справедливости привело нас в ужас. Мы страшимся, чтобы от раздражения не произошло бы какого-либо несчастья от долговременных неприличий греческого братства, совершенно напрасно оскорблявшего нас непристойными выражениями, и тогда произойдет общее нареkanie на монашеское звание, будем осуждаемы и мы во всем православном мире — и здесь, и в православной России, из которой мы получаем решительно все. При сем, опасаясь, чтобы дальнейшая наша снисходительность не послужила бы поводом к малейшему упреку нам, мы вынужденными нашлись удалиться от общей трапезы и собедничества с собратиями нашими греками в особенную трапезную, предоставив им свободу в настоящем состоянии нашей киновии распоряжаться определенными послушаниями как хотят, а по израсходовании находящегося в общей келарне (складе) заботиться о нужных для них съестных припасах и прочих их нуждах, как и мы сами для себя.

При сем почтительнейше повергаем Вашему божественному Всевышнейшему и состоящему при Вас священному Синоду, что так как упомянутые собратия наши делают все против воли и мнения нас, имеющих право владения над этою киновиею со всеми ее принадлежностями на основании официальных грамот, то таковые действия их, совершаемые без соучастия нашего, как противозаконные, мы совершенно не признаем, и отрицаем, и просим считать нас не подлежащими за оные ответственности.

¹ Нечто вроде русского станового пристава. — *Примеч. сост.*

Итак, всепокорнейше умоляем богохранимое и всечестнейшее покланяемое Всесвятейшество и состоящий при Вас священный Синод благоволить поспешить воздаянием справедливости и издать окончательное патриаршее и синодальное Ваше решение, чтобы мы, освободившись от несчастных приключений и совершая в несмущенном духе воспринятые нами монашеские обязанности, молились Спасителю нашему о Вашем долгоденствии и славе! При сем остаемся, испрашивая Ваших всесвятейших молитв и благословения, Вашего божественного и покланяемого Всесвятейшества и состоящего при Вас священного и честнейшего Синода, чада духовные и слуги.

Духовник Иероним. (Следуют подписи русских братьев.)

Святая Гора Афонская. Русик. 1875 года, января 23-го дня».

Вселенский патриарх Иоаким II любил русское братство нашего монастыря и часто защищал его перед турецким султаном, чем вызывал удивление последнего. Имея проницательный ум и твердый характер, он с достоинством нес свое служение, как первосвященник Церкви и народный представитель. За правдивость, настойчивость в правом деле его уважало даже турецкое правительство, питало к нему доверие, и многие высокопоставленные лица поддерживали его. Султан Гамид неоднократно устаивал патриарха беседы, говоря: «Я тебя, старец, люблю и уважаю и позволяю тебе в твоих нуждах приезжать ко мне без всякого доклада». В одну из таких бесед во время русско-турецкой войны патриарх сумел оправдать русских, живущих на Афоне, представив их с самой светлой стороны, и убедил султана, что отвечает собой за русское общество, и на вопрос, почему он так защищает русских, отвечал, что знает религиозные убеждения этого общества, что они не ищут ничего, кроме своей цели, за которой пришли, — спасения души. Он говорил, что в процессе с греками справедливость на стороне русских, но клеветники, желая изгнать или притеснить, пытаются очернить их, якобы они имеют оружие и принадлежат к славянским комитетам, что будто бы они завладели греческим монастырем, а он, патриарх, содействовал им, чего никогда не бывало. И ему пришлось много пострадать от своего народа, но, следуя закону совести, он не отступил, хотя и подвергался свержению с престола.

На комиссию, составленную для раздела русских с греками, смотрел неблагоприятно. Желание его было выбрать нового игумена без удаления старого. К отцу Макарию всегда был ласков и, видя того являющимся к нему скорбным, утешал, говоря: «Не спеши делом, одно только может повредить вашему делу, если турецкое

правительство повелит его вести другим путем, нежели тем, которым веду его я». И особенно часто удостаивал своей беседы отца Азария, хорошо знавшего греческий язык.

В то время как русские делегаты направляли все усилия, чтобы отстоять свои права на монастырь и на место себе среди святогорских насельников других национальностей, пользуясь сильной поддержкой со стороны могущественного в ту пору в Константинополе графа Н. П. Игнатьева, в обители святого Пантелеимона случилось событие скорбное, но по воле Божией способствовавшее завершению «греко-русского процесса». Утомленный последними искушениями, умер 10 мая 1875 года на 103-м году жизни игумен Герасим. С глубокой сыновней скорбью о почившем старце известил отец Иероним отца Макария о его кончине и при этом заметил, что греки «кажется, не желали, чтобы русские пред герондовой смертью посещали его, а иначе они известили бы нас о том. Когда уже началась его агония, с 3 часов до 9-го, они и не вспомнили известить нас о том, да, верно, и не известили б. Но Бог внушил отставному епитропу Агафону, который секретно сказал нашему портарю отцу Ананию, что геронда умирает: “Иди и скажи русским, чтобы поспешили проститься с герондой”. А то бы мы так и остались, не выдавши его кончины и не облобызав пред смертью святой старческой его десницы, что многим из нас причинило бы великую скорбь»¹.

До избрания нового игумена всеми делами правила составленная смешанная епитропия из греков и русских. Со стороны греков был избран иеросхидиакон Иларион, а со стороны русских — духовник Иероним и эконо́м иеросхимонах Павел.

Отец Иероним созвал всю русскую братию в архондарик и торжественно объявил, что по обычаю афонских монастырей по смерти игумена, совершив поминовение девятого дня, в десятый избирают ему преемника: «Следуя сему обычаю, назначаем 20 мая подписываться на избрание во игумена избранного и назначенного покойным герондой архимандрита Макария». На другой день в Покровском соборе открыта была подписка, и подписывались целый день. Подписывались все русские, бывшие в наличности, подписались 406 человек. Приглашали и греков, но получили отказ. Несколько человек все же пришли к отцу Иерониму и испросили благословения подписаться на избрание. Во главе их были иеросхимонах Алексий (впоследствии уехавший в Иерусалим) и схимонах Агафон. Греки подписались немногие, но между ними были и участвовавшие

¹ Письмо в Константинополь от 10 мая 1875 года.

в возмущении. Подписавшихся прочие греки выгнали, и те переселились в русский корпус, им отведен был Введенский параклис, где отец Алексей совершал Божественную Литургию.

Быстрое и единогласное избрание отца Макария расстроило последние планы мятежников, ибо они уже пустили слух, что русские разделились на три партии и что из-за их, русских, медлительности они вынуждены будут избрать своего игумена. Но ожидаемого замедления в действиях русских не было.

Со стороны некоторых греков были возгласы, что будут отстаивать монастырь до последнего, чтобы он остался греческим хоть и для трех человек, если даже и средств к существованию не будет, только чтобы не достался русским. Другие же согласны были жить с русскими, имея свою епитропию, равноправную с игуменом, третьи согласны жить, но только чтобы русские кормили и дали на то бумагу. Четвертые желали выйти из обители. Но предводители теперь, когда уяснилось, что монастырь принадлежит русским, желали раздела, о котором они прежде и слышать не хотели, и чтобы русские оставили им монастырь, а сами ушли в Старый Русик.

Мирный исход дела показал, что смута в обители была навязана извне настроениями афонского и большинства греческого общества, возбуждаемого и поддерживаемого какими-нибудь тремя вожаками внутри обители, с отстранением которых от управления оба братства сразу пришли в единомыслие по делу, прежде так волновавшему.

Вселенский патриарх Иоаким II, извещенный об избрании отца Макария игуменом, желая успокоить взволнованные периодической печатью умы и отклонить от себя всякие нарекания, а факт избрания отца Макария поставить вне всякого подозрения, сразу не утвердил это избрание, а предложил сделать переголосование в присутствии нарочно посланных им двух архиереев и двух уполномоченных кинотом Святой Горы.

«А чтобы законно и канонически решенное, надлежащую заботливостию и начальственным правом святой Церкви Христовой поставленное и определенное и самим делом исполнилось, так как в последнее время преставился ко Господу бывший игумен священной сей обители Герасим, мы, — писал Вселенский патриарх в сигиллионе (грамоте) от 24 сентября 1875 года, подтверждающем избрание архимандрита Макария в игумены Русского монастыря, — постановили послать экзархами священнейших митрополитов Никейского кира Иоанникия и Деркийского кира Иоакима, чтобы они, отправившись в сказанную священную обитель, вместе с тем как объявят всем неизменное решение Церкви для прекращения соблазнов и смут,

вселяя согласие и мир приличными советами и увещаниями, пригласили в то же время всех отцов обители к прямодушному и беспристрастному избранию игумена под наблюдением тех самых экзархов и в присутствии двух уполномоченных советом Святой Горы».

11 июля избранные экзархи отправились на Афон, а 20-го числа того же месяца, после того как прибыли в Пантелеимонов монастырь два уполномоченных представителя от кинота и когда при помощи каймакама были удалены из монастыря четыре главных подстрекателя из греков, в русском Покровском соборе было приступлено к переголосованию. Под наблюдением экзархов каждый инок Русского Пантелеимонова монастыря без различия национальности должен был подать свой голос за кандидата на игуменство. Подача голоса заключалась в подписи своего имени под актом избрания в игумены отца архимандрита Макария.

И вторичное голосование, прошедшее весьма тихо, пришло к такому же единодушному избранию отца Макария. Под актом подписались 415 человека, а греков подписалось еще больше, чем прежде, в том числе отец Гавриил, духовник, и отец Поликарп, ризничий, молчавший доселе, опасаясь, как бы греки не отняли ключ от ризницы и не опустошили ее. С противной стороны оказались 112 человек, из них 25 вскоре «преклонили свои главы».

«Когда все так в порядке и законно было сделано, — читаем в патриаршем сигиллионе, — поелику великим большинством голосов преподобнейших отцов избран канонический игумен, преподобнейший иеромонах и архимандрит кир Макарий, муж разумный и добродетельный, постриженец и член сей священной обители, которого общим прошением и представили нам как достойного и способного управлять богоугодно тою священной обителию, усердно вымаливая и от нашей Церкви Христовой признания и подтверждения постановления и игуменства его нашею патриаршею и синодальною сигиллиодною на пергамене грамотою, то мы письменно определяем соборне с находящимися тут священнейшими архиереями и пречестными во Святом Духе возлюбленными нашими братьями и сослужителями, чтобы в силу вышеизложенного общего решения священного Синода и достопочтенного народного совета о пребывании и совместном в любви жительствовании всех отцов, подвижающихся в сказанном священном общежитии святого Пантелеимона, без какого бы то ни было привилегированного или племенного различения и о пользовании всех их без исключения равными правами, — решения, имеющего значение и силу неизбежную и неизменную во всякое время, как основанного на священных канонах

и отеческих законоположениях, согласного и сходного с издревле установленными порядками, определениями и уставами всех священных общежитий, избранный теперь большинством голосов в игумена священной сей обители и канонически имеющий поручительство за себя и в непорочном жительствовании свидетельствуемый преподобнейший архимандрит кир Макарий был, и назывался, и всеми признавался игуменом и начальником общежития (киновиархом) помянутой нашей патриаршей и ставропигиальной обители святого Пантелеимона, называемой Русик, и до конца своей жизни держал игуменство в ней по правилам и установлениям общежитий. А его преподобие обязан, как преимуществ пред всеми братьями, наблюдать и возбуждать всех к добродетели и общежительное их пребывание соблюдать в точности по древним уставам для избирающих общежительную жизнь, себя первого представляя примером добродетели и жития непорочного, иметь попечение и заботиться о пользе и выгодах священной сей обители, усердно хлопотать о содержании и нуждах ее и с рассуждением домоправительствовать, пользуясь без всякого племенного различия и советами мужей опытнейших и превосходящих других смыслом и возрастом и с ними обсуждать дела, потому что *спасение есть во мнозе совете* (Притч. 11, 14), по Приточнику. А все братья в общежитии должны повиноваться и подчиняться этому каноническому игумену своему и внимать его предложениям и увещаниям, никто вообще не противясь и не противореча, но исполняя все то, что бы ни было повелено от него. А кто не захочет повиноваться, тот после первого и второго вразумления, по слову апостола, да будет изгнан им, чтобы и других не заражал (см.: 1 Кор. 5, 6, 13). Все же теперь уже подвигающиеся братья и имеющие впоследствии поступить из священной любви к общежительному пребыванию должны иметь все общее, имея каждый равные права и питаясь одинаково, кроме если кому по немощи телесной или другой какой неизбежной причине встретится препятствие употреблять одинаковую с другими братьями пищу, по рассуждению и испытанию о нем игумена, имеющего право устроить каждого по немощи его, нисколько поэтому не подлежа епитимии ни сам, ни те, о коих он устрояет так. А прежде всего должны жить в согласии и духовной любви, имея по Богу братолюбное расположение, как бы одна душа, обитающая во многих телах, и совокупно заботясь о месте своего покаяния, поступая каждый так, как повелевает игумен. А кто и кто бы то ни был из всех, освященный или мирян (белец), одолеваемый грубостью или высокомерием, дерзнет когда-нибудь тайно или явно, непосредственно или посредственно, словами или

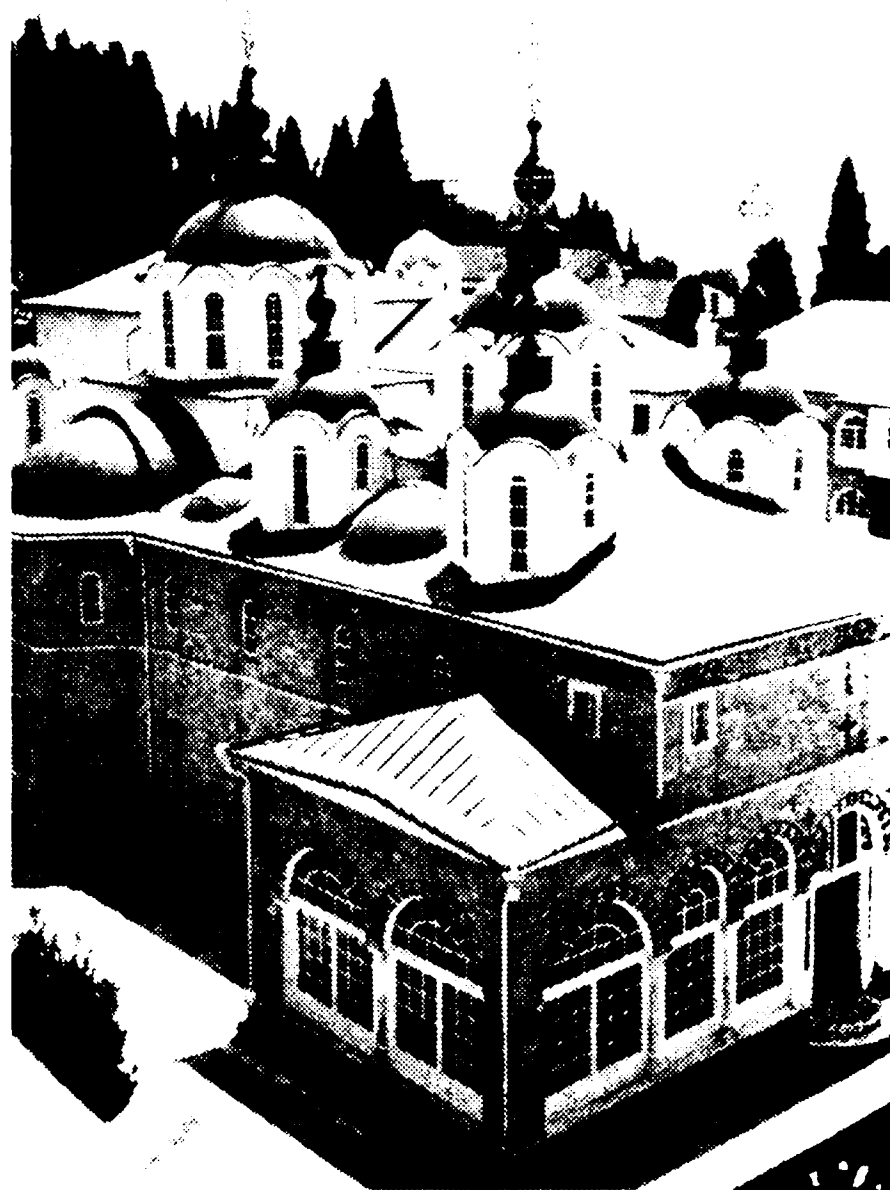
поступками внести смуту, неравенство и нестроение в общежительный порядок и строй священной сей обители или в противность канонам захочет возбудить желания племенного различения и привилегированного положения, полагать препятствие равному для всех подвижающихся отцов пользованию правами и обособлять что-нибудь из принадлежащего общему братству или каким бы то ни было образом нанести беспокойство и вред священному сему общежитию и находящимся в нем теперь или впоследствии имеющим жить отцам и вообще захочет извратить хотя бы в самом малом синодально определенное в настоящей грамоте, таковой, какого бы сана и степени ни был, да будет отлучен от Святой Животворящей и Неразделимой Блаженной Троицы, Единого естеством Бога, и проклят, и не прощен, и повинен всем клятвам отеческим и соборным».

Таким образом, патриаршая грамота свидетельствовала о полной законности произведенных выборов.

Но, несмотря на все это, остались недовольные произведенными выборами, в том числе шесть членов протата, которые решили, что уполномоченные от протата якобы «не сообразовались с данными им наставлениями». Недовольные написали протест в весьма сильных выражениях и отправили его к патриарху, который, однако, не придавал ему никакого значения, сделав протестовавшим отеческое замечание. Некоторые из греческой братии, не примирившиеся с фактом состоявшегося избрания, продолжали возмущаться против нового порядка жизни в монастыре.

«Когда потребовались ключи от соборного храма великомученика Пантелеимона, — рассказывает один из братии, — то возмутители беспорядков, во главе коих были Евгений и Анастасий, их не давали, а ектисиарх Иоанн на церковной двери приклеил портрет султана и поставил флаг и на боковых дверях приклеил два портрета и украсил их цветами. Бывший тут турецкий чиновник

*Пантелеимоновский собор
Русского монастыря*

снял флаг, как не личную принадлежность человека, говоря, что подданство и повиновение правительству не в том состоит, чтобы выкидывать флаги и выставлять портреты, но в исполнении воли его, и велел снять портреты, а ключи они все-таки не отдавали. Это было в первых числах сентября, а закрыт храм был с 1 сентября, когда, по обычаю афонскому, в нем было совершено водосвятие.

Потом храм все же открыли и 7 сентября совершали там богослужение. Когда после Литургии братия вкушали антидор и открыли чашу со святой водой для запивки, то увидели в ней кишачих красных червей длиной с палец. Все были поражены ужасом и заключили, что это есть гнев святого угодника Божия великомученика Пантелеимона за возмущение и за то, что вместо креста на двери храма приклеивали почитателя луны. Так Господь, являя чудеса Свои, обличает неправые дела людей».

Этот факт наглядным образом показал русским инокам, что огонь вражды греков к ним еще не потух, и посему, чтобы раз и навсегда удалить зло из среды своей, они предложили недовольным оставить Пантелеимонов монастырь и искать себе пристанища в другом месте. По распоряжению патриарха и при помощи каймакама главных возмутителей удалили из монастыря (о чем предсказывал отец Иероним), взяв с них подписку, что они с монастырем ничего общего не имеют, и снабдив необходимым материальным обеспечением. Сами вышли из монастыря 20 человек и 11 были высланы.

Обитель готовилась к встрече нового игумена.

Отец Макарий, 24 сентября возвратившийся из Царьграда, был торжественно встречен единодушной братией Русской обители. 26 сентября во время Божественной Литургии, совершенной Никейским митрополитом Иоанникием в присутствии десяти членов протата, отец Макарий получил знаки игуменского достоинства: патерицу, или игуменский жезл, и архиерейскую мантию с источниками — и был возведен на игуменский трон. «Сознаю, — говорил взволнованным голосом новый игумен своей братии, — что не по силам моим возлагается сей голгофский крест на мою выю, но, помня, что сила Божия в немощах совершается, я, грешнейший, движимый взаимною любовью и убеждаемый обстоятельствами времени, а вместе и призываемый на сие высокое служение высокопоставленными лицами двух национальностей, решаюсь, призвав в помощь Господа, заступление Царицы неба и земли и представительство святого великомученика и целителя Пантелеимона, принять возлагаемое на меня послушание по желанию и великих адамантов терпения — старцев наших Иеронима и Илариона — и вашему, зная,

*Игумен Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря
схиархимандрит Макарий. Вторая половина 1870-х годов*

что на это была воля и в Бозе почившего старца нашего отца игумена Герасима. Не будем обвинять кого-либо, кроме своих недостатков, а будем лучше благодарить Господа, что мы — чада Божией любви, а не гнева, что Он, Милосердый, по благодати Своей благоволил нам узреть Его неизреченную милость, великое заступление Царицы Небесной и помощь святого страстотерпца Пантелеимона, *яко не по грехам нашим воздал есть нам!* (Пс. 102, 10)».

Члены афонского протата после поставления в игумена отца Макария немедленно известили патриарха и экзархов через особые официальные послания, что «прежний законный порядок в названной обители вполне восстановлен» и что, «согласно обычаям и порядкам Святой Горы, ввели 26-го сего месяца, в день памяти святого Иоанна Богослова, в должность настоятеля названной обители архимандрита Макария, недавно выбранного на эту должность большинством пребывающей в обители братии».

В воскресенье, 28 сентября, патриаршими экзархами была прочтена разрешительная молитва, которой прощались все иноки, так или иначе провинившиеся во время происходивших в обители смут, и тут же избраны особые духовники для греческих монахов, а в понедельник, 29 сентября, экзархи, выполнив возложенные на них поручения, выехали с Афона в Константинополь. В ноябре того же 1875 года последовала особая разрешительная грамота, которой разрешались все вольные и невольные грехи братии Пантелеимонова монастыря в период смуты в нем. Приводим ее полностью.

«Грамота святейшего Иоакима, патриарха Константинопольского, в Русскую киновию святого Пантелеимона на Афоне по случаю прекращения в ней разногласий.

Иоаким, Божиею милостию архиепископ Константинополя, Нового Рима, и патриарх Вселенский, Высокопреподобным архимандриту игумену Макарию и другим отцам нашего святого патриаршего монастыря святого Пантелеимона, Русской киновии на Афоне.

Возлюбленные о Господе чада мои! Божественная благодать и мир да будут с вами.

Пророк Давид воспел милость и правосудие Господа и возвышенно прославил Его справедливость, согласующуюся с Его милосердием и Его великою милостию. Вдохновляемая этими началами, святая Церковь Христова по справедливости порицает тех, кто тем или другим образом согрешили и неразумно оставили свои священные обязанности, равно как она признает их достойными помилования, когда они отвращаются от своих заблуждений. Благосклонно при-

нимая их раскаяние, она снимает с них тяжесть их грехов и ответственность за них в силу Божественной благодати и власти святой Церкви, — власти, данной Господом нашим Иисусом Христом Его божественным и святым угодникам и апостолам с целью решить и вязать грехи людей, каковая власть перешла и к нам по преемству.

Вследствие случайно происшедшего года полтора тому назад ненормального состояния в нашем святом патриаршем монастыре святого Пантелеимона, называемом Русским монастырем, некоторые отцы по наущению и прельщению сатаны оставили спокойное и мирное поведение, которое приличествует монахам, и наполняли общину ссорами, несогласиями и бесславными делами. Вместо того чтобы жить в согласии и мире, они своими противозаконными делами навлекли на себя справедливый гнев и неудовольствие святой Церкви Христовой, — Церкви, которую они так долго беспокоили. Они оскорбили Всевышнего и сделались повинными пред Ним в преступном попрании звания, в котором они должны были нерушимо соблюдать свои монашеские обязанности, определенные святыми канонами и киновийскими уставами и обычаями.

Принимая во внимание, что ныне эти предосудительные деяния по милости Божией прекратились и община возвратилась к исполнению своих святых обязанностей, что Вы, Ваше Высокопреподобие, законный игумен, движимый отеческими чувствами, и вы, вся братия этого святого монастыря, обратились к Великой Церкви Христовой с пламенной мольбой о прощении и отпущении грехов всех тех, кто тем или другим образом сделался виновным в этих преступлениях против канона, и что вы все вместе в прошении, скрепленном вашими подписями, прибегли к милости Церкви, мы с благоволением принимаем ваше пламенное прошение, приятное пред Господом, и, вдохновляемые Святым Духом, письменно в соборном определении, постановленном в соприсутствии преосвященных епископов, наших сослужителей и наших возлюбленных братий о Иисусе Христе, объявляем, что все те между братией, диаконами, монахами или послушниками монастыря святого Пантелеимона, называемого Русским монастырем, выбыли они из него или продолжают жить там, — что все те, кто по неведению или сознательно, явно или тайно, словами или делами сделался причиною этих соблазнов, этих несогласий и этих разделений и кто возмутительными поступками или другими действиями сделался виновным в этих тягчайших грехах и навлек Божественный гнев и справедливое порицание со стороны святой Церкви, — мы объявляем, говорим мы, что все они разрешаются и прощаются Господом нашим Всемогущим, что они раз-

решаются от всяких уз и становятся изъятими от всякой духовной ответственности за эти грехи, что они, наконец, получают благословения всех святых, существовавших от начала веков, равно как и благословения 318 отцов Церкви, составивших Никейский Собор и отцов других предосточтимых Соборов Вселенских.

Ей, Господи, Всемиловитый Иисусе Христе, Боже наш! По неизмеримой милости Твоей и беспредельной благодати Твоей не остави дело рук Твоих погибнуть до конца! Вонми молению смиренных рабов Твоих, которые молят Твою благодать о братии сей, диаконах, монахах и послушниках, и, Благий и Милостивый Господи, сними с них всякую ответственность телесную и духовную молитвами и заступлением Пречистой Матери Твоей, Госпожи нашей, Богородицы и Приснодевы, славного пророка Предтечи Иоанна Крестителя, святых, угодивших Тебе от начала веков. Аминь.

Дана в 1-й день месяца ноября 1875 года».

(Подписана десятью восточными митрополитами, составлявшими синод Константинопольского патриархата.)

Признанный в своем настоятельском сане Константинопольским патриархом и его синодом, отец Макарий сумел заставить и греков Русского Пантелеимонова монастыря признать себя настоятелем своим, кротостью и благоразумием повлияв на них так, что наконец они осознали, что даже игумен-грек не будет для них так добр, доступен, милостив и справедлив, как отец Макарий.

«Великая помощь Божия лелеет меня, как младенца...»

Итак, скорбь Русской обители в радость обратилась, по слову Спасителя (см.: Ин. 16, 20). Шумный «греко-русский пантелеимоновский процесс» окончился торжеством русских, приведшим в дальнейшем к «всестороннему устройению великого русского дела на Афоне»¹.

Победа в тяжелейшем процессе — это торжество правды Божией благодаря личному благочестию и стоянию в истине старцев Иеронима и Макария. Но через какие ужасные нравственные страдания пришлось им пройти, едва ли можно представить себе хотя бы и приблизительно! Люди, стоявшие близко к старцам в эту тяжелую пору их жизни, не могли вспоминать без слез о бессонных ночах,

¹ Из донесения в Россию от 10 мая 1880 года генерального консула в Македонии М. А. Хитрово.

проведенных ими на молитве или за работой, о разного рода лишениях и нравственных страданиях.

Отец Иероним всегда напоминал о пользе скорбей, посылаемых Богом: «От скорби нигде не укрыться, хотя бы и пожелали мы бежать от нее. Так лучше нам искать в самой скорби утешения, и оно обретается, когда подклоняемся мы покорно постигающей скорби, смотрим на нее как на спасительное врачевство, как на горнило, вырабатывающее в нас материалы, достойные неба и вечности, когда принимаем их, как подать, которую выплачиваем Господу за греховность нашу. Страшно долго оставаться без скорбей. Стоячая вода обращается в грязное болото, а бури и ветры освежают ее и возбуждают ее производительность»¹.

Всю ответственность за ход «пантелеимоновского процесса» отец Иероним принял на себя, как старец и советник, возвещающий братии волю Божию. «...У [русского] общества в это время был и старец, коего Вы называете духовником Иеронимом, коего Вы всегда слушали и слушаетесь, вот на него-то Вы имеете полное право возлагать все тяжести нашего процесса, и это будет воистину, ибо без моего согласия Вы ничего (в ходе нашего дела) не делали важного... У Вас, кроме меня, нет советника», — пишет он отцу Макарию².

Из писем старца 1874—1875 годов в Константинополь к «богодарованному другу» отцу Макарию мы узнаем о беспримерных скорбях, которые испытывал тогда отец Иероним.

«Заботы у меня теперь двойные и даже более того без помощи, бывшей от тебя, что весьма чувствительно меня отяготило. И я сам немало удивляюсь, как еще все это так делается? Уж воистину в немощи нашей сила Божия совершается (см.: 2 Кор. 12, 9). Спасение, благоугождение Богу — наша единственная цель, которая ободряет нас в треволении, обстоящем нас. Одно слово Божие меня утешает, это что *любящим Бога все споспешествует во благо* (Рим. 8, 28). А мне остается только одно сказать Господу, что *хощу видети во благодати избранныя Твоя* (Пс. 105, 5) — и потом: “Прими мя, кающегося многогрешника!” Вот уже время наступило для нас особое, в кое *мнози глаголют: Кто явит нам благая?* (Пс. 4, 7). Но блажен тот, кто и в нестроении показывает дух терпимости и благодушествует! Все обстоятельства, касающиеся нас, заставляют нас только терпеть, а сего-то последнего у нас в запасе очень мало, и, которым приобретается наше спасение, этого-то самого мы и не совсем долюбиваем. Но что будем делать, когда

¹ Письмо к И. Ф. Соломенцову от 28 декабря 1868 года.

² 30 августа 1875 года.

некуда податься, и поневоле будешь терпеть и потому еще, что роптать еще хуже... Хотя и много есть скорбей, но чувствование их не отягчает много сердца».

Положение отца Иеронима усугублялось тем, что он остался один, без своего друга, которого вымолил у Бога себе в помощь, которому, как и всякий человек, имеет нужду открывать свою душу. С герондой он не мог беседовать, так как приближенный к тяжело больному старцу «командир его Евгений» и другие злобствующие греки не допускали их быть наедине.

«...Правда твоя, что не с кем разделить тех чувств, или передать кому-то, что требует дух передать, или посоветоваться. Вот и поневоле вспомнишь изречение святых отцов, что из тысячи один да будет тебе друг. Этот голод в духовном советнике и я теперь чувствую вполне, тем более с того времени, как я лишился доступа к старцу. Но Господь щедро восполняет это лишение утешением и благодатным просвещением».

Даже самые близкие к нему люди не вполне понимали смысла его слов и поступков, которые всегда были направлены только к их душевному благу. Это непонимание явственно обнаруживается в некоторых высказываниях и замечаниях окружающих, проскальзывает даже в отдельных записях отца Владимира. В духовном отношении он стоял на целую голову выше всех его окружающих, даже весьма ревностных и признанных подвижников. Отсюда и многозначительное замечание старца об отце Арсении, который утешал его при долгом отсутствии отца Макария своими «проектами». Старец внимательно выслушивал его, но отцу Макарию писал, что общение это для него было не столько духовное, сколько душевное. Отсюда и ощущение одиночества, оставленности людьми: хотя внешне они и присутствуют, но страдания свои он терпел один, как Христос, оставленный всеми, но не оставленный Богом.

«Скорби со всех сторон умножаются, но и утешения Божии тоже увеличиваются. Вот уж сила-то Божия в немощах моих совершается! А от людей я жду соскорбящего и его не обретаю, ибо несть утешающего меня, кроме одного Бога (см.: Пс. 68, 21). Да так сему и должно быть, ибо все окружающие меня наши деятели часто проявляют свою ревность не по разуму. Чтобы не привести их в смущение, я таю от них мое настоящее положение, но вчера вынужден был сказать одному из них, требовавшему от меня большей энергии, что я и без того *каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). В какую сторону понял он эти слова, это Бог весть, а не догадался он спросить меня, что сии слова означают».

«Это недостаточно, что по духовной части я остался один, но к этому мне посылаются еще телесные болезни, дабы я не мечтал, что и один справлюсь... А трудно мне стало, даже и весьма, ибо почти можно сказать по Писанию, что я как будто *каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). Если сутки прошли, то я говорю: “Ну, слава Богу, еще сутки продыхал”. А искушения-то своим порядком меня со всех сторон осаждают, и еще оттуда, откуда не чаял и не ожидал. Но Господь — Бог всякия утехи — не остается у нас в долгу, как в Писании сказано: *По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19)».

«Хотя Бог и подкрепляет и весьма утешает меня, но силы мои телесные ослабели, а они-то теперь очень нужны; к этому еще отец Иларион со своими немощами, уж и не знаю, что и сказать... Приходит ко мне утром и вечером с помощью охать и ахать, а нередко и с горьким плачем. А я, право, не нахожу слов его утешить, да и приходит-то он ко мне в то время, когда я сам в полусознании от прилива и лихорадки, — видно, и этому надо быть... Он очень малодушествует, впрочем не по общему искушению, а по причине собственного своего, особенного искушения, вследствие чего он утром и вечером приходит ко мне и повторяет одно и то же, и это для меня составляет хороший крестик, но что же делать? Учим же других друг друга тяготы носить. Во всем да будет воля Господня! Уж вот пришло время, когда *сладце похвалюся в немощах моих* (2 Кор. 12, 9)».

«А я, расслабленный, похваляюсь тебе и многими моими немощами и злостраданиями, и многою помощию Божиею, и утешением благодати. Все это скорбное время при конце Пятидесятницы я обрел большое утешение от мысленного чтения в уме кондака Вознесения, а более от сих слов: *Никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами и никтоже на вы*».

«Эти наши обстоятельства, с одной стороны, показываются нам как бы сверх сил наших... Вот уже год прошел, как наше дело началось, когда же конец-то ему будет? Но, с другой стороны, Кто-то ободряет нас, не велит малодушествовать, а возлагать надежду на помощь Божию и покров Богоматери... Совесть не перестает напоминать нам слово Божие, что любящим Бога вся споспешествует во спасение (см.: Рим. 8, 28). Одна подпись писем иногда добре меня “допрашивает”. Впрочем, меня очень удивляет великая помощь Божия, которая подкрепляет меня и лелеет, как младенца. Что воздам Господу о всех, яже мне воздаде?! (см.: Пс. 115, 3). Одно мое желание осталось на земле — это чтобы хотя и пред смертью моею увидеть благополучный исход нашего дела, еже аз, грешный,

и ожидаю от милости и благодати Божией за молитвы Всепетой и святого Пантелеимона. Видно, *многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22). Вот мы очень хорошо знаем, что скорби нас спасают, а почто же мы их не любим? И это тоже странно».

Отец Иероним был весь в Боге и мыслил не о земном. Для всего земного он давно умер, и оно служило для него лишь пособием для достижения целей неземных. Промысл Божий испытывал терпение, требовал выжидать определенных событий, а многие видели в поступках старца медлительность, требовали от него решительных действий.

По данной ему благодати он своим ясным умом прозревал то, что другим не дано было видеть. Поэтому и в самые скорбные дни процесса нисколько не терял спокойствия, но во всем ощущал действие Промысла Божия, все устрояющего во благо, понимал, что даже самые неприятные обстоятельства помогают делу. Проницательный ум его видел сущность того, что совершалось на самом деле. «Если то Бог попустит, — пишет он отцу Макарию, — что если греки и вовсе не выгонят нас со Святой Горы, то по крайней мере притеснят нас добре и таким образом мало-помалу уменьшат количество нашего населения на Афоне. А чрез нас они, то есть греки, лишат и прочих насельников Афона древней монастырской свободы, как подобное сделано в православных царствах, как-то: в Молдавии, Сербии, Греции и прочих. Поэтому можно предусматривать, к чему клонится намерение диавола, потому что каково бы ни было по нравственности монашество, но и тогда оно было для него ненавистно до того, что он подвинул власти на истребление его. Тому подобное теперь совершается и на Святой Горе».

«Воистину, — продолжает он, — умножились стужающие нам: Пантелеимон, Дорофей, Евсевий и с ним многие серайцы, протат, патриархия, народ греческий, петербуржцы и едущий Самуил! Это только явные враги, а тайных-то сколько! И как они сильны злобою и лукавством! Все это в совокупности устрашает, приводит в малодушие, колеблет упование и уничтожает терпение, но только тогда, когда все это представится мгновенно вне веры и упования на Промысл Божий. А иногда, хотя и редко, от представления обышедших нас многих врагов нечаянно, как молния, блеснет радость, что все это допущено Самим Господом для того, чтобы явить нам Свое Божественное отеческое славное заступление и покровительство для вящей славы Своей. Мы по-детски просили Господа, дабы Он здесь, на Афоне, уяснил нашего общества положение, и вот Он

так уяснил оное, что мы тому не только удивляемся, но и ужасаемся. Слава за это и за все Ему единому... ибо такое малое дело, как наше, сделалось чрез газеты предметом разговора по всей Европе. Чудо, да и только!»

«Скорблю и молю Господа, да не допустит быть тому, чем бы обесчестилось афонское монашество. А диавол чрез уста послушных ему хвалится и угрожает трагическим окончанием нашего дела. Но да будет во всем воля Божия, которая не допустит сему быть, ибо это будет во вред славе Божией и спасению душ наших.

Греки наши крепко надеются на свой этнос¹, что он их поддержит и поможет им прогнать нас. Но наша вся надежда по Боге на Заступницу усердную, что Она благоустроит нас в честном жребии Своем. Веруем, что и святой Пантелеимон поможет нам. Уповающие на Божественноотеческий Промысл не бывают никогда оставлены без помощи в их нуждах. Спасение Божие да примет Вас и всех нас под Свой Божественноотеческий покров. А другой утешительной опоры вокруг нас нет, да и неоткуда ее нам взять... Далее что будет, это в руке Божией, а мы хотя и грешные, но другого прибежища в скорбях наших не имеем, кроме Него одного, Спасителя нашего, на Коего и уповаем, что Он со искушением сотворит и избытие... Я своему сердцу боюсь доверять. Только одного желаю: да будет воля Божия благая, благоудобная и совершенная, как то указывают нам слова Священного Писания (ср.: Рим. 12, 2)».

Пройдя горнило искушений, быв испытан, как золото в огне, отец Иероним вынес на своих собственных плечах все трудности того тяжелого времени. И по праву можно сказать, что благоприятный исход «греко-русского процесса» и дальнейшее благоденствие обители есть не что иное, как победа его необыкновенно твердого упования на Промысл Божий, плод его молитв и терпения, его глубокого ума и рассуждения.

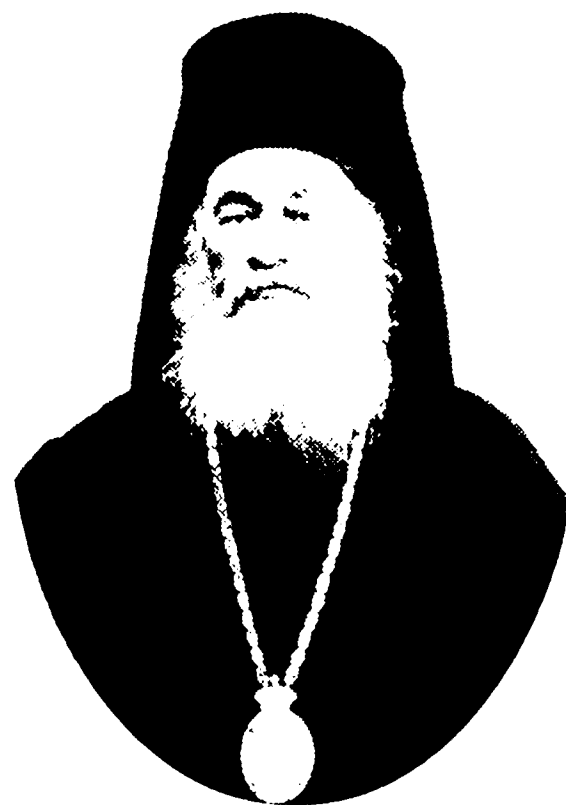
Рассказы иноков Свято-Пантелеимонова монастыря завершают повествование о смуте в обители.

«После умиротворения в нашей обители грек-духовник отец Поликарп вошел в доверие к отцу Макарию и задумал вновь произвести восстание. Для этого он советовался с митрополитом Амфилохием, живущим на покое на острове Патмос. Митрополит Амфилохий, грек, был постриженником нашей обители. Был экономом, затем Кутлумушский монастырь его пригласил в игумены, где недолго был, — его выгнали. Он поехал в Александрию, где добился кафедры

¹ Народ (греч.). — *Примеч. сост.*

епископской, но потом ушел на покой по неудаче в жизни. Его-то отец Поликарп и пригласил в обитель письмом, набросав план начала восстания. Письмо было перехвачено и доставлено отцу Иерониму, перевели на русский язык. Отец Иероним пригласил отца Поликарпа к себе и, показав письмо, присовокупил: “Бог за это тебя накажет, ты должен умереть”. Отец Поликарп был совершенно здоров, но через три дня скончался.

После его смерти прибыл и митрополит Амфилохий, без благословения патриарха Константинопольского Иоакима III рукоположил в диаконы отца Мелитона и отца Флавиана. О сем кто-то донес патриарху, который прислал телеграмму, в коей приказал митрополиту Амфилохию шесть месяцев быть под епитимиею в скиту святой Анны, а рукоположенным воспретил служить. В день святого Ангела отца Макария

*Вселенский патриарх
Иоаким III*

патриарх прислал телеграмму с поздравлением и прибавил: “Рукоположенным митрополитом Амфилохием разрешаю служить”.

После смерти отца Макария, в игуменство отца Андрея, грек-схимонах Каллиник тайно ездил по Афону по греческим монастырям, отбирал подписки к восстанию новому; о сем дали знать игумену, и когда отец Каллиник явился в обитель, то его уличили и он рехнулся умом и скончался вскорости, не придя в себя. Так за молитвы отца Иеронима Господь хранит сию святую обитель.

*Митрополит Пилусий-
ский Амфилохий*

В игуменство отца Нифонта грек одесский отец Софроний, ярый противник русских, часто навел скандалы в нижнем соборе; был выгнан за то, что тайно ездил к патриарху Иоакиму III с жалобой; после плакал о своей неразумной ревности, заболел и скончался от водянки на Преображенской больнице. Явно, что неуютны Богу распри».

«Однажды приехал на Афон бывший обер-прокурор Святейшего Синода граф А. Д. Толстой. Высадившись с парохода у нашей обители, не хотел посетить монастырь, а хотел следовать сразу в другое

место. Отец архимандрит Макарий и другие много просили его, но он не соглашался. Наконец, пришел и сам батюшка отец Иероним, и едва уже упросили хотя ради святого великомученика Пантелеимона. После он рассказал отцу Иерониму, что, бывши на острове Патмос, он исповедовался у митрополита Амфилохия и получил у него совет не оставаться в Русике, ибо Иероним в прелести и в забратство ведет за собою в ад. Много наговорил и смутил графа. Граф же, пожив долго в Русике и увидев все своими глазами, очень расположился и остался довольным.

В начале 1880-х годов митрополит Амфилохий долго гостил у нас и набрал много разных церковных вещей, но когда стал отправляться на Патмос, то нанятое им судно с вещами разбилось у берегов Афона. Скончался митрополит около 1902 года».

Нищелюбие и милосердие старца

По милости Божией пережив все скорбные тревожения страстей человеческих Свято-Пантелеимонова обитель продолжала процветать во спасение душ человеческих. К ней были устремлены взоры многих подвижников и пустынножителей, которых она кормила и содержала, которые без нее не имели бы дневного пропитания. Уже эта одна ее заслуга велика пред Богом, и эта заслуга всецело принадлежит старцу Иерониму: он первый, еще во времена господства в монастыре греков, завел в Пантелеимоновой обители щедрую раздачу милостыни бедным инокам и пустынножителям Афона. Будучи сам по себе добрым, любвеобильным и милостивым, он видел в этом не только исполнение своих благих намерений, но исполнение воли Божией, определившей Русику питать сиромых (неимущих), принимая одной рукой щедрое подаяние от боголюбивого русского народа, другой же раздавая этим рабам Божиим, молитвами которых, может, и стоит мир.

За исполнение дела Божия Господь воздавал старцу и его обители сторицей. «Вам известно, как долго испытывал Господь обитель нашу великою бедностью и даже тяжелыми долгами, ибо до Крымской войны обитель наша не имела состояния раздавать милостыню бедным, но когда в то бедственное время обитель наша с полным самоотвержением решила поделиться с голодавшими сиромашами последним хлебом, то из всех стран России начала присылаться в обитель изобильная милостыня, при помощи которой в то бедственное время обитель наша не имела нужды в содержании, но еще

многих бедных пропитывала. Столь боголюбезна добродетель общения и благотворения», — напоминает отец Иероним в духовном заветании своим преемникам и чадам о трудном времени начала возрождения обители.

«Господь повелевает давать милостыню, а она так и подается, то есть без возврата. И, как раздавать, сказано: *Имеяй две ризы да подаст неимущему и брашно такожде да творит* (Лк. 3, 11), что при помощи Божией обитель наша по средствам своим и исполняет, ибо ежегодно выдает до 10 тысяч рублей деньгами, хлебом и одеждой» — так старец однажды пояснял отцу Арсению. Это было в 1870-х годах.

По мере того как увеличивались материальные средства Пантелеимоновой обители, соразмерно увеличивал отец Иероним и эту раздачу (нужно заметить, что общие затраты монастыря на помощь бедным святогорцам к 1900-м годам достигли 40 тысяч рублей ежегодно, не считая раздачи хлеба), сам руководя ею до последних дней своей жизни, и, можно сказать, был истинным отцом — благодетелем и кормильцем многих нищих на Святой Горе. В числе неимущих иноков бывали великие избранники Божии, посвятившие себя добровольной нищете. Умилительно было видеть, когда сходились к келлии старца эти нищие иноки Афона разных национальностей. Всех их знал отец Иероним, ко всем относился с отеческой любовью и каждого снабжал по его потребе нужным из больших запасов, всегда бывших при его келлии, которые раздавали по его указанию его келейники. Кому давал чаю, кому — сухарей, кому — вина и просфор для совершения Божественной Литургии, кому — одежду, мантию, камилавку, схиму — всем этим снабжал бедняков любвеобильный старец; кроме того, при вратах обители всегда имел запас пищи и сухарей, чтобы те из пустынножителей, которые, избегая людей, не приходили к нему днем за пищей, могли ею тайно запастись ночью при вратах обители многомилостивого целебника. «Даже из мира многие приходят к нам просить милостыни, — пишет он сестре, — а более всего для бедных церквей просят ризницу, и мы издавна приучили их к сему. А о святогорцах нечего и говорить... Для удовлетворения нужд этих рабов Божиих у меня много времени употребляется. Как только они услышат, что к нам корабль пришел из Таганрога и привез рыбу и икру красную, то вскоре явятся со многих келлий и со всех скитов старцы с торбами и с письмами для получения утешения»¹.

¹ Письмо от 17 ноября 1864 года.

Зная многих афонских пустынников, старец Иероним посылал им подаяние через избранных для этого братьев и взаимно получал от них молитвенную помощь ко благу и процветанию своей обители.

Заботливо перечисляет он нуждающихся пустынников в собственноручной заметке 1860-х годов:

«Иеросхимонах Феofil — живет в скиту Кавсокаливском при церкви всех святых.

Схимонах Пафнутий — живет в том же скиту при церкви святого Предтечи.

Схимонах Салафиил — живет в скиту Василия Великого.

Монах Виталий — живет на Капсале в своей каливе.

Схимонах Мелетий — живет в Ксенофском скиту Благовещенском в своей каливе.

Схимонах Митрофан — живет на Капсале при церкви Василия Великого.

Схимонах Павел — живет на Капсале в своей каливе.

Монах Галактион, юродивый — живет на пустой келлии Пантократорской.

Схимонах Михаил — живет на Капсале при церкви Рождества Богородицы.

Иеросхимонах Тихон, живущий в келлии Святой Троицы.

Означенные лица ведут жизнь внимательную, отличную от других и в пропитании нуждаются.

Бедные, посредственно живущие, нуждающиеся в пропитании:

Монах Николай, не имеющий своего места.

Монах Герман, живущий на Капсале, имеющий свою каливу.

Схимонах Порфирий, живущий в скиту святой Анны.

Схимонах Филарет, расслабленный калека, живет при монастыре Каракале.

Схимонах Лука, не имеющий своего места.

Схимонах Евфимий, не имеющий своей каливы и страдающий от тяжелой долговременной болезни.

Схимонах Серапион — живет на Капсале на каливе.

Схимонах Феократист — живет на Капсале при церкви святых апостолов».

Но не одним мелким подаянием пищи и одежды благотворил отец Иероним инокам Афона, нуждавшимся в помощи. Случалось, и весьма даже часто, что оказывал он и немалое денежное подаяние — кому для построения пустынной келлии, кому для ее покупки по обычаю Афона, кому для уплаты долгов, особенно русским, бесприютным и теснимым греками, что в то время случалось очень

часто на Афоне. Вот еще одна собственноручная запись старца: «Дано из Русского на Афоне монастыря святого Пантелеимона для келлии святого Иоанна Богослова, принадлежащей монаху отцу Венедикту, грузину, разными вещами, хлебом и деньгами всего на пятнадцать тысяч левов (15 000) по 29 сентября 1878 года. Духовник Иероним»¹.

Собственноручная запись
старца Иеронима. 1878 г.

Дано из Русского на
Афоне монастыря св.
Пантелеимона, для келлии
св. Иоанна Богослова, при-
надлежащей монаху
отцу Венедикту Грузину
разными вещами хлебом
и деньгами всего на пят-
нанадцать тысяч левов
15000. по 29-е сентября
1878-го года.
Духовник Иероним

Особым покровительством старца пользовались пустынники Карули — дикой, недоступной местности на южной оконечности афонского мыса. Благодаря помощи старца продуктами и деньгами число русских отшельников там заметно возросло.

Пишет миссионер иеромонах Арсений, бывший очевидцем благотворительности отца Иеронима.

«В воскресные и праздничные дни бывает громадное стечение народа в монастыре. При сем поражает жалкий вид посетителей, одетых в рубища, полураздетых, изможденных и больных. Сперва я думал, что все эти приходящие бедняки-монахи принадлежат Русику, но впоследствии оказалось, что это различные подвижники Афона. В числе их видишь греков, болгар, молдаван и русских. Всех их кормят за второй трапезой, после которой идут они к келлии духовника отца Иеронима, где им раздается заготовленное

¹ Эта записка отца Иеронима и его письмо монаху Венедикту (см. с. 774) предоставлены Институтом рукописей им. К. С. Кекелидзе АН Грузии (Тбилиси). Рукопись Q-151^a.

заранее подавание, что кому нужно, как-то: подрясники, шапки, белье и т. п. А некоторым раздают и деньги. Бедным же келлиотам, у которых есть домовые церкви, раздают, кроме того, священнические и диаконские облачения, вообще все принадлежности к богослужению, а также выдается мука, елей, ладан, священные сосуды и т. п. Словом, келлиотам выдают все необходимое как для церкви, так и для их пропитания. При выходе из монастыря привратники всякому проходящему выдают около 10 фунтов сухарей, то есть на целую неделю, а некоторым выдается больше, смотря по числу монахов, проживающих в келлиях. Многим выдаются для праздников чай, кофе и сахар.

Приятно смотреть, как преподобный Иероним раздает милостыню. Обыкновенно вся нищета собирается к нему в коридор, который часто не в состоянии вместить всех приходящих. Преподобный старец выходит из своей келлии, приветствуемый почтительными поклонами, и прежде всего обходит всех просителей, а потом уже раздает и вещи. При раздаче присутствуют некоторые из братии, особенно заведующие раздаваемыми вещами. Всякий проситель объясняет свои нужды, и отец Иероним беседует с каждым на его родном языке. Кроме того, он хорошо знает образ жизни всякого просителя, поэтому-то все и обращаются к нему, как к своему отцу и благодетелю, с полною уверенностью, что он им ни в чем и никогда не откажет. Особенно многочисленно бывает стечение народа в двенадесятые праздники и преимущественно в день святого великомученика Пантелеимона и в день Покрова Пресвятой Богородицы. В эти дни со всего Афона собирается несколько сот человек, всех их наделяют щедрою милостынею»¹.

Но не только в праздники, во всякое другое время нуждающиеся, как описывает другой очевидец афонской жизни, приходили прямо к батюшке и выкладывали свою нужду: «Батюшка, благословите мне ряску, моя износилась» — и ряска давалась. Или: «Батюшка, для моей церкви нужны иконы и облачения священнические, благословите». И просимое давалось. Рука дающего не оскудеет — твердо уповал на Господа отец Иероним².

Однажды портарь отец Алипий, старый заслуженный монах, грубо обошелся с сиромасом-пустынником. Тяготившуюся этим свою совесть он открыл отцу Иерониму. Тот запретил ему за это святое Причащение, заставив долго искать оскорбленного пустынника.

¹ *Арсений*, иеромонах. Письма с Афона к новообратившимся... С. 200—201.

² См.: *Козицкий П.* Монашеская жизнь на Афоне. Тамбов, 1898. С. 32.

И когда отец Алипий отыскал его в Кавсокаливском скиту (два дня ходу от нашего монастыря), привел в монастырь, испросил у него прощение, даровал ему необходимую милостыню, тогда только отец Иероним разрешил ему причащаться, внушительно сказав: «Помни это». Так высоко он понимал дело милостыни.

Всякая добродетель подается от Господа за перенесение скорбей и искушений, и, чем они больше и труднее, тем выше и прочнее полученная добродетель. И вот, чтобы окончательно утвердить отца Иеронима в мысли, что ради этой милостыни обитель пользуется благоденствием, а насельники ее всего лишь *раби неключими, еже должны бехом сотворити, сотворихом* (Лк. 17, 10), чтобы навсегда избавить его от самоцена своих добродетелей, свойственного в той или иной мере всякому человеку, творящему добро, Господь попустил ему искушение — гибель монастырских судов.

Случай этот отец Иероним приводил в назидание грекам во время смуты в монастыре в 1874 году: «Когда у нас погибли два судна, многим возвещено было, что попущено это не от чего иного, как от недостатка вспоможения бедным». Подробно о происшедшем повествует посетивший Афон иеросхимонах А.

«Я однажды сказал отцу Макарию: “Ну, теперь никогда никому не поверю, что в кредитных учреждениях Англии от вашей обители имеются огромные капиталы для будущего ее обеспечения, ибо таковая щедрая материальная раздача очень значительна”. — “Да, пожалуй, говорить можно, аще совесть не зазрит, а для нас много и той Божией милости, что обитель все долги уплатила. А в отношении щедрой раздачи, что она значительна, и мы так же думали, да и обманулись. В заносчивости такой мысли слишком много брали на себя, воображая, что делаем дела милосердия выработкой своего ума, кроме высшего содействия. Если внимать, то опыты открывают заносчивость кичливого ума. Вот опыты.

Однажды из России пришло наше судно с разною жизненною провизиею, стало на якорь, приготовилось к выгрузке; выгрузили часть, кончается день, капитан судна (из братии же) настаивал, чтобы кончить выгрузку в ночь, ибо горизонт показывал перемену погоды. Пришел на пристань батюшка отец Иероним, пожалел братию оставить на целую ночь работать, сказал, чтобы остальную часть выгрузки оставить до утра. А прекословить-то у нас кто дерзнет и между собою даже, тем более перед батюшкой. Что же? В ночь разыгрался шквал, порвал главные снасти судна и посадил его на мель, к утру же буруны разъяренного моря выбрасывали обломки судна на берег. Какое важное лишение для обители! Это еще малое испытание.

Через некоторое время приобрели другое судно. А как его приобрести? Оно обошлось до 10 тысяч рублей. Из Таганрога, по обыкновению, нагрузили его пшеницей и прочими жизненными продуктами. Прислуга судна состояла из своей братии, как и всегда. Отправились в путь к Афону благополучно. Когда требовалось вступить в Дарданеллы, где восточная сторона Мраморного моря имеет множество камней, выглядывающих из воды, и много подводных, на одно из них судно наскочило и немедленно пошло ко дну, где с лишком 200 сажен глубины. Спаслась лишь прислуга в запасных на судне лодках при возможной к сему погоде и недалеко от берега. В Русике же ожидают их по расчету времени, но время проходит. Все без исключения томятся беспредельным ожиданием, устремляют взор в даль синевы моря, непрерывный говор не умолкает: “Ах, уже пора? Ах, нет вот их! Что с ними? Видно, уже на свете их нет!” Подобный говор наводит на всех скуку и уныние. Прошла неделя и более ожидания, а судна нет да нет!” Между тем спасенные высадились на Афон у Пантократора, оттуда пришли на Карею и на своем конаке остались ночевать. Отец Малахия¹ воспользовался ночным временем явиться к отцу Макарию, чтобы не вдруг поразить всех таковым несчастьем, пришел он прямо в келлию к нему. “Когда меня вызвали осторожно из утрени, отец Малахия рассказал мне все с ним случившееся, но я убедился в моем самонадеянии, говорю: “Отец Малахия, иди в свою келлию да успокойся и никому не показывайся, пока я устрою, чтобы не вдруг озадачить старца; нужно же его приготовить к таковому тяжелому удару. Главное дело, что все братии спаслись. Ну что делать? Слава Богу о всем, иди, отдыхай”. Кончилась утренья, я иду за батюшкой до его келлии, минуя свою, что бывало и прежде в особенных случаях. Старец оглянулся. “Дело какое есть?” — сказал он. “Да... там!” — а сам залился слезами и уже не в состоянии был более владеть собою. “Где же отец Малахия?” — “Отдыхает”. — “А судно, видно, погребло?” — “Да, погребло”. — “Братия же спаслись или нет?” — “Отец Малахия сказал, что все спаслись, а на конаке остались ночевать”. “Ну, слава Богу, что братия спаслись!” И, обратясь ко мне, когда уже пришли в келлию, сказал: “Оставь всякое смущение, достаточно для нас и той незаслуженной милости, что братии спаслись, а в отношении судна, хотя это лишение для всей обители, скорбь, но для нас урок на всю жизнь нашу. Я же, как

¹ Впоследствии иеросхимонах Михаил, настоятель таганрогского подворья. — *Примеч. сост.*

виновник сего, скрепя свое сердце ожидал такого или еще сильнейшего удара". Меня это сильно озадачило, но и воодушевило. "Что же такое, батюшка, скажите". — "Скажу как опыт, приобретенный такою дорогою ценою. После первого крушения судна я горько принял это несчастье, меня одолевало уныние. Где возьмем да что будем делать? Да как бы еще не накопить долгов! А расходы допустили большие. Значит, я сам оценил свой труд и попечение. Начала налегать на меня тяжелая мысль, что мы много и без расчета раздаем хлеба рабам Божиим, которых мы ноготочка не стоим. Эта борьба не давала мне покоя и ежедневно доводила меня до изнеможения. Сократить или даже прекратить раздачу хлеба? Отказывать и в других потребностях? Да какое нам дело до других, каждый должен о себе пеших! Люди-то нас уважают, как свято живущих, а вот тебе и святость наша. Значит, я допустил в душу свою неверие о промыслении Божиим от человека до последнего пресмыкающегося, дающем пищу всякой плоти. Приписал все своему разуму, а от возношения можно ли что доброе ожидать? Вот я и ожидал этого или подобного сему значительного толчка во смирение нашей гордости — вот и урок¹. С Божией помощью с этого же времени положимся, чтобы не было отказа в раздаче насущного хлеба и других потребностей по возможности нашей. Ведь не мы их кормим, а они нас, теперь же и доказано".

Рассказ этот отец Макарий без слез не мог передать. Посмотрите же вы на эту раздачу — она есть не что иное, как чудеса для нас, жителей материка. А им это превратилось в обыкновенное дело².

По воле отца Иеронима в монастырских владениях близ скита Крумица в 1882 году был отделен значительный участок земли у морского берега для поселения русских келлиотов и каливитов, теснимых греческими монастырями, и для некоторых из братии Русика, желавших безмолвия. В 1883 году на средства монастыря

¹ О том, с каким покаянным чувством братия Русского монастыря восприняла гибель судна, можно судить по записи из дневника 1866 года монаха Мелетия (в схиме Михаил): «30 октября, то есть на другой день после пострижения меня, окаянного, в великий ангельский образ... в Мраморном море погибло наше монастырское судно, нагруженное пшеницей, которая вместе с судном стоила около 12 тысяч рублей. Потеря нашей обители чувствительная. Но случилась она попушением Божиим за мои беззакония, за которые я уже было находился близ адской темницы и только чрез молитвы моих отцов возвращен паки к жизни. Итак, я думаю, вместо моей душевной гибели Бог наказал обитель нашу гибелью судна...» (Душеполезный собеседник. 1913. Вып. 11. С. 399). — *Примеч. сост.*

² Воспоминания душевных впечатлений... С. 26—29.

там был построен соборный храм во имя всех преподобных афонских, и русские жилища стали расти и множиться под покровом Пантелеимоновой обители.

О начале новой пустыни повествуется в дневниках отца Владимира.

«Рассказывал отец Уриил из Фиваиды. В 1870-х годах жил на Евфимиевской келлии иеросхидиакон Лазарь. Множество посетителей беспокоили его, и он пожелал большего безмолвия. По благословению отца Иеронима в апреле 1879 года он поехал на Крумицу вместе с отцом Каллистратом. Осматривали местность и, когда были на месте теперешней Фиваиды, на площадке, еще совершенно дикой, заросшей кустарником и усеянной огромными камнями, отец Лазарь, восхищенный величественным видом отсюда на море и на всю Афонскую Гору, сказал отцу Каллистрату: “Как бы хорошо быть здесь скиту!” По прибытии же в монастырь он передал о сем отцу Иерониму, который обратил на это внимание и поручил отцу игумену Макарию при случае посмотреть, что это за место.

В мае того же года отец Макарий поехал на Крумицу, взяв с собой отца Уриила, отца Алипия и еще кое-кого. По прибытии на близкую арсану вздумал в тот же час побывать на сказанном месте. Взяв спутников и отца Каллистрата, поехал на лодке, а мулов велел туда привести. Кое-как высадились на теперешнюю фиваидскую арсану между камнями. Поднялись с помощью топора к площадке, где теперь скит. Отец Макарий, осмотрев место и узнав, что есть здесь и вода, хотя и необильная, сказал: “Благословен Бог. Быть здесь скиту” — и велел певчим пропеть стихиры Пасхи, так как было до отдания. Они пропели, и местность эта, конечно впервые, огласилась священным песнопением. Отсюда на подошедших мулах поехали на Крумицу.

Прошло около года, отец Макарий, вероятно, забыл об этом. Но вот отец Уриил, смутившись в монастыре, захотел в пустыню. Отец Иероним отпустил его искать место на Афоне. Но как раз в это время последовало запрещение патриарха Иоакима давать русским келлии и каливы. Тогда отец Уриил выпросил благословение у отца Иеронима построить каливу на самой границе нашей Крумицы с Дионисиатским метохом, на берегу моря. И вот он в июле 1880 года начал строиться. Построил три каливы у моря, а верхняя площадка совсем у него вышла из памяти. Потом отец Иероним вследствие притеснения от греков благословил и еще кое-кому селиться тут. Первую каливу на площадке построил отец Иларион. Узнав о сем, отец Макарий спросил отца Иеронима, тот ответил,

Новая Фиваида. Фотография конца XIX в.

что это по его благословению, успокоил отца Макария и еще стал посылать понемногу, бедным давал и деньги на постройку калив. Итак, пустыня стала населяться с 1880 года. Потом был послан отец Нон по его желанию пустынной жизни и заведовал постройками. Первоначально был построен дом на море, потом церковь Вознесения, потом собор во имя преподобных афонских, освященный в 1883 году митрополитом Сербским Михаилом.

Отец Каллистрат добавил, что еще прежде отца Уриила ниже отца Игнатия жил монах Николай большебородый, который умер потом на Кавказе, после него Уриил, потом Иларион».

Пустынь эта, названная отцом Иеронимом Новой Фиваидой, стала наполняться иноками и имела строгий устав скитской жизни, написанный отцом Иеронимом. Вот как старец рассказывает сестре о Фиваиде и ее насельниках: «На нашем месте, в пустых горах, сотворился по Божию благоволению скит отшельнический; самых бедных и нищих сиромашов уже до 70 калив и есть соборная церковь — чудо, да и только! Это сотворил Бог в четыре года. Живут там самые старые, беспомощные, которые не имеют где главы поклонить; их уже есть до 200... Метелки вяжут и венки — вот какое их рукоделие; мы даем сухари и старую одежду. Вот у нас есть какие полунагие подвижники»¹.

¹ Письмо без даты — по всей вероятности, 1885 года.

Кроме соборного храма, предназначенного для общей молитвы в субботние, воскресные и праздничные дни, и церкви в честь Вознесения Господня, были построены церковь во имя святых великомучеников Пантелеимона и Артемия и больница на средства старца русской керасийской келлии святого великомученика Георгия схимонаха Игнатия (скончался в 1922 году). Иждивением выходца русской обители святого апостола Андрея Первозванного иеромонаха Антония (в схиме Авеля) выстроена позднее, в 1891 году, двухэтажная церковь Пресвятой Троицы вверху и святых апостолов Петра и Павла внизу.

Насельники Фиваиды питались от трудов рук своих при постоянном пособии от монастыря, положенном самим отцом Иеронимом. В субботние, воскресные и праздничные дни им предлагалась монастырем готовая трапеза с горячей пищей. В случае заболевания они пользовались местной больницей на 20 человек, при которой имела аптека с лекарствами и жил особый врач.

Для ухода за церквями и выполнения разного рода необходимых работ в Фиваиде наряду с пустынным житием было учреждено и небольшое общежитие. Пустынники, в свою очередь, помогали общежитию в общих послушаниях: в разгрузке скитского судна, чистке прудов, сборе маслин и винограда и прочем.

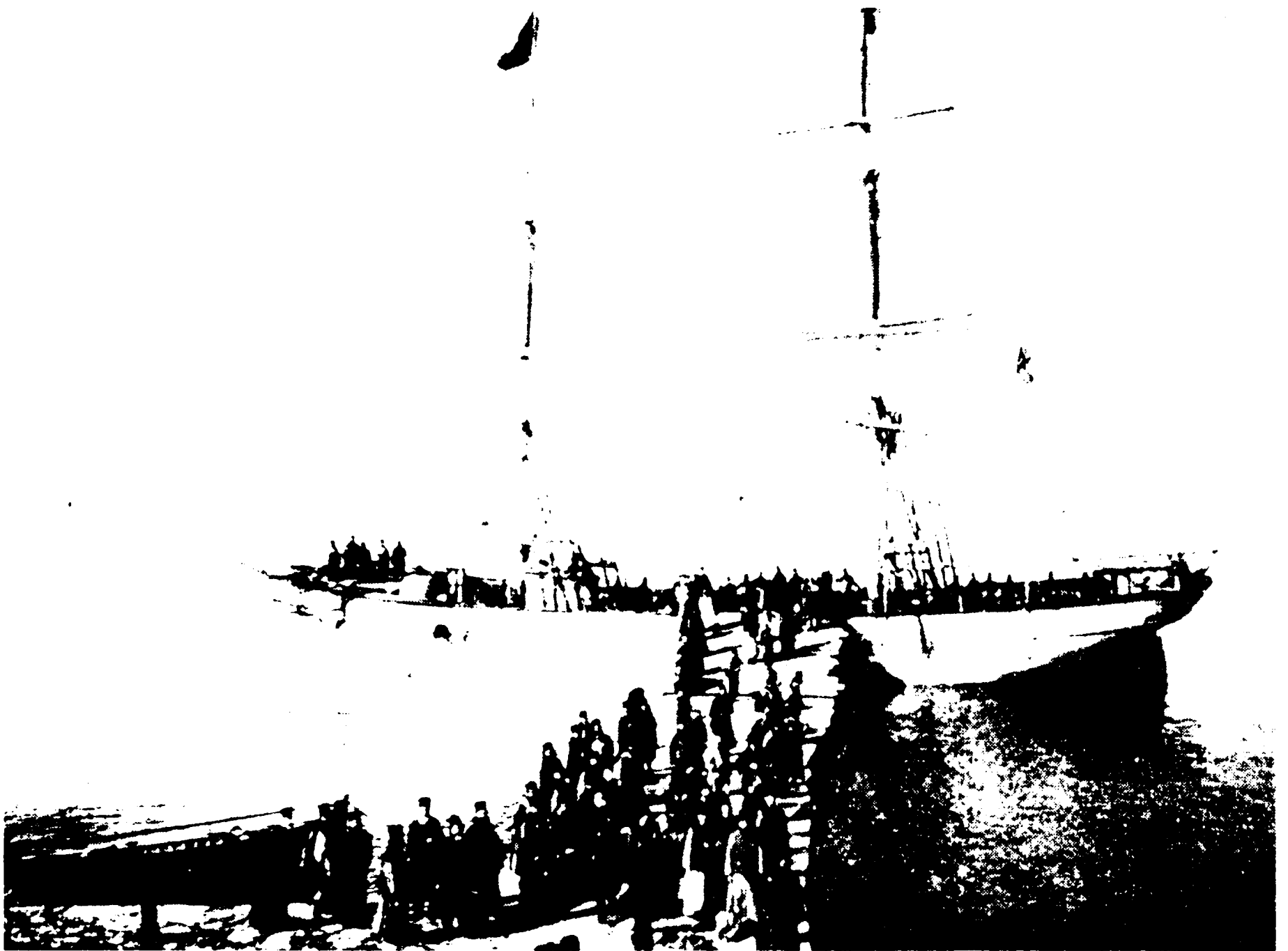
Такое соединение двух родов жизни в одном месте благословил старец Иероним для взаимной пользы во исполнение заповеди апостола: *Друг друга тяготы носите* (Гал. 6, 2).

Отец Иероним до конца жизни заботился о своих пустынных чадах, которые были постоянными посетителями его келлии и утешали старца «своими частыми докуками», о чем он рассказывал сестре в письмах: «Дашь ему рублик, а он тотчас бухнет в землю да и заплачет, а я и не знаю, что тут и делать... Многие живут в шалашах, зябнут, голодают, но благодарно все терпят, лишь бы удостоиться умереть во святом жребии Божией Матери»¹.

Благотворительность старца простиралась и за пределы Афонской Горы, на окрестное население. Так, во время неурожая в Македонии в 1881 году было роздано бедным людям хлеба, привезенного на монастырском судне из России и закупленного в Солуни. на сумму 10 тысяч рублей.

Постоянно раздавались утварь и книги, а также денежная помощь бедным греческим, сербским и болгарским церквям, посыла-

¹ В настоящее время пустынный скит Новая Фиваида заброшен, имеет весьма плачевный вид, разрушается.

Выгрузка пшеницы с монастырского судна «Ильинск».
Фотография конца XIX в.

лись им иконы. Заботой и добротой отца Иеронима пользовались многие монастыри и храмы России, часто на самых ее отдаленных окраинах — в Ашхабаде, Сухуме, в кавказских селениях, на Алтае, куда он много посылал, как мы видим из его личных писем и монастырской корреспонденции, пожертвований деньгами, необходимыми вещами и книгами, а также не забывал духовно утешать всех просителей подарками священных реликвий, афонских святынь и икон. Именно по внушению духовника Иеронима отец Макарий неотступно добивался от своих родителей открытия странноприимного дома, и его просьбы были уважены: в 1850-х годах И. Д. Сушкиным в Туле была устроена странноприимница.

Часто отец Иероним подавал помощь российским благотворительным учреждениям и монастырям «на трапезу бедным». «Употребите эти деньги на покупку хлеба для них, а впредь Сам Бог, питающий всех, промыслит о них», — пишет он в Борисовский монастырь¹. Особенно же старец заботился об устройстве и безбедной

¹ Письмо от 7 мая 1883 года.

жизни в России родных и близких братии Свято-Пантелеимонова монастыря или желающих поступить в обитель. Свою сестру игуменю Маргариту он много раз просил принять в Борисовский монастырь родственниц афонских иноков, причем брал обязательство присылать деньги на их содержание.

Основание Ново-Афонского монастыря

Особой любовью и попечением старца пользовалась устроенная по его замыслу на Кавказе новая обитель, впоследствии ставший известным всему православному миру Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь. Ее основание и невиданно скорый расцвет — это тоже свидетельство безграничного упования старца Иеронима на благодать Промысла Божия, поскольку первым толчком к строительству новой обители на Кавказе явились печальные события смуты 1874—1875 годов. Слова старца Иеронима: «Не явись наружу зло, не явилось бы и добро» — можно отнести также и к основанию Ново-Афонского монастыря.

В 1874 году, в разгар печальных событий в монастыре, старцы Иероним и Макарий увидели необходимость теснее связать судьбу Афонской обители с родным отечеством, поставить себя под покровительство своего правительства, чтобы впредь не иметь опасений за теплое убежище на случай угрозы выселения с Афона, а также послужить духовной пользе того края, который бы их приютил. Отец Иероним и отец Макарий обратились к своему защитнику и благодетелю графу Н. П. Игнатьеву, чтобы он исходатайствовал право русской братии Пантелеимонова монастыря поселиться на Кавказе и основать там новую обитель. Одновременно в письме к наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу они просили «благоволить им даровать и указать удобное место из необозримых кавказских пределов для постройки обители и прирезать к ней часть земли и леса для обеспечения обители на будущие времена». По ходатайству Н. П. Игнатьева это разрешение было получено, и в августе 1875 года монастырские уполномоченные во главе с деятельным помощником старцев Иеронима и Макария иеромонахом Арсением прибыли на Кавказ. После переписки со старцами и получения от них обстоятельных инструкций уполномоченные выбрали место на северо-восточном берегу Черного моря, в Абхазии, в 20 верстах от Сухума, при речке Псыртсха, где стоял древний полуразрушенный храм во имя святого апостола Симона

Вс. Императорскому Высочайшему
Нашему Кавказскому, Губернаторскому Высочайшему
Государю и Великому Князю Михаилу Нико-
лаевичу.

^{Обирхитского,}
Представителей Русского Православного
на Св. Афонской Горе, Духовника и
схимонаха Иеронима и Архимана
Фрида Макария

Прошение

Всвышнему прощенью благословившему ору-
жие и славила Дяния православного Русского
Воинства, ко низложенію владычества Кавказских
царских Князей, угодно было въ наше время, мно-
гими Консультациями и воевой борьбой съ воен-
ными силами естатками страшной и тяжкой
орды учинившей Русское око в вое.

Черновик прошения «представителей русского общежительного братства на Святой Афонской Горе духовника иеросхимонаха Иеронима и архимандрита Макария» великому князю Михаилу. 1874 г.

Кананита, построенный в IV веке на месте погребения апостола. За основанным монастырем утвердилось название Ново-Афонского, а выбранное место, центральное по своему положению в Абхазии, замечательное исторически и живописное по природе, стало именоваться Новым Афоном, как свидетельство единства двух обителей и духовной связи этого края со Святой Афонской Горой.

В помощь отцу Арсению для строительства монастыря старец Иероним избрал одного из самых близких своих учеников — отца Иерона, незадолго до того, 23 марта 1875 года, рукоположенного во иеромонаха.

Отец Иерон прибыл на Кавказ 28 ноября 1875 года. «По прибытии на избранное для возведения монастыря место мы нашли его

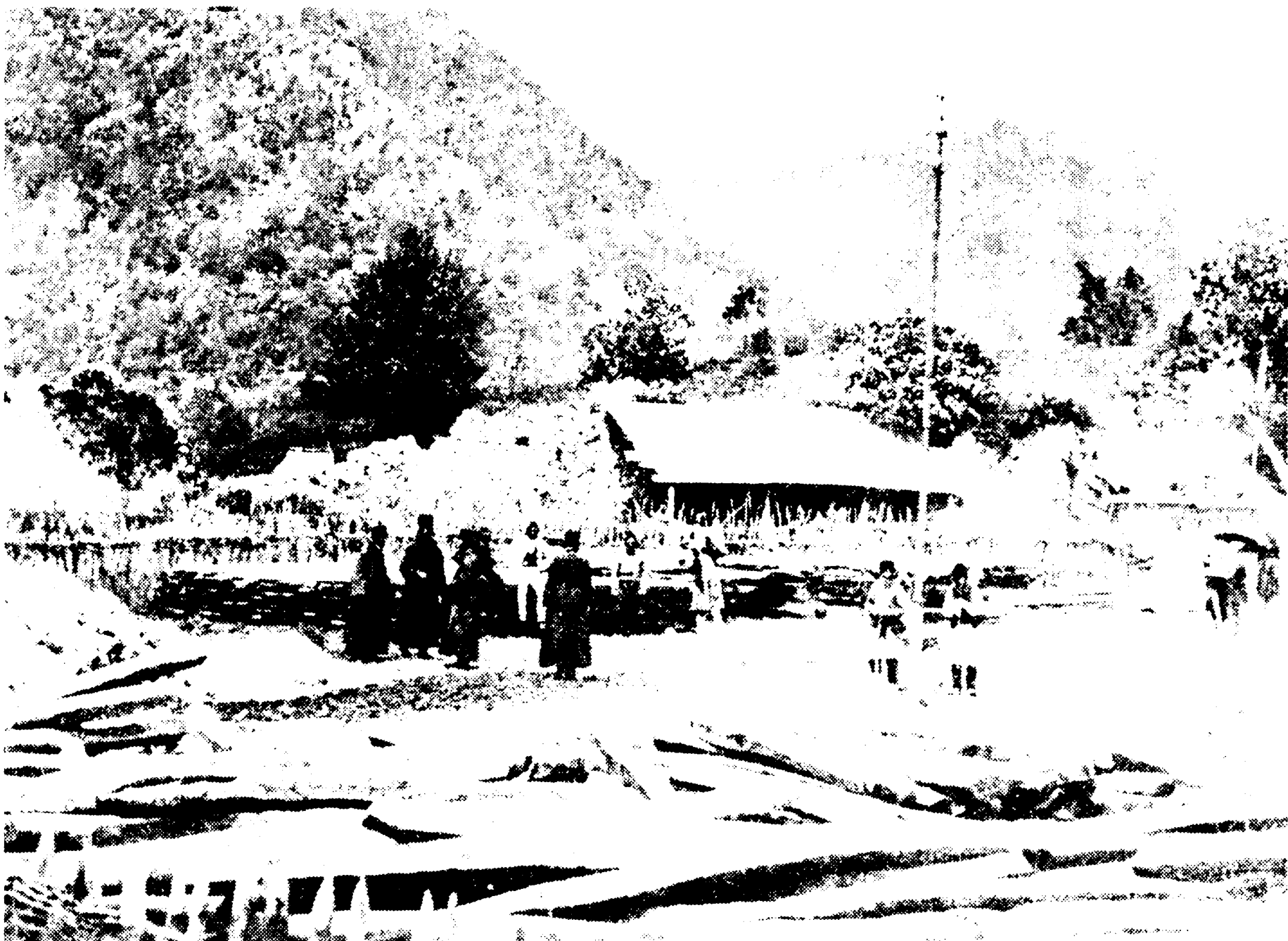

Отец Арсений около разрушенного храма святого апостола Симона Кананита. Фотография 1875 г.

все густо заросшее лесом, переплетенное колючкою, а близ реки Псыртсха — большое заросшее болотными растениями гнилое болото. По благословению отцовскому за святое послушание с помощью Божией за четыре года место было расчищено, возведен новый храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы, возобновлен древний полуразрушенный храм святого апостола Симона Кананита, выстроены корпуса для братии, гостиницы и странноприимные дома для богомольцев, здание для школы, мельницы и другие хозяйственные и приморские постройки нижнего монастыря», — писал отец Иерон¹.

Подобно тому как Крумица была любимым скитом отца Макария, Ново-Афонский монастырь стал для старца Иеронима предметом постоянного отеческого попечения и неусыпного внимания, особенно когда в 1884 году начались труднейшие работы на горе по сооружению верхней обители. «Старец Иероним благословил строить, —

¹ Акт избрания наместника в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре, что в Абхазии. 8 февраля 1897 года.

Начало строительства Ново-Афонского монастыря.
Фотография 1877 г.

вспоминает отец Иерон наставления старца, — и велел не бояться ожидавших нас трудностей, лишь бы хорош был окончательный результат хлопот и трудов... Для [верхнего] монастыря требовалось место и довольно обширное, и во всех отношениях удобное, прежде всего здоровое и с чистым воздухом. И старец отец Иероним говорил мне лично и после писал, чтобы избрано было для монастыря именно такое место со всеми удобствами, так как монастырь — учреждение вечное, и его следует посему устраивать фундаментально, крепко. “Тебе, — писал мне старец этот, — Богом суждено строить новый монастырь. Так смотри же, не сделай ошибки. Ведь тебе Бог судил только выстроить обитель, а жить в ней будут другие и после тебя. Если выстроишь удобную и хорошую, тогда братия, которой придется жить в ней, будет молиться за тебя и благословлять... И красота места не мешает спасению, а, напротив, располагает к молитве и благодарности к Богу”»¹.

¹ Воспоминания отца Иерона приводятся по кн.: Бронзов А. А. Архимандрит Иерон, настоятель Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. СПб., 1913. С. 42, 44, 64.

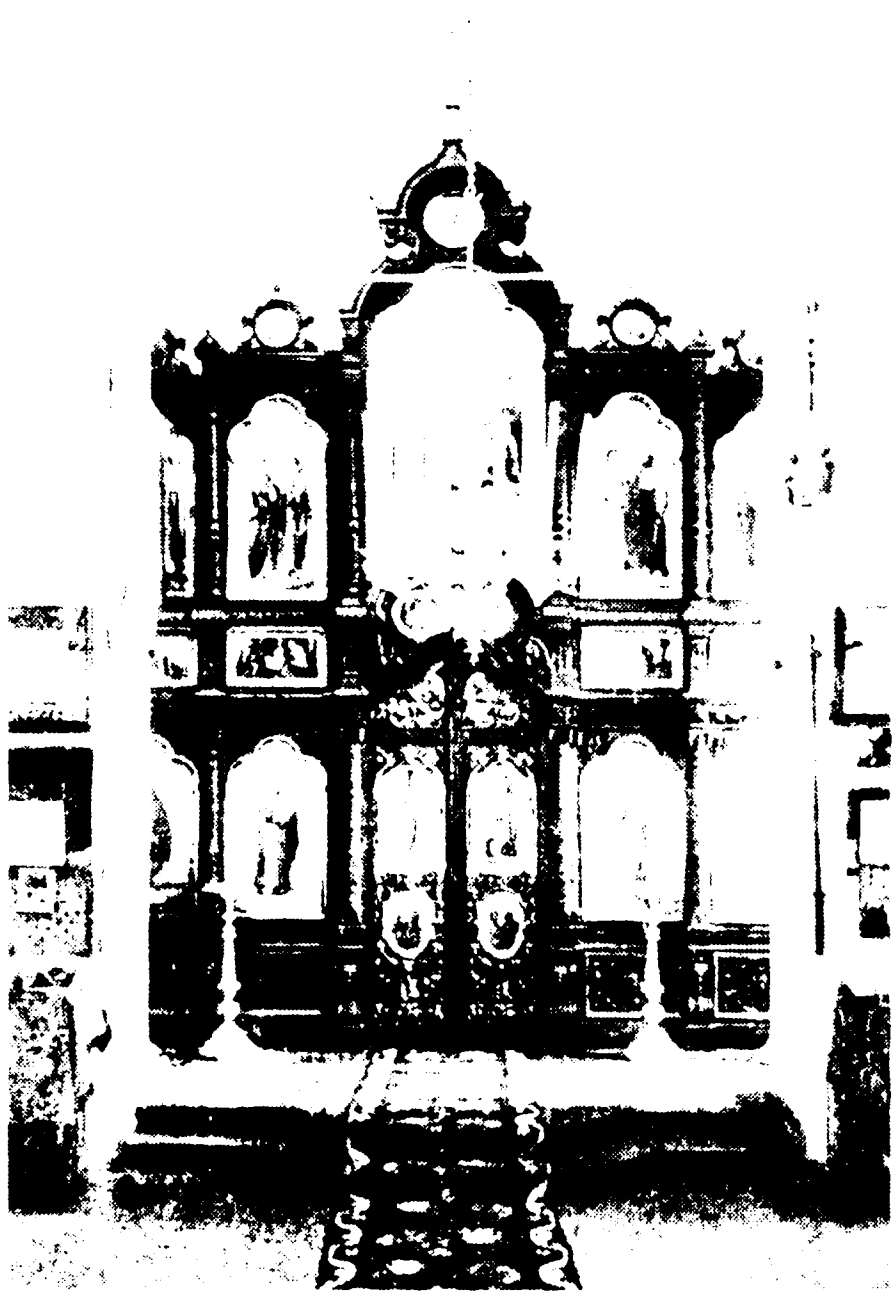
Уповая на молитвы старческие, строитель Симоно-Кананитского монастыря отец Иерон пишет отцу Иерониму: «Если Вы благословите, Господь по Вашим святым молитвам поможет нам. Теперь средств больше нет, а отлагать постройку дальше боюсь: как бы Вы не отошли ко Господу... А без Вас что же я? Посему, пока Вы живы, преподайте мне Ваше отеческое благословение начать постройку нагорного для монашествующей братии монастыря, который отвечал бы всем подлинным ее нуждам».

«Старец иеросхимонах Иероним в ответ на мое к нему обращение прислал со Старого Афона письмо, где писал: “Бог благословит, и я даю свое отеческое благословение тебе начать и совершить обитель во славу Пресвятой Троицы — Отца и Сына и Святого Духа. А о том, что у тебя нет денег на построение монастыря, не унывай. Все будет и преизбудет. Только живите по-монашески...”»

Помощь Божия и благодатный покров Божией Матери так же был зримо явлен над Новым Афоном, как и над Старо-Афонской обителью. Отец Иерон говорил, что новоафонским инокам во всех трудах помогает Пресвятая Богородица: «Мало ли у нас было затруднений и вопросов? Мы люди неученые. Помолишься ей, Владычице — глянь, Она и подскажет, что нужно». В необыкновенно быстром, за какие-нибудь 10—15 лет, благоустроении своей обители отец Иерон видел особое благословение Божие ему за послушание духовному отцу. «Вот и я, грешный, что я такое, кто я такой? — говорил он братии. — А Господь меня благословил: помог на виду пред всеми вами благоустроить обитель. И за что? По молитвам святых отцов, по молитвам моего старца — батюшки отца Иеронима. Он всегда говорил: “Если в обители хранятся братская любовь и страх Божий, обитель наслаждается миром и преисполняется всех благ. А как только начинаются среди братии своеволие, непокорность,

*Игумен Ново-Афонского монастыря
схиархимандрит Иерон. Фотография
1900-х годов*

Внутренний вид храма во имя святого апостола Симона (восстановлен в 1882 г.). Фотография 1910-х годов

Бог отнимает от нее Свое благословение”».

Сам отец Иерон, по утверждению прав Ново-Афонского монастыря и смерти отца Арсения избранный игуменом, был для братии образцом постнического, труднического и молитвенного подвига, а благочестивая жизнь иноков Симоно-Кананитского монастыря по правилам строгого общежития, их простота и смирение заслужили добрую славу обители, любовь и уважение к ней у всех православных.

Новооснованный монастырь на Кавказе стал как бы отраслью Свято-Пантелеимоновой обители, во всем от нее зависимой, и жил по уставу и чиноположениям Русского монастыря. Новоафонская братия, увеличившаяся до нескольких сот человек, по стро-

гому указанию старцев Иеронима и Макария и в дальнейшем, при их преемниках игуменах Андрее и Нифонте, постригалась и рукополагалась на Старом Афоне. Это было завещано старцами-основателями как путь, «единственный могущий поддержать и укрепить союз двух обителей»¹. Ново-Афонский монастырь ежегодно снабжался субсидией от Старо-Афонского в размере 25 тысяч рублей и значительным количеством книг его издания. Подворья Ново-Афонского монастыря в Сухуме, Керчи, Новороссийске, Туапсе и Петербурге были открыты на средства Пантелеимонова монастыря, а всего к 1900 году на устройство своей кавказской отрасли Русская обитель потратила около 1,5 миллиона рублей.

Те надежды старцев Иеронима и Макария, которые они питали, основывая кавказский монастырь, оправдались полностью. В Высочайшем указе 1879 года об утверждении прав Ново-Афонской обители говорилось: «В случае смутных обстоятельств на Востоке и невозможности дальнейшего пребывания на Афоне братство Панте-

¹ Из письма игумена Андрея отцу Иерону от 3 марта 1900 года.

леимонова монастыря получает убежище в новой обители, как отрасли сего монастыря, обязанной своим началом и образованием усердию его братства». С устройством на Кавказе Симоно-Кананитской обители как отрасли Афонского Русского монастыря и благодаря высочайшей милости, дарованной Свято-Пантелеимонову монастырю указом 1879 года, радикально изменилось отношение русского правительства к русским афонским инокам. До этого русское правительство и духовные власти смотрели на выходцев из России, удалявшихся на Святую Гору ради подвигов благочестия, как на своевольников и дезертиров и дозволяли возвращение в Россию не иначе, как в том звании, в каком они выезжали, не принимая во внимание ни пострижение ими на Афоне в великую схиму, ни даже рукоположение их в иерархические степени — иеромонаха и иеродиакона, для сохранения которых по приезде в Россию требовались от афонских иноков всякий раз особое предварительное ходатайство и разрешение Святейшего Синода. После открытия Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря русские иноки Афонской Пантелеимоновой обители могли без предварительных сношений со Святейшим Синодом, имея только паспорт, выданный Российским генеральным консульством в Константинополе, свободно и беспрепятственно выезжать в свой филиальный монастырь с сохранением всех званий и иерархических степеней, приобретенных ими на Святой Горе, а оттуда, уже как насельники монастыря Российской империи и российские подданные, в Россию, включая ее столицы.

Старец Иероним никогда в своих заботах и попечениях не делал различия между обоими братствами, вверенными ему Господом. Посылая иноков на Кавказ для строительства новой обители, он отдал им в благословение Иверскую икону Божией Матери, найденную, по рассказам братии, им самим чудесным образом под престолом Введенского храма. Старец передал в Новый Афон и другие важные святыни: древнюю чудотворную икону священномученика Харалампия из алтаря Покровского храма и икону Спасителя, присланную на Афон из кабинета государя императора Александра II. Когда в 1880 году в Русской обители производились выборы игумена в Симоно-Кананитский монастырь, отец Иероним сам вынимал жребий, и по его молитвам из пяти кандидатов Промысл Божий избрал достойнейшего — верного его ученика, отца Иерона.

Старец, слабый здоровьем, не мог побывать на Новом Афоне, но это было его желанием с самого основания кавказской обители: «На Кавказе монастырь начали строить, и я желал бы там умереть, так как это дело чрез меня началось. Но разве кости мои туда

перевезут»¹. И во многих других своих письмах он часто рассказывал о событиях, связанных с новой обителью. Он не оставлял своими письменными наставлениями и поучениями отца Иерона и братию, руководил ими как во внешней деятельности, так и в сложных вопросах внутренней духовной жизни, помогал разрешать возникавшие подчас недоразумения. Отец Иероним имел такую заботу о Симоно-Кананитской обители, что перед смертью составил отдельное завещание о своем «желании благоустроить ее во славу Божию и спасение многих душ», в котором настоятельно просил преемников не забывать его любимую обитель и обеспечить ее будущее. «А на будущее время эта обитель, как прославляющая Бога, за то и сама будет прославлена от Него и в состоянии будет помогать матери своей — обители Афонской. Еже и да будет осуществлено Богом чудес во славу Его, заключающуюся во спасении душ наших», — пророчески писал старец в завещании². Фотографии строящейся обители во множестве висели у него в келлии над постелью, и умер он под ними, как это видно на снимке, сделанном через полтора часа после его кончины.

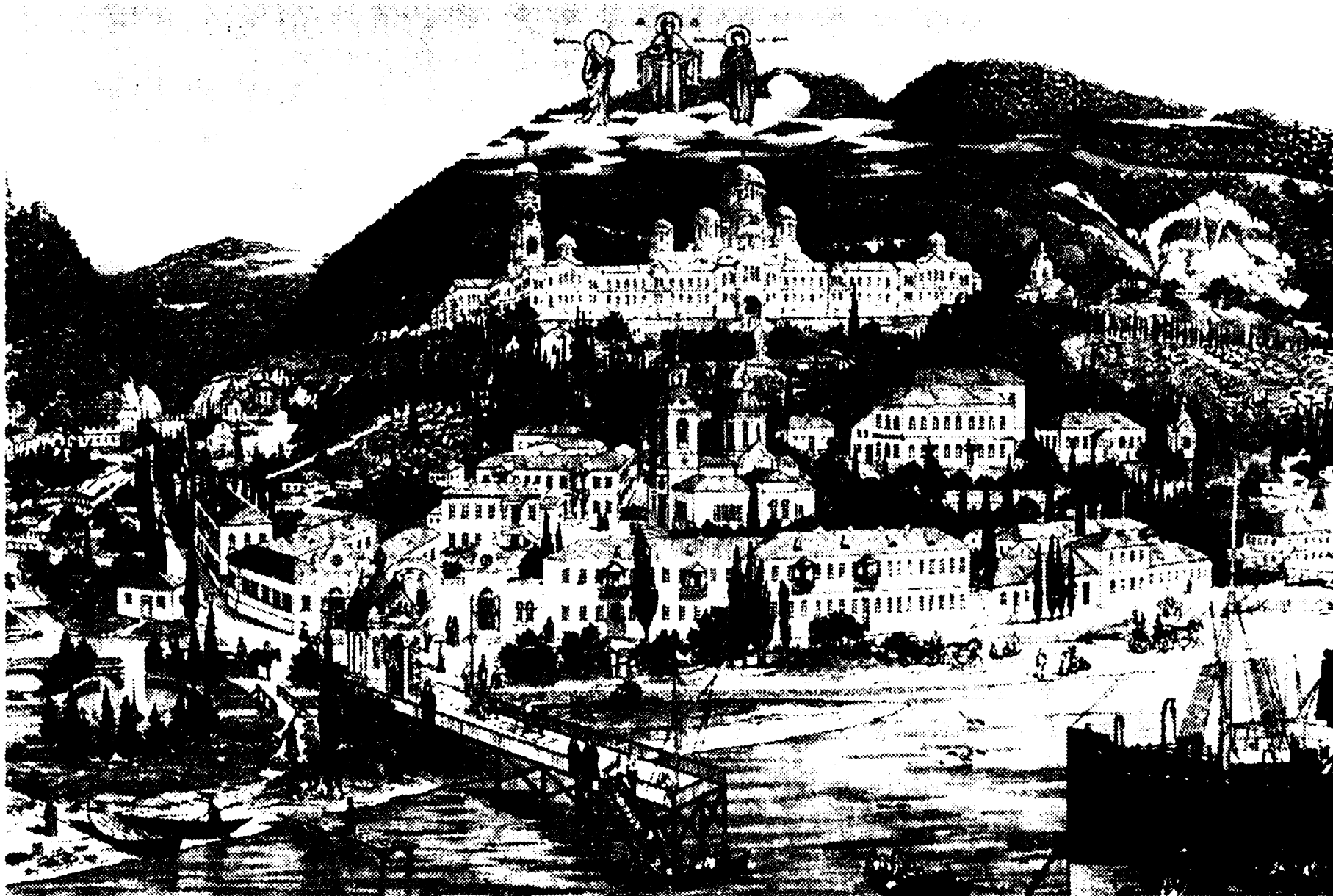
По смерти старец Иероним неоднократно являлся отцу Иерону, по свидетельству последнего, а также схимонаху Ново-Афонской обители иконописцу Савину, о чем отец Савин не замедлил сообщить на Афон игумену Макарию. В одно из этих посещений старец указал в Симоно-Кананитском храме место погребения святого апостола — с северной стороны престола, а в другой раз велел выполнить роспись на скале над Симоно-Кананитским храмом. Извещенный о явлении старца, отец Иерон благословил предпринять этот немалый труд, и посетители Нового Афона восхищались изображением: «Правее водопада — зрелище другого рода. На обрыве скалы живописцем воспроизведена история крещения абхазцев святыми апостолами Симоном Кананитом и Андреем Первозванным»³.

Непрестанные молитвы отца Иеронима и посмертное ходатайство за свою любимую обитель у Престола Божия принесли обильные плоды — духовное спасительного возрастания братии, процветание

¹ Письмо к сестре от 2 мая 1881 года. Видимо, Господу Богу было не угодно, чтобы это случилось, и честная глава старца подобающе сохраняется в Пантелеимоной обители на Афоне. Могилы же игумена Иерона и братии, находившиеся около южной стены Симоно-Кананитского храма, были разорены после закрытия монастыря в 1924 году.

² Завещание отца Иеронима о Ново-Афонском монастыре см. на с. 525.

³ *Москвич Григорий*. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. Одесса, 1903. С. 441.

Вид Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители.
Литография 1910-х годов.

Ново-Афонского монастыря и благотворное влияние его на мир. Очевидцы свидетельствуют, что, когда Ново-Афонская обитель была окончена и освящена, вся окружающая ее местность представилась как бы земным раем. «Весь берег Черного моря на протяжении владений монастыря превращен в роскошный сад, и каких тут нет растений! И стройные кипарисы, и многолиственные смоковницы, и плодоносные и в высшей степени полезные маслины, и лимоны, и апельсины, и каштаны, и всякого рода яблони, мандарины, даже пальмы, а винограда имеется более 30 сортов. Нижний монастырь утопает весь в этой зелени, а верхний величественно царит на темно-зеленом фоне крутых высоких гор над всею этою чудною картиною, поднимаясь по крайней мере на 50 сажен от уровня моря. Сколько трудов стоило срезать гору, чтобы образовать площадку, удобную для монастыря! Сколько приложено стараний, чтобы засыпать некоторые ущелья, провести дороги кверху, развести эти сады, выкопать пруды, чтобы осушить болота, устроить на горной речке плотину и заставить эту речку работать на монастырь!»¹, —

¹ Здесь и далее цитируется книга: *Никон (Рождественский)*, епископ. На Новом Афоне. Сергиев Посад, 1911. Переиздание — М., 1998. С. 199—200, 221.

пишет епископ Никон (Рождественский). Новоафонские иноки говорили: «Бог благословляет, все растет, цветет и плод дает».

«Припоминая то еще не очень отдаленное время, когда местность, занятая ныне Симоно-Кананитским монастырем, представляла дикое неприступное ущелье, и сравнивая его с настоящим, когда ущелье это обращено заботами и трудами русских монахов, пришедших с Афона, в культурный оазис, из которого свет христианства разливается в Абхазии, я признаю деятельность братии Симоно-Кананитского монастыря в высшей степени плодотворною и достойною всякого поощрения», — оценивает значение обители генерал-адъютант князь А. М. Дондуков-Корсаков, главнокомандующий Кавказского края¹. «Обитель, как маяк на берегу житейского моря, ярко освещает жизненный путь для православных людей не только этого края, но и всей России» — пишет епископ Никон.

В 1884 году Определением Святейшего Синода Ново-Афонскому Симоно-Кананитскому монастырю был передан древний, VI века, знаменитый своей историей пицундский Успенский собор «с постройками и наделами» с обращением его в монастырский скит. Новоафонские иноки благолепно обновили храм, украсили иконами, которые вместе с церковной утварью были присланы старцами из Русского Пантелеимонова монастыря, и в древних святых стенах снова началось богослужение.

О высокой оценке трудов старца Иеронима и обоих братств по созиданию Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители — центра православного просвещения всего Кавказа — говорят неоднократные посещения ее членами царского дома и государем императором Александром III со всем августейшим семейством, который в 1888 году совершил там закладку собора святого великомученика и целителя Пантелеимона.

Открытие подворий. Странноприимство старцев Иеронима и Макария

С теми же целями — стать ближе к соотечественникам, принести им пользу своим пастырским служением, удовлетворить духовные нужды, а также обеспечить материально Русский Свято-Пантелеимонов монастырь — были устроены московское Афонское подворье, состоящее из Пантелеимоновской часовни и владения на улице

¹ Письмо 1885 года обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву.

Полянка, и большие монастырские подворья в других городах — Одессе, Петербурге, Константинополе.

Афонские святыни, посланные в 1862 году в Россию с иеромонахом Арсением, прибыли в Москву в 1867 году. Здесь, при Богоявленском монастыре, по прошению старцев на высочайшее имя была устроена часовня святого великомученика и целителя Пантелеимона, торжественно освященная в 1873 году. Святой угодник Божий Пантелеимон возлюбил Москву и возжелал не временно пребывать в ней, а постоянно, как говорил отец Арсений. Являлись новые и новые исцеления от святых мощей, чудотворных икон Божией Матери «Тихвинская» и «Скоропослушница» (последняя была написана на Святой Горе при участии иеромонаха Русской обители Василия

и послана старцем Иеронимом в благословение афонолюбивому граду Москве к открытию часовни). При благоговейном совершении продолжительных служб афонскими иеромонахами все больше стекалось православных людей в Пантелеимоновскую часовню, которая не могла вместить всех молящихся. В 1879 году старцы Иероним и Макарий обратились в Святейший Синод с ходатайством о дозволении построить более обширную часовню на той же улице, близ Владимирских ворот. По милости Божией разрешение было получено, и по молитвам великомученика при помощи благодетелей на участке земли, пожертвованном Пантелеимоновой обители И. И. Сушкиным, к 1883 году было возведено величественное здание новой часовни, благолепно украшенной и удобной для молящихся, куда из старой часовни были перенесены афонские святыни.

«Каждый приезд в Москву помолиться в часовне святого великомученика Пантелеимона и слышать благоговейное чтение и пение молебна и акафиста составляло отраду моему сердцу», — вспо-

Икона Божией Матери «Скоропослушница». 1870-е годы. Афонская Пантелеимоновская часовня в Москве. Фотография 1880-х годов

минает в письме в Русский монастырь в 1902 году уже известный нам П. И. Помельцов, состоявший в переписке с отцом Иеронимом. Много лет стремился он побывать на Афоне и до осуществления своего желания в 1895 году, уже по смерти старца, находил большое утешение в посещении Афонской часовни.

Основанное старцами Иеронимом и Макарием московское Афонское подворье, будучи как бы продолжением Свято-Пантелеимонова монастыря в Москве, явилось тем центром благочестия и молитвы, где множество православных людей, приезжая из разных мест России, получали пастырскую духовную помощь от афонских отцов, учеников старца Иеронима, и исцеление телесное от святынь, о чем на Афон стали поступать во множестве свидетельства.

Московский почетный гражданин В. Н. Лепешкин заявил, что в близком ему семействе господ Нарышкиных был следующий замечательный случай исцеления. Малютка сын их Гавриил тяжело заболел воспалением легких, жар усилился до 40 градусов, призваны были доктора, составили консилиум, но облегчения страждущему не последовало. Видя бесполезность врачебных пособий, обратились с молитвою к небесному врачу — великомученику Пантелеимону, пригласили его святые мощи, и тот же час страдания ребенка облегчились, а вскоре он совершенно выздоровел.

Афонская Пантелеимоновская часовня в Москве. Фотография 1890-х годов

Проживая в Москве четыре года тому назад, то есть в 1877 году зимою, в январе месяце я был очень болен простудою. Сначала я обращался к докторам, но прошло почти два месяца, а мне все хуже и хуже было. Тогда я обратился к бесплатному врачу небесному — святому угоднику и целителю Пантелеимону и в постели написал несколько слов к бывшему в то время при часовне знакомому иеромонаху отцу Андрею с просьбою приехать ко мне с мощами святого угодника и целителя Пантелеимона и отслужить у меня на дому молебен. При служении молебна я уже почувствовал в себе необъяснимую радость и действие благодати свыше. После того как отец

Андрей уехал со святыми мощами угодника Пантелеимона в часовню обратно, я через полчаса лег спать. Это было, как помню, в 2 часа дня. Я проснулся или, лучше сказать, меня разбудили на другой день уже в 4 часа дня. И что же? К удивлению всех, я, проснувшись, встал с постели, как будто и не был болен... Через несколько дней я уже решил выехать из дому, и первый мой шаг был к Царице Небесной Иверской и в часовню на Никольской к святому угоднику Пантелеимону...

Второй случай его целебной помощи мне следующий. Сего 1880 года в июне месяце я заболел опять, но уже серьезнее, чем в первый раз. У меня было сильное головокружение, упадок сил и страшная ломота в правой щеке, так что я в течение двух месяцев навзрыд плакал и не имел покоя ни днем ни ночью... Тогда я опять обратился к святому угоднику Пантелеимону... Двенадцать дней сряду ходил в 8 часов утра в часовню и слушал с благоговением все молебны у святых мощей угодника Пантелеимона, хотя это было для меня и трудно. Через два дня после сего пригласил святые мощи к себе на дом, где был отслужен водосвятный молебен отцом иеромонахом Иасоном. Не знаю, моя ли молитва или благословенных отцов, служивших в то время молебны святому угоднику Пантелеимону и Царице Небесной, была послушана, но знаю только то, что опять святой угодник меня помиловал и своим ходатайством и заступничеством испросил у Всевышнего Создателя и Царицы Небесной здоровья, и через два дня я уже был совсем здоров... Грешный раб Константин Герман. Адрес мой: Мясницкой части, 1-го квартала, Челышева гостиница, 1-е отделение.

Почти два года тому назад я был подвержен ужасной зубной боли, но вместе с тем необходимо было выехать из дому и по обязанностям службы долгое время пробыть на воздухе. Проезжая по Никольской улице и крича от невыносимой боли, я хотел заехать в аптеку и взять спирта или одеколона, чтобы этим полосканием хотя на время утишить ужасную боль, но увидел часовню святого великомученика и целителя Пантелеимона и, полный сомнений и сознавая свое недостойнство, я все-таки взшел в нее, и, как только приложился к мощам святого угодника и к Животворящему Древу Креста Господня, боль моих зубов моментально прошла... Уверовав в действительность совершившегося надо мною, грешным, чуда исцеления от мощей святого угодника и Животворящего Креста, я опять приехал в часовню и отслужил благодарственный молебен... Феодор Андреев Новиков. Москва.

13 октября 1882 года я был болен, простудился так, что весь ослаб и едва мог ходить. Вздумал я про святого Пантелеимона и на другой день потихоньку дошел до часовни и попросил священника отслужить молебен. Помолился святому Пантелеимону со сле-

зами и, взяв маслица от святых мощей, на ночь помазал все тело и на другой день стал совершенно здоров. Крестьянин Павел Прокофьев Ярославской губернии Мышкинского уезда Егорьевской волости, проживающий в Москве.

У дочери крестьянина моего прихода Савелия Бузенкова, Наталии, недели за три до Рождества заболели глаза. Болезнь сначала не так была сильна, но чрез неделю до того развилась, что даже родители ее потеряли надежду видеть ее зрячею. Сестра больной живет у меня в доме, и когда пришли к ней, чтобы она шла домой навестить свою больную сестру, то жена моя дала ей немного маслица и святой водицы, которые я привез из Москвы, из Пантелеимоновской часовни, и велела помазать глаза. И что же было, когда больная намазала себе глаза в первый раз? Мягкие для глаз вещества — масло и вода произвели такую необыкновенную резь в глазах, что больная часа два кричала. Наконец резь прекратилась, и из глаз больной пошел гной, и так сильно, что к утру она не могла разлепить ресниц иначе как при посредстве простой холодной воды и снова, промывши глаза холодной водой, намазала их маслом и святой водой. И угодник Божий исцелил ее к 12 часам дня, так что даже не осталось и малейших признаков болезни. В первый раз больная мазала себе глаза вечером. Что подлинное правда, в том я удостоверяю собственноручным подписом. Сапожниковского уезда Рязанской губернии села Кутловых Борков священник Александр Лебедев. 1886 год.

В 1886 году у меня заболело левое ухо, и я ничего им не слышал, но, помолясь угоднику Божию цельбоносному Пантелеиму, выпил ложечку елея из неугасимой лампадки, находящейся в часовне на Никольской улице и, омочив вату деревянным маслом, вложил оную в ухо и получил исцеление... Московского Алексеевского девичьего монастыря заштатный пономарь Василий Антонов Соколов.

Жена моя несколько лет тому назад была так больна, что доктора совсем потеряли надежду на ее выздоровление, но после отслужения молебна святому угоднику о здравии ее и после помазания святым елеем из лампы, горящей пред его целебными мощами, и принятия святой воды, освященной при его же святых мощах, выздоровление пошло так быстро, что сами доктора приписали это не искусству, а помощи свыше (из письма штабс-капитана Алексея Семеновича Владимирова. Москва. 1883 год)¹.

Из московской Пантелеимоновской часовни посильная благодарная помощь православного народа непрерывным потоком текла

¹ Житие, страдания и чудеса... С. 266, 304—306, 340—341, 358—359, 373—374, 388—390.

в Русскую Афонскую обитель. «Открытие часовни дало нам возможность иметь прямые сношения с родною нам Россиею, щедротами коей существует не только наша обитель, но и многие иные здешние обители», — говорил отец Макарий в слове к братии 11 февраля 1877 года.

Посетители часовни могли здесь сделать заказы на иконы афонского письма, для большего утешения и наставления получить душеполезные листочки и книги издания Свято-Пантелеимонова монастыря. О важном духовно-просветительном значении московского Афонского подворья, как главного места книгоиздательской деятельности Пантелеимоновой обители, речь пойдет ниже.

Всегда памятуя, кому главным образом Афонский Русский Пантелеимонов монастырь обязан своим возрождением и благоустройством, старцы Иероним и Макарий всеми силами и доступными им средствами старались не оставаться в долгу перед своими благодетелями — русскими православными людьми, соблюдая прежде всего принятые на себя обязательства быть непрестанными молитвенниками за весь русский народ и неукоснительно поминать имена своих многочисленных жертвователей. На благодеяния русских людей старцы отвечали и тем редким страннолюбием, которое оказывалось всем паломникам из России в Свято-Пантелеимоновой обители, ставшей для них надежным пристанищем на Афоне.

Обитель не требовала от паломников платы за пребывание, иногда длительное, приемля, впрочем, с признательностью их добровольные приношения. Для всякого странника всегда были гостеприимно распахнуты двери, готовы трапеза и покой в гостиницах. Бедным поклонникам давался в дорогу хлеб. На Карее был построен обширный конак, где русский паломник, путешествуя по Афону, всегда находил себе приют, пищу и духовное о себе попечение.

Благолепные и чинные церковные службы, строгое выполнение братией уставов богослужебных и монастырских, духовное окормление старцами в Пантелеимоновом монастыре полностью удовлетворяли те высокие духовные запросы русских православных людей, которые они предъявляли по отношению к монастырям вообще и святогорским в частности.

Старцы Иероним и Макарий, всеми силами своей доброй души любившие русский народ, знали его всегдашнее усердие к святыне и стремление к посещению святых мест православного Востока. Насколько труден и долг этот путь через Одессу и Константинополь, длительны хлопоты по выправке нужных для выезда за границу бумаг и тяжелы условия проживания в ожидании отъезда.

*Приготовление стола для паломников
в Пантелеимоновом монастыре. Фотография конца XIX в.*

старцы знали по собственному опыту. Отец Макарий вспоминал, что, отправившись в паломничество в 1850 году, во время пяти-месячного (в связи с задержками в оформлении документов) пребывания в Одессе, он и его 15 спутников-старооскольцев жили на общей квартире и «удобно устроиться всем не удалось», не говоря уже о дороговизне проживания. А отец Иерон, отправляясь в 1862 году на Афон, в Константинополе вынужден был ночевать в сарае. Поэтому для облегчения русским поклонникам путешествия во святые места старцы устроили в 1870—1880-х годах подворья в Константинополе и Одессе. Множество православных странников и странниц, совершавших паломничество в Иерусалим и на Афон, на этих подворьях находили себе бесплатный приют и истинное радушие, а в лице насельников подворий — заботливых помощников в получении необходимых документов и проводников при посещении святынь города. Ни малейшего замешательства, ни в чем отказа не чувствовали паломники на подворьях в Одессе и Константинополе у «наших отцов». Специально для сопровождения поклонников из Константинополя на Святую Гору монастырь посылал особого наблюдающего, и нередко монастырь на собственные

Здание константинопольского подворья. Фотография 1990-х годов

Одесское подворье. Храм во имя святого великомученика Пантелеимона. Фотография конца XIX в.

средства покупал билеты на Афон и обратно неимущим странникам. Получали они также и духовную помощь, для чего в храме подворья, освященного в 1879 году во имя святого великомученика и целителя Пантелеимона, ежедневно совершались богослужения по афонскому уставу.

Одесское подворье во все время своего существования служило не только приютом для паломников — им пользовались для удовлетворения своих духовных нужд многие окрестные селяне. Здесь же, на одесском Афонском подворье, находили себе кров бедные сельские священники, приезжавшие по своим делам в город, их учащиеся там дети, бедные чиновники, ищущие должности, и простые труженики, оставшиеся временно без заработка, и нередко люди, переносящие с христианским смирением какое-либо жизненное испытание. Храм одесского подворья во имя великомученика Пантелеимона, вмещавший 3000 молящихся, был устроен позднее и освящен в 1895 году. Накануне воскресных дней и больших праздников подворье наполнялось пришедшими и съехавшимися целыми семьями из деревень богомольцами, которые располагались около своих повозок на дворе или размещались по всем коридорам и углам здания

подворья. По первому удару колокола все они сходились в обширный благолепный храм подворья и выстаивали до конца праздничное богослужение, затем, после поздней Литургии, расходились и разъезжались по домам до следующего воскресного или праздничного дня, унося с собой благодарное чувство и тихую радость.

При московском подворье, в доме на улице Полянка, был открыт на полном содержании от обители приют на восемь увечных воинов, пострадавших в русско-турецкую войну 1877—1878 годов (в этом же «полянском доме» жил и скончался отец Арсений). На константинопольском подворье монастыря в 1878 году устроено пристанище для приезжавших тогда из русской армии офицеров и солдат. В Константинополе при русской больнице на монастырский счет построена церковь и содержались при ней из братства монастыря три монаха, а в церковь российского посольства обитель с 1867 года посылала из братии от двух до четырех певцов.

Старцы внушали инокам, трудящимся на подворьях, встречающим и провожающим сотни и тысячи странников, что их подвиг послушания необходим, как труд ради Бога и ближнего. А русские православные люди, возвратясь домой, до конца жизни со слезами

благодарности вспоминали страннолюбие афонских иноков и непременно старались послать в Свято-Пантелеимонов монастырь свою посильную лепту.

Надо отметить, что материальный расход на содержание подворий часто был в убыток монастырю, расход не покрывался доходом. Отцом Иеронимом и отцом Макарием преследовалась одна богоугодная цель — благотворительность, удовлетворение духовных потребностей русского народа, а награда — у Господа. Таков был точный расчет страннолюбивых старцев.

Духовник Иероним неусыпно следил за всеми новыми отраслями своего монастыря, вникал во все их нужды, в письмах обращался к братии с наставлениями

Петербургское подворье. Храм в честь Иверской иконы Божией Матери. Фотография начала XX в.

и посылал своих лучших, испытанных учеников для руководства ими. Старец радовался духом, видя, что на севере и юге обитель имеет прибежища благочестия и молитвы, в которых может успешно служить душевной пользе людей.

Ему не довелось при жизни увидеть открытия петербургского подворья, поскольку величественный девятиглавый храм в честь Иверской иконы Божией Матери с подворьем Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря при нем был освящен там в 1888 году. Петербуржцы благодарили Господа Бога за то, что Он дарует им новую святыню и благословение Святой Афонской Горы, и приносили щедрые пожертвования на миссионерскую и благотворительную деятельность кавказской обители.

Просветительно-издательская деятельность. Собирание библиотеки

Чтобы подвиг паломничества был осмысленнее для русского странника и приносил бы душе его большую пользу, благодарная обитель старалась путем распространения брошюр и книг ознакомить паломников с посещаемыми ими святынями и их значением для православных христиан. По благословению старцев Пантелеимоновой обители на одесском и константинопольском подворьях паломникам выдавали бесплатно по 50 нравственно-назидательных брошюр и по такому же количеству листов издания Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, в которых содержались описания многочисленных афонских святынь, давались в простой удобопонятной форме сведения о первых потребностях и обязанностях всякого христианина, делались предостережения об опасности раскола и сектантства, приводились примеры христианской жизни святых угодников Божиих как в подробных, так и в кратких их житиях. На память об Афоне все поклонники наделялись иконками святого великомученика Пантелеимона, четками, крестиками. Знатным посетителям раздавались издания дорогие, часто в роскошных переплетах.

Просветительно-издательская деятельность Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря началась вскоре после переселения отца Иеронима в Русик, и в этом старцу принадлежит по всей справедливости первая заслуга. Он был душой этого дела. Прозорливо провидев его успех и благотворность, он не щадил ни трудов, ни расходов для его поддержания и расширения.

Первой книгой, изданной в России на средства Пантелеимонова монастыря в 1850 году, была хорошо известная, пользовавшаяся усиленным спросом читателей книга деятельного сотрудника старца Иеронима Серафима Святогорца (иеросхимонаха Сергия) «Письма Святогорца к друзьям своим о Святой Горе Афонской», выдержавшая впоследствии не одно издание и имеющая множество читателей и сегодня.

Продолжая издательское дело, Русский монастырь в 1858 году напечатал «Сочинения и письма Святогорца, собранные после его смерти», а в 1861 году — «Стихотворения Святогорца, собранные после его смерти и посвященные любителям и благотворителям». В 1860 году напечатан монастырем «Афонский патерик», собранный старанием другого помощника отца Иеронима — отца Азария. В 1861 году на средства монастыря напечатана в существовавшей в ту пору при Константинопольской патриархии славяно-болгарской типографии книга «Вышний Покров над Афоном» — сказания о многих чудотворных иконах Святой Горы. В той же типографии в 1862 году напечатана была «Служба и похвальное слово преподобным и богоносным отцам нашим, на Святой Горе Афонской просиявшим», а в 1867 году — служба в честь иконы Богоматери, именуемой «Достойно есть». Когда отец Арсений находился в России, то монастырем были напечатаны там в 1863 году «Житие и страдания святого великомученика Пантелеимона», в 1864 году — «Молитва святому великомученику Пантелеимону» и много разных душеполезных брошюр и листов.

Мы уже видели, что все знавшие отца Иеронима удивлялись его обширной начитанности в Священном Писании и святоотеческих творениях. «Хотя и аз много читал книг, но против него — как капля в море», — восхищался инок Парфений.

Не проходили мимо его внимания и последние издания богословские, общественно-церковные и нравственно-назидательные: имея попечение о большом монастыре и множестве душ, вверенных ему Господом, он должен был чутко прислушиваться к событиям, происходившим в окружающем мире. Сам он так смиренно объясняет свою любовь к духовному чтению: «Мы получаем семь журналов духовных: «Творения святых отцов», «Духовную беседу», «Домашнюю беседу», «Христианское чтение», «Православное обозрение», «Душеполезное чтение», «Труды Киевской академии», а из газет — только одну «Северную пчелу», да получаем еще греческие три. Я покуда при помощи Божией почитываю довольно и днем и ночью, а без чтения очень скучно и вовсе не могу. Во всем я

неможен, и я немало удивляюсь другим, как они могут быть спокойны без чтения от прилогов разных худых мыслей. Я, если и на малое время оставлю чтение, и тогда страдаю от прилива злых мыслей, тут от праздности ума чего не придет на память, всякая чепуха и вздор лезут в ум, а, когда постоянно занимаюсь чтением, тогда и ум, и память бывают чисты и покойны»¹.

Именно отец Иероним с его любовью к духовным книгам и издательскому делу и сознанием той громадной нравственной пользы, которую через них может принести обитель своим соотечественникам и всему балканскому славянскому православному населению, решил завести в обители собственную типографию. Задуманное было осуществлено в 1865 году, только по совету отца Арсения вместо предполагавшейся сначала отцом Иеронимом печатной машины, требовавшей для своего ухода особых мастеров, выписаны были в монастырь два печатных станка — первые печатные станки на Афоне. На них иноками Пантелеимонова монастыря были набраны и напечатаны «Русско-греческий словарь» отца Иеронима, несколько душеполезных листков и три брошюры: «Слово Исихия, пресвитера Иерусалимского», «Житие святого великомученика Димитрия Солунского» и «Обетование Божией Матери, данное Святой Афонской Горе». В каких грандиозных размерах было задумано это предприятие, свидетельствуют, например, такие слова отца Арсения старцу Иерониму: «Церковного шрифта отец Мелетий заказал здесь пудов двадцать или поболее. Что делать! Будем печатать нужное для себя»².

Отец Иероним хотел открыть свою типографию официально и в 1868 году от имени обители подал прошение Вселенскому патриарху, в котором излагал свои намерения: «Имея в виду, с одной стороны, распространение по умеренной цене церковных книг между единоверцами нашими — славянскими племенами для удовлетворения их духовных нужд, а с другой — поддержание и укрепление в народе основ православной веры и христианской нравственности, считаем как самое полезное и вместе необходимое заведение на Святой Афонской Горе, всеми чтимой и посещаемой с паломнической целью, славянской типографии, на что единодушно соглашается и решается наша обитель. Изложивши все вышесказанное Вашему Святейшеству, с благоговейным послушанием и глубочайшим почтением ожидаем Ваших распоряжений, чтобы при Божественном со-

¹ Письмо к сестре от 17 ноября 1864 года.

² Письмо из Москвы 1865 года.

действии немедленно приняться за это общепользное и душеспасительное дело на тех основаниях, каковыя благоугодно будет указать Вашему Святейшеству...» Но решение патриархии было замедлено по тогдашним обстоятельствам церковной жизни — несогласию между Константинопольской и Болгарской Церквами. На поданное отцом Иеронимом ходатайство к турецкому правительству было выдвинуто условие жесткого контроля, и существование в обители типографии даже с самыми скромными задачами и целями стало небезопасно. Чтобы избежать столкновений с турецкими властями, отец Иероним решил закрыть свою типографию. Литографский же станок, заведенный почти одновременно с типографским, продолжал выпускать картинки для поклонников и в 1870-х годах.

После того как монастырское типографское дело в самом монастыре не удалось, оно перенесено было в Россию, где было поручено отцу Арсению, который к этому делу оказался способен и самоотверженно усерден, и развилось широко и плодотворно. Отец Арсений из собственного опыта во время путешествия по России со святынями узнал великую духовную пользу для славы обители и для русского народа афонских изданий, которые в благословение Святой Афонской Горы во множестве были розданы у святых мощей. «Хотя и много есть духовных книг, — писал он отцу Иерониму в 1867 году, — но когда что носит на себе печать Святого Афона, то преимущественно приемлется с большею верою и потому бывает полезнее для читающих. Нас Господь поставил на такое поприще, что если мы пожелаем потрудиться, то много можем сделать добра, ибо, что мы говорим, тому верят... Святыня наша, источником чудес и знамений прославившаяся, доставила нам большую веру народа, ей мы все обязаны, и без нее я давно уже был бы на Афоне... Ничем иным мы, грешные, не можем так научить, как раздаянием душеполезных книг и описаний о делах Божиих».

Кто из афонских иноков лучше, чем отец Иероним, смог бы наставить и утешить души, алчущие и жаждущие духовного назидания от Святой Горы? Немногие минуты своего уединения и свободного времени отец Иероним посвящал келейным запискам — исполненным духовной и житейской мудрости рассказам афонского старца, прошедшего большую часть жизни в духовнических трудах, и составлению душеназидательных статей.

Он предпринимал и сложные богословские труды — совместно с С. И. Пономаревым составил «Введение» к книге «Евангельская история о Боге Слове, Сыне Божиим, Господе нашем Иисусе Христе, воплотившемся и вочеловечившемся нашего ради спасения». В нем

изложено на основании Священных Писания и Предания догматическое учение о Господе нашем Иисусе Христе, Предвечном Совете Пресвятой Троицы о спасении человеческого рода, о необходимости и цели вочеловечения Сына Божия, приготовлении человеческого рода к принятию Спасителя и состоянии веры и нравственности перед его пришествием. Подготовка к изданию книги началась отцом Арсением в 1870-х годах, была продолжена после его смерти протоиереем Павлом Матвеевским, и только в 1892 году этот объемистый труд был издан Русским монастырем.

Особую важность для отечества в связи с усилением там преступной антиправительственной и антицерковной пропаганды старец Иероним видел в издании составленной им брошюры «Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из Священного Писания», которую он переслал в Москву отцу Арсению со следующим письмом.

«Преподобнейший отец Арсений.

Посылаю Вам статейку «Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из Священного Писания», которую в бытность Вашу у нас я читал Вам, и мы говорили, чтобы напечатать ее церковным шрифтом и раздавать без денег простому народу. Просмотрите ее и дайте людям знающим исправить ее, как лучше, и потом поспешите напечатать ее и при помощи Божией пустить в ход. Пожертвуем на это дело до тысячи рублей, ибо оно при содействии Божиим послужит на пользу многих душ и отечества.

Духовник Иероним.

От 15 апреля 1879 года».

ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ИСТОРИЯ
О
БОГѢ-СЛОВѢ СЫНѢ БОЖІЕМЪ,

Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ,

воплотившемся и вочеловѣчившемся нашего ради спасенія,

изложенная въ последовательномъ порядкѣ и изъясненная толкованіями святыхъ Отцевъ и Учителей Православной Церкви

Съ 30 изображениями и картой Палестины.

Протоіеря Павла Матвѣевскаго

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ
Афонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря

МОСКВА
Синодальная Типографія.
1912.

Титульный лист 2-го издания книги
«Евангельская история о Боге Слове,
Сыне Божием».

Преподобнѣйшій О. Арсеній
Посылаю вамъ Внѣшней
напоминаніе православнаго
Христіанства, о повинове-
ніи властнѣмъ. Выписанное
изъ Св. Писанія. Которое въ
бѣтство въну у насъ, и Чи-
таемъ вамъ Е. и мы говоримъ
Готовъ напечатать Е. Церко-
внымъ шрифтомъ, и раздавать
бѣгъ денегъ простому народу.
Промоштите Е, и дайте
моднымъ знающимъ и управитъ
Е. какъ лучше, и потомъ по-
сѣтите напечатать Е, и
при помощи Божіей пускать
въ ходъ. Помертвуетъ не
это ермо до $\frac{1}{2}$ руб. Но оно
при содѣяннѣ Божіемъ по-
мощи не побѣду многихъ
душевъ и Отечества. —

Апрѣль 15-го Д. Иеронимъ
1879-го.

Письмо старца Иеронима отцу Арсенію от 15 апреля 1879 г.

Некоторые из душеназидательных творений отца Иеронима выдержали не одно издание при его жизни и после смерти и стали известны в России, но мало кто знал, кто является их автором, поскольку часто они были подписаны только инициалами¹.

Начало просветительно-издательской деятельности Пантелеимонова монастыря в России отец Арсений положил выпуском в свет целого ряда брошюр под заглавием «Описание знамений и исцелений, благодатию Божией бывших в разных местах от святых мощей и части Животворящего Древа Креста Господня, принесенных со Святой Афонской Горы, из Русского Пантелеимонова монастыря». Тогда же изданы после больших хлопот и переписки с отцом Иеронимом

«Сказание о земной жизни Пресвятой Богородицы», «Акафист и служба святому великомученику Пантелеимону» и другие книги.

Более усиленная и плодотворная книгоиздательская деятельность Русского монастыря началась с 1873 года, с окончательным обоснованием отца Арсения в Москве. Находясь в постоянной переписке с отцом Иеронимом, он получал благословения на издание книг и испрашивал святых старческих молитв в помощь столь трудному и хлопотливому делу. С 1878 года стал периодически издаваться журнал «Душеполезные размышления», в 1888 году переименованный в «Душеполезный собеседник», который приобрел широкую известность во всех слоях русского общества и при крайней своей дешевизне был доступен всем, от богатых до неимущих. В количестве 15—20 тысяч экземпляров ежемесячно журнал бесплатно раздавался и рассылался монастырем по всей России.

¹ В то же время действующие лица наиболее известных рассказов старца, такие, как схимонахи Никодим и Гавриил, стали почитаться великими подвижниками (см.: Жизнеописания отечественных подвижников XVIII—XIX веков. М., 1908. Июнь. С. 342—353; М., 1909. Август. С. 6—18).

Титульный лист журнала
«Душеполезные размышления»

Особенную заслугу Пантелеимонова монастыря составляет издание сочинений святителя Феофана Затворника: толковательных — на послания святого апостола Павла, аскетических — переводных («Добролюбие» в пяти томах и другие) и собственных («Путь ко спасению», «Письма о христианской жизни» и прочие).

Кроме вышеупомянутых сочинений Святогорца, немало было издано Русским Пантелеимоновым монастырем и других подобных им по содержанию крупных и мелких сочинений, знакомящих православных читателей со Святой Горой, историей и бытом ее насельников, и в частности с Русской обителью, например: «Второе посещение Святой Афонской Горы Василием Григоровичем-Барским», «Путеводитель по Святой Афонской Горе», «Русский монастырь святого великомученика и целителя Пантелеимона на Святой Горе Афонской», «Акты Русского на Святом Афоне монастыря святого великомученика и целителя Пантелеимона». К подобным изданиям нужно отнести книги, прославляющие Божию Матерь, как Покровительницу Афона, и Ее чудотворные иконы, жития угодников Божиих и подвижников, прославившихся на Святой Горе.

Почти все книги Русского монастыря выдержали множество переизданий. Едва ли можно было указать в России обитель, духовное учреждение или учебное заведение, где не имелось бы изданий Афонской обители. Что же касается брошюр религиозно-нравственного содержания, противосектантских и противораскольнических¹, то их невозможно перечислить. Обителью ежегодно распространялось бесплатно 300 тысяч экземпляров брошюр и около 2 миллионов листов. «Раздавайте их в расширение славы Божией», — напоминал старец Иероним². Этими трудами на душевную пользу православных в России Афонская обитель вполне отплачивал русским людям за их непрекращавшуюся благотворительную помощь.

О многополезной просветительной деятельности Пантелеимонова монастыря хорошо сказал А. А. Дмитриевский, автор книги «Русские на Афоне»: «Ни одно из крупных явлений нашей внутренней политической или религиозной жизни не проходило незамеченным нашими афонскими иноками, которые чутко, даже до болезненности, прислушиваются ко всему тому, что происходит внутри их хотя и покинутого, но все же близкого их сердцу дорогого отечества...

¹ Для обращения раскольников к Русской Православной Церкви в 1874 году из Пантелеимоновой обители в Казанскую епархию по просьбе архиепископа Казанского Антония старцами был послан схимонах Михаил, имеющий опыт в противораскольнической деятельности.

² Письмо к сестре от 8 января 1884 года.

Через афонские издания за весь сравнительно еще недлинный период их просветительно-издательской деятельности посеяно немало добрых семян на не возделанной еще и обширной ниве нашего народного религиозно-нравственного просвещения. Красноречивыми выразителями народной благодарности и ценителями громадной пользы для него от изданий Русского Афоно-Пантелеимонова монастыря являются наши архипастыри, содействующие этому великому делу народного просвещения своими собственными литературными трудами, появляющимися на страницах афонских изданий»¹. Многие из русских архиереев, архимандритов, протоиереев и иеромонахов, профессоров, известные в нашем отечестве своими литературными трудами, принимали участие в подготовке изданий Пантелеимонова монастыря. Свой вклад в духовно-просветительную деятельность обители внесли и некоторые из ее братии. Кроме Святогорца, это были отцы Азарий, Аркадий, Селевкий, Матфей, Пантелеимон, Арсений, Денасий, Михаил, а также отец Владимир — постоянный корреспондент «Душеполезного собеседника». На страницах афонского ежемесячника печатались некоторые из глубоко назидательных поучений братии, произнесенных игуменом Макарием по разным случаям. После смерти отца Иеронима в «Душеполезных размышлениях» и «Душеполезном собеседнике» публиковались некоторые его келейные записки и отдельные воспоминания духовных чад, в том числе отца Макария, о своем старце-духовнике.

Отцы Иероним и Макарий много заботились о приведении в должный порядок и благоустройстве монастырской библиотеки. Было отстроено ее здание. Старцы не жалели средств для пополнения библиотеки. Если русский путешественник профессор В. И. Григорович в начале поселения русских в обители нашел в ней 500 печатных книг и 60 рукописей, то благодаря заботам старцев и усердию отца Матфея она увеличилась настолько, что при жизни отца Иеронима одних рукописей X—XIX веков в ней стало насчитываться до 700 на греческом языке и до 100 на славянском, печатных книг на разных языках — до 20 тысяч. В монастырском архиве хранится драгоценное сокровище обители — более 50 царских и других грамот, в числе которых — четыре русских царей: Феодора Иоанновича, Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича, Иоанна и Петра Алексеевичей — и одна святителя Иова, патриарха Всероссийского, также грамоты патриархов Константинопольских Каллиника и Иоакима и другие монастырские акты XI—XIX веков.

¹ Дмитриевский А. А. Русские на Афоне. СПб., 1895. С. 325.

Библиотека Русского монастыря. Фотография 1991 г.

Приведенная старцами в образцовый порядок, библиотека Русского Пантелеимонова монастыря встала в ряд с лучшими святогорскими библиотеками — Ватопеда и Великой лавры, благодаря

*Заставка Евангелия. XI—XII века.
Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь*

редкому гостеприимству старцев Иеронима и Макария открывала двери многочисленным ученым, желавшим в ней поработать, и усердно послужила делу духовного просвещения и народного образования в России.

Старцами Пантелеимонова монастыря также постоянно посылались во многие губернии отечества вспомоществования на нужды духовных учебных заведений. Русской духовной миссии в Японии, кроме высылки икон, картин и крестиков, всегда оказывалась денежная помощь, достигавшая 6000 рублей, равно как и Алтайской миссии. Оказывалось вспомоществование Русской духовной миссии в Иерусалиме при постройках на Елеоне.

Расцвет Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря (1875—1885)

Прославляющая Мя прославлю (1 Цар. 2, 30) — обещал Господь и щедро воздавал праведнику за подвижнические труды во славу Его. Слова старца Арсения, которые он сказал отцу Иерониму, посылая его на духовничество в Русик: «Там имать нечто быти дивное, ибо так угодно Богу», полностью оправдались.

В последние годы жизни старца положение Русского монастыря на Афоне стало прочным во всех отношениях при полном материальном довольстве братии, а внутренняя иноческая жизнь проходила в мире, тишине и духовном преуспевании. За всю свою многовековую историю обитель великомученика Пантелеимона не достигала такого расцвета, как в то время. «В обители у нас все благополучно, все слава Богу» — такие слова старца очень часто встречаются в его письмах тех лет.

Даже опасную беду, на время смутившую братию, — русско-турецкую войну 1877—1878 годов — Господь обратил во благо, нравственно укрепил обитель и снова явил над ней Свои дивные чудеса. Обитель не испытывала материальной нужды во время войны и оставалась мирной. «Прошлую зиму в окрестности нас умирали с голоду и рады были какому-нибудь сухарю утолить свой голод. ныне же слышим — после нравственных потрясений и отечество наше поражено во многих местах голодом. Еще зима не начиналась, а все приходят в ужас от крайней дороговизны жизненных продуктов и неимения хлеба, мы же едва ощутили какой-нибудь малейший недостаток в чем-либо», — говорил отец Макарий в то время. «...Мы, благодаря Бога, во время войны большой нужды в пропитании не имели, хотя и денег у нас не было запасено, но греки за хорошие проценты давали нам займы. Таким образом, мы могли и всем бедным раздавать хлеб, которые приходят по воскресеньям человек по двести. Во всем Господь нас удовлетворил, за нами благодарность. Много и премного Господь в эту войну оказал нам Свой дивный покров и во всем помощь, и мы не знаем, как и благодарить Его, и Его Пресвятую Матерь, и святого Пантелеимона», — вспоминает старец Иероним¹.

Старцы, так же как и в прошлую войну, не благословили инокам оставлять обитель. «Приходя на Афон, каждый знал, куда идет, не сегодня, то завтра, а должно было ожидать этого события. Оставление

¹ Письмо к сестре от 1 марта 1878 года.

*Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь
в 1880-х годах. Литография*

обители весьма вредно как в нравственном, так и в материальном для нас отношении», — рассудили они. Обитель была так нравственно крепка, а старцы так бдительно старались сохранять мир в братии, что ни оживление неприязненных отношений греков к русским афонцам, ни подозрения турецкого правительства против них, ни угрозы выслать с Афона в Малую Азию, в монастырь Сумела, ни особая комиссия, посланная в монастырь для проверки благонадежности русской братии не нарушили привычного строя иноческой жизни.

Когда греческие и турецкие газеты начали усиленно возводить клевету на русских монахов, чтобы изгнать их с Афона, в газете «Тарик» появилась статья анонимного автора, представлявшая собою не более не менее, как донос на Русский Свято-Пантелеимонов монастырь. В ней прямо говорилось, что монахи Русика — переодетые солдаты, что игумены их — командиры, что в монастыре хранится порох, оружие, что, кроме того, существует тайный военный комитет под председательством российского посла при константинопольском дворе, а сам комитет находится при генеральном консульстве в Салониках и т. д. Турецкое правительство прислало целый батальон солдат для обыска, после которого редактор «Тарика» вынужден был по требованию того же турецкого прави-

тельства напечатать опровержение, в котором он разоблачал клеветников, дав заключение такими словами: «Статья эта оказалась ложью и клеветою, как нами это проверено и доказано». А султан вместо виселицы, как на то рассчитывали греки, прислал игумена Русика архимандриту Макарию орден Османие 2-й степени¹.

«Пребывая в стенах русского монастыря святого Пантелеимона там живал в какой-то атмосфере древнего русского благочестия, — пишет в донесении в Россию от 10 мая 1880 года генеральный консул в Македонии М. А. Хитрово. — Сердце радуется, видя на далекой чужбине это благоустроенное, прекрасно управляемое громадное хозяйство в благочестивом деле русского Православия. Но не надо забывать, что великое дело это, возникшее, так сказать, само собою из духовных потребностей русского народа, развилось, зиждется и поддерживается ныне исключительно неусыпною деятельностью, непреодолимою энергиею и громадным нравственным влиянием выходящих из ряда отцов Макария и Иеронима и нескольких лиц, которых сумели они собрать вокруг себя. Дело это благодаря усилиям отцов Макария и Иеронима ныне поставлено на прочную почву. Монастырь святого Пантелеимона стоит на собственной земле и имеет своего, русского представителя в протате. Игумен — русский, в составе братии огромное большинство принадлежит русским».

«Кроме соборного храма, — описывает консул «благосостояние благоустройство и богатство Русского монастыря», — еще несколько красивых и богатых церквей. Возведено несколько новых прекрасно выстроенных корпусов. Все здания монастырские исправлены, перестроены, приведены в порядок. Обширная монастырская трапеза вмещает всю братию и поклонников. Все службы монастырские — в замечательном порядке. Драгоценные ризницы монастырские поражают как богатством заключающихся в них предметов, так и тщательным их содержанием. В монастыре имеются школы иконописной живописи, фотография, литография и всякого рода ремесленные заведения. Две больницы монастырские, одна для братии, другая для поклонников, содержатся с замечательною чистотою».

Вне стен монастырских обитель обладает на самой Горе Афонской благоустроенным скитом Богородицы² и многочисленными прекрасно отстроенными, утопающими в тщательно возделываемых

¹ См.: Калиновский А. Где правда? История Афонского Иверского монастыря. СПб., 1885. С. 55.

² Скит Богородицы Ксилургу — первоначальное местопребывание русских на Афоне до их перехода в 1169 году в старый Русский Пантелеимонов монастырь. — *Примеч. сост.*

садах отдельными келлиями. Поблизости от монастыря имеется хорошо устроенная мельница. Огромный огород снабжает монастырь овощами. Монастырские виноградники приведены в отличное состояние. Принадлежащие монастырю леса рубятся и эксплуатируются правильным образом.

В часе расстояния от обители, в живописной местности, где были недавно развалины древнего Русика, уже возвышаются прекрасно отстроенные корпуса, вмещающие братию нового скита во имя святого Саввы Сербского, основавшего на особенно строгом постническом уставе. Тут же воздвигается огромный красивый соборный храм.

Вне Афонского полуострова монастырь обладает метохом Каламария, в котором заведено образцовое сельское хозяйство.

В монастыре святого Пантелеимона строго блюдетсЯ устав монастырского афонского общежития, и в этом отношении он может служить назидательным, но едва ли приятным примером для греческих штатных монастырей. В службах церковных даже нигде в России не видал я такого благочиния, благолепия, скажу, церковной роскоши, как в монастыре святого Пантелеимона. По нескольку раз в день одновременно во всех церквях монастырских совершается богослужение и возносятся молитвы о России, государе императоре и царствующем доме. В двух главных храмах служение совершается большею частию соборное на русском языке с двухклирным стройным пением. Все, даже иностранцы, побывавшие на Афоне, оставались пораженными великолепием, стройностью, замечательным во всех даже подробностях богослужением в Русском монастыре.

Не менее поражало их и монастырское русское хлебосольное гостеприимство. Не говоря уже о сановных посетителях, находящихся в монастыре широкое гостеприимство, стены его часто переполняются русскими поклонниками из простонародья, возвращающимися большею частию поистратившимися из Иерусалима, которых скудные посильные и добротные пожертвования далеко не восполняют расходов монастыря на их содержание. Кроме поклонников, монастырь прокармливает круглый год и ежедневно в стенах своих до 1000 человек братии и рабочих. Множество келлиотов афонских существуют исключительно подавниями монастыря. Каждый день у врат монастырских происходит громадная раздача хлеба и денег. Поклонники, монахи других монастырей и путешественники в ожидании пароходов проживают иногда по несколько дней в отдельном корпусе вне стен монастырских на иждивении монастыря.

Внешняя благотворительность монастыря тоже громадна и совершается воистину по христианскому учению: левая рука не знает того, что творит правая. Таким образом, например, по причине последних неурожаев в здешнем крае, в то время как здешний английский генеральный консул роздал бедным каких-то 1000 мер [хлеба], присланных из Англии, о чем протрубили все газеты, Русский монастырь святого Пантелеимона, как мне достоверно известно, выписал из Одессы и закупил в Солуне несколько полных грузов кукурузы и других хлебов, которые были безвозмездно розданы голодающему окрестному сельскому населению. Об этом газеты ничего не говорили, но поселяне, знающие, откуда пришли благодеяния, прославляют священное имя русского народа.

Глядя на все это вблизи, дивился, как на все это хватает достатков монастырских. Все это по воле Божией оказывается возможным лишь благодаря необычайной деятельности, порядку и благоустройству обители».

Благодаря решительным действиям в сочетании с мудростью богоспросвещенного разума отца Иеронима значение Русского монастыря стало гораздо важнее значения других монастырей, влияние его как на кинотские решения, так и вообще на всю святогорскую жизнь стало весьма ощутимо и для всех очевидно. Это особенно обнаружилось в таких значительных делах, как, например, в улаживании недоразумений между русскими скитами и их господствующими монастырями, в выселении с Афона светских купцов, в правильном и своевременном получении доходов некоторыми афонскими монастырями с имений, находившихся в пределах нашего отечества, в дозволении некоторым греческим обителям Святой Горы произвести сбор пожертвований в России и многих других.

На покровительство и помощь русских старцев возлагали надежды многие афонцы.

«По крайне стеснительным обстоятельствам монастыря Хилendarя — сообщает отец Макарий, — сего 13 октября являлись к нам избранные епитропы, имея в руках и письмо с монастырскою печатью, в коем говорится, что этим двум монахам поручается переговорить с нами конфиденциально (при этой беседе были только я и батюшка отец Иероним). На основании этого письма отцы хилендарцы объяснили нам следующее: "Отцы святые, поведем вам о несчастном положении нашего монастыря, упадающем день ото дня и приходящем как нравственно, так и материально в разорение.. Поэтому вот мы согласились между собою предложить вам назначить кого-либо из вашего братства во игумена да придать ему спо-

собных людей, могущих управлять обителию общежительным порядком и восстановить упавший нравственно дух братства...”»¹

Вот еще одна просьба о помощи. «Всечестнейшему отцу архимандриту и настоятелю Макарию и духовнику иеросхимонаху Иерониму. Святые отцы, прошу подкрепить моих братий, притесняемых от греческих монахов Иверского монастыря. Я вполне уверен, что они ничего не могут сделать, только пугают и притесняют их. Наше правительство не допустит их в самоволие... К вам предан, нижайший ваш ученик схимонах Венедикт, грузин. 13 декабря 1883 года».

В то время, когда грузинские монахи, вытесненные греками из Иверского монастыря, решили возобновить заброшенную киновию святого Иоанна Богослова, а греки отказались продавать им стройматериалы, отец Иероним повелел своему монастырскому эконому отцу Павлу закупать, где только возможно, лес и доставлять его для постройки киновии².

Отец Иероним и отец Макарий принимали живое участие в делах греческих монастырей и старались всячески поддерживать правое дело и везде водворять нарушенный мир и братскую любовь, хотя сами они нередко в благодарность за все это получали неприятности, огорчения и даже доносы. Старцы всегда предпочитали «худой мир доброй ссоре». Но, если они так относились к монашествующим из греков, тем более можно было ожидать от них горячих симпатий и искреннего участия в жизненных затруднениях своих соотечественников, русских, так или иначе нуждавшихся в их помощи, поддержке добрым словом и в опытном указании. Вынеся много невзгод на своих собственных плечах, русские старцы, когда положение их монастыря на Афоне во всех отношениях упрочилось, сделались мощными покровителями и защитниками своих соотечественников. Сами лично или через своего антипросопа в киноте они смело и решительно отстаивали интересы русских афонских скитов, защищая их от притеснений со стороны их кириархических греческих монастырей, чем нередко навлекали на себя и свой монастырь недовольство со стороны греков. Старцы Пантелеимонова монастыря никогда не отказывались от высокой роли миротворцев и добрых советников, когда их просили об этом свои братия — русские (как было во время недоразумений в Андреевском и Ильинском скитах), что указывает на высокий авторитет старцев, каким они пользовались на Афоне.

¹ Письмо к настоятелю русской посольской церкви в Константинополе архимандриту Смарагду от октября 1880 года.

² См.: *Калиновский А.* Где правда? С. 51.

*Великий князь Константин Константинович
в Русском монастыре в августе 1881 г.*

Но не только на Афоне упрочилось положение монастыря. С устройством на Кавказе отцами Иеронимом и Макарием Ново-Афонского монастыря русские афонские иноки стали постоянными гостями как на Кавказе, в Одессе, Ростове-на-Дону, Таганроге и других местах юга России, так и в Москве и Санкт-Петербурге. Пантелеимоновская часовня, устроенная обителью в Москве, и подворье Ново-Афонского монастыря в Петербурге, служа приютом для русских святогорских иноков в русских столицах, поставили их под защиту и покровительство русского правительства, дали возможность иметь прямые сношения с родной Россией и наглядно знакомили ее народ, чем и как живет достославная и чтимая им Афонская Пантелеимонова обитель. Открытие сбора пожертвований при хозяйственном управлении Святейшего Синода для Пантелеимонова монастыря и Андреевского и Ильинского скитов — ясные доказательства того, что эти обители находились под особым покровительством русских духовных властей.

В 1880-х годах были продолжены визиты в Свято-Пантелеимонов монастырь высочайших особ русского императорского дома и русских высокопоставленных лиц. Так, в августе 1881 года обитель

посетил великий князь Константин Константинович. «Была устроена встреча с крестным ходом, и великий князь благоволил простоять почти все бдение и своим усердием подивил нас, монахов... Затем его высочество благоволили осчастливить своим посещением и мою келлию, где был чай, и беседовали с духовником отцом Иеронимом, у которого и исповедовались», — сообщает о памятном для обители событии отец Макарий¹.

Особенно внимателен к нуждам Пантелеимоновой обители был русский посол при Османской Порте А. И. Нелидов, получивший эту должность в 1882 году, всегда приходивший на помощь монастырю, когда того требовали обстоятельства. При внимательном отношении русского правительства и неоскудевающей материальной поддержке со стороны благочестивого и милостынелюбивого народа России вслед за Свято-Пантелеимоновым монастырем и русские афонские скиты, и все русские афонцы стали ощущать прочность своего положения на Афоне.

Все эти изменения в жизни русского иночества на Святой Горе сильно повлияли на его численность. На всем Афоне в прежнее время количество русских иноков не превосходило 200 или 300 человек, тогда как в 1890-х годах русские если не превосходили, то не многим уступали в численном отношении грекам. Количество русских иноков на Афоне достигало 5000².

«Заселение Афона несколькими тысячами русских монахов, — отмечал настоятель русской посольской церкви в Константинополе архимандрит Иона, — привлечение сюда при посредстве тех же монахов значительных русских капиталов, усиление интереса русского общества к делам православного Востока — это дело великой

¹ Письмо к протоиерею Василию Лебедеву от августа 1881 года.

² Во время русско-турецкой войны, в 1877—1878 годах, один турецкий депутат парламента, касаясь положения дел на Афоне, указал на могущие быть опасности со стороны тех 10 тысяч русских, которые живут здесь. Цифра эта явно завышена клеветниками, чтобы раздражить турок. В записках отца Мины («Каталог умерших отцев») сказано, что патриарх Иоаким II в беседе с султаном, разоблачая клеветников, говорил, что русских на Афоне не более 2000. В греческой газете «Неологос» (1884. 20 августа) была перепечатана статья из константинопольской газеты «Османлы», где заявлялось: «Много уже лет происходит на Святой Горе тайная работа. Русские монахи ежедневно там умножаются, и имения их, как и количество, постоянно возрастают... Иностранцы Святой Горы предприняли создание огромных заведений и ежедневно распространяют границы оных через приобретение новых земель и даже некоего морского залива и гавани, могущей вместить целый флот! Они старались приобрести еще и один остров, но, к счастью, это не было им дозволено...»

*Послушание в иконостасной мастерской Пантелеимонова монастыря.
Фотография конца XIX в.*

государственной важности... Эти народные посланцы значительно помогли русскому правительству в деле поддержки русского престижа на Ближнем Востоке. Русские афонские монастыри дают работу и хлеб жителям чуть ли не всей южной Македонии. Они сумели поставить себя в хорошие отношения со всеми местными христианами, заслужили уважение и со стороны турок. Даже греки, так громко кричащие о русских захватах на Афоне, отлично сознают материальную, а пожалуй, и политическую для них выгоду пребывания русских на Афоне и умеют ею пользоваться иногда для своих целей. Одним словом, простой русский афонский монах сумел по нужде сделаться государственным человеком и оказать действительную помощь своему правительству...»¹

Такие изменения в жизни и увеличение числа русских насельников Афона самым неразрывным образом связано с многополезной деятельностью приснопамятных старцев Русского Пантелеимонова монастыря — отцов Иеронима и Макария. «Вся духовная жизнь русского Афона, — заключает архимандрит Иона, — сосредоточивалась и утверждалась на личном духовном совершенстве и влиянии двух вышеуказанных приснопамятных старцев».

¹ Здесь и далее высказывания архимандрита Ионы даются по кн.: *Иона, архимандрит. Свет с Востока. СПб., 1903. Вып. 1. С. 40—41.*

В евангельском духе строгого общежития

В Русскую обитель под отеческий покров старца Иеронима к концу его жизни братии собралось более 800 человек, так что, как записал в 1885 году монах Пантелеимон, не все уже знали друг друга по именам, а только после смерти каждого узнавали имена для поминовения. Так плодоносила его паства духовная неусыпным отеческим попечением!

Воспитание русского молодого поколения, с каждым годом все усиленное стремившегося в общежитие Русского монастыря и нуждавшегося в самом внимательном отеческом руководстве, было первой заботой отца Иеронима в деле внутреннего благоустройства обители. Старец Иероним, глубоко понимая дух и стремление приезжавших, поручал их опытным старцам, под руководством которых они проходили первоначальный искуc. Для высшего духовного руководства все увеличивавшимся братством отец Иероним подготовил старцев-духовников и завещал их после себя.

«Духовником в общежитии, по правилам святых отец, должен быть сам игумен, — закрепляет за игуменом древнее его право отец Иероним, — так как ему вручено духовное окормление, но, если число братии велико и он один не может всех исповедовать, в таком случае он вкупе с собором избирает в помощники себе одного

На монастырском кожевенном заводе. Фотография конца XIX в.

или двух, которые занимались бы исповедию назначенных от игумена братьев и разрешали бы грехи, только не смертные, а в смертный грех павшего отсылать к игумену — общему отцу и духовнику — так все богоносные отцы советуют и определяют. Так и на Афоне святой Савва Сербский в своем уставе определил (Устав святителя Саввы, гл. 6, 7, 17). С должностью духовника и должность наставника, то есть старца, соединяется неотдельно. Должность духовника состоит в совершении Таинства Покаяния, а должность наставника состоит в том, чтобы желающих облещись в иноческий ангельский образ руководствовать к богоугодной жизни частыми и полезными наставлениями по правилам, какие изображены в книге святого Василия Великого о подвигах иноческих. Впрочем, в помощь духовнику не возбраняется по благословению игумена быть наставником, то есть старцем, другому брату и даже простому монаху, только искусному в духовной жизни, который брата, открывающего ему мысленные свои брани, мог бы вразумить, как ему противоборствовать искушениям вражеским, возбудить себя к покаянию и исповеданию грехов своих пред отцом духовным»¹.

Отец Иероним был как отцу Макария, так и всей братии и духовником, и старцем-наставником. После его смерти старцем над всеми преемственно стал отец Макарий.

Спасение во многом совете (Притч. 11, 14), — часто повторял, по примеру святых отцов, старец Иероним. Это значит советовать не со многими, а с одним, но обо всем. Сам отец Иероним до приезда на Афон всегда имел рядом с собой друга духовного, которому открывал все свои помыслы. На Афоне он избрал себе опытного старца — отца Арсения, затем поверял свои мысли и чувства игумену Герасиму и, наконец, своему «богодарованному другу» — отцу Макарию. Крепкая духовная дружба отца Иеронима со своей сестрой, начавшаяся еще в родительском доме, и переписка, духовно утешавшая старца, продолжались у них до самой смерти.

Какая-то таинственная духовная связь существует между двумя по духу родственными душами, в беседе они легко открываются друг другу и во всем доверяются, в скорби и печали получают утешение, немощей душевных облегчение и исцеление. Поэтому и важно найти именно своего духовника-старца. В монастыре в этом может помочь и игумен, знающий души своих чад, или же искать старца надо путем практическим: кому легче открывается душа.

¹ «Устав Русского на Афоне святого великомученика и целителя Пантелеимона общежительного монастыря» см. на с. 542.

Об этом отец Иероним пишет сестре так: «Ты, чадо Христово, в рассуждении сего прими от меня совет такой: пожелаешь иметь для себя старицу-советницу и во всем открываться ей, то прежде всего помолись Господу трижды, чтобы тебе не сделать ошибки в избрании старицы, а потом узнай верно, хранит ли та старица тайны чужие, и имеет ли дар рассуждения, и довольно ли опытна в духовной жизни. Если окажется, что та старица, которую ты вознамерилась избрать себе для духовных советов, имеет такие свойства, должно испросить благословение от матери игумении ходить к той старице на откровение, а без благословения игумении не дерзать, ибо, где какое дело в монастыре начинается без благословения, самочинно, там Бог не помогает, потому от бесчинного откровения мыслей другому часто случаются великие искушения. У нас здесь пристрастные откровения мыслей друг другу, а особенно молодым, вовсе запрещены, и престога. Если будем внимать себе, то, без сомнения, спасемся, ибо главное средство ко спасению души есть внимание себе, а не другим. Увы! Кто избавит нас от презорства? Мы привыкли присматривать за поведением других, а не за своим, отчего часто впадаем в тяжкий грех осуждения. Молю тебя, не имей дружбы с теми старицами, которые не имеют единомыслия с игумениею, хотя бы они казались и великими подвижницами, ибо если они возносятся и порицают распоряжения начальницы, то тут добра не ищи, ибо его нет, да и быть не может; это обыкновенно случается от самомнения и от любочестия, когда забываем самоукорение... Не стяжавшие рассуждения смущаются и ропщут на начальника... Я желал бы, если это только возможно, чтобы ты все свои скорби объявляла матушке игумении для твоего утверждения... Я ублажаю тех, которые без прекословия исполняют волю отцов или духовных матерей своих; за это благо им будет и они прославятся во Царствии Отца Небесного».

И здесь же он отвечает на извечную жалобу малоуповающих на Бога об оскудении старчества в «нынешнее время». «Старицы добрые отчего бывают — не из послушниц ли добрых? А если не будет добрых послушниц, то откуда же будут добрые старицы? Итак, если оскудеют добрые послушники, то по необходимости оскудеют добрые старцы»¹. Смысл здесь двоякий: во-первых, добрый послушник, придя в меру возраста, в свое время станет добрым старцем; во-вторых, доброму послушнику, расположенному к послушанию, Господь непременно посылает и старца, по слову пророка: *Даст*

¹ Письмо от 4 июня 1857 года.

ти Господь по сердцу твоему (Пс. 19, 5). А непослушному старец не дается, коль тот в нем не нуждается.

Отец Иероним в строгую обязанность поставлял братии «твердо и неизменно хранить старчество, ибо старчество установлено примером Самого Господа нашего Иисуса Христа и оно есть основание нашего монашеского жития. А потому надобно вседушно покоряться ему и не дерзать без старца постригаться и жить самочинно без совета старческого». Надо, «чтобы все жили единообразно по правилам святых отцов, — пишет он в уставе Новой Фиваиды, — чтобы каждый имел у себя своего старца и слушался бы советов его, покаясь ему в страхе Божиим, чтобы жили по советам своих старцев и духовников, чтобы со смирением вопрошали их обо всем нужном ко спасению, особенно о молитве; как о церковном правиле, так и о келейном каноне должны советоваться со старцами своими и духовниками и ничего по самочинию, без благословения не делать. Тем более внимать себе, чтобы не верить своему рассуждению, но вопрошать тщательно опытных старцев обо всем, как-то: о мечтаниях и видениях, о воображениях и снах, которые часто обманывают монахов, — обо всем этом надобно подробно открываться старцам своим и духовникам. А самим себе вовсе не должно верить. Не должно верить никаким явлениям и даже не желать их, ибо это есть душевредно, как пишет преподобный Петр Дамаскин: “Лишь только монах пожелает видения, он тотчас становится под областью прелести”. Потому что желание видеть что-либо есть признак гордости, а потому надо внимать себе строго, чтобы не желать ничего видеть. Для противодействия разнообразным и бесчинным бесовским прелестям полезно будет каждому затвердить себе сие слово, что недостойн ничего желать и видеть и слышать, — одно слово: *недостойн*».

Старец Иероним непрестанно наставлял, что духовнику нужно открывать все мысли и желания, как добрые, так и злые, ибо враг всегда обманывает с доброй стороны. Нередко случается, что одна с намерением утаенная от духовника мысль или одно дело, хотя и малые, после причиняют большой вред душе. Тем более душевредно, если кто во многом скрывает перед духовником свои мысли и дела. Нужно обращаться к детской благодатной простоте: всякое слово старца, хотя бы оно казалось и неправильным, принимать просто, верить ему без рассуждения, не рассуждать по-своему, святой простотой отражать всякое сомнение, внушаемое бесами. Пока имеешь доверие к духовному отцу своему, хотя бы и полчище князя тьмы на тебя ополчилось, не одолеет тебя, но, когда доверие потеряешь, тогда уже будешь в его власти. Этого он больше всего и добивается.

«Случаются у нас в обители дивные примеры для вразумления прочих и вместе с тем и страшные, особенно для вразумления своевольных молодых подвижников, которые доверяют своему сердцу», — предупреждает он¹. Подобные поучительные случаи во множестве описаны в рассказах старца.

Вот некоторые из духовников, ставших вслед за отцом Макарием духовными преемниками отца Иеронима и составлявших старчество Русской обители.

Иеросхимонах Агафодор (в Русском монастыре — с 1869 года; † 1920 год), как братский духовник занимавший первое место, всегда внимательный, ласковый, сумел привлечь к себе сердца многих, как новичков-послушников, так и убеленных сединами старцев. Двери его келлии всегда были открыты для желающих очистить свою совесть исповедью, скорбящие, малодушные находили в нем заботливого отца, и редко кто из них уходил от него неуспокоенным. Большинство его духовных чад горячо любили своего старца и готовы были для него на всякое самопожертвование. Он был благой советник всем, кто искренне желал идти тесным иноческим путем к Небесному Царствию. Имел особенную любовь и доверие к отцу Иерониму и после его смерти записал несколько рассказов об особом благодатном устроении своего великого старца.

Иеросхимонах Вероник (в Русском монастыре — с 1872 года; † 1919 год) показывал собой пример детской простоты, веры и любви, столь редких добродетелей. Вера и любовь его к Царице Небесной, как он любил называть Матерь Божию, были безграничны. С нестяжательностью он соединял и глубокое смирение.

Иеросхимонах Виссарион (в Русском монастыре — с 1862 года; † 1907 год), настоятельствовавший в Петербурге, Одессе и Константинополе. Он был всем примером тщательного исполнения всякого послушания, смирения и кротости.

Иеросхимонах Михаил — подвижник в миру, не оставлявший никогда своего иноческого правила во время суетливого заведования подворьем в Таганроге и путешествий по России для сбора пожертвований. Давая в руководство новоначальным послушникам сочинение аввы Дорофея и следя за точным исполнением назначенных им послушаний, он воспитывал их достойными монахами, каковыми они проявили себя и в обители на Афоне.

Иеросхимонах Аверкий (в Русском монастыре — с 1864 года; † 1918 год), спутник отцу Михаилу в путешествиях по России для

¹ Письмо к сестре от 4 июня 1857 года.

сбора. Был примером ревности к службе Божией и поминовения на проскомидии благодетельских и братских имен, отличался простосердечностью, стяжал со временем и духовный опыт.

Иеросхимонах Аристоклий (в Русском монастыре — с 1876 по 1918 год). Будучи настоятелем московского Афонского подворья, выстроил для него новые здания на Полянке. Имел большую известность среди москвичей как опытный духовник и щедрый благотворитель. Кроткий и обходительный с подчиненным ему братством, он был примером живой веры и простосердечия. В настоящее время почитание его православными москвичами очень велико.

«Общество, равного которому нет во всем православном мире», — говорили очевидцы расцвета Русского Пантелеимонова монастыря¹. Старец Иероним, как он сам записал в духовном завещании, в таком чудесном «увеличении и устроении как духовном, так и вещественном» своей обители видел награду Господа «за исполнение заповедей Божиих общежительных», «ибо, чем более увеличивались в обители плоды духовные, как-то: братолюбие, воздержание, частая исповедь и приобщение Святых Таин, смирение и послушание, поощрение к бдениям и прочим добродетелям, тем более Бог посылал обители щедроты Свои духовные и телесные». Он просил братию «хранить богодарованный великий дар чистого общежития... положенного и устроенного Богом в нашей обители общежительного устава, которым путеводились и спасались святые наши отцы». потому что «одно только средство находится к утверждению благоустроенного и прочного существования обители до скончания мира. Это средство есть исполнение богоустроенного ее устава. Только одно есть благодатное средство, которое может прославить Бога и обитель и сохранить и спасти ее от всех страстных тревожений и конечного ее разрушения до конца мира».

В строгом общежитии Русского монастыря старец Иероним полностью воплотил те святоотеческие принципы, которым он всегда следовал и учил братию. При жизни старца не было нужды в письменном уставе, поскольку он сам был для обители как бы живым уставом монастырским и примером для братии в исполнении общежительных правил. На случай своей смерти он вместе с отцом Макарием составил «на основании слова Божия и учения святых отцов» «Устав Русского на Афоне святого великомученика и целителя Пантелеимона общежительного монастыря», в котором излагались общие правила иноческого общежития, порядок церковных служб.

¹ Письмо П. Б. Мансурова к Ф. Д. Самарину от 5 октября 1888 года.

СТА́ВЪ СЕ́Й, СОСТА́ВЛЕН
НЫЙ НА ѠСНОВА́НІИ СЛѢ
БЖІА И ѠУЧЕ́НІА СТЫ́Х
ѠЦЕ́ВЪ, МНОГОКРА́ТНО РАЗМО́
ТРЕ́ННЫЙ И ДОПО́ЛНЕННЫЙ, ВПО-
ЛНѢ ДОСТА́ТОЧЕНЪ ДЛѦ БЛГО-
УГОЖДЕ́НІА БГ҃У И СПСЕ́НІА ВЪ
ИНОЧЕСКОМЪ ЧИНѢ: ПО СЕМ҃У И
ѠУТВЕРЖДА́ЕМЪ ѠНЫИ СВОИ́МЪ
ПО́ДПИСОМЪ. БЛГОДА́ТЬ БЖІА
ДА ПОМО́ЖЕТЪ ИСПОЛНѦТЬ ИЪ-
ЛОЖЕ́ННЫА ВЪ ѠУСТА́ВѢ ПРА́-
ВИЛА ВСѢ́МЪ ЖИВѢ́ЩЫМЪ
ВО СТЫ́И ѠБИ́ТЕЛИ СЕ́И.

✠
Игуменъ Архимандритъ Макарій
✠ Духовникъ Иеронимъ

Страница рукописного «Устава Русского на Афоне святого велико-мученика и целителя Пантелеимона общежительного монастыря» с подписями игумена Макария и духовника Иеронима. 1881 г.

неизменно соблюдавшийся с давних времен в Пантелеимоновой обители и во всех святогорских монастырях, обязанности по послушанию и прочее. Стройный порядок внутренней и внешней жизни обители, установленный старцем, позволял обеспечить ей «прочное существование» и верное управление на пути в Царство Божие при таком многочисленном, многонациональном братстве, при все возрасставшем числе желающих спастись в совершенном монашеском общежитии Русика. 1 января 1881 года текст устава был переписан церковным шрифтом монахом Киприаном и скреплен подписями обоих старцев — игумена и духовника. Сохранение этого устава, «вполне достаточного для благоугождения Богу и спасения в иноческом чине», неуклонное его применение в повседневной жизни явилось одной из главных заповедей и завещаний отца Иеронима своим духовным потомкам. Старец нимало не сомневался в исполнении его заповедей духовными чадами, «которые, без сомнения, из любви и благоговения к старцу изъявят со своей стороны сыновнее сочувствие к старческому завещанию, служащему к расширению славы Божией». 4 августа 1889 года, уже после смерти старцев Иеронима и Макария, устав был подтвержден и введен для руководства жизнью братии в монастыре их преемником — игуменом Андреем.

Ежедневный порядок церковного богослужения, келейного и внекелейного поведения, существовавший при жизни отца Иеронима и узаконенный уставом, был таков.

Келейное правило для схимонахов заключалось в 12 четках с поясными поклонами и 100 земными поклонами, последние оставались в дни праздничные, субботные и полиелейные. Для простых монахов и новоначальных правило меньше: для мантийных — шесть четок с поясными и 50 земными поклонами, для рясофорных и новоначальных — три четки с поясными и 33 земными поклонами. К правилу келейному для всех иноков приложено еще 100 поклонов поясных за благодетелей обители. На келейный канон братия возбуждалась несколькими ударами в колокол в летнее время в 5 часов¹, в зимнее — в 6 часов. Через час ударяли к утрени. По окончании утрени тотчас же начинались ранние Литургии ради поминовения ктиторовских имен и для труждающихся на разных послушаниях, а поздние — через 1—2 часа после утрени. Вечерня начиналась за два с половиной часа до захождения солнца (по местам послушаний вечерня также читалась), а повечерие — отдельно и всегда при

¹ Здесь и далее в книге время приводится по-византийски, то есть закат солнца соответствует 0 часов.

закате солнца, кроме святой Четырдесятницы, когда читалось великое повечерие на час ранее. После повечерия воспрещалось не только что-либо есть, но даже пить воду (по крайней нужде напившийся воды полагал за это после 50 поклонов поясных, а в Великий пост — земных или прочитывал вновь повечерие). Равным образом воспрещалось после повечерия вести разговоры, а тем более сходиться в келлиях. На дни воскресные и праздничные — Господские, Богородичные и великих святых — всегда совершалось бдение, начинавшееся с закатом солнца и продолжавшееся не менее девяти часов (на праздники же святого великомученика Пантелеимона и Покрова Пресвятой Богородицы оно длилось до 14 часов, с Божественной Литургией — до 17). Старец-духовник строго следил за поведением братии во время длинных служб: «...Немощных [дремлющих], когда они сидят во время поучительного чтения, всегда бдительно преследует сам духовник отец Иероним, ибо во время каждого чтения он обходит все монашеские места и, если кого из братий заметит дремлющими, таковому тотчас приказывает пред иконою Спасителя положить 100 поясных поклонов. И потому всякий монах остерегается дремать», — замечает монах Мелетий¹. Трапеза поставлялась братии дважды в день, кроме понедельника, среды, пятницы и святой Четырдесятницы — тогда вкушали единожды и без постного масла. В келлиях никому не разрешалось иметь ничего из съестного, кроме благословенного духовником или игуменом из-за болезни или по другой уважительной причине. В келейном поведении братия обязывалась не оставаться без особой нужды и благословения вне келлии, равно не собираться по келлиям для праздных бесед; не велено разрешать пояса, отходя к ночному покою; дневной же отдых дозволялся только в длинные летние дни.

Отец Иероним запретил братии работать во всю Светлую седмицу после следующего случая. В 1850-х годах на Светлой седмице греки и русские пошли работать в лес. Причем русские — со скорбью. И вот как-то нечаянно бревно покатилося и отшибло ноги русскому иеродиакону Нафанаилу. Отец Иероним тогда объявил грекам, что сами они как хотят, но русских чтобы не заставляли работать на Светлой седмице и в доску, созывая братию на послушания, чтобы не колотили. С тех пор (и поныне) русские на Светлой седмице не работают (греки работают уже на четвертый день).

Но всего строже старцы Пантелеимоновой обители следили за нестяжательностью братии и отсечением ими своей воли — отличи-

¹ Душеполезный собеседник. 1913. Вып. 3. С. 117.

тельными добродетелями общежительного инока. Каждый при вступлении в братство, вручив все свое имущество в распоряжение игумена, должен был не удерживать уже более его у себя, кроме благословенного. «Вообще здесь все равны... и все живут в братском взаимном смирении и послушании, беспрекословно повинаясь преподобнейшим своим старцам, отцу игумену и отцу духовнику, не делая ничего без их благословения», — отмечал миссионер отец Арсений, познакомившись с общежительными правилами Русика¹.

Находясь в непрестанном внутреннем предстоянии Пресвятой Троице, старец Иероним получал такие благодатные утешения, что, по его словам, и выразить не мог. Но все-таки это непрекращавшееся внутреннее славословие проявлялось и внешне, выражалось в его богослужебном творчестве. На всякое событие в обители, на Афоне и в отечестве старец составлял благодарственные или просительные молитвословия, прошения на ектениях, чинопоследования служб или просто обязывал братию протянуть четку. Отец Мина записывает в дневнике: «В воскресенье 17 апреля [1877 года] — бдение в неделю о расслабленном. Вверху прилагалась [к бдению] служба Покрову Пресвятой Богородицы, а внизу — святому великомученику Пантелеимону по случаю начала войны, потому как иного не имамы прибежища и заступления, аще не Пресвятая Богородица и молитвенник святой великомученик Пантелеимон...

В первое воскресенье или в бденный праздник совершаем о упокоении соборную Литургию и потом панихиду. Преимущественно же потому делается панихида в праздник, дабы вся братия участвовали в молитвах... для вечной пользы почивших благодетелей.

26 марта 1878 года. После Литургии был соборный молебен торжественный в присутствии всех иеромонахов, находящихся в обители, по случаю заключения мира России с Турцией и сохранения обители от разных клевет, которыми клеветники хотели раздражить правительство, дабы вытеснить русских с Афона или чем-нибудь притеснить. Начало молебна взято с положенного в день Рождества Христова, тропари пелись: *Благодарни сущи; Твоих благодеяний*. Слава: *Спаси, Господи, И ныне: Днесь спасения нашего главизна*. Апостол читался положенный во дни викториальные, а Евангелие — положенное на молебне в день Рождества. На ектениях были приложены по два прошения, причисляющие торжеству, взятые из того же молебна. Молитва обычная, приложенная при чинопоследовании благодарственного молебна, с большим прибавлением, с коленопре-

¹ Арсений, иеромонах. Письма с Афона к новообратившимся... С. 32.

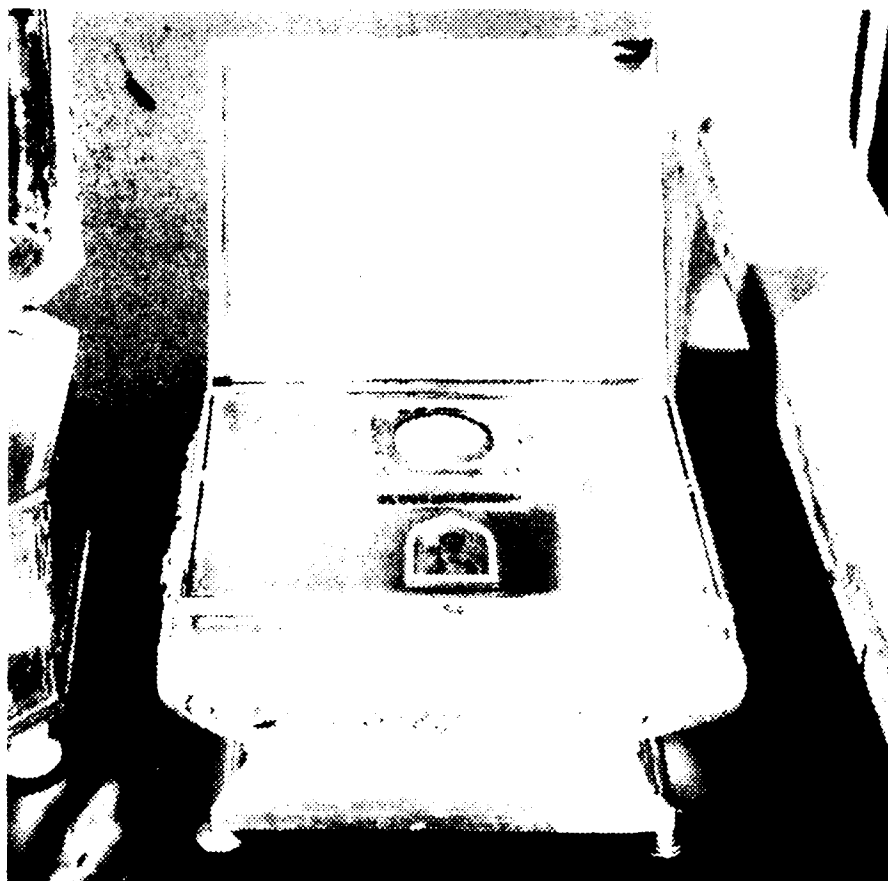
Иеросхимонах Иероним

клонением, потом многолетие государю и всему царствующему дому со звоном. На молебен было возвещено 12 ударами в колокол.

27 августа 1878 года, во вторник, после соборной службы — молебен Спасителю, Божией Матери и великомученику Пантелеимону с благодарственными на ектениях прибавлениями и коленопреклонением во время чтения молитвы за избавление от пожара». Множество подобных записей сделано и по другим случаям.

Отец Иероним сам говорил, что с раннего детства церковь была его единственным утешением и заменяла ему все детские забавы. Уже тогда он вкусил сладость религиозных чувств, утешающих душу православного христианина, особенно в воскресные и праздничные дни, о чем он писал так:

«Благодать Святого Духа, дарованная христианам в Крещении за заслуги Господа нашего Иисуса Христа, всегда утешает их во всех их скорбях и печалях житейских, особенно в воскресные дни и в праздники. И во всякий праздник дарует им приличные празднику утешительные чувства и веселие духовное, и всякому даются утешения духовные и веселие по мере веры его. Чем больше праздник, тем более и возвышенные даются утешительные чувства. Какими утешительными чувствами и радостями духовными услаждались христиане в день Рождества Христова! А в Новый год обновляется ум у христиан совсем другими радостными чувствами и мыслями. В день же Крещения Господня иное высочайшее обновление ума ниспосылается верующим, в Сретение Господне — другое. Благовещение особенными приятнейшими духовными чувствами волнует душу христианина, также Вербное воскресенье и Страстная седмица. Все эти святейшие дни имеют свои утешительные восторгающие чувства и как бы духовные вкусы и обоняния. А Пасха святая — это венец всех радостей и восторгов христианских! Сколько

Ковчеги с мощами святых апостола Луки и мученика Кирика, хранящиеся в Русском монастыре

праздникам, стихиры и каноны их выражают дух каждого праздника и тем внимающих христиан веселят и восторгают разными утешениями по мере веры приемлющего духовные утешения. Разве те только из христиан лишаются духовных утешений в праздники, которые помрачены печалию греховною, происходящею от делания смертного греха. Но и такие люди, если захотят обновиться в покаянии, могут получить благодатное утешение, как многие бывали тому примеры».

Об одном из таких благодатных утешений, испытанных им, он так рассказал отцу Макарию. Когда он услышал на Светлое Воскресение первое *Христос воскресе*, то сердце его затрепетало, и он от радости и восторгов души едва не расстался с жизнью, и это продолжалось до пятницы Светлой недели, а потом стало ослабевать.

Видя особую благодать при совершении церковных богослужений, старец благословлял совершать бдения многим святым, которым по уставу полагалась простая служба. Поэтому по установленному им порядку в нашем монастыре и поныне совершается более 60 бдений в год, тогда как у греков их гораздо меньше. Многие новые службы были составлены под руководством старца его учениками, особенно схимонахом Аркадием. А самим старцем был составлен акафист святому Иоанну Предтече (неоднократно переиздававшийся в Петербурге и Москве), который до сих пор употребляется как на Афоне, так и в Русской Православной Церкви.

Богослужебный устав изменялся и ради празднования святым, честные мощи которых имелись в обители, и назначалась служба

со славословием, полиелейная или бденная. Список находящихся в Пантелеимоновом монастыре мощей святых с указанием служб, которые им совершаются, и доныне в употреблении. «Святые мощи приобретены для монастыря, утешение немалое» — подобные записи часто встречаются в письмах старца Иеронима, усердно собиравшего в обитель частицы мощей чтимых угодников Божиих. Великая благодать земного удела Божией Матери еще умножалась молитвами святых, в присутствии мощей кото-

рых усматривается особое их снисхождение и благоволение к жаждущим спасения. Так, в 1880 году в обитель была торжественно привезена часть правой руки святого праведного Иоанна Русского. у раки с честными мощами которого, почивающими на острове Эвбея, происходили в то время многие чудеса. И само перенесение части мощей святого в Пантелеимонов монастырь было чудом особого снисхождения и благоволения угодника Божия к русским инокам, его соотечественникам, поскольку никогда ранее он не допускал отнятия частиц от своих мощей, а дерзающих на такое дело всегда принуждал явлениями и угрозами возвращать взятое. Мощи святого Иоанна Русского и множество честных мощей других святых угодников Божиих, собранные старцем Иеронимом, хранятся и доныне в монастыре, и доступ к ним открыт для всех поклонников.

Отец Иероним всевозможное старание употреблял, чтобы расположить братию к неопустительному посещению церковных служб. По воспоминаниям иноков, часто перед бдением он обходил келлии с палочкой в руке и все твердил: «Крепитесь, чада, потому что враг желает искусить приступающих работать Господеви», ободряя таким образом иноков словами своими, а молитвой отгоняя бесов.

Особенно он призывал братию не пропускать Божественную Литургию, уясняя каждому, какой величайший Пренебесный Дар ниспосылается нам при совершении Таинства Евхаристии: *Царь бо царствующих и Господь господствующих приходит заклатися и датися в снедь верным. Предходят же Сему лица ангельстии со всяким Началом и Властью, многоочитии Херувими и шесто-*

Ковчег с мощами святого Иоанна Русского в Пантелеимоновой обители

крилатии Серафими, лица закрывающе и вопиюще песнь: Аллилуиа. Аще Бог Своего Сына не пощаде, но за нас всех предал есть Его: како убо не и с Ним вся нам дарствует? (Рим. 8, 32) Бывало, отец Иероним начинал возвышенными словами излагать величие даров и благословений небесных, преподаваемых предстоящим на Божественной Литургии, и сам делался как бы Херувимом. Устремив глаза к распятию и сложив крестообразно руки, после того он долго молча стоял в изумлении, как поется в Великую субботу: *Да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом*. Чувства его тогда можно было выразить словами из 115-го псалма, читаемого готовящимся ко Причастию: *Что воздам Господеву о всех, яже воздаде ми? Чашу спасения прииму...*

Стараниями отца Иеронима введено и даже усилено у русских иноков Пантелеимонова монастыря спасительное древнее обыкновение как можно чаще приобщаться Святых и Животворящих Таин: например, в Великий пост схимонахи каждую неделю приобщались трижды, бóльшая часть монахов — дважды, послушники — по субботам. В другие посты многие приступали ко Причастию по два раза в неделю, и не в посты находились старички и молодые, усердствовавшие поститься, которые причащались дважды в неделю. Все же вообще иноки и благоговейные послушники по пятницам очищали совесть свою исповедью и в каждую субботу делались причастниками Святых Таин Христовых. Если случался на седмице праздник, особенно двенадесятый, под оный по большей части все говели и на сам праздник причащались, так же перед днем Ангела именинник говел и на именины причащался. Все это заботился укоренить в русском братстве старец-духовник Иероним.

О примерах тех высоких монашеских добродетелей, которые являлись в братии обители при строгом выполнении «заповедей Божиих общежительных», сохранились живые воспоминания иноков.

Вот монах Антоний — детски открытая душа. Раз было с ним искушение: уехал было в Россию. Но из Константинополя вернулся в обитель. «Ну куда я гожусь в России? — говорил он, умоляя старцев принять его обратно, — нет уж, буду жить здесь!» Он редкий день не докучал старцам отцам Иерониму и Макарию жалобами на самого себя. Придет, говорит: «Отче, вот такой-то обозвал меня так-то». — «Ну а ты что ему сказал?» — «А я выбрал его так-то. Помири нас, отче!» Иногда это бывало глубокой ночью. «Подожди мало, отче: скоро заутрени», — говорит игумен. Но отец Антоний просит примирить теперь же. «Ну хорошо, пойди позови его сюда», — скажет старец. Антоний бежит в келлию обиженного.

Тот уже лег спать, но он будит его: «Игумен зовет!» Инок идет к игумену, не зная, что случилось. «Вот Антоний говорит, что обидел тебя. Помиритесь!» — говорит игумен. «А я и забыл, батюшка, что он говорил мне», — скажет обиженный. «А помнишь. мы встретились вот там-то, ты сказал то-то, а я тебе то-то», — напоминает Антоний. Тот припоминает. И оба клянутся друг другу в ноги и уходят умиротворенные. Поистине малые детки Божии! Вот о таких-то и сказал Господь: *Аще не будете яко дети, не внидите в Царствие Небесное* (Мф. 18, 3).

И умирают такие с детской преданностью воле Отца Небесного. Приходит отец Антоний к игумену. Ждет его у дверей, не поднимаясь на лестницу. «Благослови, отче, в больницу — умирать хочу!» — «Бог благословит, пойди отдохни. Не отвезти ли тебя на больницу?» — «Нет, отче, сам дойду. Вот к тебе-то подняться было трудно, я тебя тут поэтому и ждал. Денька три полежу, а на четвертый и умереть благослови». И идет в больницу, лежит там три дня, а на четвертый приходит игумен навестить больных, подходит к нему, и Антоний говорит: «Отче, прочитай мне отходную». — «Что это ты надумал?» — «Умереть благослови, батюшка». Пристал, просит, отец игумен берет епитрахиль и требник, читает канон на исход души, благословляет старца и уходит. Но на лестнице его нагоняет послушник: «Батюшка! Отец Антоний умирает!» Игумен возвращается, но отец Антоний уже Богу душу отдал!

Говаривал старец отец Иероним, когда ему говорили, что часто докучает Антоний ему разными мелочами: «Если бы побольше было в братии таких, как Антоний, хорошо бы было!»

Да, хорошо бы было, теплее жилось бы на свете, если бы люди, именующие себя христианами, помнили Христово слово о детской простоте веры, кротости, незлобии и смирении. Тогда Господь руководил бы нас ко спасению не как мудрых и разумных, но как младенцев, открывая нашей простоте тайны Царствия Небесного.

Вот отец Азарий, тип ученого подвижника-отшельника, беспощадно строгий к себе, удивительно снисходительный к другим. Он неопустительно посещал все богослужения, а в келлии постоянно занят был всякого рода письменными работами. Он и писмоводитель, он и переводчик, археолог, писатель. Кто бы ни вошел в его келлию — первый вопрос: «Что скажете?» Ответит, что нужно, и дает понять, что ему недосужно¹. Под предлогом таких недосугов

¹ «Сам по келлиям почти никуда не ходил, но только бывал в келлиях игумена или духовника и просиживал иногда очень долго. В таком уже случае на время не рассчитывал, есть оно у других или нет», — замечает отец Мина.

он стал ходить вместо первой на вторую трапезу, дабы подвергнуть себя некоторым лишениям. Дело в том, что на первой трапезе пища подается сполна, каждому монаху особо, а на второй приходится довольствоваться тем, что останется на столе от первой. И вот придет отец Азарий и начнет собирать кусочки со стола, сядет где-нибудь в укромном местечке и ест их. Никогда ничего не попросит! А греки-монахи, служившие в трапезе, нарочито будто его не замечают... И нередко весь его обед состоял из кусочков хлеба с укусом с водой, заменяющим на Афоне квас. Как-то заметили это русские отцы и доложили игумену Макарию, что отец Азарий томит себя голодом. Отец Макарий сказал ему: «Зачем ты это делаешь?» Он ответил: «Может быть, Господь простит мне за это хоть нечто из грехов моих многих». Игумен с той поры приказал русским наблюдать, чтобы старцу Божию подавали пищу как следует.

Одежда его была вся залатанная, такая, что, если ее бросить, никто не польстится поднять. Белье такое же. Он никогда ничего не просил у игумена: заметят сами, дадут — благодарит, не заметят — говорит: «Не стою я и того, что имею. Может быть, Господь во что-нибудь вменит мне и это».

По словам отца Макария, отец Азарий часто приходил в великое умиление так, что, когда он приходил на исповедь, обливал слезами и целовал ноги отца Иеронима, прося молитв и благословения, избегал всячески празднословия и всегда имел стенание сердечное.

Отец Селевкий был великим ревнителем (не всегда и по разуму) чинов и уставов монашеских. Он не мог утерпеть, чтобы не сделать замечания тому или другому из братии, и случалось, что говорил резкости и отцу Азария. Братия, уважавшие отца Азария, говорили игумену: «Селевкий обижает отца Азария». Игумен отвечал: «Отец Азарий умный человек, не обидится». И действительно, на вопрос отца игумена, что у них произошло с отцом Селевкием, отец Азарий добродушно отвечал: «Ничего, батюшка. Он мне (спасибо ему) только правду ведь сказал: как же можно на это обижаться?» Да и отец Селевкий часто раскаивался в своих резкостях и искал примирения.

Схимонах Назарий проходил послушание в странноприимной больнице магером (поваром), имел внутренние болезни, но, несмотря на убеждения монастырского доктора¹, ни за что не хотел оставить своего послушания, а на предложение игумена передать его другому

¹ Доктором называли брата, исполняющего послушание на больнице по уходу за больными.

отвечал: «Благословите уж мне, пока есть еще сила, продолжать послушание, а когда уже я буду чувствовать себя не в силах, тогда скажу вам. А так совестно лежать и принимать услуги других».

Однажды перед повечерием отправился он на чердак за картошкой, где замедлил. Хватились его уже после утрени, нашли на чердаке умершим, в кошнице (корзине) немного картошки и в руке. Так и не пришлось ему принимать услуги других. Всегда благодушествовал и благодарил Бога.

Схимонах Неофит с усердием исполнял монастырские послушания, усердно подвизался в молитве, за что терпел от духа злобы нападения: когда он ложился спать, то бесы сталкивали его с койки на пол. При конце жизни Господь посетил его тяжелой болезнью. Несколько месяцев он лежал неподвижно на спине, так что тело его стало гнить и издавать тяжелый запах, при этом он страдал судорогами в ногах. Ежедневно он причащался, постоянно благодарил Бога и никогда не роптал. Перед кончиной сказал: «Желал бы еще пожить, чтобы послужить братии», из чего видно, с какою любовью он служил ближним во исполнение заповеди: *Друг друга тяготы носите* (Гал. 6, 2). По кончине тело его принесли в церковь, и оно издало приятнейшее благоухание, что свидетельствовало о награде ему за его добродетели и терпение еще на земле.

Схимонах Домн имел послушание — чтение Псалтири, отличался вниманием к молитве, не пропускал ни малейшего замечания совети и все случающиеся малейшие немощи исповедовал духовнику.

Схимонах Горгоний был примерной жизни, неуклонно присутствовал в церкви и на трапезе, ничего не имел в своей келлии, приобщался каждую неделю два или три раза и имел необыкновенное доверие к духовникам.

Схимонах Вивиан послушание имел в хлебне, в башмачной, рисовал, достиг меры иконописца. Все послушания выполнял с великой любовью. Службу Божию никогда не оставлял, а часто выставлял по две Литургии. В келлии стяжания не имел, спал больше сидя, занимался Иисусовой молитвой, растворяемой глубоким умилением. Имел большое усердие к чтению Псалтири и ни в каких случаях, даже в болезни, не отказывался от чтения ее. Также занимал ночную стражу и другие общие послушания. Нрава был тихого, всем старался услужить.

Радовался, и утешался, и благоговел пред Богом отец Иероним, видя преуспевание своих чад, возраставших милостию Божией от силы в силу. Это и было «увеличение в обители плодов духовных», за которое все более «Бог посылал обители щедроты Свои».

Молитва за царя

Господь удостоил отца Иеронима лицезреть, лично приветствовать и принимать в Пантелеимоновой обители высочайших путешественников — русских великих князей Константина Николаевича (в 1845 году), Алексея Александровича (в 1867 году), Константина Константиновича (в 1881 году). Эти визиты доставили русской братии особую радость и торжество, а монастырю — добрую славу, увеличивали его силу и влияние на Святой Горе. «О, нет священнее и краше из всех радостей земных, как радость о царе своем! Это общая радость и мирянина, и нашего брата, потому что все мы — дети великого отца и члены его русского семейства. Мы — русские и в России, и на самом Афоне!» — пишет Святогорец в 1844 году¹. Благоговейно сохраняя воспоминание о первом знаменательном посещении обители августейшим гостем, великим князем Константином Николаевичем, иноки освятили один из вновь устроенных параклисов во имя святых равноапостольных Константина и Елены. А в 1866 году, при сооружении придельного храма в Покровском корпусе, получив радостное сообщение о чудесном избавлении государя императора Александра II от смертельной опасности, старцы решили освятить новый храм во имя святого благоверного князя Александра Невского, небесного покровителя царя.

«Если мы свято помним наш долг, — продолжает Святогорец, — и чтим отношения наши к Богу, быть не может, чтоб мы не дорожили обязанностями нашими в отношении и к отечеству. И там, в России, и здесь, на Святой Горе, мы по званию нашему, по самому назначению жизни, ничего не можем приносить лучше в дань верноподданнической любви нашей царю и отечеству, кроме вседневных молитв о их благоденствии, славе и величии... Мы Порте ничем не обязаны и никаких не знаем к ней отношений, кроме платежа нескольких пиастров за сажень земли для упокоения в ней нашей труженической плоти».

Признательная к своим высочайшим покровителям и к благодеющему ей отечеству, Свято-Пантелеимонова обитель непрестанно возносила смиренные моления к Престолу Всевышнего о ниспослании Его всебогатых милостей на сострадательную Россию, о утверждении в ней непоколебимо святой православной веры, руководящей к вечному спасению, о сохранении и покровении ее от всех бед и напастей и от всех врагов видимых и невидимых. «...Диакон воз-

¹ Здесь и далее цитируется кн.: Письма Святогорца... С. 83, 115, 267.

гласил на русском языке: *Еще молимся о благочестивейшем самодержавнейшем великом государе нашем императоре Николае Павловиче*. Хор возопил: *Господи, помилуй!* И сердце мое запрыгало от радости... мы и греки молились о нашем державном государе императоре и о его царственной семье — и где же? Далеко-далеко от России, на пустынных высотах Афона! Эти мгновения так меня поразили, так расшевелили чувство верноподданнической любви к России и к ее венценосцу, что я до сих пор не могу вспоминать о них без сердечного движения», — записывает Святогорец. «Конечно, все великое и славное для родной нам России возбуждало и в наших душах отраду, умиление и восхищение, и, наоборот, все случавшееся неприятное наполняло и наши души чувствами скорби и туги, а вместе с тем возбуждало нас к исполнению священной обязанности — усердно молиться о ниспослании благословения и помощи Божией как царственному венценосцу, так и всем его сподвижникам», — отмечали старцы Пантелеимонова монастыря¹. Даже в Крымскую войну, когда турки намеревались разорить Русик, «у нас в монастыре не переставали молиться, как и до войны, открыто, торжественно о державном монархе русском благочестивейшем государе императоре Николае Павловиче со всем его августейшим домом и о даровании ему победы над врагами, чему дивились все монастыри», — повествует монах Пантелеимон. «Первая моя молитва была такая: “Помяни, Господи, ненавидящих и обидящих нас и творящих нам напасть, прости им и нам вся согрешения”, потом — за царя и весь царственный дом, за обитель с братией и благодетелей», — говорил отец Иероним братии незадолго до кончины.

Чутко прислушивающийся ко всему происходящему на родине, отец Иероним знал, что в России разрастаются безверие и революционные настроения, совершаются покушения на жизнь государя императора — «дерзкие подвиги безбожной анархической партии». Он прекрасно понимал, что события, происходящие на родине, отражаются, как при сообщающихся сосудах, на духовном состоянии русского афонского монашества, и, когда дух времени возьмет свое и греховная свобода в России получит широкое развитие, игуменская власть и основные принципы святогорского общежития могут быть поколеблены. «Остается единственное утешение — твердое упование, что Божественный Промысл внемлет молитвам стольких православных и благочестных душ и отвратит от нашей любезной родины это страшное испытание, которое она переживает в насто-

¹ Письмо к А. И. Нелидову от 19 апреля 1878 года.

ящее время», — надеялись русские афонские старцы¹. «Прискорбно слышать такие события, появившиеся в отечестве нашем, приносимые отвне. По крайней мере, да вразумятся враги эти тем, что Всевидящее Око недремленно бдит о сохранении помазанника Своего. Получив почтенное писание Ваше 27 ноября, в 1 час вечера (по-восточному), со слезами горячей благодарности ко Господу мы прочитали оное и тотчас же отправились в церковь, где совершалось повечерие, и по окончании одного протянули четку о здравии и спасении государя императора. Так же повторили и сегодня на утреннем пении. Затем в сослужении всех наличных иеромонахов русских и греков торжественно была совершена Божественная Литургия, по окончании коей при всей братии и собравшихся поклонниках (коих более 150) прочтено Ваше письмо, выслушанное со слезами. По окончании чтения совершено благодарственное молебствие с коленопреклонением, а по возношении многолетия его величеству государю императору Александру Николаевичу и о всем царствующем доме был произведен, по обычаю русскому, колокольный звон»².

Молитвы за царя в Русском монастыре усиливались, вводились новые прошения на ектениях: *о еже утвердити в земли нашей мир и благочестие*; о том чтобы Господь *разрушил совет дерзновенно восстающих на попрание власти, Господом установленной*; чтобы Вседержитель *исполнил долгою дней благочестивейшаго государя императора нашего Александра Александровича, да совершит вся во славу Господню и во благо народа своего*.

Вместе с тем отец Иероним составил для российского правительства свои предложения «О поправлении нравственности в России» — строгие меры для искоренения нигилизма. Первая мера, как он писал, «повелеть Святейшему Синоду по церквам молиться, то есть приложить на ектениях молитву о истреблении нигилизма и о вразумлении поврежденных от него. Мы у себя употребляем в наших прошениях и прилагаем при сем образцы этих прошений».

Но отец Иероним уже предвидел грядущие революционные бедствия для России и ее самодержца. Видимо, поэтому в 1879 году прозорливый старец хотел наладить отношения с епископом Сан-Францисским, имея в виду в дальнейшем основание в Америке нового мотеха для прочного обеспечения обители после своей смерти, поскольку знал, что через определенное Господом время монастырь уже не сможет рассчитывать на помощь из отечества.

¹ Письмо к Н. П. Игнатьеву 1879 года.

² Письмо старцев Русика к М. А. Хитрово от 28 ноября 1879 года.

Старец-духовник иеросхимонах Иероним. 1870-е годы

Молитва отца Иеронима ко Господу за русского царя продолжалась и после блаженной кончины старца, о чем свидетельствуют неоднократные его посмертные явления в обители, особенно знаменательные в октябре 1888 года, за неделю до крушения царского поезда на Курско-Харьковско-Азовской железной дороге, и увещания к братии не ослабевать в молитвах за государя. Наконец, в 1917 году, как свидетельствует один из братии, скорбевший по поводу революционного переворота в России и событий, взволновавших афонских иноков, отец Иероним чудесно явился ему и утешил обещанием, что царь снова будет царем¹.

Рассказы из жизни духовной

Старец Иероним был истинным отцом своим духовным чадам: и старцы седовласые, и новоначальные послушники — все равно были ему дороги, зорко следил он за каждой душой и всех руководил ко спасению многоразличными способами: кого строгостью наказания духовного, кого тихостью отеческой ласки, кого возвышением, кого унижением, причем в результате всегда получалось духовное преуспеяние ученика и послушателя его слов. Дивно было видеть седовласого старца, обремененного жестоким недугом, еле передвигающего ноги, осаждаемого день и ночь жаждавшими излить перед ним свою душу, получить от него врачевство духовное, умиротворение совести. Не только своя братия, но со всей Афонской Горы шли к нему на исповедь ревнители подвигов духовных, ибо он значительно возвышался над всеми афонскими подвижниками даром высокого духовного рассуждения. Иноки говорили про отца Иеронима: «Пойдем к нему, он решит наше недоумение, ибо его устами вещает Бог». И так бывало на самом деле: вопросы трудноразъяснимые, крайние затруднения совести сразу решал он своим опытным словом, так что приходившим к нему оставалось лишь удивляться свыше данному ему дару духовного рассуждения.

Этот дар он получил еще в начале своего подвига в дивном видении во время четырехлетнего странствования по России со своим единомышленным другом, с которым жили они по заповеди великих старцев, ничего друг от друга не скрывая. По сохранившемуся об этом случае рассказу, раз шли они куда-то, и отец Иероним, тогда еще Иоанн, почувствовал страшные, невыносимые боли в желудке.

¹ Существует мнение у знающих об этом явлении старца, что отец Иероним имел в виду Господа — Царя славы.

От более он не мог продолжать путь и лег при дороге, а его спутник пошел в ближайшее селение, чтобы принести ему хоть теплой воды.

Возвращается — видит, что Иоанн сидит спокойно. «Что чувствуешь?» — спрашивает спутник. «Пожди мало, брате, — отвечает он, — дай мне прийти в себя».

Спустя немного он поведал сему брату как великую тайну, что сейчас видел он въяве апостола и евангелиста Иоанна Богослова, которого благоговейно чтит с детства и молился ему об исцелении. Апостол спросил его: «Что с тобою?» Он ответил, что зело болеет у него желудок. Апостол посмотрел на него и сказал: «Теперь ты здоров!» И он почувствовал, что боль мгновенно утихла. И сказал ему апостол: «Проси у меня, еще чего хочешь». И дерзнул он просить себе дара рассуждения и слова. «И сие дастся тебе», — сказал апостол Христов и стал невидим.

И действительно, старец всегда, при всяких обстоятельствах жизни, находился, что сделать, что сказать, и его мудрое слово ценилось братией, как извещение свыше, и равного ему не было.

Рассказы о даре рассуждения и духовной мудрости старца Иеронима

«В 1860-х годах приехал на Афон из Рима католический епископ и спросил отца Иеронима, какого он мнения относительно нового католического догмата о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Отец Иероним спросил его, верует ли он в Евангелие. “Да, конечно”, — ответил тот. “Так вот там есть ответ на сей вопрос”. — “Где ж, скажите”. — “В словах, произнесенных Самой Царицей Небесной: *Величит душа Моя Господа и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем*. Если бы зачатие Ее отличалось чем-либо от естественного, то Она не произнесла бы слов *о Бозе Спасе Моем*, каковые слова могут относиться только к тому, кому нужен Спас, то есть зачавшемуся естественным порядком, а не непорочным, как то думают заблудившиеся католики о Божией Матери, предочищенной Святым Духом к приятию Господа”. Епископ, лишь только услышал такое обличение своего заблуждения, немедленно встал и ушел из монастыря, не зайдя даже в гостиницу».

Что же так поразило римского епископа, вероятно не раз имевшего прения по данному вопросу? Как древле мудрец, искусный спорить, прекратил прения, когда почувствовал какую-то особенную силу, исходившую из уст святителя Спиридона, против которой всякие доказательства были бессильны, и сказал: «Богу человек

противиться не может, устами этого старца говорит Сам Бог»¹, так и теперь, слыша хорошо знакомые ему евангельские слова, епископ ощутил силу Божию, обличавшую его заблуждение.

Из письма с Афона миссионера иеромонаха Арсения

«В продолжение моего миссионерского служения мне часто приходилось слышать от разных расколоучителей разные нелепые клеветы на святой Афон и на афонских иноков. Особенно подобные нарекания исходили от именуемых старообрядцев. По их мнению, Афон, приняв различные новшества, как-то: новоисправленные никоновские книги, совершение Литургии на пяти просфорах, троеперстное сложение и другие раскольниками не любимые обряды, совсем отступил от Православия. По мнению расколоучителей, на Афоне до патриарха Никона было все то, чего так крепко держатся они... При богослужении я обратил внимание на проскомидию, первую часть Божественной Литургии. Расколоучители упрекали перед мной святой Афон, что он в проскомидии принял никоновское новшество: совершает оную вместо семи на пяти просфорах, а теперь перед собой я вижу не пять, а только две. Что же это значит?

Сам по себе я не мог решить этот вопрос и отправился к отцу духовнику Иерониму за разъяснением. Пришедши к нему, я высказал ему недоумение относительно числа просфор при совершении проскомидии. Выслушавши меня, отец духовник сказал мне: “Вот вы очень спешили оставить наш монастырь, но и в нашей обители для вас нашлось нечто важное для изобличения раскольников”. Он объяснил мне, что одна из двух просфор имеет на себе четыре печати и заменяет собою четыре просфоры, а другая просфора — агничная и заменяет пятую просфору. Это обыкновение во всех монастырях на Афоне держится от времен древнейших; оно заведено по скудости монастырей.

Во время беседы о количестве просфор к нам вошел отец игумен архимандрит Макарий, и вот мы втроем начали трактовать о любимых раскольниками обрядах. Я просил объяснить мне, находятся ли в древних греческих уставах все те обряды, за которые так стоят раскольники? На этот вопрос старцы ответили мне: “Ни в одном из множества уставов Греческой Церкви раскольниками любимых обрядов не только нет, но и предания о них никакого даже не существует”. “Как же, — сказал я им, — расколоучители все единодушно утверждают, что тот устав, которого они теперь держатся, идет

¹ Житие святителя Спиридона Тримифунтского. 12 декабря.

от Владимира равноапостольного, который получил его от Константинопольского патриарха в то время, когда принял святое Крещение. Значит, по их мнению, в Греции до патриарха Никона были те же уставы и чины богослужения, которые существуют у них". На это старцы ответили мне следующейю сильною речью: "Если бы было справедливо то, что любимые раскольниками обряды существовали в Греческой Церкви со времен очень древних, то нет сомнения, что эти обряды существовали бы и доныне, чего мы теперь не находим. Да и в самом деле, какая причина могла бы побудить Греческую Церковь устранить прежние, освященные временем обряды и заменить их новыми? Никакой побудительной причины найти невозможно. Правда, расколоучители уверяют, что Греческая Церковь приняла новшества от патриарха Московского Никона в подражание Церкви Русской. Но это положение более чем невероятно. Патриарх Никон, видя неисправности в церковных книгах и обрядах при богослужении, вздумал их исправить. Но вот в чем дело: как исправлял Никон богослужебные книги? Патриарх Никон исправлял богослужебные книги и обряды, основываясь на древнейших уставах Русской Церкви и Греческой. Теперь спрашивается: что же приняла Греческая Церковь нового от Никона, если сам патриарх Никон принял для Русской Церкви только то, что издавна существовало, теперь существует и, осмеливаемся сказать, будет существовать до скончания века в Греческой Церкви? Ясно, что все, что говорят про Греческую Церковь и Афон расколоучители, есть не что иное, как клевета, пущенная для затмения славы Афона и для удержания темных людей на пагубном пути. У нас, на Афоне, в настоящее время 20 монастырей и 12 скитов; в них служат на разных языках, но, несмотря на это, во всех — один православный устав, едина вера и едино исповедание. Если бы старообрядцы древние уставы церковные и историю Греческой Церкви знали, то никогда бы не злословили на нее и на наш святой Афон. Нам кажется странным следующее обстоятельство. Раскольники указывают часто на князя Владимира и признают его равноапостольным, а сами не подражают его благоразумию. Будучи еще язычником, Владимир посылает людей своих в разные государства разведать, какая вера лучше; и Господь помог ему в этом деле и указал на истинную религию, узнав которую, Владимир покидает язычество и принимает христианство. Отчего бы, кажется, и раскольникам не поступить так же: избрать бы из среды себя людей уважаемых и послать бы к нам, на Афон, где они могли бы проверить иконописание и пересмотреть древние греческие книги, написанные раньше времени

Владимира, — такие книги, которые брал для поверки с Афонской Горы сам Московский патриарх Никон. Значит, и святой Афон, подобно Греции, не принял ничего от Никона нового, а сам Никон заимствовал у нас. Итак, отец Арсений, если вы хорошо знакомы с раскольниками и их наставлениями, то вам всего лучше письмами приглашать их сюда, на Афон, чтобы они воочию уверились в древности и истинности здешнего богослужения. Пусть они поступают по примеру некоторых из них, которые приезжают на Афон с этою целью и потом уже или совсем не возвращаются и остаются здесь, присоединившись к Православию, или, возвратившись в Россию, присоединяются уже дома, о чем извещают нас письмами”.

Да послужат задушевные слова почтенных старцев во благо всем раскольникам и крепкою опорой многим колеблемым расколотыми учителями!

Святой Афон. 1882 года, июля 11-го дня»¹.

Рассказы о духовном руководстве старца

«Однажды прибыл на Афон из России иеромонах и искал себе духовника, чтобы облегчить свою душу от тяжести греховной. Ему указали на отца Иеронима, который, выслушав того, дал ему епитимию: три года не приобщаться, и не входить в жилой дом ни днем ни ночью, и, где застанет его ночь, там и ночевать. Иеромонах сей исполнил ее и в последний день срока вошел в одну келлию, причастился Святых Христовых Таин и послал сказать отцу Иерониму, что исполнил данную им ему епитимию, и затем скончался».

«Некий помещик был долго не верующим в Бога, все приписывал случаю. Но однажды он спасся от смерти, когда лошади его разбили и опрокинули экипаж, под который он попал, но остался жив.

Это его заставило задуматься. Он поехал искать разрешения своего недоумения. Прибыл и на Афон и объяснил цель своего приезда отцу Иерониму. Отец Иероним ему сказал, что Промысл Божий ведет его ко спасению, показав ему чудо над ним же самим, но тот не совсем уверился. Затем отец Иероним сказал ему, что неверие его борет демонским насилием, но, если он не будет доверять сим внушениям, тогда может освободиться. Не веря существованию и самих демонов, он никак не допускал, чтобы могли быть какие-либо внушения от них. Отец Иероним посоветовал испытать это так: когда придут какие-либо недобрые мысли, чтобы он тогда

¹ *Арсений*, иеромонах. Письма с Афона к новообратившимся... С. 68—73.

произнес следующие слова: “По заповеди моего духовного отца скажи мне, кто ты?” Так он и поступил. В церкви, когда весьма ему наскучило слушать демонскую брехню, он и спросил, как велел ему старец. И тут же последовал ему ответ: “Диавол я!” А затем он разразился самою скверною руганью на него от злости, что неожиданно он был связан заповедию и принужден открыть себя, кто он. уверив сам и помещика в своих кознях. Помещик сей, лишь только услышал это признание и ругань, вышел из церкви, не имея возможности сдержаться от смеха, как диавол попал в ловушку. и нехотя принужден был признаться. И пока шел помещик к отцу Иерониму, бес вслед все ругал его матерщиной, но лишь только взошел к нему, ругань прекратилась, и он все рассказал старцу. Отец Иероним утвердил его в существовании демонов и их кознях мысленных, прося его больше не верить таким помыслам, но доверять истине Священного Писания. И так с Божией помощью он утвердился в вере в Бога и стал религиозным, а затем по некотором времени он отправился домой в мире»¹.

О явлении монаху М. вражией силы

«Среди невидимых духовных оружий на духов злобы поднебесных Всеблагим Господом даровано нам, немощным, и видимое оружие — святой крест Его. И вот молитва церковная с окроплением дома водою, освященною благодатию Святого Духа чрез погружение креста Господня, прогоняет невидимых врагов и восстанавливает спокойствие в доме. У нас, на Святой Горе, кроме молитвенного освящения новозосидаемых домов все в монастыре и вне оно всякий месяц окропляется святою водою и осеняется крестом. По древнецерковному обычаю в 1-е число всякого месяца после Литургии (у греков пред Литургиею) совершается торжественное водосвятие. причем если есть крест с частию Животворящего Древа, то онный погружается в воду, и с ним обходят все иноческие келлии и разные заведения, огороды, виноградники и прочее с умиленным пением тропаря Кресту: *Спаси, Господи, люди Твоя...*

Несмотря на это, и здесь, на Афоне, попускаются искушения от духов злобы или по зависти к преуспевающим, имеющим, по святому апостолу Павлу, *брань не к плоти и крови, но к властям и к миродержителем тмы века сего* (Еф. 6, 12), или же по доступности их к нерадивым, оставляющим келейное и церковное правило,

¹ Рассказ об этом помещике из собственноручных келейных записок отца Иеронима см. на с. 442.

особенно если живущие вне монастыря, имея домовую церковь, небрегут о частом отправлении Божественной Литургии и водосвятии. Не уместно сообщить здесь о нашем иноке-келлиоте, что он потерпел за подобное упущение.

Когда отец Иероним ехал из России на Афон, в Царьграде встретил давно поселившегося там русского, знавшего греческий и турецкий языки. Отец Иероним убедил его ехать с ним на Святую Гору за драгомана и, если может, жить с ним. Поначалу они проводили уединенную жизнь на келлии. Драгоман познакомился с другими келлиотами и любил для прогнания скуки ходить к ним в гости. Когда отец Иероним перешел в Русский святого Пантелеимона монастырь, то и драгомана своего взял с собою и имел его поначалу за келейника. Привыкши ходить в гости, он и в монастыре не мог совсем отстать от этой привычки, и братия стали скорбеть за его отлучки, почему отец Иероним, говоривший уже свободно по-гречески, принужден был перевести его за монастырь, на келлию. Будучи на свободе, драгоман (далее будем его называть монах М.) часто стал отлучаться из своей келлии. Иеромонахи, всякую неделю посылаемые по замонастырским келлиям для совершения в храмах Божественной Литургии и причащения братий, а в 1-е число каждого месяца для водосвятия, нередко находили келлию монаха М. запертою, и так оставался храм без службы.

Отец Иероним увещевал его бросить дурную привычку гостить у других, тем более что одному благоговейнейшему иноку открыто было (образно) духовное устройство некоторых из братии, а также и монаха М., облеченного уже в ангельский образ; нелюбитель сидеть дома виден был, как и прочие, с крыльями, но у него низ оных сильно был обит и запачкан, тогда как у других крылья были целые донизу и чистые и даже у некоторых каждое перо, как живое, двигалось, означая способность воспарять умом к высоте небесной. После сильного увещания отец Иероним присовокупил, что неизвинительным для инока упущением келейного и церковного правила он сделает доступ и подаст повод врагам спасения нашего делать пакости и жилищу, и ему самому. После первого же по увещании посещения друзей монах М. начал терпеть страхования от бесов: по ночам стали лететь с горы камня (келлия находилась внизу обрывистой каменной горы). При явившейся от этого решимости сидеть дома и совершать все церковное правило духи злобы покушались разными привидениями изгнать его из церкви, в которую влетали страшными по виду птицами, а иногда показывался вооруженный разбойник. После сокрушенной, искренней исповеди

во всем инока М. отец духовник немедленно послал к нему на неделю иеромонаха для служения Литургии и совершения водосвятия, чтоб келлию и все принадлежащее ей окропить святою водою с осенением крестом с Животворящим Древом.

Исправным исполнением иноческих обязанностей по молитвам старческим монахом М. вскоре избавился от такого искушения, а чтоб на будущее время не могло повториться то же, он был перемещен в скит Крумицу, где, кроме братских корпусов, есть несколько отдельных келлий с церквями. Там, при храме святого Пантелеимона, поселился с монахом М. иеромонах, неопустительно исполнявший правило церковное. По кончине иеромонаха монахом М., уже постаревший, переведен был в монастырь, где дана была ему келлия при больничной церкви. Пойдет он [в храм] или по дряхлости останется в келлии — вся служба церковная была ему слышна. С больничною братиею он еженедельно по пятницам исповедовался у приходящего для этого в больницу иеромонаха, затем слушал разрешительные молитвы, а по субботам приобщался Святых Таин. Пред кончиною монахом М. болел тяжело с месяц и, приобщаемый ежедневно, в мире скончался.

Месяца чрез два по смерти новопреставленный явился во сне пишущему это не в веселом виде. Побеседовав о смерти, он сказал в заключение: “Я теперь в темнице!” Отец игумен, и благоговейнейшие из братий, и иеромонахи при приношении Бескровной Жертвы молились о упокоении души монаха М. Чрез два месяца он явился снова и вид имел веселый. Мы шли по низкому песчаному берегу какой-то большой реки; доходим до перекладины чрез всю реку, от берегов широкой, а на середине реки весьма узкой — одною ногою едва можно ступить. Другой берег состоял из крутой горы, верх которой упирался в небо. Монахом М. быстро, как бесплотный, перешел реку по перекладине и, когда я за ним со страхом и с трудом следуя, показался на том берегу, он уже был высоко на горе. Сон этот ясен без объяснения»¹.

Рассказы о даре молитвы

Умносердечная молитва есть высший образ молитвы. Это дар Божий. Дается она очищенному от страстей сердцу после подвига самоотвержения, искоренения гордыни, отсечения своей воли, стяжания духа смирения и кротости путем терпения скорбей, обид

¹ Душеполезные размышления. 1887. Вып. 11. С. 10—12.

и уничижения, длительного упражнения в устном произношении молитвы Иисусовой.

Многие по наивности самочинно берутся сразу за вершину добродетели. Не пройдя скорбного пути очищения, напрягаются своими усилиями сразу войти умом в сердце, по неопытности принимают чувственные разгорячения за благодатные действия, внушения бесовские за откровения Божии, то есть впадают в прелесть. Такое делание возбраняется святыми отцами. Непрестанное же призывание имени Иисуса заповедано всем по словам апостола: *Непрестанно молитесь* (1 Фес. 5, 17), а монахам поставляется в обязанность при пострижении.

«Хотя отец Иероним был знатоком умносердечной молитвы и сам был великий молитвенник, но редко кого обучал оной во избежание прелести, ибо человеку свойственно увлекаться, не утвердившись в крайнем смирении — сокрушении сердечном, что только и может охранять от оной. Но бывали примеры, что он и весьма поддерживал истинных молитвенников. Таков был схимонах Пантелеимон (Костычевский) которого он ввиду крайнего его сокрушения и плача сам из монастыря перевел на монастырскую уединенную келлию, где он мог бы предаваться упражнению в молитве и плаче беспрепятственно. Ибо он молился с плачем по целым ночам и его рыдания были слышны в коридоре. На келлии же он был один и там мог предаваться сему, никого не беспокоя. Пробыв в таком жительстве немало времени, он по благословению отца Иеронима поехал на родину и прожил до самой кончины в своем доме в Костычах Самарской губернии, имел дар прозорливости и основал в своей местности женскую общину, которая затем была превращена в монастырь. Так Господь прославил Своего сего угодника, воспитавшегося духовно под руководством отца Иеронима».

«Духовник отец Иероним, имея дар внутренней постоянной молитвы, во время оной приходил как бы в исступление. Он рассказывал, что один брат как-то не пошел на бдение, но, став пред Господом, как раб пред Владыкой, простоял целых шесть часов на одном месте в изумлении и безмолвии, как стоял апостол Павел в созерцании Господа. Брат этот был не кто иной, как сам отец Иероним».

«Один из монашествующих рассказывал свой сон, будто все братия собрались для исповеди и по окончании исповеди, выходя от духовника, говорили, что духовник убеждает всех исповедоваться по совести и, елико возможно, ничего не утаивая. Один брат, выходя, говорит: «Погодите ходить к духовнику, ему есть какое-то

явление". С этим вдруг открывается все, и он видит, что духовник как бы на воздухе и под ним лучезарные облака. Вслед за тем он поднялся еще выше, и видно, что будто еще светлейший облак спускается сверху и в оном — лицо Спасителя, Который что-то подает духовнику и что-то ему говорит, но видящий слов этих не слышал и не мог рассмотреть, что подает. Тогда видящего объял страх великий, и он в ужасе проснулся, имея на себе власы поднятые, или, как говорится, стоящие дыбом».

«Ему давалась молитва о чем-либо одном умолять Господа — так, например, во время всего бдения в 1877 году, 6 декабря, на день святителя Николая Чудотворца, он умолял Господа о том, чтобы Он утешил небесными утешениями посла, графа Николая Павловича Игнатьева, который так много сделал для монастыря, защитив русских монахов в 1874—1875 годах во время "греко-русского процесса". Духовник, молясь о Н. П. Игнатьеве, просил Господа, чтобы Господь дал тому понять, что утешение это происходит чрез молитвы благодетельствованной им обители. И Господь дал отцу Иерониму молиться о нем всю ночь. Почему он и сказал о сем отцу Макарию: "Мне была дана молитва о Николае Павловиче Игнатьеве"».

«Однажды во время молитвы отцу Иерониму пришла мысль: "Как благодать Божия поддерживает человека во время искушения?" Тогда вдруг явился в его келлии страшный бес ростом до потолка, стоящий в углу. Отец Иероним взглянул на него и лишился чувств. Падая навзничь, услышал голос: "Вот так благодать Божия поддерживает человека!" И при этом его кто-то взял сзади под руки, не допустив удариться о пол, и поставил на ноги в чувстве.

Был еще случай. Голос говорит ему: "Вот идет бес!" "Я взглянул, — говорил отец Иероним, — и вижу, что идет ко мне, как араб. черный небольшого роста бес. Тогда я тотчас оградил себя крестным знамением и сказал: "Силою честного и животворящего креста огради меня, Господи". И бес мгновенно исчез. Тогда я стал размышлять, за что это Господь попустил явиться ко мне бесу. и вспомнил, что несколько времени тому назад был у меня помысл: "Какую силу имеет крест?" — и я оставил этот вопрос неразрешенным. И вот мне Господь попустил явиться бесу, чтобы я самим делом познал силу креста"».

«Старец по ночам почти не спал и по причине беспокоивших его болезней, и для более удобного упражнения в молитве. Однажды ночью, ходя по келлии с четками в руках, он вдруг видит, что потолка

в келлии как бы нет и перед ним стоит исполинского роста страшилище. В страхе и ужасе от необычайного видения он, по словам его, только при помощи благодати Божией мог удержаться на ногах. Страшилище тотчас исчезло. Рассуждая о сем, старец полагал, что это было ему вразумление за то, что он иногда легко относился к братским смущениям от страхований, считая их за ничто».

«Рассказывал отец Макарий после кончины отца Иеронима, что один приезжий архимандрит однажды внезапно вошел к отцу Иерониму и тотчас же быстро вернулся от него назад, ибо испугался, увидев отца Иеронима, стоящего на молитве на воздухе как бы на аршин от пола. Отец Иероним забыл запереться, хотя всегда запирался [при молитве].

Отец Иероним при молитве отдавался всему чувству, каковое им овладевало; когда плакал, то с рыданием, а иногда в радости ублажал Господа, о чем и говорит отец Макарий. Отец Макарий,

Рассказ из «Малого рукописного сборника»

Рассказывалъ о. Макарий

после кончины о. Иеронима, что одинъ
приезжий архимандритъ однажды внезап-
но вошелъ къ о. Иерониму, и тотчасъ
же быстро вернулся отъ него назадъ,
ибо испугался, увидевъ о. Иеронима
стоящаго на молитвѣ на воздухѣ, какъ
бы на аршинъ отъ пола. О. Иеронимъ
забылъ запереться, хотя всегда запирался.
О. Иеронимъ при молитвѣ отдавался
всему чувству, каковое имъ овладевало.

не вынося его плача и стенания, уходил тогда спать в другую комнату, чтобы из-за стены не слышать этого».

Сила молитв отца Иеронима

«Силу молитв отца Иеронима приходилось многим из братии испытывать.

Иеромонах Михаил при поездке Черным морем был однажды застигнут ужасной бурей, и опасность была столь велика, что не осталось надежды на спасение. Он мысленно стал молиться и ночью прилег на палубе. Видит во сне на пароходе отца Иеронима, и буря прекратилась.

Другому отъезжавшему монаху отец Иероним по просьбе того дал в благословение старую свою схиму, и тот всегда призывал его молитвы. Однажды случилось быть ему в опасности, он в скорби присел и как бы задремал днем. Видит пред собой отца Иеронима, который благословил его, и сейчас же очнулся. Смотрит — отца Иеронима нет, а опасность мгновенно миновала.

Однажды сей монах заболел и видит, что не в состоянии продолжать нести послушание, и стал скорбеть о сем. Видит во сне отца Иеронима, находясь с ним как бы в большой толпе. И вот толпа стала теснить их, и отец Иероним как бы повалился на него. а потом, наоборот, толпа стала с другой стороны их обоих пятить. так что сей монах повалился на отца Иеронима и оказался в распростертых его руках лежащим. “Батюшка, я думал, что я вас держу, а теперь вижу, что вы меня держите”, — сказал ему, а отец Иероним ответил: “То-то!” Эти слова были ему ответом на его мысли, что-де он поддерживает на своем послушании обитель.

Неоднократно являлся во сне он этому монаху в разных чрезвычайных также случаях и болезнях, а много было разных случаев. которые здесь не записаны».

«Отец Амплий — из раскольников. Был в Иерусалиме, где наместник патриарха усовещевал его принять Православие, но он ему не поверил, а за молитвы отца Иеронима обратился»¹.

«У нас не редкость — явление умерших братий кому-либо из живущих в обители и возвешение о своей загробной участи. Так. последний из числа почивших в Великий пост (жил в обители 40 с лишком лет) наяву вошел к одному из братий, читавшему святое Евангелие, и между ними произошел такой разговор:

¹ Рассказ святогорца схимонаха Селевкия... С. 39.

Читавший: “А, отец Авраамий! Откуда ты? Ведь ты помер?”

Вошедший: “Хотя и помер, но жив, как видишь. Я пришел поблагодарить старцев и братий за их молитвы о всех нас, ныне отшедших. Хотя и трудновато было проходить мытарства, но за молитвами обители, наипаче же милосердием Богоматери и предстательством святого Пантелеимона, все мы благополучно прошли оные и упокоены Всеблагим Господом. Особенно мне много помогли молитвы отца Иеронима, который во время отпевания моего усердно молился за меня, а когда выносили на могилу тело мое, он, несмотря на свои сильные недуги, положил за меня в келлии своей несколько земных поклонов, оказавших мне защиту от нападок вражиих”».

Рассказы о прозорливости старца

«Однажды пришло отцу Макарию желание спросить отца Иеронима об одном предмете, и он, лишь только взошел к нему, как отец Иероним стал сам без вопрошения рассказывать ему об этом, как бы отвечая на мысль его. О сем отец Макарий сообщил после смерти отца Иеронима».

«Отец Аркадий рассказывал, что у одного из монахов, жившего за алтарем Покровской церкви, была частица (носил ее) святой мученицы Иулиании. Был он помощником садовника и, чтобы жить поближе, попросил себе келлию близ малой порты. Отец Иероним благословил, и он стал перебираться. В эту же ночь во сне видит: приходит святая мученица Иулиания, велит наклонить ему голову и читает разрешительную молитву, кончила и стала невидима. Он объяснил сон отцу Иерониму. Тот, выслушав, сказал: “Готовься к смерти, это тебе предвестие”. Монах, как должно, исповедался, однако продолжал перебираться. И вот, неся одеяло и прочее, он как-то оступился на лестнице у алтаря Покровского собора, запутался в одеяле, упал вниз головой и тут же помер».

Предсказание об участи схимонаха Иегудиила

«Отец Иегудиил был родом из Москвы, имел свое заведение портное в Москве, а потом в Санкт-Петербурге. В 1863 году приехал на Афон и сначала поступил в Русский Пантелеимонов монастырь. Послушание свое имел в монастырской портной закройщиком, а так как был весьма способным, то иногда назначался и на разные экстренные послушания. Он пел Литургию более там, где служил отец Макарий, который очень отличал его и любил за

ловкость и способность на все. Часто брал его с собою как келейника на Крумицу, по разным монастырям и в Константинополь, поручал ему шить архиерейские мантии, делать новые митры, писать письма и другие поручения делал ему часто.

При таких способностях у него, естественно, родилось желание получить хиротонию, что ему и обещал иеромонах отец Арсений в 1872 году. Собираясь в Москву строить там часовню, думал взять его с собою, но когда пришлось ехать, то решился взять с собою другого, для каковой цели и рукоположили того, а не его, но такого изменения отец Иегудиил не перенес, почему на другой день после отъезда отца Макария, никому не сказавши, ушел в Свято-Аннинский скит, где и прожил с месяц.

По возвращении оттуда, явившись к отцу Иерониму, он просил его отпустить на безмолвие, но отец Иероним сказал ему, что [поскольку] он не начал правильно сию жизнь, то посмеется над ним диавол, и не давал ему благословения. Он повиновался.

По прошествии некоторого времени он опять стал смущаться и, не выдержав, уехал в Россию, поступив там в Толгский монастырь. в котором и просил старцев благословить ему остаться навсегда. но, не получив благословения, возвратился на Афон и упросил благословить ему поселиться в старом монастыре, а потом [просил благословения] на безмолвие на Бессребренскую келлию. Старцы отцы Макарий и Иероним, снисходя ему, согласились и отпустили его туда. При этом старцу Гедeonу отец Иероним велел приготовить веревку, чтобы связать отца Иегудиила, когда в прелесть попадет.

Там он и прожил лет восемь, до 1890 года. Как он подвизался там, известно было одним только отцам Макарию и Иерониму, но что он ревновал о подвижнической жизни, то это несомненно. Он каждую Четыредесятницу по благословию сих старцев пребывал в затворе до Вербного воскресенья, выходя только еженедельно для приобщения Святых Христовых Таин.

По кончине же сих старцев, в 1890 году, он не окончил затвора. но в субботу на первой неделе Великого поста был уже после приобщения в других местах, причем было заметно у него гордое о себе мнение. Так, на вопрос одного пустынника, к которому он иногда хаживал на совет, для чего он ходит к нему, если не принимает от него совета, ответил ему: "Я хожу так, для развлечения". Это было сказано в субботу, а в понедельник он уже стал заговариваться. причем говорил, что к нему являлась Божия Матерь, Которая сказала ему, что он скоро будет в Царствии Небесном и чтобы он ничего уже не ел. Во вторник его уже связали и привезли в монастырскую

больницу, где он пробыл одну неделю связанным, ничего не ел. Во все время он шумел, ругался, плевался, плясал связанный, лежа на кровати, говоря, что он видит на воздухе Самого Господа, считал себя четвертым лицом Пресвятой Троицы и никого уже выше себя не видел. Но вот дня за два до кончины он пришел в себя и попросил позвать к себе духовника¹, которому исповедался, просил прощения у всех за оскорбления, за хуление Святых Таин Христовых, а когда духовник попросил его сознаться, что он ошибся в том, что он называл себя четвертым лицом Пресвятой Троицы, то он не мог назвать это ошибкою, а только говорил: "Не знаю", хотя и называл себя тварью, а не Творцом. Духовник его приобщил Святых Таин на том основании, что он сознался по крайней мере в том, что он тварь, а не Творец, так как не было возможности говорить с ним о догматическом предмете, ибо он не мог еще правильно рассуждать. После приобщения он впал вновь в безумие и только в день кончины затих, стал говорить без буйства, смиренно, почему его развязали, и он лежал с закрытыми глазами, спокойно отвечал на вопросы. Духовник воспользовался таким его состоянием, снова предложил приобщиться, что он принял с удовольствием.

Причастившись Святых Христовых Таин 7 марта вечером и выпив несколько воды, он пред утром тихо отошел ко Господу».

Предсказание бесовского нападения

«Фома Прокопьевич Чернокрылюк, киевской губернии города Василькова, из мещан, будучи 30 лет, в 1833 году отправился в Иерусалим, где жил два года в Феодоровском монастыре хлебником и портарем.

Спустя год прибыл с Афона в Иерусалим отец Иероним (бывший тогда Иоанникием) с спутниками. Проживши с ними год и вместе приехав на Святой Афон, Фома Прокопьевич поместился в 1839 году в монастыре Ставроникита и чрез шесть месяцев принял рясофор, назван Фотием, имел духовником отца Прокопия, но слушал наставления более отца Иеронима, жившего тогда на келлии.

Из Ставроникиты поступил в Есфигмен. В Есфигмене он не захотел нести укорений от братии и скоро, чрез девять месяцев, вышел, хотя духовник и советовал ему оставаться или по крайней мере поступать в какой-нибудь общежительный монастырь. И он поступил в Каракал, где игумен полюбил его, как человека рабочего, сильного, и ему все нравилось. Он пришел к духовнику отцу Иеро-

¹ Отца Агафодора, рассказавшего этот случай. — *Примеч. сост.*

нему, хвалился своею жизнью, на что тот ему сказал: “Если хорошо, тогда живи”. Воздерживался он там и постригся в схиму. Но спустя немного он опять пришел к старцу и говорит: “Не могу укорений и поношений терпеть”. Но старец говорит: “Терпи, тебе нужно; вот ты там не жил, в другом месте не захотел, но если теперь пойдешь, то Бог тебя накажет, он попустит сатане колотить тебя”. Это слово испугало его, и он пошел. Но, смутившись, вышел из монастыря, уже не придя спроситься. Но тут уже поразил его демон, начал видимо колотить. Через несколько месяцев он приходит в монастырь наш. Старец, увидавши, что у него рот на боку и искривлено лицо, спросил: “Что с тобою?” — “Да вот что ты говорил, то и случилось! Демоны теперь колотят часто”. Упрекнув его отечески, старец сказал: “Есть средство избавиться от этого. иди и соблюди заповедь; не пей вина и раки, не гневайся, не услаждайся блудными помыслами и не нюхай табака, но если не соблюдешь, то с тобою будет еще хуже! Если теперь бьет чрез неделю. чрез две, то будет бить каждодневно по два, по три раза”.

Он пообещал, но не соблюл, и как скоро преступил одно, то демоны стали колотить по несколько раз. И так бывало, что лишь разгневается на кого-то, сейчас же нападают демоны и бьют, или лишь насладится блудною мыслию, или напьется вина, тут же напали демоны и били его.

Когда он вышел на Карею, жил бедственно, валялся на куче сора, без призрения, забытый всеми, как зверь. Это продолжалось шесть лет. Тут начальство усмотрело, узнали, чей он, и, узнавши, велели игумену Каракала взять своего монаха и, взяв его, поместили за монастырем в келейке, где он проводил страдальческую жизнь два года. За воздержание Господь избавил его от всего, и у него теперь только нога и рука левой стороны не владеет».

«Иеросхимонах Тихон родом был из России, из донских казаков. мирское имя его — Тимофей Саввич Бондаренко, прибыл на Афон в 1833 году, поступил в ученики к пресловутому старцу духовнику иеросхимонаху Арсению, пострижен в мантию в 1840 году, рукоположен в иеродиакона и в иеромонаха в 1844 году, затем пострижен в схиму. <...>

В одно время появились на Афоне майносы¹ — раскольники. известные под именем некрасовцев, с которыми он нечаянно встретился и услышал от них, что у них нет священника, поэтому у них

¹ Жители раскольничьего села Майносы в Малой Азии, выходцы из России. — *Примеч. сост.*

младенцы умирают без Крещения, молодые люди сходятся в сожительство без Таинства брака, и старцы умирают без покаяния, общения и христианского погребения, и тому подобное — словом, все остается без благословения Божия. Весьма хорошо было бы, если бы нашелся человек, обладающий любовью к ближнему, и спас их от многих несчастий душевных. Он так увлекся этими красно-речивыми, хотя и простыми убеждениями майносцев, полагая, что в состоянии привести их к познанию истины, что после этого никакие убеждения духовника отца Иеронима (ибо покойный отец Арсений всех своих чад поручил отцу Иерониму, поэтому и отец Тихон имел его за духовника) не могли подействовать, также и других, любящих его. Он так убедился мыслями, что он может помочь майносам, что ни угрозы, ни опасения, ни неприятности с бывшими там другими иеромонахами, — ничто не могло остановить его, и так он поехал.

Он прибыл туда, и все ему были очень рады, но тотчас потребовали какого-то их «исправления». Отец Тихон на это не согласился и потребовал отпуска, тогда они всем населением пришли к нему и стали просить, чтобы он остался. После многих убеждений он согласился на их просьбу и прожил там три года. После множества бесед духовных, доказательств религиозных он увидел их непреклонность, начал скучать и намекать на свой отъезд. Узнавши от одного из приближенных отца Тихона, что он действительно имеет желание от них уехать, они сказали, что ему живому не выехать, затем приняли меры надзора, а его стали звать к себе и угощать, и несколько раз отцу Тихону приходилось угощаться «до положения риз». Увидав новую для себя невзгоду, он еще более стал помышлять о бегстве, но враг рода человеческого, не желая его выпустить из своих челюстей, соорудил новый ков. Ему для прислуги дали женщину-вдову с шестнадцатилетнею дочерью, которая разными путями старалась завлечь отца Тихона в свои сети, с тем чтобы тогда уже он был привязан к майносам. Однажды, когда отец Тихон стал жаловаться на свою обстановку, высказывая свои опасения, они не постыдились сказать пред всем обществом: «Мы знаем, отец, тебе трудно жить без развлечения, а потому и порешили между собою, если между тобою и девицею что-нибудь случится, то мы принимаем на себя ответственность пред Богом». Тогда отец Тихон увидел свою ошибку и вспомнил изречение отца Иеронима, что «диавол готовит тебе ловушку в том месте, куда едешь». Тогда-то отец Тихон восплакал горько-горько и стал молиться Господу Богу, чтобы Он избавил его от належащей беды.

Когда уже не оставалось никакой надежды ему выбраться отсюда, вдруг предлагают ему сами старейшины поехать с ними в Константинополь для некоторых покупок. Каких только средств отец Тихон ни придумывал дорогой! Но, зная их близкие отношения к властям и что люди, которые его окружают, самые влиятельные и вместе с тем недюжинной физической силы, он начал им говорить, что ему ехать не хочется и что он уже успокоился, и тем еще более расположил их взять его, и они обещали купить ему обнов. Дорогою отец Тихон усердно молился и, подходя на судне к уже известной пристани, Промыслом Божиим встретил нашего монаха отца Никона, с которым поздоровавшись, успел мельком передать ему, чтобы он избавил его от беды. Отец Никон сказал ему: «Иди за мной, ничего не опасайся». Между тем они начали понемногу удаляться от судна и от сопровождающих, которые, видя, что отец Тихон удаляется с монахом, закричали ему вслед: «Куда ты идешь?! Пойдем с нами, а то не найдешь дороги!» Тогда он смело сказал: «Я пойду к знакомому монаху, у меня до него есть дело». А монах сказал, оборотясь к ним: «Извольте принести сундук отца Тихона ко мне на квартиру, а если не принесете, то полицейские принесут». Тогда майносы, увидав свою потерю, горько жаловались на монаха, взявшего отца Тихона, который немедленно постарался уехать на Афон.

По приезде своем он раскаялся в своем поступке, и остался на всегдашнее пребывание в монастыре Русик, и проходил жизнь в смиренном образе, несколько лет проходя послушание... Потом отец Тихон переселился на келлию, где, прожив немного, заболел в декабре 1877 года, вследствие чего перешел в монастырскую больницу, через три дня, 30 декабря 1877 года, скончался, имея от роду 62 года».

Сновидение и его последствия

«Монах Софроний, постриженный в монашество 22 декабря 1873 года, был в марте 1874 года послан на послушание в Россию на монастырском судне в числе матросов, где пробыл до ноября того же года, и во время стоянки судна в Азовском море, в 20 верстах от Таганрога и в 8 от Чимбурской косы, в заливе на пристани, где обыкновенно останавливаются суда, в ночь на 3 июля 1874 года видел сон.

“Нахожусь будто я в обители, — рассказывал отец Софроний, — и в Покровском соборе, где виделось мне, что старцы Иероним и Макарий стоят в мантиях при выходе и благословляют подходящий народ, которого было много, как монахов, так и мирских.

подобно как бывает в обители на повечерии в Прощеное воскресенье (недели сыропустной). Из знакомых лиц я только и заметил монаха Филимона и послушника Григория (ныне монах Гликерий), тоже бывших на судне. Батюшка отец Иероним как бы меня заметил и зовет к себе. Я сначала не смел идти вперед других, потом пошел, полагаю метание, он меня благословил и говорит: "От вас испразднится только один Семен". Я опять положил метание и отхожу, а батюшка мне вслед опять повторил те же слова. Потом подошел я к отцу Макарию и взял от него благословение, после меня взяли от старцев благословение отец Филимон и брат Григорий, тем и окончилось сновидение, более, что было — не помню. Когда же я проснулся, то на сердце будто бы у меня были сильная скорбь или жалость и предчувствие чего-то неопределенного.

Я размышлял об этом сне, твердо был убежден, что он относится непременно к кому-нибудь из находящихся на судне матросов из братий. Между тем Семена не было ни монаха, ни послушника. Потом мне пришло в голову, что батюшка во второй раз будто-бы сказал мне вместо "Семен" "Семенов", а так как незадолго пред этим бывший на судне послушник Сергей смутился и колебался, то я подумал: "Вероятно, о нем был сей сон, не зовут ли его по отцу или фамилии Семенов?" — и даже поутру спросил его о прозвании. Хотя он отвечал — Алферов его фамилия, но его по отцу действительно звали Семенов, а я, услышав прозвище его, подумал, что не то, он действительно тогда вскоре выехал в Россию и хотя опять приезжал и прожил год в обители, но при первых слухах о войне выехал совсем.

Утром 3 июля по прочтении обычного правила, напившись чаю, капитан отец Мефодий послал нас троих — меня, отца Филимона и брата Григория — на Чимбурскую косу, чтобы взять там двоих из братий, которым назначены были другие послушания, и вместе с ними отправиться в Таганрог для покупки провизии, что мы и сделали. Так как был весьма противный ветер, то мы к ночи уже прибыли в Таганрог в 8 часов вечера по-европейски, а по-восточному в 12 часов. На другой день, 4 июля, приехавшие с нами братья отправились в означенные им места, а мы, исправивши что нужно, остались ночевать, так как на 5-е число готовились приобрести Святых Таин. В ночь на 5-е число прибыл в Таганрог иеромонах отец Малахия, а когда мы, утром причастившись, возвратились от Литургии и хотели было отправляться на судно, отец Малахия говорит: "Теперь поздно, переночуйте, а завтра поедете". Мы остались ночевать.

Утром 6 июля мы собрались отправляться на судно. В это время приходит к нам на квартиру, где мы стояли в доме Скорбилиной, родной брат нашего шкипера, как мы обыкновенно называли капитана, монаха Мефодия, по имени Семен Евтихиевич Ситалов, который за две недели пред этим приезжал на судно для свидания с братом, с которым не видался несколько лет, и пробыл на судне двое суток. На третьи же сутки отец Мефодий, отправляясь в Таганрог, вывез его и простился с ним, исправив покупки, возвратился на судно и более на берег не выезжал. Симеон, будучи жителем Харьковской губернии, где земли мало, предполагал где-то в Таврической или Екатеринославской губернии купить землю и поселиться там. Услыхав о продающейся земле, приехал посмотреть ее и там нанялся на работу во время сенокоса. Когда мы собирались ехать на судно, он пришел к нам и рассказывал, что хозяин, у которого он работал, подает ему письмо, говоря, что “какой-то монах принес тебе письмо от брата” и на словах даже просил передать, что брат его просит прибыть на судно, поэтому он и пришел. Мы уверяли его, что отец Мефодий на берегу более не был, никакого письма ему не посылал и видаться с ним особой надобности не имеет. Но отец Малахия велел взять его на судно, и он с нами вместе отправился на баркас. Я нес его косу и палку, подаренную ему братом его. Когда пришли мы на пристань и положили эти вещи на берегу, то палка вдруг пропала; хотя тут и никого не было, но мы ее так и не нашли. Когда же отправились мы на море, был легкий и попутный ветер, мы стали кушать вишню, предлагали и Симеону, но он был печальный и как бы закачался и говорит: “Ничего не хочу”.

Отъехали мы благополучно, но тут ветер переменялся, мы взяли влево, судно у нас осталось далеко справа, мы подплыли левее Чимбурской косы, где у нас солится рыба, к месту, называемому Семибалки. Тут сделали поворот, отплыли от берега верст пять или шесть, был ветер свежий и противный, потом вдруг нашла полоса, то есть небольшая туча с сильным ветром, и опустилась прямо на нас, и так быстро, что мы один парус и убрать не успели. Баркас набрался водою и стал тонуть. Мы, видя свою гибель, стали между собою прощаться. Баркас пошел на дно, только конец мачты остался сверху воды, мы все и ухватились за этот конец мачты. В это время нашедшая волна сбила нас двоих, Семен едва только сказал: “Простите, отцы святые, и помолитесь о мне, грешном”, как накрыла его волна, и мы более его не видали. Филимон и Григорий держались за мачту, а я во всей одежде плыть не мог, но вода как бы меня носила, и за волною я отплыл саженой 40. Смотрю, подо

мною выплыли два весла, одно поперек другого. Я удивился, что они так кстати могли выплыть, и за них ухватился. Они меня поддерживали на воде, которая носила меня во все стороны. Мы разговаривали между собой, братия меня утешали, звали к себе, но я при всех усилиях не мог к ним подплыть. Я заплакал и мысленно просил Господа, чтобы спас меня от потопления, и все мы кричали на берег, чтобы подали баркас, но на берегу не было слышно наших голосов. А между тем отцу Филиппу, живущему на Чимбургской косе, сказали, что наш баркас впутался в полосу и что его уже не видно. Отец Филипп поплыл было искать, но, отплывши версты три, воротился. Мы было обрадовались, но когда увидали, что баркас вернулся назад, скорбь наша увеличилась. Мы стали сильнее кричать: "Поддай баркас!" И я до того кричал, что охрип.

Вдруг в это время смотрю: предо мною светлый и разноцветный столб, как радуга, и, куда я ни повернусь, столб все предо мною. Потом из него образовался круг, как бы венец, я все продолжаю кричать: "Поддай баркас!" А у меня уже и голоса нет. В это время слышу, сзади меня проговорил голос: "На что тебе баркас?" Голос этот был такой приятный, что я и вообразить не могу. Я сделался в трепете, как бы вне себя, как бы душа с телом расстается. Оглянулся и вижу: сзади меня величественный Муж, как бы сидящий на воде и поддерживающий держимое мною в левой руке весло, которое я не мог крепко держать, правое же я держал крепко впереди себя. Лик Сего величественного Мужа описать невозможно и ни к чему нельзя применить. Он был подобен образом и одеждою, как в нашей обители в Покровском храме писан местный образ Спасителя. Цвет лица Его — подобие белого с розовым, а сияние от лица Его — как полированное серебро против солнца, так что смотреть нельзя. Власы Его русые, а сияние от них красноватое и как бы развеваемое ветром, брада Его против того, как писана на иконе, гораздо подлиннее и книзу разделена надвое¹. Он посмотрел на меня быстро, но с неизъяснимою кротостию. Я взглянул другой раз, но уже Его не видел. Тогда я исполнился радости и возгласил: "Верую, Господи, надеюсь и уповаю, что имиже веси судьбами спасеши меня и не оставиши погибнуть!" И так мне сделалось радостно, что я забыл, что нахожусь в смертной опасности, а будто в раю.

Когда я плавал, то одежду свою поскидал с себя, оставил только рубашку, и то потому, что жалко было рвать постригальный параман.

¹ Некоторые из братии, знающие об этом случае, считают, что в образе «величественного мужа» явился отец Иероним. — *Примеч. сост.*

Тут видим мы, что солнце уже заходит, а помощи все нет, но я надеялся, что Господь меня спасет. Брат Григорий по благословению отца Филимона поплыл к берегу на доске, но увидав вдаль плывший баркас, поплыл к нему, что было и нам видно, и много раз кричал: "Подайте баркас!" Но с баркаса его не видали и голоса его не слышали. Наконец, бывший на баркасе мальчик лет двенадцати или четырнадцати услышал крик и сказал другим. Они стали прислушиваться. Он еще крикнул и уже хотел плыть на берег, если не услышат, но на этот раз его услышали и взяли на баркас. Это было за четверть часа до захождения солнца. Потом приплыли ко мне уже в час ночи (по-восточному в 9 вечера). Я сначала подал весло, потом другое, на котором меня и вытащили. Затем стали искать отца Филимона, но не могли увидеть, так как было уже темно. Лазили смотреть на мачту, наконец увидали, подплыли к нему, бросили якорь и взяли его. Потом тороками взяли за мачту и вытянули наш баркас, ведрами отлили воду, каменья повыкидывали и совсем освободили. Нас привезли на Семибалки, на хутор, ночевать к купцу, которому принадлежал баркас.

На другой день, 7 июля, было воскресенье, я отправился на Чимбур пешком, а отец Филимон и брат Григорий поплыли баркасом. Дорогой я встретил с Чимбурской косы послушника Михаила (ныне монах Мина), который отправился нас искать. Увидев меня, он прослезился, и спросил: "Что с вами случилось?" Я ему рассказал. Когда же прибыли с ним на Чимбур, там уже дожидался нас капитан, отец Мефодий, встретил меня и спросил о братии, я ему сказал: "Вот только видишь меня одного". Он прослезился, а я ему сказал: "Не плачьте! Наши все живы и плывут баркасом, но один у нас утонул". Он спросил, кто такой. Я ему сказал: "Ваш брат Симеон". Он опять прослезился и стал меня спрашивать. Я ему рассказал подробно все, что с ним и с нами случилось. Отец Мефодий подтвердил наши слова, что письмо к брату не писал и надобности особой видеться с ним не имел. Утопшего Симеона нашли на третий день и предали земле по христианскому обряду".

Сей рассказ записан по благословию старцев со слов самого отца Софрония».

Рассказ отца Селафила

«Когда духовник Иероним благословил мне поехать в Иерусалим с иеромонахом отцом Иеронимом, родственником духовника, тогда дня за два до отъезда я прихожу к нему, а он и говорит: "Зачем ты так рано едешь в Иерусалим и зачем спешишь?" Я ответил: "Как же,

батюшка, нужно, чтобы успеть ко второй неделе, все поклонники из Иерусалима отправляются в Назарет". А он посмотрел на меня и говорит: "Да ты в Назарет не попадешь!" Я опять говорю: "Как, батюшка, не попаду? Я затем и спешу, чтобы везде побывать". А он подходит ко мне и, слегка ударив меня правою рукою по плечу, говорит, приклонившись к уху: "Там увидишь, увидишь!"

И что же? Приезжаю благополучно в Иерусалим, подходит вторая неделя, назначают выезд караваном в четверток до 500 человек. А я вздумал во вторник сходить в Горнее. Возвращаясь в тот же день оттуда, при выходе из Горнего на гору я очень устал и вспотел, а тут случился пустой колодезь. Я сел отдохнуть и скоро почувствовал, что у меня чешется левая щека. Я спросил товарищей: "Что, у меня щека красная?" Они говорят: "Да". Тогда я понял, что это рожа. Прихожу в Иерусалим прямо к доктору, и он говорит, что это рожа, и дал мне мази. На другой день прихожу к нему и говорю: "Что, мне можно ехать в Назарет?" А он говорит: "Не то что в Назарет, а вам и на воздух нельзя выходить, а приходите к нам в больницу". Пришедши в оную, я пролежал 11 дней в ней, а в это время поклонники все почти уехали в Назарет, мне после уже не с кем было ехать, хотя я и выздоровел. И так сбылось пророчество блаженного батюшки — отца духовника Иеронима.

Возвратясь на Афон, я стал говорить о сем духовнику, а он только улыбнулся и сказал: "Ну то-то и есть!"»

Рассказ о смирении

«В первых числах июля 1885 года прихожу я к духовнику Иерониму в пятницу за благословением приобщиться Святых Таин. В это время у него был какой-то келлиот-монах. Я долго дождался, а когда тот вышел от него, тогда и я взошел, но, не знаю почему, он принял меня очень сухо, сурово и говорит: "Ступай, ступай, я устал и нездоров". Мне это показалось очень обидно, и я говорю: "Как же, отче, вы занимались с келлиотом более часа, а когда я взошел, то оказался лишним и тягостным для вас. Занимаетесь с чужими, а своего сына выгоняете. Это уже не в духе отеческом. Но Бог с вами, теперь простите и благословите, а впредь я постараюсь вас не беспокоить". И пошел из келлии. Но он посмотрел на меня и заметил, что я пошел со скорбью и слезами на глазах. Утром я пошел к Литургии в параклис Введения во храм Пресвятой Богородицы и, приобщившись Святых Таин, только что прочитал благодарственную молитву по Причащении, смотрю — ко мне подходит

келейник отца Иеронима отец Филарет и говорит: “Вас зовет батюшка”. И когда я пришел к духовнику, то он стоял посреди кельи, как видно, дожидаясь меня. Увидевши меня, сделал шаг ко мне и говорит: “Прости меня Бога ради, я вчера тебя оскорбил, и вот хочу приобщиться, а совесть не позволяет, не испросивши прощения”. При сем два раза поклонился мне, сколько мог нагнуться, и опять говорит: “Прости Бога ради”. Я говорю ему: “Бог простит, и меня простите, ибо я сему причиною, что подал повод к сему своим приходом, но поклона до земли сделать вам не могу, ибо я сейчас причастился Святых Таин”. — “Ну слава Богу, что причащался”. И пошел в церковь, а там уже пели *Тебе поем*.

После сего я уже реже у него бывал, ибо мне было стыдно, что такой старец просил у меня прощения, но зато он обходился со мной с большею ласкою, чем прежде».

Беседы духовные старцев

«Случай, бывший 23 ноября 1878 года, сообщенный отцом Макарием.

Это было в тот день, когда святая обитель празднует двум святым — святителю Митрофану Воронежскому и святому благоверному князю Александру Невскому. Вечером, часов в 4—5, когда все успокоилось, отец игумен Макарий пришел к духовнику Иерониму и спросил: “Как провели бдение и все богослужение?” Духовник отвечал: “Да! Угодники Божии испросили для меня такое благодатное веяние, что когда я с необыкновенным благоговением приобщился Святых Таин и потом, когда начал читать благодарственные молитвы, то едва их мог кончить от текущего источника слез. даже дорогою едва мог себя сдержать. Придя в келью, я дал полную свободу оным и почувствовал в себе самом такой необыкновенный мир и бесконечную любовь ко Господу! Апостольские слова: *Мир Божий, превосходяй всяк ум, да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7) — как бы повторились в моем сердце, и я вполне понял их смысл, и все люди стали мне так любезны, что, кажется, всех бы избавил от всех немощей душевных и телесных и привел бы оных ко Господу Богу”.

Во время сего благодатного настроения отца духовника, после действия, зашел к нему монах Мануил, беспокойный характером. незадолго пред тем высланный из святой обители за излишнее употребление горячительных напитков. Отец духовник начал убеждать его оставить эти немощи. Наконец, духовник зарыдал, и вместе с ним

онный монах тоже заплакал. Потом духовник преклонил колена, начал молиться за него о избавлении его от немощи и отпустил его. Благодатное действие продолжалось до глубокой ночи и даже до другого дня.

При сем не излишним считаю поместить и следующее.

Вечером 6 декабря 1877 года отец игумен при беседе с духовником спросил его: “Как проводили бдение?” А духовник отвечал: “Довольно бодро, хотя с изнеможением”. Так как отец Иероним имел дар молитвы (а как известно духовным лицам, молитва иногда действует умеренно, иногда с особым вниманием, и глубоко-мыслием, и размышлением, иногда дается молитва о каком-нибудь предмете особенном), в сей день молитва была об обители, вслед за этим и о благодетелях. А так как в этот день праздновался и день Ангела посла Николая Павловича Игнатьева, искреннего нашего благодетеля, то о нем дана была молитва, чтоб его Господь утешил за внимательность, которую он питает к нам, и еще чтоб он почувствовал, что утешение последовало ему и исходит по ходатайству молитв святой обители. Затем о текущем деле, чтобы оно увенчалось успехом, чтобы Господь даровал победу над магометанами, после того чтоб Господь обратил их в христианство и тем покончил бы все смуты на Востоке. Затем о всех язычниках (поименно были перечислены). Все это сопровождалось необыкновенным умилением, и духовник говорил, что когда бывает об этом молитва, то он чувствует приток неизреченной радости.

Отец Иероним — отличный знаток пения, но не остается с одним слушанием пения или поверкою голосов, но каждый стих ирмоса, или стихиры, или чего-нибудь другого разбирает догматически, нередко спрашивает кого-нибудь из братии, что он понял из таких-то стихиры или ирмоса. Он особенно необыкновенно любил все ирмосы и тропари, поемые пред Рождеством Христовым.

21 декабря, вышедши с повечерия, мне пришлось взойти к нему. У нас началась беседа об удачном пении обоими клиросами ирмосов канона, потом перенеслась беседа на последний ирмос, где поется: *Странствия Владычня*, — о неправильности перевода сего ирмоса. Оказывается, что по сущности ирмоса правильное выходит: *Странноприимства Владычня*, ибо вслед за этим как бы приглашаются верные приидти и насладиться Бессмертной Трапезы. Отсель у нас потекла беседа, как недосызаемо и непостижимо для человеческого разума усыновление человека Богу и еще что человек как бы родится и соединяется с Богом. Как ни глубокомыслен, и как ни высок этот момент соединения, и как ни утешителен для духовного

человека, но когда окончится и человек кругообращается и как бы приходит в забвение, то человеколюбивое и неопишное это посещение Божие он может понимать и чувствовать, только как бы

бывшие здесь и вынесенные вон ароматы. При этом человек чувствует свое ничтожество, всю свою греховность и невозможность никакими подвигами вознаградить Господа за все блага. Им подаваемые.

Духовник отец Иероним особенно богословствовал над тропарем *Готовися Вифлееме* и глубокомысленно рассуждал о таинстве воплощения Христова и затем, како Господь милостивно защищает род человеческий, особенно тех, которые прибегают к Нему истинно, и затем о благодеяниях Божиих, которые узреть можно только за гробом тем, кто этого сподобится.

Старец-духовник Иероним. 1870-е годы

Очень жаль, что беседы эти не могут передаваться, ибо они

бывают только между двумя лицами и обществу их тайны должны быть сокрыты, ибо тут рассуждается духовным настроением людей».

Духовные наставления старца Иеронима

«В бытность здесь архимандрита Антонина¹ в 1860-х годах он спросил у отца Иеронима, нет ли у него какого из жизни случая, как действует благодать Божия, полученная человеком в Крещении. Отец Иероним отвечал: “Да разве вы, отец архимандрит, никогда этого не ощущали?” “Нет”, — отвечал тот. “Но не было ли когда желания помолиться или само не приходило ли умиление когда?” — “Да, это иногда бывает”. — “Так вот это самое и есть действие благодати Божией”. — “А как можно в этом убедиться?” — “Благодать

¹ Архимандрит Антонин (Капустин; † 1894) в начале 1860-х годов был настоятелем русской посольской церкви в Константинополе, с 1865 года возглавлял Русскую духовную миссию в Иерусалиме. — *Примеч. сост.*

Божия сама приходит, так же и уходит, и ее невозможно ни вызвать, ни отогнать, но она овладевает человеком без его ведома, когда Господь восхощет”.

На другой день отец Антонин поехал в сопровождении отца Макария по Горе, и лишь только они поехали, отец Антонин начал плакать и плакал всю дорогу до возвращения домой. Приехавши, отец Макарий тотчас рассказал отцу Иерониму о плаче отца Антонина. А отец Иероним рассказал отцу Макарию о том разговоре и что плач этот был в удостоверение того, что объяснение отца Иеронима о проявлении действий благодати Божией в человеке, получившем оную в Крещении, было истинное. Отец Антонин при свидании с отцом Иеронимом сказал ему: “Представьте себе, отец Иероним, на меня во всю дорогу напало пьяное умиление”. Отец Иероним ответил ему, что это и есть то самое действие благодати Божией, которое он и не вызывал, но и не в силах был прекратить».

«Один собрат нашей обители в недавнее время получил от родных уведомление о тяжелой кончине близкого и любимого своего родственника. В юности он был много им облагодетельствован, к тому же знал его любовь к ближнему, ради которой тот всегда, будучи холостым, тратил последние свои заработанные деньги, но, к сожалению, был подвержен в небольшой степени страсти винопития и редко ходил в церковь, но характера был всегда кроткого. Приняв все это во внимание, брат употребил все свои усилия сделать лучшее поминовение души его, для чего усердно просил святых молитв о нем как у духовника Иеронима и отца игумена архимандрита Макария, так и у всех священнослужителей и своих близких собратий, причем [старался] и иными способами об умилоствлении Бога, да сотворит с почившим по милости Своей, и простит ему вся согрешения, и упокоит душу его в Небесном Царствии. Для таких молитв был назначен срок 40 дней, и вот по истечении сорокадневного срока он, к великому своему недоумению, чувствует, будто гора свалилась с его плеч и он освободился от утеснявшей его печали о усопшем сроднике, и так успокоительно чувствовал себя относительно его загробной участи, будто теперь если бы и не молиться о нем, так ему не будет крайней нужды в этом.

В тот же или следующий вечер было объяснено им об этом старцу-духовнику Иерониму. Отец духовник сказал: “Ты думаешь, что это за твои молитвы случилось? Разве не сильны заслуги Спасителя покрыть его грехи, да еще при содействии молитв церковных, а главное, при совершении Таинства Бескровной Жертвы?!

Только посредством тебя, чрез твое ходатайство Господу было угодно устроить так. Должно быть, и он имел какие-нибудь добрые дела, ради которых и Господь расположил тебя так усердно о нем позаботиться. Вот видишь ты сам, да и сколько бывало уже примеров, сколь сильны были и всегда бывают молитвы Церкви Православной ради заслуг крестных Спасителя нашего Господа Иисуса Христа, Ему со Безначальным Отцем и Всесвятым Духом да будет от нас честь и слава вовеки. Аминь»».

Рассказ иеросхимонаха Нона о старческом вразумлении и спасении его жизни

«Один новоначальный брат нес послушание на гостинице. В это время по случаю ожидавшегося приезда великого князя Алексея Александровича в гостинице было большое стечение народа. Собрались игумены, старцы и другие лица со всего Афона, представители султана, афонский чиновник каймака, и из Салоник на своем пароходе паша приехал.

Здесь, на гостинице, на послушании находилось 20 человек братии, и все они в течение десяти дней были настолько загружены, что не имели возможности ходить на службу церковную, не исполняли келейного правила и даже по двое суток не спали.

Вот этот брат, смотря на все это, смутился, и в своем смущении отправился к старцу-духовнику Иерониму, и говорит ему: «Отче, я ушел из мира ради спасения души своей и пришел в пустыню, Афон. а здесь, кажется, обрел еще больше мирской суеты. Вот уже несколько дней мы все, сколько есть нас на послушании на гостинице, не ходим совсем в церковь ни к какой службе, даже и к Литургии, и никаких правил не исполняем, ни келейных канонов, потому что не имеем времени чрез суету и заботы, и я чрез это смутился».

Услышав от него это, старец-духовник Иероним с улыбкою посмотрел на него и своею рукою слегка потрепал его по лицу, яко отец или мать чадо свое, и с ласкою говорит ему: «Эка ты чужак какой и этого еще не понимаешь! Уже, кажется, и торговки по базару проповедуют, что послушание выше поста и молитвы. Вы трудитесь на послушании монастырском ради Бога и братии святой обители, а Церковь за вас молится. Как же, разве ты не слышишь. что Церковь возглашает: *Труждающихся, служащих отец и братий наших?* Вот видишь, значит, вы и получаете двойную награду: и Церковь за вас молится, и за свое послушание, которым для братии, тружась, служите».

Услышав это, брат вполне успокоился и с большим утешением, поклонившись, ушел от старца. В обычное же время на этом послушании старец требовал исполнять все церковные и келейные правила, невзирая ни на какие обстоятельства.

Этот же самый брат по прошествии некоторого времени, находясь на этом же самом послушании, однажды пришел к старцу и говорит: "Отче, благослови мне только одни сухари кушать да воду пить, больше ничего. Я этого желаю". Старец посмотрел на него и говорит: "Нет тебе на это благословения. Ты и так слабого телосложения, а от поста и сухоядения и совсем ослабеешь и попадешь в болезнь да и сляжешь на больнице, и, вместо того чтобы тебе послужить для братии, тогда по необходимости братия должна будет тебе служить. Но по силе своей трудись там, на гостинином своем послушании, оказывая любовь странноприимной братии, и ты будешь в сем подобен странноприимному Аврааму. И ничтоже сумняся, но во славу Божию и с воздержанием все кушай, что там у вас, на гостининой трапезе, по благословию подается, а безвременно без особой нужды ничего не кушай".

Этот же брат, по ревности своей желая подражать святым отцам, при своем труде на послушании выпросил у старца спать только четыре часа в сутки на голых досках, а вместо подушки под голову положить камень. Старец ему сказал: "Пожалуй, ежели этого желаешь, то испытай, но смотри, чтобы с непривычки и при твоём слабом телосложении не впасть тебе в телесный недуг. Святые отцы при трудах монаху советуют в сутки спать шесть часов. Впрочем, это дается на твое произволение". И все это брат по своему желанию и ревности некоторое время в точности исполнял.

Собственно, этот брат и прибыл на Афон с намерением сделаться великим святым. Желая подражать подвигам древних святых отцов, он намерен был жить под камнем и питаться одними кореньями. По своему высокомерию он считал, что когда он примет монашеский подвиг, то сразу же изменится, сделается бесстрастным, как бы бесплотным, подобно Ангелам. Не имея рассудительности, он решил однажды, еще до поступления в монастырь, испытать себя, оставшись на ночь в зимнее время на открытом воздухе, вне монастыря. Но, не находя себе покоя от жестокости голой земли и сырого холодного воздуха, он не мог уснуть всю ночь, познал немощь своего естества и решил поступить в обитель.

По прошествии немалого времени однажды, придя к старцу, он говорит: "Отче, мне говорит помысл, что я здесь не спасусь, я здесь погибну". Услышав это, старец и говорит ему: "Не принимай

этих помыслов: это диавол по зависти тебе их влагает, хочет этим от доброго целомудренно-постного начинания тебя отторгнуть и вовлечь в отчаяние". Потом воззрел горе, вздохнул и говорит: "Однако знай, что мне придется с тобою немало хлопот и трудов понести. так как ты на опасный путь попал. Зачем ты этот диавольский помысл принял? Послушай меня, всеми силами старайся не принимать его, а иначе ты много пострадаешь от диавола, который всеми силами тщится вовлечь тебя в него, дабы погубить душу твою и меня опечалить. Впрочем, так как Господь тебя ко мне послал, то я и надеюсь на помощь и благодать Его, что она чрез меня, недостойного. не попустит восторжествовать ему над тобою".

Удивительны прозрение, предсказание и духовная премудрость сего дивного старца. Еще только брат объяснил ему свой помысл. но он уже из этого предвидит будущее и вперед предсказывает. какие должны быть чрез принятие этого помысла несчастные последствия, и по его предсказанию на самом деле все в точности и сбылось. В то время брат этот даже не мог и понять или поверить. чтобы от ничтожного одного помысла он мог так пострадать, как он пострадал. Уже после освобождения от искушения и по смерти старца неоднократно о сем вспоминая, удивлялся его глубоко духовному предведению.

Брат этот в начале своей жизни в обители приучил себя в уме своем уничижать и осуждать самого себя пред всеми другими, а других представлять святыми, подобно небесным Ангелам, а себя — грешнее всего мира. Но враг, подметивши это, по своему древнему лукавству этим случаем воспользовался и начал ему вlagать помыслы, что и на самом деле он есть грешнее всего мира и что все здесь спасутся, а он один только погибнет. И так как он от излишне налагаемых подвигов и трудов стал телом изнемогать и ослабевать, то чрез это враг и вложил ему в ум страх смертный, что он скоро помрет и не успеет никаких добродетелей достигнуть, и не только, как желал, соделаться подобно великим святым древним отцам не сможет, но даже и спасения своего не получит, а чрез это и вверг его в отчаяние. И чрез несколько времени в уме его представил Бога несправедливым и грозным, немилостивым и нечеловеколюбивым, воздвизая при этом хулу на Бога, и при отчаянии навел на него страшную тоску и неизъяснимую печаль, так что брат этот стал не рад своей жизни и не знал, куда скрыться от нее. Тут-то и сбылось пророчество старца, сказанное этому брату, что "ему много придется иметь с ним хлопот и трудов", потому что и действительно старец все усилия свои употреблял, покуда при по-

мощи благодати он избавил его от явной гибели и неоднократно при молитве проливал слезы пред Богом о спасении его. Но при этом каждый раз получал от Бога особенное великое благодатное утешение за любовь его и за труды о спасении брата и в уверение, что его молитва принята Богом. После о сем сам старец рассказывал сему брату. И еще сбылись слова его, сказанные брату: “Старайся всеми силами освободиться от сего душегубительного помысла, а иначе много пострадаешь чрез него”.

И при сем надо сказать еще и то, что ежели бы сей брат, как только появился в думе его этот помысл, вскоре открыл бы его старцу, то тем бы дело и кончилось и он вскоре получил бы исцеление. Но не вдруг он его открыл, а допустил ему вкорениться и войти в силу души его, и, когда он уже стал гнести душу его, тогда только он и открыл его старцу. А каждая рана, покуда еще свежа и незастаревшая, всегда легче лечится, а застаревшая не скоро и очень трудно вылечивается и, бывает, так уже и остается неизлечимой, от чего даже случается, что человек и умирает. Но ежели есть, подобно сему старцу, премудроопытный врач, то пожалуй, что и тогда спасется.

Итак, приходит этот брат к старцу и говорит: “Отче, бывши в мире, я видел, что имел я разные добродетели, часто умом своим на небесах находился с Богом и радовался духом, а теперь вижу себя слишком далеким от Бога и не имею даже надежды на свое спасение”. “Все твои мирские добродетели, — отвечал старец, — не могут сравниться с одним днем здешней твоей жизни. Если что и делал ты доброго в миру, то по своей воле, и к этому побуждало тебя твое тщеславие пред другими. Положим, что ты там подавал милостыню и тому подобное, но здесь ты предал свое тело и душу за послушание Христу и во всем отсекаешь свою волю по заповеди Его. Поэтому ты и послушал Его, и вслед Его идешь, и в этом доброжелании уподобляешься Ему, как и Он за послушание Отцу Своему сошел с небес на землю и предал душу и тело Свое за спасение рода человеческого. Всегда так бывает, что полезно не видеть своих добродетелей. Но, когда враг приводит человека к отчаянию, говоря, что он грешник и не имеет никаких добродетелей, поэтому и нет ему надежды на свое спасение, тогда полезно грехи свои от себя сокрывать, как будто бы их не было, и повергать их на милосердие Божие, а добродетели свои открывать и увеличивать их пред врагом своим. А что ты говоришь, что имел радость и часто на небесах умом своим находился с Богом, то это с тобою было от неправильного понятия. Это кривой путь, и всех таким

путем шедших диавол прельстил и многих погубил. Но мы должны ум свой иметь в сердце своем, а не на небесах, тогда нас враг не может прельстить. А что ты себя считаешь удаленным от Бога. то это есть диавольская ложь, потому что Бог всегда с тобою пребывает, а тем более теперь. И чрез меня, недостойного, Сам Он утешает тебя, и любит, и меня любовью к тебе привлек и расположил”.

И действительно, всегда после беседы со старцем брат получал духовное утешение, отраду и облегчение в скорби и печали своей. Но чрез некоторое время враг опять его подвигал к отчаянию, начинал смущать и расстраивать.

Чрез некоторое время брат этот пришел к старцу и говорит: “Отче, напал на меня страх смертный, и я чувствую, что скоро помру, и не имею времени никаких добродетелей сделать для спасения души своей, поэтому нахожусь в отчаянии и помысл мне говорит, что нет мне спасения”. Старец говорит ему: “Не принимай этот помысл — он не твой, его тебе приносит диавол, чтобы ввергнуть тебя в отчаяние, и чрез то хочет, чтобы ты похулил имя Господне, якобы Он не силен тебя спасти. Да и какие твои такие грехи, что ты не спасешься, а погибнешь? Или ты слушаешь диавола, что он представляет тебе Бога таким немогущим, что и единого тебя не может спасти, в то время когда на Кресте пролитую Своею честною кровию весь мир спас? Грехи твои ничтожные в сравнении с грехами мира, яко капля в море или едина песчинка. Этот-то самый помысл и есть хула на Бога. За это самое и Каин пострадал и проклят Богом, что он похулил Бога после убийства своего брата Авеля, а именно он сказал Богу: “Грех мой вяще Твоей милости”, то есть уничижил Бога, якобы грех его превосходил милость Божию, а чрез то сделал Бога как бы немощным и бессильным спасти или помиловать его. Поэтому берегись и ты этого, потому что враг так и старается к этому тебя подвигнуть. А что ты говоришь, что чувствуешь, что скоро помрешь, это есть тоже внушение врага для своей хитрой цели, также и страх смертный. А чего тебе страшиться смерти? Ежели б и действительно скоро помер, на тебе никаких грехов теперь нет; хотя и были прежде в миру малые твои грехи, то ты теперь здесь покаялся Господу чрез духовного своего отца и чрез Причастие Святых Христовых Таин имеешь соединение со Христом. Поэтому ежели бы теперь ты и помер, то Ангелы твою душу возмут в Царствие Небесное”.

И брат от этого до некоторого времени успокоился, поклонился старцу и ушел. Но чрез несколько времени опять пришел к старцу и говорит: “Отче, на меня напала страшная тоска и печаль, так что

и своей жизни не рад, и явилась во мне хула на Бога. И мне Бог представляется ужасно страшным, грозным, немилостивым, несправедливым и нечеловеколюбивым. И я в крайнем нахожусь отчаянии, я чувствую, что душа моя погибла". Ответ старца: "Тоска, и печаль, и отчаяние — это есть дух неверия и гордости, также и хула на Бога. И все это тебе приносит диавол. Друг мой, зачем же ты принимаешь?! Ты должен верить мне, что эти помыслы не твои, а они есть от врага приносимые тебе. А ты не можешь распознавать его хитрость и лукавство, и он поддывается под твои помыслы, чтобы тебе казалось, что они твои собственные мысли, поэтому ты их и принимаешь, а чрез то и пришел в настоящее время в такое бедственное горестное состояние. Об этом я тебя и прежде предупреждал, что это случится, ежели не послушаешь совета моего.

И при том знай еще и то, что покуда враг не успеет тебя отвлечь от доверия к духовному твоему старцу, то есть покуда ты не потеряешь доверия ко мне, то до того времени хотя бы и все полчище князя тьмы ополчилось на тебя, но и тогда не возможен ничего сделать тебе. Но когда потеряешь доверие, то тогда уже будешь в полной власти его. Он-то этого больше всего от тебя и добивается, но, смотри, опасайся этого. А за хулу, которую тебе враг приносит на Бога и которую ты не желаешь и не принимаешь, ты не будешь отвечать пред Богом, но когда он будет приносить тебе ее, то и говори ему так: "Хула твоя на главу твою да будет, тебе на погибель, а я на это не соизволяю". И будь в этом покоен и мирен. А что он, враг, таким Бога тебе представляет, то это, конечно, чтобы еще более ввергнуть тебя в отчаяние. Но Бог знает, что ты Его любишь, так же как и Он тебя, за это ничуть на тебя не оскорбляется, только бы ты от врага ничего не принимал".

И брат, немного успокоившись на некоторое время, ушел от старца.

Но по времени враг опять начал ему вlagать помыслы, что старец только его утешает и успокаивает, а на самом деле он должен погибнуть. И при том же вложил в чувства его страх смертный, что вскоре, не сего дня, то завтра, он должен помереть и что если при таком состоянии своем помрет, то непременно душа его погибла. И до такой степени враг его расслабил от уныния, тоски и печали, что брат уже был не в состоянии ни за что и взяться. Не мог даже и Богу молиться: хотя бы и хотел, но не в состоянии был себя к этому понудить.

В таком состоянии приходит к старцу и объясняет ему свои помыслы и чувства. Тогда старец ему и говорит: "Ты сам подумай

хорошенько и рассуди, друг мой любезный: какая мне необходимость тебя обманывать и уверять в том, чего ты на самом деле не получишь? Но ежели я тебя утешаю, то значит, что по любви к тебе Бог мне внушил тебя утешать, и в этом будь уверен, что ты еще не скоро помрешь, но еще долго проживешь. А те чувства и страх тебе враг вложил. И так как ты теперь не можешь молиться и ничего делать, то и не молись, и не понуждай теперь себя к этому, и ничего не делай. А сколько ты спишь в сутки?" Брат: "С вашего благословения четыре часа в сутки". Старец: "Но вот теперь, куда ты не придешь в свое состояние душевное, спи, сколько захочешь, и не соблюдай никакого правила, и ешь и пей все во славу Божию и во всякое время, как только захочешь, и за все благодари Бога. Будь за все мирен своею совестью и покоен, а я за все отвечу за тебя пред Богом, только ты слушай, что я тебе говорю. Так и святые отцы советуют при облегающей человека печали во всем давать некое послабление и отраду своему телу и не стеснять себя ни в чем, потому только, что печаль и без того гнетет душу и иссушает тело человека".

Враг так сильно подействовал на брата сего своею хитрою уловкою, что он пришел в крайне опасное положение, привел его в такое забвение, что брат сделался как бы непонятлив и неразумлив. Он слушал старца, как бы не понимая и ничего не разумея, и только что выйдет из келлии старца, все сейчас же забывает, что старец ему говорил. И что только ни делал старец и каких усилий ни употреблял, но ничего не могло подействовать на брата, потому что диавол так возобладал над его рассудком, что, какие только помыслы ни влагал ему, он все принимал, как бы свои, и верил им. а старца как бы не слышал и не разумел. И враг его поколебал в доверии к старческим словам.

Итак, старец увидел, что никакие внешние средства брату не помогают и он, чем дальше, стал в худшее и в худшее состояние приходить. Рассмотревши хорошенько его состояние, стал опасаться, что брат от страшно гнетущей его тоски, печали и отчаяния не пришел бы в иступление ума и не лишился бы совсем рассудка и как бы враг не подвиг его наложить на себя руки, потому что человек долго в сем состоянии не может жить на свете. Поэтому при помощи благодати Божией и решил сделать оборот совсем другой. который сильнее на брата должен подействовать, и тем вскоре прекратить его страдание и избавить его от явной гибели.

И вот, по обыкновению своему будучи в самом крайнем и окончательно опасном своем состоянии, пришел брат к старцу. Тогда

старец встал со своего места, и воздел руки горе, и из глубины души своя воздохнул к Богу, и с необыкновенною отеческою любовью обратился к брату и говорит: “Ну вот, возлюбленнейшее чадо Христово, Сам Христос и душа моя от любви к тебе зело страждем о тебе. Но ты не внимаешь моим словам и советам, которые есть от Духа Святого, но более веришь советам и помыслам бесовским, нежели мне, принимаешь, что враг влагает тебе во уме твоём. Поэтому и ничем тебе невозможно помочь в этом твоём крайне душегубительном состоянии. Но по крайней мере как духовному своему отцу ты веруешь ли, что по данной мне благодати от Духа Святого дана мне власть вязать и решить?” Брат говорит: “Вполне верую”. Старец: “Также, несомненно, должен ты верить и тому, что благодать Духа Святого во мне, недостойном, живет”. Брат: “Несомненно, верую и этому”. Старец: “Итак, теперь спрошу я у тебя: ты вполне и несомненно веришь, что непременно скоро помрешь и погибнешь?” Брат: “Так как я чувствую, что я скоро помру, а в таком состоянии, в котором в настоящее время нахожусь, конечно, без сомнения, я твердо уверен, что я погиб, поэтому и облежит душу мою невыносимая тоска и печаль”.

Тогда говорит старец: “Вот уж сколько времени я тебя уверяю, что ты еще не скоро помрешь, даже и через 20 лет не помрешь, и должен бы ты успокоиться. Но ты не слушаешь и не веришь мне, но веришь лукавым помыслам, влагаемым в твои чувства. Но вот же слушай и внимай”. И, поднявши руки свои к иконам, говорит: “Вот тебе от имени невидимого Бога, zde посреди нас Сушаго, даю тебе десять лет жизни в твое распоряжение и власть с настоящего часа и до скончания десяти лет. И ежели ты хотя бы даже и одним днем раньше назначенного мною от Бога тебе срока, то есть десяти лет, помрешь, то я за душу твою своею душою отвечу Богу, тогда от руки моя Он да възыщет душу твою. Вот моя порука, и присяга, и данный мною обет за тебя Богу. И вот десять лет твоей жизни в полной твоей власти, и ты все это время имеешь власть, как хочешь, жить, распоряжаться своею жизнью и этим временем. А по прошествии десяти лет твоя жизнь будет в воле и руце Божией, и ежели Его святой воле будет угодно, то Он и еще продлит твою жизнь по Своему благому усмотрению. Тогда уж не от тебя будет зависеть твоя жизнь и не в твоём будет распоряжении. А теперь она в полном твоём распоряжении. И по прошествии сего срока — десяти лет твоей жизни — тогда и я буду свободен от моей поруки за тебя пред Богом, а до скончания сего срока я буду связан ею. Хотя я сам и недостойн, но по любви Божией к тебе и, собственно,

для спасения твоего, так как в настоящее время ты в сем имеешь необходимую нужду, то поэтому я сию власть себе испросил у Бога, которую и получил ради тебя. Итак, будь ты теперь покоен в этом и благонадежен. Теперь веришь ли ты всему этому, что я тебе сказал и обещал от лица Божия?" Брат ответил: "Вполне верю".

В это время он почувствовал в себе какой-то сверхъестественный переворот, и как бы ужасная какая-то тяжесть, которая угнетала душу и сердце, оторвалась от сердца его, и сразу явилось в душу его какое-то тончайшее благонадежие на свое спасение, и он увидел, что в это время и старец сам весь изменился и как бы устами его Сам Бог вещал, поэтому он не мог не только усумниться, но даже вполне утвердился.

"Итак, возблагодарим Бога, что Он тебя так возлюбил и расположил меня к тебе, что по любви Божией я и душу свою готов положить за тебя. И теперь есть начало твоего спасения и избавления от врага, который возобладал тобою за принятие от него внушений и веры к нему. Теперь ты должен на самом деле познать своего Творца, каков Он есть, так как в уме твоём тебе враг представляет Бога грозным, страшным, несправедливым, немилостивым и бесчеловечным, и ты в настоящее время никак от этого не можешь избавиться. Необходимо должен ты заняться умною молитвою, и тогда Господь тебе откроется в уме твоём и в сердце, явится тебе, и ты только тогда познаешь Его, Каков Он есть на самом деле. И тем ты избавишься от коварных сетей вражиих".

Дальше спросил его старец: "Как часто ты приобщаешься Святых Христовых Таин?" Брат ответил: "В две или три недели однажды". — "Но теперь смотри, даю тебе заповедь: за послушание причащайся два, а ежели можешь, то и три раза в седмицу. покуда все это у тебя не пройдет".

Брат, много утешенный и успокоенный старцем, поклонился ему и поблагодарил его за такую его отеческую к нему любовь и попечение и отправился к себе. А сие было во время всенощного бдения праздника Божией Матери, и старец почти все бдение пробыл в беседе с сим братом, а в конце бдения по благословению старца братия протянули четку о спасении сего брата. И после сего брат стал во всем слушать совета старца и часто причащаться Святых Христовых Таин.

Как-то сей брат в праздничный день вышел за монастырскую порту в свободное время от монастырского своего послушания пройтись и вне обители подышать свежим воздухом. В это время на встречу ему шел один из старых монахов и, увидя сего брата, еще

издали начал гневно кричать: “Зачем ты, еще молодой человек, лезешь вперед нас, стариков?” Услышав сие, брат немного смутился от грозного вида и нападения старого монаха, будто бы он чем-то его зело прогневал или чем огорчил. Но, не зная и не чувствуя за собою перед ним никакой вины, мягко ответил: “Чем же, отче, я вас прогневал и где вперед вас выхожу?” А он отвечает: “Да как же, мы, старики, только один раз в седмицу причащаемся Святых Христовых Таин, а ты, еще новоначальный, по три раза причащаешься. Ты чрез это попадешь в прелесть бесовскую. Следует поступать по порядку и вслед за всем братством”. Этот старый монах ничего не знал про душевное состояние сего брата и о его последствиях.

Тогда брат ему со смирением ответил: “Отче, да разве ты не видишь, я и так уже в прелести нахожусь”. Услышав от брата сии слова, этот отец вдруг изменился и сделался из ярого и лютого кротким и добрым, как родной брат или отец, и говорит мягко: “Ну вот с тобой и толкуй, о чем хочешь. Но, друг мой любезный, я тебя по братской любви предупреждаю и говорю, что не годится так делать. Надо, как все, приобщаться в одно время, а то чрез это братия на тебя соблазняются и скорбят, а сам ты чрез это попадешь в прелесть вражескую”.

Тогда брат ему и говорит: “Прости, отче, я не по своей воле и не сам от себя, но по воле и благословению старца. Хотя бы я и не хотел, но старец от меня этого требует, говоря, что для пользы души моя теперь мне это нужно. Вот я и исполняю его волю”. Тогда сей отец и говорит ему: “Ежели так, то ты скажи старцу, что братия соблазняются, и скорбят за это, и говорят, что чрез это попадешь в прелесть. Ты старцу не указывай мою личность и не говори собственно от моего имени, а скажи от имени всего братства”. Брат обещал ему так и сделать, и они расстались, как старые друзья.

После этого брат пришел к старцу и говорит: “Отче, я исполняю твою заповедь и за послушание по благословению твоему стал три раза в седмицу приобщаться Святых Христовых Таин. Но вот я вышел за порту немного пройтись на свежем воздухе, повстречался мне один отец и говорит, что вся братия на меня скорбит и соблазняется, что я три раза в седмицу приобщаюсь, и говорят, что через это я попаду в бесовскую прелесть. Отче, как бы и в самом деле не послужило это во вред души моей, и не лучше ли мне это оставить. Впрочем, я предаюсь твоей воле, как ты сам о сем усмотришь, но я, услышав это, и сам пришел в сомнение, как бы и в самом деле не попасть мне чрез это еще в большее искушение”.

Тогда старец изменил свое обычное положение и вид и говорит брату: “А кто это тебе сказал?” Брат говорит: “Я дал слово и обещание его личности тебе не открывать, а просто сказать от всего братства, поэтому прости, отче, ежели я от тебя личность его скрою”. Тогда старец и говорит брату: “Да это отец N.” Тогда брат говорит: “Ежели Господь открыл тебе его личность, то поэтому и я пред тобою не могу утаить, что действительно он самый и есть”.

Старец вздохнул и говорит: “Что делать?! Он по действию бесовскому в наши духовнические дела вмешивается. Враг по своей зависти и подвиг его на ненависть к тебе и чрез него хочет препону сделать твоему спасению. Но успокойся о сем и ни на что и ни на кого не смотри, но слушай, что я тебе говорю и, как только можешь, почаще приобщайся Святых Таин. Но чтобы, подобно сему отцу, немощные не соблазнялись и не скорбели по зависти вражийей, то ты не в одном параклисе приобщайся, а один раз — в одном. другой раз — в другом и так далее, постоянно в разных параклисах, и им не так будет заметно. Видишь, как враг опутал сего старого отца N. Да разве в Теле и Крови Христовых есть прелесть? Ежели Христос Своею честною кровию, на Кресте излиянной, весь мир искупил и от вражийей прелести освободил, то как же кто может попасть в прелесть от постоянного соединения со Христом чрез частое Причастие пречистого Тела Христова и честной Крови Его? Слушай и знай, что никто не попадает от этого в прелесть. Но от частого и достойного Причащения святого Тела и честной Крови Христовых человек освящается своею душою и телом и соединяется со Христом и от всякой прелести избавляется. Собственно, чрез это прелесть тогда сама по себе от него отбежит”.

Еще он сказал: “Хорошо бы, ежели кто мог хотя бы и каждый день приобщаться Святых Христовых Таин Тела и Крови Его! Но немощь человеческая! Всего только из-за какой-нибудь ложки масла, подаваемой в трапезе в кушанье, и стакана вина человек разлучает себя от соединения со Христом, которое бывает чрез частое приятие святых Тела и Крови Христа”. Тогда брат спросил старца: “А разве можно допустить кому-либо каждый день приобщаться Святых Таин?” Старец: “Отчего же, можно, только достойно приобщаясь”. И говорит: “В древние времена, в начале христианства, даже и миряне чаще приобщались святого Тела и честной Крови Христовых, нежели в настоящее время чрез свою немощь монахи”.

И брат, вполне успокоенный и утешенный, поклонился старцу и ушел от него с миром.

После этого старец позвал к себе этого отца Н. и говорит ему: “Зачем ты слушаешь врага, подвигающего тебя вмешиваться в наши духовнические дела? Вот ты стар и смотришь уже в землю и скоро должен помереть, почему же ты не причащаешься часто святых Тела и Крови Христовых?” Тогда этот отец Н. старцу и говорит: “Прости, отче, по своей немощи не могу поститься”. Тогда старец и говорит ему: “Вот, видишь, враг тебя самого не допускает спастись и войти в Царство Небесное и подвигает тебя другим препятствовать войти в него”. Тогда сей отец Н., вразумленный и умудренный старцем, попросил прощения, которое тут же и получил, и с миром вышел. И после этого сей отец Н., когда, бывало, встречается с сим братом, еще издали ему кланяется.

Этот отец Н. был мужественный, высокого роста, с широкою, длинною, до пояса, бородою. И так как сам он от своего рождения никакою телесною болезнию не болел, всегда был здоров телом, то и не мог знать немощи других. Он имел своего рода внешние подвиги. Первое — то, что он, кроме благословенной братской трапезы никогда и ничего не вкушал, но зато нещадно поносил и осуждал немощи других. И значит, за осуждение ближнего терял награду своему подвигу. Еще он никакую церковную службу никогда не опускал, всю службу выстаивал, стоял как вкопанный, но когда увидит кого из немощных братий прислонившимся к форме или присевшим, то, будучи не в состоянии сего выносить, готов был того брата, как говорится, просто растерзать. Выходит, что ревность его была не по разуму и незаконная. Впрочем, и за внешние его подвиги Господь его не оставил, но в последние дни его жизни вразумил, дал ему познать свою немощь и привел к должному покаянию. Он всего только за полгода перед своею смертью первый раз в жизни заболел и с этого времени стал телом ослабевать. Как-то на Божественной Литургии сел во время песни Херувимской. Брат, видя сего старца Н. на хорах сидящим в форме, немало сему удивился, так как до сего времени никогда не видал его сидящим во время церковной службы, тем более в такое священное время, подошел к нему и говорит: “Отче, что это с тобою сделалось?” А он и отвечает: “Что делать, не могу стоять, нездоров и ослабел”. Из этого явно стало, что он уже начал познавать свою немощь. Перед смертью несколько дней, не поднимаясь, пролежал на своем одре, пришел к познанию своей немощи и в добром покаянии почил о Господе, прожив более 80 лет.

Некоторое время спустя после рассказанной истории брат тот пришел к старцу и говорит: “Никак не могу постигнуть я, как

заняться умной молитвою, как вводить ум в сердце и там держать Иисусову молитву. Как я ни старался, никак не могу познать сего. Да притом же еще с некоторого времени во мне явилось какое-то сомнение, есть ли Бог на свете. И помысл говорит в уме моем, что, может быть, на самом деле Его и нет, да и кто Его видел, что Он есть, и что “напрасный труд ты делаешь и предпринимаешь”, и это меня очень смущает, и я скорблю”. Старец, услышав это, улыбнулся и говорит: “Да дурак же бес какой-то попался! Или уж слишком пронирылив, хитр и лукав. Он же сам тебе говорил, что Бог немилостив, несправедлив, и представлял его тебе страшным и бесчеловечным, чрез что и привел было тебя в отчаяние. А теперь, когда ты по молитвам своего духовного старца благодатию Божиею от сего хотя немного освободился, то он оборотился уж с другой стороны наводить на тебя сомнение, что Бога нет. Вот бес говорит, что Бога нет. А он-то есть? Ты бы спросил у него. Другой раз, когда он принесет тебе эти помыслы сомнения, что Бога нет, то ты скажи ему умственно так: “По заповеди отца моего именем Господним повелеваю тебе, сатана, если ты мне внушаешь и говоришь, что Бога нет, то ответь мне: а ты, бес, есть?” И тогда ты узнаешь, что он тебе скажет”.

И вот однажды, когда опять пришло к нему сомнение с помыслами, говорящими, что Бога нет, по заповеди, данной ему от старца, он спросил беса, как ему сказал старец, и получил ответ: “А я есть”. И это он ему ответил с рыкающею злобою, так что брат был этим потрясен и пошел объяснить о сем старцу. Старец утвердил его своими наставлениями и преподал ему советы, говоря: “С этого времени не принимай никаких сомнений, ни помыслам своим не веруй, потому что враг окрадывает тебя и подделывается: под видом твоих помыслов приносит свои и влагает в твой ум, а ты по своей неопытности не можешь различать их и принимаешь за свои. Даже случается еще и так, что человек, прельщенный от врага, не имея наставника мудрого, которому бы он доверялся всею душою и сердцем своим и которому бы поверял свои помыслы, во всем верует своему сердцу, принимает вражьи помыслы, яко от Духа Святого, и чрез это неизбежно погибает. Поэтому ты каждый свой помысл немедля должен мне открывать и при помощи благодати Божией и всеми своими силами старайся заняться умственною молитвою и понуждай себя постоянно держать Иисусову молитву устами и умом в сердце. И тогда только ты при настоящем своем состоянии освободишься от его диавольских многокозненных сетей и лукавства. При помощи благодати Божией и молитвами твоего старца тогда

только познаешь то, чего до сего времени еще и не знал, и уразумеешь и увидишь то, чего доселе еще и не видал. Тогда ум твой будет стоять на страже и будет познавать и различать все помыслы, какие от благодати и какие от беса и свои собственные, и еще издали будет видеть к нему идущий бесовский помысл и будет набрасываться на него, яко на разбойника. Поэтому враг ничего так не боится, как умственного занятия Иисусовой молитвою, потому что человек при этом бывает яко свет и весь — око. От тебя только требуется произволение, старание и некий малый труд, а остальное Сам Господь управит и научит. И когда благодать придет и обнимет тебя, тогда все тебе откроется". При сем старец наставил брата из советов богоносных отцов, как нужно заниматься умною молитвою и, дав благословение, отпустил брата с миром.

После этого брат сей сколько ни старался, сколько ни трудился, но никак не мог познать, как заняться умным деланием и как держать умом Иисусову молитву в сердце, скорбел о сем и неоднократно беспокоил старца. И вот между прочими книгами ему попалась в руки книга епископа Игнатия. (Книга эта хотя и не собственное его творение, но выбраны самые цветы из творений святых и богоносных отцов, из Добротолюбия и прочих книг, и заслуживает благодарность епископу Игнатию за его труд, потому что так им распределена, изложена и разъяснена, что удобопонятна и доступна всякому новонаначальному в сравнении с Добротолюбием, которое не каждому доступно и удобопонятно.) Вот эту-то книгу брат прочитал и очень обрадовался, потому что она ему раскрывала те недоумения, которые он до сего времени не мог понять. От этого он успокоился и начал принуждать себя правильно заниматься умною молитвою.

И вот после этого брат этот чрез несколько времени как-то приходит к старцу, в радости духовной веселяся о Бозе, Спасе своем, и с большим торжеством говорит: "Отец мой, вот о чем я до сего времени не мог думать и помышлять и понятия даже не имел, то мне в настоящее время открылось, и даже как бы лицом к лицу я сам увидел. И вот теперь только на самом деле на себе я вполне познал и уразумел и твердо уверовал, что Сама Истина есть Господь и что Он есть сущая любовь и милость и превосходит всякие пределы Своею любовью и неизглаголанною и неизреченною Своею милостию".

Тогда старец, услышав это от сего брата, очень обрадовался и говорит: "А как ты это познал и как тебе это открылось?" — "Тебе, отче, известно, что со мной даже до сего времени было и что в моей

душе и уме происходило против Бога, что мне казалось даже до сего времени, что я Богом совершенно оставлен и что Он так на меня разгневался за все это, что я даже не смел воззрети на Него и очей своих возвести на небо. Но, исполняя данную тобою, отче, мне заповедь, за послушание по благословению твоему я понуждал себя постоянно держать Иисусову молитву и во уме своем, и устами. и сердцем.

И вот как-то, целый день занимаясь своим послушанием, я все время старался молитву держать. И по окончании своего послушания только что сел, чтобы умною молитвою заняться, как вдруг всего меня осиял какой-то неизреченный свет. И благодать Божия до такой степени меня объяла, что я чувствовал, что я был в это время в объятиях Божиих и весь в Бозе и Бог во мне. И был в каком-то особенном восхищении и в большом удивлении и с неизреченною радостью и с умилением. Тут же и спросил Бога как бы лицом к лицу (только не устами, так как я и сам не мог познать сего, был ли я в это время в теле или вне тела, только я знаю, что духом я был соединен с Богом), говоря: “Господи! Неужели Ты на меня, грешного и недостойного, не гневаешься и не до конца оставил меня и даже еще ко мне неизреченно милостив и человеколюбив, чего я недостойн, не смел даже и подумать о сем, ниже ожидать, столько Тебя прогневавши”. И тут не могу я изъяснить устами, что я в это время почувствовал и что душа моя от Него слышала, — одно только я знаю, что в это время я был соединен с Ним и в благодатных Своих объятиях Он мне вещал: “Нет, Я тебя не оставил и не гневаюсь, но, как видишь, одну только имею любовь и милость к тебе!” Боже мой, и я от этого сладкого гласа Его в такую неизреченную хвалу и благодарность изменился пред Ним, что после только почувствовал, что из естественных очей моих сладкие слезы умиления, благодарности и радости как град катились, орошая всего меня, и весь я пламенел любовью к Богу неизреченною, и ум мой в это время был весь как свет, ничто земное не помышляя, но все это время изливался пред Владыкою своим. воспевая и восхваляя неизреченную Его милость и неизглаголанную любовь к человекам.

Несколько часов я находился в таком божественно благодатном состоянии и не заметил, как это время прошло, потому что я тогда только почувствовал, что я пришел в свое естественное состояние. когда услышал, что уже колокол возвещает к утрени. И тут только я встал со своего низменного стула и почувствовал неизреченную сладость и радость в душе своей, а в уме сама Иисусова молитва

лилась без всякого с моей стороны понуждения, а в теле такая легкость сделалась, и здоровьем оно укрепилось, что как будто бы несколько пудов камня с меня свалилось. И вот теперь, отче, я пришел свою неизреченную радость и тебе возвестить. Боже мой! Мог ли до сего времени я это думать или в уме своем помышлять?! Но, конечно, знаю, отец мой, что по твоим святым молитвам такую неизреченную благодать и Божественную любовь и милость Господь меня посетил и неизреченно утешил. Поэтому, отче святой, приношу и тебе истинно сыновнюю благодарность за твои великие труды и скорби, чрез меня тобою понесенные, и истинно отеческое твое попечение и великую твою любовь ко мне, недостойному, и не знаю, чем я тебе за все это могу воздать. Но да воздаст тебе Сам посетивший меня Господь в сей жизни и тем паче сугубо в будущей”.

Тогда сей любвеобильный и премудрый отец, выслушав все сие от брата, и, яко истинный чадолюбивый отец, в радости духовной обнял свое чадо и облобызал¹ и говорит: “Возрадуемся и возвеселимся, яко днесь бысть спасение твое! Подобае же нам возблагодарить Господа и Спаса нашего, яко Он не допустил погибнуть созданию Своему и не допустил врагу исхитить из рук моих душу твою, а чрез то и не допустил опечалить врагу старость мою. С этого времени, возлюбленнейшее чадо Христово, не должен ты уже ни о чем скорбеть, но постоянно духовною радостью радоваться о Бозе, Спасе своем, и за все и всегда благодарить Господа, спасшего тебя от вечной смерти и отчаяния, и сие будет от тебя благоприятная жертва Богу, паче злата и сребра!”

И так брат, радуясь о Господе, ушел от старца и после этого совершенно пришел в свое настоящее духовное состояние, и все прежде бывшие вражьи помыслы от ума его отбежали. В уме своем держал он Иисусову молитву и при занятии умной молитвою уже сам посмеивался над бесами и вызывал их на брань, говоря:

¹ Сей премудрый старец и любвеобильный истинный отец, во всем тщавшийся исполнять Христово Евангелие, подражая отцу евангельской притчи о блудном сыне, каждого из братии обители, духовных своих чад, отправлявшегося из обители в дальний путь в мир и на долгое время по своей ли надобности или по другой причине, провожал и благословлял; возвратившегося в обитель после отлучки, яко блудного своего сына, возвратившегося на лоно отчее, с радостью встречал и, обнявши, лобызал. Один брат монах спросил у старших братий, близких к духовному сему старцу: «Меня ли одного с такою радостью и любовью духовный наш отец так встретил или он всех и каждого так встречает?» Отцы ему на это ответили: «Ежели не каждого, то по крайней мере многих».

“Выходи! Где тот бес, который говорил мне, что Бога нет? Или тот, который беспредельно милостивого Бога представлял мне страшным, немилостивым и несправедливым? Окаянные враги Бога Вышнего, всеблагого и человеколюбивого!” И тому подобное говорил, ругаясь над бесами.

Вскоре этого брата постригли в мантию, и он долго восхищался и наслаждался умною Иисусовою молитвою и от нее большие получал дарования утешения благодатного.

По прошествии немалого времени этот монах очень сильно заболел и долго пролежал в тяжелой болезни, так что трудно ему было держать в уме и сердце Иисусову молитву. И он оставил ее, поэтому и она от него отошла. А может быть, и потому еще, что он твердо уверился, что она его уже не оставит, считая, что он своими трудами ее стяжал, и начал уже в уме своем других немощи осуждать. По выздоровлении своем начал скорбеть, что молитву потерял, и в скорби своей вопрошал у старца о причине того, скорбя, что не имеет уже тех прежних дарований и утешений, которые имел прежде при молитве.

На это старец отвечал ему: “Не все тебе услаждаться, но надо немного и поскорбеть и потерпеть. Мать млеком свое дитя дотолк кормит, доколе оно еще не может грубой пищи кушать, а как приходит в возраст, тогда уж начинает приучать и к грубой пище. Так точно и благодать. Покуда тебе нужно было, она тебя утешала и услаждала, но, когда ты стал уж приходить в духовный возраст и не имеешь уж особой нужды, чтобы тебя, как малолетнего младенца, на руках носить, она тебя на твое произволение и оставила, чтобы ты сам своими скорбями и трудами ее приобретал. Притом знай, что если тебе дана была благодать без всяких твоих на то трудов, то ты и не получишь никакого воздаяния. А когда ты приобретаешь ее своими трудами и скорбями, то за то и получишь награду воздаяния и уже будешь твердо стоять. А как теперь ты без особых своих трудов получил ее, то она от тебя так легко и взята. Потому что тебе благодать умной молитвы дана была не по твоим трудам, но собственно по милости Божией и за молитвы твоего духовного старца, так как это тебе тогда необходимо нужно было, а иначе ты никак без особой помощи Божией не смог бы избавиться от бывшего с тобою губительного последствия прелести, бесовских сетей и отчаяния. Но Спаситель сказал: *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19). Поэтому и ты потерпи и потрудишься скорбями, и она опять тебе дана будет, и за свои скорби и труды ты получишь воздаяние и награду”.

И вот по прошествии года старец встречается сего брата и говорит ему: “Вот уже прошел один год, еще остается тебе девять лет срока жизни до десяти лет, а моего поручительства к Богу за десятилетнюю твою жизнь, которое я по воле Божией дал тебе от имени Господня”. Это он ему напоминал каждый год. Но, когда прошло пять лет, старец говорит сему монаху: “Вот, друже, половина срока, данного мною тебе, прошла. А ты так боялся смерти, считая, что скоро помрешь! Но вот еще до этого времени не помер. И верь Богу и мне, что и не помрешь, покуда не скончается данный мною твоей жизни срок — десять лет — и покуда я не развяжу себя от своего поручительства за тебя к Богу”.

Но когда кончился весь срок — десять лет, тогда старец позвал сего брата монаха и говорит ему: “Ну вот, чадо Христово, по милости и благодати Божией данный мною в твое распоряжение от имени Господня на десять лет срок жизни твоей уже кончился, и я теперь от своего поручительства за тебя к Богу уже развязан и свободен. И с этого времени ты уже своею жизнью не владеешь. Вся остальная твоя жизнь не в твоём распоряжении будет, как эти данные тебе десять лет были, но в руках и распоряжении Божиим. Теперь от Его святой и благой воли будет зависеть по Его благоусмотрению, на сколько лет еще Он тебе продлит жизнь, если тебе это будет на душевную пользу, или же прекратит — во всем да будет Его святая воля. А нам с тобою подобает за все милости Его возблагодарить и прославить имя Его святое”. И так сей премудрый и богодохновенный старец по благодати в нем живущего Духа Святого спас сего брата монаха от явной гибели и избавил его от коварно-хитрых сетей диавола и душегубительного отчаяния.

Сей брат всегда поздно ложился спать по причине гостинного своего послушания и по немощи своей часто просыпал к началу утрени приходить в церковь. Когда после полунощницы приходил, когда после шестопсалмия, также после кафисм и в начале канонов, но каждый раз брат о сем исповедовался старцу, и каждый раз старец говорил ему: “Бог да простит”. Тем дело и кончалось, так что брату уже сделалось и перед старцем совестно, и сам на себя стал немирен. Но вот случилось однажды Великим постом, на первой неделе, кажется во вторник, брат этот во время утрени несколько раз подходил к дверям старцевой келлии (на хорах, где старец постоянно слушал каждую церковную службу), но старца еще не было. Пришел он в церковь уже в начале канона и, вошедши в келлию свою, запер изнутри за собой дверь и никому не отпирал до начала чтения первого часа. Брат этот, имея духовное

дело к старцу, несколько раз подходил к его двери, каждый раз слышал, что старец воздыхает, стонет и, плача, рыдает. Немало удивляясь сему, не осмелился потревожить старца. В конце утрени старец открыл дверь, вышел и велел позвать келейника своего, отца Порфирия¹.

Когда келейник пришел, старец сказал ему строго: “Вот уже 36 лет, как я в монашестве, и благодатию Божиею еще не допустил себе ни одной утрени проспять. А ты вот уже на старость моих лет позволил мне проспять, и еще в такие святые дни — Великим постом, на первой неделе, а чрез то до крайности опечалил мою старость и посрамил меня пред Богом и святыми Его Ангелами и всем братством”.

Тогда келейник его отец Порфирий сделал ему поклон и стал просить прощения. Старец при всем стоящем здесь братстве и спрашивает его: “Почему же ты, как всегда, не побудил меня к утрени, но сам и без благословения моего ушел в церковь, а старца своего, не побудивши, оставил в келлии спящего?” Келейник отвечает: “Прости, отче, я пожалел тебя будить, так как братия до самой утрени не давали тебе спать и ты всего только за час до утрени уснул, и поэтому я не решился тебя будить, дабы дать тебе от трудов твоих хотя немного почить”. Тогда старец ему отвечает: “За это нет тебе от меня прощения, но ступай, ниц ляг в дверях церковного притвора и от выходящей из церкви братии проси прощения”². Так же и остальных его помощников послал с ним у братии просить прощения.

Это-то самое и являет старца великие подвиги и усердие к Богу, что, невзирая на все свои труды дневные и ночные и трудное состояние своей болезни, которую он имел от неимоверной величины грыжи, при всем этом, по собственным его словам, невзирая ни на что, за 36 лет своего монашества ни одной утрени не про-

¹ Этот отец Порфирий много лет был у старца келейником, но он почил о Господе еще при жизни старца. (Отец Мина в «Каталоге умерших отцов» пишет: «Схимонах Порфирий — уроженец города Вологды Петр Иванович Свешников, прибыл на Афон в 1857 году, послушание проходил келейником духовника отца Иеронима, скончался 10 октября 1881 года от роду 57 лет». — *Примеч. сост.*)

² Этот обычай издревле здесь, на Афоне. Ежели брат или монах чем согрешит или провинится, то вместо канона старец по своему благоусмотрению назначает ему лечь ниц у церковного притвора и от выходящих из церкви братьев просить прощения. А вся братия, выходя из церкви и видя, что брат лежит у церковного притвора, прося прощения, обязаны с легким поклоном отвечать ему: «Бог да простит тебе, брат».

пустил и никакого церковного правила. И по своей великодуховной премудрости и опытности ни одного случая не потерял, которым бы мог попользоваться братию, духовных своих чад. И вот показывает строгий вид, которого он на самом деле не имел, и на глазах всего братства так взыскивает со своих келейников за то, собственно, что они, жалея нарушить малый покой его многострадального тела, не разбудили его к утрени. Конечно, этим его примером многих братий он поучил, так как он был ко всем немощным слишком снисходительным и милостивым, но к себе слишком строг.

Увидя все это, брат немало сему удивился и спросил у старшего келейника, почему они в тот день не разбудили старца к утрени, а он ответил: “Потому что уж сколько суток братия, приходящая с духовными своими нуждами к старцу, не дают ему и малого времени отдыха ни днем ни ночью. А он, как любвеобильный отец, слишком милостивый и снисходительный, никому из приходящих ни в чем не отказывает, но без различия всех принимает во всякой каждого нужде и во всякое время дня и ночи. И освободился от братий он всего только за час до утрени и в это время, прилегши, уснул, и мы, боясь, что он без сна от трудов своих совсем ослабеет и сляжет больной, условились между собою дать старцу хотя малый покой, дабы он уснул, и решили не будить его к утрени в этот раз. Но старец, как премудрый, не пропустил случая, чтобы воспользоваться нас, нерадивых и ленивых, также и прочих братий своим примером”.

После этого случая брат тот опять как-то проспал половину утрени, пришел к старцу на исповедь и объяснил ему о сем, а старец опять сказал ему: “Бог да простит”. Тогда брат говорит старцу: “Прости, отче, я уж совестию своею немирнен сделался. Совесть мне говорит: “Старец по своей снисходительности все тебе прощает и ни разу никакого канона не дал, а сам всего только один раз за 36 лет проспал и как строго за это взыскал и какие большие принес сокрушение и слезы покаяния Богу!” Тогда старец говорит ему: “Ну что ж, пойдй ляг у церковного порога, когда братия будет выходить из церкви”.

Брат сие с радостию исполнил, и Господь ему помог: с того времени он уже не стал просыпать.

Сей брат однажды приходит к старцу и говорит ему: “Отче, что за причина, что когда я прихожу в келлию свою с послушания, то в часах моей келлии маятник выговаривает или выбивает Иисусову молитву. И я часто не творю в это время сам молитву, но только, сидя, слушаю в часах. Вменяется ли это мне за молитву,

если я слушаю готовую, что в часах маятник творит?” Тогда старец посмотрел на него и говорит: “Прельщаешься ты, брат, по своей неопытности. Разве может бездушная вещь или тварь сама по себе творить молитву Богу или славословить Его? Ты сам не замечаешь, что это — в тебе: ум твой творит молитву Иисусову и славословит своего Творца. Поэтому смотри не внимай этому и не слушай часов. это тоже есть в своем роде прелесть вражеская”.

Но вот прошло немало времени уже и после десятилетнего срока, данного ему старцем, и он стал уже забывать о бывшем с ним вражеском искушении, совершенно стал далек от отчаяния, неверия, страха смертного и прочих диавольских наваждений. Но вместе с тем охладел он и в ревности к Богу, совсем изменил свою жизнь, стал жить нерадиво и свободно.

Старец, желая его подвигнуть к исправлению и ревности духовной, которую он имел прежде и после искушения, говорит ему: “Чадое мое, что с тобою сделалось? Такой ты прежде был, что дух мой радовался за твою духовную ревность, великое усердие и любовь к Богу, а теперь уже ничего того у тебя нет, что прежде имел: и к Богу усердия, и попечения о своей душе. А между тем данный мною от Бога срок твоей жизни — десять лет — уже давно прошел и ты уже не владеешь своею жизнью, но она теперь в руках Божиих, и ты должен скоро умереть. Почему же ты не готовишься к смерти и так нерадиво стал жить? Ты должен быть готовым к смерти, потому что теперь ты своею жизнью не распоряжаешься и не сегодня-завтра померешь”.

Тогда брат и отвечает ему: “Прости, отче святой, я надеюсь на милость Божию, что за твои святые молитвы я еще не скоро помру”. Тогда старец по отеческой своей к нему любви улыбнулся и говорит: “Откуда же ты стяжал такие познание и надежду? Вспомни, как прежде ты трепетал: “Вот-вот скоро я умру — и в погибель”. А теперь по милости Божией сколько лет прожил и не помер и еще, столько лет проживши после того, не думаешь помереть, но надеешься еще долго жить. Но нет, чадое Божие, невзирая ни на что, нам должно на всяк день и час быть готовыми к смерти, по реченному Спасителем нашим: *Бдите и молитесь, не весте бо, в кий час или в кую стражу приидет Господь* (Мф. 24, 43).

Вам, Сего раби, глаголю: бдите! Внимай сему, чадое мое любезное, и спасен будеши, дабы я за свои труды и попечения о тебе не потерял своей мзды пред Богом. Господь да сохранит нас с тобою от всякого зла всегда, и Ему слава и благодарение да будет от нас вовеки. Аминь”».

Последние годы жизни старца

15 июня святая Церковь чтит память святого блаженного Иеронима Стридонского — небесного покровителя отца Иеронима. Дни Ангела старца в обители отмечались торжественно, часто в присутствии архиереев. «Именины прошли во славу Божию духовно. Три архиерея служили», — кратко сообщает он сестре в 1883 году. Отец Мина с глубокой сыновней любовью и почтительностью к своему батюшке каждый год описывал эти торжественные дни: «На четверток, 15 июня [1878 года], — полный полиелей со звоном ради памяти преподобного отца нашего блаженного Иеронима Стридонского по случаю тезоименитства старца-духовника отца Иеронима. Литургию игумен служил у Покрова соборне, братия приобщались Святых Таин... В трапезе порядок праздничный с чином о панагии и пением...» Заботливо перечисляет отец Мина и угощение, которым «утешались» братия в этот знаменательный день. «15 июня [1879 года], в пятък, — полный полиелей со звоном преподобному Иерониму Стридонскому, у Покрова прилагалось Божией Матери Боголюбской. Литургию игумен служил у Покрова соборне, а по окончании ее — молебен полным собором, многолетия государю императору и всему царствующему дому, патриарху, синоду, старцу, христолюбивому воинству и всем православным христианам со звоном. По молебне отправились поздравлять в архондарик, где игумен от лица всей братии поднес икону преподобного Иеронима, которую из церкви несли с пением тропаря святому. Трапеза единой — праздничная с разрешением на вино и елей. Игумен произнес краткое слово».

«Всепрелюбезнейший о Господе, пречестнейший отче, богомудрый наставник, чадолюбивый отец нашего русского общества! — говорил игумен. — Движимые чувством сердечной любви к тебе за твое попечение и неусыпные заботы о спасении нашем, и материальном довольствии вообще, и благе нашей обители, в продолжение нескольких десятков лет мы всегда одного желали и ныне желаем, чтобы Милосердый Господь, в Троице славимый Бог, и Его Пресвятая и Пречистая Матерь сохранили твое драгоценное здравие и продлили бы твои лета, необходимые для блага и пользы не только нашего русского братства, но и других насельников Святой Афонской Горы. Твое беспримерное усердие к пользам духовной жизни братии, внутреннему благоустройству, порядкам и обительским нуждам, проникнутое глубокою во всем опытностию, отражается на каждом твоём шагу. Особенно ты сохранил величие твоей души

и невозмутимое спокойствие в смутные и тяжкие периоды греческого возмущения, возникшие в среде нашей монастырской мирной семьи, и в грозные дни минувших войн. При всей незащитности нашей мы видели твое высокое самоотвержение, твердую непоколебимость, спокойствие, величие духа и готовность ко всяким случайностям, могущим последовать судьбами Всевышнего, мы по примеру твоему и тобою были так же воодушевлены и приготавились разделить с тобою все, что могло последовать, перенося все терпеливо и без малейшего ропота.

Такую искреннюю любовь, какую горят наши сердца к тебе, святой отец наш, трудно выразить словами, она с полною ясностию изливается только в одних наших молитвах к Богу, Он один только и весть. Во имя такой нашей любви просим принять от нашего усердия в сей знаменательный день твоего Ангела святую икону во имя блаженного Иеронима. Эта святыня да напоминает тебе о наших сыновних чувствах и преданности к тебе».

«Высокопреподобнейший отче, возлюбленнейший о Господе и незабвенный для нас вовеки врач наших душ и телес, духовный путеводитель, батюшка отец Иероним! — поздравлял отец Макарий старца-духовника с днем Ангела в 1880 году. — В Троице славимый Бог, Отец, Сын и Дух Святой, призирая с высоты Святыя славы Своея, паки призрел на нас, грешных и смиренных рабов Своих, чад твоих, и ходатайством Преблагословенной Владычицы нашей Пресвятой Богородицы, святого великомученика Пантелеимона и всех святых, удостоивает нас паки принести тебе от искренности душ и сердец общеправославно усерднейшее поздравление с знаменательным для нас днем тезоименитства твоего, празднуемого тобою сего дня, в день памяти блаженного Иеронима. Прими же оное от любящих и глубоко почитающих чад твоих, всегда помнящих отечески разливаемое тобою попечение о них. Но так как мы еще немощные, не можем вполне выразить наших чувств благодарности и признательности к тебе, то дерзаем поднести тебе чувственный дар, прося тебя с поклоном до земли принять и позволить возложить на перси твои святой животворящий крест Господень, который, яко данный и каждому из нас, ты поучал нас носить всегда неуклонно. При этом всеусердно желаем и молим Великого Крестоносца, распятого за ны и страдавша, да продлит Он еще многотрудную и болезненную, но неизъяснимо полезную жизнь твою для нас, требующих неусыпного окормления и духовного совета и рассуждения, дарованного тебе Духом Святым. Он же и возвестит тебе, что все это содевается Его внушением. Припадая к стопам

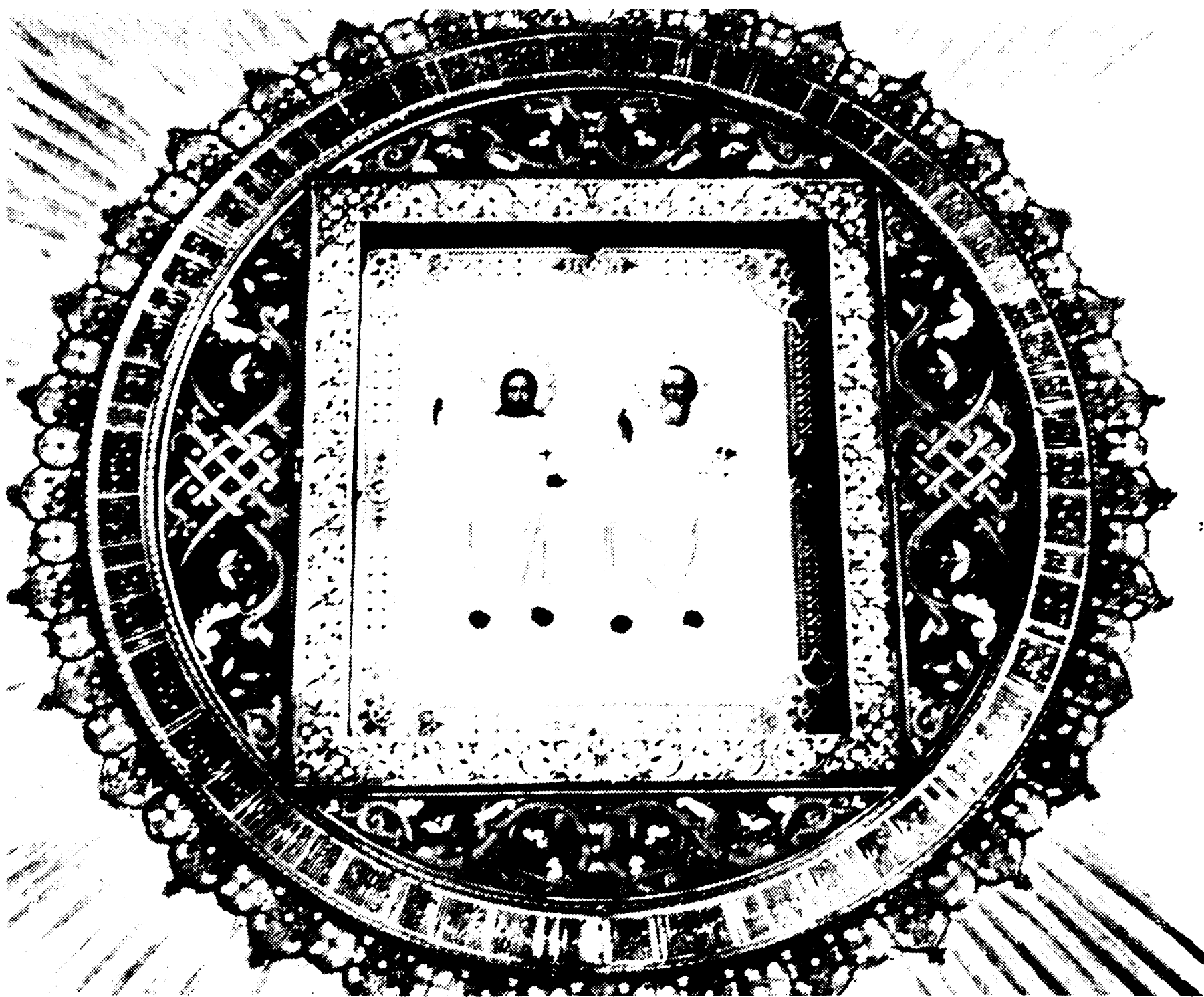
ног твоих, просим твоих святых молитв, и отеческого благословения, и прощения в нашем дерзновении, духовные чада твои с любовью о Христе и сыновнею преданностью к тебе».

Сохранилось описание подарка: «Золотой наперсный крест эмалированный, распятие — живописное, с цепочкою, вокруг креста — натуральные камешки и надпись: “Достойнейшему духовному отцу иеросхимонаху Иерониму от сердечно признательного братства Русско-Афонского Пантелеимонова монастыря”. На обороте креста надпись: “Всеблагий Господь, хотяй всем спастись, избрал тебя, преподобный отче, путеводителем многим ищущим тесного иноческого пути, вводящего в живот вечный. Да сбудется на тебе блаженное обетование Божие: *Аще кто сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небесном* (Мф. 5, 19)”».

В 1881 году, в день Ангела своего дорогого батюшки, отец Макарий от имени всего благодарного братства на архондарике поднес ему икону Пресвятой Троицы в знак благодарности за его духовные попечения и руководство. При этом отец Макарий произнес следующую речь.

«Высокопреподобнейший батюшка, возлюбленнейший о Господе истинный наш руководитель отец духовник Иероним! Всеблагий Господь, в Троице славимый Бог, по неизреченному к нам, грешным, милосердию и паки удостаивает нас приветствовать вашу святыню с вожделенным для нас днем вашего Ангела, празднуемым нами со всею любовью души и сердца, проникнутых беспредельною к вам признательностью за ваше любвеобильное попечение как о внутреннем нашем благоустройении, так и о внешнем. Хотя сердца наши, поросшие тернием и волчцами, трудно исторгаемыми от своих корней, и не приносят тех плодов, которые бы ты по неизмеримой к нам любви желал бы видеть, чтобы принести оные в житницу Отца Небесного, ощущая в себе великий недостаток духовных плодов, дерзаем выразить чувство своей любви к тебе вещественным знаком — поднесением святой иконы Пресвятыя Животворящая Безначальныя Троицы.

Человеколюбец Господь сказал: *Аще кто любит Мене, слово Мое соблюдет* (Ин. 14, 23). При помощи благодати Божией жительство с твоим боголюбием, некоторые из нас десятки лет, мы видим по силе твоей совершаемое исполнение этих слов. А потому при искреннейшем желании нашем, чтобы и последующее великое обетование Господне исполнялось над тобою, то есть: *Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23), подносим сию святую икону, дабы, имея пребывание в себе Святой

Икона Пресвятой Троицы. Покровский собор Русского монастыря

Троицы и всегда ощущая ее благодатные действия, ты умолял о помиловании нас, чад своих, да сподобимся и мы хотя при кончине жизни нашей благоугодить в Троице славимому Богу, Отцу и Сыну и Святому Духу, а также смиренно и усердно просим тебя испросить продолжения жизни твоея, столь полезной для нас, чад твоих. Знаем, что это прошение наше по многим хроническим недугам твоим тебе в бремя тяжкое. Но святой апостол Павел, быв окружаем многими скорбями и обременен тяжестью — телом своим, сказал, движимый Духом Святым: *Еже пребывати нужнейше есть вас ради. И сие известно вам, яко буду и пребуду в ваш успех и радость* (Флп. 1, 24—25). В радости буди, и тебе нас ради, грешных, ходатайствовать пред Святою Троицею предстательством Царицы Небесной, святого великомученика Пантелеимона и блаженного Иеронима».

На оборотной стороне иконы надпись: «Сию святую икону Святых Живоначальных и Неразделимых Троицы приносит в молитвенную память о себе и в знак сыновней любви благодарное братство высокопреподобнейшему, глубокочтимому, душевноуважаемому

попечителю и руководителю душ наших во спасение, отцу нашему духовному иеросхимонаху Иерониму, вручая себя святыми Вашими молитвами милости, просвещению и освящению в Троице славимого Бога. 1881 года июня 15-го».

Отец Иероним такой почестью остался недоволен, ибо, упражняясь в смирении, больше смерти боялся высокоумия, могущего погубить навсегда. Поэтому, чтобы не пострадать от похвал, он углубился в молитву и ничего не слышал, как сам потом об этом сказал. А отцу Макарию сделал замечание, что если бы он знал, то даже и не пошел бы на архондарик.

Этой же иконой он благословил братию, почему всегда с того времени 15 июня полагалась служба Пресвятой Троице.

Икона Пресвятой Троицы находится в алтаре Покровского собора, на горнем месте, в сребропозлащенной ризе с эмалью, в киоте, имеющем вид солнца с позлащенными восьмиугольными лучами, круг которого украшен также эмалью, и на нем изящно, узкими сокращенными славянскими буквами сделана следующая надпись: *Сим образом Пресвятая Троица я, недостойный старец, иеросхимонах Иероним, заболевший и приблизившийся к кончине моей жизни, благословил богоизбранное мое общество, духовных моих отцов, братьев и о Господе чад — преподобного старца священноархимандрита Макария со всеми его сослужителями, собратиями и духовными чадами в вечное значение и незабвенную память старческого моего предсмертного, последнего единственного желания и прошения, написанного в моем духовном завещании, о соблюдении чистоты общежития со удержанием общежительного старчества по святым правилам древних святых отцов. 28 ноября 1882 года. Иеросхимонах Иероним.*

Вот еще один знак внимания благодарного братства своему духовнику: «Высокопреподобнейшему, глубокочтимому, душевноуважаемому попечителю и руководителю душ наших во спасение, отцу нашему духовному иеросхимонаху Иерониму сие священное Евангелие, словесами коего Вы нас питали, приносит Вам благодарное братство в незабвенную память и в знак своей сыновней любви к Вам и почтения. 1878 года июня 28-го числа».

При поднесении Евангелия отец игумен говорил: «Ваше высокопреподобие, глубокочтимый, душевноуважаемый отец духовник, покровитель и молитвенник наш пред Богом, иеросхимонах Иероним!

Благодарение Всеблагому Господу Богу, Его Всещедрой Матери и святому великомученику Пантелеймону! Братство наше Русской на Афоне обители сей от начала вступления своего под сень оной

и доселе имеет вас ревностным путеводителем своим к Небесному Отечеству и отцом духовным. Сегодня день рождения вашего и четвертый десяток лет во исходе вашего служения обители сей. Многочастые и многообразные болезни ваши исполняют скорбик сердца наши, и мы спешим засвидетельствовать вам нашу признательность (которую хотели выразить еще в сороковой год вашего пребывания на Афоне, но обстоятельства того не дозволили) и принести сильное выражение нашей благодарности за полезнейшие и спасительные для братии, многотрудные и многоскорбные для вас служения ваши, для достоуверенного исполнения коих вы не щадили себя, несмотря на свою болезненность. Принося вам горячую сыновнюю благодарность за руководительный свет добродетельной и многотрудной жизни вашей и за назидательное управление вами, мы все, глубоко почитающие вас не только как начальника но и как милосердного и опытного отца своего, по сыновнему долгу и живейшей признательности к вам единодушно поставляем себе за счастье поднести вам сие священное Евангелие. Счастливы отец счастливы отцом и мы, дети ваши. В душах наших всегда была и будет усердная и крепкая сыновняя молитва о вас ко Господу. да хранит Он, Всеблагий, вас цела, здрава и невредима и еще в долготу времени, да будут дни жизни вашей яко дни небеснии на земли. и да сияют при них мир, утешение и радость для вас и для всех нас, пребывающих под отеческим вашим покровом. И мы вполне уверены, что вы всегда пребудете, как и были для всех нас, Ангелом-утешителем, а для святой обители нашей — славою и украшением. Просим Господа, чтобы он сподобил нас принести вам поздравление и в день пятидесятилетнего служения вашего обители сей, чего от души и сердца искренне желаем».

Обстоятельства поднесения Евангелия отец Макарий так описал отцу Иерону: «Батюшка наш болел сначала лихорадкой, полагаем — тифозной, а потом сделалось воспаление грыжи, порядком попугало нас. Вам известно наше положение, в каком мы бываем при таком случае. Еще два года тому назад мы выписали для поднесения ему Евангелие в память сорокалетнего его пребывания на Святой Горе но, как зашли такие обстоятельства, оно и не было прислано до настоящего времени, и при всех наших усилиях оно не попало и ко дню его Ангела. И мы воспользовались днем его рождения и прежнего его Ангела и поднесли ему оное, хотя братства при этом было очень немного: батюшка по слабости здоровья не мог их принимать»¹.

¹ Письмо на Новый Афон от 8 июля 1878 года.

Ревностный труженик, отец Иероним всю свою жизнь не пользовался хорошим здоровьем, почти всегда был болен. Из-за болезней он очень мало спал, и, когда братия сокрушались о своем многоспании, как рассказывал бывший келейником старца отец Иерон, он «отвечал, шутя: “Я вот и купил бы себе сна, да нельзя”. В болезненном состоянии никогда не слышно было ни малейшего стога, ни вздоха от болей. Разве когда заснет, постонет». С редким терпением переносил он свои страдания, почти не давая себе покоя, дни и ночи посвящая пользе душевной своей братии, которая во всякое время находила дверь его келлии открытой, а также и душу и сердце его для выслушания их скорбей, искушений, для успешного врачевания язв душевных данной ему свыше Божией благодатию.

Почти полвека провел старец Иероним в духовничестве в Пантелеимоновом монастыре и стал видимо близиться к закату своих дней. Видели это присные его ученики, трепетали при мысли его лишиться и усугубляли молитвы свои о продлении его жизни для духовного их блага. Три последних года старец очень часто болел, редко когда мог выходить из своей келлии. В параклисе преподобного Сергия Радонежского, находящемся возле его келлии, ежедневно совершались для него богослужение и поздняя Божественная Литургия, где он часто причащался Святых Христовых Таин. В Покровском соборе с великим трудом, поддерживаемый келейниками своими, он мог бывать только раз в году — на святую Пасху, причем в последний праздник Пасхи в собор его, как он упоминает в письме, «возносили на носилках». Когда он уже не мог бывать в храме, то слушал службу по телефону, который провели к нему в келлию. Несмотря на тяжкие страдания, он не прекращал духовнических трудов. Раздачу милостыни нищей афонской братии не оставлял и по своему обычаю лично ею распоряжался в своей келлии, как бы плохо себя ни чувствовал.

«Я каждый день умираю», — говорил старец Иероним. Видимо ожидая каждый день смерти, в 1882 году он составил духовное завещание. В том году его здоровье было особенно плохо, о чем он писал сестре 7 декабря: «Я был тяжело болен и думал умереть, со всеми простился, и, наконец, маслом соборовали, и я уже ожидал смерти. Но братия мои опечалились этим и от горести сердца восплакались все и возопили ко Господу о моем выздоровлении и продлении еще моей жизни, и милостивый Господь услышал вопль их, и я теперь выздоравливаю, и они возрадовались, что я еще оставлен здесь с ними пожить. Но надолго ли? Бог весть. Пора уже и умирать».

Отец Макарий старался всегда быть рядом с батюшкой. «Отлучаться из обители по текущим обстоятельствам не могу, а всего более при исчезающем здоровье батюшки отца Иеронима, который с 23 ноября посетил только церковь в Великий Четверток, а потом походил несколько дней Пасхи и опять засел; оставить его, все равно что лишиться своей жизни», — пишет он в 1883 году¹.

«Под 20 июля 1883 года пред бдением святому пророку Илии, — рассказывает отец Макарий, — мне пришлось побеседовать с отцом духовником Иеронимом о его тяжелой болезни. Он мне сказал: “Такой толчок я получил в сердце, что не могу ни спать, ни лечь, ни сесть”. На вопрос мой, отчего это произошло, он ответил: “Да на днях сряду несколько дней я таковые получал духовные утешения, что и выразить не могу. За премногие откровения таинств при сознании своего ничтожества я так плакал, что, кажется, этим повредил себе, и какой исход болезни будет, Бог весть”. — “От чего начались утешения?” — “От молитвы. Преимущественно молился об обители, чтобы Господь сохранил ее общежитие до Второго Своего пришествия и дал бы уразумение последующим родам сохранить цело и невредимо от тех искушений, каковые разоряют общежитие”. На вопрос: “Получили ль что?” — отец духовник, долго помолчавши, ответил: “Я не смел этого вопрошать, мое дело — просить, ибо Даяй молитву молящемуся дал и моему недостойнству сию молитву — молиться о любезном мне общежитии и братстве”. Спросил и я, грешный, а о мне-то батюшка молится? Он отвечал мне так сладко и умиленно: “Да за кого же мне более молиться, как не за тебя? Ты мне заменяешь и родителей, и брата, и друг духовный”. Я был так обрадован, ибо ожидал этих слов уже несколько лет, но не получал. В 1881 году, когда отец духовник был болен и я просил у него слово утешения, тогда он начал говорить: “Что ты хочешь? Чтобы я тебе наговорил что-либо комплиментальное? Ты думаешь утешить меня тем, что сделал в день моего Ангела: поднес мне икону Пресвятыя Троицы с такою торжественностью и думаешь, мне было приятно? Если бы я это знал, то не только бы не пошел на архондарик, но заперся бы у себя и никого не принял бы”. Против этого было много возражений [с моей стороны], но подробностей не могу вспомнить после двух лет, но только я был поражен замечаниями, коих не ожидал. Полагаю, с месяц я был как бы в изумлении и однажды, во время Божественной Литургии, вдруг как бы прояснилось: ведь если бы это было нужно,

¹ Письмо к архимандриту Леониду (Кавелину) от 29 апреля.

то Господь не оставил бы утешить, а нужно было исчерпать силу терпения, и те ли будут отношения, какие бывали во время ласкового обращения.

Во время настоящей болезни отца духовника были им высказаны все страдания Господа постепенно, и тем ободрялся дух его, и он постоянно находился в молитвенном настроении духа во время тяжких страданий. Хотя доктор и говорил, что от разных причин оказалась его болезнь, но я думаю, что от многого плача, ибо по многим часам он даже приходил в исступление, и одно только призывание имени Господа изредка слышалось всевозможными утешениями, как это пишется у святителя Тихона. От сего, полагаю, болезнь. По признакам доктора, легкий паралич сердца, следствия коего остались в руке, которая с трудом доносится до головы, головокружение, которое чувствовалось во время болезни, тоже следствие повреждения головных нервов. “Нельзя, — говорит доктор, — поручиться, что малые приступы не будут повторяться. Лечение будет состоять в умерении пароксизма и уничтожении последствий”. О грыже доктор сказал: “Очень застарелая, да и возраст не позволяет лечить как следует”».

«Отец Макарий по кончине отца Иеронима сказал: “Во всю мою жизнь ни о чем я так усердно не молился, как о том, чтобы Господь сохранил нашу с отцом Иеронимом взаимную любовь, и вот Господь исполнил мою просьбу”. Пред смертью же отца Иеронима отец Макарий стал ощущать, что отец Иероним кое в чем не сходил с ним и даже обходил его, не посоветовавшись с ним, подавал приказание эконому иеросхимонаху Павлу непосредственно. (Отец Павел без благословения отца Макария построил копильню и другое кое-что делал, а отец Иероним не препятствовал и как бы сим давал тому повод продолжать так и впредь поступать. Это тоже было не без Промысла Божия.) Это стало огорчать отца Макария, так что он однажды заявил ему, что хочет отказаться от должности игумена, на что отец Иероним ответил ему сухо: “Там видно будет”. Отец Макарий подумал: это отец Иероним готовится к разлуке с ним и, вероятно, скоро умрет. А отец Иероним на его мысль ответил словами: “Так нужно”. И прибавил: “Я болен, ты же составил. Кто же будет дело-то делать?” Этими словами он хотел охладить его привязанность, чтобы ему легче было расстаться с ним»¹.

«Отец Макарий, будучи сильно привязан к отцу Иерониму, весьма опасался его скорой смерти, и всегда бывало, когда тот чуть

¹ Запись в «Малом сборнике».

заболеет, приказывал тотчас же собираться всем братством в Покровский храм на молебен по ударе в колокол»¹.

Молебен с сугубыми прошениями о здравии старца возглавлял отец Макарий, или в храме совершалась «общая четка»: диакон, стоя на амвоне пред иконой Спасителя, громовым голосом возглашал: «Господи, спаси и помилуй отца нашего иеросхимонаха Иеронима!» Все братия одновременно мысленно повторяли, совершая поясной поклон. И невозможно было в это время отклониться умом или сердцем от единого вопля, исходившего от всего внутреннего и внешнего существа молящихся. Не было и намека на машинальность в голосе диакона, до глубины души проникнутого прошением.

«Отец Иероним по выздоровлении говаривал, что ему надо бы умереть, но братия не дают, умоляя Господа и Пречистую Его Матерь оставить его еще пожить. Он страдал часто приливами крови к голове и сердцу, а также от грыжи, с которой вышли наружу и кишки, так что до колен она у него висела и у него ежедневная была боль от прохождения чрез кишки пищи, причиняя ему судороги и спазмы в это время, почему он мог вкушать лишь только самую легкую и негустую пищу, но и тогда очень мало вкушал. «Я бываю сыт только тогда, когда ем горох», — говорил он»².

Весной 1885 года старец снова был очень болен: «Я... уже готовился к смерти, но Господь ради грехов не принял меня к Себе и еще тянет нить моей жизни, хотя бы немного потрудился в болезни телесной»³. В последние месяцы он часто говорил своим ученикам, что жить ему уже осталось недолго, и запретил им молиться о продлении его жизни. Еще 1868 году старец был пожалован русским государем золотым наперсным крестом, украшенным драгоценными камнями, он его не носил, но благоговейно хранил, как знак монаршей к нему милости. Теперь этот крест он велел отдать в ризницу обители, причем благоговейно к нему приложился, как бы прощаясь с ним навсегда. Замечено было келейниками старца, что он, как бы собираясь в дальний путь, все в келлии приводил в порядок, расставлял по местам, и сам был сосредоточен и задумчив.

С осени 1885 года стал он особенно сильно изнемогать. 1 октября, на праздник Покрова Пресвятой Богородицы, старец с великим трудом вышел в собор на Божественную Литургию, выстоял ее и причастился в алтаре Святых Таин, и это было последнее его посещение Покровского храма, им же сооруженного и благолепно украшенного.

¹ Запись в «Малом сборнике».

² Там же.

³ Письмо к сестре от 7 мая 1885 года.

Отец Иероним в последний год жизни

Последние страдания и кончина

Во вторник, 29 октября, в 3 часа ночи, старец почувствовал сильную подреберную боль с тошнотой, продолжавшуюся до 7 часов. По его требованию был вызван монастырский доктор, которого он просил, чем только возможно, облегчить его болезненное состояние. С помощью Божией и медицинских средств боль успокоилась.

Так начались последние, предсмертные мучения многострадального отца Иеронима, завершившие весь его мученический подвиг, который он вымолил у Бога еще в самом начале своей монашеской жизни, дабы, пострадав здесь, там быть помилованным. Велики были его страдания. Но и великую благодать имел он от Господа, с помощью которой и дерзнул он испросить, а затем и переносить эти страдания. И вероятно, эта благодать была подобна мученической, ибо, по учению святых отцов, если душа и тело полны благодати, как было у мучеников, то тело желает страданий. Может быть, поэтому по мере приближения к смерти он все меньше и меньше жаловался на свои болезни, как мы видим в письмах к родным, упоминает только о «ревматизмах», а затем уже и совсем не говорит о них, потому что они стали для него необходимой потребностью для привлечения благодати, которая нестерпимые болезни делает легкопереносимыми.

Последние дни жизни старца и его последнюю, предсмертную болезнь описали отец Макарий и монастырский доктор монах Иннокентий. Мы следуем их скорбному рассказу.

В последующие дни, после 29 октября, сильная боль в животе с рвотой возобновлялась, вследствие чего старец сильно ослабел. 3 ноября было бдение всем святым бессребреникам¹, во время которого опять открылась рвота и появилось стеснение в груди. Как всегда в таких случаях, отец Макарий немедленно явился к батюшке, так как ему постоянно докладывали о состоянии его здоровья. Отец Иероним дал ему благословение и на вопрос, как его здоровье, ответил, улыбаясь: «Собрались было умирать, да вот опять отдумали, но очень трудно и невыносимо тяжело, и нет надежды на выздоровление». «Ну полно нас пугать», — ответил отец Макарий. А старец сказал: «Кажется, уже пришел срок этим пуганиям». На это в утешение ему отец игумен сказал протяжно и внятно: *Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святый*. На сие

¹ 1 ноября или близ 1 ноября, в неделю, по афонскому уставу полагается бдение всем святым бессребреникам.

духовник ответил: «Буди воля Божия». И, чтобы более не опечаливать чувствительного к его болезням отца Макария, переменял разговор, как и всегда это делал.

К утру этой ночи боль утихла, и он успокоился и мог заснуть, потом, после Литургии, немного покушал. Так 3, 4, 5 и 6-го провел он без особенных болезненных приключений, кроме каждодневной лихорадки, которая продолжалась у него около 30 лет. В продолжение этих дней принимал он приходящих к нему братий и пустынников, делал, по обычаю, распоряжения. 7 ноября, в 11 часов вечера, опять заболел, потребовал к себе лекаря, который пробыл у него до половины девятого ночи, ибо в эту ночь он очень сильно страдал болью живота, тошнотой и рвотой пищи с желчью, продолжавшейся до 3 часов ночи. Потом рвота прекратилась и общая внутренняя боль немного поуспокоилась. В течение этой ночи он часто призывал святых Архангелов и просил их облегчить, исцелить его от болезненного недуга. При этом говорил еще находящемуся при нем N. о святом Архангеле, как он, то есть Архангел, сказал о себе, что он один от семи Архангелов, а также сообщал кое-что из чудесных событий и о прочих Архангелах. Потом, в десятом часу утра, успокоился и заснул часа на два-три.

После Литургии попросил келейника что-нибудь себе покушать. После обеда принимал к себе братий, праздновавших день Ангела 8 ноября, на собор святых Архангелов, рассказывал им о своем трудном и болезненном состоянии в прошедшую ночь. Так день 8 ноября провел отчасти спокойно, а также и 9-го, а 10-го снова почувствовал боль в животе и грыже, при этом была и рвота, не в особенно большом количестве, но с частым повторением, отчасти пищей. В этот день особенно часто приходил отец игумен, очень изнемогший и с заплаканными глазами. Отец казначей, пришедший вечером с отцом игуменом, остался и пробыл полтора часа.

В ночь на 11-е боль у него немного утихла. В этот день кое-кого принимал к себе из своих братий и пустынников. Достойно и то удивления, что при такой трудной, тяжелой болезни, спазматической нервной рвоте старец всеми мерами старался душевно быть спокойным, вследствие чего частенько говорил между приступами болезни разные тексты из отеческих писаний, как-то: о святом Макарии Египетском, о разлучении души его с телом, о смущении души бесами на мытарствах и о возражении святого Макария бесам. Так он говорил, что святого Макария боялись бесы, когда Макарий был жив, а когда он помер, душу его несли по воздушным мытарствам святые Ангелы. Тогда вослед ему кричали бесы: «Избежал

еси, Макарий, рук наших!» — желая этими словами ввести святого в горделивое мнение на воздушных мытарствах по смерти. Но Макарий смиренно отвечал им: «Нет еще, не ушел», пока не переступил последнее мытарство и узрел Господа на Престоле, тогда воскликнул к бесам: «Теперь воистину избежал рук ваших!» Потом говорил он о переходе в загробную жизнь, что она, по слову святых отцов, есть непостижимое таинство, установленное Богом, а потому человеку не следует очень смущаться этим обстоятельством, а только, разумеется, устрашается наша греховная плоть. Да это по природе и естественно, ибо и Богочеловек в последние дни земной жизни говорил: *Прискорбна душа моя до смерти* (Мф. 26, 38). потому что этим завершается земное странствие человека.

В последние дни перед смертью старец говорил мало и кратко, но многое в его словах заключалось, например: «Братия и чада моя! Старайтесь по силе возможности угождать Господу. Никто не может унижить Бога, а огорчить и оскорбить Его мы можем, потому и ангелы, не соблюдавшие своего повиновения и подчинения Богу, наказаны вечным разлучением от Бога не за точность службы, а за уклонение от Создателя. Так и нам должно неуклонно всегда умственно взирать к Богу. Скажу вам, чада, о себе, грешном вашем духовнике. Я всю жизнь мою старался по силе возможности угождать Господу как в молитвах, так и в делах. Первая моя молитва была такая: “Помяни, Господи, ненавидящих и обидящих нас и творящих нам напасть, прости им и нам вся согрешения”, потом за царя и весь царственный дом, за обитель с братией и благодетелей. А как принимаемо и угодно все это Святой Троице, мне неизвестно». При этом слезы неудержимо лились у него из глаз. Находящийся при нем N., видя его плачущим, говорил ему: «Батюшка, вам, вероятно, очень трудно?» — «Да, чадо, очень сильную чувствую боль, потому и слезы льются из глаз, и я не в состоянии удержать их». При этом говорил он об умной Иисусовой молитве, что во время болезненного состояния человеку немалого труда стоит удержать умную сердечную молитву не развлеченной в духовных чувствах и в беседе с Богом, ибо ум человека, как бы соболезнуя недугу телесному, всегда находится около того больного места, которым страдает человек: «Так в настоящее время у меня сильная многосложная болезнь отвлекает от умной молитвы ум». При этом говорил он со слезами на глазах слова молитвы: *Помилуй мя, Господи, помилуй мя, всякаго бо ответа недоумеюще...* А затем: *Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей...* — и прочие и потом говорил: «Господи, Ты Сам страдал плотию за искупление рода чело-

веческого, а равно и за меня, и веси немощи человеческие. Помози мне, Господи, понеже от болезни душею и телом изнемогаю».

12 ноября боль и рвота у него, хотя и в слабейшей степени, все-таки периодически продолжалась, вследствие чего он очень ослабевал. Отец игумен весьма часто приходил навещать старца и казался очень утомленным и изнемогшим как душевно, а равно и физически и постоянно с заплаканными глазами. Голос его тогда совершенно изменился, да это и естественно, потому что в течение этих скорбных дней он почти ничего не вкушал. В 4 часа того же дня некоторые из старших братьев советовали отцу игумену послать за доктором в Иверский монастырь, что и было немедленно исполнено.

В 11 часов вечера приходил родственник старца — отец Иероним. Взявши благословение у духовника, он отступил немного и сильно заплакал. Духовник это заметил, сделал ему замечание и сказал: «Надо радоваться, а не плакать, потому что Богом посылаются нам телесные болезни, и чрез сие грехи наши очищаются». В этот вечер отец игумен сделал ему предложение: «Батюшка, хорошо бы вам совершить Елеосвящение, потому что и прежде, когда делали Елеосвящение, вам всегда было облегчение в болезни». «Да, — сказал он, — по слову апостола, *болит ли кто в вас, да призовет пресвитеры церковныя, да сотворят молитву к Богу над ним, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему* (Иак. 5, 14—15)». И добавил: «Но, чтобы воздвиг меня Господь, о сем не прошу Его, а только чтобы простил мои согрешения, и вас прошу, не утруждайте Божество. Если бы вы только знали, какие я ощущаю боли, то вы сами бы мне сострадали». «Да будет воля Божия, — ответил отец Макарий, — но мы обязаны ради общей пользы просить о вашем выздоровлении». И привел ему слова апостола Павла: *Мне бо еже жити Христос и еже умерети приобретение есть. Обдержим же есть от обою; желание имый разрешитися и со Христом быти, много паче лучше, а еже пребывати во плоти нужнейши есть вас ради* (Флп. 1, 21, 23—24).

В третьем часу ночи доложили ему о приезде иверского доктора, он же переспросил, какой доктор. Когда же повторили, что иверский доктор, на это он ответил: «Моя совесть немирна, и я не могу его принять, нужно молиться Богу и на Него надо возлагать надежду, а не на доктора. Да хорошо ли вы поступили, не спрося благословения у меня, старца вашего и отца, столько лет руководившего вас?» На сие последовал ответ: «Простите нас за это, батюшка, отец игумен и братия, движимые сыновнею преданностью и любовью к вам, так поступили». «Я это понимаю, — сказал

он, — но скажите отцу игумену, что я не желаю принять доктора». Когда же стали просить и говорить ему, что не совсем хорошо будет для обители и в особенности братия будет делать разного рода замечания и упреки отцу игумену. На это он, соглашаясь, сказал: «Разумеется, нельзя не принять, хотя для блезира, только завтра, после поздней Литургии».

Во время бдения, в четвертом часу ночи, пришел навестить его отец игумен с вопросом, как он себя чувствует. Он тихо сказал: «Очень трудно и изнемогаю, нет надежды на выздоровление». Во ободрение его духа отец игумен сказал ему слова молитвы: *Боже, в помощь мою вонми, Господи, помощи мне потщися*. Он тогда сказал: «Так, да что значит бессоветие?»

Через некоторое время отец игумен принес и передал через Н. духовнику воду от источника Серафима Саровского. Духовник принял воду, благословил ее и сказал: «Господи, молитвами Твоего угодника Серафима Саровского, исцели мою болезнь» — и при этом выпил воды, сколько мог.

Около 7 часов ночи, в конце бдения, последовало Елеосвящение. на что предварительно отец игумен испросил благословение у духовника. Елеосвящение совершал сам отец игумен с шестью иеромонахами в церкви преподобного Сергия, а помазывать его ходили в келлию. Во время елеопомазания духовника один из иеромонахов пропустил положенную при этом молитву. На это духовник спросил, почему он не читает молитву? Иеромонах, стесняясь, сказал, что без книги не знает на память. На это духовник сказал повелительно, что это необходимо нужно знать, и сам тихо прочел молитву. По окончании читаемой отцом игуменом из Требника молитвы: *Царю Святый, Благоутробне, Милостиве Господи*, когда служащие иеромонахи держали над главою духовника Евангелие, он, встав на ноги (братия под руки поддерживали его), сказал вслух внятно: «Благословите, отцы святы и братия, и простите меня, грешного, аще чем кого оскорбих». Это повторил трижды. После Елеосвящения, сего душевного и телесного благодатного врачевания, заметно почувствовал облегчение и мог заснуть, и рвота отчасти прекратилась.

Перед началом Литургии зашел отец игумен взять благословение: начинать или подождать. Он ответил: «Я ведь служить не могу — как вы желаете, так и делайте». Совершив Литургию, опять зашел отец игумен со словами приветствия: «Бог милости вам прислал». На это он сказал по обычаю: «Бог да простит». На вопрос, как здоровье, сказал: «Очень тяжело, откуда это только собрались такие

боли? Как вырвет, то чувствую полегче». В это время он принял исповедь отца Макария, и несколько минут они говорили духовно.

В третьем часу утра 13 ноября старец сказал, что «теперь могу принять иверского доктора», который не замедлил явиться к нему. После обычных приветствий доктор спросил духовника о состоянии и причине болезни. Он объяснял отчасти сам, хотя тихим голосом, но подробно. При этом за переводчика был отец Матфей, так как разговор велся по-гречески и некоторые вопросы доктора о болезни не совсем понятны были духовнику. Выслушав объяснение, доктор попросил раскрыть грудь и живот, при этом освидетельствовал и грыжу, которая величиною была с человеческую голову, вслед за сим назначил внутреннее послабляющее средство, которое сей же час было приготовлено в аптеке. Давал лекарства сам доктор. За первым приемом рвоты не было, но за вторым снова открылась и продолжалась периодически до его кончины. При внутреннем средстве употребляли и наружные средства: втирания, катаплазмы (припарки) на живот.

В продолжение этого дня отец игумен почти безвыходно был у старца, братия почти все, от иеромонахов до послушников, предчувствуя скорое разлучение с любвеобильнейшим духовным отцом, приходили к нему, прося прощения, и, получив от него благословение, уходили со слезами на глазах. Некоторые из братии говорили ему тихо на ухо: «Батюшка, аще вы преставитесь от сей жизни ко Господу, то мы без сомнения веруем, что вы получите милость и дерзновение у Пресвятой Троицы, тогда помяните и нас, духовных чад ваших». На это он со слезами говорил: «Так, чада, молитесь о мне, и я, аще получу благодать и милость у Господа, то непрестанно буду молить Господа о вас и вообще о всех духовных моих чадах и обители, дабы благодатию Божией избавиться нам вечных мук и получить вечная блага, идеже все святые пребывают. А о мне не скорбите, ибо вместо меня остается отец Макарий. Господь умудрит его утешать, назидать и управлять братиею. Вы почитайте его, как старца, любите, как отца и игумена, ибо он имеет благодать от Бога и чрез него вы получите спасение души».

В тот день, в празднование памяти святителя Иоанна Златоуста, старец часто повторял и известные слова его: «Слава Богу за все».

Вечером в сей же день родственник духовника отец Иероним снова пришел и, взявши благословение, стоял у кровати и плакал. Духовник сказал ему: «Теперь мне лучше». Отец Иероним ответил: «Слава Богу, что вам лучше». Во втором часу ночи приходил посетить его старец-иеросхидиакон отец Иларион, грек, со старшими

из греческой братии. При свидании разговор был у них по-гречески и во время одного оба старца плакали довольно трогательным плачем.

В 2 часа ночи боль стала усиливаться. Сидя на кровати, старец говорил про себя: «Господи, что они меня держат, не дают умереть!» Стоявший здесь отец Макарий на эти его слова ответил: «А где же воля Божия?» Он, обратившись, говорит: «А вы разве здесь? Хотя бы на четверть часа дал вам понять этой боли, спросил бы тогда вас, желаете ли жить?» И опять застонал.

Около 3 часов ночи доктор назначил ему общую ванну из простой теплой, в 30 градусов, воды, в которой старец был 11 минут. Во время ванны он мог растирать себя сам, живот и грыжу, участвовал в этом и доктор. После ванны старец почувствовал себя как бы свежее, несколько успокоился, смог заснуть или задремать и часть ночи до шестого часа провел спокойно. По такому случаю братия разошлись по келлиям отдохнуть, и только остались при нем двое келейников и лекарь. В 5 часов он благословил и лекаря, сказав так: «Иди, чадо, немного отдохни, а то ты ведь третьи сутки уже не спал». И только тот ушел, не более как три четверти часа прошло. паки потребовал к себе как своего лекаря, также и доктора и поспешно объяснил, что чувствует нестерпимую боль в животе и грыже. причем просил немедленно сделать ему впрыскивание для успокоения и утоления боли. Сию же минуту было сделано подкожное впрыскивание, которое не оказало почти никакого действия. Поэтому впрыскивание было повторено в 9 часов, но тоже без успеха.

Зазвонили к утрне. Состояние отца Иеронима быстро ухудшалось. Отец Макарий, читая утрню у себя в келлии, часто навещал его: «Как вы, батюшка, себя чувствуете?» «Неизъяснимые боли в животе, — отвечал он. — Имеем надежды на щедроты Божии, а терпеть не хочется и такой болезншки, а обетованные нам щедроты-то Божии велики». Отец Макарий напомнил ему, как святой великомученик Евстратий, водрузив жезл, сказал, что все страдания его, как бы ни велики были, но недостойны против той награды, какую воздаст Господь за терпение их. Батюшка прибавил к этому: «Да, он и в железных сапогах был с гвоздями... Но да будет воля Божия». И продолжал: «Вероятно, диавол выпросил у Бога такие мне болезни за мои грехи и за чужие, чтобы довести меня до ропота». И начал говорить некоторые псалмы: *Не остави мене, Господи Боже мой* и другие подобные. Боли усиливались, он вдруг говорит: «Что тут делать?» Отец Макарий сказал: *Упование мое Отец* и прочее, а также: *Все упование мое на Тя возлагаю*, а он ответил:

Икона Божией Матери
«Избавительница». Фотография
начала XX в.

«Сколько могу, непрестанно повторяю это». И прибавил: «Неизъяснимая болезнь, не знаю, как находятся те, кто при таких обстоятельствах не имеют руководства для себя ни из Священного Писания, ни из отеческих преданий». И заключил: «Господи, помилуй нас». С этим опять началась рвота, которой он даже желал, ибо получал некоторое облегчение.

Во время утрени приносили к нему икону Божией Матери «Избавительница» и мощи святого великомученика и целителя Пантелеимона, к которым он прикладывался с таким благоговением и умилением, что присутствующие братья, смотря на него, удивлялись. Через некоторое время после святых мощей была

принесена из Покровского собора чудотворная Иерусалимская икона Божией Матери, к которой он прикладывался с особенным благоговением и слезами.

«В это время, — повествует монах Пантелеимон, — стоял я в притворе Покровского собора, и во всю утреню борола меня одна мысль: “Как бы мне удостоиться получить еще последнее благословение от батюшки отца Иеронима”, хотя я уже простился вместе с прочими отцами и братьями и получил благословение еще с вечера.

Эта мысль так сильно беспокоила меня, что я даже терял внимание к чтению и пению утрени. Рядом со мною стоял какой-то молодой монах. (За многочисленностью у нас братства мы почти и не все знаем друг друга по имени, а только после смерти каждого мы обязаны знать для поминовения и моления о усопшем.) И вот этот монах обращается ко мне и говорит, указывая на себя: “Как я счастлив! Я сейчас нечаянно попал к батюшке Иерониму. Отец игумен внес к нему чудотворную икону Божией Матери «Избавительница», и тут же вслед за ним и я вошел и принял от него благословение”. Этим он еще больше возбудил меня, как бы обличая мою мысль, с которой я боролся всю утреню.

После этого прошло не больше как минут десять, смотрю — из середины Покровского храма проходит чрез этот же притвор довольно немалого роста Женщина, одетая в обширное розовое платье. кушаком подходящего цвета препоясана, на голове виднелась белая монашеская наметка, а за Ней следовал среднего роста монах в обычной своей черной одежде.

Когда они прошли, я спросил этого молодого монаха, видел ли он, Кто сейчас прошел мимо нас? Он ответил: “Иерусалимская Божия Матерь”. Сделал малую паузу, потом прибавил: “Понесли к батюшке Иерониму”. А когда я увидел эту Женщину, то пришел в такое смущение, что чуть не крикнул во всеуслышание: “Откуда здесь взялась женщина?!” Но, не знаю, почему-то удержался.

И так я оставался до конца утрени еще в большем смущении духа, недоумевая, что со мною случилось. Это было после 9-й песни канона. И по окончании утрени я все-таки исполнил свое желание: хотя и трудными путями, но вошел в келлию батюшки и взял от него благословение, поцеловал его руку. Он хотя сидел и слаб был, но в сознании».

После посещения иконой Богоматери старец отчасти успокоился и рвота приостановилась, вследствие чего он мог понемногу дремать, но легкую тошноту и перхоту в горле все-таки чувствовал, также и боль подреберную, из-за которой в течение трех суток не мог лежать и все более изнемогал.

В 11 часов утра отец игумен, по обычаю, спросил у него благословения служить Литургию в параклисе преподобного Сергия, куда ему постоянно доносили о состоянии старца. До Херувимской батюшка был в том же состоянии, после боли усилились. Во время чтения *Верую* привстал и трижды перекрестился. Когда запели *Тебе поем*, опять привстал и помолился. После Литургии ему стало еще труднее.

В 12 часов утра духовник пожелал что-нибудь покушать, приказал келейнику (отцу Филарету) поскорее приготовить и подать. Но это с его стороны было только одно желание, а на самом деле он ничего даже почти не коснулся.

В 2 часа дня снова заходил к нему отец игумен. Бывших в это время у духовника некоторых из братьий попросил выйти из келлии, и, оставшись вдвоем, беседовали с полчаса. О чем была у них беседа — это осталось тайной. Потом братия начали приходить прощаться со старцем и уходили скорбные, печальные и в плачевном состоянии духа. Так продолжалось прощание братии с духовником до последней минуты его жизни.

Невыразимые терзания в животе усиливались. Опять позвали доктора. В это время отец Макарий вышел, чтобы написать телеграммы, просить святых молитв о выздоровлении старца, послать милостыню по монастырям. Тут прибегает келейник старца отец Филарет и поспешно докладывает: «Пожалуйте поскорее к батюшке». И добавил: «Кажется, нас батюшка оставляет».

И действительно, к исходу третьего часа приблизилась к концу и жизнь земная отца Иеронима. До последней смертной минуты был он в сознании, часто со слезами говорил: «Господи, помози мне, я от трудной телесной болезни изнемогаю, и силы мои душевные и телесные истощаются, и опасаясь, дабы не возроптать на свою нестерпимую болезнь и не погрешить в этом пред Тобою, Создателем моим». В последние, предсмертные минуты говорил еще что-то, но весьма тихим шепотом, и трудно было понять. И только ясно сказал: «Слава Богу за все». Потом тихо начал склоняться на правую сторону и ровно в 3 часа дня (9 часов утра по-европейски) 14 ноября, лежа на руке отца Макария, с несколькими вздохами тихо и мирно преставился ко Пресвятой Троице великий старец,

*Отец Иероним на смертном одре в своей келлии
с предстоящим отцом Макарием*

поучавший простыми своими внушениями и светлостью своего ума духовных чад своих, которых имел, помимо своей обители, почти пол-Афона.

Руководитель и управитель, духовный отец наш иеросхимонах Иероним лежал на руках плачущего и рыдающего отца игумена. И все присутствовавшие при этом братья предались неумолкающему плачу и рыданию об отце духовном и руководителе своем.

В это время, по свидетельству некоторых из братии, было знамение Божие: огонь небесный и звезды дождем с неба падали. Дувший до того со страшной силой ветер вдруг стих, и тишина мертвая настала.

О кончине старца оповестили братию 12 ударами в большой колокол. В продолжение полутора часов братия прощались со старцем, лежащем на смертном одре. По окончании прощания усопшего сфотографировали.

В шестом часу дня начались приготовления по обычаю монашескому. Омывал тело старца сам отец игумен губкой с теплой водой. Но, без сомнения, омывал он не водой, а своими слезами. Облачал также отец игумен, и ему помогали казначей, лекарь и больничар. Вначале надели рубашку, прочее белье, чулочки и башмачки, потом подрясник, опоясали поясом, надели схиму, аналав, мантию. камилавку, наметку, епитрахиль, в руку вложили четки. Лицо и руки оставили открытыми. По окончании опрятания тела последовала заупокойная лития, которую совершил отец игумен с некоторыми иеромонахами. Затем последовал вынос тела с плачевным, печальным, душетрогательным пением *Святой Боже* в Покровский собор.

Отпевание, погребение. Духовное завещание

В Покровском соборе обители назначено было над почившим отцом Иеронимом непрерывное чтение святого Евангелия. Народу было очень много: со всей Святой Горы стеклись иноки и пустынножители отдать последний долг своему наставнику, кормильцу и благодетелю, так что в это время их насчитывали в обители около тысячи человек. Собор был постоянно открыт, и люди днем и ночью входили в него, чтобы поклониться новопреставленному старцу и облобызать его хладную десницу. Многие навзрыд плакали, вспоминая великую милость к ним и доброту старца. «Кто нас теперь накормит и оденет? — говорили иноки-сиромахи, толпясь вокруг

мертвого тела старца. — Не стало нашего отца-кормильца, к которому всякий шел свободно со своей нуждой и всегда получал от него ее удовлетворение».

16 ноября, в субботу, было погребение старца. Накануне было совершено заупокойное всенощное бдение в Покровском соборе обители, где стояло тело. В день погребения Божественная Литургия была совершена в соборе святого великомученика Пантелеимона митрополитом Пентапольским Нилом с большим собором священнослужителей, а в Покровском соборе — игуменом архимандритом Макарием, тоже со многими сослужащими. После запричастного стиха в Покровском соборе русский иеросхимонах Парфений, постриженник Русика, потом бывший настоятелем Переяславского Макарьевского Полтавской епархии монастыря в России, сказал красноречивое надгробное слово, в котором живо описал добродетели почившего старца и всю скорбь русских афонских иноков

Отец Иероним на смертном одре в Покровском соборе

от его потери. В это время братия начали прощаться с почившим своим духовником, поднялся плач и вопль, заглушивший слова проповедника и ясно свидетельствовавший, чем был для всех почивший. За братией пошли прощаться с телом старца и бывшие в обители: мирские поклонники, в числе которых один одержимый припадками беснования начал сильно кричать и упираться, так что насильно был подведен и приложен к руке усопшего, после чего успокоился и стал усердно молиться.

По окончании Божественной Литургии в Покровском соборе была соборне совершена лития на вынос тела в нижний собор святого великомученика Пантелеимона, причем бесноватый опять начал неистово кричать, поминая некую Анастасию и укоряя ее, что его сюда пустила и что здесь его душат. Едва смогли его снова подвести к телу старца и приложить к его руке, после чего он опять успокоился, стал молиться и креститься, и когда понесли тело старца в нижний собор, то сопровождал его, придерживаясь за конец холста, на котором несли его иеромонахи.

В соборе святого великомученика Пантелеимона встретил шестивие митрополит Нил с сослужащими, и началось отпевание, во время которого отец Макарий сказал трогательное слово, не раз прерывавшееся его слезами и ясно свидетельствовавшее, чем был почивший для него и что потеряли он и вся его святая обитель. Когда началось последнее целование усопшему, тогда плач и вопль так усилились, что покрыли собой церковное пение. В это время другой поклонник-мирянин, тоже одержимый беснованием, взвизгнул и начал метаться, но, приложенный к руке усопшего, успокоился. До 80 иеромонахов, 20 иеродиаконов участвовали в отпевании, которое вместе с Литургией продолжалось около семи часов.

Положили тело отца Иеронима внутри монастыря, подле алтаря главного собора обители святого великомученика Пантелеимона, в той самой могиле, где некогда погребено было тело архимандрита Герасима, и таким образом как бы соединили и по смерти неразлучных в жизни земной ктиторов, обновителей и благодетелей Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, столь много потрудившихся для ее преуспевания и духовного обновления. Это исключение только для таких старцев, ибо на Святой Горе внутри обителей никто не погребается. Исключение также, что тело было положено в деревянный гроб, по-русски. Лицо почившего старца было весьма благолепно, на нем запечатлелась какая-то торжественность и спокойствие. В продолжение почти трех суток тело ничуть не изме-

нилось, руки были мягки и белы, хотя тысячи неоднократно прикладывались к ним.

«Так было предано земле тело возлюбленного нашего старца и отца духовного, незабвенного батюшки отца Иеронима при всеобщем нашем и всех знавших его молитвенном желании блаженного наследия во Царствии Христовом и быть за нас ходатаем и спешником спасения всех нас, духовных чад его.

Так закатилось солнце наше, согревавшее души, шествовавшие крестным путем к Солнцу правды, — не только души своих соотечественников, но и всех, к нему обращавшихся с нуждами своими духовными и телесными. Сокрылось сокровище наших сердец, которое произрастит из недр земли испрошенное им благословение от Престола Вышнего на всех нас и на святую обитель.

По некоторым проявлениям духовным как для некоторых из братьев, так и для посторонних читателей старца можно осмелиться думать, что почивший старец отец Иероним обрел дерзновение пред Господом» — такими словами отец Макарий закончил очерк последних дней своего дорогого отца и наставника.

Два случая с бесноватыми (один из которых кричал, что его душат), бывшие при отпевании отца Иеронима, весьма поразили всех, а через два месяца некая Лариса Турчанинова в письме на имя отца Макария сообщила не менее удивительную вещь.

«Еще нахожу нужным описать вам один случай. У меня часто гостит внучек мой Николай, шестилетний мальчик. Пока он дитя, но могу сказать, что он мальчик благодатный. Когда я получила письмо о кончине батюшки отца Иеронима, он по моему наставлению проходил по нем четочки¹. О бесноватых, которые кричали во время отпевания, у меня был помысл, что они утихли от усиленных молитв святых отцов, но никак не от батюшки отца Иеронима.

Это я только думала. Но в ту же минуту подбегает внук, мальчик Николай, и говорит: “Иероним душил, бабушка!” Сказав это, опять убежал».

Накануне 20-го дня после смерти отца Иеронима было найдено второе его духовное завещание, которое было прочитано соборно после панихиды по нему в 20-й день его кончины. Вот это последнее трогательное слово старца, в котором излилась его любвеобильная и смиренномудрая душа.

¹ Т. е. молился о нем по четкам. — *Примеч. сост.*

«Возлюбленные мои отцы и братие! Я обращаюсь к вашей любви за молитвенною вашею помощью мне самому, так как приблизился конец моего жития с вами и я теперь имею великую нужду в молитвенной вашей помощи мне, отходящему от вас в путь вечный и неведомый. Прошу вас: молитесь о оставлении многих моих грехов да улучу от Бога милость. Помяните любовь мою к вам, ради которой я пренебрегал собственною моею пользою, но всегда искал только вашей пользы, всем вам сострадал и во всякой скорби вашей сочувствовал вам. Но вместе с тем иногда по ревности ко спасению вашему грешил я гневом, укорял вас, хотя и от чистой любви, желая спасения душам вашим. Но так как страсти незаметно примешиваются ко всякому доброму делу, то могло быть, что иногда кого-либо и неправильно оскорбил, или чрез меру кого укорял, или, как человек, кого-либо чем ненамеренно соблазнил. Потому прошу у всех вас прощения и усердных молитв ваших за меня, да безбедно пройду страшные мытарства злых духов. И я прощаю всех вас во всем, кто чем-либо меня оскорбил. Ах, отцы и братие мои! Воздайте мне вашими слезными молитвами к Богу за мою любовь к вам. Ибо вы все были в моем сердце, я обо всех вас болезновал, со скорбящими скорбел, с воздыхающими воздыхал, с плачущими плакал. Вот приблизился ко мне тот страшный последний час смертный, который был и для святых страшен, а я, грешный, как не буду страшиться? Ибо сказано: *Ему же много дано, много и взыщется от него* (Лк 12, 48); боюсь суда Божия, братие, помогите мне вашими молитвами. Возболезнуйте о мне вашими сердцами и пролейте о мне слезы, да не задержан буду на мытарствах, ибо и святые многие боялись смерти и просили других молиться о них. Вспомните предсмертное завещание святителя Митрофана Воронежского, как он усердно просил других молиться о нем, тем более мне, грешному, нужно просить всех моих отцов и братьев молиться о мне. Темже, отцы и братие мои, дорогие Христу, яко искупленные кровию Его, смиренно и усердно прошу вас: пролейте моления и слезы ваши пред Богом о любившем вас грешном вашем духовном отце, яко да обрящу милость на суде Божиим и сподоблюсь сопричислен быть к лику спасенных отцов и братьев наших. Поплачьте о мне, поплачьте — это мне и вам будет во спасение и на вечную славу создавшего нас и спасшего неизреченным Своим смотрением Троиединого Бога нашего, Отца и Сына и Святого Духа, Которому да будет от всех нас всякая слава ныне и во веки веков. Аминь.

Эту мою хартию прошу прочесть пред погребением бранных моих останков. Духовник Иероним».

Как бы ответом на это завещание отца Иеронима звучит надгробное слово, которое произнес его присный ученик отец архимандрит Макарий во время отпевания в Пантелеимоновском соборе 16 ноября.

«Итак, любвеобильнейший отец и великий благодетель наш, сострадательный ко всем помощник, люботрудный ктитор обители нашей, верный наставник ко спасению и стяжатель редкого дара умной молитвы, духовного рассуждения и других дарований и добродетелей, — течение свое ты совершил на земле силой укрепившего и обогатившего тебя Христа, преплыл житейское море многочисленных искушений, бед и болезней, благодатию Его окрыляем, и обрел себе милостию Божией ничем не возмущаемый покой.

Но что за сонмы окружают тебя? Виждь, отче и наставниче наш, се чада твоя приидоша к тебе не кончину твою зрети, но от медоточивых уст твоих глаголы живота вечного слышати, а ты спишь, сомкнув очи и уста свои. Восстани и благослови!

Увы, он бездыханен!.. Отче, умолкли твои приветливые слова, с которыми ты всех встречал, — слова сострадания, одобрения и утешения, с которыми всех отпускал от себя. Увы, какая плачевная утрата! Где наш отец? Где наш наставник? Кого мы лишились?! Отче, отче! Пробудись и вонми: бедность просит милостыни, странник жаждет твоего утешения, больной ждет твоих молитв и утешения, падший в искушение ждет отрады в своей беде. Но нет, верно, ни мой голос, ни голоса всех нас не сильны возбудить тебя. После тридцатилетнего странничества твоего в отечестве и после пятидесятилетней жизни иноческой и духовнической на Святой Горе, жизни многополезной и благоплодной и с тем вместе многоскорбной и многоболезненной, ты возлег на долгий покой и крепкий сон до гласа трубы архангельской. Давно желал и жаждал ты разрешиться от уз плотских и деннонощно молился о том; любовь же к тебе всех чад твоих как бы пересиливала твою молитву общим молитвенным воплем о продлении жизни твоей для пользы и блага их. А теперь, видно, пришло время пересилить твоей молитве усердную молитву всего братства. Упокойся же, непрестанный тружениче, до общего возбуждения, после которого да подаст тебе Всеблагий Мздовоздаятель и вечное упокоение со святыми.

Но, Владыко живота и смерти, Ты зриши нашу скорбь, слышиши стенания сердец наших, зриши потоки слез, орошающих очи наши. Дерзаем Тебе рещи: где имамы наставника и советника ко спасению нашему? Где обрящем утешение в скорбях и напастях после взятия Тобою сего мудрого наставника, опытного руководителя

и любвеобильного пестуна нашего? Сего ради, припадающе, молим Тя, благоутробне Господи: прими в руце Твоего Владычного защитения нас, осиротевших в живом поучении слова Твоего и истины, и буди нам Сам со Всеблагою Матерью Твоею Руководителем и Вождем нашего спасения, живота и света. Сотвори милость Твою с преставльшимся от нас отцом нашим, не вниди в суд с рабом Твоим, прощавшим всех. Аще бо беззакония назриши, Господи, то кто постоит, аще и один день жития его будет на земле?

Дадим убо последнее целование незабвенному отцу и мудрому наставнику, оросим прах его слезами с возношением теплых молитв о упокоении его в недрах Авраамовых. Ты же, отче наш, молим тя последним прошением, аще даст тебе Господь дерзновение к Престолу Величества Своего, не забуди нас, чад своих, посещая души и сердца наши испрошением благодати от Господа нашего Иисуса Христа. Прости нас, руководитель наш, иди с миром в Обитель Небесную! В устах и сердцах наших не умолкнет сей стих: *Вечная твоя память, достоблаженный отец наш приснопоминаемый!* Аминь».

Письмо Вселенского патриарха, извещенного о кончине старца Иеронима и выразившего соболезнования отцу Макарию и братии, было получено в обители в декабре.

«Иоаким, Божиею милостию архиепископ Константинополя. Нового Рима, и Вселенский патриарх.

Преподобнейшие игумен архимандрит кир Макарий и прочие отцы находящегося во Святой Горе Афонской нашего патриаршего и ставропигиального монастыря святого Пантелеимона, Русского называемого, чада о Господе наши возлюбленные, благодать да будет вам и мир от Бога.

С глубокою душевною скорбью известились мы из телеграммы Вашего Преподобия и из сыновнего Вашего письма от 23-го прошедшего ноября об отшествии ко Господу приснопамятного иеромонаха Иеронима, достопочтенного члена вашего общежительного братства, 45 лет, как пишите, служившего духовных вождем как Вашему Преподобию, так и прочим инокам Вашей священной обители. С отеческим вниманием видели мы изложенные в письме Вашем подробности о погребении приснопамятного и о тех последних почестях, которые были ему оказаны с понятными чувствами трогательности и печали в присутствии многочисленного стечения клириков и мирян, поспешивших отдать ему последнее целование.

И мы здесь, разделяя скорбь священной Вашей киновии, помолились домашним образом и молим Господа, да учинит душу его,

идеже праведнии упоковаются, также и по просьбе Вашей о совершении во время сорокадневия по его кончине торжественной патриаршей панихиды в священном патриаршем храме приложили должное попечение о совершении о нем синодального поминовения, которое и было совершено по всему патриаршему и церковному чину в священном патриаршем храме в прошедшую субботу, 30 ноября, с предстоятельством по причине нашего нездоровья высокопреосвященнейшего митрополита Кизического кира Никодима в сослужении ему прочих членов нашего святого и священного Синода.

Выражая теперь Вашему Преподобию и прочим отцам священной обители сердечное сочувствие наше в вашей скорби, а также и извещая о получении чрез преподобнейшего иеромонаха Илариона посланной суммы в 100 лир для совершения священного поминовения и других 20 лир в епитропию патриаршего храма на свечи, елей и прочее, желаем Вашему Преподобию утешения свыше и испрашиваем у Бога, да хранит Вас на многие лета во здравии и спасении.

2 декабря 1885 года.

[Патриарх] Константинопольский, во Христе Бозе молитвенник».

На 40-й день в обители желали совершить такое же заупокойное бдение, какое было на день погребения старца, но так как день этот (23 декабря) приходился на дни предпразднства великого праздника Рождества Христова, когда по уставу святой Церкви нельзя исполнять полную заупокойную службу, то бдение совершено было на 19 декабря, и затем архиерейским служением — Божественная Литургия с панихидой. В воскресенье, 22-го числа, тоже архиереем совершена была Божественная Литургия с панихидой. Вместо пения причастного стиха одним из братии было сказано утешительное слово, а во время трапезы, обильно предложенной в память усопшего отца Иеронима вместо сорокового постного дня, было прочитано пространное духовное завещание старца, составленное в 1882 году, в котором он, указывая на Промысл Божий, осязательно видимый в судьбах обители, благоволение Божие к ней за общежительный чин ее и богоугодное житие братии и доказывая из слова Божия и святоотеческих писаний, сколь важно это и угодно пред Богом, выражает свое желание, чтобы настоящий устав общежития соблюдался в обители до скончания мира.

В понедельник, 23 декабря, в самый 40-й день, было посвящение в иеромонаха и иеродиакона. Последний был келейником старца

Иеронима до самой его кончины. После Божественной Литургии совершена панихида. По случаю постного дня и приготовления всех братий к Причащению Святых Христовых Таин трапеза в этот день была постная, без масла. По окончании ее роздано было по ложке колива в память усопшего и пропета *Вечная память*.

По справедливости многие на святой Руси, в свою очередь, сказали от души молитвенно: «Вечная память присноблаженному афонскому русскому старцу-духовнику иеросхимонаху Иерониму», потому что Россия многим обязана ему, ибо светильник сей хотя горел на Афоне, но сиянием своим озарял и земную свою отчизну.

После смерти

«После кончины духовника Иеронима игумен Макарий известил его сестру игумению Маргариту о смерти ее брата 14 ноября 1885 года, а та в ответ написала, что у них в обители в день его смерти видела монахиня во сне отца Иеронима в архиерейской мантии восходящим на небо.

Еще архимандрит Иоанн из Кесарии сообщил, что во сне видел отца Иеронима в раю.

После смерти отца Иеронима многие из братий видели его во сне, что он бодрствовал и предстательствовал пред Богом за соборную им в обители братию»¹.

«В 14-й день ноября мы еще ничего не знали о кончине батюшки. Одна из сестер видит во сне необыкновенной красоты местность: лес, сад и строение, как бы монастырь, и слышит трезвон во все самые большие колокола. Такого трезвона она не слыхала никогда. Удивляясь всей такой красоте и трезвону, она спрашивает, что это значит и кто трезвонит, и взглянула на небо, на воздух — два монаха: один старичок, другой пониже его на воздухе же стоит. Молодой и говорит: “Разве ты не знаешь? Это отец Иероним так трезвонит”. Тут она стала еще больше на него смотреть и просить молитв, а он с воздуха подает ей тоненький ремешок и приказывает трезвонить. “Я, — говорит, — батюшка, не умею”. А он говорит: “Хоть в маленький трезвонь”. Она стала трезвонить, испугалась и проснулась, потом опять заснула и опять то же видит и слышит, и батюшка необыкновенной красоты»².

¹ Запись в «Малом сборнике».

² Из письма игумении Маргариты на Афон от 29 ноября.

«Та сестра, которой я в прошлом моем к вам письме описывала сон, под 39-й день кончины батюшки отца Иеронима еще видела во сне следующее. Прилегла она и еще не успела уснуть, видит, как будто кто-то говорит в церкви: «Отец Иероним будет служить». И она очутилась в церкви. В ожидании служения видит там народу много, и более монашествующие. Вдруг открываются царские врата и батюшка выходит как бы в архиерейской мантии с золотым кадилом, взошел на амвон и говорит: «Блажен тот человек, который имеет сии три добродетели: сострадание к страждущим, любовь к скорбящим и милосердие». Эти слова она хорошо запомнила, а дальше за толпой не разобрала, что он говорил. Потом он пошел кадить по всей церкви, всю церковь обошел, возвратился в алтарь; весь храм наполнился неизреченным благоуханием, и все ожидали, чтобы еще взглянуть на батюшку, но он уже не возвратился из алтаря. С тем и проснулась.

Батюшка во всей своей жизни был ко всем милостив, сострадателен и милосерд, то и по смерти поучает нас следовать его примеру. За святые его молитвы Господь по неизреченному Своему милосердию да спасет и наши души. Мы же молимся и будем молиться о упокоении его души со спасенными и избранными»¹.

«Любезный мой брат духовник Никодим смиренно кланяется вам и просит святых молитв и просил меня написать вам, что и он видел во сне покойного батюшку таким образом. На праздник святителя Спиридона во время утрени, когда читали житие святого, он заснул в форме и видит, будто бы на незнакомом месте была одна хорошая келлия. И захотелось ему посмотреть, кто находится в такой хорошей келлии. Отворивши дверь, вошел внутрь и видит батюшку, сидящего в кресле, который тут же встал на ноги и принял его ласково, сказав по-гречески: «Я духовник Иероним». Отец Никодим спросил его: «Как пребываете, отче святой, на хорошем ли месте находитесь?» А батюшка отвечал: «Я хорошо пребываю, слава Богу нашему». И, обратившись к востоку, начал читать по-эллински умильную молитву ко Господу нашему Иисусу Христу, а Никодим со вниманием стоял и слушал молитву, а при конце молитвы кончилось и чтение жития святого»².

«Представилось мне, будто я отправился в один монастырь для поклонения святыне. Близ этого монастыря был сад, держимый

¹ Из письма игумении Маргариты от 28 декабря.

² Из письма с Патмоса от митрополита Пилусийского Амфилохия.

с небес, и я вошел в этот сад, но как вошел, не помню. Красота его была непостижима. Был он аршин 80 над землею и казался более Святой Горы Афонской. Множество разных сортов фруктов, разные душистые травы и цветы, и все это находилось в одном и том же месте. На ветвях деревьев пели всякие птицы, соловьи. При корнях деревьев находились источники чистой и прозрачной воды. И все это представляло восхитительное и чудное зрелище.

Среди сада было бесчисленное множество людей, из которых я узнал только одного духовника отца Иеронима, которому сделал метание и облобызал руку, не помня, что он умер. С ним мы ходили по саду и разговаривали. Между прочим он мне сказал: "Сорви с этого дерева яблоко и ешь". Я сорвал и положил к себе в карман. Во время прогулки я увидел там старца отца Нектария и облобызал его благословенные руки. Мы разговаривали с ним довольно времени, я был весьма рад, потом снова облобызал его руки и проснулся.

Жалея, что это был сон, я опять уснул и вижу: опять в том же месте сидят отец игумен и отец духовник. Лицо же отца игумена сияло как солнце, что я удивлялся, видя его в таком хорошем состоянии, зная, что он в это время был болен, как мне писали. Красота же, множество людей, пение птиц — изъяснить не могу, потому что это был настоящий рай»¹.

Игумен Парфений (Заболоцкий) несколько раз видел в сонном видении усопшего отца Иеронима и получал от него наставления.

Однажды, как бы находясь в церкви Александра Невского, он слышал голос: «Я дам ему (отцу Иерониму) место подле отца Серафима». «Разумею, Саровского, — пишет отец Парфений. — Движимый какою-то силою, иду в алтарь и вижу отца Иеронима сидящим на удобном седалище с левой стороны у престола, как бы прислонившись к иконостасу спиной. Подошел я к нему и передал слышанное, как от Бога воздаяние ему. Он со смирением, тоже в благовидном состоянии сказал только: "Дай Бог". Тем кончилось. После этого тихо, мирно было на душе весь день.

Думаю, что этот день был последним в восхождении по мытарствам. Милостивое его сердце, выражавшееся в почти невероятной его щедродательности и в благопопечительности о бедных, в за-

¹ Из письма архимандрита Иоанна, грека из Каппадокии, от 6 июня 1889 года.

Душаю что этот Ченъ божь
посланный во всекофрений помытар-
ствами. Милостивое его сердце,
выражавшееся во почти невероятных
его щедродательности и в благопопе-
мительности обидных, во заботливом
трудоу и денно-нощноу подвижану
ко спасению ближних, его свыше
тридцатилетнее терпеливое пере-
несение непереставашу 5, болзней

Запись видения игумена Парфения в «Большом сборнике»

ботливых трудах и деннонощных подвигах ко спасению ближних, его больше чем тридцатилетнее терпеливое перенесение неперестающих пяти болезней, не выказывавшихся, однако ж, при духовно-телесной его премногой заботливости о пришедшей к нему и спасающей с ним братии и расширявшейся при нем обители, должны своею благомощною силою покрыть невольные его погрешности, какие, может быть, могли случиться в полувековом почти монашеском его подвиге, загладить на мытарствах незначительные какие недочеты.

На 40 дней. В тонком сне, иначе сказать, в дремоте, представился мне большой воздухообразный, чисто убранный дом, как бы на Крумице, за виноградником, на площадке, где пруд. В нем находился, как в своем доме, батюшка отец Иероним. Вдали с южной стороны сидел в доме отец Анатолий, иеромонах, а в другом углу — отец Григорий, протопсалт¹, я — к северу, вблизи батюшки, и еще какой-то из молодых, безбородых, белокурый лежал посредине дома на полу. Батюшка, лежа на так же чисто убранном одре, разрешал вопросы отца Анатолия. Помню, что тот спрашивал, можно ли

¹ Певчий, ведущий основную партию в церковном пении. — *Примеч. сост.*

верить снам, в которых читаются молитвы, положенные при совершении Елеосвящения. Батюшка, лежа, говорит, что есть в сих молитвах такие слова, которые бес не может говорить, но во всяком случае лучше быть осторожным. Я же при этом с укором отнесся к отцу Анатолию за то, что он не почтил батюшку своим присутствием при его погребении. Чем он мне отозвался, не помню»¹.

*Письмо из Нового Афона от схимонаха Савина
о явлениях ему во сне отца Иеронима*

«Высокопреподобнейшему и всечестнейшему архимандиту отцу Макарию, заведующему святого великомученика Пантелеимона обителью, от ничтожного и грешного схимонаха Савина»².

Благословите, всечестнейший отче, поведать Вам о явлении покойного иеросхимонаха Иеронима, пречестного нашего духовника, в сонном видении мне, грешному, не более двух недель до его смерти.

Пришед ко мне в келлию в полном облачении, благословил меня и сказал: “Ну, Савин, прощай, ухожу”. — “Когда же увидимся?” — “Да там увидимся”. В ту же минуту я проснулся. И во время утрени объявил я игумену отцу Иерону. Между собою судили про сон, отец игумен сказал: “Должно быть, скоро помрет”.

Второе. Когда еще не пришло известие [о смерти старца], мы слушали позднюю Литургию с отцом Варсонофием на хорах. Я пошел и показываю подаренную мне покойным его старую рясу; я нечаянно прорвал рукав и эту дырку показываю, в то же время говорю: “Видно, не много батюшке Иерониму жить”. И я так сильно заплакал и не мог перестать. В тот же день вечером получили телеграмму нерадостную, даром я проливал слезы о дорогом нашем наставнике иеросхимонахе отце Иерониме. Царствие ему Небесное. Горестно нам было слышать это известие. На панихиде молились и просили Царя Небесного и Царицу Небесную упокоить его, где веселятся праведники, в раю.

Третье. В третий день после панихиды вижу его во сне у меня в келлии, и дал мне книгу величиною с Псалтирь: “Вот, Савин, когда прочтешь, тогда ко мне придешь”. Я отвечаю ему: “Да скоро ли ее прочтешь?” — “А тебе скоро хочется? Нельзя тебе скоро прочесть, ты занят работою”. Потом вижу себя в церкви Симона Кана-

¹ Запись в «Большом сборнике».

² Отец Савин — живописец, 100-летний старец, теперь живет на Афоне, в Русике. — *Примеч. о. Владимира.*

нита, и батюшки оба со мною — отец Иероним и отец игумен Иерон в епитрахиях. Отец Иероним, указывая на утес, говорит: “Вот тебе работа: надо написать проповедь святых апостолов Симона Кананита и Андрея Первозванного”. Я опять ему говорю: “А где я вас буду находить, здесь или на Афоне?” Он отвечал мне: “Тогда доведут”. В ту же минуту очнулся и тоже объявил отцу игумену.

В-четвертых, будто я вошел в церковь Симона Кананита и вижу: из алтаря вышел покойный отец Иероним, зовет меня в алтарь; я вхожу, отец игумен Иерон стоит по правую сторону престола, оба в епитрахиях. Отец Иероним, указывая под престол: “Вот здесь похоронен апостол Симон Кананит, по левую сторону престола”. Очнулся, также передал отцу игумену.

Пятое. Вижу отца Иеронима, пошел на новую постройку. Я ему говорю: “Что же не зашли, батюшка, или оттуда зайдете?” Он мне отвечает: “Нет, пройду в церковь Симона Кананита и к отцу Исаии”. Я отвечаю: “Он здесь”. — “Нет, он ушел”. Я очнулся в церкви у заутрени, объявил отцу игумену.

Еще вижу себя на хорах, в Старом Афоне, в церкви Покрова, у батюшки в келлии, будто он меня исповедовал. Поклонился ему в ноги, хотел пойти. Он мне говорит: “На что ж утаиваешь мысленные два греха?” Я отвечаю: “Не помню, какие эти грехи”. Он открыл книгу, из книги взял записочку не более вершка, подал мне; я взял — и вижу мои грехи, этому 20 лет, я о них не помнил. Он говорит: “Они малые, а на мытарствах остановят, особенно непокаянные”.

Благодарю Господа и Пречистую Его Матерь Деву Марию, Царицу Небесную, нашу Ходатаицу, и покойного отца Иеронима за открытие грехов моих, ему Царствие Небесное дай Господи, а Вам, отец архимандрит Макарий, долгие лета дай Господи ради нас, грешных. Прошу Ваших святых молитв. Не оскорбитесь на меня, грешного Савина, что я осмелился Вам писать.

Еще прошу и умоляю Вас: желательно мне написать на стене в церкви у Симона Кананита, в высшем поясе, ваших трех Ангелов в рост человека, и для этого нужно (и на прочее не оставьте моей, грешного, просьбы), будьте так милостивы, утешьте: пришлите золота книжек десять или сколько Вам Господь благословит, да еще не будет ли милости: червонного хотя книжки три, не оставьте.

Я, грешный, молюсь и прошу Господа и Царицу Небесную, чтобы поддержали Ваши силы на многие лета. Батюшка, не будет ли милости и желания посетить Новый Афон и нас, грешных? О, как бы мы возрадовались Вашему прибытию!

Кланяюсь и целую Ваши благословенные ручки и всем кланяюсь отцам иеросхимонахам и монахам. О себе благодарю Господа и Царицу Небесную и Вашими святыми молитвами живу, слава Богу, схимонах Савин, и надеюсь на Ваши святые молитвы. Буду с нетерпением ожидать ответа.

20 декабря 1885 года».

«Приключилась у меня скорбь дня три, и в это время было бдение под трех святителей, а накануне этого дня я целый день починая магуну (лодку) на дожде, до того изнемог, что не мог идти на бдение, почему во время бдения лег спать.

Вдруг вижу сон, будто нахожусь в каком-то доме и вижу батюшку отца Иеронима, так умильно на меня смотревшего, в тонком подряснике без пояса и шапки, борода белая, светлая, и лицо приятное, ангельское, и давал наставление мне, только всего не припомню. И тут я сказал: “Напала на меня скорбь, как вы померли: я был должен пять лир и хотел ехать в мир зарабатывать долг”. Он на меня взглянул с удивлением и печалию и сказал: “Напрасно себя мучаешь. Вы оставляете настоящее и к паутине прилепляетесь, лучше бы молиться Богу, и Господь промыслил бы Сам. Господь обо всех имеет попечение”.

Я тут осмелился спросить его: “Помните, вы явились мне во сне после вашей смерти? Вы говорили, что были у Господа Саваофа”. И он ответил: “Как же, помню”. И я спросил: “Куда вас, батюшка, повели, когда вы померли?” Он сказал: “Меня взяли и повели на восток по воздуху, и тут встречали меня Ангелы различного цвета и посыпали под ноги цветы разные, с великим благоговением привели к сидящему на Престоле Господу Богу, перепоясанному два раза накрест, я и поклонился Ему, тут пропели бесчисленные силы Ангелов громогласную песнь новую, отчего руки и ноги у меня затряслись от страха, видя славу Божию. Он отечески на меня взглянул и тут сказал мне по-русски и по-гречески, и эти слова относились как бы к похвале за труд для многих. И тут Господь сказал: “Поведите его по обителям Моим”. Во время пути нам делали встречу”. В великой радости я спросил батюшку: “Как там, в Царствии Божием?” Он сказал: “Не можешь ты понять. Из этих мест повели меня во ад”. И я спросил: “Где, батюшка, ад находится?” Он сказал: “Внутри земли, страшилище страшное”.

Я тут поставил самовар, хотел его угостить и тут же пробудился и заплакал, очень жалко стало, что с батюшкой расстался»¹.

¹ Запись в «Большом сборнике».

Видение фотографа

«В 1888 году, 30 декабря, представилось мне, что я стою в батюшкиной келлии, и батюшка здесь же, но самого начала, как я очутился в ней и о чем вперед был разговор, не помню, только помню, я стал спрашивать батюшку Иеронима: “Вы с самого начала поселились в этой келлии?” “Да, — говорит, — с самого начала”. — “Окна эти наглухо вы забили?” “Я”, — говорит. Я говорю ему: “Это для того, чтоб меньше света было в келлии?” “Да, — говорит, — я так люблю. Когда нужно больше света, то дверь отворяю”. Я говорю ему: “Мне самому так нравится, меньше рассеянности”. Он говорит: “Я свою келлию люблю. Где ни бываю, а все в свою келлию больше тянет”. Я говорю: “А вот у меня в фотографии, батюшка, и не были”. Он говорит: “А ты почему не пригласил? Я с любовью пошел бы!” Я говорю ему: “Мне очень желалось, чтоб вы посетили новую фотографию, да здоровье ваше очень слабое”. “Пустяки, — говорит, — если б пригласил, я не посмотрел бы на здоровье”.

Когда мы так разговаривали, в это время ему из внутренней двери как будто кто-то что-то сказал. Он оборотился ко мне и говорит: “Иди сюда к нам, закусишь с нами”. Я взошел как будто со стеснением, но внутри чувствовал удовольствие. Потом он говорит: “Что ж, давайте садиться”. И сейчас сам сел. Мне против себя показал место и говорит: “Садись”. Я сел. Смотрю — по правую сторону от меня сидят три старичка в рясах и наметках. Двух из них я сейчас узнал, ибо в первый раз во сне с батюшкой их видел, а третий — новый и недавно как будто в монастыре живет.

Когда сели, батюшка берет что-то похожее на печенье, продолговатой формы, толще большого пальца, снаружи светло-желтоватое, а внутри — чрезвычайно белое и пушистое. Начинает ломать понемногу и дает первому от меня. Тот принял и сделал батюшке земной поклон, не вставая на ноги. Потом ломает другой кусочек, подает ему же, чтобы передал мне. Тот берет и подает мне, я же остановил его, говорю: “Постойте, надо сделать поклон батюшке”. И, приблизившись, поклонился, как и первый, и хотел поцеловать руку, а он обнял меня и стал крестообразно в плечи целовать, а я его, только с каким-то благоговением и как будто стеснялся несколько. Потом сбоку от меня сидевший тоже стал со мной в плечи целоваться, да никак не достает до плеч и говорит: “Какой-то ты недосягаемый, ты превзошел нас”. Слова эти меня встревожили, чтобы не пострадать от высокоумия, и я мысленно обратился ко Господу и со слезами стал молиться: “Господи, сохрани меня от возношения и гордости”.

После сего не помню уже, как все это кончилось. Сидели прямо на полу, который был чем-то застлан. Батюшка сидел к востоку спиною, с открытой головою, три монаха — спинами на полдень, а я — на запад спиною, лицом прямо к батюшке. Монахов этих забыл, а только они живы и находятся в монастыре. Не помню, был ли еще кто в это время в келлии. Пока это продолжалось, на сердце было очень приятно»¹.

«Иеромонах Поликарп видел во сне отца Иеронима в 1888 году, в октябре, за неделю до крушения царского поезда на станции Борки. Отец Иероним стоял около входа в Пантелеимоновский собор и манил к себе рукой сего иеромонаха Поликарпа, и когда тот подошел, то сказал ему: “Почему вы не молитесь за царя (Александра III)?” Иеромонах Поликарп ответил ему, что в церкви постоянно читается за царя молитва на Литургии. “Но почему не читают на Крумице? Скажи, чтобы читали и там. Да пусть братия и по келлиям молятся, ибо такого царя не будет”.

Когда получена чрез неделю после сего телеграмма, что Господь спас царя и все семейство чудным образом, то игумен Макарий пред молебном, после соборной Литургии, вышел на амвон и прочел сию телеграмму, сказал же и видение иеромонаха Поликарпа, чтобы по келлиям молились за царя, как приказал отец Иероним. На Крумице по справке действительно оказалось, что молитву за царя не читали»².

«Один из братии неоднократно видел во сне отца Иеронима в сильных безнадежных своих болезнях и трудных обстоятельствах, и после получения от отца Иеронима благословения болезни проходили и трудные обстоятельства изменялись в благоприятные, как бы их не бывало вовсе.

Однажды он сильно заболел и вот видит во сне — входит к нему отец Иероним, а за ним и отец Макарий, оба его благословили, и он тотчас стал поправляться, а вскоре и совсем выздоровел. Этот случай потряс все братство»³.

«За три дня до кончины отца Макария монах Исаак видел во сне, что отец Макарий служил в Успенской церкви, а он читал часы, и когда читал тропарь дневному святому, то вдруг подошел к нему отец Иероним и велит читать тропарь Успению Божией Матери, но

¹ Запись в «Большом сборнике».

² Запись в «Малом сборнике».

³ Там же.

Одинъ изъ братіи неоднократно видѣлъ
во снѣ о. Геронима - въ снѣныхъ безнадеж-
ныхъ своихъ болѣзняхъ и трудныхъ об-
стоятельствахъ, и послѣ полученія
отъ о. Геронима дѣлаго словенія, болѣзни
проходили и трудныя обстоятельства
измѣнялись въ благопріятныя, какъ бы-
шь все бывало вѣсѣ.

Запись в «Малом сборнике»

отец Исаак говорит: “Полагается святому”. Отец Иероним опять на-
стаивает, чтобы успенский тропарь читал, тогда отец Исаак как бы
с недовольствомъ сказал: “Батюшка, да разве я не знаю, что надо
читать?” И отец Иероним стал невидим. Чрез три дня действительно
отец Макарий последнюю Литургию прослужил в сей Успен-
ской церкви и не успел еще разоблачиться за благодарными молит-
вами после Причащения, потерял сознание и уснул вечным сном»¹.

«Отец Иероним скончался в 1885 году, ноября 14-го, а отец Мака-
рий умер 1889 года, июня 19-го. Так вот, за неделю до его кончины
видел один иеромонах таковой сон. Ему представилось, что отец
Иероним стоял и молился, тут же стоял великий столп. Смотрев-
ший же иеромонах тоже поднялся до уровня столпа, и тогда отец
Иероним кончил молитву. Иеромонах спросил его, о чем он так
усердно молился. “Да вот просил Господа, чтобы столп этот не
упал”, — ответил отец Иероним. “И что же вы получили в от-
вет?” — “Нет, пусть накажутся”. И с сим словом столп рухнул на
весь монастырь с сильным треском и громом, так что кирпичи валя-
лись по всему монастырю. Столп этот был отец Макарий, который
вскоре и скончался. И действительно, смерть его была преждевре-
менной и наказанием обители»².

¹ Запись в «Малом сборнике».

² Там же.

Отец Иероним перед смертью завещал не откапывать его пять лет. Почему он так пожелал, осталось тайной, что дало повод ко многим догадкам тогда (в дневниках отца Владимира 1890-х годов есть запись, что прозорливый отец Мелхиседек с Фиваиды говорил, что старцы не свободны, пока живы бунтовщики, изгнанные в 1875 году).

При жизни отец Иероним сказал, что ему придется после смерти пострадать лет десять не столько за себя, сколько за других. Перед смертью, терпя страшные, болезненные мучения, он говорил: «Вероятно, диавол выпросил у Бога такие мне болезни за мои грехи и за чужие», а в завещании убедительно просил молиться за него.

Будучи любвеобильным и имея дерзновение у Бога, старец не только, как духовник, прощал и разрешал грехи, но многих своих чад освобождал от грехов, брал их грехи на себя, как видно из истории спасения брата, которого он освободил от гнетущей власти диавола и дерзнул дать ему от имени Господа Бога десять лет жизни спокойной и безмятежной в полное его распоряжение. Конечно, за чужие грехи он держал ответ. Может, это грехи и наши, и всех его последователей, не сохранивших его заветов. За всех он взял ответ на себя пред Богом — как Моисей, встал за свой народ и сказал Господу: «Прости им грех их или и меня изгладь из книги Твоей, в которую Ты вписал» (ср.: Исх. 32, 32). За всех он уплатил правосудию Божию. Может, ради этого и сохраняется Пантелеимонова

Русский на Афоне Свято-Пантелеимонов монастырь. Фотография 1998 г.

обитель, когда-то славная и возвеличенная отцом Иеронимом, ныне наполовину разоренная, запустелая, беззащитная. Нынешняя малочисленная братия надеется, что по молитвам старца Иеронима для возрождения обители Господь снова воздвигнет подобного ему подвижника — ревностного исполнителя заповедей Божиих и старческих завещаний.

Отец Макарий, вероятно, провидел, что после смерти старца не проживет пяти лет. За год до своей кончины он приготовил себе могилу у стены Пантелеимоновского собора с южной стороны, против клироса, так как игуменская могила, находившаяся рядом, у алтаря, была еще занята останками отца Иеронима.

19 июня 1890 года, в день годовщины смерти отца Макария, был совершен умильный обряд открытия по обычаю Святой Горы костей иеросхимонаха Иеронима и иеросхидиакона Илариона (скончавшегося в 1886 году). Это торжество возглавил находившийся на покое на Святой Горе бывший Вселенский патриарх Иоаким III.

По захождении солнца началось всенощное бдение. В Пантелеимоновском соборе, где присутствовал и святейший патриарх, служба была положена дневному святому — апостолу Иуде, брату Господню, а в соборе Покрова Пресвятой Богородицы совершалась служба заупокойная за трех старцев: отца Макария, отца Иеронима и отца Илариона — с прибавлением общей службы преподобным отцам Макарию Великому, Иерониму Стридонскому и Илариону Великому, чьи имена носили почившие старцы.

Божественная Литургия совершалась соборно в обоих храмах. Святейший патриарх служил в соборе святого Пантелеимона. На великом входе при принятии Святых Даров патриарх преклонил колена и помянул почивших старцев. После Литургии совершена была панихида, в конце которой его святейшество со всем собором священнослужителей вышли на могилу отца архимандрита Макария. На могиле этой стояли две кошницы с костями старцев отца Иеронима и отца Илариона, еще накануне вынутыми из земли и обмытыми церковным вином. Святейший патриарх преклонил колена и с заметным умилением прочитал молитву за усопших, после чего греками и русскими пропета была *Вечная память*. И тем закончилось богослужение этого знаменательного дня¹.

¹ События этого дня приведены по краткому сообщению «Душеполезного собеседника» (1890. Вып. 9. С. 275). Несмотря на то, что завещание старца было выполнено неточно и могила была открыта на полгода раньше указанного срока, его честная глава, вынутая в тот день, оказалась желтой и благодатной (в таком виде она и сохраняется в монастырской ризнице).

Игуменская могила у алтаря Пантелеимоновского собора, в которой был похоронен отец Иероним. Фотография 2000 г.

«Один молодой монах размышлял: “Какой это подвижник бывший игумен отец Макарий? Разве может быть прямо от торговли игумен? Вероятно, за деньги свои, ибо был богат. Да и отец Иероним тоже из купцов. Ну какие они подвижники!” Еще скорбел, что царя нет теперь в России, а между тем жида захватили в свои руки власть, так что и распоряжаются всем. Также вот и сюда хотят привезти много раненых, и за ними будут ухаживать сестры милосердия. А вот царь-то не допустил бы этого. Размышляя так с четками, однако ж читая Иисусову молитву, задремал и видит перед собою стоящих отца Иеронима полуоборотом к себе и отца Макария напротив него. Отец Иероним и говорит: “Вот тут мальчишки толкуют, что отец Макарий не подвижник. Напротив, он большой подвижник и в миру еще был, да и здесь тоже. Еще говорят, что приедут сюда женщины. Царица Небесная не допустит сюда женщин. Ничего не будет, и царь опять будет царем”.

Подтверждение предыдущего. Один больной пустынный после известия об отречении царя от престола сильно плакал о состоянии России. В это время слышит, кто-то говорит: “Что ты так скорбишь? Царь опять будет, как и был царь!”»¹

«Монах Лев (в миру Лаврентий), прибыв на Афон, долгое время просил принять его в число братства, но игумен Макарий отсылал его домой, так как у него осталась жена. У него был хороший голос, и он ходил на клирос петь. Более полугода он уже прожил, но согласия не получил на принятие его. Он стал сильно скорбеть и молиться Божией Матери, прося Ее принять его. Однажды он, помолившись, лег и заснул. Во сне ему представилось, что он идет к поздней Литургии. Около последней лестницы встретился с духовником Иеронимом, которого и стал просить о принятии своем в монастырь. Духовник Иероним ответил, что он поговорит с игуменом Макарием о сем, а затем благословил его. И когда Лаврентий хотел было поцеловать его руку, то вдруг явилась Некая благолепная Жена и положила Свою руку на руку духовника Иеронима, сказав: “Мою руку целуй. Отцу Иерониму Бог дал только сей монастырь, а Мне — всю окрестность”. Сказав сие, Она пошла в церковь. За Ней пошли духовник Иероним и Лаврентий.

Взошедши в Покровский собор, Лаврентий стал присматриваться, где стоит Сия Жена, и сожалел о том, что поцеловал руку у Женщины. Но Она, смотрит он, стала подходить к нему от местной в иконостасе иконы Божией Матери и, подошедши к нему, сказала

¹ Запись в «Малом сборнике».

[пропуск в тексте]. Только Она это сказала Лаврентию, как ударили к поздней Литургии, и он встал, пошел в собор. После же Литургии он пошел к отцу Макарию еще попроситься. Отец Макарий только спросил его: “А что твоя благоверная?” “Да она поступила в женский монастырь”, — ответил он. Тогда он благословил ему одежду.

Чрез несколько времени отец Лев был в Царьграде певчим в посылстве, а жена его в это время вздумала выходить из монастыря и написала ему, чтобы и он вышел и приехал к ней, о чем он и написал игумену Макарию. Отец Макарий написал ему, чтобы он поехал к ней и уговорил бы ее. Он стал укладываться в дорогу, но в последний момент, когда оставалось только сесть на пароход, он внезапно получил от игумении телеграмму, что жена его скончалась скоротечно. Так эта поездка и не состоялась. Он по окончании послушания приехал в обитель и мирно отошел ко Господу»¹.

«Старцы Иероним и Макарий и после смерти заботились о своей обители, являясь часто во сне разным чадам своим, любящим их и творящим о них память. Однажды отец Макарий во сне посылал в Солунь на послушание одного монаха, дав на дорогу ему полный кошелечек золотых монет. Также и отец Иероним собиравшемуся в дорогу на послушание во сне дал монету со словами: “На-ка тебе!” Тот же, получив, пошел к себе и смотрит: сия монета превратилась в полную горсть золотых монет святыми молитвами отца Иеронима. Одному монаху, пребывавшему в скорби, явился во сне отец Макарий в пасхальной белой с цветами ризе, благословил его и поцеловал в голову. Он, проснувшись, почувствовал, что боль у него внутри утихла, и он потом совсем выздоровел. И так являлся во сне неоднократно сему монаху и исцелял его от сильных приступов болезни и в скорбях. В одной сильной скорби он даже исповедовал его во сне, прочитал разрешительную молитву и сам даже попросил у того прощения, но при сем отец Макарий сильно плакал.

В 1913 году, во время бунта в монастыре², сей монах получил благословение от отца Иеронима и отца Макария как бы в знак, что вскоре обитель успокоится. Ибо в Москве одна бесноватая кричала в часовне, что это они (бесы) заварили у нас в обители кашу и что если бы не заступление Царицы Небесной, то они и не то бы сделали. Но Господь за молитвы Пречистыя Своея Матери и молитвенников наших отца Иеронима и отца Макария помиловал и сохранил обитель»³.

¹ Запись в «Малом сборнике».

² О событиях 1913 года см.: «Великая стража». Кн. 3.

³ Запись в «Малом сборнике».

Часть вторая

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
ИЕРОСХИМОНАХА
ИЕРОНИМА

Его устами говорит Сам Бог.

*Братия о старце-духовнике
Иерониме*

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Во имя Пресвятыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Прошу и молю отцов и братьев моих обратить внимание ваше на мою последнюю предсмертную просьбу, соединенную с великим моим желанием утверждения навеки общего нашего спасения, заключающегося в благоугождении Богу сохранением совершенного общежития, устроенного старцами в нашей обители по правилам богоносных наших отцов. Так как конец жизни моей приближается с вами к разлучению и отходу моему в вечность, потому, внявши совету отцов, я счел за душеполезное дело как для братьев наших, так и для меня самого, чтобы написать вам, отцам и братьям моим, своеручно последнее мое писание и заявить вам предсмертное мое желание и смиренное мое старческое прошение, которое состоит в том: так как Божественноотеческий Промысл Божий благоволил для славы Своей собрать вас из разных племен великое число: русских, греков, болгар и других — в эту святую обитель, которую соблаговолил Он прославить и во всем благоустроить в евангельском духе строгого общежития, в боголюбезном братолюбии разных племен, то для такого благоугодного Ему жития Он, как Бог чудес, прославляющийся оными во святых Своих, благоволил для славы Своей и утешения Православной Церкви Своей, вместе и обители нашей, явить чрез Пресвятую Божию Матерь и святого Пантелеимона многие чудеса, которые были причиною скорого увеличения нашей обители и ее прославления, что положило прочное основание к обеспечению обители и в вещественном потребном к безбедному ее существованию на будущее время.

Вам известно, как долго испытывал Господь обитель нашу великою бедностью и даже тяжкими долгами, ибо до Крымской войны обитель наша не имела состояния раздавать милостыню бедным, но когда в то бедственное время обитель наша с полным самоотвержением решила поделиться с голодавшими сиромашами последним своим хлебом, то с того времени замечено было, что из всех стран России начала присылаться в обитель изобильная милостыня, при помощи которой в то

бедственное время обитель наша не имела нужды в содержании, но еще многих бедных пропитывала. Столь боголюбезна добродетель общения и благотворения.

Но не за это, собственно, Господь ущедрил обитель нашу, а за понуждение ее ко исполнению обетов монашеских общежительных, приносящих Богу ежедневно и ежечасно плоды духовные. Эта истина для вас очевидная. Еще многие из вас живы, которые видели и помнят то время, когда обитель наша была малочисленна и очень бедна, во всем имела нужду, даже и одних процентов за долги не имела чем уплачивать, но еще увеличивала оные постоянными займами. Но при всей своей бедности обитель не унывала, не падала духом, но веровала и уповала, что за исполнение заповедей Божиих общежительных она оставлена Богом не будет в нищете на долгое время, и действительно она постоянно увеличивалась и устраивалась как духовно, так и вещественно, исполняя строго богоучрежденный ее устав. Ибо, чем более увеличивались в обители плоды духовные, как-то: братолюбие, воздержание, частая исповедь и приобщение Святых Таин, смирение и послушание, понуждение ко бдениям и прочим добродетелям, тем более Бог посылал обители щедроты Свои духовные и телесные. Даже многократно Господь чудесно избавлял обитель нашу от великих и страшных бед. А все это даровано было Богом обители за сохранение ею совершенного общежития. А так как все это было при вас, отцы, потому я выше и сказал, что эта истина есть для вас очевидная.

Так, боголюбезные отцы и братия мои, избранники Божии, получивши от Бога такие благодатные задатки и указания к благоугождению Ему в святом, то есть в совершенном и чистом, общежитии, понудим же себя и впредь навсегда ко исполнению и сохранению положенного и уже устроенного Богом в нашей обители общежительного устава, которым путеводились и спасались святые наши отцы. Сей святой устав учрежден весь на основании святого Евангелия богоносными отцами, а наиболее святителем Василием Великим. История показывает, что исполнение сего общежительного устава древними монастырями было полезно и всей Православной Церкви, ибо таким образом они увеличивали славу Православия и поддерживали честь и хвалу

монашества, обеспечивали тем долготее свое существование. Даже и в настоящее время видим, что, которая обитель исполняет этот устав, та находится в хорошем благоустроении и во славе и чести для всего монашества. Напротив того, видим, что, которые монастыри оставили богоугодный чин общежития, все расстроились, унизили своеволием равноангельную монашескую нравственность и тем уронили пред Церковью честь монашества, а многие из них и вовсе уничтожились. И так история и очевидные примеры показывают нам опытный урок тот, что одно только средство находится к утверждению благоустроенного и прочного существования обители до скончания мира. Это средство есть исполнение богоустроенного ее устава. Повторяю: это только одно есть благодатное средство, которое может прославить Бога и обитель и сохранить и спасти ее от всех страстных тревожений и конечного ее разрушения до конца мира. А одно обеспечение вещественное всегда бывало ложно. Потому и я, умирающий ваш духовный отец, вседушевно желающий обители нашей и впредь находиться во благоустроении истинного общежития, прошу и умоляю вас, отцы мои и братья, хранить богодарованный вам великий дар чистого общежития, не нарушать его ничем, но наипаче ревнуйте вообще все поддерживать его всеми вашими силами, ибо в настоящее время чистое общежитие есть уже большая редкость.

Паче всего храните старчество, ибо оно устроено примером Самого Господа нашего Иисуса Христа. Без старчества совершенное общежитие не может быть, потому что многоначалие своими разделениями на партии всегда расстраивает общежитие. Особые дружества и партии смотрят только свою пользу, а не общую, потому они и за грех не считают великий грех святотатства и похищение монастырских достояний, пренебрегая страшным примером суда Божия, при апостолах бывшего над Ананией за нарушение общежития. Прошу не внимать возгласам зараженных современным духом неверия и расслабления, которые в братстве проводят такие мысли, что-де в настоящее время люди стали слабы и немощны, а потому и правила святителя Василия теперь уже не современны. Если этой лжи поверить, в таком случае и само святое Евангелие также будет уже не современно, потому что правила общежития утверждаются

на основании святого Евангелия, которого одна черта или иота не изменяется. А посему так говорящие показывают свое неведение христианской истории, потому что и в те времена, когда жили составители сего устава, много было таковых же маловеров и расслабленных ложных монахов, которые то же говорили, но таковых святые отцы советуют нам не называть даже и монахами и жилища их не называть монастырями. А потому, отцы и братия мои, вы, как избранники Божии, сохраняющие святой устав совершенного общежития, ревнуйте о славе Божией и всеми вашими силами единодушно старайтесь не допускать в общежитии никаких разделений братства на партии, как подрывающие основание общежития, но смотреть на общежитие как на Церковь Христову, имеющую единую главу — Христа, ибо в лице Его в общежитии поставлен от Него игумен, которому по правилам святых отцов братство должно повиноваться, как Самому Иисусу Христу, и во всем ему доверять. В общежитии он есть и главный духовный отец, потому надобно все делать с вопросом и советом его, ничего не утаивать от него, ибо такая есть воля Божия в общежитии.

Вот, боголюбезные отцы мои и братия, последнее мое желание: чтобы вы в любви, в единодушии и единомыслии твердо держали общежитие и, с усердием исполняя все правила его, спасались бы все и тем прославляли бы Бога, особенно благоприятным Ему поминовением имен благодетелей обители, записанных в синодики для вечного их поминовения. Они с христианскою верою это делали, уповая, что обитель исполнит святое свое обязательство, то есть будет постоянно поминать до скончания мира все те имена, за которые дана ими обители святая их жертва, послужившая большою помощью не только к построению великих зданий монастыря, к увеличению его и содержанию, но еще и к обеспечению для потомства имен жертвователей, записанных для вечного поминовения их, дабы потомки наши не имели причины порицать нас в том, что мы оставили им имена для вечного поминовения без обеспечения. Богопросвещенное общество наше знает, что исполнение этой святой обязанности есть один великий дар или луч из тех лучей света, который просвещается в обители пред человеки, прославляющими за то Бога, ибо для сего вы и призваны Им

в сию святую обитель, что и мне, грешному советнику вашему, сотворит вечную пользу; еже и да будет благодатию Божиею, молитвами Пресвятыя Богородицы и святого Пантелеимона, Которых и молю о продолжении покровительства Их обители и сохранении святого общежительного совершенного устава до скончания мира. При сем и остаюсь, отходящий в вечность, алчущий и жаждущий исполнения вами при помощи благодати предсмертного моего желания, преданного мною вам на сей хартии, писанного мною своеручно во славу Божию и спасение душам вашим.

Ваш духовный отец недостойный *иеросхимонах Иероним*.
1882 года, апреля.

Все сказанное старцем и отцом нашим духовным принимаем с сыновнею любовью и покорностию, сознавая истину и высокое значение сего завещания, с желанием, уповая на всеильную помощь Божию, выполнять его в точности и с несомненною верою, что в этой последней воле отца нашего духовного есть воля Отца Небесного.

Игумен Русского святого великомученика и целителя Пантелеимона монастыря *архимандрит Макарий*.

Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря *иеросхимонах Иерон*.

(Далее следуют 88 подписей старших братьев.)

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ КЕЛЕЙНЫЕ ЗАПИСКИ

Рассказ о схимонахе Никодиме

Мирское имя отца Никодима — Николай Иванов Санин. Родом он из Смоленской губернии, города Сычевки, из мещанского сословия, православного исповедания, был женат. С детства он жил в самом городе при родителях и занимался мелочною торговлею, а потом переместился в Петербург, где сделался полотором, а впоследствии сделался хозяином и имел свою артель. Наживал деньги успешно, но в семье не был счастлив, с женою своею жил не в ладу, так как она не хранила ему супружеской верности. Это огорчало Санина до крайности, с досады он и сам иногда с мастеровыми предавался разгульной жизни, но совесть не оставляла его в покое, внушала ему, что он во время скорби должен бы искать утешения от Бога, а не от плотоугодия и что рано или поздно, а ему не избежать смерти и суда Божия. Таковые и подобные этим обличения совести мало-помалу начали приводить Санина к исправлению жизни. Он начал вспоминать о смерти и суде Божием, стал бояться, как бы не умереть без покаяния, что и побудило его на добрые дела. Он начал щедро подавать милостыню, ходить в церковь, читать священные книги, посещать святые места, ходил в Иерусалим. По возвращении оттуда решился вовсе оставить мир и удалиться на Святую Афонскую Гору, дабы там в покаянии провести остаток дней своих. С женою Санина с этого времени также сделалась перемена: она, оставив прежнюю жизнь, стала тоже заботиться о спасении души, и когда Николай предложил ей отпустить его в монастырь, то она сему нисколько не воспротивилась и даже сама пожелала по примеру его идти в женский монастырь.

Решившись посвятить себя монашеской жизни, Николай в 1846 году прибыл в Русик, в коем был принят в число русского братства. Сначала он исполнял разные послушания, хотя с ревностью и усердием, но просто, не обращая внимания на внутреннее свое состояние. Когда же было ему объяснено, что при упражнении тела во внешнем послушании необходимо должно и умом упражняться во внутреннем послушании совести, тогда Николай стал более прежнего внимать себе, а по принятии монашества с именем Никодим стал жить еще строже, обуздывая язык и чрево.

Духовник, видя в нем особое к себе доверие, и простоту, и решительную готовность к послушанию, вознамерился приблизить его

к себе. Взявши благословение у отца игумена, духовник принял отца Никодима к себе в келейники. При этом послушании отец Никодим еще исполнял следующие должности: эконома, рухольного, будильщика и архондаричного (гостинника). При таких многозаботливых внешних занятиях отец Никодим показал себя и достойным подвижником. Исполнение стольких беспокойных должностей не помешало ему усовершенствоваться в духовной жизни, все внешние препятствия он побеждал детскою евангельскою верою и послушанием и стяжал такие высокие добродетели, которые и в уединенной жизни и с большим трудом не всегда приобретаются даже людьми. более способными к самонаблюдению, нежели отец Никодим, который был очень прост и несведущ в Священном Писании. Но этот недостаток он восполнял в себе, как выше сказано, верою и послушанием.

Опытные знают различие браней вблизи предметов, возбуждающих страсти, и вдали от них, иное дело — побеждать страсти в уединении, а иное — в общежитии. Да и в общежитии неравные трудности в борьбе со страстями по причине разных должностей и занятий; иное дело — хранить мирное состояние духа сидящему с рукоделием в келлии, а иное — находящемуся на должности при исправлении разных общих нужд. Для последнего потребен сугубый труд.

Отец Никодим, принявши на себя четыре соединенные должности, вначале встретил большие препятствия к исполнению оных со стороны своих мирских привычек. Живши в миру, он привык много есть и пить и спать безвременно, а также празднословить. Но как побегать эти привычки, имея все пред глазами и в своих руках? Не зная, что делать, он спросил духовника, как ему в таком случае поступать, с чего начать? Духовник посоветовал ему начать с исполнения заповеди: *С советом вся твори* (Сир. 32, 21), то есть обо всем рассказывать духовнику — как о худом, так и о добром. И если когда-либо придет ему какая-нибудь добрая мысль сделать что против своей мирской привычки, не приводил бы ее в исполнение, пока не скажет прежде о том духовнику, и чтобы начал искоренять привычки свои не разом, а мало-помалу и не иначе, как с совета духовника.

С того времени отец Никодим обо всем рассказывал духовнику и без его совета ничего не делал. Он мог о себе сказать: *Уготовихся и не смутихся сохранить заповеди Твоя* (Пс. 118, 60), потому что все сказанное от духовника принимал с несомненною верою, а потому и силен был исполнять приказанное.

В мирской жизни отец Никодим любил пить вино, поэтому духовник, снисходя к немощи его, не запрещал ему пить вино и в монастыре, только немного. Но и это небольшое несколько вредило ему, потому что он был косноязычен и заика и не без затруднения беседовал с другими, а, когда хотя немного выпивал красного вина, тогда еще более затруднялся в разговоре. Однажды духовник, вышедши из трапезы и увидав отца Никодима, разговаривающего с другими, сказал ему: «Отец Никодим, я говорил тебе, что для тебя бесполезно наравне с другими пить вино, ты должен пить его меньше других вполтину, потому что, и не пивши вина, ты объясняешься так худо, что поклонники, не зная причины сему, соблазняются, думая, что ты пьян». Отец Никодим, поклонившись, отвечал: «Простите, батюшка, с того времени, как вы мне приказали, я так и делаю: пью вино против других вполтину меньше, но и это мешает мне, и я желал бы вовсе не пить его, но сам не смел сего сделать. Отселе не благословите ли мне вовсе оставить вино?» Духовник отвечал: «Бог благословит». С того времени отец Никодим не пил ничего хмельного до смерти своей.

Многосложная должность его требовала частого объяснения с духовником, потому духовник назначил время для беседы с ним ввечеру после повечерия. В это время он обыкновенно передавал духовнику все, что имел на совести, и спрашивал, что ему было нужно.

Однажды, беседуя с духовником, между прочим он спросил: «Святые отцы советуют, определившись в монастырь, стараться приобрести ежедневные побудительные слезы. Скажи мне, отче, могу ли я приобрести их?» Духовник отвечал ему: «Почему не можно тебе приобрести их?» Никодим отвечал духовнику: «По причине многосложной и беспокойной моей должности». Духовник сказал ему: «Если ты думаешь, что многопопечительная должность служит препятствием к получению высоких даров Божиих, то ты этим уничижаешь благодать Божию, которая всемогуща. Ты веруешь ли, что Христос силен даровать тебе то, что ты желаешь получить от Него?» Отец Никодим отвечал: «Верую, отче, что Господь силен дать мне желаемое мною». И, поклонившись, прибавил: «Благослови мне этого домогаться». Духовник отвечал: «Бог да благословит и по вере твоей дарует тебе».

С этого времени отец Никодим тщательно понуждал себя, чтобы ежедневно плакать, и встречавшиеся к тому препятствия он устранял или побеждал. Зная по опыту, что многоядение иссушает слезы, чтобы победить это препятствие, он оставил сперва сладкие снеди,

а потом и от обыкновенных воздерживался, а по пятницам и вовсе не ел. Спал на земле, вместо подушки имел камень, покрытый полотном. Чтобы не побеждаться празднословием и гневом, держал камень во рту. Все это он делал по совету духовника и другим никому о сем не открывал. Для молитвы он не имел свободного времени по причине должности своей; впрочем, сколько имел свободного времени, проводил оное в усердной молитве. Нередко случалось ему молиться до последних сил своих, так что, сделав земной поклон, он засыпал в этом положении и весьма утешался, проснувшись в подобном молитвенном подвиге, такая молитва ему очень нравилась. Братия, не зная причины молчания его, говорили: «Наш отец Никодим от старости сделался глух и молчалив». Впрочем, некоторые постигали духовную его настроенность, особенно покойный Святогорец и отец Григорий (Лисянский)¹, который очень уважал отца Никодима и нередко говорил о нем, что отец Никодим — старец редкий как послушанием и терпением, так и молчанием.

Отец Никодим еще отличался и примерною простотою. Когда вышеупомянутый отец Григорий, долго страдавший чахоткою, наконец тяжко заболел, слег в постель, тогда духовник приказал Никодиму смотреть за больным и строго наблюдать, чтобы он не умер без присмотра. Отец Григорий был примерный монах, любитель умной молитвы, потому отец Никодим более других уважал его и хотел при кончине его жизни сам послужить ему (тем более что келлия отца Григория была близ келлии отца Никодима), но затруднялся тем, что ему по его послушанию нужно было часто отлучаться от больного, и он боялся, чтобы тот в это время не умер. Впрочем, из такого затруднения вывел отца Никодима простота его. Пришедши к отцу Григорию и объяснив ему свое затруднение, отец Никодим просил его, чтобы он сказал ему, когда будет умирать. Отец Григорий с подобною же простотою и уверенностью отвечал ему: «Не беспокойся, отец мой, когда я буду умирать, тогда об этом скажу тебе». И действительно, по прошествии нескольких дней он сказал сидевшему при нем отцу Никодиму: «Вот, отче, я скоро умру». Отец Никодим спросил у него, почему он это знает. Больной отвечал ему: «Разве ты, отче, не видишь, вот уже пришли за мною двое и сказали мне: “Пойдем домой”?» Отец Никодим торопливо начал спрашивать его: «Где они, где они? Я не вижу их!» Григорий, давши ему рукою знак, сказал: «Молчи, молчи, я там

¹ Сын известного [капитана] Юрия Федоровича Лисянского (1773—1837), в 1803—1806 годах совершившего кругосветное плавание.

тебе скажу». И вслед за этими словами мирно окончил свою страдальческую жизнь.

Один из русских безмолвников, живший на Капсале, именем Анастасий прихаживал в Русский монастырь к духовнику для исповеди. Отцу Никодиму было приказано принимать его. Однажды духовник сказал отцу Никодиму, чтоб он поболее обращал внимание свое на этого старца и, чем только может, утешал бы его, потому что этот старец достиг высокого устройства духовного и «может помогать нам своими молитвами в усовершенствовании духовной нашей жизни». Выслушав это, отец Никодим наклонил голову к груди и после минутного молчания, поклонившись до земли, спросил с заметным умилением: «Можно ли, батюшка, мне узнать, в чем состоит это высокое устройство духовного старца отца Анастасия?» Духовник отвечал ему: «Можно и полезно будет открыть тебе о его добродетелях для поощрения твоего». Потом духовник рассказал ему о подвига старца Анастасия, о его посте и нестяжательности, о том, что он несколько лет прилежно понуждал себя к слезам, за что Бог даровал ему высокий дар слез в его волю, и он, когда только захочет поплакать, тогда и плачет, а это все происходило от послушания его к духовному отцу, без совета которого ничего не делал.

Выслушав это, отец Никодим пришел в восторг, пленился высоким даром свободных слез, упал в ноги духовнику и со страхом спросил: «Мне, батюшка, можно ли домогаться этого?» «Почему же не можно?» — отвечал ему духовник. «А долго терпеть мне?» — сказал отец Никодим. «А ты опять за маловерие берешься! — возразил ему духовник. — Я и прежде говорил тебе, что исполнение должностей не препятствует восходить к совершенству христианскому, а маловерием нашим мы унижаем благодать Божию, которая всемогуща и вседействующа, а потому, без сомнения, может и при рассеянных и беспокойных должностях даровать то, чего мы с верою просим у Бога. Ты веруешь ли, что Господь может дать тебе этот дар?» При этих словах отец Никодим, со слезами опять поклонившись до земли, сказал: «Верую, отче, что Господь силен и может даровать мне этот дар твоими святыми молитвами». Духовник на это сказал ему: «Итак, если веруешь, то Бог благословит тебя, по реченному им: *Ищите и обрящете, ищай обретает, и толкующему отверзется* (Мф. 7, 7—8)». И, дав ему благословение, отпустил его.

После этой беседы у отца Никодима начал увеличиваться страх Божий, потому он часто беседовал с духовником более о вечных

мучениях, иногда выражал свой ужас, как он будет умирать, как он будет проходить мытарства бесовские, боялся, как бы бесы не задержали его на мытарствах своих за многие грехи, содеянные им в мире, нередко говорил: «Боюсь бесов, как бы они меня в час смертный не привели в отчаяние. Говорят, что они всеми силами своими нападают на человека умирающего, напоминают ему все грехи, обличают его, ужасно кричат и вопят: “Наша душа, мы ее возьмем себе” и тому подобное. Что в таком случае делать надобно? Как и чем отбиваться от них? Я думаю, что в это время от страха и ужаса умирающий человек как бы изумится и оцепенеет».

На эти вопросы отца Никодима духовник сказал ему следующее: «Надобно заблаговременно заботиться и часто размышлять об этом. Многие из святых отцов во всю жизнь свою более проводили время в размышлении о смерти, и само слово Божие поучает нас помнить последняя наша (см.: Сир. 7, 39). Надобно обращать особенное внимание на стих молитвы церковной и этим стихом почаще молиться Господу: *“Христианския кончины живота нашего безболезненны, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном судищи Христове* просим у Тебе, Отче Господа нашего Иисуса Христа, просим ради Его пресвятого имени”. Всякий же грех свой должны исповедовать духовному отцу и о нем скорбеть, плакать и советоваться почаще с духовником, как лучше приготовить себя к смерти, и заблаговременно необходимо предобучаться, как в страшный тот час смертный бороться с бесами и спорить, как им противоречить и не верить клеветам их, не бояться угроз их и совершенно не принимать отчаяния, которое они обыкновенно внушают умирающему. И прежде смерти бесы стараются внушать болящему сомнение о спасении и неверие в получение милости Божией, принося такие мысли: “Вот, ты не спасешься, тебя Бог не примет, ты многогрешный, плодов достойных покаяния ты не сотворил, ты нечисто исповедовал грехи свои, а многие вовсе забыл, а потому ты в ад пойдешь. Тебя Бог не простит, ты лицемерно жизнь свою прожил, и часть твоя — в аде, а может быть, ты и предопределен к гибели”. Таковые и подобные им мысли враги наши внушают нам и пред смертью, и в час нашей смерти, и потому надобно заблаговременно обучить себя в таинстве веры, утверждаться в вере в заслуги Господа нашего Иисуса Христа и вседушно полагаться на них. Он за нас воплотился, пострадал, кровь Свою пролил и на Кресте умер и верующим в него и кающимся в грехах своих дарует прощение и вводит в жизнь вечную — блаженную. Вот основание нашего спасения. На этом твердом основании и нужно нам утверж-

даться всегда, и особенно во время часа смертного, на этом стоять, этим защищаться от нападений врагов, этим отгонять их от себя, этим успокаивать и утешать, этим только одним, потому что если б кто и имел и многие добрые дела, то надеяться на них не должно, ибо Сам Господь сказал: *Аще и вся повеленная вам сотворите, и тогда глаголите, яко раби неключими есмы* (Лк. 17, 10). Как бы грехи наши ни были велики и сколько бы их ни было, мы отчаиваться в получении милости Божией не должны; слово Божие уверяет нас, что несть грех, побеждающий милосердие Божие. Отчаяние рождается от гордости, потому что, предавшись ей, человек обвиняет Бога, как будто Бог [является] причиною его грехов (якобы Он его сотворил склонным ко греху), и потому не смиряется, не просит прощения у Бога, но гневается на Бога. А кто уповает на милосердие Божие, тот при всех своих многих и тяжких грехах не оправдывается, но себя осуждает, подобно благоразумному разбойнику и мытарю, молится и испрашивает прощения. Если же кто поверит внушению врагов и примет мысли их такие, что он не спасется, или что он будет осужден или отвержен Богом, или что предопределен к гибели, то душу такого человека бесы увлекут к себе, потому что он отчаянием своим отверг искупление и уничижил милосердие Божие и, подобно Каину, счел свои грехи превышающими милосердие Божие. Но, как уже сказано, должно не внимать подобным бесовским внушениям и вовсе не верить им, но именем Божиим запрещать им, противоречить им и с сильным гневом проклинать их, ибо для того нам дана от Творца раздражительность, чтобы мы гневались на бесов, а не на людей.

Надобно отвечать бесам так: “Хотя я и многогрешный, но отчаиваться во спасении не хочу, ибо надеюсь на милосердие Божие. Богу моему одному я согрешил, Ему и каюсь, Он один мой Судия, а не вы, проклятые бесы. Какое вам до меня дело? Вы сами отступники от Бога и отверженные от Него, вы не имеете права истязать меня, вы сами осуждены на вечную гибель, я знать вас не хочу, проклятых. Бог — моя сила, Бог — мой Спаситель, вся моя надежда на милость Его, и все зависит от Его помилования, страха же вашего не убоюсь, ниже смущуся. Если б и в тысячу раз более этого вы нашли за мною грехов, то и тогда я не принял бы внушенное мне вами отчаяние, надеясь на неизреченную милость Божию, на молитвы Божией Матери, святых Ангелов и угодников Божиих, которых я призываю на помощь”. Полезно держать себя как в продолжение жизни, так и при конце ее посреди страха и надежды, как апостол сказал: *Нечаями и неотчаяваемы* (2 Кор. 4, 8), но всего

полезнее во всякое время надеяться на милость Божию, ибо слово Божие таковых ублажает. *Блажени, — говорит, — вси надеющиеся Нань* (Пс. 2, 12).

Вот, отец Никодим, тебе сказано кратко, как надобно приготовляться к исходу из сего мира и как при помощи благодати Божией надобно правильно действовать пред смертью и в сам час смертный. Ты понял это хорошо и теперь знаешь об этом, но исполнение этого совета надо предоставить опять-таки Богу милосердия и щедрот, Его надобно молить, чтоб Он привел предположение наше в исполнение, даровал бы нам в тот страшный час веру твердую, и упование, и необходимое благодерзновение. А это надобно делать заблаговременно. Ты знаешь, что без помощи благодати мы и одной минуты не можем провести благополучно, даже и помыслить о добре и пожелать доброго без благодати не можем. Потому Церковь в ночи молится Богу: *Сподоби, Господи, в ночь сию без греха сохраниться нам*, также и днем, и вечером, утром, и в полдень. Тем более нам очень нужно часто молиться, чтоб сподобил Господь благополучно пройти врата смертные и мытарства бесовские и достигнуть обетованного нам Небесного Царствия и блаженства.

Отец Никодим верно следовал совету духовника, и от частых слез глаза у него постоянно были красные. Духовник иногда спрашивал его, имеет ли он слезы и плачет ли. Он отвечал, что плачет. Братия говорили, что он от старости худо видит и слышит, и потому некоторые из сострадания просили о нем духовника, чтобы успокоил его. Духовник, призвав его к себе, спросил у него, не страдает ли он зрением или слухом. Отец Никодим отвечал духовнику, что он здоров. Духовник, посмотрев ему в глаза и заметив в них красноту, спросил у него: «Отчего ж у тебя глаза очень красны и как будто воспалены и ресниц у них нет? Часто ли ты плачешь?» Отец Никодим отвечал: «Плачу». «А как часто ты плачешь?» — опять спросил у него духовник. Отец Никодим, наклонив голову к груди, с улыбкою повторил тот же ответ: «Плачу». Потом духовник сказал ему: «Мне, как духовнику, нужно знать, сколь часто ты плачешь: чрез день, или каждый день, или несколько раз в день, потому что хитрые враги наши умеют обольщать нас и с доброй стороны». На этот вопрос отец Никодим, не переменив своего положения, еще с большею улыбкою отвечал духовнику: «Плачу, отче, когда захочу». Духовник спросил у него: «Давно ли ты это имеешь?» Отец Никодим отвечал: «Два года с половиною, с того времени как я после беседы моей с тобою об этом даровании Божиим сделал тебе поклон и испросил благословение у тебя искать этого дара Божия.

А до того времени я по твоему благословиению три года с трудом понуждал себя к ежедневным слезам». На это духовник заметил ему: «Видишь ли, что ты получил этот дар верою за послушание, а не за заслуги твои, и знай, что всякий дар Божий сохраняется смирением. Берегись от возношения, не осуждай никого, постоянно укоряй себя. И другие имеют этот дар, но считают себя хуже всех».

После этой беседы духовник хотел было уволить отца Никодима от заботливых должностей его, чтобы он спокойно мог в келлии своей упражняться в молитве и слезах. Но Бог устроил иначе, чтобы отец Никодим прямо от трудов своих перешел в вечность.

Вскоре отец Никодим заболел, болезнь его продолжалась 40 дней. Пред смертью своею за несколько дней он прочитывал какую-то записку, которая находилась у него под подушкой. Приближаясь к смерти, он прочитывал эту записку несколько раз в день и мирно почил о Господе. После смерти записку эту нашли, она оказалась следующего содержания: «Я уповаю на милость Божию, на заслуги Христовы, Он мой Судия, а не вы, окаянные, что вам за дело до меня? Ему согрешил, Ему и каюсь, а вы не имеете во мне никакого места, лукавые бесы. Отыдите от меня к вашему сатане».

Отец Никодим ростом был невысок, лица приятного, плешив, бороду имел длинную и густую с проседью, говор у него был скорый, немного заикался, но в церкви пел и читал без затруднения. При служении духовником ранней Литургии он почти всегда пел один. Скончался отец Никодим в 1854 году, всей его жизни в монастыре было восемь лет.

Рассказ об иноке Паисии (в схиме Гавриил)

В 1865 году прибыл из России на Афонскую Гору один молодой человек, уроженец города Дорогобужа Смоленской губернии, из дворян, именем Георгий Аркадьевич Седлецкий, от роду 20 лет. Он был племянником преосвященного Поликарпа Орловского, жил в Белых Берегах три года, пострижен был там в рясофор и назван Паисием.

По прибытии его на Афон он сначала пристал к монастырю Хилендарю, потом обошел некоторые монастыри, скиты и келлии, прося, чтоб где-либо приняли его на жительство, но ему везде отказывали по причине его молодости и слабого сложения. Таким образом он дошел и до нашего монастыря, явился ко мне и просил о принятии его в монастырь на всегдашнее жительство. Я сказал ему: «Пожить у нас гостем или странником ты можешь хоть год и два,

а принять тебя вовсе невозможно по причине молодости твоей, а более по слабому сложению твоему». «Что ты здесь будешь делать? — спросил я его. — Ты здешних трудов не можешь понести, ты не можешь простоять всенощного бдения десять часов и также не можешь поститься и трудиться. И я удивляюсь, зачем ты сюда пришел? Разве в России нет спасения? Спасение везде можно обрести: где только человек понудится творить волю Божию, там и спасется». На это мое замечание Паисий ответил с улыбкою: «Я читал, батюшка, в книгах, что Святая Гора Афонская есть жребий Божией Матери и что Она особенно печется о спасении здешних насельников. Так как я люблю Божию Матерь и имею к Ней веру, потому и надеюсь, что я здесь, в Ее жребии, удобнее и скорее спасусь, нежели в России». «А каким образом, — спросил я его, — ты, будучи молод, слабого сложения и нежного воспитания, к тому ж без средств, отважился пуститься в такое далекое путешествие за границу, в варварское царство, не узнав наперед о бедственных обстоятельствах здешнего края, и решаешься остаться здесь на всегдашнее жительство?» «Простите, батюшка, — отвечал он, — обо всем этом я слышал и читал, но при всем том я шел к Афону, как к любезному родительскому дому, с большою радостью, ободрял себя верою и упованием на покровительство и помощь Божией Матери. И она, Всеблагословенная моя Попечительница, помогла мне во всех моих нуждах. Как только я помолюсь Ей усердно, то скоро и получаю просимое. Самое большое препятствие моему намерению я встретил в Орле, от дяди моего, преосвященного Поликарпа, который хотел удержать меня у себя навсегда, но я не согласился остаться у него. И хотя он всю зиму удерживал меня, всячески упрашивал и испытывал меня тяжелыми испытаниями, заставлял в саду копать мерзлую землю, чтобы устроить меня и показать мне на опыте, что я неспособен к таковым трудам, которые на Афоне для меня необходимы, но я при помощи Божией Матери все его испытания выдерживал. Наконец он решил отпустить меня на Афон и предлагал мне рекомендательные письма к знакомым его на Афоне, потому что он сам был на Афоне, но я, имея в душе веру к Божией Матери, отказался от его предложения, причем он заметил мне: “Какой ты гордый!” Зато на дорогу он дал мне денег пять рублей. Но я о деньгах и не думал, до Одессы шел пешком, один, милостыни не просил, а везде боголюбивые люди кормили меня и сами предлагали деньги. Как только спросят, куда я иду, и лишь услышат, что я иду на Святую Гору Афонскую, то с удивлением скажут: “Ах, какой молодой, куда идешь спасаться!” И затем дают

денег. Таким образом до Одессы мне надавали до 50 рублей, которых до Афона я не мог всех издержать. И вот Божия Матерь оправдала мою к Ней веру, помогла мне исполнить мое желание: я теперь на Афоне и вседушно верую и надеюсь, что Она спасет меня здесь, а в Россию я уже ни за что не возвращусь, и если вы не примете меня, то я буду жить у вас хотя поклонником, потому что мне очень все у вас понравилось. А когда заболēju, то вы, верно, не оставите меня умереть без пострига, как это у вас в обычае».

После этого объяснения ему дозволено было жить в гостинице в числе поклонников. Но по прошествии полугода, видя его добрый нрав, все отцы полюбили его и просили о принятии его в общежитие, и он был принят и определен для жительства за монастырем, в келлию преподобных печерских, под надзором иеромонаха отца Василия, живописца. Там занимался он писанием писем и разных бумаг монастырских и пономарил в церкви. В неделю раз на всенощные бдения он приходил в монастырь, по обычаю приобщался Святых Таин чрез две недели.

Однажды он пришел ко мне для исповеди и говорит: «Отче святой! Я имею большое желание сделаться мучеником, благослови пойти мне в Солунь или в Смирну замучиться за Христа, ужасно мне этого хочется, сердце мое горит день и ночь, все влечет меня положить жизнь мою за Христа». Услышав это от него, я с удивлением спросил у него: «Откуда такая странная мысль пришла к тебе? Для чего это требуется?» «Для того, — отвечал он, — что, во-первых, этим средством я могу скорее спастись, а во-вторых, буду в вечности в чине мучеников, которые в Царствии Божием более всех прославляются. Вот почему мне хочется быть мучеником». На это я говорил ему из Писания много, убеждал, что всякий христианин, тем более монах, должен быть готов в случае нужды пожертвовать жизнью своею для Бога, и в этом состоит самоотвержение христианское. Но самовольно вдаваться в искушения нам запрещено, а, напротив, заповедано нам молиться, чтобы мы не введены были в искушение. «А ты, — продолжал я, — без нужды дерзаешь на такое страшное дело. Желание твое правильное, но приводить его в исполнение на деле не богоугодно и для спасения твоего очень опасно по причине немощи нашей природы. Вспомни пример апостола Петра, да и кроме того, многие были несчастные примеры дерзнувших без призвания свыше на таковое великое дело и не выдержавших мук и отпавших от Христа. Это легко может случиться и с тобою». Но он мало убеждался моими увещаниями. После нашего разговора с ним еще более года мысль о мученичестве

беспокоила его, и он сам не понимал, что влекла его к мученичеству не любовь Божия, а любовь к самому себе, чтобы прославиться и превзойти других. А это родилось у него от непонимания сущности самоотвержения. Но, когда я пригласил его, чтобы он собственным опытом в малых и даже в ничтожных делах удостоверился в трудности самоотвержения, или отсечения воли, тогда он вполне убедился, что отсечение воли своей есть истинное мучение.

Это было таким образом. Видя, что он не убеждается моими увещаниями и все еще стремится идти на мучение, я сказал ему: «Если ты не веришь, что послушание есть истинное мученичество, как свидетельствуют богоносные отцы, то испытай сам на деле и убедишься в истине. Если ты истинно желаешь сделаться мучеником и попасть в их чин, то я помогу тебе в этом деле и покажу легкие и удобные средства для этого. Если ты не будешь уклоняться от несения крестов, то есть скорбей внутренних и внешних, то ты сделаешься даже великомучеником. Вот, например, тебе даны четыре креста послушания внешнего: 1) ходить в церковь на всякую службу к началу и выстаивать до конца; 2) пономарить в малой нашей церкви; 3) заниматься писанием; 4) в неделю раз являться в обитель. Если ты все это исполняешь по совести, старательно, без лености и ропота, то ты несешь эти кресты. К наружным крестам принадлежат явные насмешки от других, укоризны, брань, оклеветание. Если ты в таких случаях не воздаешь злом за зло, то ты несешь эти кресты. А внутренние кресты, или тайные, состояются из мыслей и желаний — например, если ты услаждаешься злыми мыслями, гневными, или блудными, или гордыми и тщеславными, то ты не несешь тайного твоего креста или тяжести, а, уклоняясь в услаждение таковыми мыслями, не имеешь терпения и мужества, чтобы бороться с ними. Борьба со злыми мыслями есть своего рода мученичество. Вот ты желаешь замучиться за Христа, чтобы турки за веру отрубили тебе голову, а того не знаешь, что можно и малыми делами сделать себя мучеником, потому что и малые дела, совершаемые нами ради Бога, делаются великими. Если я дам тебе и самые малые заповеди, и даже ничтожные, но ты по высокоумию не выдержишь испытания, то и они покажутся тебе страшно тяжелыми и даже невозможными, и ты откажешься от них».

На это Паисий возразил: «Я на все готов, только, быть может, я себя не так понимаю, но я желаю исполнить все, что вы мне прикажете, лишь бы только мне сравняться с мучениками. Попытайте, укажите и наставьте меня, как угодно». «Хорошо, — говорю ему, — начнем при Божией помощи всходить на степень мученическую

снизу наверх, как бы по лестнице, а не сверху, как ты хотел. Теперь слушай да внимай, а после и делом исполняй. Мученики постились, а ты по четыре раза в день ешь. Так с этого времени хоть два раза в день ешь. Мученики вовсе чая и не знали, а ты пьешь его два раза в день, да еще по шесть и по семь чашек, а до-вольно будет для тебя пить чай один раз в день и по три чашки. Мученики мало спали, а ты по восемь часов спишь в сутки. Будь доволен шестью часами. Мученики бдения совершали усердно, а ты всегда дремлешь в церкви на службах. Понуждай себя, чтобы не дремать в церкви. Мученики терпели страшные мучения, а ты ради венца мученического хоть бы от блох и клопов терпи, не малодушествуя, и если они когда будут кусать тебя, то ты терпи ради Бога, не чешись».

Паисий при этих словах, горько улыбнувшись, сказал: «Вы, батюшка, смеетесь надо мною, как над глупеньким мальчиком. Разве я не знаю, можно ли такими ничтожными делами приобрести степень мученическую?» «Ну посмотрим, — сказал я ему, — исполнишь ли ты еще эти ничтожные-то мелочи. Но ты не забывай вначале мною сказанного, что общее главное средство к мученичеству есть не уклоняться от скорбей, но терпеть их благодушно. Ты хвалишься верою к Божией Матери, если эта вера у тебя правильная, то ты можешь у Нее испросить дар мученического подвига и приобрести венец мученический. Ибо это более зависит от веры, и вера много поможет. Но смотри, если когда дается тебе какая-либо мучительная страсть или болезнь, тогда терпи, не малодушествуй. Ибо я знаю, что некоторые и выпросили себе крест, а после стали роптать. Так смотри, чтобы и с тобой подобного не случилось. А чрез эти ничтожные мои заповеди ты увидишь свою немощь и забудешь о мученичестве». «Если уж в самом деле я не возмогу этого исполнить, — сказал Паисий, — то после этого куда ж я го-жусь. Нет, я уверен, что и более этого буду делать, только помогайте мне вашими молитвами и благословите с этого времени начать». И, поклонившись до земли, принял благословение и удалился.

С этого времени Паисий действительно начал так делать, как было ему сказано. Так продолжалось более года, потом он начал ослабевать, иногда побеждался лишним сном, или питием чая более определенного, или ел более, иногда жаловался на дремоту в церкви. Дана была ему заповедь молчать за трапезою, а так как он любил говорить, потому более месяца не мог выдержать заповеди. Однажды он пришел ко мне и говорит: «Батюшка, прочие твои заповеди хотя и несовершенно, но исполняю, а одну твою заповедь,

которую я считал вовсе за ничтожную, эту-то самую я нисколько не могу исполнить. Что хотите, смущаюсь, мучаюсь и ничего не могу сделать, прошу вас, увольте меня от нее». — «Какая же это заповедь столь тяжелая, что ты нисколько не можешь ее исполнить?» Он отвечал: «Вы дали мне заповедь, чтобы от кусания блох не чесаться, а ради Бога терпеть, но что я ни делал, как ни терпел, как ни мучался, не мог вытерпеть и вовсе не могу. Ведь так бывает, что как будто бес научил ее, окаянную, что долгое время на одном месте кусает и, как иглой, жалит. Терплю, терплю, да и почесу то место, после смущаюсь, совесть укоряет, что преступил заповедь. А иногда до того рассержусь на этих мучителей, что начну бранить их». Я, рассмеявшись, заметил ему, что мученики еще более терпели. «Да не от блох», — возразил Паисий. «Мне кажется, что от блох никто не вытерпит, — прибавил он, — это такие окаянные мучители, уж хоть кого дойдут. Правда ваша, что опыт — верный учитель, я прежде этого не знал, потому и смеялся вашим заповедям, об исполнении которых вы часто напоминаете мне и спрашиваете меня». «Да, — сказал я ему, — я и теперь о том же спрошу тебя. А прочие заповеди почему же ты в точности не исполняешь?» «Да оттого, — отвечал он, — что я на опыте не знал еще сказанного в Евангелии: *Без Мене не можете творити ничесоже* (Ин. 15, 5). Но вот и малый опыт мой показал мне, что без особой силы Божией я ничего не могу сделать доброго и мое желание мученичества не что другое было, как одно искушение или ревность не по разуму. Куда уж мне до мучеников, хоть бы в последний чин преподобных попасть, теперь о мученичестве я перестал и думать. Вижу себя немощным во всех заповедях Божиих и старческих, и меня поддерживает только одна надежда на Божию Матерь и на ваши старческие молитвы». «Этого-то и надобно было, — заключил я, — слава Богу, что Он вразумил тебя».

С течением времени Паисий начал просить меня о постриге. Я отказал ему по причине его молодости и потому что он мало жил еще в обители — всего два года. Но он и после часто просил меня о постриге, указывая на то, что некоторые молодые, но давно уже пострижены. Я объяснил ему, что это случилось по причине тяжелой их болезни: полагали, что они помрут. «Если и ты заболеешь к смерти, тогда и тебя постригут», — сказал я ему. За этим он предложил на мое решение такой вопрос: «Если я буду просить Божию Матерь, чтоб Она исходатайствовала мне тяжкую болезнь, для того чтобы поскорее постригли меня в схиму, не грех ли это будет?» Я отвечал ему, что это не грех, потому что и некоторые

святые испрашивали себе болезни. «А уверен ли ты, что Божия Матерь исполнит твое прошение? — спросил я его. — Не прежний ли дух самонадеяния побуждает тебя к этому? В таком случае ты не получишь просимого тобою». При этих словах он возмущился духом и как бы с восторгом сказал: «Уверен, совершенно уверен, что выпрошу у Нее непременно». «Ну, если так, — сказал я ему, — то с этого времени молись Божией Матери, а иначе прежде времени мы не можем постричь тебя не только в схиму, но и в мантию, потому что есть те, которые прежде тебя пришли в обитель, но еще не пострижены».

В обители нашей обычай совершать постриги в Великий пост. В это время наш Паисий заболел и рад был своей болезни, думая, что, может быть, ради болезни постригут его. Но его болезнь прошла, он выздоровел и опять остался непостриженным, а потому желание его и не исполнилось. Он об этом жалел долго. После этого всю свою надежду он возложил на Божию Матерь с уверенностью, что Она скоро или нескоро, а исполнит желание его, которое, впрочем, к удивлению многих скоро исполнилось, и чудесным образом.

Это было так. В июне месяце 1867 года, в воскресенье, по выходе из церкви от долгой службы, Паисий, встретивши некоторых старцев, изъявил им свой ропот за прибавление в службе моления о благодетелях. Старцы, услышавши от него ропот, вознегодовали на него. Услышали это и прочие старцы и тоже начали негодовать. Чтобы успокоить братство, я призвал Паисия и пред другими обличил его в несправедливости ропота его и тут же сказал ему, что так как он не хочет молиться даже и за великих благодетелей обители нашей, то чтобы оставил нашу обитель и удалился бы, куда хочет. Паисий смирился, просил прощения, извиняясь, что он сделал это ненамеренно и, пришедши в мою келлию, просил меня, чтоб я его не выгонял из обители, а дал бы ему за вину его какой угодно канон. Я сказал ему: «Слово то я произнес для успокоения братии, а на самом деле я не имею намерения отлучать тебя от обители. Но так как ты многократно просил у меня благословения повидать Афон, то теперь для тебя время к тому удобное. Пойди посмотри те монастыри и скиты, которых ты еще не видал, и побывай на вершине Афона, а к памяти святых апостолов возвратись в обитель, а между тем братство успокоится, и тогда я объявлю старцам, что ты исправился и опять принят в обитель».

Взявши благословение, Паисий в тот же день отправился в путь один. Посетивши монастыри и некоторые келлии, он взошел на верх Афона тоже один, без проводника, что здесь считается опасным.

День склонился к вечеру, гора в то время была покрыта облаками, и он не мог насладиться окрестною красотою природы, которую очень любил. Потому он решился остаться там ночевать, думая, что, может быть, к утру облака рассеются, и он тогда будет иметь удовольствие насладиться вдоволь обозрением красот природы всей Горы Афона. Он не знал, что в облачное время оставаться на горе ночевать опасно. Когда совсем стемнело, наш неустрашимый странник вошел в церковь, помолился иконам, осмотрел алтарь, стал на левой стороне в форму и начал тянуть четки за повечерие.

Между тем облака более прежнего сгустились, загудел страшный ветер, засверкала частая молния и загредел гром. Паисий не терял присутствия духа, стоял бодро и молился. Гроза усилилась еще более, молния чрез отверстие проникла в церковь и начала мелькать по церкви. Паисий прижался к стене, думая, что молния не коснется его, но вдруг он почувствовал легкий удар в голову, отчего четки выпали у него из рук, пробило у него камилавку, волосы на голове сгорели, платье горело и все тело его было обожжено. Но при всем этом он еще чувствовал, что может сойти с горы, потому он поспешил удалиться оттуда и хотя с большим трудом, но мог еще сам спуститься с горы вниз, к церкви Богородичной, где, к счастью его, он нашел двух русских старцев, укрывшихся от грозы, которые помогли ему дойти до ближнего скита старца Георгия, постника, а тот уже на лодке доставил Паисия в наш монастырь. Все отцы смотрели на него как на чудо, все удивлялись, как он мог в таком положении не умереть, потому что все тело его было повреждено снаружи и внутри, только лицо да руки остались чистыми, а все прочее заструпилося страшно.

Когда я первый раз посетил его, он, увидавши меня, с воплем возопил ко мне: «Вот, батюшка, уж теперь вы не оставьте меня, не откажите мне в вашей милости, постригите меня в схиму поскорее». Я сказал ему: «Теперь мы все видим, что на это есть воля Божия, потому нечего медлить». Тут он рассказал мне подробно и ясно, как это с ним случилось. На вопрос мой, как он отважился ночевать на Афоне во время облачное, он отвечал, что не знал ничего об опасности. По осмотре его докторами оказалось, что молния повредила даже и всю его внутренность, и доктор, бывший при великом князе Алексее Александровиче, решительно сказал, что больной не может долго жить. Вследствие этого немедленно Паисий был пострижен в схиму с переменою имени на Гавриил.

После пострига он жил две недели. Однажды я пришел посетить его. Он увидел меня, обрадовался и, устремив взор на меня, про-

тяжно проговорил: «Батюшка, голубчик, пришел ко мне». Я подошел к нему и, благословивши его, сказал: «Вот видишь, чадо Христово, ты просил с верою у Господа и у Божией Матери мученичества и схимы, теперь все это дано тебе. Сознаешь ли ты это и благодарен ли за полученное тобою чудным образом?» Он отвечал протяжно: «Как же, сознаю, батюшка, сознаю и благодарю. Но вот беда, не могу терпеть этого ужасного мучения, болезнь ужасно мучительная». Я сказал ему: «Что ж, это-то и хорошо, и ты чрез это будешь истинный мученик, ведь ты сам же пожелал и просил у Бога и у Божией Матери мученичества или страдания». «Ах, батюшка, да я и не знал, что так будет больно и люто, — отвечал Гавриил. — Когда начнут сдирать с меня кожу, тогда делается мне до того больно и невыносимо, что я теряю терпение и кричу изо всей моей силы, и так делают со мной каждый день». «Кто ж сдирает с тебя кожу?» — спросил я с удивлением. «Да доктор», — отвечал он. Я, обратясь к доктору, спросил его: «Как это вы делаете?» «Да у него кожи нет, — отвечал доктор. — Все дело в том, что обвязки и простыни присыхают к струпьям и, когда нужно переменить их, хоть раз в сутки, тогда они легко не отстают, а отдираются с усилием». На это я заметил доктору, что таким образом можно больного из терпения вывести и довести до ропота, а лучше всего отдать это на его волю. Тогда Гавриил попросил, чтобы не мучили его более отдираaniem струпьев от тела, да и другим чем не беспокоили б его.

С того времени он стал спокойнее, лежал все время на спине, приобщался каждый день, быстро ослабевал. Многие из братий посещали его.

В день кончины его, 27 июня, поутру я посетил Гавриила. Хотя он по виду казался очень худ, но разговаривал ясно и бодро. А за час до смерти отец Макарий, духовник, пришел к Гавриилу. Увидев его, Гавриил сказал: «А мне стало тяжело, может быть, я умру скоро, прочитайте мне отходную». Отец Макарий прочитал ему отходную и, благословив его, сказал ему: «Ты, отец Гавриил, аще обрящешь милость у Бога, тогда помяни и меня пред Ним». Он отвечал: «Я вас прошу, батюшка, вы молитесь обо мне, и, если я обрящу дерзновение у Бога, тогда помяну и вас». Сказавши это, он мирно испустил дух¹.

¹ В дневнике отца Владимира за 2 декабря 1902 года есть запись о том, что одному из братий, «другу известного Паисия-Гавриила, умершего от молнии, пришлось однажды видеть его душу на руках Ангелов и слышать: «Сия душа — наследница райского блаженства»». — *Примеч. сост.*

Бесценный бисер

Один из живущих близ нашей обители пустынников, подходя однажды к принятию Святых Христовых Таин, нечаянно толкнул Чашу, желая взять в руки илтон, и чуть было не вытолкнул ее из рук священнослужителя. Когда ему сделали за это строгое замечание, он стал скорбеть и неутешно плакать о своей неосторожности.

В этот же день, скорбя, он поник головою и как бы заснул, продолжая и во сне рыдать. И вот он видит пред собою человека, который говорит ему: «О чем ты так горько плачешь?» Он отвечал: «Как же мне не плакать? Я сегодня впал было в такую беду — едва не вытолкнул Чашу». Явившийся ему говорит: «Ведь это было нечаянным образом». Пустынник отвечал: «Хотя оно и так, но все-таки была моя крайняя неосторожность». На что явившийся сказал: «Справедливо так, что нужно подходить с великим благоговением и опасением, и всякая неосторожность требует покаяния. Хотя и ненамеренное дело, но требует очищения исповедью». Затем показал ему маленький сосудец, в котором оказалась самонаименьшая частица, блистающая необыкновенным светом. На вопрос, что это такое, явившийся отвечал: «Это бесценный бисер — частица Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа. Мы приставлены быть всегда при совершении Святых Таин, и если от невнимания священнослужителя или как бы то ни было утратится какая-нибудь частица, то мы сохраняем ее в сосуде». И при этом показал ему лжицу и лопаточку в виде ножа, говоря: «Этим орудиями мы поднимаем утратившуюся частицу». И потом продолжал: «Хотя они сохраняются нами и никогда ни одна частица не утратится, но вы должны быть осторожнее и в случае неосторожности своей приносить покаяние».

После этих слов пустынник как бы встал и пошел в то место, где живет, и очутился в каком-то саду, который был наполнен деревьями, на которых были цветы необыкновенной красоты, которых он никогда не видал. На вопрос: «Чье это место?» — ему отвечали: «Отца Г.» И он его самого видел стоящим подле одного дерева, хотя и неотчетливо. Тем и кончилось это видение, и старец возблагодарил Господа, не оставившего его в глубокой печали без утешения.

Чаша с огнем

При выходе из обители двух братьев разгласили, что они изгоняются, отчего некоторые братия начали смущаться. Один из таких тоже решился выйти, но по усмотрению Божию вперед обра-

тился к игумену, как бы упрекая за изгнание. Игумен рассказал ему всю сущность дела. Тогда он говорит: «Я имею нужду объяснить свои помыслы, но как тебе не могу, так и духовникам, находящимся в обители». Игумен благословил его пойти к постороннему. К счастью, он попал на духовника, понимающего дело, который сказал ему, что болезнь его не может исцелить никто, кроме его духовника или самого игумена. Тогда он объяснил старцам, что, не умея хорошо читать, он не считал за нужное объяснять духовникам случающиеся с ним немощи, но стал понимать, что у него совесть неспокойна. И вот однажды, когда все братия приобщались, боримый помыслом, объяснять ли свои немощи или нет, он решился приступить к приобщению Святых Таин. Попущением Божиим иеромонах, приобщавший его, неосторожно задел лжицей, и малейшая капелька Крови Христовой нечаянно попала на левую сторону его бороды, и вдруг все воспламенилось как внутри его, так и снаружи, как будто бы зажгло его. Испугавшись, он уже и не рассуждал, но поспешил принести покаяние чистосердечно как игумену, так и духовнику и остался спокоен в обители.

Благодатное прикосновение

Случай, бывший 1 октября 1878 года.

Верую, Господи, и исповедую, яко Ты еси воистину Христос, Сын Бога Живаго, пришедый в мир грешныя спасти, от нихже первый есмь аз — это было прочитано одним слушающим Божественную Литургию в то время, когда служащий произносил: *Примите, ядите...* Слова: *От нихже первый есмь аз* — так глубоко воздействовали, что слезы источниками катились из глаз и не прерывались во весь день. В этих словах выразилась вся сила милосердия Божия к человеку и сознание ежеминутных грехопадений человеческих пред величием Божиим. И тогда ему показалось, что все люди гораздо возвышеннее и несравненно лучше его. При повторении слов: *От нихже первый есмь аз* — он почувствовал необыкновенную духовную радость, как бы соединился с Богом.

Вразумление нетерпеливому

Один из братьев неоднократно выходил из обители, но всегда по особому о нем Промыслу Божию убеждаем был возвращаться в оную и несколько успокаивался, а потом опять смущался. В одно время, находясь в обители, стал он колебаться и смущаться помыс-

лами оставить обитель, пошел к старцу объяснить это и просить его совета. Старец высказал ему все понесенные им лишения духовных даров во время выхождения из обители и потом сказал ему: «Если ты не успокоишься и опять выйдешь, то потерпишь великие напасти, а я тебе даю свободу выходить или оставаться в обители, как хочешь». С этим он и вышел от старца.

Это было во время всеобщего бдения. Брат углубился в размышления и стал со слезами просить помощи Божией, и вот вдруг его озарил необычайный свет, в коем увидел он распятого на Кресте Господа с отверстыми язвами. Он пришел в ужас от сего и услышал глас от Господа: «Видишь ли, что Я претерпел ради тебя, а ты не хочешь здесь понести и малых скорбей ради своего спасения». Брат умилился и остался в обители.

Через несколько времени после сего этот брат видел в сонном видении обитель нашу и над ней как бы на воздухе стоявшего старца, который сказал ему: «Не смущайся!»

Дух противления

Один из поклонников, желая поступить в обитель, просил игумена о принятии его в общежитие. После многих желаний своих, высказанных пред игуменом, ему было предложено пожить немного так и ходить на послушание, которое тогда же и было ему назначено. С самого поступления своего на послушание он оказал дух противления тем, что ему ни послушание, ни келлия не понравились. Когда игумен сделал ему замечание, то он очень встревожился, но, однако, пошел и по убеждению старшего, рассказавшего ему о силе послушания, по-видимому принял за дело. И только что принял, пред ним вдруг явился среди дня в самом гнусном образе бес и говорит ему: «И ты осмелился меня оставить! Я ли тебя не утешал, доставляя тебе разные удовольствия по желанию твоего сердца?» Конечно, новопоступивший очень испугался, ибо вслед за тем появились ползущие змеи и другие гады, он стал плакать и кричать истерическим криком.

Тогда сказали духовнику, который дал ему наставление, чтобы он не кричал и не боялся ничего. На вопрос, почему это случилось, он высказался, что скрывал на исповеди свои немощи, не желая стыдиться пред духовником. Потом первые дни он ощущал большую боязнь, но когда творил крестное знамение, то все прекращалось. Послушник этот, однако, прожил в обители только около трех месяцев и, смущаясь все более и более, уехал на родину.

Огненное имя

Один из братий, исполняя временно послушание при поклонниках вне монастыря, не мог всегда сохранять умеренность в употреблении предлагаемого питания. Однажды в 1864 году он против обыкновенного излишне употребил и в таком положении заснул. По случаю прибытия в тот день парохода братия должны были проходить чрез его келлию, но он не слышал сего. На другой день, когда он проснулся и услышал, что некоторые из братий видели его лежащим в неприличном положении, совесть сильно стала упрекать его, что он предался излишеству и причинил соблазн другим. Чистосердечно сознав пред духовным отцом свою немощь, по благословению его положил он себе за правило выучить наизусть акафист Иисусу Сладчайшему, что исполнил, и каждый день прочитывал его келейно.

В один вечер после умирительного чтения акафиста он по обычаю лег отдохнуть и только что стал засыпать, как вдруг услышал шум, потрясающий келлию. Устремив взор свой на дверь келлии, увидел влетающих в нее множество бесов. Он обомлел от страха и хотел подняться с кровати, но не мог. Бесы начали играть, петь, изрыгать разные хулы, стали дергать его за одежду, отчего умножился его страх. Тогда один, как бы из начальствующих, стал повелевать другому, чтобы вошел в сего монаха. Но монах при этом не потерялся, начал читать акафист Иисусу Сладчайшему. Бес подошел к нему и сказал: «Отворяй рот». Монах продолжал чтение акафиста. Бес стал усиливаться войти в него, но не мог. Начальствующий бес повторил приказание подчиненному бесу войти в монаха, но подчиненный бес отвечал: «Он что-то нашептывает, и это мне мешает войти в него». Начальствующий бес стал опять повторять своему подчиненному приказание войти в монаха, но в это время монах усилил свою молитву ко Господу и Царице Небесной, чтоб не попущено было врагу обладать им. Бес опять подошел к нему, стал его дергать, мучить и усиливался войти в него. Монах продолжал чтение акафиста. На вопрос начальствующего беса к подчиненному, почему он медлит войти в монаха, бес отвечал, что пламенная струя, исходящая из уст монаха, опаляет его. Тогда начальствующий бес повелел дать подчиненному своему несколько ударов и вновь повелительно приказал, чтоб подчиненный его вошел в монаха. Опять подошел бес к монаху и сказал своему повелителю: «Не могу войти, пламень выходит из уст монаха от призывания им противного нам имени». Тогда начальствующий бес с великим упреком сказал своему подчиненному: «Я тебе говорил:

“Не доводи его до бесчувственного состояния, ибо монахи имеют обычай после этого сознавать свою немощь и призывают в помощь Распятого”. Если б он тогда-то (указав на время) не упился, то не вздумал бы повторять этих ненавистных нам слов». После чего повелел умножить удары подчиненному своему.

В это самое время раздался звон колокола на правило, и бесы, попирая один другого, бросились вон из келлии, от чего произошло сотрясение столь сильное, что монах упал на пол с кровати. Отдохнувши от этого истязания, отправился к утрени, исповедал все духовнику, после чего старался быть воздержнее.

Матерь утешения

Под день праздника Покрова Пресвятой Богородицы один из иеромонахов обители нашей был тяжело болен. Пред началом бдения к нему вошел духовник, коему он выразил свою скорбь, что он нисколько не может участвовать в богослужении. Духовник, уходя от него, сказал ему: «Я иду в соборный храм святого великомученика Пантелеимона для принесения из оного части Животворящего Древа и главы святого великомученика Пантелеимона в наш Покровский храм (что делается ежегодно на праздник этот)».

Когда духовник ушел, иеромонах стал молиться Божией Матери сими словами: «Вот глава святого великомученика Пантелеимона, а с нею и сам он невидимо для нас будет присутствовать в храме Твоем, Владычица; быть может, помолится и за нас, чад своих, собранных им в свою святую обитель». Затем опять стал говорить: «Хотя мы грешные и недостойные, а Царица Небесная милостива, не окажет ли нам, грешным, Своей милости — посетить храм Свой и осенить нас Своим честным омофором?» В это самое время он услышал пение тропаря великомученику. Сотворив крестное знамение на себе, он вдруг пришел в иступление: ему представилось, что из собора святого великомученика Пантелеимона выходит Некая Божественная Жена в багрянице, окруженная великою славою, поодаль Нее шел святой великомученик Пантелеимон в красном плаще, и слышалось неземное пение. Видит, что дошла до главной лестницы нашего русского корпуса... При этом он очнулся и обильный источник слез струился из его глаз.

Духовник при чтении первой ектении вновь его посетил и нашел его в слезах радости. Иеромонах передал ему все виденное им и с того времени почувствовал облегчение, а чрез некоторое время совершенно выздоровел.

Помыслы хульные не от человека, а от бесов

Старец Григорий, родом из Воронежской губернии, прибыл на Афон уже в преклонных летах, был принят в нашу обитель и пострижен в схиму. Нрава он был тихого и смиренного и вида благообразного.

По простевии нескольких лет он сделался на вид смущенный, мрачный и печальный, стал сохнуть, слабость и едва ходить. Когда его спрашивали, чем он страдает, какая у него есть болезнь, он на это всегда отвечал, что скука и печаль мучают его и не может сказать отчего. И это искушение уже три года как изнуряет его. Многократно духовник спрашивал его, отчего он всегда смущен. И ему он всегда отвечал уклончиво и не открывал своих помыслов. Духовник сказал одному его другу, чтобы он как-нибудь выпытал бы у него, какие помыслы смущают его. Тот пошел к нему и долго докучал ему, чтобы он хотя бы ему открыл те помыслы, которые смущают его, но он одно только говорил, что никак не может этого сказать, ужасно боится, дабы сквозь землю не провалиться. Посланный, пришедши к духовнику, передал все слышанное, что он ужасно боится открыть свои помыслы духовнику, как бы от этого не погибнуть.

Тогда духовник понял, что этот старец страдает от духа хульного и, как неграмотный, по невежеству своему и по внушению врага думает, что сказать духовнику про помыслы хульные есть страшный грех. Духовник, немедленно призвавши его к себе, спросил: «Да ты, отец Григорий, страдаешь от нападения злого духа хульного и боишься о том сказать?» «Так, батюшка, так, — отвечал он, — не могу сказать, ужасно боюсь, как только подумаю, чтобы открыть тебе мою беду, так весь приду в ужас и трепет, потому что помысл говорит мне: “Как только скажешь о сем, тотчас провалишься сквозь землю в ад”». Эти слова он едва выговорил, весь дрожа от страха и повторяя: «Не могу, не могу». «Ну, если ты не можешь рассказать мне своих мыслей, — сказал ему духовник, — так я тебе расскажу твои мысли, которые враг приносит тебе на Бога». На это он сказал замирающим голосом: «Ах, Боже мой, как это можно?» «Так слушай же, — сказал духовник. — Враг приносит тебе мысли хульные, бранные, всякие сквернословия на Бога и на Божию Матерь, на святых угодников, на Святые Тайны и на святые иконы». При этих словах отец Григорий со страхом подтверждал: «Да-да, вот-вот, так-так. Ах, Боже мой! Как ты это, батюшка, не боишься говорить? Это ужас!» «Да я слова эти говорю не свои, а вражеские, — сказал ему духовник, — то, что нам внушают бесы, ибо они попущением

Божиим, как я сказал, стараются возмущать нас, особенно незнающих, всякими скверными бранными мыслями на Бога и на все святое, хулы мерзкие, самые тяжелые, несносные и частые. Сами они, проклятые, хулят, а потом станут уверять человека, что это он сам хулит Бога, а беса тут и близко не было. Тогда незнающий человек приходит в великое смущение и даже отчаяние». «Так, батюшка, так, — сказал старец Григорий, — и мне тоже мысли говорили, что будто бы я сам бранил Бога и что за это я погибну, не спасусь. Такие мысли убивали меня, и я много отчаивался, думая, что если я только открою эти мысли, то сейчас же погибну, и я скорбел и не знал, что мне надо было делать». «Так всегда случается с незнающими и особенно с теми, которые не открывают своему отцу духовнику мыслей, — сказал ему духовник, — в таком тяжком искушении первое средство есть исповедь и откровенность знающим людям и посильная молитва, а главное — то, что советуют святые отцы, чтобы хульные помыслы пренебрегать, вовсе презирать, за ничто считать, не приписывать их себе и не смущаться от них и совсем не обращать на них ни малейшего внимания, ибо Бог знает, что мы не желаем Его хулить, а паче прославлять, и что эти мысли бесовские, а не наши и мы за них отвечать не будем, потому что мы их не желаем и не принимаем, но они навязываются нам насильно. Если враг заметит кого, что он стал смущаться от богохульных помыслов, на того он более будет нападать, а, кто не смущается, того враг оставляет». Такой совет дал духовник старцу Григорию, который с того времени и успокоился.

По прошествии месяца духовник увидел старца Григория и спросил его: «Что, как теперь, помыслы богохульные смущают ли еще тебя?» Тот отвечал: «Слава Богу! Молитвами твоими с того времени эти помыслы оставили меня, и я теперь спокоен». Остальное время жизни он прожил покойно и с миром скончался.

[Повесть о помещике]

В 1860 году прибыл из Германии на Афонскую Гору русский помещик Г. И. Б. — и прямо в наш монастырь. При первом свидании с русскими духовниками иеросхимонахами И[еронимом] и М[акарием] он отрекомендовал себя так: «Я русский помещик Г. И. Б., служил по статской службе, чин имею 8-го класса, в настоящее время живу в Германии уже 20 лет для воспитания детей. Прибыл на Афон не как паломник или турист, а как изыскатель потерянной истинной христианской веры». На это духовники сказали

ему: «Как же это случилось с вами? Вы в России родились и в своей православной вере воспитались там, где самая истинная христианская вера во всей своей красоте и славе процветает, а вы не видели ее там. Это для нас странно и непонятно! Не так для нас было бы удивительно, смотря на нынешний дух времени, если бы такая слепота помрачила одну вашу молодость, что со многими случается. Этот дух неверия обыкновенно одним внешним образованием воспитанных молодых людей бросает и в огонь и в воду разных бедствий в жизни, покуда своими собственными горькими опытами не убедятся, что без веры в Промысл Божий нет счастья ни в чем. А теперь для нас более чем странно, что вы человек зрелых лет и до сего времени помрачены юношескою слепотою неверия. А вот мы, напротив, знаем, что в настоящее время в православной России есть много великих святых и столпов Православия. Разве вы не слыхали о высокой христианской жизни митрополитов Филарета Московского и Филарета Киевского, от которых всякий может научиться таинствам веры?» «Да, я с ними знаком, — ответил он, — особенно с Московским, и когда бываю у него, то мы беседуем с ним два или три часа. Впрочем, и тут истинной веры христианской я не видал. Да я и с оптинскими отцами знаком и всегда в эту обитель езжу говеть и часто с ними говаривал о многом, но все это не удовлетворяло меня. Во мне осталось убеждение, что истинная христианская вера потеряна и вовсе погибла».

Затем старцы спросили его: «Кто же указал вам отыскивать истинную христианскую веру на Афонской Горе?» На этот вопрос он отвечал так: «Я читал книги великих германских философов, которые доказывают, что в настоящее время истинная христианская вера потеряна везде. Отыскать ее можно разве только на Афонской Горе». Теперь только поняли старцы, что он читал книги германских мистиков, которые вбили ему в голову, что истинная христианская вера потеряна. Он, как православный христианин, должен был сперва изучить свое, православное богословие и потом уже позволить себе, и то по совету опытных людей, заняться изучением других христианских вер. Но он сделал наоборот: не зная своей, православной догматики, он прилежно принялся читать сочинения разных западных философов без разбору, не понимая происходящего от того вреда и увлекаясь одним любопытством. Таким образом он прочитал много философских сочинений, начиная с еврейских и языческих авторов до последних германских мистиков, и все это совокупно сбило его со стези Православия, в коем он не был утвержден в юности.

На другой день свидания его со старцами он просил их указать ему таких старцев, от которых бы он мог познать истинную христианскую веру. Старцы спросили его, знает ли он по-гречески. Он отвечал, что он многие языки изучил и знает по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-английски и по-испански, а по-гречески не учился. «Если вы по-гречески не знаете, то ваше желание не может осуществиться, потому что те старцы, о которых мы знаем, что они могут удовлетворить ваши желания, — греки или болгары, с коими вы, не зная их языка, не можете говорить, а чрез переводчика они не захотят говорить с вами о столь важных предметах веры». «Жаль, что не умею говорить по-гречески, — сказал он. — В таком случае вы помогите мне, посоветуйте, что мне делать и куда обратиться по моему делу. Если я не найду желаемого мною на Афоне, где столько живет строгих подвижников, то где же я буду искать разрешения моих сомнений? Не можете ли вы показать мне то, что я ищу? Я готов слушать вас. Но только знайте хорошо, с кем будете иметь дело, потому что я изучил все веры, знаю все религии древние и новые, еллинские, индийские, персидские, халдейские, египетские, читал Талмуд, кабалистику, Коран и разные магии. Читал также и новых философов, особенно люблю германских, но во многом последую мистическому мудрованию. Все это я предварительно высказал для того, чтобы знали, с кем имеете дело, и потому обращались бы со мною поосторожнее, не как с простым вашим братом, и не навязывали бы мне того, чего я понести не в силах физически и нравственно, и не заставляли бы меня делать то, что я не могу. Например, если вы будете заставлять меня исполнять вашу бессмысленную формалистику — ходить на каждую службу в церковь или если дадите мне хотя одну вашу четку поклонов, то вы этим вовсе убьете меня».

При этих словах духовники, рассмеявшись, сказали ему: «Вот так, хорош же искатель высокого христианского просвещения! Желаете достать из земли драгоценность, а сами и одного раза не хотите копнуть землю». «Да, я нравственно подчиняюсь вам, как ваш послушник, только трудов телесных не могу исполнять», — отвечал он. «Вот видите, — сказали ему духовники, — вы и сами понимаете себя человеком многоученным. Кто же после этого согласится связать себя с вами родством духовным? Потому что во всяком случае вы не захотите отказаться от самомнения, что вы гораздо умнее ваших старцев, а потому и советы их, хотя бы были и полезные для вас, вы тоже не захотите исполнять, чрез что вы и не можете достигнуть желаемой вами высочайшей цели».

При этих словах он с умилением упал в ноги духовникам, говоря: «Святые отцы! Только примите меня Бога ради под свое руководство, а я со своей стороны во всем обещаюсь слушать вас». «Хорошо, Бог да благословит, — сказали ему духовники. — Хотя мы и недостаточны для исполнения такого великого дела, но по нужде из любви к вам, надеясь на помощь Просветителя душ наших, дерзаем принять вас. Очень жалко бы нам было и неприятно, если бы вы уехали со Святой Горы, не получив духовного утешения».

После этого он спросил у духовников: «Что теперь прикажете мне делать?» Духовники отвечали ему: «Вы, кажется, читали Лествичника, а потому можете вспомнить изречение его или совет всякому новонаначальному. Он так говорит: “Хотя бы кто и всю премудрость мира имел, но, поступивши в монастырь, должен начинать с азбуки”. И Господь сказал: *Аще не обратитесь и не будете яко дети, не внидете в Царствие Небесное*» (Мф. 18. 3). Тут он торопливо спросил: «Да от чего мне обращаться и куда?» Духовники, усмехнувшись, ответили ему так: «Как от чего вам обращаться? Да у вас в уме целый хаос душевных ваших дум, и мыслей, и многообразных познаний добрых, а еще более злых. Этот хаос господствует в душе вашей и не допускает воспринимать ей свыше духовные впечатления и благочестивые чувства. Если вы от него не обратитесь к детской благодатной простоте, то и не внидете в Царствие Небесное. Поэтому с этого времени вам нужно всякое наше слово принимать просто, верить ему без рассуждения, никак не рассуждать по-своему, хотя оно казалось бы вам и неправильным, ибо без исполнения этого условия вы не получите желаемого. Предупреждаем вас: знайте и приготовьтесь отражать святою простотою всякое сомнение, внушаемое вам бесами».

Тут он так и ахнул: «Ах, батюшки мои, пожалуйста, вы не говорите мне никогда о диаволе и бесах, потому что я не признаю бытие их». При этих словах его и духовники не вытерпели, засмеялись, говоря: «Да это им на пользу! Тем они удобнее могут всегда владеть вами». Но он опять начал спорить и говорить: «Да какие тут бесы? Как я сам в сердце моем размышляю, что только хочу, так для чего тут требуются какие-то бесы? Нет, я никогда этому не поверю, да и во всей моей жизни я не видал и даже не заметил ни одного беса». «А если бес заговорит с вами в мыслях ваших во втором лице, тогда что вы на это скажете?» — спросили его духовники. «Как, разве это может быть?» — отвечал он. «То-то, что может быть. Он по допущению и явно показывается», — сказали ему духовники. «Ну, тогда поневоле поверишь», — ответил он.

Потом духовники сказали ему: «Послушание дадим вам по силам вашим. Вот вам первое послушание: чтобы вы во всем слушали совести вашей; что только она скажет вам, то понуждайте себя исполнять. В церковь ходить на всякую службу мы не обязываем вас, а когда совесть ваша скажет вам пойти в церковь, тогда идите. И четок также не даем вам, и никакого особого келейного правила, и никакой особой молитвы, а все это предоставляем вашей совести: если когда скажет она вам помолиться, тогда помолитесь, сколько хотите. Так же есть и пить, спать, читать и писать — все это делайте по внушению вашей совести».

При сем он с восторгом сказал: «Вот прекрасно! Это нравится мне!» «Не спешите восторгаться и хвалить то, чего вы еще не испытывали, — сказали ему духовники, — ибо на деле будет иначе: что теперь вам нравится, то, может быть, после и не будет приятно. Телесных трудов вы не любите, так хорошо будет, если вместо них вы полюбите труды мысленные. Вот еще одну заповедь, хотя и нравственную, но для исполнения тяжелую даем вам: чтобы все ваши мысли и желания открывать, и добрые и злые. Это послушание поставляется вам в обязанность, и старайтесь исполнять его строго, ибо это необходимо для спасения, и без исполнения сего вы не достигнете вашей цели, потому что нередко случается, что и одна с намерением утаенная от духовного отца мысль или дело хотя и малые, но после причиняют большой вред душе. Тем более душевредно, если кто во многом скрывает пред духовником свои мысли и дела. А так как вы много грешили в жизни вашей, а грехи смываются горькими слезами, потому вам надобно приобрести их».

Выслушав это, он сказал: «Ах, Боже мой! Да я от рода моего не плакал. Кто даст мне слезы?» Духовники отвечали ему: «Да это не ваше дело. Вы со своей стороны будьте расположены принять их, а они в свое время дадутся вам, а за этим дастся вам и второй плод духовный — радость, без коей христианин не может быть благонадежен в спасении души своей». К этому еще было сказано ему, чтобы он приходил к духовникам каждый день поутру для беседы и откровения помыслов. На все это он согласился и решил исполнять все с детскою простотою и доверием, что и самих духовников удивляло.

На другой день он по назначению пришел от обедни к духовникам, которые спросили его, как он провел это время, не имел ли каких особых мыслей, смущавших его. «Нет, — отвечал он, — а только я заметил вот что. Когда зазвонили к вечерне, вдруг мысль говорит мне: “Эти монахи — формалисты, не понимают духовной

христианской жизни. Они думают исполнением формы спастись. Ну что там услышишь? Все одно и то же: *Благословен Бог наш*, и это повторяется всегда. Ну пусть их идут туда, а я не пойду". Таким образом я успокоил себя на несколько минут. Потом какая-то тонкая, тихая и приятная мысль так мягко начала мне внушать: "Что же, хотя ради прогулки пойдешь в церковь, и если не хочешь там стоять и молиться, то можешь выйти и прогуляться, куда хочешь". Я не принял этой мысли, и что же из этого вышло? Вдруг мне сделалось скучно, тяжело до того, что после сего мне уже показалось пойти в церковь, как на приятную прогулку, и я немедленно вскочил со стула и побежал в церковь, с удовольствием простоял я там до конца службы».

Таким образом повторялось с ним часто, покуда он пришел к убеждению, что общественное служение церковное есть богоугодное дело и необходимое для нашего спасения. Он начал ходить в церковь на всякую службу, находя в ней духовное утешение.

Так прошло несколько месяцев. Однажды он, пришедши к старцам, сказал им: «Вчера со мною случилось чудное приключение, чего я во всю жизнь мою не имел». «Что же такое?» — спросили его старцы. «А вот что, — отвечал он. — Вчера, в полдень, напала на меня какая-то скука, ничем не могу развлечь себя, думаю: "Что тут делать?" Читать не хочется, спать тоже, а помолиться еще более нет охоты. В это время совесть моя сказала мне: "Ты имеешь дневники, писанные тобою, но еще никогда не просматривал их. Хоть теперь от скуки займись ими, прочитай их". Я достал их из чемодана и начал прочитывать один за другим, а так как в жизни моей много было приключений, выходящих из ряда обыкновенных, то я, прочитавши несколько дневников, пришел от того во внимание к Промыслу Божию, забытому мною, но Который тайно и явно помогал мне в жизни моей. Как только прочитаю какой-нибудь замечательный дневник, напоминающий мне о каком-либо избавлении моем от скорби или беды, в эту минуту я говорил Господу: "Ах, Господи, как Ты милостиво во всю жизнь мою хранил меня и помогал мне во всех моих нуждах, а я, неблагодарный, и забыл благодарить Тебя о сем".

Прочитав их несколько, я заметил, что я от этого как бы расчувствовался и расположился к умилению. Между прочими дневниками попался мне один, отмеченный так: "В таком-то году и в таком-то месяце я поехал ночью из Воронежа в мое имение в карете с женою, у которой был грудной младенец. Ехали знакомою дорогою, кучер задремал, лошади сбились с дороги и упали в овраг со всем:

с каретою и седоками. Обрыв был до двух сажений. Но вот чудо: никто не ушибся и ничего не повредилось, лошади остались целы, кучер и карета тоже, и мы в карете нисколько не пострадали, кроме одного испуга”.

По прочтении этого дневника я пришел в великое сокрушение, пал на колена пред крестом Господним и начал благодарить Господа за такое явное избавление от смерти и вместе с тем укорять себя, что я забыл Его великие благодеяния и во всю мою жизнь оскорблял Его моими грехами, бунтовался против Него. В таких размышлениях и чувствах я сперва начал хныкать, а потом плакать и затем рыдать, да так рыдать горько и страшно, что даже не могу этого хорошо объяснить. Подобное состояние я видал только у истерических людей. И если бы прежде уверяли меня сто духовников, что подобные рыдания бывают у кающихся христиан, я не поверил бы никому. А теперь и самому случилось испытать. Во время рыдания моего пред крестом я не мог взглянуть на Распятого, а по прошествии часа, когда я сказал Ему: “Я во всю мою жизнь бунтовался против Тебя и вовсе не слушал Тебя, а Ты еще хочешь спасти меня”, я невольно взглянул на Распятого и во мне закипела такая страшная радость, что я невольно, как дитя, засмеялся при мысли, что Он не только прощает все мои грехи, но еще хочет спасти меня».

Старцы на это сказали ему: «Так Господь творит с душами, возрождающимися из греховной жизни во святую жизнь».

С этого времени он получил от Господа дар слез и плакал часто и очень много. Так продолжалось несколько месяцев. В продолжение сего времени он при посещении старцев открывал им свои помыслы, особенно которые приходили к нему во время Литургии. Вначале на Литургии помыслы смущали его сильно и говорили ему: «Зачем ты пришел сюда, чего искать? Здесь живут люди простые, невежи, которые ничего не понимают духовного. Тут есть только два иезуита, прелукавейшие люди — И[ероним] и М[акарий], которые своею хитростию собрали к себе пятьсот человек мужиков, обманывают их и царствуют над ними. А потому лучше беги отсюда куда-нибудь в другое место, или хотя в греческий монастырь, или иди на остров Мадера — там климат хорош, и там тебе будет легко и свободно жить». Старцы уверяли его, что это мысли не его, а бесовские, а потому верить им не должно, однако он этим не убеждался.

Однажды он сказал старцам: «Что я буду делать, отцы? Мысли гонят меня из Афона куда бы то ни было». Старцы, по обычаю, стали уверять его, что эти мысли не его собственные, но вражьи. Однако он этим не убеждался, и потому старцы принуждены были

дать ему совет такой. Впредь, если мысль будет смущать его, соблазнять против старцев, и советовать удалиться с Афона, что он сказал мысли той так: «По заповеди отцов моих духовных заклиная тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи мне, кто ты такой». И потом, какой будет ответ, чтобы сказал старцам. «Д разве послушают меня?» — спросил он. «Нет, вас не послушают а ради заповеди отеческой послушают вас», — отвечали ему старцы

При сем он спросил старцев: «Что это значит, что я иногда узнавал происшествия необыкновенные? Например, однажды, бывши в Италии с детьми моими, в один воскресный день я был приглашен с детьми к одному знакомому в гости, и, бывши там сред дня, сидя между ними, я вдруг говорю им: “Вот в соседнем городе сделалось землетрясение и несколько домов разрушилось”. Прибывавшие удивились этому и записали час и минуту. И действительно, скоро пришло из того города известие, что там было землетрясение и разрушилось несколько домов». Старцы, усмеявшись, ответили ему, что это пытливый дух сообщил ему о том. Он от этих слов заметно сконфузился, но ничего не возразил.

По прошествии некоторого времени в одно утро он пришел к обедни к старцам со смеющимся лицом. Старцы спросили его о причине смеха. Он отвечал: «Дайте мне отдохнуть, я устал от смеха». Потом он рассказал старцам следующее.

«Сегодня я пришел в церковь к началу святой Литургии. Как только начали Литургию, непосредственно пришла ко мне мысль и начала, по обычаю, хулить форму службы и самих формалистов особенно вас, духовников, и затем начала убеждать меня, чтобы удалиться с Афона. В это время я вспомнил ваш совет, какая-то другая мысль напомнила мне его: “Вот теперь хорошо испытат совет духовников”. И я тотчас сказал хульной мысли: “По заповеди отцов моих духовных заклиная тебя именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи мне, кто ты такой”. Непосредственно за сим я слышу пред собою голос, отвечающий мне так: “Да диавол!” И еще слова его: “Ну, когда этот искариот И[ероним] разоблачил нас то теперь нечего таиться. Что это ты, проклятый, оставлять вздумал нас? Я во всю жизнь твою служил тебе, и угождал, и уж прозорливым сделал тебя, а ты за все это неблагодарен остался ко мне!” “А разве это ты давал мне прозорливость?” — спросил я его. “А кто же?!” — отвечал он. Потом я спросил его: “А что было бы со мною после?” — “А вот что было бы с тобою: прежде смертью твоею я разоблачил бы тебя и показал бы тебе, что все это было мое дело, а не Божие, и ты бы от этого пришел в отчаянии»

и сам себя убил бы". На это я сказал ему: "Ах ты, проклятый!" Он мне в ответ: "Сам ты проклятый!" И затем начал бранить меня с яростию бесовскою самыми скверными площадными словами. Потом слышу — он говорит какому-то другому бесу: "Слышишь, Васька, этот проклятый хочет избавиться от нас. Нет, и сто И[еронимов] не избавят тебя от нас!" Потом эти бесы начали кощунствовать над службою Божиею, произносили разные сквернословия: ко всякому возгласу и пению и они прилагали свои скверные пригудки и тем смешили меня чрезвычайно».

Тогда старцы спросили его: «Итак, что же вы теперь скажете о небытии бесов?» На это он, усмехнувшись, ответил: «Теперь уже в этом нельзя сомневаться».

С этого времени он стал верить в бытие отступнических духов и начал познавать различие мыслей: какая мысль своя, человеческая, и какая мысль от Ангела-хранителя, и какая злого духа.

По прошествии нескольких дней при вопросе, слышит ли он теперь мысли злого духа, он отвечал: «Теперь я слышу мысли его отчетливо, каждый день я с ним разговариваю, спорю и бранюсь. Он продолжает злоститься на меня, проклинает и бранит меня все площадными словами, самыми грубыми и мерзкими, зачем я раздружился с ним и более не слушаю его, и постоянно угрожает мне то тем, то другим, а более всего докучает он мне в церкви». «Итак, вы теперь уже не называете нас более формалистами? — спросили его старцы. — Потому что вот и сами уже сделались формалистом, да еще ревностнее нас». «Да, — ответил он, — это все я заимствовал из чтения книг мистических и теперь вижу на опыте, что это было заблуждение. Впрочем, я все-таки убежден, что у нашей Православной Церкви нет таких высоких и глубоких сочинений религиозных, особенно таинственных или по части созерцательного богословия, как в Церквях Западных — протестантской и католической».

«Да, это ваша правда, — сказали ему старцы, — для вас эти сочинения и высоки и глубоки, потому что вы в этом так убеждены. А причина это ошибки та, что вы вовсе не читали, а потому и не знаете своей, домашней православной догматики и патристики. А нам, православным, ваши иноверные мистические сочинения или писания кажутся вовсе низкими и мелкими в сравнении с писаниями святоотеческими, потому что они не выдерживают критики православного здравого разума. Да, кажется, вы и сами не совсем доверяете им, потому что вы однажды говорили нам, что более придерживаетесь учения неоплатонического. Но если бы вы читали писания святых отцов нашей Православной Церкви о таинственной

или внутренней жизни христианина, то не могли бы так заблуждаться и говорить, что в еретических церквях есть такие высокие и глубокие писания о таинственной жизни христианской, каковых писаний будто бы нет в Православной Церкви. А вот для опыта мы дадим вам прочитать хотя только две книги из множества таковых писаний святых отцов и уверены, что по прочтении их вы вовсе перемените свое убеждение и на опыте увидите, какая есть между ними великая разница». Затем старцы дали ему две книги для прочтения: преподобного Макария Египетского и преподобного Исаака Сирина.

По прочтении этих книг он приходит к старцам и говорит: «Отцы, я привез из Германии книг двадцать самых лучших сочинений мистиков и философов германских, думая, что здесь, на Афоне, они будут мне нужны или полезны. Но, как вы и говорили, на опыте оказалось противное. Прочитавши данные мне вами две книги, я совершенно уверился, что немецкие книги теперь вовсе не нужны мне и даже вредны, потому прошу у вас благословения сжечь их». Один из старцев возразил ему на это: «Подождите, не спешите истреблять их. Может быть, когда потребуются сравнить их с нашими для большего обнаружения их заблуждений. Впрочем, все эти сочинения разобраны нашею Церковью и осуждены, как неправославно мудрствующие».

Однако он не вытерпел: на другой же день бросил их все в печь. При свидании старцы спросили у него, каких мистиков и философов сочинения он имеет у себя. «Разных, — ответил он, — но я уже успел все их сжечь; так они опротивели мне, что и смотреть на них не хочу». «Ну, так и быть, — сказал духовник, — а мне хотелось было прочитать некоторые места из Шеллинга, Эккартсхаузена и Бёме. Последнего мечтания пресмешные, однако находятся люди, именующие себя великоучеными, которые верят таким бредням. Многие из германских философов так высоко и глубоко заучились, что даже дошли до отрицания и самого нашего бессмертия. Такие сочинения вредно читать православным людям, еще не утвержденным в своей вере».

При этих словах наш собеседник тяжело вздохнул: «Так, отцы! Вот и я еще этою болезнью страдаю, и я не верю в бессмертие и хотя скорблю об этом день и ночь, но не могу ничем себе помочь. Что мне делать? Не знаю. Хочу верить, но не могу — не верится, и это состояние мучит меня постоянно».

На это старцы отвечали ему так: «Вы сами знаете из Писания, что вера есть дар Божий, ибо мы сами себе дать ее не можем.

Вспомните апостолов, и они просили у Господа приложить им веру. По этому примеру и нам следует просить у Господа, да дарует нам веру, и просить должно без сомнения, и тогда мы непременно оную получим. Так и вы с детским доверием предоставьте это великое дело Господу и с болезнию сердечною умоляйте Его милосердие о сем и будете Им услышаны. Священное Писание уверяет нас в этом, когда говорит: *Услышит тя Господь в день печали... И даст ти Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит* (Пс. 19, 1, 5)».

С этого времени он много молился и плакал о сем, дабы Господь избавил его от неверия в бессмертие и даровал ему веру несомненную в Него. Жалкий! Начитавшись книг вредных, он как бы против воли своей во многих истинах догматических сомневался. Веру православную он считал потерянною потому только, что в настоящее время не видел в ней совершаемых древних чудес. На это было сказано ему, что «чудеса и до сего времени продолжают совершаться благодатию Божиею, хотя и менее прежнего, но они продолжают и будут продолжаться до скончания мира. Но, чтобы видеть их, для этого надо иметь открытые благодатию Божиею очи, и Священное Писание научает нас, как просить о сем Бога, говоря: *Открой очи мои, и уразумею чудеса от закона Твоего* (Пс. 118, 18). А известно, что ослепление очей внутренних всегда бывает от любви к земным вещам, что показывает разительный пример современных Иисусу Христу книжников и фарисеев, которые были все люди ученые и правильно поучавшие народ, но поелику они имели очи сердечные, ослепленные пристрастием к славе человеческой, то хотя они и видели чудеса Христовы, но не признавали оные за истинные, потому что они были для них невыгодны, ибо они затмевали славу их. Так бывает и в настоящее время: многие люди не верят чудесам, а немцы и вовсе отрицают их. Вы же им подражаете во всем, проживаете между ними десятки лет с семействами вашими, отдаете на воспитание им детей ваших и тем вовсе отчуждаете их от своего отечества и своей православной веры, даже и от отечественного своего языка, потому что они из-за границы возвращаются уже не русскими, а потерявшими веру свою и язык русский. Не смешное ли это дело, что природные русские не умеют говорить по-русски? Вы можете видеть из собственного примера, как вредно православным, не утвержденным еще в своей вере, проживать долго за границею. Вот вы, как чадолюбивый отец семейства, отправились за границу с самым добрым намерением, чтобы лучше воспитывать там детей своих. А так как вы сами не были

тверды в вере по причине неведения догматов веры православной, потому вы и сами потеряли веру православную и впали в разные ереси, например в мистицизм, который более других ересей льстит сомневающемуся любопытству, потому-то он и показался вам как будто мудрее всех вер по причине находящегося в нем хаоса хитро-сплетений демонских и человеческих, и вы, не имея помазания христианского, не могли усмотреть в этой ереси душепагубных мудрований, которые Церковь Христова отвергла и предала проклятию. Может быть, дети ваши и не заразились западным неверием, но сами-то вы весьма повредились, живя долго за границею. Да и как не повредиться в такой большой период времени, как двадцатилетний, живя между иноверцами, которые большею частию атеисты. Поэтому вы во все то время не имели в себе чувств религиозных, сладко утешающих православных христиан, особенно в воскресные дни и в праздники».

«Да я об этом и не знал, что христиане утешаются по воскресным дням и по праздникам сладкими религиозными чувствами», — отвечал он. «Как так? — возразили ему старцы. — Разве у вас в жизни дни были равные? Неужели вы одинаково чувствовали себя как в будни, так и в воскресенье, так и в праздники?» «Даже и в день Пасхи я не чувствовал в себе особой радости, — отвечал он, — а, так как принято в большом свете в такие дни получше одеться, пойти в гости, или к себе гостей пригласить да в театр съездить, или в маскарад, или куда-либо на бал, или в прогулку, поговорить о моде, о новостях, — вот в этом и все наше утешение. Вот какими делами мы утешаемся в праздники, а о тех утешениях христианских я и не слыхал».

«Так хотя теперь услышьте и узнайте, — сказали ему старцы. — Благодать Святого Духа, дарованная христианам в Крещении за заслуги Господа нашего Иисуса Христа, всегда утешает их во всех их скорбях и печалях житейских, особенно в воскресные дни и в праздники. И во всякий праздник дарует им приличные празднику утешительные чувства и веселие духовное, и всякому даются утешения духовные и веселие по мере веры его. Чем больше праздник, тем более и возвышенные даются утешительные чувства. Какими утешительными чувствами и радостями духовными наслаждались христиане в день Рождества Христова! А в Новый год обновляется ум у христиан совсем другими радостными чувствами и мыслями. В день же Крещения Господня иное высочайшее обновление ума ниспосылается верующим, в Сретение Господне — другое. Благовещение особенными приятнейшими духовными чувствами

волнует душу христианина, также Вербное воскресенье и Страстная седмица. Все эти святейшие дни имеют свои утешительные восторгающие чувства и как бы духовные вкусы и обоняния. А Пасха святая — это венец всех радостей и восторгов христианских! Сколько в эту Божественную седмицу прочувствует истинный христианин духовных утех, неизреченных радостей, веселий и восторгов! Затем и последующие праздники как останок помышления праздника святой Пасхи он празднует Господу Богу, и они питают души верующих манною небесною, как-то: Антипасха, Преполовление, Вознесение Господне. Пятидесятница особенными сладкими утешениями и умилениями дивно волнует души и восторгает в любовь Божию. Укрепляющиеся, утешающиеся и увеселяющиеся в праздники благодатию Божиею христиане без ропота переносят горести житейские. Мы сказали, что все праздники утешают христиан, не только великие, но и малые. Опытные знают, и мы говорим не от себя, а из заимствованного нами понятия всего годового круга богоучрежденных служб церковных. Сам Господь наш Иисус Христос благоволил удивительно премудро устроить во славу Свою всю службу церковного года, просветив святых Своих апостолов Духом Святым, Который чрез них и передал последующим христианам как святую Божественную Литургию, так и прочие Божественные службы, которые время от времени пополнялись святыми мужами, угодниками Божиими, которых Дух Святой умудрял писать песнопения во славу Божию. Проследите наши богослужебные книги — там вы увидите беспредельное море, волнуемое бесчисленными благодатными волнами. В этих книгах изображено все необходимое для нашего спасения. Многое множество стихир и канонов представляют как бы неиссякаемый духовный источник, источающий целебные бессмертные пития, напоявающий многообразным благодатным питием жаждущих исцеления духовного христиан. Какое множество в них находится слов и чувств покаянных, умилительных, уверительных, возбудительных и угрожающих, но вместе с тем и ободряющих, увещательных, веселых и радостных, удивительных и восторгающих! Все службы праздникам, стихир и каноны их выражают дух каждого праздника и тем внимающих христиан веселят и восторгают разными утешениями по мере веры приемлющего духовные утешения. Разве те только из христиан лишаются духовных утешений в праздники, которые помрачены печалию греховною, происходящею от делания смертного греха. Но и такие люди, если захотят обновиться в покаянии, могут получить благодатное утешение, как многие бывали тому примеры.

Если вы скажете, что не многие из христиан понимают или разумеют службу церковную, то это будет несправедливо, потому что она устроена благодатию Божиею удобно для разумения всех христиан по мере их веры и познания, а разве только не все могут разуметь ее вполне, то это не препятствует благодати Божией утешать в праздники и младенствующие умы христиан, как сказано в Евангелии и как то показывает история церковная. А, так как вы воспитываете детей своих не в страхе Божиим, а лишь внешним обучением иностранным языкам и приличию светскому, танцеванию и хождению в театры и маскарады, а не в церковь Божию и вовсе не обучаете их знанию веры, потому они и не знают праздников христианских, что они значат в нравственном отношении и какую пользу нравственную приносят христианам. Таким образом воспитанные христиане не могут принимать от благодати Божией духовных утешительных чувств, потому что для них будет казаться сие несообразным с принятыми в большом свете обычаями и понятиями или даже вовсе глупостью. Так Господь сказал: *“Аз пошлю вам много Утешителя, Егоже мир не может прияти”* (Ин. 14, 16—17)».

«Да, это для меня удивительно, — отвечал он, — и я еще ни от кого об этом не слыхал». «Вот, теперь вы узнали об уставе церковной службы, — сказали ему старцы, — и сами на деле испытываете, что так точно есть, как вам объяснено, и сколь он, этот устав, спасителен и необходим для нашего спасения, а не так, как вы прежде думали и говорили, что это ненужная форма для истинных христиан, и православных христиан вы называли формалистами, не понимая истинного значения Церкви Христовой Православной». При этих словах он, улыбнувшись, сказал: «Но мы теперь возстахом и исправихомся».

Однажды, стоя, по обычаю, на хорах Покровской церкви, когда он уже признал бытие бесов и они постоянно с ним толковали, надоедая ему всяким возможным образом, между прочим он слышит, что один бес говорит другому: «Знаешь ли что? Завтра придет пароход и М-ке привезут сорокоуст». Г. И. после службы приходит к старцам и, смеясь, говорит: «Завтра ждите, что-то вам хотят привезти мои приятели». Старцы, посмеявшись этому, сказали: «Вероятно, враг что-нибудь выпросил у Господа, чтобы возмутить чем-нибудь наше спокойствие». В самом деле, на другой день приходит пароход и привозит известие об одном обстоятельстве в Одессе, нанесшем монастырю по действию общего всех врага значительный ущерб.

Г. И. Б. ходил в церковь на всякую службу к началу, молился усердно и много плакал. В пище он удивительно был воздержан,

его любимая пища была картофель и лук, а мяса он и в миру, в семействе, не ел, вина и чаю не пил. Впрочем, телосложением он был тучен.

Однажды он в необыкновенное время пришел к старцам с чрезвычайно веселым лицом и запыхавшись. Старцы спросили его о причине его радости. «Я к вам не шел, а бежал», — отвечал он. «Ну, сядьте, успокойтесь и расскажите нам, что с вами такое случилось», — сказали ему старцы. Он сел и начал говорить: «Я уже прежде объяснил вам, что я страдаю духом неверия в бессмертие и что это мучит меня день и ночь. Скорблю об этом и сетую, молюсь и плачу. Прошу Бога, дабы Он избавил меня от этой тяжкой печали, но все напрасно, нет никакой перемены и облегчения моему печальному положению. В таком настроении духа я теперь ходил взад и вперед по коридору, скучая и не находя, чем бы себя развлечь и утешить. Вдруг тихая мысль говорит мне: “Войди в келлию, сядь и пиши”. Я, не думавши, спросил: “Что, Господи, писать?” Мысль отвечает мне: “Что тебе будет сказано”. Я вошел в келлию, сел на стул, взял карандаш и бумагу. Потом мысль сказала мне: “Пиши: первый урок о бессмертии”. Далее мысль говорит: “Пиши: человек создан не бессмертен, но бессмертие даровано ему от Бога; если бы не было ему даровано бессмертие, он не был бы достоин Бога”. Дописавши до этого места, у меня сделалась такая большая радость, что я уже не мог более писать, а побежал к вам рассказывать о сем».

Старцы на это заметили ему, что надобно было подождать окончания просвещения духовного. Впрочем, если сказано было, что это «первый урок о бессмертии», следовательно, должно последовать и второму уроку, с чем он и сам согласился.

После этого происшествия он заметно успокоился и уже с тех пор не жаловался более на доuku неверия в бессмертие, а мысль стала склонять его, чтобы принять монашество, и он стал беспокоить старцев требованием пострижения. Старцы, зная его большое семейство и неустроенных детей его, которые хотя жили у родных, но те о них мало заботились, к тому же зная и то, что пред отъездом своим из Германии на Афон он писал к митрополиту Московскому Филарету, с которым был знаком, прося у него совета и благословения остаться на Афоне, но тот ему не посоветовал оставаться по причине малолетних его детей, не согласились принять его и постричь в монашество и наотрез отказали ему в этом. Но он был непреклонен к совету старческому, а требовал непременно, чтобы старцы исполнили его желание. Они убеждали его по не-

сколько часов, выставляя на вид, что он не исполнил обычного трехлетнего искуса, который узаконен поступающим в обитель. «Но те, — говорили они, — люди непытливые, а предаются, по слову богоносных отцов, как железо кузнецу. А вы, начитавшись столько заграничных бредней, можете ли так скоро предаться воле отца духовного? Потому что и малейшее отсечение своей воли приводит вас в тревожное состояние и вырываются такие намеки: “Что мне говорите? Я несравненно более знаю, нежели вы говорите!” Теперь вы не связаны священными узами монашества, если со стороны вашей что-либо и последует, то не особенно будет заметно ваше положение и оставление обители. А тогда уже будет совсем другое дело!»

Все эти убеждения не подействовали на его упорство — он стоял на своем. Тогда старцы вынуждены были спросить его, имеет ли он к ним полное доверие, как бы ни состоялась воля Божия. «А за решением этого дела, — сказали они, — мы пойдем к игумену: как ему Господь возвестит, так и да будет. Но при этом вас нужно спросить: доверяете ли игумену истинную веру Божию?» Тут он подтвердил: «К чему такие тяжелые испытания, когда я всему верю?» За этими словами духовник отец И[ероним] пошел к игумену, и, покамест был духовник у игумена, Г. И. прибегал несколько раз к отцу М[акарию], спрашивал: «Как вы думаете?» Он ему только отвечал: «Теперь думать нечего, когда дело поручено воле Божией. Что она скажет, так и быть посему». Он же говорил: «Нет уж, верно, вы знаете». На что отец М[акарий] ему сказал: «Следственно, нет воли Божией, если я это знаю?» И справедливо. Старцы вполне отдались воле Божией, что Господь возвестит чрез старца-игумена. Чрез несколько времени приходит от отца игумена отец Иероним, и Г. И. к нему сейчас же быстро прилетел, и, лишь только получил ответ, что игумену не возвещается о пострижении его в монашество, он ничего не мог ответить, только вздрогнул и потом сказал: «Ну что делать? Подожду». И ушел. Пред вечерней пошел к нему отец М[акарий], и при встрече его он сказал: «Все вы иезуиты и больше ничего!» Отец М[акарий] стал говорить: «А где же вера ваша в волю Божию?» Тогда он заткнул уши и побежал от него, а к вечерне уже явился в своем пальто и желал, чтобы все братство видели его и вопрошали бы о изменении костюма.

Так продолжалось с неделю, пока он обдумывал свои планы. Вдруг ему пришло просвещение помолиться. Когда он начал молиться, то слезы из его глаз лились ручьями, и тут ему было богословское вразумление — сначала о догмате Святой Троицы, а потом

уверение в правильности ответов духовнических и внушение, что «ты после сам будешь благодарить». Тогда он пришел к старцам, извинился пред ними и тут же опять надел послушническое платье и по-прежнему стал ходить в церковь. Так он благополучно отпраздновал Пасху, говоря, что он в продолжение своей жизни такую Пасху еще первую празднует по духовному значению и торжеству.

Чрез месяц после Пасхи он получил из России какое-то известие о своих детях, которые воспитывались у его тестя. Ему писали, что материально они содержатся хорошо, но нравственно решительно брошены. После этого он повергся в уныние и не знал, что ему делать, и наконец порешил уехать, что и мы ему посоветовали. Тогда уже ничем нельзя было его остановить, и он едва мог дожждаться парохода. На приглашение наше остаться на день святого великомученика Пантелеимона он и то не согласился и уехал с миром с Афона в Германию к своему семейству, вполне оставшись доволен посещением Афона и нашей обители, приютившей его около года, оставив и нам по себе очень приятные воспоминания.

Чудесное обращение грешника к покаянию

В 70-х годах прибыл на Афон, в наш монастырь, из сибирских стран торговый человек лет около 30, довольно развитой, который решил остаться в нашем монастыре на всегдашнее жительство. Рассказ духовному отцу об обстоятельствах своей жизни он начал так.

«Я уроженец сибирских стран, из торгового сословия. Родители мои были православные. По научении читать и писать меня отдали одному богатому купцу, у которого я выслужился исправным приказчиком, а вместе с тем среди буйного общества его приказчиков я сделался, подобно им, как говорится, гулякою, кутилою и, к пагубному моему несчастью, еще хуже того — я сделался нигилистом. В таком гибельном состоянии для меня все было нипочем. Но Бог любви и милосердия не попустил мне погибнуть: чудным знамением Он обратил меня к покаянию. Это было таким образом.

В одно зимнее время я кутил до самозабвения. В это время издали мне показалась светлая точка, наподобие звезды. Такое странное явление удивило меня. Сперва я думал, что это мечта воображения и что скоро пройдет и более не повторится, но она не оставляла меня, и, куда я не обращусь, везде ее вижу. Это привело меня в разные думы и догадки, я задавал себе многие вопросы: «Что это такое, к чему это и для чего?» Это явление очень отяго-

тило меня, и я не знал, как от него избавиться, ибо это мешало моему разгулу. Я сделался скучен и робок, склонность к рассеянности у меня упала. Все мое внимание обратилось на видимую мною светлую точку, которая умственным внушением убеждала меня в бытии Бога и бессмертии души и советовала не предаваться более чувственности, но обратиться к покаянию. Но по привычке к развратной жизни кое-когда я позволял себе грешить, после чего мне делалось так худо, страшно и ужасно, что я не могу того и объяснить. Я чувствовал в душе своей страшный суд, что за мои грехи буду осужден на вечные мучения. В это время спасительная моя звезда внушала мне решительно оставить мирскую жизнь и идти в монастырь, на что я и решился. Слыша об Афонской Горе, что она более удобна для монашеской жизни, я пожелал прибыть сюда. С этого времени светлая точка уж более не являлась мне».

После такого объяснения он просил о принятии его в монастырь, был принят и определен на послушание по экономии, которое исполнял примерно со страхом Божиим. Потом он был сделан экономом и послан на монастырский хутор на Кассандру, где он управлял этим имением хорошо два года. Заболев, простудившись, он прибыл в монастырь и, принявши схиму, мирно отошел в вечность.

Повесть об иеросхимонахе Феофане

Известный русским насельникам Афона подвижник иеросхимонах Феофан, живший долгое время в скиту Кавсокаливском, был родом из Белой Церкви (Киевской губернии). Прибыл на Афон в 1842 году, имея от роду лет 25. Вначале он несколько лет прожил на разных келлиях, испытывая себя. Потом он поселился в русский Ильинский скит и там сделался монахом и иеромонахом. Проживши там около трех лет, он был оттуда выслан по причине возмущения братии против игумена Паисия, в котором он по неопытности своей принял участие.

Вышедши из скита, он пришел в Русик к духовнику Иерониму за советом и просил его, чтобы он принял его в духовные свои дети и посоветовал бы ему, что в таком искушении должно делать. Духовник заметил ему, что это надо было сделать прежде падения, ибо таковые великие дела надо делать по совету с духовником. Он на это замечание ответил духовнику так: «Еще в начале возмущения, когда братия приглашали меня принять в нем участие, совесть посылала меня к тебе за советом. И я пошел было к тебе и дошел уже до креста, но один помысл возвратил меня

назад, говоря: “Для чего же ты идешь к духовнику? Ведь знаешь, что духовник не посоветует тебе возмущаться противу старца!” Я, обольстившись сладостью греха любоначала, принял этот душевредный помысл, возвратился назад и вот потому впал в ров беззакония. Теперь что мне делать? Как это зло поправить?»

Духовник посоветовал ему поселиться где-либо подальше от скита. Принявши этот совет, он поселился в монастыре Хилендаре, где он служил, держал седмицу и был сделан духовником для исповедования богомольцев. Прожив там три года, он отяготился исповедию богомольцев и пожелал пойти в безмолвие. Духовник дал ему на это благословение, и он перешел на жительство в скит Кавсокаливский, где купил малую каливу с церковью всех святых, в которой прожил 15 лет один с полным вниманием к безмолвию.

В начале его безмолвия, по прошествии года, он спросил духовника: «Какой-то помысл советует мне приобщаться ежедневно, и я не знаю, от Бога это или нет?» Духовник сказал ему, что от плода познается древо и доброе и злое. «Для духовного опыта приобщайся ежедневно с полным исполнением правила ко Причащению и с воздержанием. А после будем смотреть, какие плоды духовные явятся из сего дела». Таким образом он и поступал. Все время проводил в Иисусовой молитве и в чтении книг русских и греческих. Рукоделием он вовсе не занимался, ибо оно мешало ему, и препятствовало заниматься молитвою, и приводило его в смущение. Он приходил к духовнику два раза в год по причине дальнего расстояния: сухим путем было 40 верст, а морем — 10 часов, и то когда на море тишина.

Однажды при свидании с духовником он сказал ему: «Что я буду делать, отче? Как ни стараюсь, как ни усиливаюсь удерживать себя от рассеянности, но враг препятствует мне много, и я вижу, что не могу безмолвствовать совершенно без обеспечения телесного. Беспрестанно и всегда враг находит причины к моему смущению: вот нет хлеба, вот нет сухарей, вот нет одежды, обуви — или: что поправить в каливе, где взять уплатить подати? Вот надо принять ученика, чтобы зарабатывать на хлеб, вот надо купить казан, чтобы выгонять регальное масло и прочее. А каковы нынче ученики? Им надо старцу кланяться, а не они — старцу. И подобные тому прилоги не дают мне свободы заниматься молитвою. Смущаюсь, унываю и не знаю, что мне делать. Вспоминаю опытный совет богоносных отцов, чтобы каждый безмолвник зависел содержанием от своего аввы. Верно, и они испытывали трудности безмолвия без обеспечения телесного. Да, смотрю на современных

безмолвников, как они, не имея обеспечения телесного, бедствуют, тревожатся и, бедняги, не достигают своей святой цели».

Духовник, подумавши, сказал ему: «Так как ты, принявши от меня великую схиму, усыновился мне, потому я, как собрата нашей киновии, обеспечиваю твое телесное содержание. А потому с этого времени ты уже более не беспокойся о содержании, что только будет нужно, доставим тебе».

С этого времени он стал свободно заниматься молитвою. Церковное правило он читал по книгам, а Иисусовой молитвою занимался в кельи, сидя на низком стульце, по Добротолочию, сначала по часу, а потом по два часа и по три, а далее по четыре, по пяти и по восьми часов. Однажды при свидании с духовником он сказал ему: «Когда я сижу и творю молитву, то иногда, случается, забудусь и слышу, что кто-то поучает меня разными притчами, подобно тому как написано в книге Макария Египетского». Духовник сказал ему: «Ты спросил его, кто он такой?» Он отвечал, что однажды он спросил его: кто он, беседующий с ним? Ответ был такой, что он — Тот, Который преподавал вам Евангелие! «С того времени я слышу другой глас — вражий, который все хулит и помрачает. Иногда по окончании молитвы и беседы этот глас вражий проговаривает: “Вот жид наставил тебя. Для чего ты этой молитвою занимаешься? Нынче она уже вышла из моды и никто ею не занимается”. И очень часто этот бес докучает мне разными прилогами, особенно когда читаю правило. Однажды только я начал читать полунощницу, бес начал свое болтать: “Вот ты уж несколько дней не варил ничего, нынче свари что-нибудь, а то изнеможешь!” А я читаю и не обращаю внимания на его слова, а он все продолжает свое: “Свари кушанье хотя для кота, а то ты его заморишь. А знаешь ли, что сваришь? Свари борщ. Трава есть, положи луку, пережарь его — и выйдет вкусный борщ!” А я все молчу. К концу утрени он начал приставать: “Что же, сваришь ли? Скажи мне. Коли не сваришь, то я буду плакать!” Я заметил это слово и подумал: “Неужели и бесы плачут?”

Впрочем, я не послушался его, не стал варить ничего, а в девятом часу взял хлеба, маслин и смокв и поел. Потом вышел из кельи, сел на завалинку, окинул взором окрестность: кругом горы и холмы дикие, вдали море бесконечное — и предался размышлению: “Вот такая моя жизнь, по пословице, “желтенькая”, и какое безвыходное мое положение: скорби да скорби, лишения и больше ничего. Увы, какая моя жизнь безотрадная!” От сего сжалось сердце мое, напала печаль, и я начал плакать. В это время мне говорит

в сердце голос: “Вот видишь ли, как бес в тебе плачет, он хитро исполнил свое обещание!” Услышавши такое вразумление, я ободрился и спросил: “Как же это можно поверить, что это во мне бес плакал, а не я сам?” На это ответ мне был такой: “Ты сам рассуди, от каких мыслей ты начал плакать? Враг внушил тебе, что ты проводишь жизнь скорбную, безнадежную и что твое положение безвыходное, как будто впереди лучшего состояния не будет, а все кончится ничем. И вовсе помрачил твою память о воздаянии в вечности за твои труды, как будто ты не ради спасения живешь в пустыне и терпишь многие лишения. И ты в таком случае забыл напомнить себе слово Евангелия: *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех* (Мф. 5, 12). И вот ты от духа уныния начал вместе с ним плакать. И вот для духовного опыта твоего показано тебе, каким образом бесы плачут в сердцах людей нерассудительных”.

Много обманывал меня бес, стараясь отвлекать меня от созерцательной молитвы, которую он очень не любит, и, если когда случалось в молитве созерцать какое видение, тогда бес старался это помрачить разными сомнениями: что это мечта была, а не истинное видение, игра воображения, что этому не должно верить, что это есть прелесть и подобное тому».

Духовник спросил его: «Каким образом в молитве приходят тебе созерцания, видения и откровения? Сознательно ли? Ум твой в это время имеет ли свободу верить или не верить виденному, принять или не принять?» Он отвечал, что в это время ум лишается своей свободы и не может рассуждать, но, как во сне бывает, видит, что ему представляется, но не имеет свободы принять видение или не принять. Духовник спросил его: «А в каком положении в это время тело находится?» Он отвечал, что иногда стоя на коленях, а иногда в лежачем положении на полу, а иногда в сидячем положении. Это бывает так, что творящий Иисусову молитву на коленях или сидя забывается или задремлет как бы. В это время он видит что-либо: или свет, или рай, или ад, а чаще всего видит славу Креста. Иногда видит огромной величины Крест, украшенный радужными цветами, а вокруг него множество предстоящих Ангелов, сладким пением восхваляющих Искупителя рода человеческого. «В таком молитвенном положении невольно, как бы в забывчивости, я несколько раз видел Святую Троицу в разных видах небесной славы, обстоимую бесчисленным множеством небесных воинств ангельских, и, какая была одежда у Святой Троицы, подобная была у всех Ангелов. Если одежда у Святой Троицы была украшена крестами

радужными, то же было у Ангелов. Однажды молился я Иисусовой молитвою, и внезапно Ангелы возвели меня на небо и представили Святой Троице, пред Которою стояла хрустальная купель, и я слышу голос, говорящий: “Крещается раб Божий (имя назвавши) во имя Отца”, и мне показалось, что Отец коснулся Своею рукою моей головы и погрузил меня в воду при гласе “аминь”. Потом — “и Сына” — в это время Сын Своею рукою погрузил меня в воду при гласе “аминь”. Потом — “и Святаго Духа” — в это время мне показалось, что Дух Святой коснулся моей головы и погрузил меня в воду с возгласом “аминь”. Все это время я от страха весь трепетал и потом пришел в себя, но еще долго был в ужасе и весь дрожал, недоумевая, что это со мною сделалось».

Духовник сказал ему, что святые отцы советуют таковые правдоподобные великие предметы принимать с осторожностью: ради истины — может быть, они истинные, то не проклиная их, и ради прелести — может быть, они неистинные, то вполне не доверять им и не принимать их. Он отвечал: «Я и сам имею их под сомнением. Бог их знает, истинные ли они или ложные, это трудно понять. Да к тому же и злой дух старается все эти видения помрачить и вовсе уничтожить, уверяя, что все это произошло от вольной моей фантазии, и более ничего. Но иногда он от злости выйдет из терпения и против воли скажет правду, особенно когда случится посидеть с Иисусовой молитвою долго и придет просвещение. В это время враг молчит, ничего не говорит, но слышит ли он что из просвещения и понимает ли его, этого я верно не знаю, а только нередко слышал его по окончании просвещения говорящим мне: “Вот жид наставил тебя”. А чему наставил, того едва ли он знает, потому что никогда о том не говорил, а верно, что только догадывается. Но диавол — мастер искусный подделываться под глас истинного просвещения, и он часто таким образом обманывал меня, по слову Священного Писания: “Аще диавол *преобразится в Ангела света*, почесому разумеем” (2 Кор. 11, 14)».

В разборе созерцаний вся опасность заключается для внутреннего делания и для безмолвников и для общежительных. Для этого необходим опытный путеводитель. Посему духовник просил отца Феофана, чтобы он все открывал ему и ничего не скрывал бы — ни худого, ни доброго, ибо прелесть всегда обманывает нас с доброй стороны.

Он обещал исполнять это строго, и действительно 15 лет он во всем открывался, и эти годы прошли благополучно. После этого он заметно стал скрытен и вознослив. Ради многих созерцаний,

которые были ему дарованы от Бога, он, вероятно, вознесся и впал в гордость, стал утаивать от духовника некоторые видения под предлогом, что духовник другой жизни от него, то есть жизни ниже его, а потому и не может рассуждать или понимать высокие видения и откровения. Однажды при посещении духовника он рассказал ему о некоторых своих видениях и потом проговорился так: «А о некоторых видениях не велено говорить тебе». Духовник с удивлением взглянул на него и, сделав головою знак поклона, сказал ему: «Поздравляю вас с прелестью!» От этого он, застыдившись, покраснел. Потом духовник начал убеждать его, что это неправильно и что в этом его ошибка: «Надобно бы было рассудить и принять во внимание то, что 15 лет ты открывал мне все твои видения. А теперь по какой причине это не позволяется?» Он отвечал: «Ты не можешь по причине твоей многозаботной жизни рассуждать о высоких видениях!» Духовник спросил его: «Скажи мне, какие это чрезвычайные видения, которые тебе не велено открывать мне, и что может быть выше видения Святой Троицы? Однако ты не имел запрещения рассказать мне о том, и я сему поверил, потому что на это есть указание у святых отцов. О сем говорят святитель Григорий Богослов и преподобный Исаак Сирин, что подвизающиеся в молитве и богомыслии сподобляются видения Святой Троицы». Он на это так отвечал: «Когда я на лодке плыл к тебе, тогда волны морские говорили: “Свят, Свят, Свят Господь Саваоф”. Ветер дул и говорил то же, птицы пролетали и выговаривали то же, горы и холмы возглашали то же, деревья говорили то же, и также камни вопияли то же. А другое видение, о котором не велено говорить тебе, было то: однажды я видел великий храм на небе, у которого купол был ужасной величины. Когда я пустил свой ум в него, то он устремился в бесконечность, и я, убоявшись, как бы он совсем не ушел туда, поспешил возвратить его оттуда».

На это духовник сказал ему: «Вот видишь ли, отец Феофан, я справедливо поздравил тебя с прелестью. Выслушай мое объяснение. Когда я был еще в мире, мне случилось прочитать Шестоднев святителя Василия Великого, в котором есть объяснение 148-го псалма, где Василий Великий говорит, что некоторые думают, будто поименованные в псалме творения, одушевленные и неодушевленные, непосредственно хвалят Творца, но это несправедливо, ибо они не имеют разума, а другие и чувств не имеют. Только разумные творения имеют способность хвалить Творца за многообразную красоту и премудрую гармонию природы, а сама природа не имеет сознания хвалить Творца своего. Хотя и приходили ко мне

некоторые пустыnnики и говорили противное сему, но я сего никогда не приму. Вот видишь ли, старче, как святой отец разрешил твое видение? А прелесть знала, что я об этом предмете имею правильное познание, потому и не велела тебе сказать мне о сем, дабы надуть тебя самомнением, что будто бы ты умнее дурака — духовного отца твоего. Так же и другое высокое видение твое, о котором не велено объяснять мне, пахнет тоже прелестью, ибо виденный тобою великий храм являет свободную игру демонского воображения вещественного, и ты имел в то время свободу твоего ума, который ты мог возвратить назад к себе, ибо в истинном видении этого не бывает — там только ум видит то, что ему показывается, но не имеет свободы сократить или умножить, продолжить или остановить видение. Смотри в Добротолюбии объяснение о сем преподобного Григория Синаита — разговор его с преподобным Максимом Кавсокаливским, когда святой Григорий спросил его, во время восхищения ума имеет ли он свободу? Преподобный Максим отвечал: «Нет, ум тогда не имеет никакой свободы своей, а только водится благодатию». Поэтому и другие святые отцы единогласно говорят, что истинное благодатное видение должно быть всегда невольное, за которое человек не отвечает, а за вольное принятие видения человек отвечает. Потому-то святые отцы советуют, чтобы добровольно ничего не принимать и даже ничего не желать видеть или слышать, хотя бы что показывалось и истинное. Даже и снам никаким не верить, ибо чрез веру в них многие погибли. Даже и невольному видению не должно верить совершенно, без рассуждения и откровения о сем опытным, но всегда иметь оное под сомнением, ибо один Бог весть оное — истинное оно или ложное».

Хотя отец Феофан говорил, что он и сам сомневается в своих видениях, но последствия показали, что он им доверял и скрывал от духовника, а потому и уклонился в прелесть — поверил своему сердцу. Когда духовник спросил его, в каком положении он находит свое тело после видения, он отвечал, что иногда стоящим на коленях, а иногда распростертым на земле, «а иногда помысл противу воли моей понуждает меня простираться крестообразно на землю для созерцания». Это последнее удивило духовника, ибо обнаружило грубую прелесть. Вот где он ошибся!

С того времени заметно было в нем смущение, оттого и вид переменился, и он часто стал жаловаться на жестокую хулу на Бога, которая очень смущала и отягощала его до того, что он начал тяготиться безмолвием. Хотя он и читал о ней, что хула на Бога попускается от Бога за гордость, но он этого не приложил к себе, ибо

дозволил себе принимать явные мечтания. Однажды он сказал духовнику, что, когда он служит, тогда видит Ангелов, а этого не должно бы принимать и верить сему. И хотя он принял постриг в схиму от духовника, но не считал себя зависимым от него, как и сам сказал о сем духовнику, что глас Божий¹, который он часто слышит в сердце своем, сказал ему так: «Покуда ты слышишь в себе глас, потуда будешь зависеть от меня непосредственно, а, когда утратишь его, тогда будешь зависеть от твоего старца!» И часто глас внушал ему о богаче, потерявшем свое богатство, — как ему тогда бывает трудно, тяжело, стыдно и бедственно и что подобное тому бывает и духовному человеку, потерявшему свое духовное богатство. Но и враг часто хвалился и угрожал ему тем, что выгонит его из Святой Горы, оклеветав его еретиком. И это сбылось таким образом.

Однажды он разговорился с духовником и увидел у него на столе лежащую книгу — толкование Апокалипсиса, переведенное с немецкого языка на русский, сочинение госпожи Геон. Он, развернувши, немного почитал, и она понравилась ему. Он попросил дать ему прочитать ее. Духовник сказал ему, что книга сочинена женщиной-еретичкою и ее в России запрещено читать, хотя и полезно для любознания прочитать ее, но давать другим для прочтения вредно, ибо она указом запрещена. «Возьми и прочитай, но никому не показывай ее и не говори о ней». Он обещал так сделать, но не сдержал своего слова. Содержание книги ему понравилось, он увлекся ею и по неосторожности начал хвалить ее пред другими монахами. Случилось, что некоторые знали, что в России эта книга, как еретическая, запрещена для чтения. Начали с ним спорить о ней, а он начал защищать. И вот от этого спора другие огласили его еретиком. Он, услышавши о сем, смутился и задумал оставить Святую Гору. Духовник увещевал его иметь терпение, что это пройдет, но он имел большую причину удалиться — по причине отяготившей его хулы.

Однажды он пришел к духовнику и говорит ему: «Что я буду делать? Не могу более терпеть от стужения хулы, непрестанно день и ночь она мучит меня, не дает мне ни малейшего покоя, только немного отрады и получаю от посещения людей, а как только гость ушел от меня, хула опять мучит меня. Этот страшный, адский, несносный вопль доводит меня до сумасшествия, и я начал бояться, как бы не потерять ума. Благослови продать келлию и отправиться в Иерусалим. Может быть, это искушение рассеется!»

¹ Вернее, отец Феофан думал, что это глас Божий. — *Примеч. сост.*

Духовник, убоявшись этого, принужден был дать ему благословение отправиться в Иерусалим.

Когда он имел помазание и ясно слышал глас в себе, тогда лицо его было облагодатствовано и с ним беседовать было приятно хотя бы и две ночи, но, когда он прельстился, лицо его сделалось грубое и разговоры его стали неприятны.

Живя в Иерусалиме, он, жалкий, уклонился в любостяжание, хотя в том и не имел нужды, ибо монастырь Русик содержал его. Когда он приехал из Иерусалима, духовник рад был ему, думая, что он жить будет на Святой Горе, но он приезжал не за тем, а за покупкою картин, которыми он торговал: раскрашивал и продавал богомольцам. При свидании с духовником он был мрачен и рассеян. Духовник напомнил ему, чтобы он остался на Афоне. Он отвечал, что приедет на Святую Гору. Когда духовник спросил его, что он, кажется, теперь не слышит гласа Божия и не имеет уже созерцательной молитвы и что в нем есть большая перемена, он в смущении неясно отвечал, что и теперь имеет то же и что не замечает в себе особой перемены. Но это он сказал, кажется, по самообольщению и весьма был скучен.

Так и не принял духовниково предложение остаться на Святой Горе, отправился опять в Иерусалим и уже больше не возвращался оттуда. Там помер, и очень нехорошо. При смерти его случился монах Русика — отец Дорофей, который писал о его смерти, что три дня был без языка и страшно умирал — ужасно мучился. А прежде сего, когда еще мог говорить, сказал предстоящим, что он видит вокруг себя стоящих в облачениях — следовательно, он до самой смерти своей принимал мечты. После смерти его остались деньги — 3000 франков, которые он завещал раздать за помин его.

Повесть о брате, пострадавшем от совета другого брата

В 1849 году прибыл из России на Афон в числе богомольцев Василий Климов Певчев, родом из Московской губернии, Коломенского уезда, вдовый молодой человек лет 25. Остался на житье в нашей обители. Так как он был мастерством портной, то и дано было ему послушание заниматься шитьем одежды братской. Он был неграмотный. Начал проходить свое послушание усердно. Ходил в церковь постоянно и всегда к началу службы. Духовнику он открывался часто и обо всем, не скрывал ничего — ни худого, ни доброго — и во всем слушал его.

Вначале он просил духовника, чтобы он научил его, как должно молиться. Духовник, зная его неграмотность, дал ему наставление, чтобы он сколько может удерживался от празднословия и понуждал бы себя держать Иисусову молитву, и притом открывал бы все свои помыслы, что он исполнял тщательно, и за то он был утешаем благодатию частым умилением и слезами, кротостью и смирением и усердием к подвигам. Таким образом он прожил трехлетний искуc, после коего пострижен был в мантию и назван Власием. И после мантии он жил хорошо, примерно, держал молитву, был молчалив, несмел, стыдлив и во всем воздержан. Таким образом он прожил 11 лет, но прежде сего времени он по болезни был пострижен в схиму в 1854 году и назван Виссарионом. По принятии схимы он стал жить еще лучше прежнего.

В один вечер пришел к нему в келлию один старый монах, тоже неграмотный, и они беседовали все о духовном. Между прочим отец Виссарион предложил старцу такой вопрос: «Как надо исповедоваться духовному отцу? Обо всем ли нужно говорить ему — как о худом, так и о добром, о грехах и о добрых делах? Потому что духовник всегда спрашивает меня о том и о другом: как я молюсь, как воздыхаю, как стенаю и как плачу». На этот вопрос старец ответил ему так: «На исповеди надо говорить отцу духовному только об одних грехах, а о добрых делах не следует говорить ему, ибо это есть тщеславие».

С того времени отец Виссарион на исповеди не стал уже более открывать духовнику своих духовных действий, хотя духовник и часто напоминал ему, что он нехорошо это делает, потому что от этой скрытности могут быть последствия очень дурные. Однако он не слушал духовника, вразумляющего его. Враг, заметивши, что он сложился с помыслом, чтобы не открывать духовнику свои духовные действия, начал надувать его фарисейским духом, беспрестанно внушая ему, что он несть якоже прочие человецы. «Ты живешь лучше многих других в обители, — говорил ему помысл, — посмотри на себя и на других, ибо ты всегда в труде находишься, обшиваешь всю братию, держишь молитву, имеешь умиление, часто плачешь, ничем не грессишь. А вот около тебя живут лентяи, тунеядцы, празднословцы и пьяницы. Ты святой, а они грешники». Мало-помалу он начал принимать таковые и подобные им помыслы и уже начал убеждаться, что он в самом деле святой, а прочие не таковы, как он. Вследствие такого возношения молитву он оставил, а за нею и сокрушение, умиление, и слезы, и воздыхания, и все благое действие. А вместо них у него

появились грубые страсти: гордость, гнев, осуждение и непослушание.

Однажды он разговаривал с помыслом, который спросил его, знает ли он, с кем разговаривает? Виссарион отвечал ему, что он этого не знает. Помысл сказал ему: «Я Христос, пришел к тебе жить в твоём сердце, и теперь ты во всем слушай меня». Жалкий наш Виссарион этому поверил и возрадовался. После этого происшествия он еще более возгордился. Более прежнего стал приражаться с братьями. В церковь стал ходить редко, особенно к заутрене. Также и от святого Причастия стал уклоняться, что духовник скоро заметил и за то обличал его и бранил, старался уверить его, что он совсем переменился и теперь слушает злого духа, который погубит его, хотя он и считает его за Христа. Но он не внимал старческому обличению и во всем противоречил ему и укорял его, потому что злой дух внушал ему, что духовник его есть великий грешник, и советовал ему, чтобы он бежал куда-либо в другое место жить. Когда духовник укорял его за то, что он не ходит к заутрене, то за это он всегда гневался и роптал на него, а иногда, вышедши из себя во гнев, он выражался так: «Кто сделался сам церковью, тот уже не имеет нужды часто ходить в церковь». Также и о частом приобщении Святых Таин он говорил: «Кто имеет в себе Христа, тот уже не имеет нужды в частом приобщении». Эти мудрования диктовал ему лжеучитель его. Об этом по прошествии прелести он сам рассказывал духовнику. Он был уверен, что в нем живет и действует Христос, а потому во всем слушался учения его, не обращая внимания на неправильность учения, которое было вовсе противно учению истинного Христа.

Хотя духовник и часто указывал ему на это, но он ни в чем не верил ему и даже считал его великим беззаконником, а потому и не слушал его и не внимал его наставлениям. Равно и от других отцов он тоже не принимал никаких советов. А потому все более и более помрачался страстями и мечтал о себе, что он великий святой, достоин великих откровений.

Однажды он пришел к духовнику и сказал ему: «Отец духовник, меня прислала к тебе Божия Матерь и приказала сказать тебе, чтобы вы оставили идолопоклонение». Духовник с удивлением спросил у него: «Какое же у нас есть идолопоклонение? Где же эти идолы, которым мы кланяемся?» «Самовары, — отвечал он, — они наши идолы, которым мы кланяемся, и вот Божия Матерь сказала мне, чтобы я сказал тебе, дабы вы истребили самовары, ибо они — идолы. Так сказала Божия Матерь». «А каким образом Божия

Мать сказала тебе о сем? — спросил его духовник. — Явилась ли Она тебе явно или иначе как? Скажи мне о сем». «Нет, не явилась Она мне, — отвечал он, — а гласом с неба чрез икону Свою сказала мне об этом». «И ты уверен в том, — спросил его духовник, — что действительно истинная Божия Мать сказала тебе о сем, а не бес? И можешь ли это доказать?» «Истинно уверен в том и могу это доказать», — отвечал он. «Ах, отец Виссарион, да ты совсем прельстился, — сказал ему духовник, — тебе это говорил бес, а не Мать Божия, и ты никак не можешь доказать то, что Божия Мать говорила тебе, а не прелесть, и вот сейчас ты на деле увидишь свое заблуждение. Если правда, что Божия Мать говорила тебе те слова и послала тебя сказать мне о том, то пусть Она при тебе скажет о том мне». «Хорошо, хорошо, пойдем в церковь, — отвечал он, — и Она при мне скажет тебе о том же». Пришедши в церковь, старец Виссарион стал пред иконою Божией Матери, поднял руки и начал говорить вслух: «Божия Мать, скажи духовнику то, что Ты мне сказала». Но ответа не последовало. Он начал повторять свои прошения, но ответа не было. Сошедшиеся отцы смотрели на это и удивлялись, а Виссарион все стоял с воздетыми руками и вслух вопиял: «Божия Мать, скажи духовнику!» Таким образом он молился четверть часа и, не дождавшись ответа, опустил руки и, обратившись к духовнику, сказал ему: «Что-то Она молчит». «Да, при нас не смеет ничего сказать тебе тот, который обманывает тебя, — сказал духовник, — и ты теперь должен увериться, что прелесть говорила тебе от лица Божией Матери, а не Сама Она».

Но он, жалкий, этим не вразумился, а начал смущаться и гневаться. Тогда духовник приказал отцам взять его и затворить в особую келлию на хлеб и воду. В это время в нем оказалось уже явное беснование, потому что он при этом начал бранить духовника и всех скверными словами. Пробыв в затворе на хлебе и воде две недели, он начал просить чаю и чтобы выпустили его на свободу. Духовник спросил его: «Как же ты просишь чаю, когда сам говорил нам, что самовары и чай есть идолопоклонство, а теперь просишь чаю?» «Прости, батюшка, это была прелесть, — отвечал он, — и я теперь проклиная ее и уже более принимать и верить ей не буду, только умиласердись и выпусти меня отсюда». Духовник вывел его из затвора и дал ему наставления, чтобы он впредь все открывал ему и не верил своему рассуждению.

Он как будто бы смирился и раскаялся, но это было лицемерно, потому что по прошествии некоторого времени оказалось, что он

все еще руководится прелестию и верит ее учению, потому что в церковь оставил ходить под предлогом нездоровья, также оставил и святое приобщение под предлогом, что, кто имеет внутри себя Христа, тот уже не имеет нужды в частом приобщении. Никакие увещания и вразумления духовника и всех отцов не исправили его, и он в таком прельщенном состоянии находился лет пять. Один только Бог непосредственно Сам избавил его от такого душепагубного состояния. Это было так.

Однажды он в большом страхе и ужасно перепуганный прибежал к духовнику в келлию и, упав ему в ноги и ставши на колена, взволнованным голосом, задыхаясь, едва проговорил: «Ах, отче, спасай меня, ведь я нахожусь в прелести». «Да я уже пять лет как говорю тебе, что ты находишься в прелести, и ты мне все не верил. А теперь как ты познал, что находишься в прелести?» — спросил его духовник. «Пред этим временем месяца за два, — отвечал он, — на меня напала блудная страсть такая сильная, что у меня в продолжение 30 дней естество не упало. Разжжение плоти мучило меня день и ночь, наконец вывело меня из терпения, и я принужден был сделать телу моему удовлетворение греховное. И как только я этот грех сделал, тотчас как бы опомнился и ужаснулся этому делу. Вспомнил, что ведь я 11 лет и помыслов блудных не принимал, а теперь вот и блуд сотворил. Совесть моя в эту минуту сказала мне: “Иди скорее к духовнику и расскажи ему обо всем”. Только что я хотел выйти из келлии и взялся уже за дверь, чтобы пойти к духовнику, как помысл, которого я считал за Христа, сказал мне: “Постой, куда ты идешь?” Я отвечал ему: “Пойду к духовнику исповедоваться, что я сделал грех”. “Не ходи, — сказал он мне, — ибо я всем духовникам духовник. Исповедайся мне, и я тебе прошу этот грех”. А я, глупый, и рад был этому, поверил ему и попросил у него прощения, и он простил мне, и я успокоился. На другой день я то же повторил, и совесть моя опять сказала мне, чтобы я пошел к духовнику и исповедовался бы ему, но мой лжехристос опять остановил меня, говоря, что это ничего не значит и я в будущем буду этим наслаждаться. Это объяснение понравилось мне, и я, безумный, поверил ему, а потому с того времени я вполне предался сладострастному состоянию, как будущему блаженству. В этом ужасном состоянии я находился два месяца, в продолжение коих я лишился сна и аппетита, и это так меня изнурило, что я едва мог ходить. Но блудная брань не переставала разжигать меня до самой крайности, и я уже не считал ее за грех, принимал и наслаждался как будущим блаженством. В это время явилась мне

покойная жена моя, пришла ко мне в келлию как бы явно, разнаряженная, и начала говорить мне: “Так как ты молился за меня и поминал в молитвах твоих, то я пришла к тебе поблагодарить тебя за это”. Я обрадовался посещению ее и предложил ей, нельзя ли по-прежнему соединиться с нею. Разумеется, отказа не было. И вот я, помраченный, сделал с нею грех, не понимая того, что это была бесовская мечта. Изнемогая телом и душою, я ежедневно насиловал свою природу сладострастием. Сегодня, сделавши грех, я вдруг испугался, пришел в ужас и трепет и в отчаянии проговорил: “Господи, ведь я неграмотный, может быть, я нахожусь в прелесть?” В эту минуту я услышал с неба грозный глас, говорящий мне: “Окаянный, уже Ангел-хранитель отступил от тебя, и ты скоро взбесишься. Иди скорее к духовнику и расскажи ему все”. Вот как я узнал свою прелесть и прибежал к тебе, чтобы рассказать тебе обо всем со мною случившемся. Теперь прошу тебя, отче, помоги мне в моей беде и спаси меня, как знаешь. Признаю себя во всем виноватым пред Богом и пред тобою, что не слушал твоего вразумления. Но теперь возвращаюсь к послушанию, как блудный сын».

Духовник, видя его истинное сознание и сокрушение, приказал ему сделать подробную исповедь. По окончании ее духовник спросил его: «Так как ты при помощи Божией познал теперь прелесть свою, что диавол прельстил тебя и ты по невежеству твоему подчинился ему и слушал его учения, то с этого времени ты отрицаешься ли от него и от всего учения его?» Он отвечал, что отрицается от него и от всего учения его. Потом духовник прочитал ему разрешительную молитву и притом дал ему наставление, как ему противодействовать нападению бесов, которые не замедлят напасть на него со всею бесовскою яростию своею, и сказал ему: «Иди теперь в келлию твою и немедленно затвори окно, а потом какое будет нападение на тебя от лжехриста твоего и его служителей, тогда приходи ко мне и расскажи о том. Но смотри отнюдь не бойся устрашения их».

Он пошел в свою келлию, а духовник молился за него. Но не прошло и получаса, старец Виссарион прибежал в келлию к духовнику в большом страхе, упал ему в ноги и с плачем едва проговорил: «Ах, батюшка, какая мне беда! Как только я пришел в келлию и едва успел затворить окно, как бесы наполнили мою келлию с ужасными криками и воплями, заорали на меня: “Ах ты, проклятый, и ты еще дерзаешь отбиваться от нас! Нет, ты наш, ты нам поклонился и предался, и сто духовников не отнимут тебя у нас”. И чуть было не разорвали меня на куски. Что я буду делать? Они,

проклятые, доконают меня, и я уже боюсь идти в келлию мою». Духовник сказал ему: «Вспомни, отец Виссарион, что я многократно говорил тебе о сем, что этот лжехристос, которому ты по невежеству твоему доверился, как истинному Христу, по разоблачении его обмана будет искать гибели души твоей. Вот теперь это сбылось. Теперь он с бесами уже ищет погубить тебя. Но ты надейся на Избавителя твоего Господа и на молитвы отеческие, и не бойся его, и нимало не смущайся от угрожения и обличения его, ибо ты пострадал от сокрытия от духовника на исповеди своих действий. По неопытности и невежеству твоему принял ты, глупый, зловерный совет подобного тебе невежды, чтобы скрывать от духовника добрые свои дела. Вот с этой-то стороны враг и уловил тебя, потому что враг обыкновенно подвижников уловляет всегда с доброй стороны. Потому святые отцы и написали нам из своего опыта, чтобы исповедовать духовному отцу все, что есть, не более и не менее, как злое, так и доброе. И ты сам, покуда держался этого правила, открывал духовнику все доброе и худое, ты был благополучен, а, как только ты принял от другого невежды вредный совет и последовал оному, с того времени у тебя все в жизни переменялось с доброго на худое и довело тебя до сумасшествия. Но теперь воздадим славу Богу, что Он наказал и помиловал тебя, просветил тьму твою, и бесы уже так дерзко не будут приближаться к тебе. Держи молитву и не внимай им».

Он пошел в свою келлию. Духовник по прошествии нескольких часов зашел к нему и спросил у него, что теперь бесы делают с ним, беспокоят ли его по-прежнему? Он отвечал, что «теперь так не беспокоят меня и внутрь келлии не входят, а все толпятся около двери и окна, ужасно кричат и скверными словами бранят меня, скрежещут зубами и угрожают».

На другой день бесы стали удаляться, а чрез неделю он уже не слышал голосов их. Но вместо гласов бесовских у него в воображении появились разные огненные и радужные колеса, машины и разные фигуры, которые очень смущали его и беспокоили. Намерение врага было, чтобы хотя таким образом отвлечь его от покаяния и тем попрепятствовать его спасению. Но благодать Божия и это хитрое препятствие вражие уничтожила, и он стал жить в послушании и успокаиваться. Впрочем, здоровье его расстроилось и он, все время болея, жил при больнице.

Теперь особых странностей в нем не видно, но последствия прелести в нем остались, потому что и до сего времени он редко исповедуется, и то нехорошо, не совсем откровенно. Но по крайней мере

он теперь тихо живет и часто болеет. Но первое свое благодатное устроение он потерял и возвратит ли когда-либо, это один Бог весть, Которому все возможно. Тому да будет слава вовеки. Аминь.

Повесть о схимонахе, пострадавшем от совета со многими старцами

Схимонах отец Варсонофий, в мире Василий, прибыл в обитель нашу молодым, лет 25, и был определен на послушание на архон-дарик, проходил оное по совести, со страхом Божиим, был пострижен в мантию, любил заниматься молитвою.

Однажды он попросил позволения у духовника читать книгу Добротолюбие, но духовник не позволил этого, сказав, что еще рано читать ему эту книгу, которая наставляет более отшельников об уединении, а не общежитии. Но он преслушал совета духовника, тайно приобрел эту книгу и, прочитав ее, повредился, ибо в скором времени стал болеть, внутренностью сохнуть, и оказалась у него грыжа. Духовник спросил у него, от какой причины у него оказалась грыжа? Потому что он имел послушание не тяжелое, то от чего же у него быть грыже? Он отвечал, что и сам не знает тому причины. Духовник спросил его, не полагает ли он земные поклоны без пояса, особенно потный, или по неопытности не удерживает ли дыхание в молитве, ибо от этих причин бывает грыжа. Он отвечал, что во Иисусовой молитве удерживает дыхание, как написано в Добротолюбии. «Ну вот и нашли причины твоей грыжи, — сказал ему духовник. — Да ведь я не благословил тебе читать Добротолюбие, зачем же ты не послушал меня? Вот за это тебя Бог и наказал грыжею. Я знаю, что ты без руководства не можешь уразуметь его писания. Вот так и случилось: ты не понял того места, где о удержании дыхания при молитве написано, ибо в замечании пояснено, не дыхание удерживать, да не надорвать себя, а дыхание ума, да не борзо дышит!»

Потом он объяснил духовнику, что он со многими старцами советуется, открывает им свои частые умиления и слезы, и они советуют ему удалиться в уединение, дабы сохранить эти дары. И он с того времени стал постоянно просить духовника, чтоб отпустил его на безмолвие. Духовник часто показывал ему из писания, что его послушание гораздо выше безмолвия и что сама молитва, и умиление, и слезы даны ему ради послушания, но он все слушал чужих старцев и однажды тайно ушел за Афон во уединение и едва не погиб на пути: сильный ветер свалил его в пропасть, и он едва

удержался за куст, воротился назад с раскаянием, но по малом времени опять стал проситься на уединение. Духовник уверял его, что это желание у него не от Бога, а от зависти врага, ибо враг, видя его обогатившимся чрез послушание многими духовными дарованиями, приискал средство обмануть его желанием уединения, к чему он вовсе не был способен. И, чтобы на самом деле опытом показать, что все те дарования, которые он имел, даны ему от Бога в утешение ради злострадания, которое он терпел во многотрудном послушании, сказал ему: «Иди на безмолвие на Троицкую келлию на 30 дней и опытом узнаешь истину моих слов, потому что в продолжение этих 30 дней ты не будешь иметь ни умиления, ни слез, и это послужит тебе указанием не искать прежде времени ничего выше меры своея!» Он с радостью принял этот совет и того же дня ушел на келлию.

По прошествии 30 дней он пришел к духовнику и, поклонившись, сказал ему: «Так случилось, как ты сказал: как только я вышел за порту, так все действия у меня уничтожились. Теперь прошу прощения и более не буду желать уединения».

Но недолго обещание его продолжалось, потому что советы его со многими пустынноиками опять сбили его с толку и он опять стал проситься, докучать, чтобы отпустили его на уединение, а в противном случае уйдет без благословения.

Духовник, видя его непреклонную волю, отпустил его. К нему прилепился такой же прельщенный монах Кассиан. Вышли из обители и пошли за Афон, там купили себе каливу, пожили в ней полтора года, приходят в монастырь и просят, чтобы опять приняли их в обитель. Духовник спросил их: «Что вы так скоро соскучились в пустыне?» «Испытали, и довольно для нас! В полтора года мы и двух утреней не прочитали как следует, все некогда было за беседами и советами, и вот тары да бары, делали святые вечера, а службою Божиею не было времени заняться».

Хотя они были приняты, но, проживши год, опять вышли, а чрез полгода опять возвратились и, чтобы утвердиться в обители, приняли схимы. Но и это средство не прибавило им самоотвержения и не исправило их развращенной воли, ибо они чрез год опять вышли из обители, и опять возвратились, и опять вышли, и, наконец, торжественно признались, что они потеряли благодать общежительную и уже более не могут жить в общежитии. И, в последний раз вышедши из обители, вдались в мелкие суеты и разные спекуляции и вовсе забыли искомое ими безмолвие. Приобрели большую келлию, начали производить без дозволения монастыря

большие постройки, монастырь же им воспрепятствовал, они пошли в кинот судиться с монастырем. Кинот решил дело в пользу монастыря; они не покорились решению собора, а захотели идти в Солунь — судиться у паши и у консула. По этому случаю Варсонофий пришел к духовнику за советом, духовник разоблачил пред ним намерение диавола, который под благовидным предлогом, якобы ради уединения и безмолвия, вывел его из обители, а потом вовлек его в любостяжание, и опять под благовидным предлогом — ради пропитания. И вот наш нестяжательный отшельник, вышедши из обители без копейки, теперь оказался стяжавшим келлию в 2000 рублей. «И вот враг, — сказал ему духовник, — выпросил чрез это средство выгнать тебя из Афона, и если ты благоразумен и придержишься внимания, то сам можешь это уразуметь и при помощи Божией разрушишь вражьи советы. Послушай моего совета, оставь, продай свою келлию и удались в безмолвие и спасешься».

Но он не принял старческого совета, пошел в Солунь; там отказали ему, также в Константинополе. От этого он смутился, уехал в Россию и совсем оставил монашество. Нанялся в приказчики у брата своего и теперь находится в Киеве, торгует в магазине. Был схимонах и искатель безмолвия и непрестанной молитвы, расстроился и отстал от монашества чрез неправильные советы со многими монахами, а своим духовником пренебрег.

Повесть о старце, принимавшем мечтания

Известный иеромонах отец Тихон сначала жил в нашей обители, потом перешел к духовнику отцу Арсению, а после смерти последнего он пошел на безмолвие. Но так как он не был к оному приготовлен, то вместо пользы получал от оного вред, ибо верил мечтаниям и принимал их, устроился жить бессовестно — по сомнению и самочинию. Жил в пустыне один, положил себе правило чрезмерное. Каждую ночь он делал 1000 поклонов земных, не исключая праздников и воскресных дней, и еще по 2000 поклонов поясных, и это продолжал пятнадцать лет. Не ощущая труда и усталости, он радовался и веселился, что этим правилом вельми угождает Богу и что он уже свят, а потому стал верить разным бесовским мечтам. Начали являться ему бесы во образе Ангелов, а иногда видел свет от икон или благоухание от них, стал прозорливым, узнавал, кто как живет, и все это было ложно. А вся эта беда его произошла оттого, что он никому не открывался. Хотя иногда для вида и приходил он к духовнику, но скрывал от него свои мечты, потому что

считал духовника ниже себя по жизни и что он не поймет его высокого устройства и скорее сочтет его за прельщенного.

Однажды пришел из-за Афона к духовнику один подвижник и говорит ему: «Отче, прими меры для исправления старца Тихона, ибо он находится в большой прелести». Духовник спросил у него: «Расскажи мне, каким образом ты это узнал?» — «Я узнал это при помощи искусства — разумеется, с добрым намерением, чтобы образумить брата. Давно я замечал по внешнему его виду и обращению, что он находится в прелести, ибо его разные гримасы и дикий взор на человека явно о том говорили, как и старцы говорят, что прельщенный монах не может смотреть на ближнего с любовью, правильно и мирно, но он всегда смотрит исподлобья, дико, как вор, и гримасы делает странные и все удаляется от старцев, ибо он не терпит ни малейшего обличения. Потому я, видя отца Тихона в подобном настроении, пожелал испытать его. С этою мыслию я пошел к нему на каливу как бы ради беседы. Поговоривши кое о чем, я сказал ему, что я пришел к нему нарочно с намерением просить его, дабы он наставил меня своею старческою откровенностью своих духовных подвигов, “ибо я давно уже вижу из твоей внешней жизни, что ты, должно быть, имеешь великие видения и откровения, потому молю тебя, отче святой, для пользы духовной открой мне оные”. Он, видимо, этим тронулся, ибо, улыбнувшись, сказал мне: “Экий ты, раб Божий, какой внимательный. Если так, то для пользы твоей открою я тебе, что мне Господь даровал, только ты не рассказывай о том никому”. Я обещался ему это исполнить, и он начал говорить мне так: “Я провожу жизнь постную и уединенную, рукоделием мало занимаюсь, а более молитву держу и поклоны творю, каждый день земных поклонов 1000 и малых 2000. За это Бог утешает меня явлением Ангелов и святых, часто вижу и Божию Матерь. Вот недавно ночью я молился, исполняя свой канон, и внезапно воссиял великий свет от картины Воскресения Христова, а затем вышел из нее Сам Господь Иисус Христос в великом свете, я от радости обнял Его и облобызал. Вот как Господь утешает Своих рабов”. Я удивился такой страшной прелести его, но не показал своего неверия, ибо знал, что он не примет ничего. Я притворился, будто бы остался доволен его откровением, поклонился и поблагодарил его, что он попользовал меня. И в самом деле попользовал, потому что я узнал, как бедственно верить своему разуму. Вот, отче, как я узнал о его прелести. Ты уж, как просветит тебя Бог, поправляй его».

Вскоре после этого разговора старец Тихон, по обычаю, пришел к духовнику. Духовник, принявши его на исповедь, начал говорить

ему так: «Ты, отец Тихон, должен помнить и исполнять свое обещание». Он спросил: «Какое обещание?» — «А вот какое. Когда умер твой духовник, ты пришел ко мне и просил меня, чтобы я принял тебя в духовные мои дети, и, когда я отказывался принять, ты спросил: “Почему ты не хочешь принять меня на исповедь?” Я отвечал тебе, что слышу о тебе, что ты принимаешь мечты и веришь им, а потому с такими самовеерами я не хочу иметь общение. Ты отвечал мне: “Я обещаюсь оставить это и впредь буду во всем слушаться тебя и открываться”, вследствие чего я согласился тебя принять. А теперь я узнал, что ты по-прежнему принимаешь мечтания и веришь им». При этом тот дико взглянул на духовника и резким голосом сказал: «Нет, нет и истинно нет! Я никогда не принимаю мечтаний и вовсе не верю им, с чего ты это взял?» Духовник взглянул на него и строго спросил: «А отцу Пафнутию ты что открыл?» При этом вопросе он склонил голову к груди и, улыбнувшись, сказал: «Обманул меня». «Итак, стало быть, это правда, — сказал ему духовник, — что ты видишь Ангелов, и святых, и Божию Матерь, и даже Самого Иисуса Христа и не считаешь это за прелесть? И от меня все утаивал». «Разумеется, правда, — ответил он, — ибо я обещался тебе не принимать прелести, да я ее и не принимаю, а не принимать истинных видений я тебе не обещался. А почему я не открывал тебе о том, то это потому что ты жизнью гораздо ниже меня, всегда находишься в заботах, потому не можешь понять моих высоких созерцаний, ибо мне всегда внушалось, что только открой тебе об этом, и ты тотчас заревешь: “Прелесть, прелесть, грубая прелесть!” — да и прославишь меня прельщенным. Вот почему я не говорил тебе о моих откровениях и нимало не считаю это за ошибку». «А откуда ты знаешь, что все это истина?» — спросил духовник. «Как откуда? — ответил он. — Да из Божия слова, и я в этом уверен совершенно, а ты, отец, кажется, хочешь разубеждать меня в этом. Нет, оставь это, ибо я не поверю и четырем патриархам». «Отец Тихон, испытай и исследуй построже писания святых отцов о созерцательной молитве, — сказал ему духовник, — и ты увидишь свою ошибку, потому что все святые отцы согласно пишут, что в таковых случаях не должно доверять всему совершенно, а, напротив, все иметь под сомнением, ибо очень легко можно и погибнуть, чему бывали многие примеры». Но отец Тихон предложил духовнику такой вопрос: «Бог может ли переменяться или нет?» Духовник отвечал, что нет. «А когда так, — сказал Тихон, — что Бог неизменно пребывает Таковым же, Каковым был во времена патриархальные и во времена Антониев, Паисиев,

Пахомиев и Макариев, которым Он являлся, то почему же Он и теперь не может являться Своим угодником, как и прежде являлся?" Духовник от этого вопроса пришел в затруднение и мысленно стал просить Господа, чтобы Он вывел его из этого затруднительного положения и просветил бы его, чтобы хотя немного вразумить брата в его заблуждении.

Помощь Божия не замедлила явиться, ибо вдруг пришло вразумление, как надобно повести беседу для его убеждения. Духовник ответил ему: «Так действительно было, что Бог являлся праотцам и богоносным отцам, но каким образом Бог являлся им, этот вопрос еще не уяснен, так ли Он являлся им, как и тебе, этого ты и сам не знаешь, а потому твои видения подлежат сомнению. За всем тем нам от духовных наших действий, видений и откровений нужно иметь и плоды духовные, а если у нас их нет, тогда и все наши видения окажутся ложными. Если ты действительно видел истинного Иисуса Христа и облобызал Его, то от этого у тебя и плоды духовные должны находиться. Как сказано в Евангелии, что древо доброе и злое познаются от плодов».

«Ты понимаешь, к чему я это говорю тебе? — продолжал духовник. — Вот ты, отец Тихон, вполне уверен, что ты достиг совершенства духовного и потому удостоился чувственно видеть Ангелов, святых, Божию Матерь и даже Самого Иисуса Христа. А на плоды духовные, которых ты не стяжал еще и вовсе не имеешь, ты вовсе не обратил внимания. Ведь ты знаешь, в чем заключаются духовные плоды?» «Да, знаю, — отвечал отец Тихон, — плоды духовные, как говорит святой апостол, есть любви, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость и воздержание». «Так, это верно, — сказал духовник. — Теперь мы при помощи вразумляющей нас благодати станем рассматривать душевное твое устройство и посмотрим, имеешь ли ты плоды духовные. Начнем с первого плода — любви к ближнему. Ты недавно на исповеди признался мне, обличаемый совестью, что в споре с одним монахом за 15 левов ты проклял его. Это ли плод духовный? Затем перейдем ко второму плоду духовному — радости, посмотрим, имеешь ли ты ее. Вот уже несколько лет, как ты мне говоришь, что ты страдаешь от духа печали и скуки и никогда не имеешь радости и до того отягощаешься печалию, что, даже, увидавши кривое дерево, помысл докучает тебе, что вот хорошо бы было на этом дереве тебе повеситься. Это ли плод духовный? Далее перейдем к третьему плоду — миру, имеешь ли ты его. Но и этого у тебя нет, ибо ты ни с кем в жизни не мирствовал и сам в себе не имел мира,

ибо непрестанно бродил с места на место, а это было все от твоего немирствия с другими, и даже позволил себе в церкви с Митрофаном подражаться. Где же тут мир и долготерпение? Также и воздержания ты не имеешь, потому что хотя ты шесть дней в неделе и воздерживаешься от разрешения, но, пришедши в монастырь, ты часто обедаешься до тошноты, что совершенно не согласуется с законом воздержания. Итак, твои видения, оказывается, не принесли тебе духовных плодов, а потому должны быть ложными».

При этих словах у отца Тихона глаза заблестели и губы задрожали и он, обратившись назад, взялся за дверь, чтобы уйти. Духовник заметил в нем такую резкую перемену к отчаянию и сам сбел. Остановил его и запер дверь и начал его ободрять и утешать, ибо духовнику представилась страшная мысль: как бы он от отчаяния не бросился с балкона и не убили бы. «Послушай, отец Тихон, — сказал ему духовник, — все, что я тебе высказал и объяснил, — не для того, чтобы тебя смутить и расстроить, но чтобы тебя вразумить и отвести от этого неправильного делания, поэтому ты не отчаивайся, ибо ты ошибся по неведению, что и со святыми случалось. Итак, если хочешь одним разом покончить с прелестию, то теперь же отрекись от нее и дай обещание впредь не принимать никаких видений, и я прочитаю тебе разрешительную молитву и все твои эти прелести прошу тебе во имя Божие». Тот смирился и на это согласился. Духовник прочитал ему молитву, и отец Тихон после бывшего волнения успокоился и стал гораздо мирнее. Потом духовник посоветовал ему уменьшить правило, чрез которое враг привел его в гордое самообольщение и помутил его. От сего времени назначил ему исполнять канон схимнический и вместо 1000 земных поклонов полагать только 100. Тот от этого пришел в ужас и стал просить, дабы дано было ему исполнять прежний канон, говоря: «Я не могу делать менее или уж, нечего делать, соглашаюсь на 500 поклонов, а на 100 и усердия не явится — только уныние будет давить». Но духовник настоял для опыта хотя на два месяца полагать поклонов земных ежедневно по 100 и поясных по 12 четок. Тот хотя и нехотя, но согласился.

По прошествии двух месяцев отец Тихон пришел к духовнику, который спросил его, как он провел эти два месяца, беспокоили ли еще его мечтания и разные прежние явления и как он свое правило исполнял. Тот отвечал, что ничего не было, все успокоилось: «Я во все это время был мирен, потому что не желал ничего принимать. А канон твой я вовсе не мог исполнять, многократно принуждал себя к нему, но никак не мог и половины его исполнить,

совсем и силы, и усердия нет. Положу до 30 поклонов, весь утомлюсь, распотею и поважусь на кровать. Бывало, положу за один раз 1000 земных поклонов без утомления и с великою радостью, а теперь и 30 поклонов не могу положить». Духовник заметил ему: «Это-то самое и надобно было нам испытать, чтобы видеть разницу действия послушания и своеволия. Теперь ты и сам ясно видишь, как враг препятствует всякому делу, исполняемому по послушанию, и как, напротив, помогает всякому делу, исполняемому по его внушению, самовольно и самочинно. А потому и малое дело, творимое по благословению, велико есть пред Богом, и, напротив, хотя и великое дело делает монах с гордостью, без благословения духовного своего отца, ничтожно оно есть пред Богом». Потом духовник посоветовал ему оставить уединение и перейти в монастырь, что тот и исполнил.

В монастыре он пожил несколько лет спокойно, послушание его было читать неусыпаемую Псалтирь. Но долговременная привычка к бродяжничеству и самовольной жизни всегда тянула его из монастыря. Также и привычку к принятию мечтаний он не оставил совершенно, хотя и открывал оные духовнику, что, впрочем, помогло ему много. Года за два до смерти он вышел из монастыря и поселился на Крумице, но, когда заболел, сказал другим, что «духовник дал мне заповедь, чтобы я умер в обители». И он прибыл в монастырь, поболел и с миром скончался.

Повесть о старце Иоакиме, желавшем не по воле Божией пойти в пустыню

Всем известный старец иеросхимонах Иоаким пришел в монастырь молодым, родом он был Воронежской губернии Задонского уезда, крестьянин помещика Сенявина, у которого он был писарем и несколько лет жил при нем в Санкт-Петербурге.

Помещик его, Лев Григорьевич Сенявин, в это время служил в Министерстве иностранных дел и был в Азиатском департаменте директором. У него Иаков испросил позволения посетить святыя места, побывал в Иерусалиме и на обратном пути заехал на святой Афон. Ему очень здесь понравилось, и он был принят в наш монастырь с условием, что напишет письмо к помещику о желании своем остаться на Афоне, чтобы помещик уволил его. К этому письму монастырь от себя приложил свидетельство о принятии его в обитель. Чрез два месяца прислано было ему от помещика увольнение в монашество и 100 рублей денег. Радость Иакову была великая.

Послушание дано было писарское и помогать в церкви на клиросе, грамота у него была хорошая.

По прошествии трех лет его постригли в мантию и наименовали Иоакимом, а скоро произвели его в иеромонахи. Служил он хорошо и ежедневно очень усердно занимался писанием. Вся братия утешалась его благоговением и тихим нравом, как во плоти Ангела. Но враг попущением Божиим нашел средство искусить его.

По прошествии нескольких лет примерного святого жития он вдруг пожелал оставить обитель и удалиться в уединение, к чему он вовсе не был способен, потому что сложения был слабого, и сам себе послужить не мог, и рукоделия не знал никакого, и не был к тому приготовлен.

Сначала объявил он свое желание духовнику смиренно, как бы испрашивая его совета и благословения. Духовник сказал ему, что эта мысль не Божия, а вражия, дабы под благовидным предлогом смутить его и расстроить доброе его житие, поэтому советовал ему не принимать этого желания. Но он не оставил своего желания, стал смущаться и часто докучать духовнику, чтобы тот отпустил его, вследствие чего он стал на все роптать: на греков, на трапезу, на молву, порицать отсечение воли и в трапезе стал делать беспорядки. Если геронда в трапезе начнет говорить братии слово, то он тотчас выбежит вон. Духовник увещевал его день и ночь со всею кротостью и долготерпением, ибо очень любил его. Но он, жалкий, не внимал ему и вовсе не слушал его и тем весьма отяготил его. Ибо духовник, имея его как первого своего помощника и по службе и по писанию, не мог и подумать, чтобы выпустить его из обители, притом понимая, что это одно вражие искушение, которое должно скоро пройти. Но, к несчастью, оно продлилось более трех лет.

Духовник просил духовных своих друзей, и пустынников, и безмолвников, чтобы они помолились о нем. Однажды один из безмолвников пришел к духовнику и открыл ему, что ему в молитве было извещение об отце Иоакиме: было сказано, чтобы духовник сказал Иоакиму, что один из безмолвников приходил к нему и сказал, что ему в молитве Бог открыл о Иоакиме, что нет воли Божией ему оставлять обитель и удаляться в уединение. Пусть смирится и оставит свою волю и более не отягощает духовника и братию, а если он не послушает, то Бог положит его на одре на многие годы, и тогда он во всем раскается.

Духовник призвал Иоакима и сказал ему все слышанное от пустынника, но тот не внял сему угрожению Божию, да, кажется, и не поверил, потому что после этого он еще более стал смущаться

и других соблазнять. Старцы не знали, как его унять и успокоить, вся братия очень удивлялась такой резкой перемене его жизни.

Однажды к святой Пасхе прибыли с Дуная поклонники, между ними был один мирской русский поп, о котором знали, что он хорошо лечит французскую болезнь. Узнавши об этом, отец Иоаким приходит к духовнику и говорит: «Отче, я узнал, что с Дуная прибыл сюда священник русский, который может лечить венерическую болезнь, благослови взять мне у него лекарства и лечиться». Духовник посмотрев на него, рассмеялся и сказал ему: «Ты, отец Иоаким, кажется, впал в ипохондрию. Для чего тебе лечиться, какая у тебя венерическая болезнь и откуда она взялась? Ибо ты девственник, жен не познал и в роду твоём этой болезни не было». «Да я, — сказал он, — когда жил в Петербурге у помещика, тогда часто обедал у управляющего камердинера, а его жена была в болезни французской, и я думаю, что, должно быть, от них заразился, и теперь чувствую в носу моем боль и думаю, что это венерическая болезнь, а потому прошу благословения полечиться». Духовник отвечал ему: «На такое опасное дело я не дам тебе моего благословения, потому что эти знахари лечат такие болезни всегда ядами. И ты легко можешь по неопытности своей отравиться, а тогда всю причину припишешь мне. А я хорошо знаю, что у тебя нет этой болезни, но ты по внушению вражью сам себе приписываешь ее и если не послушаешь меня, то впадешь в тяжкое искушение и много пострадаешь». Отец Иоаким этим остался недоволен, стал роптать на духовника и жаловаться братиям, что духовник не желает ему добра, не позволяет ему лечиться. Старцы стали просить духовника, чтобы он позволил ему лечиться от дурной болезни, а за последствия чтобы он сам отвечал. Духовник призвал его и при старейших братиях дал ему благословение лечиться ядами, с тем чтобы за последствия себя обвинял, а не других. Таким образом, он не принял ничьего совета, но с упорным и дерзким самоуверением начал лечиться.

По прошествии пяти дней духовнику дают знать, что отец Иоаким умирает. «Верно, улечился», — сказал духовник и пошел посмотреть его. Придя в его келлию, нашел его лежащим в великом жаре и расслаблении. «Что, отец Иоаким, верно улечился?» — сказал ему духовник. «Улечился, батюшка, — пропищал он. — Простите, что я вас не послушал». «То-то и есть, а если бы ты послушал меня, избавился бы от этой беды и своевольной смерти». И затем духовник приказал доктору поспешить сделать ему возможную помощь.

В продолжение недели помогали ему всеми средствами и хлопотали около него день и ночь и тем помогли ему так, что он начал

ходить. Духовник велел после этого, чтобы он более не лечился этим лекарством, и он обещал. Но по прошествии одной недели опять говорят духовнику, что отец Иоаким опять умирает. Духовник поспешил пойти к нему в келлию и нашел его еще в [более] худшем противу прежнего состоянии, с удивлением спросил его, что это такое значит, от чего это еще повторилось? Он ответил, что ему пришла мысль, что он недолечился потому, что не все предписанное лекарство выпил, поэтому решил допить оставшееся лекарство — сулему. «И вот теперь уже не могу двинуть ни руками, ни ногами». После этого происшествия уже никакие лекарства не помогали ему, и его вовсе оставили лечить. Только духовник приставил одного старца прислуживать ему, ибо он не владел своими членами, с боку на бок не мог перевернуться, даже ложки не мог держать. В таком злострадательном состоянии он находился до трех лет, потом мало-помалу стал сидеть и сам есть и даже понемногу ходить, держась за стену, в это время он представлял собой уже жалкое зрелище, особенно для тех, которые прежде знали его бывшим в славе.

В таком параличном состоянии он прожил много лет, многократно духовник пытался склонить его ко вниманию и молитве, говоря ему: «Вот то, что ты против воли Божией домогался приобрести, теперь это дано тебе от Бога: и пустыня, и безмолвие — понуждай себя к духовным трудам». И молитвы Иисусовой он не держал потому, что она «уходила из него под мышку».

Однажды духовник напомнил ему о предсказании ему его наказания. Отец Иоаким сказал, что не помнит этого. Роптал он на свою жизнь и на Бога, что держит его в этой жизни. Поелику он не понуждал себя к приобретению даров Святого Духа, потому не стяжал плодов духовных. Вследствие сего он постоянно скучал и отягощался своею жизнью и всегда желал смерти, которая долго не приходила к нему. Впрочем, он умер очень тихо и спокойно, оставив братии примерный урок строгого вразумления Божия за непокорность отцу своему духовному.

Повесть о брате, пострадавшем от бесчинного занятия Иисусовой молитвою

Известный брат Герасим (Гавриил) прибыл в обитель нашу молодым, около 20 лет. Знал нотное пение, читал и писал хорошо, нрав имел тихий и учтивый. Послушание исполнял старательно. Братство смотрело на него как на образцового молодого монаха. Таким образом он прожил лет десять, всеми был любим и уважаем, потом

он начал развращаться. Из смиренного начал делаться гордым, презорливым, стал подозревать уставщиков, что они ненавидят его и мысленно плюют на него и топчут его ногами. А далее начал делать разные гримасы, и все начали удивляться его перемене.

Духовник призвал его и спросил, отчего в нем произошла такая перемена? Он отвечал, что его презирают и обижают, «а ты, отец духовник, не защищаешь меня, я и на тебя за это недоволен». «Да я и не вижу, чтоб кто-либо обижал тебя. Напротив, все тебя любят и уважают, — сказал ему духовник. — Вот недавно и я утешил тебя большим утешением, сделал тебя иеродиакonom». «Да, я и за это скорблю на тебя, — сказал он, — что ты пришедших после меня в монастырь и бездарных сделал диаконами и попами, а я ведь здесь первый певчий, и мною пренебрегли». «Нет, твоего возношения другая причина, — сказал ему духовник, — ибо ты столько лет прожил добродетельно и не трубил пред собою. А должна быть этому другая [тайная] причина, которая привела тебя в ипохондрию. Скажи мне откровенно, каким образом ты занимаешься молитвою в твоей келлии?» Тот отвечал: «Я каждый вечер творю Иисусову молитву, лежа на постели». «Давно так делаешь?» — «Давно». «Что ж, бывает ли от этого делания какое-либо утешение?» — спросил его духовник. «Да, бывает радость», — отвечал он. «А откуда эта радость начинается, сверху или снизу?» — спросил духовник. «Снизу, от ног, — отвечал он. — Сперва как мурашки ползут от ног кверху, и, когда дойдет до сердца, тогда сердце забьется сладкою радостью». «При этом бывает ли телесное востание и истечение?» — спросил его духовник. «Да, бывает, — отвечал он, — но я этого не считаю за грех, потому что я держу Иисусову молитву». На это сказал ему духовник: «Вот, брат, за твою откровенность Бог показал нам причину, которая совратила тебя на путь прелести. Это делание твое душевредное, оставь его. Ты пострадал от бессоветия и скрытности. Тебе следовало всю твою деятельность открывать духовнику и вопрошать его во всем, а ты надеялся на себя и пал падением дивным, как Писание говорит. Отселе не делай так».

И он обещался оставить этот прелестный образ молитвы. Но увы и горе! Долговременный навык паки привлек его к тому же сладострастному делу и еще более до того, что он уже стал незаконное дело считать любовью Божиею и ближних. Вышел из обители, побродил по России и возвратился было назад. Но не захотел покаяться и оставить плотоугодие, закоренелые свои привычки и ушел тайно опять в Россию.

Что с ним будет? Бог весть! Впрочем, Священное Писание говорит, что пути мужа исправляются от Господа (ср.: Пс. 36, 23; Притч. 20, 24).

**Повесть о молодом монахе,
пошедшем в пустыню по своеволию,
против запрещения духовного отца**

Один молодой монах, начитавшись много отеческих писаний об уединении и безмолвии, возымел глупую ревность оставить общежитие и удалиться в пустыню, нимало не приготовившись к тому. Духовник не советовал ему прежде времени дерзать на такое опасное житие, но сперва в общежитии обучиться побеждать страсти и помыслы и потом, вооружившись благословением старческим, пойти в пустыню, придерживаясь во всем совета своего путевода. Но он не принял совета старческого и постоянно докучал старцу, чтобы он отпустил его. И старец, видя его непреклонное желание на житие своевольное и отяготившись его докучливостью, принужден был дать ему позволение для опыта идти в пустыню и в предостережение сказал ему, что таковым дерзким отшельникам Бог не помогает, а еще иногда попускает им падать в блуд, дабы вразумить их в своей гордости и возвратить в свою обитель для покаяния, что и случилось с этим самонадеянным отшельником.

Оставив обитель, монах удалился в пустыню, радуясь, что избавился от монастыря и послушания, и вот начал поживать, как хотел, самочинно, прохаживаясь-прогуливаясь под тенью ветвистых деревьев. Сначала приятна, и весела, и духовна показалась ему такая жизнь, и он был в восхищении такою жизнью, что своим опытом нашел жизнь богоугодную и спокойную, и стал помыслом осуждать духовника, что тот неопытный человек и наговорил ему про эту жизнь много лжи, чего на самом деле нет. И подобных помыслов он много принимал противу духовника своего.

Таким образом он провел в пустыне месяца три. Однажды после обеда прогуливаясь по лесу, он незаметно увлекся принятием блудных мыслей, начал ими услаждаться и до того разжегся ими, что помрачился до исступления, ибо, увидав на дороге лежащую большую мертвую змею, взял ее и сделал с нею блуд. Потом он пришел в себя и ужаснулся своему падению. После сего он возвратился в монастырь, сознав свою вину, и принес покаяние.

Отец Ефрем в прелести

Старец Ефрем, донской уроженец, прибыл в нашу обитель совершеннолетним, а так как он в мире имел свое судно и знал по морской части, то ему и поручено было монастырское судно в управление, где он и трудился усердно несколько лет. И, как монах внимательный, принявший образ покаяния, он усердно молился Богу о оставлении соделанных в мире грехов его. Находясь в таком настроении духа, он незаметно принял внушение от врага узнать, прощены ли от Бога ему грехи или нет? Вследствие чего он увлекся пожеланием видеть какое-либо знамение во уверение отпущения грехов его, но не счел нужным сперва посоветоваться об этом важном деле с духовным отцом своим. Принявши от врага такое гордое самонадеянное внушение, он стал усердно молиться об этом, враг же подготовил его к принятию прелести, хитро обманув его таким манером.

Однажды ночью отец Ефрем в своей келлии молился усердно со слезами о прощении грехов, тогда вдруг внезапно с неба осиял его светозарный луч прямо в лицо, а мысль внушила ему: «Вот это пришел к тебе Дух Святой, поклонись ему!» Отец Ефрем не смирился, а потому не познал бесовского обмана. Вместо того чтобы сказать: «Я недостойн этого, не приму», он стоял в изумлении, а между тем какая-то сила нагнула его поклониться до земли. В это время мгновенно луч светлый вошел внутрь него и стал ходить внутри, взволновав его бесовскими радостями и щекотанием, а он, жалкий, рад сделался, что в него вселился Святой Дух! Но, когда этот дух спустился в тайные его уды и произвел там мятеж, и блудное похотение, и услаждение, тогда наш старец усумнился и устранился сего, немедленно прибежал к духовнику и рассказал ему все случившееся.

Духовник очень удивился такой грубой его ошибке, потому что знал хорошо этого старца, знал, что он читал отеческие книги и должен был знать хорошо о разных прелестях, особенно о том, что монах не должен желать никакого видения, считая себя недостойным, как пишет преподобный Петр Дамаскин. Монаху нужно только пожелать видеть видение — и он тотчас попадет в область прелести, ибо, считая себя достойным видеть видение, он этим дерзает поставить себя на точку гордости, и за это попускается ему от Бога посрамление, а иногда и горькое злострадание.

Подобное случилось и с отцом Ефремом: он хотя и скоро познал свою прелесть, и отрекся от нее, и стал всеми силами ей противодействовать, но много пострадал после того, ибо бес, войдя внутрь,

долго не выходил из него, и отцы принуждены были отчитывать его. Хотя он теперь и успокоился, и послушание исполняет, и уже прошло более десяти лет, но и до сего времени он еще страдает возмущением от беса, особенно при исходе месяца.

Пример хорош для тех, которые пренебрегают заповедью Духа Святого, который сказал: *С советом вся творите, во многом совете есть спасение* (Сир. 32, 21; Притч. 11, 14). Это не значит, чтобы советоваться со многими, как говорит святой Дорофей, но с одним советником, да о многом или обо всем советоваться, а не то что одно открыть, а другое умолчать или утаить. Как и святой Григорий Синаит говорит, что духовному отцу надобно говорить все что есть, не прибавляя и не убавляя.

Повесть об иеромонахе Августине, пострадавшем за несохранение епитимии

Иеромонах Августин был из Вологодской губернии, из духовного звания. В мире был он священник и вскоре овдовел. Оставив мир, он поступил в Сергиеву лавру и принял монашество. Потом он прибыл на Афон, был принят в нашу обитель на жительство, и после исповеди ему дана была духовником епитимия — некоторое время не пить вина, что он и исполнял строго. Но враг ухитрился попушением Божиим сделать ему в этом деле препятствие и искусил его таким образом.

Однажды он пришел к духовнику и говорит ему: «Отче, что-то мне стало скучно. Я узнал, что наше судно отправляется на Крумицу, благослови мне поехать туда для прогулки». Духовник на это ответил ему: «Тебе нельзя ехать туда, потому что ты имеешь епитимию, а на прогулке ты не сможешь сохранить ее». Но он стал упрашивать и уверять духовника, что он и на прогулке сохранит свою епитимию и вовсе не будет пить вина. Духовник напротив убеждал его, говоря, что это есть искушение от врага и что лучше не ездить, а то как бы не случилось какое-либо искушение, что после и поправить трудно будет. Но он настоял на своем, и духовник принужден был дать ему позволение ехать туда.

Дорогою, когда он с отцами обедал вместе, по обычаю стали пить вино и ему предложили выпить. А он или не вспомнил о епитимии, или постыдился отцов — стал пить вино наравне с ними и выпил довольно. К вечеру судно пристало к берегу, к Крумице. Братия суетились, выходили на берег, а он, опершись на борт, смотрел в воду, и в это время помысл говорил ему: «Прыгни в воду, купайся или

нырни ко дну». А другой помысл говорил: «Утопись лучше». Он, испугавшись таких мыслей, поспешил выйти на берег. Тут ему другие предложили купаться, он согласился и пошел с ними купаться, зашел в глубину и начал утопать. С корабля отцы, увидав, что он утопает, поспешили к нему на помощь и вытащили его на берег уже захлебнувшимся водою и без чувств. Долго откачивали его, потом стало рвать его водою и начал он приходить в чувство. В это время в нем проявилось беснование, бес говорил в нем, что он уже 25 лет владеет им, что он ему принадлежит. Потом отцы связали его, отнесли в келлию и затворили, а сами пошли ужинать. Не прошло и четверти часа, смотрят — он, развязавшись, бежит рысью к морю топиться. Братия догнали его и воротили, опять связали и уже караулили его всю ночь. В это время он все бранил духовника.

Утром он пришел в себя. Братия с ужасом стали его спрашивать: «Что это с тобою сделалось, отец Августин?» Он все рассказал им подробно, что видел и слышал, и всех привел в ужас и содрогание своим повествованием. «Простите меня, святые отцы, что беспокоил вас своим искушением, это последовало оттого, что я не послушал советов духовника, который не советовал мне ехать на Крумицу, и я против его воли дерзнул понадеяться на себя. И вот от этого преслушания какой плод я пожал! Когда судно пристало к берегу, у меня в голове начали рождаться глупые мысли такие: “Прыгни в море и купайся, хорошо окунуться в воду или утонуть”. От этих мыслей я смутился и поспешил выйти на берег. Там один пригласил меня купаться, и я согласился. А как я утопал, того уже не знаю, но помню, что явились мне два арапа черных и стали меня топить. Я противился, а они усиливались погрузить меня в воду, чтобы совсем утопить, но не могли, и один сказал другому: “Что это значит, что мы не можем утопить его?” Другой отвечал: “Да вот то, что висит на шее у него, оно мешает”. С этого времени я уже не помню, как меня вытащили из моря, как откачали и как я кричал и все бранил духовника. А когда меня связали и затворили в келлии, то помню, что вошли ко мне два черных человека и говорят друг другу: “Видишь ли, какие окайнные, немилостивые монахи! Связали его”. Потом они развязали меня и сказали мне: “Теперь ты развязан, беги скорей к морю и утопись”. Я, вскочив, побежал рысью к морю, но отцы, увидав меня, догнали и вернули назад. В эту ночь ко мне пришли два огненных беса с огненными палками в руках и начали меня бить. Я стал кричать: “Бьют меня, больно!” Отцы, караулившие меня, не видя ничего, спрашивали: “Кто тебя бьет?” Я им отвечал, что вот бьют меня

какие-то огненные люди, и так ужасно больно! Уж до смерти не забуду этого лютого битья и какие они страшные».

Когда он возвратился в обитель, то сам рассказал духовнику обо всем случившемся и потом с гневом выговорил духовнику: «Все это наделала твоя проклятая епитимия». После этого он удалился на жительство за Афон и прожил там несколько лет. Однажды духовник спросил у него: «Как ты поживаешь в пустыне? Ибо ты прежде боялся бесов, а теперь как ты там с ними поживаешь?» Он отвечал: «Когда я жил у вас, то очень боялся бесов, но когда поколотили они меня, с тех пор я уже более не боюсь их». Пожив на Керасях и не обрета там покоя, он опять возвратился в обитель и поселился на Крумице, где прожил много лет. Наконец, заболевши, он прибыл в обитель и, проболев с полгода, с должным напутствием христианским представился в вечность.

События перед кончиной монаха Клавдия

Монах Клавдий был родом Херсонской губернии, Николаевского уезда, сын православного крестьянина, в мире назывался Кодрат Иванович Мошков. Будучи 20 лет, просился у родителей на монашество, на что получил от них благословение, отправился в Иерусалим в 1864 году и прожил там при Русской миссии три года, исправляя в церкви миссии должность псаломщика. Отяготившись тамошнею молвою, он оставил Иерусалим и отправился на Афон, где и определился в Русский святого Пантелеимона монастырь, в котором проходил разные послушания: был архондаричным, пел на клиросе, потом писал синодики, потом послан был в Константинополь, где находился при подворье. По испытании на послушаниях, которые он проходил хорошо и безукоризненно, он был до отъезда в Константинополь Великим постом 1871 года пострижен в мантию и наречен Клавдием. Из Константинополя в конце 1873 года он был переведен в монастырь, где по-прежнему начал по благословению старцев ходить на клирос, на коем был помощником уставщика, а в свободное от богослужений время продолжал вписывать в синодики имена для поминовения. Таким образом он жил тихо и спокойно, продолжая исполнять монастырские послушания, возложенные на него, до начала 1876 года, в начале же того года он впал в большое искушение от бессоветия и сокрытия своих помыслов, и это произошло таким образом.

На 25 января 1876 года совершалось в обители всенощное бдение, которое в сей день совершается ради памяти святителя Григория

Богослова, на котором прилагается служба Пресвятой Богородице ради в сей же день празднуемой чудотворной Ее иконы «Утоли моя печали». Во время этого бдения, когда на вечерне на стиховне пели стихиры Божией Матери, певчие, по обычаю, стояли посреди церкви, сзади певчих стояли поклонники, из числа коих один был бесноватый, который внезапно вскрикнул так сильно, что многих в церкви стоявших перепугал, а отец Клавдий, как после он сам говорил, от испуга чуть не упал. Этот испуг так его озадачил, что он несколько времени и в келлии своей не находил покоя. В это время он задал себе такой вопрос: «Если я так сильно испугался крика беснующегося человека, то что со мною будет во время часа смертного, когда представятся бесчисленнейшие, безобразнейшие, озлобленные духи и будут вопить и кричать?»

Подобные мысли заставили его проследить свою жизнь, что он и начал делать и плакать горько о грехах своих. Это продолжалось с ним две недели. Он беспрестанно плакал, потом он начал понемногу успокаиваться, и в это же время он начал замечать, что какой-то помысл ясно и отчетливо начал им распоряжаться: как молиться и что читать.

Однажды он пришел к духовнику и спросил его об этом помысле, какой это помысл, от Бога или не от Бога, и можно ли его слушать или не должно? Духовник ему ответил, что это бывает и от Бога, и от врага и что надобно строго следить и обо всем открывать духовнику, потому что и прелесть если вначале кого прельщает, то всегда с доброй стороны и так тонко и так запутанно, что неопытному никак невозможно сего разрешить и понять.

После сего помысл ему внушал, что он достоин священства и вскоре будет рукоположен во иеромонахи. Недели чрез две он был назначен в Константинополь на послушание, но он поверил сему помыслу и всеми силами старался остаться в обители. Ему было сказано о послушании в субботу, 13 марта, а в ночь на 14-е приходил пароход, и он отговорился тем, что поздно сказано и что не успел собраться, и старцы благословили остаться до другого парохода, не подозревая его умысла.

На другой день, с 14 на 15 марта, уже поздно, пред полночью, отец Клавдий внезапно прибежал в келлию отца игумена, которому он открыл, что он так напуган в келлии страшилищами, что от испуга и волнения чувствует сильное стеснение в груди, о чем прибежал сказать, и притом просил облещи его в великую схиму. Отец игумен его успокоил и приставил к нему людей, и по благословению отца игумена отец Клавдий провел эту ночь в архондарике

при людях и освещении, лечь на постель не мог, а просидел в качающемся стуле, сделанном для больных.

На другой день отец игумен передал отцу духовнику об этом деле, духовник позвал к себе отца Клавдия и говорит ему: «Ты жаловался на страхования, но причины не открыл. Что тебя перепугало? Ты обо всем должен подробно рассказать, а иначе погибнешь». Тогда он раскрыл подробно все с ним случившееся и так объяснил, что «когда я начал доверять тому помыслу, который начал мною повелевать, то он мало-помалу начал приказывать мне дела сомнительные, например, [сначала] заставлял Богу молиться, потом приказывал ходить по келлии, а потом приказывал прыгать с пением тропаря *Богоотец убо Давид*¹. Я, усумнившись, спросил его, для чего это требуется. Помысл отвечал мне, что “это требуется для показания твоего послушания, после этого ты получишь великие дары от Бога”. Я ему говорил, что сомневаюсь в этом, мне совесть говорит пойти спросить духовника. На это мне отвечено, что, “когда Сам Бог тобою распоряжается, в таком случае духовник тебе не нужен, и что для утверждения тебя, чтобы не сомневался в том, что это от Бога, тебе будут показаны знамения и чудеса. Вот смотри на эту стену, ее сейчас не будет”. Я смотрю — стены нет. “Смотри на потолок, его не будет”. Я смотрю — потолка нет. “Смотри на помост, все доски будут двигаться”. Я смотрю на помост — все доски ходят. Мне потом говорит помысл: “Теперь ты не должен сомневаться, стань и молись пред иконою Божией Матери”. И я, когда стал молиться, вдруг вижу: около иконы явилось небольшое розовое пятно, которое вскоре образовалось в букет цветов, и по всей келлии разлилось благоухание, а от иконы показались светлые лучи, которые прямо мне освещают лицо, а помысл мне и говорит: “Глотай, глотай, это дары Божии”. И я глотал их. Потом говорит помысл: “Приложись к иконе”. И когда я приложился к иконе, то из иконы вылезла рука благословляющая².

¹ Тропарь 4-й песни Пасхального канона: *Богоотец убо Давид, пред сennым ковчегом скакаше, играя...* — *Примеч. сост.*

² Один из братии рассказывал, что после благословляющей руки отцу Клавдию помысл сказал: «Сейчас придет Спаситель и причастит тебя, чтобы ты уже не имел никогда надобности в Причащении». И действительно, кто-то взошел в образе Спасителя и причастил его чем-то вроде белой кашицы, и он, когда положил поклон, увидел лапы вместо ног, чего устрасился, и побежал к игумену, и с этого причастия его рвало после черной желчью. Отец Иероним сказал на это, что об этом отец Клавдий ему ничего не говорил. — *Примеч. о. Владимира.*

Я, пришедши в великий страх и ужас, выскочил из келлии и побежал к отцу игумену».

Духовник спросил его: «Для чего ты пожелал видеть эти видения, когда знаешь, что они запрещены и что они душепагубны? Притом же тебе сказано, чтобы ты все открывал подробно и о добром и о худом». На это он сказал: «Необыкновенное желание приблизиться к Богу и получить извещение о получении надежды на спасение. Но теперь я уже сознаю свою ошибку и начал бояться, как бы мне не погибнуть, за то что я бесов слушал и им кланялся». Духовник на это сказал так: «Если ты вполне сознаешь свою ошибку, и считаешь все это за прелесть, и от всего отрицаешься, и в этом каешься, то ты получишь прощение от Бога». Потом духовник ему сказал, чтобы он ничему этому не верил и подобных вещей не принимал, но обо всем бы спрашивал, а если что случится, то чтобы открывал, и для успокоения его прочитал разрешительную молитву и отпустил его.

С этого времени отец Клавдий совершенно успокоился, но стеснение в груди не прекращалось, а усиливалось, поэтому он был перемещен в больницу, где пролежал неделю, часто причащался Святых Таин и мирно скончался 23 марта 1876 года вечером.

Напоминание православным христианам о повиновении властям, выписанное из Священного Писания

С недавних времен в православном отечестве нашем России начали появляться люди, зараженные западным неверием, не уважающие православной отеческой своей веры, отъявленные безбожники, не признающие бытия Божия, предтечи антихриста, которые тайно обходят города, селения, заводы и фабрики и стараются распространять пагубное свое учение, направленное против святого Евангелия и всех законов — Божиих, царских и гражданских. Они хотят истребить и саму веру христианскую, все священное на земле, всякую власть — духовную и гражданскую, даже дерзают посягать и на священную власть царскую, на помазанника Божия. Такое адское учение они стараются распространять тайно между простым народом, для этого сочиняют свои книжки, в которых пишут все против Бога, Его святого Евангелия, против царей и против всех властей, и эти свои душепагубные книжки без денег раздают тайно простому народу, надеясь таким лукавым образом успеть в своем

безбожном деле. Но мы, православные братие, веруем и надеемся, что отечески пекущийся о нас Промысл Божий не попустит этим злодеям успеть в своем бесчеловечном тайном замысле, ибо правительство уже узнало о злоумышлениях сих злых людей и, как известно, приняло против сего свои строгие меры и всех оповестило о сем. Также и русские газеты единодушно от лица всего отечества нашего прогремели грозными проклятиями этим извергам рода человеческого, которые прикрывают свое нечестивое учение лестью, ложью и обманом и обещают своим последователям какое-то мнимое блаженное равенство, чего и на небе нет, ибо и там чин чину повинется и первый ангел, дерзнувший равняться с Богом, за то был свержен с неба в преисподнюю. Впрочем, православные братие, узнавши о таком злом намерении этих слуг дьявола, мы не должны смотреть на них равнодушно, но, вооруживши себя христианскою отческою нашею верою и любовью к отечеству, должны общими нашими силами стараться истребить это ужасное зло в начале его зародыша, как и Священное Писание повелевает. *Измите*, — говорит, — *злаго от вас самех* (1 Кор. 5, 13). Наше дело не принимать к себе таковых проклятых безбожников, не слушать их дьявольского учения, не брать у них и не читать беззаконных их книг, но предавать их самих начальству, как предтечей антихристовых.

Господь наш Иисус Христос в Своем Евангелии предсказал о появлении в последнее время таковых душепагубных обманщиков, извергов рода человеческого и в предосторожность верующим говорил, что в последнее время многие явятся лжехристы и лжепророцы, но не имейте к ним веры (см.: Мф. 24, 24—26). Святой апостол Петр во Втором послании своем ясно пророчествовал о лживых безбожных учителях, написав так: *Быша же и лживии пророцы в людех, якоже и в вас будут лживии учителя, иже внесут ереси погибели, и, искупльшаго их Владыки отметающесея, приводяще себе скору погибель. И мнози последствуют их нечистотам, ихже ради путь истинный похулится. И в преумножении льстивых словес вас уловят; ихже суд искони не коснит, и погибель их не дремлет. Аще бо Бог ангелов согрешивших не пощаде, но, пленицами мрака связав, предаде на суд мучимых блюсти; и перваго мира не пощаде, но осмаго Ноа, правды проповедника, сохрани, потоп миру нечествовавших наведе; и грады Содомския и Гоморрския сжег, разорением осуди, образ хотящим нечествовати положив; и праведнаго Лота обидима от беззаконных в нечистоте сожития избави, видением бо и слухом праведный, живой в них, день от дне душу праведну беззаконными делы мучаше.*

Вестъ Господь благочестивыя от напасти избавляти, неправедники же на день судный мучимы блюсти, наипаче же во след плотския похоти сквернения ходящия и о господстве нерадящия, прoderзателе, себе угодницы, славы не трепещут хуляще, идеже Ангели, крепостию и силою больши суще, не терпят на ся от Господа укоризнен суд. Сии же, яко скоти животни естеством бывше в погибель и тлю, в нихже не разумеют хуляще, во истлении своем истлеют; приемлюще мзду неправедну, сласть мянуща вседневное насыщение, сквернители и порочницы, питающиеся лeстѣми своими, ядуще с вами, очи имуща исполнь блудодѣяния и непрестаемаго греха, прельщающе души неутверждены, сердце научено лихоимству имуща, клятвы чада; оставльши правый путь, заблудиша, последовавши пути Валаама Восорова, иже мзду неправедну возлюби, обличение же име своего беззакония; подъяремник безгласен, человеческим гласом провещающъ, возбрани пророка безумие. Сии суть источники безводни, облацы и мглы от ветр преносими, имже мрак темный вовеки блюдется. Прегордая бо суеты вещающе, прельщают в скверны плотския похоти, отбѣгающихъ всячески от них живущихъ во лъсти. Свободу им обещающе, сами раби суще тления, имже бо кто побежден бывает, сему и работен есть. Аще бо отбѣгше скверн мира в разум Господа и Спаса нашего Иисуса Христа, сими же паки сплетьсѣя побеждаеми бывают, быша им последняя горша первых. Лучше бо бе им не познати пути правды, нежели познавшимъ возвратитися вспять от преданныхъ им святыхъ заповѣди. Случися бо им истинная притча: пес возвращѣся на свою блевотину, и свиния, омывшися, в кал тинный.

Сие уже, возлюбленнии, второе вам пишу послание, в нихже возбуждаю воспоминаниемъ вашъ чистый смысл, помянути прежде реченныя глаголы от святыхъ пророк и апостолъ вашихъ заповѣдь Господа и Спаса. Сие прежде ведяще, яко приидутъ в послѣднѣи дни ругателе, по своихъ похотехъ ходяще и глаголюще: где есть обетованія пришествія Его? Отнележе бо отцы упоша, вся тако пребываютъ от начала создания. Таится бо им, сие хотящимъ, яко небеса бѣша исперва и земля от воды и водою составлена Божиимъ словомъ. Темже тогдашнѣи миръ, водою потоплен быв, погibe. А нынѣшняя небеса и земля темже словомъ сокровена суть, огню блюдома на день суда и погибели нечестивыхъ человекъ. Едино же сие да не утаится вас, возлюбленнии, яко един день предъ Господемъ, яко тысяща летъ, и тысяща летъ, яко день един. Не коснитъ Господь обетованія, якоже неции коснение мнятъ,

но долготерпит на нас, не хотя, да кто погибнет, но да вси в покаяние приидут. Приидет же день Господень, яко тать в нощи, в оньже небеса убо с шумом мимо идут, стихи же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дела сгорят. Сим убо всем разоряемым, кацем подобает быти вам во святых пребывающих и благочестиих, чающим и скорее быти желающим пришествия Божияго дне, егоже ради небеса жегома разорятся и стихи опаляеми растаються? Нова же небесе и новы земли, по обетованию Его, чаем, в нихже правда живет. Темже, возлюбленнии, сих чающе, потщитесь нескверни и непорочни тому обрестися в мире и Господа нашего долготерпение спасение непищуйте, якоже и возлюбленный наш брат Павел по данней ему премудрости написа вам, якоже и во всех своих посланиях, глаголя в них о сих; в нихже суть неудобь разумна некая, яже ненаучени и неутверждени развращают, якоже и прочая писания, к своей гибели им. Вы же убо, возлюбленнии, предведяще, хранитесь, да не лестию беззаконных сведени бывше, отпадете своего утверждения. Но да растете во благодати и разуме Господа нашего и Спаса Иисуса Христа, Тому слава и ныне и в день века. Аминь (2 Пет. 2—3).

Так же и святой апостол Иуда написал о последних безбожниках ясно и подробно.

Возлюбленнии, всяко тщание творя писати вам о общем спасении нашем, нужду возымех писати вам, моля подвизатися о преданней вере святым единою. Привнидоша бо неции человецы, древле предустановленнии на сие осуждение, нечестивии, Бога нашего благодать прелагающих в скверну и единого Владыки Бога и Господа нашего Иисуса Христа отметающихся. Горе им, яко в путь Каинов поидоша, и в лесть Валаамовы мзды устремишася, и в пререкании Кореове погибоша. Сии суть в любвах ваших сквернители, с вами ядуще, без боязни себе пасущие; облацы безводни, от ветр преносими; дрeвеса есенна безплодна, дважды умерша, искоренена; волны свирепыя моря, воспевающе своя стыдения; звезды прелестныя, имже мрак тмы во веки блюдется. Пророчествова же и о сих седмый от Адама Енох, глаголя: се приидет Господь во тмах святых Ангел Своих, сотворити суд о всех и изобличити всех нечестивых о всех делах нечестия их, имиже нечествоваша, и о всех жестоких словесех их, яже глаголаша Нань грешницы нечестивии. Сии суть ропотницы, укорители, часть порочна, в похотех своих ходяще нечестием и законопреступлением; и уста их глаголют прегордая, чудящися лицам пользы ради. Вы же, возлюбленнии, поми-

найте глаголы преждедеченныя от апостол Господа нашего Иисуса Христа; зане глаголаху вам, яко в последнее время будут ругатели, по своим похотех ходяще и нечестиих. Сии суть отделяюще себе от единости веры и суть телесни, духа не имуще. Вы же, возлюбленнии, святою вашею верою назидаяще себе, Духом Святым молящеся, сами себе в любви Божией соблюдайте, ждуще милости Господа нашего Иисуса Христа в жизнь вечную (Иуд. 1, 3—4, 11—21).

Святой апостол Иоанн Богослов в предостережение верующим написал так: *Возлюбленнии, не всякому делу веруйте, но искушайте духи, аще от Бога суть, яко мнози лжепророцы изыдоша в мир. О сем познавайте Духа Божия и духа лестча: всяк дух, иже исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога есть. И всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа, во плоти пришедша, от Бога несть, и сей есть антихристов* (1 Ин. 4, 1—3).

И во Втором послании пишет: *Мнози лестцы внидоша в мир, не исповедающе Иисуса Христа, пришедша во плоти; сей есть льстец и антихрист. Аще кто приходит к вам и сего учения не приносит, не приемлите его в дом и радоватися ему не глаголите; глаголяй бо ему радоватися сообщается делом его злым* (2 Ин. 1, 7, 10—11).

Святой апостол Павел в Послании к колоссянам предостерегает христиан, дабы не прельщались учением людей безбожных, которые учат противу законов Божиих и гражданских. *Братие, — говорит, — блюдитесь, да никтоже вас будет прелщая философиею и тщетною лестию по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе* (Кол. 2, 8). В Послании к римлянам подобное пишет: *Молю же вы, братие, блюдитесь от творящих распри и раздоры, кроме учения, емуже вы научитесь, и уклонитесь от них. Таковии бо Господеви нашему Иисусу Христу не работают, но своему чреву, иже благими словесы и благословением прельщают сердца незлобивых* (Рим. 16, 17—18).

Вот видите, братие, как ясно святые апостолы описали проповедников антихристовых. По сему описанию и мы все можем познавать оных волков, приходящих к нам в одеждах овчих, и остерегаться, не верить душепагубному их учению, вовсе противному Божественному Евангелию, которое показывает нам ясно, что Господь наш Иисус Христос, Сам будучи Царь царей и Господь господей, однако изволил на земле повиноваться властям и исполнял законы Божии и человеческие; изволил даже записаться в народную ревизию и платить подати, да и верующим в него христианам

повелел воздавать *кесарево кесареви и Божия Богови* (Мф. 22, 21). Этим Своим примером Он указал верующим в Него повиноваться властям земным и исполнять обязанности гражданские. Святой Иоанн, Предтеча Господень, когда спросили его воины: «А мы что сотворим?» — отвечал им так: *Никогоже обидите, ни оклеветайте и доволни будите оброки вашими* (Лк. 3, 14). Вот это изречение его показывает, что служба военная угодна Богу. Святой апостол Петр молит христиан повиноваться властям, говоря: *Возлюбленнии, повинитесь убо всякому человеку созданию Господа ради: аще царю, яко преобладающе, аще ли же князем, яко от него посланным во отмищение убо злодеем, в похвалу же благодетелю. Яко тако есть воля Божия, благодетельствующим обуздывать безумных человек невежество. Всех почитайте, братство возлюбите, Бога бойтесь, царя чтите* (1 Пет. 2, 13—15, 17). И святой апостол Павел повелевает повиноваться властям, говоря так: *Всяка душа властем предержащим да повинуется, несть бо власть аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть. Темже противляйся власти Божией повелению противляется, противляющийся же себе грех приемлет. Князи бо не суть боязнь добрым делом, но злым. Хощеши же ли не бояться власти? Благое твори и имети будеши похвалу от него, Божий бо слуга есть тебе во благое. Аще ли злое твориши, бойся, не бо без ума меч носит, Божий бо слуга есть, отмститель в гнев злое творящему. Темже потреба повиноватися не токмо за гнев, но и за совесть. Сего бо ради и дани даете, служители бо Божии суть, во истое сие пребывающе. Воздадите убо всем должная: емуже убо урок, урок, а емуже дань, дань, а емуже страх, страх, и емуже честь, честь. Ни единому же ничимже должны бывайте, точию еже любити друг друга: любяй бо друга, закон исполни. Любы искреннему зла не творит* (Рим. 13, 1—8, 10).

А эти изверги рода человеческого, называемые коммунистами, налитаны дьявольскою злобою против всех людей, имеющих собственность, ибо адское намерение их такое, чтобы истребить всех богатых людей, дабы сделать собственность их общественным достоянием или, лучше сказать, обратить в свою собственность. Того ради они везде стараются составлять заговоры, делать бунты и убивать начальников. В действиях своих они походят на лютых зверей или, лучше сказать, на воплощенных бесов. Ужасное бесчеловечие свое они показали всему свету на деле во время прусско-французской войны в Париже. Захвативши власть в свои руки, они на первом плане постановили уничтожить христианскую веру. Начали

с духовенства: бесчеловечно убили архиепископа, за ним перебили священников, потом начали убивать начальников и богатых граждан, грабить, жечь присутственные места и царские дворцы и делали страшные злодейства, коими всю Европу привели в ужас. И если бы правительство не поспешило остановить разъяренное бешенство их победою над ними, то они погубили б всю Францию. Вот каковы эти всемирные благодетели! Они составляют скопище предтечь антихристовых и рассылают своих проповедников повсюду, чтобы возмущать народы противу всех властей, пока делая это тайно, под благовидным предлогом доброжелательства всему роду человеческому.

Но Господь в Евангелии показал нам, как познавать нам злых проповедников. *От плод их, — сказал, — познаете их, ибо не может древо зло плоды добры творити* (Мф. 7, 16, 18). Плоды же духовные святой Павел именует сии: *любь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22—23). Коммунисты же таких плодов не могут иметь, потому что они — праздные утробы, хотят жить на чужой счет грабежом и обманом. Таковых тунеядцев святой апостол Павел повелевает не принимать, говоря солунянам: *Повелеваем же вам, братие, о имени Господа нашего Иисуса Христа отлучатися вам от всякаго брата, бесчинно ходяща, а не по преданию, еже прияха от нас. Сами бо весте, како лепо есть вам подобитися нам, яко не безчинновахом у вас, ниже туне хлеб ядохом у кого, но в труде и подвиже день и ночь делаяюще, да не отягчим никогоже от вас. Не яко не имамы власти, но да себе образ дамы вам во еже уподобитися нам. Ибо, егда бехом у вас, сие завещавахом вам, яко аще кто не хочет делати, ниже да яст. Слышим бо, некия безчинно ходящия у вас, ничтоже делающия, но лукавно обходящия. Таковым запрещаем и молим о Господе нашем Иисусе Христе, да с безмолвием делаяще, свой хлеб ядят* (2 Сол. 3, 6—12).

В Послании к Тимофею апостол Павел просит, чтобы молились христиане за всех людей, особенно за царя и за начальников, говоря: *Молю убо прежде всех творити молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть; да тихое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и чистоте; сие бо добро и приятно пред Спасителем нашим Богом, Иже всем человеком хочет спастися и в разум истины приити* (1 Тим. 2, 1—4).

В Послании к римлянам сей апостол просит христиан, чтобы они жили свято в чистоте и не подражали бы мирским привычкам,

но старались бы познавать волю Божию и исполнять ее и чтобы не увлекались всяким ветром учения, но рассуждали бы смиренно-мудро, сообразно законам. Вот его слова: *Молю вас, братие, щедротами Божиими, представите тела ваша жертву живу, святу, благоугодну Богови, словесное служение ваше; и не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая, и угодная, и совершенная. Глаголю бо благодатию, давшего мне, всякому сущему в вас не мудрствовать паче, еже подобает мудрствовать, но мудрствовать в целомудрии, коемуждо якоже Бог разделил есть меру веры* (Рим. 12, 1—3).

В Послании к коринфянам он написал: *Братие, бодрствуйте, стойте в вере, мужайтесь, утверждайтесь. Вся вам любовью да бывают* (1 Кор. 16, 13—14). К ефесеям написал: *Якоже чада света ходите, плод бо духовный есть во всякой благостыни и правде и истине; искушающе, что есть благоугодно Богови. И не приобщайтесь к делом неплодным тмы, паче же и обличайте. Бываемая бо отай от них срамно есть и глаголати. Вся же обличаемая от света являются, все бо являемое свет есть; сего ради глаголет: востани, спяй, и воскресни от мертвых, и осветит тя Христос. Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть. Сего ради не бывайте несмысленни, но разумевайте, что есть воля Божия. И не упивайтесь вином, в немже есть блуд, но паче исполняйтесь Духом, глаголюще себе во псалмех, и пениях, и песнях духовных, воспевающе и поюще в сердцах ваших Господеви* (Еф. 5, 8—19).

Окончим слово наше к вам, братие, еще одним воспоминанием Писания сего же святого апостола, посланного им к галатам к утверждению в вере. Оно есть следующее: *Братие, аще мы или Ангел с небесе благовестит вам паче, еже благовестихом вам, анафема да будет* (Гал. 1, 8). Видите ли, братие, как строго святой апостол проклинает ложных проповедников, которые учат людей не так, как учили святые апостолы. И святой Иоанн Богослов повелевает таковых безбожных учителей не принимать и в дома и даже при встрече с ними не приветствовать их, не говорить им «здравствуйте», потому что, если кто будет говорить им «здравствуйте», тот участвует в делах их злых (см.: 2 Ин. 1, 10—11).

Темже убо, братие, — писал святой Павел в конце Послания своего к солунянам, — стойте и держите предания, имже научитесь или словом, или посланием нашим. Сам же Господь наш

Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивый нас и давший утешение вечно и упование благо в благодати, да утешит сердца ваша и да утвердит во всяком слове и деле блазе (2 Сол. 2, 15—17). Аминь.

Мысли для поправления нравственности в отечестве нашем России

1. Повелеть Святейшему Синоду по церквам молиться, то есть приложить на ектениях молитву о истреблении нигилизма и о вразумлении поврежденных от него. Мы у себя употребляем в наших прошениях и прилагаем при сем образцы этих прошений.

2. Хорошо бы отстранить соблазнительное удобство перехода священников и диаконов в гражданскую службу, ибо им дают урочное время на выслугу и дают чины. Этим действием закон гражданский незаметно ослабляет строгость благотворной дисциплины церковной, что зловредно действует на нравственность всего православного христианства.

3. Также и переход из духовных училищ в светские, а особенно из академий, ибо с подобными переходами мы скоро останемся с безграмотными архиереями.

4. Во всех светских училищах необходимо нужно скоро пересмотреть учебники по всем отраслям науки, ибо в некоторых учебниках находятся учения, противные Священному Писанию, особенно по геологии и физиологии, которые соблазняют учащееся юношество и располагают к неверию. Все это и подобное тому надобно исправить, а иначе нигилизм все более будет разрастаться.

5. Принятие строгих мер к истреблению в империи книг вредных сочинений и к прекращению тайного ввоза из-за границы в Россию книг вредных сочинений. Исполнение этого мероприятия много поможет исправлению нравственности даже и самих учителей.

6. В светских училищах необходимо нужно прибавить число уроков преподавания Закона Божия, а при выпуске чтобы строго держали экзамен Закона Божия, и если кто одного не знает, то по вступлении на службу определять его рядовым, пока он не сдаст экзамена из Закона Божия, ибо не каждому захочется оставаться рядовым.

7. Устранение в воскресные дни базаров и парадов, как это было прежде, ибо солдаты, собираясь на парад, не могут быть в воскресный день в церкви, а также и все начальники. А это единственный день недели, в который являются в церковь. А тут не только они не являются в церковь, но еще и любопытных отвлекают от нее,

и это много вредит религиозности как самих солдат и начальников их, так и любопытных зрителей.

8. Нельзя ли каким-нибудь образом устранить или уменьшить пьянство в народе, который в большом количестве гибнет от этой страсти вещественно и духовно? К уменьшению этого зла приняты меры возвышением акциза, а еще лучше — благоволением правительства к учреждениям обществ трезвости, поощряемым к такому благому делу установленными знаками наград, например: за пять лет трезвости — медаль, за другое пятилетие — другую медаль и так далее.

9. В казенных общественных училищах посты уничтожены, это очень соблазняет православных религиозных людей, ибо подает причину народу думать о правительстве, что оно безбожное. Полезно было б это поправить.

10. Открытые дома терпимости еще более соблазняют народ, их нужно закрыть.

11. Принуждение солдат к нарушению постов очень вредно действует на доверие их к начальству. Нельзя ли это предоставить свободному их произволению?

12. Литературу подвергнуть строжайшему надзору, ибо есть некоторые журналы и газеты противорелигиозного направления, развращающие народ. Известно, что необузданная литература причиняет гибель государству.

13. Открытие церквей. Ибо легкомысленное закрытие оных очень вредно повлияло на православный народ.

14. Под воскресные и праздничные дни театры запретить, а также в Великий пост и Богородичный¹.

Размышление о состоянии современного монашества Православной Церкви

Прожив на Афоне, в обители святого Пантелеимона, 35 лет и при помощи Божией и Его благословении собравши многочисленное братство, я никогда не думал о переселении его куда-либо в

¹ Копия с собственноручной записки старца отца Иеронима. Мысли эти были ли кому сообщены, неизвестно. Писано в конце 70-х — начале 80-х годов. — *Примеч. о. Владимира.*

Записка была послана графу Н. П. Игнатьеву, по-видимому, в 1880 году. — *Примеч. сост.*

другое место, потому что не было к тому и побудительной причины, но в 1875 году, рассуждая вместе с другими о постигшем нас гонении от греков, я невольно увлекся в размышление и о всеобщем бедствии, гонении и притеснении всего православного монашества, гонимого безбожным духом времени, направленного к конечному истреблению оною как на Востоке — в Греции, Сербии и Молдавии, так и в России, где оно заклеено именами тунеядства, пьяного и развратного класса и непотребного общества. В самом сердце Греции — Елладе монашество почти совсем уничтожено еще в 30-х годах, то же самое сделано в Сербии и Молдавии, а в Болгарии оно давным-давно вовсе истреблено. Приближается время, грозящее монашеству уничтожением и на Святой Афонской Горе, где еще доселе оно существовало самостоятельно, пользуясь древнею свободою и обычаями. Но, к несчастию, в настоящее время патриархия решилась ввести на Афоне реформу такую, которая вовсе уничтожит древнюю свободу монашеской жизни на Афоне, а с нею вместе уничтожится и численность населения монашеского, как то сделано было на Метеоре, где монастыри, когда они были самостоятельны, тогда были очень многочисленны, а, когда подпали под управление патриархии, тогда они почти уничтожились и только одна тень их осталась. То же будет и на Афоне, если он подпадет под управление мирских властей, то есть патриархии, которая в настоящее время управляется мирскими личностями, а не монашескими. Потому что ныне греческие архиереи не принимают монашества, или пострига монашеского. А какого же свойства будет то монашество, коим будут управлять лица, не знающие и не испытывавшие жизни монашеской? Недавние события ясно показывают последствия таковых распоряжений или управлений. Одно низкое лихоимство, и лихоимство со всеми истекающими от него многообразными пороками, обезображивающими монашеский образ!

Покойный Муравьев говорил и писал, что у нас, то есть в России, усиливаются с лица земли стереть монашество. Такой отзыв о состоянии духа современного общества в России подтверждает вышесказанное о нем, что оно не терпит монашества и желает избавиться от него, как от противоположного ему и всегда беспокоящего его общества. И вследствие этого оно старается уронить честь монашества пред народом и вовсе омерзить его пред ним, дабы таким образом охладить или вовсе уничтожить охоту в народе к поступлению в монашество. Разумеется, что это измышление самого сатаны. Но Господь Сам имиже весть судьбами разрушит это диавольское ухищрение.

По причине такого размышления является вопрос: что ж надо делать в таких обстоятельствах монашеству? Неужели спокойно ожидать уничтожения своего? Разумеется, этот вопрос относится более к предстоятелям и старцам монашеских свободных обществ. Примеры древних святых настоятелей показывают, что они за обязанность считали заботиться и о будущем благосостоянии обителей своих, поэтому и нам в настоящее время подобает то же творить. Так как здесь, на Афоне, наше общество и все славянство гонимо и притесняемо, а отечество наше — Россия не принимает нас за своих подданных, потому является такая мысль: не благовременно ли будет нам испытать волю Божию, благоую, благоугодную и совершенную, чтобы нам поискать для себя такое место, где свободно может существовать православная монашеская Церковь со своею епархией? Например, на Тихом океане, где в настоящее время находятся еще много необитаемых островов. А так как для Бога, если только что Ему благоугодно совершено, то и невозможное и немислимое для нас — для Него все бывает возможно. И так как это есть истина несомненная, то, помолившись Господу о сем и попросив у Него на это дело особой помощи и благословения Его, послать туда людей вроде комиссии, хотя из пяти человек, для приискания удобного места к населению и житию монашескому. Если это дело благоугодно будет Господу, то Он и покажет Сам имиже весть судьбами то место, где Ему благоугодно будет прославлять Себя житием монашеским.

Отыскав остров, надобно строго осмотреть его и испытать, имеет ли он все местные условия, достаточные как для здоровья, так и для продовольствия насельников многочисленного братства. По должном испытании и осмотрении острова приступать уже и к усвоению его. Вначале для сего надо приобрести покровительство Америки, как не имеющей господствующей Церкви, а потом уже основать на острове метох (с сохранением тайны) и мало-помалу увеличивать его. И если Бог даст занять остров... [запись прерывается]

Письмо с Афона к уклонившемуся в раскол

Досточтимый о Господе N. N. Мир Божий и спасение душе Вашей!

К душевному прискорбию нашему наслышались мы чрез монаха нашей обители отца N., бывшего у Вас, что Вы более десяти лет уже отчуждены от святой матери своей Церкви и уклонились в раскол, или староверство, а следовательно, отчуждены от Самого Господа, Спасителя нашего Иисуса Христа, Который есть Глава

святой Своей Церкви. Заботясь о спасении собственных наших душ, мы, движимые христианскою любовью к ближнему, решились сказать Вам несколько слов.

Первое всего молим Многомилостивого Господа нашего Иисуса Христа, да просветит Он, Свет истинный, душевные Ваши очи и обратит от тьмы раскола к свету святой Своей Церкви, врученной от Него святым апостолам, а чрез них преемникам их — пастырям Церкви, епископам и пресвитерам, а не простым, непосвященным людям. Второе: просим и молим Вас ради души Вашей, которая дороже всего для нас на свете, обратиться к Богу с усердною молитвою, да покажет Он Вам истину святой Своей Церкви и тьму, ложь и пагубу раскола.

Святая мать наша — Православная Церковь, управляемая по благодати Христовой епископами и пресвитерами, спасает нас верою в Господа нашего Иисуса Христа чрез святые семь Таинств учением Священного Писания, святых Соборов и отцов Церкви. В ней только спасаются верующие, а вне Православной Церкви нет спасения.

Раскол, или мнимая старая вера, есть вражда на Бога, отчуждение от вечной жизни и спасения, ибо пастырей у раскольников, или староверов, нет, святых Таинств тоже нет, истинного света евангельского тоже нет, богослужения нет. Руководители их — невежды-простецы, дерзнувшие по гордости без рукоположения от епископов отправлять богослужение для руководимых ими — только губят их. Будучи сами невеждами, они не могут наставить на путь спасения послушающих их. Слепец слепца может ли водить? Просвещать светом Крещения могут ли они без власти священства? Вязать и решить грехи людей могут ли они без власти, данной от Господа только Своим апостолам и чрез них преемникам их — пастырям и учителям святой Церкви, епископам и священникам? Святой тайны Евхаристии тоже не могут они совершать, а без сего православный христианин-верующий не может быть жив душевно, а есть живой мертвец. *Аще не снете плоти Сына Человеческого, ни пиете крови Его, живота не имате в себе* (Ин. 6, 53). Что же Вы хорошего и спасительного нашли в мнимой старой вере и надеетесь ли спасти душу свою, слушая учение самовольников, взимающихся на разум Божий, оставивших святую Церковь, свет учения евангельского и святоотеческого? Никто никогда не спасся вне Церкви Христовой, а, напротив, погибли навеки все еретики, раскольники и отступники, отлученные от святой Церкви святыми Вселенскими и Поместными Соборами.

Скажете: «Я получил исцеление от болезни, пообещавшись оставить святую Церковь и присоединиться к расколу». На это скажем такую краткую повесть. Один подвижник, впадши в самомнение и гордость, однажды по вражескому диавольскому наваждению, а Божию попущению увидел во сне, что все иудеи-христубийцы блаженствуют в раю, в Царствии Небесном, а все христиане, искупленные честною Кровию Господа нашего Иисуса Христа, мучаются в адских многообразных муках. Проснувшись и поверив видению, несчастный пошел из пустыни и принял жидовскую веру, а Христа Господа, Искупителя своего, попустившего самовольнику-гордецу упасть в такую пропасть, отвергся. Господь ведь не связывает нашей воли.

Подобное случилось и с Вами. Во время болезни, которою наказывает нас Господь вообще за наши же грехи, а могло быть, что наказал и Вас, подвернулся Вам враг спасения — диавол и чрез раскольника погибшего обещал Вам выздоровление, если обратитесь в раскол. Господь попустил, видя Ваше неверие Ему, а веру сатане. Ибо и сатана может преображаться в Ангела света (2 Кор. 11, 14) и творить мнимые чудеса чрез служителей своих. В истории церковной много тому примеров. Вы поверили врагу своему, получив избавление от телесной болезни, а погубили душу, не обратившись в болезни к спасительным врачевствам святой Господней Церкви — Таинствам Покаяния и святого Причащения во исцеление души и тела. И вот теперь блуждаете более десяти лет во тьме и отчуждении от жизни Божией, противясь святой матери своей — Церкви. Кто же заступит Вас при исходе из сей жизни? Кто тогда исцелит, когда душа грешная будет разлучаться с телом? Неужели помогут расколоучители, сами оставленные Господом за свое противление Ему и Его святой Церкви? Нет, не надейтесь! Если не обратитесь на путь покаяния, то погибнете, а совратившие Вас не подадут Вам никакого врачевства. Последнее врачевство и утешение отходящему от сей жизни христианину есть святое Покаяние и Причащение святых Тела и Крови Христовых чрез служителей святой Церкви. А раскольники откуда подадут Вам сии Таинства, сами будучи лишены их?

Итак, ради душевного своего спасения, послушайте нас, смиренных, обратитесь с покаянием к своему Господу и Спасителю Иисусу Христу, искупившему Вас Своею честною Кровию, омывшему водою святого Крещения, питавшему Вас некогда, до отпадения от святой Церкви, честными и пречистыми Телом и Кровию Своими и очищавшему в Таинстве Покаяния чрез служителей святой

Церкви. Господь милосерд, забудет все прошедшее, все грехи Ваши простит, введет Вас паки в дом Своей святой Церкви, как блудного сына, как заблудшее овца. Стоит только помолиться поусерднее к Богу, поплакать и потом прийти к служителю святой Церкви и сказать ему: «Я был в заблуждении, чуждался святой Церкви, а теперь прошу и умоляю снова соделать меня чадом ее».

Даруй Вам Господи обращение к свету и покаянию, помози и вразуми Царица Небесная, и святые угодники Божии, и святой Ангел Ваш хранитель, чего искренне желая и умоляя Бога, да обратит Вас паки к святой Своей Церкви, остаемся на Святой Афонской Горе Русского Пантелеимонова монастыря

*архимандрит Макарий,
иеросхимонах Иероним*

1870 год

Братский совет с Афона разноверным русским сектантам

Как познать Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь? Ведь каждая секта говорит о себе, что ее церковь есть истинная, правоверующая, а таковых в настоящее время в православной России обретается до 100 обществ.

Православные христиане верят, что Господь наш Иисус Христос создал Церковь на земле единую, а не многие, и сия Его Святая Единая Церковь во все времена существует во всей своей силе и славе, сияет, яко солнце, и Он Сам в ней находится. Но многие не познают ее, отделились от нее и раздробились на многие общества и разноверные секты, и каждая из них называет себя истинною церковию, несмотря на то что это они делают против Евангелия, будучи убеждены в верности своего произвольного толкования слова Божия. Отчего это произошло, известно — святой апостол Павел еще предрек, что по отшествии их между христианами будут ереси (см.: Деян. 20, 29).

Теперь предлагается вопрос: как возможно познать истинную Православную Христову Церковь?

Для этого находятся два способа: один — для грамотных людей, а другой — для неграмотных. Грамотный человек, по слову Самого Господа, должен испытать Писания, при помощи молитвы со вниманием прочитать священную историю и церковную, а особенно деяния святых Вселенских Соборов, написанные в особой книге,

называемой Кормчая, и если, говорим, желающий познать истинную Христову Церковь сделает это со страхом Божиим и молитвою, то скоро обрящет искомую истину. Бог просветит его и покажет ему все ее [истинной Христовой Церкви] значение.

Что она есть на земле едина и имеет свое непрерывное начало от времен Самого Господа нашего Иисуса Христа и Его святых апостолов, это ясно показывают ее святая история и деяния святых Соборов. А иноверные общества сего не имеют и продолжения непрерывного своего существования от времен апостольских не могут доказать, потому что не имеют своей истории, ибо они все суть новые, измышленные произволом людей, прельщенных змием, а потому они сами себя подрывают и уничтожают, раздробляясь на многие толки, что доказывает, что они не имеют у себя благодати Божией, а потому и не суть они овцы от двора Христова.

Древняя Вселенская Церковь еще до отпадения от нее Запада на Вселенских и Поместных своих Соборах для единомыслия изложила и определила веру апостольскую во всех ее подробностях и утвердила за нарушение их [наказывать] своею клятвою или отлучением. С IX века Церковь управляется этими законами, которые в обязанность поставляют каждому христианину не мудрствовать иначе против Церкви, но во всем сообразовываться с ее законами и учением. Не дозволяется никому иначе, по-своему толковать слово Божие, но чтобы каждый христианин толковал слово Божие умом общим церковным, а не своим, чтобы во всем сообразовывался с писаниями богодухновенных святых отцов, учителей вселенских, как они толковали, святители Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Афанасий и Кирилл Александрийские, преподобный Ефрем Сирий и прочие, а самовольно не выдумывать разные новизны без благословения церковного.

Нынешние сектанты по неведению уклонились от сего законоуправления богоучрежденного, вовсе отпали от единства святой Церкви и винули себя в волны обуреваний сомнительных, ибо они все весьма сомневаются в своих верах. А спросить бы их, кто дал им право толковать слово Божие по своему разумению, не соображаясь с учением святой Церкви? Ибо истинный христианин должен толковать слово Божие не своим умом, а умом Вселенской Церкви. Вот причина, по которой сектанты отпали от Церкви. Они дерзнули преслушаться Вселенской святой Церкви и начали толковать святые догматы всякий по-своему, против ее учения, а потому и отпали от истины и винулись в погибель.

О привычках

«Привычка обращается в природу, привычка есть вторая природа» — такая поговорка существует в народном разговоре, она взята из опыта. Все ее произносят, но не все знают ее значение. Христианину полезно знать это и задавать себе вопрос: что такое есть природа и какие ее законы или свойства?

Природа имеет законы или свойства неизменяемые, непобедимые. Например, закон дыхания ничем невозможно заменить или сохранить. Долго ли человек может жив быть без дыхания? Также и законы питания, и питья, и сна ничем невозможно заменить. Долго ли человек может без пищи и питья прожить, также и без сна? Зная это, можно верно познать и значение привычки, почему она обращается в природу. Например, если кто привыкает к пьянству, то оно обращается тому в природу неодолимую, так же как нельзя быть без пищи, и питья, и без сна, так и привыкшему к пьянству кажется невозможным жить без пьянства. То же бывает и с другими привычками — например, если кто привыкнет к какой-либо страсти: к блуду, обжорству, гордости, тщеславию или гневу, злоречию, лени, воровству. Всякая дурная привычка мучит человека, и потому святые отцы советуют прежде смерти стараться оставить злую привычку, ибо всякая злая привычка за гробом подлежит томлению адскому. А лучше всего стараться не привыкать к порокам, которые безобразят нашу природу и удаляют нас от нашего высокого назначения — вечного блаженства.

(Вручить эту статью разделить знающему человеку.)

Исповедь иеросхимонаха Н[она]

В настоящее искушение должна быть принесена им Богу.

«Исповедую Тебе, Господу Богу моему, вся моя грехи, которые я сотворил по принятии мною великого ангельского образа. Главный мой грех пред Тобою, Господи: я сознаю в себе гордость, ради которой я забываю благодарить Тебя за великие Твои милости, оказанные мне, особенно в призвании меня в монашество, ибо Ты по великой Твоей благодати внушил мне оставить суетный мир, и прийти в Афон, в сию святую общежительную обитель, и вручиться ради Тебя путеводительству старца, чрез которого Ты много даровал мне духовных благ, особенно вначале, когда я долго мучил его моим диавольским намерением самоубийства. Это великое благодеяние Твое я забыл и прочие Твои дарования я присвоил

себе, а не Тебе, Создателю моему, и теперь придираюсь к старцу, упрекаю его в неблагодарности ко мне за мои труды внешние, вещественные, ищу причины свергнуть с себя святое иго Твое послушания до смерти, как и клялся пред Тобою. Ныне, побеждаемый гордостью, любоначалием и своеволием, роптал на старца, будучи облечен в священный сан, забывши Твою любовь ко мне и старца моего, и не благодарю Тебя. Обещался послужить Тебе среди обители, и вот за малое смущение хочу солгать Тебе, оставить святую мать мою — обитель, не зная часа смерти моей и суда моего. Во всем этом, Господи, я каюсь, и признаю себя виновным, и прошу прощения ради Твоей милости. И прошу покрыть меня со старцем до смерти моей».

Рече Господь: *Не вострубите пред собою* (Мф. 6, 2). Куда девалась вера наша, чтобы получить награду за каждый шаг наш, содеянный нами ради Бога? Но *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 10, 22).

Слава Богу, что ты устоял против врага, ибо не оставил служения в такой великий праздник.

Вот что внушила мне благодать написать к тебе. Буди верен и смирен до смерти. Аминь.

А мзда наша многа на небесех (Мф. 5, 12).

Д[уховник] И[ероним]

История падения первого ангела по Откровению

В начале сотворил Бог небо и землю (Быт. 1, 1). Под сотворением неба отцы Церкви разумеют сотворение Ангелов, которые были сотворены прежде физического мира и были очевидцами его сотворения. О сем Сам Бог открыл Иову: *Егда сотворены быша звезды, восхвалиша Мя гласом велиим вси Ангели Мои* (Иов 38, 7). Первый ангел до падения назван в Писании Денницею, а по падении называется змием великим, змием древним, диаволом, сатаною, лстящим вселенную всю, велиаром, веельзевулом, отцом лжи, искони человекоубийцею. Господь открыл причину падения его, погубившую его. Она состояла в измышленной им лжи, потому и объявил его отцом лжи и не стоящим в истине (см.: Ин. 8, 44). Уклонившись в самообольщение, он возгордился Божиими дарованиями и приписал их себе, а не Богу. Вследствие сего он, оставив послушание, дерзнул пожелать сравняться с Богом, отделиться

от Него и быть независимым. Не устоял в той истине, что он как бытие свое, так и все дарования, которых ради вознесся, получил от Бога, Который может всегда его их лишить.

Отец лжи в истине не стоит. Какая это истина, в которой он не стоит? Под этим словом можно разуметь, первое — то, что он, как сотворенный Богом наравне с другими из ничего и предпочтенный пред другими особо высокою честью первенства, следовательно, более других одолженный Богом, должен был и возлюбить Бога более других и с благодарностию повиноваться Ему. Но он этого не сделал, а потому в истине не устоял. Второе — возгордившись высоким положением своим и решившись в уме своем не повиноваться Богу, а отделиться от Него и сделаться подобным Ему, он ложно решил для себя неизбежный в этом случае вопрос: по отступлении от Бога останется ли он таковым, каков есть? Не лишится ли он Божиих великих дарований и что после этого будет с ним? Может ли он победить Вышнего, Всемогущего и сделаться подобным Ему, Творцу? Не силен ли Бог за неблагодарность отвергнуть его от Себя или вовсе уничтожить его? Подобные обличения совести он имел в себе, но, обольстившись самолюбием и сладостию гордого честолюбия, он не принял их и измыслил ложное объяснение себе и тем не устоял в истине. Дерзнул восстать против Бога, возмутил многих принявших участие в его отступлении, поднял на небе войну и за то был свержен с неба на землю. Лишившись благодати, он ожесточился, не обратился с покаянием к Богу и за то отвержен Богом навсегда и осужден на вечное мучение. Третье — то, что он, павши в самообольщение и самонадеянность, столько был уверен в своей мудрости, что презрел советы и обличения прочих двух частей Ангелов, не принявших участия в его возмущении, но еще поднял против них вражду.

УСТАВ

пустынной местности, именуемой Фиваида, находящейся на Святой Афонской Горе в пределах Кромницы, принадлежащей Русскому общежительному монастырю святого великомученика Пантелеимона

Глава 1. О церковной службе

В общей церкви, посвященной во имя всех святых отцов афонских, службы церковные исправлять все неизменно по уставу церковному, как-то: бдение, утренняя, Литургия, так и вечерня и повечерие. От святой Пасхи бдение начинать с вечера, в первом часу ночи. Утреню начинать в 7 часов ночи. Воскресные и праздничные — в 6 часов. Литургию начинать в 11 или 12 часов утра. Вечерню — в 10 часов дня. Воскресные и праздничные — в 9 часов. Повечерие — в первом часу ночи, а во святую Четыредесятницу великое повечерие начинать в 10 часов дня. Таким образом церковные службы отправлять во весь год до святой Пасхи.

Глава 2. О исповеди

Отцы и братия, готовящиеся к приобщению Святых Христовых Таин, по положенному закону церковному наперед должны исповедаться у духовника своего. Без исповеди же не должно дерзать приобщаться, ибо сие законом запрещено. Если же кто мнит о себе, что он не имеет что исповедать духовнику своему, тот пусть хотя по чину со смирением примет благословение от него и пусть выслушает общую разрешительную молитву и потом уже пусть приобщается. Так должно делать, дабы не составила греховная привычка ради лености или тщеславия дерзать без исповеди приобщаться и тем пред братьями выказывать себя безгрешным.

При этом всякому должно строго смотреть за собою, чтобы со злопамятством на кого-либо не дерзать приобщаться Святых Таин, ибо это весьма душевредно есть. Для искоренения из сердца этого великого зла положена искренняя исповедь пред духовником, которая разрешает и уничтожает всякую злобу. Также отцы и братия должны с любовью принимать от духовника за свои погрешности выговоры, или обличение, или епитимии и не оскорбляться за то на него. Тем более чтобы по капризу и гневу не оставлять его и не переходить к другому духовнику, ибо так делать законом запрещено.

Глава 3. О Причащении Святых Христовых Таин

Отцы, внимающие своему спасению, должны причащаться Святых Таин каждую неделю, а которые воздерживаются от разрешения вина и елея, те могут причащаться и чаще — два и три раза в неделю. Особенно в великие праздники богоприятно есть освящать себя божественным Причащением Святых Таин.

Также полезно соблюдать и тот обычай богоугодный, чтобы день Ангела своего чтить освящением себя принятием Святых Таин.

Надобно остерегаться, чтобы после Причащения до трапезы не плевать на землю, а еще более того требуется воздерживаться от многоядения и празднословия.

Братия или послушники должны причащаться чрез две недели, а если кто из них по благословению постится, тот пусть причащается один раз в неделю.

Глава 4. О должности духовника

Духовник должен смотреть за всеми порядками как в церкви, так и вне ее, и о чем нужно, сообщать в монастырь. А паче всего ему должно внимать, чтобы запасные Святые Дары всегда были бы в запасе готовые для предсмертного напутствия нечаянно умирающих.

Духовник обязан согрешающих отцов и братий вразумлять духовно и тайно и явно, смотря по причине греха, или отлучением от Причастия на некоторое время, или поклонами, или постом. А в церкви вразумлять четками, заставляя протянуть пред иконою Спасителя четку, или три, или более, смотря по причине согрешившего, или полежать у порога церковного и просить прощения у выходящих отцов.

В особую обязанность поставляется духовнику строго смотреть за прочтениями синодиков. И при том советоваться о делах с определенными старцами.

Глава 5. О благочинном

Отцы и братия для благоустроения своей отшельнической безмолвной жизни должны иметь в своем обществе одного благочинного старца, который был бы помощником духовнику, чтобы он помогал ему во всех делах его как в церкви, так и вне ее, чтобы также смотрел он за поведением отцов и братий и в церкви чтобы возбуждал дремлющих к бодрости и молитве и пресекал бы праздно-

словие и всякие споры. Чтобы принимал гостей и богомольцев и записывал бы имена в книги и чтобы следил за чтениями синодиков. И при том чтобы он обращал внимание свое на постройки по всей местности. И чтобы почаще советовался о всех делах с должностными старцами и, о чем нужно, сообщал бы о том монастырю. При всем том чтобы он особенно старался со всею своею святою ревностью расширять славу Божию по всей пустынной местности побуждением, и благосоветием, и всяким богоприятным поощрением и пособием насельников ее к богоугодной святой жизни в исполнение слова Господня, глаголющего: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Еже и да будет.

Глава 6. О старцах-советниках

Хотя местность Фиваида и не скит, но, поелику собравшееся значительное число отцов и братий требует порядочного управления, потому и мы за полезное сочли сообразно со святогорскими обычаями учредить в этой местности старческий совет, состоящий из четырех старцев-советников, которых должность будет состоять в том, чтобы они опытными своими советами помогали духовнику и благочинному во всех делах, касающихся общего нравственного благоустройства отцов и братий. Потому они обязаны смотреть за поведением всего общества и советовать всем, что на пользу и спасение души. И о чем будет потребно, о том возвещать монастырю. При сем совещаться о всех делах с духовником и благочинным. А с другими отцами никаких советов не делать.

Глава 7. Об общих правилах

Древние святые отцы, которые собственным своим опытом испытали разнообразно отшельническую жизнь, все они признают, что житие для безмолвников вдвоем или втроем полезнее есть жития одинокого. А потому и советуют безмолвникам проводить житие вдвоем или втроем, как более удобное и безопасное для спасения. Жития же в одиночестве, как более опасного, советуют удаляться. Потому, последуя им, поставляем за правило, чтобы в Фиваиде по каливам было житие непременно по два или по три старца. А если кто пожелает или имеет какую-либо причину жить одному, тот должен для этого испросить у игумена особое благословение, а своевольно не дерзать решаться на опасное житие.

Отцам и братьям в строгую обязанность поставляется, чтобы твердо и неизменно хранить старчество, ибо старчество установлено примером Самого Господа нашего Иисуса Христа. И оно есть основание нашего монашеского жития. А потому надобно вседушно покоряться ему и не дерзать без старца постригаться и жить самочинно без совета старческого, но чтобы все жили единообразно по правилам святых отцов. Чтобы каждый имел у себя своего старца и слушался бы советов его, покоряясь ему в страхе Божиим, чтобы жили по советам своих старцев и духовников. Чтобы со смирением вопрошали их обо всем нужном ко спасению, особенно о молитве; как о церковном правиле, так и о келейном каноне должны советоваться со старцами своими и духовниками и ничего по самочинию, без благословения не делать. Тем более внимать себе, чтобы не верить своему рассуждению, но вопрошать тщательно опытных старцев обо всем, как-то: о мечтаниях и видениях, о воображениях и снах, которые часто обманывают монахов, — обо всем этом надобно подробно открываться старцам своим и духовникам. А самим себе вовсе не должно верить. Не должно верить никаким явлениям и даже не желать их, ибо это есть душевредно, как пишет преподобный Петр Дамаскин: «Лишь только монах пожелает видения, он тотчас становится под областью прелести». Потому что желание видеть что-либо есть признак гордости, а потому надо внимать себе строго, чтобы не желать ничего видеть. Для противодействия разнообразным и бесчинным бесовским прелестям полезно будет каждому затвердить себе сие слово, что недостойн ничего желать и видеть и слышать, — одно слово: *недостойн*. Этим словом отбиваться от верования прелестям бесовским. К тому же надобно и о том знать, как пишет святой Исаак, что если кто ради страха не примет и истинного видения, то Господь за это не гневается на него, ибо знает, что он не принял хотя и истинного видения ради страха, чтобы не погибнуть. А потому надобно нам понуждать себя к исполнению заповеди Божией, повелевающей нам вся с советом творить (см.: Сир. 32, 21). *Во многом совете*, — говорит, — *есть спасение* (Притч. 11, 14). Это значит не то, как пишет святой авва Дорофей, чтобы со многими советоваться, а хотя и с одним, да о многом, то есть обо всем подробно, например: вопрошать старца, как службу церковную править, как канон келейный тянуть, как держать непрестанно память Божию или Иисусову молитву, как поклоны класть, и сколько, и когда, как есть и пить и когда поститься и спать, как рукоделием заниматься, как обращаться с другими, как держать себя в церкви, как причащаться Святых Таин,

как отлучаться из каливы для потребностей. А еще более нужно вопрошать старца, как надобно бороться со страстями, как и чем побеждать рассеянность, леность, гордость, тщеславие, осуждение, как не принимать и не услаждаться блудными мыслями, как избегать празднословия, смеха, злоречия, споров, зависти, ненависти, гнева, злопомнения и прочего тому подобного, как бороться с хульными помыслами, как приобрести страх Божий, память смерти и муки вечной, как стяжать покаяние и слезы. Обо всем этом надобно вопрошать часто и подробно. Ибо невежество много причиняет нам препятствий ко спасению нашему.

Церквей многих чтобы не строить для устранения неуместных беспокойных празднований.

Мера места для построения калив да будет для всех одномерная: 25 сажень квадратных. Без благословения монастыря никто не должен перестраивать своей каливы, или увеличивать свое место, или передавать другому. Пусть все делается с советом и вопросом.

Благословляется разводить всякие плодородные деревья и виноград для еды, а не для вина. Виноделие же вовсе запрещается.

Отцы и братья должны понуждать себя к терпеливому житию в безмолвии на каливах. Не предаваться рассеянности, чтобы ради скуки без нужды не оставлять калив и не прогуливаться по монастырям. Тем более без крайней нужды не ходить на Карею. Ибо кому не известно, что частое хождение без нужды делает душевредную рассеянность, которая все собранные духовные плоды безмолвнические погубляет?

Без благословения духовника чтобы не иметь в каливах вина, раки и прочих хмельных напитков. В случае же какой-либо причины должно объявлять духовнику благословную причину, заставившую его к нарушению положенного правила, и по чину взять от него на то позволение. Всем надобно со страхом Божиим стараться, чтобы в пустынной местности Фиваиде не было и слуху о мирской привычке к душепагубному пьянственному невоздержанию.

Никому не дозволяется вмешиваться в дела и распоряжения общие, кроме определенных для того от монастыря шести старцев. Других же собраний для советов не дозволяется делать, но всем безмолвствовать и со страхом Божиим покоряться положенному порядку. Для успокоения же волнующихся прилогов против порядков правления полезно будет почаще задавать себе вопрос преподобного Арсения: «Монаше, зачем ты пришел в эту пустыню?» Такое настроение мысли при содействии благодати поможет безмолвнику благодушествовать в терпении пустынных скорбей, за терпение

коих обещано от Бога получение вечного блаженства и нескончаемой радости, ихже да сподобимся улучшить по милости Божией молитв ради Пресвятыя Владычицы нашае Богородицы, и святого Пантелеимона, и богоносных отцов наших афонских. Аминь.

Игумен Русского святого Пантелеимона монастыря *архимандрит Макарий* со всею о Христе братиею. *Духовник Иероним.*

1884 года апреля 6-го дня.

Для совершенства и полноты сего устава по правилам святых отцов требуется сохранять, чтобы в эту местность не принимать безбрадных и не позволять им долго проживать здесь.

Духовник Иероним.

1884 года июня 12-го.

Чиноположение в пустыне Фиваида поступающим на жительство престарелым, и неимущим, и всем приходящим для спасения душ своих.

1. Так как пищу, одежду и все прочее необходимое, требующееся для жизненного содержания в Фиваиде, по случаю отдаленности ее от Карей и монастырей затруднительно приобретать, посему Русский монастырь святого Пантелеимона положил все необходимое иметь на месте Фиваида, дабы братия не отлучалась без нужды от местопребывания своего и не развлекалась проходками по делам, иногда совершенно ничтожным.

2. Все имущие средства могут приобретать для себя нужное от того, кому поручил монастырь, по ценам, монастырем приобретенным.

3. Совершенно неимущим, престарелым распорядитель будет выдавать по своему совестному усмотрению бесплатно.

4. Имущим средства и просящим поддержки тоже, облегчая нужды, выдает что-либо.

5. Могущие производить какие-либо работы в вознаграждение получают что-либо из экономии, смотря по их труду.

6. Все могущие чем-либо содействовать пустынному сожитию: духовно, нравственно и материально — обязаны помогать согласно просвещению совести каждого.

Совершенно неимущим и престарелым благословляется давать:

10 ок¹ сухарей в месяц; 2 oka муки тоже; 1 око круп или риса тоже; 100 драм² масла тоже; 50 драм фотогена³ тоже; 1/2 oka

¹ Греч. ока — мера веса, равная 1,225 кг; мера жидкостей, равная 1,25 л. — *Примеч. сост.*

² Греч. драми — мера веса, равная 3,2 г. — *Примеч. сост.*

³ Фотоген — минеральное масло для светильников. — *Примеч. сост.*

тарани тоже; 1 око масличек тоже; 50 драм сыра тоже; 100 драм сельдей тоже.

Две рубахи и двое штанов холщевых на год. Один подрясник холщевый тоже на год. Один подрясник суконный на год. Рясу навсегда. Камилавку на два года. Наметку тоже. Двое чулок тоже на год. Одни башмаки и одна подметка на год. Куртку тоже на год. Двое чулок тоже на год. Схиму навсегда.

На 20 левов посуды на год. Чая и сахара по усмотрению распорядителя, по количеству и выдаче из монастыря.

Все вышеизложенное составлено в Бозе почившим отцом духовником его высокопреподобием иеросхимонахом Иеронимом; сие все предлагается к исполнению.

Любящим же Бога вся поспешествует во благо (Рим. 8, 28).

На древней каменной иконе святого великомученика Пантелеимона, на хартии, которую держит в руке своей страстотерпец Христов, написаны в назидание наше сии слова: «Друзи мои! Потщитесь, и не вотще будет труд ваш».

Игумен Русского Свято-Пантелеимонова монастыря *архимандрит Макарий*.

Мы, нижеподписавшиеся, собравшись у игумена отца Андрея, совместно с ним порешили: устав сей Новой Фиваиды, составленный приснопомнимыми нашими блаженными старцами игуменом Макарием и духовником Иеронимом мы принимаем и подтверждаем своею подписью.

27 января 1896 года.

Игумен Русского Пантелеимонова монастыря *архимандрит Андрей* со всею о Христе братиею.

Иеросхимонах Рафаил. Иеромонах Иосий. Иеромонах Илиодор. Иеромонах Аверкий. Благодичинный иеромонах Варлаам. Иеромонах Нифонт. Духовник иеромонах Агафодор. Иеромонах Вероник. Казначей иеромонах Аристоклий. Иеромонах Владимир. Иеросхимонах Авраамий. Иеромонах Митрофан.

Копия сия переписана верно с подлинного устава, который оставлен для хранения в монастыре, что и подтверждаю своим подписом.

Архимандрит Андрей.

НАСТАВЛЕНИЯ БРАТИИ

Правила для иноков

Нужно помнить:
по вступлении в святую обитель помни и не забывай во всю свою жизнь ту ревность, с которою ты вступил в обитель, и тем возбуждай себя от лености и нерадения ко усердию на все труды монастырские;

2) чистосердечное и сокрушенное покаяние о всех грехах своих без малейшей утайки, а, чтобы не позабыть чего, для этого нужно с большим вниманием и размышлением припомнить от юности все свои грехи, великие и малые, и написать их на бумаге, и после искреннего покаяния, какую даст тебе епитимию духовный отец твой, должно с усердием исполнять все, что он тебе назначит, без всякого увеличения или уменьшения;

3) послушание не выбирай по своему желанию, где и что тебе нравится, а что назначат и куда пошлют, с усердием все исполнять беспрекословно, как повеления Божии, а не человеческие, а иначе труд твой будет бесполезен и даже душевреден;

4) волю свою и мудрование свое мирское из головы выбросить вне святой обители, чтобы они более не существовали с тобою в обители; предайся во всем как железо ковачу; по братским келлиям не ходи, знакомства ни с кем не заводи, в дела монастырские и старческие не входи и не испытуй, да не смутишь чрез это душу свою бесполезными и душепагубными любопытствами и лишишься душевного и сердечного мира; живи, как странник, в обители во всю твою жизнь, помни всегда только о Боге и себя и свое намерение, с которым ты пришел в обитель; держись своей келлии, как пчелы — улья своего, и, как они, так и ты возделывай духовный мед, то есть: по окончании своего послушания занимайся молитвою Иисусовою и чтением слова Божия, святоотеческих книг, и преимущественно святого аввы Дорофея, святого Иоанна Лествичника, святого Ефрема Сирина, святого Кассиана Римлянина, и какие назначат тебе старцы книги читать;

5) частое и чистосердечное исповедание грехов и помышлений своих, как злых, а равно и благих; особенных подвигов никаких не предпринимать по своему желанию и неразумной ревности, чтобы не прельститься; только такие дела и подвиги совершать, какие старцы назначают, ни больше, ни меньше; слова и наставления

старческие принимать с верою, как из уст Божиих, и исполнять с любовью, а не с ропотом;

6) при послушании хранить молчание с молитвою Иисусовою тайно в уме, с памятию Божию; иметь страх Божий и благоговение во всем и везде, а также [помнить] присутствие Божие, и присутствие Богоматери, и святого Ангела-хранителя своего, и всех святых и иметь память смертную, смирение и всегдашнее самоукорение и крайнее внимание о делах и помышления своих, какие приходят: благими пользоваться, а злых избегать, на братию смотреть как на Ангелов; себя считать недостойным сожителюства с ними по своим грехам; если увидишь какие немощи в ком-либо, то берегись осудить, да не прогневается на тебя Господь и попустит на тебя большие искушения, но скажи помыслу своему: «Сей брат совершен есть в добродетели, сия творит аки немощный и грешен»; на начальников и духовных отцев взирай как на Христа и все повеления их и слова принимай с верою и исполняй, как повеления Божии;

7) в храме Божиим стой с великим благоговением и страхом Божиим и с сокрушенным и смиренным сердцем, как осужденник и как пред лицом Божиим, Который весть тайны сердца нашего и ума нашего помышления, и зывай к Богу умносердечно мытаревым покаянным воплем: *Боже, милостив буди мне, грешному*. И с великим вниманием слушай, что читают и поют в церкви;

8) в трапезе также со страхом Божиим и с молитвою вкушай пищу и питье и благодари Бога, подавшего тебе сия, а умом внимай, что и о чем читают, дабы не только тело, но и душа питалась бы словом Божиим. По окончании трапезы не останавливайся для празднословия, но спеши скорее на свое послушание, если есть, а если нет, то в свою келлию и займись или каким делом, или молитвою и чтением Священного Писания;

9) аще возможно, то на всякий день открывать все свои дела и помышления старцам духовным, чтобы враг в чем-нибудь не поймал бы в свои вражеские сети;

10) чтобы до самой смерти провести жизнь свою во святой обители в добродетели и в духовной мудрости, нужно приучать себя к победам над своею плотию; блажен тот инок, кто проведет жизнь добродетельную и исполнит обет свой, данный Богу; если хочешь проводить жизнь иноческую, то признай себя странником земным и будь беден для мира и богат пред Богом; знай, что не одежда и пострижение делают человека истинным монахом, но чистая душа пред Богом и умерщвление своих страстей; не ищи здесь ничего, на земли, кроме Бога и спасения души, старайся быть последним

изо всех, смираясь пред Богом и всеми людьми, иначе не найти тебе душевного мира и покоя; повинуйся всем ради Бога, ибо ты пришел в монастырские стены не начальствовать и проводить время в праздности, но терпеть и трудиться Бога ради и спасения ради души своей; здесь-то люди и очищаются, как золото в горниле, а потому никто не может жить в монастыре, не принеся сердце и разум на служение Богу. Аминь.

Правила наружного поведения для послушников

1. Принятому в монастырь должно вначале исповедовать все свои грехи самому игумену, также и после [исповедоваться] во всех смертных грехах. Ходить к духовнику, к которому будет указание.

2. Если имеются деньги или вещи, передать их игумену, не удерживая у себя ничего.

3. Получивши послушание и канон келейный, исполнять неопустительно, часто исповедоваться, не утаивая грехов.

4. В церковь ходить к началу, также и на первую трапезу. И до окончания службы и трапезы не выходить без великой нужды.

5. В келлии без благословения не есть ничего и не вносить ничего, кроме благословенного.

6. Особой дружбы не иметь ни с кем.

7. Без нужды не ходить по келлиям и к себе не принимать. Не угощать друг друга чаем.

8. Не принимать у богомольцев ни денег, ни вещей и от братий ничего не принимать и самому не раздавать ничего: ни одежды, ни обуви, ни пищи — и ничем не меняться.

9. При встрече с другими надобно делать малый поклон, сказавши: «Благословите», но не иметь привычки рукопожатия.

10. Без благословения не иметь у себя ни пищи, ни денег, также и лишней одежды.

11. Открывать духовному отцу всякие помыслы, особенно хульные и блудные.

12. Не верить никаким снам и явлениям и даже не желать видеть никакого видения, считая себя недостойным.

13. Канон келейный исполнять всегда, но без благословения самому себе не полагать никакого правила, а все делать по благословию, с вопросом.

14. Не избирать послушание, что богопротивно.

15. Для прогулки за монастырь выходить только в праздники вдвоем или втроем и недалеко.

16. Без благословения отлучаться из монастыря никому не дозволяется.

17. Читать книги только те, которые благословит игумен.

18. Вовсе не верить своему рассуждению, но обо всем вопрошать старца. Это есть основание и конец безбедному спасению.

19. Прежде трех лет испытания не домогаться получить мантию.

20. О купании¹.

21. О тайноядении и тайнопитии хмельных напитков.

22. В праздники не ходить на раннюю Литургию.

23. Не искать, кто где служит из иеромонахов поскорее.

Правила для портомойни

В деле спасения нет мелочей. Чтобы не было места диаволу, так легко вводящему в искушения своевольников и самочинников, в монастыре каждый шаг монаха должен быть с благословения, каждое действие должно быть определено уставом. Настоятель должен на каждом месте на всякое время жизни братий определять их действия. Как пример можно привести то, что отец Иероним составил правила даже для портомойни.

Так как заповедано нам *творить вся во славу Божию* (1 Кор. 10, 31), потому приглашается братство наше к осуществлению сей заповеди и через сию нашу телесную потребность в портомойне, да вся творим по чину и благообразно.

Вначале должно входить в портомойню с призыванием Бога в помощь, произнося тихо общую молитву: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас». По сем, сказавши присутствующим: «Благословите», занимать свободное корыто. Мыть водою одежду телесную, а умом омыwać молитвою одежду душевную, говоря: «Господи, очисти скверну души моя».

Правила для предосторожности.

1. Всякую одежду мыть водою теплою, а не горячею, ибо горячая вода причиняет в руках ревматизм, что многие опыты показали.

2. Холодною водою вовсе ничего не мыть ради вышеуказанной причины.

3. Щелок для мытья одежды употреблять слабый, полагая на десять кружек воды одну кружку щелока, ибо крепкий щелок вреден для рук и для одежды.

¹ Купание в море запрещалось. — *Примеч. сост.*

4. Рубашки суконные надобно мыть легким щелоком, а не мылом, ибо от мыла они очень садятся и делаются жесткими, а от щелока — более мягкими.

5. В портомойне никому не дозволяется обнажаться и обмываться.

[Отцам и братиям московской Афонской часовни]

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Возлюбленнейшие о Господе отцы и братия наши, находящиеся при часовне, дарованной по Высочайшему повелению Русскому нашему святого великомученика Пантелеимона монастырю, что на Афоне.

Господу Богу по неисповедимым Его судьбам угодно было посетить возлюбленнейшего нашего собрата иеромонаха Иасона внешнею и тяжкою болезнью.

Так как ему было поручено нами управление как часовнею, так и находящимися при ней собратиями, иеромонахами, и монахами, и послушниками, посему необходимо с его отбытием другому лицу иметь надзор как за порядком вообще богослужения в часовне и совершения частных молебнов по усердию благочестивых посетителей и т. п., так равно и нравственный надзор над всеми находящимися собратиями при часовне и духовное о них попечение и помощь к соблюдению себя прилично нашего звания и строгого хранения нравственности, дабы таким образом возложенное на вас всех послушание было свято исполняемо во славу Божию к чести обители и монашества.

Призвав Господа Бога в помощь, мы поручаем заведование часовнею преподобнейшему собрату нашему иеромонаху отцу Досифею, находящемуся при приюте, открытом по Высочайшему разрешению также в Москве.

Вас же, возлюбленнейшие о Господе отцы и братия, просим и молим во всем иметь должное повиновение к преподобнейшему отцу Досифею, как бы к самим нам.

Прежде всего по заповеди нашей вы должны пред ним чисто-сердечно объясняться в Таинстве Покаяния, ибо чрез открытие искреннее своей совести человеку приходит страх Божий, который есть начало и побуждение ко всему благу, а затем просим исполнять с усердием и по Богу все вам поручаемое в возложенных на вас послушаниях.

Таким образом, находясь и вне обители, вы, покрываемые благодатию Божией, как истинные послушники, сохранитесь непреткну-

венными, совершите святое послушание и будете сопричастницы вечных благ, уготованных Господом любящим Его, Ему же вы и служите ради вечного спасения вашего!

Необоримый Покров Пресвятыя Владычицы наша Богородицы и предстательство святого покровителя нашего великомученика Пантелеимона да будут в помощь трудам вашим вкупе с нашею отеческою молитвою и благословением к соблюдению вполне богодарованного нашего устава боголюбезного общежития, еже и да будет благодатию Святого Духа, живущего в вас. Да удостоит Он вас достигнуть божественного назначения, благодатного сыноположения и вечного богообщения.

Пребываем деннонощно молящиеся о вас, о ниспослании вам свыше помощи и благословения, ваши сомолитвенники и старцы.

Игумен Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря *архимандрит Макарий*.

Оканчивающий течение земной жизни недостойный ваш старец *духовник Иероним*, поручающий себя вашей сыновней любви и молитвам.

Ноября 1883 года.

Христос воскрес!

Возлюбленнейшие о Господе отцы и братия, живущие в Москве, при часовне святого великомученика Пантелеимона.

Так как у всех нас, живущих в обители, как у давших уже обеты гласные пред Господом Богом, и Всепетою Его Материю, и всеми святыми, и пред людьми, так и у тех, которые еще готовятся к этому, — у всех у нас, говорим, одно намерение: жить в полном общежитии святой обители во славу Господа и во спасение свое, то необходимо для приведения в исполнение сего намерения исполнять и заповеданные богоносными отцами условия общежития, как-то: самоотвержение, или отсечение своей воли, в чем бы то ни было; беспрекословное послушание, нестяжание и чистота душевная и телесная во всем и везде, где бы ни было нам поручено исполнять послушание, — в обители ли или вне оной по назначению настоятеля — везде мы должны хранить себя и помнить свое призвание, дабы не остаться в званных только, но нужно достигать быть и во избранных. О последнем-то мы и должны заботиться и за молитвы отцов вполне исполнять по совести и тщательности данное каждому поручение в пользу обители и спасение свое.

Причем оказывать полное повиновение тому, кому поручено распоряжение делом от обители. Например, у вас в часовне все,

что кем-либо приобретается, на свечи, на молебен или на другие потребности подаваемое по истечении дня вручайте кому следует, ибо это жертва Богу. Если же кому окажется собственная нужда, необходимость в деньгах, то испрашивайте на сие благословение от распорядителя и получайте по его усмотрению и тайно ничего не делайте. Иметь у себя что-либо излишнее, как-то: напитки и разные прихоти — не держайте, ибо это несообразно с правилами общежития — каждый из вас знает, что так это бывает и в обители. Также отлучаться из часовни для прогулки или в гости к кому-либо без благословения никак не должно, ибо *не хотяй благословения, удаляется от него* (Пс. 108, 17), а нам благословением должно дорожить, ибо чрез него ниспосылается на наши действия благословение Божие. Да и вообще ходить по гостям и заводить для этого знакомства весьма душевредно. Также и относительно принятия к себе кого-либо из знакомых или желающих познакомиться, и это должно делать не иначе как с благословения настоятеля часовни, дабы все делалось по правилам общежительного благословенного порядка; и если при помощи благодати Божией так будет исполняться, то во всем будет всякое поспешение и благоугождение Богу, во славу Его, в похвалу иноческого чина и обители и во общее спасение. Мы уверены, что вы ради послушания исполните с любовью наш отеческий совет и будете поступать согласно оного, за что и получите награду от воскресшего Спасителя нашего Господа в невечернем дне Царствия Его, предстательством Пречистой Его Матери Девы Богородицы и святого великомученика и целителя Пантелеимона еже и буди.

Призывая на вас благословение в Троице славимого Бога и поручая заступлению Царицы Небесной, остаемся с любовью к вам о Христе, всегдашние богомольцы ваши.

Архимандрит Макарий со всею о Христе братиею.

Духовник Иероним.

17 апреля 1884 года.

[Завещание о Ново-Афонском монастыре]

Высокопреподобнейший отец архимандрит Макарий, о Господе возлюбленный духовный сын мой! Благословение Божие и мое старческое да пребудет на Вас веки!

Хотя я и многократно говорил Вам лично о моем большом сочувствии к Ново-Афонской нашей обители на Кавказе и о желании моем благоустроить ее во славу Божию и спасение многих душ,

в настоящее время, приблизившись к концу жизни моей, я за богоприятное счел это мое старческое желание и как завещание написать Вам на бумаге для заявления нашим святым отцам и братьям, которые, без сомнения, из любви и благоговения к старцу изъявят со своей стороны сыновнее сочувствие к старческому завещанию, служащему к расширению славы Божией. И верую в щедроты Божии, что за сие обитель наша сподобится получить от Бога особые щедроты Его.

Желание же мое состоит в том, чтобы хотя немного обеспечить Ново-Афонскую нашу обитель внесением в банк для получения непрерывных доходов на содержание ее 200 тысяч рублей. Это в настоящее время для нее необходимо. А на будущее время эта обитель, как прославляющая Бога, за то и сама будет прославлена от Него и в состоянии будет помогать матери своей — обители Афонской. Еже и да будет осуществлено Богом чудес во славу Его, заключающуюся во спасении душ наших.

Затем остаюсь ожидающий скорого разлучения души моей от грешного моего тела старец Ваш и вместе недостойный духовник, имеющий нужду в Ваших святых молитвах, а потому и вручающий себя им, *премногогрешный Иероним*.

30 декабря 1883 года.

[Отцам и братьям на Новый Афон]

Отцы и братья наши, посланные нами в Ново-Афонский святого апостола Симона Кананита монастырь на послушание для расширения славы Божией во святом общежительном житии!

Приветствуем вас апостольским благожеланием: благодать вам и мир от Бога, Отца нашего, и Господа Иисуса Христа. Благодарим Бога всегда о вас, о благодати Божией, данной вам о Христе Иисусе, что Он избрал вас от мира, и удостоил получить святой ангельский образ во святом нашем общежитии, и обогатил вас во всяком слове и разуме и во многих богоугодных мученических подвигах, как-то: в отсечении своей воли, во всяком послушании, в любви братской, в единокровии и единомыслии и во всяком терпении как в молитвах и пениях, так и в разных служениях, и во всяком смиренномудрии. Молим же вас, братья, именем Господа нашего Иисуса Христа, как совершенно возлюбивших Его, отвергшихся мира и претерпевающих в святом общежитии мученические подвиги, да то же глаголете все, и да не будет у вас распри, да будете же утверждены в том же разумении и в той же мысли, что истинное

богоугодное монашеское общежитие состоит в любви и мире, в единодушии и единомыслии.

До сего времени мы слышали о вашем братолюбии и благопокорении, как Самому Богу, старцу вашему игумену Иерону, а в лице его нам, радовались сему, и утешались, и прославляли Бога. Но в настоящее время прибывшие от вас в обитель нашу братия наши помрачили эту нашу утешительную радость печальным известием, что у вас оказываются между собою нелюбовь и разделение, зависть, ненависть, споры и злоречие, будто бы один другого раздражает и укоряет за самый ничтожный предмет, за глупую, детскую причину смешную: что тот великоросс, а тот малоросс. А во время раздражения обзываете друг друга укорительными именами. Один говорит: «Ты москаль», а другой дразнит: «Ты хохол». Куда же девалась ваша евангельская братская любовь? Это ли плоды духовные ваши?

Боголюбезные отцы и братия, с великою скорбью и болезнию сердца умоляем вас: примите увещание от любящих вас старцев ваших, оставьте это проклятое душепагубное разделение и паки возвратитесь к любви, без которой невозможно спастись никому. Бога ради вонмите сему: святой апостол Павел коринфских христиан за разделение в единомыслии назвал плотскими и младенцами. *Еще бо, — говорит, — плотскии есте, идеже бо в вас зависти и рвения и распри, не плотскии ли есте, и по человеку ходите. Еда бо глаголет кто: аз убо есть Павлов, другой же: аз Аполлосов, не плотскии ли есте?* (1 Кор. 3, 3—4) Видите ли, братия, какой злой вред от разделения, хотя по виду и благочестивого, ибо они разделились во имя святых своих просветителей. Но, поелику от сего произошло нарушение любви друг ко другу, зависть, споры, ненависть, потому святой апостол и назвал их плотскими и младенцами. А вы-то, боголюбцы, из-за чего разделяетесь в единомыслии и в любви друг ко другу? Воистину стыдно сказать — ради какого-то ничтожного различия в наречии. Не плотское ли это дело? Не детское ли это мудрование друг друга называть: «Ты хохол, а ты москаль»? И ради этого разделяться, оставлять любовь, враждовать между собою, составлять партии, и спорить, и ненавидеть друг друга. Не слышим ли слово Божие, говорящее нам, что *всяк ненавидяй своего брата есть человекоубийца* (1 Ин. 3, 15). Не боимся ли так делать? Ибо творящие таковые дела не наследуют Царствия Божия. В наше время на Афоне суд Божий строго наказал тех, кто дерзнул сделать соблазн раздора между великороссами и малороссами и посеял между ними семя злобы, и ненависти,

и гибельного разделения, ибо они после смерти их оказались бутуками, нерастленными. Потому и нам, как бывшим очевидцами такого строгого суда Божия, совершившегося над нарушившими закон любви к ближним по тщеславию и зависти, должно более внимать, чтобы за это не пострадать и нам самим так же, как и они пострадали. А потому именем Божиим умоляем вас оставить это глупое племенное предубеждение, и ради разности наречия разделение, и от этого происходящие зависть, споры и душегубительную ненависть, разрушающие святое общежитие, и держаться прежней чистой братской любви друг ко другу. Ибо вы — одного отца и одной обители дети. От сего времени при помощи Божией и старческих молитв положите начало, чтобы впредь этих слов — «ты хохол, а ты москаль» — не говорить, как раздражающих других и тем возмущающих общее спокойствие и вообще истребляющих взаимную любовь. А если кто во гневе или от кощунства дерзнет сказать брату своему: «Ты хохол» — или: «Ты москаль», тот за это да будет отлучен от святого Причащения Святых Таин на 40 дней. Боимся, чтобы за незаконное разделение ваше обижены вы не были бы от сатаны, потому это правило мы, как старцы ваши, полагаем вам в обязанность для вразумления, и предосторожности, и обуздания языка страдающих пороком злоречия. Ибо слово Божие изрекло нам о сем так: *Аще кто не обуздает языка своего, сего суетна есть и вера* (Иак. 1, 26).

Молим Господа, да усовершит Он вас во всяком деле благом, особенно же во святой любви, как в союзе совершенства, дабы сподобиться получить от Бога обещанные нам вечные блага, а ради вас и нам, еже и да будет всем нам от Бога щедрот за заслуги Господа нашего Иисуса Христа, молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, и святого Пантелеимона, и святого апостола Симона¹.

[Наставления отца Иеронима для больницы, записанные монахом Исаией]

1. Кроме своей братии, в больницу принимать всех приходящих: сироманов с бедных келлий, странников проходящих, монахов или же мирских, взяв на то предварительно благословение у кого следует.

¹ Копия собственноручной записки батюшки отца Иеронима. Послана была или нет, неизвестно. — *Примеч. о. Владимира.*

Бывали случаи, что больного, который не в состоянии сам ходить, просто привозили и оставляли у больницы, таковых также принимать, ибо это «Лазари», как называл их отец Иероним, лежащие при вратах богатых, нам через них-то и посылает Господь милостыню в обитель.

2. На принятого и положенного на кровать больного смотреть, как на Самого Христа, и всевозможно стараться успокаивать его и не оскорблять. Если же он не имеет никакой болезни, а говорит, что больной, то из больницы его не высылать, а утешать и свежкою рыбкою угощать (если таковая будет) — может, он больной душевно и скорбит от того.

3. О всяком желающем принять Таинство Покаяния немедленно доносить духовнику или предложить оное, если больной сам о том не догадывается.

Если же кто из мирских пожелает принять монашество, а из монахов — великую схиму, немедленно доносить кому следует. Можно и предлагать постриг, только не насильно, а по желанию, чтобы в вечность все шли монахами.

4. Если кто, удостоившись святой схимы и находясь близ смерти, пожелает еще совершения над ним Таинства Елеосвящения, то оного делать не нужно, ибо святая схима все покрывает и разрешает — нужно только ежедневно причащать его Святых Таин Христовых. Схимника же, давно принявшего схиму, или мантийного монаха, или мирянина соборовать можно. (Были случаи, что мирские поклонники после Таинства Елеосвящения желали пред смертью принять святую схиму — отказа не было, хотя и связаны были они мирскими узами. Но было и такое, что по принятии схимы больной мирянин выздоравливал, тогда много скорби было доктору, ибо батюшка велел брать его к себе в келлию.)

5. После исповеди вновь поступившего больного духовник, совершивший это Таинство, должен сказать брату, исполняющему обязанности доктора, не находится ли больной под запрещением. Находящихся под запрещением причащать Святых Христовых Таин, когда тот уже очень труден, то есть зрит к смерти, но и не доводить до того, что уже и причащать нельзя — это обязанность доктора и его ответственность, чтобы не скончался больной без напутствия Святых Таин.

6. Не находящихся под запретом монахов причащать, когда только те пожелают, через день или два, а трудных — обязательно ежедневно, а мирских — через день.

7. Если ход болезни не представляет собою исключительных случаев, то духовник обычно только однажды после исповеди дает

указание доктору о Причащении больного, дальше режим Причащения должен соблюдать сам доктор¹.

Если больной трудный и есть сомнение, что он не сможет проглотить Святые Дары, то, нисколько не смущаясь, дать ему несколько ложек теплой воды, и если проглотит, то причащать можно. Если уже нельзя Телом Христовым, то хотя бы одною Кровию.

8. Больного со рвотою можно причащать, если пройдет часа четыре после рвоты, а по принятии Святых Таин не давать больному вскорости кушать из опасения, чтобы не случилась рвота. Если же случится сама собою, то это непогрешимо, только чтобы было собрано в чистый сосуд и выброшено в море.

9. Если больной чахоточный, часто кашляет с выделением обильной мокроты, то по Причащении нужно стараться быстрее дать ему запить до отделения мокроты и кашля, а после хотя и будет мокрота, собирать ее в чистую посуду и в известное место относить. А в случае сильного кашля по утрам было благословлено причащать, когда прекратиться оный, хотя бы и среди дня. Святые Тайны для этого чтобы были наготове.

10. Если случалось, что у больного отнимался язык или [он] без сознания полного, будучи в параличном состоянии, но может проглотить воду, такового было благословение причащать.

11. Разрешать труднобольным на рыбу, слабым можно во весь год, кроме среды и пятницы, Великого и Успенского поста, в которые никогда никому не разрешается, а на молоко и яйца — кроме среды, пятницы и всех постов, ибо в эти дни ни под каким предлогом не бывает разрешения в обители.

[Церковное и келейное правило для келлии святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова]

Церковное и келейное правило для церкви святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, находящейся при келлии Иверского монастыря, населенной грузинами. От Пасхи до сентября месяца исполнять:

¹ Отсюда видно, что лечение с точки зрения медицины было самым простым и заключалось оно в первую очередь в том, чтобы обласкал больного, утешить, дать ему возможность примириться с Богом, подготовиться к переходу в вечность, и сам доктор редко имел специальное образование. — *Примеч. сост.*

1. Утрени начало в 7 часов и по исполнении ее по уставу — часы первый, третий и шестой с изобразительными.

А. Дается один час отдыха, затем — на послушание до 2 часов; с сентября месяца правило будет изменено по причине уменьшения дня и увеличения ночи, с того времени утрению начинать в 9 часов, а отдыха уже после трапезы не будет, вечерню читать в 11 часов.

2. Трапеза — в 2 часа, с сентября — в 4 часа.

Б. После трапезы заниматься поделием до 5 часов, а с сентября — до вечерни.

3. Келейный канон и время для отдыха — три часа.

4. Вечерня — в 8 часов, на коей вычитывается по *Ныне отпу-
щаеши* канон Богородичен Октоиха.

В. После вечерни находиться на послушании до 12 часов.

Г. По приходе с оного — трапеза.

5. Повечерие — в 1 час или в $1\frac{1}{2}$ часа.

Д. В понедельник, среду и пяток — трапеза одна постная в 6 часов.

6. Приобщение Святых Таин — единожды в неделю, тогда до трапезы на послушание не выходить¹.

¹ Это дано грузинам батюшкою отцом Иеронимом. — *Примеч. о. Владимира.*

ИЗРЕЧЕНИЯ, СЛОВА, СОВЕТЫ

Некоторые изречения отца Иеронима

«**М**ы должны утверждаться на крестных заслугах Христа Спасителя. Он за нас пострадал и умер, и какою смертью-то — самую позорною! Он нам заслужил у Небесного Своего Отца милость и отпущение грехов».

2. «Слезы, когда приходят без нашего особенного усилия, — это оружие, нам данное милостию Божиею. На что нужно, на то и употребляй сие оружие: о грехах ли плачь, или проси у Господа нужное, или благодари Его о дивном промысле и попечении о нас, грешных, вся строящему к нашему спасению. О сем воспевают святой Давид: *И милость Твоя, Господи, предварит мя* (Пс. 58, 11)».

3. На вопрос о сонных скверных мечтаниях отвечал: «Это от врага, он и будет отвечать за это, мы за сон не отвечаем».

4. На вопрос, какая им (бесам) польза, что они так тщатся о нашей гибели, отвечал: «Какая нам польза, что мы грешим? Услаждаемся. Так и они наслаждались небесною сладостию, а как низвержены с неба, то их мучит страшная тоска, в грехе и услаждаются. Они страшно проклинают Бога, но как Ему ничего не могут сделать, то и устремляются на образ Его, то есть на человека».

5. На вопрос, пить вино или нет, отвечал: «Сам-то ты — вино, когда выйдет из тебя вино, тогда будешь пить вино».

6. «Чтение всячески должно быть тогда, когда нет молитвы, и оно должно иметь целью ее возбуждение. Прекратить же оное, когда возбудится молитва. Это общее правило: пока действует молитва, ни за что не братья. Ибо равного ей нет ничего».

7. Говорил отец Михаил, что лет 35 назад скончался здесь какой-то монах русский. Греческий духовник Иоанникий, не зная о том, в самый час его кончины видит во сне святых, идущих ликами за этим монахом. Проснувшись, тот же час пошел к отцу Иерониму и спрашивает: «Какие подвиги такого-то монаха?» Отец Иероним ответил, что ничего выдающегося за ним не знает, но только исполнитель послушания и в исповеди чистосердечен. Когда пошли к этому монаху, то нашли его только что умершим.

8. «Смирение и молитва и даже чудотворения даются за сильную веру и преданность себя воле Божией, как это говорится в книге «Илиотропион» святителя Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского».

9. «Воля укрепляется преданностью воле Божией и отсечением своей воли. Ибо если не отсекай своих пожеланий, то они могут взять такую силу, что никакая уже воля не в силах бывает справиться, так своя воля ослабевает».

10. «Постригаться прежде времени не полезно, обыкновенный искус налагается — три года, в продолжение коего могут встретиться разные искушения».

11. «Постоянство приходит незаметным образом для ищущего оно, и получивший его никогда не видит себя постоянным, а всегда находит много непостоянства, уклонения».

12. «Старайся все помыслы, которые часто приходят, открывать, а если некоторые мимолетные забываются, то о подобных нечего и беспокоиться».

13. «Терпение — Сам Господь. Ты знаешь, что без Него мы ничего не можем сделать. Молись, проси».

14. «Отцу Нилу (покойному) во время выполнения келейного правила часто говорил помысл: “Кому же ты молишься? Ведь Бога-то нет”. Я дал ему наставление. После сего, вставши на канон, когда пришли помыслы, он сказал: “Именем Господа нашего Иисуса Христа, скажи, кто ты?” “Дьявол” — был ответ. “Так как же, ты-то есть, а Бога-то нет?!” “Да, я-то есть, а Бога-то нет”, — был ответ».

15. «Неверие приходит не только к грамотным, но и к безграмотным, к совершенно же грамотным — не приходит».

16. «Иное дело — сомнение, иное — маловерие, иное — неверие».

17. «Стоя в церкви, размышляй и держи памятование о смерти, Страшном суде и будущих воздаяниях праведным и грешным».

18. «При воздержании в пище и питии впоследствии иногда будут чувствоваться необыкновенные, неописанные наслаждения».

19. «Есть грехи, кажущиеся малыми, но смертные. Например, осуждение».

20. «Сильные страхования могут быть и в церкви, и в алтаре».

21. «Господь ожидает от нас и сухой молитвы, а ты говоришь, она бесполезна. Да ты на кресте висишь, когда скорбен, мрачен, уныл, а молишься. А не будешь молиться, так подобен будешь бесам. Ешь, пей — не соблазняйся, но держи самоукорение, а не осуждай других. Внимай себе. Чай пьют — пей, едят — ешь, говорят — и ты отвечай, смеются — смейся, но внутри внимай себе с самоукорением».

22. «Грехи, не исповеданные по забывчивости, немедленно прощаются. Великий грех никогда не забудется, все будет на совести. Ты хоть миллион раз говори, что “нет, не грешен”, но совесть свое возьмет».

23. «Приступая к поминовению на проскомидии, прежде [следует] помолиться за ненавидящих и обидающих нас и творящих нам напасти, а также и пред началом келейного канона положить поклон».

24. «О всем необходимо спрашивать, хорошо ли это, так ли это, как я думаю?»

25. «Случайностей в мире нет — они существуют только для людей неверующих».

26. «Необходимо держать памятование о Божием присутствии везде».

27. «Если имеешь на кого прилог злобный, помолись ко Господу и Богоматери, да покроют тебя от всякого зла с ним, и Господь помилует».

28. «Если сердце обливается кровию от напряжения — вдать себя в волю Божию и в глас совести, и будешь жить как монах».

29. «Если по силе сотворил, то благодари Господа, а в который день того не было, то считай день потерянным».

30. «В 3 часа утра (по-восточному) должно призывать Святого Духа, как показано, и после говорить: “Слава, Господи, снисхождению Твоему! Слава, Господи, воскресению Твоему! Слава, Господи, Твоему долготерпению на мне, грешном!” И после трижды — *Богородице, Дево, радуйся*. Если можно, то все молитвы творить с коленопреклонением, а то первые три стиха и первую молитву *Богородице, Дево*. Так же поступать на шестом и девятом часах».

31. «Жестокость сердца бывает от трех предметов: многоспання, многоядения и рассеянности».

32. «Твердое и здоровое рассуждение сообщает такую силу душе, которой она не имеет от природы, и умная скорбь восполняет недостатки деятельности телесной».

33. Рассказывал отец Макарий: «Однажды, жалуюсь отцу духовнику Иерониму на весьма стужающие помыслы, получил ответ: “Вечно имеешь рассеянный ум, не стараешься о молитве Иисусовой. К сему же хорошо иметь ум во внимании о следующих предметах: 1) о падении первого человека; 2) о падении собственном и о грехе; 3) о покаянии за оные; 4) о воплощении, проповеди, страдании, смерти, воскресении и вознесении Иисуса Христа; 5) о собственной смерти; 6) об аде; 7) о Страшном суде; 8) о вечном блаженстве. Когда будешь, сколько можно, внимать сему, помыслы будут отсекаются».

Однажды, когда отец духовник Иероним заболел, то я спросил у него, если он умрет, то оставит ли что-либо в назидание? Он

отвечал: “Вот вам последнее слово — священное Евангелие. В нем поучайтесь, в нем — вся ваша жизнь, им руководствуйтесь”.

О Господи, продли жизнь старца!»

Вопросы отца Арсения и ответы отца Иеронима

Вопрос 1. От Марка, гл. 11, зачало 50: Господь, пришед к смоковнице, обрел на ней только листвие, ибо не время было плодов, и сказал (далее сказано — проклял ее): *Да во веки от тебе никтоже плода снестъ*. Как это понимать? Ибо, как сказано выше, не время было плодам быть. В чем вина смоковницы?

Ответ. Эта притча относится к душе, которая есть разумная и свободная в своих действиях. И ей было сказано с угрозой, чтобы она плоды духовно стяжала или имела на всякое время, ибо не весть ни дня, ни часа, в онъ же Сын Человеческий придет. А иначе она будет бесплодною и посечена, да не всуе и землю упражняет.

Вопрос 2. Жизнь наша во многом расходится с Евангелием: просящему у тебя дай, хотящему у тебя занять дай, не ожидая вознаграждения (см.: Лк. 6, 30).

Ответ. Повелевает давать милостыню, а она так и подается, то есть без возврата. И как раздавать сказано: *Имеяй две ризы, да подаст не имущему, и брашно такожде да творит* (Лк. 3, 11), что при помощи Божией обитель наша по средствам своим и исполняет, ибо ежегодно выдает до 10 тысяч рублей деньгами, хлебом и одеждою.

Вопрос 3. *Аще человек не отречется всего своего имени, не может быть Мой ученик* (Лк. 14, 33.). Хотя у нас и общежитие, но хлопочем, как о собственном, и все имеем в изобилии: одежду, пищу — тогда как видим, что многие миряне не имеют покрова, ни дневного пропитания. Как раз относятся к нам слова Господни: *Помяни, чадо, благая, яже приял еси в животе твоём* (Лк. 16, 25). Хотя мы имеем много забот и скорбей, но у мирян их еще более, а о нуждах и говорить нечего, мы о сем и понятия не имеем, имея все готовое с избытком. Когда подумаешь о всем этом, то совесть делается очень беспокойна.

Ответ. Это место святой Исаак объясняет так. Имение означает то, к чему привязывается сердце. В другом месте это поясняется так: *Аще кто возлюбит отца, или мать, или жену, или детей, или имение паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37) — и: *Богатство аще течет, не прилагайте сердца* (Пс. 61, 11). Кажется, всем нам известно, что послушание или отсечение воли в монастыре

равняется исповедничеству. И кто не знает, как сладка своя воля человеку, ибо тут в отвержении ее является самопожертвование Богу всего. А какая в мире добродетель или скорбь может сравняться с сим?

Вы хорошо знаете наших рабочих — аргатов или шапов — как они бедны: полунагие, злострадания терпят великие. Но попытайтесь пригласить их оставить жалкую жизнь и определиться в монахи, тогда вы увидите и услышите чудеса, как они удивятся этому, закачают головами, разразятся смехом и скажут: «Куда нам! Как можно? Да мы считаем вашу жизнь большим мучением. Да мы и понять не можем, как вы четыре раза в сутки ходите в церковь, а мы — раз в неделю, и то только на два часа, но, как нам кажется, и это трудно». Вот видите ли, что говорит опыт. В настоящее время в нашей обители всего изобильно, а здоровых и половины нет, ибо многие страдают чахоткою, геморроем, грыжами, лихорадками ежегодными. А какое страдание терпят от терзания мысленных зверей, это вам хорошо известно. Из мирян же очень редко кто понимает это.

[Рассказ о ходатайстве Господа Иисуса Христа]

Духовник Иероним рассказывал, что сообщил ему один из братии следующее. После Причащения Святых Христовых Таин сей монах пришел в свою келлию и, поблагодарив Господа за дарованное ему сие благодаяние, лег на постель на спину, сложив на груди крестообразно руки свои, и задремал. Видит, возносят Ангелы душу умершего ко Господу. Господь Иисус Христос обращается к Богу Отцу и говорит: «Благослови, Отче». На сие в ответ Бог Отец благословляет сию душу, которая после поклонения отводится Ангелами на указанное ей место. Затем представляют Ангелы другую душу, и Господь Иисус Христос и за сию просит — благословить ее, но не последовало тотчас благословения, почему Господь Иисус Христос повторил Свое ходатайство, на которое и последовало Бога Отца благословение. Затем привели третью душу Ангелы. Господь Иисус Христос и за нее ходатайствует благословить. Но ответа не последовало. Господь Иисус Христос еще повторил это, но и на это не последовало ответа. Тогда Господь Иисус Христос встал со Своего престола и, поклонившись Богу Отцу, рек: «Благослови, Отче!» Тогда Бог Отец благословил и сию душу.

Вот почему Церковь именует Господа Иисуса Христа *Ходатаем Богу и человеком* (ирмос Воскресного канона 2-го гласа, 5-я песнь).

[О пользе продолжительных бдений]

Когда бдение проведет человек со всевозможным усилием противу сна и при всем старании без благословной нужды не выходить из церкви, а пребудет с понуждением к молитве, то в тот день того человека посещает особо благодать Святого Духа, в каком бы она ни была виде.

Некоторые по немощи ропщут на продолжительность службы и со скорбью выражаются: «Что это? Себя мучат и других мучат! К чему это? Какая тут польза?» Впрочем, их негодование может казаться справедливым, если будем рассуждать с человеческой, внешней, или плотской, стороны. Кто не ищет духовной пользы, для того подобные бдения действительно и тяжки, и мрачны, и скучны невыносимо. Одна только благодать Божия поддерживает дух молящихся на таком протяжении времени, иначе человек делается весь как разбитый. Но кто ищет *единого на потребу* (Лк. 10, 42), тот знает, что это тягостное бдение много доставляет пользы подвижникам. Ни пост, ни другие изнурительные подвиги не укрощают так страсти, как бдение. Даже властелин — чрево (как называет его святой Иоанн Лествичник) умолкает после бдений, тогда как при других подвигах, особенно телесных, оно делается свирепее. А сколько приобретают пользы *внимающие* бдению, о том спросите у них самих.

Зная это, враг нашего спасения стремится всеми силами помешать получению благодати, сеет немирствие между братьями, в сон клонит и прочее. Особенно заметны искушения перед бдением, да и после в тот день.

В настоящее время бдение в Русской обители длится около пяти часов, и, несмотря на занятость братии послушаниями, недостаток чтецов и певцов (часто все бдение поют на клиросе всего три человека), сокращение уставной службы не допускается. Но и непродолжительные наши бдения дают ощутимую пользу, что подтверждают усиленные нападения бесовские на молящихся.

[О поминовении католиков]

Благословение Господне буди на Вас!

Почтенное писание Ваше от 27 февраля получено мною. Вы изволите спрашивать меня, можно ли поминать на проскомидии родителей трех братьев, родственников Вам по матери, — католиков, приговора, что в Вашем скиту затрудняются вписать их в синодик.

Справедливое затруднение это уже дает Вам ответ за меня на вопрошение Ваше. И мы также затруднились бы вписать Антония и Анну в синодик наш, ибо Вам небезызвестно, что в Православной Церкви нашей — Греческой и Российской — не принято поминать во святом храме католиков. Началось это, как видно из церковной истории, еще со времени латиномудренных Михаила Палеолога и Иоанна Векка и, чем далее, тем больше утверждалось, так перешло и к нам от Греческой Церкви в Русскую и держится доселе. Всеблагий же Господь, *хотящий всем в разум истины прийти* (1 Тим. 2, 4), да озарит ум и сердце сродников Ваших к познанию правого исповедания нашего и заблуждения папистов.

За любвеобильное благопожелание мне и за молитвенное памятование моей худости приношу Вам и всечестнейшему отцу архимандриту с достоуважаемою братиею искреннейшую благодарность. Бог да помянет поминающих мое недостойнство, и спаси Вас Матерь Божия. Благодарит сердечно и отец игумен наш Макарий, с коим и остаюсь взаимно благожелателем и богомольцем.

[Совет тяготившемуся обязанностями благочинного]

Ежели ты видишь, что много греха при этой должности, но Бог еще хранил тебя благодатию Своею и ты не погрешал много и часто, а только боишься, чтоб не согрешить, в этом опасности нет, и только надобно в теплоте духа и веры молить Господа о помощи. Когда же, чувствуя много претыканий совести и случаев ко греху в твоей должности, ты уже имел несчастье поступить против совести и присяги и даже впредь видишь неизбежность того, непременно откажись от благочиния; даже хотя бы ты и свято исполнял эту должность, но ты боишься и совесть непокойна — оставь эту службу, просто и с детским сердцем воззови Господу, что ты не стоишь того, чтобы нести эту должность и не можешь без греха обойтись в ней по твоей немощи, и при всем том она тебя надымает тщеславием и становится выше других, чего Господь ненавидит; да возьмет от тебя это достоинство, да снимет это тяжелое бремя и научит во смирении сердца любить Его и пасти Его стадо во славу Его. Помолись смиренно и с усердием и проси начальство об увольнении тебя от благочиния. За такое твое добровольное смирение Бог возлюбит тебя и имиже Сам весть судьбами устроит твое спасение.

НЕКОТОРЫЕ СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ЗАПИСИ

[Замечания на некоторые параграфы «серайского канонизма»]

§ 1. Управление состоит из дикей¹ и 16 других равноправных ему, а в других правилах и более его. Где же тут общежитие?

§ 6. Шестой член — чистый идиоритм², ибо представляет ежегодное избрание и потому неизбежное волнение, а бедный дикей в стороне. Какое же тут старчество?

§ 9. Дикей должен совещаться с епитропами, а если так, то для чего же еще нужен собор? Разве для того, чтобы сделать многоначалие, то есть республиканское правление.

§ 13. В этом члене дается власть собору над дикеем. И тут выражена аристократия, а не киновия. Из сего произойдут презорства, подозрение и нескончаемые смуты³.

[1879 год]

Программа [уполномоченным для осмотра Ново-Афонской обители]

1. Осмотреть фундамент для колокольни с южной стороны посредине корпуса.

2. Осмотреть все четыре стороны предполагаемого монастыря.

3. Пристань чугунную и рельсы.

4. Осмотреть всю местность монастырскую, все леса и горы.

5. Осмотреть все экономические заведения во всей подробности для точного ведения о них в монастыре.

6. Осмотреть Пицунду.

7. О всем сделать краткую опись, а тем более о синодиках и о счетных книгах.

Дома в Новороссийске и Керчи посмотреть. Кроме сего, им поручается вникнуть в порядки братские и распоряжения игумена

¹ На Афоне — настоятель скита. — *Примеч. сост.*

² Монастырь необщежительный, штатный. — *Примеч. сост.*

³ Канонизм был выработан Ватопедским монастырем в 1879 году для введения в Андреевском скиту. — *Примеч. сост.*

и старших отцов. За сухумский дом до решения Тульского банка ничего нельзя говорить, а надо молчать¹.

[1885 год]

Запись усопших отцов

Отец Павел помер 1840.

Архимандрит Прокопий — 1848, август.

Отец Тимофей — 1848, августа 14-го дня.

Святогорец — 1853, декабря 17-го дня.

Отец Никодим — 1854.

Мать Еввула умре 1860, мая 4-го.

Отец — 1847, июня 24-го дня.

Схимонахиня Ксения — 1869, июля 24-го дня.

Евпраксия — 1871, апреля 2-го дня.

Марионилла (Ралгина) — 1871, августа 1-го дня.

Отец Василид (Коренев) — 1873, мая 30-го дня.

Селевкий — 1873, сентябрь.

Пармен — 1873, октября 4-го дня.

Отец Геден помер того же дня.

Виссарион (Боев) — 1874, сентября 14-го.

Варнава (Лосев) — 1874, ноябрь.

Отец Макарий (Тетерюк[ов]).

Отец Арсений — 1875, августа 9-го (Борисоглебский).

Нестор — 1875, октября 28-го.

Отец Азарий — 1878, апреля 4-го дня.

Иеромонах отец Василий — 1878, ноября 24-го.

Иеромонах Арсений — 1879, ноября 17-го дня.

Отец Анастасий — 1880, октября 6-го дня.

Поп Фома — 1880, октября 13-го дня.

Отец Иоасаф, живописец, — 1880, октября 13-го дня.

¹ В окончательном виде эта инструкция подписана игуменом Макарием и духовником Иеронимом 18 мая 1885 года и вручена отцам Иосифу и Манассии, направленным на Новый Афон. В последнем пункте говорилось: «В присутствии братии отцу игумену замечания не делать, а убеждать братию к полному послушанию отцу игумену, следуя святоотеческим наставлениям богоносных отцов». — *Примеч. сост.*

УСТАВ
Русского на Афоне
святаго великомученика и целителя
Пантелеимона
общежительнаго монастыря

Часть 1

Глава 1

Об иноческом общежитии вообще

Что есть иноческое общежитие? Некоторые всякое иноков купное житие, где трапеза и одежда для всех общая, называют общежитием, хотя бы подвизающиеся в нем были разделены мудрованием и некоторыми чувственными вещами и каждый находящееся у них называл своим; но так как между ними бывают иногда ропотники, неблагодарные и сим подобные, которых и в мирских обществах терпеть не следует, то святыи Кассиан и прочии богомудрые отцы свидетельствуют, что таковое иноков сожитие не есть истинное и совершенное и недостойно называться общим именем и житием.

Поелику иночество, как говорит Исидор Пилусиот, есть всех заповедей Божиих хранение, приятелище безгневно, нелукаво, негорделиво, несребролюбиво и тело, дом Самого Святаго Духа имущее, и прочее (Слово 278), сего ради таковому по всему подобает и общежительству иноческому в обители быть, каково в обителях древле святых было и попремногу превосходит всякое житие мирское, во всем подражая общежитию святых отец, начальников общежительных монастырей, и содержа их уставы, их чин, их обычаи, их учение, их предания и все их хотения.

Святыи отцы, рассматривая сущность иноческаго общежития, изображают оное так. Василий Великий поставляет его в содружестве совершеннейшем; содружество же (общение) совершеннейшее житие он нарицает, из котораго исключена собственность имущества, изгнана противоположность расположений, в котором с корнем истреблены всякое смятение, споры и ссоры, все же общее, и души, и расположения, и телесныя силы, и что нужно

к питанию тела и на служение ему, в котором один общий Бог, одна общая купля благочестия, общее спасение, общие подвиги, общие труды, общие венцы, так что все в равной мере и рабы и господа друг другу и с непреодолимою свободою взаимно оказывают один пред другим совершенное рабство, не то, которое насильно вводится необходимостью обстоятельств, погружающее в великое уныние плененных в рабство, но то, которое с радостью производится свободою произволения, потому что любовь подчиняет свободных друг другу и охраняет свободу самопроизволом (Подвижнические уставы, гл. 18).

То же об общем иноков житии говорит Златоуст: «В общежитии хотя и есть низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их и чрез то делается большим, ибо больший там тот, кто предупреждает другаго в отправлении самых низких работ. Там у всех один стол, у всех одинаковая пища, одинаковая одежда, одинаковое жилище, одинаковый образ жизни. Там не говорят: это мое, это твое! Оттуда изгнаны слова сии, служащие причиной безчисленного множества распрей и проч.» (на Евангелие от Матфея. Беседа 72).

То же законополагает об общежительстве и святой авва Дорофей, который, вопрошая: «Чем кажутся вам общежития?», отвечает: «Не суть ли оне одно тело и члены друг друга. Правящие и наставляющие суть глава, наблюдающие и исправляющие — очи, пользующие словом — уста, слушающие их — уши, делающие — руки, а ноги суть посылаемые и исполняющие служение. Глава ли ты — наставляй; око ли — наблюдай, смотри; уста ли — говори, пользуй; ухо ли — слушай; рука ли — делай; нога ли — служи. Каждый да служит телу по силе своей, и старайтесь постоянно помогать друг другу или учением, влагая слово Божие в сердце брату, или утешением во время скорби, или поданием помощи в деле служения. И, одним словом, каждый по силе своей старайтесь соединяться друг с другом, ибо, чем более кто соединяется с ближним, тем более соединяется он с Богом» (Почтение 6, о том, чтобы не судить ближнего).

Вот в чем иноческое общежитие поставляют святые отцы: не в одном сожительстве или общей трапезе и одежде, но паче в том, да будет сердце у всех едино, и воля едина, и желание едино, как законополагает святой апостол: да будет вся це-

лость общества едино тело, из различных членов составленное. Сии-то подвижники составляют истинное апостольское общежитие, сии-то суть истинные подражатели Спасителя и жития Его, во плоти бывшего, сии-то ангельскому ревнуют жительству, содружество, как они, ненарушимо храняще и правило жития добре соблюдая.

Глава 2

О пользе иноческого общежития

Для начинающих духовный подвиг жизнь иноков общежительная пред самую пустынную и уединенную имеет преимущество и вящее созидание. «Примечаю, — говорит святитель Василий, — что совокупное пребывание многих во многих отношениях полезнее. Во-первых, каждый из нас сам собою не может удовлетворить телесным потребностям, но к снисканию необходимого имеем нужду друг в друге. Ибо, как нога одну силу имеет, а другой лишена и без помощи прочих членов находит, что ея деятельность не сильна и недостаточна к собственному ея поддержанию и не может вознаградить недостающего, так и в одинокой жизни что есть, то делается для нас бесполезным, а чего нет, то — невознаградимым». Напротив же, в обителях общежительных, где все вкупе иждивается и имеется все общим, «блага, во всяком пребывая всецелыми, всех делают равно богатыми: что бо богаче, яко ничтоже имети и вся содержать, лишаться излишняго, употреблять же нужное, не привлекаться желанием к земному отечеству, быть же наследником Царствия Христова» (Василий Великий. Пространное изложение православной веры. Ответ на вопрос 7; Подвижнические уставы, гл. 18).

В общежительстве союзом любви связуемых подвижников многия блага стяжываются, как-то: страсть и любовь отводятся от богатства и сластей земных, яко ничтоже сущих, возводится же вся мысль к небесным, яко воистину сущим; вина и время подаются и удобность приносится, чтоб работати Богу, себе внимати и богомыслием упражняться, ибо отдавшийся Богу общежитель не земных, но небесных царствий желает и, по слову мудрых, выше есть мира, господин вселенныя, равен Ангелам, согражданин святым, домочадец рая, наследник Божий,

посему никого от сильных, ни единого от князей обинуется, никому не ласкательствует, но свободным гласом всех обличает и дерзновенно врагам спасения сопротивляется.

Кроме сего, великая общежития польза состоит в том, что отъемлет предлог и вину сваров, желаний, злоб и великих искушений и возбуждает друг ко другу любовь, ибо где пища и одежда едина всем и душа одна у всех, как туда найдет вход зависть, или презорство, или ненавидение, ибо откуда возмущся? Многое тамо равенство, темже и любы святая водворяется многа и удобство добродетели много (Златоуст на Евангелие от Матфея. Беседа 72).

Предусматривается ли уклонение от пути истины или преткновение какого-либо брата на пути благочестия, правды и целомудрия, взаимная любовь заботливая и предосторожность прочих братий удерживает его греховное поползновение в самом начале, ибо там люди, из разных народов и стран сошедшиеся, в согласие так соединяются, что едина душа во многих телесах видится и многие тела одной мысли орудием являются. Кто немощен телом, многих имеет усердием соболезнающих, а падающий душою многих имеет врачующих и возстающих. Угрожает ли кому нападение исконного врага истины и предобия, единомыслящие и единомудрствующие сожители, в нищету, чистоту и послушание, как в крепкую броню, облекшись и никаким смущением мира сего не запинаемые, все случающееся изнутри, диаволом наносимое, благодушно поднимают и так против него в молитвах ополчаются, что он ни одним скорбным наветом от славословия Бога и мира духовного не силен отвлечь их и противустать столь непоколебимо и стройно противу его воюющим и толикою друг ко другу связуемым любовию и ограждаемым силою и содействием Святого Духа. Далее, падает ли и согрешает кто из собратий, и сей гораздо удобнее может отступить от греха, стыдясь осуждения от многих, по согласию бывающего, между тем как инок, не утвержденный общежительством, по разсуждению святого Василия, свои погрешности нелегко даже и узнает, не имея обличающего его и кротостию и благоутробием исправляющего, ибо обличение, много раз и от врага бываемое, в благоразумном муже врачевства желание раждает, врачевство же греха от искренно

любящего искусно исправляется. *Любяй бо*, — рече, — *наказует прилежно* (Притч. 13, 25). А такового в уединении обрести невозможно, если соединен не будет прежде общежитием, почему о нем сбывается оное речение: *«Горе тому единому, яко егда падет, несть воздвизающего его!»* (см.: Еккл. 4, 10) (Василий Великий. Пространное изложение православной веры. Ответ на вопрос 6).

Наконец, исправляет ли кто добродетель, и сему довольно есть уверение, когда многих имеет свидетелей оной и соизволяющих делам его. *Аще бо при устех двою или триех свидетелей станет всяк глагол* (Мф. 18, 16), явно, что гораздо более уверен будет сотворивший со свидетельством множайших. Бедствие же последует уединенной жизни и, кроме вышесказанных, первое и величайшее зло — самоугодие, ибо не имеяй никого, кто бы мог засвидетельствовать дело его, возмнит, что он до совершенства заповеди достигл; потом, навыкши, всегда, не довольно обученный, в себе заключая, ни своих недостатков, ни преуспения в делах своих не познавает, поелику всякое уже побуждение к исполнению ему заповедей пресечено (Василий Великий. Пространное изложение православной веры. Ответ на вопрос 7).

Если же кто скажет, что для него довольно Священнаго Писания и житий святых отец к исправлению нравов, таковому ответствуем со святителем Василием Великим, что он творит подобно тому, который учится плотническому художеству, а никогда не плотничает, и тому, который обучается кузнечному, в дело же производит науки своя не хочет; ему может сказать апостол: *Не слышателии закона праведни пред Богом, но творцы закона оправдятся* (Рим. 2, 13). Ибо и Господь по превосходящему человеколюбию не удовольствовался словесным только учением, но, дабы известно и ясно нам подать образ смиренномудрия в совершенстве любви, Сам, препоясався, умыл ноги учеников; но ты кого умоешь, кому послужишь, между кем последний будешь, сам с собою жительствуя?

«К сим же, — продолжает святой Василий Великий, — единому не довольну сущу вся купно духовная дарования восприяти, но по мере веры, в коемждо сущая, дарованию духа бывающую, коегождо собственное дарование в обществе жизни общее

бывает купножительствующим: Овому бо дается слово премудрости, иному слово разума, другому вера, иному пророчество, другому дарования исцелений и проч. (1 Кор. 12, 8—9), от которых коеждо получивший не толико ради себя, елико ради других имеет, и потому нужно есть, да в общем житии действие Святаго Духа, во едином сущее, купно ко всем приходит. А иже сам един жительствует, едино имать, например дарование, и тое закопав в самом себе, бесполезно творит чрез праздность: сие же, колико бедственно есть, знают вси прочетшии Евангелия. В сожитии с множайшими и своим дарованием наслаждается, усугубляя оное чрез подавание другим, и от иных, якоже от своих плодов, собирает, а чрез то мир ума, радость сердца и светлость души стяжевает» (Василий Великий. Пространное изложение православной веры. Ответ на вопрос 7).

Вот каковы и сколькия выгоды истиннаго сожительства иноческаго: оно есть прибежище всем грешникам и покаятельное училище, оно есть начало жития небеснаго, еже есть ангельское, оно есть рай, исполнен плода весела и различных цветов благовонных, есть источник добр, точащий воды животворныя, маслина плодovита и благоцветущая, корабль, исполнен богатства царскаго, полк святых Ангелов, имущих ум свой выну к Богу, чертог брака духовнаго, ложе нескверно, сень примирения, чистоты хранилище, разуму утверждение, дом святости и всякаго святаго послушания зеркало всеизрядное (Ефрем Сирин. Слово 56).

Глава 3

О том, что прежде и паче всего нужно желающему вступить из мирскаго в иноческое общежитие

Поелику иноческое общежитие одну имеет цель — душевное спасение, спасение же сие восхищают только нуждницы, не без скорби и брани с миром, плотию и диаволом, ибо, переходя из мира в общежитие, они переходят не ко ослабе, не к безпечалию, ни ко иному чему из приятнаго и сладкаго на земли, но к подвигам духовным, к воздержанию плоти, ко очищению души, к нищете крайней и ко всему скорбному и болезненному,

чем сущий по Бозе живот начертывается. Сего ради, кто Христа послушать вознамерился и к равноангельному житию иноческому приобщиться поспешает, чтобы ангельски Богу служить, всецело Ему работати и горняя мудрствовать, тот должен сие творить не без многого разсмотрения своих дарований, склонностей и навывковений, но, оградив себя верою в Бога Отца и Сына и Святаго Духа, прежде и паче всего да приобучает себя к терпению телесных и душевных оскорблений, дабы, в нечаемая ввергши себя борения и потом не имея силы к сопротивлению находящим на него искушениям, со стыдом и посмеянием в погибель души своя и на соблазн многим не возвратиться туда, откуда пришел подклонити выю свою под иго рабства Христова. «Ты же, небесных жительств любителю, — говорит святой Василий Великий, — и ангельского жития купец, укрепи себя к терпению напастей, мужественно приступи к иноческому собору и в начале твоего отвержения от мира мужайся, яко совоинственник учеников Христовых.

Кроме сего, взирающему к высоте небоподражательного иноческого общежития подобает обнажиться не только от всякого житейского вещества, как в баню входящие обнажаются от всякого одеяния, но паче отрешиться от злых и многовидных страстей, коими душа оскверняется, то есть и мысленно и чувственно должен вступающий в подвиг общежития отречься от мира и всех его пристрастий, противляющихся строгости евангельского о совершенстве учения, отставить плотскую любовь к сродству и к обычным содружествам человеческим, отчуждаться от суетных учений, кои, по худой привычке преобладая, препятствуют намерениям благочестия презреть сущия в мире мятежи, попечения, стяжания, имения, тщетныя сласти и славы, возненавидеть в дольняя влекущую похоть и все желание свое предложить к небесным, отринув всякую склонность непослушания, гордыни, рвения, ревности, зависти, злопомнения, ярости, хулы, ласкания, любопрения, роптания и иных злобных видов, да тако отвсяду по преспеянию, совлекшись ветхаго человека, тлеющего по сластолюбию прелестника многообразнаго змия, облекшись в новаго Адама, по Богу созданнаго, в преподобии и правде, по плоти и духу будет крепок к пременению смертных на бессмертная и к устроению себе царскаго

пути к Богу, ибо таковое отвержение есть стена тверда от лица вражия, камень спасения, вина утешения, благомощия пода-тель, мужества сподвижник и, по выражению Василия Вели-каго, преселение сердца человеческого в жизнь на небеси су-щую и начало подобия, которое со Христом долженствуем иметь и коего если не достигнем, то и невозможно и коснуться жития Христова, во святом Евангелии преданнаго (Василий Великий. Пространное изложение православной веры. Ответ на вопрос 8).

Глава 4

О том, что прежде и паче всего нужно
вступившему из мирскаго в иноческое общежитие

Какия добродетели, которыя прежде и паче всего подобает всякому вступившему в общежителство иноков исправляти? С благим и твердым намерением вступивший в иноческое обще-житие, во-первых, должен пребывать в нем даже до смерти, отнюдь не возвращаяся вспять, да не будет столп сланный, яко жена Лотова, или как пес на свои блевотины возвращающийся, и исполнится на нем слово Господне, глаголющее, яко никтоже, возложив руку свою на рало и обращя вспять, управлен естъ в Царствии Небесном (см.: Лк. 9, 62). Ибо немалая беда обеща-вшемуся все приличное иночеству хранить, потом же нерадеть о обетовании своем и на первое житие возвратиться, оставив союз духовнаго содружества, ибо, кто сие делает, тот себя подвергает Божию наказанию. «Якоже бо члены телесные, — говорит свя-тый Василий Великий, — естественным связанные союзом, от тела отлучитися не могут, или, если отлучены будут, который отсекается, мертв делается; тако и подвижник, с братством со-единившийся, крепчайшим естественнаго союза духовным со-единением держимый, не имеет власти отделяться от тех, к кото-рым приобщился, иначе мертв естъ душею и лишается благодати Духа, поколику данное пред ним обещание нарушает. Дав обе-щание претерпевать даже до смерти всякую тесноту и скорбь иноческаго жития Царствия ради Небеснаго, он не может пред-ставить иной довольной причины к отлучению, как только одну сию, что терпит вред душевный от братства, но сия причина несть истинная, а некий точию предлог к отлучению, являющий

легкомыслие и непостоянство инока. Ибо если кто скажет, что все братия злые суть, то сие есть ложь, всех бо не может обвинить, поелику злобы ради сообщества они не сделали, чтобы всем единогласно быть злыми; если же кто скажет, что некоторые из братства суть злые, и небоязненно святость нарушают, и честность пренебрегают, и приличествующее подвижникам наставление презирают, то и сей довольный для разлучения причины не выдумал, ибо ниже Петр, ниже Андрей или Иоанн, Иудина ради лукавства от прочаго апостолов лика разлучился, ниже иной кто из апостолов сия причины ко отступлению принял и, чтоб Христу повиноваться, того злобою воспрепятствован не был; но учению Господню повинуюся, благочестию и добродетелям Его подражали, нимало Иудиной злобе не сообщаясь. Тако убо глаголай, что я-де ради злых от духовного сообщества отлучитися принуждаюсь, не нашел благословных вины своего непостоянства, но паче он сам есть земля каменистая, истины слова прорасти непостоянного ради разума не могущая, но приращения ради малая напасти или невоздержания ради страстей целомудренного сожития не терпит, и тотчас скоро прозябшее учения семя от зноя страстей увядает; причины же маловажные и ко извинению его пред судищем Христовым нимало недовольны по своему умствованию выдумывает и самого себя легко прельщает, ничего бо нет легче, как самого себя обманывать, потому что всяк самому себе судия преблагосклоннейший бывает, приятная полезная быти разсуждающий» (Подвижнические уставы, гл. 21).

Во-вторых, пребывая безотлучно в общежитии, инок должен хранить еще послушание к игумену и ко всей во Христе братии даже до смерти, содержа все иноческого общего жития уставы и правила, от святых отец составленные и от начальства предлагаемые, ибо сие есть, [как] говорит Василий Великий, жития сего главное содержание. Ибо, как Бог, Который всех Отец есть и по достоинству тако нарицается, пресовершеннейшаго от Своих служителей требует повиновения, так и духовный между человеками отец, по законам Божиим правила устанавливая, непрекословного повиновения взыскует. Ибо, если художеству какому-либо, то есть которое только в настоящей жизни нам нужно, обучиться хотящий, всего себя отдав, всяким

образом повинуется художнику и нимало не противится его повелениям, ниже на малейшее время от него отлучается и пищу, и одеяние, и прочаго жития поведение употребляет, каковое тот определит, много паче в научении благочестия святости пришедший, если однажды уверит себя, что возможен от начальника знание такое получить, всякое повиновение и совершеннейшее во всем послушание оказывать ему долженствует. Что же есть сие послушание? По учению святых отец, оно есть отвержение души своея до конца, непытливое действовање, нелюбопытная жизнь, добровольная смерть, оно есть гроб воли, воскресение смирения, отложение своего соразсуждения и недоверие самому себе в делах добрых. Послушливый бо сам на себя износит суд, запрещаемъ не противоречит, повелеваемъ не отвращается, заповедуемъ не гневается, в досадах не разжигается, в печалех похваляет Господа. В житии монашеском желает почити с радостію, своих талантов пред настоятелем и братіею, яко евангельский оный лукавый раб, не сокрывает и не токмо безместных дел по совету предержавшиа власти удаляется, но ниже самая похвальная без ея повеления творит. Ибо он верует, что и самое низкое дело из послушания и Бога ради совершаемое, несть мало, но велико, и что самовластно иноческим путем ходящий есть тщеславию друг, гордыни ублажатель, Гиезию сообщник, Сапфире брат и дневный агнец, а ночный волк (Иоанн Лествичник, ст. 4, Ефрем Сирин, гл. 74 и Патерик).

В-третьих, поелику иноческое общежителство, как выше сказано, состоит паче в содружестве совершеннейшем, сего ради подвизающемся в оном равномерное усердіе ко всем сопребывающим с ним иметь следует и одну меру любви во всецелом наблюдать обществу подобает, как естественно к каждому своему члену человек любовь имеет, равно желая всему телу здравия. Кто единого паче прочих любит, к другим совершенныя любви не имея, того любовь несть любовь, но возмущение паче и разделение и подозрения или осуждения ближних в нем доказательство. Ибо, если бы таковой общее благочиние любил, общую бы ко всем и равную любовь имел, а если, отсекая и отделяя себя самого содружеством, в содружестве делится, лукавое есть таковыя дружбы показание. Того ради и заповедь от Господа мы прияли, да подражаем благоу Того, Который

устроил солнце равно сиять на праведных и неправедных, и, так как Бог общее дает света всем причастие, так и подражатель Божий, общежитель, общий и равночестный любви луч ко всем да простирает, хотя честь каждому воздавать подобает по достоинству; у такового, со всеми сопряженного подобною любовью, телесное сродство, конечно, преимущества любви иметь не будет, но, даже если кто будет брат его по плоти, или сын, или дочь, большого любления пред прочими такового сродника за единокровность не удостоивает, ибо, кто в сем естестве последует, тот сам себя осуждает, что не совершенно отступил от пристрастий естества, но еще плотию управляется.

В-четвертых, подвижнику общежития блюстися всеми мерами должно и от стяжания себе земных вещей, кроме что в обществе всем купно подается. В противном случае он и себя, и святое общество собственным стяжанием порочит, ибо не только являет тем неверие к Отцу щедрот, Который и посреде двою или триех обещался выну пребывати Своею благодатию, но и яве противляется Его Божественной заповеди: *Не пеццаетеся, что ясте или что пиете, или во что облечетесе: не больше ли есть душа пищи и тело одежды?* (Мф. 6, 25). Кроме сего, стяжатель собственности разделяет единство общежительства, ибо сия целость сохраняется тогда токмо, когда ниже нарицается особенно чье, ни одежда, ни сосуд, ниже иное что из потребных ко общему жительству, дабы каждое из них служило к употреблению, а не имело бы владельца. Притом, кто собственное что-нибудь иметь тщится, тот, по замечанию святого Василия Великого, не иное что, как отхождение и отступство замышляет, понеже кто о том не мыслит, тому почто и стяжати что-нибудь, ведая, что благодатию Христовою Его раби всегда изобилие всего нужного имеют. Явно убо есть, яко таковой об отсечении и умерщвлении своей души поучается и за малые куски спасение свое продает или, паче рещи, вторым Иудею делается, от воровства начинающим: предает бо и сей по своему произволению слово истины, якоже тот, от воровства наченши, предаде Господа (Подвижнические уставы, гл. 34).

В-пятых, иноку, как отрекшемуся мира и стремящемуся к ангельскому достоинству, всемерно подобает стяжевать и добродетель воздержания, да возвратится в первую благодать, от

которыя грехом отчужден, и, паки по образу Божию себя украсивши безстрастием, Творцу своему уподобится. Ибо, как говорит святой Василий Великий, стесненная чрез трубы вода прямо от сметающих ее силы вверх бросается, не имея куда разлиться, так и ум человеческий воздержанием, как бы тесною трубою, отовсюду стесняемый, возвышается, движимый некоторым образом естеством к вышним желанию, не имея куда рассыпаться, поелику ум никогда стоять не может, непрестанно движимым от Создателя своего одарен будучи естеством, то, воспрепятствован будучи к суетным подвизатися вещам, всеконечно побужден будет теши к вещам истинным. Что же есть воздержание? Добродетель воздержания состоит не в одном неядении брашен или нескитании чувств, ниже в одном хранении тела исправляется, но паче в охранении ума от всякаго насилия греховныя страсти, ибо какая польза от брашен воздерживаться, если страсть прелюбодеяния глазами пожирать будешь? И опять: какая польза смежать очи, если охотно суетные и диавольские гласы ушами слушать будешь или от скверных помыслов не воздержишься? Итак, кто желает во всем под правилом воздержания себя сохранить и показать в себе целое и совершенное по всему его дарование, тот во всяком житии и жития состоянии и нраве должен быть воздержником, то есть блюсти себя от гнева и зависти, от гордости, лжи и памятозлобия, от лености, от нерадения к молитве, от украшения одежд и лица удобрения, от собраний и бесед, без приличия и нужды бываемых, и во всем и всегда представлять себя Богу, яко некое священное приношение, дабы не подпасть тогда суду святотатства, когда посвященную обещанием Ему душу и тело паки обычнаго жития мирскаго служением осквернит, ибо возможно и словом блуд, и оком прелюбодейство сотворить, и чрез слышание оскверниться, и сердцем нечистоту воспринять, и мыслию пределы воздержания преступить, поелику все бывающее от пристрастий повреждает некоторым образом чистоту душевную и препятствует жизни божественней.

Наконец, в-шестых, иноку паче всего потребно стяжевать и дар молитвы, которая, как для всякаго христианина, так наипаче для него, столько нужна, как пища и душа для тела. Ибо что есть молитва? Святой Иоанн Лествичник (ст. 28) говорит,

что молитвы в разсуждении своего качества — сообщение и соединение человека с Богом, а в разсуждении действия есть ходатайство о благосостоянии мира, Божие примирение, мать и дочь слез, очищение грехов, благонадежный мост для прехождения волн искушений, средостение, защищающее от всяких злключений, пресечение внутренних браней, ангельское упражнение, всех безтелесных существ пища, ходатаица благодатных дарований, невидимое преспеяние, просвещение мысли, секира отчаяния, утверждение надежды, разрушение печали, утоление гнева, монашеское братство, безмолвническое сокровище и проч.

Как же следует иноку молиться? Молящемуся подобает умом трезвиться, душу иметь сокрушенну, будущих благ паче желать, о духовных дарах паче радеть, не иметь никакой злобы, прежде всякаго прошения слезы и умиление стяжевать, и кратко сказать: когда молишься, тогда возстени яко мытарь, прибегни яко блудный, прослезися аки блудница, зови аки хананея, предстани яко вдовица и смирися яко Манассия, ибо, если так помолитесь, примет благий Господь молитву твою, аки мать младенца, и будет тебе душа твоя прежде смерти равна Ангелам, ибо самая память Божия утешит душу твою, оживит тебе силы ея и даст тебе все по сердцу твоему.

Глава 5

О правилах относительно молитвословия вообще церковного

Всякое церковное молитвословие, яко едиными усты и единым сердцем приносимое Господу на месте святе, есть ангельскаго жития знамение, апостольское проповедание и всех новоначальных и совершенных иноков жительство и святая манна, которою они питаются, оживляются и приходят в меру совершенства Христова. Посему:

1) подвижники обители, яко обрекшие себя по иночеству на молитвы и возжелавшие паче приметатися в дому Божиим, нежели жити в селениях грешничих, должны поступать непреложно в церковь приходить к началу всякой службы, как-то: вечерни, повечерия, полунощницы, утрени, Литургии и всякаго

инаго общественного богослужения и молитвословия (Номоканон, прав. 87);

2) поелику церковь есть дом молитвы, селение Вышняго и земное небо, где Сам Господь Вседержитель по особенному Своему к верующим благоволению особенною для них спасительною благодатию Своею присутствует, то подвизающиеся в обители должны приходить в церковь с подобающим благоговением, величая милосердие Божие, отвергающее им вход во святилище; преступив же праг церковный, помыслить в себе, что прешли врата небесная, предстали лицу Самого Господа славы, испытующаго сердца и утробы, и, отложив все земныя попечения и суетные помыслы, со всяким тщанием расположить душу свою к искренней и ревностной молитве;

3) каждый из чередных священнослужителей, вступив в седмичное служение, должен оное начинать не прежде, как по собрании братии в церковь и отправлять его со всею по уставу точностию и благоговеинством, обуздав чувства свои разумным неким томлением, сердце же очистив от всяких похотей и сластей нечистых, любви Божией противляющихся;

4) чтецам читать не спешно, но ясно и отдельно, без всякаго упущения, а певцам петь кротко и со умилением сердца, держась неизменно древняго церковнаго распева — да все, в храм святой пришедши, во всяком чтении и пении возмогут духом и истинною Господу Богу кланяться и начатки трудов своих, мольбы, моления и благодарения приносить, вразумляясь во псалмах, и пениях, и песнях духовных;

5) братиям во время службы не озираться, не празднословить и с места на место без нужды не переходить, но всем стоять со страхом Божиим, молиться по чину святыя Церкви и внимать чтению и пению с чувством христианскаго смирения и любви ко всевидящему Богу, а особенно когда совершается Божественная Литургия, ибо в ней приносится Богу достойная Его величия страшная, безкровная, словесная, за грехи всего мира закланная Жертва, пред которою и самыя силы небесныя предстоят со страхом и трепетом;

6) положенныя по уставу чтения поучений должны быть совершаемы не иначе, как по книгам, святою Церковию для сего преданным, со всяким благоприличием;

7) до окончания службы Божией никому из церкви не выходить без благословения от игумена и без вины благословной. Если, вкушая пищу для подкрепления тела, безотлучно пребываешь за столом до окончания и не скоро отходишь без всякия нужды, то кольми паче подобает пребывать при предложении духовной пищи и молитвою укреплять свою душу, которая есть дражае всех вещей видимаго мира (Антиохийского Собора правило 2, Святых апостолов правило 9. Гангрского Собора правило 5, Василия Великаго запрещение).

Примечание. Для возбуждения в себе благоговейных к богослужению чувствий каждому, а паче иеромонахам полезно читать почаству святого Иоанна Златоуста книгу о священстве, а также и учение известительное, како иерею и диакону подобает приуготовлятися к священнодействию, а паче к Божественной Литургии;

8) чередное служение седмичное, назначаемое в соборах Покрова Пресвятой Богородицы и святого великомученика Пантелеимона, в больнице, и на гробнице, и еще если где по времени потребно будет, должно быть неотложно выполняемо всеми иеромонахами; исключаются из онаго не иначе, как по усмотрению игумена. А сам собою никто не может отказаться; немощи те только приемлются в резон, кои признает уважительными игумен. Если же кто по своему нежеланию откажется от седмичной чреды или представит каких немощи, которыхы игумен не примет в уважение, таковой не должен служить ранних Литургий в обители ни вне оной дотоле, пока не исполнит своей чреды;

9) какие бы когда ни потребовалось отслужить молебны, панихиды, освятить елей, похоронить умершаго — одним словом, что бы ни встретилось подобное, каждый из иеромонахов по назначению игумена немедленно должен исполнять, не отговариваясь, что ему некогда или не его чреда; никакия неосновательныя отговорки не должны быть приемлемы, ибо требуется исполнение.

Иные из братий по разным причинам ищут отдельной жизни на келлиях. Многочисленными опытами дознано, что это не полезно, ибо жизнь таковая, как своевольная, не может наименоваться истинно монашескою жизнью, состоящею преиму-

щественно в отсечении своей воли, чем самым резко противоречит общежитию. Если иногда игумен и благословляет кого на келлию, то это уже делается по особенному снисхождению; живущие на келлиях не должны ничего излишнего требовать — ни припасов, ни послушников, кроме одного или двух необходимо нужных, и должны ценить оказанное им снисхождение, но жизнь эта, повторяем, бесполезная, исключая те случаи, когда на келлии живут по благословению игумена за послушание, без собственного домогательства.

Все распоряжения игумена всеми вообще братьями должны быть выполняемы безпрекословно, а также и каноны, какие кому даны будут, ибо иначе общежитие не может существовать; если же кто не захочет подчиниться правилам, означенным в сем уставе, таковой не должен именоваться и сыном обители и лишается отеческого благословения, пока не смирится.

Когда быть службам и молитвословиям церковным

Во святую и великую Неделю Пасхи предварительно в Великую Субботу ударяет еkkлисиарх в железную доску в 1 час к Деяниям апостольским, по окончании оных — к канону Великой Субботы и раздаванию свеч, а в 6 часов ночи дает знать о святом Воскресении и утрене, и мы ударяем во все колокола, доски и железа.

В 12 часов ударяет к Божественной Литургии, а в 7 часов дня — к вечерне, то есть дает знать о втором Воскресении. Во всю же Светлую седмицу ударяет к вечерне в 10 часов, к утрене в 8 часов, а к Литургии в 12, к повечерию в 12 вечера.

От недели Фомы до 14 сентября ударяет к вечерне, когда две трапезы, в 9 ¹/₂ часа, а одна — в 10 часов, к повечерию и бдениям в 12; на канон келейный в 5 часов, а к утрене от недели Фомы в 6 часов, а к Литургии в 11 часов.

В праздник святого Пантелеимона ударяет к малой вечерне в 7 часов, к великой в 10, а к Литургии в 2 часа.

От 14 сентября до святой Четыредесятницы ударяет, когда две трапезы, к вечерне в 9 ¹/₂ часа дня, а одна — в 10; на канон келейный в 6 часов ночи, к утрене в 7, а к Литургии в 12,

к повечерию в 12 вечера. Можно изменять иногда звон ранее или позднее по непредвидимому случаю.

В навечериях Рождества Христова и святого Богоявления ударяет к часам в 2 часа дня, а к вечерне и Литургии святого Василия Великого — в 7 часов, всегда безысходно после часов. К утрени же сих Господних дней, то есть на бдение, ударяет в 2 часа ночи, а к Литургии — в 1 час дня или по усмотрению игумена.

В первую седмицу святой Четыредесятницы, в понедельник, к утрени ударяет в 8 часов, в прочие же дни этой седмицы ударяет на канон в 6 часов, к утрени в 7 часов, к часам в 3, к вечерне в 7, к повечерию в 11. А в другия седмицы ударяет на канон в 6 часов, к утрени в 7, к часам в 1 час, к вечерне в 6, к повечерию в 11 или по усмотрению игумена.

На Великий канон и акафист в 4 часа. Во святую и Великую седмицу святых Страстей к утрени ударяет в 5, к часам в 2, к вечерне в 7, к повечерию в 11.

Во святой Великий Четверток ударяет к утрени в 6 часов, к Елеосвящению в 3, к Литургии в 7.

Во святую и Великую Пятницу к утрени в 2, к часам в 2, вечерне в 9, вместе с вечерней соединяется и повечерие.

Во святую и Великую Субботу к утрени в 4, к часам и Литургии в 5, к повечерию в 12, и после него читаются Деяния святых апостолов.

Примечание. Кроме воскресных дней и праздников, во весь год поется ежедневно молебен Параклисис Богоматери (в параклисе), ударяет к оному за полчаса до обеденной трапезы. Во святую же Четыредесятницу поется в соборном храме безысходно после часов. Еще в каждое воскресенье вечером безысходно после вечерни поется в соборном храме молебен святому Пантелеимону, предстателю нашему.

К панихиде же над коливом по усопшим ударяет в било железное каждую пятницу пред вечернею за час, которая и отправляется в церкви усыпальничной, кроме двух суббот, пред мясопустною неделею и пред Пятидесятницею, тогда отправляется панихида в соборе безысходно после вечерни.

От пятницы Лазаревой до недели Фомы панихида оставляется.

О келейном исполнении всем положенного канона

В келлиях всем положенный канон исполняется во время ночи пред утреней, для чего за час до оной братия возбуждаются звоном в колокол. Канон этот для схимонахов состоит из 12 четок с малыми поклонами и одной с великими, для монахов мантийных из 6 четок с малыми поклонами и из 50 великих поклонов, а для новоначальных из 3 четок с малыми поклонами и 33 великих поклона. Только при этом во все субботы и дни воскресные, бденные и полиелейные праздники, также и во всю Пятидесятницу, как повелевают правила святой нашей Церкви, великие поклоны оставляются.

О совершении неусыпного деннонощного чтения Псалтири

При совершении сего чтения соблюдаются следующие правила.

1. Неусыпное деннонощное чтение Псалтири в память благодетелей обители имеет быть совершаемо впредь неотложно навсегда, за исключением тех только дней, в кои по уставу церковному не положено исправлять поминовения о усопших.

2. Неусыпное чтение Псалтири исправляется в особо назначенной для сего церкви по преданному святой Церкви уставу, како подобает пети Псалтирь с поклонами, тропарями, молитвами и песнями, с тем, впрочем, дополнением, что по первой славе кафизмы читается помянник о здравии и спасении живых, а по второй — помянник же и синодик о упокоении усопших в блаженном успении по чину, как-то: царского рода, священного чина, настоятелей, братии и благодетелей обители и всех православных христиан; по третьей славе — положенныя молитвы. Таким образом, снова начинается следующая кафизма по вышеозначенному уставу.

3. Чтение это совершается под надзором избранного монастырским собором благоговейнейшаго старца шестью братиями, кои или по собственному усердию с воли игумена, или по его избранию вступают в чреду сего послушания, которое полагается для каждого по два часа во дни и по два в ночи.

4. Каждый чередный брат должен находиться непременно на месте чтения при наступлении чреды своея и отнюдь не прерывая чтения до прибытия следующего по нем чередного брата.

5. Когда в церкви, назначенной для неусыпного чтения Псалтири, совершается богослужение, то чтение при начале онаго умолкает, а по отпусе снова продолжается.

Глава 6 О Причащении Святых Таин и о подобающем к нему приготовлении

Таинство Причащения по научению святыя Церкви есть небесное Брашно, Хлеб ангельский, сшедый с небесе, Манна истинная, дарующая живот миру, Жертва всех жертв, Таинство таинств, Сладость сладостей, с Богом соединение, святых освящение и благодати полнота, неизчетная и неизреченная, блага нам дарующая, душу, грехами умерщвленную, оживляющая, тело просвещающая, пламень страстей угашающая, охладевшую к Богу любовь согревающая и в жизнь вечную напутствующая. Того ради подвижающимся в обители первым и священнейшим долгом поставляется приступать к ней по подражанию древних христиан сколько можно чаще: схимонахам дважды в неделю, монахам однажды, а послушникам чрез две недели.

Поелику же чрез сию почитательную, умиловительную, благодарительную и умолительную Вечерю Божественных Даров богатство приемлют и все лишения духовныя своея нищеты неоскудно восполняют только те, кои достойно ея приобщаются, а не разсуждающие в ней Тела и Крови Господней в суд себе ядят и пьют, то для достойнаго к ней приуготовления необходимо исполнять следующее.

1. Пред каждым Причащением говеть, воздерживаться как от довольнаго насыщения и сладкаго вкушения телеснаго, так наипаче от похотей лукавых и от помышлений суетных, оскверняющих нас, ибо пост есть начало покаяния, всякаго блага делания споспешник, будущия жизни образ и нетленнаго пребывания подражание.

2. Иметь благое произволение, служить всегда Господу в подобии и правде и сие произволение во вся дни живота своего свидетельствовать благими делами.

3. Алчбу и жажду к сему Божественному Брашну и Питию возбуждать в душе и сердце своем размышлением о величестве и пользе сия Пребожественныя Тайны и о своей нищете.

4. Всемерно тщатися благоговеинство себе стяжать, страсти Господни размышлять, Пречистую Богородицу, яко Сообщницу страstem и смерти Сына Своего бывшую, прилежно умолять, да в житии сем будет Предстательницею и ко всем добродетелям Помощницею.

5. Со вниманием и разсуждением исполнять положенное ко Причащению правило во отгнание телесных страстей и душевнаго разсеяния, во утверждение же умиления.

6. Отцу духовному исповедывать грехи свои, ничего не скрывая от всех помышлений и самых сокроуеннейших таин сердца своего и ничего не прилагая, и притом не простобеседно, но с несумненною верою во Христа Спасителя, с полною надеждою на Его милосердие, с истинным сокрушением о грехах своих и с твердым намерением, чтобы впредь храниться от подобных тем согрешений, ибо *печаль, яже по Бозе, покаяние нераска-
янно во спасение соделоваает* (2 Кор. 7, 10), оmyвая душевныя грехи, яко духовную купелию; утаение греха есть прелесть душегубная, приложение же — клевета смертоносная.

7. На таковую исповедь должно сверх того учащать приход свой священнослужителям и всякий раз, когда вступают в чреду седмичнаго их служения, а желающим вящшаго преспеяния в духовной жизни не токмо всякую неделю во дни душевнаго мира, но и всякий день, если настоит мысленная брань и ка-ким-либо преступлением, хотя малым, свяжет кто свою совесть.

Сим последним во всякое время можно приступать к Святым Тайнам, с должным приуготовлением, по совету отца духовнаго.

Глава 7

О библиотеке и о келейном чтении книг

Для вящшаго преспеяния в делах духовных иноку не до-вольно заниматься одним церковным богослужением, но не

менее нужно и келейное чтение слова Божия и других душе-спасительных книг, Православной нашей Церкви принятых, ибо как то, так и сие похоти телесныя угашает, всякий грех отгоняет, союз любви содружает, душу величит, уста очищает, сердце веселит и чувство отверзает. Посему книгохранилище монастырское должно быть достаточно снабжено всеми, по крайней мере наиболее нужными, догматическими, нравственными и историческими, до духовной жизни относящимися книгами, дабы каждый брат по своим дарованиям и склонностям в свободное от богослужения и от других трудов время мог иметь душевную пищу и надежное орудие противу мысленной брани.

При чтении книг должно наблюдать следующие правила.

1. Читать неспешно, без всяких пропусков, со вниманием, с разсуждением, с замечанием, с приложением к образу своих мыслей и своей жизни, а паче всего с несомненною верою, ибо в злохудожную душу не внидет премудрость.

2. В случаях недоразумений или смущений, если читающий смущается, спрашивать разрешения у отца духовнаго или у игумена, отнюдь не оставляя их без внимания, да не горшее что в уме породится.

3. Когда желательно будет сделать из книги самому выписки или от другаго их получить, то сие делать не иначе, как с благословения игумена.

4. Листов из ветхих книг Священнаго Писания и поучений святых отец на обертки и другия подобныя надобности отнюдь не употреблять, но предавать оныя огню, как предписано о ветхих церковных вещах, или отдавать книгохранителю.

5. Всякую полученную из книгохранилища книгу хранить у себя в целости, во всякой чистоте и опрятности, не делая в ней никаких замечаний на полях и оберегая ее от сырости, жара и всякаго повреждения.

6. Кто какую книгу взял, тот сам ею да пользуется, а другому ее не отдавать без благословения, дабы не затерялась.

7. Своих выписок из книг никому не давать, равно и писем к другим не писать и от других не принимать без ведения игумена.

Примечание. Для келейнаго чтения особенно полезными признаются книги наставительныя в иноческой жизни, кои суть

святого Василия Великого о подвигах иноческих, святого Иоанна Златоуста, святого Ефрема Сирина, Исаака Сирина, аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, Новая скрижаль, жития святых и проч. А наипаче слово Божие, которое, как Богодухновенное, полезно есть и ко учению, и ко обличению, и ко исправлению, и ко всякому наказанию, еже в правде, да совершен будет Божий человек и на всякое благое дело уготован.

Глава 8 О общей трапезе

1. Общежитие требует, чтобы для всех трапеза была общая и пища всем одинаковая и равная. Трапеза благословляется всегда игуменом, им же всегда благословляются и все исходящие из нея братия. Но в случае необходимой и благословной отлучки его делает это случившийся чередный иеромонах.

2. Разрешение яств и поставление пищи в трапезе во всякое время должны быть по уставу, с сохранением апостольских правил и святых отец, соборных постановлений о постах, преданных христианам и отдельно монашествующим.

3. Братии и игумену, кроме общей трапезы, особенной по келлиям, кроме сущия немощи или благословной вины, отнюдь не иметь и по своеволию себя от оной не отлучать, ибо от сего совершается грех тайноядения и сластолюбия, коих, яко сопряженных с лицемерством и душевредных, Василий Великий советует тщательно убогать, говоря так: «Многих я видел страстями одержимых здоровыми учинившихся, единого же от всех тайноядца или чревообъяслива не виде исцеливша».

4. Если кто, послан быв по какой нужде, замедлит прийти с братией на трапезу, таковому давать всю пищу, но токмо в трапезе, а не в келлии.

5. Если кто в трапезу вместе с прочими мог прийти и не пришел по нерадению и своевольству, таковому по рассмотрении вины его не давать пищи до следующей трапезы (Василий Великий. Ответ на вопрос 136).

6. Когда братия из церкви придут совокупно в трапезу, то пред вкушением обычное моление и прочее, что когда по уставу

положено, совершать с благоговением, а по совершении обычного моления должны за трапезу садиться чинно и по старшинству, всюду честию друг друга больши творяще.

7. Если кто немощен и не может общепратской пищи употреблять, тот предварительно да объявит о том по совести игумену, и тогда по его благоусмотрению приличную недугу своему да вкушает пищу.

8. На трапезе общей неопустительно быть чтениям в воскресные дни толкований воскресных Евангелий с беседами, а в другие дни — житий святых отец и других исторических и догматических книг по назначению игумена.

9. Во время трапезы братиям не разговаривать между собою, не озиаться, не смеяться и никакого не творить безчиния, чтобы не было помешательства к слушанию производимаго чтения; по нужде может проговорить токмо один игумен или служащий трапезе, и то со скромностию.

10. Поставлять пищу на трапезу определенные на то младшие из братии должны чинно и с молитвою *Господи, благослови*.

Всякому же в трапезе ядущему сии правила наблюдать.

1. При вкушении брашна и пития изображай на себе креста знамение, с молитвою втай *Господи, благослови*.

2. Вкушая снеди, трезвися умом твоим, поминай всегда Господа Иисуса, не осматривай братния части, ниже разделяй душу твою недобрыми подзираниями; телу давай пищу, слуху — слышание чтения, душе же — молитву, да тако телом и духом питаея, достойно восхвалиши Исполняющаго во благих желание твое (Добротолюбие, часть 2, лист 42).

3. Вкушать пищу до пресыщения остерегайся, ибо это и душе и телу вредно есть, но, вкушая, оставь оную прежде, нежели желание оной исчезнет (святый Кассиан о воздержании).

4. Охудать яства блюди, вспоминая желчь и оцет распятаго за нас Господа, не презирай же простых и не будь прихотлив на вкуснейших (Исаак Сирин. Слово 9).

5. Востав от трапезы, сердцем и устами приноси благодарение Господу Богу, дающему нам хлеб насущный; по молитве же из трапезы выходи с выходящими по чину.

Глава 9 О одеждах

В одеянии инокам должно наблюдать средину, то есть одеваться по приличию ни нарядно, ни небрежно и неопрятно, а сообразно важности своего сана, не допускающей суеверной угрюмости, но требующей смирения и скромности без тщеславия. Посему:

1) одежды должны быть не многоценны, но из простых тканей, для прикрытия токмо тела, а не для украшения, да не в запрещенное тщеславие многоразличия, от излишия одежд происходящее, впадем, и да не реку, сего горшее еще во что (Василий Великий. Пространное изложение православной веры. Ответ на вопрос 22);

2) не должно платья и обуви лучших домогаться, но избирать худшая, да и в сем покажем себя смиренномудрие, а не украшение любящими и братолюбцами, а не самолюбцами явимся: понеже кто знатнейших желает, от любви и смиренномудрия отпадет (Подвижнические уставы, гл. 30);

3) одежды иметь всегда черныя, а не разноцветныя, поелику древним обычаем введено инокам носить черныя одежды, а не иных каких-либо цветов. Ибо черными одеждами означается житие имеющих печаль по Бозе, истинно кающихся, сетующих и плачущих о прогневании Бога грехами своими. И того ради иноческая одежда черная есть, [как] говорит Симеон Солунский, понеже инок плач и смерть поминает и не живет в здешнем житии (Симеон Солунский, гл. 52);

4) никто из братий не должен иметь излишних одежд, а токмо необходимыя и из тканей удобоприобретаемых;

5) всякому брату одежды свои носить с бережливостию, употребляя худшую для исправления послушаний, а лучшую — в церкви, по приличию места и случая;

6) никому не должно друг с другом меняться одеждою, обувью или иною какою вещию; также никто не имеет права один другому совсем что-либо отдавать без благословения, особенно же никто не должен монастырской вещи отдавать мирским.

Глава 10

О том, кого и как принимать в монастырь, каким образом наставлять и когда постригать в монашество

Поелику случается, что в обители иноческие приходят иногда на жительство люди сомнительные и не для исполнения в них дел спасения, да от злых и многовидных страстей обнажатся, но паче да угождают своим хотениям, да тако поживут в тунеядстве, недугуя различием злобы, того ради:

1) от всякаго приходящаго в монастырь с желанием вступить в братство онаго отбирать немедленно данный ему от начальства письменный вид и буде он по рассмотрению окажется несумнителен, то, отобрав оный от него и всю собственность с запискою в книгу приходящих, снабдить его монастырским одеянием и поместить на жительство в гостиницу, а в братские келлии до усмотрения его свойств и поведения не помещать, разве будет на то особое приказание игумена и согласие собора;

2) желающих монашескаго чина и уже достаточно испытанных в способностях к иноческому подвижничеству принимать в число братства не иначе, как на основании святых отец, совершенных лет, с законным видом, вдовых или в брак не вступивших, свободных от обязанностей семейственных и гражданских повинностей и не подлежащих судному делу и долговым взысканиям;

3) от приходящих в монастырь не требовать корысти и не принимать; можно же принять в обитель добровольное пожертвование от поступающего в монашество, но и то по трехлетнем искушении, и притом так, чтобы подписался, что он никакого преимущества чрез то подаяние не ищет и хвалиться тем и того выговаривать игумену и братии и воспоминати не будет и весьма уничтожает, как бы не дал ничего; а до истечения трехлетия искушения собственность каждого хранить в общей казенной кладовой; и если впоследствии вздумает возвратиться в мир, то получает свое;

4) кто желает монашества, а не расточает всего имения своего убогим и на иныя богоугодныя дела и не отдается в совер-

шенное повиновение по воле Божией, того не принимать и не постригать в монашеский чин, ибо любоимение и непослушание противны суть слову Божию, иноческим обетам и образу сея жизни, и такового надобно отлучать от монастыря вовсе;

5) всякого желающего вступить и вступающего в братство общежития не должно оставлять без управления в душевном его спасении, но в то же время игумен должен поручить его испытанному в духовной жизни старцу, который наставлял бы его вести мысленную брань противу соблазнов мира, плоти и диавола, иметь непорочную совесть к Богу, к ближним и к употребляемым вещам, быть послушным к игумену, к отцу духовному и ко всей братии с отвержением своего воли, иметь смирение внутреннее, терпеть искушения и скорби благодушно, соединяться с Богом искреннею молитвою, а наипаче расположиться к постоянному, даже до смерти, в монастыре и в иноческом чине пребыванию;

6) поелику иноческого совершенства конец тремя степенями ангельского жительства достигается, по каковым степеням иноки разделяются на три чина, то есть на рясофоров, мантии носящих и схимников, то в течение трехлетнего искуса в монастыре прежде пострижения в мантию, если усмотрено будет, что кто со всяким усердием желает к иноческому житию приступить, и неизменное намерение имеет, и обещается невозвратно пребыть в монастыре в посте и молитвах и тщатся преуспевать в добродетелях и во всех ему заповеданных службах, таковой по рассмотрению игумена по чиноположению может быть удостоен одеяния в рясу и камилавку (Новая Скрижаль, ч. 4, гл. 17);

7) ежели желающий совершенного пострижения и жития иноческого по трилетнему искусу в житии и поведении окажется совершенно способным и благонадежным по своей кротости, смирению, терпению, послушливости и трезвости, такового игумен (по общему совету собора) постригает в монашеский чин;

8) пред пострижением давать ему прочести, а если не книжен, то прочитывать ему вопросы и ответы постригальные и сей Устав, чтобы рассуждал, каковое имеет изречи обещание и может ли по правилам и по обещанию жити.

Примечание. Касательно времени пострижения если и могут быть исключения иногда, то исключениями этими нужно

пользоваться не иначе, как только по руководству апостольских и соборных канонов или правил святых отец;

9) приходящих из других монастырей монашествующих принимать в общежитие (по общему совету собора) не иначе, впрочем, как по несомненном удостоверении в их благонадежности и с тем, чтобы они дали письменное или словесное (при соборе) уверение, что не будут нарушать общежительных правил и введенных полезных обычаев; коль же скоро кто из них будет замечен в делах и свойствах, противных духу иноческого подвижничества, такового немедленно удалять из обители, да не посеет в ней плевел, подавляющих Божию пшеницу.

Глава 11

О неисхождении без благословения игумена из монастыря и из келлии безвременно друг к другу

Вредит душевному доброму устроению монашескому по отвержении от мира паки приближение к миру, нарушение уединения и безмолвия и частое исхождение из келлии или монастыря; как рыбы на суше медля умирают, так и иноки вне монастыря и келлии. Седя в безмолвии, от трех браней инок свободен бывает: от слышания, видения и глаголения (Патерик. Житие святого Антония). Святой Моисей говорит: «Шед, сяди в келлии, и та научит тебя всему» (Патерик). А святой Василий Великий явно запрещает в своих правилах иметь частое исхождение, так говоря: «Исходить вне обители всячески остерегайся, убегая разсеяния твоих мыслей; от пиршества же, и пьянства, и житейских попечений воздерживайся» (О подвижничестве). Ибо и сие диавольское некое есть изобретение, понеже враг тщится таковою хитростию постоянство наше и предложение жития опровергнуть и в любосластия и в различные помыслов разсеяния ввергнуть, но паче надобно нам, с самим собою в безмолвии беседуя, разсматривать и исправлять душевные погрешности. Посему и должно всякому по большей части в безмолвии пребывать и в своем месте жить, чтобы сие было ему свидетельством постоянства нравов (Василий Великий. Подвижнические уставы, гл. 7). Не ходить и друг ко другу без вины благословной и токмо ради посещения или разговоров, разве

когда желательно посетить братию в непорочности жития лучшую для снискания от ней духовнаго назидания в свое подкрепление, но и в сем случае наблюдать, чтобы исхождение было нечастое и незазорное (Василий Великий. Подвижнические уставы, гл. 7). Если же случится монаху по некоторой своей нужде или для потреб монастырских выйти в город или в веси по общему избранию и благословению игумена послушания ради, то и тогда пещися о возвращении, не медля, и памятовать, что удаление от мира и безмолвие, совершаемое телом и духом, есть ума устроение, сердечный к Богу восход, чистое видение света, разумный Божиих бездна, покаянию мать, кротости родитель, смиренномудрия сожитель и страху Божию сочетание, а, напротив, обращение с миром и многоглаголанье есть лжи слуга, умиленню разорение, смысла разсыпание, оклеветания дверь и молитве омрачение (Василий Великий. Подвижнические уставы, гл. 22 и 26; Ефрем Сирий. Слово 130; Иоанн Лествичник, ст. 11).

Глава 12

О обращении с мирскими людьми

Неосторожное обращение с мирскими людьми и суетныя беседы вредны бывают инокам, как отрекшимся от мира, дабы в безмолвии неразсеянным умом беседовать паче с Богом, ибо от таковых бесед и обращения неминуемо происходят разсеянность ума, забытие иноческих обетов, преклонность к обольщениям мира и сердце теряет духовную теплоту. Посему во избежание такового душевнаго вреда инокам должно наблюдать следующие правила.

1. Не вверять себя всем людям и не объявлять им всего без разсмотрения и всякой осторожности, ибо, кто по Бозе живет, многих имеет наветников (Василий Великий. Подвижнические уставы, гл. 6).

2. Со всеми и всегда иметь разговоры осторожные и солию благоразумия растворенные, ибо случается, что от неосторожных разговоров посторонние впадают в порок осуждения о подвижниках, отрекшихся мира (Там же).

3. В келлию без благословения игумена никому из братии никого из посторонних мирских людей не приглашать и не при-

нимать, ибо часто входящие без различия к праздным словам и бесполезным повестям причину в сердца влагают и в суетные и бесполезные помыслы суетными своими словами ввергают (Василий Великий. О подвигах иноческих).

4. Остерегаться подвижников непостоянных, то к тем, то к другим братьям приходящих и с беспокойными и безпре-
станными смущениями скитающихся по монастырям и под ви-
дом духовной любви и подвижничества исполняющих свои
плотския прихоти, никакой твердости, никакого постоянства,
никакого разумного украшения в душах не имеющих, кроме
любопытства, обмана, хитраго ласкательства и тому подобного
(Василий Великий. Подвижнические уставы, 33, 50).

5. В разговорах с светскими людьми всегда и везде полезное
говорить по разуму духовному во славу Божию, достоинство
святыя обители защищая в случае нужды от клеветы и наветов
на основании любви, покрывающей множество грехов.

Глава 13

О исправлении непослушных и наказаниях за проступки

В общежитии должно исправлять вредныя наклонности,
проступки и погрешения братий не одним страхом наказания,
но предварительно внушением страха Божия, благочестивыми
примерами и спасительными наставлениями посредством отца
духовнаго и иных благочестивых братий.

Наказания за проступки и погрешения сообразно с прави-
лами Церкви и святых отец полагаются следующие.

1. Словесный от игумена выговор наедине или при одном
духовнике.

2. Обличение или выговор при братии.

3. Поклоны во время трапезы, или в келлии, или в церкви.

4. Устранение от общей трапезы и лишение братской пищи
до вечера.

5. Затворение в смиренную келлию на время, где дается
затворенному хлеб с одним варением и вода, а для чтения —
Псалтирь для изучения наизусть псалмов или иная книга, чте-
ние коей могло бы врачевать душевные недуги, которыми брат

страждет. Некнижному же иный брат посылается для чтения о том, что служит к его назиданию и исправлению.

6. Употребление монашествующих в низшия послушания, то есть в черную работу, с лишением ряссы на время, смотря по вине и качествам виновного. Наказание за вины может быть и другими средствами, изложенными в запрещениях для иноков святого Василия Великого.

7. А не исправляющегося по многократном увещании и наказании игумен со старшею братиею изгоняет из монастыря, да не мал квас все смешение квасит.

Часть 2

Глава 1

О должностях игумена

Игумен избирается, как и наместник, по жребию по установившемуся порядку. И поелику люди, как замечает святой Григорий Назианзин (Слово 1, о бегстве), столь между собою различны и столь иногда лукавы, что со стороны начальника потребно все искусство, все благоразумие, вся деятельность и опытность, чтобы богоугодно управлять ими, ибо иных надобно возбуждать похвалами и исправлять кротостию, других — пробуждать от греховного усыпления строгим гласом, одних предостерегать, других возсталять от падения, одних обличать явно, других — тайно, по различию их свойств, страстей, привычек и обстоятельств, — то посему игумен должен:

1) быть, по правилам святых отец, самому духовным отцем всем и искусен в житии иноческом, добре ведать разум Писания и устав монастырский, уметь носить немощи немощных с терпением, врачевать душевные болезни с благоразумием, показывать всюду собою пример безкорыстия и братолюбия и, кратко сказать, будучи первым, быть в делах душевного спасения всем слугою, светильником света и солию благоразумия, слово живоно в себе имущее;

2) наставлять вверенную ему братию на путь истинный по званию и обязанности каждого и всемерно приобщать внутренней духовной жизни, а наипаче старших и высших должности

проходящих, дабы они по воле Божией и по правилам общежития с рачением исполняли свои обязанности, содействовали бы ему в общем спасительном деле и советом, и примером своим, направляя всех и каждого из собратий к благочинному отправлению церковного богослужения, к стяжанию непрестанной умной молитвы, к послушанию, к трудам и рукоделию, ко взаимной любви, смирению, терпению, воздержанию и ко всякой добродетели;

3) так как по поставлении игумена при вручении ему пастырского жезла поставляется ему в неперемный долг пещись о том, чтобы братия по примеру древних святых подвижников знали Псалтирь наизусть, то и здесь подтверждается ему исполнять сию священную обязанность в отношении всех братий, особенно же тех, которые имеют хорошие умственные способности, дабы они не предавались всех зол виновнице — праздности;

4) строго смотреть, дабы из братии никто никаких частных содружеств и наипаче тайных не заводил, соглашений, противных начальству и обители, делать не дерзал и в дела, не порученные от начальства, отнюдь бы не вмешивался, ибо всякое таковое самоуправие служит к сущему разстройству и благочиния, и порядка;

5) обозревать братию по келлиям всякую неделю, а больных посещать каждодневно, не оставляя без внимания и занимающихся вне монастыря трудами; праздно же жить никому не попускать, даже и под предлогом безмолвного духовного подвижничества, понеже сугуб есть человек, сугубо убо быть должно и добродетелей тщание, трудами телесными и душевными исправляемо;

6) тщательно и самому лично, и чрез наместника и прочих должностных наблюдать, чтобы братия, а паче монашествующие ни под какими предлогами не были отвлекаемы от церковного богослужения никакими хозяйственными работами, кроме необходимых случаев;

7) наблюдать, чтобы братия имели здоровое понятие о главных спасительных догматах и, по слову святого апостола Павла, ведали, емуже веруют. Для сего дать им в руководство краткий и пространный катихизисы и смотреть, чтобы прочитывали, вразумлялись и, смотря по способности, нужнейшее

знали на память, ибо знание катихизиса есть ключ к основательным сведениям всех христианских истин;

8) выдачу книг из книгохранилища для келейного чтения братии позволять не иначе, как по усмотрению, какая кому книга может быть полезнее;

9) стараться, чтобы все братия радели об общей пользе монастыря и никто не дерзал никаких монастырских вещей как себе присвоить, так и посторонним раздавать без ведения игуменского;

10) пецись о сбережении и приведении в лучшее состояние как церковного и монастырского имущества, так и всех принадлежностей, а из зданий, что необходимо нужно, то делать вновь или исправлять починкою, не допуская отнюдь до дальнейших ветхостей;

11) иметь попечение о денежных суммах обители, вести оным подробную запись и хранить в казнохранилище обители, где также должны быть хранимы важные документы монастырские и исправныя описи монастырского имущества;

12) казначею больших сумм денежных не поручать, а выдавать их по мере потребностей обители, наблюдая, обстоятельно ли казначеем ведутся записки прихода и расхода денежного;

13) назначать к церковному богослужению чередных священнослужителей в соборах, больницах и усыпальнице по установленному порядку и усмотрению;

14) в исполнении должности своей непременно руководствоваться в Уставе сем положенными правилами, дабы не подать повода к самовольству другим, а в необыкновенных случаях, на которые в Уставе сем не найдется решения, обращаться к источникам, из коих избраны в Устав правила, как-то: к слову Божию, правилам и учению святых Церкви, или к совету собора, или же к высшему церковному начальству.

Глава 2

О соборе монастырском

Собор монастырский есть как бы некая священная дума, в которой по предложению игумена обще с ним разсматриваются и решаются все главнейшия дела управления монастырского.

Он есть установление не новое, а древнее, имеющее указание в правилах Василия Великого, смотри в ответе на вопрос 48, глаголющий, яко не подобает любопытствовати о строительстве настоятелеве, но своему делу внимати. Ответ: дабы кто неудобно в таковую страсть испытания на свой и прочих вред впадал, оное всеконечно в братстве хранимо быть достоин; то есть, во-первых, никому не испытывать о настоятельном строительстве, ниже любопытствовати о делах, кроме тех, которые и степению, и разумом ближайшие суть настоятелю, ихже и в совет, и в рассмотрение о общих делах непременно сей прияти имеет, покаяряся совету рекшаго: «С советом вся твори» (см.: Сир. 32, 21). Это прямо указывает, чтобы игумен имел в помощь себе опытных советников, избираемых им самим по его усмотрению. Что и называется его священной думою, или собором, которому дается и увещательная власть, как тот же святой Василий Великий на вопрос 27 (яко подобает и наставлятелю увещаему быти от старших братий, аще когда-либо погрешит) ответом объясняет: «А якоже настоятель должен есть на вся братство наставляти, тако паки и прочим подобает, аще когда-либо настоятель в каковом погрешении подозрен будет, увещавати его. Но дабы благочиние не повреждалось, то тем, иже возрастом и разумом других превосходят, власть такового увещания давати достоин. И аще будет что достойно исправления, то и брата пользовати имамы, и чрез него самих себе; понеже того, иже есть аки правило жизни наша и своею правостоию строптивость нашу обличати долженствует, на правый путь обратили бы. Аще же неции всуе о нем смущалися, то уверени бывше чрез объявление ложного мнения, от подозрения о нем приятого избавятся».

Собор при игумене состоит по преимуществу из должностных лиц: наместника, духовника, казначея, благочиннаго, ризничаго и проч., а в случае нужды и из других по опытности, благочестию и благоразумию достойнейших братий, назначаемых по усмотрению игумена, наместника и духовника.

Собор имеет свои заседания по назначению игумена, и каждому из членов онаго предоставляется право объявлять свое мнение при общем суждении о предложенном деле, которое и решится по большинству голосов на основании слова Божия,

церковных и общественных постановлений и согласно с правилами, в сем Уставе изложенными.

Дела, подлежащая суждению собора, главнейшим образом суть следующие.

1. Новые учреждения в монастыре, признаваемые для пользы оного нужными по нравственной части.

2. Перемена или избрание вновь должностных лиц монастырских: наместника, духовника, казначея и проч.

3. Избрание к пострижению в монашество достойных и желающих сего сана братий.

4. Определение в число братства желающих поступить в оное постриженцев других монастырей и увольнение из монастыря монашествующих, недостойных быть в оном, или по их прошениям.

5. Покупка вновь и переделка старых церковных и ризничных вещей драгоценных.

6. Построение новых, значительной цены, необходимо нужных к благосостоянию монастыря зданий.

7. Назначение денежных сумм, определяемых ежегодною потребностью на общественное монастырское содержание.

8. Суждение о неисправляющихся братиях и определение им явного пред всем братством наказания по праву, монастырям предоставленному.

9. Решение просящимся на временное пребывание в монастыре из других монастырей о принятии их в оный или о непринятии и об увольнении их из оного.

10. В уреченное время свидетельство всего церковного и монастырского имущества по описям.

11. Забота об имениях и дачах, вне обители находящихся, также приготовление и закупки для обители более значительных предметов.

12. Возможное вспомоществование из монастырского достояния требующим оного бедным и нищим, а паче монастырям.

Примечание. В случае несогласия игумена с собором в важных случаях игумен имеет относиться за решениями к высшему церковному начальству. В малых делах игумен удерживает за собою свободу своего действия по правилу Василия Великого (Ответ 48). Именно: принятие в монастырь мирян,

желающих быть монахами, пострижение их и удаление из обители. Избрание для хиротонии.

Глава 3

О должности наместника

Наместник в монастыре есть ближайший споспешник игумена, более всех долженствующий с ним иметь попечение о благоустройстве братии и монастыря, и в потребных случаях заменяет его своим лицом. А посему:

1) наместник избирается собором монастырским из старших иеромонахов, одаренный благоразумием, искусный в богоугодном монашеском житии, благонадежный в поведении и немолодых лет;

2) он должен помогать игумену во всех частях управления монастырем, в попечении о спасении братии, насаждая в сердцах их богоугодныя добродетели, а искореняя вредные пороки полезными советами, наставлениями, увещаниями и примером богоугоднаго жития;

3) предлагать игумену о всем, что он усмотрит к пользе общей или частной коего-либо брата, и о том, что признает вредным, доносить немедленно и обстоятельно; в недоумениях же спрашивать игумена и его разсуждению и воле по воле Божией следовать;

4) иметь ревностное попечение как о церковном богослужении и о всех монастырских делах, так и наипаче о тех, кои ему особенно поручаются к исправлению от игумена, а также неупустительно наблюдать за исправностию и всех должностных братий и споспешествовать им своим надзором, советами и назначением к ним в помощь с благословения игумена людей рачительных и благонадежных;

5) ежели игумен когда за немощию или другою благословною виною не может присутствовать в церкви, или на трапезе, или в других случаях, наместник вместо него сохраняет общее благочиние;

6) приходить наместнику неупустительно во всякий вечер к игумену и доносить об исправности и неисправности, усмотренной в братии и монастыре;

7) во время отлучки из монастыря отнюдь никуда не отлучаться, разве с предварительного позволения игумена.

Примечание. Должность наместника может быть совместима с должностью братского духовника.

Глава 4

О должности духовника

Духовником в общежитии, по правилам святых отец, должен быть сам игумен, так как ему вручено духовное окормление, но, если число братии велико и он один не может всех исповедывать, в таком случае он вкупе с собором избирает в помощники себе одного или двух, которые занимались бы исповедию назначенных от игумена братий и разрешали бы грехи, только не смертные, а в смертный грех павшего отсылать к игумену — общему отцу и духовнику — так все богоносные отцы советуют и определяют. Так и на Афоне святой Савва Сербский в своем уставе определил (Устав святителя Саввы, гл. 6, 7, 17).

1. В должность второстепенного братского духовника, яко духовного врача, избирается в обители иеромонах лет довольно пожилых, трезвенного, честного и богоугодного жития, к чтению книг Божественных и отеческих рачительный и в духовной жизни испытанный. С должности духовника и должность наставника, то есть старца, соединяется неотдельно (Карфагенского Собора правила 6 и 43).

2. Должность духовника состоит в совершении Таинства Покаяния, а должность наставника состоит в том, чтобы желающих облещись в иноческий ангельский образ руководствовать к богоугодной жизни частыми и полезными наставлениями по правилам, какия изображены в книге святого Василия Великого о подвигах иноческих. Впрочем, в помощь духовнику не возбраняется по благословению игумена быть наставником, то есть старцем, другому брату и даже простому монаху, только искусному в духовной жизни, который брата, открывающего ему мысленныя свои брани, мог бы вразумить, как ему противоборствовать искушениям вражеским, возбудить себя к покаянию и исповеданию грехов своих пред отцем духовным.

3. При исповеди духовник кающегося брата должен с кротостию увещевать, во-первых, чтобы он все свои грехи, в которых обличает его совесть, открывал чистосердечно, ничего не утаивая и ничего не прибавляя; во-вторых, сердечно сожалел бы, кто грехами своими прогневал Господа Бога и, болезнуя сердцем, положил бы твердое намерение не прогневлять Его более оными; в-третьих, во уверение искреннего раскаяния своего принял бы возлагаемую на него епитимию, яко истинное врачевство душевное, и исполнил бы ее со всякою благопокорностию.

4. Если духовник заметит, что исповедник не имеет умиления, не сокрушается и не боленует о грехах своих, того должен сокрушить страхом суда Божия, напоминая временныя и вечныя казни, которыми Бог нераскаянных грешников наказует; а ежели видит сокрушающегося сердцем до уныния, такового обнадеживать Божиим милосердием ко грешникам, представляя, что Господь Иисус Христос, Сын Божий, для того в мир и пришел, дабы грешников спасти, и что все истинно верующие в Него и в грехах истинно раскаивающиеся страданием и кровию Его очищаются от всяких прегрешений и заслугами Его спасаются.

5. Всех более духовник должен помогать игумену во спасении душ братии прилежным попечением своим, утверждая каждого во исповедании истинной веры и в творении добрых дел как примером собственной живой веры, так и полезными наставлениями, паче же всего ревностною о чадах духовных молитвою. Он должен в них насаждать страх Божий, любовь к Богу и друг ко другу, во всем воздержание, смирение, послушание, терпение, прилежание к чтению слова Божия, отеческих и иных приличных устройению их книг, к молитве, трудам и рукоделиям — словом, должен в них насаждать всякую добродетель, а зная каждого совесть, искоренять из сердец их заблуждения, ложныя умствования, зазорныя помыслы и злыя страсти и навыковения. В сем спасительном деле духовник должен руководствоваться словом Божиим, святых отец писаниями и правилами святыя Церкви.

6. В недоумениях и во всех опасных случаях спрашивать игумена и его разсуждению по воле Божией всегда следовать.

7. Больных сколько можно чаще посещать и духовно утешать, дабы переносили страдания теда благодушно, а прибли-

жающихся к смерти приуготовлять и напутствовать к христианской и непостыдной кончине.

8. О бывших или не бывших во уреченные по уставу времена на исповеди представлять игумену.

Глава 5

О должности казначея

Казначей должен быть иеромонах, поведением благонадежный, испытанный в верности и безкорыстии и способный к отчетливости. Должность его состоит в следующем:

1) получать от игумена всякия суммы на монастырския расходы в свое время и, вписав оныя в приходорасходныя книги с точностию и исправностию, вносить немедленно в казначейскую кассу и хранить за ключами, которые он должен держать у себя;

2) при кассе всегда иметь особую, за печатью, монастырскую книгу, в которую вносить как приход, так и расход суммы в то самое время, когда получится или израсходуется такая на издержки для обители, означая год, месяц и число;

3) знать, сколько чего в год потребно для монастыря купить, и о том заблаговременно представлять собору или игумену и с их дозволения покупать с рассмотрением;

4) в начале каждого месяца составлять отчет о приходе и расходе протекшаго месяца, который сличать с приходорасходными книгами, поверять с наличною суммою и по проверке вместе с казначеем подписывать двум или трем свидетелям, как-то: наместнику, ризничему и эконому. Отчет сей представлять игумену и по рассмотрении им с его пометою хранить для годовой проверки прихода и расхода;

5) по своему рассмотрению выдавать деньги на мелочные расходы эконому или другим посылаемым для покупок и с них требовать отчета и остальных денег тотчас по исполнении поручения и записывать;

6) с позволения игумена нанимать с экономом рабочих людей и с ними по надлежащему в свое время расплачиваться;

7) иметь ближайшее наблюдение за распоряжениями эконома по хозяйственной части.

Глава 6

О должности ризничаго

Ризничий должен быть иеромонах или иеродиакон испытанной верности, честности и трезвенной жизни.

Должность его:

1) иметь верныя описи церковнаго имущества и всех ризничных вещей с показанием их счета, веса и цены. Хранить оныя всегда в ризнице, в безопасном месте, и без благословения игумена самому главной описи не брать и другому никому не давать отнюдь; у себя же иметь с оных точную копию;

2) все врученныя ему вещи церковныя, как-то: святыя мощи, Евангелия, священные сосуды, кресты напрестольные, дарохранительницы, святыя иконы с драгоценными камнями, золотыя и серебряныя вещи, панагии, митры, кресты, кадила, подсвечники и проч., также священные облачения, одежды напрестольныя, покровы, пелены, самыя церкви и все, что имеется в церквах и хранится в ризнице по описи, хранить в целости и исправности. Для вещей многоценных неизлишним признается иметь внутри ризничной палаты или в другом месте особое приличное и безопасное хранилище, которое было бы не только за ключом ризничаго, но и за печатью, долженствующею храниться у игумена или наместника;

3) что нужно прибавлять к ризничным вещам, о том предлагать игумену, а что требует починки, то исправлять;

4) ризы на священнослужения и прочее выдавать по приличию дней и праздника, а посему и должны все оне быть разделены по сим различным употребленим; в недоумении же спрашивать игумена и исполнять по его рассуждению;

5) ризничий должен иметь помощника себе благонадежнаго под названием подризничнаго, который тщательно должен исполнять все поручаемое ему ризничим;

6) всемерно наблюдать за сохранностию Святых Даров и прочих святынь;

7) смотреть, дабы просфоры, вода, вино, ладон и проч. были свежия, неиспорченныя, сосуды все чистые, неприличных вещей в церковное употребление не вводить;

8) иметь всегдашнее наблюдение, дабы в ризнице, в церкви, в олтаре, а паче на святой трапезе Божией было все чисто, благообразно и уметено и все вещи расположены были приличным порядком без смешения;

9) ключ от ризницы всегда иметь у себя, без себя же входа в оную никому не позволять, разве подризничному, и то по благословной причине и под собственную ризничного ответственностию;

10) посетителям, любопытствующим видеть церковные и ризничные вещи, показывать оные не иначе, как с благословения игумена, и не одному, имея всю возможную предосторожность, чтобы тогда не последовало какой-либо утраты;

11) смотреть за исправностию подризничного, и пономарей, и прочих церковников;

12) бывшие в употреблении при священнослужениях драгоценные вещи всякий раз после служения осматривать обстоятельно, и, коль скоро что-либо, а паче значительной цены, будет утрачено, о том немедленно доносить игумену, дабы после не подпасть напрасной ответственности.

Глава 7

О должности благочинного

Поелику игумену и наместнику по разным обстоятельствам не удобно иметь всегдашняго и достаточнаго присмотра за нравственным поведением братии, а присмотр сей нужен паче всего и должен быть неусыпный, то в пособие им по сей части управления безотложно иметь в обители благочинного, котораго избирать собором из иеромонахов лет пожилых, нрава кроткаго, жизни трезвенной и примерно благочестивой.

Должность его определяется следующими действиями:

1. Смотреть, чтобы вся братия, кроме занятых послушаниями и болезненных, ко всем службам Божиим и в трапезу ходили к началу и неленостно, монахи — в рясах и клобуках, а послушники — в рясах и скуфиях, и во время сидели благочинно в совершенном молчании.

2. Дабы от посетителей обители и богомольцев никто для себя лично ни за какихя требы и ни под каким другим предлогом

денег и других вещей не брал, поелику от сего раждается страсть сребролюбия, соблазн братии и нарушаются правила общежития.

3. По келлиям наблюдать, занимается ли каждый рукоделием, кому какое назначено; не ходит ли кто от праздности по братским келлиям и в гостиницу к мирским людям без благословения, а паче в позднее время; не имеет ли и не читает ли кто лжеумственных сочинений и книг запрещенных; занимаются ли чтением святых из книгохранилища книг и разумеют ли и замечают ли, что читают; не производится ли где каких возмутительных соглашений, или ропотливости, или других предосудительных разговоров; также не держат ли запрещенных яств и других лакомств, радующих страсть сластолюбия; все ли ведут себя опрятно и не принимают ли к себе людей посторонних.

4. Тщательно смотреть, чтобы никто из братии как на стороне вне келлий никаких хмельных напитков не пил, так и в келлиях оных отнюдь не держал.

5. Кто сделается болен, немедленно отправлять такового на больницу и самому иметь всedневное смотрение, дабы больной всем был доволен и покоен, и о том доносить игумену; таковое же иметь попечение и о всех престарелых братиях.

6. Коль скоро замечены будут в ком-либо безчиния, о том доносить игумену или наместнику, а проступки менее важные стараться исправлять самому благоразумными наставлениями и прещениями в духе любви христианской и сообразно правилам общежития.

7. Наблюдать, чтобы в церкви братия стояли всякий на своем месте, чинно и безмолвно, не занимаясь отнюдь празднословием, и не позволяли бы себе никакого безчиния к соблазну служащим и предстоящим.

8. Замечать, вся ли братия приходит в церковь к началу богослужения; все ли в церкви стоят до конца службы Божией; не садится ли кто, кроме немощи, не во время седания; кого нет в церкви, самому сходить за тем или посылать инаго брата и вразумлять таковых нерадивых к оставлению душевредной лености.

9. На всенощных бдениях, когда подходят братия к святому Евангелию или к святой иконе для поклонения и лобызания, наблюдать, чтобы вся братия приходили чинно по два рядом.

10. Вразумлять, дабы поклонение и целование икон и прочих святынь было совершаемо всеми в свое время, а равно и исправления прочих молитвословий.

11. Если кто в церкви или в притворе церковном во время службы Божией будет празднословить и иное безчиние творить, благочинный должен ему с кротостию напомнить и запретить с увещанием, дабы раскаялся и впредь того не творил. А кто увещанием его не исправится, о том возвещать игумену или наместнику немедленно.

12. Предотвращать дерзновение не во время или не в свое место, как, например, во святой олтарь и проч., входить тем, кому не следует; также приносы в церковь вещей, к употреблению в ней не дозволенных, а особенно вход притворно-юродивых, кощунство и всякое неприличие (Кормчая, часть 1. Вселенских Соборов правила 69 и 99).

13. Приходящим в монастырь с желанием остаться в нем в числе братства отводить с благословения игумена место для жительства не иначе, как предписано правилами сего Устава и чрез кого следует всем нужным снабдевать их, давая в то же время знать о сем помещению помощнику, а от выходящих принимать и запираť келлии, отбирая платье, книги и все вещи, принадлежащая к келлии, для сдачи в общия монастырския хранилища.

14. Наблюдать, дабы неупустительно читаемо было поминовение имен, внесенных в синодик, в положенное по уставу церковному время: на вечерне, утрени и Литургии.

Глава 8

О должности уставщика

Уставщик должен наблюдать в церкви:

1) чтобы служба Божия совершалась по Уставу церковному и по введенному чину без упущения, а в недоумениях спрашивать игумена;

2) чтобы в совершении богослужения пение древнее церковное сохраняемо было тщательно;

3) чтобы во свое время определенные Уставом церковным чтения были призывимы неупустительно;

4) для чтения псалмов, часов, канонов и прочаго назначать способных, мало же знающих чтению и пению обучать;

5) наблюдать, где по уставу подобает, дабы чин пения в стихирах и прочем был исправляем с канонархом;

6) дабы тайновидцу Богу пение было приносимо со умилением и благоговением, со всяким вниманием, без клика и без побуждения естества на вопль, не прилагая отнюдь к церковному пению неприличного; а чтение было бы совершаемо неспешно (6 Вселенского Собора правило 75);

7) для вспоможения себе иметь двух головщиков, или зачинщиков пения и уставоисправления, одного на правом, а другого на левом клиросе;

8) заметит ли он в поющих и читающих небрежность и безстрашие, должен напоминать и внушать каждому сие псаломское слово: *Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом* (Пс. 2, 11) — и оное страшное прещение Божие: «Проклят всяк, творяй дело Божие с небрежением» (см.: Иер. 48, 10). О непокоряющихся же доносить игумену или наместнику;

9) он должен наблюдать за порядком и исправностию чтения в трапезе и назначать для сего людей к тому способных, дабы достигалась цель совершаемого чтения.

Глава 9

О должности библиотекаря

Книгохранитель должен:

1) уставщику книги, потребныя в церковь к службам, выдавать и в свое время оныя перемениать, отбирая ненужныя обратно в библиотеку;

2) всякому брату, требующему какую-либо книгу, давать оную не иначе, как с благословения игумена или отца духовнаго;

3) выдавая какую-либо книгу, должен в то самое время записать у себя в реестре;

4) ежели кто будет противу изложенных правил о книгах поступать при церковном ли употреблении или келейном вопреки здравому разуму и совести, о том доносить игумену;

5) который брат будет из монастыря выходить, у того монастырския книги все отобрать по реестру;

6) ветхия книги исправлять починкою; вновь прибывлыя книги записывать обстоятельно в реестр книг, а о недостающих докладывать игумену

Глава 10

О должности эконома

Должность эконома:

1) иметь в своем смотрении все монастырския здания, сады, огороды, сенокосы, поля, леса, пчеловодство, рыбныя ловли и прочее, к хозяйству монастырскому относящееся;

2) мелочныя заготовления по хозяйственной части делать с согласия казначея в свое время, а более значительныя, как-то: запас хлеба, рыбы, дров и прочих припасов — чинить с совета собора монастырскаго и наблюдать, дабы не было ни в чем ущерба;

3) наблюдать за исправностию больничнаго, трапезнаго, хлебенника, дохиара, погребнаго и смотрителей скотскаго двора и иных;

4) в его распоряжении состоятъ монастырским наемным рабочим людям, за исправностию которых, равно как и за чистотою в обители, он должен иметь наблюдение, а также и за чистотою около монастыря; смотреть также и за пристанью, чтобы не могло произойти какого-нибудь непорядка и вреда для обители;

5) смотреть за целостио и исправностию судов, земледельческих орудий, сосудов и всего, что относится к хозяйственной части, а паче за исправностию и чищением печных труб, а для отвращения пожара безотложно иметь пожарный инструмент и всегда исправныя лестницы при монастырских зданиях и прочее, к тому нужное;

6) во всякий вечер он должен приходить к игумену или с его воли к наместнику, донося, какия работы произведены в тот день, и спрашивая, какими в следующий день заниматься, и всех, кому что делать будет назначено, на те дела с утра посылать;

7) наблюдать, чтобы в рабочее время все рукоделиями и работами занимались прилежно, начиная каждое дело с молитвою,

а нерадение, празднословие и всякое безчиние пресекать, вразумляя каждого иметь страх Божий и трудиться по доброй совести и по силам своим; о непокоряющихся же доносить игумену или наместнику;

8) предлагать игумену или казначею, что он признает за полезное и нужное относительно улучшения земледелия, рыболовства и иных хозяйственных монастырских заведений; также относительно нравственности исполняющих послушания и о том, сколько, когда и для чего потребно как в летнее, так и в зимнее время рабочих людей;

9) коль скоро замечены будут где-либо ветхость или повреждение, то немедленно исправлять починкою, отнюдь не допуская до дальнейшего разстройства;

10) в полученных на расходы деньгах ежемесячно или тотчас по исполнении поручения представлять казначею надлежащий письменный или словесный отчет;

11) наблюдать, чтобы во всех братских келлиях было все цело, исправно и опрятно, вещей келейных, как-то: образов, столиков, стульев и проч. — никто бы не переменил, и из одной келлии в другую не переносил, и печей жарко на ночь во избежание несчастного случая отнюдь бы не топили, а в противном случае доносить игумену или наместнику;

12) посев и уборку хлеба, сена и огородных овощей производить в надлежащая времена с хозяйственной бережливостью;

13) вести верную записку прихода и расхода братской провизии, также сена и ячменя, покупаемого для скота, и в определенное время давать по ним отчет чрез казначея игумену и собору.

Глава 11

О должности гостеприимца

Внимая заповеди Господней о страннолюбии, подражая же примеру святых и последуя их учению, должно вне обители святой иметь гостиния келлии и благонадежного пожилых лет гостеприимца, который бы странствующим по святым местам богомольцам и прочим посетителям давал всевозможное упокоение. Посему гостиник должен:

1) быть вежливым и ласковым ко всем приходящим посторонним людям и усердным на всякое полезное им послужание;

2) в странноприимнице всегда наблюдать совершенную опрятность, а в зимнее время — надлежащую теплоту и все вещи хранить в целости;

3) всех принимать с любовию и помещать по приличию званий;

4) прилагать попечение, чтобы они в нужном не имели недостатка, доставляя им пищу довольную из общей трапезы, а в случае нужды по усмотрению игумена готовить для них и особенные яства;

5) о всех приходящих в обитель извещать немедленно игумена;

6) никому из братии без благословной причины и без дозволения игумена не позволять входить в странноприимницу и не давать никакого яства или питания, ибо чрез это разслабляются братия, и вообще без благословения игумена ничего не делать, а о сопротивляющихся доносить благочинному;

7) которые из гостей пожелают в обитель дать пожертвование или на поминовение записать имена, от тех самому отнюдь не брать, а тогда же возвещать игумену;

8) наблюдать, чтобы в гостинице никакого безчиния не было, а в противном случае доносить благочинному или наместнику.

Глава 12

О должности рухлядного

Рухлядный есть тот брат, которому поручено от игумена смотрение общего хранилища одежд, обуви и прочаго, к тому принадлежащего. Он должен:

1) знать, сколько чего потребно на год, и о покупке и заготовлении всякаго рода вещей заблаговременно представлять казначею или эконому, а ветхое исправлять починкою, не допуская до безобразия;

2) когда закупает и приготавливает с благословения казначея припасы сам, то избегать ему вещей, не имеющих настоящей доброты, однако и дорогих не покупать, то есть таких тканей, кои инокам не приличны;

3) выдавать братии одежду, обувь и прочее с благословения игумена или наместника по доброй совести своей и по совести

требующих; а поелику бывает, что иной по скромности своей не просит, а нуждается в вещах, иной же без нужды излишних требует чрез совесть, то смотреть должен более на заслуги и нужды просящего и избегать несправедливости, по завещанию Василия Великого: «Не отнимать потребное у тех, с коими вражду имеет, а тем излишних не давать, к которым склонен пребывает, оное бо знамение есть братоненавидения, сие же пристрастия» (Пространное изложение православной веры. Ответ на вопрос 34);

4) кто будет просить какой-либо новой одежды или обуви на место ветхой, у того ветхую отбирать по выдаче новой, а не получа ветхой, не выдавать и новой;

5) иметь смотрение за делающими одежды, дабы они время работы не проводили в праздности.

Глава 13

О должности еkkлисиарха

Екклесиарх обязан:

1) явиться к игумену в назначенный для всякой службы час и получить от него благословение на звон; получив оное, он отходит и звонит в определенный колокол; потом, по прошествии нескольких минут, ударяет в току, что обычно совершается во весь год в назначенные часы;

2) со всяким страхом и благоговением входя в олтарь и исходя, поклоняться низко, до святого же престола, паче Святых Таин и иных священных вещей отнюдь не прикасаться;

3) возжигать в олтаре светильники и свечи и приуготовлять просфоры, воду, огонь, теплоту, кадильницу и иные меньшие вещи священные на вечерне, на утрени, Литургии и прочих молитвословиях, как по уставу следует;

4) олтарь, церковь, паперть, образа и прочее очищать от всякого праха и паутины, и сию нечистоту изметать в не попираемое ногами место, а воздух освежать посредством открытия окон;

5) выходя из церкви, пономарь должен строго наблюдать, чтобы огня как в жаровне, так и на свечах не оставалось; в церкви по расходе братии от служб никто бы не оставался, двери церковные все были бы по надлежащему заперты замками;

6) он должен удовлетворять свечами посторонних богомольцев по желанию их и благоговейно с поклонами пред иконами ставить свечи и в свое время обирать огарочный воск.

Глава 14

О должности повара

Повар должен знать свою должность, какое она имеет значение пред Богом, что он служит в лице меньшей братии Христовой Самому Ему, Господу Иисусу Христу, Который изречет на Страшном Своем суде: «Послужите единому от меньших моих братий, Мне послужите» (ср.: Мф. 25, 40). Потому он должен со всяким вниманием и страхом Божиим проходить свою должность.

1. Повар должен с вечера спрашивать игумена или с его воли наместника, какую пищу и сколько чего готовить для трапезы в следующий день, и исполнять по их распоряжению.

2. Готовить пищу с призыванием имени Божия, со вниманием и прилежанием, чтобы все приготавливаемое было вкусно и здравью полезно.

3. Как в трапезу разделять пищу на все столы по равной мере, так и престарелым и немощным в больнице и в гостиницу отпускать в довольном количестве, избегая всякой несправедливости, небрежения и презрения.

4. Наблюдать за чистотою посуды и вообще всей поварни и не жечь напрасно и без нужды ни котлов, ни дров.

5. В поварню никому не позволять входить без нужды в отклонение празднословия и всякого безчиния. Также не пришедшим в трапезу без благословной вины не давать никакой пищи до следующей трапезы и по келлиям без дозволения игумена не выдавать никому пищи.

6. Поелику он служит Самому Иисусу Христу в лице братии, то обязан, по древнему церковному правилу, по окончании всякой трапезы при исхождении из нея братии пасть лицом к земле с трапезарем и чтецом и просить прощения у игумена и у исходящей братии, как у Самого Иисуса Христа, поставившего его Себе на службу.

Глава 15

Об обязанностях трапезаря

Трапезный должен помнить, что он служит Самому Иисусу Христу в лице братии своей, посему он обязан обращаться ко всем со страхом Божиим и также иметь ко всем любовь без страсти и тщеславия, оказывать всем услуги, быть ко всем ласковым и вежливым, иметь терпение и не приходить в смущение от случающихся обличений ему от братии. Он должен стараться, чтобы не обезпокоить кого из братии каким-нибудь образом, а тем более, чтобы не оказать кому презрения; особенно он должен побуждать и помощников своих, чтобы и они были ревностны и вели себя таким же образом, так как о сем он имеет дать отчет Богу. Посему он должен:

1) все находящееся под распоряжением его, то есть яства и питья, разделять равно всем, избегая всякаго человекоугодия и пристрастия, и стараться удовлетворять всякаго по желанию его, впрочем не иначе, как только по правилам святых отец и по постановлениям киновии. И, как верный раб в дому Божиим, он обязан сохранять ко всем истинность и точность, и своевольно ничего не делать, и без благословения игумена никому из братии ничего не прибавлять, не убавлять — ни яств, ни питья. Также без нужды и приличного времени не угощать братию в трапезе, кроме странных и знакомых обители. Излишние требования совершенно пресекать, нисколько о них не заботясь, если же некоторые будут этим тревожиться и роптать на то, таковые сами имеют дать ответ пред Богом. И о таковых он должен докладывать игумену или наместнику, поелику безчинием невозможно угодить Богу. И горе той киновии, [как] сказал святой Ефрем, в которой законные правила не сохраняются. Посему трапезарь и обязан стараться все делать согласно с правилами святых отец и по воле игумена;

2) тщательно наблюдать и замечать, все ли братия сходятся в трапезу в назначенное время, не приходящих же и не сохраняющих этого чина замечать и сообщать о том наместнику или игумену.

Трапезарь должен стараться, чтобы соблюдать во всем благочиние. И посему:

3) он должен наблюдать, чтобы братия садились в трапезе по чину, по достоинству и по возрасту своему: старшие впереди, а младшие назади, при сем он должен иметь попечение и о приходящих в обитель странных, которых почествовать высшим сидением. В час трапезы не должен позволять беседовать ни братии, ни странным, если же иные начнут беседу, тем искусно напомнить о правиле молчания;

4) наблюдать за чистотою сосудов, белья и всей вообще трапезы и находящегося в ней;

5) после определенного времени трапезы обеда, или ужина, или прежде их никому не позволять входа в трапезную во избежание всякого безчиния. Равным образом без благословной причины не пришедшим в трапезу не давать ни яства, ни питья — этого никогда не делать без позволения игумена;

6) поелику же трапезный в лице братии служит Самому Иисусу Христу, то он, сознавая свое недостойнство, должен исполнять церковное правило, то есть всегда по окончании трапезы падать лицом на землю, прося прощения и благословения у игумена и у всех исходящих из трапезы братий, как у Самого Христа, и признавать самого себя недостойным для сего священного служения.

Глава 16

Об обязанностях дохиара

Дохиар есть такой брат, на которого возлагается от игумена смотрение и забота о некоторых съестных припасах, как-то: масле, маслинах, рыбе, сыре и тому подобных предметах. Посему он и должен:

1) знать, каких предметов и сколько требуется на весь год, и о покупке и приготовлении их докладывать своевременно казначею или наместнику;

2) давать братии и всем вне обители порцию из съестных припасов, какая им от игумена назначена, и своевольно не перемешивать игуменом назначенного, и без ведения его не прибавлять к порции, не отнимать от нее нисколько. Если же кто будет требовать более назначенного игуменом, доносить о том наместнику или игумену;

3) внутри же обители находящимся братьям не давать ничего, кроме только деревянного или конопляного масла для ночников, и это тем только, кому разрешит игумен, ибо не всем вообще это нужно.

Глава 17

Об обязанностях привратника

Обязанность привратника по состоянию и чину Святой Горы весьма значительна, посему и следует возлагать ее непременно на мужа благонадежного, разсудительного и благоразумного, ибо ему поручается хранение всей обители, также принятие всех входящих в обитель и исходящих из ней, обращение с ними и разделение бедным милостыни.

Посему привратник обязан:

1) соблюдать строгое внимание ко всем входящим в обитель, и особенно к бедным. Всех с любовью принимать, встречать, исходящих провожать — и монахов, и мирских, и поклонников;

2) бедным, обычно приходящим к воротам обители, разделять милостыню с радостию, что и сколько назначено от игумена;

3) мирских, приходящих в обитель по различным предметам, мастеров, рабочих, торговцев самому не отсылать, но возвещать о них казначею или эконому;

4) о бедных, приходящих с бумагою от священного протата, докладывать игумену;

5) о прибытии поклонников в обитель давать известие чрез повешенный при воротах колокольчик. Этим же также колокольчиком после заката солнца извещать находящихся в обители, что ворота затворяются;

6) наблюдать, чтобы при вратах не происходило никакого безчиния, в противном случае доносить о том наместнику.

Глава 18

Об обязанностях письмоводителя

По множеству, разнообразию и значительности письменных дел обители необходимо иметь письмоводителя. В должность эту должен избираться человек, который, кроме внешних возмож-

ных познаний, совершенно необходимых при письмоводстве, украшается любовью к порядку, точностию и верностию в исполнении поручений, и тщательностию в деле, и паче всего на все полезным, по апостолу Павлу, благочестием (см.: 1 Тим. 4, 8).

Обязанности письмоводителя суть следующие:

1) он должен исправно вести письменные дела обители, без всякого небрежения, как дело Божие, со всею рачительностию и аккуратностию;

2) все монастырские бумаги деловые должен сохранным беречь;

3) всем деловым бумагам, поступающим в обитель от инуду, также и исходящим из обители, он должен вести подробную и отчетливую запись;

4) в деле своего занятия в отношении к другим он должен соблюдать необходимую осторожность;

5) по делам своей должности он подчинен непосредственно игумену и потом ведению собора и без их ведома и воли сам никаких дел заводить не должен.

Глава 19

О должности просфорodelателя

Просфора есть хлеб, приносимый для употребления при священнодействии во святой Литургии, на которой совершается и самая Тайна святого Причащения, посему делатель такового хлеба должен печь его из чистой, свежей пшеничной муки, водою простою естественною замешанный, квасный, не пересолённый, имеющий вкус свойственный и к ядению благоприятный, а равно и сам должен жить во всякой чистоте, пребывать в молитве и приступать к деланию просфор с благоговением; без благословения же игумена не раздавать просфор братьям.

Глава 20

О должности хлебопекаря

Должность хлебопекаря требует печь хлебы исправно и чисто, дабы хлеб выходил вкусный, и добротный, и мягкий; пред начатием мешения хлебов давать знать чередному иеромонаху,

который и приходит с кадилом и свещею и благословляет хлебы по установленному чину.

Глава 21

О должности служащего больным и престарелым

Служащий больным и престарелым должен иметь к ним любовь, сострадание и сердечное расположение, оказывая то самым делом, совершенно усердным и прилежным своим служением их немощи Бога ради; наблюдать, чтобы все к пользованию больных предписания от игумена или от врача были исполняемы в точности, и всем для них нужным довольствоваться, требуя от кого что следует, в келлиях их наблюдать особенную опрятность, чистоту и свежий воздух, чтобы и теплота была надлежащая, а в случаях опасности смертной немедленно доносить о том духовнику и игумену, дабы больной не скончался без христианского напутствования, строго помня обязанности своей должности, что за точное исполнение ея, порученное ему от всего братства, Господь изречет всем на суде Своем: «Болен бех и послужите Мне» (ср.: Мф. 25, 36).

Глава 22

О должности всех работами и рукоделиями занимающихся

1. Всем трудящимся в обители иметь послушание к игумену Бога ради и трудиться каждому по силе своей и доброй совести, отвергаясь во всех случаях мудрования своего и собственной воли. В летнее время заниматься в саду, пчельнике, огороде, на покосах, полях, рыбных ловлях и прочих послушаниях и работах; зимой же — иконописным, столярным, токарным, переплетным, портным и иными художествами и рукоделиями, приличными для монастыря.

2. Никому не избирать трудов по воле своей, но делать что велено с повиновением, ежели дозволяют силы, а ежели не по силам дело, то объявлять игумену со смирением и его разсуждению и воле по воле Божией безпрекословно следовать (Василий Великий. Подвижнические уставы, гл. 22).

3. Во время трудов воздерживаться от нерадения, роптания и празднословия, но трудиться со смирением, терпением, с призыванием Божией помощи, с молитвою и богомыслием и в трудах помогать друг другу, вразумляя, утешая и подкрепляя друг друга; сие бо угодно Богу и нам спасительно (Василий Великий. О подвигах иноческих).

4. Бывает, что по действию злых духов и по своему невниманию во время трудов один другого оскорбит словом или делом, то виновный да просит прощения у оскорбленного и в то же время да примирится, и никогда не оставлять примирения до другого дня, по слову апостольскому: *Солнце да не зайдет во гнѣве вашем* (Еф. 4, 26).

Общее примечание к должностям.

Хотя обитель наша, как общежительная, в единомыслии стремясь к одной цели, имеет одну главу, одного общего попечителя о временном и вечном нашем благополучии, но, поелику братство наше состоит из разнородных братий: русских, греков и болгар, поэтому само собою разумеется, что некоторыя из вышеизложенных должностей, как-то: должность духовника, уставщика и иных — должны поручаться соответственным лицам, могущим принести пользу разнородным братиям.

Текст Устава приведен по изданию: Устав Русскаго на Афоне свягата великомученика и целителя Пантелеимона общежительнаго монастыря. Б. м., 1903.

АКАФИСТ
святому Иоанну, Предтечи
и Крестителю Господню

*Чудотворная икона святого Иоанна Предтечи.
XVIII в. Русский Свято-Пантелеимонов монастырь*

Кондак 1

Избранный от лет древних быти Предтечею и Крестителем Спасителя мира Христа Бога, Иоанне богохвальне, прославляя прославльшаго тя Господа, похвальная восписуем ти, яко большему всех рожденных женами, во плоти Ангелу, покаяния проповеднику; ты же, яко имеяй велие дерзновение ко Господу, от всяких бед свободдай и к покаянию воздвизай нас, любовью тебе зовущих: радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Икос 1

Архангел Гавриил, предстояй пред Богом, послан бысть ко иерею Захарии, егда он, служа по чину чреды своея, вниде покадити в церковь Господню, и, представ одесную олтаря кадила, благовествоваше о твоём рождестве, великий Иоанне, возвещая Захарии радость и веселие и яко мнози о рождестве твоём возрадуются. Сего ради и мы, дивному о тебе Божию благоволению чудящиеся и радующиеся, со благоговением в похвалу тебе вопием:

Радуйся, Совета Божия неизреченного таинниче; радуйся, дивного смотра Его исполнение. Радуйся, прежде лет многих пророчеством Исаии проявленный; радуйся, вестниче пред лицом Господним древле прореченный. Радуйся, предназначенный быти великим пророком Вышняго; радуйся, по обетованию Ангела рожденный. Радуйся, еще во чреве матери твоея Духа Святаго исполненный; радуйся, прежде рождества твоего на великое служение освященный. Радуйся, неплодства родителей разрешение; радуйся, иереа Божия радость и веселие. Радуйся, дщери Аароновой прозябение; радуйся, плод молитвы богодарованный.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 2

Видя Захария являшагося ему Ангела, смутися, и страх нападе на нь, и не верова словесем благовестия его о рождестве твоём; егда же за неверие немотою связан бысть, удивляшеся преславному чудеси, всем сердцем вопия Богу: аллилуиа.

Икос 2

Разум неуразумеваемый разумети ищуще людие, ждущие Захарию, и чудяхуся умедлившу ему в церкви; изшедшу же ему и не могущу глаголати к ним, но токмо помавающе, разумеша вси, яко видение виде в церкви. Мы же, прославляя дивного Творца чудес Бога, вопием тебе таковая:

Радуйся, благий виновниче безгласия отча; радуйся, слез матери твоея пременение на радость. Радуйся, тоя поношения в людех отъятие; радуйся, великое рождшим тя утешение.

Радуйся, яко в шестый месяц о зачатии твоём Пресвятая Дева Мария в Назарете от Ангела известися; радуйся, яко о рождестве твоём мнози возвеселишася. Радуйся, яко имя благодатное, от Ангела нареченное, получивый; радуйся, яко именем твоим немотствование отца твоего Захарии разрешися. Радуйся, яко имя Божие о тебе отцем твоим благословися; радуйся, яко о чудном рождестве твоём страх и удивление в окрест живущих явися. Радуйся, яко по всей стране Иудейской о дивном рождестве твоём возвестися; радуйся, яко тобою спасение многим в мире сем явися.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 3

Сила Вышняго разреши неплодство заматоревшия во днех своих праведныя Елисаветы, зачат бо ты, славный Предтече Господень, и таяшеся месяц пять, глаголюще: яко тако мне сотвори Господь во дни, в няже призре отъяти поношение мое в человецех. Егда же прия Имущую во чреве Христа, исполнися Духа Свята и возопи гласом велиим: откуда мне сие, яко прииде Мати Господа моего ко мне; с Неюже радующися, взываше Богу: аллилуиа.

Икос 3

Имеяй предыти пред Господем духом и силою Илииною, еще из чрева матере твоя исполнился еси Духа Святаго, отонудуже и пророк дивный показался еси, егда во утробе матере твоя сый, възыгрался еси радощами пришествию Матери Господней, Бога бо познал еси, носима в ложеснах Благодатныя, и Того матерним гласом проповедал еси; подобаше бо Божественных вещей преславным быти началом. Сему убо благоговейно удивляющеся, с радостию тебе вопием:

Радуйся, еще во утробе матерней предпославшаго тя Господа чудным веселием предъявивый; радуйся, яко тебе ради и матери твоей Елисавете воплощение Христово открыся. Радуйся, яко и та исполнися Духа Свята; радуйся, яко и она предивная пророчица явися. Радуйся, яко от нея Пресвятая Дева Мария блаженною в женах наречеся; радуйся, яко тою Она и Материю Господа наименовася. Радуйся, яко и безсемянный плод Тоя

благословенным пронаречеса; радуйся, премудрости Божественныя предъявление. Радуйся, святого супружества благословение; радуйся, неплодных ложесн дивное прозябение. Радуйся, рождением твоим удививый люди; радуйся, светлый Слова гласе.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 4

Бурею сомнения смущенный, иерей Захария не можаше, по словеси ангельскому, проглаголати. Егда же по рождестве твоём, Предтече Господень, написа благодатное имя твое, абие отверзошася уста и язык его, и глаголаше, благословя Бога, и пророчествова, глаголя: благословен Господь Бог Израилев, яко посети и сотвори избавление людем Своим, и ты, отроча, пророк Вышняго наречешися, поя Тому: аллилуиа.

Икос 4

Слышаша окрест живущии людие о преславном и чудном рождестве твоём, со удивлением глаголаху в себе: что убо отроча сие будет? Мы же тя, преславный Предтече Господень, яко больша всех рожденных женами, достойно чтуще, ублажаем сице:

Радуйся, от зачатия твоего благодатных явлений исполненный; радуйся, в рождестве твоём Богом прославленный. Радуйся, во младенчестве твоём от отца твоего пророком Вышняго нареченный; радуйся, во отрочестве твоём Духом Святым просвещенный и укрепленный. Радуйся, Бога воплотившагося сродник по плоти бывый; радуйся, от Бога высокое звание Предтечи и Крестителя приемый. Радуйся, заре, Свет новый миру возвестившая; радуйся, звезде, путь, ведущий ко Христу, осветившая. Радуйся, деннице Солнца незаходимаго; радуйся, светильнице Света неугасаемаго. Радуйся, путь грядущему Христу уготовляяй; радуйся, Ангела и человека в себе являяй.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 5

Богопротивное веление беззаконнаго детоубийцы Ирода изгна тя из дому отча в непроходную пустыню, носима матерью,

Предтече Господень, идеже и пребывал еси до дне явления твоего ко Израилю, ядый акриды и мед дивий и Богу вопия: аллилуиа.

Икос 5

Видяще дивное Божие о тебе промышление, Иоанне богохвальне, яко от младенческих пелен постнического жития любитель показался еси, отонудуже волею Вышняго послан был еси проповедати людем грядущее во Христе спасение, сего ради со удивлением и любовью тебе взываем:

Радуйся, яко еще младенец сый, царя Ирода устрашил еси; радуйся, от напраснаго убийства того десницею Вышняго сохраненный. Радуйся, пустыни шипок благовонный; радуйся, выотою подвигов твоих всех удививый. Радуйся, праваго пути верный указателю; радуйся, чистоты и целомудрия предивный хранителю. Радуйся, евангельскаго самоотвержения образе совершенный; радуйся, монашествующих покрове и утверждении. Радуйся, богословствующих умов просвещение; радуйся, грешным милосердия Божия двери отверзаяй. Радуйся, кающимся грешником от Господа прощение подаваяй; радуйся, плоды достойны покаяния творити помогай.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 6

Проповедник славный ты, Божественный Предтече, показался еси в пустыне Иорданстей во дни явления Христа Бога миру, Сего бо, грядущаго к тебе, показал еси людем, глаголя: се Агнец Божий, вземляй грехи мира! Егоже мы верою познавше, поем Ему: аллилуиа.

Икос 6

Возсиял еси свет истины, Иоанне богопросвещенне, всем являяй славы Отчия сияние, явльшееся плотски нас ради. Вопиял бо еси в пустыни людем: покайтесь, приближи бо ся Царствие Небесное, сотворите плоды достойны покаяния. Се бо грядет по мне, Иже крестит вы водою и Духом. Сего ради похвальная тебе вопием:

Радуйся, пришествия Мессии возвестителю; радуйся, путей Господних уготователю. Радуйся, ветхия и новья благодати ходатаю; радуйся, пророков пределе и начало апостолов. Радуйся, гласе Слова благознаменитый; радуйся, покаяния проповедниче велегласный. Радуйся, многих сынов Израилевых ко Господу обративый; радуйся, люди совершенны Господеви уготовавый. Радуйся, фарисеев и саддукеев дерзновенно обличивый; радуйся, плоды достойны покаяния творити научивый. Радуйся, просвещения духовного указателю; радуйся, ищущим предстательства твоего неусыпный заступниче.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 7

Хотящу от тебе креститься Господу Иисусу, Иоанне богоблаженне, глагола еси: аз требую Тобою креститься, обаче повинуюся рекшу Тому: остави ныне, воздвигл еси десницу твою на главу Его и, крестив не требующаго очищения, вопиял еси: аллилуиа.

Икос 7

Новую подая благодать креститься изволивый от тебе Господь, сподоби тя Духа пришествие видети и глас Отческий, с небесе свидетельствуя Его Сыновство, слышати; отонудуже в Трех Лицах Единому Богу поклоняться нас научил еси. Егоже бренными прославляюще устнами, в похвалу сия тебе приносим:

Радуйся, Тройческаго Богоявления первый проповедниче; радуйся, в Трех Лицах Единого Бога истинный поклонниче. Радуйся, Духа Святаго в виде голубине яснозрителю; радуйся, снисхождения его от Отца на Сына свидетелю. Радуйся, гласа с небесе от Бога Отца слышателю; радуйся, явления любви Отчи к Сыну созерцателю. Радуйся, Сына Божия избранный Крестителю; радуйся, воли Его святых исполнителю. Радуйся, славного служения спасению рода человеческого ревностный рачителю; радуйся, великаго Таинства Крещения первый совершителю. Радуйся, Божественных радости вестниче; радуйся, Нового Завета первый учителю.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 8

Странное и неизреченное смирение воплотившагося Бога Слова видев, богоблаженне Крестителю, Божественную Свою главу тебе приклонивша и рабское крещение приемша, ты и сам весь исполнился еси великаго смирения. Испроси убо боголюбезную добродетель сию и нам, одержимым гордостью, яко да от сердца смиренна вопием Ему: аллилуиа.

Икос 8

Весь благодатных дарований исполненный, течение временныя жизни скончавая, Иоанне богознамените, всех поучал еси исполнением закона и покаянием благоугождати Господеви. Сего ради благодарственное хваление тебе, великому учителю истины, воспеваем:

Радуйся, закона и оправданий Господних насадителю; радуйся, Иродова беззакония обличителю. Радуйся, о исправлении того рачителю; радуйся, правды ради темничное заключение и узы претерпевый. Радуйся, за истину во главу усеченный; радуйся, яко тело твое от учеников твоих честне погребесе. Радуйся, яко Божиим смотрением глава твоя нетленна соблюдесе; радуйся, яко та на утешение, освящение и цельбы христианом дадесе. Радуйся, яко и деснице твоей, крестившей Господа, вернии благочестне покланяются; радуйся, яко от тебе многая чудеса теми доныне совершаются. Радуйся, яко тобою вернии от страстей безчестия избавляются; радуйся, яко тобою грешнии к покаянию воздвизаются.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 9

Все естество ангельское удивися высоте служения твоего, и Церковь благоговейно прославляет тя, яко друга Христа Бога, предшедшаго пред Ним духом и силою Илииною. Ревнуя бо по истине, дерзновенно обличал еси фарисеев и беззаконнаго Ирода, от негоже и мученическую кончину приял еси. Поклоняющесе убо честней главе твоей, молимся ти: избави

нас от страстей безчестия, да чистым сердцем и усты поем: аллилуиа.

Икос 9

Витийство всякое земнородных не довлеет достойно восхвалити тя, Иоанне богохвальне, тебе бо уста Христовы похвалиша, высша пророков и больша всех рожденных женами тя наименоваша. Отонудуже достойную похвалу принести тебе недоумеваяще, вопием ти сицевая:

Радуйся, Церкви Христовы великая славо; радуйся, Ангелов предивное чудо. Радуйся, праотцев радость и прославление; радуйся, пророков высокая похвало. Радуйся, апостолов богосветлый венче; радуйся, святителей велелепая красото. Радуйся, мучеников в новой благодати начало; радуйся, преподобных совершение. Радуйся, праведных удобрение; радуйся, девственников и постников основание. Радуйся, всех христиан великое утешение; радуйся, яко от всех христианских родов имя твое прославляется.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 10

Спасти мир пришедшаго во плоти Христа Бога благовестил еси и сущим во аде; якоже бо денница, предходящая солнцу, осветил еси во тьме и сени смертней сидящих. Отонудуже вскоре Господом изведен был еси со всеми от века праведными, поя Ему яко Избавителю и Победителю смерти: аллилуиа.

Икос 10

Стена еси и прибежище спасительное всем, молитвенно к тебе притекающим, божественный Иоанне; сего ради песнями похвальными ублажаем тя сице:

Радуйся, мощный заступниче наш и верный от бед хранителю; радуйся, злостраждущих от духов злобы скорый помощниче и избавителю. Радуйся, неплодствующим благословение от Бога низпосылаяй; радуйся, притекающих к тебе с верою от треволнения страстей избавляяй. Радуйся, во вражде сущих скоро умиротворяяй; радуйся, во всякой нужде и печали усердно притекающим к тебе скорую помощь подаваяй. Радуйся, благо-

текущих от самообольщения и прелести изымаяй; радуйся, вручающим себе твоему ходатайству в час смертный помогай. Радуйся, любящих тя от воздушных мытарств предстательством своим свободаяй; радуйся, почитающих славную память твою вечныя жизни молитвами своими сподобляй. Радуйся, нищих, и вдовиц, и сирот заступление; радуйся, по Бозе и Богородице христианом прибежище и упование.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 11

Пение всякое не довлеет по достоянию доблестей твоих восхвалити тя, Крестителю Господень, но мы, любовию понуждени, дерзаем воспевати величия твоя, еже милостивно прими от нас, первостоятелю у Престола Пресвятыя Троицы, и моли свободитися нам от всякия скверны греховныя, да чистым сердцем и устнами поем Богу: аллилуиа.

Икос 11

Светильника Света неприступнаго и всесветлых благодатных дарований всего исполнена ты, Иоанне богопросвещенне, ведуще, радостно приносим ти таковая:

Радуйся, самовидче озарившаго тя свыше Божественнаго света; радуйся, светом добродетелей твоих прославивый Бога. Радуйся, Пресвятыя Троицы велелепую славу явивый; радуйся, правый и дивный путь к небеси показавый. Радуйся, и сущим во аде Бога, являшагося во плоти, благовестителю; радуйся, душ праведных, от века в преисподней держимых, возвеселителю. Радуйся, Владыки Христа Бога друже искренний; радуйся, явивый миру Свет истинный. Радуйся, светозарное света евангельскаго сияние; радуйся, рода христианскаго прославление. Радуйся, Совета Божия исполнение; радуйся, яко от восток солнца даже до запад хвально имя твое.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 12

Благодати тезоименитый Крестителю Господень, и тою обогатився, победоносец преславный показался еси, победил бо

еси враги и всякую злобу и великое служение твое мученическим подвигом запечатлел еси. Ныне же, предстоя Престолу Царя царствующих, моли Его даровати благоверному императору нашему победы на враги и во всем благопоспешение, всем же верным в добродетелях благодатное укрепление, поющим Ему: аллилуиа.

Икос 12

Поюще Бога, дивно в тебе прославившагося, хвалим тя, блаженне Крестителю, яко искренняго друга Христова, прославляем великия подвиги твоя, ублажаем мученическую кончину твою и сиецевая радостно вопием ти:

Радуйся, вселенский апостоле и Новаго Завета первомучениче; радуйся, явлением Христа на земли открывшагося Царствия Небеснаго первый проповедниче. Радуйся, языков Божественное призвание предвозвестивый; радуйся, безвестная и тайная премудрости Божия миру явивый. Радуйся, божественными деянии плодоносен паче иных явивыйся; радуйся, яко светом дел твоих прославися Отец Небесный. Радуйся, яко в памяти твоей Церковь Христову веселиши неизреченно; радуйся, яко ныне вечнаго наслаждаешься веселия изобильно. Радуйся, Божественными лучами Трисолнечнаго Света осияваемый; радуйся, яко со безплотными Трисвятую песнь Богу немолчно вопиеша. Радуйся, яко ныне зеркалом разрешшимся несредственне зриши Святую Троицу.

Радуйся, великий Иоанне пророче, Предтече и Крестителю Господень.

Кондак 13

О великий и преславный Предтече и Крестителю Господень Иоанне, прими от нас ныне приносимое тебе моление, и твоими богоприятными к Богу молитвами избави нас от всякаго зла, и вечныя изми муки, и наследниками Царствия Небеснаго содей, да во веки поем Богу: аллилуиа.

(Трижды.)

Таже: икос 1 и кондак 1.

Молитва ко святому Иоанну Предтечи

Крестителю Христов, проповедниче покаяния, кающегося не презри мене, но совокупляясь с вои небесными, молися ко Владыце за мене, недостойного, унылаго, немощного и печального, во многия беды впадшаго, утружденного бурными помыслы ума моего. Аз бо есмь вертеп злых дел, отнюд не имеяй конца греховному обычаю, пригвожден бо есть ум мой земным вещем. Что сотворю, не вем и к кому прибегну, да спасена будет душа моя? Токмо к тебе, святой Иоанне, благодати тезоимените, яко ты пред Господем по Богородице вем больша быти рожденных всех, ибо ты сподобился еси коснуться верху Царя Христа, вземлющаго грехи мира, Агнца Божия, Егоже моли за грешную мою душу, да поне отныне в первыйнадесять час понесу тяготу благую и прииму мзду с последними. Ей, Крестителю Христов, честный Предтече, крайний пророче, первый мучениче, постников и пустынников наставниче, чистоты учителю и ближний друже Христов! Тя молю, к тебе прибегаю, не отрини мене от твоего заступления, но возстави мя, падшаго многими грехи, обнови душу мою покаянием, яко вторым крещением, понеже обоего начальник еси, крещением омываяй прародительный грех, покаянием же очищаяй коегождо дело скверно. Очисти мя, грехами оскверненного, и понуди внити, аможе ничтоже скверно входит, в Царствие Небесное. Аминь.

Часть третья

ПИСЬМА
СТАРЦА ИЕРОНИМА

*Поручая вас и себя особой помощи
Божией и покрову Богоматери
и святого Пантелеимона, остаюсь
ваш духовник Иероним*

К РОДНЫМ И ДУХОВНЫМ ЧАДАМ

Богом спасаемая любезная сестра Евдокия Павловна! Благодаря Бога, спасающего меня и покрывающего от всех бед, хотя я и не скучаю жизнью в Святой Горе, но скучаю о том, что о любимых моих не имею известия, живы ли все они и здоровы ли; чем более времени проходит в неизвестности, тем более скучаю. Может быть, Вы и посылали и много писем ко мне чрез прохожих, то они и по необходимости должны пропасть, потому что ныне разве десятый поклонник в Иерусалим может пройти; впрочем, да будет воля Божия во всем; еще и того не знаю, может быть, и мои письма к Вам не доходят, хотя я и часто к Вам пишу. Сие письмо я вручил для доставления Вам слепому Григорию Ивановичу моему дорогому, который обещался доставить Вам лично. Что касается до моей жизни здесь, то этот слепой, как человек благочестивый, расскажет Вам все подробно о нашем монастыре и обстоятельствах и о том, как приезжал к нам великий князь Константин Николаевич.

Спаситесь, спаситесь и о мне молитесь; достопочтеннейшей матери и старице нашей Ксанфире сообщите мое глубочайшее почтение, и его высокопреподобию отцу Луке, и честнейшему отцу диакону, а благословенным племянницам Анне и Надежде — мое благословение.

При сем, пожелав Вам всех благ, остаюсь всегда помнящий Вас грешный богомолец, Святой Афонской Горы Русского монастыря

духовник иеромонах Иероним

Р. S. От слепого получите двое четок перламутровых для благословения Анне и Надежде, и пять ложек, и неувядаемых цветов.

1845 года, августа 12-го дня

Любезнейшие родители Павел Григорьевич и Марфа Афанасьевна. Здравствуйте о Господе.

Извещаю вас, что и я вашими святыми молитвами благополучен, получил посланные от вас ко мне деньги — 55 рублей серебром, то есть пятьдесят пять целковых, за которые благодарю вас, а более не присылайте ко мне денег, потому что я не имею нужды в них, а если когда понадобятся, то я тогда буду писать к вам. Прошу вас, более имейте попечение о невестах Христовых, то есть о матери Ксанфире с ее детьми духовными Евдокиею, Анною и

Надеждою. Посылайте им все нужное для содержания, чтобы они не имели нужды телесной, а всецелый Бог за это благословит ваш дом всяким довольством.

Скорблю, что вы странных не принимаете, чрез это вы теряете много спасения, вы сами знаете, сколь велика эта добродетель пред Богом. Молю вас, принимайте странных, если не имеете в доме комнаты, то хотя в другом месте сделайте одну комнату для принятия странников. Мне очень стыдно было, когда я прочитал письмо от Григория Ивановича слепого.

Еще прошу Вас, любезный родитель, благословите внука своего Иосифа идти вслед Иисуса Христа. Он желает побывать в Святой Горе и видеть меня, не препятствуйте ему Бога ради. Сам Бог призывает его к высшей жизни, дайте ему на дорогу 200 рублей, — и довольно будет ему, и, которые люди будут идти в Иерусалим, с теми и он может идти в Святую Гору. Вам это покажется за чудо, что такой молодой человек пойдет в Афонскую Гору, но не дивитесь сему: сюда приходят и даже живут и десятилетние дети, а Иосифу теперь уже 19 лет, он без нужды может дойти к нам. Если он не захочет со мною жить, то я держать его насильно не буду.

Любезный братец Димитрий Павлович, по получении твоего письма я остаюсь покоен и уверен, что ты меня любишь и почитаешь, да благословит Господь Бог тебя, и супругу твою Елисавету Герасимовну, и новорожденное чадо твое. Письмо твое очень меня утешило, благородные чувства души твоей очень меня тронули, и я остаюсь благодарен Богу — Просветителю душ наших. Храни до смерти твоей благодарные чувства ко всем твоим благодетелям — это Богу очень приятно, вспоминай долговременные труды брата Ильи Павловича и не равняйся с ним, но почитай его, как отца, а Всецелый Бог, видя твое смирение и благодарность к большему брату, воздаст тебе и в сем веке, и в будущем.

Посланные вами ко мне деньги, 55 целковых, я получил и от отца Нифонта все вещи получил. При сем, пожелав вам всех благ, остаюсь с моею к вам искреннюю любовь и почитанием, всегда помнящий вас

иеросхимонах Иероним

Р. S. Прилагаю при сем письмо. Прошу переслать к сестре Авдотье Павловне.

1846 года, июня 6-го дня

*Афонская Гора. Русский монастырь
святого Пантелеимона*

[Племяннику Иосифу]

Бабушке твоей, а нашей родительнице скажи от меня поклон, а Димитрию Павловичу и супруге его — благословение, и брату твоему Иоанну, и сестре Анне, и прочим родным. Я хотел было написать письмо к дяде твоему Д. П., но, поелику он не отвечает мне на мои письма, потому я и не буду уже писать ему. Мир свое любит. Насчет раздела твоего я не пишу теперь ничего, потому что уже писал к тебе прежде сего, смотри сам, как тебя Бог вразумит, так и делай. Только старайся, сколько возможно для тебя, отрешайся от мира начисто, решительно — так Господь любит.

А что же ты в письме своем не упомянул о сестре Анне меньшей? Что, разве она уже не хочет жить в монастыре? Постарайся уговорить ее и скажи ей, что это Господу очень угодно, и что я благословляю, и, что всего более, что Сам Господь благословляет, в таком случае не надобно бояться искушений, когда Сам Бог помогает нам. Все временное — мечта, сон, грезы. Где ваши родители и как они померли и когда? В то время, когда и не чаяли и не ожидали смерти, а думали и, наверное, полагали еще долго здесь жить. Увы, горе душевной слепоте нашей! В таком случае поневоле скажем с Давидом: *Все всяк человек мятется, сокровиществует, и не весть, кому соберет я* (Пс. 38, 7). Когда будешь писать к сестрам, напиши им от меня благословение. Я буду писать к ним, да не знаю адреса, как прямо к ним адресоваться, напиши мне их адрес.

Прилагаю вам просительное письмо, простое и краткое, передай его друзьям твоим, пусть они показывают его своим знакомым — таким образом вы можете собрать что-либо. А если постараетесь, то можете при помощи Божией и побольше собрать. Апостол Павел не стыдился просить на иерусалимских христиан, потому и вам не должно стыдиться предлагать знакомым вашим для пользы иноков, живущих в пустыне афонской.

На написание икон для иконостаса, я думаю, вы найдете усердствующего благодетеля, Бог покажет вам его.

Любезный брат Дмитрий Павлович! Благословение Божие да будет с тобою и со всем семейством твоим.

Письма ваши я получил, благодарю тебя за уведомление, а еще более благодарю тебя за упование твое на Бога и за то, что ты в напастях не малодушествуешь, и не ропщешь на Бога, и благодаришь Его и что сердце свое не прилепляешь к текущему богатству. Я думаю, что вы все знаете верно, для чего Бог наказывает нас

то ужасными скорыми смертями, то болезнями, то пожарами. Что говорит нам слово Божие? *Егоже любит Господь, наказует, бьет бо всякаго сына, егоже приемлет* (Притч. 3, 12; Евр. 12, 6). Итак, не подумай, что Господь не от любви карает своевольных Своих детей, а единственно для того, чтобы исправить их и потом принять их к Себе на вечное блаженство и наслаждение. Что же с нами делать, когда мы сами не хотим добровольно спастись?! Забываем, что мы здесь на малое время определены пожить, как на постоялом дворе, а, напротив, живем на земли и прочим, как будто мы здесь будем вечны и никогда не умрем. Один любит богатство более Бога, а иной славу человеческую любит более Бога, а это-то и принуждает Бога лишать нас тех предметов, которые мы любим более Его, дабы мы обратили любовь к Нему и чрез то спаслись бы от вечной муки. Дай Бог милость Свою тем родным нашим, которых Он посетил огнем, да подаст им терпение в этом искушении.

Я писал уже тебе и просил, чтобы ты, брате, хотя понемногу прочитывал бы нравоучительные книги, послушай моего совета — это средство много поможет тебе ко спасению. Я не говорю, чтобы ты читал много, но хотя две или три минуты в день, и это для тебя будет полезно, а без чтения слова Божия не думай быть добрым, потому что заботы и хлопоты и разные ежедневные беспокойства сделают тебя мрачным, угрюмым, дерзким, или гордым, или робким и боязливым, а чтение слова Божия, хотя и краткое, но постоянное, сделает тебя неприметным образом человеком добрым, учтивым, мягким, обходительным, доброжелательным ко всем, даже и к врагам.

Милый и дорогой мой Димитрий, ты, конечно, помнишь мою любовь к тебе; итак, вонми моему конечному желанию, слушай совести твоей, не делай ничего против нее; в чем она обличает тебя, то поспеши исправить, не ослушивайся ее — и без труда спасешься; кто по совести все делает, тот счастлив и здесь, на земли, и там, на небеси, будет блаженствовать.

Благословенной родительнице нашей сообщи от меня сыновнее почтение, а супруге твоей и чадам — мое благословение; к Иосифу, крестнику моему, я теперь не пишу, потому что он должен быть теперь в путешествии, как он ко мне писал.

Черниц пристройте как можно скорее, купите им келлию, где они пожелают, чрез это Бог вас благословит. Сестра Евдокия худо делает, что не слушает матери Ксанфиры и не хочет с нею жить; им всем надобно жить вместе. Впрочем, воля Господня да будет со всеми вами!

Ваню, брата Иосифова, отдай в уездное училище; старайся о просвещении как твоих детей, так и о нем; вспомни, как я старался о твоём образовании, так и ты втори: это главное дело в нашей жизни, чтобы стараться просвещать и себя и других, особенно детей наших, за воспитание которых должны мы ответ отдать Богу.

Ежели хотите переслать ко мне на поминавание усопших, то пошлите на одесского купца. Адрес пишите так: в Одессу, почетному гражданину Якову Ильичу, господину Новикову, а его просите особым письмом, чтобы переслал к нам в обитель, так: в Афонскую Гору, в Русский монастырь святого Пантелеимона, русскому духовнику иеромонаху Иерониму (Соломенцову). Я его просил, что на его имя будут присылать к нам деньги, и он охотно взялся доставлять к нам, потому что ему удобно это сделать: он имеет в Константинополе лавку свою и сын его живет там постоянно.

Всем родным сообщите от меня благословение и брату Никандру Николаевичу. При сем, поручая всех вас Господу Богу и заступлению Царицы Небесной, остаюсь ваш брат и грешный богомолец

иеромонах Иероним

1848 года, августа 4-го дня

Святая Гора Афонская. Русский монастырь

Дражайшая о Господе родительница Марфа Афанасьевна и любезный брат Димитрий Павлович! Милость Господня да пребудет с вами вовеки.

Извещаю вас, что возлюбленный наш Иосиф Ильич прибыл благополучно и со всеми его товарищами или друзьями. При Божией помощи начинают жить по правилам Святой Горы и обители нашей. Благословен Бог, вразумляющий и помогающий нам ко спасению нашему. Не удивляйтесь тому, что молодые люди оставили мир и удалились в пустыню, а удивляйтесь лучше милости Божией, которая так богато излилась на них, и прославляйте за то Бога. Любовь Божия еще и более того делает.

Затем, пожелав вам спасения и здравия, поручая себя и вас милости Божией, остаюсь всегда помнящий вас грешный ваш богомолец

иеромонах Иероним

Р. С. Елизавете Герасимовне передайте от меня мое заочное благословение, равно и всем нашим родным.

1851 года, апреля 18-го дня

Святая Гора Афонская. Русский монастырь

Христолюбивая послушница Христова, любезная племянница Анна Ильинична!¹ Благословение Божие да пребудет с вами вовеки.

Извещаю тебя, что возлюбленный наш Иосиф Ильич из Иерусалима отправился на Синайскую гору и не ближе может возвратиться, как к сентябрю месяцу. Потому я, получивши письма ваши, рассудил до его прибытия известить вас о том. Благодарю тебя, возлюбленная, что ты написала письмо к нему по совести, благоразумно, все свои обстоятельства передавая попечению Самого Бога. По возвращении его к нам мы помолимся Богу и Всепетой, будем рассуждать, как лучше поступить в деле вашего обеспечения, чтобы в случае отлучки его от обители от обращения с людьми мирскими не развратиться бы ему. Вы знаете, что он еще очень молод, как ему теперь опасно явиться в Старый Оскол; впрочем, мы с общего согласия препоручим это трудное дело на разделку Божией Матери, Которой мы по Бозе вручили, и от сего времени будем мы молиться Ей о сем деле, и Она разделает это как нельзя быть лучше, только молитесь, а уж будет так, как нам полезно и Богу угодно, особенно если мы постоянно будем слушаться совести нашей, то тогда будем иметь в молитве особенное дерзновение. Молитесь и за Иосифа, да укрепит его Господь в страхе и любви к Нему. Благодарю Бога, что Он даровал вам терпеть друг друга любовью, немного потерпим и то при помощи Божией и за то малое терпение получим в награду вечную радость и покой на небе; молитесь и за меня, многогрешного и ленивого, во всем ленивого, но поминать вас я не ленюсь: всякий день поминаю вас, особенно когда служу Божественную Литургию. Хорошо молиться за родных, а еще лучше и Богу приятно, если кто молится за творящих ему пакости, за ненавидящих и обидающих его. Подражайте сему и вы, не ропщите и не смущайтесь на дядю Димитрия, что он вас притесняет и оскорбляет, а лучше молитесь за него ко Господу, да исправит его; и мы со своей стороны будем молиться за него и будем писать к нему и увещевать его, чтобы он делал по совести.

Поручая тебя благодати Божией и заступлению Пресвятой Богородицы, остаюсь всегда помнящий тебя, уневестившуюся Христу от юности твоея, твой дядя, грешный святогорец, недостойный

духовник иеросхимонах Иероним

1852 года, июня 4-го дня

¹ С 1872 года монахиня Лидия, с 1877 года казначея Борисовского монастыря, игуменья в 1886—1888 годах, по смерти матушки Маргариты. — *Примеч. сост.*

Подражательница Христова, возлюбленная о Господе племянница Надежда Ильинична! Милость Божия да будет с тобою.

Извещая письмами о себе матушку Ермингельду¹ и боголюбивую сестру твою, я за должное почел при сем написать и к тебе хотя несколько строк в утешение твое духовное, дабы ты не подумала, что я тебя не помню или пренебрегаю. Приими малое слово за великое, и по вере твоей будет тебе. Сказали отцы, что ничто так не успокаивает внимающего своему спасению монаха, как тайное самоукорение. Эта добродетель легко и скоро расторгает все сети вражиин. Воистину блажен тот, кто во всем сам себя осуждает, а других — никого. Итак, будем молить Божию Матерь, дабы Она испросила нам от Бога эту добродетель, без которой невозможно нам спастись. Прошу молиться за усердствующего тебе словом утешения и затем поручающего тебя и себя милости Господней и путеводительству Преподобной Богородицы, всегда помнящий тебя дядя и грешный богомолец на Святой Горе, недостойный

духовник иеросхимонах Иероним

Святая Гора Афонская

Русский монастырь святого Пантелеимона

1852 года, 4 июня

Возлюбленнейшая о Господе сестра моя, благодушная мать Ермингельда, и благословенные чада Христовы Анна и Надежда Ильиничны! Здравствуйте о Господе и со всечестною старицею вашею госпожою Ксанфиною. Благодать и милость Божия да будут с вами вовеки.

При сем извещаю вас, что мы получили ваши письма; прочитавши их, признаюсь, мы вашим стесненным состоянием растроганы были до слез, хотя ваша скорбь и весьма полезна душам вашим, потому что чрез это Господь удостоил вас высокой чести ради Него потерпеть недостаток необходимых вещей; и я мог бы требовать от себя твердого благодушия, но знаю, что слово Божие велит нам со скорбящими вместе скорбеть и с плачущими плакать. К тому же еще и ты, сестра, просила меня на этот раз отложить монашескую строгость, которой я и не имел. Потому я вполне принимаю участие в нашей скорби, вместе с вами скорблю и плачу и вместе благодарю Бога и молю Его, да дарует нам терпение, чтобы не пороптать нам на участь монастырскую. А что вы пишете, что все вы плачете

¹ Имя сестры отца Иеронима в иночестве. — *Примеч. сост.*

не ради Бога, а ради недостатка телесных потребностей и будто потому скорбь вашу или слезы ваши не принимает Бог, то эти мысли ваши несправедливы, их внушают вам бесы, чтобы вовлечь вас в ропот на Промысл Божий. Неужели вы забыли, для Кого пошли в монастырь — не для Бога ли? А когда так, то что бы ни случилось вам в монастыре претерпеть скорбное и неприятное или за что поплакать, то все это Господь примет, ибо многие скорби прилучается нам в монастыре терпеть, а в монастырь пришли мы ради Него. Не бойтесь, что вы не плачете о грехах своих, о которых надо бы плакать, а плачете по слабости природы о недостатках телесных потребностей, только хотя после благодарите Бога, что Он смиряет вас, и тогда скорбь и слезы те не погибнут, но послужат для очищения грехов ваших. Не дивно для нас и то, что вы при недостатке бываете немирны, это и у нас случается очень часто, особенно в посты. Такова наша природа и привычки: всегда хотим есть сладко, да еще и часто. Если не дадут нам так, как мы хотим, то мы делаемся немирными, иногда скорбим и ропщем, но благо в том, если скоро каемся.

Ваше состояние имеет извинение, но вы сделали большую ошибку, что не принудили Иосифа Ильича к разделу. Я со своей стороны писал к нему, чтобы он непременно разделился с дядею и чтобы вас обеспечил и тогда бы прибыл во Святую Гору. Но он этого не сделал, даже и письма моего не показал вам. Теперь он очень сожалеет о том. Что будем делать? Помолимся о сем деле ко Всеблагому Богу и спросим старцев наших и, как они рекут нам, так и сотворим, это дело требует наших общих молитв. Молитесь и вы за нас, и за Димитрия брата молитесь, и друг за друга молитесь и не отговаривайтесь тем, что так как ваши молитвы неусердные, то будто уже Бог не примет их, только молитесь. Иногда Иосиф Ильич вопрошает меня, что ему часто помысл говорит: «Ты молишься без усердия, потому не примет Бог твою молитву, лучше оставь, не молись». На это я говорю ему: «Хотя и без усердия, только ты понуждай себя молиться почаще, ибо наша молитва, то есть человеческая, и не может быть чистою и усердною, а усердие дается от Бога». Нам в молитве надо трудиться и бороться с дремотою, с леностию и с разными мыслями, ибо это наш труд, а, когда придет человеку на помощь благодать, тогда уже человек не ощущает никакого труда; если придут в молитве слезы, что тогда какой труд для человека? Тогда человек не трудится, а уже после труда утешается слезами. Ибо слезы — монашеское утешение, и оно не в нашей воле состоит, но в воле одного Бога. А молиться посильною

молитвою состоит в нашей воле; разными средствами Бог спасает людей, вот и я уже седьмой месяц нахожусь в болезни и в церковь не могу ходить. Благодарение Богу за это. Мои дорогие, есть за что потерпеть хотя и многие смерти, ибо все это есть временно, а то бесконечно — вечно.

О состоянии Димитрия брата вы не сомневайтесь, так скоро пропустить весь капитал невозможно, судя по его торговле, и описи домов не может быть, эти слухи все ложные, то же самое говорит и Иосиф Ильич. Разве он затратил капитал в постройку колокольни, это может быть, он к нам очень редко пишет, весь предался суете и притом думает, что он великие дела совершает, и даже некогда ему письмеца написать к нам. Увы нашей слепоте и невежеству! Сестра, я советую тебе взять свои деньги от него и положить в банк. При помощи родительницы ты легко можешь взять их у него. Около Пасхи мы известим вас, поедет ли к вам Иосиф Ильич или нет, я боюсь за его молодость.

Извещаем вас, что мы 10 января торжествовали освящение нового нашего храма Покрова Пресвятой Богородицы. Сушкин посвящен во иеродиаконны.

Простите. Поручая вас милости Божией и Всепетой Богоматери, остаюсь всегда помнящий вас грешный ваш богомолец

духовник иеросхимонах Иероним

С этою почтою я написал строгое письмо к Димитрию — требование от него, чтобы он впредь не стеснял и не огорчал вас удержанием денег, и назначил ему, чтобы он пересылал к вам деньги постоянно, но и определенно три раза в год: к Пасхе, к Успению и к Рождеству. Что-то он ответит нам на это? После я напишу к вам; может, Бог даст, он исправится и впредь не будет так поступать, а не то чрез Иванушку дело Бог исправит.

1853 года, марта 1-го дня

Возлюбленная о Господе преподобная матушка Маргарита!
Мир вам и спасение Божие.

Боголюбивая сестра, извещаю тебя, что я получил радостнопечальное твое письмо. Прочитав оное, я предался молитве и рассуждению; многие мысли и чувства наполняли мое сердце и сменяли одна другую, и я в то время чувствовал попеременно то печаль, то благодушие, покуда благодать не укрепила меня, напомнивши мне, что *любящим Бога вся споспешествуют во благое* (Рим. 8, 28), то есть

сиротство и бедность в мире почитается злом, но у Бога это добро и честно, потому что помогает нам к удобному спасению душ наших.

Итак, о преждевременной смерти Димитрия брата я не сетую, равно и о потере им состояния. Это Бог дал, Он и взял и опять даст.

Но что сказать о поведении нашего Иосифа? Увы и горе! Ты правду написала, что вы сделали великую ошибку: для раздела вызвали его из Афона и возложили надежду на него, а не на Бога. Я вас предупреждал, писал вам, что Иосиф не способен к делам мирским, и вы сами хорошо знали болезнь его, что он поражен ею. Как же вы так грубо забывались и не рассудили того, что если он удалится от меня и прибудет в Старый Оскол, то кого он там убоится и кого будет слушать? При мне он и поневоле был трезв, ибо боялся меня. Покуда он не получал от вас писем, потуда и не думал даже оставлять Афона, я очень не хотел отпустить его, но он предался печали, стал плакать день и ночь, говоря, что «черницы мои будут проклинать меня и я, если не поеду, то умру от печали». Потому я и нехотя принужден был отпустить его к вам и, предвидя от сего худые последствия, я, грешный, сетовал на вас за ваши письма; и вот теперь мы все вообще чрез то находимся в великой скорби, плачем и рыдаем. А спросить, что всему этому причиною? Не бессоветие ли? Вам должно было прежде посоветоваться со мною и согласно моему совету действовать, и поверьте, что тогда не попустил бы Бог сделаться ошибке. Но что делать, надобно молиться о нем, дабы помиловал его Бог; об этом я напомнил вам не для того, чтобы вы унывали, нет, но чтобы впредь вы были поосторожнее и без совета с духовными людьми чтобы ничего такого не делали.

Хвалю твой поступок в рассуждении твоего пострига, и впредь творите так же, и будет вам благо, ибо *во многом совете есть спасение* (Притч. 11, 14).

Недавно я получил от Иосифа письмо, в коем он жалуется на свои страдания, которые он терпит от расстройств семейных дел, но совершенно скрывает пьянственную свою страсть. Я отписал к нему, чтобы он все дела передал в опеку и, нимало не медля, ехал бы в Афон. Я известил его, что из Старого Оскола писали к его приятелям, что он худо живет, а потому я обличал его, что он скрывает от меня грех свой, советовал, увещевал и умолял, чтобы он воздерживался от многопития спиртов и, наконец, угрожал судом Божиим ему, если не послушается меня. Не знаю, что Бог даст: послушает ли моего совета или нет.

По совету твоему я просил Ивана Васильевича Хлебникова, чтобы он со своей стороны помог нашему семейству и также чтобы

помог Иосифу поскорее разделиться с сиротами и возвратиться в Афон. Молитесь — только Бог силен наши ошибки поправить; если Иосиф не послушает нас, тогда Бог Сам приищет средство вразумить его, а вы пока не переставайте упрашивать его, чтобы он не упивался допьяна.

О предложении твоём, хорошо ли ты живешь и как проходишь послушание, и о сомнении, и о немощи твоей со временем я напишу к тебе особое письмо, если, Бог даст, буду здоров, а покамест скажу тебе кратко: как тебе теперь Бог устроил, так ты и живи, не ищи лучшего, а, когда враг наведет на тебя скуку, тогда ты сама себе скажи, что «я, окаянная, не достойна такой высокой чести — служить в церкви, а глупую надежду на мнимые мои добрые дела вовсе оставь, а лучше надейся на заслуги Икупителя нашего». Это вернее всего, да если ты будешь благодарна к Богу, что Он призвал тебя в чудный Свой свет в монашестве, то это для Бога приятнее постов и поклонов. В твоём письме много выражено духовных чувств, которые очень утешили меня, унылого. Ты прежде этак не могла писать, вот что значит скорби, как они прекрасно нас обдeldывают; за все слава Премудрому Богу нашему.

Прошу вас молиться и за меня; передай от меня поклон уважаемой матушке Ксанфоре и мое благословение чадам Христовым Анне и Надежде. Утешай их, утешай, дай им прочесть сие письмо; я молю не унывать о брате Иосифе, но возложить упование на милость Божию, которой поручая вас и себя, остаюсь ваш грешный богомолец во Святой Горе Афонской

духовник Иероним

1856 года, сентября 25-го дня

Возлюбленнейшие чада Христовы Анна Ильинична и Надежда Ильинична!

Извещаю вас, что я получил письмо ваше, в котором печальная весть причинила мне душевное прискорбие, и не одному мне, но и многим друзьям покойника, которые с нетерпением все ожидали его прибытия во Святую Гору; но случилось иначе; так Богу было угодно, Который все творит к лучшему. И в этом тяжком и прискорбном случае для нас Бог оказал великую Свою милость тем, что хотя и не удостоил покойника умереть монахом, но то важно, что удостоил его умереть в покаянии, и это есть великая милость Божия, которая дарована ему пред смертью, и мы должны это чувствовать и за то благодарить Бога. Смерть Иосифа огорчила

меня, но покаяние его утешило; разумеется, если бы полезно было ему продолжение жизни его и возвращение его в Афон, то Бог сделал бы это, ибо Бог все делает к лучшему, а потому нам должно благословлять распоряжение Его.

Если Иосиф не мог обеспечить ваше телесное состояние, то Бог может обеспечить ваше не только телесное — временное — состояние, но и духовное — вечное. Только возложите ваше упование на Его милость, доверьте себя отеческому Божию Промыслу. Он Сам приищет средство к вашему пропитанию, а вы о том не заботьтесь много, а *ищите прежде Царствия Божия и правды Его* (Мф. 7, 33), то есть храните свою чистоту тела и души, не услаждайтесь мыслями блудными, почаще молитесь, не осуждайте людей, а сия вся телесная благая приложится вам, и чудным образом Бог пошлет вам все телесные потребности, только старайтесь быть смиренными и благодарными пред Богом и людьми. Если мы еще не стяжали в скорбях радоваться, то по крайней мере не будем унывать и предаваться смущению, и за такое терпение Бог помилует нас и спасет.

Я много утешаюсь вашим благодушием, и терпением, и признательностью пред Богом, и еще откровенностью ко мне, недостойному. Я о вас иногда плачу, а иногда радуюсь; когда вспомню скорби и злострадания ваши, тогда плачу, и, когда помяну, что вы, будучи во многих скорбях, не ропщете на Бога, а паче благодарите Его за то, тогда я радуюсь и веселюсь, ибо я твердо знаю, что вы этим приобретаете себе спасение. Не унывайте: Сам Господь печется о вас. Я поручил вас особому попечению Божией Матери, надейтесь на Нее: Она утешит вас; прибегайте к Ней почаще с сердечною вашею молитвою.

Уведомьте меня, как вы поживаете со своими старицами, открываете ли вы им ваши намерения и желания. Держитесь наставления Духа Святого, Который учит все творить с советом, и во многом совете есть спасение.

Благодарю вас, что вы поспешили возвестить нас о смерти покойного Иосифа, и мы здесь сделали о нем должное поминовение, и на самый сороковой день мы отправили о нем панихиду. Да будет ему вечная память. Имя его записано на вечное поминовение ежедневное на проскомидии и при чтении неусыпаемой Псалтири. И все ваши имена записаны.

Передайте от меня бабушке вашей Марфе Афанасьевне мой сыновний поклон, а прочим нашим родным — мое благословение. Затем, поручая вас и себя покровительству и путеводительству Пресвятой

Богородицы, остаюсь усердствующий вам словом утешения смиренный ваш богомолец на Святой Горе, в Русском монастыре святого Пантелеимона,

русский духовник иеросхимонах Иероним

1857 года, марта 27-го дня

[К сестре]

Письмо твое смиренномудрое я имел удовольствие получить и много утешиться оным, но не имел удовольствия скоро отвечать тебе на оное по причине моей отлучки из Святой Горы по делам монастырским. И хотя многократно духом моим скорбел о том, что я долгим моим молчанием прибавил к твоим скорбям еще новую скорбь, но пособить горю было невозможно — верно, так было угодно Богу, Который определил нам спастись терпением. Он же Сам и дает нам оное (разумеется, если просим).

Начал беседовать с тобою с терпения, желая сколько-нибудь утешить тебя и живущих с тобою, сам мало имея оного и зная, что обретающиеся в скорбях, услышавши от других слово «терпение», не утешаются этим, но иногда еще и оскорбляются тем. Один из великих старцев говорил нам о себе так. «Когда я, — говорил он, — жил с одним старцем в пустыни, иногда бывало, что от злых помыслов душа моя омрачится и наполнится скорбей и я весь делаюсь скорбен. Старец мой, видя меня в скорбном положении, начинает утешать меня, говоря: “Терпи, брате, терпи”, а я, бывало, за это разгневаюсь на него и скажу ему: “Не говори мне о терпении, горько слышать, а говори мне о награде”; в то время как только старец скажет мне: “Ну-ну, о награде буду говорить тебе”, мне тотчас сделается легко и радостно». Так, я думаю, и мне полезнее будет напоминать вам не о терпении, а о награде за него; и действительно, как и многие опыты доказывают, что ничто столько не облегчает скорбей, как ожидание от Бога награды, а потому, будучи в скорбях, полезно почаще вспоминать себе Господне утешение: *Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех!* (Мф. 5, 12).

Письмо твое наполнено духовным сетованием о недостатках твоих и нынешнего времени, об оскудении старчества. Это все хорошо и полезно, но о последнем я сделаю тебе замечание. Старицы добрые отчего бывают — не из послушниц ли добрых? А если не будет добрых послушниц, то откуда же будут добрые старицы? Итак, если оскудеют добрые послушники, то по необходимости оскудеют добрые старцы. Уже тот худой старец, который не хранит доверен-

ной ему от другого тайны — от этого бывают великие искушения. Ты, чадо Христово, в рассуждении сего прими от меня совет такой: пожелаешь иметь для себя старицу-советницу и во всем открываться ей, то прежде всего помолись Господу трижды, чтобы тебе не сделать ошибки в избрании старицы, а потом узнай верно, хранит ли та старица тайны чужие, и имеет ли дар рассуждения, и довольно ли опытна в духовной жизни. Если окажется, что та старица, которую ты вознамерилась избрать себе для духовных советов, имеет такие свойства, должно испросить благословение от матери игумении ходить к той старице на откровение, а без благословения игумении не дерзать, ибо, где какое дело в монастыре начинается без благословения, самочинно, там Бог не помогает, потому от бесчинного откровения мыслей другому часто случаются великие искушения. У нас здесь пристрастные откровения мыслей друг другу, а особенно молодым, вовсе запрещены, и престога. Если будем внимать себе, то, без сомнения, спасемся, ибо главное средство ко спасению души есть внимание себе, а не другим. Увы! Кто избавит нас от презорства? Мы привыкли присматривать за поведением других, а не за своим, отчего часто впадаем в тяжкий грех осуждения. Молю тебя, не имей дружбы с теми старицами, которые не имеют единомыслия с игумениею, хотя бы они казались и великими подвижницами, ибо если они возносятся и порицают распоряжения начальницы, то тут добра не ищи, ибо его нет, да и быть не может; это обыкновенно случается от самомнения и от любочестия, когда забираем самоукорение.

Не должно порицать распоряжений начальницы и в том случае, если она утешает или отличает молодых более, нежели старых, как это обыкновенно бывает, ибо так и должно быть; разумеется, в таком случае старые люди, не стяжавшие рассуждения, смущаются и ропщут на начальника. Эти немощи везде находятся, и к нам в пустыню они иногда заходят, а причиною тому не распоряжение начальника, а наше нерассуждение. И действительно, так мне случалось замечать и на самом деле. Однажды в праздник, по обычаю нашему, после трапезы пришли старцы, и я с ними к отцу игумену на поздравление его с праздником. Когда все сели по местам, тогда пришел туда же еще один старец престарелый и начал садиться на полу, на последнем месте. Игумен пригласил его сесть повыше, на это старец сказал со скорбью: «На высоких местах пусть сидят молодые, а я уже изветшал, как старая ветوشка, и недостоин того места; когда я был молод и правил монастырем, тогда я занимал первое место, а теперь в старости пренебрегают мною, как старую

тряпкою». Другой древний старец сказал ему на это так: «Нет, отче, не пренебрегают нас, старых, и не гнушаются нами, как старою ветошью, но поступают с нами точно так же, как поступают со старыми иконами, которые, если состареются, то не пренебрегают ими и не гнушаются, но с честью и благоговением переносят их с первого места и становятся назади — так точно поступают и с нами». Прочие старцы, услышавши такое здоровое рассуждение, весьма пользовались оным, сказав: «Воистину рассуждение есть свет, а нерассуждение — тьма». От сего утешительного рассуждения и скорбевший старец развеселился и утешился.

Видишь ли, как рассуждение избавляет нас от скорбей, а, напротив, нерассуждение бывает причиною наших скорбей и мучения. Может быть, ты теперь придумашь, что не всякий имеет рассуждение; на это я скажу тебе то, что потому не всякий имеет рассуждение, что не всякий просит оного у Бога, а если будет просить, то и дастся ему оное. Случаются у нас в обители дивные примеры для вразумления прочих и вместе с тем и страшные, особенно для вразумления своевольных молодых подвижников, которые доверяют своему сердцу. Если Бог даст, со временем я напишу тебе о том. Я желал бы, если это только возможно, чтобы ты все свои скорби объявляла матушке игумении для твоего утверждения. Ты просишь извинения, что не могла исполнить моего желания в рассуждении принятия в постриге имени святой Еввулы по причине исполнения воли духовной твоей матери — игумении; если бы сделала это по твоей воле, то я за это сделал бы тебе хороший выговор. Но поелику ты сделала это в исполнение воли старицы твоей — матери игумении, то я не только не скорблю за это на тебя, но еще и радуюсь, ибо я ублажаю тех, которые без прекословия исполняют волю отцов или духовных матерей своих; за это благо им будет и они прославятся во Царствии Отца Небесного.

Ты говоришь, что порученная тебе должность препятствует внимать богослужению — неправда, исполняя свою должность, ты этим служишь не человеку, а Богу; разве не слышишь и не понимаешь, что и сама вся Церковь молится за таковых, когда возглашает: *Еще молимся о плодоносящих и добро деющих во святем и всечестнем храме сем, труждающихся и поющих* — в надежде получить великую и богатую милость. Будь уверена, что ты исполнением этой должности служишь Богу и угождаешь Ему, только, сколько возможно с твоей стороны, старайся при сем обуздывать свое зрение, чтобы оно не присматривалось пристально к лицам красивым не только к мужским, но и к женским, и если когда случится,

начнет мысль вспоминать тебе виденное тобою красивое лицо, то ты как можно скорее вспомни распятие Господа и смерть свою, Страшный суд и муку вечную — таким образом можешь тотчас отгнать от себя скверную сладость греховную и всякое нечистое воображение. Чистая исповедь много способствует к приобретению чистоты мысленной; что касается до пропитания телесного, то я советую тебе о том не заботиться много, но возложить все упование свое на любящего вас Христа, доверить Ему, что Он Сам приищет средство для вашего содержания, при том заметь, что если ты в этом малом деле будешь верна, то есть поверишь Ему, что Он без сомнения пошлет тебе телесное пропитание, то и во многом будешь верна, то есть доверишь Ему, что Он дарует тебе Духа Святого, а вместе с тем и Царство Небесное.

Родительницу возьми к себе, и постарайтесь успокоивать ее, а о прочем говорится: *Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе* (Пс. 132, 1). Горькие опыты делают нас благоразумными и смиренномудрыми, что усмотрено в делах и кончине нашего Иосифа, ему же да будет вечная память. Слава и благодарение Богу, что Он даровал ему христианскую кончину и тем помиловал его и нас, а более вас — понимаете, к чему это сказано.

Извести тех стариц, которые прислали нам милостыню, что жертва их получена нами и имена их поминаются, при сем я прошу тебя впредь не делать сбора денег для нашей обители, но, если кто сам назовется и усердно попросит тебя переслать в Афон милостыню, в таком случае прими, а, как ты сказала, что многие имеют усердие помянуть в Афоне как себя, так и родных своих, в таком случае и я желаю утешить их. Кому угодно, пусть присылают имена, будем помянуть на проскомидии 40 дней и на бдениях, за одно имя 5 копеек серебром на 40 дней, а если один раз помянуть, то довольно за записку 5 копеек, хотя бы в ней написано было сто имен; в таком случае за утешение духовное потрудимся помянуть.

Затем прошу тебя передать от меня ее высокопреподобию матушке игумении Макарии поклон и почтение, равно и старице вашей достоуважаемой матушке Ксанфире, и благословенным чадам Христовым Анне и Надежде, и честнейшим старицам матушкам Палладии, и Рафаиле, и Елпидифоре. Поручая вас и себя милости Божией и покрову Всепетой, остаюсь служащий вам словом духовного утешения ваш богомолец на Святой Горе

русский духовник иеросхимонах Иероним

1857 года, июня 4-го дня

[К матери]

Чем я могу утешить Вас в Ваших многих скорбях и старости — не знаю и слов не могу придумать, которыми бы я мог хотя немного утешить Вас и тем облегчить Вашу горькую участь; и это от человека невозможно, но от Бога, для Бога все возможно. Он может утешить Вас во всех скорбях Ваших и здесь, на земли, а тем более на небеси, только потерпите до конца все Ваши скорби и без ропота, а скоро придет время, и все Ваши скорби, и болезни, и страдания окончатся и Вы возрадуетесь вовеки! Так сказал Сам Господь верующим: *«Придет время, возрадуется сердце ваше и радости вашей никтоже может взять от вас»* (Ин. 16, 22). Помните праведного Иова, что он пострадал, и все святые плакали и рыдали в жизни сей, а нам, грешным, чего же здесь ожидать или искать, неужели отрады и веселия? Это дано будет там, за гробом, тем, которые здесь страдали; все, что только с Вами случилось, то все допущено было от Бога. Не люди притесняют Вас, а Бог через людей испытывает Ваше мужество и терпение и Ваше благоумие; итак, смотрите, будьте осторожны, чтобы Вам не выпустить из уст Ваших какого строптивого слова на Бога, но за все скорби, напасти и за болезни Ваши благодарите Бога, ибо этим путем Он хочет Вас спасти и вечно прославить.

Итак, прошу Вас, будьте добры, веселы, не унывайте. Уповайте всем сердцем Вашим на милость Божию, на заслуги Христовы. Я всегда помню Вас и молюсь за Вас, а иногда и поплачу горько о спасении Вашей души. Я очень желаю, чтобы вы переселились в монастырь, но во всем да будет воля Божия. Я весьма радуюсь, что Вы принимаете советы возлюбленной нашей Маргариты. Да благословит Вас Господь вечным благословением.

Я живу по-старому, как и прежде жил, хотя здоровье мое слабо, однако могу ходить в церковь и при помощи благодати покуда исправляю мои должности. Число братии моей увеличилось, для этого я пристроил себе в помощники отца Макария (Сушкина), который, если Бог благословит, по смерти моей останется над русскими братьями настоятелем. Благодарю Господа, что Он послал ко мне на помощь такого благодатного человека.

Простите и благословите меня, любящего и почитающего Вас сына Вашего, грешного иеросхимонаха Иеронима. Не скорбите, что Вы не можете на земле, здесь, видаться со мною лично, а надейтесь на благодать Божию, что она удостоит нас за заслуги Христовы видаться в вечности, и не только что видаться, но в одном месте

и пребывать вечно в радостном славословии Пресвятой Троице, еже и да будет благодатию Христовою за молитвы Пресвятой Богородицы. Аминь.

Прошу передать от меня поклон и благословение нашим родным, а особенно благочестивой тетушке Анастасии Афанасьевне и прочим.

Поручая себя Вашим святым родительским молитвам, остаюсь с моею к Вам сыновнею любовью и почтением Афонского Русского Пантелеимонова монастыря

*русский духовник
иеросхимонах Иероним*

1857 года, декабря 2-го дня

[К племянницам]

Извещаю вас, что я получил письмо ваше, в коем вы объясняете скорби ваши, особенно о том, что покойный Иосиф не успел обеспечить ваше содержание и что некоторые родственники возненавидели вас по одному подозрению или из зависти. Что делать, надобно терпеть, это крест вам. Мир свое любит, а Божие ненавидит, но не смущайтесь и не ропщите на участь свою и на людей. Бог милосердия и щедрот и всяких утех помилует вас и спасет, только уповайте на Него и сохраните почтение к старшим вашим, особенно постарайтесь утешать престарелую вашу бабушку — общую родительницу нашу Марфу Афанасьевну, ибо она великую имеет нужду в утешении вашем; Бога ради прошу вас, исполните сию мою просьбу, и, я уверяю вас, вы за это получите от Бога великую награду; не оставляйте и не разделяйтесь от стариц ваших, но претерпите с ними до смерти их, и Бог за это не оставит вас и удостоит Царствия Небесного. Послушание возлюбите и уподобьтесь Сыну Божию, Который Сам послушлив был Отцу даже до смерти крестной, и послушливых любит, и вас за послушание ваше возлюбит, и прославит, и упокоит навеки; и любовь ваша, оказанная вами матерям вашим, по слову Писания, покроет множество грехов ваших. До сего времени вы терпели вкупе со старицами вашими и Бог помогал вам, и укреплял вас, и утешал; претерпите же до конца и спасетесь, ибо *претерпевый до конца — той только спасен будет* (Мф. 10, 22).

Мать Маргарита пишет ко мне, что она вами очень довольна, и я за это очень доволен вами остаюсь, мои дорогие. Да благословит вас Господь вечным Своим благословением. В вашем положении я принимаю живое участие, ибо вы мне вдвойне родные — и по духу,

и по родству, и я всегда чувствую, что я обязан, чем только могу, помогать вам и утешать вас, ибо вы по примеру нашему с ранней юности оставили мир и прилепились к Господу и ради любви Его терпите всякое зло и мучение от страстей. Истинно говорю вам, что, когда я читаю ваши письма, тогда сострадаю вам и столько чувствую ваши скорби, как бы мои собственные были, и в это время, кажется, отдал бы вам свое сердце, лишь бы только утешить вас. Действительно, жизнь монашеская есть многоскорбная, но и есть за что поскорбеть, если вспомним вечное блаженство. И ныне из нас *мнози глаголют: кто явит нам благая?* (Пс. 4, 7) Но, я прошу вас, вы уповайте на милость Божию, что она ради молитв ваших матерей спасет вас, и хотя бы вы чувствовали, что вы недостойно своего звания живете, но и тогда вы должны благодарить Бога, что Он удостоил вас призвать на святое и высокое монашеское житие. А за леность и грехи — себя осуждать, и укорять, и каяться, и надеяться от Бога спасения, а не ублажать мирского жития.

Известите меня, как сделан будет раздел имения, нашего дома и какое число денег выдадут вам; это хочу я знать не для себя — мне ничего не нужно, — а для вашей пользы; впрочем, как Промысл Божий распорядится, тем будем и довольны, ибо таким образом мы и Богу угодим, и себя успокоим, ибо весьма хорошо все случающееся с нами благо или зло приписывать Богу, лишь бы оно не зависело от нашей воли, а людей не обвинять. Желательно мне, чтобы уплатили сиротские долги, а особенно Александре Петровне, ибо эти деньги покойный дедушка ваш занимал. Очень жаль будет, если он останется в долгу; впрочем, во всем да будет воля Божия.

Теперь вы имеете книги отеческие, читайте же их поприлежнее, они просветят вас и мало-помалу, неприметным образом подвигнут вас впредь к добродетельной жизни. А если мы не будем читать отеческих книг, то и толку из нас никакого не будет. Ваша обитель многолюдная, а в многолюдном монастыре обыкновенно много бывает и любопытных новостей, и если вы будете внимать оным, то тогда некогда будет вам заниматься чтением священных книг или молитвою; новостям конца не будет, а жизни нашей будет конец; надо смотреть нам, чтобы не упустить время к покаянию, того ради хорошо не обращать внимания на новости, которые разоряют нас вконец. Блажен, кто не любит новостей и не любопытствует узнавать о делах других людей, таковой скоро исцелит свои душевные раны и достигнет любовь Божию. Ныне жалуются на недостаток старцев, а не жалуются на недостаток послушников, хотя всем известно, что старцы делаются из послушников; итак, если будете

истинными послушницами, то будете и истинными старицами. Легко говорить, но трудно делать. Некто из древних сказал, что люди на словах совершенны, а на деле далеки от таковых; из числа таковых и пишущий к вам; но да не обременю вас многословием; заключу беседу мою с вами желанием вам всех благ от Господа.

Русский духовник Иероним

1858 года, июня 11-го дня

Честнейшая матушка Палладия! Здравствуйте о Господе.

Сим настоящим моим писанием изъявляю Вам мою благодарность, что Вы почтили меня Вашим душеполезным писанием, которое принесло душе моей существенную пользу, и воистину ничего нет для нас полезнее, как все случающееся с нами приписывать попущению Божию, все устрояющему на пользу душ наших. Это путь к Богу самый удобный и прямой. И древние святые признавали за великое удобство ко спасению, чтобы во всем себя обвинять, а не других. Да удостоит Господь и меня шествовать по этому пути неуклонно.

Вы извещаете меня, что Вы часто сходитесь с сестрою Маргаритою для душевного утешения, это меня радует, тем более что Вы ближайшая родная незабвенных моих бывших друзей — покойных Василия Максимовича, Иосифа Максимовича и утешного отца Нектария; сладкая память дружбы моей с ними живет в сердце моем, которая с приятностию возобновилась при чтении Вашего письма. О, если бы Господь удостоил нас и в вечности вкупе с ними прославлять Его!

До получения Вашего письма я не знал, что Вы перешли в другой монастырь и лишения любимого Вами монастыря Вы приписываете правосудию Божию, праведно попустившему быть сему. Боголюбивейшая матушка, повторяю Вам искренне, что такое Ваше рассуждение или, лучше сказать, чувство не только утешило меня, но и удивило, ибо в нынешнее время редко можно слышать даже у нас, на Святой Горе, подобные рассуждения, а более слышны порицания друг друга и непщевания причин во грехах.

Извещаю Вас, недавно мы получили подарки Ваши, за это обитель благодарит Вас. Был ли у Вас иеромонах наш отец Макарий, которого я просил, если он будет в Вашем монастыре, то чтобы за благословение от нас дал бы Вам некоторые святогорские вещи?

При сем приветствую и Вас, преподобная матушка Рафаила, с высот священного Афона, пустынной келлии святых печерских

(где я временно проживаю пять дней в неделю, для поправления слабого моего здоровья пользуясь нагорным воздухом и отчасти безмолвием), монашеским поклоном. Прошу Вас передать заочный мой поклон и благословение знающим меня, в том числе монахине Медведкиной-Бирючинской.

Возлюбленные дети Христовы матушка Палладия и матушка Рафаила, смиренно прошу у вас прощения за медленность моего к вам ответа. Давно бы следовало мне отвечать вам на ваше письмо, но слабость моего здоровья до сего времени не позволяла мне сего сделать, теперь чувствую себя немного лучше. Я кое-как написал к вам, простите и не сетуйте на меня. Матерь Божия да утешит вас, Которой ныне у нас, на Афоне, празднуют память Архангелова пения пред честною Ее иконою «Достойно есть», что совершилось 11 июня. Простите и благословите! Прося ваших молитв, остаюсь почитающий вас грешный богомолец на Святой Горе Афонской Русского монастыря святого Пантелеимона

русский духовник иеросхимонах Иероним

1858 года, июня 11-го дня

Боголюбезные мои чада Анна Ильинична и Надежда Ильинична!

Извещаю вас, что я получил ваше письмо, коим вы утешили меня и успокоили в рассуждении дела тетки нашей Александры Петровны. Я не знал об этом деле ничего, а потому и написал к вам о том; благодарю вас, что вы не оскорбились на меня за это дело, вы сами понимаете меня, что я в этом деле искал пользы для душ покойников наших, но теперь, слава Богу, это дело развязалось и я остаюсь о том покоен. Да, правда, вам теперь трудно в рассуждении пропитания, и я, когда только вспомню ваши нужды, то прихожу в скорбное состояние, боясь, чтобы вы не роптали на Бога; молю Господа, да укрепит вас под этим крестом; сказано: *Многи скорби праведным, и от всех их избавит их Господь* (Пс. 33, 20). Так и вы, возлюбленные дети мои, потерпите немного и получите великую награду от Бога. На кого ни посмотришь, все страдают, хотя и от разных причин, ибо сказано: *Егоже любит Господь, того и наказует* (Притч. 3, 12), но придет время, и утешит вас Господь навеки! Еже и да будет вам.

Вы, мои дорогие, подумали, что я перестал вас любить и более уже не помню вас. Нет, Иероним помнит вас, сострадает вам, молится за вас и плачет. Вы, возлюбленные дети Христовы, от юности своей возлюбили Его, как же мне забыть вас? Нет-нет, я всегда

помню вас. Прошу вас и меня помянуть и молиться за меня. Скажите от меня поклон боголюбезной моей матушке Ксанфире и всем знающим меня. Поручая вас покровительству Всепетой, остаюсь любящий вас и всегда помнящий богомолец ваш на Святой Горе

духовник Иероним

1860 года, сентября 20-го дня

Святая Гора Афон

Русский монастырь святого Пантелеимона

Боголюбезная мать Маргарита! Здравствуй о Господе.

На посланные мои к тебе письма я не получил еще ответа; какая тому причина — не знаю; поспеши уведомить меня о причине твоего молчания. Настоящая причина, вынудившая меня писать к тебе, есть следующая: для монастыря нашего требуется две плащаницы, ценою каждая в 100 рублей серебром, шитые золотом по бархату, с обычными лицами, средней величины. Таковые плащаницы сего года мы купили в Одессе, в лавке, по 95 рублей серебром, но греки желают, чтобы слова или тропарь был вышит словами греческими. По этой причине я рассудил спросить у тебя, возьмутся ли в вашем монастыре за означенную цену вышить две плащаницы со словами греческими, с предстоящими лицами, но чтобы тело Спасителя не было возвышено, потому что здесь есть обычай во всю Светлую седмицу служить на ней Литургию; одна такая плащаница требуется для нашего монастыря, а другая — по заказу. Отвечай мне немедленно; будет нельзя это сделать, то мы спросим в других монастырях; для сего прилагаю при сем греческие слова; если возьмутся сделать, то в таком случае пусть немедленно начинают и я переishю к тебе деньги.

Как ты поживаешь, не охаешь ли все о должности? Опирайся о помощь Божию и будешь сильна. А как это сделать — беспрестанно мысленно говори Господу: «Помоги мне ради Тебя Самого». Некоторым я задолжал — не отвечал им; попроси у них за меня прощения. Матерям Палладии и Феоктисте, да и прочим — скажи им всем поклон, особенно матушке Ксанфире и племянницам Анне и Надежде Ильиничнам. Иконы для тебя начали писать; возвести о сем, кому следует.

Матушке игумении скажи от меня нижайший поклон и то скажи, что я браню тебя за ропот твой о должности твоей, о Господе укрепляйся и сама, и других укрепляй, и о мне еще молись; вот тебе тут помысл и скажет: «Эка какой щедрый на чужие труды».

Прости, мир тебе и спасение Божие, остаюсь помнящий тебя твой грешный брат на Афоне

духовник Иероним

1861 года, июля 12-го дня

[К монахиням Палладии и Рафаиле в Борисовский монастырь]

Ответствую вам на ваше письмо сочувствием страдательному состоянию вашего духа, которое ходатайствует вам в будущем веке нескончаемую радость. Таковое состояние, то есть унывное, печальное, досадное, сухое, тяжелое, на час даже отчаянное гораздо ближе ко спасению, нежели то состояние, которое изображено в евангельской притче у самонадеянного фарисея. И святые принуждены бывали говорить Богу: *Душа моя, яко земля безводная Тебе* (Пс. 142, 6). В таком случае говорит Исаак Сирин: «Скорбь ума восполняет недостаток деятельности смиренномудрия старца».

Вы много лишнего приписываете мнимому нашему совершенству. Вам известно, что Бог ведет ко спасению каждую душу верную, как Он Сам один то ведает, а потому и восходящие к совершенству не могут видеть своего совершенства и от того часто мучаются сомнением о своем спасении. А вы думаете, что победившие страсти живут в покое и не имеют скорбей — поверьте, что они более нашего скорбят, ибо состраждут страждущим, с плачущими они плачут. На днях один схимник открыл мне подобное сему сочувствие свое к пострадавшим, говорил: «Когда прошел слух о гибели русского парохода со многими людьми, тогда тяжкая скорбь поразила мое сердце и я два дня плакал и рыдал неутешно, как будто о гибели родных моих». Видите ли, как благодать делает нас не просто родными, а родными, искренне и крепко любящими друг друга, и даже за врагов заставляет плакать и просить у Бога спасения им. Но не подумайте, что и я достиг такого состояния, но от опытных слышал о сем и пишу вам для духовного утешения, а вы хоть один раз вздохните о мне ко Господу, ибо я имею великую нужду в молитвах других.

Недавно я получил письмо из Старого Оскола от Алексея Осиповича Хвостова, в коем он просит о поминовении брата его Сергия, но для этого лучше бы ему было прийти самому в Афон, но во всем да будет воля Божия. При сем остаюсь от юности моей уважающий вас, возлюбленных детей Христовых, недостойный на Афоне

духовник Иероним

1862 года, марта 23-го дня

Богоспасаемые возлюбленные о Господе дети Христовы и мои племянницы!

Извещаю Вас, что я получил письма от матери Маргариты, в каждом ее письме читаю описание о скорбях и страданиях, которые она с вами разделяет, и, как видно, она вполне сочувствует вам, жалеет, что не имеет возможности вполне облегчить участь вашу и утешить вас, особенно в тяжком и прискорбном обстоятельстве затянувшегося раздела вашего. Нередко она просит меня, чтобы я со своей стороны помогал ей утешать вас. Бог один знает, как я желаю утешать вас, но какое утешение принесет вам мое мертвое писание? Слово не есть дело — для вас требуется утешение на деле. Вы нуждаетесь теперь в пропитании, это и меня озабочивает, но средств материальных я не имею, чтобы хотя немного помогать вам, что и вам хорошо известно, но надеюсь на Промысл Божий, что Он пропитает вас, ибо Сам Бог сказал: *«Я не оставлю вас. Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, а сия вся приложится вам»* (Мф. 6, 33). Но если не имеется у нас такой веры, то надобно просить ее у Бога, потому что вера есть дар Божий. Впрочем, говорить легко, а делом испытывать это состояние очень трудно, только одна надежда на будущее утешение облегчает этот труд. В книге святого пророка Ездры написано, что Ангел говорил ему: *«Когда душа правоверная выйдет из тела своего, тогда она находит великое утешение в том сознании, что она с великим трудом победила искушение»* (ср.: 3 Езд. 5, 14—15, 22).

Вы и сами довольно знаете, что для Бога нетрудно окончить ваш раздел, но Он почему-то не кончает его. Мы просим Его о том, но Он не слушает нас и не исполняет прошения нашего. И это Он делает не просто, а с намерением, чтобы испытать нас, не будем ли мы роптать на Него, что Он несправедливо поступает с нами. Но мы научены словом Божиим, что без воли Отца нашего Небесного и один волос с головы нашей не упадет на землю, а потому будем понуждать себя по благодущию и все наши нужды и скорби поручать Богу. И то вам известно, что сверх сил [Он] не попускает человеку искушение. Будет время — Бог даст, и раздел ваш окончится; я скорблю о вас тем более, что вы принуждены долгое время проживать в мире, это для вас весьма вредно.

Господь да покроет вас от всякого зла, Он да укрепит вас и да просветит лицо Свое на вас. Сам Он непосредственно да утешит вас во всякой скорби вашей ради молитв Пресвятой Богородицы, покровительству Которой поручая вас, остаюсь сочувствующий

вам и всегда помнящий вас грешный дядя ваш и богомолец на Афоне

русский духовник Иероним

1863 года, марта 19-го дня

[К племянницам]

Извещаю вас, что я получил ваше письмо, из коего вижу, что вы и доселе еще страдаете о разделе, который, к несчастью, так долго затянулся. Но на все есть Промысл Божий, и это будет, наконец, вам на пользу, разумеется, если вы в этом вашем испытании окажете благоразумие и христианское терпение, за что и получите верную и вечную награду на небе. Но здесь Бог не оставит вас до зела. Хотя клевета человеческая и тяжка для перенесения ее, как терновый венец, но она полезна для наших душ, ибо она очищает тайные наши грехи.

Очень хорошо, что вы читаете книги назидательные — это наша главная утеха во всех наших скорбях.

Я сожалею, что Михаил противодействует вам — верно, он так наставлен от других; впрочем, я попытаюсь написать ему о сем. Он обещался на будущий год повидаться со мною, разумеется, если Бог даст, ибо мы часто многое думаем сделать, но мало на самом деле исполняем. Прошу вас, укрепляйтесь в терпении и не принимайте ропотных мыслей на Бога: Он знает лучше нас, что для нас полезнее, и Он недалече от нас. Придет время, за все ваши скорби получите награду вечную и блаженную. Иногда вы нам завидуете, что мы будто бы живем спокойнее вас и во всем обеспечены, а потому и безопасны и легко спасаемся; разумеется, вам так можно думать, не знаяши верно нашего жития и разных затруднений и искушений, но на это я вам сделаю одно замечание, а именно, что, по слову Писания, каждому человеку по силам его попускается искушение, в чем бы оно ни имелось, и к этому еще прибавлю то, что есть у нас еще так называемые тайные, внутренние кресты, которые иногда бывают гораздо тяжелее внешних крестов или скорбей. Итак, не лучше ли иметь здоровое суждение о сем. Враг наш имеет обычай скорби наши увеличивать, чтобы через то привести человека в ропот на Бога, а, знаяши это, мы должны ему противодействовать, то есть уменьшать скорби, а еще лучше и благодарить за них Бога, и это много помогает нам в скорбях наших.

При сем прилагаем письмо к рабе Божией Марии. Передайте мой поклон боголюбивой тетушке Александре Петровне и прочим.

Я молюсь о вас, мои о Христе всемилые, вселюбезные невесты Христовы, Коему и поручая вас, остаюсь ваш грешный богомолец на Святой Горе Афонской

духовник Иероним

1863 года, июля 21-го дня

Богоспасаемая сестра Маргарита. Мир тебе и спасение Божие!

Давно я не получаю от тебя писем, а потому и не знаю, как вы поживаете и доходят ли письма мои до вас. В этом году у нас много писем пропало на почте, и не можем узнать, каким образом. Теперь мы решились посылать письма в штемпельных пакетах; говорят, что таким образом будет вернее пересылка писем, а то марки как-то отлепливаются, и оттого письма пропадают.

У нас в монастыре все благополучно, слава Богу; братство постоянно увеличивается, теперь есть до 400 человек братий, русских более 200, а с тем вместе заботы наши более и более увеличиваются; в управлении братиею отец Макарий (Сушкин) помогает мне.

Здоровье мое непостоянно, и хронические болезни не оставляют меня; желудочные спазмы или судороги постоянно, и днем и ночью, беспокоят меня, также и прилив крови к голове хотя не в равной степени, но ежедневно посещает меня, к тому же и грыжи нередко огорчают сластолюбивое мое сердце.

Ежедневная моя жизнь разнообразна, не всегда одинакова, иногда я имею довольно времени для занятия в келлии молитвою, чтением и прочим, а иногда нет или очень мало: братия постоянно занимают меня вопросами по экономии, а более всего по исповеди. Так как у нас приобщаются часто, потому и исповедуются часто, к тому же и чужих много приходит за советами и для исповеди, а многие — для испрошения вещественной помощи, даже из мира многие приходят к нам просить милостыни, а более всего для бедных церквей просят ризницу, и мы издавна приучили их к сему. Из старых материй шьем ризы, подризники и епитрахили, воздухи и раздаем; хоть какую-нибудь дай ему вещь, а иначе не избавишься от просящего, а то он и целую неделю будет жить в монастыре да раза три в день будет приходиться к русскому духовнику, кланяться до земли и просить, и все таковые посетители требуют непременно лично объясниться с русским духовником. А о святогорцах нечего и говорить. Если у кого нет или ризы, или воздухов, или другого чего, то он, не обинуясь, прямо идет в Русский монастырь, отыскивает Иеронима и требует; если откажу ему, то он не обленится прийти в другой раз, и в третий, а то, пожалуй, и в десятый — хоть

чрез год, а уже выпросит; разумеется, если есть та вещь, которую он просит, то я не заставлю его во второй раз трудиться приходить для получения ее, но часто бывает, что нет той вещи, которую он просит, и тогда поневоле отказывают ему. Но они знают, что нам присылают из России эти вещи, а потому и терпят, покуда пришлют нам вещи, и они постоянно наведываются с вопросами. Для удовлетворения нужд этих рабов Божиих у меня много времени употребляется. Как только они услышат, что к нам корабль пришел из Таганрога и привез рыбу и икру красную, то вскоре явятся со многих келлий и со всех скитов старцы с торбами и с письмами для получения утешения.

Сплю я не тогда, когда хочу, а тогда, когда судороги попустят мне заснуть, а потому я не всегда могу заснуть до утрени, попытаю — раз, и два, и более ложусь, и, если судороги сильны, тогда я более хожу по келлии, для того и келлия моя сделана нарочно длинная — шагов десять. Много хожу, особенно ночью, иногда до того, что ноги и поясница заболели от ходьбы, а особенно подошвы, и тогда я рад бываю, если кто из братии придет ко мне побеседовать, тогда я не столько чувствую жестокость моей болезни. Иногда случается, что судороги не сильны, но и тогда все-таки не могу заснуть, по крайней мере тогда хотя могу сидеть, читать или писать.

В полночь у нас звонят на канон, или на келейное правило, а через час к — заутрене; тогда я иду в церковь к заутрене; от утрени я ложусь спать до поздней обедни, в это время я сплю, и то если судороги позволяют мне это, ибо нередко случается, часто в сутки ничего не засну, а иногда и двое, но это бывает редко, и тогда чувствую себя во время обедни слабым, выключая, когда благоуханно бывает силе благодати Божией совершаться в немощи моей; и часто на утрени и дремлю, и по причине моей великой лениности еще и не противлюсь дремоте, а иногда и желаю заснуть в церкви — вот как я подвигаюсь!

После обедни или принимаю гостей или поклонников, или иду осматривать экономические службы и заведения, которых есть довольно; посетивши больницу, побываю на гостинице, в поварне, в трапезе, в канцелярии, в живописной, в литографии, в типографии, в кожевенном заводе, в кузне, в слесарне, в ткацкой, в столлярне, в портной, в сапожной, на пристани и на огороде и прочее, и на это уходит около трех часов, иногда эту проходку делаем вместе с герондою, то есть игуменом, но более один я, потому что старец по старости редко выходит за монастырь. Потом я обедаю и после обеда опять принимаю гостей и поклонников, или братию,

или же мастеровых или с экономами занимаюсь и потом если чувствую расположение ко сну, то поспешаю прилечь, иногда засну и посплю, а иногда и нет по милости спазмов, в таком случае или читаю, или письма подписываю, или диктую писарям; в настоящее время писем из России присылают много с разными вопросами, и на все нужнейшие письма мне требуется диктовать, а на исповедь и своеручно отвечаю — что делать, иногда с пренебрежением пополам с крехтом и оханьем. А вы, может быть, думаете что я все делаю с благодушием? Нет. Нередко с удивлением спрашиваю сам себя: «Да как это я упал в этакую беду, оплелся таким огромным семейством? Сколько хлопот и забот, попечений, трудов, скорбей, болезней и бедствий! Ни средств, ни обеспечения». Иногда подобные мысли и добре подталкивают в сердце, а наиболее тогда, когда братья некоторые за все попечение о них воздают неблагодарностию, но в это время благодать отчетливо говорит внутреннему слуху: *«Не возноситеся глаголюще, что ямы или что пием или чем одеждемся, всех бо сих языцы ищут, вестъ бо Отец ваш Небесный и прежде прощения вашего, яко сих требует. Ищите прежде Царствия Божия и правды его, а сия вся приложится вам»* (Мф. 6, 31—33). И действительно, так обитель наша на опыте это видит. Слава Богу за все. Многие из братии моей много утешают меня своею богоугодною жизнью, и это много ободряет меня.

Теперь ты видишь, что я, будучи весь непотребен, больше ничего, как только куча навозная, прах и пепел, а иногда куда занесусь, как будто я нечто есмь, будто умнее дураков; иных учу, а себя не учу и поэтому выхожу первого номера лицемер, а ты еще по невежеству завидуешь мне в мнимых моих добродетелях, но теперь я уверен, что ты зависть свою переменишь на сожаление о мне. Истинно говорю тебе, не преувеличиваю, что я не вижу у себя никакого добра и не имею ничего такого, за что бы мне иметь надежду получить награду от Бога, одна моя надежда на милость Божию, на заслуги Христовы, более не имею, чем спастись. Горько и вместе сладко видеть себя обнаженным всякого добра. Трудно стоять среди страха и надежды, а надобно стоять; и самому себе верить опасно, ибо сказано: *«Надеющийся на себя падет падением дивным, а надеющийся на Господа, яко гора Сион, не подвижится вовек»* (Пс. 124, 1).

Раза три в неделю отец Макарий беседует со мною ночью часа по три, он своим благочестием много утешает меня.

Мать Иеронима в письме своем между прочим жалуется, что получает от чтения хороших книг утешение, но, по несчастия,

не имеет их. В настоящее время много издается журналов духовных, полезных, не худо бы было и ей получать их, хоть бы журнала два или три. Впрочем, мне пришла мысль попросить знакомых, чтобы они присылали вам их, а вы, прочитавши их, передавайте и другим для пользы. Мы получаем семь журналов духовных: «Творения святых отцов», «Духовную беседу», «Домашнюю беседу», «Христианское чтение», «Православное обозрение», «Душеполезное чтение», «Труды Киевской академии», а из газет — только одну «Северную пчелу», да получаем еще греческие три. Я покуда при помощи Божией почитываю довольно и днем и ночью, а без чтения очень скучно и вовсе не могу. Во всем я немоощен, и я немало удивляюсь другим, как они могут быть спокойны без чтения от прилогов разных худых мыслей. Я, если и на малое время оставляю чтение, и тогда страдаю от прилива злых мыслей, тут от праздности ума чего не придет на память, всякая чепуха и вздор лезут в ум, а, когда постоянно занимаюсь чтением, тогда и ум, и память бывают чисты и покойны.

Прошу тебя передать заочный мой поклон старице Ксанфире и благословение мое нашим родным племянницам. Затем, поручив себя и вас милости Божией и заступлению Всепетой, остаюсь любящий вас недостойный ваш брат на Святой Горе Афонской

духовник Иероним

1864 года, ноября 17-го дня

Добавление. По причине худой погоды почта наша замедлила, а потому письмо к вам осталось до другой почты, и я теперь имею время еще кое о чем написать вам.

Сего дня, 23-го числа, память святителя Митрофана, Воронежского чудотворца, у нас было архиерейское служение и стечения народа довольно. Бдение было в трех храмах.

Передайте матери Иерониме, что иконы, о которых она просила меня, посланы ей в октябре месяце, а вы ничего не хотите из Афона получить и ни о чем не просите. Просите и дастся вам!

Сего вечера один монах спросил у меня: «Отчего, отче, бывает с нами, что мы иногда тяготимся и скучаем этою жизнью, а умирать все-таки не хочется и даже боимся смерти?» Я сказал ему: «А сам ты об этом как рассуждаешь?» Он отвечал: «Я думаю, что по любви к телу мы не хотим умирать». Я отвечал ему, что думаю иначе. Недавно я, бывши в больнице и увидев там старца Александра слепого, спросил у него: «Вот, отец Александр, ты уже давно лишился зрения и, должно быть, очень скучаешь жизнью на земле,

может быть, и желаешь умереть и просишь о том Бога?» Он ответил мне так: «Ах, отче, прости, я не прошу смерти, не хочу умирать, боюсь». «Чего же ты боишься?» — сказал я ему. «Как же не бояться? Вот тут меня клопы кусают, и то мне показывается мучительно, а там, на том свете, может, будут кусать меня клопы-то не такие, а гораздо более этих. Так вот, батюшка, отчего я не хочу просить смерти. Как здесь ни тяжело, а все-таки лучше, нежели в аду, а если бы я знал, что на том свете будет лучше здешнего, то сейчас готов бы умереть», — отвечал отец Александр. «Итак, поэтому не смерть причиною нашего страха, а неизвестность судьбы за гробом», — сказал я вопросившему меня монаху, который предложил мне еще один вопрос такой: полезно ли будет заблаговременно домогаться получить извещение от Бога о надежде спасения? Я отвечал ему на это, что в Священном Писании есть на это указание — во Псалтири сказано в виде молитвы: *Скажи мне, Господи, кончину мою и число дней моих, кое есть* (Пс. 38, 5). И отцы о сем пишут, советуют просить у Бога извещения о спасении, но говорят: «Если ты благоразумен, то проси, чтобы это далось тебе не прежде смерти или близко пред смертью, ибо другие, получившие извещение заблаговременно, вознерадели». И то надобно знать, что которая душа не получила извещения, та во время исхода из тела много страшится и смущается, а это вредно для ее веры и благодерзновения. Впрочем, судьбы Божии непостижимы. Некоторые и из великих святых не получали извещения; может быть, для них оно и не нужно было, но для нас, грешных, оно весьма нужно. Благодать и милость Божия да удостоит нас оно. Аминь.

Боголюбивая N. N.! Мир Вам и спасение Божие.

Извещаю Вас, что я получил Ваше письмо, в коем Вы просите моего совета: на что Вам решиться — идти ли в монастырь или при доме родительском жить? Я советую вам в таком важном деле придерживаться наставления святых отцов, которые по внушению Святого Духа советуют желающему спасти свою душу иметь советника одного или по нужде двух, и людей опытных, получивших от Бога дар духовного рассуждения, а со многими не советоваться и не вопрошать каждого встречающегося, ибо это вредно.

Если Вы не имеете расположения жить в монастыре, то живите в доме родителей Ваших, ибо в древние времена христиане, решившиеся хранить девство, более проживали при своих семействах, так и Вы, живя при своем семействе, понуждайте себя исполнять заповеди Божии и получите желаемое. К тому ж, если б Вы и

пожелали пойти в монастырь, для этого надобно иметь и средства к содержанию себя, а без средств вам очень трудно будет жить в монастыре. Впрочем, в настоящее время много основалось женских монастырей общежительных, в которых и без средств жить удобно и хорошо. Но так как Вы не расположены к той жизни, то и не для чего о том много говорить. Я думаю, со временем опыт Ваш убедит Вас в необходимости удаления от мира или от предметов, угрожающих удобностию поползновений, как святой Исаак Сирийский сказал, что живущий среди мира человек, желающий сохранить свое девство, сколько бы ни был строг и внимателен к себе, но если близ него находятся предметы к падению, то враг при малейшей его дремоте удобно его низлагает. Читайте почаще писания святых отцов — они Вас просветят, и Вы скоро сами увидите, что следует Вам делать.

Что касается до скверных мыслей и хульных, которые особенно нападают на Вас во время Литургии, то об этом не смущайтесь, ибо явно показывают зависть врага; в таком случае Вы старайтесь презирать их и вовсе не обращать внимания. Это первое средство побеждать их. Вы не удивляйтесь, что на Вас часто нападает блуд, так и должно быть, только Вы не услаждайтесь им, а гневайтесь на него, и проклинаяте его, и почаще говорите ему, что «я имею Кем услаждаться, у меня есть Жених красивее всех на свете, Который любит меня чрезвычайно; я хотя и грешная, но Его невеста, ибо я с Ним обручилась. Он мой Бог и вместе и Жених душе моей, Его одного я хочу любить и Им одним услаждаться, Он моя радость, и веселие, и сладость, и упокоение». Таковые мысли очень скоро уничтожают плотскую любовь. Так как Вы решились ради Бога иметь жизнь безбрачную, то я нелишним считаю нечто сказать Вам о средствах к сохранению целомудрия. Сколько возможно избегать знакомства с молодыми монахами, даже и с черницами, не присматриваться к лицам, особенно к молодым, даже к женским, дабы избегнуть страстного впечатления, на свою наготу не смотреть без крайней нужды. Пищу принимать умеренно, на ночь и от многопития чая воздерживаться, ибо от него бывает излишнее скопление соков и истечение, а умеренное питание его очень полезно для духовной жизни. По постам исповедоваться и причащаться Святых Таин, что очень укрепляет и ободряет нас в духовной жизни.

15 августа 1866 года

Афон

Возлюбленная о Господе племянница Анна Ильинична.

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное из Старого Оскола от 13 января, в котором ты уведомляешь меня об окончании вашего дела с родными и притом просишь совета моего взять к себе в монастырь овдовевшую вашу сестру Анну и сомневаешься, как бы она не соскучилась в монастыре. Мой совет такой, что вы должны взять ее к себе, Бог поможет и ей и вам, а без скуки нельзя спастись никому. За скуку нас ожидает вечное блаженство. Неужели вы будете советовать ей опять искать мужа? Довольно она помучилась в замужестве своем, а теперь, в старости, надо пожить для Бога в целомудрии. Не сомневайтесь в богоугодном деле, Помощник — Сам Бог.

С Михаилом я переписки никакой не имею с того времени, как я написал ему выговор, строго обличил его, почему он не хочет сделать раздел по совести и прекратить тяжбу; за это он оскорбился и перестал писать ко мне, но Бог да управит ими, а я не имею нужды писать им, хотел бы для поддержки их в благочестии кое-когда написать им, но они сами не хотят этого; так пусть живут как хотят. Во исполнение твоего прошения я написал Ивану Васильевичу Головину, благодарил его за помощь тебе и при сем прилагаю карточку, подари ее, кому хочешь. Господь да благословит тебя, и да поможет тебе благополучно окончить развязку с миром, и да сохранит тебя от всех соблазнов.

Поручая тебя милости Божией, и покровительству Богоматери, и молитвам святого целителя Пантелеимона, остаюсь помнящий тебя на Афоне грешный твой дядя и богомолец

духовник Иероним

1868 года, марта 1-го дня

Христос воскрес!

Боголюбивая сестра мать Маргарита!

С прошлую почтою я писал тебе, о чем было нужно, как-то: о посылке вам святыни, вложенной в икону Божией Матери «Скоропослушница», а также о просимых тобою для монастыря мощах святого Пантелеимона. Чтобы об этом деле прежде посоветоваться с владыкою вашим, как это лучше сделать, минуя Святейший Синод, на все это я ожидаю от вас скорого ответа. Между прочим покамест ты сотвори нам одно послушание, а именно вот какое. Сего лета к вам явится одна женщина по имени Соломонида Аверкиева Лапина. Бывший ее муж у нас живет и уже пострижен

в мантию, который просил меня, чтобы я попросил тебя о ней, если возможно, чтобы пристроить ее в вашем монастыре, и я прошу тебя, постарайся о сем деле, найди ей старицу, она женщина еще молодая, крепкого сложения, может послужить и в черной работе. Бывший ее муж хороший монах, имя его — Карп, он экононом над лесом, и за старание ваше о жене его он будет вашим всегдашним богомольцем.

При сем прилагаю вам для прочтения душеполезную повесть о страхе Божиим, виденную нашим иеромонахом отцом Платоном. Вы, прочитавши ее, дайте прочитать матушке Иерониме. Затем, пожелав вам спасения и здравия, остаюсь помнящий вас грешный ваш богомолец

духовник Иероним

27 апреля 1868 года. Афон

Любезная сестра!

Я никогда не любопытствовал узнать от тебя, по какой форме исповедуются ваши монахини и сестры. Ибо опыт показывает, что очень немногие знают, как надобно пред духовником исповедоваться, хотя и напечатана форма генеральной исповеди, но мало кто знает ее, и она очень велика, а потому и не для всякого потребна, а потому вам хорошо составить краткую общую форму, подобную нашей, сообразную вашим обстоятельствам или образу вашей жизни, что было бы очень душеполезно, но не иначе как с благословения вашего владыки.

Мне желательно знать, как часто приобщаются в вашей обители монахини и сестры. Я даже не знаю и о тебе, как ты приобщаешься. В неделю один раз или два раза? Что всего нужнее для души, о том и мало пишем. Ничего более так не пользует нас в нашей жизни, как частая исповедь и приобщение Святых Таин. Потому понуждай твоих сестер к частому приобщению. Сначала они будут от сего дичиться и ужасаться, а, когда попривыкнут и ощутят от этого великое ободрение и утешение сладкое, тогда и сами будут желать почаще приобщаться. Так было и у нас: сперва наши боялись приобщаться раз в месяц, а теперь приобщаются каждую неделю, а постарше — три раза в неделю, и с радостью, а послушники — чрез две недели, а в посты и они раз в неделю.

Достоуважаемая матушка Палладия! Христос посреде нас!

Извещаю Вас, что я получил Ваше письмо чрез отца Мартирия, который прибыл на Афон 15 июня, но я с ним еще не видался.

Благодарю Вас за память о мне. Желаемую Вами икону постараюсь при Божией помощи прислать, а карточку мою при сем письме прилагаю Вам.

Правда Ваша, искушения многие и разные, малые и великие окружают нас, и постигают, и тревожат, и мучат, а заступающего несть из людей или помогающего, кроме Бога, но един всесилен и не оставляет уповающих на милость Его.

Боголюбезной матушке Рафаиле мой поклон. При сем чувствительно вспоминалась дружба моя с отцом Нектарием и с незабвенным моим Василием Максимовичем. Простите, что я не мог пред Вами утаить моей слабости: старых друзей не могу забыть. Очень жалею, что не имею возможности чем-либо поболее утешить Вас, только молю Господа, да Он имиже весть судьбами утешает Вас. Прошу передать мой поклон знающим меня, а более того прошу молиться за меня, грешного, поручающего себя Вашим святым молитвам. Затем остаюсь всегда помнящий Вас, недостойно живущий на святом Афоне

иеросхимонах Иероним

1868 года, июня 17-го дня

Возлюбленная о Господе моя племянница и духовное чадо!
Мир тебе и спасение Божие!

Ты опечалилась, что я в одном письме к матери Маргарите не приветствовал тебя обычным моим благословением и сочла это за знак моего негодования на тебя за то, что ты часто отлучаешься из монастыря. Нет, чадо Христово, ты ошиблась в мнении твоём, ибо я уверен, что ты без нужды не оставляешь монастыря своего. И мне ли тебя возненавидеть? Как это можно!? Сохрани, Боже, от этого. А это случилось просто: я подумал, что в это время ты была в Острогжске, а потому и не упомянул о тебе в том письме моем; прошу тебя простить мне эту ошибку. Чадо Христово Анно, Бог весть, как я люблю вас и что бы я ни сделал для вас, если бы только имел средства и возможность. Отселе, молю тебя, не сегуй на меня, ибо твоё оскорбление и слезы чувствительно тронули мое сердце, любящее вас. Мои дорогие, вы и до сего времени еще не уверены в моей искренней радостной любви к вам? Мать Маргарита передаст тебе 50 рублей, которые употреби на постройку келлии, а после сего, если Бог даст, еще пришлю тебе, что Бог возвестит.

Прости и молись за меня. Милость Божия да пребудет с тобою вовеки. Передай мой поклон старице Ксении и благословение

матушке Евпраксии. Затем остаюсь любящий и помнящий вас грешный ваш дядя

Иероним

Для утешения духовного приложил при сем карточку, снятую по приезду к нам архиерея русского Александра по его желанию.

1869 года, апреля 1-го дня

Ваше Высокопреподобие, достопочтенная мать игумения Максимила! Благословение Божие и Пресвятой Богоматери и честного Ее жребия — Святой Горы Афонской да будет с Вами и со всею честною обителию Вашою!

Сестра моя мать Маргарита и мать Иеронима, в письмах своих ко мне извещая меня о всеобщем свободном избрании Вас обителию Вашою в высокую должность игумении, при сем просили меня написать Вам что-либо в утешение духовное, так как Вы, руководясь благодатным чувством смиренномудрия, скорбите и плачете по причине возложенной на Вас великоответственной должности настоятельской. Хотя я не имею дарования духовного утешать других в скорбях их, но усердное прошение любимых моих заставило меня как бы в виде послушания им сделать то, что вовсе есть сверх сил моих. Прошу не счесть это за набор только слов: я действительно таков — словом невежа. У нас Утешитель в собственном смысле один только Бог, а потому написанному слову дать утешительную силу принадлежит Ему одному — Ему и молимся. Сам Он да утешит Вас во всякое время, к тому благопотребное, и, наконец, вечным утешением.

Итак, высокопочтенная мать, мне-то что же остается написать Вам в утешение Ваше духовное? Вы скорбите и плачете, боясь великой ответственности пред Богом за должность настоятельскую; я вполне разделяю с Вами эти страшные чувства, ибо они и меня нередко терзают. Правда, есть о чем скорбеть и плакать, ибо сказано: *Ему же много дано, много и взыщется от него* (Лк. 12, 48). Для немощных это громовые слова. Но что ж нам в таком случае надобно делать? Уклониться от креста искусно — беда, сделать преслушание — еще того хуже, потому что мы твердо и хорошо знаем, что оно — смерть душевная, начало и конец гибели рода человеческого.

В таковых случаях святые отцы в писаниях своих советуют так поступать: подражать Самому Господу Иисусу Христу, Который сказал: «Якоже Аз сотворих, и вы такожде творите» (ср.: Ин. 13, 34). *Более сея любви нет, да кто положит душу свою за други своя*

(Ин. 15, 13). Так и мы, когда будем постоянно помнить, что собственное наше спасение и усовершенствование души нашей находятся в искании пользы для других, а не для себя самих, то есть жить для пользы других. Тогда от свидетельства доброй совести часто будем чувствовать разные духовные удовольствия или утешения в самих себе. А что другие говорят, что будто бы в должности настоятельской находящийся человек не получает таких высоких даров от Бога, как свободный получает, то этому не должно верить. Священное Писание нам показало, что начальствующим ниспосылаются от Бога особые великие дарования Божии. Разумеется, если они живут по совести. Поэтому и нам, принявшим от Бога настоятельскую должность, не должно предаваться безвыходной печали по причине трудности исправления ее и своих собственных немощей, но во всем предаваться Тому, Который сказал, что *без Мене не можете творить ничесоже* (Ин. 15, 5). К этому, по опыту святых отцов, необходимым оказывается настоятелю иметь при себе верного друга — духовного советника, беспристрастного, рассудительного, а, где этого нет, там и правление душами бывает бедственно.

В знак памяти и благословения от Святой Горы и от нашей обители я посылаю Вам святую икону Божией Матери «Иерусалимскую», список с чудотворной, писанный на мраморной доске. Примите сию святую икону, препровождаемую к Вам от искреннего моего расположения и благожелания Вам получения от Господа всех благ даров Святого Духа, полезных для жизни временной и вечной, и укрепления в подвигах настоятельских, в приобретении в избытке плодов духовных для славы Божией и пользы чад Ваших духовных. Еже и да будет Вам благодатию Господа нашего Иисуса Христа ради молитв Пресвятыя Богородицы и святого великомученика Пантелеимона. Затем, поручая себя Вашим святым молитвам, остаюсь Ваш грешный богомолец

иеросхимонах Иероним

1869 года, июля 17-го дня

Богоутешаемая сестра матушка Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, и замечу тебе, что ты, кажется, поспешила очень скоро отказаться от твоей должности. Надо было если не год, то по крайней мере полгода повременить, пока новая игуменья попривыкла бы к должности, но, впрочем, ты хорошо сделала, что обещалась помогать ей, и помогай, чем только можешь. Матушке игуменнии при сей почте я посылаю письмо

и икону Божией Матери «Иерусалимской», писанную на мраморной доске. Матушке Иерониме пишу, чтобы она не скорбела об избрании ее в казначеи. О прочем я писал тебе. В Старый Оскол я послал иконы для нашей церкви и мощи святого Пантелеимона. Портрет мой, с крестом снятый и с архимандритом, послан к тебе.

Затем Господь со всеми вами, и милость, и благословение. Остаюсь помнящий вас

духовник Иероним

1870 года, февраля 6-го дня

[К ней же]

Полученное мною твое письмо причинило мне и утешение и вместе скорбь. Смиренномудрие твое утешило меня, а сомнение твое в моем к тебе расположении и любви опечалило меня. Хотя и привык я к несправедливым твоим упрекам, но мне жаль тебя, что ты понапрасну страдаешь, принимая вражьи прилоги, а сон твой если поверить ему, то он предвещает тебе если и скорби, то во всяком случае не чрез меня, то есть не от моего действия, а, может быть, с другой стороны или по причине смерти моей, потому что я здоровьем слаб стал и думаю, что скоро умру, и тогда, разумеется, тебе будет скорбно. Ублажаю тебя, что ты смиряешься, и радуюсь сему. А что ты написала, что потерпим и Бог возвестит старцам, на чьей стороне правда, это сбудется скоро и со мною и с тобою, и тебе возвестится, что ты по вражескому внушению заподозревала меня в охлаждении к тебе. Увы нашему непостоянству или малодушию! Если ты побеждаешь благим злое, то ты и здесь прославишься, и в вечности. Пусть злословят нас, пусть поносят, пусть клеветуют, лишь бы мы не воздавали им тем же, а без этого и спастись невозможно. Так надобно этому быть, чтобы нашими немощами нас же и совершенствовать. А без сего мы и не познаем себя самих; если не унижим себя, то не можем и смириться, а если не смиримся, то и не спасемся. Это верно, да очень трудно, а без помощи Божией и вовсе невозможно, но просите, говорит, и дастся вам.

Саломайдуну не пускай в мир — это вредно для нее, а скажи ей, пусть она эти 30 рублей считает за тобою. Заочное мое благословение передай возлюбленным нашим племянницам и поклон нашим Хвостовым и Тихоновым. Молю тебя, моя дорогая, не гневайся на меня за Мариониллу, если я не утешаю ее, то польза вам. Ты должна быть уверена, что я не могу ничего писать ей вредного для тебя, но если она не исполняет моих советов, то Сам Бог поправит ее,

как Сам знает, а наше дело — врагов любить и клянуших благословлять. Григорий писал, что Михаил хочет побывать на Афоне.

Прости, молись за меня. За нездоровьем не выхожу из келлии. Господь с тобою и со всеми вами. Остаюсь любящий тебя брат твой

духовник Иероним

1870 год

Богоутешаемая сестра матушка Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие!

Получил твое письмо, посланное 4 марта, в коем ты извещаешь о благополучном получении моего письма и просишь у меня прощения в несправедном твоём сделанном мне выговоре. Бог да простит тебе этот грех, и я прощаю. Благодарю Господа, что ты успокоилась и желаешь остаток своих дней провести в удалении от многотрудных попечений начальнических, за которые и ответ на суде Божиим велик потребуется.

«Скоропослушнице» празднуется 9 ноября, у нас есть ей служба печатная, я пришлю вам ее вместе с другими вещами, которые ты просила, чтобы прислать тебе. Евпраксии икону, если Бог даст, пришлю.

Благодарю тебя, что ты придержишься мирного духа в рассуждении Мариониллы. Господь Сам умиротворит ее. Я и ей написал изречение святого апостола: *«Аще возможно, еже от вас, со всеми мир имейте»* (Рим. 12, 18) и святыню, а кроме сих никтоже узрит Господа». Слово это страшное, а потому нам и очень нужно понуждать себя, чтобы ко всем быть в мирном расположении нашего духа, что благоприятно Господу.

В настоящее время у нас гостят господа Сушкины: отца Макария брат Петр Иванович с сыночком и племянником его, Василия Ивановича сыном. После Пасхи отправляются в Иерусалим.

Скажи поклон от меня нашим племянницам. Поручая вас и себя милости Божией, и покрову Богоматери, и молитвам святого Пантелеимона, остаюсь твой брат и грешный богомолец

духовник Иероним

При сем приложено 50 рублей.

От 28 марта 1870 года

Христос воскрес!

Боголюбезная матушка Палладия, извещаю Вас, что я получил Ваше письмо, в коем Вы выразили скорбные чувства благочестивого

Вашего духа о современных печальных обстоятельствах, окружающих Вас, и о Ваших немощах и лишении тишины, к тому ж и о тяжком кресте, ежедневно претерпеваемом Вами чрез сожительство с родною сиротою. Простите меня, достоуважаемая мною мать, все эти скорби, претерпеваемые Вами, благодушно ободрили мой унылый дух, что Вы, вися на кресте, еще алчете и жаждете праведности. Да, этот истинный путь монашеский, чтобы во всем видеть и чувствовать себя недостаточным и только утешать и ободрять себя упованием на милость Божию. Что Вам сказать о Вашей тишине? Я не имею ее, и давно-давно, а вместо нее у нас в попечении польза ближнего, которую закон нас обязывает искать, и только ее одну, — в том поставляется и усовершенствование наше.

Благодарю Вас, что Вы помните меня, недостойного, и мы поминем Вас. Прошу Вас передать мой заочный поклон честнейшей матушке Рафаиле.

Простите, прошу молиться за меня, грешного. Остаюсь помнящий Вас на Святой Горе грешный Ваш богомолец

иеросхимонах Иероним

1870 года, мая 15-го дня

Святой Афон. Монастырь Русик

Боголюбивая и Им спасаемая и утешаемая вселюбезная моя сестра матушка Маргарита!

Мир тебе, благословение и спасение Божие!

Получил твое письмо, в коем ты извещаешь меня о получении моих писем. Благодарение Господу, что ты получила их исправно. О племянниках я писал к тебе, что следовало. Григорий, говорят, исправился, дай Бог. Но они не по-моему распорядились насчет покупки квитанции: наняли какого-то наемщика, истратили до 350 рублей и ничего не сделали, а лучше бы было сделать по моему совету, купить квитанцию и успокоиться. Но Сам Бог да благоустроит их, а я уж более об этом деле толковать с ними не буду. Деньги за плащаницу вы получите из Тулы.

При сем прилагаю на нужды твои 50 рублей. Прошу передать заочно мое благословение племянникам нашим и прочим знающим меня. Затем, поручив себя и вас милости Божией и покрову Божией Матери, остаюсь ваш грешный богомолец

духовник Иероним

1870 года июня 5-го дня

Святая Гора Афон. Монастырь Русик

Богоутешаемая сестра матушка Маргарита!

Благословение Божие да пребудет с тобою!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо. Прошу тебя поговорить с матушкою игумениею вот о чем. Меня просил один русский чиновник, консул, что нельзя ли в вашем монастыре пожить его жене один год для опыта, ибо они бездетные и желают быть монахами оба, и если ей понравится у вас, то она и совсем останется у вас; она, говорят, очень добрая женщина. Этот консул живет в Солуни, он наш приятель, и когда узнал, что у меня есть сестра в монастыре, то он просил меня, чтобы написать к тебе о его жене. Может быть, ей у вас и понравится. Он определяет ей на содержание 300 рублей серебром. Прошу тебя, по получении сего письма не медли известить нас; он теперь гостит у нас до марта. Вопросы матушку игумению, и, что она скажет о сем, то и напиши мне.

У нас, слава Богу, все благополучно. Передай мой поклон Анне и прочим. Остаюсь твой грешный брат

духовник Иероним

1871 года, ноября 27-го дня

Святой Афон

Монастырь Русик

Преподобнейшие матушка Палладия и матушка Рафаила!

Мир вам и спасение Божие!

Имел утешение получить ваше письмо; оно утешило меня воспоминанием сладких моему сердцу имен друзей моей юности.

О заказе двух плащаниц я писал вам не потому, чтобы в них имелась нужда, а единственно для того, чтобы предоставить вам некоторую пользу, и просил, чтобы работа и материал были гораздо ниже прежних, а если вам это неудобно или невыгодно, то прошу не стесняться и прямо сказать мне, что для вас эта работа не полезна. Вы сделали хорошо, что ясно написали, что по 100 рублей такая работа невыгодна для вас, но я не такой работы заказывал, но гораздо ниже прежней, лишь бы слова были по-гречески сделаны. Итак, если для вас это невыгодно, то передайте о сем матери Маргарите. При сем прилагаю вам милостыню на ваши нужды 25 рублей.

Прошу молиться за нас. Затем остаюсь помнящий вас на Афоне

духовник Иероним

1873 года, декабря 22-го дня

Боголюбивые матушки Палладия и Рафаила!

Примите Бога ради прилагаемую при сем вам милостыню и помолитесь, дабы Господь даровал благополучно нам отделиться от греков, ибо они очень стали притеснять нас, а мы просим патриарха, чтобы он дал нам особое место для постройки нам своего, русского монастыря, но еще не знаем, что Бог даст нам, а трудно стало жить с ними.

Простите и помолитесь о помощи нашему делу. Затем остаюсь благоговеющий к вам

духовник Иероним

1874 года, июля 15-го дня

[К матушке Лидии]

Извещаю тебя, что я послал с Василием Дорофеевичем Гонским во благословение и духовное утешение тебе святыню — крест, в котором вложены частицы святых мощей, и прошу тебя по получении известить меня о сем. Я давно желал утешить тебя подарком священным, и вот Бог послал верный случай для исполнения моего желания, и я им воспользовался, а это случилось до получения письма от матушки Маргариты, в котором она написала мне, что ты по прочтении письма моего (в коем я не написал тебе поклона и благословения) плакала и говорила, что я забыл тебя. А вот видишь ли, это попущено на пользу нам, чтобы мы и малые случаи приписывали бы Промыслу Божию, Который отечески нежно печется о нашем спасении. Теперь, я думаю, ты уже не будешь более помышлять, что я мало помню тебя. А к этому я еще спрошу тебя, моя дорогая и незабвенная, кого же мне более помнить из земных, как не тех, которые мне вдвойне родные — и по духу и по телу? Но иногда случается, что я очень поспешаю писать к матушке и самые краткие письма и при том думаю, что она такого ничтожного письма и не покажет тебе, а если это делается иначе, что она показывает тебе каждое мое письмо, в таком случае я уже буду впредь, если Бог поможет, в каждом моем письме поминать и тебя, как благоговеющую к моему грешному благословию. Я уверен, что ты помнишь меня и молишься о мне.

Затем, поручая тебя и себя великой милости Божией, остаюсь всегда помнящий тебя на Святой Горе твой дядя, слабый и дряхлый

духовник Иероним

1875 года, января 24-го дня

Преподобнейшая матушка Лидия! Благословение Божие и наше отеческое да пребудет с тобою вовеки!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное из Остро-гожска, и заметил содержание его. Я писал вам от 25 апреля и другое от 18 июня, и на эти письма я не получил от вас ответа, а на прежние мои письма, которые я писал вам зимою, в феврале, на те я получил от вас ответ, что вы получили их исправно, а эти последние два письма, надобно полагать, похищены. Что делать? Терпение! В такое время смутное нечему удивляться. Хотя у нас, на Афоне, и спокойно, но вдали за Афоном — война и многое смущение. Долго ли это продлится, один Бог весть. В таких обстоятельствах с этого времени я буду посылать вам письма страховыми, этак будет вернее.

Здоровье мое за ваши молитвы теперь хорошо, только от старости слабею; впрочем, в церковь еще хожу и братию исповедую.

Матери Маргарите напиши, чтобы она удержала деньги за икону святого Георгия на свои нужды. Доски кипарисные для престола я послал ей, также и ладану; впрочем, я и сам напишу ей о сем. Благословенной моей дочери Марии Ильиничне скажи, что я помню ее, день и ночь поминаю и молюсь о спасении ее и чад ее. Анне Ильиничне скажи вот что: как она постится, пусть так и трудится для спасения своего, это хорошо, и благословенно ей это дело. Да укрепит ее Господь. Приветствуй ее от меня, помнящего и любящего вас.

Духовник Иероним

3 июля 1876 года

Монастырь Русик на святом Афоне

Преподобнейшая матушка Маргарита!

Мир тебе и спасение и всем сестрам вашим!

Наконец, слава и благодарение Богу, и нам Он даровал мир, хотя и много мы претерпели страшных клевет и угрозений, но от всех зол и бед нас покрыл Господь ради молитв Матери Божией и святого Пантелеимона. Теперь как война прошла, то мы опять по-прежнему можем иметь переписку. Я посылал тебе письмо, ответ на твое, но не получил на оное ответа; вероятно, и твое письмо было перехвачено правительством, потому что все наши письма задерживали и читали, некоторые возвращены нам, а прочие пропали. Прошу тебя, по получении сего письма поспеши известить меня о себе и о твоих обстоятельствах, а мое здоровье хотя и слабое, но, слава Богу, еще хожу в церковь и братию исповедую.

Новый наш монастырь разорили на Кавказе, думаем строить снова, на другом месте, дальше от моря, или на Кубани, там обещали дать нам 1000 десятин земли. Отец Арсений наш хлопочет теперь об этом деле.

Теперь хотя и прошла война, но мы еще не знаем, как будем жить на Афоне, ибо греки нас не любят и во всем стараются притеснять русских. Но Божия Матерь покрывает нас, и турки не притесняют нас. Теперь хотим послать в Россию корабль за хлебом и рыбою.

Зима у нас, на Афоне, была средняя; снег выпадал, но скоро таял внизу, около моря, а повыше снег пролежал недели три. А у нас розы цвели до Рождества, а нарциссы и гиацинты цвели во всю зиму. Миндальные деревья цветут с января. И так мы, благодаря Бога, во время войны большой нужды в пропитании не имели, хотя и денег у нас не было запасено, но греки за хорошие проценты давали нам займы. Таким образом, мы могли и всем бедным раздавать хлеб, которые приходят по воскресеньям человек по двести. Во всем Господь нас удовлетворил, за нами благодарность. Много и премного Господь в эту войну оказал нам Свой дивный покров и во всем помощь, и мы не знаем, как и благодарить Его, и Его Пресвятую Матерь, и святого Пантелеимона.

Просим вас молиться за нас. Отец Макарий посылает вам свой поклон.

Кланяюсь матушке Лидии. Прошу передать мой поклон матери Палладии, и Рафаиле, и старицам Тихоновым, и прочим знающим меня. Это письмо я пишу ввечеру под твой старый или первый Ангел святой Евдокии, с коим и поздравляю тебя, ибо нам не должно забывать святого Ангела крещенского, а ему надо праздновать, хотя и не телесно. Затем, поручая себя и вас милости Божией, остаюсь всегда помнящий брат ваш

духовник Иероним

1878 года, марта 1-го дня

[К ней же]

Воистину воскрес! И я, немощный, удостоился сим отвечать на полученное мною твое письмо прежде святой Пасхи, принесшее мне ангельскую весть: *Христос воскрес*, потому что письмо твое получено на Вербное, и вот я поспешаю написать вам ответ на ваше благожелание тоже вперед святой Пасхи, ибо пароход придет завтра, то есть в Великую среду. Примите и второе мое поздравление

с великаторжественным праздником всерадостного Воскресения Христова, да дарует Он вам и встретить, и провести [праздничные дни сии] во благоугождении ему.

Радуюсь, что вы живы и здоровы. Слава Богу, что заказные получены исправно. При сем письме посылаем вам ящик книжечек малых, 370 штук, и одни четки хорошие, сердоликовые, как ты и просила, и еще десять четок померанцевых, или неранжевых, из молодых плодов, одни четки из каменной соли, одни перламутровые, одни тисненные, двое сердоликовых мелких, три фунта ладану. Хорошо, что ты написала о дочери брата Александра Никифоровича. Я его очень любил, и, прошу тебя, помогай ей, а ее я не разобрал, кажется, Ольдемира, но в святцах я не нашел этого имени.

Матушку Лидию благодарю за чулки, кстати они пришлись, ибо в это время у меня нога болела и такие чулки требовались, а здесь таковых ни за что не найдешь, и за закладки тоже благодарим, они служат для воспоминания о вас.

Прошу передать моим незабвенным мой поклон и поздравление: матушке Лидии, матушкам Палладии, Рафаиле, матушкам Раине, Анфии, слепой Ольдемире и всем знающим меня.

Затем остаюсь любящий и помнящий вас на Святом Афоне грешный

духовник Иероним

Отец архимандрит помнит вас и всегда поминает в служениях своих и теперь кланяется вам и просит ваших молитв.

Отец Иоанникий (бывший Кузмичев) отправился в Россию по послушанию.

Мне что-то пришло на мысль узнать, какие есть в вашей обители частицы святых мощей женских лиц, ибо некоторые у нас имеются и можно из них подарить вашей обители; впрочем, это я отдаю на твое старческое рассуждение — если это послужит во славу Божию, то и да устроит тако Господь. Ты помнишь, что твоя старица просила у меня святых мощей, но я ей отказал, а только послал вам малые частицы. Если это Богу угодно, то, пока я жив, могу вас и всю обитель вашу утешить сим духовным утешением.

1879 года, марта 18-го дня

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твои письма, в коих ты объясняешь твои или ваши нужды и недостаток насущного хлеба для ваших

нищих. Что сказать тебе на это в утешение? Слово Божие говорит: *Щедр и милостив Господь, пищу даде боящимся Его* (Пс. 110, 5). Вероятно, даст и вам имиже весть судьбами. О часах я не знаю, что сказать тебе. Это вещь многоценная, обаче *верующему вся возможно* (Мк. 9, 24), сказал Господь; если это для вас полезно, то Бог пошлет это вам. Терпите и веруйте, а там что Господь даст.

Здоровье мое поправляется, а скорбей и у нас вдоволь. За все слава Богу.

Духовник Иероним

[К ней же]

Получил твои письма, и все ваши посылки мы получили. Верно, что было писано, то все мы получили и благодарим за оные, и все те благодарят, кому было прислано. Благодарю за портрет. Прошу тебя поблагодарить за нас тех, которые прислали нам от своего усердия разные вещи, особенно чудесные закладки для Евангелий, шапочки, чулки и прочее. Утешь их нашим поклоном и памятью о них в обители. Слава Богу за все и за то, что ты сострадаешь страждущим. Много есть у тебя скорбей, но от всех их избавит тебя Господь, ибо Он наша надежда.

Наш монах Алоний просит тебя обратить внимание на его сестру.

Духовник Иероним

[К ней же]

Получил твои письма и спешу ответить тебе на оные. И я очень жалею о лишении вашем такого доброго вашего пастыря, который всегда вас утешал в скорбях ваших, и наставлял на путь евангельский, и сочувствовал вам во всех нуждах ваших. Это ныне редкость есть, но *любящим Бога*, сказано, *вся споспешествуют во благое* (Рим. 8, 28). Правда, такие перемены бывают очень тяжки.

Прочитал я и стихи ваших питомиц, все это хорошо — с этой стороны Бог утешил тебя в день твоего крещенского Ангела; и я в этот день вспомнил тебя и пожелал тебе в Божием благоволении пребывать навсегда и здесь и в вечности. Еже и да будет тебе за благодать Господа нашего и молитвы Его Пресвятой Матери.

Вот приближается великий праздник светлого Воскресения Господня, с которым и поздравляю тебя и всех вас.

Отец Иоанникий обещался заехать к вам, от него вы узнаете о нашем житии подробно, и я с ним кое-что послал вам. Известите

меня, был ли он у вас. Ивану Петровичу Кожевникову я писал; мы ожидаем его. Николай Андреев живет спокойно. Сего лета ожидаю к себе братьев Ивана Марковича и Ивана Фомича. У нас зима была холодная и снежная. В новый монастырь на Кавказе теперь посылает монахов для построения и для жития. Говорят, место очень хорошее, подобно Афону. Затрудняемся во избрании туда настоятеля; назначили было отца Малахию, но он болен. Детский приют со школою нам приказано сделать на Кавказе.

Хорошо, что вы получили посылки для раздачи детям. О Евлампии я уже писал к тебе. Если Бог даст, то надо бы и Олимпиаду, супругу Фомичеву, вам пристроить у себя. Я побаливаю, но еще двигаюсь, а уже очень стал слаб. Матери Агнии за присылку отвечали от монастыря. Матушке Лидии я послал с отцом Иоанникием розового масла; прошу о его получении меня уведомить. Еще что вам нужно, пишите. В Белгородском монастыре Балычева Матрена жива ли, и в Нежине кто есть в живых из наших родственников, и еще где есть, в каком монастыре из наших родных бывших? Неужели наша Анна Прилепина и умрет в мире? Разве нельзя ее вовсе пристроить в монастырь? От сестры Евгении Никаноровны Рудневой из города Купянска я получил письмо, просит прислать ей для двух ее детей иконы в благословение; скорбит, что муж ее без вести пропал вот уже шесть лет. Какой ее чудный крест! Сам Бог да поможет ей.

Прошу сказать от меня мое поздравление с приходящим праздником всем знающим меня: незабвенной моей матушке Лидии, матушке Анфии, матушкам Рафаиле, Раисе и прочим. Остаюсь помнящий вас, моих дорогих, расслабленный ваш богомолец

духовник Иероним

Русик. 1880 года, марта 28-го дня

Высокопреподобная матушка Маргарита!

Любезная сестра, Христос воскрес!

Святую неделю мы отпраздновали благополучно. За все слава Богу! Святую Пасху у нас праздновал консул солунский господин Хитрово.

Вчера я получил твое письмо. Жалею, что отец Иоанникий не мог заехать к вам. Кожевникову мы послали свидетельство. Здоровье мое немного поправилось, я теперь хожу в церковь. Благодарю вас, что вы молитесь о мне. Это меня радует, и я вас поминаю ежедневно. Для Ново-Афонского монастыря назначен на игуменство

по жребии из пяти иеромонахов отец Иерон, который был у меня четыре года келейником; помолитесь о нем, да поможет ему Бог в этой должности благоугождать Ему.

Марья Ильинична писала мне, что ее дети занялись винокурением и потому редко ходят в церковь — это худо. Надо писать ей, чтобы она понуждала их почитать воскресные и великие праздники, а иначе они будут несчастны, да и надо поскорее женить их, а то они развратятся. Господь да спасет их. Итак, Анна не хочет с вами жить, эка дура какая! Надо о ней молиться.

Простите, мир вам Божий и спасение Его. Приветствую матушку Лидию и прочих. Остаюсь всегда помнящий вас на Афоне ваш брат

духовник Иероним

1880 года, апреля 30-го дня

[К ней же]

Мир тебе и спасение Божие и чадам твоим.

Извещаю тебя, что я получил твои письма. Отец Флавиан пришел к нам благополучно и передал нам о вашем житье-бытье подробно. Хорошо, что ты заботишься о постройке приюта для бедных и назвала его Пантелеимоновским, и я благодатию Божией всю мою жизнь заботился только о пользе ближних братий наших и других. Отец Флавиан просил меня, чтобы я за келлию его сестры уплатил тебе; напиши нам, сколько тебе за это надо прислать денег. Слава Богу, хорошо, что отец Иоанникий побывал у вас и утешил вас — все от Бога. Спаси тебя Господи за попечение об Анне Никитичне Соломенцовой. Весьма хорошо ты делаешь, что твоих келейниц обеспечиваешь, это богоугодное дело. Если Бог даст, то отца Флавиана скоро сделают иеромонахом и пошлют в Москву, тогда он опять будет иметь возможность помогать вам — только молитесь. Марье Ивановне ответили, что 60 рублей получены на вечное поминовение. Икону для игумении заказали написать. У Сушкиных впредь не проси ничего, потому что они много делают для нашей обители.

Мое здоровье хотя и очень слабо, но в церковь еще хожу. Много дел и хлопот у тебя и у нас, но все это для ближних, а потому и для Бога, и за это слава Ему и благодарение.

Итак, буди здрава и с матушкою Лидиею и со всеми твоими чадами. Остаюсь помнящий вас

духовник Иероним

1880 года, сентября 6-го дня

[К ней же]

Извещаю тебя, что к нам прибыли два наших брата Иоанна. Иван Маркович остается здесь поискать житье, а Иван Фомич возвратится домой; с ним кое-что присланное от вас мы получили и благодарим вас. Он хочет после Покрова отправиться в Россию, с ним я кое-что пришлю вам и тогда напишу вам особое письмо о вещах.

Верно, у вас письменная корреспонденция не развита с благотворительными христианами, потому что чрез письма вы не получаете присылки милостыни, потому что не просите и не пишете; а это я приписываю вашей недеятельности или лености. Надо собирать адреса благотворителей и, на волю Божию полагаясь, писать им и просить помощи, ибо у нас таким образом собирается милостыня.

Отчего же вы не заботитесь об устройении в вашем монастыре богоугодного общежития? Разве у Бога мало средств помочь вам? Только просите с детскою верою, и дастся вам, ибо сказано: «Буди тебе по вере твоей» (ср.: Мф. 9, 29). Хотя ты уже и постарела, но для Бога это ничего не значит, для Него все возможно. Итак, держайте и не бойтесь, веруйте и действуйте и узрите славу Божию.

Приветствую матушку Лидию и всех знающих меня, пребываю помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

Хотели было отца Флавиана сделать иеромонахом, а он заболел лихорадкою. Сего лета у нас много было больных лихорадкою, хотя и легкою.

1880 года, сентября 20-го дня

Боголюбивая матушка игуменья Маргарита!

Благодать Божия да хранит тебя и все общество твое.

Извещаю тебя, что я получил твои письма. Икону в Белгород послали. Отец Иоанникий возвратился из России. Отец Флавиан кланяется вам, его сделали иеромонахом, и скоро он пошлется в Москву. У нас в обители, слава Богу, все благополучно. Я при Божией помощи хожу еще в церковь. Отец Иоанникий скоро опять отправится в Россию, и вам пришлют рыбы. Родным монахиням я послал к празднику утешения понемногу. Отец Флавиан благодарит тебя за свою сестру. Затем кланяюсь матушке Лидии и прочим. Остаюсь помнящий вас

духовник Иероним

10 марта 1881 года. Афон. Русик

Высокопреподобнейшая матушка игуменья Маргарита, любезная сестра! Христос воскрес!

Получил твои письма, благодарю за уведомление, а более за радостные твои чувства и за живую твою память о мне. О Маргарита, Маргарита, твои письма приносят мне утешение! Да удостоит тебя Господь и в духовном смысле быть для Него маргаритою, то есть жемчужиною. Праздник святой Пасхи мы праздновали благополучно. Отца Флавиана посылаем в Москву, в часовню на послушание. Он заедет к вам и расскажет вам обо всем нашем житии.

Матушке Лидии кланяюсь и прочим знающим меня. Отец игумен кланяется вам. Затем, поручая вас и себя милости Божией, остаюсь ваш брат

духовник Иероним

От 1 мая 1881 года. Гора Афон

[К ней же]

Христос воскрес!

Так как иеромонах Флавиан посылается на послушание в Москву, потому мы дали ему благословение заехать к вам, и это более для утешения общего, нашего и вашего. Он все объяснит вам о наших обстоятельствах, чтобы вы имели о них сведение. Хорошо, что ты прислала нам для сведения приходы, или жалованье, от графа для содержания вашего монастыря — теперь мы видим, что вам нет средств для общежития. Это особый крест для вашей обители, ибо каждую нужда заставляет иметь попечение о содержании себя. Нечего сказать, только помощи Господи вам терпеть и нести крест свой благодушно, без ропота; разумеется, за все это награда большая будет на небеси. Но и в общежитии, если недостает средств к пропитанию, тоже бывает очень трудно. Я помню то время, когда мы имели много долгов с тяжкими процентами и не имели возможности дать бедным сухарей; ах, как это было тяжело, а все это было по Промыслу Божию.

Ты пишешь мне, что ты стала ослабевать в силах, а я вот едва хожу. Но тебе рано еще изнемогать, ибо ты гораздо моложе меня. Еще мужайся, бодрись и других ободряй и утешай, как ты уже и творишь при помощи Божией. За все слава Богу, во всем помогающему вам.

И нас утешило ваше чудное многих пострижение, ибо этого прежде не бывало, а потому и чудно и утешительно, и за это особенно дадим славу Богу.

У нас все благополучно, хотя и есть посторонние скорби чувствительные, но они удобосносны да и необходимы, а то, пожалуй, без скорбей еще и разгордимся, а без здоровья и жизнь не мила.

На Кавказе монастырь начали строить, и я желал бы там умереть, так как это дело чрез меня началось. Но разве кости мои туда перевезут, потому что я теперь сделался почти недвига, и вот дума за горами у меня, а смерть за плечами. Помолись, дабы Господь избавил меня от мечтательности. Вот и отец Макарий уже начал изнемогать в силах, особенно зрением, а день и ночь все пишет. Дел очень много, только во гробе успокоимся.

Отец Флавиан объяснит вам наши радости и скорби, за все слава Богу. И сего лета я приказал отцу Иоанникию прислать вам рыбки. Матушке Лидии мой поклон, и розовое масло, и ладан, и кое-что еще. Матушки мои, помолитесь за меня, да даст мне Господь христианскую кончину.

Затем, поручая себя и вас милости Божией, остаюсь всегда помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

1881 года, мая 2-го дня

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твои письма; замедлил ответом по причине моей болезни. Благодарю Бога о твоём здравии и благоустройении твоей обители. Утешай, утешай родных — это приятно Богу. Жалею, что ты прежде не написала мне о Пойминовых и о других. Мать Геронтия писала ко мне, она умная. За все слава Богу. Да укрепит тебя Господь в твоей многотрудной должности.

У нас были царские гости — великая княгиня Александра Петровна, но на берег не выходила, а все шесть дней была на пароходе. После, в августе, нас посетил великий князь Константин Константинович, говел у нас и приобщался.

Мать Евлампию записали, и при сем прилагаем сестре ее письмо, и прочие твои желания при помощи Божией постараемся исполнить.

Прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии и прочим. Я болею; молитесь о мне, да дарует мне Господь христианскую кончину. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь помнящий вас собрат ваш

духовник Иероним

1881 года, августа 20-го дня

[К ней же]

Мир тебе и спасение Божие со всеми твоими духовными чадами.

Извещаю тебя, что я получил твои письма и от борисовского Петра Иванова чулки и прочее. За сию память благодарим вас. Петр остался у нас. Ради молитв ваших Господь мое здоровье поправил, теперь опять хожу в церковь и занимаюсь делами. Иван Фомич с супругою собираются путешествовать в Иерусалим; он спрашивал меня, когда будет лучше отправляться туда. Я отвечал ему, что если они хотят быть в Иерусалиме Пасху для получения святого огня, то надо двигаться с места в половине февраля — в таком случае они должны потерпеть от моря много скорбей и труда. А если они отправятся после Пасхи, тогда избавятся от морских бедствий и гораздо удобнее и легче совершат свое путешествие. Предложил им на их волю. Они обещались к вам заехать.

В нашей обители, слава Богу, все хорошо; братия постепенно умножается, умножаются и заботы начальствующих, но все Бог творит и во всем нам помогает; есть и скорби добрые, есть и утешения великие. За все слава Богу.

Получил я недавно письмо от крестницы Марии Ильиничны Дьяковой. Дети не слушаются ее, самовольно и тайно от нее бросили первую торговлю, и занялись винокурением, и обанкротились, впали в большие долги, и она, бедная, находится в печальном и тяжком состоянии; утешайте вы ее письмами вашими. Жадность к богатству молодых людей погубила. А из Старого Оскола и от наших я давно не получаю писем, они сердятся на меня за обличение их. Михаил даже не написал мне, что у него померла жена и не попросил меня, чтобы помянуть ее, — каков христианин! Увы, какое время настало!

Пиши мне чаще: я утешаюсь твоими письмами. Бог действует в тебе, Ему за то и слава, а тебе честь за сестролюбие твое и смирение. Матушку Лидию приветствую старческим моим поклоном. Поминаю я всех вас; уж как это Господь примет, не знаю. Он един то весть. Поручая себя вашим молитвам, остаюсь дряхлый старик, помнящий вас, моих дорогих,

духовник Иероним

1881 года, октября 23-го дня

[К ней же]

Извещаю вас, что я получил ваши письма пред святою Пасхою, на которые буду отвечать вам после, а теперь рекомендую вам

нашего иеромонаха отца Илиодора, который имеет нужное дело: посоветоваться с вами насчет определения своей родительницы в ваш монастырь; о том и прошу вас — постараться исполнить наше желание. Содержание этой старицы будет зависеть от нас: монастырь наш обязуется ежегодно присылать для ее содержания 150 рублей. И как усмотрите удобнее, так и сделайте; может быть, окажется возможность определить ее с внучкою к какой-либо монахине или как Бог вам укажет. Это дело я возлагаю на ваше благоразумие, что при помощи Божией вы это дело устроите к успокоению наших чад. Отец Илиодор объяснит вам причину, побудившую нас побеспокоить вас нашею просьбою. О всем прочем житье-бытье и о здоровье передаст вам лично подробно. Отец Илиодор — о Господе возлюбленный наш духовный сын.

Затем, поручая себя вашим святым молитвам, остаюсь помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

1882 года, марта 30-го дня

Преподобнейшая матушка Лидия, Христос воскрес!

Исполняя желание матушки, я пишу вам во утешение радостное общее приветствие: Христос воскрес! И при сем прилагаю листочки, и затем да утешает вас Святой Утешитель Дух Божий; с этими чувствами приветствую и сестер ваших Марию и Анну.

Затем, поручая вас и себя благодати Божией, остаюсь помнящий вас, дорогих моих сродниц,

духовник Иероним

30 марта 1882 года

[К игумении Маргарите]

Здравствуй о Господе со всеми чадами твоими духовными.

Извещаю вас, что Иван Фомич прибыл к нам, о чем он пишет к вам подробно. Посылки ваши мы получили от него все — благодарим вас за оные. Иконы для вас закажем, а форм для стояния у нас нет готовых, да и дорога будет пересылка до вас, ибо они тяжелы, а лучше и дешевле будет сделать их у вас из ольхового леса. Картин пришлем вам, а книги посланы и прочее. Слава Богу за все: и скорби есть, и утешение есть. С Иваном Фомичом кое-что я пришлю тебе.

Молитесь за меня и за отца архимандрита — страдает глазами; помощи ему, Господи; он трудолюбивый и неусыпный. Теперь у нас

братии более 800, все Бог управляет и собирает, Ему одному и слава подобает. Передайте наше благословение знающим нас. Затем остаюсь ваш брат

духовник Иероним

1882 года, мая 12-го дня

Высокопреподобнейшая матушка игуменья Маргарита!

Здравствуй о Господе со всеми твоими духовными чадами!

Спешу известить вас, что вчера, в день Воздвижения Честного Креста Господня, волею Божией скончался наш собрат иеросхимонах Иероним (Гончаров); долго болел; прошу о нем молиться, ибо он был нам родной. Сделайте для бедных ваших трапезу. Деньги для сего пришлются вам из Одессы. Известите в Старый Оскол о его кончине родных его.

У нас, слава Богу, все благополучно. Я еще за ваши молитвы ползаю до церкви. Слабость от старости, пора уже и умирать. Молитесь, да дарует мне Господь христианскую кончину. О прочем я буду писать вам после, если буду жив.

Бог милосердия и щедрот да поможет вам во всем благом и да спасет вас всех, Коему поручая вас и себя, остаюсь ожидающий исшествия из сего мира, а еще пока помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

Прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии, и крестнице моей Марии, и племяннице Анне. Я радуюсь, что они живут вместе. Но и прочим помнящим нас я кланяюсь. Всех вас Бог да благословит вечным благословением.

От 15 сентября 1882 года

Высокопреподобная матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие и всей обители твоей.

Податель сего письма Алексей Иванович Злобин жил у нас год, наш послушник, он имеет нужду посоветоваться с тобою о его дочери; прошу обратить на него внимание. Игнат Николаев не послушал меня, уехал в Россию, но обещался не беспокоить своих ничем; он непостоянный. Пошлите его на Кавказ, там его примут, я писал туда о нем.

Формы пришлем вам. Карточки и посылки ваши мы получили, благодарим вас. Но мы таких сапог не носим по климату. Рукоделие ваше подарим консулу, а для монахов в духовное утешение

оно не идет. Всем приславшим нам подарки и помнящим нас передайте наш поклон и благословение. Остаюсь ваш брат

духовник Иероним

От 5 ноября 1882 года

Боголюбезная матушка игумения Маргарита, любезная сестра! Здравствуй о Господе со всеми твоими духовными чадами и сестрами!

Извещаю тебя, что я был тяжело болен и думал умереть, со всеми простился, и, наконец, маслом соборовали, и я уже ожидал смерти. Но братия мои опечалились этим и от горести сердца восплакались все и возопили ко Господу о моем выздоровлении и продлении еще моей жизни, и милостивый Господь услышал вопль их, и я теперь выздоравливаю, и они возрадовались, что я еще оставлен здесь с ними пожить. Но надолго ли? Бог весть. Пора уже и умирать. Ибо без здоровья и жизнь не мила, только труд и болезнь. Но за все слава Богу, и да будет все по Его благой и совершенной воле.

Прошу передать мое благословение матери Лидии, и крестнице моей, и племяннице Анне, и прочим знающим меня, прошу молитв ваших на помощь старости моей. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь по долготерпению Божию еще на земле Святой Горы Афонской всегда помнящий вас ваш брат

духовник Иероним

Святая Афонская Гора

Русский монастырь святого Пантелеимона

7 декабря 1882 года

[К ней же]

Праздники провели, слава Богу, хорошо; письмо твое получили и прочее. Мое здоровье непостоянно, но за все слава Богу. Карточки твои готовят и прочее, что ты просила; со временем пришлем и формы, и при сем прилагаю листок на ваши нужды.

Прошу передать мое благословение нашим родным.

Если есть у вас Херувимская длинная для архиерейского служения, то прошу прислать нам, а то у нас нет длинной. Да нет ли у вас концерта 12-го псалма: *Доколе, Господи, забудеши мя до конца?* Если есть, то пришлите его нам, хотя мы написали его сами, но еще не пробовали петь. Вот и пред смертью, а покаянные концерты люблю слушать. Недавно переложили Херувимскую предтечевскую

на Усекновение или на *Стецителия*, и, слава Богу, вышло удачно — очень умиленная. Мне все старое нравится. Прощай, молись за меня. Твой брат

духовник Иероним

1883 года, января 22-го дня

Боголюбивая сестра матушка игуменья Маргарита!

Христос воскрес!

При сем письме посылается вам милостыня от Стахеева на трапезу вашим бедным старушкам. Употребите эти деньги на покупку хлеба для них, а впредь Сам Бог, питающий всех, промыслит о них.

Духовник Иероним

Афон. Русский монастырь

1883 года, мая 7-го дня

[К ней же]

Извещаю вас, что я получил ваши письма. Семен Фомич прибыл к нам, но едва ли останется у нас: еще миролюбец он большой, но если проживет подольше у нас, то, может быть, и останется. Но он говорит, что ему нужно еще для окончания дел побывать в Старом Осколе. Я хорошо помню его, он, кажется, добряк. Григорий Дмитриевич хвалит его. О часах я напишу отцу Флавиану. В настоящее время у нас свои мастера делают колокольные часы; посмотрим, если окажутся хороши, то и для вас закажем сделать; у нас есть колокольные часы своего изделия, работают хорошо уже 30 лет, прочные; только молитесь, а Бог утешит вас.

Теперь у нас есть свой малый пароходик, который делает скорые сношения с островами и тем помогает нам в экономии. Теперь есть на Афоне и телеграф. В прошлое воскресенье, ввечеру, мы получили из Москвы телеграмму, что государь короновался. Эта телеграмма пришла к нам из Москвы в шесть часов — чудеса!

Духовник Иероним

1883 года, мая 17-го дня

Боголюбивая сестра матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, в котором ты известила меня о смерти племянницы нашей Анны Ильиничны, писанное от 18 мая, я оное получил 29 мая и распорядился поминанием

ее на всех Литургиях, а у нас их служится до десяти каждый день. Бог да упокоит ее! А что касается до ее шкатулок и билетов, то требовать их от тех иеромонахов не должно, ибо они имеют монастырь общежительный, а непременно надобно написать игумену того монастыря, спросить его, получил ли он от тех иеромонахов билеты и вещи для общежития на поминовение Анны. И сего довольно будет.

У нас, слава Богу, все благополучно. Здоровье мое поправляется. А отец наш архимандрит страдает глазами, стал плохо видеть и с трудом служит. Молитесь за него. С Семеном Фомичом я послал вам кое-что и святую икону твоей монахини Евпраксии, по получении известите меня.

Передай мой поклон и благословение знающим меня, и особо родным и матушке Лидии. Поручивши себя и вас милости Божией, остаюсь помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

Р. S. При сем приложен листок.

*Афон. Русский монастырь
святого Пантелеимона
1883 года, июня 4-го дня*

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твое письмо от 31 мая и содержание его заметил. Не бойся подметных писем, ибо тебя хранит Сам Бог. Четки для архиерея я послал тебе с Семеном Фомичом, и если будет случай, то еще пришлю. Книг пришлем тебе из Москвы, я туда напишу о сем. Молитесь за меня и за старца нашего отца Макария, он очень страдает глазами.

Я еще двигаюсь, но уже пора домой, трудно жить больному, ибо самому до себя, а все привыкли ко мне ходить часто на исповедь, а я-то и не могу, вот мое горе, а болезни мои очень прекрасные — разумеется, для души, а не для тела, ибо *каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31), а вы, мои любезные мучители, все желаете, чтобы я более и более мучился бы здесь, но, слава Богу, лишь бы здесь, а не там.

Мир вам, мои дорогие. Передайте мой поклон незабвенным нашим матерям — Лидии и прочим и молитесь за помнящего вас брата вашего

духовника Иеронима

При сем приложен листок.

Именины прошли во славу Божию духовно. Три архиерея служили.

1883 года, июня 19-го дня

Боголюбивая сестра матушка игумена Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие.

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, писанное от 10 июня, и заметил его содержание.

Слава Богу, и мы удостоились светло праздновать день коронования нашего благословенного царя, ибо в тот же день мы получили из Москвы телеграмму. Теперь мы из Москвы получаем телеграммы в шесть часов времени. Чудо, да и только!

В день моих именин у нас было три архиерея, и все они служили по разным соборам, и консул приезжал на торжество. И все это — Божие дело, Ему одному подобает и слава и хвала.

Вы извещаете, что вы получили от Семена Фомича посланные вам вещи и только одни карточки, а о прочих вещах вы не пишете — это некрасиво. С ним я послал тебе 100 карточек, хорошие четки и масло розовое, а вы об этом ничего не пишете; разве он не передал вам всех вещей? Он, кажется, человек верный, напишите мне о сем. О присылке книг к тебе мы телеграфировали в Москву, чтобы они поспешили их выслать вам к вашему празднику; может быть, успеют выслать. Владыку вашего будем помянуть.

Прости, молись за меня. Матери Лидии есть благословение на лечение в Одессе. Мы написали туда нашим, чтобы они дали ей помещение в нашем доме. Остаюсь твой брат

духовник Иероним

1883 года, июня 23-го дня

[К ней же]

Извещаю тебя, что я послал к тебе 50 дюжин твоих карточек для раздачи сестрам твоим и еще кое-что, по получении коих прошу известить меня. Еще что послать тебе? О часах я забочусь; кажется, что скоро Бог исполнит душеполезное желание ваше. Только молитесь. Десять форм скоро пришлем вам. Пописывайте к отцам Иоанникию и Флавиану, напоминайте им о себе.

А я все слабею, но хожу еще в церковь, хотя и редко, но я и за то благодарю Бога. Укрепи тебя Господи в твоих многих заботах о пользе ближних. Утешай, утешай, особенно родных. Пред праздником святого Пантелеимона раздай по 10 рублей монахиням Рафаиле,

Ольдаманте, Ермангельде, Херувиме и еще кому знаешь, а прочим я послал: Рахили, Агнии (Булычевой), а Раине я теперь посылаю. При сем прилагаю листок; прошу молиться за меня. Передай от меня поклон матушке Лидии и прочим. Остаюсь помнящий вас

духовник Иероним

Июля 11-го дня 1883 года

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твои письма. Праздник мы провели торжественно. Три митрополита служили, а я лежал болен на одре, но святой Пантелеимон помог мне, и я теперь стал выздоравливать, но в церковь еще не могу ходить. За все слава Богу. Мать Лидия писала ко мне, что она прибыла в Одессу и остановилась в нашем подворье. <...>

Одесская наша клевета, Бог дал, прошла благополучно.

Отец архимандрит кланяется вам; страдает глазами. Молитесь за него. И я порадовался, что Бог нечаянно, дивно посылает вам Свои щедроты, а потому надо надеяться на Него побольше. За то и будет посылать побольше.

У нас благодаря Бога все благополучно. Затем спасайся и о мне молись; передай мой поклон знающим меня. Прости, поручая себя, и тебя, и всех вас милости Божией и молитвам Богоматери, остаюсь помнящий вас ваш брат на Афоне

духовник Иероним

Русик. 1883 год. 4 августа

[К ней же]

Давно я не писал тебе по причине большого карантина. Но теперь он снят, и я вот пишу к тебе, что я болею, а ты этим не оскорбись, ибо когда-либо, а надо же умирать. Бог знает, может быть, и еще оправлюсь, это в воле Божией. Матушке Лидии я по причине болезни не мог ответить на ее письмо ко мне, но проси у нее за меня извинения. В обители у нас все благополучно. Прошу молиться о мне; ослабел я добре.

Передай мой поклон и благословение всем знающим меня. Отец архимандрит кланяется тебе. Затем остаюсь еще помнящий вас на Афоне брат ваш

духовник Иероним

1883 года, октября 25-го дня

Не премогши при Писковомъ мѣстѣ, поспѣ-
 шавши въ мѣстечко Мухоморова Марашинъ 1861 года, февраля
 27го года, гдѣ предъ нами явился и предъ нами по нево-
 лѣ, по негласности въ Мухоморова

no	1561
no	1579.

Но при этом еще нужно не забывать, что сестры
и братья должны еще и почитать друг друга и
также любить и уважать. Стороннего же вмешательства.

Capitulum Haemorrhoidale cum Depressione Symphysis
Purpurea et cum Hemorrhoidibus et cum Hemorrhoidibus

7781	7781
20	

June
 16 June
 June
 24 June

[illegible]

Депутатовъ Мухоморова
Добровина Пысменна
Наставательница:

uly. 1862. Muz. E. pr. mo.

*Послужной список изумении
Маргариты. 1885 г.*

Ее личная подпись

*Крест на месте разрушенной
Борисовской пустыни, установ-
ленный в 1999 г.*

[К ней же]

Долго я не писал вам, но и теперь еле могу писать: совсем изнемог, все болею. Праздник Рождества я лежал болен и едва не умер. Теперь хотя и полегче стало, что я мог выйти в церковь и приобщиться, но чувствую себя очень слабым. Отцы наши все скорбят и усердно молятся о продолжении жизни моей, особенно отец архимандрит. Сего дня делали о мне Елеосвящение, и мне стало полегче, и я почти согласен и еще пожить, а то, когда притесняют меня лютые пароксизмы, да и частые, тогда я сам желаю поскорее умереть и часто прошу Господа о сем. Итак, не удивляйтесь моему малодушию, ибо и терпению есть мера. Хотя Бог и по силам нашим подает нам болезни и скорби, но мы-то привыкли к роптанию и даже за малую скорбь охаем. Я знаю, что вы молитесь о моем здоровье, но, я прошу вас, молитесь более о моем спасении, ибо такая молитва богоугоднее.

Может быть, это письмо мое к вам будет последнее — Бог весть, ибо мы не знаем, когда умрем. Если получите известие о моей кончине, не печальтесь много, зная, что я дожил до глубокой старости, до 80 лет, то чего еще от Бога желать? И за это слава Ему. Помните меня, и это будет Богу приятно. Да и ты сама, любезная сестра, приблизилась уже к старости и слабости, то чего же более ожидать? Лишь бы Господь даровал христианскую кончину, которую просите у Него и мне, недостойному, яко да сподобит Господь всех нас в вечности быть вкупе и прославлять Его, еже и да будет за неизреченную любовь Его к нам.

Прошу передать мое старческое благословение матушке Лидии и особо моей крестнице Марии — молю Бога о ней и о детях ее, да утешит и спасет ее Господь. Теперь она свободна для принятия святого образа, если только она чувствует в сердце своем призвание к тому от Господа Иисуса Христа. Передайте мой поклон всем знающим меня.

Остаюсь еще поручающий себя вашим святым молитвам ваш брат

духовник Иероним

При сем приложен листок.

Афон

Русский монастырь

1884 года, января 3-го дня

[К ней же]

Здрава будь о Господе и благословенна от Него вовеки со всеми твоими о Христе сестрами.

Я писал к тебе недавно, что на святках я был при смерти, но молитвы слезные отцов моих и братий возвратили меня паки к жизни еще здесь, с ними. А уже от малодушия, не любя лютости болезни, хотелось было и умереть, и несколько раз я просил о сем Бога, но Он более послушал отцов и братий моих: облегчил мою болезнь и попустил мне, недостойному небес и земли, еще пожить здесь, покуда Он Сам вестъ, — разумеется, ненадолго. Братия все во благодушии от праздников и от моего поправления.

Благодетель наш и ваш Василий Афанасьевич Калигаев помер. Схимонахиню Макрину записали на всегдашнее поминовение. Иконы заказаны. Часы, если Бог даст, то после Пасхи пришлются вам. Формы не можем прислать вам — сделайте у себя, эти вещи простые. Книжицы будут присылать вам, раздавайте их в расширение славы Божией. Прошу тебя передать мой поклон и благословение матушке Лидии и прочим.

Праздники — Рождество, Новый год и Крещение — у нас, близ моря, не было снегу; зелень и цветы — как будто весною, а повыше немного нас, в Старом Русике, — там выпал снег на аршин и доселе держится, а вершину, хребет так завалило снегом, что и нельзя перейти на Карею. Чудное наше место! Около берега — весна.

К празднику привезли нам свежей речной рыбы — сазана, мы ее купили. У нас на одну трапезу выходит 15 пудов для тысячи человек. А я уже давно на рыбу заговел, не могу есть ее, а теперь и хлеба еще не могу есть, а только одну уху с капустным рассолом; так много ослабел желудок, что и одну чашку чаю не могу выпить, а чтобы все было кислое да горькое и соленое, и то одна жидкость. Доктора говорят, что у меня в желчном пузыре образовались желчные камни, вот они-то меня и мучают, и очень люто, а все это по Божию допущению — следовательно, для вечного блага. За это слава Богу, ибо Он *егоже любит, того и наказует* (Притч. 3, 12), ты же, говорит, *яко добр воин Христов злопостражди* (2 Тим. 2, 3). Аминь.

При сем прилагаю листок. Остаюсь ваш грешный брат

духовник Иероним

*Афон. Русский монастырь
святого Пантелеимона
1884 года, января 8-го дня*

Боголюбивая сестра матушка игумения Маргарита!

Мир тебе и спасение и всей твоей богоспасаемой обители.

Извещаю тебя, что я получил ваши письма, в коих вы извещаете о смерти блаженной старицы Олимпии. О упокоении ее сорокоуст отслужат, а имя ее давно записано в синодике вечного поминовения с ее родными и поминается ежедневно.

Часы скоро пришлются к вам. А формы прислать к вам очень трудно, разве для образца прислать вам одну или две. Здоровье мое за ваши молитвы стало понемногу поправляться. Отец архимандрит кланяется вам, у него болят глаза, худо видит, но еще служит. Иконы посланы вам.

Ты пишешь, что не получаешь от меня писем, но я недавно послал к тебе три письма. Извести меня, от каких месяцев и чисел вы получили мои письма, теперь им нельзя пропадать, особенно я всегда посылаю — заказными, которые не могут пропадать.

Затем прошу передать мое благословение и поклон матушке Лидии, матушке Лаврентии и Марии, если она у вас живет, и прочим. Остаюсь помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

1884 года, февраля 3-го дня

Афон. Русский монастырь

Р. S. При сем приложен листок.

[К ней же]

На прошлой почте я писал к вам, о чем следует, а теперь пишу вам только о часах колокольных, которые пришлются к вам. Вы тогда пригласите часового мастера — он поставит вам их. При сем посылаю прейскурант, из коего можете видеть и узнать о разных размерах часов и о ценах их. Для вас мы заказали третьего номера с десятидюймовыми колесами, с часовым, получасовым и четвертным боем, коим цена без доставки 750 рублей, а с доставкой и установкою будут стоить до 1000 рублей. Для расходов постановки часов при сем прилагаю листок. Да дарует Бог делу сему быть во славу Его и в духовное утешение ваше молитв ради Пресвятыя Богородицы и святого Пантелеимона. Аминь.

Здоровье мое поправляется. Письмо к отцу архимандриту получено. Он сам будет отвечать вам. А о малодушном желании твоём на покой после напишу тебе; не лучше ли потерпеть до конца для спасения?

Поклон от меня матушке Лидии. Простите, молитесь за меня, болящего вашего брата, поминающего вас, моих дорогих.

Духовник Иероним

*Святая Афонская Гора
1884 года, февраля 11-го дня*

[К ней же]

Извещаю вас, что я получил твое письмо, писанное от 31 января, в коем ты просишь прислать тебе в последний раз иконок, ложек, картинок; все эти вещи мы посылаем тебе; когда получите их, тогда уведомите нас о том. При сем прилагаю реестр вещам и листок для раздачи родным к Пасхе; Раине — 20, Ольдемане — 15, Ермингельде — 15, Херувиме — 15 рублей.

Здоровье мое понемногу поправляется.

На прошлой почте я писал вам о часах.

Мария в молодости насладилась жизнью супружескою, а теперь для спасения пусть в старости понесет крест свой безропотно. Было время, когда вы завидовали участи ее, а теперь кажется, что нет. *Егоже любит Господь, того и наказует* (Притч. 3, 12). Она и сама ошиблась. Для чего было дать позволение детям взяться за торговлю не богоугодную, не имевши нужды, и почему бы не посоветоваться с опытными людьми? Теперь ей одна дорога: предложить оставить мир и взяться за покаяние, ибо дети не слушают ее. Да они теперь и не имеют в ней нужды, как совершеннолетние, теперь они сами ответят Богу за свое поведение. Бог да спасет их.

Духовник Иероним

*Афон
15 февраля 1884 года*

Боголюбивая сестра матушка игумения Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие и богоспасаемой обители твоей.

Недавно я писал к вам, что мы послали к вам два ящика разных вещей, которые ты просила. По получении оных извести меня.

Вчера я получил письмо от брата Ивана Фомича, в котором он пишет, что сей год он не может успеть развязаться с миром, а, впрочем, желает сего лета побывать у нас, на Афоне. Дай-то Бог, чтобы так сбылось.

Здоровье мое понемногу поправляется, но еще в церковь не могу ходить. У нас благодаря Бога все хорошо. Отец Иоанникий этот

год в Россию не поедет. Прилагаю листок для раздачи вашим бедным к Пасхе. Скажи поклон матушке Лидии. Остаюсь помнящий вас на Святой Горе ваш брат

духовник Иероним

29 февраля 1884 года

Афон. Русский монастырь

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное тобою от 21 февраля. Слава Богу, ради ваших молитв здоровье мое поправляется и все отцы спасаются; отец архимандрит кланяется тебе. Из Питера пишут нам, что часы посланы к вам и что, вероятно, они к Пасхе придут к вам. Для установки их пригласите часового мастера, а может быть, у вас есть знающая это дело сестра, и та может поставить их, ибо это дело немудреное — каждый часовый мастер может это дело сделать. Как это у вас сделается, о том известите нас.

На сей год отец Иоанникий остался в монастыре. Заказные иконы посланы к вам, прочее, что нужно, со временем пошлем вам.

Затем, поручая вас и себя милости Божией с пожеланием дожидаться Светлого Христова Воскресения и достойно во благоугождении Богу отпраздновать, приветствую матушку Лидию и прочих. Остаюсь помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

Боголюбивая сестра матушка игуменья Маргарита!

Поздравляю с приближающимся великим праздником животельного Воскресения Христова как тебя, так и родных наших и знающих меня. Сей радостный и утешительный праздников праздник да утешит вас, болящих и скорбящих, и матушку Лидию, и мою крестницу Марию. Я радуюсь, что она осталась у вас, а за перенесение ею скорбей она получит от Бога великую награду.

При сем уведомляю вас, что я получил ваши письма — слава Богу, что они все дошли до нас. Также получили мы и ящик с вещами и писанками. За чулки спаси Бог, а за писанки не скажу спасибо, потому что они для нас вовсе не нужны и для чего вы прислали их? Кому мы будем раздаривать их? Вот закладки — иное дело, за них следует сказать: «Бог да простит», ибо они нужны для Евангелий и Апостолов.

Здоровье мое мало-помалу поправляется.

Затем, пожелав вам спасения и здравия, остаюсь помнящий вас на Афоне брат ваш

духовник Иероним

Р. С. При сем приложен листок о терпении.

4 апреля 1884 года. Афон

[К ней же]

Христос воскрес!

Извещаю вас, что мы праздновали святую Пасху торжественно и я удостоился быть в церкви; тому возрадовалась и братия моя, и теперь я хотя и слаб, но еще двигаюсь помаленьку и принимал от всей братии в день Пасхи поздравления по обычаю. Гостей было много, всех Бог утешил. Каково-то вы встретили святую Пасху, получили ли к Пасхе часы, прошу известить нас. Почаще пописывайте к отцу архимандриту — он это любит. Пред Пасхою я получил твое письмо. Я прилагаю вам листочки с согласия отца архимандрита, а потому вы не имейте насчет этого никакого сомнения, ибо я старец всем.

Затем, пожелав вам всякого благоугождения Богу, остаюсь всегда помнящий вас на Афоне, моих дорогих, брат и богомолец

духовник Иероним

1884 года, апреля 17-го дня

Боголюбивая сестра матушка игуменья Маргарита!

Христос воскрес!

Извещаю тебя, что я дал одному послушнику нашему, именем Григорий Степанов Чумаков, письмо к тебе, в котором просил тебя, если возможно, принять в ваш монастырь дочь его 12 лет и чтобы отдать ее какой-либо старице в послушницы. И если возможно, то о сем постарайся. А мальчика-сына он возьмет с собой в наш монастырь на Кавказе, ибо там есть училище для детей, а он сам певчий и писарь, полезный для монастыря. Родом он из Орлика.

Уже две недели прошло от Пасхи, а ты ничего не написала мне, даже и о том, получили ли вы часы. Пиши хотя понемногу, но почаще. Приветствую матушку Лидию, и дочь мою Марию, и твоих послушниц. Мир вам и спасение Божие. Остаюсь помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

*Афон. Русский монастырь святого Пантелеимона
1884 года, апреля 24-го*

[К ней же]

Спасайся и о нас молись.

Извещаю тебя, что брат наш Иван Фомич прибыл к нам благополучно и, что было нужно, о том все передал нам: и о передаче вам четырех листков, и о получении вами часов; за все Богу слава; получены и прочие ваши посылки; рубашки для раздачи бедным требуются самые толстые, как веретья, самые грубые нужны, но то горе, что провоз дорого стоит.

Что вы просили чрез Ивана Фомича, то при помощи Божией пришем вам. Он еще поживет у нас; если Бог даст, до Петрова поста он заедет к вам. Слава Богу, я утешился приездом брата Ивана Фомича. Теперь здоровье мое стало лучше. При сем прилагаю письмо от Ивана Фомича и к крестнице Марии — Господь да утешит ее и всех вас.

Получил приложенное письмо о Серафиме — я много удивляюсь твоим промахам, зачем было позволять этому хитрецу бродить в монастыре по келлиям, зная, что он штатный монах самочинный? И ты знаешь хорошо, что без дозволения Святейшего Синода не велено принимать никаких мощей. Но ты сделала очень хорошо, что отказала ему, пролазу, и спросила владыку о сем скандальном деле. Этот монастырь — большой враг нашему монастырю, но Бог с ними. Если, согласно твоему желанию и благословению, мать Лидия опять едет лечиться, тогда и я с моей стороны даю ей мое старческое благословение. Затем остаюсь помнящий вас

духовник Иероним

Приложен листок.

1884 года, мая 18-го дня. Афон

Боголюбезная сестра матушка игуменья Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, извещающее о проезде брата Ивана Фомича, и о получении от него посланных с ним листков, и о установлении дарованных вам часов и что они звонят во славу Божию и возбуждают многих к духовной бодрости. За все это слава единому Богу.

Я долго не писал к тебе, все ожидал твоего письма. По получении сего письма извести меня, письма от нас вы получаете проколотые или нет. Говорят, что в Одессе есть карантин. У нас все благополучно. Я хотя и слаб, но еще двигаюсь по комнате, но в

церковь еще не могу ходить, а близ моей келлии есть параклис святого Сергия, в нем служат Литургию, и мне слышно.

Брат Семен Фомич одет в послушническую одежду и два Пойминовых так же одеты.

Прошу ваших святых молитв и остаюсь любящий брат ваш на Святой Горе

духовник Иероним

Святая Гора Афон

Монастырь святого Пантелеимона

Августа 23-го 1884 года

Боголюбивая сестра матушка игумения Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие.

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, в коем ты извещаешь меня, что у вас был брат наш Иван Фомич и передал вам, что было с ним послано, и что он, погостивши у вас, отправился обратно к нам, на Афон. И он точно возвратился к нам благополучно и, что было нужно, о том нам подробно передал. Слава Богу за все, я радуюсь, что ты теперь здорова и духом ободрилась и во всем возложила печаль свою на Бога. И как бы сказала так: *Пою Богу моему, дондеже есмь* (Пс. 145, 2). И благо ты сотворила, что решилась претерпеть до конца в твоей должности все искушения твоей жизни. Это угодно Богу, ибо Он сказал, что *претерпевый до конца, той спасен будет* (Мф. 24, 13). Да и само терпение-то Он же нам дает, ибо у нас своего терпения нет.

Я уже писал Марии, что благословляю приехать к нам на Афон сыну ее и нашему внуку Александру и для этого я при сем прилагаю листок.

Прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии, и Марии, и прочим. Утешайте Марию, ибо она несет великий крест.

[1884 год]

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твое письмо. Слава Богу, что Он утешил вас часами.

Я хотя и болею, но еще живу, но все думаю, что скоро умру, потому что изнемог, ослабел, пора уже и умирать, а ты еще мало думаешь о смерти, да тебе нет времени о ней и думать; и то хорошо, что ты хлопочешь о пользе ближних твоих. У нас, слава Богу, все благополучно. Отец Флавиан пишет из Москвы к нам и просит,

чтобы я попросил тебя о послушнице его покойной сестры, чтобы оставить ее в той келлии, где она жила; если возможно это сделать, то сделай. Заслужил ли отец Флавиан, чтобы это ему уважить, или нет? В чем тут дело, я не понимаю. Разве ты выгоняешь ее из келлии, почему она жалуется на тебя? Отец Флавиан, кажется, делал вам утешение, и еще он может чем-нибудь послужить вам. Григорий возвратился в обитель; оказалось, что жена его еще жива и не требовала его к себе, а все это искушение наделала одна распутная монашка, которая взбесилась от страсти и выдумала такую штуку. Каких козней не бывает от врага нашего?! Он уже и постыдился зайти к тебе.

Прости и молись за меня. Твой брат

духовник Иероним

Напиши мне, письма ты получаешь от меня проколотые или нет, ибо в Одессе есть карантин.

1884 года, октября 13-го дня

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, писанное от 18 сентября, в котором ты писала о воспоминании тобою об удалении из мира 15 сентября и что ты этот день провела в умилении и слезах. Да, это благодать утешила тебя, ибо ей приятны такие воспоминания. Видим, как нас Господь возлюбил паче других — как не плакать! Каких великих даров сподобил нас Господь — избрал нас от мира и удостоил нас быть путеводителями для многих! За все слава Ему вовеки. Но и я кое-что помню, что было прежде, да и надо помнить во славу милостей и щедрот многих Божиих.

В прошлом письме я вопрошал тебя об отце Флавиане; хорошо ты сделала, что объяснила все дело, а мы напишем ему, чтобы он успокоился и более не гневался бы на тебя.

Славлю я Бога, что вы духовно утешаетесь чрез часы.

Здоровье мое хотя и слабое, но все двигаюсь, и живу, и беседую с братьями.

Молись о мне; я помню вас и молюсь, сколько могу. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь ваш брат

духовник Иероним

При сем приложен листок.

1884 года, октября 16-го дня

[К ней же]

Получил я твои письма и еще ожидаю от тебя известия о получении посланной к тебе формы и разных вещей; у нас в обители все благополучно. За все слава Богу, здоровье мое хотя слабо, но еще хожу по комнате и занимаюсь беседами с братиею. Отца Иоанникия сделали иеродиаконом.

При сем к празднику прилагаю листок.

Прости и молись о мне. Прошу передать мой поклон родным нашим. Остаюсь помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

1884 года, декабря 5-го дня

[К ней же]

Приближается спасительный праздник Рождества Господа Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа, с которым мне пожелалось поздравить вас с пожеланием вам встретить и провести его во благоугождении Богу и сподобиться воспевать славу Его в вечности, ибо для этого мы и сотворены благодатию Его.

У нас зимы нет еще, розы в саду цветут. Благодарение Богу за все; у нас все благополучно. Иван Фомич пишет, что надеется скоро развязаться с миром. У нас живут два Пойминовых: Василий Иванович и Михаил Иванович, чужак какой-то. Отец архимандрит кланяется тебе, глазами очень страдает.

При сем прилагаю листок. Затем остаюсь помнящий вас

духовник Иероним

1884 года, декабря 18-го дня

[К ней же]

Извещаю тебя, что я получил твои письма, получил и от Марии письмо. Сам Бог да утешит ее и чад ее. Сочувствую я и болезням матушки Лидии. Бог да поможет вам устроить житие Марии моей. Новый год мы провели хорошо, за все слава Богу. При сем прилагаю вам листок. Пиши и проси, что для вас нужно. Пописывай отцу архимандриту — он тебя уважает. А что касается до подметных писем, то это считай за вражие угрожение и не бойся этого, ибо твоя жизнь сохраняется Самим Богом и это попускается для смирения твоего, ибо ты очень здесь прославлена Богом. Смотри, держись самоукорения.

Отец Михаил приехал, кланяется тебе; у нас был ваш Иван грайворонский, который жил у вас во услугах. Я не мог понять его, ибо он какой-то святоша; я помог ему на дорогу.

Кланяйся всем нашим родным, передай мое благословение матери Лидии и Марии, крестнице моей. Остаюсь помнящий брат ваш

духовник Иероним

Афон. 1885 года, января 5-го дня

[К ней же]

Извещаю вас, что я получил ваши письма от 1 января сего года. Нас удивило, что ты не поняла поздравления отца архимандрита с именинами твоими. Так как ты никогда не писала нам, когда ты празднуешь день твоего Ангела, а он в святцах нашел, что имя святой Маргариты бывает 28 октября, потому он подумал, что ты в этот день именинница, и потому поусердствовал поздравить тебя, но ты и теперь не написала о сем, когда ты празднуешь свои именины.

Здоровье мое хотя и слабое, но еще двигаюсь, но в церковь не хожу, а слушаю службу — Литургию по телефону, который из собора провели в мою келлию, и я этим очень доволен.

У нас благодаря Бога все благополучно. Зима у нас теплая, розы в саду цветут, лимонов в саду собрали до 50 тысяч, с одного дерева собрали 6 тысяч лимонов.

Праздники провели хорошо.

На нашем месте, в пустых горах, сотворился по Божию благоволению скит отшельнический, самых бедных и нищих сиромасов уже до 70 калив, и есть соборная церковь — чудо, да и только! Это сотворил Бог в четыре года. Живут там самые старые, беспомощные, которые не имеют где главы подклонить; их уже есть до 200. Это место — на горе, в 30 верстах от нашего монастыря, но хорошо видно мне из моей келлии. Они меня утешают своими частыми доуками. Право, чудо, да и только! Метелки вяжут и венки — вот какое их рукоделие; мы даем сухари и старую одежду. Вот у нас есть какие полунагие подвижники. Дашь ему рублик, а он тотчас бухнет в землю да и заплачет, а я и не знаю, что тут и делать. Теперь уже собралось их до 200. Причащаются два и три раза в неделю; многие живут в шалашах, зябнут, голодают, но благодарно все терпят, лишь бы удостоиться умереть во святом жребии Божией Матери.

Это все рассказывай своим бедным, чтобы они не роптали на свои нужды, ибо за все Бог заплатит им на небесах.

Вид из Пантелеимоновой обители на монастырский огород и дальний мыс, на котором расположен скит Новая Фиваида, хорошо видный после шторма на море

[К ней же]

Христос воскрес!

Слава Богу, святую Пасху мы встретили очень весело, торжественно, и я, недостойный, сподобился побывать в соборной церкви все четыре дня. Уже год прошел, как я не мог восходить наверх, в Покровский собор, но и теперь меня возносили туда на носилках, и этому я рад и благодарю Бога.

Начало утрени у нас делается на дворе вместе с греками перед храмом святого Пантелеимона; ныне ночь была светлая и тихая, так что у братии и свечи не тухли от ветра. И все эти дни были солнечные, ясные, веселые, а пред этим во весь март месяц каждый день были дожди большие проливные и очень ветреные. Как-то вы праздновали Пасху святую?

Что это значит, что вы не пишете нам ничего о Семене Фомиче? Когда он был у вас? С ним я послал вам кое-что из вещей; по получении известите нас.

При сем приветствую пасхально матушку Лидию, крестницу Марию и прочих знающих меня. Карточки наши для вас заказаны, и сего лета, если Бог то даст, они пришлются к вам.

При сем приложен листок.

Простите, будьте здоровы и молитесь за помнящего вас на Афоне.

Духовник Иероним

Афон

1885 года, марта 27-го дня

[К ней же]

По отправке моего письма к тебе я страдал от старых моих ревматизмов и уже готовился к смерти, но Господь ради грехов не принял меня к Себе и еще тянет нить моей жизни, хотя бы немного потрудился в болезни телесной. Теперь мне стало полегче, и вот я вздумал возвестить тебе о себе.

Молитесь за меня; скажи поклон мой родным всем. Остаюсь еще дышащий на Святом Афоне брат ваш

духовник Иероним

У сего приложен листок.

Афон

1885 года, мая 7-го дня

Боголюбивая сестра матушка игумения Маргарита!

Мир тебе и спасение Божие и всем чадам твоим!

Извещаю тебя, что я получил письмо от брата Ивана Фомича, что он дом свой продал и скоро прибудет к нам, а также он хотел заехать и к вам. Недавно я был очень болен, но теперь, слава Богу, ради ваших молитв мне стало полегче. У нас благодаря Бога Его милостию все обстоит благополучно. Наши певчие просят вас прислать им ваших кое-каких концертов нот, при сем прилагается реестр, каких именно просят.

Затем прошу передать мой поклон и благословение матушке Лидии, крестнице Марии и прочим. Остаюсь помнящий вас на Святой Горе брат ваш

духовник Иероним

19 мая 1885 года

[К ней же]

Извещаю тебя, что брат Иван Фомич прибыл к нам 23 июня и передал нам ваши посылки и о прочем. За все слава Богу и за передачу тебе листочков.

Мое здоровье слабо, но еще двигаюсь.

Рукомойник мраморный для алтаря пришлется вам, прилагаемые при сем письмеца передайте кому следует.

Прилагается листок.

Прошу молиться о мне. Остаюсь брат ваш

духовник Иероним

Афон

1885 года, июня 25-го дня

[К матушке Лидии]

Извещаю тебя, что я письмо твое получил; благодарю за память о мне; и я все болею столько лет, и слава Богу. Он знает, кого чем спасти; болезнь требует от нас благодарения к Богу. Сочувствую в скорбях крестнице моей Марии, да укрепит и утешит ее Господь.

Получил я ваши посылочки — благодарю вас за память о мне. Господь да спасет вас всех. Остаюсь помнящий вас на Афоне

духовник Иероним

Афон

1885 года, июня 25-го дня

Боголюбивая сестра матушка игумения Маргарита!

Здравствуй о Господе.

Извещаю тебя, что брат наш схимонах отец Иероним благополучно прибыл в нашу обитель. О сем он сам пишет к тебе, за сие слава Богу. На прошлой почте я писал тебе, о чем было нужно.

Слаб я стал, быть может, скоро и умру, тогда сделай о мне помин и раздай твоим бедным милостыню. Для этого отец Макарий пришлет тебе денег. И ты уже состарилась, может быть, и ты скоро умрешь — один Бог весть, когда, а готовиться надо.

Чего еще желаешь получить от меня, проси. С отцом Михаилом ты веди переписку, проси у него листков, ибо он много их раздает, а эти листки и для раздачи твоим знакомым будут полезны. На первый случай попроси у него 10 тысяч и напиши ему, что ты просишь у него это по моему благословию. Еще проси у него рыбы и икры для твоих бедных и при сем ублажи его, назови его богоданным попечителем о твоих бедных. Рыбу проси самую простую, дешевую, также и икру красную.

Затем прости и молись за меня. Остаюсь еще помнящий тебя брат твой

духовник Иероним

28 июля 1885 года

Афон. Русский монастырь

Боголюбивая сестра матушка игумения Маргарита!

Будь здорова о Господе!

Извещаю тебя, что я получил твое письмо от 26 июля, в котором ты пишешь, что была очень больна, но молитвы святые твоих сестер и детей испросили у Бога здравие твоему телу, чтобы ты еще позаботилась о их спасении; того и Господь от нас требует, чтобы мы искали пользы для других, а не для себя, как и Сам Господь сотворил. Бог да сохранит нас от самолюбия. То же было и со мною несколько раз; как только я заболел к смерти, в то время мои отцы и братия возопиют и восплачутся пред Богом, и Он слушает их молитвы и оживляет меня еще жить с ними; итак, да будет во всем этом воля Божия. Аминь.

Передай мой поклон помнящим меня, особо матушке Лидии.

При сем прилагаю листок.

Остаюсь помнящий вас ваш брат

духовник Иероним

Афон

1885 года, августа 5-го дня

[К ней же]

Письмо твое получил, в котором ты извещаешь меня, что была очень больна, но ради молитв твоих сестер Бог возвратил тебе здоровье, и я благодарю Бога и молю Его, да укрепит Он твое здоровье еще для пользы других и для моего утешения.

Теперь прилагаю при сем листок для расписания церкви, а впредь да будет во всем воля Божия.

У нас благодаря Бога все благополучно. Я еще двигаюсь, но в церковь не могу ходить, а для меня каждый день служат Божественную Литургию вблизи моей келлии, и мне все слышно. Причащаюсь в неделю раз. Певчие мои исправные, много утешают меня. Ноты ваши мы получили.

За все слава Богу. Кланяюсь всем вам, особо матушке Лидии. Прошу ваших молитв. Остаюсь ваш брат

духовник Иероним

Афон

1885 года, августа 11-го дня

[К ней же]

Извещаю тебя, что брат наш Иван Фомич отправился в Россию по своей пенсии, он взял благословение побывать и у вас, я с ним послал тебе кое-что и листков; по получении прошу известить меня, я уже о сем писал тебе, а теперь еще напоминаю.

Благодарю Бога, что Он даровал тебе здоровье за молитвы сестер твоих. Трудись до последнего твоего издыхания, не малодушествуй; Бог терпения да укрепит тебя до конца претерпеть в твоём послушании.

Мое здоровье слабо, ожидаю каждый день разлуки с телом. Бог один весть, когда это будет. Помолитесь за меня, да дарует мне Господь остаток жизни провести во благоугождении Ему и благий конец. Передай мое благословение нашим родным: матушке Лидии, Марии и прочим. Прилагаю листок, для раздачи бедным сродникам хотя по 10 рублей к празднику Покрова Божией Матери.

Затем, поручая себя и вас милости Божией, остаюсь ожидающий твоего ответа, помнящий вас брат ваш

духовник Иероним

Афон

Монастырь Русик

1885 года, сентября 5-го дня

Боголюбивая сестра матушка игумения Маргарита, мир тебе и спасение Божие!

Извещаю тебя, что мы молитвами нашей Покровительницы Божией Матери отпраздновали русский наш праздник Покрову Всепетой очень светло и весело. И я, слабый, удостоился быть во святом Ее храме. За все слава Богу и Ей, Покровительнице нашей.

Что, Иван Фомич был ли у вас? Известите нас.

При сем прилагаю вам на нужды листок.

Затем приветствую матушку Лидию, и прочим от меня поклон. Остаюсь помнящий вас ваш брат

духовник Иероним

2 октября 1885 года

[К ней же]

Извещаю вас, что внук наш Александр Иванович прибыл к нам; я получил от него посылки ваши, от Марии Ильиничны и от Раины, а о приезде Ивана Фомича я уже писал вам. У нас все, слава Богу, благополучно, а сам я много страдаю от ревматизмов. Я много разговаривал с Александром Ивановичем. Он мне понравился, но монахом быть боится; впрочем, будущее одному Богу известно. О брате Николае он говорит неутешительно. Но молитесь за него, чтобы Бог спас его.

При сем прилагаю вам листок.

Прошу передать мое благословение матушке Лидии, Марии и прочим. Поручая вас и себя милости Божией, остаюсь брат ваш

духовник Иероним

Афон

Монастырь Русик

1885 года, октября 11-го дня

К ИВАНУ ФОМИЧУ СОЛОМЕНЦОВУ

Любезный братец Иван Фомич!
Благодарю Бога, давшего мне случай хотя одной строчкой утешить тебя, если только примешь сие за утешение, а впрочем, Утешитель у нас один — Дух Святый, обитающий в сердцах, расположенных к Нему. Опытом дознали, что любить Бога и ближнего ничто не попрепятствует — ни звание, ни должность, посему и тебе не должно смущаться или роптать на Промысл Божий, призвавший тебя в сие звание, ибо спасение души нашей заключается в нашем произволении, а не в месте или должности. Видим и пред самым лицом Божиим согрешающих, а вдали — свято живущих. Посему надобно разуметь, что, где захочешь делать добро, там и Бог с помощью.

Я теперь иду во святыи град Иерусалим на поклонение Гробу Господню и во Святую Афонскую Гору на жительство, Бога ради оставляю не токмо родителей, но и само отечество. Так, любезный брат, где ни жить, а Богу должно служить. Как говорит пророк, *на всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа* (Пс. 102, 22) и на всякое время. И как жертвенник Божий есть наше сердце, а посему и ничто нам не попрепятствует внутренним нашим человеком служить Ему. Если будем остерегать себя от главных наших врагов: от жен, вина и глупой дерзости, матери всех пороков, то и здесь будем счастливы и будущего блаженства не лишимся. Чтобы удержаться на пути добродетели, должно подкрепить себя чтением из Священного Писания, иметь благочестивого друга, единомысленного для советов на все время, а без сего мудрено удержаться от разврата.

Прости, желаю тебе сугубым быть воином и в теле и в духе. Остаюсь любящий тебя брат, грешный богомолец

Иван Соломенцов

4 августа 1836 года

О Господе возлюбленный брат Иван Фомич!
Мир тебе и спасение Божие.

Много лет прошло, как я не имел никакого сведения о тебе, и вот неожиданно Бог утешил меня приятною вестию, что ты жив и благополучен. За все слава Богу, Спасителю нашему.

Пожертвование твое от Максима Даниловича я получил, и, согласно твоему желанию, имена, означенные в письме твоём, будут

поминаться в нашей обители, а родители твои и прежде сего поминались. Обязанность наша — молиться не токмо за родных, но и за весь мир. В знак благословения и памяти я посылаю тебе три книжицы нашего монастыря, и три иконочки финифтовых, и картины, и две книги — Отчник афонский для духовного утешения вашего и прочих.

Затем, поручая тебя милости Божией и покровительству Царицы Небесной и все семейство твое, остаюсь помнящий тебя на Святой Горе Афонской брат твой, грешный богомолец

русский духовник Иероним

От 3 декабря 1860 года

Святая Гора Афон. Русский монастырь

Получено 29 октября 1861 года, в воскресенье, 12 часов утра¹.

Возлюбленный о Господе брат Иван Фомич! Мир Вам и спасение.

Благословение Божие, Святой Афонской Горы, евангельского жребия Пречистая Богоматери, и от смиренной обители нашей да пребудет с Вами вовеки, и со всем богоспасаемым семейством Вашим, и со всем богохранимым домом Вашим.

С душевным утешением получено мною письмо Ваше от 22 августа, благодарю Вас за оное, а равно и за усердие Ваше к пустынной обители нашей. Святое Ваше пожертвование — 10 рублей серебром — получено обителию исправно. Человеколюбец Господь по обещанному Им милосердию милостивым да сотворит Вас участником блаженства оных в Царствии Небесном, и Державная Покровительница наша — Препоблагословенная Дева Мария за любовь к Ее святому жребию и нам, смиренным обитателям оного, да покроет Вас всечестным Своим омофором и да поможет в деле благочестия во спасение Ваше.

Имя Ваше о здравии и спасении супруги Вашей Олимпиады и сына Николая записаны и поминаются обителию нашею, о в Бозе почившем родителе супруги Вашей рабе Божиим Василии обитель наша возносит смиренные моления свои. Человеколюбец Господь да упокоит душу его в селениях небесных в вечной блаженнейшей жизни.

Вы, боголюбивый Иван Фомич, желаете что-либо от меня слышать на пользу души для спасения, но так как Вы сами занимаетесь чтением священных книг, то Вам небезызвестно о пути спасения.

¹ Здесь и далее — помета о получении письма, сделанная рукой И. Ф. Соломенцова. — *Примеч. сост.*

Впрочем, желая по возможности исполнить Ваше душеполезное прошение, скажу Вам несколько слов на пользу для спасения души. Наипаче всего пещитесь об исполнении первейшей Господней заповеди любви к Богу и ближнему, сколько позволяют Ваши занятия. Старайтесь неослабно пребывать в молитве, по глаголу Господню: *Непрестанно молитесь, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41; 1 Кор. 5, 16). Чаше посещайте храм Божий, а наипаче в воскресные и праздничные дни, за долг себе поставляйте непременно быть в утрени и обедне, и если возможно, то не пропускайте ни один праздник и вообще, когда чем по должности занимаетесь, старайтесь чаще памятовать о Боге и во всех намерениях, начинаниях и делах призывайте Господа на помощь, все принимайте, как от руки Его, с благодарением, ибо яже суть, вся суть от Бога, и вся добра и зело добра, как учит нас Священное Писание, а также и Заступницу рода нашего Царицу Небесную усерднее и чаще молитесь, дабы Она помогла Вам во всем и была бы о Вас Ходатайницею пред Господом, ибо много может моление матернее ко благоусердию Владыки. Имейте в уме непрестанно, что жизнь сия кратковременна и она есть не иное что, как приготовление для будущей, ибо что посеет человек в сем веке, то и пожнет в грядущем нескончаемом. Работайте, пока есть день, придет ночь, то есть смерть, когда *никто же работати может* (Ин. 9, 4), ко всем имейте любовь, ибо мы все — братья о Христе, все — дети одного Отца Небесного, старайтесь неимущим и убогим оказывать по силе своей помощь, и в случае, кого потребно, особенно если в какой скорби находится, то утешайте добрым советом и во всем старайтесь быть полезным кому чем и как можете, и тако да исполнится на Вас евангельский глагол: *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7), ибо всякое оказываемое ближнему благотворение Всеблагий Господь вменяет Себе Самому по реченному Им: *Понеже сотворите единому сих братий Моих меньших, Мне сотворите, внидите в радость Господа Своего* (Мф. 25, 23, 40), чего и да сподобит Вас милосердный Господь молитвами теплой Заступницы рода нашего — Пречистой Его Матери.

С таковым искренним Вам благожеланием с благословенным семейством Вашим остаюсь смиренный молитвенник Ваш на Святой Афонской Горе

русский духовник Иероним

*Святой Афон. Русский монастырь
1861 года, октября 4-го дня*

Получено 19 сентября 1862 года.

Милостивейший благотворитель Иван Фомич! Мир Божий, державное заступление Царицы Богоматери и благословение святого Ее жребия, Святой Горы Афонской, вкупе и от смиренной обители нашей да пребывают с Вами и семейством Вашим вовеки.

Присланное Вами в нашу богоспасаемую обитель пожертвование — 10 рублей серебром — получили. Означенные в письме имена Ваши о здравии Иоанна, Олимпиады, Николая, Марии, Лидии и о упокоении Фомы и Анны, родителей Ваших, поминаются по чиноположению обители. Многомилостивый Господь нашими смиренными молитвами да вознаградит Вашу истинно христианскую любовь к меньшей братии Христовой имиже весть судьбами, Царица Небесная за Ваше усердие к нашей святой обители, за участие в нуждах насельников славного Ее земного жребия да покрывает Вас с семейством и родными матерним Своим милосердием от всего душевредного.

Вы пишете, что желание Ваше посещать церковь иногда преодолевает лень, иногда мешают служебные обязанности. Против лени нечего и говорить, нужно потрудиться и на отягощающего нас врага спасения нашего невидимого, но сильного с Божией помощью вооружиться. Храм Божий среди мира — это ковчег Ноев, обуреваемый волнами, это тихое пристанище, мирный кров, под сению которого мы удобнее и вернее всего укрываемся от бурных тревожений житейских, где молитвенным возношением мы приближаемся к Богу и умиротворяемся единением с Ним. Поэтому нужно полюбить церковь Божию, нужно постараться потрудиться над сим, просить у Господа помощи, и Отец Небесный подаст силы и возможность к выполнению доброго Вашего желания. Если же иногда служебные обязанности поневоле отвлекут Вас от посещения храма Божия, воспевайте сердцем и умом, а при возможности и устами — таким образом и вне церкви можете прославлять Господа в душах и телесах ваших, яже суть Божия. Человеколюбец нашими смиренными молитвами да подаст Вам вся Божественные силы, яже к животу и благочестию.

Засим, поручая Вас и себя покрову Царицы Небесной, остаемся на Святой Горе вашими богомольцами.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святой Афон. Русский монастырь
1862 года, августа 28-го дня*

Просимого Вами портрета теперь не имеется.

Получено 27 марта 1865 года.

Послано письмо 21 сентября 1865 года.

Возлюбленный о Христе Иисусе братец достоуважаемый Иван Фомич!

Бог и Богоматерь в помощь Вам, в покров и во спасение!

Благословение Божие и Царицы Небесной от Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей да будет с Вами и с семейством Вашим!

Уведомляю Вас о получении мною почтенного письма Вашего от 10 декабря и жертвования при оном 10 рублей серебром от Вас и семи [жертвователей] на поминавание новопреставленного товарища вашего раба Божия Никиты. Приношу Вам искреннюю благодарность за уведомление о себе, за братское мне благожелание и за посильное благотворение обители нашей, которая вменяет себе в обязанность помянуть Вас в молитвах своих ко Господу и к Богоматери о милости, жизни, мире, здравии, спасении Вашем и достопочтенной супруги Вашей Олимпиады с сыном Николаем, Мариєю и Лидиею. А я, как прежде не забывал Вас помянуть в молитве, так и на будущее время вместе с обителю буду молиться о Вас с семейством и сродниками.

Господь, благий Мздовоздатель, да помянет Вас и о Христе братскую любовь и да ниспосылает Вам Свою милость и дары благоприятные жизни временной и вечной. И Препоблагословенной Владычицы мира державное заступление буди всегда с Вами, Ее предстательством укрепи Вас Господь Своею благодатию, облегчи труды службы Вашей и ниспошли утешение в скорби привременной сей жизни.

Что будем делать?! И я, грешный, не изъят от скорбей и тяготы служения моего при многочисленном братстве при обилии нужд духовных и вещественных и при частых моих недугах. Подчас мне слишком тяжело бывает, но когда поразмыслишь, что без трудов, скорбей и терпения ничего не приобретается истинно полезного, доброго и в особенности душеспасительного, то и возблаговаришь за все Господа, ведущего узким, прискорбным, но душеспасительным путем. Итак, буди за все благословенно имя Господне! Заступи и Вас Господь, спаси, помилуй и сохрани Своею благодатию!

Египетской пшеницы постараемся достать и переслать к Вам. Из Константинополя в Александрию ходят постоянно пароходы, а потому без затруднения можно нам получить оттуда свежей египетской пшеницы.

Поручая Вас и себя милости Божией и покрову Богоматери, остаюсь богомольцем Вашим во Святой Горе Афонской, Русского Пантелеимонова монастыря

русский духовник Иероним

*Святая Афонская Гора. Русский монастырь
1865 года, февраля 11-го дня*

Получено 27 декабря 1865 года.

Боголюбивейший благодетель, возлюбленный о Господе брат, истинное чадо Церкви Божией Иван Фомич с христолюбивейшею супругою Вашею рабою Божиею Олимпиадою и боголюбивым чадом Вашим Николаем, желаем вам о Господе радоваться во спасение!

Мир Божий да водворяется выну в богобоязненных сердцах ваших, благодатный покров Небесной Царицы с благословением честного Ее жребия — Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей да почивают на Вас со всеми благодетелями нам чрез Вас.

Полное искренности и благорасположения к обители письмо Ваше от 21-го истекшего сентября с приложенным при нем для монастыря пожертвованием 30 рублей серебром мы имели утешение получить. Святые имена ваши и сообщенные в письме христолюбивою Екатериною Петровною поминаются при богослужениях наших по чиноположению обители со вписанием согласно вашему назначению раба Божия Никиты на вечное ежемесячное на проскомидии поминовение. Прилагая при сем благодарное письмо для вручения Екатерине Петровне Дербиной, мы приятным поставляем для себя долгом выразить сим и пред Вашим Боголюбием чувства искреннейшей признательности, чувства благодарной души за Ваше усердие к обители и постоянное участие в нуждах ее от себя и чрез других, за Вашу заботливость и любовь о Христе к нам, смиренным насельникам Богоматернего жребия.

Молим Многомилостивого Бога, Пречистую Богоматерь и предстательствующего к Ним святого многоцелебника Пантелеимона о мирном Вашем житии, здравии, а паче душевном спасении Вашем с семейством и о всех благодетелях нам чрез Вас, равно о упокоении со святыми в уготованных для праведников Небесных Обителях в Бозе почивших Ваших родных.

Промысл Божий, так отчески пекущийся о нас, о нуждах сущей за границей обители нашей чрез милосердие рабов Своих, Той да подаст Вам вся, яже во благо и спасение, и по обетованному Госпо-

дом милостивым блаженству да ниспошлет на Вас, на богобоязненное семейство Ваше и на всех милующих и питающих нас вся благоприятная в жизни временной и вечной, милостыня бо, по изречению Священного Писания, от смерти (то есть от вечной муки) избавляет, [неразб.] очищает всяк грех, и порфиноносный Давид глаголет: *Юнейший бых, ибо состарехся и не видех праведника оставлена, ниже семене его, просяща хлеба. Весь день милует и взаим дает праведник, и семя его во благословение будет* (Пс. 36, 25—26).

По желанию Вашему акафист с двумя книжечками препровожаем к Вашему Боголюбию.

Что касается до службы Вашей царю и отечеству, то благо еще потрудиться, и притом немного; выслужитесь, получите пенсион, будете по возможности и сами покойны, и семейство свое заспокойте. Бог Вам в помощь! Укрепи Вас Господи в преданности воле Божией, утешь и заступи в Вашей скорби Мати Божия за молитвы святого Пантелеимона. Трудно и тяжело, пишете, стало служить, но здесь, на земле, вообще труды, скорби и болезни и должны быть по мановению Творца, только на небе покой, вечно блаженное упокоение, радость, неизглаголанное веселие. За терпение Бог дает спасение. *В терпении вашем стяжите души ваша* (Лк. 21, 19), глаголет слово Божие.

Затем, поручая Вас с боголюбивым семейством, и благодеющими нам чрез Вас, и себя матернему покровительству Небесной Назирательницы святого Афона, остаемся в Богоматернем жребии смиренными о Вас богомолитвенниками.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

10 ноября 1865 года

*Русский святого великомученика
и целителя Пантелеимона монастырь*

Получено 22 апреля 1867 года.

Возлюбленный о Христе Иисусе братец, достоуважаемый Иван Фомич!

Благословение Божие, честного жребия Царицы Небесной, обители святого великомученика Пантелеимона и всего во Христе братства оной буди с Вами и благочестивым семейством Вашим.

Получил я письмо Ваше со вложением 38 рублей серебром, в числе коих Вашей жертвы 10 рублей серебром, а остальные от прочих благодетелей. <...>

Да благословит Вас Господь подать в отставку, да ниспослет Вам Свою милость и дары благоприятные жизни временной и вечной. И Преблагословенной Владычицы мира державное заступление буди всегда с Вами. Ее предстательством и молитвами святого великомученика Пантелеимона укрепи Вас Всесильный Бог Своею благодатию и ниспосли утешение в скорбях привременной сей жизни!

Египетская пшеница будет выслана к Вам, я просил одного человека купить оной для Вас в Александрии.

Потрудитесь засвидетельствовать от лица обители благодарность благотворившим нам чрез Вас. Имена их о здравии и спасении Павла, Сергия, Татианы, Параскевы и Алексия поминаются на богослужениях церковных, и молебен великомученику Пантелеимону отслужен. А два письмеца, прилагаемые при сем, потрудитесь вручить по адресам.

Поручая Вас и себя милости Божией и покрову Богоматери, остаюсь богомольцем Вашим во Святой Горе Афонской, Русского Пантелеимонова монастыря

русский духовник Иероним

*Святой Афон
Монастырь Русский
1867 года, марта 6-го дня*

Получено 18 июля 1867 года.

Нужно это письмо прочитывать от гордости.

Боголюбивейший благотворитель Иван Фомич со всем благословенным семейством Вашим!

Мир Божий, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Ее святого жребия — Горы Афонской вкупе и от смиренной обители нашей да пребудут с Вами.

Уведомляем Вас о получении нами письма Вашего от 25 апреля со вложением 43 рублей серебром, из коих 3 рубля от Вас, 27 рублей от рабов Божиих Василия и Анны со чады их Софиею и Мариєю (по желанию их отслужен нами молебен святому Пантелеимону о здравии и спасении их), 10 рублей серебром от девицы Александры на поминовение ее о здравии и спасении, 1 рубль серебром от рабы Божией Елены о упокоении младенца Марии и 1 рубль серебром от священника отца Димитрия с Варварою (о здравии и спасении их отслужен молебен).

Приносим искреннейшую благодарность Вам с прочими вышепоименованными жертвователями и вменяем себе в обязанность

молиться о Вас и о них ко Господу Богу, Царице Небесной, святому Пантелеимону о милости, жизни, мире, здравии и спасении. Господь, Благий Мздовоздаятель, да подаст благотворителям нашим за дело милосердия их богатую Свою милость и почивших да упокоит со святыми! По желанию Вашему отслужен у нас молебен святому Пантелеимону о здравии Вашем. Благосострадательный целитель недугов по вере Вашей к нему и усердию к его обители буди Вам целителем, и заступником, и молитвенником о Вас пред Богом.

Отставка, которой Вы хотите просить, да служит Вам при помощи Божией к снисканию душевного мира, к благоугождению Богу и ко спасению. А чтобы Вас никто никогда не обидел и чтобы Вы не получали ни от кого «тычков», то едва ли избежите этого и в отставке.

Многими скорбями подобает нам внити во Царствие Божие, и *претерпевый до конца той спасен будет* (Мф. 10, 22). Самый надежный путь к богоугождению, спасению и стяжанию сердечного мира и душевного спокойствия — перенесение обид. Святой Андрей, Христа ради юродивый, раз, когда его бесчеловечно били и ругали, после побоев стал со слезами молиться о спасении обидевших его, и не успел он кончить молитвы своей, как Дух Святый видимым образом осенил его и исполнил сердце его неизреченного утешения и мира. Если святые так усердно старались терпеть биения и обиды, то тем необходимее терпеть нам, грешникам. Обидчики и хулители, по учению святых отцов, есть великие благодетели наши, потому что искренне любящие нас стараются покрывать наши погрешности и недостатки, тогда как не любящие, тщательно наблюдая за оными, открывают нам погрешности наши, которых сами мы не можем усмотреть, и через это подают нам случай к исправлению и смирennemудрию. Поэтому и в выражения Ваших: «Не могу обдумать, за что меня Бог так наказывает, посылает злых людей» — в духовном смысле слово «наказывает» можно заменить — «любит», а вместо «злых» сказать «благодетельных».

Мнение Ваше, будто свет так изменился, что уже ни одного благочестивого и единомысленного друга нельзя найти для себя, несправедливо. Свет не без благочестивых людей, и теперь, и до окончания века будут в нем избранники Божии, по Священному Писанию, *семя свято стояние его* (мира) (Ис. 6, 13).

И пред самую кончину мира, когда за преумножение беззакония иссякнет любовь, Господь уверяет, что избранных ради прекратятся дни невыносимых скорбей и что тогда святые Ангелы будут собирать избранных Божиих от конца земли до конца неба. Святой

пророк Илия во время повсеместного увлечения в идолопоклонство на жалобу свою, будто все израильтяне оставили и забыли Бога, услышал, что у него есть семь тысяч мужей, не преклонивших колен Ваалу. Посему, повторяем, мнение Ваше погрешительно и даже, прибавим, опасно для души. Не находя в свете благочестивых и единомысленных, Вы, следовательно, себя считаете по преимуществу благочестивым, но и святые сознавали себя грешниками, а святой апостол Павел называл себя даже первым в мире грешником. Чем более кто приближается к Богу, Святейшему и Пресовершенному, то тем более усматривает в себе несовершенств и грехи свои видит, яко песок морской, ближних своих почитает и уважает, не видя в них худого при видении своих грехов.

Благодать Божия да просвещает Вас в познании всего душеполезного, и да помилует и спасет Вас Господь, яко Всеблагий Человеколюбец.

Испрашивая для Вас с благотворящими нам чрез Вас милости у милостивого Бога и поручая Вас и себя благоутробному заступлению усердной Заступницы рода христианского, остаемся Ваши усердные богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святой Афон. Русский монастырь
1867 года, июня 24-го дня*

*Получено 2 февраля 1869 года.
Очень важное и нужное для меня.*

Боголюбивейший благодетель Иван Фомич!
Спасайтесь о Господе!

Мир Господа нашего Иисуса Христа и благодатный покров Всепетой Его Матери буди с Вами вовеки.

Уведомляю Вас о получении многопочтенного письма Вашего от 22 ноября 1868 года и 29 рублей серебром, из коих 10 рублей от Вас и 19 рублей от означенных Вами жертвователей. Приносим Вам за посильное благотворение искреннюю благодарность, благодарим и прочих усердствующих чрез Вас к обители нашей. В чувстве признательности вменяем себе в приятную обязанность молиться о мире, здравии и спасении Вашем и прочих жертвователей и о упокоении душ усопших.

Господь, Всеблагий Мздовоздатель, да примет приятное ему усердие Ваше и да сподобляет Вас даров милосердия Своего благо-

приятных, жизни временной и вечной предстательством Преподобной Владычицы мира и святого Пантелеимона.

Недоумение Ваше касательно адреса и объясняется просто: ошибся у нас писавший к Вам адрес.

Сыну своему позаботьтесь прежде всего внушить религиозность и страх Божий. Усвоивший это молодой человек, какое бы звание ни избрал, всегда будет верен и усерден к службе и благополучен и в сей, и в будущей жизни. Если позволят Вам средства, можете отдать сына своего для обучения в семинарию, куда принимают ныне из всех званий. А как насаждать в детях благочестие и страх Божий на всю их жизнь, о том Вы получите от нас книжку.

На поминование при неусыпаемом чтении Псалтири записываются у нас за такое же пожертвование, какое назначено и за вечное ежедневное поминование на проскомидии — по 60 рублей серебром за имя.

Отцам, бывшим у Вас из Афонской обители Кастамонита, по возвращении их передадим от Вас поклон.

В скорбях, посещающих всякого из нас, да укрепляет Вас благодать Божия и да подаст утешение о неизбежности и пользе скорбей так рассуждать. От скорби нигде не укрыться, хотя бы и пожелали мы бежать от нее. Так лучше нам искать в самой скорби утешения, и оно обретается, когда подклоняемся мы покорно постигающей скорби, смотрим на нее как на спасительное врачевство, как на горнило, вырабатывающее в нас материалы, достойные неба и вечности, когда принимаем их, как подать, которую выплачиваем Господу за греховность нашу. Страшно долго оставаться без скорбей. Стоячая вода обращается в грязное болото, а бури и ветры освежают ее и возбуждают ее производительность.

Никакая добродетель не приобретается без скорбной купли, ни одна страсть не вытесняется без содействия силы скорбной. Страшны грозы, но что случилось бы с атмосферой без них? Горьки скорби, но как низко упала бы природа человека без этой очистительной силы!

Затем, поручая Вас с семейством и себя благодати Божией и матернему покровительству Владычицы мира, остаемся смиренные богомольцы Ваши на Святой Афонской Горе.

Всегда помнящий Вас брат Ваш

иеросхимонах Иероним

*Святой Афон
Монастырь Русский
1868 года, 28 декабря*

За твою поруку Васъ съ семействомъ
и себе благодати Божией и Материнъ
покровительству Владычицы мѣра, оспѣ-
вшая смиренныя Богомолитвы Вашихъ и
св. Афонской Горы:

Всегда поминаний Васъ Братъ Вашъ
Гросдлинскій Иеронимъ

Св. Афонъ.

Монастырь Гречій,

1882. 28 Декабря.

Подпись отца Иеронима на письме И. Ф. Соломенцову

Боголюбивый Иван Фомич!

Мир Вам и благословение святого Афона и нашей смиренной обители со всем богоспасаемым семейством Вашим.

Письмо Ваше от 31 августа с приложением при оном святого пожертвования Вашего и разных лиц, всего 43 рубля, обитель наша имела утешение получить. Просим передать благословение святого Афона и наше благодарение боголюбивой Александре Дмитриевне Курдюмовой за святое пожертвование 10 рублей. Имя рабы Божией Раисы записано о упокоении по чину обители нашей на вечное ежемесячное поминовение. Боголюбивейшим Екатерине Петровне Дерябиной и Наталье Ивановне Панчиной прилагаем благодарные письма за их жертву — 17 рублей. Просим вручить им письма эти. Боголюбивому Константину Петровичу Островскому, пожертвовавшему 6 рублей на устройство скита святого великомученика Пантелеимона, прошу передать благословение святого Афона и благодарение наше за его усердие. Имя его поминается обителию нашею.

Приносим и Вашему Боголюбию искреннюю нашу благодарность за пожертвование 9 рублей и маленькому сынку Вашему ученику Николаю за жертву — 1 рубль. Молебны святым великомученикам Пантелеимону и Георгию с поставлением свечек отслужены

о здравии, мире и спасении рабов Божиих Иоанна, Олимпиады, Николая, Марии, Симеона, Екатерины и Василия. Масла от неугасимой лампы при возможном случае пришлем.

Благодарим Господа и от души радуемся, что издаваемые нашею обителию душеполезные книжицы доставляют духовное удовольствие и наставляют ко спасению боголюбивых христиан, читающих оные; радуемся, что в этом числе и Вам доставило духовную пользу и сладость.

Вы говорите, что хотите избежать некоторых маленьких дел и случаев, которые заботят Вас, да поможет Вам Господь Бог Своею благодатию, а что грехи усиливаются, это дело вражеское, он старается более и более каждого человека вовлечь в грехи, но много зависит и от нашей решимости при помощи Божией удерживать себя от всякого греха, пресекать оный в самом начале его, что упоминается в псалме: *Блажен, иже имет и разбьет младенцы твоя о камень* (Пс. 136, 9). Осуждение ближних искореняется самоосуждением — кто постоянно смотрит на себя, вникает в свое сердце, распознает свои грехи и недостатки, тому некогда судить других, он лишь себя осуждает и кается пред Господом, если же и придется когда по немощи человеческой сказать что или подумать дурное о другом, то должно тотчас отогнать этот помысл и помолиться внутренне о себе и о том, кого хотели осудить. Тяжкий грех — осуждение, таковые присваивают себе власть Божию; помнить должно упоминаемую в святом Евангелии явную грешницу, приведенную к Господу на суд, но и ее Он не осудил, а мы с ног до головы сами утопаем в грехах и дерзаем судить других.

Учащемуся отроку Николаю от обители нашей посылаем благословение, да подаст ему Господь разум к учению, особенно в Законе Господнем.

Затем, призывая на вас щедроты Многомилостивого Господа и матернее заступление Владычицы мира, остаюсь смиренный богомолец Ваш

духовник Иероним

Афон. Русский Пантелеимонов монастырь

3 ноября 1870 года

Достоуважаемый брат Иван Фомич с супругою Вашею и сыном Николаем! Мир вам и благословение от жребия Царицы Небесной.

Уведомляю Вас, что два письма Ваших с вложением 7 рублей и 6 рублей, а всего 13 рублей, я получил исправно. Благодарение приношу Вам от лица всей обители за Ваше расположение и уча-

стие в ее нуждах. Бог милосердный и Отец щедрот да помянет Вашу любовь и христианское милосердие к ближним, и Матерь Божия да наградит Вас достойно в нынешнем веке и в будущем. Желаю Вам и семейству Вашему преуспевания в делах благочестия! Желаю Вам душевного и телесного здоровья, а сыну Вашему преуспевания в науках. Советую поступить с ним по существующим законам и правилам государственным.

Имена ваши о здравии и спасении Иоанна, Олимпиады, Николая, Марии вписаны и поминаются при церковных богослужениях. Главным образом имена о здравии Владимира, Мариамены со чады, Дарии и о упокоении отроковицы Анны, Анастасии, Веры поминаются по чину обители с чувством благодарности к благотворившим, а благодетельному иерею отцу Луке прилагается отдельное письмо от обители.

Призвав на Вас благословение Божие и покров Богоматери, остаюсь Ваш брат и доброжелатель.

Духовник Иероним

*Святой Афон. Монастырь Русский
1871 года, июля 21-го*

Прибывший к нам Иван Сергеевич Кузмичев передал нам, что Вы желаете побывать у нас на Афоне. Да дарует Господь, чтобы это благое желание Ваше исполнилось, чего и я от всего моего сердца желаю.

Духовник Иероним

Еще получено Ваше письмо и при нем 1 рубль денег для поминовения новопреставленного Гавриила, имя которого записано в синодик вечного поминовения. Просим вас передать о сем родным его.

Д. И.

Получено 28 апреля 1874.

Возлюбленный о Господе братец Иван Фомич с супругой Вашей Олимпиадой Васильевной, Христос воскрес!

Милость Воскресшего и с Собою вся Совоскресившего и державный покров Преблагословенной Владычицы да пребывают с Вами вовеки!

Хотя письмо мое достигнет до Вас спустя несколько недель после Пасхи, но как еще празднует святая Церковь от празднования праздника в 32-дневном поприздстве, то и поздравляю Вас с торжеством торжеств с приветствием: Христос воскрес! Причем душевно

желаю Вам и впредь многие и многие святые Пасхи встречать и праздновать во благоденственном здравии и сердечном мире, душевной тишине и в радовании о Дусе Святе, а затем да сподобит Жизнодавец узреть и праздновать Вам и вечную Пасху в торжествующей на Небеси Церкви, слабый прообраз коей празднует на земли воинствующая Церковь!

После сего уведомляю Вас о получении мною почтенного письма Вашего от 1 марта с вложением 80 рублей, из коих 15 рублей пожертвовано крестьянином Андреем Перемышленниковым.

Итак, вы лишились возлюбленного вашего сына Николая, который 25 февраля по воле Божией переселился душою своею из временного мира в нескончаемый. Искренним сердцем разделяю потерю вашу, соскорблю с вами, скорбящими и плачущими, а при том вседушевно желаю и молю Благоволившего взять к Себе возлюбленного сына вашего, дабы Он подкрепил вас понести ниспосланный вам от Него крест и дабы утешил скорбящий дух ваш благодатию Своею. Я и обитель наша долгом почтим молиться об отшедшем волею Божиею отроке Николае, чтоб упокоил его Господь во светлости святых, с каковою целию имя его вписано у нас в два главных синодика на вечное ежедневное поминовение на проскомидии и на неусыпаемое чтение Боговдохновенной Псалтири, по чину совершим и сорокоуст по нему.

Знаю, как тяжело для родительского сердца лишиться возлюбленного своего, о воспитании которого приложено было всевозможное старание, но Господь дал его вам, Господь и отъял. Якоже Господеву изволися, тако и бысть. Буди убо за все благословенно имя Того, Иже, по гласу святой Церкви, глубиною мудрости человеколюбно вся строит и полезное всем подает!

О ранней кончине возлюбленных наших в Писании так объясняется: *Старость честна немноголетна, ниже в числе лет исчисляется, возраст старости житие нескверно. Благоугоден Богови быв возлюблен бысть. Скончався в мале исполни лета долга: угодна бо бе Господеву душа его* (Прем. 4, 8—10, 13—14). И так юный, девственный сын ваш возлюблен Господом и взят Им из сего житейского моря мира тамо, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь вечно блаженная. Верьте без сомнения, что любезный сын ваш не лишен милости Божией, но ликует со святыми во Царствии Небесном.

Спрошу Вас, любезный братец, если бы земной царь пожелал взять к себе сына Вашего, вероятно, Вы со всем усердием отдали бы своего сына, то к чему предаваться многому сетованию и излишней

скорби, когда сын Ваш взят Царем Небесным? Не говорю: совершенно не скорбите — сие требование было бы слишком велико и неестественно для Вас; по крайней мере не предавайтесь сильной скорби, приносите ее пред Отцом щедрот и Богом всякого утешения, отдайте Ему в послушание то, что Он благоволил взять, говорите: «Господи, да будет воля Твоя, только не лиши и нас Небесного Царствия Твоего!»

Пробави убо Вам Всеблагий Мздовоздатель богатую милость Свою в сей и будущий век за благотворение обители нашей, посети и утешь Вас Своим Небесным утешением и после неизбежных ни для кого в сей жизни скорбей и лишений воздаждь Вам и нескончаемую радость спасения предстательством Владычицы мира — Радости всех скорбящих и молитвами святого Пантелеимона!

Приношу искреннюю благодарность от себя и от обители Вам и с Вами жертвовавшему рабу Божию Андрею, которого имя о здравии и спасении вписано на сорокадневное поминовение на проскомидии, а имена почивших Леонтия и Евфимия будут поминаться в продолжение целого года. Господь Бог да спасет и помилует оказавших нам милостыню и да упокоит со святыми почивших его сродников.

Поручая Вас с супругою милости Божией, покровительству и заступлению Богоматери и святого Пантелеимона, с почтением и любовью о Господе остаюсь доброжелатель Ваш, и смиренный богомолец, и всегда помнящий Вас брат Ваш

духовник Иероним

Святая Афонская Гора

Русский Пантелеимонов монастырь

1874 года, апреля 10-го дня

Благословение Божие да пребудет с Вами и с боголюбезною супругою Вашею Олимпиадою Васильевною.

Михаил Сергеевич передал Ваше письмо, в котором Вы выражаете свои святые чувства и уважение к Святой Горе Афонской и еще желание побывать у нас. Да исполнит Господь благое желание Ваше. Но Вам Бог дал послушание при Вашей церкви, и это дело благоугодное. Воспоминание об Афоне утешает Вас, и за это слава Богу, ибо этим Вы обновляетесь в благочестивых чувствах благодатных, которые прогоняют все злые мысли от Вас. А впредь во всем да будет с Вами и с нами воля Божия.

Дело наше с греками еще продолжается у патриарха, чем кончится, Бог весть. Мы требуем свой старый монастырь.

Передавая Вам заочное мое благословение и достойнейшей супруге Вашей Олимпиаде Васильевне, остаюсь всегда помнящий Вас грешный Ваш брат и богомолец

духовник Иероним

1874 года, сентября. Афон. Русик

Христос воскрес!

Получили мы письмо от Ивана Сергеевича Кузмичева, в котором он пишет нам, что враг ухищряется и борет его разными искушениями, чтобы только отклонить его от монашеской жизни. Хозяин его хочет отдать за него дочь свою. Может быть, он сам говорил Вам об этом? Советуйте ему поскорее удалиться оттуда, и хорошо б было Вам с ним теперь прибыть к нам.

Наше дело с греками, благодарение Богу, решается в нашу пользу.

Мне писал брат мой двоюродный Иван Маркович Соломенцов, что он желает прибыть ко мне для свидания со мною. Если Вам будет удобно взять его с собою, то я Вас прошу о сем. Я об этом говорил Михаилу Сергеевичу, ибо он знает его хорошо.

По моему мнению, путешествие Ваше, которое Вы хотите сделать по русским святым местам, для Ивана Сергеевича будет не на пользу души его, ибо он в таком случае увидит много соблазнов, кои могут охладить благодатную теплоту его к монашеству. Впрочем, разве побываете в не многих местах и будете удаляться от знакомства с многими советниками непрощеными, которые сами навязываются со своими советами и тем расстраивают благочестивых людей, как то делает прельщенный Иона, строитель Выдубецкого скита в Киеве, ибо он только и знает, что укоряет Святую Гору, а незнающие верят ему и вредятся от него.

Прошу Вас, приложенное при сем письмо не замедлите передать Ивану Сергеевичу, ибо оно для него нужно. Прошу передать мой поклон и благословение супруге Олимпиаде Васильевне. Господь да поможет Вам в Вашем святом деле спасения.

Остаюсь любящий Вас брат Ваш

духовник Иероним

4 мая 1875 года

Благословение Божие да пребудет с Вами.

Мы уже извещали Вас о получении бубликов и прочего, теперь извещаю Вас, что я послал к Вам двое хороших четок для Олимпиады Васильевны, по получении которых уведомите меня. Из Валук пишет ко мне брат мой Иван Маркович Соломенцов, который

желает побывать у нас на Афоне. Я писал ему, чтобы он побывал у Вас для узнания о путешествии к нам. Прошу Вас, позаботьтесь о нем. Иван Сергеевич кланяется Вам, и он пишет к Вам о нем, чтобы Вы из его денег, оставшихся у Вас, дали б ему, Ивану Марковичу, на дорогу 50 рублей.

У нас в обители, слава Богу, все хорошо. Но вдали от Афона Сербия и Черногория начали воевать с Турцией. Я думаю, что из газет Вы уже знаете о сем.

Отец Макарий, игумен, кланяется Вам, и вся братия поминает Вас. Испрашивая Вам благословение свыше и Олимпиаде Васильевне, остаюсь помнящий Вас Ваш брат

духовник Иероним

3 июля 1876 года

Боголюбивый братец Иван Фомич!

Благословение Божие да пребудет с Вами и с благословенною супругою Вашею.

Я уже писал Вам о том, что на путешествие Ваше с супругою Вашею во Иерусалим есть Божие благословение и наше отеческое, и можно заехать посмотреть Афон хотя с парохода, и женщинам это не запрещено, и Вам это известно. Когда Вы начнете свое путешествие, хорошо бы это сделать в мае. Если Бог даст, то возьмите с собою вместе и брата Ивана Марковича, привезите его на Афон, он об этом просил нас, желает остаток жизни своей окончить на Афоне. Дочь его Евлампия Ивановна пусть сопровождает его до Афона и послужит ему. Любвеобильный братец, я Вас прошу, сочувствуйте сему богоугодному делу. Мне очень желательно, чтобы брат наш Иван Маркович в покаянии умер на Афоне. И Вы со своей стороны, сколько возможно, помогите нам в этом деле. И какие будут издержки для сего, я все уплачу Вам. Впрочем, я отцу Иоанникию это поручил. Он хотел к Вам заехать и обо всем с Вами переговорить. Если будете иметь свидание с матушкою игуменьею Маргаритою, то попросите ее о принятии в монастырь племянницы Евлампии. Я уже просил ее о сем.

Потрудитесь ответить мне на это мое письмо, а так как приближается светлый праздник Воскресения Христова, то я и поздравляю Вас с оным, да дарует Вам Искупитель наш встретить и провести его во благоугождении Ему. Аминь.

Остаюсь помнящий и любящий Вас брат Ваш

духовник Иероним

От 28 марта 1880 года. Афон. Русик

Благословение Божие да пребудет на Вас и с благословенною супругою Вашею.

Извещаю Вас, что я получил письмо Ваше, в коем Вы спрашиваете меня, когда Вам отправляться во Иерусалим, то есть к Пасхе или после Пасхи. На этот Ваш вопрос вот мой какой Вам ответ.

Если Вы желаете быть в Иерусалиме к Пасхе, чтобы видеть там все совершаемые торжества и получить утешение от получения благодатного огня, то Вы должны отправляться зимою, в феврале, но зато претерпите холод и бури на море, и в это время в Иерусалиме бывает очень народно, тесно — теснота и толкотня, и все это надо потерпеть со благодушием, а путешествие после Пасхи для старых людей будет гораздо легче и удобнее, только от жаркого времени немного потерпите труда. Впрочем, всякий труд и скорбь, которые встретятся Вам на этом Вашем богомолье, будут определены Вам от Бога для Вашего же спасения, лишь бы за все Вам прилучившееся Вы благодарили Бога, спасающего нас разными скорбями. Вот Вам два моих совета. Какой Вам понравится, тот и исполняйте.

Подружиию Вашему полезно посмотреть святой Афон, а потому пусть она с Вами прибудет к Афону, и потом в Салонике поживет на нашем подворье до будущего прихода парохода дней десять, и потом заедет за Вами в Афон, а отсюда и далее. Итак, с Богом, Он Вас благословит и да поможет совершить это Ваше путешествие благополучно во благоугождение Ему. А я остаюсь молящимся о сем.

Отец Макарий кланяется Вам и отец Иероним, все помнят Вас. Здравствуйте о Господе и с надеждою на Него и радуйтесь во святой путь. Побывайте и у сестры матушки Маргариты, может быть, оттуда будут Вам спутники.

У нас, слава Богу, все хорошо. Я был очень болен, но теперь выздоравливаю и вот мог своеручно написать Вам сие письмо.

Затем остаюсь усердствующий Вам и всегда помнящий Вас брат Ваш

духовник Иероним

*От 24 сентября 1881 года
Афон. Монастырь Русский*

Брат Ваш Семен Фомич был у нас, я посещением его был обрадован. Он желает остаток жизни посвятить Богу в монашестве у нас, на святом Афоне. Дай-то Господи.

Д. Иероним

Семен Фомич привез мне из Курской консистории метрическое свидетельство, в котором означено, что я родился в 1808 году. Вот теперь я помолодел годов на пять. Но здоровье мое очень ослабело, но еще движуся. Все хочется Вас дождаться, и тогда бы хотя и умереть. Поспешайте прибыть к нам, а то если замедлите, то, может быть, и умру. Но да будет во всем воля Божия.

Д. И.

27 мая 1883 года

Русский Пантелеимонов монастырь

Мир Вам и спасение Божие.

Извещаю Вас, что я получил Ваши скорбные письма, написанные от 23 ноября и 9 декабря, извещающие о блаженной христианской кончине достойной Вашей супруги, но прежде сего, впереди, мы получили Вашу телеграмму на другой день, то есть 18 ноября, и сейчас же распорядились: позаботились о должном поминании ее как на сорокоуст, так и во всех церквах на Литургиях и на всех службах Божиих. Господь Бог да упокоит ее со святыми. Я сочувствую Вашей скорби, ибо она для Вас очень тяжела, но эта тяжкая скорбь дарована Вам от любящего Вас Бога для вечного Вашего блаженства. Как Вы и сами написали, что она отлетела в вечную жизнь и сказала, что «я к тебе не буду и не ожидай меня, и ты ко мне собирайся, находи время и приезжай и приготовляйся». Эти Ваши мысли благодать вложила Вам в сердце Ваше. И они утешили меня весьма. Теперь Вы ободритесь тою мыслию, что Бог, любящий Вас, взял ее от Вас как будто рано к лучшему, ибо этою кончиною ее Бог развязал Вашу свободу для посвящения себя самого во святой иноческий образ, который Вы от юности Вашей желали получить от Бога, а покойница в этом останавливала Вас, да и Вы сами, много любя ее, не решились бы до смерти Вашей расстаться с нею. Вот Вам разгадка Вашего душеспасительного креста. Итак, теперь остается Вам поспешить удалением от мира, дабы исполнить благую волю Божию.

Я просил отца Иоанникия, чтобы он написал Вам поболее обо всем. Что касается до святых мощей, то они подлежат Вашему свободному распоряжению. Можете пожертвовать их куда пожелаете.

На святках я был смертельно болен и думал, что умру, потому я и не мог сам отвечать на Ваши письма, а мне очень хотелось ответить Вам своеручно. И вот Бог исполнил мое желание. Теперь я немного поздоровел и мог написать Вам. Все наши отцы помнят

Вас и ожидают Вас. Сам Бог да поможет Вам во святом деле отречения, удаления от мира. Еже и да будет по великой милости Его за молитвы Богоматери и святого Пантелеимона.

Затем, поручая Вас и себя Божественноотеческому Промыслу Божию, остаюсь ожидающий Вас, любящий Вас брат Ваш

духовник Иероним

*1884 года, января 11-го дня
Афон. Русский монастырь
святого Пантелеимона*

Мир Вам и спасение Божие.

Извещаю Вас, что я получил Ваше письмо, писанное от 6 февраля, в котором Вы объяснили Ваши обстоятельства, что Вы при всем Вашем желании оставить мир не можете этого сделать сего года. Но, впрочем, несмотря на все препятствия, Вы желаете в этот год побывать на Афоне. Это Ваше желание есть богоугодное, и я сего желаю, да дарует Господь нам еще видиться здесь, на земле. Итак, Бог да благословит Вас в путь на святой Афон. Вскоре после Пасхи немедленно путешествуйте к нам — может быть, если Бог даст, еще увидите меня здесь живым, ибо здоровье мое очень ослабело и я не думаю дожить до святой Пасхи. Но все находится в воле Божией. Да будет с нами все по Его благой воле.

Итак, при Божиим благословении и помощи мы будем ожидать Вашего прибытия к нам, на Святую Гору, и с Семеном Фомичом. Мы его полюбили и ожидаем его.

Все знающие Вас кланяются Вам, а особенно отец архимандрит посылает Вам свое благословение. Вероятно, Вы заедете к матушке Маргарите. Это для нее будет во утешение духовное, ибо она очень заботится о Вашем спасении. По получении сего письма уведомите меня о Вашем здоровье. У нас все благополучно. За все слава Богу.

Затем, поручая Вас и себя милости Божией, остаюсь ожидающий Вас брат Ваш

духовник Иероним

*От 1 марта 1884 года
Афон. Русский монастырь*

К ОТЦУ МАКАРИЮ

Преподобнейший отец Макарий!
Почта получена константинопольская, а одесской нет. По-
сылаю Вам письма И[вана] И[вановича] и от отцов Нико-
на и Маркеллина, замечательных писем нет, но из Салоника полу-
чены два письма чудных, одно от митрополита, а другое от епитропа
Христаки; оба просят об одном предмете, чтобы Русик подарил бы
им старый конак для школы. Вероятно, и Вас они будут просить
о том же, примите это к сведению и будьте осторожны, чтобы ника-
ким видом или образом не подавать им повода поиметь надежду
получить просимое ими. Да мне думается, что и от консула хорошо
бы это дело скрыть, а иначе как бы еще и он не посоветовал бы нам
в этом случае быть щедрыми.

Посылаем для Хаджи Лазара икону Божией Матери, потому что
святого Пантелеимона не обрелось, которую мы доставим ему после
с отцом Азарием. Еще посылаем акафист Покрову по-гречески —
может быть, потребуется кому и подарить. Иконы Хаджи Лазару
мы не подписали, потому что не знаем верно его адреса, если най-
дете это нужным, то сделайте там.

Отец Иоанникий, пьяница, явился сего дня в обитель, раскаи-
вается, принял канон. Я хочу отдать его Палладию на Троицкую
келлию, а внутри и сам он признается, что не может воздер-
живаться.

Я забыл сказать Вам, чтобы Вы, будучи на Каламари, погово-
рили бы с отцом Иосифом вот о чем: чтобы он попытался внушить
конторе турецкого пароходства, что если она устроит на Афоне
агентство, то получит хорошую пользу, но чтобы агенту жалованье
положили не огулом, а процентное со ста или с пассажира и с кан-
таря и тому подобное — может быть, контора и поймет, в чем дело,
и устроит оное. Если спросят, где найти им агента, тогда можно
им прямо указать на [неразб.], который здесь сидит без дела, праз-
ден, и он с охотою примет на себя агентство, а иначе толку не будет
никогда.

Неофита пришлите в монастырь. Просимые Вами отцы отправля-
ются к Вам. Дай Бог благополучно совершить Вам путешествие
Ваше. А я, слава Богу, в настоящее время чувствую себя лучше
прежнего.

Прощайте. Благодать Божия да благопоспешит Вам во всем и да
возвратит Вас и всех с Вами в обитель здравых и благополучных,

еже и да будет за молитвы Пресвятыя Богородицы, и святого Пантелеимона, и святого нашего старца. Ваш грешный и немощный

духовник Иероним

Письмо к Новикову подпишите и перешлите к нему.

Апреля 11-го года 1866-го

Афон

Преподобнейший отец Макарий!

Вследствие нашего предостережения отец Малахия за благо рассудил пораньше убраться из России, покамест поутихнет буря, а отца Тихона оставил при судне. Он просит, чтобы Вы прибыли для соощаний. Особо важного ничего нет.

Д. И.

[1866 год]

С отцом Малахиею, кажется, нужно переписаться о купленном судне телеграммою, чтобы не упустить время. Если потребуется послать людей из обители, то мы имеем столько, сколько потребно для этого судна, более не можем послать, как человек пять, а еще пять надо будет нанять. За капитана отец Ефрем может быть, и это надо бы сделать немедленно, чтобы не втянуться в осень. Но вот и еще для решения является трудный вопрос: где грузить судно и чем? В настоящее время все хлеба в России дороже здешнего, а в Таганроге, помимо хлебов, найдется ли достаточный груз? Каков будет лов рыбы? Может быть, и старое вполне не нагрузится. Нет ли в Херсоне досок сосновых девятиаршинных, как когда-то было куплено в Одессе по 60 копеек за доску? Не знаю, что более и придумать. Железа для нас требуется немного, также и прочих вещей.

Может быть, в Таганроге и наберется кое-чего, как-то: колес, ободьев, жерновов и прочего. Придумайте вы там, что нужнее и полезнее.

Д. И.

[1866 год]

Преподобнейшие отцы Макарий и Азарий!

Вчера мы получили почту чрез Салоник и от консула также, в коем письмо от прокурора с благодарностью наследника за поднесенную икону — вероятно, консул скажет вам о сем. Копию с письма прилагаю при сем.

Нового у нас только то, что духовник отец Анфим объяснился со мною, что он решился удалиться на свою каливу. Теперь мы будем искать другого духовника. Отец Савва отказался от предложения. Говорят, будто греческий консул с русским драгоманом прибыли на Афон. От отца Арсения писем нет. Отец Владимир спрашивает из Константинополя, покупать ли золота или эксарьи, то Вы скажите ему, чтобы он купил эксарьев, ибо эта монета идет лучше бешлыков. Отец Гурий просит в помощь себе Нестора, не отпустит ли отец Иосиф? Вчера отец Феодорит серайский спрашивал меня письмом, будет ли война? Я отвечал ему, что сего года не ожидаем войны, но угадал ли я? Бог весть, ибо ныне всякое случается. Отец Феоклит просил у меня денег 5 лир, говоря, что если ему придется сопровождать отца Азария в Иерусалим, то тогда ему нужны будут деньги. Если в самом деле так сотворится, то выдайте ему 3 лиры. Отец Евгений, антипросоп наш, оставляет свой пост и отправляется до Салоника полечиться с Пантелеимоном, болгарин, место его займет отец Феодосий, а конакчем¹ останется наш Илиодор — таким образом, может быть, расход конака уменьшится хотя несколько. В настоящее время у нас гостит Стагон.

По причине Вашего отъезда последовало брожение умов не только в обители, но и на Карее, некоторые антипросопы вопрошали нас, нет ли чего особенного?

Сейчас поспешаем отправлять к Вам отца Феоклита с копиями. В почте особенных замечательных писем нет, все с мелкими жертвами. От И[вана] И[вановича] письмо и реестр прилагаю при сем.

Воскресное бдение переложил геронда на второе число, вместе отпраздновать и новых преподобномучеников с памятью святителя Афанасия Великого. Молитвами их да хранит Вас Господь.

Желающий Вам успеха и благополучного и скорого возвращения

д. И.

29 апреля

Преподобнейший отец Макарий!

Христос воскрес!

Писать Вам важного ничего не имеем. Блинов прибыл, но, кажется, щедроты его до нас не коснутся. Он имеет намерение подражать Стахееву, то есть построить свой монастырь, это он сказал мне по секрету. Пожертвовал нам 10 рублей полуимпералом. Отец

¹ Конакчей — заведующий конаком. — *Примеч. сост.*

Гервасий¹ киевский просится к нам. Я сказал ему, что без отца Макария не решаю таких дел; впрочем, он мне нравится.

По отбытии Вашем я был болен, и опять зубною лихорадкой, но только одни сутки, теперь выздоровел. Монастырь, слава Богу, в благополучии. Феофилакт еще жив. Есть Вам от Лидии письмо, но не посылаю Вам его, особого ничего нет. От Ивана Ивановича писем нет, но чтобы не подпасть под упреки Ваши, что ничего не написал Вам, то понудился написать это письмецо. Геронда, слава Богу, здоров, то же и отец Иларион.

Благословение Божие и отеческое да хранит Вас и сущих с Вами, которым и передайте от меня благословение.

Ваш грешный духовник Иероним

1868 года, мая 1-го дня

Христос воскрес!

Преподобнейший отец Макарий!

Извещаем Вас, что поминовение о упокоении Иоанна, родителя Вашего, у нас началось исполняться с получения известия о кончине его. Соборные панихиды совершены, и ежедневные исправляются отцом Анатолием и отцом Авелем. И отец Анатолий теперь же получил известие о кончине его родителя 13 апреля. По монастырям и скитам пошлем милостыню за покойника и прочее, о чем Вы просили, при помощи Божией исполним.

Пароход с поклонниками и с нашим отцом П[антелеимоном] пришел к монастырю ночью, не взяв практики², высадил поклонников к монастырю. Турки обыкновенно смутились, не позволили им войти внутрь монастыря, заставили их держать карантин двое суток, вследствие чего поклонники оскорбились на монастырь, что не похлопотали выручить их.

Известные Вам святые мощи приобретены для монастыря — утешение немалое.

Но вот и скорбь старая воскресает, если попустит Бог, то она сделается для нас нелегкою: враг не дремлет, усиленно домогается пресечь или преградить источник течения милостыни из России. Одесское начальство — губернатор и градоначальник намереваются не на шутку сделать нападение на нашего Новикова, запретить ему

¹ Иеромонах Киево-Печерской лавры. Принял в Русике схиму с именем Гавриил и здесь скончался. — *Примеч. о. Владимира.*

² Судовой документ. — *Примеч. сост.*

и оштрафовать его якобы за противодействие закону, как помогающему неразрешенным сборам. Прилагаю Вам при сем письмо Новикова, в котором Вы увидите копию с отношения губернатора к градоначальнику. Посоветуйтесь с отцом архимандритом о сем деле, что нужно нам в таком случае предпринять, куда сначала обратиться, к какой власти, разумеется? Все зависит от Божия попущения, а потому от Него сначала надобно искать помощи и разрешения этого искушения. Но это говорится по-человечески (а помолись Богу и святым Его), а иначе всяк человек — ложь, а в таком случае и надежда на него суетна. Но мы веруем, что чрез людей Бог помогает нам, и утешает нас, и оскорбляет тоже на пользу. Отец Азарий хотел изложить свои мысли насчет этого дела. Жаль будет старика почтенного, оскорбят на старости его и без причины.

Хилендарцы прислали мне при письме пакет, адресованный на имя посла, который просили меня переслать Вам для вручения ему и который при сем посылается Вам.

В обители, благодарение Господу, все благополучно, я молитвами старца нашего оправился и сего дня мог сойти к геронде и для нового дома место показать.

Новопостриженный Феофилакт отошел в вечность.

Заметьте отцам, нельзя ли как-нибудь избежать подобных искушений с пароходами, нужно договариваться решительно, чтобы они, не взяв практики, не высаживали бы поклонников на берег, а то беда и горе нам, потому что вся вина с обеих сторон возлагается или приписывается нам, ибо поклонников никак не разуверишь, а турки и рады тому, чтобы иметь причину обвинять наш монастырь. Более писать Вам не имею о чем. По получении Новикова письма один день я был скучен, а на другой день менее скучал, а на третий день не имел уже скуки; какая-то мысль повторяла часто: «Не возносите и не глаголите, *что ясте или что пиете*» (Мф. 6, 25) и прочее — и: «Ты — ничто, а все — Бог, а потому молчи, Бог знает, что творит».

Прошу передать мой нижайший поклон отцу архимандриту.

Царские двери вчерне кончены, вырезаны хорошо, остается позолотить их. Дадут ли серайцы позолотчика? Если не дадут, то придется посылать их в Одессу, ибо афонские позолотчики не умеют золотить.

Прочим отцам благословение. Затем, пожелав Вам здравия и скорого возвращения, остаюсь ожидающий Вас расслабленный Ваш и недужный

духовник Иероним

Р. S. Отцу Маркелину сказать, чтобы не забыл прислать четыре листа свинцовых для крыши Покровской церкви ок 700 или 800.

Сейчас прибыл к нам Никейский митрополит. Чтобы не отяготить певчих, геронда наш не захотел было делать два бдения сряду, но певчие его со своей стороны изъявили усердие пропеть два бдения, и сегодня ввечеру святому Феологу у нас будет бдение, и я этому обрадовался, но выдержу ли сам, то Бог весть.

1868 года, мая 7-го дня

Сего утра прибыл к нам Никеаз¹, был у нас наверху, имеет намерение поспешить в Есфигмен, чтобы там прослужить, но болезнь его племянника остановила его у нас ночевать, а может быть, и праздник проведет у нас.

Купец Блинов будто бы и расположился к нам, но жертвовать не обещается, еще боится расточать, хотя и бездетный.

Намерение правительства благое состоит в том, чтобы уничтожить злоупотребления в сборах на святые места, или все равно, прекратить ложные сборы. Если так, то зачем же препятствовать истинным сборам, которые испрашиваются по совести у благотворителей и употребляются на дела богоугодные, что многим известно, да и самим членам Святейшего Синода? И может ли кто-либо доказать, что мы во зло употребляем собираемые в России суммы? Эту мысль отец Азарий проводил как-то темно.

Высокопреподобнейший отец Макарий!

Геронда дал благословение заложить церковь.

Духовник Иероним

Возлюбленнейший отец Макарий!

Христос воскрес!

О самонужнейшем извещаю Вас. Во-первых, что святой геронда наш и мы при нем за его святые молитвы, тоже и Вашими, слава Богу, здоровы и благополучны, а, во-вторых, нижняя церковь [на Крумице] готова к освящению.

Сегодня мы с герондою сотворили путешествие на варке² до пирги ватопедской, и нас принял отец Модест очень радушно. К четвертому часу мы возвратились и с аппетитом покушали, а то все геронда без

¹ Митрополит Никейский. — *Примеч. сост.*

² Варка — лодка (греч.). — *Примеч. сост.*

движения, потому и жалуется на отсутствие аппетита. Но прогулки его всех нас возбуждают к большому вниманию и опасению. Но до сего времени десница Божия хранит его, яко младенца. О чем Вы писали, Господь подал благовременство, и я переговорил с ним в присутствии отца Саввы, который помог мне повлиять на геронду, кажется, что очень убедительно. Впрочем, все Божие содействие, Тому за все и благодарение. Говорил я геронде и о приглашении архиерея, если в случае он прибудет, но геронда не захотел сего, рек: «Ден хриазете, ден эхи ананги»¹.

Матвей для Крумицы нужен. По письму болгарской церкви святого Димитрия получите пять фортъев² фасоли, за которую просят колокол, то дайте им колокол ок 20 или 25.

Завтра, если Бог даст, геронда хочет отслушать Литургию в храме Богородицы Иверской. Вас ожидаем к вечеру, не забудьте взять у меня в дулапе³, где белье мое, один антиминс, надобно от него отрезать евангелистов для престола.

Здесь в уши мои и в прочие чувства насильно навязываются радости и утешения, но сердце мое капризничает, не принимает их — видно, всему есть свое время или так надобно тому быть. Бог весть. Вышних ищите — кажется, этим напоминает.

Отец Герасим требует многих наших молитв или, вернее сказать, великой милости Божией.

Простите и молитесь за меня, немощного. Уж мне кажется, что более мне не прогуливаться по Крумицам!

Привезите 100 эскаръев для мелкого расхода.

Духовник Иероним

10 апреля [1871 года]

Крумица Нижняя

Высокопреподобнейший отец Макарий!

Просьбу Вашу исполнить нет возможности, потому что частицы святых мощей святой Татианы вложены в большой ковчег. А крест с Честным Древом аргату вручить нехорошо, а послать кого-либо уже поздно — ночь, ибо аргат пришел при заходе солнца. Итак, простите и молитесь за нас.

Духовник Иероним

¹ Не нужно, нет необходимости. — *Примеч. сост.*

² От греч. фортион — ноша, вьюк. — *Примеч. сост.*

³ Дулап — шкаф (греч.). — *Примеч. сост.*

Отцу Иезекиилю скажите, что Мокей просил принять его от них, ибо не пользуется при них. Вчера я забыл поговорить о попе Памве, что Вы скажете? Он мирен жить и на Крумице, и в монастыре, а теперь он совсем приготовился переместиться в обитель. Итак, это зависит от Вашего решения. Как Вам Бог возвестит, так и скажите ему.

Духовник Иероним

Высокопреподобнейший отец архимандрит Макарий!

Здравствуйте о Господе.

Получив Ваше письмо, спешу исполнить Ваше распоряжение. Отца Павла нет в монастыре, он поехал за границу ксиропотамскую, а с отцом Варлаамом все прочее Ваше назначение постараемся при помощи Божией исполнить. Особого ничего нет, а потому, если хотите, то можете пробыть на Крумице и воскресенье. Писать теперь отцу Арсению и отцу Иерону не успеем, да и нет большой нужды. Бдение на воскресенье будет.

Духовник Иероним

1876 года, ноября 26-е

Высокопреподобнейший отец Макарий.

Прочитав Ваше письмо, я подумал о случившемся препятствии, что бы лучше сотворить. Вот что одна мысль сказала мне: что отца Анувия сделать диаконом. Но Пассариона [сделать иеромонахом] что-то не позволяет по причине его глупости. Уж прост или глуповат невежа, иеромонахом делать его еще очень рано. А что касается до другой мысли, чтобы сделать отца Протасия хотя диаконом, то это можно предоставить решению владыки. Вот мое мнение. Испытайте Анувия, мне кажется, он чист.

Простите и молитесь за меня, грешного.

Духовник Иероним

[Июнь 1877 года]

К ОТЦУ МАКАРИЮ В КОНСТАНТИНОПОЛЬ во время «греко-русского процесса»

Высокопреподобнейший и вселюбезный наш отец Макарий. Мужайтесь, и да крепится сердце Ваше упованием на Господа, и нам помогайте в том же пребывать.

По отбытии Вашем у нас ничего особенного не явилось. Греки приуныли, ожидают прибытия экзархии. Вчера я был у геронды, передал ему Ваш поклон, он был очень благодушен, утешал отца Илариона ласково. С господином Акселосом¹ мы познакомились хорошо и обо всем объяснились с ним подробно. Сначала он старался убедить нас, что раздел наш с греками немыслим вовсе, и уверял нас, что мы хотя и много на это потратимся, но ничего не успеем, потому что нация их против этого действует. Но, когда мы объяснили ему всю сущность нашего дела и нашу решимость во чтобы то ни стало, но достигать отдельного существования, хотя бы и чрез Порту, тогда он, по-видимому, согласился принять нашу сторону. Много было высказано ему, всего не могу передать Вам на письме. Отец Пантелеимон может добавить Вам устно и отец Азарий. Мы старались более всего внушить ему как можно яснее и сильнее решительное наше желание возобновить Старый Русик, как он был прежде. Если мы не достигнем сего чрез посредство правления Святой Горы и благоволения святейшего патриарха, тогда мы вынуждены будем просить о сем власть гражданскую. При этом слове он смутился и возразил нам: «Нет-нет, не вмешивайте в ваше дело гражданскую власть, это нехорошо». Впрочем, из некоторых его выражений заметно было, что он был убежден в том, что мы имеем намерение завладеть монастырем и греков выгнать, а, когда мы уверили его в противном, тогда он весь прояснился, и начал говорить откровеннее, и изъявил свое желание содействовать исполнению нашего желания, чтобы Русик дан был нам с именем монастыря. Обещался об этом написать святейшему патриарху. Просил, чтобы известить Вас о том, по приходе парохода, чрез два дня, чтобы Вы явились к патриарху поговорить о нашем деле и замечали бы, «как и что он будет говорить в пользу вашего дела по получении моего письма. Если он будет говорить о вашем деле лучше прежнего, то это будет значить, что мое письмо

¹ Константин Акселос — по словам отца Мины, «эллинский консул в Константинополе». — *Примеч. сост.*

повлияло на него». К этому вот что еще заметил он: когда будет назначаться в Афон по нашему делу экзархия, тогда чтобы его поместить в числе той экзархии. Отсюда он отправился в Афины, чрез 15 дней обещался прибыть в Константинополь. Он попросил у нас альбом, мы дали ему оный, и он этим остался очень доволен, даже так выразился: «Если б вы подарили мне 100 лир, я не был бы так рад, как этому подарку». А денег он не принял, сказав: «Это я успею взять и там», то есть в Константинополе.

Отец Азарий не хочет иметь помощником при себе отца Пантелеимона, а этот настаивает; что тут с ними делать? Попробуйте свести их, а то лучше пусть он едет в Бруссу.

Господин консул объехал те монастыри, которые пользуются доходами из России, просил их содействовать нашему делу и притом погрозил им, если не сделают сего. Обещались будто бы. Некоторые прежние слухи, казавшиеся нам пустыми, теперь сбываются. Например, в случае если мы не примем их сетей, то есть канонизма, то потом действовать лестью, а лишь бы не допустить нас до самостоятельности. Господин Акселос предлагал нам, чтобы мы вместе с ним переделали бы канонизмос, как нам хочется, и это будет принято и утверждено. Я на это изъявил ему свое сомнение вопросом таким: как это можно сделать? Он отвечал вот как: «Чтобы игумен избирался по голосам, а когда на вашей стороне есть большинство, то, следовательно, ваш будет и игумен, а епитропы должны быть: ваших двое, а греческий один и прочее, а недовольных выслать». Вот видите, есть чему подивиться, как они ловки на обманы. Еще Акселос заметил нам, что очень нужно нам во всех греческих газетах напечатать о нашем деле статьи по две. Эту мысль и я принимаю. О прочем Вам пишут отцы.

Зазвонили на канон. Простите. Помощь Божия сугубая или крепкая да пребудет с Вами. Передайте наше благословение нашим братьям, а прочим — поклон. Отец Арсений остался.

Духовник Иероним

1874 года, июнь

С черновой отца Арсения¹.

[Мнение отца духовника Иеронима.]

Как уже я Вас уведомлял, что, по общему нашему мнению, надо всячески постараться дело с патриархом покончить в Константино-

¹ Помета отца Владимира. — *Примеч. сост.*

поле, условившись вперед о действиях экзархии, а иначе она нам, кроме вреда, ничего не учинит. В делах подобных у греков водится так: с кем нужно, делают предварительно условие, что за такое-то дело такое-то вознаграждение, в число коего часто дают вперед, но так как мы нигде не доступны, то нам всюду в исполнениях встречаются затруднения. По мнению нашему, необходимо, не отлагая времени, дать кому следует и сколько следует, об общей цифре мы Вам писали, сколько предполагаем затратить на все это дело, и сказать боголюбивому покровителю нашему¹, что это Вы жертвуете из своей части, завещанной Вам братьями. Жалеть денег не должно, только бы Господь помог удержать нам за собою монастырь, а если теперь не достигнем сего, то оное навсегда будет потеряно и не будет русским приюта на святом Афоне; вся Россия о сем будет скорбеть, не говоря уже о нас самих и о наших благодетелях. Нельзя ль Вам нашему боголюбивому покровителю о всем пооткровеннее передать, о чем совокупно обдумайте.

Прибывши из Иерусалима, Степан Иванович Пономарев передал нам от отца архимандрита Антонина его мнение, чтобы не жалеть расходов, только чтоб во что бы то ни стало удержать за собой древнее свое достояние, а иначе оно навсегда будет потеряно. Из сего видно, что он к нам искренне расположен.

А что на нас открылось лаянье газет, то на это не стоит обращать внимание, ибо всем известна их злоба.

Промысл Божий строит свое. Боголюбивому покровителю нашему не хотелось без крайней нужды обращаться к турецким властям, но наши доброжелатели упредили его и тем дали ему возможность, не стесняясь, действовать; вероятно, и тут нужна будет благодарность, в этом не затрудняйтесь, одно имейте в виду: при помощи Божией удержать за собой свое древнее достояние.

Если уже никак не захотят признать 21-й монастырь, то пусть нагорный Русик признают монастырем, как он и был, а нижний — скитом. Постройки, в коих живем, всячески должно за собою удерживать, да они и не нужны грекам.

Возлюбленный наш отец Макарий!

Бог да простит исповеданное Вами, и я по Вашему желанию прочитал для Вас заочно разрешительную молитву. Господь да укрепит и просветит Вас, яже ко спасению или благоугождению Ему и всего нашего братства. Эта наша единственная цель, которая

¹ Графу Николаю Павловичу Игнатьеву. — *Примеч. о. Владимира.*

ободряет нас в треволнении, обстоящем нас. Вся надежда, что любящим Бога вся споспешествует во благое (Рим. 8, 28). А мне только остается одно сказать Господу, что хочу *видети во благодати избранныя Твоя* (Пс. 105, 5), и потом: «Приими мя, кающегося многогрешника!» Конечно, Вы скажете на это, что «и я того ж хочу», но моя мысль не о земном покое. Хотя и приходит помысл, что в нагорном Русике не будет ли побезмолвнее? Один Бог весть, что не имевшим мира мысленно возможно ли иметь безмолвие в безмолвии? Примеры такие — пред глазами нашими.

В настоящее время геронда наш находится в состоянии младенческого незлобия от старости, кто что скажет, тому и верит, к тому ж и память у него ослабела, что сказал, то вскоре и забыл, а этим воспользовались наши противники, которые теперь окружают его и беспрестанно внушают ему то, что полезно их стороне. А потому нам не следует давать большого значения его словам, произносимым от расстройства его людьми, враждующими против нас, что бы он ни сказал нам, не должно об этом беспокоиться. Довольно для нас того, что он прежде несколько раз засвидетельствовал пред нами об этих людях, что они и по его разумению не что иное, как бунтовщики, мятежники, самочинники, «автохиротоните»¹ и прочее. А что он теперь держится их стороны, то этому так и должно быть было, а иначе о желаемом нами разделе не могло быть и речи. Итак, Вы теперь видите, что и неприятные обстоятельства помогают нашему делу.

В воскресенье консул отправится в Салоник. Отец Иеремия, доктор, просился в Россию под предлогом полечить свое ухо, которым он страдает, но на самом деле он более страдает от раздражительности. Я просил его потерпеть или хотя для этого съездить в Константинополь и с тамошними докторами посоветоваться, на последнее он изъявил свое согласие. Хотя я теперь чувствую себя хорошо, но вот пришло жаркое время, а чрез него (доктора) Господь помогал мне. Когда он будет у Вас, окажите ему возможную ласку, ибо он это любит, якоже и всяк человек. Отец Варлаам, поп, будет сопровождать консула до Салоника, а оттуда проедет до Константинополя по его надобности, для отыскания своего паспорта. В братстве нашем особого нет ничего, а в греческом — смуты по известной причине, о чем пишут Вам отцы. Отец Иларион от слов герондовых в подвиге и ходить вниз уже более не хочет, да и нужды в этом нет, и в тот раз он очень не хотел идти туда, но я убедил

¹ Самозванцы (греч.). — *Примеч. сост.*

его пойти, для того чтобы в присутствии его прочитать патриаршую грамоту, но это не послужило к пользе, а более ко вреду его и геронды. Впрочем, геронда (под конец, когда я сказал ему с гневом, что «ты сам прогнал его от себя наверх, а теперь гневаешься на него, почему он живет наверху») успокоился, простил его и дал ему свою руку, и так мы удалились от него.

Поручая Вас и себя особой помощи Божией и покрову Богоматери и святого Пантелеимона, остаюсь

Ваш духовник Иероним

21 июля 1874 года

Возлюбленный наш отец Макарий!

Мир Вам и спасение Божие и с чадами нашими о Господе.

Последнее известие Ваше о изъявленном Вами господину Акселосу согласи Вашем на исправление канонизма весьма возмутило нас, ибо этот поступок Ваш если не испортит всего дела нашего, то непременно затянет его надолго. Эту ловушку господин Акселос и мне подставлял, об этом и Вы хорошо знаете. Чего же нам ожидать от исправленного Вами канонизма? Это значит, что Вы хотя и неволей, но согласились на сожительство с греками, о чем братия и слышать не хотят. Дело понятное, что господин Акселос обманул Вас хитро или, лучше сказать, ловко, потому что исправленный Вами канонизм он торжественно представит в общее собрание и заявит, что этот исправленный канонизм есть собственное мнение или желание самих русских! Что же после этого Вы будете делать с нашим требованием раздела, когда Вы сами согласились исправлением канонизма на сожигание с греками? Мы даже не можем придумать, как это случилось, а потому и решились послать к Вам отца Павла для личного и подробнейшего объяснения об этом печальном факте. К тому ж и о текущих и о протекших наших делах нужно передать Вам кое-что немаловажное, о коих Вы издали не совсем верно рассуждаете, а всего на бумаге передать верно или ясно невозможно.

О разделе трапезы первые мысль и слово принадлежат мне. Это я употребил для угрожения грекам, после того как я просил греков более десяти раз со смирением и даже именем Божиим, чтобы они приняли своего магера и вразумили б трапезаря, и, когда мои просьбы были с разными насмешками пренебрежены, тогда я призвал отца Павла и отца Иерона и решительно приказал им, не таясь от греков, устраивать магерню¹ и готовить столы для трапезы. Это

¹ Кухню. — *Примеч. сост.*

заметно сильно подействовало на греков и они немедленно приняли магера и трапезаря поправили, ибо с того времени и он изменил свои варварские действия. В настоящее время мы ничем не тесним греков, а, в чем можем, понемногу ограничиваем их, именно: раку выдаем им мерою, также рому и сахару выдаем им по пол-ока на человека в месяц, чего ж им еще хочется? На это они не имеют права роптать; разумеется, от первого их злоупотребления теперешний порядок кажется им притеснением, а иначе чем их вразумить? Сами же греки учат нас, как нам смирять их; это, говорят они, есть единственное средство для их смирения.

Хотел было поехать к Вам отец Арсений, но рассудили, что ему нужно подождать прибытия на Святую Гору господина Елагина и тогда уже вместе с ним поехать к Вам и в Москву. В Москву ж его требуют обстоятельства часовни.

У нас в братстве особенного ничего нет. Яков Спиридонов отправляется в Россию, он не может жить у нас по причине больших бдений, а желает поместиться или в Оптиной, или в Гефсиманском скиту, с ним едет Иван Васильев, этот по болезни. Я высылаю Петра Захарова Бирючевского, старика, он оказался человек не трезвый и безнравственный. Так же мне хочется проводить в Россию двух моих земляков, Мисаила и Геронтия, но что-то они боятся ехать, а здесь они вредны для других. Пинуфрия посадили на келлию Трех святителей. Старик Вениамин помер, Виссарион молодой догорает, как свечка, жалею о нем, ибо таких у нас мало. Иоасафа, живописца, кажется, вышлем за воровство. Не знаю, что делать с бухарестскою колодой, не хочет выезжать, да и только! Поп Тихон все калабалычится¹, искушение тянет его то к майносам, то в Россию, беда с этими беспутными!

Лихорадка моя мало-помалу проходит.

Вы все беспокоитесь о том, что я не хожу к геронде для свиданий, а то забываете, что он теперь собою не командует, а отец Евгений. Поэтому рассудите, что если мне пойти к геронде, то это покажется Евгению, что я пришел по какому-либо великому делу, и он не допустит мне поговорить с герондою наедине, а при нем говорить — он всячески возмутит против меня геронду, и тогда между нами произойдет скандал. А что Бог даст впереди, может быть, какое-либо благословное обстоятельство сблизит и вынудит нас объясниться.

Затем, поручая Вас и себя милости Божией, остаюсь сохощий Вам, но с упованием на спасение Божие.

¹ Смущается помыслами. — *Примеч. сост.*

Отец Иларион приходит ко мне утром и вечером с помощью охать и ахать, а нередко и с горьким плачем. А я, право, не нахожу слов его утешить, да и приходит-то он ко мне в то время, когда я сам в полусознании от прилива и лихорадки, — видно, и этому надо быть. Отец Арсений много утешает меня и духовно, а более душевно, то есть разными бесчисленными проектами, уж за это Бог да простит его, также старается поправлять братию, но уж и они добре поправляют его, чему он много удивляется.

Духовник Иероним

14 сентября 1874 года

Высокопреподобнейший отец Макарий!

Прилагая при сем письмо к отцу Мефодию, прошу Вас оное вручить ему лично, и со своей стороны, что Бог Вам внушит, посоветуйте ему о исполнении нашего желания или его послушания. С этим же пароходом отправляется в Константинополь отец Анастасий, грек, и в случае если он будет проситься в дом пожить, то мы советуем Вам не принимать его, хотя бы он и письмо показывал от геронды, потому что геронда ничем не распоряжается, да и не может.

Духовник Иероним

Возлюбленнейший о Господе Высокопреподобнейший отец архимандрит Макарий и Преподобнейший отец Азарий.

Мир и спасение вам!

Два письма ваши от 20 и 21 сентября и еще особо духовное мною получены, за которые благодарим вас.

Прочитав из письма вашего о составлении 3-го пункта канонизма, мы немало подивились тому, что не в духе желания греческого братства изложен этот пункт, и надо полагать, что в пользу этого дела некоторые лица энергически действовали, а иначе и быть не могло. Но сомнительно, чтобы этот пункт состоялся в своей силе. Вы пишете, что сюда должна прибыть экзархия для разбирательства наших дел, но это ваше мнение или вы от кого слышали? Просим о сем уведомить. Теперь ожидаем, что-то нам Бог пошлет с прибытием боголюбивейшего нашего покровителя господина посла. Да утвердит Господь святейшего патриарха¹ в теперешнем расположении к нам до конца! Спаси, Господи, господина Нелидова и господина Мокеева за их содействие в пользу нашу.

¹ Иоакима II, решившего дело в пользу русских. — *Примеч. о. Владимира.*

Ковчежец с частицею святых мощей святого великомученика Пантелеимона постараюсь выслать с братом Стефаном, отправляющимся в Москву на послушание при часовне для исполнения разных поручений, так как Алексей Осипович вызывается оттуда.

По всему видно, что наше дело не обойдется без участия русского и турецкого правительств, как Вы и изволите писать. Канцелярию до устройства дела и думать нельзя, чтобы переводить сюда, ибо кто нам поручится за будущее? Теперь мы свободны в своих действиях по переписке с Россиею, то зачем же подвергать опасности эту свободу?

Братия должны неотложно позаботиться о теплом платье, а мы поищем в их келлиях и пришем с братом Стефаном. А Вас просим неотложно позаботиться, кому следует поручить, чтобы были печки, безопасные от угара, что для канцелярии необходимо.

Пишу Вам собственноручно в уверении того, что я поздоровел, а причину тому — молитвы святого Иоанна Богослова, ибо с его памяти моя лихорадка уменьшилась. Последние Ваши письма нас немного оживили. Под праздник думаю сойти к геронде для свидания — что-то Бог даст от сего? Петр Захарович оказался единомышленным отцу Мисаилу, а потому мы провожаем его в Россию. Иоасаф, живописец, вышел из обители.

Отец Пантелеимон по прибытии в обитель объяснялся со мной, что он остался очень недоволен Вами, и отцом Азарием, и всею тамошнею братиею, я, сколько мог, утешил его и дал ему 10 лир для уплаты долга серайцам. Но увы и горе с этим человеком! В тот же вечер он был в келлии отца Макария¹, и предлагал ему, чтобы он составил против нас свою партию для ограничения нашего самовластия и читал ему свой проект, как это должно быть сделано, дабы составить епитропию. Отец Макарий, выслушав его, отвечал ему так: «Еще наше дело неизвестно, чем кончится, а ты уж затеваешь против духовников мятеж или просто бунт, в коем я никогда не приму участия, ибо я вижу, что ты, по пословице, хочешь в мутной воде рыбу ловить». Он, выслушав это, немедленно ушел. По прошествии трех дней я сказал об этом отцу Иезекиилю, который очень удивился сему делу и уверял меня, что ничего подобного он не слышал от отца Пантелеимона и видимо не одобрял его такого поступка. Что будет далее — увидим. Я еще об этом не говорил отцу Пантелеимону при объяснении, думаю показать ему дорогу

¹ Иеросхимонах Макарий, русский, пострижен в Русике в 1840 году. — *Примеч. о Владимире.*

удалиться от нашего общества, уже ясно показывается то, что вредно его иметь при нашем обществе. Какое будет Ваше мнение о сем, прошу написать мне.

Бедняжка отец Иларион поехал на лодке в Крумицу для прогулки, и простудился, и заболел там, на Крумице, внизу, в доме, а наверху и не мог побывать, и едва живого привезли его в обитель, но, слава Богу, теперь стало ему лучше. О прочем Вам пишет отец Арсений.

Мы посылали отца Нафанаила для приглашения экзарха на праздник, но он отказался. При разговоре о нашем деле отец Аверкий сказал экзарху, что «их дело не может у патриарха окончиться в их пользу, потому что тому препятствуют кузмики¹, и они поневоле принуждены будут перенести свое дело к туркам, которые непременно решат их дело в их пользу». На это экзарх ответил так: «Надобно переменить политику, а иначе может произойти, как в болгарском вопросе, схизма». От сего да сохранит нас Господь ради молитв Пресвятыя Богородицы и святого Пантелеимона.

Ваш сомолитвенник

духовник Иероним

24 сентября 1874 года

Днесь благовернии людие светло праздновали Покров Богоматери, за это слава Богу и Ей хвала.

Возлюбленный наш отец Макарий! Я более сего, что выше написано, не имею, чем бы утешить Вас.

В воскресенье мне пришла мысль побывать, то есть повидаться, с герондою, и вот ввечеру я спустился к нему. Встречает меня Арсений, грек. Я говорю ему, что хочу видеть геронду. Он отвечает, что геронда спит. Я говорю ему, что не может быть. Он отвечает, что «мы сейчас разбудим его и приведем на архондарик». Я согласился, и тотчас его привели на архондарик. Он принял меня с радостью и пожал мне руку. Потом я сказал ему, что я пришел узнать, что если придет русский пароход, то он примет ли капитана или нет, и что это я вопрошаю для того, чтобы избежать повторения прошедшего события. Геронда отвечал, что примет, и прибавил: «Не надо, чтобы кузмики знали о нашем смущении». То же подтвердил и Евгений. Потом я геронде предложил такой вопрос: «Так как по случаю погребения тела покойного консула² произошло

¹ Мирские. — *Примеч. о. Владимира.*

² Господина Н. Ф. Якубовского. Скончался в Салонике в 1874 году и погребен в Русике, при церкви святителя Митрофана. — *Примеч. о. Владимира.*

смущение, вследствие чего ты, геронда, высказал свое запрещение, от коего русские возмутились и не захотели более приходить к тебе за обычным благословением, но, когда объяснилось, что твое запрещение касалось только одних твоих греков, тогда русские опять пожелали приходить к тебе за благословением, и вот потому-то я теперь предлагаю тебе мой вопрос: что, желаешь ли ты теперь, чтобы русские приходили к тебе, по обычаю, за благословением?» Геронда молчал, а вместо него отвечал командир его Евгений, что «если вы хотите покаяться, то это хорошо, ибо в поступке том вы сделали геронде преслушание». Я сказал ему на это, что «если бы допустили меня в то время видеться с герондой, то я уверен, что этого скандала не случилось бы», при этом геронда в знак согласия кивнул головой. А Евгений поднял вопль, что «нет-нет, этого не могло быть!» Засим геронда обратился ко мне и сказал, что очень много в последнее время повредилось общежитие. Я ответил ему, что «ты хорошо все помнишь и знаешь, кто всему этому был причиною, ведь ваша сторона оставила к нам любовь, а вместо нее приняла к нам ненависть». Геронда замолчал. А Евгений начал вспоминать разные разности, но мы его во всем осадили. И, чтобы окончить нескончаемую распрю, я попросил их дать мне на сие ответ: какая была нужда вмешивать «международную политику» в нашу монашескую обитель и отдавать судьбы ее в распоряжение светских властей на мирское посмеяние? На это Евгений ответил как бы нехотя, сквозь зубы: «Да, это вышло нехорошо, и тем более что мы теперь не видим и конца-исхода этому нашему делу». Я в это время нечаянно взглянул на двери, а около них стояло множество слушающих. И, чтобы поскорее окончить суесловие, я обратился к геронде и сказал ему: «Что мне теперь делать? Так как тебе известно, что я, как пришел в эту обитель, не имел другого духовника, кроме тебя, и теперь, как человек, имею нужду в исповеди, а до тебя вообще, а меня в особенности не допускают, то что в таком случае мне надобно делать?» Геронда, опустив голову, застонал и не сказал ни слова, а Евгений с яростию ответил, что теперь исповеди не существует и ежели что будет сказано тайно, то будет объявлено явно. На это я ему сказал: «Ты молчи, я не затем пришел сюда, чтобы спорить с тобой». Затем я поднялся и взял благословение у геронды, который пожал мою руку, и удалился.

Накануне праздника все попы ходили к геронде за благословением. Потом я послал отца Иосифа к геронде за благословением на перенесение по обычаю в начале бдения наверх главы святого Пантелеимона. Отец Иосиф, пришедши к геронде, сказал ему об этом,

геронда ответил: «Кала»¹. Но Евгений возопил: «Что ты, геронда, это делаешь, разве ты не помнишь, что вчера говорил о сем?» Геронда ответил ему, что он ничего не помнит, тогда тот начал говорить, что ими положено, чтобы главу святого Пантелеимона наверх не давать, и как ни убеждал их отец Иосиф, они (греки) с ним не согласились. А геронда все молчал, и, когда отец Иосиф заметил им, что таковые их враждебные действия против нас, может быть, не понравятся святому Пантелеимону, геронда только крикнул. Тем дело и кончилось.

Лишение этого духовного утешения восполнилось несколько принесенной к нам из обители святого Павла святыней, с коею их духовник отец Ананий отправляется в Константинополь и до Лондона. Он просил меня, чтобы дать ему квартиру дня на два в нашем конаке, но я отказал ему в этом, ибо он враг русским.

О прочем Вам пишет отец Арсений. Стефана и Михаила посылаем в Москву, туда же посылаем и Кирилла для некоторых канцелярских справок. Сего дня помер отец Иулиан (чахоточный).

О келлиях не тужите, к тому времени найдутся.

Во многом я согрешаю пред Вами, не все же мне прощать Вас, надо же когда-нибудь и Вам простить меня, и это теперь приходится Вам частенько делать. И вот по стечению обстоятельств нам приходится друг друга тяготы носить, еже и да будет до конца. Аминь.

Духовник Иероним

1874 год

Возлюбленный наш отец Макарий!

На исповедь Вашу по желанию Вашему я прочитал Вам заочно разрешительную молитву.

С этого времени я не буду более пускать болящих в Константинополь. Если Михаил стал следовать своему рассуждению, то скажите ему от меня, что я увольняю его от нашего общества, пусть он едет, куда он хочет, денег ему следует добавить 56 рублей, ибо у меня в книге столько записано. Какие есть у него книги, если он захочет оставить за собой, то пусть заплатит за них деньги. Малодушные Агафангела и его ипохондрия Вам хорошо известны, а потому Ваше предвидение и должно сбыться, ибо и огромное письмо его ко мне то самое и выразило. Одним словом, эти люди — «чешими слухом». Отец Арсений наш на таковых делает поход, а иногда из-за них и из себя выходит и часто говорит мне: «Как вы это все

¹ Хорошо. — *Примеч. сост.*

терпите?» Ибо и ему приходится часто схватывать добрые тычки, а потому, находясь в духе Илиинном, он иногда с ревностью предлагает мне высылать из обители слабых и своевольных. Однажды я посоветовал ему об этом помолиться и потом прислушаться к гласу совести и, что она скажет, так и поступать. Он так и сделал, и что же оказалось? Вместо того чтоб гневаться и раздражаться на немощных и выгонять их, а меня упрекать в потачках и излишнем к ним снисхождении, он сказал мне так: «Нет, не так надо поступать с немощными, как я прежде думал, совесть говорит мне, что надо их исправлять, убеждать, увещевать, а не высылать из обители, и если высылать, то только одних неисправимых». С того времени я уже более не слышу от него упреков в излишнем милосердии. Вот видите ли, как иногда трудно ладить и со святыми, предпочитающими ревность любви, которая покрывает многие грехи.

У нас благодаря Божью покрову особого ничего нет, а о прочем внешнем Вам другие пишут. Я мало-помалу выздоравливаю. По моему мнению, корабль наш должен прийти к обители, а иначе об этом много будет толков в газетах. Отец Герасим¹, ксенофский иеромонах, перешел к нам, но я сказал ему, чтобы он объявил грекам, что он проживет у нас только до Пасхи, так же сделает и отец Феофил. Так как великие прилоги о нашем деле, радостные и печальные, вредят моему здоровью, то я уже при помощи Божией стараюсь не принимать их и не рассуждать о них, возлагая все упование на Господа, и обретаю в этом успокоение.

Остаюсь соскорбящий и совоздыхающий Вам

Иероним

Р. S. Посылаем Вам еще письмо, писанное по-гречески, о разделе, которое, по нашему мнению, должно показать патриарху. В исправленном Вами канонизме сказано, что монастырь *называется* Русским, а это-то для нас и вредно. И еще, что он, то есть монастырь, есть достояние патриарха — следовательно, поэтому патриарх имеет право получать от монастыря третью часть его доходов. Если б и согласились признать монастырь русским, и тогда такой канонизм погубит его. Но во всем да будет воля Божия!

Д. И.

13 октября 1874 года

¹ Русский, уроженец Ярославской губернии, постриженник и благодетель Ксенофа, но вследствие неприязненных в то время отношений греков к русским перешедший в Русик и здесь скончавшийся в 1892 году. — Примеч. о. Владимира.

Богодарованный мой друг отец Макарий!

Мир тебе и спасение Божие!

Воображая, и рассуждая, и понимая, и, сколько возможно, чувствуя твое, мой дорогой, бедственное злострадание, я только и думаю, чем бы тебя утешить, какими словами, или советами, или чувствами, и вследствие такового расположения моего духа я иногда воодушевляюсь как бы свыше и в это мгновение нахожу многое, о чем бы надобно написать тебе, но это из головы улетает также мгновенно, и я опять остаюсь пустым, но при этом кто-то тайно внушает мне, что все это будет передано тебе в свое время сообразно с твоим требованием. Ах, правда твоя, что не с кем разделить тех чувств, или передать кому-то, что требует дух передать, или посоветоваться. Вот и поневоле вспомнишь изречение святых отцов, что из тысячи один да будет тебе друг. Этот голод в духовном советнике и я теперь чувствую вполне, тем более с того времени, как я лишился доступа к старцу. Но Господь щедро восполняет это лишение утешением и благодатным просвещением. А трудно мне стало, даже и весьма, ибо почти можно сказать по Писанию, что я как будто *каждый день умираю* (1 Кор. 15, 31). Если сутки прошли, то я говорю: «Ну, слава Богу, еще сутки продыхал». А искушения-то своим порядком меня со всех сторон осаждают, и еще отсюда, откуда не чаял и не ожидал. Но во всем Господь помогает. И та мысль приходит: доживу ли я до желаемого раздела?

В рассуждении нашего дела мы много вам пишем разных наших мнений, но вы соображайтесь с вашими обстоятельствами. Отец Павел раскаивается в своей выходке.

Слава Богу, молитвами святых угодников праздник мы провели благополучно. Что касается до исполнения бесовского пророчества, то это вам известно из жития святого Аверкия, что иногда для славы Божией допускается им ведать то, что они выпросили, а сами по себе они ничего не могут знать.

Вот пароход пришел, что заставило меня окончить это письмо, не высказавши кое-чего, что и оставляю до будущей почты. А теперь, поручивши всех вас и себя особой милости Божией, остаюсь вполне сочувствующий вам немощнейший твой друг

Иероним

Р. S. Прошу Вас по получении моего письма сделать или возвестить поклон отцу Азарии, а другим — благословение.

1874 год

Возлюбленнейший наш отец Макарий!

Господь да благословит Вас всяким благословением во славу Его и на общую нашу пользу.

Прочитав Ваше исповедное письмо, спешу ответить Вам, покуда пароход позволит. Бог да простит Вам исповеданное Вами. Более сего что мне сказать Вам? Разве напомнить Вам то оживляющее нас слово Божие, память которого действительно ободряет нас во всякой нашей скорби и беде. Это очень известное нам, но всегда нами забываемое, что *любящим Бога все споспешествует во благое* (Рим. 8, 28). Простите меня, немощного, что более сего я не нахожу, чем бы Вас утешить во многоскорбных Ваших и наших обстоятельствах. Эти наши обстоятельства, с одной стороны, показываются нам как будто сверх сил наших, но, с другой стороны, Кто-то ободряет нас, не велит малодушествовать, а возлагать надежду на помощь Божию и покров Богоматери.

Мнение Ваше об известном нам лице¹ неверно, ибо и он сын наш благодатный, и, Кто умеет смирять Вас до земли, Тот же не забывает и его. А иначе что мы поделаем с богословами, философами и великими практиками-экономами?

С отцом Пантелеимоном я объяснился, он отказывается от какого-то проекта, а обещался принести мне вместо того какое-то обозрение. При объяснении я много высказал для него неприятного, но он сверх чаяния моего принял это благодушно. Но вот горе и увы пришло и отцу Пантелеиму! Аверкий его оставляет, и он от этого приходит в отчаяние и, разумеется, приписывает это моему коварству. С господином Елагиным мы, о чем следует, поговорили и еще будем говорить, также поговорим и о Евсевии серайском, чтобы удалить его из Константинополя. Отец Иеремия в настоящее время болен, а, когда выздоровеет, тогда пошлем его к Вам. Шеншин если пришлет Вам расписку с подписью двух свидетелей, что он занял у Вас 50 лир, то тогда можете послать ему оные или пусть напишет к Вам письмо, что он поручает Вам продать его каливу. Прачка наша — отец Илия помер, и весьма хорошо, помяните его. Бог да упокоит Стефана, только жаль, что не успели постричь его.

На именины отца Илариона мы поопасались пойти к геронде, и, как оказалось, хорошо сделали, потому что на память святого Артемия за здоровье старца Артемия была в трапезе «керазма»², а в понедельник, на именины отца Илариона, — «охи»³.

¹ Об экономе иеросхимонахе Павле. — *Примеч. сост.*

² Угощение. — *Примеч. сост.*

³ Нет. — *Примеч. сост.*

О приезде или присылке сюда, в обитель, судна мы уж Вам писали, так, кажется, лучше будет: и меньше разговора и болтовни будет в газетах. Мы, как дети, просили Господа, дабы Он уяснил наше положение на Святой Горе, и вот Он по Своему Богоотеческому промыслению уяснил оное паче чаяния так, что по нашему слабому человеческому понятию кажется уже чересчур. Так что мы теперь и сами тому удивляемся, ибо такое малое дело, как наше, сделалось чрез газеты предметом разговора по всей Европе. Чудо, да и только! Прославим же Божие о нас чудное промысление. А мы-то тут чего-чего не придумали, а особенно с отцом Арсением, ибо он великий и находчивый «прожектор».

Сейчас прибыл господин Елагин и хочет отправиться на этом же пароходе, а потому не имею более времени Вам писать, только остаюсь Вам сочувствующий во всем Ваш грешный

духовник Иероним

23 октября 1874 года

Возлюбленнейшие о Господе отцы, отец Макарий и отец Азарий. Здравствуйте о Господе со всею о Христе братиею нашею.

В настоящее время у нас в обители Божией милостию все находится в благополучии, только выключая греческой стороны, которая пораптывает на нас за последнее наше распоряжение, что мы не отдали по-прежнему привезенную из России рыбу в их своевольное распоряжение и за что они изволили пожаловаться на нас епископии¹, которая, впрочем, оправдала наш поступок.

3-го числа прибыл в нашу обитель агиос Пендаполеос господин Нил², остановился у нас и прослужил две Литургии, то есть на святого Савву и святителя Николая. Мы с ним говорили о нашем деле многократно и пространно. Он, как видится, принимает в нашем деле живое участие. А из каких видов сочувствует нам, отгадать трудно, один Бог весть, потому что он грек. Впрочем, мнение свое Пендаполис Нил в нашем деле так резко высказал нам, что мы с удивлением обратили на оное все наше внимание, о котором за нужное считаем передать и вам. Вот его выражения. «Я, — говорит, — вижу из хода вашего дела, что патриарх не имеет к вам расположения, а потому и не хочет исполнить вашей просьбы, а изыскивает разные

¹ Епископия священного кинота состоит из четырех представителей от четырех монастырей, ежегодно меняющихся, является исполнительной протатской властью. — *Примеч. сост.*

² Митрополит Пентапольский Нил. — *Примеч. сост.*

средства, чтобы только проволоочь ваше дело и затянуть в такую даль, в продолжение коей, может быть, переменятся обстоятельства: или господина Игнатьева здесь не будет, или что-либо подобное случится, и тогда он не обинуясь решит ваше дело согласно желанию греческонародному, на давление коего и свалит он всю эту свою вину. Тогда как ваше дело он должен был давно решить в вашу пользу, потому что ваше дело имеет на своей стороне полную справедливость, которую он сам и все окружающие его сознают». На мое возражение, что поделает патриарх, когда он в настоящее время не силен, Пендаполис Нил, усмехнувшись, ответил: «Не верьте этому, если б только он захотел, то давно бы решил, ибо ваше дело для решения его потребовало бы времени от трех до четырех часов. Вы сами видите, как патриарх хитро лавирует, вы заявляли ему многократно и решительно, что вы требуете раздела и никакого канонизма для сожития с греками не примите, а он, напротив, приказал комиссии составлять для вас канонизм; разумеется, он знает, что вы не примите сего канонизма, нужды нет, что вы не примете, а все-таки вы принуждены будете терять время на ваши протесты, а потом потребуется новый пересмотр его, а на это опять-таки надобно будет тратить и время и деньги, ибо для этой цели он, то есть канонизм, и затеян им». «А я, — говорит владыка Нил, — даю вам мой совет такой. Так как турки справедливее нас, греков, в судебном деле, то поскорее бы вам обратиться с вашим делом к ним, а они ваше дело скоро решат. А иначе долговременное замедление решения вашего вопроса может увеличить его до чудовищных размеров; пожалуй, что постараются раздуть его более болгарского вопроса. И потом вам уже с ним справиться будет очень трудно». И еще владыка Нил старался внушить нам, чтобы мы были как можно осторожнее и вовсе не доверяли бы как самому патриарху, так и окружающим его. «Я, — говорит, — очень хорошо знаю всех их». И много нехорошего рассказал об этих людях.

Вот, отцы, что мы слышали от него, то вам и написали, правдоподобно ли его мнение или нет, о том мы судить не решаемся, ибо вам это виднее нашего. По нашему мнению, не худо бы было об этом передать господину послу или, как вас Бог просветит, так и делайте — повторяю, что это вам виднее, нежели нам. О подданстве хотя вы и известили нас, что оно окончено, но каким образом, об этом вы ничего не сказали. Греки наши крепко надеются на свой этнос, что он их поддержит и поможет им прогнать нас. Но наша вся надежда по Боге на Заступницу усердную, что Она благоустроит нас в честном жребии Своем. Веруем, что и святой Пантелеимон

поможет нам. Уповающие на Божественноотеческий Промысл не бывают никогда оставлены без помощи в их нуждах.

Из возникающих новых обстоятельств вокруг нашего дела замечается нами приближение события, подходящего к изречению отца Азария, что «благополучное решение многосложного и многотрудного нашего дела требует в помощь себе особого чуда Божия», ибо лжебратия, наши протатские афонцы, начинают раскаиваться в своем против нас глупом поступке, ибо и им самим Промысл Божий хочет отмерить тою же мерою, да еще натопанною. Пендаполис сказал нам, что он имеет уже весь канонизм у себя и обещал дать нам для прочтения.

У нас отошли в вечность отец Варнава (Лосев) с должным напутствием и еще Евгений, слесарь или кузнец, — поминайте их. Мы думаем, что полезно было бы отцу Малахии перезимовать в России, разумеется если на это благоизволит наш благодетель (господин Игнатъев).

В прошлом письме моем я вам писал, что мне иногда становится очень трудно как душевно, так и телесно, а вот теперь мне стало лучше и я как бы ободрился, но надолго ли это будет, один Бог весть. Я это причел к откровенности, которая и стариков пользует, но более приписываю вашим молитвам.

Геронда наш стал уж очень слабеть, все более лежит и мало ест. Жаль, если он умрет прежде окончания нашего дела. Но да будет во всем воля Божия с нами! Сам Господь да утешит вас в скорбях ваших и да помогает вам на общую пользу во славу Свою.

Прошу вас передать мой заочный поклон и благословение и прочим нашим собратиям.

Ваш грешный и слабый

духовник Иероним

8 декабря 1874 года

Русик на Афоне

Возлюбленнейший о Господе друг мой отец Макарий.

Спасение Божие да примет Вас и всех нас под Свой Божественноотеческий покров. А другой утешительной опоры вокруг нас нет, да и неоткуда ее нам взять. Потому что дело наше по причине возникновения общего святогорского канонизма затянулось в неопределенную даль. Заметно, что и сам Н. П. Игнатъев не надеется еще на добрый исход нашего дела. Все обстоятельства, касающиеся нас, заставляют нас только терпеть, а сего-то последнего у нас в запасе очень мало, и, которым приобретается наше спасение, этого-то

самого мы и не совсем долюбливаем. Но что будем делать, когда некуда податься? И поневоле будешь терпеть и потому еще, что роптать еще хуже. У нас теперь поговаривают: *Кто явит нам благая?* (Пс. 4, 7). Хотя и много есть скорбей, но чувствование их не отягощает много сердца. Впрочем, друг наш отец Иларион отяготился печалию до чрезвычайности, нередко и я, хотя на малое время, ему сочувствую, но и это на здоровье мое вредно действует. Но Бог утешает нас, когда это бывает нам нужно. Отец Арсений сочувствует мне, и я нахожу в нем некоторое утешение. Но кажется мне, что из всего нашего общества более всех нас скорбит и плачет о расстройстве обители нашей отец Арсений, старик рухольный — это наш плачущий Иеремия.

Не хотел было я писать Вам теперь, потому что братия уже много Вам написали обо всем, но вспомнил, что приближается великий праздник (с коим и поздравляю Вас), а Вас между нами нет, и опечалился я и подумал, что и Вы теперь скучаете о том же, да еще если не получите от меня утешительной строчки, то возымеете причину более опечалиться, а потому и решил хотя наскоро написать Вам. А уже час шестой. Неизвестно, будет ли пароход.

Особого у нас ничего нет. Отец Парфений¹ отправился в вечность. Поминайте его. За два дня до его смерти я посетил его, он уже был недвижим, но разговаривал хорошо. Я, прочитавши ему молитву, спросил у него, что он, желает ли умереть? Он отвечал: «Желаю». Потом я спросил его, как он себя чувствует, боится ли явиться ко Господу или нет. Он, закрыв глаза на полминуты и потом открыв их опять полные слез, проговорил протяжно сии слова: «Надеясь на великие ваши молитвы, не боюсь». Потом он был сутки в беспамятстве, пред смертью пришел в себя, стал бояться и беспокоиться, все показывал на левую сторону и кривлялся, а обратившись на правую, успокаивался, но умер очень тихо.

С отцом Пантелеимоном у нас идет за устав спор, ибо он не отдает его нам. Непонятный человек! Один только Господь силен защитить нас от нападений его! Вот уж правда, что *врази мужу домашнии его* (Мф. 10, 36).

Прошу передать отцам нашим от меня поклон и благословение.
Ваш расслабленный

духовник Иероним

22 декабря 1874 года

¹ Певчий. — Примеч. о. Владимира.

О Господе возлюбленный друг отец Макарий!

Сего вечера, то есть 4 февраля, мы получили Вашу телеграмму о разделе трапезы, что при помощи Божией и поспешим начать. Отец Тихон с будущим пароходом отправится. Он очень настаивал, чтобы переменить отца Мефодия, но я на это не согласился, и он хотя с трудом, а принял мое убеждение, но с тем, чтобы я приказал Мефодию по-прежнему слушать его, что я и обещал ему сделать, и Вас о том же прошу, со своей стороны прикажите отцу Мефодию, чтобы он успокоил отца Тихона и не вмешивался бы в его экономию. Отец Досифей тоже принял мое предложение еще потрудиться, но он отправится после отца Тихона. Говорят, что для отца Малахии нужен чтец, то пусть возьмет себе кого-либо из двух посланных в Москву, кои теперь проживают у вас.

О заседаниях чрезвычайного синакса¹ Вам пишет подробно отец Нафанаил, мы от него не ожидаем ничего для себя доброго, ибо все одно твердят, чтобы нам не делиться.

Отец Пантелеимон под предлогом лечения от мнимой болезни до сих пор живет в скиту святого пророка Илии, ибо боится явиться в обитель, кто-то настрашал его, что мы будто бы хотим посадить его в пиргу. Отец Иринарх поступил к отцу Пантелеимону в писари. Скитские будто бы отягощаются отцом Пантелеимоном, однако и не высылают его. Неофит наш просится в Иерусалим и далее, я не даю ему благословения, но он говорит, что и без него отправится, ибо не хочет вовсе жить в обители. Я предложил ему лишение монашества, но он и на это согласился, и еще как бы с охотою. Вот Вам плоды своевольного избрания послушания!

В настоящее время я хотя и борюсь день и ночь с разными болезнями моего тела, но все-таки при помощи Божией кое-когда, хотя немного, и благодушествую. Но душевные болезни нашего друга отца Илариона очень отягощают печалию меня, тем более что он требует, чтобы ему посещать меня утром и вечером, этого мало, еще и долго просиживать у меня. А где у меня для сего время? Я и без того много удивляюсь помощи Божией, как это я управляюсь без Вас, один, ибо помощники мои только свое дело смотрят. Но, как я сказал, более всего меня озабочивает печальное душевное состояние отца Илариона. Отец Порфирий наш, кажется, что уже более не слуга нам, ибо все это время не выходит из келлии. Геронда наш стал поправляться. Греки пригласили было архиерея

¹ Карейского собрания антиприсопов. — *Примеч. о. Владимира.*

хоронить его, а он, напротив, взял да укрепился. Впрочем, архиерей на Сретение служил у греков, а с нами не выдается, но служить приглашал отца Иезекииля. А что, не время ли Вашей канцелярии возвратиться в обитель? Ибо без книг худо, не по чему делать справки, а потому много является ошибок, а чрез это наши канцеляристы подвергаются смущению. Отец Дорофей наш зело сетует на нас за принятие его из Салоника, очень дружит с отцом Пантелеимоном и едва ли удержится в обители¹. Дабы уклониться от раздражительности (которая очень вредит моему здоровью), я стараюсь избегать приемов наших греков и бесед с ними. Вследствие чего отец Евгений в синаксе на вопрос, почему они, то есть греки, не ищут примирения с русскими, отвечал, что русские удаляются от них и не говорят с ними и даже не допускают до себя. Да, это верно, но я иначе и не могу. Да и к чему тут нам с ними видеться, когда они, то есть греки, при сих свиданиях всегда только спорят и стараются раздражать нас? А если уже у нас решено более не жить с ними, то о каком же согласии или сожительстве нам с ними разговаривать?

Слухи и все, что пишут насчет известного нам лица², — все это неправда. Но Вы и сами хорошо знаете, что имеющим блестящие от Бога дарования и гордящимся оными попускаются и блестящие искушения, да такие, от коих и поневоле смиряются. Бог знает, кого чем смирить! Очень еще недавно было, и многие помнят несчастное «дело ильинское», которое довело до печального раздела малороссиян от великороссиян, и все видели, какой горький плод родился от сего. Разве недостаточно этого страшного примера для вразумления других? Для кого же он был и попущен, как не для потомства? Чтобы впредь не делали сего, а иначе и им то же будет и они будут бутуками³. От сего да избавит всех Господь.

Прошу передать мое благословение нашим братьям.

Остаюсь воздыхающий о скором решении желаемого раздела

духовник Иероним

5 февраля 1875 года

¹ Монах Дорофей выехал в Россию в 1876 году, посвящен там в иеромонаха и скончался в Почаевской лавре в январе 1899 года. — *Примеч. о. Владимира.*

² Эконома отца Павла. — *Примеч. сост.*

³ Т. е. нерастленными. — *Примеч. о. Владимира.* При неоднократных откапываниях тела отца Павла оно оставалось нерастленным. — *Примеч. сост.*

Богодарованный мне друг отец Макарий!

Бог терпения и утешения да пребудет с Вами. Более сего не знаю, что сказать Вам во утешение Ваше.

С прошлую почтою я писал Вам кое о чем. Теперь же, получивши последнее Ваше письмо и депешу, я понудился написать Вам хотя несколько строк своеручно. У нас особого или замечательного еще ничего нет. Что-то выйдет из раздела нашей трапезы? Отец наш Пантелеимон еще не являлся в обитель, да и едва ли явится, потому что, как слышно, он ездит по келлиям и каливам русских, возбуждает их против монастырей, советует им совокупиться и просить господина посла об улучшении их быта на Афоне и, вероятно, хочет сделаться их поверенным по этому делу, ибо заставил всех, кого только приглашал к подписи, сделать клятву, чтоб это было под секретом. Впрочем, этот секрет уже везде огласился, ибо русские иеромонахи, приходившие к нам как бы для совета об этом деле, хотя и утаили имя плута, но мы догадались и советовали им не входить ни в какие прошения, пока чем-то окончится наше дело, и они будто бы приняли наш совет. А впрочем, один Бог весть, ибо эти все нас искренне не любят.

Отцу Малахии я писал, что было нужно, а теперь пишу ему разрешительную молитву, ибо он так о сем меня просил; впрочем, в прежнем моем письме к нему я писал ему, что прошу отца Макария вместо меня, как духовника, прочитать ее ему. Но по вере его да будет ему, пусть и от двух получит разрешение, это еще лучше.

О делах собора Вам пишет подробно отец Нафанаил, а о прочих мелочах — отец Павел, и от меня, расслабленного, уж не требуйте многого писания, одна подпись писем иногда добре меня «допрашивает». Впрочем, меня очень удивляет великая помощь Божия, которая подкрепляет меня и лелеет, как младенца. Что воздам Господу о всех, яже мне воздаде?! (см.: Пс. 115, 3) Одно мое желание осталось на земле — это чтобы хотя и пред смертью моею увидеть благополучный исход нашего дела, еже аз, грешный, и ожидаю от милости и благодати Божией за молитвы Всепетой и святого Пантелеимона.

Прости, мой дорогой, и не ропщи на немощь мою.

В каком-то Вашем письме Вы писали мне, чтобы я заочно прочитал Вам разрешительную молитву, что я и сделал, но написал ли я Вам о том? Не помню.

Остаюсь сетующий о долгой разлуке с тобою, мой дорогой,

хильий Иероним

9 февраля

Возлюбленный наш о Господе отец Макарий!

Благодать Божия да преизбытствует в Вас!

Много я задолжал Вам, не отвечая Вам на многие Ваши письма, извиняя себя пред Вами то недосугами, то немощию или братскими письмами. Но я знаю, что Вы желаете, чтобы я писал Вам своею рукою. И что же? К моему удивлению, Ваши молитвы подкрепляют меня теперь писать Вам, только затрудняюсь тем, что не умею хорошо выражаться. За Ваши поздравления моего недостойнства с праздниками я, право, и не знаю, как Вас благодарить. Предоставляю это благодати Божией, пусть она даст моему немоществованию духовный электризм, который да проникнет в Ваше любвеобильное сердце! Может быть, Вам и странно кажется, что я стараюсь как можно легче и нечасто рассуждать о затруднительном Вашем положении? Это, кажется, мне не требуется Вам пояснять, ибо Вы и сами хорошо понимаете, почему это я делаю. И вот когда виднее бывает и ощутительнее совершение в нас силы Божией!

Как скучно без Вас было в праздники! Хотя мы для уменьшения скуки и пригласили владыку Нила на праздники, но это мало нас утешило, ибо все привыкли к Вам. Вы пишете о соглашении с греками на раздел, но они не хотят сего, хотя и сами же говорят, что сожительство с русскими более невозможно. И правда, мы все более и более расходимся с ними. Святые вечера я проводил не в размышлениях о судьбах Божиих, но все в беседах об обстоятельствах обители и в составлении многих проектов, программ и предположений, которые, впрочем, подобно воздушным замкам, как скоро составлялись, так же скоро и разрушались. Только тяжело бывает, когда внимание остановится на той мысли, что вот уже год прошел, как наше дело началось, а еще ничего не сделано к его развязке, когда же конец-то ему будет? Впрочем, совесть не перестает напоминать нам слово Божие, что любящим Бога вся споспешествует во спасение. О прочих обстоятельствах пишут Вам отцы. Вы пишете, чтобы мне написать своею рукою письмо к господину послу, но, если это сделать теперь, тогда и впредь потребуется так же творить, а это для меня делать уже поздно.

Ваша предусмотрительность в рассуждении требования нами книги от Пантелеимона сбылась, и, к сожалению, очень резко, он за это такой большой «калабалык» поднял, что Боже сохрани. Я уже писал Вам, что он по прибытии из Константинополя начал было возмущать против нас братию, но Бог посрамил его за это. А злоба у него против нас и других известных Вам лиц страшная, и теперь он старается более прежнего вредить обители, чем только

может или находит. Устав он, то есть Пантелеимон, не отдает ни за что; что мы ни делали, чем мы ни убеждали его — все оказалось напрасным, он упорствует, и этого мало, что не отдает нам устава, а еще угрожает нам им. «Если вы, — говорит он, — будете теснить меня, то я передам его в протат». Под Рождество он пришел ко мне, я убеждал его, чтобы он возвратил нам книгу, он и слушать не хотел, много и чем только я ни убеждал его, но он не послушал меня, одно твердил: «Не отдам». Потом начал говорить мне, что он хочет помириться со мною и хочет открыть мне один секрет, и просил меня, чтобы я дал ему слово, что никому не открою его секрета. Я догадался, в чем дело, говорю ему, что «если ты хочешь исповедать какой грех, то я без просьбы твоей обязан хранить твою тайну, а если это не грех, а касается экономии, то я в таком случае не даю слова хранить это». Но он много упрашивал меня, чтобы я пообещался сохранить, но я не согласился. Потом он, Пантелеимон, пришедши в раздражение, начал говорить: «Мне нужны деньги для помощи брату, ибо он задолжал, надо помочь ему». Я спрашиваю его: «А сколько нужно денег?» Он на это отвечал, что брат задолжал 3 тысячи рублей, да еще для поправки ему надо дать еще 3 тысячи. Я на это ответил ему, что такой великой суммы я не дам ему. Засим Пантелеимон начал угрожать так, что «если вы не дадите денег, то я книгу вашу представлю в протат и открою ему все ваши секреты и разные злые ваши дела и тем причиню вам большие беды». На это я ответил ему вот что: «Ты, брат, напрасно угрожаешь мне, ибо я угрозы твоих не боюсь и ты этим ничего не успеешь сделать». Он на это ответил следующее: «Ну, с этого времени я буду собирать милостыню на свое имя и этим буду помогать своему брату». Вот до чего дошел наш самовольный писатель! Не знаю, что с ним делать. Многие отцы советуют взять его с келлии в монастырь. Что касается до путешествия в Киев, то я благоговяю, если на то согласятся господин посол и патриарх.

Д. И.

1875 год

О Господе возлюбленный наш отец Макарий, здравствуйте о Господе!

Вот приблизилась и святая Четыредесятница, которую да сподобит нас Господь освятить благоугождением Ему.

Вы желаете знать, как началось разделение нашей трапезы, то есть мирно или нет? Только одно могу Вам сказать, что и в сем Господь удивил нас Своею помощью, ибо это сделалось так мирно,

как мы и не ожидали, потому что греки ни в чем не воспрепятствовали нам в тот день, когда делились, что только мы хотели, то и брали от них. Но на другой день они как будто бы проснулись, уже не стали нам ничего давать, а еще кое-что попросили назад. Но заметно, что они потеряли первую свою храбрость, ибо начали просить со смирением (разумеется, лицемерным) те вещи, которые служат им ко утешению. На прощение (для избежания претыкания) мы решили не ходить к геронде, да к тому же мы недавно были у него и просили прощения, о чем я уже писал Вам, что он сказал нам, что «все вы прощены», и это повторил до трех раз.

О политике нашей пишут к Вам прочие. Отец Пантелеимон пришел к нам с двумя посредниками. А что было говорено с обеих сторон, о том надо Вам много писать, чего я не могу сделать, разве попрошу о сем других. Из хода дела видно, что он от нас удалится, потому что для будущего сожития с нами он предлагает такие условия, коих мы принять не можем. И что из сего выйдет, один Бог весть. Отец Михаил (Курносков), келлиот, просил возвратить ему расписку, а здесь ее нет, где ее найти? Как-то Бог даст далее, а теперь, с начала разделения трапезы, для отца Илариона пусть присылают с каждым рейсом что-либо для его утешения, ибо он, как дитя, при каждом пароходе спрашивает: «Что прислал мне отец архимандрит?» Итак, прикажите, чтобы присылали для него стридья, мидья, ктенья¹ и еще что-то, я уже и забыл.

Молю Господа, да сохранит Он вас всех, яко зеницу ока, и да поможет вам в общем деле благоустройства нашего общества!

Ваш недостойный духовник Иероним

22 февраля 1875 года

О Господе возлюбленный отец Макарий!

Поздравляю Вас со святой Четыредесятницею, которую да дарует Вам Господь провести во благоугождении Ему.

В первом моем письме я писал Вам кое о чем, и теперь, при появлении парохода, спешу написать Вам хоть несколько строк об отце Пантелеимоне, который в настоящее время возмущает нас еще более нашего вопроса. Но слава Богу, что хоть он возвратил рукопись. Теперь он соглашается жить в обители на таких условиях: чтобы дать ему келлию побольше и двух послушников, то есть писаря и чтеца, и еще чтобы верхняя келлия была бы за ним и под его распоряжением. Первые два требования мы обещали ему, а треть-

¹ Устрицы, мидии, морские гребешки. — *Примеч. сост.*

его — нет, а только даем ему свободу прогуливаться на верхнюю келлию, а не распоряжаться ею. А так как он с греками соединился, и ходит к ним каждый день, и даже ночует у них, потому мы потребовали, чтобы он отселе уже не ходил к ним. Но послушает ли он? По всему видно, что он из мести, а может быть, из-за хиротонии хочет сделать предательство, потому что он с гневом сказал мне, что «я буду иеромонахом». Итак, мне кажется, хорошо б было об этом всем предварить нашего б[лагодетеля], ибо если допустить ему соединиться с греками, то это дело может много повредить нам. Разумеется, если Бог попустит такое зло. Впрочем, рассуждайте, что полезнее предпринять в таком серьезном деле. Я так думаю, что этого лютого зверя только один Бог и силен смирить. А впрочем, и нам самим, сколько возможно, надо стараться противодействовать ему или просить господина посла, чтобы выслать его в Россию или что другое устроить. Еще Пантелеимон предлагал нам, чтобы для него купить келлию, но все это для нас вредно, ибо ему во что бы то ни стало, а добиться до попа. А там уж пойдут и все пакостные дела во вред обители. Но да будет во всем воля Божия! Надо больше молиться. Простите.

Духовник Иероним

27 февраля 1875 года

Возлюбленный наш отец Макарий.

Желательно мне исполнять твое желание, чтобы каждую почту хотя несколько строк своеручно написать тебе, моему дорогому. Если уж и не для утешения пишу, то хоть показать тебе, что ослабленный твой друг еще может писать. А более сего прошу от меня не ожидать, ибо заботы у меня теперь двойные и даже более того без помощи, бывшей от тебя, что весьма чувствительно меня отяготило. И я сам немало удивляюсь, как еще все это так делается? Уж воистину в немощи нашей сила Божия совершается (см.: 2 Кор. 12, 9). О политике пишут Вам другие, а я о ней не знаю, что и писать. Одно слово Божие меня утешает, это что *любящим Бога все споспешествует во благо* (Рим. 8, 28). Вот уже время наступило для нас особое, в кое *мнози глаголют: Кто явит нам благая?* (Пс. 4, 7). Но блажен тот, кто и в нестроении показывает дух терпимости и благодушествует!

Нам если невозможно постригать явно, то хотя тайно необходимо для удержания в обители людей полезных. Михаила Степановича постригли в мантию с именем Митрофан. Если Бог даст, завтра, то есть в воскресенье, посвятят отца Иерона в попа, геронда дал

на это благословение. Не знаю, что Вы скажете: отец Иезекииль просит, чтобы и отца Рафаила посвятить в иеромонаха, сделать это или повременить? Напишите мне о сем.

Покойный отец Глеб и до сего времени еще не похоронен, ибо он не показывает признаков разложения, и это продолжается уже восемнадцать дней. А доктора говорят, что он мертв и не имеет признаков жизни, но мы решились ожидать признаков разложения.

Прости, мой дорогой друг! Молись за меня, да будет воля Господня благоугодная и совершенная со всеми нами. Остаюсь чающий освобождения от братий-греков

духовник Иероним

22 марта 1875 года

Возлюбленнейший мой брат и друг отец Макарий!

О Господе радуйся!

За поздравление твое меня, унылого, с приближающею святою Пасхою благодарю тебя, мой дорогой, и я тебе тоже желаю приять силу Божию для освящения святых дней Пасхи и взаимно самому освятиться от нее. Еже и да будет благодатию Всещедрого Бога любви!

Итак, дело наше начало уясняться неудачею или неуспехом. Я вовсе не ожидаю здесь от наших греков желаемой нами полюбовной сделки, потому что они против нас очень ожесточены. Недавно греки Галактион и Елевтерий выразились при Хаджи Георгии, что они лучше согласятся выйти из обители, нежели смириться пред русскими и что они решились противиться до самой великой крайности. Впрочем, помолясь Господу, начнем по Вашему совету действовать и посмотрим, что из этого Бог нам даст. Кажется, что все обстоятельства складываются так или к тому, разумеется если то Бог попустит, что если греки и вовсе не выгонят нас со Святой Горы, то по крайней мере притеснят нас добре и таким образом мало-помалу уменьшат количество нашего населения на Афоне. А чрез нас они, то есть греки, лишат и прочих насельников Афона древней монастырской свободы, как подобное сделано в православных царствах, как-то: в Молдавии, Сербии, Греции и прочих. Поэтому можно предусматривать, к чему клонится намерение диавола, потому что каково бы ни было по нравственности монашество, но и тогда оно было для него ненавистно до того, что он подвинул власти на истребление его. Тому подобное теперь совершается и на Святой Горе.

Сейчас прибыл к нам из Ватопеда экзарх, объехав и прочие монастыри. А чрез час прибыл к нам из Салоника наш господин

консул с Костасом Логадисом и его сыном. Завтра владыка будет служить у нас. Сегодня ко мне приходили греки Ятрос, Елевтерий и Агапий, и что же они говорили? Все ложь и лукавство! Или, может быть, их обманывает Евгений? Вот их слова: «Анастасий пишет нам, что патриарх приказал отцу Макарию, чтобы вы, русские, сэкономили нас, греков, пока окончится наше общее дело». Я принужден был объяснить им, что дело это было совсем не так, как они говорят, ибо патриарх приказал Анастасию, чтобы он пришел к отцу Макарию и заявил бы ему, что греки желают покончить спорное дело соглашением, и вследствие сего уже экономить до окончания дела русским греков. Впрочем, они, то есть греки, не потребовали многого, а только воску 20 ок и икры красной на Пасху, да еще денег для Кассандры 50 или 60 лир. Все это, кроме денег, я обещал им дать. Но о соглашении они не сказали ни слова — вероятно, ожидают начала от нас, чтобы мы просили их о сем. Но мы и это сделаем, чтобы возможно было нам сказать: *И с ненавидящими мира бех мирен* (Пс. 119, 6).

Бдение началось, и пароход уже показался. Более писать нет времени. Прости.

Геронда принял консула хорошо. Когда прибудет к Вам Иван Васильевич, живописец, выдайте ему 400 рублей кредита.

Духовник Иероним

12 апреля 1875 года

Возлюбленный о Господе друг отец Макарий!
Христос воскрес!

По прочтении твоего письма у меня невольно возобновились те чувства, кои тяжело волновали меня во время исполнения церковно-пасхальных догматических церемоний, которые при помощи благодати воистину исполняются у нас великолепно. Лишение твоего присутствия опечалило многих, но Господь — Бог всякия утехи — не остается у нас в долгу, как в Писании сказано: *По множеству болезней моих в сердце моем утешения Твоя возвеселиша душу мою* (Пс. 93, 19).

Ну теперь скажу тебе хотя вкратце и о нашем здесь деле, как мы сходились с греками и что говорили. Греки — отец Евгений, доктор и Агапий — пришли к нам и начали разговор так: «Мы пришли спросить вас: за кого вы считаете нас — за братьев или за чужих?» Мы отвечали им, что «мы считаем вас за братьев наших». На что они сказали нам: «А если вы считаете нас за братьев, то вы должны

нас и экономить, то есть выдавать нам все потребное». На это мы опять спросили их: «Имеете ли вы что еще сказать нам более сего или вы только с этим одним вопросом пришли к нам?» Ответ их был: «Только за этим одним, чтобы вы успокоили нас и дабы чрез сие нам не скорбеть на вас, а жить помирнее». Потом мы спросили их: «Что вам пишет отец Анастасий ваш? Нас извещают, что он по совету святейшего патриарха виделся с отцами Макарием и Азарием и что говорили о полюбовном мире и он дал слово нашим отцам написать к вам, чтобы вы начали с нами беседу или совещание о добровольном и полюбовном соглашении нашем о разделе с вами». «Охи, охи, — возопил отец Евгений, — это ложь, ибо ничего не писал нам о сем, да мы и не можем этого здесь сделать; пусть уж как решит Церковь, так и будет. А нам отец Анастасий писал вот что. Когда он подал прошение и жаловался на вас святейшему патриарху, то патриарх призвал к себе отца Макария, приказал ему, чтоб он написал в обитель своим, дабы они, покуда кончится наше дело, выдавали бы нам пропитание вполне, и более ничего он не писал нам». Мы опять повторяем им, что «вы скрываете от нас истину, ибо мы верно знаем, что отец Анастасий писал вам о сем, но это не по сердцу вашему, а потому вы и лжете. Впрочем, это обнаружится». Потом мы им напомнили все прошлое. Наконец, отец Евгений сказал нам: «Что вы хотите? Какой ваш план для примирения? Дайте нам ваш проект!» На это мы ответили им, что мы хотим жить по-старому. Евгений спросил: «Каким образом по-старому?» На это мы ответили ему: «Мы хотим, чтобы отец Иларион был на своем месте». При этом слове отец Евгений, вскочив со стула, возопил: «Охи, охи, не бывать этому, не бывать никогда!» И, отворив дверь, вышел вон. Вот вам первый опыт нашего примирения здесь. Впрочем, мы к Пасхе дали им рыбы на три дня, свечей, и мыла, и прочего. Ожидали мы, что если они со своей стороны пригласят нас для начатия Пасхи вместе, то чтобы пойти и тем показать им нашу наклонность к миру, но сего не последовало, и мы с экзархом сделали начало наверху, и слава Богу.

Пасху провели хорошо. Только одно малое происшествие помрачило ее немного; впрочем, оно резко выразило то, что они и сами решительно не хотят сойтись с нами. Вот что случилось. На первый день Пасхи я, по обычаю, пожелал сойти вниз, к геронде, для поздравления, со мной пошли и консул, отец Иларион и прочие иеромонахи. Геронда принял нас очень радостно, и все греки рады были сему. Окончив это, мы взойшли наверх, вслед за нами пришли к нам старшие греки отдать нам визит и предложение нам, чтобы

наутро сделать литию вместе. Мы это их предложение приняли радушно. Экзарх обещался сам сделать освящение воды, и так все шло хорошо. Но поутру сделалось нехорошо. Экзарх по причине усталости отказался от освящения воды. Поэтому мы послали спросить у греков: поелику архиерей не пойдет освящать воду, то, чтобы избежать смущения, кого они назначают для сего? Они ответили, что в таком случае отец Гавриил будет освящать воду. Наши иеромонахи на это возроптали, говоря, что он не служащий и никогда не освящал воды, у нас есть иеромонахи служащие и старше его, а потому мы сказали им, что пусть отец Иезекииль освятит воду. На это они прислали нам ответ такой для прекращения спора: будто бы геронда приказал, чтобы ефимерий¹ седмичный отец Поликарп сделал водоосвящение. На это мы ответили им, что это команда Евгениева, а потому мы не принимаем ее и не выйдем на литию. И так они одни сделали ее. Вот и любовь и мир.

Отец Пантелеимон, получив от арх[имандрита] письмо, едет в Константинополь. Я просил его, чтобы он не ездил, но он и слушать не хочет о том, и по сие время он что-то с греками дружит. Впрочем, он и побаивается чего-то: спрашивал у меня, писал ли я что-либо о нем послу. Я прямо сказал ему, что «все было писано о твоих поступках». Потом он просил меня, чтобы я написал вам, чтобы вы приняли его поласковее; денег дал я ему 5 лир. Фантазер прекрасный. «Я, — говорит, — надеюсь оправдаться перед послом». Это второй бич для нас, но от таковых только один Господь наша защита.

В настоящее время мы не находим благовременным говорить с нашими греками о разделе, потому что на Карее собираются эктакты, или чрезвычайные старцы, для рассуждения о нашем деле, и покуда решение их не уяснится, потуда мы не можем ничего говорить с нашими греками о разделе. А если мы в разговоре сказали им, что мы хотим жить с ними по-старому, то это сказано не потому, что мы в самом деле желаем жить с ними, а чтобы вызвать наружу их упорство и ожесточение против нас. В самом деле очень смешные поступки наши греки выделывают. Например, вчера наши пошли на кипер попросить у них для меня салат, или марулю, но они ответили им, что не приказано давать русским с кипера ничего. А сего дня они, эти глупые епитропы, пришли к нам просить, чтобы мы уплатили за них подати и разные налоги, а их собирается до 100 лир. Извольте понять греческую мудрость или безумство!

¹ Чередной иеромонах. — *Примеч. сост.*

Сегодня у нас служил Пендаполис. Он, между прочим, вот какую мысль свою высказал нам: чтобы не давать грекам ничего. А если они за это будут жаловаться и если патриарх «будет заставлять вас давать им, тогда вы скажите ему так: “Наша трапеза отворена для всех приходящих, а потому они напрасно на нас жалуются, что мы не даем им есть; пусть приходят они в нашу трапезу и едят готовую пищу”».

Иверские начали склоняться в нашу пользу, а причиною тому — архимандрит Амфилохий, который назначен в Москву, и вот, дабы пропустили его туда поскорее, он и хлопочет, чтобы подписать нашу бумагу. А за Ивером, разумеется, и прочие согласятся подписать. Что-то из сего Бог даст?

Я дал позволение нашему Антонию для излечения ехать в Константинополь и знаю, что он будет в тягость, но что же делать с ним? Вы его знаете. Насчет подданства брожение умов в братии велие; что из этого произойдет, один Бог весть.

Хотя Бог и подкрепляет и весьма утешает меня, но силы мои телесные ослабели, а они-то теперь очень нужны; к этому еще отец Иларион со своими немощами, уж и не знаю, что и сказать. Если отец Арсений уедет в Москву, тогда не с кем будет и словца духовного сказать. Но во всем да будет воля Господня! Уж вот пришло время, когда *сладце похваляю в немощах моих* (2 Кор. 12, 9).

Попросите господина посла, чтобы он со своей стороны посоветовал отцу Пантелеимону не мешаться с келлиотами, ибо это дело наведет на нас великую злобу всех монастырей.

Отец Иерон весьма скорбит, что посылают его на сбор¹, он сего и не воображал, да и мы тоже, все делается не по-нашему, и как горько разлучаться с любимыми людьми, да если еще надолго!

Что только тебе уясняется от собственного опыта, о том мне писать тебе не возвещается, ибо сказано: *Искусивыйся вся весть*.

Некоторые безмолвники очень сочувствуют нам и особенно тебе. Благодать побуждает их плакать за нас, а это есть милость Божия к нам.

Прошу тебя передать от меня поклон и благословение отцу Азарию и прочим нашим братьям. Консул — человек религиозный и умный, он утешает нас надеждою на хороший исход нашего дела. Дай-то Господи! О прочих обстоятельствах вам пишут другие, а от

¹ Для возобновления нашим монастырем по желанию господина посла Игнатьева мирликийского храма святителя Николая. Вместо отца Иерона посланы иеромонах Афанасий и монах Варсонофий, а отцу Иерону довелось ехать на Кавказ. — *Примеч. о. Владимира.*

меня довольно и сего. Отец Дорофей наш подружился с отцом Пантелеимоном и заступается за него.

Прости, мой любезный друг, и молись за меня. А каково мне, то сам ведаешь, а я уж опасуюсь и смиреннословить, ибо это иногда нашему брату бывает не всегда на пользу. Кажется, что я уж много зарпортовался.

Спасение Божие да примет всех нас. Аминь.

Твой брат и друг

духовник Иероним

19 апреля 1875 года

Р. S. Стараюсь понуждать себя не чувствовать приятности и неприятности, то есть быть хладнокровным, но еще не могу, силы нет, а это невредно бы было для здоровья.

Высокопреподобнейший отец Макарий, любезный друг мой духовный, Христос воскрес!

Не имею времени писать тебе о многом, ибо о всем нужном передает тебе отец Арсений устно. Греки как греки, во всем хитрят и лукавят, но Господь покрывает нас. Из всего видно, что один отец Евгений всех путает, но и это Господь обратит нам в пользу. У греков одно условие к миру — епитропия. А о разделе они опять-таки не хотят начинать говорить, этим они показывают себя, что они хозяева здесь, а мы постояльцы. Впрочем, здешние обстоятельства не позволили нам побеседовать с ними о решительном разделе. Ибо посмотрим, что еще скажут о нашем деле эктакты на Карее? Ибо по этому делу они хотели нарочно собраться и поговорить. Братство очень взволновано вестью о подданстве и мнози из них глаголют: *Кто здесь явит нам благая?* (Пс. 4, 7) Особенно те из них, которые ищут причин ко греху, извиняющему их нарушение данных ими обетов в постриге. Отец Платон и отец Дорофей в присутствии моем подавали свои прошения консулу о пропуске их в Россию. Но консул не принял от них прошений, сказал им следующее: что это преждевременно, потому что «ваше дело еще не кончено, да и поодиночке от вас прошений и впредь не примут, ибо вы принадлежите обществу, которое должно о вас заботиться, ведь вы отреклись от мира, для чего же вы ищите в Россию пройти? Вы должны держаться своего общества». На это наши зачинщики, глупо улыбаясь, сказали: «А мы думали, что поодиночке-то вам удобнее пропустить нас в Россию». И затем удалились. Вот вам и мудрии наши обьюродеша (см.: Рим. 1, 22).

Я хотя при помощи Божией и благодушествую, но все это на мое здоровье сильно влияет, судороги мои усиливаются, сон удаляется, аппетит слабеет, а беспокойства все умножаются. Если сутки прошли и я не лежал от болезни, то я сам себе удивляюсь и благодарю Господа, что еще я сутки проколтыхал. Все это не порадует вас, но и не унывай о сем, ибо сказано: *Когда немоществую, тогда и силен есмь* (2 Кор. 12, 10). Прошу вас певчего Алексея поэкономить, ибо он полезен для хора.

Прости, мой дорогой.

Д. И.

Мая 1875 года

О Господе возлюбленный мой друг отец Макарий, Христос воскрес!

С прошедшим пароходом я ничего не мог написать тебе, а нужно было и писать, тем более о деле Пантелеимона, о коем был написан и вопрос ко мне от тебя. Мое мнение о сем вот какое. Так как Пантелеимон оказался в нашем обществе соблазотворцем, развращающим многих наших братьев, и по многом нашем долготерпении и многим нашим вразумлениям и увещаниям остался неисправим, то, как гнилой уд, по правилу святителя Василия Великого, должен быть отсечен от целого общества, да не все общество заразится его тлетворным мудрованием. Хотя и со слезами, но должно такового удалить из монастыря. А последствия, коих ты боишься, следует нам предоставить Промыслу Божию, Который все то обратит на славу Свою и на пользу нашу. Ибо Он видит, что мы, этак поступая, ищем не своей пользы, а общей. Теперь же хорошо отказать ему от обители, потому что он явно начал вредить обществу своими клеветами и не остановился на одном своем конаке. Заявите все это господину послу и испросите у него согласия на удаление его из обители. А потом что Господь даст или попустит, то да будет Его святая воля. И я тоже заметил в нем признаки сумасшествия и заявил ему о сем, но он на это только злобно улыбался, приговаривая: «Да вы и вправду хотите меня таким опубликовать и посадить в затвор или сослать в Суздаль в крепость». Дорофей сперва просил меня, чтобы я отпустил его в Россию, выдал ему его паспорт, но я тогда отказал ему в том. Теперь же, когда я по получении вашего мнения пропустил слух, что отпустим Дорофея, то он этим очень огорчился и изъявил свою скорбь Хаджи Георгию, что духовник не любит его и хочет выгнать из обители. А пред тем временем он просил того же Хаджи, чтобы он попросил меня отпустить его

мирно из обители. Но как он ни вертись и как ни лицемерь, а уже он показал себя, что он настроения строптивного и очень беспокойного, а потому и полезно будет удалить его из обители.

О деле нашем на Карее еще не толковали. Наши греки заметно приуныли. Феодосий, антипросоп, выразился так: «Если б мы вперед знали, что русские не будут выдавать нам кубань¹, то мы и не подумали бы возмущаться против них». Из этого видно, что только это одно средство вынуждает их познать и восчувствовать свою ошибку. Сегодня эконо́м их Серафим приходит к нам просить кое-чего, на это мы ответили ему то же, что и прежде было нами сказано им, что «у нас трапеза для вас готова, и если вам угодно, то приходите к нам кушать, и мы отказывать вам в оной не будем». На это он сказал, что «мы в вашу трапезу не пойдем». А мы ему ответили на это: «Как хотите, воля ваша, а выдавать вам провизию отдельно и мы также не хотим, ибо мы не видим в том никакой нужды». И так он удалился. Слышно, что на греческой стороне последовало разделение. Мораиты (то есть морейские греки) не ладят с турко-меритами (турецкими подданными). Вследствие сего некоторые начали изъявлять свое согласие пристать к нашей стороне, в том числе Зиновий и Клим, но мы не совсем им доверяем. Посмотрим, что произойдет после решения нашего дела на Карее, будет ли так сделано, как многие обещали сделать, то есть чтобы опровергнуть первый их (греков) канонизм, дабы тем изъявить свое согласие с Церковью. Потом прислать к нам двух игуменов для освидетельствования геронды и предложить ему о избрании вместо него игумена большинством голосов, но без епитропии. Если все это сотворится, то это весьма странно будет, только можно одно сказать, что Богу все возможно. Правда ваша, уж воистину умножились стужающие нам: Пантелеимон, Дорофей, Евсевий и с ним многие серайцы, протат, патриархия, народ греческий, петербуржцы и едущий Самуил! Это только явные враги, а тайных-то сколько! И как они сильны злобою и лукавством! Все это в совокупности устрашает, приводит в малодушие, колеблет упование и уничтожает терпение, но только тогда, когда все это представится мгновенно вне веры и упования на Промысл Божий. А иногда, хотя и редко, от представления обышедших нас многих врагов нечаянно, как молния, блеснет радость, что все это допущено Самим Господом для того, чтобы явить нам Свое Божественное отеческое славное заступление и покровительство для вящей славы Своей. Мы по-детски

¹ Провизию. — *Примеч. о. Владимира.*

просили Господа, дабы Он здесь, на Афоне, уяснил нашего общества положение, и вот Он так уяснил оное, что мы тому не только удивляемся, но и ужасаемся. Слава за это и за все Ему единому.

Отца Иерона и я очень неохотно отпустил, и если заменить его нужно кем (на что я согласен), то только находятся двое: или отец Владимир, или Феофил; скажите о сем ваше мнение.

Это недостаточно, что по духовной части я остался один, но к этому мне посылаются еще телесные болезни, дабы я не мечтал, что и один справлюсь, и вот третьего дня я прихворнул было добре, но вашими молитвами скоро оправился. Отец Гервасий прибыл с Каламариин, теперь он займет Иезекиилево место, и кажется, что будет гораздо лучше, потому что он меня слушает. И отец Павел стал прихварывать, но в случае чего отец Владимир может заменить его. Не верьте слухам, в братстве нашем ничего не заметно особенного, слабого поведения, вся масса, или общество, слава Богу, ведет себя хорошо, а есть малые исключения, кои и всегда бывали. Впрочем, если Господь попустит, то и это не дивно будет. Но почему же теперь у серайцев сделалось разделение на три партии?

Видно, *многими скорбями подобает нам внити в Царствие Божие* (Деян. 4, 22). Вот мы очень хорошо знаем, что скорби нас спасают, а почто же мы их не любим? И это тоже странно.

Отец Иларион клянется тебе. Он очень малодушествует, впрочем не по общему искушению, а по причине собственного своего, особенного искушения, вследствие чего он утром и вечером приходит ко мне и повторяет одно и то же, и это для меня составляет хороший крестик, но что же делать? Учим же других друг друга тяготы носить.

Прости. Благословенный мир тебе и спасение.

Духовник Иероним

5 мая 1875 года

Богодарованный мне дорогой мой друг отец Макарий!

Молю тебя, не оскорбляйся проектами наших благонамеренных содеятелей, ибо от избытка доброжелательного сердца сие проистекает, а они вполне во всем доверяют вам. Но хотя и не исполняете, а все-таки выслушивайте с терпением, и довольно будет сего, это утешит их вполне. Эту мысль они высказали мне сами. Потому-то я выразился тебе о значении наших проектов. А ведь увлекательно заниматься ими? Но совсем иное дело будет, если составлять их со скорбною молитвою, со вздохами и слезами, тогда они уже

будут гораздо прочнее первых. Тем более если еще к тому же будут основаны на совете с кем подобает.

Простите написавшего.

Д. И.

Высокопреподобнейшие святые отцы, отец Макарий, и отец Азарий, и прочие о Христе наши братия!

Христос воскрес!

Спешу известить вас о постигшей нас общей нашей великой скорби. Мститый наш благословенный старец отец Герасим волею Божией мирно скончался 10-го числа мая в 11-м часу утра.

За два дня до смерти своей он ничего не ел. Но говорил ясно, хорошо. В пятницу же с 3 часов ночи он уже не мог ничего говорить. В 5 часов приобщили его Святых Таин, и он, как говорят очевидцы, хотя и не мог говорить, но принял Святые Тайны как бы сознательно и проглотил их хорошо. В 8 часов мы узнали о его предсмертной агонии, поспешили сойти вниз и нашли его лежащим в его келлии на обычной его кровати, но уже в бессознательном положении, в котором он и скончался в половине одиннадцатого утра.

Греки, кажется, не желали, чтобы русские пред герондовою смертью посещали его, а иначе они известили бы нас о том. Когда уже началась его агония, с 3 часов до 9-го, они и не вспомнили известить нас о том, да, верно, и не известили б. Но Бог внушил отставному епитропу Агафону, который секретно сказал нашему портарю отцу Ананию, что геронда умирает: «Иди и скажи русским, чтобы поспешили проститься с герондою». А то бы мы так и остались, не выдавши его кончины и не облобызав пред смертью святой старческой его десницы, что многим из нас причинило бы великую скорбь. Но благодарение Богу, *исполняющему во благих желания* наши (Пс. 102, 5), ибо Он удостоил нас хотя пред смертью облобызать святую десницу святого нашего старца, коего и да успокоит Господь со святыми, а в обители нашей и святой Церкви Православной да будет ему вечная память с похвалами.

Лицо его было очень светло, чисто и приятно, ни одна черта не выражала страдания. В 12 часов тело его со звоном вынесли в храм Успения, где и началось, по обычаю, чтение Евангелия над ним. Греки пригласили к тому и наших иеромонахов. К погребению греки послали пригласить владыку Ксанфиса, а мы со своей стороны пригласили нашего Пендаполиса Нила. Погребение назначено завтра, то есть в воскресенье. Могилу готовят для него по правую

сторону католика¹. О последних его желаниях ничего не слышно — верно, их и не было.

Вот, святые отцы, какая у нас сделалась перемена, с которою, может быть, и вопрос наш переменится или по крайней мере скорее окончится. Но наше желание есть одно: хотя и потерпеть далее, лишь бы исход или конец был добрый, сего да удостоит нас благость Божия к славе Его, единого Бога, и во спасение душ наших. Сам Господь да укрепляет и утешает вас на пути крестном, на коем вы встречаете многие и разнообразные скорби, носимые вами более ради пользы не своей, а ближнего. Благословен Бог, щедривый вас такою высокою боголюбезною добродетелию. А я более провожу время в борьбе с болезнями, и за это слава Богу, ибо и это дар Божий, очищающий грехи наши, коих у меня довольно.

О прочих обстоятельствах пишут вам другие, кому поручено это, а на меня не сетуйте, что не пишу о всем вам своеручно, ибо воистину не могу, да ведь вы все это хорошо знаете.

Сочувствующий и совоздыхающий вам, любящий вас грешный ваш собрат и сомолитвенник

духовник Иероним

10 мая 1875 года

Высокопреподобнейший отец Макарий! Христос воскрес!

Хотя мы и поспешили написать Вам, что приступаем к избранию игумена 16-го числа, но, подумавши и посоветовавшись между собою, решились подождать Вашего извещения. Даст ли патриарх на это свое благословение? А если даст благословение, то тогда можно приступить к избранию, не боясь противления греческой стороны. Бог знает, что хочет быть. Ибо мы совсем не того желали и просили, а устраивается другое. Впрочем, мы в нашей молитве о сем намерении нашем просили Господа, что если Ему благоугодно наше желание раздела с греками, то дарует Он нам достигнуть сего, а если нет, то пусть будет по Его святой воле, проживем еще с греками, доколе это будет удобно для обоюдного нашего спасения. Но чтобы было непременно без греческой епитропии или по крайней мере с зависимой от воли игумена, чтобы он имел право, когда нужно будет, переменить епитропов, а иначе будут два начала в обители, а это весьма худо.

Архиерей Ксанфис дозволил себе высказать при свидетелях дерзкие клеветы на Вас, именно что архимандрит Макарий есть липован

¹ Собора. — *Примеч. о. Владимира.*

и католик, а потому не должно допускать его до игуменства в обители и тому подобное. Мы по совету епископа Нила решились пожаловаться на него патриарху, дабы он погрозил ему за это, что и прочим послужит ко вразумлению, а иначе эти клеветники не уймутся. Отец Дорофей начинает примиряться, но он, к сожалению, в Салонике очень испортился. Впрочем, сегодня я лично говорил ему, что если он не хочет жить мирно, то я уволю его и дам ему его мирской паспорт, но желал бы я, чтобы он мирно умер в обители, — все это он выслушал спокойно. Греки пронесли слух на Святой Горе, что русские разделились на три партии, и что одна половина будто бы не хочет делать отца Макария игуменом, и что это, говорят, писал им отец Пантелеимон. Но я этому последнему что-то не верю.

Завтра геронде девятый день, мы пригласили владыку Нила прослужить Литургию и панихиду.

Здоровье мое поправилось, но приближающийся жар начал уж теснить меня. Отец Гервасий прибыл с метоха и начал помогать мне в исповеди. А отец Иезекииль живет с отцом Григорием на Крумице и там исповедует братию, но это мне не по сердцу, потому что внушает братьям вредное мудрование, именно то, что настоящий не должен быть духовником. Вот вам и помощник в исповеди!

О подданстве что-то перестали братья болтать — верно узнали, что не о чем беспокоиться. О прочем пишут Вам другие. Прошу передать от меня поклон и благословение отцу Азария, отцу Арсению и прочим нашим братьям.

Духовник Иероним

17 мая 1875 года

Ваше Высокопреподобие всечестнейший отец Макарий.

Пароход пришел. Почту от отца Иерона получили. Вы спрашиваете, кто прежде поступил в монастырь, я или отец Гавриил. Разве Вам не известно, что я поступил в 1840 году, и об этом мы писали отцу Иосифу, чтобы он Вам сообщил телеграммою.

Р. S. Если для постройки нового монастыря нельзя назначить неопределенное время, то по крайней мере определить последний срок 20 лет, и никак не меньше сего числа.

Духовник Иероним

Высокопреподобнейшие отцы, отец Макарий, отец Азарий и отец Арсений! Здравствуйте о Господе и со всею о Христе нашею братиею!

Мы уже извещали вас телеграммою о случившемся у нас событии. Теперь посылаем к вам отца Павла с нужными по сему делу бумагами, который устно передаст вам подробно о всем в это время случившемся. Обстоятельства сложились так, что мы иначе не могли действовать, что вы и увидите из наших бумаг. Скорое избрание нами во игумена нашего отца Макария сделано нами по совету игуменов симонопетрийского и свято-павловского, и епископа Нила, и прочих наших доброжелателей, дабы там соблюсти древний обычай Святой Горы и вместе с тем уничтожить рассеянный нашими врагами вредный для нас слух, что будто бы половина русских братьев не хотят иметь игуменом отца Макария и никого из русских, а из греков и будто бы 150 русских перешли на сторону греков; а эта чушь распространилась по всей Горе, и ей многие поверили, даже и сам епископ Нил верил этой клевете и очень удивился, когда я сказал ему, что русские все с радостью подписались на избрание во игумена отца Макария.

Но греки, кажется, хотели нашу медлительностью воспользоваться, ибо вперед оклеветали нас, что мы разделились на три партии и что-де потому они принуждены были избрать для обители во игумена своего грека. Потому архиерей и поп Нифонт дожидались того, чтобы услышать, что у нас последовало разделение, и не уходили из обители до 18-го числа. В этот день поутру мы послали к грекам депутацию для приглашения их к избранию нового игумена совместно по большинству голосов, и, получивши от них отказ, вслед за сим мы прозвонили в большой колокол к началу заседания собора. Но эти господа (архиерей, поп Нифонт и прочие), не дождавшись окончания нашего собора, поспешно удалились во свояси. Последние их возгласы были таковы: будут отстаивать этот монастырь «до последних наших сил, чтобы он не подпал под власть русских. И если средств не будет к существованию, но лишь бы монастырь остался греческим, хотя и для трех человек, да чтобы победить русских!» Но эти слова произносит одна партия рьяных или неумеренных. А умеренные другое говорят: достаточно, если у греков будет епитропия, но не простая, а равноправная с игуменом, тогда можно будет жить с русскими. Впрочем, некоторые из них предлагали своим и таковое мнение, что «пусть русские согласятся докормить нас и пусть на это дадут нам бумагу, тогда мы и успокоимся». А прочие выпытывают у нас, что в случае если кто захочет удалиться из обители, то будут ли русские выдавать таковым временную, но удовлетворительную помощь? Но предводители их желают теперь сделать с нами раздел, но только такой,

какой им одним выгоден — например, чтобы мы, русские, оставили в пользу греков свои постройки внизу, а сами чтоб удалились наверх, а все прочее поделить пополам, несмотря на то что они, греки, численностию составляют против нас только четвертую часть; если раздел, то он должен быть равным, по числу всех наследников. Когда мы им предлагали раздел, тогда они и слышать не хотели о нем, потому что считали монастырь своим, греческим, а, когда дело уяснилось, что монастырь принадлежит нам, русским, тогда они уже начали домогаться раздела. Для нас, русских, немыслимо без всякого резона оставлять свои постройки в пользу греков. Разумеется, покуда был жив геронда, он устрашал нас своею священною старческою властью, хотя от глубокой старости мало владел собою, но мы все-таки из благоговения к нему боялись его запрещения. А теперь совсем дело другое, большинство нашего русского братства по праву общежития должно владеть монастырем свободно, не допуская быть в обители двум началам. И если епитропия или вместо нее монастырский собор быть должен, то он должен быть зависим от игумена, как это и всегда бывало. Впрочем, если в новом общем канонизме допускается из избранных игуменом кандидатов для епитропства избрание братством из оных, какие ему нравятся, то и это правило не вредит игуменской монархии.

Сам Господь ради молитв Пресвятыя Богоматери и святого Пантелеимона да управит нас и все наши дела во славу Свою и спасение наше. Затем остаюсь желающий вам успеха для блага обители

духовник Иероним

22 мая 1875 года

Преподобнейшие отцы наши и собратие.

С нарочно отправляющеюся почтою спешу и я своеручно написать вам хотя немного. Третьего дня отец Анания ватопедский посетил меня. Между прочим разговором он сделал нам выговор такой: почему мы оклеветали его пред господином Игнатьевым? Ибо писали ему, что архимандрит Анания противодействует русскому вопросу и будто бы «я советовал вам сделать раздел с греками. А на самом деле я убеждал вас не делать раздела с греками, а сделать игумена русского и успокоиться, а вы оклеветали меня напрасно. А вот, наконец, вы сделали то же, что и я советовал вам, и хорошо сделали». Мы отвечали ему, что «мы действительно писали господину Игнатьеву о нашей беседе с вами, но не писали, что вы советуete нам сделать раздел с греками, а, напротив, что вы

и слышать не хотите о разделе. А если мы будем усиливаться и сделаем раздел, то непременно с именем скита, а не монастыря. Это вы говорили, и о том мы написали, а более ничего». Впрочем, он простился с нами с лобзанием в уста.

Сего дня к нам прибыл экзарх и говорит, что если он получит позволение на отъезд из Афона, то с этим пароходом и отправится. При свидании он выразил нам как будто свою радость, что дело наше получило хороший исход. Пендаполис сказал мне, что он слышал от Харитона кутлумушского, что патриарх поддерживает Анастасия, потому то наши греки многого ожидают из Константинополя. А если это так, то понятное дело, что хотят затянуть наше дело в бесконечную даль, а, покамест оно будет тянуться, нас будут обирать, что и выражают мрачные каноны, выработанные комиссиею. Теперь уже греки ревнуют во что бы то ни стало о разделе, а между тем достигать будут того, чтобы прогнать русских из нижнего монастыря. Под предлогом раздела нас хотят совсем уничтожить. Разумеется, это зависит от Бога чрез решение Церкви, а не от злобы человеческой. А нам, желающим исполнить в этом деле волю Божию, должно быть равно и то и другое, лишь бы то было по воле Божией, благоугодной и совершенной.

Вы замечаете, что мы поспешили избранием игумена и будто это худо мы сделали, но все наши сторонники посоветовали нам так сделать, да и враги наши об этом отозвались хорошо. А далее что будет, это в руке Божией, а мы хотя и грешные, но другого прибежища в скорбях наших не имеем, кроме Него одного, Спасителя нашего, на Коего и уповаем, что Он со искушением сотворит и избытие. А дожидаться от комиссии вредного для нас решения — это было бы неблагоприятно, ибо после одного трудно было бы для нас переделывать определение ее — это уже всякому известно, в настоящее время рассуждения комиссии ведутся явно против нас, и далее чего же доброго нам ожидать от нее?

Посылаем просительное письмо господину Игнатьеву, к нему же посылает и Пендаполис от себя письмо по-французски о нашем же деле. Теперь он (Пендаполис) у нас гостит, мы пригласили его для Пятидесятницы. О прочем вам пишут другие.

О[тцу] П[антелеимону] дать позволение, живя у нас, собирать милостыню на покупку для него келлии невозможно, ибо я этим соблазну братию мою, а я этого делать не хочу.

Простите и молитесь за болящего вашего духовника.

Иероним

29 мая 1875 года

О Господе возлюбленнейший мой и наш отец Макарий, Бог терпения да пребудет с тобою!

Мы невнимательные, а потому и неблагодарные, бывши призваны и избраны благодатию Божиею в монашество, принятием которого удостоились ввергнуть себя в пучину Божия милосердия. С детскою верою испросили мы себе у Господа *хождение по водам* страстным, но с нами случилось то же, что и со святым апостолом Петром: подули сильные ветры скорбей, и мы убоялись и начали утопать в мысленных волнах маловерия и малодушия. Я это говорю не для того, чтобы не надо было объяснять духовнику всякие вражеские прилоги простые, то есть непринятые — нет, их нужно открывать для рассуждения и обнаружения сетей вражиих. Но я говорю для того, что не должно внимать или как бы доверять и даже долго беседовать с вражиими прилогами, разрушающими веру и терпение. Ты, мой дорогой, допустил себе внимать прилогам маловерия, и оттого они выражены тобою в письме тяжело и болезненно. К чему так писать, что «может быть, все потеряем»? И еще того хуже: «Может быть, уже более и не увидимся». Что же мне на это сказать тебе? Разве то, что Господь сказал святому апостолу Петру: *Маловере, почто усумнился еси* (Мф. 14, 31). И в самом деле, к чему принимать такие фантазии? Пришло для нас время испытания, в которое нам требуется показать наше долготерпение и веру, а не мечтать о бегстве, ибо добрый пастырь полагает душу свою за овцы своя (см.: Ин. 10, 14—15). Прости, мой дорогой, ты знаешь, что я не люблю равнодушно выслушивать во время искушения слишком резких маловерных и малодушных выражений, ибо они лишают нас воздаяния за терпение.

А я, расслабленный, похваюсь тебе и многими моими немощами и злостраданиями, и многою помощию Божиею, и утешением благодати. Все это скорбное время при конце Пятидесятницы я обретал большое утешение от мысленного чтения в уме кондака Вознесения, а более от сих слов: *Никакоже отлучаяся, но пребывая неотступный и вопия любящим Тя: Аз есмь с вами и никтоже на вы.*

Заметно, что хотят наше дело затянуть; избегнуть сего, то есть проволочки, возможно только при помощи Божией.

Пендаполису надобно дать квартиру у нас. Спаси его Господи, он много утешает нас. Начались жары, и мне от сего стало очень трудно. Болезни мои усилились, так что проходят сутки, и я удивляюсь, как-то я пережил их?

Вы спрашиваете, что делать, если отец Азарий оставит наше дело? Мое мнение в таковом случае: на место его хорошо бы было при-

гласить Пендаполиса, а если сего почему-либо нельзя, то вызвать нашего отца Нафанаила. Я так думаю, что [состоявшееся] избрание нами игумена полезно будет и для раздела, ибо в таком случае греки уже будут требовать раздела, а не мы. И потому нам теперь удобнее первого не делать им уступок. Но да будет во всем воля Господня.

Затем благословение Божие да пребудет с тобою и со всеми вами.

Духовник Иероним

6 июня 1875 года

Возлюбленный о Господе отец Макарий.

Спасение Божие да примет нас!

Не знаем верно, придет ли к нам пароход или нет, но я спешу написать тебе, мой дорогой, злостраждущий и многоскорбящий о пользе ближних, и это дар Божий редкий в настоящее время. Ибо почти все ищут свояси. Но чем же мне утешить тебя, как не воспоминанием Священного Писания?

Мое здоровье стало получше, но жар стесняет меня очень.

Я рассудил опять послать отца Павла к вам, более для основания церкви и решительного действия в Мирликии.

Греки наши, кажется, хотят избрать себе игумена, и это делается по руководству из Стамбула, и час им добрый. Если Господу угодно и для нас полезнее раздел, то и хорошо, пусть он сотворится, лишь бы дали имя монастыря нам, а не скита. Мне все равно то и другое, лишь бы это было благоугодно Богу.

Я поручил отцу Павлу поговорить с вами о продаже выигрышных билетов, ибо от них мы терпим много убытку — до 7 тысяч рублей в год; надобно это поправить. Иеремию посылаем к вам.

Отец Пантелеимон еще не принял моего совета о исправлении жизни по-общежительному, хочет советоваться со старцами; что будет далее, о том напишу, но позволять ему проживать у нас и собирать для покупки келлии деньги я ни за что не соглашусь, а он-то сему удивляется. Право, он чистый дуралей. Все прочее у нас слава Богу.

Прости, мой возлюбленный. Бдение поют, и пароход показался, спешу окончить сие письмо пожеланием всем вам богоугодного успеха в порученном вам деле, молитв ради богоносных отцов наших афонских.

Духовник Иероним

14 июня 1875 года

Высокопреподобнейший и о Господе возлюбленный наш отец Макарий!

Любы Божия обдержит нас и да обдержит.

Итак, волею Божией наше дело приходит, по-видимому, к исходу паки совместного жития с греками, хотя и по нашему желанию, но дело так много усложнилось, что еще ничего нельзя вперед сказать о нем решительного. Одна на Промысл Божией нас утешает надежда, что Он и из сего зла извлечет для нас добро.

Здесь у греков брожение умов туда и сюда. А предводители их в отчаянии, хотя и дерзают провешивать гордая и неуместная. Хорошо Вы сделаете, если не приедете с экзархом, это будет лучше. Постарайтесь, чтобы у экзарха была инструкция решительная, а иначе дело опять затянется вдаль. Из протата или из синакса чтобы определить к экзарху двоих, то нужно просить назначить таких лиц, какие нам благоволят, а иначе здесь уже начали назначать для сего наших врагов, а именно господин Козьма с надеждою готовится к этому месту. Если (чего да не будет) они, то есть наши недоброжелатели, успеют втереть к экзарху своих, то тогда все дело наше опять придет в брожение и опять затормозится.

Насчет отца Иерона я отвечаю Вам теперь же, что Ваше мнение готовить его к духовничеству богоугоднее, нежели посылать его на сбор, к коему он вовсе не способен. А вместо него хорошо определить отца Тимона с Георгием. Мнение отца Арсения, чтобы заменить отца Андрея отцом Владимиром, я признаю хорошим. На помощь отцу Васою мы определили отца Петра, просвирияка, коего и постригли в Парамона. С русским пароходом они прибудут в Константинополь.

Судно наше отправилось в свой путь, все обошлось благополучно и тихо. Только балыком-то Вы немного нас оскудили, а отец Иларион его любит; впрочем, Вы можете прислать его хотя пуд.

Игумену покровскому отвечайте так, что мы просимые им иконы беремся для них соорудить, но не так скоро, как он желает, то есть не к сентябрю, а как нам позволит то само дело. Рисунок для икон мы возьмем из солнцевского Молитвослова, лучше его мы не находим. А если им это не понравится, то в таком случае пусть они пришлют нам, какой угодно им, рисунок, или по присланному напишем. Только присланный рисунок есть прообраз Святой Троицы, а не Сама Святая Троица. А в Греческой Церкви этот рисунок и не называется Святою Троицею, а «Странноприимством Авраамовым». Да упомяните и о иконе «Утоли моя печали», не разумеют ли они под этим именем афонскую «Отраду, или Утешение» или

именно с русского рисунка чудотворной иконы? Все это требует пояснения. А мы покамест будем готовить для них доски.

У нас все благодатию Божиею управляется хорошо. Все ожидают экзарха в чаянии благоустройства от него. Сего дня епископ Китрус изъявил свое желание, по обычаю греческому, сделать метание на собратство наше. А жить-то где придется?

Иконы же посылаем Вам, а с будущим парохом еще пришлем оных.

Наш Герасим оправдывает своего брата отца Алексия, приписывая расстройство его грубости и необузданности новоначальных, кои-де принудили его так поступать, а отец А[лексий] в этом деле оказался вовсе слабохарактерным, да к тому же он и слаб здоровьем. Прибывший же из Москвы П. при объяснении со мной показался мне довольно своенравным и грубым.

Наш отец Иерон по принятии священства много переменился, ибо ревность его к благочинию и к деятельности упала наполовину. Прежде я укрощал его, а теперь уже начал понуждать к деятельности — впрочем, может быть, тому причиной и его болезни, ибо он часто побаливает.

Что наш отец Азарий поговаривает? Сказал ли он Вам о моем письме?

При рассматривании всего нашего дела Вы много приписываете лишнего отдельным личностям, но, по моему мнению, этим спешить нам не должно, ибо конец дела все покажет. Хотя мы и позволяем себе высказываться резко об отдельных личностях, но это все наш человеческий взгляд на вещи. Не явись наружу зло, не явилось бы и добро. Разумеется, мы теперь обвиняем того и другого в возмущении нашего общества, не рассуждая о том, что если не нынче, так завтра, а этому необходимо нужно было быть для его утверждения. Бог один весть, может быть, после мы будем и благословлять тех, которых теперь браним и указываем на них как на причину зла.

Исаак наш паки бежал в пустыню, и я не думаю скоро возвращать его, потому что он оказался вовсе не способен к общежитию, что можете увидеть из его письма ко мне. Очень жаль его мне, но делать нечего, Сам Бог да исправит его. О подробностях я не пишу, о том Вам пишут другие.

Прости, мой дорогой друг, молись за меня. Когда-то меня Господь удостоит обнять тебя?!

Твой собрат и грешный, расслабленный

духовник Иероним

12 июля 1875 года

Возлюбленный о Господе отец Макарий.

Благодарение Господу, вчера мы отпраздновали сороковой день нашему блаженному старцу. У нас служил митрополит Китрус, а у греков — Ксанфис, и все это прошло благополучно.

Сегодня к нам прибыл экзарх, и если зайдет пароход, то он немедля отправится в свою епархию. По-видимому, экзарх будто бы доволен нами и вследствие сего советует нам ни за что не соглашаться на принятие раздела, но всеми силами и средствами стараться удержать монастырь за собою, ибо, говорит он, «вы имеете на это на своей стороне все данные». «И если, — добавил экзарх, — святейший патриарх усиливается навязать вам раздел, то это произошло вследствие влияния на него мирян, и чтобы ослабить это влияние, то вам надобно потерпеть, пока утихнет волнение страстей». В том же смысле говорил нам и митрополит Китрус. Этот еще более высказал нам свое сочувствие, чтобы не принимать раздела, который мне по сердцу, но я своему сердцу боюсь доверять. Только одного желаю: да будет воля Божия благая, благоугодная и совершенная, как то указывают нам слова Священного Писания (ср.: Рим. 12, 2). Да, время приблизилось к решению нашего дела, а мы еще не знаем и колеблемся в избрании условий для его решения, ибо боимся сделать ошибку, чтобы после не раскаиваться. Но, если решение последует против нашей воли, тогда мы должны будем признать то за волю Божию и успокоиться. Однако нужно будет нам непременно протестовать, что мы принимаем раздел против нашей воли, единственно не желая противиться святой Церкви.

Об этом я изложил мои мысли в общих наших письмах к вам. Прошу тебя, мой дорогой, не сетовать на меня, если когда я что-либо напишу жестко. И утешать-то я еще не научился. Что я буду делать со сладкосердием своим, ибо вот явился чудотворец Иаков, ну, думаю, уж теперь ни за что я его не приму, а обличил и добре его несколько раз побранил, отчего он до зела смирился. И вот против его смирения и моя гордость не устояла, и я смирился, опять принял его и послал на Крумицу. Может быть, ты за это меня осудишь; кажется, что и следует осудить, ибо я и сам себя в этом случае не оправдываю. Что ж делать, горе мне с моим слабым сердцем!

Отец Пантелеимон посоветовался с зографским отцом Василием, который посоветовал ему, чтобы он во всем признал себя виновным. Он принял его совет, но страшно стонет, говоря, что ему ужасно тяжело, я стараюсь успокоить его. Дорофей тоже еще затрудняется в своем смирении, ибо ничего не делает, что не обещает доброго. Прочие же братья благодатию Божией все спасаются.

Молитесь за нас, богоизбранный наш игумен. Бог мира да дарует нам мир во славу Его ради молитв Богоматери и святого Пантелеимона.

Остаюсь опять-таки и слабый, и грешный твой собрат

духовник Иероним

19 июля 1875 года

Возлюбленнейший отец Макарий!

Здравствуй о Господе духовно и телесно.

Диавол по допущению Божию все еще продолжает запутывать наше дело то с одной, то с другой стороны. Теперь дело наше стараются затормозить еще со стороны турецкой власти. Я думаю, что и это Господь обратит в нашу пользу терпения и издержек — что делать? Да будет воля Господня! Еще древними отцами сказано, что последние монахи напастями спасутся, или *претерпевый до конца, той спасется* (Мф. 24, 13).

Прочитайте письмо отца Платона и подумайте о нем — может быть, это письмо полезно будет показать господину послу или так: сказать ему о нем и попросить его совета. Он, то есть Платон, вовсе вреден для общежития. Отцу Владимиру я говорил, что следовало, он во благодушии. Отца Иосифа послали (по совету экзархов) в Салоник. Известите нас об отце Аврамии. Старец Арсений, рухольный, по-христиански скончался 9-го числа.

С греками у нас все более и более любовь разрушается, а в последнее время они на нас так раздражены, что все придираются к нам, и ищут случая подраться, и готовятся не дать нам виноградников, и все это они делают по совету владыки [неразб.] и протата. Иногда я ужасаюсь за конец нашего дела, ибо боюсь, как бы не получилась какая-либо трагедия. Скорблю и молю Господа, да не допустит быть тому, чем бы обесчестилось афонское монашество. А диавол чрез уста послушных ему хвалится и угрожает трагическим окончанием нашего дела. Но да будет во всем воля Божия, которая не допустит сему быть, ибо это будет во вред славе Божией и спасению душ наших.

О прочих подробностях наших Вам пишут другие. Теперь греки посылают Никодима попа с прошением к визирю. Экзархи посоветовали нам известить Вас и Кизика¹, чтобы с парохода взять его прямо в патриархию и тем помешать им в этом деле.

¹ Митрополита Кизического Никодима. — *Примеч. сост.*

Скорби со всех сторон умножаются, но и утешения Божии тоже увеличиваются. Вот уж сила-то Божия в немощах моих совершается! А от людей я жду соскорбящего и его не обретаю, ибо несть утешающего меня, кроме одного Бога (см.: Пс. 68, 21). Да так сему и должно быть, ибо все окружающие меня наши деятели часто проявляют свою ревность не по разуму. Чтобы не привести их в смущение, я таю от них мое настоящее положение, но вчера вынужден был сказать одному из них, требовавшему от меня большей энергии, что я и без того каждый день умираю. В какую сторону понял он эти слова, это Бог весть, а не догадался он спросить меня, что сии слова означают.

Опять наша надежда на скорое свидание с Вами удалась на неопределенное время. По крайней мере, я хотя немного утешаюсь теперь помощью по исповеди от отца Гервасия. Спаси его Господи!

Прости, мой дорогой, и молись за больного

духовника Иеронима

16 августа 1875 года

Высокопреподобнейший отец игумен Макарий!

Желаю Вам о Господе радоваться!

По получении визирского утверждения все мы, русские, как бы оживились надеждою на благоустройство нашего общества. Дай-то Господи! О подробностях хода нашего дела здесь Вам пишут с дозволения моего другие. А я теперь пишу Вам, согласно Вашему желанию, мои мнения или ответы на Ваши вопросы, которыми Вы смущены.

Первый Ваш вопрос: неужели нам с солдатами добиваться этого игуменства? Отвечаю: если это относится к власти, то нам какое до того дело, да и мы того вовсе не желали. Второй Ваш вопрос: оправдает ли нас Сам Промысл Божий за такие действия? Мой ответ: кто был причиною неповиновения властям, тот и будет отвечать пред судом Божиим; сама противная сторона кричала, что, если турецкая власть прикажет ей смириться и отдать ключи, тогда только она смирится, а иначе и патриарха не послушает. И вот по их желанию все делается, и, следовательно, они сами (то есть противная сторона) накликали на себя полицию, а мы тут совсем в стороне. К тому же нам надо помнить и то, как же иначе в таком случае следовало поступить Церкви? Неужели уступить горсти мятежников? Третий Ваш вопрос: как будут на нас смотреть афонцы в будущем? Мой ответ: у этих людей именно закон такой: кто

только выиграл какой-либо процесс или кто победил, того и уважают более. Это мы говорим об афонцах «душевных», а не о «духовных». И еще Ваш вопрос: что скажут наши благодетели и вообще русские за таковое достижение нами игуменства? Отвечаю: да, справедливо, что будут говорить, не зная наших обстоятельств. Но благодаря Промыслу Божию, Который заблаговременно чрез газеты разъяснил русской публике наш вопрос, она по Его же внушению сочувствует нам. Доказательство тому есть очевидное — это неостановка течения к нам милостыни, а иначе нам и не присылали бы милостыни. Наконец, еще Ваш вопрос и, кажется, для Вас самый тяжкий: что скажут наши братья самые передовые, толкующие о делах, ибо при первом требовании от них исполнения воли (конечно, требование исправления ими дел) они громко заговорят и о войске, и о тратах сумм? Этот Ваш вопрос много удивил меня. Отвечаю на него укором Вашему легкомыслию. По каковому праву Вы изволите приписывать себе или свободному своему произволу затраты сумм в доверенном нами Вам общем нашем процессе? Ибо все Вами сделано с нашего ведения и совета. Да и само игуменство потребовалось нам не для отца Макария, а для нашего общества. Не случись в это время между нами отца Макария, так, без сомнения, другой занял бы это место, ибо оно, то есть игуменство, принадлежит монастырю, а не личности. Итак, посему Вы должны все приписывать обществу. А у этого общества в это время был и старец, коего Вы называете духовником Иеронимом, коего Вы всегда слушали и слушаетесь, вот на него-то Вы имеете полное право возлагать все тяжести нашего процесса, и это будет воистину, ибо без моего согласия Вы ничего (в ходе нашего дела) не делали важного. Итак, прошу Вас, не возносите, приписывая себе большую или исключительную ответственность в расходах сумм. В нашей тяжбе что бы ни затрачено было, лишь бы Бог дал нам благоустроиться во славу Его и на спасение душ наших. Аминь.

А как будем улаживаться с греками, так ненавистно на нас смотрящими? То на это дело нам дана благодать Божия, ее-то будем просить и на нее надеяться, и она во славу Божию все уладит и из невозможного сделает возможное. Затем у Вас, кроме меня, нет советника. И все сие Господь устроит. Отец Арсений малодушен, ибо боится, что в случае если дело наше будет проиграно, то и все затраты на оное вместе погибнут, но все-таки он, то есть отец Арсений, не жалеет расходов, лишь бы расходовано было правильно. Замечаете ли по письмам, что теперь и отец Павел переменил свое мнение касательно расходов?

До извещения Вас нашею телеграммою не приезжайте сюда, терпите, покуда здесь все успокоится и приведется в порядок. Будущность положения нашего на Афоне пусть Вас не ужасает, потому что если что-либо и попустится для нас тяжелое или вовсе неудобное ко спасению нашему, то это будет на пользу нам, русским. У Бога для нас и на земле мест много, да и Афона мы не оставим.

О Мирликии теперь не время хлопотать. Я думал было для нее готовить отца Феофила, но оказалось, что он вовсе не может по слабости здоровья, да и имеет расположение к чахотке. А отца Иерона что-то мне жалко отпустить. Господину Тумиловичу напишите, что он и сам себе может пояснить или рассудить, что с ним делается. Если б не было у него обета, то не было б с ним брани и противодействия вражия. А уже он терпел и хранил обет 18 лет, то неужели он туне терпел, или, может быть, он в вере ослабел, что ему за это будет награда? Кажется, он не требует разрешения на женитьбу, а просит, чтобы только объяснить ему окружающие его обстоятельства. Ивану Ивановичу Пушкину откажите вовсе. К отцу Малахии посылаем двух стариков, а Наума опять посылаем в Москву для ставки, зажжения и снимки свечей: он говорит, что он очень к этому способен. А если он там будет не нужен, то тогда он хочет побывать на своей родине, здесь же он немощен; может быть, он и в Одессе годится, распорядитесь им, как знаете. Двух кровельщиков посылаем для покрытия церкви. Обратите Ваше внимание на старика, он, мне кажется, хороший хозяин. Пишет ли Вам из Питера Василий Гонский или Флавиан? Годится ли он там? Что-то и отец Арсений не написал о нем ничего, в апреле он писал мне, и жаловался на отца Феофана, и просил благословения возвратиться в обитель, но с того времени он более не писал мне.

Братия все благодаря Бога мирны и спокойны, ожидают с нетерпением конца враждебной нам тяжбы и Вашего скорого возвращения, из числа коих аз первый. Бог терпения и утешения да пребудет с Вами и с нами.

Ожидающий Вас грешный Ваш духовник и собрат

Иероним

30 августа 1875 года

Р. S. В моем письме к Вам я забыл спросить у Вас, что это за программа, присланная из Москвы? Кто это Александр Васильевич и что за идея просить монастырь в Москве и в такое время, когда мы просим уже монастырь на Кавказе? Напишите отцу Арсению, чтобы он оставил эту мысль хотя на время.

Д. И.

К АРХИМАНДРИТУ ЛЕОНИДУ (КАВЕЛИНУ)

Возлюбленный о Господе и много уважаемый мною отец Леонид¹, Христос посреде нас!

Извещали мы своих отцов — сборщиков в России о знакомстве нашем с Вами и писали им, чтобы они непременно побывали у Вашего брата, поэтому просим и Вас если Вы еще не снеслись об этом с братом Вашим, то потрудитесь это сделать. Далее, вопрошаем и Вас и просим Вас спросить и брата Вашего о предмете, который очень давно занимает нас. Некоторые из благотворителей наших в России бывали согласны жертвовать нам свои дома, а один бездетный владелец порядочного участка земли в России жертвовал нам даже этот свой участок. Находятся такие случаи и теперь. Но мы не знаем, возможно ли нам как-нибудь приступить к этому делу и потому никак не решаемся братья за оное. Однако ж не можно ли нам приобрести такое жилище каким-нибудь образом под видом покупки или под образом жертвы? Покорнейше просим Вас разрешить нам эту задачу самим ли или чрез Вашего брата, которому законы и постановления касательно такового предмета, разумеется, не неизвестны. Надеемся, что получим от Вас удовлетворительный ответ касательно этого предмета.

Севастьянов, генерал, наконец прибыл на Афон вместе с архимандритом, состоящим при посольской нашей в Афинах церкви, Антонином именем, который хочет посетить всю Гору с ученою целию, для чего, разумеется, потребуется немало времени.

У нас в обители, благодарение Богу, все состоит благополучно. Вчера только у нас на Афоне были два сильных потрясения земли, так что мы все не на шутку ужаснулись. Как страшен Бог здесь! Каков же Он будет в вечном Своем наказании нераскаянному грешнику?! О, это беда! Но будем Его умолять здесь временно, дабы не плакать там вечно и бесполезно!

Письмо Ваше из Одессы от 13 июля 1859 года достигло до нас исправно, и назначенная в нем сумма денег для передачи передана по принадлежности с приобщением к ней имен, показанных в письме Вашем.

¹ Архимандрит Леонид (Кавелин) — с 1865 года настоятель русской посольской церкви в Константинополе, с 1869 года настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря Московской епархии, с 1877 года наместник Троице-Сергиевой лавры. Автор ряда книг и статей о Святой Горе, Пантелеимоновом монастыре и Новом Афоне. Скончался в 1891 году. — *Примеч. сост.*

Засим простите. От души пожелав Вам всякого блага и испросив о себе святых Ваших молитв, взаимно остаюсь смиренным к Вам богомольцем и искренним Вашим благожелателем.

Русский духовник Иероним

Святая Гора Афонская

Русский монастырь. 1859 года, августа 11-го

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший о Господе батюшка отец архимандрит Леонид!

Благословите!

Почтенное и любезное письмо Ваше я имел утешение получить. От души и сердца благодарю я и все вообще Вас, возлюбленный о Господе наш батюшка. Ваша любовь, усердие и благорасположение к обители нашей и моему недостоинству превосходят силы нашей Вам благодарности, но Всевидящий да воздаст Вам нетленным воздаянием, и Царица Небесная да утешит Вас, как Вы утешили нас и утешаете живущих во святом Ее жребии. Благодарим Господа вместе с Вами и радуемся о устройении общежития в Хилендаре. Конечно, если бы не прибытие господина посланника, его высокопревосходительства Николая Павловича Игнатьева, то не могло бы осуществиться это святое дело так внезапно. Из этого видим, что путешествие господина посланника в Святую Гору есть дело особого Промысла Божия для устройства общежития, которому и Вы послужили благодатным орудием.

Остается просить Строящего всяческая во благо, да устроит и укрепит начатое на пользу душ, жаждущих там этого вожделенного времени, что до сих пор, благодарение Господу, исполняется. Вчера был оттуда монах для получения обещанного отцом Макарием рыбака и говорил: «Мы в приезде посланника видели свое воскресение земное». Вся братия с непритворною радостью благодарят Господа, устроившего сие.

Теперь о подданстве нашем. Российскому правительству об устройстве типографии, впрочем, составлена наша особая бумажка, которую предоставляем на Ваше благоусмотрение, что [если] нужно по сему какое-либо изменение, благоволите не оставить Вашим внимательным рассмотрением. О подданстве нашем. Мы лично просили господина посланника позаботиться об этом деле, ибо и турецкое правительство само по себе нас признает таковыми, в противном случае, пожалуй, нам придется пострадать нравственно или материально. Сущность нашего желания такая, чтобы толь-

ко одно наше русское общество было под покровительством России, если возможно, 200 человек, к этому нужно заметить, что всех этих лиц могут быть представлены паспорта, но думаем, чтобы большая численность не бросилась туркам в глаза, то можно уменьшить на 100 даже, на 50 человек числящихся в подданстве. Приходит еще такая мысль, что господин посланник может сказать туркам, что у меня в Русике живут до 200 человек, которые, приходя как поклонники и поживя для богомолья более продолжительного, уходят обратно. Все это повергаем на благоразумное их усмотрение, да благоустроится все сие во славу Божию! Вам же объявляем о сем, как усердному попечителю о живущих в обители нашей Ваших соотечественниках, для сведения при беседе с посланником.

Случившееся с Вами происшествие ставшего на мель парохода тоже есть воля Промысла Божия, да не хвалится мудростию своею всяк не знавший будущего и на одну секунду бытия своего, вот самонадеянность и посрамилась, но слава Богу, что это обстоятельство произошло без особенных неприятностей и тем не могло изгладить приятного впечатления посетителей Святой Горы. Описание, составленное Вами, о пребывании у нас господина посланника весьма хорошо составлено и расположено, и мы с малейшим изменением препровождаем оное в Одессу для напечатания в «Херсонских епархиальных ведомостях». Поручаем отцу Азарию представить Вам оное для видимости, где исправлено. Отец Азарий отправляется теперь по делам обители, Вам известным. Покорнейше просим содействовать ему по Вашей опытности Вашими благодатными советами к общему благу всем и [на это] надеемся. Разговор Ваш с господином Лаговским для нас весьма приятен. Дай Бог, чтобы он поступил [в консульство], а мы всею душою рады ему способствовать, в чем укажет дело, для общей пользы.

Удивила нас сказанная Вами та почтенная личность, занимающаяся такими произведениями дел... К этому спросить бы господина Лаговского, сообщал ли ему о. Д. о производстве в иеромонахи диакона бывшего из Афинской миссии, а также и другого отца? Что его иеромонах с паспортом тульчинского дьячка был в Киеве и окрестностях и, возвратившись, занимает свою должность. Затем спросить бы их, что они могут знать по делам протата и прочих мест? Все дела Святой Горы для них темны, как осенняя безлунная ночь, и получать сведения от таких корреспондентов будет уделом населения Святой Горы! Все это пишем Вам, как искреннейшему нашему благожелателю, и просим, чтобы это осталось между нами. Что же касается до Зографа и Хилендаря, не знаем, чем покажется

для всех вообще это неприятное дело: обе стороны плохо слушают благие советы других.

Отцы игумен, Иларион, Макарий и все знающие Вас братия благодарят за память, взаимно свидетельствуют Вам глубочайшее почтение и просят святых молитв Вашего Высокопреподобия. По силе нашей немощи нами утверждено помянуть Ваше святое имя на всех богослужениях обители нашей, а также имена родителей Ваших: раба Божия Александра — о здравии и спасении и матушки Вашей — о упокоении рабы Божией Марии — внесены в ежедневный синодик вечного поминовения при совершении Божественной Литургии, равным образом поминаем и [имена] рабов Божиих боярина Николая, Екатерины, младенца Леонида и княгини Анны. Милостивые внимание и благорасположение его высокопревосходительства к нам, смиренным, возбуждает нас к молитвенной памяти о здравии и спасении их. Да благословит их Господь благословением Авраама и сподобит всех благ земных и небесных. Надеемся, что Вы потрудитесь выразить чувства наши его высокопревосходительству и великую благодарность за посещение нас на чужбине.

Политический горизонт заволакивается, такое известие весьма неприятно, если последствия его будут касаться и нашего любезного отечества; молим Господа Бога, чтобы оно не увлеклось этими военными неурядицами. Затем простите, дорогой наш батюшка, Вы, как искреннейший наш благодетель и попечитель о смиренном Русике, не будете искать изысканности в чувствах признательности нашей к Вам, и я не буду распространяться. Боголюбивая душа Ваша понимает всю силу их после многих испытаний со стороны как Святейшего Синода, так и светского правительства, и в Вас Бог послал нам Ангела-утешителя, тем более что немощи и скорби обители и наши Вам понятны, как пройденные и видимые на опыте, и Вы разделяете их, как искреннейший друг и брат о Господе. Спаси Вас Господи и помилуй и всех нас!

Что не дописано касательно дел, скажет Вам отец Азарий, которого поручаем Вашему отеческому вниманию, как и что благодать Божия Вам внушит, то и сообщите ему, в чем вполне уверены.

Остаюсь с истинным к Вам глубокопочитанием и любовью о Христе грешный богомолец

Духовник Иероним

*Святая Гора Афон
Монастырь Русский
1866 года, августа 19-го*

Ваше Высокопреподобие, всечестнейший отец архимандрит Леонид, благословите!

Как известно Вам, его высокопревосходительство господин посол Николай Павлович Игнатьев благоволил нам писать на имя мое о устройении певчих при церкви Константинопольской миссии, требуя на то нашего согласия. Мы им отвечали тот же час, но что-то чудное повстречалось с этим вопросом. От господина посла посланное им письмо от 28 октября нами было получено 20 ноября, на ответ одного его высокопревосходительству мы послали письмо от 30 ноября, которое для скорейшего доставления мы вручили поклоннику, с тем чтобы он по доставлении в Салоник вручил его епитропу для отправки с французским пароходом, приложив при сем письмо и епитропу, прося его немедленно отправить прилагаемое письмо. Но поклонник по свойственной русским простоте забыл передать пакет, хотя для этого была назначена ему и отправка с доставленными удобствами, но он все-таки пакет увез в Иерусалим, тогда как письмо это могло еще застать его высокопревосходительство до поездки в Петербург.

Теперь мы покорнейше просим Ваше Высокопреподобие принять на себя труд, ибо мы уже не дерзаем сами беспокоить его высокопревосходительство, просрочивши столько времени, хотя и независимо от нас. Сначала Вы изволили писать от имени господина посла, чтобы мы прислали в Константинополь двух человек из нашей братии для временного замещения двух открывшихся вакансий певчих, с тем чтобы эти братья наши прибыли впредь до устройства хора при посольской церкви. Получив такое приглашение, мы со всею готовностью тогда же устроили отправку двух наших братьев — монахов Захария и Матфея, которые уже ходят в посольскую церковь для исправления в ней богослужения. После означенной отправки нашей братии мы имели честь получить послание от его высокопревосходительства, которое гласило не о повременном каком-нибудь нашем в церкви Вашей послужении, а о постоянной в ней службе и, кроме сего, как о факте уже совершившемся. Что сказать о сем? Его высокопревосходительство и Вы всегда жауете откровенность. Будем же и мы пред Вами на сей раз откровенны при настоящем случае; нам нисколько не мешает простирать взор наш далее настоящего; конечно, отрицать это не будете и Вы. Служба наша в церкви посольской в бытность господина посла будет идти как нельзя лучше, ибо его высокопревосходительство имеет всестороннее настроение и к нам, грешным, душевное расположение, и так как и Ваше собственное внимание и братское

о Христе любвеобильное благорасположение и понимание общезначительного монашеского настроения служат нам в этом порукою, то служение у Вас для нас совершенно вменяемо. Но ведь как господин посол, так и Вы не всегда же будете занимать этот пост, а что будет тогда, по удалении господина посла и при будущих настоятелях церкви, командируемых нередко прямо от преподавания наук и незнакомых с бытом монашеского жития? А потому настоящее дело требует как с его высокопревосходительством, так и с Вами личной беседы, в чем, надеемся, Вы нам не откажете, а до того времени пусть братия наши, у Вас находящиеся, продолжают служить тем чином и порядком, каким начали.

Еще усерднейшая наша просьба до Вас, батюшка! Потрудитесь доложить господину послу, чтобы для будущего хора Вашей церкви миссия сама заботилась о приискании регента, ибо обитель и сама нередко бывает без оного. Наша же обязанность будет предоставлять этому регенту двух помощников, остальное может устроиться впоследствии при личном с Вами обсуждении.

Прося святых молитв Вашего Высокопреподобия, остаюсь с истинным к Вам почтением и любовью о Христе, взаимно смиренный богомолец

духовник Иероним

*Святой Афон
Монастырь Русский
1868 года, марта 6-го*

Ваше Высокопреподобие, многоуважаемый отец архимандрит! Приносим Вам от всего во Христе братства нашего глубокую благодарность за Ваше постоянное сочувствие, питаемое Вами к обители нашей и являемое самим делом в получаемых нами почтенных письмах Ваших. Пишу Вам сегодня, 11 февраля, в знаменательный для нас день открытия часовни в Москве, а у нас в обители сегодня совершилось отделение от греков трапезою, чего давно мы желали, и наконец Промыслом Божиим оное в свое время устроилось. Вероятно, о ходе наших дел отец архимандрит Макарий Вам пишет, обещают нам то и другое, а на деле пока ничего не видим. Теперь на Карее собрались все игумены, но о нашем деле еще не рассуждали. Хотя и хлопочет о нас усердно боголюбивый господин посол, но это он делает по личному лишь усердию своему к обители нашей, и полагаем, если правительство наше официально не войдет в наше дело, то успех сомнителен. Предаем себя Промыслу Божию и Небесной нашей Назирательнице. Наше желание —

возобновить нагорный Русик и там жить отдельно. Драгоценный дар любви Вашей, прекрасные складни напоминают нам былое житие наших предков¹. Даруй Господь, чтоб оное воскресло и процвело во славу Божию и во спасение наше. Мы уповаем, что по времени будем иметь утешение видеть Вас в своей обители среди собратий. В памяти нашей незабвенна любовь Ваша, оказанная и оказываемая нам.

Нашему собрату отцу Никодиму² прошу передать мое благословение, желаю ему продолжать святое послушание во спасение свое, а придет время, и он будет в святой обители — каждой вещи под небесем свое время.

Испрашивая Ваших святых молитв с чувством душевного уважения, пребываю взаимно Ваш смиренный сомолитвенник

духовник Иероним

Святая Афонская Гора

Русик

1875 года, февраля 11-го дня

¹ На иконе-складнях, пожертвованной архимандритом Леонидом Русскому монастырю в 1874 году, изображены престольные праздники церковью Старого Русика. — *Примеч. сост.*

² Монаху Никодиму, отпущенному из Русика за послушание в келейники к отцу архимандриту Леониду (Кавелину) в Новый Иерусалим и там умершему. — *Примеч. о. Владимира.*

К БРАТИИ РУССКОГО МОНАСТЫРЯ

Ваше Высокопреподобие, возлюбленный о Господе отец игумен Иерон со всею о Христе братиею.
Христос посреде нас!

Вследствие Вашего письма и личного нам объяснения, что некто из посетителей Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители, осматривая местоположение монастыря, пленился местностью одной возвышенности, называемой Трахейская гора, на которой доселе существуют развалины древней Трахейской крепости, внутри которой имеются остатки древней разрушенной церкви, и на этом месте сказанный посетитель, движимый особым Промыслом Божиим, возымел неперменное желание возобновить древнюю церковь. Не имея, однако, на это достаточных средств, он пожелал на первый раз выстроить там часовню, а церковь желает возобновить одна благочестивая женщина в Москве, которая жертвует в эту церковь древнейшую святую икону Божией Матери, именуемую «Грузинскую».

По довольном размышлении о таковом указании Промысла Божия мы, призвав помощь в Троице славимого Бога и ходатайство Царицы Небесной, благословляем Вам на этой возвышенности возобновить древнюю церковь во славу Пречистой Преподобной Славной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии во имя Ее чудотворной иконы Иверской, дабы этим возобновить в крае, который, по священному христианскому преданию, есть жребий Богоматери, память о его Великой Покровительнице — Царице Небесной, для чего установить ежегодное празднество Заступнице усердной рода христианского, которое должно совершаться: первое — 12 февраля, а второе — в третий день святой Пасхи, когда должен совершаться и крестный ход из обители на эту возвышенность, где должна быть совершена Божественная Литургия.

Во знаменование же этого будущего празднества благословляется Вам Иверская икона Божией Матери, пред которою Вы совершали соборне молебное пение по окончании Божественной Литургии 12 февраля 1884 года. По приезде Вашем в Симоно-Кананитскую обитель поставьте святую икону эту в предполагаемой часовне или церкви на упомянутой возвышенности.

Призывая на Вас благословение в Троице славимого Бога и вручая Вас и себя заступлению Царицы Небесной, пребываем Ваши богомольцы.

*Игумен Русского на Афоне
Пантелеимонова монастыря
архимандрит Макарий
со всею о Христе братиею*

Духовник Иероним

21 февраля 1884 года

Возлюбленнейший о Господе Преподобнейший отец Паисий со всею о Христе братиею, находящеюся в Константинополе, мир и спасение вам от Господа!

Благодатию Божиею умножилась братия обители нашей, умножились и недуги телесные. Благодуществующие и истинно надеющиеся на Бога возлагают и все упование свое на Божественный Промысл и на Его святое распоряжение и несут возложенный на них болезненный крест с терпением и любовью ко Господу. Сознывая за собою, как люди, свои недостатки, они приемлют с благодарением это испытание от пекущегося о них Промысла Божия во очищение своих грехов. Но другие, более немощные или привычные в мире к роскоши отягчаются своими недугами и требуют более практического медицинского взгляда и лечения, желают услышать более верное и точное определение своей болезни.

По милости Божией обитель наша имеет двух опытных врачей, хотя не проходивших нигде научного врачебного курса и не сдававших никакого экзамена, но по самому опыту и практике успешно удовлетворяющих нужды уповающей братии.

Снисходя же к скорбям немощных духом братьев, мы иногда позволяем им отправиться в Константинополь для специального распознавания и пользования болезнью там от врачей. Но так как они часто не удовлетворяются одним осмотром, то по совету врачей остаются на больницах, где им, конечно, предоставляются всевозможные разрешения в пище, несмотря ни на какое время года и постановления церковные. К тому же еще из числа таких больных бывают весьма молодые люди — от 16 до 25 лет, а уход за ними бывает старушками. Если богоносные отцы, живя в пустыне, боялись такой встречи, то выехавшим-то из пустыни могут быть

прилоги весьма сильные и душевно повредить их, тем паче что они по несколько лет не бывали в мире. Может быть, для некоторых в первое время сильной болезни этот вред и не замечается ими, но впоследствии он окажется, по многократным заявлениям находившихся там.

А потому, призвав Бога в помощь, и предстательство Царицы Небесной, и святого великомученика и целителя Пантелеимона, мы по совещанию с братиею положили учредить больницу как для находящихся в Константинополе братий, так и для приезжающих туда из обители.

Отделите для этого по усмотрению Вашему три или четыре комнаты, определите из числа живущей при Вас братии кого-либо поспособнее для присмотра и ухода за больницею и пребывающими в ней больными, а главный надсмотр над больными и над служащими им возлагается на Вас. Между тем не отыщется ли какой-либо фельдшер для самого простого ухода, то есть натирания, кровопускания и тому подобного? Если это будет человек средних лет, то можете пригласить и так, чтобы после мог быть и в монастыре, если человек не семейный. На случай же серьезного заболевания хорошо Вам иметь всегда в виду доктора, подобного Жабровскому, который по надобности был бы приглашаем. Но необходимо, чтобы больные оставались довольны стараниями такого врача.

Поклонников же никаких никогда в эту Вашу больницу отнюдь не принимать, а женский пол не должен быть допускаем даже и для посещения.

При этом должна быть заведена у вас и небольшая аптечка с необходимыми медикаментами.

Пища для больных, смотря по состоянию больного, должна быть определяема доктором и по возможности доставляема свежая, но никак и никогда ничего мясного.

Главное же Ваше попечение смотреть, чтобы все заболевающие прежде всякого лекарства сподобляемы были приобщения Пресвятых Животворящих Таин Христовых, а тем паче заботиться об этом для опасно больных, дабы без напутствования не отошли в вечность...

Архимандрит Макарий с братиею

Духовник Иероним

29 мая 1885 года

ПИСЬМА К РАЗНЫМ ЛИЦАМ

[В Новгородский Зверин монастырь]

Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейшая, боголюбивейшая, всечестнейшая матушка казначея Лидия. Мир Вам! Благословение Божие от жребия Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы, святой и смиренной обители нашей да будет с Вами!

Присланную Вами чрез почтеннейшего корреспондента нашего и благодетеля Иакова Ильича Новикова милостыню во имя Христова (34 рубля серебром) мы имели утешение получить, возблагодарив Господа с молитвою к нему, Всеблагову Промыслителю нашему, вспомняв достойное имя Ваше, да осенит Вас сугубо Своею благодатию и укрепит на подлежащий Вам подвиг ради святой обители нашей, да даст Вам силу и крепость исполнить возложенное на Вас святою обителью святое послушание, да выну подражая Тому, кто был *послушив до смерти, смерти же крестныя* (Флп. 2, 8), да с Ним внидите в Божественный чертог славы Его.

Христолюбивейшая и сострадательнейшая матушка, в чувствах сердечного утешения от полноты души нашей мы радуемся Вашему добросердечию и сострадательности к нам, убогим. Конечно, для Вас известны эти нужды и скорби, и Вы, как евангельская вдовица, презирая свой недостаток и нужду, спешите на помощь к бедствующему брату — это отличительная черта русских. Боголюбивая внимательность Ваша к нашему положению в годину нужд и скорбей и тяжких переворотов всего мира заставляет нас питать к Вам чувства нашей искреннейшей благодарности, которую мы не знаем и не можем чем иным Вам выразить, как только молитвою о Вас ко Господу Богу и Преблагословенной Владычице нашей Богородице о здравии и спасении Вашем, да удостоит Вас Господь предстательством Царицы Небесной блаженства милостивых. Он принимает с благословением и лепту, только принесенную от сердца, в день оный воспомянет и Вашу милость, поданную во имя Его. Своею всеблагою милостию да сподобит Вас услышать сладчайший глас: *Приидите, благословеннии Отца Моего! Наследуйте уготованное вам Царство от сложения мира, зане сотвористе единому сих меньших братий Моих, Мне сотвористе* (Мф. 25, 34, 40). А Вы сотворили нам, 300 братьям, собранным во имя святое

Его с различных стран света во единении о Христе Иисусе, Господе нашем, под кров Пренепорочной Матери Его, не имущим ниоткуда помощи после Божией и заступления Приснодевы Марии, как от России, благословенной Богом. Православные чада ее Церкви, подобно Вам, внявши Божественному внушению, Промыслу Божию, пекущемуся о нас отечески, не оставляют нас в годину испытания — да воздаст им и Вам Господь нетленным воздаянием там, горе, да утешит Вас и здесь, в юдоли сего мира, и защитит в день печали, да воздаст Вам сторицею и облегчит нужды наши и Ваши, истинно Вы утешили нас. Не дивно, если богатый бросает горсть золота, но то приятно Господу, кто последним куском хлеба поделится с ближним, а в любви к Богу и ближнему *весь закон и прощцы висят* (Мф. 22, 40).

Обитель наша, обремененная долгами, и в мирное время имеет недостатки, а теперь еще более: подать удвоилась, дороговизна в жизненных продуктах, а нынешний год урожай хлеба вдвое менее против прошлого года, виноград от знойных ветров чрезвычайно посох. Да мало ли есть потреб, которые для Вас известны?! Но все это не так тяжело, как платеж процентов за долги, а, так как обитель наша не имеет никаких стяжаний и доходов, исключая окрестности монастыря, потому и чувствуем недостатки. Но слава, хвала, благодарение Господу Богу и общей нашей Заступнице, подает нам от Своих богатых даров, питает нас, убогих и недостойных, в пустыне жребия Пресвятой Богородицы, как древле в пустыне насытил пятью хлебами пять тысяч. И что воздадим Ему? Он же Своими заслугами да помилует нас и укрепит нести крест свой, идя вслед Его.

Всечестнейшая матушка Лидия! Простите, что мы осмеливаемся Вас беспокоить вот в чем. Из Новгорода мы тоже получили письмо с 15 рублями серебром от госпожи Глафиры Л. Они пишут их уведомить чрез газеты; мы хотя прежде сего и посылали уведомление чрез оные, но теперь два раза посылали, но не знаем, почему еще не отпечатали, а потому время идет, а они, быть может, [невесть что] будут думать, а посему, если Вам известна эта благородная особа, то благоволите передать [ей] от святой обители нашей благословение и благодарность и что прилагаемые имена будут поминаться по их назначению, а если, быть может, неизвестна, то уже не беспокойтесь о сем предмете. Простите нас за многословие.

Спасайтесь же, преподобнейшая матушка наша, спасайтесь о Господе. Поручая Вас и себя милости Божией и покровительству

Божией Матери, остаемся смиренные богомольцы Ваши, прося взаимно и Ваших святых молитв.

На Святой Горе Афон Русского святого великомученика Пантелеимона монастыря

*священноархимандрит Герасим,
русский духовник Иероним*

[1858 год]

Преподобнейший отец Венедикт. Мир тебе и спасение Божие.

Извещаю тебя, что я получил твое письмо, посланное из Кутаниса от 30 ноября. Церковь ваша покрыта, но купол на ней сделать монастырь не дал позволения, который, впрочем, можно сделать и после, когда будет дано позволение. Келлии внутри отделяются. Монастырь по омологии¹ уплатил всего 6 тысяч пиастров и все извиняется неимением и отлагает время от времени, и теперь наших денег за вами состоит около 1500. Если возможно тебе эти деньги переслать в Одессу Александру Яковлевичу, купцу Новикову, с передачею на Афон в Русский монастырь святого Пантелеимона, потому что мы в настоящее время сами нуждаемся в деньгах.

Монастырь ваш очень боится, чтобы вы из келлии вашей не сделали скита и на нас много сердится, что мы помогаем вам, но мы не обращаем на него внимания, хотя он и мстит нам. Наше одно желание, чтобы на Святой Горе основался хотя бы малый скит наших единоверных грузин, и думаем, что это и Богу угодно, потому что Святая Гора Афонская есть и всегда была местом общим для православных иноков. Но вначале надобно вам действовать осторожно, не разом, а мало-помалу. Ты ничего не пишешь о том, обещают ли вам делать помощь в устройении вашего скита. Все дело это зависит от одного вашего монастыря.

Собратья твои живут мирно. Отец Лука заботится о них хорошо. Он часто бывает у нас для совещания. Старец добрый, дай Бог ему подольше пожить.

У нас благодаря Бога все благополучно. Когда будешь возвращаться, то не забудь привезти для нас 10 четок агатовых разного сорта и величины. Ты знаешь их, они в Грузии делаются или находятся у великого старца вашего епископа Гавриила, и спроси с земным поклоном для нас пастырское его благословение. Сам Бог чрез него благословил вас устроить скит грузинский на Святой Горе,

¹ Грамота от монастыря покупателю келлии, закрепляющая покупку и оговаривающая ее условия. — *Примеч. сост.*

и мы веруем благодати Божией, что это дело совершится под покровом Всепетой и святого апостола Иоанна Богослова, которым поручив тебя и себя, остаюсь помнящий тебя твой грешный

духовник Иероним

от 29 января 1872 года
Афон. Русский монастырь
святого Пантелеимона

Письмо старца Иеронима схимонаху
Венедикту от 29 января 1872 года

✠
Преподобный
Отец Венедикт
Мир Тебѣ и спасеніе Божіе.

Извѣщаю тебѣ что я получилъ твое письмо посланное изъ Кутаиси отъ 30го ноября. Церковь велика покрыта, но куполомъ не имѣетъ мощствъ не данъ позволеній. Впрочемъ который можно сдѣлать и послѣ, когда будетъ дано позволеніе. Рѣшѣнъ внутри отъ двѣ вѣсноты. Мощствъ по омоловѣ утѣтѣ всего 6. м. м. и все извѣстѣе не имѣетъ отъливаетъ время отъ вѣ.

[Черновое к настоятелю Ильинского скита иеросхимонаху Андрею во время беспорядков там при смене настоятелей]

Ответ на следующее письмо отца Андрея от 7 декабря 1873 года. «Отецская Ваша и любोисполненная попечительность благоволит оказывать в обители мир и согласие, с тем чтобы поставить в первобытную должность отца Иннокентия¹ и прочих и тем нам сохранить единение духа в союзе мира. Но мы с покорностью просим Вашего благоволения принять Ваши меры на рассмотрение и оценить их верность к святой обители посредством сих переписок, премудрости исполненных², а к тому и причины удаления его от должности не от меня одного, но от общего согласия всего братства, не соизволяя его ни к какой должности по причине противности его и по общему распоряжению. За то предлагаем оные переписки Вашему духовному рассуждению — принять оный благословный труд и дать нам совет по Вашему отеческому рассмотрению, и мы будем ожидать со всепокорною преданностью Вашему Высокопреподобию Вашего ответа, принимая на себя долг послушания, если он послужит равно всему согласию братства, принять старческое благоволение с целованием».

<...> Случайно мы, завлеченные в дела вашего скита, много и незаслуженно пострадали и за то, собственно, что мы истинно желали добра скиту святого пророка Илии и всеми силами еще сейчас, по смерти старца³, желали Вам мира и любви с отцом Иннокентием. И кто весть? Быть может, по услышании Вами нашего совета Вы бы примирились с отцом Иннокентием, и тогда же бы мог утвердиться порядок, которого Вы достигли чрез ужасные скорби и душевные потрясения. Но Господу, видно, угодно было, чтобы Вы прошли чрез горнило скорбей.

Справедливо, что переписка отца Иннокентия для Вас должна казаться неправильною и тяжелою, но поставьте себя на точку [зрения] отца Иннокентия. Я не хочу защищать его (скорее я мог бы пользоваться временем, по-человечески судя, отплатить отцу Иннокентию за некоторые противодействия обители во время некоторое), но по совести моей скажу Вам: не должно Вам и всей обители Вашей забывать деятельности и двадцатилетних трудов отца Иннокентия для пользы скита. Возьмите его нравственную сторону: ведь одно слово его согласия могло поставить его иеромонахом,

¹ Бывшего эконома скита. — *Примеч. сост.*

² Имется в виду переписка отца Иннокентия со своими сторонниками и одно письмо отца Макария к нему. — *Примеч. сост.*

³ Настоятеля скита архимандрита Паисия в 1871 году. — *Примеч. сост.*

игуменом обители Вашей еще при старце, ибо этого желали старец, монастырь и архимандрит Климент, но он устоял против этого, сознавая себя недостойным. Следовательно, нужно оценить достоинство человека. Теперь же ведь он желает участвовать в трудах ваших, как при покойном старце. Скажу откровенно, при его благоразумии и сметливости Вы многое найдете для скита полезного, и, конечно, состоя в Вашем к нему доверии и расположении, он никогда не захотел бы вести своих переписок. Как человек, он чувствует себя оскорбленным, обиженным и презренным, а последнее по немощи человеческой и заставило вести оную. Это-то меня и заставило сказать вашему монаху о успокоении отца Иннокентия, чтобы таковым поступком Вам самому и всему обществу быть спокойным или, как видно из копии писем, что он желает иметь для успокоения своего келлию вне обители — дайте ему, лишь бы не нарушался ваш порядок.

Что же касается до письма отца Макария, то успокойтесь: письма наши к Гладкову есть не что более, как прошение, чтобы не разрушился заведенный теперь порядок, и прошение продолжения оного. Сам отец Иннокентий свидетельствует в одном из писем к Гладкову, что мы более не взойдем в дела Вашего скита, да поистине мы не находим времени свои дела производить как следует, а не только о посторонних толковать. Подтверждаем и Вам: если я выразился несколько в пользу отца Иннокентия, то это более ничего, как желание вожделенного мира в обители Вашей, о чем просим и молим Господа и Пречистую Его Матерь.

[Декабрь 1873 года]

[К епитропу Ильинского скита М. Р. Гладкову]

<...> Желание Ваше — вещь неосуществимая, с какой бы стороны мы ни стали рассматривать этот предмет. С чего и с какого повода начать это дело? И кто будет начинать оное? Братия скита перемены своего настоятеля не желает, настоятель сам о сем не думает, монастырь, заведующий скитом, сам делать в нем какие-нибудь перемены никакой причины, никакого повода не находит. Итак, кто же и по каким причинам будет устранять нынешнего настоятеля Ильинского скита от занимаемого им места? Если двое или трое из скитской братии и желают перемены настоятеля, то их голос в этом случае не может иметь значительного веса; все дела избирательные решаются по большинству голосов, и большинство голосов всегда имеет перевес пред меньшинством, как и Вам известно. Да и сами

указываемые Вами лица в настоятели скита Ильинского вместо нынешнего, то есть отцы Гervasий и Антоний, никоим образом не решатся взойти на шаткий этот трон. Отец Гervasий еще не забыл и хорошо помнит испытанные им в бытность его в ските замешательства и тревоги и, уж конечно, не пожелает подвергаться снова этим тревоблениям. Он и держался в ските решительно только из уважения к нашим его о сем упрашиваниям. Отец Антоний не пойдёт, ибо ведь они поддерживали карьеру отца Андрея, да и просто по неохоте заниматься подобного рода делами. Да и то нужно сказать, что малороссы с великороссом не уживутся. Нет, если теперь водворился там хоть какой-нибудь мир, то пусть уж он и пребывает, если теперь улеглись там тревобления, то и поднимать их уж не нужно. Таков наш взгляд на занимающий Вас предмет относительно перемены нынешнего настоятеля Ильинского скита. Таково наше мнение о сем предмете. Знаем и понимаем и мы очень хорошо, что дело это действительно требует изменения в своем составе. Но опасно приступить к этому изменению, ибо вместо простого изменения, пожалуй, все перепутаем, переломаем и сокрушим. Вот что!

[22 сентября 1873 года]

[К нему же]

<...> Мы опять повторяем то же, что начинать в настоящее время что-либо против установившегося какого ни на есть порядка в Ильинском скиту теперь несвоевременно. Вам ведь известно, что здесь, на Святой Горе, каждый из монастырей настолько пользуется самостоятельностью, что вмешательство во внутренние распоряжения и управления какого-нибудь другого монастыря даже самого протата немыслимо и не допускается на практике. Следовательно, участие в этом деле нашим влиянием на скит не принесет никаких результатов. Ильинский скит состоит в ведении монастыря Пандократор, на который мы влиять решительно не можем по известному нерасположению греков к русским вообще, а в частности потому, что они не станут действовать по чьим-либо указаниям. Кроме того, сохранение настоящего порядка вещей для Пандократора желательно уже по тому одному, что Вы упоминаете в письме Вашем, то есть что в этом их вещественный интерес. Из этого следует, что как только узнают отец Андрей и братия, его приверженцы, о наших стараниях в смысле перемены у них игумена, то непременно обратятся к своему монастырю, то есть в Пандократор,

и засвидетельствуют своими подписями, что как игумен братиею, так и братия им довольны (они уже это сделали). Без сомнения, монастырь представит это обоюдное засвидетельствование в протат и тогда с этой главной стороны они будут обеспечены, а всякое подобное начинание непременно пронесут по Афону как коварные происки Русика и отца Иннокентия. Нет, боголюбивейший Михаил Романович, не потому мы не хотим принимать в этом деле деятельного участия, что безучастно взираем на бедственное положение скита или равнодушно относимся к его начальственным беспорядкам и жалким смущениям, нет, но опытное сознание настоящего положения здешних дел заставляет нас так поступать при всем нашем душевном сочувствии Вашим благим намерениям и ревности о славе Божией, Его святой Церкви и святой обители, для которой Вы столько потрудились. Повторяем, что мы душевно во всем этом Вам сочувствуем и сожалеем с прискорбием, что благие намерения Ваши касательно перемены игумена не могут быть приведены теперь в исполнение. В духовное утешение Ваше скажем, что Господь, изрекший, что и за поданную чашу воды будет дарована мзда (см.: Мф. 10, 42), тем более не презрит Ваших усердных четырнадцатилетних трудов на пользу святой обители и во славу Его святого имени, разумеется, награда не вещественная, а духовная соблюдается Вам на небесах.

Касательно же заявления Вашего правительству афонских письменных сношений Вы хорошо знаете, что и Святейшему Синоду, и правительству известно о наших письменных сношениях с родными и благодетелями нашими, а также и то, что единственный способ существования и выполнение жизненных потребностей афонским обитателям есть боголюбезные дары России. Всякий человек и менее Вас обладающий нравственными силами может легко нанести искушения, но что же затем? Сделанное добро похваляется всеми. Если скитские отцы сделали нехорошо, то чем же причиною другие сотни людей, могущих потерпеть неприятность и потому скорбеть и лишиться насущного хлеба? Аще благоугодно Вам, примите наш совет такой, что Вам необходимо ближе ознакомиться с настоящим положением наших дел, а для сего, если Господь восхочет и живы будем, Вам нужно прибыть сюда. Итак, с Божиею помощью, проведши зиму, после Пасхи или к Пасхе пожалуйста к нам, на Святую Гору. Разумеется, при этом Вы заручитесь чем-либо от нашего посольства в Константинополе, и тогда, может быть, что-либо и можно будет устроить. Не отрицаем, что все приверженцы покойного старца с радостью согласятся на перемену,

но если поступить безвременно, то вся тягость и ответственность в этом деле падет на них, а они уже и так перенесли много скорбей, а пущенный слух и разговор о перемене отца Андрея много уже наделали им вновь скорбей, о коих, вероятно, уже сообщил Вам отец Иннокентий. Считаю не лишним заметить, что с мнением нашим вполне согласен и отец Иннокентий. Кроме того, малейшая попытка к поколебанию установившегося покоя скита отзовется неблагоприятно и на вещественном его достоянии, ибо со стороны отца Андрея и прочих это будет признано как бы покушением на их власть и они станут ее защищать и отстаивать, разумеется, платя за поддержку оной кому следует.

[15 декабря 1873 года]

[Епископу Нестору в Сан-Франциско]

Ваше Преосвященство, Преосвященнейший Владыка!

Святительски нас благословите!

Промысл Божий удостоил нас познакомиться с Вами, хотя не лично, а чрез известного Вам нашего брата Василия, живущего в Невской лавре, который переслал нам данные Вами карточку и портрет и при том Вашу жертву для поминовения Вас и родных Ваших, что обитель наша и исполняет. Это изъявление Вашего к нам отеческого благорасположения подало нам надежду и смелость поближе познакомиться с Вами, дабы по одному важному для нас делу воспользоваться Вашими опытными советами в разузнании оного.

Монастырь наш, имея большое число братства (более 700), еще не приобрел положительного обеспечения для своего содержания. Хотя мы и пытались сделать это в России и Турции, но на деле оказалось, что это вовсе невозможно осуществить. Вследствие чего нам явилась мысль и желание узнать, нет ли возможности сделать это дело в Америке, то есть купить ферму, которая своими доходами могла бы доставлять содержание нашему монастырю. И эта ферма может ли быть записана на наш монастырь или на то общество, которое будет проживать на ферме? Какие на это есть местные законы и каким образом разные религиозные общества приобретают в Америке имения?

Обо всем этом мы всепокорнейше просим Вас потрудиться узнать и написать нам. И если это будет Богу угодно и окажется надежда на исполнение нашего намерения, тогда мы пришлем людей для прискания желаемого места.

Затем просим не вменить нам, что мы в надежде оказанного Вами нам Вашего отеческого благорасположения дерзнули утруждать Вас таким многозаботливым делом. Промысл Божий указывает нам искать в этой нашей нужде у Вас советного утешения.

Поручая себя святым молитвам Вашего Преосвященства, остаюсь с истинным к Вам глубокоуважением, с любовью о Христе, готовые к услугам Вашим смиренные богомольцы.

*Архимандрит Макарий
со всею о Христе братиею*

Духовник Иероним

Августа 26-го дня 1879 года

Письмо это принес мне отец Товия¹. Я отвечал ему, что я не имею сведений об этом деле. Да и в самом деле я не помню, у нас ли хранятся его деньги или он взял их. Я сказал отцу Товии, что напишу отцу Макарию о сем.

Отец Филарет хотел отправиться в Россию, но скит удерживает его, и принуждают его, чтобы он отдал им деньги, но он, кажется, тайно уедет в Россию. Когда Вы будете видеться с ним, то развяжитесь с ним, дабы не было порицания от скита. Посоветуйте ему не удерживать денег скитских, пусть положит в банк на вечное на имя скита. Он, кажется, так хочет сделать.

Д. Иероним

¹ Настоятель Ильинского скита с сентября 1879 года. — *Примеч. сост.*

ПИСЬМА К ПАВЛУ ИВАНОВИЧУ ПОМЕЛЬЦОВУ, возвращенные им в обитель со своими комментариями

Отв[ечено] 25 июля 1902 года¹.

Преподобнейшие и пречестнейшие отцы святой обители великомученика и целителя Пантелеимона, что на Святой Афонской Горе!

Достигнув семидесятилетнего возраста жития, ожидаю и смертного часа. У меня тщательно хранились письма покойных ваших старцев — отца архимандрита Герасима и батюшки иеросхимонаха Иеронима. Не желая их уничтожить, мне вздумалось переслать их к вам в святую обитель для воспоминания их доброй памяти и для очевидности, как эта переписка была благотворна по своим последствиям. А потому я во славу Божию и в похвалу в Бозе почивших преподобнейших старцев препровождаю при сем 18 писем с моими к ним воспоминаниями, по какому поводу они были написаны. В письмах есть интерес, в котором можно усматривать, как Небесный Промысл избирает слабое орудие — человека (это я) и употребляет для Своих премудрых целей, тут же спасает и это слабое орудие чрез Своих боголюбивых рабов, а это были покойные старцы отец Герасим и отец Иероним и я, многогрешный послушник их высокопреподобия.

Вас, преподобнейшие отцы, смиренно прошу благосклонно принять мою посылку не иначе только, как к сведению и простить моему невежеству и малограмотности. Прошу еще не оставить меня вашими святыми молитвами. В заздравном синодике, как увидите из писем, я записан на вечное поминовение; если скончаюсь, домашние пришлют мое собственноручное письмо, тогда благоволите перенести мое убогое имя Павел в заупокойный синодик.

В течение моей жизни, как я узнал о Святой Афонской Горе и познакомился заочно с покойными боголюбивыми старцами, я горел духом побывать в вашей святой обители, и только чрез многие годы, а именно в 1895 году, я удостоился насладиться тем, о чем заочно мечтала душа моя. Приношу мою искреннюю благодарность за гостеприимство ваше. Хотя я и не был замечен в числе многочисленного богомольцев, следовавших из Иерусалима, но это не мешало мне пользоваться полным вниманием радушия доброй братии обители вашей.

¹ Помета канцелярии Свято-Пантелеимонова монастыря. — *Примеч. сост.*

Поручая себя молитвам святой обители вашей, остаюсь с неизменным усердием

П. Помельцов

*Город Новоузенск
20 января 1902 года*

Р. С. При письмах моих в память моего к вам усердия и расположения прилагаю фотографический снимок моей личности вместе с моим спутником на возвратном пути из Иерусалима (1895 год), с которым мы гостили у вас в святой обители. Товарищ — крестьянин села Балаши Самарской губернии Иван Иванович Вдовин.

П. Помельцов

[1]

Милостивейший благодетель Павел Иванович!
Мир и спасение Вам!

Благословение Божие, Святой Афонской Горы — земного жреца Пречистой Девы Марии и от смиренной обители нашей да будет с Вами вовеки.

По достигшим до нас приятнейшим отзывам о Вашем христолюбивом сострадании к нуждающимся мы вознамерились обратиться к Вам со смиренным нашим прошением в надежде, что Промысл Божий, отечески пекущийся о нас, убогих, внушит Вашему сострадательнейшему сердцу принять участие в положении удаленной от мира обители нашей, о состоянии коей и объясняем Вам.

Обитель наша, издревле именуемая Русскою, основана на Святой Горе Афонской благочестием великих князей России еще в первые времена просвещения ее христианскою верою. Доходов и обеспечений она совершенно никаких не имеет и содержится единственно милостынею во имя Христово. Но, несмотря на столь неопределенные средства к продовольствию, братство наше благодатию Божиею постоянно умножается, и теперь уже имеем близ 400 человек, ибо строгие общежительные уставы обители, а наипаче обитаемое нами святое место, как удел Пречистой Богоматери, привлекают многих ищущих спасения под кров обители нашей. Но, к сожалению, у нас теперь не только что все помещения заняты, а даже многим из братий недостает келлий. При таковом стеснении в помещениях нет у нас особой больницы, почему заболевающие братия наши лишаются должного за ними присмотра, удобного только при совокупном их помещении, а также не имеем надлежащего

странноприимного дома для препokoения приходящих к нам богомольцев, число коих с открытия к нам русского пароходства время от времени увеличивается, а многие из них по христолюбивому усердию к святыне проживают у нас весьма продолжительное время, почему постройки сии крайне заботят нас, а наипаче больница, в которой вообще с братьями будут упокояемы и врачуемы и заболевающие из числа посещающих нас богомольцев, а потому мы уже начали постройку больницы с необходимою при ней церковью, назначенною во имя всех святых афонских чудотворцев, но средств к тому решительно никаких не имеем и без посторонней благотворительной помощи выполнить сего никак не можем.

Во всех нуждах наших единое по Бозе имеем упование и прибежище — Преблагословенную Его Матерь. Она, Пречистая, обещалась, что благодать Божия вовеки не оскудеет в Ее Богоизбранном жребии и что Она Сама, Владычица, будет Питателем и Промысленником обитающим в Ее святом жребии. Как доселе во исполнение сего милостивого обетования Своего располагала боголюбивых благотворителей к оказанию нам их усердия, так веруем, что и впредь не оставит нас Своим благодатным матерним промыслом, отверзая сердца любящих Ее к сочувствию и помощи нам, убогим.

Боголюбивое добросердечие Ваше поселяет в нас утешительную надежду, что пустынная обитель наша не оставлена будет Вашим милостивым вниманием, да тем паче усугубится Вам мзда от Господа и Царицы Небесной. Также, быть может, Вам, уважаемый Павел Иванович, доведется иметь разговор с близкими благодетелями об удаленной от мира обители нашей, то смиреннейше просим при случае передать им о нашем затруднительном положении — вероятно, некоторые из них не откажутся подать нам руку помощи от усердия своего, да и они вкупе с Вами сподобятся услышать от Господа в день воздаяния *комуждо по делом его: Приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира. Взалкахся бо, и дасте Ми ясти; понеже сотвористе единому сих братий Моих меньших, Мне сотвористе, внидите в радость Господа Своего* (Мф. 25, 21, 34—35, 40). И Небесная Покровительница наша Пречистая Дева Мария благотворящих в Ее Богоизбранный удел вовек не оставит Своим матерним заступлением пред Престолом Сына Своего и Бога нашего.

Затем, призывая на Вас милосердие Божие и Небесное покровительство Владычицы мира, остаемся смиренные богомольцы Ваши на Святой Афонской Горе.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святой Афон. Русский монастырь
святого великомученика
и целителя Пантелеимона
1862 года, июня 4-го дня*

[2]

Достоуважаемый благодетель Павел Иванович с благочестивым Вашим братом Феодором Ивановичем.

Мир Божий, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Святой Горы Афонской — Ее евангельского жребия — вкупе от смиренной обители нашей да починут на Вас, а чрез Вас и на всем доме Вашем.

Снова посланное Вами письмо от 22 апреля с пожертвованием от Вас совокупно с братом Вашим мы имели утешение получить.

Принося душевную вам благодарность за христианское усердие ваше к обители и любвеобильное расположение, мы за священный долг считаем возносить о вас и родителях ваших — Павле, Феодоре, Иоанне и Ирине — свои смиренные молитвы, да Господь Бог вознаградит вас от Своих неистощимых щедрот, так как вы благотворите Ему в лице меньших Его братий, и по обещанному Им милосердию милостивым да сотворит вас участниками блаженства оных, а родителей ваших да приведет к познанию истины и имиже весть судьбами да спасет их.

Вопрос Ваш касательно дел благотворения, угодно ли это Богу, когда Вы благодеяния делаете без ведома родителей, о чем Вы недоумеваете и немало затрудняетесь, привел нас в удивление. Вам ли недоумевать и сомневаться в том, угодно ли это Богу, когда Вы имеете разум, просвещенный светом евангельского учения?! Но, чтобы Вы не колебались, а более утвердились в пути благочестия, от которого ненавидяй добра диавол хочет отклонить Вас под благовидным предлогом, яко преобразуяйся во Ангела света (см.: 2 Кор. 11, 14), скажем любви Вашей, что делание Вами втайне от родителей милостыни на тех основаниях, как Вы делаете, собственно, для спасения их и приобретения вечной на небесех им пользы,

не только угодно Богу, но благоугодно и наиприятнейшая есть Ему Ваша жертва, а потому отнюдь в сем не сомневайтесь. Делая же для родителей такое богоприятное дело, Вы вместе и себе готовите то некрадомое сокровище на небеси, которое ни моль, ни тля тлит и тать не подкапывает, ни крадет (см.: Мф. 6, 19), и Господь наш, видяй втайне Ваше добротворение, воздаст Вам яве пред сонмом Ангелов, Архангелов и всех святых (см.: Мф. 6, 4).

Рассмотрев предмет зрело, Вы и сам убедитесь легко, что тайно подаваемая Вами милостыня не подлежит никакому сомнению в угодности оной Богу. Вы, во-первых, имеете совершенный возраст; второе, Вам поручены все дела дома или торговых оборотов, а с ними неразлучно (ибо отделить одно от другого нельзя) и дела милосердия и добродетели, кои прежде всего с Вас спросятся там, на страшном и нелицеприятном суде Господа, где не защитят ни отец, ни мать, ни брат, ни князь — никто, ни само богатство, хотя бы Вы наполнили оным в угоду родителей все кладовые! И третье. Вы уделяете только излишек, видя, что при оборотах есть приращение достояния, из которого Вы и поделаетесь с меньшей братией Христовой. Если же возникает в мыслях Ваших вопрос, что родители, поручая все Вам дела, не поручали творить милостыню, так что ж? Вам поручает это Евангелие, которое или, точнее, Господь спросит с Вас не то, почему Вы не исполнили волю родителей, зачем подавали милостыню, а то, почему не исполнили Его заповеди о любви к ближнему и прочее. Само собою разумеется, что сын, исполняющий волю родителей, несогласную с духом евангельского учения, будет отвечать, как нарушитель закона Божия. Родителей почитать, слушаться и исполнять их приказания тогда только должно, когда они нисколько не отторгают нас от исполнения главных наших христианских обязанностей, но коль скоро их распоряжения противодействуют учению, то слушаться их нельзя, ибо не оскорбить Бога, Вам известно, сколь важнее, нежели родителей! Притом рассудите, что было бы, если бы многие из угодивших Богу и Им прославленных и святых мучеников послушались родителей, которые то ласками, то прещениями, то муками склоняли их пожреть идолам? А эти образцы в жизнеописаниях святых постоянны! Если же этот пример для Вас покажется беспримечен, то не много нужно труда для Вас приникнуть к делу, и Вы откроете идолопоклонство не простое, а христианское — следовательно, не преимущественное пред бессмысленным поклонением бездушным истуканам, ибо как Вы назовете сребролюбие, корыстолюбие или неверие в христианстве, и особенно если из преданности к чему-либо из оных противо-

действуют, запрещают дела, заповеданные Самим Господом, если не идолопоклонством христианским?

Но о сем довольно. Слово Божие, близкое Вам, научит Вас, что есть воля Божия благая, Ему угодная и совершенная, и укажет путь, о нем же подобает спастися. Мы молимся и о родителях Ваших, сожалея о таком их настроении, вполне зная, что, если бы они и не познали настоящего своего уклонения от исполнения евангельских обязанностей, от чего да помилует их Бог, и тогда дела милосердия, Вами тайно творимые, много помогут им при исходе души на страшных оных и грозных мытарствах. Да спасет же их Господь за благочестие детей их, а сие будет немалою для Вас радостью, и сами они возблагодарят Вас, когда вся нага и объявлена будут, даже помышления сердечные, когда уже оценится не только доброе дело, но и намерение, и ясно будет для всех, чего нужно было бегать и к чему прилепляться.

Намерение Ваше послужить нашей смиренной обители содействием к облегчению нужд ее чрез приглашение знакомых к сильным пожертвованиям много нас утешило. Да воздаст Вам Господь по мере любви Вашей! При сем прилагаем по назначению Вашему письмо, которое можете предъявлять по своему усмотрению, кому знаете. Такое доброе дело Ваше не останется без особой награды от Господа. Молясь о воздаянии Вам, будем молиться и о исполнении благочестивого желания Вашего побывать в благословенном жребии Царицы Небесной. С благочестивою целью намеренное Вами путешествие принесет Вам немалую духовную пользу.

Об адресе в Москву можем указать Вам только почетного гражданина Николая Васильевича Лепешкина, который хотя вовсе не корреспондент наш, но может по боголюбивому расположению к обители послужить пересылкою поручаемого ему для нас, тем более что нередко там бывает наш монах, о котором Николай Васильевич всегда знает, в Москве он или нет. Подворья же у нас в Москве никакого нет. Неизвестно нам: когда ездите Вы в Москву, то какой тракт держите? Если бы на Тулу, то лучше нам не нужно корреспондента, как живущего там почетного гражданина Ивана Ивановича Сушкина, который по боголюбию своему и по родству с нашею обителию (его родной брат иеросхимонах Макарий — предстоятель нашего русского общества) с любовью исполнит (как уже и исполняет) всякое поручение для нашей обители. Только не знаем, бываете ли Вы в Туле, чтобы передавать что-либо сему нашему благодетелю, то есть удобен ли для Вас сей адрес. В случае

через почту также можете адресовать к нему, как и в Одессу, или еще короче, ближе, как бы к нашему семьянину.

Засим, призывая на Вас благословение Божие и мощный покров Царицы Небесной, остаемся Ваши смиренные богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Афонская Гора. Русский монастырь
1862 года, июля 3-го дня*

Воспоминание к 1-му и 2-му письмам¹.

Случайно я познакомился с одною личностю, бывшей у вас на Афоне, который мне поручал посылать денежные посылки; ответы на письма меня заинтересовали. А потом я и сам возымел усердие иметь переписку с покойными старцами, что еще более меня привязало к Русику. Я приобрел книги «Путешествие Парфения» и «Письма Святогорца». То и другое расположило мое сердце в пользу обители вашей делать денежную благотворительность как свою, так и от посторонних лиц. Сперва [это] производилось чрез Одессу, [через] вашего корреспондента Я. И. Новикова, но мне хотелось для удобства еще ближе где-либо иметь кого или пункт, близкий к обители вашей, почему и последовал вопрос. В настоящих письмах последовало указание: в город Тулу господину И. И. Сушкину, чрез коего несколько лет и посылал. Затем я встретил в Москве, в Богоявленском монастыре, вашего монаха отца Димитрия по сему делу, я что-то и с ним препроводил; и к моему утешению появилась часовня у врат монастыря со святынями, а теперь своя у врат Владимирских. Все это совершилось на моих глазах, и каждый приезд в Москву помолиться в часовне святого великомученика Пантелеимона и слышать благоговейное чтение и пение молебна и акафиста составляло отраду моему сердцу.

Второй вопрос был [задан] потому, что я благотворил без ведома родителей и смущался, ответ успокоил мою совесть. С тех пор милостию Божиею живу хотя небогато, но нужды не имею, питаю надежду на Промысл Божий и молитвы святой обители вашей.

[3]

Боголюбивейший наш благотворитель Павел Иванович.

Мир Божий да водворяется в сердце Вашем, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Ее святого

¹ Здесь и далее комментарии П. И. Помельцова к письмам старца Иеронима. — *Примеч. сост.*

жребия — Горы Афонской вкупе и от признательной к Вам обители Пантелеимоновой да пребудут с Вами вовеки.

Приятное письмо Ваше от 8-го числа сентября мы имели утешение получить вместе с пожертвованием [зачеркнуто].

Принося Вам душевную нашу благодарность за ревностное усердие Ваше к облегчению нужд нашей пустынной обители, мы за долг поставляем возносить свои смиренные молитвы ко Господу щедрот и Владычице мира о Вас, о брате Вашем Феодоре и о родителях Иоанне и Ирине, поминая имена сии при богослужениях церковных, а усопшего брата Вашего Наума внесли в другой синодик на вечное поминовение на неусыпном чтении Божественной Псалтири. Искренне благодарим Вас также за богоприятное намерение и впредь не оставлять нас от своего усердия, что Вам Господь внушит. Усугубляя таким образом добродетели свои, Вы усугубите себе воздаяние от Господа, рекшего: *В нюже меру мерите, возмерится и вам* (Мф. 7, 2).

Матерь Божия, благая наша Промыслительница, за любовь Вашу к Ее земному уделу и к убогим обитателям оного да хранит Вас под сению Своего благодатного покрова на пути благочестивой Вашей жизни и да предстанет Заступницею в будущем, споспешествуя Вам в делах благочестия во спасение Ваше.

Сорадуемся Вашей радости и благодарим Бога, утвердившего Вас в истинной мысли благочестия. Что же касается до раздачи милостыни как дела богоугодного, хотя и без ведома родителей, то для большего убеждения своего Вы можете прочести жития Поликарпа, святителя Павлина, и Фоки, и других святых, из коих увидите, что и они имели родителей и тоже вопреки их воле раздавали богатства, за что Господь и сподобил их особой Своей милости, исполняя на них великие обетования к милостивым. Молим Дародателя щедрот Господа, да утвердит Он и брата Вашего в единомыслии с Вами и да утешит Его Своею благодатию.

Поистине великая над Вами излилась милость Господня, что Он по благодати Своей не попустил Вам погрязнуть в сетях лукавого и соблазнах его, особенно в ереси молоканов, и извел Вас в чудный Свой свет познания стезей правды и спасения! Чем и возблагодарить за такое бесконечное милосердие Его?! Конечно, чем может брение возблагодарить Создателя? Но, предавшись вполне в Его святую волю и поступая по заповедям Его, сим можно благоуждать Ему и свидетельствовать как бы некую свою благодарность, ибо Он приемлет сие с благоволением, хотя все сие мы можем совершать только Его же вседейственной помощью.

Рассуждения Ваши как о преимуществах для спасения в монашеской жизни, так и в других предметах истинны, и мы признаем их вполне справедливыми. Но Вы желаете знать, объяснивши течение своей жизни, откуда появился у Вас помысл о монашестве, который с одиннадцатилетнего возраста живет и теперь в Вас, несмотря на все противоречия окружающих Вас обстоятельств жизни, о чем и просите объяснения, то не отрицаемся сказать Боголюбию Вашему, что помысл сей всеян благодатию Господа в сердце Ваше и есть особая милость Божия к Вам, которая и поддерживает его. По всему мы видим, что Вы приняли это благодатное внушение — следовательно, послушание сделано, теперь остается только уверовать (если только обрящется у Вас столько веры), что Господь силен исполнить это внушение, силен привести Вас в монашество! Если достаточна для сего будет вера Ваша в могущество Господа, то по вере Вашей Он непременно и исполнит, приведет Вас к этой стезе, не определяя только времени, а когда и как угодно будет Его премудрому о Вас Промыслу устроить, на старость ли или ранее привести Вас в монастырь. Посему старайтесь только держать себя в том же устроении духа и возгревать оный посильными делами благочестия, вручив всецело и сердце и волю Ему — милующему и спасающему нас Господу, и Он устроит все по бесконечному Своему милосердию во спасение Ваше по благому желанию Вашему. Впрочем, если бы Вам случилось умереть и в том образе жизни, в котором Вы теперь находитесь, то не сомневайтесь в милости Божией, обещанной живущим верою, только ограждайтесь от смертных грехов и держите себя до конца в том же расположении духа и том устроении, в каком находитесь теперь. Ибо настроение Вашего духа согласно с условиями новой благодати, когда Вы не пристрастны к временным стяжаниям, не прилагаете к ним сердца и согласуете жизнь свою с наставлениями святого апостола Павла, который учит: *Братия, время прекращено есть прочее, да и имущие жены, якоже не имущие будут; и купующие, яко не содержаще* (1 Кор. 7, 29—30). Пребывая в сем состоянии духа, и Авраам, и Давид, и Иов, и прочие, не имевшие никакого пристрастия ни к чему земному, угодили Богу. А потому если и Вы скончаете жизнь свою, еще не вступивши в монашество, но пребудете в том же настроении духа, то Господь по неизреченному милосердию Своему причтет Вас к лику преподобных отцов, принявши расположение души Вашей в само исполнение, на что есть и указания исторические в жизнеописаниях святых.

Не знаем, не нужно ли особого благодарного письма, которое, быть может, нужно Вам показать и брату? Но Вы о сем не упомя-

нули. Впрочем, чтобы не быть Вам в затруднении касательно сего, на сей раз прилагаем особое письмо, а на следующее время потрудитесь известить, нужно ли так поступать, ибо это письмо относится собственно к Вам.

Засим, призывая на Вас благословение Божие и мощный покров Владычицы, остаемся и пребудем Ваши смиренные богомольцы на Святой Афонской Горе.

*Архимандрит Герасим
Русский Духовник Иероним*

*Святой Афон. Русский монастырь
1862 года, ноября 20-го дня*

Воспоминание к 3-му письму.

Приняв к сердцу содержание второго письма, возбудилось у меня намерение раскрыть старцам желание души своей, ибо благодать Божия очень рано раскрыла мне свою сладость в Божественных писаниях Евангелия, житий святых отцов и их творениях, которые отвлекали меня от земной суеты и показывали удобность преимущественно в монашеской жизни, хотя это только буквально, без опыта. Достигнув совершеннолетия, я положил не связывать себя брачною жизнью, но воля родителей и мое юное малодушие, не основанное еще на камени веры, склонили, и я женился и лишился тех благ, которые вполне прежде оценивала моя душа. В брачной жизни я тосковал об утрате невинности, а потому и писал: как мне спастись? На мой вопрос последовал ответ третьего письма, который утешил обещанием: может быть, под старость Господь устроит путь к монашеству. Вот пришлось дожить до 70 лет, мысль моя не отстаёт от надежды хотя бы при смерти и один день быть монахом. Теорию монашеской жизни я в некоторых чертах изучил; может быть, мне это годится; бываю в монастырях на некоторое время, в них говею и испытываю себя, гожусь ли в монахи. Но уже теперь стар и физически немощен, разве только в качестве богомольца временно как-нибудь докончить свое земное поприще; и все это отдаю на волю Промысла Божия.

[4]

Боголюбивейший сын Церкви, уважаемый благотворитель Павел Иванович!

На пожертвование христолюбивых благодетелей, содействием Вашим пожертвовавших [зачеркнуто], прилагаем при сем особое

письмо для предъявления им, а сим намерены побеседовать особо на письмо Ваше.

Вы желаете духовного руководства и заочно вручаетесь нам, то хотя по отдаленности это и неудобно, но, видя столь искреннее Ваше усердие с благим произволением спастися, а вместе и теплейшую любовь Вашу к жребию Пречистой Богоматери, мы изъявляем со своей стороны согласие, прося благость Божию, да по вере Вашей дарует Вам обрести искомое. Уповайте: изволяющим на благое Содейственник — Бог. Исповедь Вашу и вообще что только духовное или секретное будете писать, то по написании запечатайте оплаткою или сургучом и, сказавши: *«Духовнику И[ерониму] исповедное (или секретное)»*, влагайте в конверт, который Вы адресуете Ивану Ивановичу, господину Сушкину, который в таком виде и перешлет к нам. Но буде желаете, чтобы ускорить своим письмом и успешнее получить от нас ответ, то простые письма можете по-прежнему адресовать в Одессу почетному гражданину Якову Ильичу, господину Новикову с передачею на Святую Гору по обычаю. Когда письмо простое, то оно в Одессе не распечатывается и цело доходит до наших рук; впрочем, все-таки нелишне, если в верхний конверт вложите свое письмо запечатанным оплаткою с означенною выше надписью. Хотя все письма приходят прямо к нам, но иногда и лишняя предосторожность не лишняя, тем более что временами случалось, что были наши письма прочитываемы кроме нас, но та надпись оградит Вашу исповедь от сего.

На последнее пожертвование Ваше [зачеркнуто] мы отвечали Вам двумя письмами (в одном пакете) ноября 20-го, которые Вы, вероятно, теперь уже получили. Всего бы лучше Вам (если желаете ускорить) писать на Одессу простыми письмами, а если будете посылать что-либо, то сумму можете препроводить на Тулу, а известие о сем для скорости послать на Я. И. Новикова в Одессу. Впрочем, это последнее предоставляем Вашему усмотрению.

Еще Вы изволите спрашивать, почему отец Парфений книги свои издал не в пользу нашей обители, а Гефсиманского скита (Московской губернии), то это потому, что, издавая эти книги, он там имел жительство; теперь же находится игуменом в новоустроенном им монастыре Ново-Воскресенском¹, бывши пред тем настоятелем в Бирлюковской пустыни. О причине же удаления его со Святой

¹ Старец Иероним называет Гуслицкий монастырь, где отец Парфений был в это время игуменом, не Спасо-Преображенским, а Ново-Воскресенским, видимо, потому, что там имелся Воскресенский храм, освященный в 1859 году святителем Филаретом Московским. — *Примеч. сост.*

Горы он сам пишет в своих книгах, что выехал по благословию нашему для обращения некоторых раскольников к истине и общения их святой Церкви, в чем Господь и споспешествовал ему во многих местах дивным образом. Им построен по дозволению правительства *не один монастырь*, и преимущественно среди или близ держащихся раскола, как сей вновь воздвигнутый им Ново-Воскресенский, что само много содействовало ему к присоединению блуждающих словесных овец в недра святой Православной Кафолической Церкви.

Любеобильное участие Ваше к положению нашей обители произвело в Вас духовное утешение, видя из журнала о пожертвованиях в нашу обитель. Сострадательному сердцу Вашему желательно знать, доходят ли они до нас. Посему к сведению Вашему сообщаем, что все те пожертвования поступают в Хозяйственное управление Святейшего Синода, который и посылает по истечении времени чрез Азиатский департамент, и мы получаем, что адресовано для нас, только не менее как чрез два года.

В прилагаемом письме для жертвовавших мы повторяем и будем повторять о положении обители или просьбу к Вам продолжать Ваше содействие, просим Вас сим не стесняться и не отягчаться, ибо пишем не с тем, чтобы просить или побуждать Вас к участию, которое так хорошо нам видно, но более для тех, кому Вы те письма будете давать для прочтения, как уже жертвовавшим, а и того более, имеющим жертвовать.

За сим и паки призывая на Вас щедроты Божии и благословение Святой Афонской Горы, были и пребудем всегдашние о Вас и родителях Ваших богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Гора Афонская. Русский монастырь
1863 года, января 22-го числа*

[Воспоминание] к 4-му письму.

Назидательные письма от великих моих руководителей более и более располагали мое сердце к ним. Не имея удовлетворительных ответов от своего местного духовника, я вздумал попросить благословения заочно писать мою исповедь, на что, к моему утешению, и получаю ответ. Вопросы и другие волновали мой ум, почему я в простоте сердца и излагал все искренне, что видно было моим добрым старцам, и они, все это чувствуя, утешали и удовлетворяли меня.

Сочувствие к Русику более возбудил во мне Святогорец, я вседушно предался любви и усердию и не пропускал случая быть полезным святой обители вашей; впрочем, не я, но Господь употребил меня в орудие Своего Промысла для вас, Его истинных рабов.

Искренне скажу: заочная моя переписка со столь духовными особами возродила в душе моей самые добрые христианские начала, так что я считаю себя счастливым, что имел таких мудрых наставников, а теперь молитвенников пред Престолом Божиим! Я уверен, что они получили милость у Христа и Бога нашего, оставили и во мне неизгладимую память о блаженном их упокоении.

[5]

Христос воскрес!

Достоуважаемый благодетель Павел Иванович!

Мир Воскресшего и вся с Собою совоскресившего Господа, заступление и покровительство Царицы Небесной и благословение Ее святого жребия — Горы Афонской да пребывают с Вами вовеки!

Теплейшего расположения и истинно христианских чувств исполненные письма Ваши от 2-го и 7-го чисел февраля мы имели утешение получить, а при них и жертву Вашу обители [зачеркнуто]. По дальнему расстоянию письма Ваши, особенно с денежною посылкою, идут до нас весьма продолжительно, что само и поставляет в затруднение отвечать Вам сколько-нибудь ранее, о чем Вы и скучаете. Для устранения сего неудобства в промедлении одно средство можно только избрать: потрудитесь простые письма адресовать чрез Одессу (на которую прилагаем здесь адрес), а когда случится посылка, то оную посылайте на Тулу, но письма всегда можете адресовать чрез Одессу, в чем составит некоторая экономия во времени, и скорее наши ответы могут достигать до Вас, чего чрез Тулу нельзя извлечь.

Приносим Вам истинную душевную нашу благодарность как за благодеяние Ваше, так и вообще за расположение, участие к далекой обители нашей, а вместе и за все выраженные благожелания. Сам Господь Бог, видящий чистоту Вашей любви и искренность чувств, которые так много нас утешают, вознаградит Вас от неоскудеваемого источника Своих щедрот, споспешествуя Вам в деле Вашего спасения. Вседейственное благословение Его щедрот исполненной десницы да почует на Вас и да сопутствует к достижению цели — давнишнего желания Вашего во спасение своей души.

Намерение Ваше отделиться от родителей и заняться от себя торговлею, дабы свободнее и вернее обеспечить свое семейство —

жену и детей, мы признаем справедливым и резонным, ибо иначе Вам невозможно достигнуть цели своей не только о монашестве, но и о путешествии ко святым местам на Востоке. Быть может, родители и согласились бы отпустить Вас путешествовать и снабдили бы необходимым на дорогу, но могут ли они также удовлетворить по отъезде и супругу Вашу и детей? Не успокоив и не обеспечив супруги, Вы не будете покойны во все продолжение пути, не говоря уже о монашестве, против которого диавол ополчается со всею ожесточенностью, и для него достаточно тогда одного сего предлога, чтобы Вам не исполнить благочестивого своего желания, — одно это паки повлечет Вас в мир. Посему весьма благоразумно поступите, отделившись, сами о всем распорядитесь, чтобы иметь потом спокойный дух и в путешествии, и в самом вступлении в монашество. Итак, да благословит Вас Господь, всем хотящий спастися, и Матерь Божия, возлюбившая Вас за Ваше благое произволение, да устроит все так, как Вы предположили в совете души своея и как сообщаете теперь нам. И мы веруем благодати Божией, что она устроит все по желанию сердца Вашего касательно путешествия и всего, если только и впредь всегда будете послушны внутреннему голосу совести, слушая внушения которой, Вы будете исполнять волю Божию.

Касательно высылки к Вам книги отца Мелетия¹ мы были убеждены сказанным Вами о расколах и разных сектах близ Вашего города и по совету некоторых братий вознамерились послать его письма, как опытно прошедшего среди мрака заблуждений и исшедшего с помощью благодати Божией во свет истинный, просвещающий всякого человека. Быть может, в каком-либо случае эти сведения могут послужить на пользу, равно как и о чудесах святого Пантелеимона, проливаемых им повсюду.

Вы изволите говорить об утешении духовном, какое доставляют Вам книги о Святой Горе Афонской и письма с оной, — в этом мы видим исполнение обетования Бога, сказавшего: *Ищущие Мя обрящут благодать* (Притч. 8, 17). А в этом случае Он по благодати и милосердию Своему действует многообразно, всегда и всем устроая наше спасение, если только сами захотим. Если Вы в путешествии своем на 32-м году жизни не могли встретить из монашества стоящих на высокой степени духовного устроения, то Вам известно, что без помощи Божией никто ничего не может сделать, ибо во всем Бог действует *и еже хотети и еже деяти* (Флп. 2, 13),

¹ Речь идет о книге монаха Русского монастыря Мелетия «Письма к друзьям с Афонской Горы» (СПб., 1860. Ч. 1—2).

конечно, при свободном произволении хотящих спастися, так как благодать еще и благодать есть по всемогуществу, но спасает только хотящих, а не нехотящих. Свет истинный, просвещающий всякого человека, да просветит Вашу душу и наставит на всяку истину.

Сколь прискорбно слышать о таком печальном сware родителей Ваших, а во сколько раз это прискорбнее Вам самому! Благо, что помогаете им своими молитвами, то есть ходатайствуете о них чрез милостыню и молитвы Церкви; сторичное воздаяние и милость обретете от Отца Небесного и благословение Его почиет на Вас!

При увлечениях суеты житейской Вы только и находите утешения в книгах — это справедливо. Книги, духовные конечно, верные друзья и собеседники нелицемерные; читая их, можно познавать путь Божий и обрести Самого Бога, равно как и в молитве. Если же Вы находите утешение и в переписке с нами, то это в соответствии того, что мы всегда утешались и утешаемся Вашею искренностью, прямою, теплотою любви к Божественному и, наконец, стремлением к достижению вечного спасения души — созвучие душ, единение о имени Христове связывают крепко любовию святою, чистою и блаженною. Спасайтесь же о Господе! Со своей стороны мы долгом поставляем всегда помнить имя Ваше, брата Вашего Феодора, родителей Ваших и все семейство в молитвах при церковном богослужении. С получения Вашего письма мы рассудили внести имя Ваше и брата Вашего Феодора на вечное поминовение на неусыпаемом чтении Божественной Псалтири, кои и поминаются.

Прилагаем при сем письмо, общее с братом Вашим, простите, что и как успели, а пишем наскоро, лишь бы успеть к этой почте, а между тем пароход уже приближается, который повезет эту почту нашу.

Призвав на Вас милость и щедроты Божии и мощный покров Царицы Небесной, были и пребудем Ваши смиренные всегдашние богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святая Афонская Гора. Русский монастырь
1863 года, апреля 16-го дня*

[Воспоминание] к 5-му письму.

В этот период моей жизни, около 30 лет, религиозные чувства сильно волновали мое сердце. Мой ветхий человек обладал полными физическими силами; с другой стороны, внутренний, чувствуя требование совести, при чтении книг Добротолюбия разгорался

в желание духовного приобретения; это — борьба духа и плоти — восстанавливало во мне ревность о Боге, иногда даже и не по разуму. Я иногда готов был бросить семью и все мирское и предаться только духовному. Видя, что мои родители живут по духу мира, мне же хотелось сделать по-своему то и то, но семейные мешали; я вздумал отделиться. При решительном усилии я достигнул своей цели. Но чего ожидать можно было от 30-летнего человека, неопытного в жизни как материальной, тем паче внутренне духовной?! Вместо свободы действий я впал в большие затруднения и пострадал жестоко!

Что касается упомянутой книги Мелетия, это я, повествуя о наших раскольниках и сектантах, исповедал отцу Иерониму, что и я имел неосторожность допустить сомнение о чудотворных иконах, святых мощах и думал: «Нет ли произвола в нашей Православной Церкви?» Это сомнение сильно колебало мой ум, и только милосердый Господь Своею благодатию просветил мое сердце и рассеял мрак неверия.

Но дорого мне это стоило, многих трудов и подвигов, и многими слезами отмыта эта душевная скверна.

А что я не обретал людей, высоко стоящих на высоте духовной жизни, — это оттого, что я был новичок, смотрел на людей поверхностно и без надлежащего опыта.

[6]

Боголюбивый сын Церкви, уважаемый благодетель Павел Иванович!

Мир Божий да водворяется выну в сердце Вашем, заступление и покровительство Царицы Небесной вкупе с благословением от Ее святого жребия — Горы Афонской и от нашей священной киновии да почитет на Вас веки.

Письмо Ваше, писанное в дни святой Пасхи, мы получили, внимательно проследили и в ответ на оное сим извещаем Вас: Господь кающихся приемлет и прощает, а потому по данной от Него власти прощаем и разрешаем Вас от всех исповеданных Вами грехов во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Касательно утраты Вами теплоты и усердия в молитве можем сказать, как и вообще на все преодоления Вас со стороны воющих на душу — мира, плоти и диавола: подвизайтесь! *Царствие Божие нудится, и только нуждницы восхищают е* (Мф. 11, 12). Сама утрата теплоты в молитве и усердия к Богу возвращается тоже понуждением себя. Итак, пребывайте в подвиге благочестия и понуждайте себя ко всякому доброму делу, и Господь, видя Ваше

благое произволение, поможет Вам, ибо без Него не можем мы творить ничесоже (см.: Ин. 15, 5). А желать искать, толцать, просить — это с нашей стороны нужно, так что без сего, то есть без нашего произволения, Господь не спасет нас, ибо Он никого не принуждает, а говорит: *Иже хочет*. <...>

Вы еще говорите о ночных истечениях, при которых, Вас уверяют, нужно обмывать тело и переменять белье, но Вы не находите сего удобоисполнимым по причине семейства и прочего, удовлетворяясь только прочтением молитв и переменою сухого белья, — так и поступайте. А если некоторые говорят, что нужно обмываться, то это один предрассудок мирской. В убеждение Ваше скажем одно, что монахи на Афоне никогда не обмывают своего тела и никогда не моются, но в подобных искушениях ограничиваются только переменою белья. Надобно внутренняя в скляницах очищать, а не одно наружное, ибо сие последнее пользы не принесет, когда внутренность будет наполнена и преисполнена зловония, вожделений или нечистых помыслов. Что пользы, если тело все будет чисто, светло, облито благовониями, а душа будет смердеть пред Всевидящим различными пожеланиями страстей и похотей, будет жилищем гадов, зверей, змиев. И здравый разум рассудит о сем справедливо, но Вам слово Божие известно — оно гораздо полнее и яснее разъясняет о всем этом.

Но чтобы не подать Вам чрез сие повода считать за ничто истечение и пренебрегать им при входе даже в алтарь, то если и всегда при вхождении в церковь нужно внимание, ибо, стояще в храме, на небеси стояти мним, то после сонного мечтания нужно сугубое благоговение, в алтарь же входить в тот день остерегайтесь, разве только великая нужда будет налегать по обязанности, но и то если можно будет каким-либо способом уклонить от себя, то лучше не входить в тот день. Когда же по должности церковного старосты необходимо будет это сделать, то помните, что Вы нечисты и входите во святая святых, а потому страхом Господним ограждайтесь сугубо.

Из объяснений Ваших касательно несогласий в семействе, поступков матушки Вашей, несправедливых оскорблений и пр. и пр. скажем нечто на желание Ваше совместить покорность к родителям, и успокоить семейство, и не погрешить против совести. Все это зависит от Вас самого; Вы можете не только водворить согласие и спокойствие в семействе, но и заставить всех повиноваться себе (не в качестве превозношения, а в духе единения о Христе).

Для сего нужно отстранить от себя малодушие и вредное человекоугодие, и возвыситься духом над всем мелочным и грязными

расчетами мира, и заставить слушать себя всех в доме. Поелику Бог возвысил Вас в семействе в ведении закона Божия, то нужно и стараться сообразную иметь и деятельность, иначе Вы погрешите против правды Божией. Вам нужно, по слову Писания, бесчинных вразумлять (см.: 1 Сол. 5, 14); от Священного Писания, от святых отец учения Вы должны во всякое время, короче, и *во время и без времени вразумлять, обличать* и отца и мать, утверждать в истинах Божественных, разъяснять заблуждения, уклонения от учений святой Церкви и прочее и иметь благодерзновение в этом, а братьев обуздывать страхом Божиим, да и матушке почаще говорить о том, тогда все замолчат и истина Божественная возымеет перевес. Она мало-помалу заставит их уважать, слушаться и почитать. А таким образом и водворится в семействе спокойствие и согласие. Уступчивость там, где не следует, Ваша показывает только слабость духа, недостаток мужества и не полную емлемость за закон Божий, а смешанную с желанием частию угодить и миру, что невозможно.

На чревообъядение Ваше скажем, что если Вы благовременно употребляете пищу, кушаете два раза в день досыта, с благодарением ко Господу, то Вы не погрешаете в этом. Бесчинно и грешно есть *часто*, по несколько раз в день, и быть в пресыщении постоянном. Но Вы будьте послушны во всем совести, и она научит Вас всему душеполезному и введет в пристань спасения — короче, *слушайтесь во всем и всегда своей совести, и спасетесь*.

За сим, призывая на Вас благословение Божие и матерний покров Владычицы, были и пребудем всегдашние Ваши смиренные богомольцы.

Русский духовник Иероним

Святая Афонская Гора

Русский монастырь святого великомученика

и целителя Пантелеимона

1863 года, июня 11-го дня

[Воспоминание] к 6-му письму.

Вот наконец я достигнул своего желания хотя заочно побеседовать о внутренней жизни своего сердца. Разрешение заочной моей исповеди и недоумения по поводу сонных мечтаний и последствий вполне успокоили меня, это мне нужно было подтверждение от таких личностей, каков был для мой веры отец Иероним. Читая книги отеческие, особенно Добротолюбие, мне хотелось установиться в теплоте молитвенной постоянной, я не понимал еще,

что этот дар Божий дается истинно трудящимся о Господе, то и спрашивал старцев, почему пустота в душе моей.

Семейные несогласия между родителями были от острых и разных характеров их, это весьма тяжело отражалось не столько на мне, сколько на жене моей и малолетних детях наших. За них смущался и я и не находил средства помочь этому печальному явлению, на что мудрые старцы и дают такой назидательный ответ.

По обсуждении всех моих вопросов добрые наставники указали на самое верное правило: во всем и всегда слушаться своей совести, которое я принял к моему сердцу. Нередко встречал при чтении отеческих наставлений: *делай то и то*. И думаю: «Да вот я это уже делаю, кто же меня научил?» Оказывается — совесть! Это послушание совести в простоте моего сердца и без личных наставников научило меня таким деланиям духовным. Благодатию Божией, о которой я еще не имел ясного понятия, почему Христос Спаситель сказал: *Славлю Тебя, Отче неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче, таково было Твое благоволение* (Мф. 11, 25—26), — подобное нечто действовалось и надо мною, простецом!

Благодарение Господу, что я, недостойный, познакомился вовремя с покойными старцами, к которым имел крепкую веру, и все изречения их письменные, хотя заочно, ложились благотворно на землю сердца и приносили плод спасительный. Теперь их нет, зато, поминая святые имена их за упокой, воспламеняюсь моим усердием и думаю: «Вот они, угодники Божии по своей жизни, там, на Небе, у Бога, не забудут меня своею любовью».

[7]

Боголюбивый сын Церкви, уважаемый благодетель Павел Иванович!

Милость Божия и покров Царицы Небесной с благословением от Ее святого жребия — Горы Афонской и от смиренной обители нашей да пребудут с Вами вовеки!

Письмо Ваше от 14 августа мы получили, из коего видим, как благочестивое желание исполняется. Из случившегося с Вами — в отделе от родителей таким чудным образом — Вы и сам усмотрели, конечно, что Благий Бог отчасти исполнил Ваше желание, дабы Вы, пользуясь сею милостию Господа, употребили оное к славе всесвятого имени Его, ибо Вам теперь дана возможность располагать собою и действиями независимо и без влияния стеснявших благочестивые Ваши намерения. Пользуясь дарованною от Господа свободой, можете действиями своими располагать к достижению

своих благочестивых целей. Да поможет же Вам Господь во всем во благо и спасение создаваемом, да и о Вас и в Вас прославляется имя Его святое!

Все прочее, написанное Вами на письма наши, проследили и приняли к сведению. В рассуждении же Вашей исповеди о бывших прилогах ереси против Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим, что наконец по истрезвлении чувствуете сухость и недостаток теплоты в усердии к Владычице небеси и земли, скажем Вам по власти, от Господа данной: «Прощается Вам и разрешается!» И Царица Небесная Вас простит, ибо Вы пострадали в этом по невежеству, а теперь открытое исповедание уст послужит в оправдание Ваше и в благодерзновение к усердной Заступнице рода христианского — Всепетой Богоматери.

Отца Мелетия в Москве в половине ноября должны еще застать, хотя теперь о времени пребывания его там нельзя с точностью определить, ибо срок разрешенного сбора кончился, а будущее продолжение пребывания будет зависеть от благоволения правительства.

Об отце Парфении мы, помнится, писали уже Вам, что он находится не в Воскресенском монастыре, а в Гуслицах, в новоустроенном монастыре Богородицкого уезда Московской губернии.

Намерение Ваше пригласить близких Вам особ, сочувствующих положению своего ближнего, к облегчению нужд обители и по устройении своих дел не оставлять ее, чем и как возможно будет, что Вы исполняете с радостным удовольствием, глубоко трогает нас. Такое живое участие Ваше к Русику делает Вас родным Русику и как бы участником насельников его. Зрящий на сердца Господь, Который ценит и чашу холодной воды, поданной жаждущему, вознаградит Вас за такую Вашу любовь и усердие, и Всепетая Богоматерь покрывает Вас Своим честным омофором, споспешествуя Вам в делах благочестия во спасение Ваше. Наш же долг есть всегда возносить о Вас с семейством, о брате Феодоре Ивановиче свои смиренные молитвы, а равно и о родителях Ваших, о поминании коих и о включении в синодик вечного поминовения имен их Вы так заботливо просили прежде во изъявление любви и почтительности к ним, как к родителям. Выражая свое теплейшее усердие и любвеобильное участие к обители и к нам, убогим обитателям жребия Преблагословенной Владычицы Богородицы, Вы просите наших молитв, то в соответствии такой любви Вашей скажем Вам, что будем умолять благодать Божию, дабы как она соединила нас в духе здесь, в земной юдоли временного нашего странствия,

так и в будущем соединила бы нас на веки веков прославлять ее в лице Троиственного Бога.

За сим, поручая Вас и себя милосердию Божию и мощному заступлению Царицы Небесной, остаемся и пребудем Ваши смиренные богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святая Гора Афонская. Русский монастырь
1863 года, сентября 30-го числа*

[Воспоминание] к 7-му письму.

Отделившись от родителей, я с благодарным сердцем известил моих добрых старцев и получил такое утешительное благословение на новую жизнь; но я уже в предыдущем письме изъяснил, что духовной цели не достиг по недостатку житейского и духовного опыта.

Здесь искренна моя исповедь была, как это случилось со мною, касательно прилога против Владычицы. Это последствия того же сомнения, о котором я упомянул в пятом письме. Хотя внутренне я убедился в омрачении и сердечно желал восстановить теплоту и усердие к Царице Небесной, но сухость сердца доказывала, что я прогневал Христа Спасителя и Его Пренепорочную Богоматерь. О, дорого мне это стоило, как и прочие сомнения!

Усердие мое к святой обители, обладающее моим сердцем, я распространял и между знакомыми и располагал направлять пожертвования в Русик, что было видно моим старцам, от того так любвеобильно они ко мне относились, да помянет их Господь во Царствии Своем!

С отцом Мелетием мне желательно было видеться лично в Москве, куда я по делам торговым два раза в год бывал, но свидание по обстоятельствам не состоялось, зато книга его, присланная мне из Афона, много утешала и изглаживала тень омрачения и сомнения касательно истин христианских.

Всеведущий Господь хотя и попустил мне это искушение, но Его же благим Промыслом все это превращено в мою душевную пользу. Сознывая истину, в то же время боялся, не осталось ли во мне по неведению и непостижению своей внутренности какого-либо богопротивного неверия сердечного, а потому, углубляясь умом, старался проверять себя. Если встречал в каком предмете сухость и не двигалось сердце умилением, то я признавал, что на мне лежит неблаговоление Божие.

Читая книги отца Парфения, мне было известно, что он в России, только я не знал, где он находится, поэтому и мой вопрос

был. Да, книги отца Парфения принесли мне великую душевную пользу, ознакомили меня с внутреннею жизнью старцев — русского духовника отца Арсения и его сотрудника отца Николая. Благодатная их жизнь врезалась в мое сердце, и я до сих пор, благоговей к ним, не могу их только именовать святыми, но верую, что это великие светильники иноческой жизни, а может быть, и молитвенники за тех, кои молятся о упокоении их. Почему я и поминаю рабов Божиих иеросхимонахов Арсения, Николая, Герасима и Иеронима. Этим сердечным чувствам я обязан описанию их жизни, отцу Парфению. Искренность блаженных покойных старцев и мое к ним усердие остались навсегда благотворным для меня воспоминанием, и желательно, чтобы совершилось их благожелание (в конце сего седьмого письма): «Дабы как она соединила нас в духе здесь, в земной юдоли временного нашего странствования, так и в будущем соединила бы нас на веки веков прославлять ее (то есть благодать Божию) в лице Троицкого Бога».

Еще я могу засвидетельствовать то, что молитвы в духе любви христианской оправдываются на самом деле. Вы увидите, что не один раз встречалось имя моего родного брата Феодора Ивановича, участвовавшего в благотворении Русику, имя коего вместе со мною и родителями записано на вечное поминовение псалтирное в обители вашей. И что же? Мой брат Феодор доселе живет глубоко благочестивым и уже десять лет соборным церковным старостою. Его старанием воздвигнут у нас в городе Новоузенске громадный собор в 125 тысяч рублей, хотя на посторонние средства, но главным двигателем сего доброго дела был он. При этом внешнем деле у него сохранилась глубоко духовная жизнь, которой и я подражаю. Смотря на это, я много приписываю это святым молитвам покойных старцев и вашей святой обители. Теперь очевидно, что молитвы праведных много споспешествуют в деле спасения человека.

В этом письме я назван родным Русику; от этого утешительного титула не смею отказаться. Благодатию Царицы Небесной! Я правда сроднился с вами, так себя и чувствую.

[8]

Искреннейший благодетель наш Павел Иванович.

Христос с Вами! Божественная Его благодать и благословение от смиренной в святом жребии Преблагословенной обители Пантелеимоновой буди с Вами во вся веки.

Передаваемые Вами чрез уважаемого благодетеля нашего Ивана Ивановича Сушкина при письме от 26-го истекшего октября в жертву

обители вновь [зачеркнуто] мы исправно получили и с признательностью приняли.

Вписанные в синодик обители прежде имена рабов Божиих: Ваше, Павла, и родителей Ваших Иоанна и Ирины со чады ежедневно неупустительно поминаются.

В приятнейший вменяем себе долг молить Многомилостивого Бога, да подаст Он Вам молитвенным ходатайством Всеблагой нашей Покровительницы и Питательницы Владычицы Девы Богородицы мирное житие, здравие, долгоденствие, благоденствие и паче душеспасение, согревая Вашу о Христе любовь к ближним Своею сладчайшею любовью, да утешит Вас и в сей жизни Небесным Своим утешением и в будущем уготовит для Вас отрадное в единении с Господом упокоение.

Не оскудевают в христолюбивом и благотворительном сердце Вашем желание и всегдашняя готовность по силе своей подавать требующим; с верою молимся и надеемся, что и милость Божия к Вам не оскудеет. Господь, Сам сущи Источник милосердия, любит милостивых. Премногою милостию Своею их обогащает, милостивых по преимуществу помилование и вечное блаженное в загробной их жизни упокоение ожидает. *Взалкахся*, — скажет в день он Праведный Судия от лица меньшей Его братии, — *и дасте Ми ясти...* *Приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира* (Мф. 25, 34—35).

Благословен Бог, питай нас от неистощимых щедрот Своея благодати чрез милосердие рабов Своих!

Ожидаемое Вами ответное наше письмо от 30-го истекшего сентября, вероятно, Вы уже получили. Оно послужит Вам ответом и на настоящее Ваше письмо. Спасайтесь силою Божиею, укрепляйтесь на пути к Царствию верою и надеждою и смиряйтесь. Участь земнородных — скорби и радости меняются.

Засим, в чувствах искренней благодарности за усердие к обители, участие во многих нуждах ее и добрую к нам расположенность поручая Вас и себя Небесному покровительству Богоматери, остаемся Ваши смиренные на Святом Афоне богомольцы.

Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним

Святая Афонская Гора
Русский монастырь
1863 года, 24 декабря

[Воспоминание] к 8-му письму.

В то время, когда часто повторялась моя переписка с покойными старцами, я немало встречал домашних неприятностей от родителей и братьев, не понимавших моей цели жизни, что приводило мой дух в уныние и малодушие, а потому я старался изливать мои чувства и скорби сердечные в письмах, желая тем облегчить свою душу, кои, видя издали прозорливо, утешали и ободряли меня. К моему удовольствию, представлялись и случаи посылок денежных своих и нередко чужих, что не менее радовало дух мой. Почему замараны цифры посылаемых сумм, я не помню — кажется из боязни, как бы кому не попались письма из неблаговоливших ко мне.

[9]

Искренний наш благодетель, доброе чадо Церкви Божией Павел Иванович!

Укрепляйтесь силою Божиею. Благодать Господа нашего Иисуса Христа, Вышний покров Небесной нашей Промыслительницы Девы Богородицы, благословение земного Ее удела — Святой Горы Афонской и от смиренной обители Пантелеимоновой да починут на Вас.

На предпоследнее письмо Ваше от 26 октября истекшего года мы отвечали благодарным письмом 24 декабря.

Между тем при исполненном боголюбия письме Вашем от 23 ноября присланы Вами в благотворение вновь [зачеркнуто] от разных благотворителей, в том числе и Ваших [зачеркнуто].

Вписав сообщенные имена для поминовения по чину обители, мы вменяем в приятный для себя долг молить Многомилостивого Бога, да дарует Он ходатайством Приснодевы и предстательствующего к Ним святого Пантелеимона Вам и благотворящим нам чрез Вас, равно и пребывающим в живых их сродникам, мирное житие, здравие и спасение, а в Бозе почившим — вечно блаженное упокоение со святыми во Царствии Небесном.

Но чем воздадим, особенно Вам, добродетельнейший Павел Иванович, за вся, яже воздаете нам? Ваше искреннее усердие к избранному наследию Богоматери, Ваше теплое участие во многих нуждах смиренной обители нашей, Вашу евангельскую любовь к нам, меньшей братии Христовой, видит Тот, Который и за чашу поданной ближнему во имя Христово воды обещает награду. Веруем, что Он призрит с Престола славы Своея на моления смирения нашего и воздаст Вам от неистощимых щедрот Своея благодати достойным любви Вашей воздаянием и в сей жизни, и в будущем веке.

Для предъявления благотворившим нам чрез Вас прилагаем при сем от обители благодарное письмо, а Василию Тихоновичу Карепанову за 21 рубль особо посылается.

Нельзя не порадоваться с Вами посетившему Вас Божиим Промыслом мирному устроению. Многомилостивый Господь достоин всякого благодарения! Рать и заступление, учат святые отцы, смущение и мир, скорбь и утешение поочередно посещают нас на пути жизни нашея, отчего человек приходит в смирение и преуспеяние духовное. Слава Господеви за все, хвала Ему вовеки. Всегда и во всем проявляется Его неизмеримая любовь к нам!

Просимые Вами книги и вообще какие у нас имеются в благословение с любовью препровождаем к Вашему Боголюбию, адресуя на имя Абрама Ивановича Сазыкина. Действительно, в Саратове был на короткое время один наш иеромонах, но не отец Мелетий.

Засим, поручая Вас и себя милости Божией и неотступному заступлению Владычицы, остаемся Вашими на Святой Горе смиренными молитвенниками.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святой Афон. Русский монастырь
1864 года, 3 февраля*

При посылаемых книгах прилагаем несколько адресов с чином поминовения и кратким объяснением состояния обители. Быть может, найдете необходимым вручить кому-либо из любящих благотворение благодетелей. В. Т. Карепанову вложен адрес особо в его письмо.

Молимся, обязаны священной обязанностью молиться о Вас, достойнейший Павел Иванович! Покровитель наш и Питатель Дева Богомати, благая сущи, яко Мати Источника милосердия, любит милосердие, изливая на творящих таковая велию и богатую Свою милость.

Еще к Вам усерднейшая наша просьба, с выполнением которой соединена польза и в известной мере обеспечение обители. К Вам посылаются наши книги. Если содержание их удовлетворит Вашей духовной настроенности, то можно надеяться, что с Вами и при Вас найдутся добрые люди, которые, ревнуя по Бозе, захотят с Вашими чувствами познакомиться чрез наши книги со Святою Афонскою Горою, с внешнею ее и внутреннею жизнью, с обретающеюся здесь святынею. Если это сбыточно и для Вас не будет затруднительно из любви к ближним принять под свое распоряжение распродажу желающим христолюбцам наших книг, то по первому уведомлению Вашему мы постараемся выслать к Вам по назначению Вашему

число экземпляров. Господь милости не оставит Вас Своею и за сие доброе дело милостию от неистощимых щедрот Своея благости.

[Воспоминание] к 9-му письму.

В этом письме я получил ответ на успокоившиеся мои обстоятельства и доставившие некоторый мир моему духу, в котором они пижут утешение, что скорбь и спокойствие по очереди меняются. Каждое слово писем печатлелось на сердце и приносило душевное удовольствие мне. В это время как у нас в Новоузенске, так и в окрестных селах возбудилось желание посылать на Афон деньги о здравии и за упокой. На мою долю досталась обязанность быть корреспондентом Афонской Горы, и я с полною охотою и усердием направлял [пожертвования] в Русик и отношу это к Промыслу Божию, исполняющему вашу нужду в материальных потребностях, а я не больше был, как орудие в руках Божиих.

Что касается благожеланий мне за мое усердие, то не скрываю: как тогда, так и теперь не оскудевает благословение Божие на мне в материальном и в семейном отношениях до очевидности. Живу хотя не богато, но нужды не имею, пользуюсь спокойствием, какого не имеют и с миллионами. А почему? Потому что я помню, како *неудобь богатии внидут в Царство Небесное* (Мф. 19, 23). Боюсь большого стяжания, а в малом, посильном вижу удобство совместить заповедь Христову. Нравственная часть закрыта, которую оценивает только Тот, Кому все открыто: желание, усердие и намерение делателя.

Предложение раздачи книг и вещей в пользу вашей обители не могло состояться по моим обстоятельствам, а потому я не мог этим услужить дорогим моим наставникам и благодетелям духовным.

[10]

Милостивейший благодетель Павел Иванович, мир Вам и спасение!

Благословение Божие, честного жребия Царицы неба и земли — Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей буди с Вами вовеки.

Известясь от собрата нашего отца Мелетия о вновь пожертвованных Вами в обитель 21 рубле серебром, мы благословили достойное имя Ваше с молитвою о Вас к Подателю всяческих благ — Господу, да помянет Многомилостивый ходатайством Державной нашей Покровительницы Преблагословенной Богородицы любовь Вашу к земному Ее наследию, усердие Ваше и искреннее благорасположение к нам, смиренным обитателям оною, споспешествуя Вам в делах благочестия во спасение Ваше.

Но, собираясь благодарно за сие писать Вашему Боголюбию, мы получили Ваше сострадательное к стеснительному нашему за границею положению письмо от 8-го истекшего мая. Очень сожалеем, что Вы по не зависящим от Вас и неблагоприятным обстоятельствам не можете исполнить нашей смиреннейшей просьбы, но вкуче и со-
радуемся Вам, что Вы в получении наших священных вещей с принявшими оные от Вас другими христоробцами обрели душевное удовольствие. Что же касается до описываемой Вами духовной расстроенности, то подобное состояние при рассеянности бывает и с духовными людьми. Поэтому, чтобы при таких обстоятельствах поддерживать свое духовное устроение, так сказать, согреть в себе дар Божий, необходимо хотя понемногу каждодневное чтение.

Насчет вопроса Вашего о постройках и о милостыни к нам милостивой родной России, отвечаем: больница окончена благодатию Царицы Небесной, но восточная и северная стороны здания, предположенного для помещения умножающегося благословением Божиим братства, по случаю прекращения правительством нашего в России сбора остановились в постройке, только подготовлены к тому обнесенною стеною. Продолжение и окончание сего мы молитвенно предоставляем в распоряжение Промысла Божия, отечески о нас, убогих иноках, пекущегося.

К сведению Вашему, как искреннему нашему благодетелю, сообщаем, что очень нуждаемся мы в помещениях по неимению келлий.

При сем уведомляем, что сообщенные ваши отцу Мелетию имена, как прежде еще записанные в синодики вечного поминовения, неупустительно поминаются.

Бог милости да воздаст Вашему милосердию Своим неизреченным милосердием в день он, егда придет воздати комуждо по делом его.

Засим, при желании Вам мира, тишины и радости о Дусе Святе поручая Вас и себя благоутробному покрову Матери и Девы Богородицы, остаемся Ваши смиренные богомольцы в святом жребии Богоматери.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святая Афонская Гора
Русский монастырь святого Пантелеимона
1864 года, июля 13-го дня*

Отец Макарий (Сушкин) очень благодарит Вас за память и взаимно усердно Вам кланяется с искренним желанием Вам благ временных и вечных.

[Воспоминание] к 10-му письму.

Трудясь над устройением своего сердца, я чувствовал расстройство и разлад внутреннего душевного настроения, ибо как новичок в этом таинственном духовном делании я хотел поставить себя так самостоятельно, как было написано в книгах, особенно в Добротолюбии славянском, конечно безрассудно и преждевременно читанном. Добрые отцы мои понимали мою простоту и писали советы. И сам удивляюсь, как я не сбился с толку, взявшись за такое высокое учение. Вразумить меня было некому; были прилоги высокоумия, но как это делалось в простоте сердца, с искренним желанием спастись, то и прошло благополучно под осенением благодати Божией. Как бы то ни было, хотя моя ревность в духовной жизни текла неразумно, без должного рассуждения, с такими неуместными приемами, над которыми я и теперь смеюсь и осуждаю себя, но это все послужило мне путем к познанию своих душевных и телесных немощей. В конце концов я весь измаялся, все испробовал, все испытал, что написано в книгах, дошел до сознания, что сам собою ничего не поделаешь, одно осталось средство — плакать и молить Господа, чтобы Он имиже весть судьбами наставил меня на путь спасения и утвердил волю мою. Вот в этом смысле и написано было мое письмо, на которое и отвечали мои опытные старцы, и каждое их слово было для меня законом.

Мне интересно было знать, как подвигается благоустройство обители. Спрашивал, что строят, что имеют в виду; на этот вопрос и отвечали мне старцы, а я более разгорался усердием помогать сам и располагать благотворителей. В это время привозили из сел денежные конверты в почтовую контору, которые, не имея под руками верных адресов на Афоне, отсылали ко мне, и я сделался как бы формальным корреспондентом. Исправлял конверты или новые писал, отчего произошло во всеобщее сведение, что только Павел Помельцов знает, как написать письмо и куда послать, и шли ко мне. Не Промысл ли это Божий? А я тут ничто.

[11]

Милостивый государь, достоуважаемый благотворитель Павел Иванович, мир Вам и спасение от Господа!

Благословение Божие и Богоматери от Ее жребия — Святой Горы Афонской и от смиренной обители нашей буди с Вами!

Почтенное письмо Ваше мы получили и приносим Вам искреннюю благодарность за памятование обители нашей, о вспомоществовании коей Вы при помощи Божией стараетесь. Господь, Благий Мздовоздаятель, да помянет Вас и благотворящих нам чрез Вас и да вознаградит за усердие Своею милостию и дарами благоприят-

ными жизни временной и вечной! Благодарим Вас и за рекомендацию нам господ Карепановых, коим пошлем просительные письма. Также препровождаем особое уведомление о получении 25 рублей, жертвованных чрез Вас разными доброхотными дателями, для представления им.

При сожалении Вашем о недоконченной у нас постройке и пресечении сбора выраженное Вами в письме упование на помощь Божию к утешению нашему оправдалось: сверх всякого чаяния сбор дозволен нам еще на год, чрез что можем несколько надеяться и на совершение более нужных построек. Благодарение Господу Богу и Царице Небесной за все Их милости и дары!

В описываемом Вами неисполнении заповедуемого Богом и святыми отцами Господь да посетит Вас Своею всесильною благодатью и, исцелив немощи, да поможет и укрепит в понуждении себя на все душеполезное и богоугодное! Сознавая свою греховность и духовную нищету, будем сожалеть и сокрушаться о том, *сердце бо сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19), как не уничижил сокрушавшегося мытаря. Подобно ему будем ударять в двери милосердия Божия, как повелел Сам Господь: *Толцыте, и отверзется вам* (Мф. 7, 7), всякому бо толкущему отверзается. Не будем забывать также, как и стараетесь Вы помнить, что *Царствие Божие нудится, и нуждницы* (употребляющие усилие, понуждение) *восхищают его* (Мф. 11, 12).

Новопреставленного раба Божия Петра, родственника Вашего, по просьбе Вашей внесем мы в синодик на вечное поминовение и теперь поминаем его. Многоблагуотробный Господь да подаст ему милость Свою, оставление прегрешений и упокоение души его тамо, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание. И Вас с прочими благотворителями почитаем долгом поминать в молитвах ко Господу и Богоматери о милости, жизни, мире, здравии, спасении и благопоспешении. Заступи, спаси, помилуй и храни Вас Господь Своею благодатью под покровом Заступницы рода христианского!

Поручая Вас и себя милости Божией и заступлению Богоматери, остаемся смиренными богомольцами Вашими во Святой Горе Афонской, Русского Пантелеимонова монастыря

*архимандрит Герасим,
русский духовник Иероним,
иеромонах Макарий*

*Святая Афонская Гора. Русский монастырь
1865 года, февраля 13-го*

Письмо это по обстоятельствам не послалось по написании, а посылается только 1 марта вместе с тем, которое написано для представления жертвовавшим. Господам Карепановым послано письмо.

[Воспоминание] к 11-му письму

В этой благотворной переписке таилось заочное единение о Господе старцев и моего недостойнства. Старцы, видя мое усердие, хотя и не по разуму, молились и утешали всячески, а я, как дитя, любя старцев, углублял в землю моего сердца их добрые советы, что и приносило свой полезный плод.

К моему душевному удовольствию, [к переписке] присоединился и батюшка отец архимандрит Макарий, впоследствии заменив собою обоих старцев.

Упоминаемое семейство господ Карепановых люди были богатые, которых мне и было желательно затронуть особыми к ним письмами, но, к сожалению, успехов не последовало.

[12]

Искреннейший наш благожелатель боголюбивейший Павел Иванович!

Мир Божий, благодатный покров Царицы Небесной с благословением честного Ее жребия — Святой Горы Афонской и от смиренной обители Пантелеимоновой да пребывают с Вами вовеки.

Вновь полученное от Боголюбия Вашего благое письмо Ваше от 20-го истекшего января более и более утверждает наше смирение в неизменной благорасположенности Вашей к нам, к нашей многонуждающейся обители.

Пожертвованные благочестивыми девицами Стефанидою и Параскевою 5 рублей серебром и от неизвестного за упокой раба Божия Иосифа 7 рублей серебром, а всего 12 рублей чрез достоуважаемого корреспондента нашего Ивана Ивановича Сушкина мы получили и описанные имена с Вашим и с жертвовательницами для поминовения вписали, о чем прилагается к ним благодарное от обители письмо. Испытуяй сердца и утробы Человеколюбец, ведый имя неизвестного жертвователя, Той да воздаст ему в день оный по обилию любви его. Господь милости и щедрот да не оставит Своею великою и богатою милостию и в Бозе почивших, и в живых пребывающих.

Что же касается до духовной Вашей деятельности, то в ней по письму Вашему ничего пока не заметно достойного порицания. Что Вы грешите, но кто же без греха, аще и один день жития его на земли, говорит Священное Писание. Благо, что вы видите свои

грехи и смиряетесь под крепкую руку Божию. Воодушевляетесь к подражанию подвижникам благочестия, пресельшимся от земли на небо, и в самом сем стремлении познаете свою немощь, в немощи со смирением взывая к Богу о помощи, к Нему, Преблагому, приближаетесь. А это-то и есть основание нашего спасения. Смирение — страж добродетелей. «Смирися, — возглагола не один из богодухновенных святых, — и спасе мя Господь вскоре». Что делать, когда мы, кроме собственной немощи, не можем ничем другим похвалиться, когда в нас наше — одна наша греховность, когда в нас и около нас все видимое и невидимое, душа наша и тело — все Божие? Бог — наше прибежище и сила во всем, а паче во спасении.

Предписывать правила к прохождению духовного жития весьма трудно по разнохарактерности людей, по различным путям ко спасению, а главное — то, что всякое установление может только стеснить совесть. Не пошатнуться невозможно, а если Вы не имеете вблизи опытного руководителя, кто Вас советом благим поддержит и по исповеди утешит? Совесть — для нас и в нас закон. Совесть не оправдает, когда неправо поступаем. Уклонимся от правого пути — укорим себя и смиримся, воззовем ко Господу о помощи; и то верно, что Господь близ всем призывающим Его во истине. Спасались и спасаются богатые и бедные, цари и простецы, монашествующие и мирские — всем открыт вход в Царство Небесное. Есть кому подражать: и страннолюбивому отцу верующих Аврааму, и многострадальному праведному Иову, и кроткому царю — пророку Давиду, и милостивому Филарету, да и мало ли? Ведь все они в мире спасались. И нельзя думать, чтобы они совершили сей путь без поползновения. Виднее для нас пример падшего и покаявшегося Давида. Доколе в сем телеси мы не можем быть свободны от греховности, то покаяние, сказано, второе крещение. Подвизайтесь во славу Божию и не смущайтесь. Бог Вам в помощь! Мати Божия да будет Вам покров и ко спасению несомненная надежда!

Испрашивая для Вас с благотворящими нам чрез Вас милости у милостивого Бога и поручая Вас и себя благоутробному заступлению усердной Заступницы рода христианского, остаемся Ваши усердные богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святая Афонская Гора
Русский монастырь
1867 года, мая 6-го дня*

К 12-му письму.

Усердно занимаясь чтением подвижнических книг Ефрема Сирианина и прочих, мне было видно, какой чистоты сердца и бесстрастия ко всему требует Бог от человека. Между тем похоти ветхого давали себя знать. Сравнивая свое положение и неискренность в деятельности своей, я ужасался, и спрашивал себя, и думал: «Не погибаю ли я?» Почему, подробно описывая, что со мною происходило, я просил у старцев совета и заочного определенного руководства. Они понимали, что меня беспокоит, написали такое обстоятельное рассуждение, что я и складывал в мою душевную кладовую. И чтение таких искренне сердечных наставлений не проходило без благодатных последствий: читая письмо, я почти каждый раз обливался слезами, целовал бездушную бумагу, воображая, что я целую руки моих незаменимых наставников, благословляющих меня. Поистине сбывались слова Христовы: *Идеже собрани двое или трое во имя Мое, ту и Аз посреди их* (Мф. 18, 20)!

[13]

Получено 18 мая¹.

Милостивый и возлюбленный о Господе благодетель наш Павел Иванович.

Благословение Божие и всесильная Его благодать да почуют на Вас вовеки!

В чувствах искренней нашей благодарности за священный долг считаем известить Вас, что и еще Господь удостоил нас получить исправно Ваших два почтенных письма и при них собранную Вами богоприятную жертву — 50 рублей — в пользу нашей святой обители.

Ваша христианская любовь к ближним и долговременное усердие к пустынной нашей обители радуют сердца наши. Радуемся же мы трех ради следующих причин: во-первых, что Вы уже неоднократно доставили материальную пользу бедной нашей обители; во-вторых, что ходатайствуете от Бога милость тем благодетелям, которые чрез Вас благотворят ей, ибо о таковых говорит Господь: *Блажени милостивии, яко тии помиловани будут* (Мф. 5, 7); а в-третьих, что, без сомнения, получите и Вы себе от Бога награду, ибо Он к подобным говорит: *Изводяяй честное от недостойнаго, яко уста Моя будут* (Иер. 15, 19).

¹ Здесь и далее — помета о получении письма, сделанная рукой П. И. Помельцова. — *Примеч. сост.*

Итак, за новое оказанное Вами нашей святой обители усердие примите вновь нашу искреннюю благодарность, а обитель, в свою очередь дорого ценя оное, воссылает теплые свои мольбы к Богу о здравии, благоденствии и спасении Вашем и равные о тех благодетелях, кои чрез внушение Ваше оказали ей посильную свою жертву.

Означенные в письмах Ваших имена о здравии Иакова, Ксении и чад их, Иоанна, Алексия, Василия, Наталии, старицы Евдокии, Лукиана, Стефаниды и за упокой Маркелла, Аникиты, Мавры и Лукиана вписаны и поминаются по чиноположению обители нашей. До продлит Господь Бог жизнь благодетиривших нам и сродников их на многая лета во всяком благополучии, а почивших да упокоит в обителях Небесных с праведными. Потрудитесь им за святую милостыню сообщить нашу душевную признательность и благословение Святой Афонской Горы — жребия Пречистой Богоматери.

Еще в первом письме Вашем мы прочли между прочими и сии строки: «Много отнимает у меня свободы моя многообразная мирская жизнь, как-то: по отношению к родителям, собственному семейству и общественная должность церковного старосты, — которые служат препятствием в деле спасения», а далее просите нашего совета, какие Вам принять меры для душевного спасения. На эти Ваши строки вот что мы Вам при помощи благодати Божией скажем. Разве не спасительное дело — чтить и покоить своих родителей, иметь попечение о своем семействе, служить для общества и для святой Церкви? Исполняйте эти добрые дела без ропота, по чистой совести и с призыванием помощи Божией, а в дополнение сих молитесь почаще, творите посильную милостыню и воздерживайтесь от таких дел, которые противны совести и Богу. В таком случае милостив будет к Вам Бог и в сей кратковременной, и в будущей нескончаемой жизни. Вот какой наш Вам совет. Господь да пребывает с Вами!

Старец Наум Потапович Морозов с помощью Божиею совершил свое путешествие во святой град Иерусалим, а теперь проживает в нашей обители. Хлеб-соль и успокоение для него по силе возможности нашей доставляются; о намерении же его остаться на Афоне или возвратиться восвояси мы ничего не можем Вам пока сказать. Бог, промышляющий о всех Сам, да устроит ему полезное. О здоровье и благополучии его родных мы передали ему. Он и сам хотел писать к Вам и чрез нас свидетельствует Вам глубочайшее почтение, а также и всем родным своим. Если вышлете денег, то оные для него во всяком случае будут необходимы.

Препровождаем к Вам некоторые книги, изданные от монастыря нашего, из числа коих покорнейше просим вручить досточтимому иерею отцу Илию для сведения о нашей обители, а также и еще кому-либо по усмотрению Вашему. Прилагаем ответные письма за полученное пожертвование честнейшему отцу Илию и Алексею Никитичу Водопьянову, которые покорнейше Вас просим передать.

Засим, призывая на Вас покров Царицы Небесной и заступление всех святых, остаемся Ваши смиренные богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святой Афон. Монастырь Русский
1868 года, марта 19-го дня*

К 13-му письму.

Чтение подвижнических книг святых отцов, их совершеннейшая жизнь в трезвении ума и очищении сердца давали и мне некоторое желание искать того же блага душевного, только я по простоте не мог сообразить, что всякая вещь на своем месте хороша и похвальна. Поэтому я тяготился родителями, которые требовали от меня по торговым делам нашим соответствующей деятельности. В семействе многолюдном мне казалось тесно и невозможно созидать свое спасение; даже должность церковного старосты, управление церковным имуществом требовали от меня заботы немалой, и я чувствовал сильную разволочку ума и сердца, что меня печалило. В таком настроении духа я и описывал мою душевную тревогу за спасение свое. Добрые старцы, видя, что это было все не по моей воле, утешали всячески и как целительный бальзам возливали на мятущееся мое сердце, врачевали своими мудрыми советами.

Упоминаемый иерей отец Илия — это впоследствии иеросхимонах отец Игнатий, скончавшийся в Свято-Андреевском скиту сего [1900] года, 24 февраля. Это был в мире мой духовник, много меня руководивший в юных годах моей жизни, много вразумлял в некоторых неуместных порывах душевных. Он знал мое усердие к Афонской Горе и часто со мною беседовал, заимствуя сведения от меня о жизни иночествующих — конечно, я и передавал ему охотно, что знал. Вот когда овдовел отец Илия, оставшись бездетным, он много благотворил на Афоне, вашей святой обители и Андреевскому скиту. Его благотворительность исходатайствовала ему милость Царицы Небесной, Которая вложила в его сердце скончать остаток дней своих на Афоне. Был у отца Илии товарищ, нашего города Новоузенска бывший протоиерей

Петр Васильевич Унгвицкий, впоследствии скончавшийся в обители вашей иеросхимонах отец Платон. Они оба задумали перейти в Афон на жительство, в чем им и помогла Матерь Божия. У последнего, отца Платона, я был семь лет старостой церковным. Хотя он, тогда отец протоиерей Петр, был тяжелого характера и мне нелегко было с ним служить, но зато я много приобрел от него полезного своим терпением. Обоим — отцу Игнатию и отцу Платону — вечная память и Царство Небесное. Так как я близок был к обоим и всегда относился с похвальными отзывами о жизни афонских иноков, то думаю, это их расположило переселиться на Афон. Другое можно сказать: первый был богат, благотворил обителям афонским, второй имел велию веру к Заступнице (выражение отца Платона) — Матери Божией, всегда неопустительно служил сам дни Богородичные. Вот за эти добрые качества Царица Небесная и наградила их Своею милостию: кости их почивают в Ее святом жребии, а души их ждут исполнения Ее обетования в будущем веке.

Сколько радости, сколько сердечного утешения я ощущал от сего 13-го письма! Я понимал, я вполне чувствовал горячую любовь ко мне праведных старцев — батюшки отца Герасима и батюшки отца Иеронима! Их теплые молитвы заочные, перелетев чрез отдаленные моря и пространства, лились прямо в мое простое сердце, это доказывали слезы умиления при чтении их писем. Я как бы лично с ними беседовал, и поистине Христос был посреде нас! Верую и теперь, что они с того света простирают ко мне благожелания и святые молитвы.

[14]

Получ[ено] 1 сентября 1870 г[ода].

Возлюбленный о Господе наш благотворитель Павел Иванович, мир и спасение Вам и всему благословенному Вашему семейству!

Достоуважаемые письма Ваши: 1) от 16-го числа сентября истекшего года с жертвою от неизвестного благотворителя 100 рублей; 2) от 14-го числа ноября с вложением 25 рублей; 3) от 30-го числа ноября с вложением 6 рублей, жертвуемых девицею Евфросиниею и 4) от 28-го числа мая сего года — мы все получили в исправности, но простите Господа ради, что так замедлили ответом! Надеялись было приготовить желаемых Вами разных икон и вскорости послать вместе с уведомлением, но и до сего времени не могли таковых написать. Уверены, что Ваше доброе сердце и любовь к нам, грешным, покроют нашу вину пред Вами.

Для нас очень утешительно, что Вы желаете посетить жребий Царицы Небесной. И мы не менее Вашего желаем видеть Вас лицом к лицу и побеседовать с Вами, искреннейшим нашим благодетелем. Дай Господи, чтобы это благое желание Ваше исполнилось, и чем скорее, тем лучше. Помогите Вам Матерь Божия в этом предприятии, и Ангел-хранитель да сопутствует Вам! Теперь Вы по воле Промысла Божия не находитесь в зависимости ни от кого, теперь для Вас очень легко исполнить ваше давнишнее желание. Родители Ваши отделили Вас с истинною любовью, с истинным родительским благословением и приличным достоянием. О сем и мы вместе с Вами зело радуемся и благодарим Господа, устрояющего вся на пользу человеку. Даруй Вам Господи и всему семейству Вашему долголетное житие, здравие, а наипаче всего — вечное спасение! За любвеобильную же Вашу расположенность и сочувствие к нашим нуждам да воздаст Вам Господь Бог сторицею в нынешнем веке и в будущем! Сего искренне Вам желая, мы всегда поставляем за долг возносить нашу смиренную мольбу к Человеколюбивому Богу о здравии Вашем и спасении и о сродниках Ваших, равным образом поминаем и имена благодетелей и их сродников, кои были сообщены в Ваших письмах. Да вознаградит Господь Своею милостию и всех чрез Вас нам благодетелим. Потрудитесь им сказать нашу душевную благодарность.

Засим, призывая на Вас и на семейство Ваше благословение Отца светов и покров Усердной Заступницы рода христианского, остаемся Ваши доброжелатели и богомольцы.

*Архимандрит Герасим
Русский духовник Иероним*

*Святая Афонская Гора
Монастырь Русский
1870 года, июля 28-го*

Р. С. Желаемые Вами иконы как только будут в готовности, так и не замедлим Вам оные выслать.

[Воспоминание] к 14-му письму.

В 1869 году, 15 июня, я был отделен моими родителями жить со своим семейством независимо. Отделившись на 38-м году своей жизни, я сделался маленьким купцом. Состоялось это не по воле родителей, но по настоянию моему: мое семейство стало возрастать, да и семья родителей увеличилась, стало трудновато физически и нравственно. Итак, я настоял отделить себя и из наследства получил часть неполную, но этому был рад, только бы

жить на своей воле. Тогда я думал, что смогу побывать в Иерусалиме и на Афоне, а потому, сообщая о разделе, я писал старцам о том и другом. Старцы ввиду этого так доброжелательно и отнеслись к моему новому положению, конечно, желали и рады были лично видеть своего заочного питомца. Как назвать мое настоящее отделиться? Было ли оно от Бога или плод моего своеволия? Кажется, последнее.

Отделившись, я повел дела торговые обширно и неосторожно, как неопытный еще, втянулся в крупный кредит в Москве, а тут в 1871 году умерла жена, я остался с тремя взрослыми детьми. Тут уже не до Афона! Едва голова держалась на плечах! Теперь не буду описывать, скажу в следующих письмах. Одно только скажу, что промысляющий о спасении человека Господь не попускает исполняться некоторым желаниям своевольным, но по премудрому Своему Промыслу направляет к очищению, и вразумлению, и к пользе душевной. Так и со мною случилось. Пришлось мне испытать волнуемое житейское море невзгодами и испить горькую чашу печали сердечной, о чем буду писать ниже.

[15]

Боголюбивейший Павел Иванович!

Бог, Богоматерь и святой Пантелеимон в помощь Вам, во утешение и спасение! Благословение Божие и Богоматери от Ее жребия — Святой Горы Афонской и от обители нашей буди с Вами и со чадами Вашими!

Уведомляем Вас, что мы получили письмо Ваше с извещением о кончине возлюбленной супруги Вашей. Зная, как тяжело разлучиться нежно любящим друг друга супругам, и разлучиться навсегда в этой жизни, мы сердечно сочувствуем Вашему великому лишению, соскорбим Вам, скорбящему, и вседушевно желаем и молим Благоизволившего переселить отселе супругу Вашу, чтобы Он помог Вам с благодушием христианским перенести такое супружеское разлучение и ниспослать скорбящему сердцу Вашему Свое благодатное утешение. По человеческом соображении следовало бы боголюбивой супруге Вашей еще пожить на земле, но Господь, глубиною мудрости человеколюбно вся строя и полезное всем подающий, часто переселяет молодых и средних лет, о коих Священное Писание говорит: *Скончався в мале исполни лета долга, угодно бе Господеву душа его* (Прем. 4, 13—14).

Итак, да упокоит же Господь душу скончавшейся рабы Своея Анны во Царствии Своем и да простит ей всякое прегрешение воль-

ное и невольное, о чем с получением от Вас известия совершается в обители нашей обычный сорокоуст и отслужена панихида. Имя ее перенесли из месячного в ежедневный синодик для вечного поминовения, и поминается.

Вы просите от нас совета и благословения: вступить ли Вам во второй брак или проводить жизнь во вдовстве? Скажем Вам, во-первых, слова святого апостола: *Оженившийся печется, како угодити жене, а неженившийся печется, како угодити Богу* (1 Кор. 7, 32—33). От юных лет, Вы пишите, дух Ваш стремился к богоугождению, и сердце Ваше никогда не находило полного удовольствия в супружеской жизни, хотя она и была проводима Вами с супругою в мире и любви. Так Промысл Божий устроил Вам сначала испытания, супружескую жизнь, в которой Вы прожили до преполовления дней Ваших; теперь, без сомнения, Господь призывает Вас на больший подвиг, то есть к тому, что *единое нам на потребу* (Лк. 10, 41). Так Вы и сами сознаете, хотя и чувствуете, с одной стороны, естественное побуждение к вступлению во второе брачное, к которому, впрочем, особенной уважительной причины не предвидится из письма Вашего: во-первых, Вы чувствуете себя не соответствующим к брачной жизни, и, во-вторых, дети Ваши уже не столько требуют материнского призрения, ибо не младенцы, и во второй супруге Вашей едва ли они найдут себе нежную мать, родившую их. Из всего этого мы заключаем, что нет Вам воли Божией вступать во второй брак, а потому на оный нет и от нас благословения. Потрудитесь ради Господа и ради спасения души своея понести ниспосланный Вам крест сей, за который увенчаны будете Вы от Всещедрого Мздовоздателя, богатого милостию, неувядаемым венцем вечных славы. Хотяй всем спастися да наставляет и укрепляет Вас во всем, *елика, по апостолу, честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна* (Флп. 4, 8), и Бог мира буди всегда с Вами!

Передавая Вас со чадами Господу Богу и Царице Небесной, в Нихже и от Нихже утешение наше и спасение, остаемся смиренные богомольцы Ваши и доброжелатели Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря

архимандрит Герасим,
духовник Иероним

Святая Гора Афон
Русский монастырь
святого Пантелеимона
1 февраля 1873 года

[Воспоминание] к 15-му письму.

Вот роковой час расстроил мою жизнь! Моя добродетельная супруга Анна на 36-м году своей жизни скончалась после продолжительной болезни, оставила меня с сиротами: двумя дочерьми, 16 и 14 лет, и сыном 10 лет. В порывах душевной печали у меня явился вопрос: оставаться вдовым или жениться? Для этого я обратился к старцам, которым хотя была известна из писем моя жизнь заочно, но я еще добавил мои соображения, желая узнать волю Божию, просил их благословения, на что укажут они.

Вдовел я только три месяца. В это время был неурожай хлеба и сильная бескормица для скота. Край наш от этого окончательно разорился. У меня был большой кредит за русскими и за киргизской ордой, живущей около нашей местности. Это житейское несчастье сильно подействовало на мои торговые дела и ввело в безвыходное затруднение. Я должен был в Москву 50 тысяч рублей и вынужден был прекратить платежи. Поэтому после смерти жены и таких неблагоприятных обстоятельств я совсем растерялся. Родители начали советовать мне, чтобы я вступил во второй брак и тем оградил свою молодую семью надзором в лице жены, а им матери. Трудно мне было: что я должен избрать — да или нет? И вот под влиянием тяжелой душевной тоски я сдался на совет родителей. Письмо с Афона замедлило, оно было послано 1 февраля из обители, а я 5 февраля уже женился вопреки своему желанию и настроению духа. Избрал невесту хотя по совету родителей, вдовицу, но по летам далеко не ровню, молодую, 21 года, сам имея 39 лет, по характеру светскую — всем на удивление! Хотя житейские качества в молодой супруге для семейства и хозяйства были в мою пользу, ибо я ожидал материальной поддержки для своих дел от родства ее, что впоследствии оправдалось, но в душевном состоянии я составил себе неизъяснимую тягость душевную и физическую, доходил до великой скорби и печали, а делать было нечего, связал себя и молодую супругу неравенством положения (простите за подробности). Так мы прожили 28 лет, и сверх ожидания Бог благословил тремя детьми — сыновьями. Теперь, проходя воспоминанием мою протекшую жизнь, опять усматриваю непостижимый Промысл Божий, как Он из моих ошибок, неосмотрительности устроил все во благо нам обоим и всему семейству! Провел сквозь опасности нашу жизнь, мне продлил лета до 68 лет, мои торговые дела исправились, детей всех воспитали и определили к месту. Супруге Бог вложил в сердце подражать моему житию и примеру; она мне не препятствовала в духовной жизни, и сама сознала, что это спасительно. Я не переставал искать того, что искал от юности, то есть жизни богоугодной, монашеской; хотя я не в монастыре, живу купцом, и торгую по-прежнему, но следуя

жизни святых отцов. Чего я искал, Милосердый Господь открыл то моему сознанию: всеял страх Свой Божественный в мое сердце и по указанию не погасшей моей совести являет Свою благую волю мне в деятельности. Что касается до монашества, то мысль эта меня не покидает: самые лучшие минуты моей жизни — это когда я бываю в монастырях на богомолье. В 1895 году путешествовал в Иерусалим, на обратном пути я сподобился погостить и у вас в святой обители целую неделю, только уже не застал в живых не только моих праведных старцев, но и в Бозе почившего незабвенного архимандрита отца Макария (Сушкина), который заменял мне вполне покойных старцев.

Теперь я вполне доволен своим земным существованием: не богат, нужды не имею, семейство имею доброе и скромное, хотя не так высоконравственное, но огорчаться не смею; другого на земле чего желать еще, не знаю. Во всем спокоен! Остается желать только одного — Царства Небесного и идти к нему тесным, указанным в святом Евангелии путем, но это предоставляется свободе человека. Имею намерение, аще Богу угодно и Царица Небесная удостоит, и еще взглянуть на Ее святой жребий — Афонские обители. Да будет воля Божия.

[16]

Возлюбленный о Господе боголюбивый Павел Иванович.

Благословение Божие и причастие Святого Духа буди с Вами.

С радостью и благодарностью получил я Ваше письмо от 14 сентября, в коем усматривается искренняя любовь Ваша к Богу и благое желание Ваше исправить себя, а также расположение ко мне, грешному, причем по обязанности и любви христианской я посильно не оставляю Вас в своих убогих молитвах, и ежели Господу угодно продлить мою жизнь и укрепить мою немощь, то и впредь не забуду Вас молитвенною памятию и по возможности не откажусь отвечать Вам на письма хотя кратко. Советую Вам стараться с Божиею помощью *протираться в предняя, забывая задняя* (Флп. 3, 13), ибо и одна вошедшая в душу добродетель приводит и прочие, и одна павшая страсть ниспровергает другие. Господь же, увидя усилие Ваше на подвиги благочестия, не замедлит поспешить на помощь с благодатию Своею, и под ее плодотворным осенением и малое семя добра может возрасти в древо благой жизни.

Даруй Вам, Боже, всегда возноситься желаниями сердца над всем дольным горе и зреть чистую мыслью истинное Солнце Правды, просвещающее всякого человека, желающего спасения, и среди куплей и молвы житейских пекитесь о едином на потребу. В светлые дни

радости и мрачные дни печали да будет у Вас одна и та же вера и любовь к Богу, благодарение за все ниспосылаемое, а о своей греховности и духовной нищете имейте смиренные чувства и сокрушение.

Отец архимандрит Макарий также посылает Вам благословение и благожелание милости Божией; он и я молим Господа и Царицу Небесную, дабы Она исполнила Ваше желание о посещении Афона ко спасению души.

Поручая Вас заступлению и покрову Божией Матери и молитвам святого великомученика Пантелеимона, остаюсь с любовью о Христе Ваш смиренный богомолец.

Духовник Иероним

Святой Афон

Русский Пантелеимонов монастырь

30 октября, 1881 год

[Воспоминание] к 16-му письму.

Вот, как видите, переписка моя стала реже и ослабевать. Мне было стыдно старцев, что я не исполнил их благословения — женился, а тут и жизнь не соответствовала прежнему тону. Но дух мой тосковал! Я не скрывал моей неосмотрительности, каялся блаженным старцам. Поправив свои земные затруднения, я немного успокоился, и дух мой опять стал стремиться к прежней идее спасительной. В этом письме уже остался только один мой дорогой батюшка отец Иероним. О, это мой могущественный молитвенник к Богу! Сказано в Писании: *Благословение отчее созидает дома чад* (Сир. 3, 9) — так благорасположение батюшки очевидно оправдалось на мне во всех отношениях. Еще повторяю: мои торговые дела исправились, жизнь нравственная тоже стала склоняться к прежнему настроению. Это не хотяй смерти грешника Бог чудодействовал в моих странных до сожаления приключениях! К моему истинному утешению вместо покойного архимандрита отца Герасима заступил добросердечный батюшка отец Макарий — и опять две сильные и могучие молитвы к Богу за мое недостойство! В это, не по форме обыкновенной в письмах, искренне веровал, что такие праведные старцы истинно меня любят и так усердно молятся за меня Господу. Усердие ко святой обители вашей во мне не прекращалось, хотя материально не так, но сердце мое стремилось достигнуть желания побывать на Афоне, а потому я нередко упоминал о сем в моих письмах, но Господь имиже весть судьбами не привел из всех трех их видеть лично. Да, долго ждал я исполнения своего желания! Только чрез 30 лет я получил возможность отправиться к святым местам — как в Иерусалим, так и в Афон.

[17]

Возлюбленный о Господе Павел Иванович, мир Вам!

Письмо Ваше от 24 января я получил. Долгом своим считаю ответить. Вашему душевному состоянию, как и всегда, я искренне сочувствую. Но предложенный Вами теперь вопрос не совсем удобо-разрешим. Вы напомнили слово святого апостола, который обязывает супругов отдавать друг другу должное. Что же можно сказать противу апостольского слова? Если уж сделан неосмотрительный шаг, сделанного теперь не воротить. Молитесь, чтобы Господь ими же вестъ судьбами управил Вас ко спасению. Он видит сердце Ваше.

Водительству Его всеблагого Промысла вручая Вас, с искреннею любовью о Христе Иисусе остаюсь богомолец Ваш

духовник Иероним

Святой Афон

Русский Пантелеимонов монастырь

10 марта 1882 года

Р. S. Ваше почтенное письмо от 30 января также у нас получено вместе с жертвою 12 рублей от Григория Субботина. Прилагаем ему квитанцию и просим поблагодарить от нас за святое приношение.

[Воспоминание] к 17-му письму.

Нелегкое состояние моего духа от прохождения семейной жизни порождало во мне крайности — из письма можете догадаться, чего я домогался. Конечно, неразумного и невозможного! Здесь вижу, что батюшка с душевным прискорбием и как бы негодованием указывает на мою опрометчивость, которую поправить может только один Бог, и что он указал мне один исход — молиться. Я этого со смирением и держался, и вера моя не осталась без милосердия Божия: желание само собою приходит к исполнению, и только вследствие молитвы — вера и молитва чего не принесут?! Вот уже мне теперь 68 лет, Господь поддерживает мои физические силы и бодрость духа, по делам торговым еще соответствую — тружусь. Лета старости, нравственная цель жизни и умеренность во всем укрепляют мою волю в добре. Мню, и молитвы моих покойных старцев, в которых верую, покрывают, а паче умиротворяют течение моей внутренней жизни, так [что] чего я желал неразумно и преждевременно, это как бы само собою устлавливается. Итак, совет доброго батюшки: «Молитесь, чтобы Господь ими же вестъ судьбами управил вас ко спасению, Он видит сердце ваше» — есть его отеческое благословение, которое благотворно сопутствует мне доселе.

[18]

Возлюбленный о Господе Павел Иванович, мир Вам!

Письмо Ваше я получил. Благодарю Вас за утешительную память Вашу.

Радуюсь, что благодатною помощью святого великомученика и целителя Пантелеимона укрепилось здоровье Ваше. Да будет сие и во укрепление души Вашей, чтобы возмогать в немощах. Сердечному сокрушению не смущайтесь: *сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничтожит* (Пс. 50, 19); прелесть же свойственна только сердцам гордым и надменным. Ищите смиренномудрия, повергайте всегда пред Господом немощь свою — и не будете оставлены. По человеческому суждению трудно сообразить, как могут устраниться неотразимые препятствия, но судьбы Господни неведомыми нам путями руководят нас к пути спасенному, лишь бы мы несомненно предавались Его водительству.

Благому Вашему желанию побывать на Святой Горе да спешествует Царица Небесная; только не знаю, застанете ли Вы меня здесь: здоровье мое совсем разрушается; не погрешу, если скажу: *По вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). Но во всем буди святая воля Господня, благая и совершенная!

Сами себе и весь живот наш Христу Богу предадим.

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом. Пусть будет для Вас новое лето сие летом Господним приятным, и да обновляются силы Ваши возрастать в нового человека, сменяясь ветхого, и войти в меру возраста благодатию Рождшагося на спасение наше и возродившего нас к жизни новой, нетленной и вечной.

С искреннею любовью о Христе Иисусе пребываю смиренным Вашим богомольцем.

Духовник Иероним

Святой Афон

Русский Пантелеимонов монастырь

27 декабря 1883 года

[Воспоминание] к 18-му письму.

В этот период моей жизни посетила меня болезнь — брюшной тиф, я был безнадежен к жизни, что и сам припоминаю. В это время чрез меня была выслана с Афона икона святого великомученика и целителя Пантелеимона для передачи в наш Новоузенский женский монастырь. Икона прибыла в мой дом в самый трудный перелом моей болезни, я сам [как бы] бессознательно потребовал, чтобы икону поставили у моего одра пред глазами,

в бессознательном же состоянии, как помню, я и молился угоднику помочь мне; и вот его предстательством я доселе здравствую и бодрствую, о чем описано было.

[Получил и ответ] на вопрос мой, когда бывает умиление сердца и иногда текут слезы, которые, по моему мнению, были незаслуженно. Я сомневался, не прелесть ли это, просил объяснения. Затем жаловался я на свою жизнь, что расстроил и связал себя, намекал еще на многое, что было не в моей власти. Из последних обстоятельств моей незавидной жизни, может быть, батюшка усматривал во мне лицемерие, а потому по долгу искреннего наставника отвечал со всею строгостию духовного судии, чего я вполне и заслуживал. Вот он прямо указывал, что человеческим советом нельзя указать исхода в неотразимых обстоятельствах. Указав на неведомые судьбы Божии, он утвердил мою мысль «предаться воле Божией». Так я доселе и руководствуюсь этим твердым и благим советом моего доброго батюшки и положил в моей душе поминать в своих недостойных молитвах иеросхимонахов Герасима и Иеронима, отца архимандрита Макария, что и доселе по возможности моей исполняю.

Это уже было последнее письмо моего дорогого и незабвенного батюшки отца Иеронима, руководителя и молитвенника к Богу! Вскоре получил известие о его блаженной кончине. Даруй ему, Господи, Царство Небесное и сотвори ему вечную память.

Этим и заканчиваю воспоминание моих писем. Многажды собирался писать это, но колебался, будет ли это у места. Наконец помысл внушил. Хотя небрежно и безграмотно, как видите, написано, но прошу достойнейших отцов принять для памяти в Бозе почивших старцев в подражание их усердия и любви о меньшей братии, искавших их отеческого духовного руководства, что не на одном мне совершилось во спасение.

Буди Богу нашему слава!

Р. С. Кончено вчерне 20 декабря 1900 года и до сих пор оставалось не исправлено. Теперь, Богу помогающе, окончив 20 же января 1902 года, предполагаю отослать в вашу святую обитель. Всегда искренне усердствующий к вам новоузенский купец

Павел Иванов Помельцов

ЗАКЛЮЧЕНИЕ К КНИГЕ ПЕРВОЙ

Однажды отцу Иерониму был предложен вопрос: что он оставит братии своей в назидание после смерти? «Святое Евангелие, — был ответ. — В нем — вся ваша жизнь, в нем поучайтесь, им руководствуйтесь».

Евангелие — это откровение Божие, это учение Самого Господа Иисуса Христа о том, каким должен стать человек, чтобы войти в Царствие Небесное. *Научитесь от Мене, — говорит Спаситель мира, — яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). *Будьте совершени, якоже Отец ваш Небесный совершен есть* (Мф. 5, 48). То есть человек должен очистить свою душу от греха и порока, стать добрым и святым. Евангелие от Иоанна заканчивается такими словами, что если бы подробно писать все, чему учил и о чем говорил Господь, то весь мир не мог бы вместить *пишемых книг* (см.: Ин. 21, 25). *Пишемые книги* — это предание святой Церкви, ее практический опыт, как человеку из ветхого, греховного преобразоваться в нового, благодатного; это житие святых отцов, в подвизе просиявших, их творения, в которых они описали свой личный опыт борьбы с грехом. Все они имели одну цель, одно средство для очищения — стяжание благодати Святого Духа, а отличались один от другого только условиями, временем, обстоятельствами жизни, личными качествами подвижника.

Одна из таких книг создана на Святой Горе Афон в Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре старцем-духовником иеросхимонахом Иеронимом. Книга эта — сама жизнь старца, долгая, святая и богоугодная, его душеспасительные творения и заповеди; это и сам богодухновенный устав святой обители, и совершенство ее духовного строя, созданного старцем. А продолжение этой книги — в осознании его последователями и всеми духовными чадами необходимости строгого исполнения старческих заветов и преемственности его трудов и подвигов. Книга старца есть не что иное, как практическое руководство для каждого христианина, и прежде всего для того, кто хочет спасти свою душу на Святой Горе в монастыре Русик. А в том, что отец Иероним обрел милость у Бога и пребывает в славе Его вечной, мы сомневаться не можем: не позволяет нам это сделать предание отцов афонских, ибо череп его желтого цвета имеем мы перед своими глазами тому в подтверждение.

«Так, боголюбезные отцы и братия мои, избранники Божии, — пишет он в духовном завещании, — получивши от Бога такие благо-

датные задатки и указания к благоугождению Ему в святом, то есть в совершенном и чистом, общежитии (ибо великие и многие милости были дарованы Богом обители «за сохранение ею совершенного общежития». — *Сост.*), понудим же себя и впредь навсегда ко исполнению и сохранению положенного и уже устроенного Богом в нашей обители общежительного устава, которым путеводились и спасались святые наши отцы. Сей святой устав учрежден весь на основании святого Евангелия богоносными отцами, а наиболее святителем Василием Великим... Даже и в настоящее время видим, что, которая обитель сохраняет этот устав, та находится в хорошем благоустроении и во славе и чести для всего монашества. Напротив того, видим, что, которые монастыри оставили богоугодный чин общежития, все расстроились, унизили своеволием равноангельную монашескую нравственность и тем уронили пред Церковью честь монашества (что, к великому огорчению, и случилось с нашей обителью. — *Сост.*), а многие из них и вовсе уничтожились».

Однажды апостолы, ученики Христовы, видя непосильную трудность в исполнении заповедей Божиих, спросили: *Кто же может спастись? Человеку это невозможно*, — отвечал Спаситель, — *Богу же все возможно* (Мф. 19, 25—26). «Нам дана благодать Божия, — подтверждает слова Господни отец Иероним, сам имея необыкновенную веру и упование на Бога, — ее-то будем просить и на нее надеяться, и она во славу Божию все уладит и из невозможного сделает возможное»¹. «Прошу не внимать возгласам зараженных современным духом неверия и расслабления, которые в братстве проводят такие мысли, что-де в настоящее время люди стали слабы и немощны, а потому и правила святителя Василия теперь уже не современны. Если такой лжи поверить, в таком случае и само святое Евангелие также будет уже не современно, потому что правила общежития утверждаются на основании святого Евангелия», — пишет он в духовном завещании.

Устав обители есть практическое руководство к исполнению заповедей евангельских в монастыре, и строгость его не должна устрашать и приводить в уныние так же, как человек не отчаивается, взирая на высоту нравственного учения святого Евангелия, но, сознавая свою немощь, недостойнство пред Богом, прибегает к Нему с покаянием и молитвой и получает прощение грехов и уверение, что *сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19). Так и нам, живущим и хотящим жить на Святой Горе, должно и необходимо всегда иметь пред собой пример отцов наших и, видя

¹ Письмо к отцу Макарию в Константинополь от 30 августа 1875 года.

великий их подвиг, строгость афонского устава, сознавать свое окаянство и недостойнство пребывания на Святой Горе, в уделе Царицы Небесной. Это смиренное чувство и в нашем сердце открывает место благодати Божией, и познаем, что и в нашей немощи сила Божия совершается (см.: 2 Кор. 12, 9), как то и было с тем братом, который нес послушание на гостинице и всегда просыпал к утрени, но всегда каялся в этом и всегда слышал от старца: «Бог простит». Но когда он попросил у духовника, чтобы тот дал ему «канон» за это, и, получив оный, лег ниц у входа церковного, прося у каждого выходящего прощения, то за смирение его и молитвы старческие исцелил его Господь от немощи сей, стал он вовремя приходить к началу службы, хоть и послушание гостиничное оставалось по-прежнему тяжелым.

Ослабление требований устава, облегчение его есть самообман. Евангельские заповеди нужно исполнять, но не приспособлять к своему развращенному естеству, иначе создается только видимость спасения: службу церковную я посещаю, послушание исполняю, вроде бы и не хуже других живу — что еще надо? Это ложное самоуспокоение. Здесь нет места спасительному покаянию, нет особой нужды и в помощи Божией: ведь у меня все хорошо, я во всем успеваю. Нет здесь скорбного самоотвержения, смиряющего, очищающего и предающего душу в руке Божии, ведь облегченный устав и не требует полностью оставлять свою волю, которая так сладка самолюбивому сердцу. *«Не обманывайтесь* (Гал. 6, 7), — говорит апостол, — *Господь вчера и сегодня остается Тот же»* (см.: Евр. 13, 8). И Царствие Небесное остается всегда обиталищем Всесвятого Бога, в Троице славимого, местом пребывания всех святых небесных сил бесплотных и душ святых праведников, от века благоугодивших Богу своей праведной и богоугодной жизнью, и ничто мерзкое и нечистое туда никогда не войдет. И путь туда остается прежним: узким, тернистым и скорбным.

Этот богодухновенный устав, отцами нам переданный и завещанный, наставления и завещания старца и духовника нашего отца Иеронима, собравшего и укрепившего русское общество на Афоне, поставившего его на должную высоту монашеского совершенства и давшего ему нужное направление на последующие времена до скончания века, должны быть знакомы всем, даже приезжающим поклонникам. Все должны сознавать, что Святой Афон — это не гостеприимное место отдыха от мирской суеты, но место, к которому следует относиться с особым благоговением, боясь нарушить священную тишину, жизненный ритм обители, в котором рождается молитва, ради которой Господь сохраняет мир.

*Параклис во имя преподобных Иеронима Стридонского
и Герасима Иорданского в Покровском корпусе
Русского монастыря. Фотография 1998 г.*

Содержание

Предисловие	4
Часть первая	
Жизнеописание иеросхимонаха Иеронима	
Жизнь в мире и российских монастырях (около 1806 года — 1836 год)	18
Приезд на Афон и жизнь на келлии (1836—1840)	35
Вселение в Русский Свято-Пантелеимонов монастырь (1840)	45
Личность старца	62
Преемник отца Арсения по благодати	72
Некоторые рассказы о благодатном устроении отца Иеронима	76
Начало деятельности в Русском монастыре (1840—1850-е годы)	80
Взаимные молитвы в духе любви	98
Покровительство Божией Матери и святого великомученика Пантелеимона Русской обители	109
Особое покровительство свыше отцу Иерониму	143
Воспитание отца Макария	149
Заботы повседневные. Укрепление внешнего и внутреннего положения обители (1860—1870-е годы)	159
«Благоугодно силе благодати Божией совершаться в немощи моей»	186
Управление обителью при престарелом игумене	198
«Греко-русский пантелеимоновский процесс» (1874—1875).	211
«Великая помощь Божия лелеет меня, как младенца...» ...	243
Нищелюбие и милосердие старца	250
Основание Ново-Афонского монастыря	262
Открытие подворий. Странноприимство старцев Иеронима и Макария	271
Просветительно-издательская деятельность. Собираание библиотеки	280
Расцвет Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря (1875—1885)	290
В евангельском духе строгого общежития	299
Молитва за царя	317
Рассказы из жизни духовной	321
Последние годы жизни старца	369
Последние страдания и кончина	380

Содержание

Отпевание, погребение. Духовное завещание	390
После смерти	398

Часть вторая

Духовное наследие иеросхимонаха Иеронима

Духовное завещание	414
Собственноручные келейные записки	419
Устав пустынной местности, именуемой Фиваида	512
Наставления братии	519
Изречения, слова, советы	532
Некоторые собственноручные записи	539
Устав Русского на Афоне святого великомученика и целителя Пантелеимона общежительного монастыря	542
Акафист святому Иоанну, Предтече и Крестителю Господню	596

Часть третья

Письма старца Иеронима

К родным и духовным чадам	608
К Ивану Фомичу Соломенцову	684
К отцу Макарию	705
К отцу Макарию в Константинополь во время «греко-русского процесса»	713
К архимандриту Леониду (Кавелину)	762
К братии Русского монастыря	769
Письма к разным лицам	772
Письма к Павлу Ивановичу Помельцову, возвращенные им в обитель со своими комментариями	782
Заключение к Книге первой	826

*П*росим помолиться о здравии
раба Божия Вячеслава,
оказавшего финансовую помощь в издании книги.

*Приносим благодарность дирекции и сотрудникам
Старооскольского краеведческого музея
за помощь при сборе фотоматериалов для книги.*